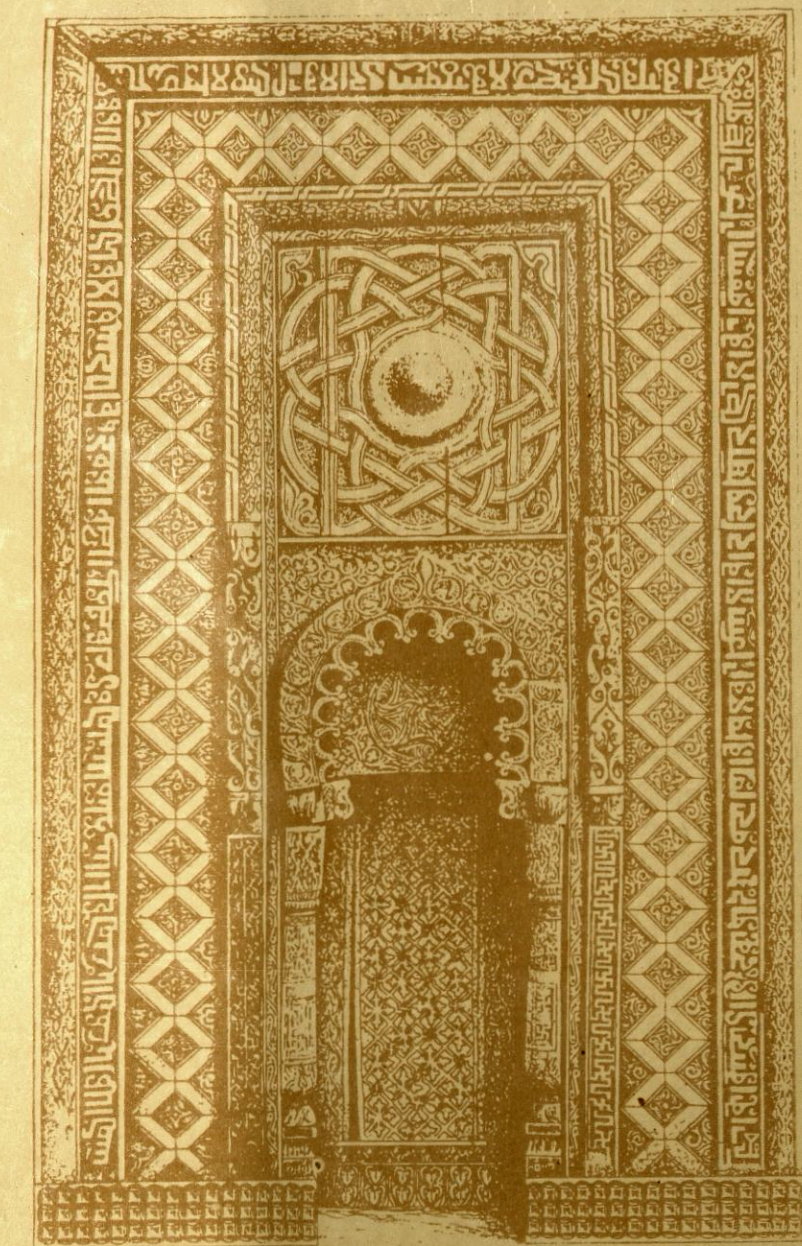

С. Хмельницкий

МЕЖДУ АРАБАМИ И ТЮРКАМИ

Архитектура Средней Азии IX-X вв.

С. Хмельницкий

МЕЖДУ АРАБАМИ И ТЮРКАМИ

Раннеисламская архитектура
Средней Азии

БЕРЛИН — РИГА
1992

Название этой книги не следует, конечно, понимать как умаление большой роли тюркских народов в развитии цивилизации и культуры Средней Азии. Здесь имеется в виду не более чем период времени, ограниченный с одной стороны включением региона Средней Азии в состав Арабского халифата, с другой — переходом власти к местным династиям тюркского происхождения, Караханидам и Сельджукам.

Что касается читателей, то я надеюсь внушить им мысль, что архитектура Средней Азии — самая прекрасная из архитектур стран ислама, а 9—10 вв. — самое прекрасное время в истории этой архитектуры.

ВВЕДЕНИЕ

Художественное и историческое значение архитектуры Средней Азии 9—10 веков в самых общих чертах определяется тем, что это была архитектура недавно утвердившегося ислама. Арабское завоевание, растянувшееся здесь на целое столетие, было — в исторической перспективе — не столько политическим захватом, сколько идеологическим и культурным переворотом, который определил особенности истории Средней Азии, ее духовной жизни, культуры и искусства на много веков вперед, вплоть до нашего времени. Именно политические последствия арабской экспансии в Среднюю Азию оказались наименее долговечными: уже в 10 в. страна фактически отделилась от Халифата и превратилась в государство, возглавленное местной династией. Но это было другое государство с другой общественной организацией, психологией и культурой. Новая религия и принесенные ею новые представления о мире, человеческих отношениях, морали, новые духовные и эстетические ценности утвердились здесь с поразительной быстротой и навсегда.

Феномен «исламизации» Средней Азии (арабы называли ее Мавераннахр, — «то, что за рекой», то есть пространства между реками Амударья и Сырдарья и далее, на север и восток) в известной мере похож на победу христианства в Римской империи: и там это был культурный переворот общемирового значения, который подвел черту под «языческой» античной культурой и лег в основу новой средневековой культуры, качественно иной по своему содержанию и форме, хотя и сохранившей известные черты старой культуры. Однако это сходство поверхностно. Христианство, ко времени своей победы на Западе, существовало здесь уже 400 лет, имело многие тысячи активных приверженцев, церковные организации и говорило с людьми на всем понятном латинском языке. Оно выросло и окрепло в Империи, было частью ее истории и духовной культуры. Исламу же, к моменту его утверждения в Мавераннахре, не было и 200 лет, и принёс его сюда враждебный чужой этнос, завоеватели из далёкой и едва ли многим тогда известной страны, говорившие на непонятном чужом языке, и к тому же — в большинстве своём — кочевники, то есть, с точки зрения оседлых горожан и земледельцев — малокультурные люди, почти дикари. Нет никаких

свидетельств, что до арабского вторжения в Среднюю Азию тут была хоть одна мусульманская община, или что здесь побывал какой-либо проповедник ислама.

Военно-политическая победа арабов в Мавераннахре понятна: страна, расколотая на множество мелких и враждебных друг другу владений, не могла устоять перед хорошо организованной силой вторжения, воодушевленной мессианской религиозной идеей и действующей от имени могучего победоносного государства. Пожалуй, удивительно лишь то, что для победы над сасанидским Ираном — обширной централизованной империей — арабам потребовалось около 10 лет, тогда как завоевание меньшей по размерам и политически раздробленной Средней Азии затянулось на столетие.

Менее понятен быстрый успех «исламизации» Средней Азии (как, впрочем, и Ирана, и других завоеванных арабами стран) — своего рода духовной и культурной мутации, которая существенно изменила природу древней среднеазиатской цивилизации и придала ей, так сказать, новый цвет и вкус. Этот успех нельзя объяснить принуждением. Если испанцы, утверждая в 16 веке христианство в Америке, жестоко боролись с местными религиями, разрушали храмы, убивали священников и силой принуждали людей креститься, то в Средней Азии ничего подобного, по-видимому, не происходило. Во всяком случае, до нас не дошло известий о том, что арабы-мусульмане заставляли местное население принять ислам, что они уничтожали буддийские, христианские, зороастрийские храмы и святилища других распространенных в Средней Азии религий, или что они преследовали священников этих религий. Правда, известны случаи, когда завоеватели превращали некоторые церкви в мечети, — но эти случаи следует, видимо, рассматривать не как акции религиозного преследования, а как удовлетворение духовных потребностей пришельцев, — так же, как, захватив Бухару, арабы присвоили половину богатых жилищ, на этот раз удовлетворив свои бытовые потребности. Вскоре, впрочем, строительство новых мечетей и основание укрепленных арабских поселений — «рабагов» — сделали эти жестокие акции ненужными.

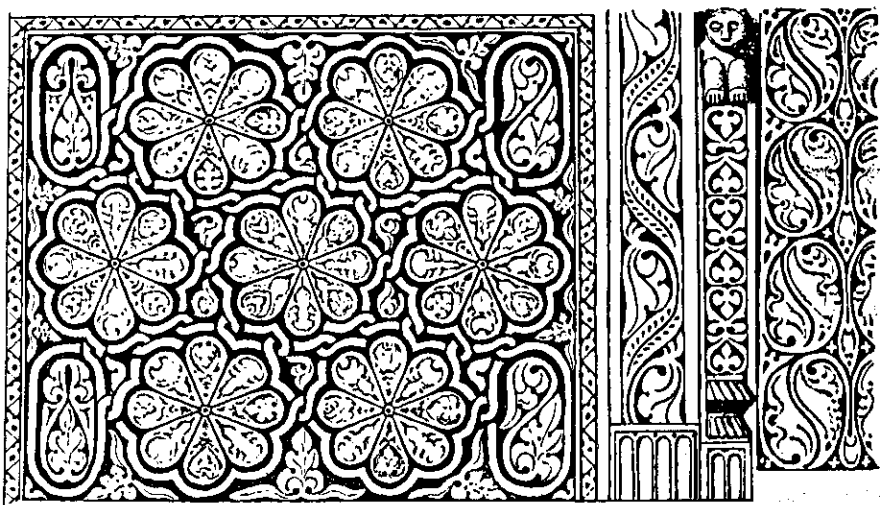
Утверждение ислама и его идеологических норм не привело, однако, в Средней Азии и

Иране к массовой «арабизации», как это случилось на Ближнем Востоке и в Северной Африке, где практически всё население стало говорить по-арабски, забыв прежние языки, и в большой мере переняло образ жизни завоевателей. В Средней Азии и Иране арабский язык стал языком религии и науки, оказал влияние на местные языки (иранские и тюркские), но массовым разговорным языком не стал. Этого и не потребовалось для того, чтобы культурный переворот исламизации одержал здесь сравнительно быструю, хотя и далеко не бескровную победу. Важным следствием этой победы было вхождение Средней Азии как равноправного члена в «мир ислама» — регион, растянувшийся от границ Индии до Атлантического океана, пёстрый по этническому составу и историческим традициям, но сцементированный духом новой религии. Как известно, раствор этот оказался очень прочным, много прочнее долговечных политических границ. Перед учёными и полководцами, мастерами и художниками Мавераннахра внезапно раскрылись дороги в Дамаск и Багдад, к берегам Нила и Эбро. Этнические границы как будто перестали существовать. В начале 9 в. Мерв, главный город северного Хорасана, стал даже на некоторое время (809—818 гг.) столицей Халифата, а когда правивший здесь халиф аль-Мамун с победой вернулся в Багдад, вместе с ним пришли отряды из Средней Азии (Хорезма и Ферганы), заселившие целый район Багдада. Их начальники, среднеазиатские аристократы, получили в Багдаде важные посты. Несколько позже Хайдар ибн Кабус, правитель области Истаравшан (Уструшана) в Средней Азии, выдвинулся как полководец и государственный деятель Халифата: он подавил восстание в Египте, был наместником Джибала (область к востоку и северо-востоку от Тигра) и командовал войсками Халифата, подавлявшими антиарабское движение Бабека в Азербайджане. В 838 г. Хайдар, во главе 30-тысячного тюркского отряда, разбил войско византийского императора Феофила, а позже активно участвовал в осаде и захвате византий-

ского города Амория. Арабский поэт аль-Хусейн ибн ад-Даххак воспел эту победу в касыде, назвав Хайдара «потомком Кабуса, царя неарабов». Во время борьбы с Бабеком среди военачальников Хайдара ибн Кабуса был бухар-худат (древний титул владетеля Бухары) Мухаммед ибн Ахмед — внук бухар-худата Буниата, упорно сопротивлявшегося когда-то арабскому вторжению. Хорошо известно, какую важную (даже решающую) роль в свержении династии Омейядов и воцарении Аббасидов сыграли среднеазиатские подданные Халифата, жители Хорасана и Мавераннахра в середине 8 в. Уже тогда население Средней Азии, вчерашние маздеисты, христиане и буддисты, активно участвовали в политической борьбе, неразрывно связанной тогда с религиозными проблемами Халифата, и ощущали эти проблемы своими.

В этой связи едва ли случайно, что именно с победой Аббасидов в архитектуре Ближнего Востока заметно усиливается влияние приёмов и форм архитектуры среднеазиатско-иранского региона, таких, как сочетание замкнутого двора с глубоким сводчатым залом-айваном, открытым во двор, стрельчатые (а не круглые и не в форме подковы) арки, устройство «слепых» аркад в верхних частях фасадов, характерная узорчатая кирпичная кладка и некоторые другие. Есть и прямое свидетельство того, что мастера-строители и учёные из Средней Азии приглашались — для выполнения сложных работ — в далёкие западные области Халифата. В 862 г. в Фустате, будущем Каире, был построен так называемый Ниломер — большой каменный колодец сложного устройства, соединённый каналами с Нилом и предназначенный для измерения уровня воды в реке. Руководил строительством этого уникального сооружения среднеазиатский математик и астроном Ахмед ибн Мухаммед аль-Хасиб, родом из Ферганы.

Поразительный феномен исламизации оказал, конечно, существенное воздействие и на архитектуру Средней Азии, и на её искусство. Фигуративное искусство хотя не исчезло совсем (оно не исчезло и в других областях мусульманского

Усадьба на городище Сайёд. Резной декор стен в помещении 30.

Дворец 11—12 вв. в Хулбуке. Настенная роспись с изображением аркады с музыкантами.

мира), но применение его существенно сократилось, и в нём стали развиваться всё более преобладающие орнаментальные мотивы. Регулярно организованный, расстилающийся по плоскости узор стал выражением художественных вкусов новой эпохи, подавляя и растворяя в себе изобразительные элементы. Видимо, прекратило существование искусство объёмной (в трёх измерениях) скульптуры, особенно тесно связанное с прошлыми, побеждёнными исламом религиями, — ни одного образца скульптуры 9—10 веков в Средней Азии пока не найдено, хотя, может быть, в то время она ещё не полностью исчезла. Правда, небольшие скульптурные изображения ещё употреблялись в 9—10 вв. как элементы архитектуры, — так, при раскопках усадьбы этого времени на юге Таджикистана была найдена алебастровая фигурка льва, примитивная, но не лишенная выразительности, которая служила капителью декоративной колонки. В этой же области была обнаружена настенная роспись с изображением музыкантов, одетых и полуобнаженных, сидящих под арками, — свидетельство того, что сюжетные настенные росписи, столь распространённые в Средней Азии в доисламское время, тогда ещё не вышли из употребления.

Что касается архитектуры, то её состояние и развитие в 9—10 вв. представляет собой, безусловно, важнейший, воистину узловый пункт её истории. С древности в Средней Азии было принято возводить новые здания на остатках более старых, — руины не сносили, а использовали их как основание, пьедестал для новой постройки. Так, образно говоря, возникла и раннеисламская архитектура Средней Азии: на фундаменте древних технических приёмов, художественных традиций и традиционных образов

было возведено новое здание, воплотившее изменившиеся представления о мире, обществе и человеке, и соответственно — новые художественные, моральные и религиозные идеалы, новые представления о величии и красоте. Прямым следствием и свидетельством победы ислама в Средней Азии стали постройки, прямо или косвенно связанные с потребностью новой, теперь уже государственной религии. Таковыми в первую очередь были, конечно, мечети, в облике и устройстве которых особенно наглядно выразилась перемена духовных и эстетических ценностей общества. Первые мечети строились, видимо, по западному арабскому образцу, но очень скоро были найдены их местные, вполне своеобразные формы, отвечающие местным строительным традициям и вкусам. Несколько позже появились «ханак» — нечто вроде монастырей мусульманских «монахов» — дервишей, с молитвенными залами, залами для собраний и общежитиями, и медресе — высшие религиозные школы, в которых преподавались и светские науки. Причём, если ханак возникли на западе исламского мира (как следствие распространения мистического учения — суфизма, сперва еретического, а затем акцептированного официальным богословием), то медресе, по всей вероятности, зародились в восточноиранских землях, то есть в Средней Азии, и отсюда распространились на запад.

Надгробные мавзолеи, традиционный объект монументальной архитектуры ислама, широко распространённые во всём мусульманском мире, возникли в 9 в. как объекты не сакрального, а вполне светского назначения. Ранний ислам относился резко отрицательно к попыткам увековечить память о человеке при помощи монументального надгробия, — он подозревал здесь

греховное обожествление человеческой личности и следование отвергаемой античной (отчасти и христианской) традиции. Первые мусульманские мавзолеи были, таким образом, нарушением этических норм ислама, утверждавшего — перед лицом смерти — равенство халифа и простого человека. Поэтому ранние мавзолеи в Средней Азии возводились над могилами светских правителей и к религиозной архитектуре, строго говоря, отношения не имели. Объектами религиозного поклонения, «мазарами» они стали позже, когда распространившееся учение суфизма сделало популярным в странах ислама культ святых могил.

Косвенным следствием победы ислама в Средней Азии нужно считать и появление здесь такого совершенно нового типа зданий, как караван-сарай — обычно большого, построенного в монументальных формах сооружения с функциями гостиницы, торговых помещений и складов. Караван-сарай строились в городах и на больших торговых путях. Их строительство было наглядным свидетельством того экономического и культурного расцвета, который наступил в Средней Азии сначала в рамках Халифата, позже — в границах собственных национальных государств. Любопытно, что хотя по землям Средней Азии с древних времён проходил Великий шелковый путь — трансазиатская торговая магистраль, связывавшая средиземноморский Запад с дальним Востоком, — и что, по данным археологии, в доисламской Средней Азии в транзитную торговлю были вовлечены большие группы населения, — никаких признаков караван-сараяв доисламского времени здесь обнаружить не удалось. Едва ли торговый путь, растянувшийся на тысячи миль, мог и тогда обойтись без подобных станций, — но если они и были, то представляли собой недолговечные, утилитарные постройки, лишённые репрезентативных функций. Наоборот, мусульманские караван-сарай и в раннее, и в более позднее время были не только стоянками и торговыми факториями, но и свидетельствовали своей величественной архитектурой о богатстве и силе государства, и в этом качестве были выражением новой общественной идеологии, возникшей и развившейся на духовной почве ислама. Об этой внутренней связи свидетельствует и традиционное в Средней Азии и Иране название караван-сарая — «рабат», — так назывались первые поселения арабских «борцов за веру», переселявшихся в Среднюю Азию в эпоху её завоевания. В этой связи неслучайно, может быть, и то, что арабский историк Табари (начало 10 в.), рассказывая о наместнике Хорасана Асаде ибн Абдаллахе, отметил его как строителя «гостиниц в степи»: «Приходит туда странник с востока, приходит другой с запада, и не находят они там недостатка».

Есть основания думать, что в бурное время арабского завоевания, охватившее собой почти весь 8 век, характер строительного искусства и архитектуры Средней Азии почти не изменил-

ся. Строительство первых мечетей не могло изменить общей картины, прочие же постройки, жилые и общественные, возводились руками местных мастеров с сохранением традиционных форм и устройства. Перелом наступил в 9 в., когда исламизация Мавераннахра, Хорезма и Хорасана была в основном завершена, эти области — нынешняя Средняя Азия — стали неотъемлемой хозяйственной и культурной частью исламского мира, и на этой основе произошли необратимые идеологические сдвиги общественного сознания.

Реальные постройки, сохранившиеся от этой эпохи, к сожалению, очень немногочисленны. Письменные же свидетельства современников и более поздних историков хотя и сохранились в довольно большом количестве, но обычно очень лаконичны и малоконкретны. Отождествление населённых пунктов и архитектурных объектов, упомянутых в исторических сочинениях, с ныне существующими или открытыми археологами — нередко дискуссионно, далеко не всегда поддаётся однозначному решению. Историческая география Средней Азии времени раннего ислама изучена пока ещё довольно слабо и неравномерно.

Это, к сожалению, не единственная трудность, возникающая при изучении архитектуры Средней Азии 9—10 веков. Основная сложность заключается, пожалуй, в отсутствии объективных критериев для датировки памятников этой эпохи. Среднеазиатская архитектура этого времени — как, впрочем, и предыдущего и более позднего — практически анонимна. Она, как правило, лишена надписей с датами и именами, столь обычных для монументальных зданий ислама после 12 века. Если же такие надписи и есть, то и они допускают различные толкования. Например, сохранившаяся на мавзолее дата может означать как время постройки, так и дату смерти похороненного здесь лица, дата на мечети — время основания или очередного ремонта, и т. п. Возраст здания может быть с достаточной точностью определён археологическими исследованиями, с помощью находок (монет, черепков посуды с датирующими признаками и пр.), но таких предметов может не оказаться, да и раскопки не всегда возможны и не всегда дают бесспорный ответ. Столь же рискованно при определении времени строительства опираться и на данные стилистического анализа. Чёткой стилистической границы между архитектурой Средней Азии 9—10 веков и соседних веков не существует: многие черты доисламского «согдийского» стиля сохранялись в архитектуре рассматриваемого времени, особенно в области гражданского (жилищного) строительства, верхняя же стилистическая граница эпохи ещё более размыта, хотя в дальней временной перспективе ощущается вполне отчётливо. Кроме того, архитектурных памятников этой эпохи с ясно выраженными стилистическими особенностями и бесспорной датировкой сохранилось так немного, что делать на основе этого

узкого базиса какие-либо широкие обобщения было бы опасно. Известно немало ошибок, вызванных тем, что тот или иной композиционный приём, та или иная архитектурная форма объявлялись особенностью и созданием именно этой эпохи, — впоследствии же выяснялось, что они значительно древнее. К ошибкам приводили и спекулятивные рассуждения об эволюции отдельных архитектурных форм (например, порталов), базировавшиеся на недостаточно широком фактическом материале.

В деле датировки и атрибуции не всегда можно довериться и народной традиции, которая часто вводит реальные памятники в круг легендарных или сказочных образов, подчас очень «удревяет» или, наоборот, «омолаживает» памятники архитектуры, а иногда и забывает их подлинное первоначальное назначение. Местное население стремится осмыслить поражающие воображение древние здания по-своему, в возвышенно-религиозном духе, и часто превращает в духовные святыни, окружает мистическим ореолом сооружения вполне гражданского назначения.

Парадоксально, но архитектура Средней Азии 9—10 веков известна сейчас меньше и изучена хуже, чем архитектура предыдущей эпохи, 5—8 веков, то есть раннего доисламского средневековья, чьи памятники в довольно большом количестве раскопаны и изучены археологами. Тем не менее материал постепенно накапливается и осмысливается, и кропотливая работа исследователей настолько увеличила корпус бесспорных сооружений рассматриваемой здесь эпохи, что уже сейчас можно говорить и об общих особенностях этой архитектуры, и о её локальных качествах. Утверждение новых идей, воплощение нового духа, трансформация древних традиций, — все эти события достаточно ясно прослеживаются теперь на не слишком обширном, но очень выразительном архитектурном материале. Узловое звено между «языческими» (с точки зрения ислама) 5—8 вв. и 11—12 вв., временем классической среднеазиатской архитектуры, определившее тенденции её развития на много веков вперёд, — это звено становится всё более отчётливым.

И всё же в изучении раннеисламской архитектуры Средней Азии остаётся достаточно нерешённых проблем, общих и частных, о которых в дальнейшем изложении будет рассказано. В некоторых случаях будет предложено решение вопросов, не всегда совпадающее с общепринятым сейчас. В целом же предлагаемая работа основана как на собственных наблюдениях автора, так и — главным образом — на многочисленных работах моих советских коллег, историков архитектуры и археологов, неутомимых открывателей и исследователей этой загадочной, притягательной, прекрасной страницы истории архитектуры Средней Азии. Публикаций на эту тему много, постоянно появляются новые, но почти все они не выходят за рамки статей, посвящен-

ных отдельным объектам или локальным проблемам. Попытки обобщения редки и не охватывают весь корпус известного ныне материала. Эта книга, таким образом, ставит своей целью свести воедино весь (или, говоря осторожней, почти весь) доступный архитектурно-археологический материал и проследить тенденции развития исламской архитектуры Средней Азии на её раннем этапе. Насколько мне известно, такая попытка делается впервые.

Остаётся подчеркнуть ещё два момента.

Первый. Всё ещё, и в сравнительно новых изданиях, видна тенденция рассматривать архитектуру Средней Азии (северного Хорасана, Мавераннахра-Трансоксании, Хорезма и Семиречья) как часть архитектуры Ирана, как её провинциальную школу. Это представление неверно. Несомненно многообразное сходство культур Средней Азии, Ирана и Афганистана, объясняющееся географической и этнической близостью этих стран, общностью их исторической судьбы, а после 8 в. — и принадлежностью их к духовному миру ислама. Культурная диффузия — нормальное явление в истории народов и стран. Но так же несомненно и научно доказано, что Средняя Азия — древний Туран — всегда имела самостоятельную материальную культуру, собственные и вполне своеобразное искусство и архитектуру. Игнорировать это обстоятельство так же неправильно, как утверждать, что романская архитектура Германии есть провинциальная разновидность романской архитектуры Франции или наоборот: принадлежность общей цивилизации, в Европе или в Центральной Азии, не означает приоритета одной региональной культуры перед другой.

Это положение представляется важным, и одна из задач данной книги — проиллюстрировать его на убедительных примерах.

Второе. Многие образцы раннеисламской архитектуры Средней Азии представляют собой, по моему убеждению, художественные шедевры, достойные мировой известности. Они прекрасны независимо от их исторического значения, созерцание их вызывает глубокие духовные переживания, доставляет эстетическую радость всем людям, независимо от их знания истории архитектуры и интереса к ней. Представления автора о генезисе архитектурных образов и форм могут быть ошибочны, и ответственность за это несёт он сам, прежде всего перед специалистами. Здесь, однако, речь идёт о выдающихся ценностях искусства, неизвестных или очень мало известных на Западе, и простое знакомство с этими ценностями кажется мне достаточно важным. Моё восхищение лучшими памятниками архитектуры этой блестящей и странной эпохи, удовольствие от духовного общения с ними — чувства, которые никогда не покидали меня во время моей профессиональной деятельности — хотелось бы мне передать читателям этой книги. Однако Аллах знает лучше.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН

В 651 г. арабские отряды, преследуя последнего сасанидского шаха Йездигерда III, овладели Мервом — древним городом и столицей северного Хорасана. Сам Йездигерд, скрывавшийся в Мерве, был незадолго до того убит здесь по приказу изменившего ему наместника. Власть Сасанидов в Иране и Хорасане окончательно пала.

Мерв стал резиденцией наместников Халифата в Хорасане и опорным пунктом для захвата земель, лежащих за Амударьей — Мавераннахра. В центре города была построена мечеть, несколько позже, у западных ворот — другая (её уже в 10 в. называли Старой мечетью), и вскоре в окрестности Мерва из Басры и Куфы было переселено 50 тысяч арабов с семьями, — из них в 5 селениях были составлены гарнизоны.

Арабское предание гласит, что сам пророк Мухаммед считал покорение Мавераннахра священной и почётной обязанностью мусульман. Хотя пророк предполагал, несомненно, не только политическое, но и «духовное» завоевание страны согласно концепции «священной войны» — «джихад», омейядские халифы этой программой явно пренебрегали. Первые набеги на Мавераннахр, начатые через 3 года после захвата Мерва, не ставили своей целью его исламизацию и даже прочное завоевание: арабские отряды осаждали тот или иной город (чаще всего близко лежащую Бухару и соседние города), захватывали добычу и пленных, вымогали выкуп и возвращались. При этом — уже тогда! — нападая на то или иное владение, арабы пользовались добровольной помощью других местных правителей, жадных до добычи и не смущавшихся тем, что воюют против земляков на стороне враждебных пришельцев. Попытки «исламизации» союзников и населения ограбленных городов арабы до начала 8 в. как будто не делали.

Бывало, что походы арабов заканчивались их поражением; бывало также, что жители Мавераннахра — согдийцы и турки — помогали войскам Халифата громить восставших арабских военачальников, захвативших какой-либо город. Отношения были сложны, но ограничивались — со среднеазиатской стороны — высшим правящим слоем, правителями разрозненных владений и согдийским рыцарством, которые храбро сражались за независимость, но и не упускали

случая участвовать в грабеже соседей. Планомерное завоевание и исламизация Мавераннахра начались в 705 г., когда наместником Хорасана был назначен Кутейба ибн Муслим, опытный полководец и коварный политик. Теперь арабы не уходили из захваченных городов, а оставляли там гарнизоны, вытесняя жителей из их домов, основывая поселения-лагеря «борцов за веру» — рабаты. По приказу Кутейбы были построены первые мечети в Бухаре, Самарканде и некоторых других местах. Население склонялось к принятию ислама не столько проповедью миссионеров (о них мало что известно), сколько экономическими мерами: новообращённые мусульмане освобождались от налога-«джизы», который должны были платить «неверные». Это был очень действенный способ. Важную роль играл и пример местных правителей, для которых принятие ислама означало сохранение их власти, привилегий и некоторого (пусть ограниченного) суверенитета, а также помощь арабов в борьбе с другими правителями. Правда, войска вассальных правителей должны были участвовать в походах арабов против ещё независимых владений, но «клиенты» шли на это как будто вполне охотно: в 712 г. во время похода на Самарканд бухарцы и хорезмийцы активно сражались на стороне арабов, и самаркандский царь-«ихшид» Гурек упрекал Кутейбу в том, что он побеждает только благодаря «братьям и родственникам» своего врага. Взяв Самарканд, арабы и их союзники разграбили городские храмы, а находящиеся там идолы были сожжены — к ужасу населения и самого Гурека. Это, как будто, единственный известный случай прямой расправы мусульман с символами ненавистного им язычества.

Завоевание Средней Азии знало, конечно, не только случаи предательства и бессовестного пособничества врагу. Оно изобилует примерами героического сопротивления, блестящих (хотя и не решающих) побед над арабами и их союзниками, и многочисленными восстаниями в уже покорённых областях. Последние, впрочем, никогда не имели чётко выраженной религиозной мотивации, а вызывались экономическими причинами: время от времени наместники омейядских халифов пытались взимать с новообращённых мусульман «джизью», — налог, который платили «неверные», — это почти всегда

вызывало вооружённое сопротивление и даже возвращение к прежним религиям. С отменой несправедливого налога обычно прекращалось и восстание. В 728 г. к восставшим согдийцам (к которым присоединилось и много возмущённых несправедливостью арабов) обратилась группа проповедников с призывом вернуться к исламу, — конечно, с условием освобождения от джизы. «И поспешили люди принять ислам», — заканчивает этот рассказ историк Табари. Были и другие, не экономические, но действенные способы привлечения людей к новой религии, — так, халиф Омар разрешил новообращённым не подвергаться обрезанию, если они этого не хотят. Позже решение наместника взимать с необрезанных мусульман джизью вызвало в Согде массовое восстание, подавленное не сразу и с трудом.

К середине 8 в. почти все земли Средней Азии (Хорасан, Мавераннахр, Хорезм, Фергана и др.) были политически подчинены Халифату: их правители признали себя вассалами наместника, сидящего в Мерве. Повсюду учреждались мечети; городом считалось лишь то место, где имела большая «пятничная» мечеть. Число людей, принявших ислам, быстро росло. Однако исламизация страны была далеко не завершена. Ещё существовали во многих городах и сёлах общины христиан (несториан и якобитов), зороастрийцев, манихеев и буддистов. В стремлении завоевать души ислам не отказывался и от компромиссов: знаменитый Абу Муслим, которому династия Аббасидов обязана своей победой над Омейядами, признал не противоречащими исламу верования зороастрийцев, в том числе и учение о переселении душ (метампсихоз), и этим привлёк на свою сторону в течение одного дня население шестидесяти деревень — как земледельцев, так и сельских аристократов-«дехкан».

Известна решающая роль, которую сыграли восточные области Халифата — Хорасан и Мавераннахр — в деле свержения Омейядов и установления власти Аббасидов. Средняя Азия, однако, продолжала клекотать и при новой власти, переселившейся из Дамаска в Багдад. Всю вторую половину 8 в. страну сотрясали восстания, иногда настолько успешные, что под угрозой оказывались и власть аббасидских наместников, и даже само господство ислама. Самое мощное восстание (по сути — гражданская война), которое возглавил Муканна, длилось 4 года и было подавлено с большим трудом. Хотя восстание шло под шийтскими лозунгами, оно по сути было последней отчаянной попыткой сопротивления исламизации Мавераннахра: и сам Муканна, объявивший себя «воплощением божества», и окружавшие его «люди в белых одеждах» исповедовали учение Маздака, его последователей хуремитов и, видимо, какую-то форму манихейства. В подвластных ему областях Муканна отменял установления шариата и восстанавливал прежние, доисламские обычаи. Однако в городах, где ислам уже укрепился, и в среде

аристократов-дехкан пропаганда Муканны имела мало успеха, — за ним пошло, в основном, сельское население, среди которого было ещё много «язычников». Для этих людей, — да и для многих других, внешне принявших ислам, — новая вера означала не только чужую власть: она ломала привычный образ жизни, отвергала традиционные духовные ценности, принуждала отказываться от обычаев и даже бытовых привычек. Однако время было упущено, исламизация Средней Азии зашла уже слишком далеко, и разгром восставших означал окончательное утверждение ислама в Мавераннахре. Все последующие восстания уже не имели антиисламского характера.

В начале 9 в. Средняя Азия стала, наконец, не только равноправной, но и важной частью Халифата. В этом была заслуга наместника, а позже халифа аль-Мамуна, который заботился о хозяйственном процветании страны (например, снизил налоги) и приближал к себе местных феодалов-аристократов, давал им ответственные должности в управлении и войске. Арабы потеряли привилегии, ставившие их выше местного населения. Как говорилось, много среднеазиатских аристократов-дехкан прибыли с аль-Мамуном в Багдад, где они получили важные государственные посты, а отряды хорезмийцев и ферганцев заселили целый район Багдада. При аль-Мамуне были окончательно покорены последние независимые владения Средней Азии — Уструшана, Фергана и Чач (Ташкент), и этим было завершено политическое объединение Средней Азии в рамках Халифата.

Следствием этого было культурное сближение Средней Азии и Ближнего Востока. Арабский язык, язык Корана, становится также языком религиозной и светской науки. Согдийский, хорезмийский и другие местные языки быстро уступают место персидскому языку («дарри»), который становится также вторым разговорным языком аббасидского двора. Это, в свою очередь, уменьшило культурную обособленность Мавераннахра от Ирана и Хорасана, — сасанидские культурные традиции воспринимаются здесь теперь всё более как свои, как единый исторический фундамент культуры огромного «ирано-туранского» региона. Это самосознание укрепляется, получает политическое обоснование в 9 в., когда аббасидскими наместниками в Хорасане и Средней Азии становятся представители местных аристократических родов — Тахириды и Саманиды.

Обстоятельства возвышения этих династий, которое привело сначала к фактическому, а потом и официальному отделению Средней Азии от Халифата, сложны и не всегда ясны. Их подробное рассмотрение не входит в задачу этой книги. В кратком изложении эти события, столь важные для дальнейшей судьбы Ирана и Средней Азии, выглядели так.

Халиф аль-Мамун, завладевший тронном благодаря поддержке своих среднеазиатских и хорасанских подданных, приближал их к себе

и отмечал высокими должностями. Так наместником Хорасана впервые стал неараб — Тахир ибн Хусейн, владетель города Бушенг недалеко от Герата, помощник аль-Мауна в борьбе за трон и бывший начальник военных сил Халифата. Тахир правил как независимый правитель, но когда в 822 г. имя халифа по его приказу не было упомянуто в хутбе (молитве в честь верховного правителя-сюзерена), что означало разрыв с Багдадом, — Тахир внезапно умер, видимо, от яда. Тем не менее халиф утвердил правителями Хорасана последовательно двух сыновей Тахира, затем внука и его потомков, — видимо, потому, что родственники и земляки Тахиридов занимали высокие должности в Багдаде.

Тахириды покровительствовали духовенству и насаждали ислам, — при них он был внедрён в Уструшане, где всё ещё сохранился зороастризм. Они проявляли известный демократизм и покровительствовали науке, — так, сын Тахира Абдаллах заявил: «Науку следует предоставлять достойным и недостойным; наука сама позаботится о себе, чтобы не остаться у недостойного». Эти указания выполнялись, причём под «наукой» в то рациональное время понималось не только мусульманское богословие, но и светские прикладные знания. Абдаллах защищал интересы крестьян, мотивируя это тем, что «Бог их руками нас кормит, их устами нас приветствует и запрещает их обижать». Сам Абдаллах, как и Тахир, был поэтом, а его племянник Мансур, правитель Мерва, Амуля и Хорезма был известен как философ; Абдаллах с гордостью называл его «мудростью Тахиридов». «Просвещенный абсолютизм» Тахиридов был причиной того, что время их правления стало первым периодом расцвета, культурного и экономического, Средней Азии и Хорасана в рамках исламской общности. При этом Тахириды сохраняли формальную верность Багдаду, несмотря на фактическую независимость и явную неприязнь к ним аббасидских халифов.

Укрепляя ислам, эта иранская династия в своей культурной политике подчёркивала свою связь с иранской традицией, что свидетельствовало о её самостоятельности и отвечало настроениям подданных-иранцев. Тахириды поощряли придворных поэтов, которые сравнивали их с царями и героями древнего Ирана, а в библиотеке Мерва собирали иранскую литературу. Слав культурного наследия иранской (языческой) древности с исламским (арабским по происхождению) духом определил характер культуры Ирана, как и Средней Азии, на будущие времена.

Власть Тахиридов пала в 873 г., когда в Нишапуре, новую столицу Хорасана, вступили войска и Амра ибн Лейса. Оба были низкого происхождения, Якуб — медник, «саффар» (отсюда название новой династии — Саффарида), Амр — погонщик мулов. Выдвинулись они благодаря личному мужеству и уму, начав с предводителей разбойничьей шайки и затем примкнув к движению «газиев» — «борцов за веру». Захватив ряд

областей в нынешнем Афганистане, они быстро расширили свои владения, и в 874 г. халиф признал Якуба правителем Хорасана. Позже Якуб предпринял поход на Багдад, но потерпел поражение и вскоре умер. Он оставил после себя огромные богатства и сильную армию, которая возвела на трон Амра. Этот последний тотчас выразил покорность халифу, благодаря чему был утверждён наместником Хорасана и некоторых восточных областей Ирана. Постоянно уверяя халифа в своей преданности, Амр, однако, перестал отсылать в Багдад дань, ограничиваясь случайными подарками. Это означало, по воззрениям средневековья, что Амр — властитель одинакового с халифом ранга, то есть независим от него. Он был первым из исламских правителей, кто заменил в пятничной молитве-«хутбе» имя халифа на своё собственное и стал чеканить на монетах своё имя и имя своего отца, — опять-таки вместо имени халифа. Политическая зависимость восточных областей Халифата от центра становилась всё более формальной, хотя известный декорум и соблюдался; судьба этих областей определялась теперь противоборством местных сил, фактически без участия арабов.

Попытка Амра присоединить к своим владениям Мавераннахр оказалась для него роковой. Там уже правила местная таджикская (восточноиранская) династия Саманидов, и возглавлял её человек, талантами и энергией не уступавший бывшему погонщику мулов. Этой династии было суждено сыграть в истории Средней Азии и, в частности, в истории её архитектуры исключительную роль.

Основателем династии был Саман, уроженец Термеза, Самарканда или Балха, принявший ислам и состоявший на службе у наместника Хорасана. Его внуки Нух, Ахмад, Яхья и Ильяс служили уже самому халифу, по приказу которого наместник Хорасана дал им в управление четыре области: старший, Нух, получил Самарканд, Ахмад — Фергану, Яхья — Шаш и Уструшану, Ильяс — Герат. Братья были независимыми друг от друга правителями, но ощущали себя одним родом, и младшие братья чеканили монеты не от своего имени, а от имени Нуха, хотя и не были ему подчинены.

После смерти Нуха главой династии стал Ахмад. Он объединил «семейные» земли и сделал правителем Самарканда своего сына Насра, который в 864 г., после смерти отца, стал главой династии. «Семейные» земли слились в государство, независимое от Саффаридов, и в 875 г. халиф признал это положение, прислав Насру официальный диплом на правление. До 874 г. Бухара не входила в состав владений Саманидов. В этом году бухарцы, не без труда изгнав присланного Саффаридами наместника, обратились к Насру с просьбой о новом правителе города и области. Наср послал в Бухару брата Исмаила, присоединив таким образом её к своему государству. Энергичный и хитрый Исмаил

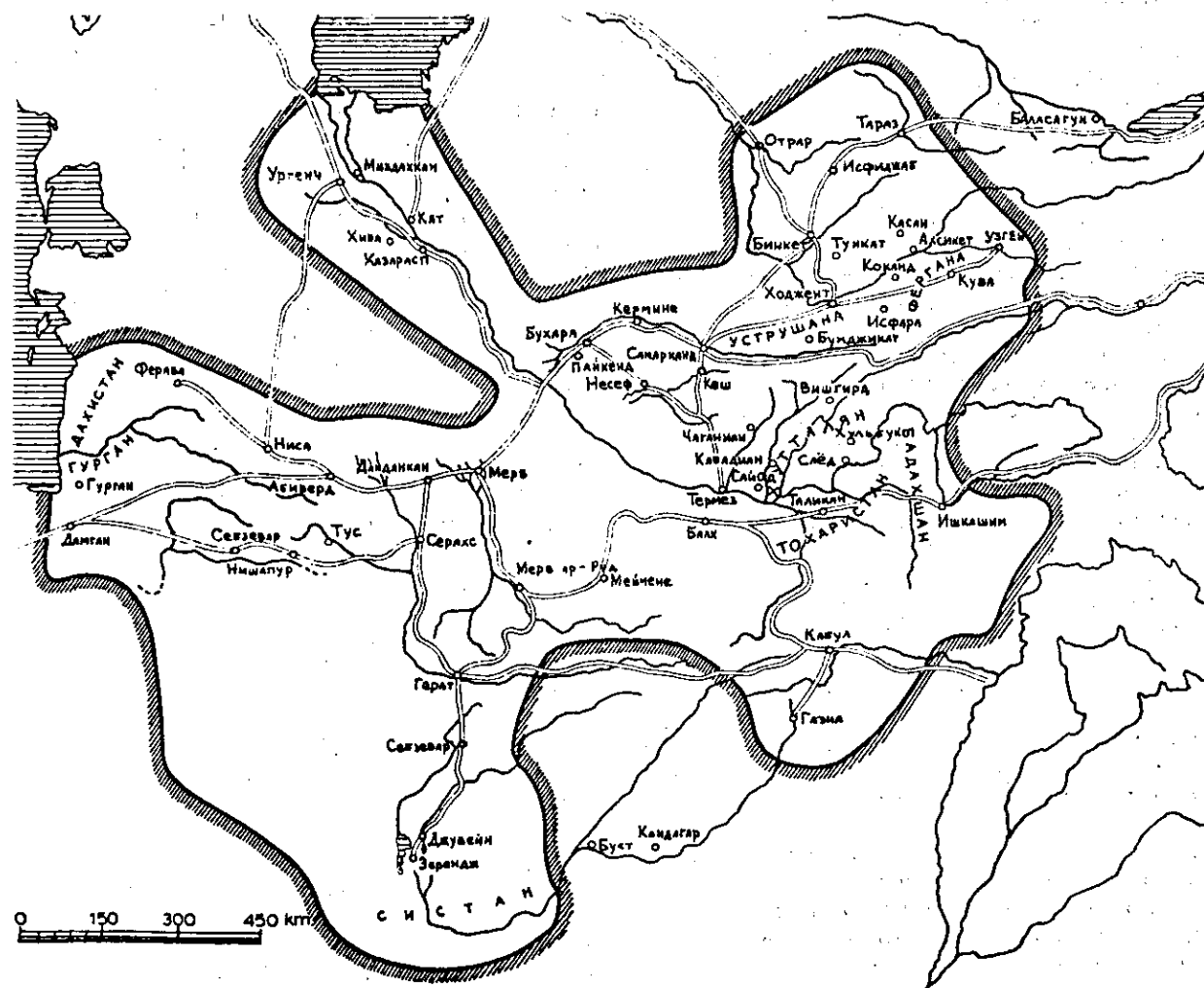
быстро завоевал здесь популярность, ведя победоносную борьбу сразу в нескольких направлениях: он добился поддержки местного духовенства, уничтожил шайки разбойников при помощи местной феодальной знати, — и нейтрализовал эту знать, отправив главных её представителей (в том числе бухар-худата Абу Мухаммеда) послами в Самарканд, одновременно попросив Насра там их арестовать. Упрочив этим свою власть, Исмаил попросил брата освободить послов и осыпал их милостями, переложив таким образом ответственность за их судьбу с себя на Насра.

Далее последовала борьба с Насром, которому Исмаил перестал посылать дань, и который подозревал брата в сепаратизме. Борьба шла с переменным успехом, но в конце концов Исмаил разбил Насра и взял его в плен. Однако не сместил и не унизил его, а оказал ему уважение, подобающее в отношении вассала с сюзереном. Таким образом Исмаил добился ещё большей популярности и признательности Насра, который перед смертью назначил его своим преемником. В 892 г. Исмаил Саманид стал государём обширной страны, столицей ко-

торой стала Бухара. В следующем году он получил инвеституру от халифа, верным подданным которого оставался — формально! — до конца жизни.

Однако через 5 лет халиф (видимо, под давлением агрессивного Амра Саффарида) официально низложил Исмаила и назначил наместником Мавераннахра Амра. Ход начавшейся вслед за этим войны не очень ясен, — известно лишь, что Амр потерпел поражение, в частности, из-за измены своих вельмож и воинов, которые предпочли великодушного аристократа Исмаила корыстолюбивому выскочке-простолюдину Амру. И в Багдаде победа Саманидов была встречена с радостью: халиф, ещё недавно «низложивший» Исмаила, теперь выразил ему полное одобрение. Захватив вслед за этим владения Саффарида, Исмаил продолжал расширять границы своего государства, доведя их на юге до Систана и Газны, на севере до Аральского моря, на западе — до Каспийского моря, на востоке — до Семиречья и Памира.

Правление Исмаила было самым блестящим временем в истории государства Саманидов. Была создана административная система гражданс-

Государство Саманидов 9—10 вв. По Б. Гафурову.

кого и военного управления, функции которой исполняли министерства-«диваны»; десять больших зданий для этих «диванов» вскоре окружили главную площадь столицы — Регистан. Строились и другие монументальные здания — дворцы, мечети, караван-сарай, в окрестностях Бухары вокруг усадеб разбивались великолепные сады, был возведен первый в Средней Азии (и второй в исламском мире) династический мавзолей. Исмаил и его потомки считали себя наследниками древнеиранской культурной традиции, согласно которой государь должен быть прежде всего хорошим хозяином («кетхуда») своей страны, заботиться о сельском хозяйстве и благосостоянии крестьян, о постройке мостов через реки и прорытии каналов, о строительстве укреплений и основании новых городов, об украшении городов большими и красивыми зданиями, об устройстве караван-сараяв-рабатов и т. п. При этом Саманиды, опять-таки в соответствии с древнеиранской традицией, были правителями-аристократами и окружали себя представителями старых аристократических родов, которые, потеряв статус независимых владетелей, превратились в придворных, военачальников и администраторов. Впрочем, полностью централизовать власть в своём государстве Саманидам так и не удалось (может быть, они к этому и не стремились), и ряд областей — Хорезм, Чаганиан, Хуттал и др. — были подчинены Бухаре скорее номинально; в некоторых сохранялись династии прежних владетелей, которые сами распоряжались доходами, а Саманидам посылали не дань, а подарки. Ослаблению центральной власти способствовала и система феодальных земельных пожалований: сановники-придворные, получая как награду области и города, стремились создать здесь собственные династии и уменьшить зависимость от Бухары.

Эти тенденции усилились после смерти Исмаила (907 г.). Его сыну Ахмаду пришлось бороться с восстаниями правителей в Самарканде, Рее и Систане, он вызвал недовольство тюркской гвардии и был убит. При сыне Ахмада Насре II страну потрясло движение исмаилитов, — исмаилизм, одно из течений шиизма, победил в Египте, который отделился от Багдадского халифата, и в котором правила династия Фатимидов. Египетские проповедники исмаилизма имели успех в Средней Азии: среди обращённых были крупные военачальники и чиновники, а в конце концов к исмаилитам (карматам) примкнул и сам Наср II. Заговор, организованный против царя-еретика ортодоксальным духовенством и тюркской дворцовой гвардией, успеха не имел, но так напугал Насра II, что он отказался от престола в пользу сына Нуха, который не испытывал к исмаилитам никаких симпатий. Вслед за тем исмаилиты подверглись повсеместному истреблению, а их имущество — конфискации, — с тех пор это религиозное движение ушло в подполье, и сейчас сохранилось в Средней Азии только на Памире.

Правление Нуха было отмечено рядом восстаний, усилением роли тюркской дворцовой гвардии и развитием центробежных тенденций. Началось медленное ослабление государства, которое продолжалось при преемниках Нуха на бухарском престоле. В это время (50-е гг. 10 в.) выдвинулся начальник тюркской гвардии Алп-тегин, который, после бурной и не всегда успешной борьбы за власть, захватил Газну и основал там самостоятельное государство, ставшее позже одной из крупнейших и могущественнейших держав Среднего Востока.

В 992 г. ослабевшее государство Саманидов испытало первый удар кочевых тюркских племен во главе с ханами династии Караханидов. Вторгшиеся в Мавераннахр Караханиды владели Кашгаром и Семиречьем, где находилась их столица — город Узген. Войско Саманида Нуха II потерпело поражение, его начальник перешёл на сторону Караханидов, и захватчики без сопротивления вступили в Бухару. Лишь неожиданная смерть предводителя Караханидов Богра-хана спасла Саманидов на этот раз: караханийское войско ушло с добычей назад, Нух II вернулся в столицу. Для расправы с мятежниками и изменниками Нух прибег к помощи правителя Газны Себук-тегина. Это был преемник Алп-тегина, так же как и он выходец из саманидской тюркской гвардии. Вместе с сыном Махмудом он, во главе 20-тысячного войска, помог Нуху навести порядок в государстве, получив за это пышный титул. Махмуд, также получивший титул, был назначен наместником Хорасана.

Новый натиск тюрков-Караханидов в 995—996 гг. сопровождался мятежами правителей некоторых областей. Нуху II с помощью Себук-тегина и на этот раз удалось подавить мятежи и спасти Бухару от вторжения, но этот временный успех стоил дорого: Саманиды потеряли северо-восточные области. Бессильный Нух II подчинился влиянию Газневида Себук-тегина, бывшего раба Саманидов, и фактически перестал быть независимым правителем. После смерти в 997 г. Нуха и Себук-тегина мятежные правители Нишапура, подстрекаемые Караханидами, низложили и ослепили сына Нуха — Мансура. Мстя за Мансура, Махмуд Газневид вторгся в государство Саманидов, — результатом была потеря Саманидами северного Афганистана, а немного позже — всего Хорасана. Во власти Саманида Абл аль-Малика остался только Мавераннахр, но и эта передышка была недолгой: в 999 г. караханийский хан Наср-илек захватил Бухару, низложил династию Саманидов, а последнего её представителя с семьёй бросил в тюрьму.

Прославленная арийская династия, создавшая большое, сильное и культурное государство, погибла при полном равнодушии его населения. Когда верные Саманидам агитаторы обратились за помощью к народу Бухары, им в этой помощи было отказано на том основании, что дело идёт не о защите веры, а о борьбе за мирские блага.

Ради этого мусульманам непозволительно губить себя, тем более, что Караханиды — добрые мусульмане.

Последним отчаянным борцом за дело Саманидов был брат Абд аль-Малика Абу Ибрахим Исмаил ибн Нух, известный в истории под именем Мунтасир — «победитель». Этот последний Саманид с необыкновенным упорством организовывал восстания, собирал армии сторонников и, действительно, много раз наносил Караханидам жестокие поражения, захватывал в плен их полководцев и несколько раз овладевал Бухарой. Имя его ещё при жизни стало легендарным, а победы были столь впечатляющи, что временами казалось, будто власть Саманидов вот-вот будет восстановлена. Однако силы были неравны, Мунтасир в конечном счёте был побеждён и в 1005 г. погиб. Вместе с ним со страниц истории ушла последняя блестящая эпоха согдийско-иранского рыцарства, аристократической культуры и искусства, в котором дух ислама естественно сочетался с местными древними традициями.

Гибель державы Саманидов была важнейшим событием в политической истории Центральной Азии; Нёльдеке назвал её одной из печальнейших катастроф в истории этой страны. Властью в Мавераннахре завладели недавние кочевники, тюрки-Караханиды, в Хорасане — Газневиды, также тюрки. Зыбкая, часто нарушаемая граница между двумя государствами проходила по Амударье. Однако, несмотря на некоторый прирост тюркского этнического элемента, население региона в основном оставалось согдийско-иранским, — по меньшей мере с II в. самоназванием народа, возникшего на этой основе, становится слово «гаджик». Первое время после завоевания тюрки, ставшие военно-феодальным господствующим сословием, не участвовали в культурной жизни страны, что определило преемственность культурных и художественных традиций и в послесаманидскую эпоху. Эта преемственность сохранялась и позже, когда из среды среднеазиатских тюрков, ставших крестьянами и горожанами, стали выходить мастера-ремесленники, строители, учёные и поэты: бывшие пришельцы ассимилировались в местной культурной среде, становились её частью, не внося в неё ощутимо новые черты. Все попытки обнаружить в искусстве Средней Азии 11—12 вв. особые «тюркские» элементы, неизвестные в саманидское время, — до сих пор не имели успеха.

Конечно, это не значит, что искусство Средней Азии эпохи Караханидов оставалось неизменным, — оно изменялось и развивалось достаточно быстро и заметно, что особенно хорошо видно на примере архитектуры, но происходило это по его внутренним законам, а не благодаря привнесению в него некоего тюркского духа. Новые политические границы не были, видимо, и серьёзным препятствием для культурных (в том числе строительно-архитектурных) контактов Средней Азии с Ираном и другими, более дальними странами исламского мира.

Таким образом, между среднеазиатской архитектурой эпохи Саманидов и Караханидов-Газневидов нет чёткой границы: изменения накапливались постепенно, незаметно для современников, общественные вкусы были стабильны, да и сами правители-тюрки очень хотели выглядеть законными наследниками иранской славы и культуры, — Себук-тегин, тюрк и бывший раб, был объявлен потомком древнеперсидских шахиншахов! Правда, известное влияние на эволюцию архитектуры оказали социальные сдвиги, — так, исчезновение сословия рыцарей-«дехкан», то есть аристократов-землевладельцев, ещё очень влиятельного при Саманидах, привело к заметным изменениям в области жилищно-замковой архитектуры. Всё же можно признать, что по крайней мере до середины II в. строительно-искусство и архитектура Средней Азии были естественным продолжением строительно-искусства и архитектуры раннеисламского периода, его последней стадией. Этим, между прочим, объясняются затруднения, часто возникающие при датировке построек Средней Азии 11 и даже 12 веков, некоторые из которых, возможно, древнее, чем это принято считать.

Изложенные соображения определяют хронологические границы материала, который рассматривается в этой книге. Если возникновение исламской архитектуры в Средней Азии было следствием конкретного и важного политического события — арабского завоевания и включения страны в состав Халифата, — то конец того периода в истории среднеазиатской архитектуры, который можно назвать раннеисламским, не совпадает с другим важным политическим событием рубежа 10 и 11 веков, — гибель государства Саманидов не привела к гибели сложившейся в нём художественной и духовной культуры, хотя ослабила её потенциал (это вывилось через несколько десятков лет) и сократила географический ареал.

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

Основным и, так сказать, классическим источником знаний о раннеисламских городах Средней Азии являются сочинения арабских географов-путешественников 10 в., отчасти дополненные в 11—12 вв. Важнейшие среди них — труды аль-Истахри¹, Ибн Хаукаля² и аль-Мукаддаси³. Аль-Истахри подробно описал Бухару, Самарканд, Мерв и некоторые другие города, причём его описание Бухары настолько точно, что позволяет подозревать в авторе бухарца. Ибн Хаукаль использовал текст аль-Истахри, но существенно дополнил и переработал его. Сочинение аль-Мукаддаси — вполне оригинальное, основано — в главном — на личных наблюдениях и интересно стремлением к системному изложению и классификации: он первый задался целью определить само понятие «город».

Интересные дополнения к этим трудам имеются в анонимном сочинении 10 в. «Худуд аль-Алам»⁴.

Среди сочинений, посвящённых отдельным городам, на первом месте стоит «История Бухары», написанная до 944 г. Автор, Абу Бекр Мухаммед ибн Джафар Наршахи, преподнёс эту книгу Саманиду Нуху ибн Насру. Она сразу стала популярной, а в начале 12 в. была переведена с арабского на персидский язык и продолжена событиями второй половины 10 и 11 веков. Книга Наршахи содержит важные сведения о топографии и характере застройки Бухары 9—10 вв.⁵

Исторические сведения о древних городах Средней Азии изучил и тщательно проанализировал в начале 20 в. выдающийся ориенталист-историк Василий (Вильгельм) Бартольд. Он первый, на базе письменных источников и собственных наблюдений, разработал концепцию структурного состава и развития городов Средней Азии доарабского и раннеисламского времени, — эта концепция, дополненная и уточнённая советскими историками и археологами, сохранила своё значение и в наши дни⁶.

Новый материал об устройстве и архитектуре городов Средней Азии 9—10 вв. дают археологические раскопки, которые систематически ведутся с 30-х годов во всех областях региона. К сожалению, довольно многочисленные открытия, сделанные при раскопках Мерва, Афрасиаба (Самарканда), Термеза и других древних городов, всё ещё не сведены воедино и не дают

возможности составить общее представление об этих городах в интересующее нас время. Да и сам археологический материал требует верного осмысления, а это предполагает знания и добросовестность, которыми обладают, увы, не все археологи. Поэтому работа с чужим опубликованным археологическим материалом требует осторожности и не всегда легка.

Среди серьёзных теоретических работ недавнего времени, посвящённых среднеазиатскому городу поры раннего исламского средневековья, считаю нужным отметить вторую часть книги «Средневековый город Средней Азии», написанную Олегом Большаковым⁷. Написанный с большим знанием предмета, этот труд рассматривает, среди прочих исторических проблем, также и проблему градостроительной структуры многих городов Средней Азии 8—12 веков. Некоторые сведения из работы О. Большакова, а также сделанные им заключения, которые я считаю правильными, использованы в этой главе.

***

В эпоху раннего доисламского средневековья (5—8 вв.) земли Средней Азии (за исключением северного Хорасана, входившего в империю Сасанидов) были раздроблены на мелкие государства-владения. Они, в свою очередь, делились на ещё более мелкие части, владельцы которых — благородные рыцари-дехкане — находились в вассальной зависимости от правителей-сюзеренов, носивших разнообразные титулы — ихшид, афшин, худат (господин) и др. В этих условиях города были прежде всего административными центрами, средоточием власти и управления: здесь сидел правитель со своим двором, располагались аппарат управления и войско. Часть очень небольшого городского населения составляли купцы; богатейшие из них составляли городской патрициат и ни образом жизни, ни привычками не отличались от аристократов-землевладельцев. Низший слой городского населения состоял из ремесленников и мелких торговцев, которые обслуживали верхние слои. Небольшую часть городского населения составляли, очевидно, священники утвердившихся в данном месте религий. Считается, что «хозяевами» доисламского города были дехкане, владельцы окрестных земель и их крестьянско-

го населения, и богатые купцы, занятием которых была транзитная торговля на Великом шелковом пути; местная же торговля была развита слабо, так как городские ремесленники и торговцы удовлетворяли главным образом потребности правителя и его двора.

Этот традиционный взгляд на социальную структуру доисламского города Средней Азии нуждается в коррективах. Исследования Пенджикента — единственного пока хорошо изученного города 5—8 вв. — показали, что его феодальный правитель был ограничен в правах, а делами города от имени «народа Пенджикента» распоряжались выборные представители сословий, от которых в финансовом смысле зависел и правитель⁸.

Обилие найденных в Пенджикенте базаров, лавок и мастерских свидетельствует о хорошо развитом производстве и торговле, которыми была занята большая часть населения и которые были явно избыточны для удовлетворения нужд только феодального правителя и его окружения. Доарабский Пенджикент походил не столько на княжескую резиденцию, сколько на европейскую городскую коммуну поры позднего средневековья с князем, состоящим у этой коммуны на службе.

То, что Пенджикент не был исключением, доказывает пример Пайкенда — одного из городов бухарского Согда. Пайкенд назывался «городом купцов», и в нём вообще не было феодального правителя или владельца, — это была буржуазная городская коммуна в европейском смысле слова⁹. Едва ли город был самостоятельной политической единицей, как считает Большаков, но его статус внутри государства выходил за рамки феодального вассалитета. Можно предполагать, что в доисламской Средней Азии были и другие города, социальным устройством подобные Пенджикенту и Пайкенду.

И, однако, политическая раздробленность страны, многочисленные границы, воинственность правителей и рыцарства, известная изолированность всего региона от внешнего мира — всё это, конечно, препятствовало нормальному развитию промышленности и торговли. Это положение отразилось на планировочной структуре городов, в предисламское время сравнительно немногочисленных и небольших. Как правило, города до 8 в. состояли из двух частей: цитадели и собственно города. Цитадель (арк, диз или кухендиз по-персидски) была резиденцией местного правителя, который жил здесь в замке или дворце. Тут же размещались административные службы, гарнизон и часто тюрьма. Компактный комплекс цитадели возвышался над городом и был тщательно укреплен.

Город (шахристан по-персидски, меина по-арабски) был также укреплен стенами и башнями и во многих случаях имел регулярную прямоугольную форму с прямоугольными, тесно застроенными кварталами и двумя главными улицами, крестообразно пересекающимися в центре. Эти улицы за городскими воротами

продолжались как межгородские магистрали. Регулярная — абсолютно или относительно — структура шахристана восходит к временам античности, предполагает предварительный планировочный замысел и представлена такими городами, как Мерв, Бухара, Ахсикет (столица Ферганы), Исфиджаб-Сайрам, Хива, Пенджикент и др. Нередко, однако, доарабские шахристаны имели нерегулярную, очень разнообразную форму, которая определялась местными природными условиями и задачами обороны. Такими, например, были древний Самарканд, Термез, Бинкет (столица Шаша, будущий Ташкент) и Узген, в будущем — первая столица Караханидов. Различным было и расположение арка относительно шахристана: часто арк включался в систему городских укреплений, выдвигаясь бастионом наружу и внутрь; реже — располагался снаружи от шахристана и отдельно от него, но недалеко; ещё реже — возвышался посреди шахристана подобно башне-донжону во дворе замка. Обычно же арк-цитадель, составляя главное звено городских укреплений, занимал своим квадратным массивом один из углов шахристана, контролируя две стороны города сразу.

Завоевательные походы арабов не принесли большого ущерба городам Средней Азии, хотя, конечно, не способствовали их развитию и росту. Опустошались и грабились только те города, которые приходилось штурмовать, а это случалось нечасто. Но только с середины 8 в., под властью Аббасидов, когда восточные провинции Халифата стали его равноправной и важной частью, города Средней Азии почувствовали выгоду своего нового положения. Исчезли прежние границы, возникли хозяйственные и культурные связи с другими частями исламского мира, вплоть до самых отдалённых, расцвели промышленность и торговля.

Развитию городского хозяйства и культуры сопутствовал упадок раннесредневековых рыцарских «гнёзд». Их хозяева, аристократы-дехкане исчезают как правящее сословие уже в 9 в., их укрепленные усадьбы с могучими глинобитными замками пустеют и разрушаются. Роль главного двигателя промышленности, торговли и культуры окончательно переходит к городам, ремесленное и торговое население которых быстро растёт. Главным следствием этих политических и демографических изменений было то, что к прежним двум частям доисламского города — цитадели-арку и шахристану — прибавился торгово-ремесленный пригород, получивший арабское название «рабад». Структура города стала трёхчленной ещё до арабского завоевания.

Разрастаясь за стенами шахристанов, рабады получают собственные стены и становятся, таким образом, неотъемлемой частью города. Ничем не сдерживаемый рост рабадов часто приводил к появлению новых внешних стен и, соответственно, к разделению рабадов на внутренний и внешний. Самая живая и активная часть

города, рабад, как правило, превращался впоследствии в его главную часть, в новый общественный центр, украшенный монументальными зданиями культового, дворцового и общественного назначения. При этом не умалялась и их прежняя роль средоточия ремесла и торговли.

К сожалению, планировочная структура 9—10 вв. большинства городов Средней Азии может быть сейчас только угадана под перепланировками и строительными наслоениями последующих веков. Говорить об общих принципах развития городского организма того времени, пожалуй, преждевременно, тем более, что на формирование этого организма в каждом отдельном случае оказывали влияние очень разнообразные условия: особенности ландшафта и климата, характер занятий населения, наличие или отсутствие административного центра (то есть общественный статус города), наличие культовых святынь и т. п. Но некоторые, самые характерные и часто встречающиеся особенности развития городов Средней Азии раннеисламского времени могут быть всё же определены и сейчас. Среди них — стихийное, радиально-кольцевое развитие рабадов, охватывающих своим подвижным кольцом и холм древнего арка-кухендиза, и относительно правильный по форме участок шахристана с его регулярной застройкой. Сочетание регулярной, прямоугольной планировки, особенно характерной для старых шахристанов, и динамичной, радиально-кольцевой планировки рабадов определяло собой контрастные особенности города 8—10 вв. Они прослеживаются, например, в планировке Бухары и Ташкента. Как говорилось, рост и расширение рабадов закреплялись последовательно возводимыми стенами. Так пригороды, ремесленные посады превращались в полноправную и важнейшую часть города. В Бухаре 8—10 вв., например, средоточие городской жизни перешло из тесного, замкнутого шахристана в обширный рабад, который в 10 в. уже был окружен одним или двумя рядами стен. Здесь возводились дворцы, большие мечети, общественные и торговые здания. О длине внешней стены бухарского рабада говорит то, что её прорезали 11 ворот.

Наршахи, историк Бухары 10 в., говорит о широких прямых, выложенных камнем улицах города. Это описание скорее относится к регулярному шахристану, чем к рабаду, стихийный рост которого едва ли мог вызвать к жизни прямые и широкие магистрали. Однако планировка рабадов 8—10 вв. должна была выгодно отличаться от хаотической планировки позднесредневековых городов Средней Азии с их лабиринтами кривых и узких улочек, — недаром же в рабадах строились самые крупные городские здания. Перемещение центра городской жизни в рабады почти повсюду сопровождалось запустением древних цитаделей-арков, а отчасти и шахристанов. Бухарский арк избежал этой участи, несмотря на неоднократные разрушения: Бухара почти всегда была столицей, однако в саманидское время новые дворцы строились

в Бухаре не в арке, а у его подножия. Но геометрически регулярная планировка бухарского шахристана со временем была как бы «размыта» обступившим его рабадом и слилась с ним. В Самарканде, где шахристан не имел регулярной структуры плана, он просто расширялся в южном направлении, отгораживая новыми стенами всё новые территории на высоком треугольном плато. Историки до сих пор спорят, какая из четырёх стен раннесредневекового Самарканда отделяла его шахристан от рабада, и когда, распространившись по всему плато, город вылился вниз за его пределы, образовав на юге обширный новый рабад.

Нужно подчеркнуть, что противопоставление доисламской, двухчастной структуры города (арк и шахристан) новой, исламской трёхчастной структуре (арк, шахристан и рабад) имеет по большей части условный и формальный характер и не охватывает всего многообразия реальных вариантов. Во-первых, не доказано, что торгово-ремесленные пригороды (рабады) возникли повсюду только после арабского завоевания, а не до него: хозяйственная жизнь Средней Азии была достаточно развита и до прихода сюда арабов, и какие-то прототипы рабадов должны были здесь существовать издавна. Во-вторых, рабад нередко «растворял» в себе исторически более ранний шахристан, — происходила качественная нивелировка обеих частей города, и, значит, восстанавливалась (на новой основе) двухчастная система городского организма. В-третьих, бывшие торгово-ремесленные пригороды, ставшие основной частью города и соответственно этому застроенные и укрепленные, переставали быть рабадами и превращались в шахристан, по-арабски — в медину, иногда даже сохраняя характерное для «классических» шахристанов крестообразное пересечение двух главных улиц. В этих случаях (примером может служить Мерв) «рабад» мало отличался от «шахристана» и своей плановой структурой. Бесперывный процесс роста городов в 8—10 вв. приводил, как правило, к тому, что шахристан, сливаясь с рабадом, образовывал город как таковой — «медину» арабоязычных источников, а рядом с мединой разрастался новый рабад, поглощавший пригородные сёла и усадьбы. Терминологическая неопределённость, связанная с выражениями «шахристан» и «рабад», усиливается ещё и тем, что некоторые большие города Средней Азии этого времени (например, Мерв и Самарканд) имели так называемые «наружные» стены, которые окружали обширные пространства, во много раз большие, чем территория самого города. Эти пространства, неравномерно и слабо застроенные, с полями и садами, некоторые авторы 8—10 вв. называют рабадами, хотя — по своей социальной характеристике — они представляли собой, конечно, не торгово-ремесленные пригороды, а сельское окружение города. Эти защищённые стенами пригородные земли особенно характерны для северо-восточной окраины Средней Азии — Семиречья и до-

лины реки Талас, где сохранялась опасность нападения кочевников на оазисы с оседлым населением.

Что касается городских цитаделей, носивших название арк или кухендиз, то они, как и отдельно стоящие рыцарские замки, в 9—10 вв. теряют своё значение (в этом случае — значение живого ядра города) и как бы вымирают. Запустение арков (за редкими исключениями) было замечено многими географами-путешественниками того времени, оно подтверждено и археологическими исследованиями наших дней. Например, цитадель в городе Куйрук-тобе (южный Казахстан, название современное) в 9—начале 10 вв. была заброшена, расположенный здесь дворец погиб от пожара, а на его месте возникли скромные жилые дома. Раскопки двух доарабских замков — Чаянтепа в долине Сурхандарьи и Таштепа в долине Кашкадарьи — показали, что в 8—9 вв. от этих сооружений остались только высокие пьедесталы-стилобаты, тщательно сложенные из блоков прессованной глины-«пахсы», и части внешних стен, построенных тоже из пахсы так же качественно и аккуратно. После гибели замков на их монументальных платформах возникли поселения — качества строительства которых, бедность технических приёмов и случайность планировки представляют собой явный и многозначительный контраст высокому строительному качеству и регулярности, геометрической чёткости стилобатов погибших замков¹⁰.

Можно думать, что такая судьба была типична и для большинства городских цитаделей: заброшенные, с руинами дворцовых и крепостных строений, они или оставались пустыми, или становились объектом новой жилой, стихийной, низкого качества застройки.

Упадок городских цитаделей-арков был, видимо, следствием изменения социальной и политической ситуации: они представляли собой резиденции местных феодальных правителей разного ранга, символ их власти и достоинства, — но к 9 в. это сословие превратилось в социальный реликт, потеряло власть и пошло на службу к новым хозяевам — Тахиридам, Саффаридам и Саманидам. Соответственно запустели и их ненужные теперь городские резиденции, жизнь в которых, к тому же, была не слишком удобна из-за трудностей снабжения водой. Но если в прежние времена правитель, сидевший высоко в арке, решал эту проблему просто «волевым» способом, заставляя горожан снабжать его и его двор водой, то люди, поселившиеся на опустевшей вершине цитадели, должны были испытывать серьёзные неудобства. Вероятно, поэтому жилища, возникавшие на цитаделях после ухода отсюда их прежних хозяев, принадлежали, судя по их облику и устройству, к самым бедным группам городского населения: зажиточные горожане предпочитали более удобные для жизни места.

Всё сказанное выше не означает, что открытие В. Бартольдом трёхчастной структуры ранне-

исламского города Средней Азии неверна: она характерна для большинства городов этого времени, как живых, так и мёртвых, и хорошо заметна на топографических планах многих городищ, которые за последние десятилетия были изучены археологами. Однако эта общая схема имела огромное количество индивидуальных вариантов и исключений, вызванных разнообразными, не всегда понятными причинами, о чём не следует забывать.

Основным признаком города, отличающим его от селения, даже очень большого, было наличие в нём пятничной (кафедральной) мечети. В свою очередь, главным признаком пятничной мечети были даже не столько размеры (хотя такие мечети были, как правило, крупными и вместительными), сколько наличие «минбара» — кафедр, с которой по праздничным дням провозглашалась хутба, молитва за верховного правителя государства. Право провозглашать хутбу было привилегией города, и эта политическая привилегия воплощалась в пятничной мечети, в её минбаре. Последний был как бы символом мечети, и историки 10—11 вв. часто заменяют выражение «пятничная мечеть» (масджид джума) словом «минбар», придавая ему не религиозное, а административно-политическое значение. Аль-Мукаддаси, рассказывая о Бухарском оазисе, отмечал: «В нем есть много селений, которые больше городов: Варахша, Баррания, Афшина... чтобы быть городами, им недостаёт только пятничной мечети». В другом месте аль-Мукаддаси говорит: «А остальные города подобны тому, что мы сказали; и есть там большие селения, которым из признаков города недостаёт только минбара... По нашему учению, пятничная молитва и торжественные церемонии (ташриф) могут быть только в большом городе, в пятничной мечети, относительно которой существуют предписания (хадд). И сколько пришлось помучиться жителям Пайкенда, прежде чем они установили минбар!» Первые мечети, основанные арабами после захвата городов и, так сказать, ещё для «внутреннего пользования», возводились в исторических центрах городов, шахристанах. Так было, например, в Мерве, Самарканде и Данданкане. Впоследствии пятничные мечети, как правило, обосновывались в рабадах, обычно рядом с базарами и общественными (административными) зданиями, что характеризует динамику развития города. Впрочем, главная мечеть Самарканда осталась на первоначальном месте, в шахристане, рядом с опустевшей цитаделью.

Кроме пятничных, «кафедральных» мечетей в городах строились и другие, небольшие мечети, однако неизвестно, имели ли они характер «квартальных», то есть представляли ли собой религиозно-общественные центры городских кварталов-«гузаров», как это было в 18—19 веках.

Второй отличительной чертой города были укрепления, то есть стены с башнями и воротами, которые окружали каждую исторически сложившуюся часть города, весь город целиком,

а часто и обширную сельскую территорию вокруг города. В этом вопросе, правда, существует трудно разрешимое противоречие. Дело в том, что письменные источники 10—11 вв. при описании городов всегда отмечают наличие городских стен, что, как будто, указывает на то, что это не было обязательным, повсеместным правилом, то есть, что были города и без стен. Так аль-Истахри сообщает про столицу Ферганы город Ахсикет: «...его окружает стена, а снаружи её расположен рабад, который окружает другая стена. Следующий за ним по величине город — Куба (Кува) ... Там есть цитадель, рабад, пятничная мечеть и рынки». Про город Ош далее говорится, что это — «оживлённый город, окруженный стенами, в нём есть цитадель и дворец эмира», — и про Узген сообщается, что «У него есть стена, рабад, цитадель, проточные воды и сады».

Понятно, почему аль-Истахри обратил внимание на проточные воды и сады Узгена: они нечасто встречались в городах того времени. Но рядом с ними внимательный путешественник отметил такие, казалось бы, обязательные и само собой разумеющиеся принадлежности города, как рабад, цитадель и стены. Между тем археологические и топографические исследования городов Средней Азии 8—11 вв. не обнаружили ни одного, у которого не было бы стен, — исключения не составляла и Кува, описывая которую, аль-Истахри о стенах почему-то не упоминает. Правда, городские укрепления 9—10 вв. дошли до нас — в лучшем случае — в виде земляных валов, и без раскопок нельзя определить, были ли они «при жизни» настоящими стенами с боевой галереей и зубцами наверху (описания таких стен встречаются у авторов того времени), или представляли собой просто земляные укрепления в виде вала и рва перед ним. Возможно, что для аль-Истахри это различие было ещё ясно, что и отразилось в его описаниях городов. Впрочем, этот вопрос нельзя считать решённым.

Ещё одну проблему развития городов и городской культуры раннеисламской Средней Азии нужно признать нерешённой. Сейчас твёрдо установлено, что включение Средней Азии как активного компонента в хозяйственный и культурный мир ислама, ликвидация старых границ, развитие промышленности и торговли привели в 8—10 вв. к расцвету городской культуры, росту населения городов и расширению их территорий. Тем более странно, что именно в это время не было заложено почти ни одного нового города. Фактически все города Средней Азии 8—10 вв. (их известно сейчас более 300) возникли или до нашей эры (Мерв, Самарканд, Термез и др.), или в период раннего доисламского средневековья, т. е. в 5—7 вв. Из городов, несомненно возникших в 9 в., известен Насрабад в Ферганской долине; может быть, 9—10 вв. датируются городки Арблах, Намузлик и Кухсим, возникшие в области Илак поблизости от серебряных рудников¹¹.

Исключением были северные и северо-восточные окраины среднеазиатского региона, — области южного Казахстана и Семиречья, где города (и вообще оседлые поселения) появились, за малым исключением, только в 9 в. в связи с оседанием кочевников на землю. Такие города не имели ни цитаделей, ни обычного деления на шахристан и рабад. Впрочем, большинство этих поселений едва ли заслуживает названия городов: это были или укрепленные ставки кочевых ханов, без следов капитальных построек внутри стен, или крепости-убежища («туртуки»), в которых, в случае военной опасности, спасалось население окрестных земель — как оседлое, так и кочевое.

Известную роль в развитии старых городов и зарождении новых сыграли опорные укрепленные пункты арабов — рабаты. Много рабатов было основано в северном Хорасане, где арабская власть утвердилась особенно рано. Арабский рабат — обнесенный стенами (в один или несколько рядов) прямоугольник или квадрат с шатрами гарнизона — иногда становился зародышем города. Таковы Фахистан, Ферава (Парау), Мехне и Шарастан, — некоторые из них ещё в 10 в. назывались рабатами. Однако такие случаи, напоминающие возникновение средневековых городов Европы из римских военных лагерей, были немногочисленны: обычно арабские гарнизоны или перебирались позже в более удобные местные жилища, либо уходили, а территория лагеря входила в состав расширяющегося города. Рабатами же с 10 в. стали называть крепости-караван-сарай, которые государство строило на больших торговых дорогах, — вероятно, из-за некоторого сходства функций: караван-сарай играл роль гостиниц-крепостей, рассчитанных на отражение нападений кочевников-неомусульман, так что их защитники считались своего рода борцами за веру — «газиями».

Слава Александра Великого и его диадохов не соблазнила ни арабских, ни местных правителей Средней Азии 8—10 вв. Они не основывали города и не давали им гордые имена вроде Багдада, Самарры или аль-Кахиры. В сельскохозяйственных оазисах количество городов оставалось прежним, их развитие шло за счёт разрастания вокруг старых шахристанов новых торговых-ремесленных кварталов, в которые со временем перемещался центр городской жизни — материальной, политической и духовной. Было принято устраивать кладбища за городом, прямо рядом с его стенами; это правило сохранялось и позже. За городские стены выносились обычно и некоторые неприятные или опасные в пожарном отношении производства, — например, металлургические и стекольные мастерские. Снаружи, рядом с городскими воротами возводились пригородные караван-сарай, рассчитанные на путников и караваны, которые достигли город вечером, когда вход через городские ворота прекращался. Когда территория города расширялась — а это всегда сопровождалось строительством новой городской стены — его ближай-

шие, уже застроенные окрестности вливались в городскую застройку и становились её органической, «официальной» частью.

Городские ворота имели имена (иногда даже несколько); имя определялось или направлением дороги, начинавшейся у ворот (ворота Бухарские, Самаркандские, Китайские и т. п.), или объектом, к которому вела идущая от ворот улица (ворота кухендиза), или профессией населения, живущего в районе ворот (ворота парфюмеров), или, наконец, какими-то особенностями самих ворот (железные ворота). Есть предположение, что кроме ворот в городских стенах существовали и внутренние ворота, стоявшие в начале некоторых городских улиц и преграждавшие вход в них в случае какой-либо опасности. Ни одни городские ворота 9—12 вв. не сохранились, сведения о них есть только в литературных источниках, и представить себе их архитектурный облик на основании этих сведений затруднительно. Можно только предполагать, что их устройство было ближе к средневековым городским воротам, сохранившимся, например, в Бухаре (арочный проезд между двумя башнями), чем к сложным въездным сооружениям античной и преарабской эпохи, представлявшим собой выдвинутую наружу массивную постройку-лабиринт.

Плотность застройки была различна и даже в одном городе отличалась большим разнообразием. Самым тесным было, конечно, древнее городское ядро — шахристан. Возникавшие позже и последовательно рабаты отличались более разреженной застройкой: здесь располагались базары, общественные бассейны — «хаузы», сады и что-то вроде общественных парков или бульваров, называвшихся «бустанами». Строившиеся здесь большие общественные здания — мечети, дворцы («дома правления»), медресе и пр. требовали некоторого свободного пространства вокруг себя, что, вероятно, соблюдалось, по крайней мере, в первое время. Что касается обширного пространства внутри внешних стен города, которое авторы 10—11 вв. часто (но не всегда) называют рабадом, то застройка здесь состояла из отдельных усадеб и селений, лежащих в густой зелени садов, среди каналов и даже полей.

Описывая города Средней Азии, авторы 10—11 вв. отмечают как достопримечательность сады и бустаны у городских ворот, проточные воды и бассейны в рабатах, а иногда и в шахристанах, обширность базарных площадей, благоустроенность кварталов. Отмечают также тесноту, нехватку воды и зелени, нечистоту каналов, дурные запахи и другие неприятные, но, видимо, распространённые качества местных городов. Аль-Истахри, описывая Бухару, замечает, что не видел в этой местности («в этом климате») города более застроенного и более тесного для жизни: «...дома в нём тесные, пожары частые, он вонючий, блошиный, жаркий и холодный. Колодцы солёные, каналы достойны порицания, отхожие места отврати-

тельные... тины (торговые здания) душные, жилища дорогие... Он — нужник (латрина) этого края и самый тесный из городов Востока». Сочтя, видимо, недостаточным это общее описание столицы Саманидов, аль-Истахри особо отметил, что «...его меина (шахристан) чрезвычайно застроена». Вместе с тем объективный автор отметил великолепие нового портала дворца Саманидов («И не видел я в странах ислама портала величественнее этого портала»), чистоту бань, широту улиц, изобилие фруктов и некоторые другие положительные качества города и горожан, противоречащие его собственной ругательной характеристике.

Можно предположить, что исключительная теснота Бухары и связанные с этим неудобства жизни были вызваны тем, что рост территории города отставал от роста его населения, которое в 10 в. быстро увеличилось. Как всякая средневековая столица, саманидская Бухара привлекала людей возможностью применить способности, разбогатеть, сделать карьеру, — и, скорее всего, в этом смысле нужно понимать слова аль-Истахри о том, что этот лежащий на равнине город «каждый день увеличивается».

В коренных землях восточноиранской культуры крупные города обычно были центрами земледельческих областей, селения которых тяготели к городам экономически и географически. Город заботился о безопасности своей сельской округи, о том, чтобы она не пострадала во время довольно частых набегов кочевников. С этой целью сельская округа опоясывалась «длинными стенами», в систему которых включались небольшие крепости, — они назывались, как и большие негородские караван-сарай (но с большим основанием, чем они), рабатами.

«Длинные стены» возникли на рубеже поздней античности (эпоха кушан) и раннего средневековья, когда больших государственных образований не было, а мелкие владения жили под постоянной угрозой нападения — не только кочевников, но и соседей. В 9—10 вв. они в большой мере потеряли значение, но, как правило, сохранялись. Их поддержание ложилось бременем на сельское и городское население. «Длинная стена», известная под именем «Кампыр-дувал» («стена-старуха»), обороняла почти весь Бухарский оазис. Исмаил Саманид, освободив своих подданных от повинности поддерживать и ремонтировать эту стену (известны его гордые слова: «Пока я жив, я — стена Бухары»), наглядно подчеркнул разницу между прошлыми и новыми временами. Аналогичные «длинные стены», доживавшие в 10 в. свои дни, окружали территории вокруг Мерва, Термеза, Балха, Сайрама, тянулись по долинам рек Гюрген (северный Хорасан) и Чирчик (Ташкентский оазис). Их разновидностью были «внешние стены» некоторых городов, — например, упомянутая стена вокруг окрестностей Самарканда, которая называлась «Дивари Киямат», имела длину более 11 км и окружала территорию около 400 га. Другие «длинные стены» были ещё грандиознее.

Стены Термеза, укрепленные множеством башен, охватывали территорию около 900 га. До 6000 га доходило пространство внутри «длинных стен» Мерва, а ещё более ранние стены Мервского оазиса, возведенные в 3 в. н. э., окружали площадь до 250 кв. км. В 10 в. эти стены, давно заброшенные, лежали в развалинах. Бухарский Кампыр-дувал был, однако, капитально восстановлен на рубеже 8—9 вв. По словам Наршахи, было решено «возвести вокруг Бухары такую стену, чтобы все бухарские рустакы (сельские районы) находились внутри этой стены, подобно Самарканду, чтобы тюрки не могли проникнуть в Бухарскую область».

Таковы общие представления о раннеисламских городах Средней Азии, основанные на двух источниках: литературных свидетельствах современников — географов и историков — и археолого-топографических исследованиях нашего времени. К сожалению, оба эти источника (даже второй) не всегда объективны, они нуждаются в истолкованиях и нередко противоречивы. Другие трудности изучения раннесредневековых городов Средней Азии вызваны тем, что многие из них за прошедшее тысячелетие исчезли, многие поменяли имя, а некоторые (например, Самарканд после монгольского нашествия в 13 в.) изменили место своего расположения. Облик и устройство конкретного среднеазиатского города сравнительно редко поддаются реконструкции, и эта реконструкция почти никогда не бывает абсолютно бесспорной. Такие проблемы, как время возникновения рабадов и других частей городского организма, социальный состав населения (и его отражение в структуре города), соотношение административных гражданских функций и др. всё ещё вызывают дискуссии среди исследователей. Поэтому, переходя к рассмотрению отдельных городов Средней Азии интересующей нас эпохи, приходится ограничиться лишь несколькими примерами, наиболее известными и сравнительно хорошо изученными. Задача состоит в том, чтобы из суммы разнообразных сведений, наблюдений и выводов (далеко не всегда бесспорных) составить представление о том, как выглядели и развивались эти города в то блестящее и сложное время, когда на Среднем Востоке утвердился местный своеобразный форма культуры ислама.

БУХАРА

Как город Бухара возникла, судя по археологическим источникам, в 4—3 вв. до н. э. Первоначально город назывался Нумиджкет, Бухара же была именем всего оазиса, представлявшего собой до 8 в. самостоятельное владение, правитель которого назывался бухар-худат. Новое имя утвердилось не сразу, и Наршахи рассказывает, что одно время Бухарой называли другой город оазиса — Рамитан.

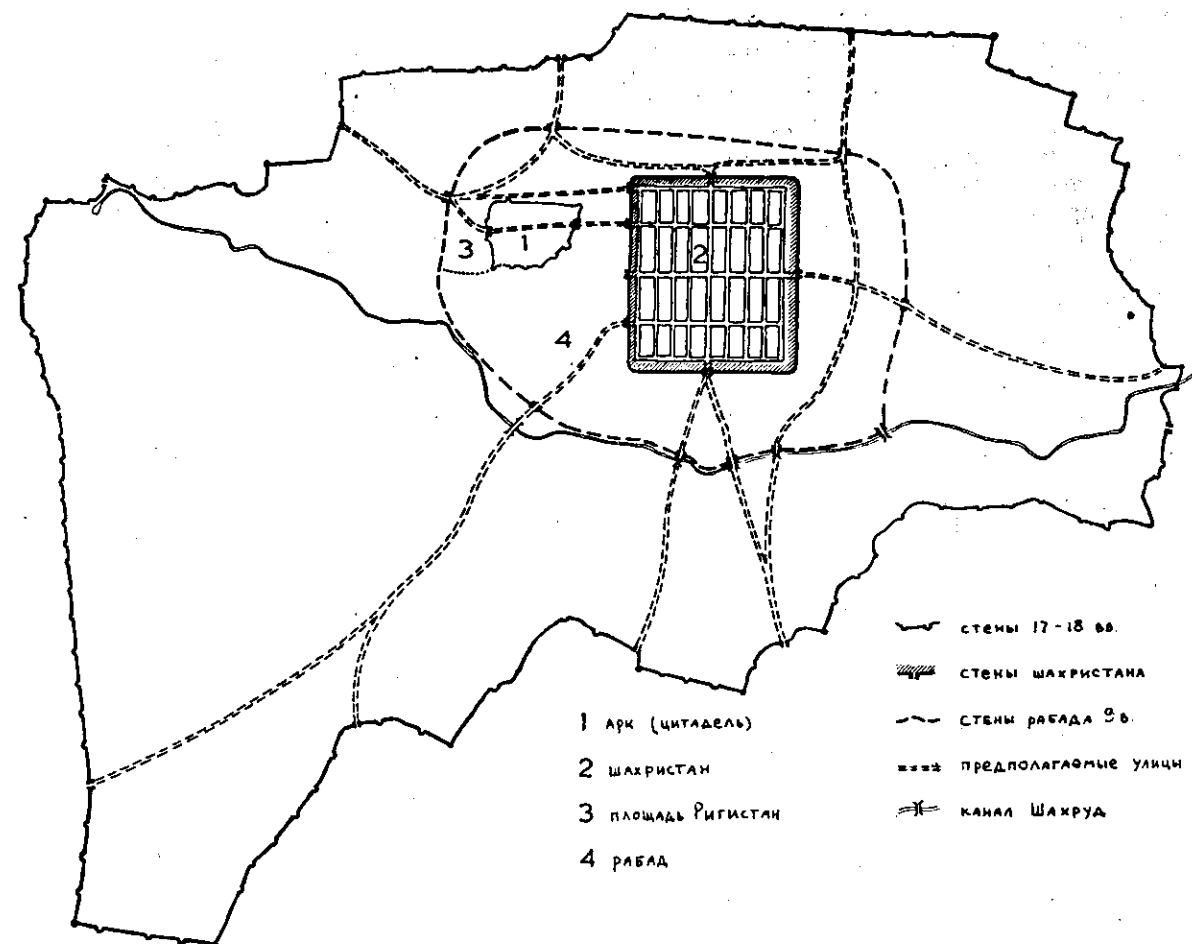
Древний шахристан Бухары угадывается в центре современного города в виде заметного возвышения, приподнятого на 5—6 м над сосед-

ней местностью. По убедительной реконструкции О. Большакова это был прямоугольник размерами около 575×600 м, ориентированный по странам света; одинаковые прямоугольные кварталы разделялись прямыми улицами, проложенными параллельно и перпендикулярно стенам. Две осевые улицы, пересекавшиеся в центре города, заканчивались городскими воротами — кроме этих четырёх ворот в городской стене, обращённой на запад, в сторону цитадели, имелось ещё трое ворот¹². В реконструкции вызывают сомнение кварталы, лежащие у городских стен, — они кажутся слишком узкими и маленькими. Кажется более вероятным (и разумным с позиции обороны), что стены изнутри не были застроены и вдоль них проходили улицы. Таким образом, доарабская Бухара была небольшим, строго регулярным городом, построенным по продуманному плану, — именно так строилось большинство городов Средней Азии того времени.

В 120—150 м к западу от города, ближе к его СЗ углу, возвышался арк — цитадель Бухары, значительно более древняя, чем город. Её двое ворот, связанные улицей, были обращены на З. и В., — восточные ворота впоследствии были уничтожены. Арк оставался резиденцией правителей Бухары до 20 века. К приходу арабов здесь были дворец бухар-худатов, священная могила легендарного героя иранского эпоса Сиявуша и храм, который Кутейба ибн Муслим превратил в мечеть. Христианская церковь, расположенная в южной части шахристана, также была превращена в мечеть арабского племени Ханзала. Наршахи сообщает также о мечети корейшитов в северо-восточной части шахристана, — судя по плотной застройке шахристана, и эта мечеть возникла не на пустом месте, а была перестроена из какого-то доисламского храма.

Возникновение рабадов Бухары относится, безусловно, ещё к доисламскому времени. Это видно из того, что одна из старейших мечетей города — Мах — была построена к югу от шахристана на месте «храма магов», то есть зороастрийского храма; этот храм стоял на базаре, где продавались «идолы», то есть находился уже в черте города. В середине 8 в. рабады Бухары примыкали к шахристану по крайней мере с южной и восточной сторон; южной границей рабада был, видимо, канал Шахруд, протекавший в 300 м от шахристана, на востоке ширина рабада была примерно такой же. Что касается западной стороны, то здесь граница рабада доходила, может быть, только до арка, но не охватывала его со всех сторон. С северной стороны рабада как будто не было, и здесь границей города по-прежнему оставалась стена шахристана.

От этого раннего, «внутреннего» рабада Бухары не осталось следов, и вопрос о его размерах и границах останется, вероятно, навсегда дискуссионным. Неясно даже, был ли этот рабад окружен стеной: его ворота, упоминаемые в

Бухара 9—10 вв. Реконструкция плана. По О. Большакову с коррекцией Е. Давидовича.

исторических источниках, могли быть обычными городскими воротами, но могли быть и воротами, «замыкавшими» отдельные торговые улицы и, значит, не связанными ни с какими стенами. Если эта стена первого, ставшего позже внутренним, рабада и существовала, то к середине 9 в. она потеряла значение, разрушилась или была разобрана. В 849—850 гг. разросшийся город был окружен стеной с 11 воротами, внутри которой оказались недавние пригороды, — теперь здесь размещались жилища (в том числе замки знати, ушедшей из шахристана после захвата их домов арабами) и базары. Внутри городской стены оказался и арк вместе с возникшей к западу от него площадью Регистан, на которой позже — в саманидское время — были построены дворцы, здания «диванов» и другие общественные сооружения.

К 10 в., когда Бухара уже около 100 лет была столицей государства Саманидов, относятся её описания, сделанные аль-Истахри и аль-Мукаддаси. Вместе с книгой Наршахи (который не столько описывал современную ему Бухару, сколько писал её историю) эти описания позволяют представить себе устройство города, характер его застройки, расположение некоторых

крупных зданий. Про кухендиз (арк) сообщается, что в нём — «...местопребывание правителей Хорасана из рода Самана», царские сокровищницы и темницы, но — наряду с этой древней резиденцией — есть дворец, стоящий на обширной площади перед кухендизом (то есть на Регистане), лицом к нему и спиной к кыбле. Портал этого дворца, как говорилось, вызвал особое восхищение аль-Мукаддаси.

Первая мечеть Бухары была построена арабами в 713 г. в арке (кухендизе) на месте «языческого» (вероятно, буддийского) храма. Одновременно или немного позже была основана мечеть — «намазгох» для массовых богослужений в дни главных исламских праздников Фитр и Курбан, — её построили в северной части площади Регистан, которая к этому времени сформировалась перед западными воротами арка. Главная, пятничная мечеть, возникшая в 795 г. в тесном пространстве между арком и шахристаном, была перестроена и расширена в 902 г. Исмаилом Саманидом, которому для этого пришлось скупить (и сломать) много соседних домов. Эта мечеть два раза обрушивалась, причём один раз во время пятничного богослужения, когда она была заполнена люд-

ми. В 919 г. к ней был пристроен минарет, — первый, известный в Средней Азии; его строительство оплатил везир (министр) Абу Абдаллах Джейхани.

Мечеть Исмаила Саманида включала в себя, по словам аль-Мукаддаси, «несколько чистых дворов», — это предполагает план арабского типа, хотя в арабских мечетях двор, как правило, только один.

В 1068 г. загорелся деревянный верх минарета, а за ним мечеть. Вскоре оба были восстановлены, причём верх минарета сделали на этот раз из жженого кирпича. Однако место было сочтено неудобным, и новую, последнюю пятничную мечеть Бухары в начале 12 в. построили в юго-западной части шахристана; основательно перестроенная в начале 16 в., она стоит на этом месте и ныне. Не исключено, что огромная мечеть 12 в. возникла на месте мечети, построенной в 952 г. эмиром Нухом ибн Насром. Кроме пятничной мечети и нескольких старых, учреждённых ещё арабами, источники называют мечеть Ахид (или Ахмеда) в центре города, мечеть Арид (место неизвестно) и упомянутую мечеть Мах к югу от шахристана, рядом с каналом Шахруд. Эта мечеть, сильно перестроенная, существует и ныне под именем Магоки Аттори. Аль-Мукаддаси назвал мечети Бухары великолепными. Уже при Саманидах в Бухаре появились медресе. Летом 937 г. во время катастрофического пожара сгорело медресе Фарджек (или Фараджек), стоявшее, вероятно, в юго-восточной части внутреннего рабада. К востоку от шахристана, уже за границей внутреннего рабада, находилось медресе Келлабад. Имелись в городе и бани, которые аль-Мукаддаси назвал опрятными. Он же, выразительно описывая тесноту жилых кварталов Бухары, счёл нужным отметить такую особенность местной архитектуры, как множество балконов — «аджнаха», то есть нависающие над улицей верхние этажи домов с зарешеченными окнами.

Город — за исключением возвышенного шахристана — был прорезан множеством каналов, отходящих от главного канала Шахруд, который источники иногда называют рекой. С каналами были связаны многочисленные водоёмы — «хаузы», которые оставались особенностью Бухары до недавнего времени и долго были единственным источником питьевой воды.

Большая часть зданий Бухары была построена если не целиком из дерева, то с его широким применением. Повествование Наршахи изобилует рассказами о сильных пожарах, от которых гибли дворцы, мечети и даже минареты. Так, дворец, отстроенный после пожара при эмире Мансуре ибн Нухе, вскоре снова сгорел от искры, упавшей на его крышу. Вместе с тем архитектурные детали из дерева, особенно старинные и художественной работы, высоко ценились. Эмир Ахмад ибн Нух, например, при строительстве нового дворца у ворот арка использовал деревянные части дворца в Варахше, построенного, по легенде, за 1000 лет до этого.

Саманиды не жалели денег на строительство дворцов, и красота некоторых из них, по словам Наршахи, вошла в поговорку. Вероятно, это увлечение было в известной мере вызвано соображениями престижа: столица государства не хотела отстать от столицы Халифата, которая в 9 в. украсилась грандиозными дворцовыми ансамблями. Но едва ли было бы правильно представлять бухарские дворцы подобными дворцам Самарры с их замкнутым прямоугольным планом и крепостными стенами: Средняя Азия ещё с доантичных времён имела опыт строительства крупных дворцовых комплексов.

Облик Бухары 9—10 вв. с её высоким холмом арка, обширной платформой шахристана и выросшим вокруг них шумным рабадом дополнялся окрестностями, где располагались усадьбы-виллы, окруженные садами. Они образовывали обширное, благоустроенное полукольцо пригородов. И если пока нельзя говорить (для этого нет материалов) о сознательной мысли архитектора-градостроителя применительно к сложению городской структуры (она, вероятно, развивалась всё же стихийно), то пригородные дворцы-виллы, судя по описанию Наршахи, создавались по проектам, и их архитектурная организация определялась заранее: «В Бухаре нет места жилища лучше, чем прекрасный, похожий на рай Джуи Муллиан, потому что вся эта местность занята дворцами, парками, цветниками, фруктовыми садами и водами, постоянно текущими по её рощам. Каналы пересекаются между собой и проведены по тысяче направлений в сторону рощ и цветников... Такое расположение придумали самые искусные мастера своего времени и архитектуры... От ворот Регистана до Дештака были хорошо распределенные, разукрашенные, высокие каменные постройки, украшенные живописью, гостиницы, искусно разбитые парки, листья их образовали как бы шатёр. Густая листва не давала лучам проникать в места для отдыха и в бассейны».

Таким образом, если не в самой Бухаре 10 в., то в её ближайших окрестностях существовали законченные дворцово-парковые ансамбли, некоторое представление о которых можно составить как по приведенному эмоциональному описанию, так и по остаткам более поздних, но, вероятно, похожих архитектурно-садовых комплексов.

САМАРКАНД

Этот город, один из древнейших в Средней Азии, всегда играл роль культурного и хозяйственного центра Мавераннахра и естественной столицы Согда. Таким его сделало положение на скрещении торговых дорог из Ирана, Индии и тюркских земель, а также плодородие оазиса, где с давних времён развивалась оседлая земледельческая культура. Ещё в начале 8 в. считалось, что Самарканд существует 2250 лет; сохранился драматический рассказ о том, как

Самарканд с окрестностями в 9—10 вв. По О. Большакову. 1 — цитадель, 2 — пятничная мечеть, 3 — жилой квартал, 4 — дворец (?), 5 — «купольный зал», 6 — Кешские ворота, 7 — Наубехарские ворота, 8 — Бухарские ворота, 9 — Китайские ворота.

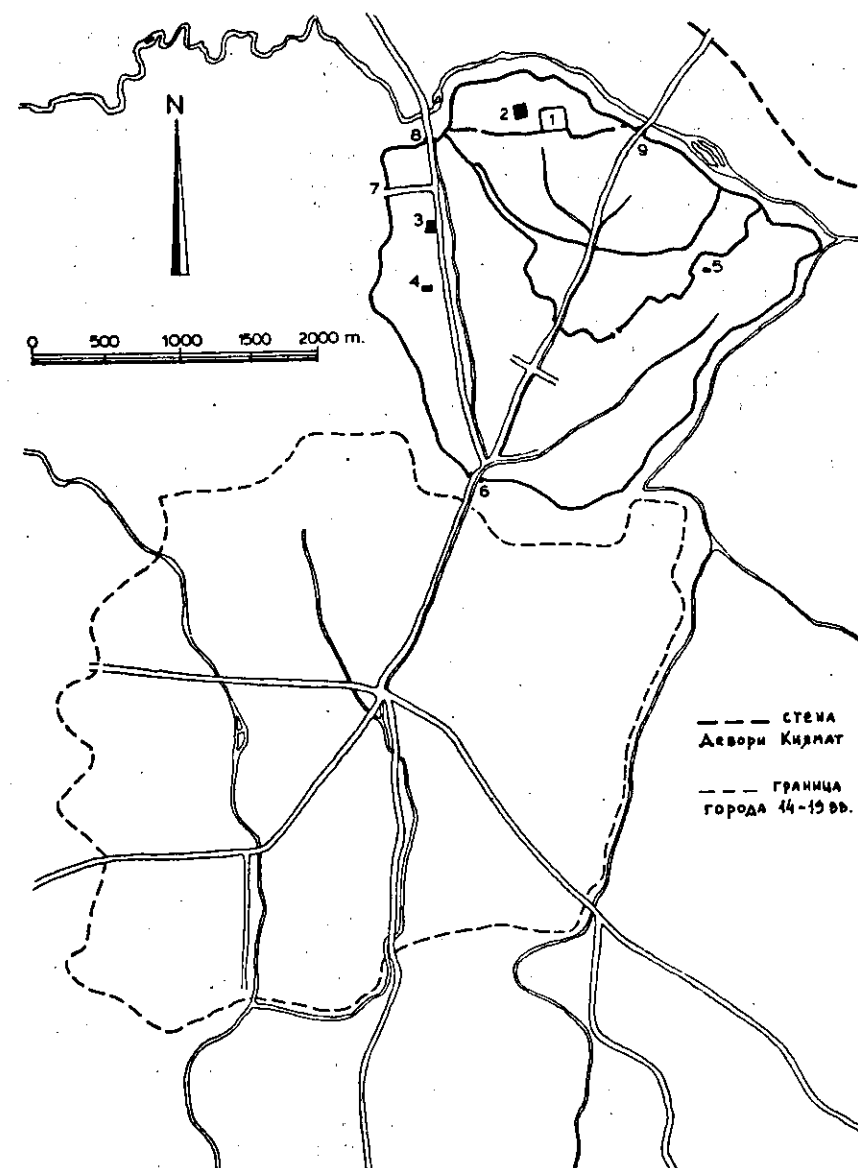
его — под именем Мараканда — осаждал и брал штурмом Александр Великий.

В 8 в. город располагался на плато приблизительно треугольной формы, обращённом затупленным концом к югу, общей площадью около 210 га. Древнейшей частью Самарканда был северный выступ плато, круто обрывающийся к реке Сиаб. Здесь, на неприступной высоте, стоит городская цитадель; рядом с ней в 9 в. (если не раньше) появилась большая пятничная мечеть. Отсюда город распространился к югу, причём каждое существенное расширение его территории отмечалось сооружением новой линии стен. Последнее, четвёртое полукольцо укреплений опоясало город по западному и восточному краю плато ещё до прихода арабов, — северная сторона в укреплениях не нуждалась, так как здесь был крутой и высокий обрыв. Таким образом, уже к началу 8 в. Самарканд занимал всю поверхность плато, а в низкой южной его оконечности даже вышел за его

пределы: археологи установили, что в 9 в. здесь существовал рабад, более чем в два раза превышавший размеры города-шахристана, расположенного выше и северней. Этот рабад возник, безусловно, ещё в доарабское время¹³.

Фактически же рабад Самарканда возник ещё раньше: первоначально это была территория плато, застроенная, но лежащая вне городских стен. Каждый раз с появлением новой стены часть этой застройки становилась неотъемлемой частью шахристана, и так продолжалось до строительства четвёртой стены, окончательно определившей площадь и форму внутреннего города.

В этом городе было четверо ворот: Кешские ворота, ведущие в «новый» рабад, располагались на юге, Наубехарские — на северо-западе, Бухарские — на севере, недалеко от цитадели, Китайские — на северо-востоке. От двух последних ворот к Сиабу спускались по крутому спуску-серпантину. Главными воротами были Кешские

кие, то есть южные: отсюда в глубину шахристана расходились лучами три главные улицы, отсюда же наружу, на юг шла дорога, ставшая главной улицей рабада.

Но территория раннеисламского Самарканда этим не ограничивалась. Окрестности города были окружены сплошной, уже упоминавшейся стеной, которая называлась Дивари Киямат и была построена (или восстановлена) в первой половине 8 в. — может быть, из страха перед вторгшейся в это время в Среднюю Азию китайской армией. Площадь, охваченная этой стеной, составляла около 11 тысяч га, — рабад, размером около 160 га, составлял лишь её небольшую часть. Кроме рабада, который не имел стен, вся эта обширная территория состояла из полей, садов, усадеб и селений и была прорезана дорогами (местами застроенными); в местах пересечения этих дорог с Дивари Киямат имелось 12 ворот¹⁴.

В 8 в. Самарканд несколько раз восставал, изгонял арабов и снова подчинялся им, в годы восстания Муканны трижды переходил из рук в руки и в результате был, видимо, основательно разорён. Поэт 8 в. Аббас ибн Тархан, побывав в Самарканде, назвал его развалиной и предсказал, что он никогда больше не оживёт. Этого не случилось. В 9 в., став столицей государства Саманидов, Самарканд воскрес, отстроился, украсился монументальными зданиями. В западной части его треугольной медины были построены дворцы Саманидов, в восточной и средней — усадьбы новой знати, чиновной и военной. Вскоре после того, как Исмаил Саманид перенёс столицу в Бухару, положив этим начало упадку Самарканда, город посетил багдадский географ Абул-Касим Мухаммед ибн Хаукаль. Он оставил описание Самарканда, соединив в нём, вероятно, впечатления от богатого, цветущего рабада и опустевшей «внутренней медины» (древнейшей части шахристана), разрушенные здания которой некогда возвели «великие и славные цари» прошлого. Арабский учёный поднялся на цитадель, где нашёл новую тюрьму и старый, покинутый дворец досаманидского правителя. С высоты цитадели ему открылся «... прекрасный из видов, который когда-либо видел взор человека и которым он когда-либо восхищался... свежую зелень деревьев, блистающие замки, текущие каналы и непрекращающуюся культуру... Выделяются площади и возвышаются украшающие город здания... Что за вид, сколько на это потрачено средств и как зрелище это пленяет сердца всех людей!.. И замки, и высоко построенные башни, прочно сложенные, представлявшие великолепные жилища и драгоценные палаты и вообще обстоятельства, свидетельствующие, что были великие и славные цари... они опустевшие и разрушенные». Далее Ибн Хаукаль отметил совершенную систему городского водоснабжения, включая водопровод из свинцовых труб, который подавал воду на возвышенный шахристан. Остатки этого водопровода, имевшего вид своеобразного акведука,

были найдены при раскопках у южных, Кешских ворот.

Путешественник заметил обильное озеленение жилых кварталов («... лишь при немногих домах нет сада»), многочисленность бань и караван-сараев, большие базары («... как в крупных городах»). «... К рабаду подходят базары, улицы и кварталы, а в свободных его местах расположены ровные пространства с замками и садами... Городские базары, караван-сарай и торговые здания помещаются в шахристане... В шахристане, в месте, называемом Асфизар, расположены дворцовые здания, возведенные Саманидами...»

Из этого не всегда ясного описания как будто следует, что рабадом Ибн Хаукаль считал всё пространство внутри внешних стен, а шахристаном — всю территорию плато, которая позже стала называться Калаи Афрасиаб (или просто Афрасиаб). Грустные же слова о великолепных жилищах, ныне опустошенных и разрушенных, могут относиться к «внутренней медине», хотя и вокруг городского центра в то время могло быть достаточно руин: на востоке, как и на западе, развалины естественно вписывались в ландшафт средневекового города.

Неизвестно, в доисламское или уже в исламское время появились на улицах Самарканда скульптурные изображения, о которых с удивлением сообщает Ибн Хаукаль: «В нём находятся сделанные из оштукатуренного кипарисового дерева диковинные изображения животных — лошадей, быков, верблюдов и антилоп, поставленные так, точно они наступают друг против друга и высматривают один другого, как будто собираются вступить в бой или состязание...»

К концу 9 — началу 10 вв. относится описание Самарканда, сделанное Ибн аль-Факихом: «Говорят, что Самарканд построил аль-Искандер (Александр Великий). А окружность его стены 12 фарсахов, и в ней 12 ворот; от ворот до ворот 1 фарсах. А на стене есть зубцы и башни для ведения войны. И эти 12 ворот — деревянные, двустворчатые, а на некотором расстоянии от них имеются другие ворота, и между этими двумя воротами — жилище привратника. И когда пройдёшь посевы, то окажешься в рабаде, в котором постройки... Стена окружает его рустак (районы или кварталы) и его сады, и его парки, и в ней эти 12 ворот. Затем входишь в медину... и в ней четверо ворот... затем входишь во внутреннюю медину. Пятничная мечеть находится в этой медине, и в ней кухендиз, и в ней местопребывание власти. В медине есть текущая вода. А что касается пространства внутри большой стены, то в ней есть реки и каналы. А в кухендизе есть железные ворота в начале и железные ворота в конце»¹⁵. Из этого делового описания как будто следует, что на рубеже 9 и 10 вв. цитадель (кухендиз) Самарканда была ещё жива и населена, и что «местопребывание власти» лишь позже переместилось отсюда на юго-запад, за третью стену шахристана.

Шахристан древнего Самарканда — Афрасиаб — был разрушен монголами в 13 в. и с тех пор не воскресал. Удобный для раскопок мёртвый город привлек археологов ещё в 19 в., но особенно интенсивные раскопки ведутся здесь последние 30 лет. Их следствием было множество интересных находок, в том числе и архитектурных. Например, было установлено, что в 10 в. площадь между пятничной мечетью и северными воротами была заселена ремесленниками с их мастерскими и лавками, подступившими к самым стенам мечети. Было обнаружено 4 бани 9—10 вв., одна из них на территории дворца¹⁶. На северо-западе шахристана раскопан большой жилой квартал, существовавший в 9—10 вв., представлявший собой сложный архитектурный комплекс. На востоке открыта и исследована жилая усадьба с великолепно украшенным купольным залом¹⁷.

И всё же сегодня представления о Самарканде эпохи Саманидов — это как бы масса отдельных деталей, осколков, которые не складываются в общую картину. Причина этого — в разобщённости, случайности и поначалу низком качестве археологических работ, и не в последнюю очередь — в недостатках публикаций. Даже научные публикации последних лет, собранные в 4 сборника «Афрасиаб», почти лишены обмерных чертежей, а описания часто неясны и неточны. Слишком ранними и недокументированными раскопками были фактически уничтожены остатки дворца Саманидов, который располагался к западу от улицы, соединявшей Кешские и Наубехарские ворота. Ещё не сделана, к сожалению, попытка создать общий план древнего Самарканда определённой эпохи — предисламской или раннеисламской — на котором были бы показаны все известные ныне здания этого времени.

Тем не менее уже сейчас можно в общих чертах представить себе динамику развития Самарканда с момента взятия его арабами в 712 г. и далее: разорение и упадок, следовавшие за арабским вторжением; возрождение с середины 8 в.; новый подъём в 9 в., сопровождавшийся расширением территории и строительством монументальных, богато украшенных зданий; развитие, но уже не столь бурное, в 10 в., когда город потерял статус столицы Саманидов, но продолжал оставаться крупнейшим хозяйственным и культурным центром Мавераннахра.

Можно представить себе и сам город в 10 в.: приподнятый над цветущей долиной оазиса, защищённый зубчатыми стенами, с тремя улицами-лучами, замощёнными сланцем, разбегающимися от южных ворот; на севере, на обрывистом берегу реки Сиаб — глиняный массив цитадели с руинами дворца прежних правителей, рядом — высокие глухие стены большой квадратной мечети, поднятые над скоплением плоских крыш и дворцов ремесленного квартала. В центре — жилища знати с куполами и тенистыми зелёными дворами, в западной стороне — дворец Саманидов (известны несколько его помещений, что

недостаточно, чтобы восстановить его общий план и устройство) в окружении плотно застроенных жилых и торговых кварталов. Далее к югу, к Кешским воротам, тянулись плотно застроенные, но, видимо, озеленённые кварталы жилищ горожан среднего достатка. Судя по рассказам современников, в шахристане (внешней и внутренней медине) Самарканда базаров не было.

К югу от Кешских ворот, в местности, называемой Рас ат-так, вырос новый городской центр — обширный рабад с базарами и торговыми зданиями. Открытое пространство внутри рабада, посыпанное песком и тоже, наверно, служившее местом торговли, впоследствии превратится в площадь Регистан и станет центром будущего тимуровского Самарканда. Вокруг плотно застроенного рабада среди садов и полей высились глиняные башни замков, а вдоль дорог, ведущих к воротам внешней стены Дивари Киямат, концентрировались селения, которые рассматривались как кварталы («махалла») в составе рабада. Ворота Дивари Киямат в 10 в. были открыты: их створки были убраны по приказу Саманидов, которые — видно, не без основания — считали жителей Самарканда склонными к восстаниям. Общее пространство внутри внешних стен города было в два раза больше территории аббасидской Самарры, но его большая часть — поля, сады, усадьбы и селения — по существу, как говорилось, городом не являлась. Однако именно здесь, после монгольского разгрома, возродился новый знаменитый Самарканд 14—17 веков.

МЕРВ

Историческая и естественная столица Хорасана, Мерв возник на берегу реки Мургаб в 6 в. до н. э. Античным авторам он был известен как центр обширной области Маргиана и связывался — под именем Александрия Маргианская — с восточным походом Александра Великого. Позже Мерв последовательно входил в состав Парфянской и Сасанидской империй, а в 651 г. был захвачен арабами, которые сделали этот город резиденцией наместника и опорным пунктом для дальнейшего завоевания Средней Азии.

Раннесредневековый, доисламский Мерв, названный мусульманами Гяур-кала («крепость неверных»), — это имя сохранилось до наших дней) представлял собой высокую квадратную платформу площадью около 3,5 кв. км, обнесённую мощными глиняными стенами. Северо-западный угол этого квадрата, ориентированного по странам света, был скошен из-за текущего рядом канала, в середину северной стены была врезана древняя цитадель — Эрк-кала, имеющая вид ещё более высокого многоугольного искусственного холма, также окруженного толстыми и высокими стенами. У западного края Гяур-калы с юга на север протекал канал Разик, ещё западнее, в том же направлении — каналы

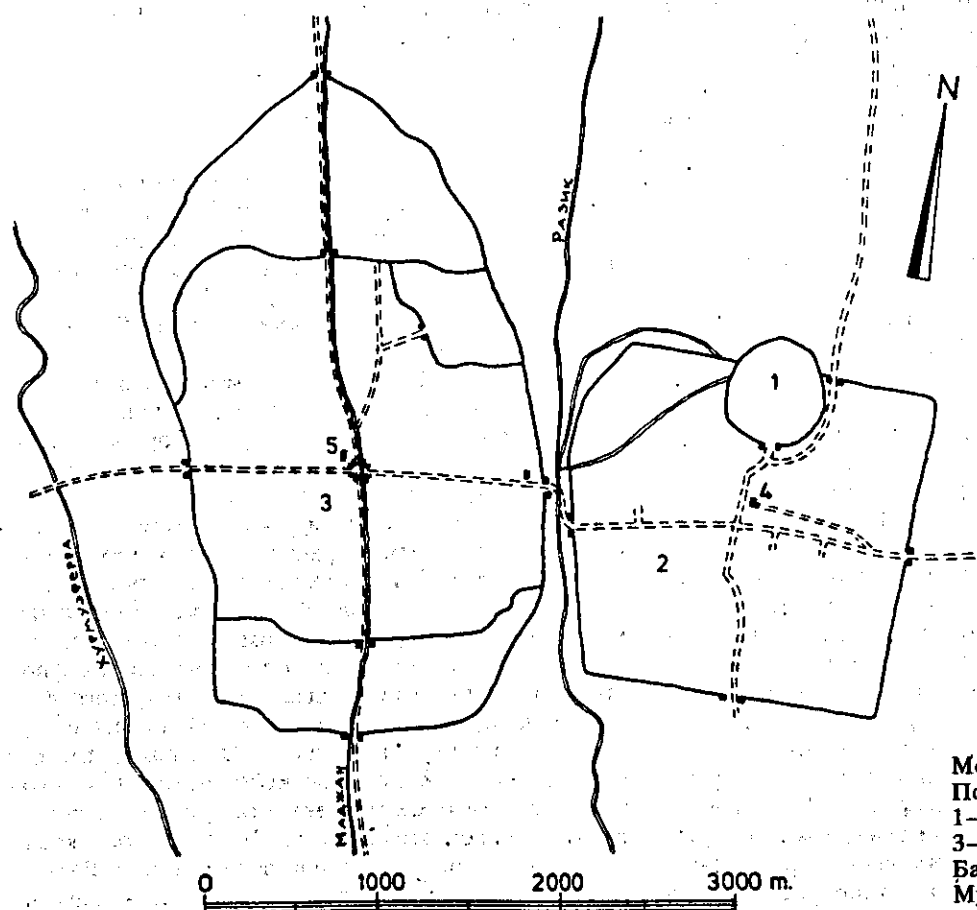

Маджан и Хурмузфerra. Две осевые улицы, крестообразно пересекаясь в центре города, делили его на четыре больших квартала и завершались, соответственно, четырьмя городскими воротами; северные ворота располагались к востоку от Эрк-калы. В парфянское время (2 в. до н.э.—3 в. н.э.) окрестности Мерва, площадью более 60 кв. км, были окружены сплошной стеной, которая получила название Гилякин — Чильбурдж. Построенная из прессованной глины «пахсы» и укрепленная башнями («чильбурдж» — сорок башен), эта стена, как и подобная ей в Самарканде, никогда не была границей города: она защищала окрестности города от нападений номадов, но, конечно, и определяла собой особенно интенсивную застройку этих окрестностей усадьбами и замками.

К моменту арабского завоевания Мерв почти не выходил за пределы Гяур-калы, хотя его окрестности были густо заселены, а два селения, лежащие вплотную к западной стороне городища, можно рассматривать как зародыш рабада. В середине 8 в. здесь, за западными Сарахскими воротами, вдоль дороги, которая была продолжением осевой улицы, вырос настоящий рабад с жилыми кварталами, базарами и общественными зданиями. К началу 10 в. «язык» новой городской застройки, постепенно удлиняясь, достиг канала Хурмузфerra, и на пересечении канала Маджан с дорогой (теперь

уже улицей), идущей от Сарахских ворот Гяур-калы, определился новый городской центр. Получилось так, что рядом с древним парфяно-сасанидским Мервом, ещё живым, но уже затухающим, возник новый Мерв, в который переместилось средоточие городской жизни. Возможно, на рубеже 9—10 вв. этот новый город, получивший имя Султан-кала, был, так сказать, узаконен возведением вокруг него стен с воротами и башнями; эти укрепления образовали неровный, перекошенный квадрат, внутри которого две главные пересекающиеся крестообразно магистральи определили, как и в Гяур-кале, городской центр.

Динамику развития города, вырвавшегося из старых окостеневших границ иллюстрирует подвижность его религиозного центра. Первая мечеть в Мерве была построена арабами в самой середине Гяур-калы, у пересечения двух главных улиц; она, вероятно, была небольшой и называлась Бану Махан. Место было выбрано не случайно: первые арабы-жители Мерва жили ещё в шахристане, где была построена резиденция наместника, а рядом, в цитадели Эрк-калы, находились арсенал и тюрьма. Вскоре, однако, жители Мерва — как арабы, так и местные — стали переселяться в западный пригород у Сарахских ворот, и здесь была воздвигнута вторая пятничная мечеть, — точное время её строительства неизвестно, но уже в 10 в. её

Мерв в 8—12 вв.
По О. Большакову.
1 — Эрк-кала, 2 — Гяур-кала,
3 — Султан-кала, 4 — мечеть
Бану Махан, 5 — мечеть Абу
Муслима.

называли Старой мечетью. Рядом с ней возник базар и дворец наместника Хорасана Насра ибн Сейяра. В середине 8 в. Абу Муслим окончательно перенёс административный центр Мерва из шахристана в западный пригород, на канал Маджан, построив там новую пятничную мечеть, правительственную резиденцию («дом правления») и базар. В 9 в. халиф аль-Мамун восставил заброшенную к этому времени мечеть Бану Махан, что говорит о том, что жизнь в Гяур-кале тогда ещё не совсем угасла. Период правления аль-Мамуна до его отъезда в Багдад, когда Мерв на короткое время стал столицей Халифата, был, наверно, самым блестящим периодом его «арабской» истории. Это выразилось, в частности, и в восстановлении старой святыни, и в сооружении — на дальней западной окраине, у канала Хурмузфerra — загородной мечети «намазга» для празднования двух главных исламских праздников Курбан и Фитр. Задолго до постройки этой мечети здесь находилась «площадь Йазид», где устраивались военные смотры и парады. В конце 9 в. эмир Мерва Хусейн ибн Тахир решил перенести сюда торговый и административный центр города и для этого построил на канале Хурмузфerra несколько крупных (возможно, правительственных) зданий. Перенос не состоялся, но этот окраинный район стал крупным ремесленным центром города.

После отъезда аль-Мамуна в Багдад, и особенно после того, как Тахириды (во второй четверти 9 в.) перенесли столицу Хорасана в Нишапур, для Мерва наступает время упадка. Но и в это время жизнь в старой Гяур-кале ещё не совсем прекратилась, и даже древняя цитадель Эрк-калы в 9 в. была частично обжита. Тем не менее средоточие городской жизни окончательно передвинулось на канал Маджан, где, несмотря на плохие времена, город начал расширяться в северном и южном направлении, постепенно приближаясь к границам будущего «сельджукского» Мерва 11—12 вв. В 10 в. уже были застроены юго-западный угол и частично северная часть будущей Султан-калы.

О состоянии Мерва в 10 в. известно по описаниям, оставленным аль-Истахри и аль-Мукаддаси. Впечатления обоих авторов не во всём совпадают, но позволяют сделать вывод, что Саманиды не очень заботились о благосостоянии бывшей резиденции наместников Халифата, ещё сохранившей к тому времени былую красоту, но заметно обезлюдевшей.

Аль-Мукаддаси пишет: «Мерв, известный под именем Мерв-Шахиджан, — город процветающий (?), со здоровым климатом, изящный, блестящий, просторный, малонаселённый... жилища красивые и высокие: по своей красоте дома — точно кайма по обе стороны города... обе пятничные мечети из кирпича, в них нет дерева и навесов (над двором)... Там медресе, в которых каждому читающему лекции — жалование. Базары красивые, — не видишь ли ты, как ряды их теснятся со всех сторон около верхней

пятничной мечети? И там известный блистающий дворец с большим айваном, построенный Абу Муслимом... Мерв был бы превосходный город, если бы в нём не было мало населения... Треть рабада разрушена, точно древний (город); жилища обветшали... Старый город (медина) на холме; в середине его мечеть, которая была в старину пятничной, вокруг неё немногочисленные жилища; у ворот, ведущих к рабаду, постройки и маленький базар. А в рабаде находятся две пятничные мечети: одна из них около ворот (старого) города, другая в ряду менял... она и здания вокруг неё построены Абу Муслимом, создателем династии (Аббасидов)... Цитадель находится в (старом) городе, она разрушена, подняться на неё трудно»¹⁸.

Аль-Истахри, описывая Мерв, использовал материалы более раннего автора аль-Балхи, впечатления которого от города относятся, видимо, к концу 9 в. Может быть, поэтому рассказ аль-Истахри носит менее минорный характер, а начало его патетично: «Мерв чистотой, красотой расположения, планировкой зданий и кварталов между каналами и древесными насаждениями, разделением по специальностям ремесленников на базарах превосходит прочие города Хорасана». О «внутренней медине», то есть Гяур-кале он сообщает, что там имеются бассейны-«хаузы», наполняющиеся водой из канала Разик, и действующая мечеть, в которой, правда, прекращены пятничные богослужения, — о запустении этой древней части города не говорится ни слова. Далее сообщается о двух других пятничных мечетях — «старой», стоящей у западных ворот за пределами Гяур-калы, и новой, возведённой в центре рабада на канале Маджан¹⁹.

Рассказ аль-Истахри о «доме правления» в Мерве, построенном в середине 8 в. рядом с третьей мечетью — первое конкретное (хотя и краткое) описание здания в истории архитектуры Средней Азии: «Это куполообразное здание из обожженного кирпича; ширина его 55 гязов, и внутри виден способ постройки перекрытия; в здании этом четыре двери, каждая ведет к portalу вышиной в 30 гязов, а перед каждым порталом четырехугольная площадка». Мы вернёмся к этому описанию позже, — здесь же отметим только, что, судя по строго центричной композиции (квадратный купольный зал и порталы на все 4 стороны), «дом правления» должен быть центральной частью крупного, регулярно организованного городского ансамбля, в состав которого входили тюрьма, мечеть и другие значительные постройки. Такой ансамбль предполагает предварительный архитектурный замысел, выраженный в проекте.

Описывая цитадель Мерва, древнюю Эрк-калу, аль-Истахри отмечает её полное запустение, но всё ещё действующую систему подземных каналов, которые по-прежнему подают воду во внутреннюю часть Эрк-калы, — благодаря чему «...на ней иногда разводят бахчи, огороды и прочее». Любопытно упоминание о куполооб-

разной постройке в доме одного жителя Мерва, — она показалась аль-Истахри такой примечательной, что он упомянул её наряду с крупными зданиями, стоящими на центральном канале Маджан, который стал продольной (юг-север) осью нового города — «домом правления», новой мечетью и тюрьмой. Аль-Истахри упоминает и городские стены Мерва, но неясно, имеет ли он в виду стены Гяур-калы (её ворота он перечисляет), или также укрепления нового города, будущей Султан-калы. Из других источников известно, что стены вокруг Султан-калы были построены (или восстановлены) в начале 10 в., когда городом правил мятежный вассал Саманидов Ахмед ибн Сахл.

Таким образом, Мерв 9—10 вв. состоял как бы из двух городов. Восточный город — античная Александрия Маргианская или парфянский Митридатокерт — находился в стадии медленного, но неуклонного умирания. Западный город, возникший на месте предарабского рабада, напротив, столь же неуклонно, но быстро развивался. Его центром стала площадь на пересечении канала Маджан и дороги, ведущей из старого города на запад, в Серахс, — посреди площади (видимо, прямо над каналом) стояло купольное, открытое на 4 стороны здание Чарсу, где оглашались распоряжения правителей и совершались казни, рядом стояли пятничная мечеть и дворец правителя, располагались базары и квартал мянел. Обширное пространство вокруг этих городов, окруженное стеной Гилякин-Чильбурдж, уже не считалось территорией города, но было заполнено усадьбами и замками, руины которых частично видны и ныне. Мерв в это время был, безусловно, крупнейшим городом Хорасана. Но ещё более блестящий расцвет и слава ожидали его впереди — в 11—12 вв., когда он стал столицей огромного государства Сельджуков, прежде чем окончательно погибнуть от кровавого удара монголов.

НИШАПУР

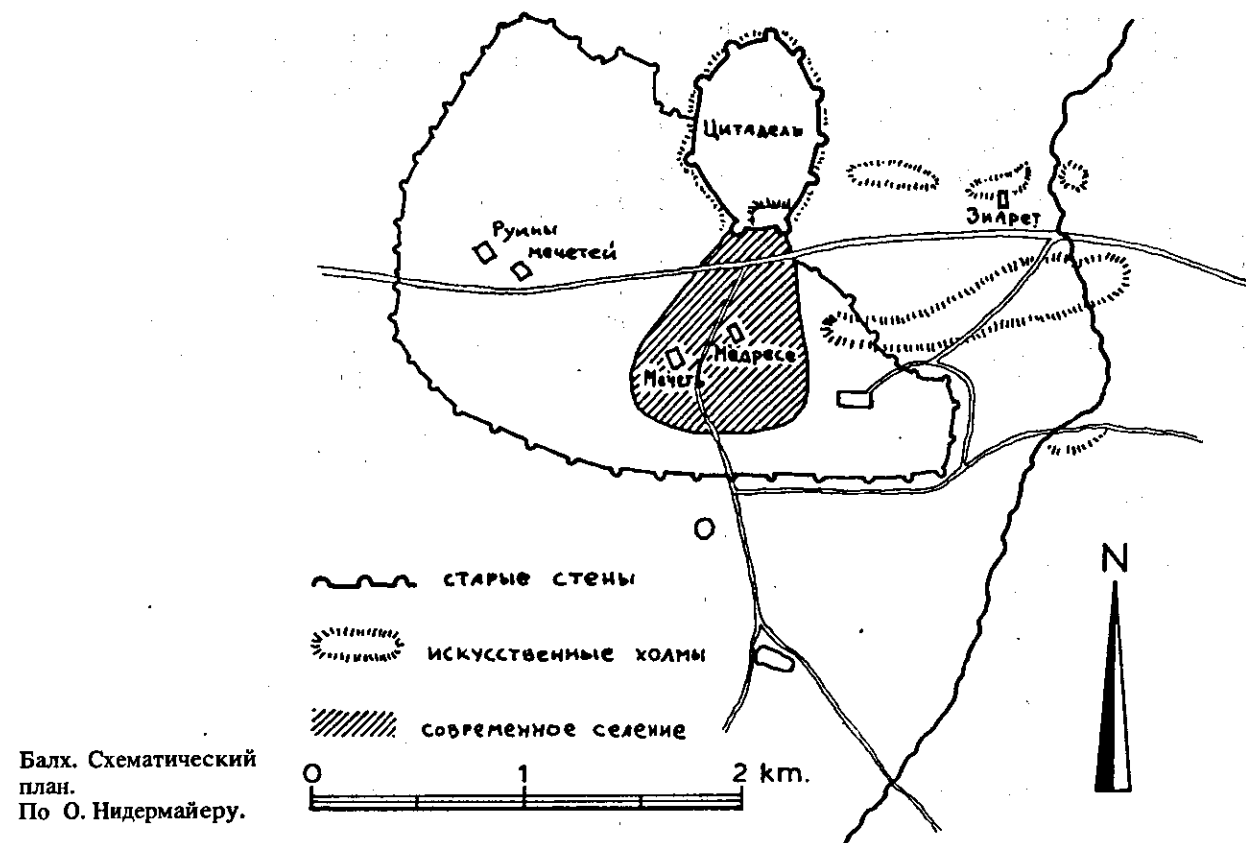
Этот крупный город стал в 9 в., при Тахиридах, столицей Хорасана, лишив этой привилегии Мерв. В 9—10 вв. Нишапур состоял из цитадели-кухендиза, (который, как в Бухаре, был расположен снаружи от шахристана), внутреннего города — шахристана или медины, окруженного стенами с четырьмя воротами и отделённого от кухендиза рвом, и большого, окружающего их рабада. Главной частью города в это время уже был рабад, — в нём, кроме жилых кварталов, находились рынки, административные здания, дом правления, пятничная мечеть и тюрьма — основные постройки, определяющие «лицо» города. Многочисленные караван-сарай, выстроенные между специализированными базарами, также были местом торговли и ремесленного производства. Водопроводная сеть города, которая состояла из подземных каналов, охватывала собой рабад и шахристан.

Ибн Хаукаль, которому принадлежат последние сведения, подчёркивает дифференциацию застройки рабада по видам ремёсел (ремесленники каждой профессии имели свои торговые ряды и караван-сарай), имущественную дифференциацию (богатые купцы торгуют в одних караван-сараях, небогатые и ремесленники — в других), — и, наконец, концентрацию купцов с товарами из определённых городов в особых караван-сараях, что говорит о широких междугородних (и, вероятно, международных) связях Нишапура. Аль-Мукаддаси сообщает, что во внешней стене Нишапура было 50 проходов. Соборная мечеть находилась в рабаде, на краю базара, и аль-Мукаддаси счёл нужным отметить, что её древнейшая часть опирается на деревянные столбы (арабский приём), а более поздняя часть — на круглые кирпичные колонны (иранский приём). Площадь у мечети была с трёх сторон окаймлена колонными портиками, а «... посредине её разукрашенное здание с одиннадцатью дверями, на мраморных колоннах с инкрустациями, потолок её трёхсводчатый, стены и потолок разукрашены позолотой».

Это описание позволяет в общих чертах представить себе центральное здание мечети как квадратную в плане постройку с тремя входами на каждой стороне, кроме алтарной (михрабной) стены, — здесь было два входа, а место среднего входа занимала молитвенная ниша — михраб. Центральный купол покоился на четырёх колоннах, связанных арками. Такие купольные мечети, с внутренними колоннами или без них, хорошо известны в архитектуре Средней Азии и Ирана. Они представляют собой центральноазиатский тип, несомненно восходящий к доисламской традиции. По свидетельству аль-Мукаддаси, в Нишапуре уже в 10 в. существовало несколько медресе²⁰.

БАЛХ

Один из древнейших городов Хорасана, античная Бактра, Балх в 9—10 вв. состоял из трёх обычных частей: крупного кухендиза, примыкающего к нему с запада и юга укрепленного шахристана и рабада, который здесь не получил преобладающего развития. Пятничная мечеть Балха и окружающие её базары продолжали оставаться в пределах шахристана. Рабад, видимо, был застроен неплотно, так как к глиняным стенам шахристана подступали сады и виноградники, и весь город изобиловал зеленью и каналами, окаймлёнными рядами деревьев. Современников удивляла ширина и красота его улиц, чистота воды, высота городских зданий и стен, искусно построенное и эффектно расположенное здание пятничной мечети. О последней аль-Истахри сообщает, что она «всегда многлюдна». Из эмоционального описания аль-Мукаддаси мы узнаём, что Балх — «город здоровый, благоденствующий, прекрасный, это рай Хорасана, среди городов он похож на Тахарт (в

Алжире) и подобен сирийскому Дамаску. Улицы его пересекают каналы, и в нём сплошь идут сады и деревья. Вместе с тем в нём развита наука, у учёных — большая известность и значение... Жители его — люди деликатные, дома их обширны, рынки хороши; плоды его удивительны, жизненные блага дешевы, вода лёгкая. Там знаменитые шейхи, выдающиеся имамы и несколько разных толков (теологии). В нём предметы торговли, дающие прибыль, и много богатства; в иранских областях нет мечети, подобной его пятничной мечети, и нет на востоке города, подобного ему. Он — место торговли с Синдом и предмет гордости Хорасана. Но вместе с тем он тесен, удалён от главной дороги, и пути туда трудны... По площади он подобен Бухаре, но дома в нём обширные, вроде домов Данданкана, их стенные украшения — из гипса. Пятничная мечеть среди рынков, к ней спускаются по лестницам, она благоустроена, красива, украшена деревянной резьбой».

Шахристан Балха был традиционнo пересечен двумя крестообразно расположенными главными улицами, и в центре, на пересечении, высилось, как в Мерве, здание с куполом, — эта планировочная схема возникла, по-видимому, ещё в парфянское время.

В 10 в. Балх был фактически второй столицей государства Саманидов, в хозяйственном отношении был равен Бухаре, а в смысле городского благоустройства, видимо, значительно её опережал. Однако источники утверждают, что все

здания города были построены «из глины», то есть из необожженного кирпича и прессованной глины-«пахсы», — это странно, так как в окрестностях Балха сохранились руины двух мечетей 9—10 вв., выстроенных с применением жженого кирпича, и трудно представить себе, что в самом городе этот прочный материал почему-то не применялся.

ТЕРМЕЗ

Основание города приписывается греко-бактрийскому царю Деметрию (около 200 г. до н. э.). Этим временем датируется историческое ядро Термеза — прямоугольная в плане крепость площадью около 10 га, примыкающая длинной стороной к берегу Амударьи. К моменту арабского завоевания Термез был крупным центром среднеазиатского буддизма: в городе и вокруг него было 12 буддийских монастырей. В это время к древней прямоугольной крепости-шахристану (или медине) уже примыкал, с северной и западной сторон, большой пригород-рабад, окруженный стеной. Окрестности Термеза размером около 450 га защищала «длинная» стена, построенная, видимо, ещё в кушанское время, то есть в первые века нашей эры. В 9 в. рабад, разделённый стеной на две части (что, возможно, указывает на две стадии его развития), принял на себя функции шахристана, а древняя медина превратилась в кухендиз. У его

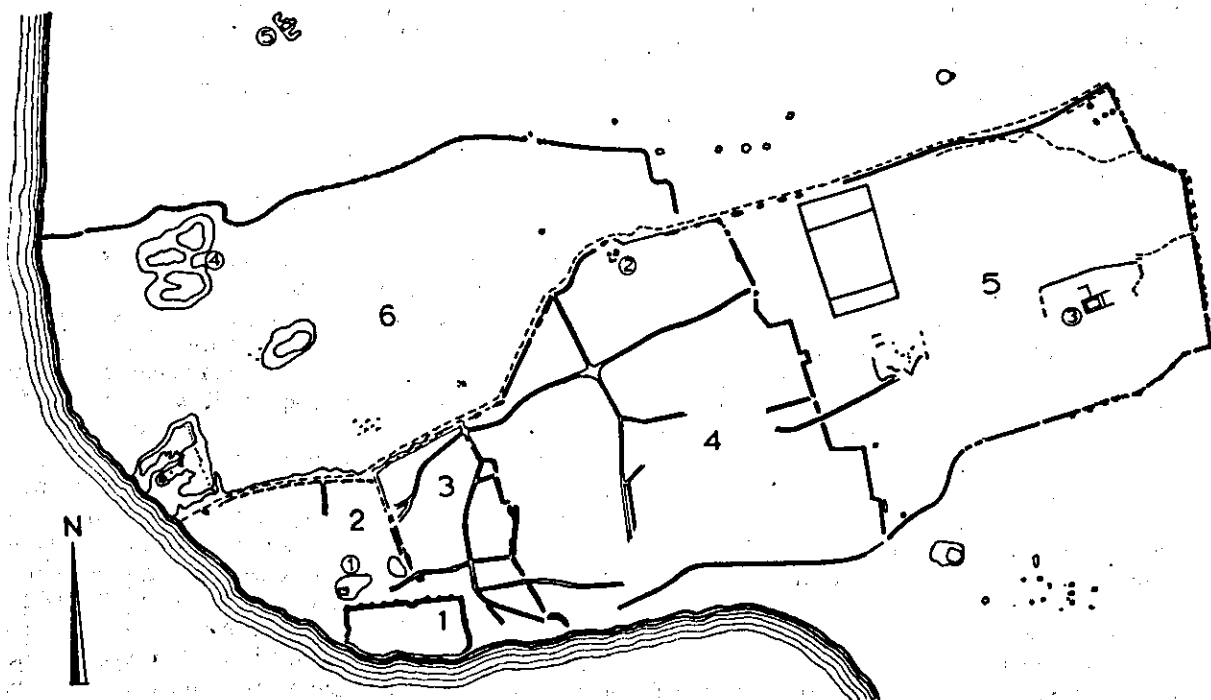
северо-западного угла, в западной части нового шахристана, возникло святилище-«мазар» над могилой известного суфия, основателя ордена «хакими» Мухаммеда аль-Хакими Термизи, прозванного Термез-ата, — «отец Термеза».

По непонятной причине именно эта древнейшая, западная часть шахристана вскоре запустела, население отсюда ушло, и рост города продолжался в восточном направлении, с лёгким отклонением к северу, вверх по оросительным каналам. Здесь на рубеже 9—10 вв. возник обширный (около 180 га) «новый» рабад, в котором располагались базары и кварталы ремесленников — гончаров, стеклодувов, металлургов и др. Этот рабад, по словам аль-Истахри, был также окружен стеной. В его рельефе прослеживается характерное крестообразное пересечение двух главных улиц, но центр этого пересечения, отмеченный площадью, расположен не в геометрическом центре рабада (как это было обычно), а сдвинут в северо-западную сторону. Традиционное крестообразное пересечение улиц можно заметить и в шахристане, общий прямоугольный контур которого нарушен врезанным в него углом античного кухендиза. Где-то в шахристане, среди базаров, стояла упомянутая аль-Истахри пятничная мечеть. Сохранившаяся восточная стена рабада — в плане уступчатая, с выступами и отступами, — по-видимому, при её сооружении в 10 в. строителям приходилось считаться с достаточно плотной застройкой, существовавшей уже тогда к востоку от границы рабада.

Юго-западная часть рабада была занята кварталами ремесленников: судя по отходам металлургического и стекольного производства, здесь жили оружейники и стеклодувы. Юго-восточные кварталы были заселены гончарами. Производство жженого кирпича, связанное с неудобными для города печами, было почти всё вынесено за пределы рабада. Таким образом рабад Термеза, в соответствии с правилами того времени, делился на кварталы по признаку профессий: ремесленники одной специальности селились вместе, сохраняя профессиональное единство.

Застройка, образовавшая последние восточные районы города, которые получили название «Сурадикат», была обнесена стеной в 11 в. и вошла таким образом в состав города в качестве второго рабада. Однако это был не рабад в его традиционном смысле, то есть не ремесленно-торговая часть города, а аристократический пригород, где среди садов располагались усадьбы знати и самая большая и великолепная из них — дворец правителей Термеза. Основная территория города, вытянувшаяся с запада на восток более чем на 4,5 км (при средней ширине 1,5 км) была окружена множеством замков и усадеб, в большинстве своём основанных ещё в доарабское время.

Аль-Мукаддаси сообщает о Термезе 10 в. следующее: «У него есть хисн (шахристан) и есть кухендиз, а пятничная мечеть находится в хисне. Кухендиз находится вне шахристана, у него одни ворота, а у медины (шахристана) трое ворот; и есть у него рабад».

Термез в 8—12 вв.

1 — арк, 2 — первый шахристан, 3 — второй шахристан, 4 — первый рабад, 5 — второй рабад, 6 — пригород.
(1) — мавзолей Хакима аль-Термези, (2) — мечеть Чор Сутун, (3) — дворец, (4) — монастырь Кара-тепе, (5) — монастырь Фаяз-тепе.

Севернее Термеза, вверх по течению реки Сурхандарья, находился город Саганиан, центр одноименной области. Своими размерами он в 10 в. превосходил Термез, но уступал ему в количестве населения и богатстве. Здесь были красивые крытые базары, среди которых возвышалась пятничная мечеть с колоннами из жженого кирпича, но без арок, — на колоннах, значит, лежали балки кровли; мечеть Саганиана славилась ещё в 12 в. Источники сообщают, что в каждый дом здесь была проведена вода, что предполагает нечто вроде городского водопровода. Аль-Мукаддаси отметил сходство Саганиана с городом Рамла, но заметил, что Саганиан крупнее. Точное местонахождение Саганиана не установлено, — возможно, что ему соответствует современное городище Будряч.

В географических справочниках 10—11 вв. встречаются сведения и о других городах Средней Азии того времени, но они, как правило, достаточно поверхностны и однообразны. В отдельных случаях, когда древний город удаётся идентифицировать с современным городом или местом, эти сведения дополняются археологическим материалом. В целом же для большинства городов Средней Азии характерны следующие признаки.

1. Цитадель (арк, кухендиз) — укрепленная резиденция доисламского правителя, поднятая на искусственном (реже естественном) основании и господствующая над городом. В 9—10 вв. эти цитадели, в силу утраты ими социальных и оборонных функций, либо умирают, либо уже мертвы. В живых цитаделях сохранялись казармы гарнизона и тюрьма, иногда старый замок правителя. На мертвых цитаделях иногда селились бедняки.

2. Шахристан (медина, хисн) — собственно город, возникший, как правило, в доисламское время, окруженный стенами и имевший часто (но далеко не всегда) геометрически правильную, регулярную планировку. В шахристане основывались первые мечети, возводились правительственные и административные здания, иногда располагались базары. В углу или на краю шахристана обычно находилась цитадель.

3. Рабад — результат разрастания шахристана, сперва торгово-ремесленный пригород, возникший нередко в предисламское время, поз-

же — новая часть города, также обнесенная стенами. В большинстве городов 9—10 вв. рабады — их самая главная и активная часть: здесь сосредоточены общественная жизнь, торговля и — нередко — администрация, строятся медресе и караван-сарай, сюда обычно переносятся культовый центр — пятничная мечеть. В этом качестве рабад часто превращается в новый шахристан, в то время как старый шахристан или приходит в упадок, или сливается с рабадом, соответственно меняя свою структуру.

Плановое устройство рабадов многообразно и определяется их стихийным, незапланированным ростом, но иногда в нём заметно стремление к некоторой регулярности, выраженное (как в большинстве шахристанов) крестообразным пересечением двух главных торговых улиц.

4. Обширная пригородная территория, окруженная стеной или валом. Здесь среди садов и полей располагались усадьбы, замки и сёла, а дороги (продолжение городских улиц) были застроены, особенно плотно вблизи от города. Эти населённые городские окрестности, защищённые стеной, были резервом развития города и могли, при благоприятных обстоятельствах и не очень больших размерах, превратиться в новый рабад. Но обычно они оставались пригородом, тесно связанным с городом, но отличным от него сельским характером застройки и самого населения.

Эта классификация достаточно условна. Географы-очевидцы 10—11 вв. часто, как мы видели, путали шахристан с рабадом, называли первый — «внутренней», а второй — «внешней медина», урбанизированные сельские пригороды принимали за рабад. Граница между шахристаном и рабадом раннеисламского города Средней Азии была подвижной, меняющейся, и проходила, так сказать, не столько в пространстве, сколько во времени: обе части города были порождением двух разных эпох. Новая эпоха, воплощённая в рабаде, агрессивно подавляла воплощение и продукт старой эпохи — шахристан, либо высасывая из него жизнь, либо трансформируя его по своему подобию. В результате сложился тот характерный облик среднеазиатского (и много шире — исламского) города, который, почти не изменившись, дожил до нашего времени.

МАТЕРИАЛЫ, КОНСТРУКЦИИ И АРХИТЕКТУРНЫЕ ФОРМЫ

МАТЕРИАЛЫ

Почти все пространства Средней Азии, кроме гор и пустынь, имеют почву, представляющую собой глинистую массу серо-желтого цвета. Эта почва, называемая лёсс, с древнейших времён была здесь естественным строительным материалом. Смешанная с водой, она превращается в вязкую и прочную глину; она употребляется в строительстве в виде кирпичей и блоков (или слоёв), которые называются пахса.

В 9—10 вв., как и в предыдущие эпохи, необожженный (сырой) кирпич и пахса оставались самым распространённым строительным материалом в Средней Азии: из них возводились не только жилища, но и такие монументальные сооружения, как городские укрепления, дворцы и мечети. Сырой кирпич изготовлялся в открытых деревянных формах и высушивался на солнце, для прочности в него добавлялась солома, галька, иногда шерсть; раствором служила глина, то есть тот же материал, из которого делались кирпичи, — этим достигалась монолитность кладки.

В строительстве предисламской эпохи (5—8 вв.) применялся как правило прямоугольный кирпич с пропорциями 1:2 и средними размерами около $50 \times 25 \times 10$ см. Такие крупные и тяжелые (до 11 кг) сырые кирпичи были удобны в больших массивах кладки, где соблюдалась регулярная «перевязка» элементов, но применение их в более рафинированных конструкциях (небольшие арки и своды, тромпы) вызывало известные трудности. Одновременно в некоторых землях Средней Азии (Хорезм, северный Хорасан) употреблялся и квадратный кирпич-сырец со стороной, в среднем, 35—36 см.

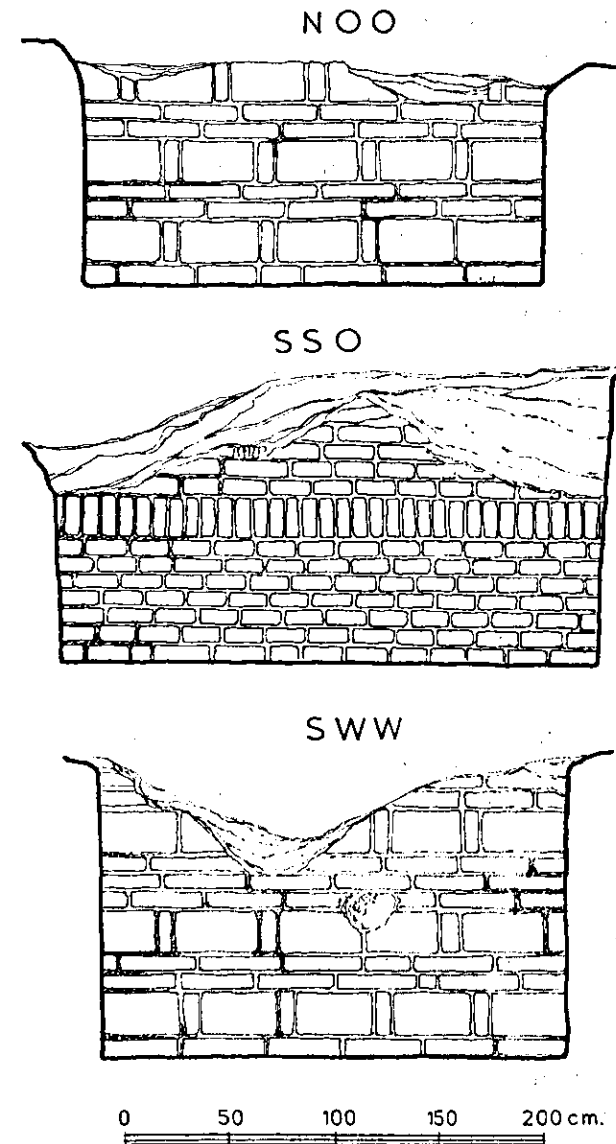
Кладка велась «цепным» способом, то есть так, что вертикальные швы между кирпичами одного ряда совпадали с серединой кирпичей соседнего ряда или были сдвинуты на $1/4$ кирпича. Применялись и разнообразные сочетания кирпича-сырца с пахсой¹.

В 9—10 вв. в строительной технике Средней Азии почти повсюду произошел переход от больших прямоугольных кирпичей доисламского времени к квадратному кирпичу значительно меньшего размера. Были исключения: в Самарканде, например, продолжали пользоваться прямоугольным сырцом размером 40×20 , 42×21

и даже $46 \times 52 \times 23 \times 26$ см. Но в целом всё строительство в Средней Азии с удивительной быстротой отдало предпочтение кирпичу квадратной формы, со средними размерами 32—33 см. Способы кладки оставались прежними, но, пожалуй, менее разнообразными. Квадратный формат кирпичей вызвал некоторые сложности, которых прежде не было: теперь, если толщина стены составляла два кирпича, приходилось для соблюдения внутренней перевязки (чтобы каждый верхний кирпич перекрывал шов между двумя нижними) пользоваться половинками кирпичей. В общем же кладка из квадратных кирпичей была технически проста и доказала свои преимущества в исторической перспективе: с тех пор и до начала 20 в. квадратный кирпич оставался самым распространённым строительным материалом Средней Азии, Ирана и Афганистана.

Наряду с кладками «цепного» типа практиковались и другие типы кладок из кирпича-сырца. Например, в массивных стенах ряды обычной кладки прослаивались рядами, в которых кирпичи стояли вертикально и с небольшим наклоном, как книги на полке, без скрепляющего их раствора. Такой способ ускорял процесс кладки, но, видимо, считался эстетически неполноценным, — во всяком случае, кладка этого типа обычно не выводилась на поверхности фасадов, а пряталась за наружным слоем обычной кладки. Иногда внутренние сырцовые стены толщиной в 1 кирпич возводились наподобие «карточного домика», треугольные или прямоугольные ячейки-пустоты которого заполнялись комьями глины. Такие стены обмазывались глиной и штукатурились, — впрочем, сырцовые конструкции всех видов нуждались в защитном слое из глины или штукатурки. Как исключение или курьёз можно отметить случай, когда небольшое каменное помещение было облицовано (конечно, изнутри) декоративной сырцовой кладкой из прямоугольных кирпичей.

Наряду с сырцовым кирпичом в строительстве 9—10 вв. по-прежнему широко применялась пахса — толстые слои или блоки плотно утрамбованной глины. Высота слоёв пахсы колебалась в пределах 0,5—1 м, толщина не была ограничена и, например, в цокольных частях зданий достигала многих метров. Обычно пахсу укладывали сплошными слоями и лицевые по-

Комплекс Чиль Духтарон в Шахристане. Облицовка сырцовыми кирпичами стен комнаты-лоджии.

верхности обрабатывали до идеальной гладкости: даже сейчас древние пахсовые стены, избежавшие воздействия воды и ветра, производят впечатление полированного камня. Снаружи и внутри на поверхности этих слоёв делали, с промежутками 1—1,3 м, вертикальные или слегка наклонные прорезы глубиной до 5 см — «расчерченный» этими прорезами, слой пахсы выглядел как ряд больших каменных квадратов. Смысл этого приёма был, однако, сугубо утилитарным: масса пахсы при высыхании растрескивалась, и прорезы должны были «поймать» эти внутренние трещины, не дать им выйти на поверхность стен, а «спрятать» в глубине затененной прорезы. Поэтому прорезы в соседних слоях пахсы всегда делались «вперевязку», то есть в шахматном порядке, что придавало пахсовой стене ещё

большее сходство со стеной, сложенной из больших каменных блоков-квадров.

В другом случае слои создавались из отдельных пахсовых блоков, плотно примыкавших один к другому. Это замедляло строительство, так как приходилось ждать, когда высохнет предыдущий блок, но достигался выигрыш в прочности и долговечности кладки. Впрочем, примеры кладки этого типа немногочисленны.

В 9—10 вв. пахса обычно употреблялась вместе с сырым кирпичом. Слои пахсы разделялись несколькими рядами сырца, на пахсовом основании — цоколе — возводились сырцовые стены, иногда блоки пахсы образовывали футляр, заполненный сырцом, и т. п. Обычай разделять слои пахсы рядами кирпичей имел, вероятно, антисейсмический смысл, — таким способом стена разделялась на несколько относительно самостоятельных поясов, и разрушение верхнего пояса не обязательно влекло за собой гибель всей стены. Всё же нужно заметить, что применение пахсы в крупных монументальных сооружениях (за исключением фортификационных построек) по сравнению с предисламской эпохой заметно сократилось.

Главным и определяющим новшеством в архитектуре Средней Азии 9—10 вв., в большей мере определившим собой её художественные и технические достижения, было значительно более широкое, чем прежде, применение жженого кирпича. Можно без преувеличения сказать, что именно этот материал и строительные приёмы, выработанные на его основе, вызвали в раннеисламской архитектуре Средней Азии революцию не только в области техники, но и стиля: представления о прекрасном и выразительном в архитектуре были радикально и быстро изменены.

Жжёный кирпич был известен и применялся в Средней Азии ещё в древности: он найден при раскопках первой парфянской столицы Нисы (3—2 вв. до н. э.), причём кроме обычных квадратных здесь применялись для круглых столбов и специальные кирпичи лекальной формы². В 5—8 вв. жжёный кирпич применялся ограниченно и главным образом как изоляционный материал, защищающий поверхности дворов, плоских кровель и нижние части стен от сырости, ступени лестниц — от истирания. Из жженого кирпича возводились ответственные конструкции некоторых уникальных сооружений, например — столбы и их фундаменты «тронной аркады» во дворце Варахши (7—8 вв.), а также делались прокладки под сырцовые своды и под основания полукруглых фасадных выступов «гофров». Вплоть до 9 в. общественная потребность в монументальных сооружениях вполне удовлетворялась необожженным кирпичом и пахсой, и теми строительными конструкциями, которые были разработаны на их основе.

Большая потребность в жженом кирпиче, из которого в 9 в. стали возводить целые здания, прежде всего вызвала последствия технического порядка. Обжигать крупные сырцовые кирпичи

в примитивных печах было технически трудно, и строителям пришлось перейти к тонким квадратным плиткам со стороной 21—23 см, похожим на византийскую плитку. Эти кирпичи скреплялись как обычным глиняным раствором, так и гипсовым, материалом для которого служил местный алебастр, превращённый в порошок — «ганч». На ганче обычно выкладывались арки, своды и купола, но иногда — в особых случаях — и стены. Ганчевый раствор много крепче глиняного, но хуже противостоит влаге, он обладает известной пластичностью, — это важно для устойчивости зданий в Средней Азии, где часты землетрясения. Ганчевый раствор придаёт строительным конструкциям некоторую упругость, которая позволяет лучше выдерживать подземные толчки. Но от сырости ганч теряет связующие свойства и разлагается, — поэтому, если кирпичные своды и купола, возведённые на ганчевом растворе, не были сверху защищены, их наружные швы промазывались глиной. Зданий 9—10 вв., построенных целиком из жженого кирпича, сохранилось очень мало. Но довольно большое количество печей для обжига кирпичей этого времени, найденных при археологических раскопках, позволяет думать, что таких зданий было много больше; нередко в постройках 11, 12 и более поздних веков встречаются жжёные кирпичи «саманидского» формата, взятые из заброшенных или разрушенных к тому времени зданий. Всё же жжёный кирпич и в 9—10 вв. был, вероятно, достаточно дорогим материалом, и строители этого времени старались его экономить, охотно соединяя в одной постройке оба типа кирпича — сырцовый и жжёный. При этом из жженого кирпича выполнялись, конечно, те части, от которых требовалась особая прочность — столбы, своды и купола, тогда как стены выкладывались из сырца. В некоторых случаях сырцовые стены облицовывались жженым кирпичом. В медресе Ходжа Машад передняя, «парадная» сторона построена целиком из жженого кирпича, а лежащий сзади двор с окружающими его помещениями — из сырца.

«Саманидский» жжёный кирпич обладал большой прочностью, — это позволило увеличить пролёты сводов и куполов, сделать их более надёжными, уменьшить толщину стен, усовершенствовать подкупольные конструкции. Но всё более широкое употребление жженого кирпича вызвало последствия не только технического, но и художественного порядка. Если сырой глиняный материал обычно требовал защитного покрытия в виде обмазки или штукатурки (которая украшалась росписью, резьбой по ганчу и т. п.), то кладка из жженого кирпича в такой защите не нуждается, — ей не страшны ни атмосферные осадки снаружи, ни механические повреждения изнутри. Возможность сохранения открытой кирпичной кладки выявила её необыкновенный художественный эффект, который, вероятно, очень рано стал сознательно использоваться и развиваться строителями. Этим была заложена

на основа тому редкостному богатству орнаментальных и фактурных систем кирпичной кладки, которое свойственно архитектуре Средней Азии и рассматриваемой, и следующей поры. Так возникло принципиально иное, чем в доисламскую эпоху, отношение к строительно-технической основе архитектуры, — эта утилитарная основа теперь не скрывалась внешним декоративным «камуфляжем», но оставалась обозримой и сама становилась источником декоративного эффекта. Кирпичный декор монументальных зданий этого времени покрывал и внутренние, и внешние стены. От внутренней кладки стен он отличался более сложной структурой и представлял собой, по существу, слой облицовки, неразрывно и конструктивно связанной (в отличие от облицовок более позднего времени) с основной строительной массой стен. В монументальной архитектуре Средней Азии 9—10 вв. кирпичный декор был порождением строительных приёмов и конструкций, представлял собой их эстетическое осмысление и не скрывал материально-строительную основу построек, а художественными средствами выявлял её.

Так, широкое применение жженого кирпича вызвало к жизни новый, последовательно конструктивный взгляд на художественно-образное содержание архитектуры, принципиально отличный от декоративизма предыдущей эпохи.

Цвет жженого кирпича Средней Азии — не красный, как европейского, а золотисто-жёлтый, со временем он темнеет до желто-коричневого; швы на поверхности стен обычно не заполнялись раствором, оставались пустыми, — тени в швах образуют чёткий геометрический узор, подчёркивая декоративные качества кладки и превращая её в своеобразную кирпичную мозаику, каждый элемент которой — узкая пластина кирпича — обведена тёмной рамой.

Простейшим типом кладки была, как говорилось, «цепная», в которой вертикальные швы располагались в шахматном порядке, сдвинутые в соседних рядах на половину или четверть длины кирпича. Это была, так сказать, «рабочая» кладка, употреблявшаяся для внутренних частей стен, столбов и других строительных конструкций. Она употреблялась и как лицевая, открытая кладка, и в сочетании с другими «декоративными» видами кладки располагалась обычно в нижних участках стен.

Массивы такой кладки нередко прослаивались рядами кирпичей, поставленных вертикально и наклонно, узкой гранью вперёд, причём, в отличие от сырцовой кладки, такие ряды были видны снаружи. Из наклонных кирпичей выполнялись горизонтальные полосы-фризы в верхних частях фасадов, — прототип такого фриза виден в изображении замка на «аниковском» блюде 7—8 вв.

Простейшим типом декоративной, лицевой кладки из жжёных кирпичей была кладка «парами». Она аналогична «цепной» кладке, но в этом случае каждый кирпич как бы удвоен: ряды кладки состоят из кирпичных пар, в которых

один кирпич лежит на другом. Таким образом ряды получаются вдвое толще, а чёткие вертикальные, регулярно расположенные швы — вдвое длиннее. В доисламской архитектуре кладка «парами» неизвестна. Побудительным мотивом к её «изобретению» было, возможно, стремление упростить процесс строительных работ, но при этом возник и быстро осознанный художественный эффект, в котором декоративность сочетается с ясно выраженной конструктивностью, — кладка «парами» выглядит не внешней облицовкой, а эстетизированной строительной структурой. Для усиления этого эффекта строители стали раздвигать «пары» и заполнять образовавшиеся широкие швы алебастровым (ганчевым) раствором, на котором вырезались различные орнаментальные мотивы. Одновременно возник другой приём, при котором широкие швы между «парами» заполнялись не ганчем, а половинками вертикально вставленных кирпичей. Этот усложнённый тип «парной» кладки также получил широкое распространение и впоследствии трансформировался в сторону ещё большей декоративности: в 11 в. вертикальные полукирпичи-вставки стали украшать резьбой, вырезая на них знаки в виде бантиков, фигур в виде Z, X и др. Однако в зданиях, точно датированных временем до 11 в., этот приём пока не встречался.

Если в оформлении фасадов и внутренних поверхностей стен здания употреблялись все три вида кладки, они располагались в ясном порядке, по мере их сложности: нижние части стен складывались кладкой обычного типа, выше располагался слой кладки «парами», ещё выше — в верхних участках стены — кладка «парами» с вертикальными вставками между ними. Существовал приём (в строительстве как из сырцового, так и из жженого кирпича), когда отдельные ряды кладки — одинарные или двойные — выкладывались из кирпичей, уложенных углом вперед, — он употреблялся, например, в завершениях прямоугольных ниш и оформлении внутренней поверхности куполов.

Жжёный кирпич как популярный материал монументального строительства определил новый стиль архитектуры 9—10 вв., её последовательную конструктивность, которая выразилась в том, что теперь сами незамаскированные конструкции (структура стен, своды, арки, купола и подкупольные устройства) стали источником художественного эффекта. Конструктивные приёмы, эстетически освоенные и осмысленные, легли в основу и многих декоративных приёмов архитектуры этого времени. При этом декоративные формы, разработанные в сфере строительства из жженого кирпича, распространялись — в силу закона «обратной связи» — и на строительство из кирпича-сырца, трансформируя его традиционные формы и образы. Если за внешней оболочкой несхожих форм усмотреть внутреннюю суть явлений, то можно, пожалуй, сказать, что монументальная архитектура Средней Азии 9—10 вв. принципиально близка архи-

тектурной классике древней Греции: в обоих случаях материал строительства — там камень, тут кирпич — нашёл свойственные ему идеальные конструктивно-тектонические системы (там стоечно-балочная система колонного ордера, тут сводчато-арочные и купольные структуры); в обоих случаях архитектура воплотилась в идеальные образно-художественные формы, вытекающие из свойств материалов и конструкций, превращающие саму строительную основу зданий в источник красоты и выразительности.

***

Камень как строительный материал применялся редко и только в горных областях. Для кладки стен употреблялся необработанный камень, — купола, своды и арки из камня не возводились. Один из немногих примеров строительства из камня — культовый комплекс-резиденция Чиль Духтарон в Уструшане (10—начало 11 вв.), включавший в себя жилое здание, две мечети, мавзолей и приёмное помещение типа лоджии. Каменные стены последнего были изнутри облицованы крупными сырцовыми кирпичами.

Находки каменных колонн этого времени также очень редки. В южном Казахстане, на городищах Беш-Агач, Ак-тепе и в селении Сайрам были найдены три каменные колонны, украшенные резьбой и имитирующие формы деревянных колонн. На колонне из Сайрама есть дата — 1014 г., колонну из Беш-Агач её исследователь В. Воронина датирует 10 в., — я думаю, что тем же временем следует датировать очень близкую ей по форме колонну из Ак-тепе. Ещё три каменные колонны 10—начала 11 вв. были найдены в северном Таджикистане, — в посёлке Калининабад и рядом лежащем горном селении Угук. Все они сделаны из твёрдого крупнозернистого камня и, как и колонны из южного Казахстана, принадлежали, видимо, мечетям. Из такого же камня выполнены многочисленные базы колонн, найденные в Калининабаде и его окрестностях. Большинство из них весьма точно повторяет форму, принятую в доисламской архитектуре 7—8 вв. — такие базы, выполненные в дереве, обнаружены при раскопках в Пенджикенте, Шахристане, Ак-тепе и других местах³. На базы такого же типа опираются декоративные колонки внутри мавзолея Саманидов в Бухаре (конец 9—начало 10 вв.), — этим временем, видимо, и следует датировать каменные базы из Калининабада (и аналогичную им базу из Сайрама), которые найдены у поверхности земли: они повторяют традиционный деревянный прототип доарабской эпохи, но принадлежат уже раннеисламскому времени.

Некоторые сведения о применении каменного декора в раннеисламской архитектуре встречаются в исторических источниках. Так, Ибн Баттута, автор 14 в., пишет о гробнице Кусам ибн Аббаса в Самарканде: «Над ней (могилой) возведено четырёхугольное здание с куполом, у

каждого угла стоят по две мраморные колонны; мрамор зеленого, черного, белого и красного цвета. Стены здания также выстроены из разноцветного мрамора с золотыми орнаментами...» Сейчас на основании археологических исследований принято считать, что могила (скорее всего, мнимая) Кусамы ибн Аббаса, кузена Мухаммеда, превратилась в место поклонения (мазар) в 11 в. — раскопки не нашли здесь предметов более раннего времени. Однако известно, что могила Кусамы стала местом исламского культа уже при Аббасидах, т. е. в 8—10 вв.⁴, и маловероятно, что это святое место не имело тогда соответствующего архитектурного оформления, которое сохранялось — в относительном первоначальном виде — и в начале 14 в. Нынешний облик гробницы Кусамы, восходящий к 14 в., ничего общего с приведенным описанием не имеет.

Вспомним и свидетельство аль-Мукаддаси о пятничной мечети Нишапура, во дворе которой стояло здание с мраморными колоннами внутри.

Изредка встречается сочетание кладки из камня и сырцового кирпича, что (как и сочетание сырцового кирпича с жженым) объясняется стремлением сделать здание прочнее и долговечнее. Так, при раскопках городища Садвар (9—10 вв., Туркменистан) были найдены жилые дома, сырцовые стены которых стояли на каменных цоколях⁵.

В общем можно сказать, что применение камня как строительного материала в рассматриваемое время было ограниченным, а пример Чиль Духтарон показывает, что каменную кладку даже маскировали традиционным сырцом, то есть её эстетические качества игнорировались. Что касается пластических каменных элементов архитектуры (колонн), то они, все без исключения, представляют собой имитации деревянных колонн, характерная форма которых вполне механически перенесена в другой материал⁶.

Дерево в архитектуре Средней Азии применялось очень широко и разнообразно — и как строительный материал, и как средство пластического художественного убранства. В те времена Средняя Азия была значительно богаче лесом, чем в последующие века, особенно после монгольского нашествия, которое разрушило большую часть ирригационных систем страны. Из дерева выполнялись колонны, части внутреннего устройства зданий (двери, пороги, перемычки над проёмами и др.), плоские потолки и перекрытия в виде «кассетных» сводов, имевших форму многоугольных брусчатых пирамид с отверстием сверху. Такие перекрытия, распространённые когда-то от Кавказа до Кореи и существующие по сей день на Памире, называются в Средней Азии «рузан».

Свидетельства о катастрофических пожарах, сохранившиеся в «Истории Бухары». Наршахи, подтверждают широкое употребление дерева в обычных жилых домах, дворцах и мечетях города. Упоминание о гибели минарета от искры, упавшей на его вершину, показывает, между

прочим, что в 10 в. минареты Средней Азии венчались деревянными «фонарями», — приём, неизвестный в последующие века.

Почти не встречается в архитектуре 9—10 вв. способ укрепления кирпичных стен с помощью деревянных палок-связей, запущенных внутрь кладки. Этот способ, широко распространившийся в 14—15 вв. и вызванный ухудшением качества кирпичной кладки, в саманидское время был просто не нужен: кирпичные стены в это время возводились очень тщательно и прочно. Правда, иногда арки угловых тропов опирались на деревянные брусья, запущенные диагонально в кирпичную кладку.

Деревянные элементы архитектуры — колонны и их капители, импосты и консоли, ниши михрабов, балки перекрытий и пр. — получали в это время пластическую, часто очень изысканную обработку. Это продолжение доисламской художественной традиции в какой-то мере компенсировало исчезновение изобразительной скульптуры: поразительно широко распространённая в предыдущую, доарабскую эпоху, она с приходом ислама была запрещена и более уже не возродилась. Дух этого исчезнувшего искусства сохранился, однако, в скульптурных деревянных деталях саманидской архитектуры, в которых иногда можно разглядеть «зашифрованные» образы доисламской эпохи.

Дерево — сравнительно недолговечный материал, поэтому понятно, что элементы деревянной архитектуры 9—10 вв. дошли до наших дней в очень небольшом количестве. То немногое, что сохранилось, свидетельствует не только о широком употреблении дерева в это время, но и о заметном влиянии форм деревянной архитектуры — прямом и косвенном — на общий художественный характер монументальной архитектуры эпохи.

Наконец, среди популярных строительных и декоративных материалов раннеисламской архитектуры Средней Азии должен быть назван местный вид гипса или, вернее, порошкообразного алебаstra, известный здесь под названием «ганч». Пережженный в специальных печах и смешанный с водой, ганч образует вязкую массу, которая употреблялась и как раствор для кирпичной кладки, и как штукатурка, и как материал для скульптурного и резного декора. В доисламское время ганч применялся как декоративный материал, — им, например, обмазывались глиняные статуи, которые затем раскрашивались, — но как раствор его стали использовать, видимо, только в 9 в., в связи с распространением жженого кирпича.

Раствор ганча очень прочен и эластичен, даже после того, как вполне затвердеет. В кладке стен им пользовались сравнительно редко, только в сочетании с жженым кирпичом и в зданиях особенных, нерядовых. Много чаще ганчевый раствор употреблялся при кладке сводов и куполов — конструкций, которые нуждались в особой прочности. При этом, как уже говорилось, наружные заглублённые швы между кирпичами

заполнялись глиной, которая, в отличие от ганча, хорошо противостоит разрушающему действию влаги.

Впрочем, строители 9—10 вв. уже умели при помощи особых добавок (минеральных и органических) делать ганчевое «тесто» устойчивым против сырости. Так в мавзолее Саманидов из водоустойчивого ганча были сделаны декоративные колонки и другие архитектурные детали, многие из которых за 1000 лет практически не пострадали, хотя расположены снаружи. Однако как декоративный материал ганч всё-таки применялся чаще для внутренней отделки помещений: резные ганчевые панели дворцов, богатых жилых домов и мечетей Средней Азии 9—10 вв. находят прямые параллели в резном ганчевом декоре Самарры, Кордобы и Медины аз-Захра. Как и на западе исламского мира, резной ганч Средней Азии в это время (и позже) обычно раскрашивался, преимущественно в синий, красный и чёрный цвета; применялась и позолота.

Характеризуя архитектуру этого времени в целом, можно сказать, что её новизна определяется «победой» жженого кирпича и в строительной-технической, и в эстетической сфере. Верность этого положения не подрывается и тем обстоятельством, что сырой кирпич и пахса продолжали употребляться в эту эпоху, да и позже, очень широко. Новое в развитии строительной техники и архитектурного искусства определяется уже не этими традиционными материалами, а жженым кирпичом, — его строительными качествами и возможностями, фактурой, цветом. Теперь «парную» и обычную кирпичную кладку воспроизводят, имитируют в других материалах, например, в резбе по ганчу, превращая её — с помощью выявления одних швов и сокрытия других — в геометрический орнамент; но первоисточник этого узора угадывается вполне однозначно. Так порядок кирпичной кладки, выработанный как технический приём, отрывается от технической первоосновы и превращается в орнаментальный декор, демонстрируя изменение эстетических взглядов общества.

Этот пример демонстрирует закон, свойственный развитию всей мировой архитектуры: утилитарный строительный приём, доказавший свою полезность, со временем начинает восприниматься эстетически как «прекрасное», отделяется от своей технической основы и продолжает существовать уже как явление чисто «художественное», переживая этапы соответствующей трансформации.

Есть серьёзные основания считать, что победа жженого кирпича и свойственных ему архитектурных форм произошла в Средней Азии ещё в 8 веке, то есть, задолго до первых сохранившихся зданий, построенных в этой технике. Это косвенно подтверждается тем, что именно в 8 в. в Халифате, после победы Аббасидов над Омейядами (которая произошла при решающей помощи среднеазиатского и хорасанского регионов

государства) характер монументальной архитектуры Халифата существенно изменился: в ней распространились приёмы и формы кирпичного строительства, и именно те, которые — в 9—10 вв. — определили особенности архитектуры Средней Азии, Хорасана и Ирана. В западных землях Халифата эта новая архитектура возникла как бы неожиданно, её местный генезис неясен, и объяснить это явление без учёта новых художественных импульсов, пришедших вместе с новой династией с востока, едва ли возможно.

КОНСТРУКЦИИ И АРХИТЕКТУРНЫЕ ФОРМЫ

Специфику архитектурных конструкций определяют в первую очередь способы возведения и формы перекрытий. В этом отношении на раннеисламскую архитектуру Средней Азии повлияло всё более широкое и разнообразное употребление жженого кирпича, которое содействовало как усовершенствованию прежних конструктивных приёмов, так и изобретению совершенно новых. Большая прочность жженого кирпича в сравнении с сырцовым позволила существенно увеличить площадь перекрываемых пространств, а его мелкие размеры — создавать перекрытия значительно более сложные и изощрённые, к тому же не нуждающиеся в прежнем чрезмерном запасе прочности.

Но употребление прежних традиционных материалов, — сырца и пахсы — оставалось в это время широко распространённым, и не только в массовом строительстве: из них возводились крупные общественные здания, дворцы, караван-сарай и мечети. Сырцовые перекрытия этих зданий возводились, в общем, традиционными методами, освоенными ещё в доарабскую эпоху, но и они испытали влияние строительства из жженого кирпича: сырец стал квадратным и более мелким, в области его применения появились новые, более прогрессивные приёмы, целью которых были облегчение, надёжность и художественная выразительность конструкций. Таким образом, хотя жжёный кирпич употреблялся в 9—10 вв. всё ещё сравнительно редко (хотя и гораздо более разнообразно) и в особо значительных, репрезентативных зданиях, именно он определил собой развитие старых и появление новых приёмов возведения кирпичных перекрытий — сводов, арок, куполов и производных от них форм.

Своды

Самым распространённым способом возведения сводов и больших арок (которые, собственно, представляют собой неглубокий свод) был способ «параллельных отрезков». Своды этого типа хорошо известны в архитектуре Востока с древнейших времён (Рамессеум в Египте,

Дур-Шаррукин — Хорсабад в Двуречье), знали их и строительное искусство античного Запада (подземный канал римского времени в Элевсине)⁷. В Средней Азии своды этого типа были известны ещё во 2 тысячелетии до н.э. — они найдены археологами в южном Туркменистане, — а в предаравское время были распространены здесь повсюду.

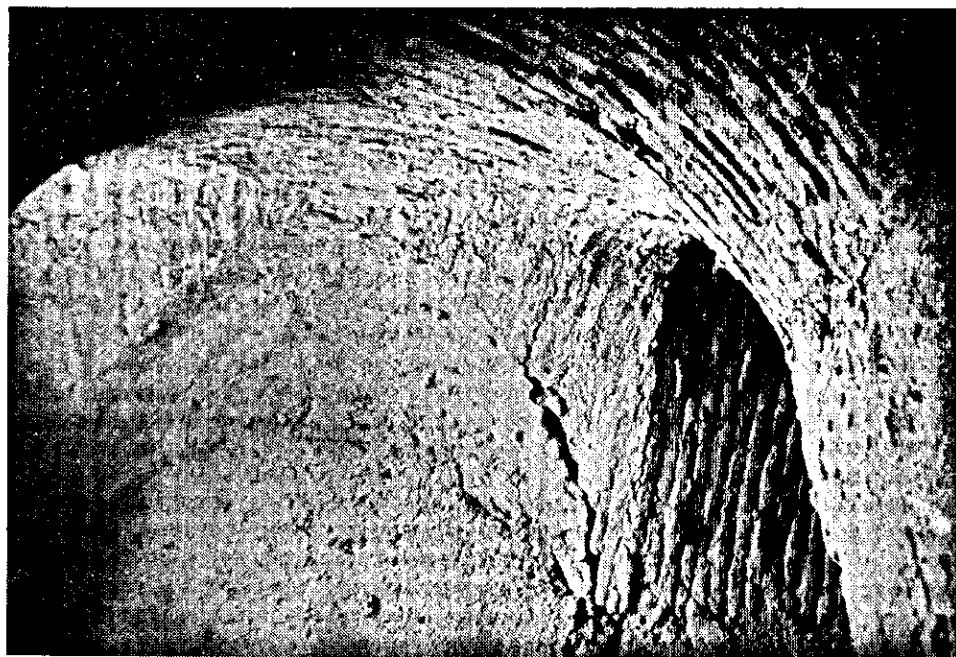
Метод возведения сводов «параллельными отрезками» многократно описан⁸. Своды этого типа состоят как бы из множества арок, переброшенных через параллельные стены помещения и опирающиеся на них. Толщина арок равна толщине кирпича, кирпичи в каждой арке соприкасаются своими узкими гранями, а в соседних арках — «постелями». Кладка начиналась от торцевой стены, которая сразу же возводилась на всю высоту будущего свода, — к этой стене «приклеивалась» первая арка, к ней — следующая (так, чтобы швы между её кирпичами не совпадали со швами первой арки), и т.д. Для большей устойчивости арки обычно слегка наклонялись в сторону торца, этот наклон постепенно уменьшался, так что последние, замыкающие свод арки ставились обычно уже вертикально. Так возводились своды из сырца на глиняном растворе, который твердеет сравнительно медленно, — ганчевый раствор, применявшийся в сводах из жженого кирпича, твердеет быстро, поэтому в таких сводах арки — «отрезки» ставились вертикально с самого начала.

Преимущество сводов «отрезками» — в том, что они могут возводиться без помощи деревянной опалубки, необходимой при возведении клинчатых сводов и арок европейского типа⁹, и в том, что они устойчивы при землетрясении: клинчатый свод обрушивается, если поврежден его верхний «замковый» камень, а свод «отрезка-

ми» в тех же условиях лишь растрескивается по швам отрезков-арок, но сохраняет устойчивость. Именно этим объясняется популярность этого способа на всём древнем и средневековом Востоке, а не тем, что он не нуждается в деревянной опалубке: в описываемую эпоху, как говорилось, дерево в Средней Азии не было дефицитным материалом.

Недостатком же сводов «отрезками» было то, что их ширина ограничена (рекорд для доисламской архитектуры — 4,2 м¹⁰), а также технические сложности, возникавшие при пересечении сводов и при повороте помещений (обычно коридорообразных) под углом. В доисламское время пересекающиеся помещения обычно имели значительную разницу в высоте, — вершина низкого свода достигала лишь основания высокого, и своды таким образом не пересекались¹¹. При повороте коридора под углом либо скругляли западающий угол, либо устраивали в этом углу, в основании свода подобие трюма, на которое и опирались арки — «отрезки», веером расходящиеся от выступающего угла¹². Иначе говоря, свод — при помощи веерного расположения угловых арок — «отрезков» — просто изгибали в новом направлении, но не пересекали с поперечным сводом. Так архаично перекрыта непрерывным сводом верхняя галерея мавзолея Саманидов. В загородном дворце Кырк-Кыз (Термез, 9 в.) своды коридоров, возведенные в технике «параллельных отрезков» из сырца, четко смыкаются под прямым углом, образуя диагональное ребро; в одном случае это смыкание выполнено в виде крестового свода¹³.

Последняя конструкция, редко встречаемая в исламской архитектуре, находит прямую параллель в известном укрепленном дворце Охейдир (Ирак, 8 в.) — раннеаббасидском здании, ар-

Кырк-Кыз.
Крестовый свод
на пересечении
коридоров.

хитектура которого демонстрирует разнообразные среднеазиатско-хорасанские влияния, явно неслучайные и хорошо объясняемые культурно-политической ситуацией того времени¹⁴. Ширина коридоров Охейдира 3,5 м (в Кырк-Кыз 2,5 м), они перекрыты сводами «отрезками» из жженого кирпича, а в углах (а также в промежуточных квадратных ячейках) перекрыты крестовыми сводами, которые образованы пересечением двух сводчатых оболочек.

Примечательно, что архаический приём изгиба (а не пересечения) сводов в углах, вызванный особенностями кладки «отрезками», встречается как рудимент и в исламское время, причём там, где он, как будто, совсем не нужен. Верхняя галерея мавзолея Саманидов в Бухаре (9—10 вв.) перекрыта полусводом из жженого кирпича, работающим как готический аркбутан. Полусвод сложен не «отрезками», а обычной клинчатой кладкой, которая позволяет легко осуществить пересечение сводов под прямым углом. Однако углы галереи здесь скруглены, и свод, не прерываясь, округло заворачивает, продолжаясь в новом направлении. Едва ли это возвращение к прошлому можно объяснить тем, что над скруглёнными углами галереи расположены купольные световые «фонари».

Мне неизвестны другие своды 9—10 вв., целиком выполненные в технике клинчатой кладки. Довольно широко распространённые в Средней Азии в первых веках н.э., они исчезли из строительной практики в эпоху раннего средневековья (5—8 вв.) и более не возрождались. Однако существовали методы строительства сводов, в которых оба приёма — клиньями и «отрезками» — совмещались.

Караван-сарай Дая-Хатын в южном Туркменистане считается постройкой 11 или 12 вв.¹⁵ Я думаю, что Дая-Хатын был построен в 10 в., а в 11—12 вв. только получил новое декоративное оформление, и постараюсь обосновать это в соответствующем разделе. Свод над входным помещением караван-сарая, шириной около 5 м, сложен в технике клинчатой кладки, но в его верхнюю часть как бы вставлен большой, в форме ромба участок, сложенный «отрезками». Так же построен свод над нишей входного портала¹⁶. Более изощрённое сочетание обеих конструкций демонстрируют своды порталных ниш в медресе Ходжа Машад (южный Таджикистан) и мечети Зу-ль Кифл (южный Узбекистан, у Термеза). Кирпичи этих сводов уложены группами, диагональными к образующей свода, и образуют в совокупности «ёлочный» геометрический узор. Причём те кирпичи, которые расположены перпендикулярно цоколю свода и параллельно щипцу ниши, «работают» как элементы свода «отрезками», а кирпичи, расположенные параллельно цоколю и перпендикулярно щипцу, — как элементы клинчатого свода. Возведение таких сводов должно было начинаться с четырёх углов рядами, наклонными под 45°, причём ряды вертикально стоящих кирпичей чередовались с рядами горизонтальных.

Оба эти примера (других подобных нет) относятся к 11 в., но совершенство, с которой выполнена эта необыкновенная конструкция, позволяет думать, что она возникла ранее.

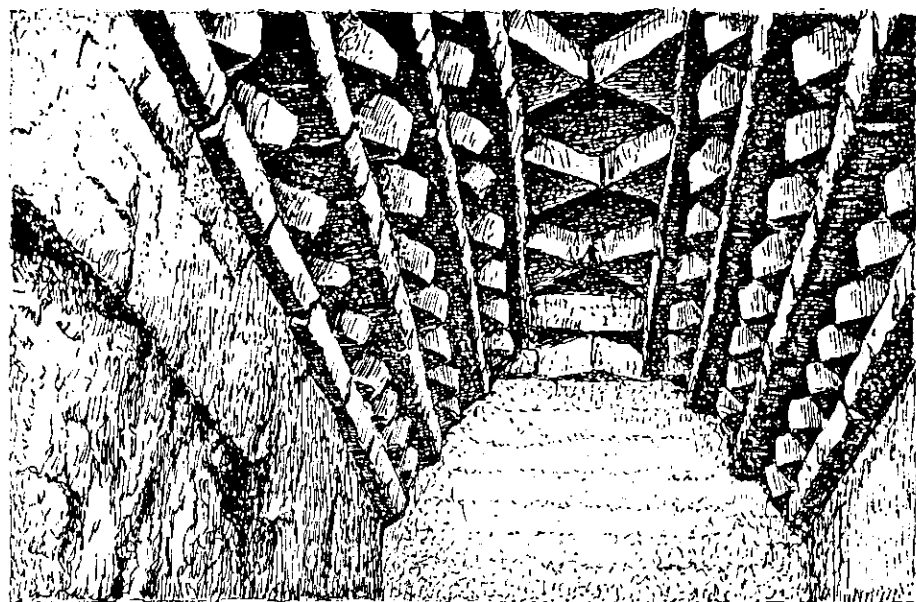
Свод «балхи», получивший название от города Балх в Афганистане, был самым простым перекрытием из сырца или жженого кирпича. Он неизвестен нигде, кроме Среднего Востока, и употребляется в некоторых его областях до сих пор. Образцы «балхи» в архитектуре предисламского времени неизвестны, но в 70-е годы в Дильберджине (северный Афганистан) археологи нашли помещение, перекрытое сводом «балхи» и датированное временем не позднее 1 в. н. э.¹⁷ — значит, своды «балхи» между этим временем и 10 в. существовали, но не сохранились.

Кладка свода «балхи» начиналась с углов, которые перекрывались кирпичными арками, слегка наклонёнными для устойчивости назад и, как и «отрезки», склеенными раствором. По мере удаления от углов размер арок увеличивался. Опирающиеся на стены арки смыкаются основаниями на осях помещения, и следующие арки ставятся уже не на стены, а на нижние арки, уменьшаясь теперь в размерах и становясь всё более плоскими. Верх свода или закрывали полностью, или оставляли в нём квадратное отверстие-окно.

Своды «балхи» удобны тем, что могут перекрывать не только квадратные, но и удлиненные помещения шириной до 4 и длиной до 5 м. Самая неустойчивая часть — сравнительно плоский верх, но его обрушение не влечёт за собой гибель всей конструкции, — в этом «балхи» подобен куполу. Его эстетический недостаток — нечёткая, несколько аморфная форма. В раннеисламской архитектуре Средней Азии «балхи» встречен четырежды: в мечети Деггарон, загородном дворце Кырк-Кыз, караван-сарая Дая-Хатын и мечети Талхатан-баба, которая датируется 11—12 вв.

Сомкнутый свод (то есть свод, образованный наклонном стен помещения внутри вплоть до их соединения) был известен, но применялся редко, — может быть потому, что в крупных размерах такая конструкция невозможна без опалубки. Небольшие сомкнутые своды употреблялись в заполнении арочных пандантивов-трюмов, но чаще в более позднее время. Восьмигранным сомкнутым сводом, похожим изнутри на уменьшенный купол собора Флоренции, перекрыто угловое (западное) помещение караван-сарая Дая-Хатын. Возможно, были и другие несохранившиеся своды-купола такого типа, но едва ли они могли быть широко распространены.

Особой разновидностью сводчатых перекрытий были «ложные» своды, известные с глубокой древности. В архитектуре 9—10 вв. они представлены единственным, но эффектным образцом: в замке 9 в. Харам-кёшк, к северу от Мерва, сохранился коридор шириной 1,2 м, с необычным перекрытием. Оно состоит из 7 кирпичных выступов-«карнизов», выступающих из продольных стен и постепенно нависающих

Харам-кёшк. Свод коридора.

один над другим, причём выступы неодинаковы: прямолинейные «полки» чередуются с рядами кирпичей, выдвинутых углом вперёд. Узкий промежуток над верхними выступами заполнен кирпичами, также выдвинутыми углом вперёд и соприкасающимися на оси коридора, — вместе с лежащими на них кирпичами они образуют ряд заглублённых квадратных кессонов⁸. Эта очень красивая тектоническая система, в которой чётко выделены несущие (угловые выступы) и несомые (прямоугольные «полки») элементы, едва ли была в своё время уникальной.

Арки

Главной, определяющей особенностью сводов и арок в архитектуре Средней Азии 9—10 вв. по сравнению с предыдущим временем была их стрельчатая форма. В предисламское время своды имели здесь вертикально-эллиптическое очертание, арки — по большей части тоже, хотя формы арок над небольшими проёмами бывали и других очертаний: полукруглые, приплюснутые, лучковые и др. Встречаются и арки, слегка заострённые вверху, но это была форма вынужденная и случайная, вызванная малым размером проёма и крупным форматом кирпича: два верхних кирпича, смыкаясь, могли образовать угол, который строители обычно старались сгладить обмазкой. Считать такую форму прототипом будущих стрельчатых арок нет оснований.

Обстоятельства «изобретения» стрельчатых сводов и арок остаются неясными, местом же его, видимо, нужно считать среднеазиатско-иранский регион, откуда эта архитектурная форма во 2-й половине 8 в., вместе с победоносным движением Аббасидов, проникла на запад. Материальные остатки не позволяют, к сожалению, проследить конкретные этапы победы «стрельчатости» над «эллиптичностью» в архитектуре

Средней Азии, — ясно только, что эта победа имела быстрый и окончательный характер: уже в 9 в. почти все своды и арки среднеазиатских зданий имеют стрельчатую форму. Эллиптические очертания нескольких угловых тропов в зданиях 9—10 вв. (медресе Ходжа Машад, замок Акуйли-кошук в Туркменистане) выглядят явным рудиментом и позже никогда не повторяются.

Переход к стрельчатости был прогрессивным явлением и свидетельствует об успехах строительной техники Средней Азии: заострённый верх сводов и арок представляет собой своеобразный шарнир, который в сейсмических условиях придаёт конструкции определённую гибкость и устойчивость против подземных толчков. Эллиптические перекрытия с их сравнительно плоским верхом в этом отношении менее надёжны.

В отличие от сводов, арки различных размеров выкладывались в 9—10 вв. в технике клинчатой кладки, — арки, сложенные «отрезками», встречаются редко, только сырцовые и небольших размеров. В этих случаях часто на оболочке арки, сложенной «отрезками», возводилась вторая клинчатая оболочка, — в таких двуслойных арках нижний слой «отрезками» играл роль «кружал» для верхнего клинчатого слоя¹⁹.

Возведение арки «отрезками» затруднено из-за отсутствия щипцовой (поперечной) стены, которая служит опорой первым «отрезкам», — строителям приходилось применять в таких случаях какую-то временную опору, которую можно было использовать многократно. Материал Средней Азии не даёт реальных примеров решения этой проблемы. Можно лишь полагать, что такие временные опоры делались из дерева или гипса и после завершения работ убирались²⁰.

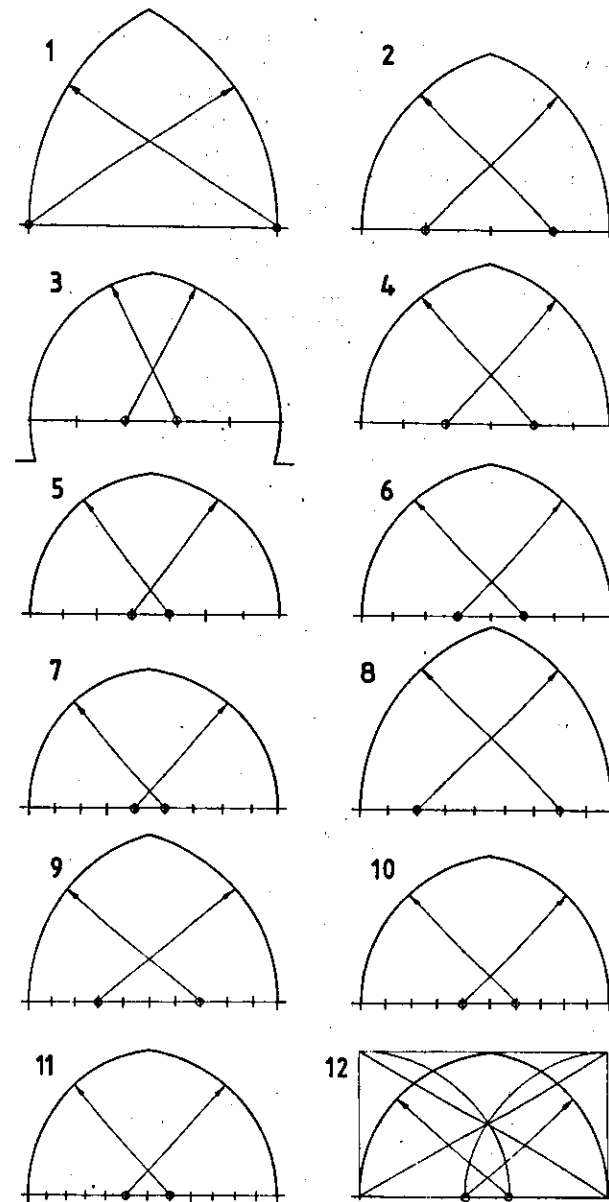
Применение клинчатых арок в строительстве 9—10 вв. было разнообразным. Ими перекрывались оконные и дверные проёмы, они соединяли

массивные столбы в мечетях, караван-сараях и дворцах, служа основанием для куполов и сводов, образовывали восьмиугольную систему подкупольных конструкций. Арками перекрывались разнообразные ниши, в том числе и ниши порталов, причём арка венчала порталный фасад, а саму нишу (часто довольно глубокую) — свод или полукупол. Наконец, массивные «подпружные» арки в сочетании со сводами и полукуполами служили для больших удлинённых помещений: переброшенные между продольными стенами, ритмично расположенные арки служили опорой для отрезков свода между ними. Такой приём, известный в сасанидском Иране (Сарвистан) и не чуждый античной римской архитектуре (храм Дианы в Ниме), воплотился в Средней Азии 9—11 вв. в таких монументальных зданиях, как Кырк-Кыз, мечеть ас-Сагит в Башане (здесь пролёт арок и сводов достигал 9 м) и гофрированный дом (возможно, библиотека) в Мерве²¹.

Эта конструкция возможна в двух вариантах: 1. Свод между арками повторяет их форму и опирается, как и арки, на продольные стены. 2. Между арками расположены поперечные своды, которые, в свою очередь, могут опираться на малые подпружные арки. Оба варианта представлены в архитектуре Халифата периода Омейядов (Каср Харани, Кусейр Амра) и Аббасидов (Охейдир и др.). В Средней Азии документально зафиксирован первый вариант (здание в Мерве, помещения Кырк-Кыз), а в мечети ас-Сагит, сохранившейся в руинах, можно предполагать второй вариант, многократно применённый в перекрытии входных айванов Кырк-Кыз.

Ещё в доисламское время форма арок в архитектуре Средней Азии определялась геометрическим построением: контур арок (в основном эллиптический) складывался из отрезков окружностей, с центрами на разных уровнях. Этот метод, дошедший до нашего времени, практически сводился к тому, что контур арки в натуральную величину предварительно вычерчивался на ровной, покрытой гипсом площадке. По этому контуру на той же площадке изготавливался деревянный шаблон-«кружало», служивший формой для арки. Для небольших арок кружала делались и из ганча. В раннеисламское время этот метод сохранился, но переход к стрельчатой форме арок и сводов породил новые приёмы их геометрического построения. Большинство «саманидских» арок — двухцентровые (то есть их контуры вычерчены дугами из двух центров), причём центры лежат на уровне основания арки, симметрично к её вертикальной оси. Общим принципом было деление основания арки на несколько равных частей (3, 4, 7, 10, 12 и т. д.) и выбор центров соответственно этому делению. Чем дальше от оси располагались центры, тем выше и острее получалась арка, приближаясь к контуру европейских (ещё не родившихся тогда) готических арок.

В зданиях 9—10 вв. встречаются также и арки, форма которых построена из 3 и 4 центров.

Очертания двухцентровых арок 8—10 вв.

- 1 — внутренние арки тропов мавзолея Саманидов и малые арки мечети Дегарон;
- 2 — портал мавзолея Мир-Сенд Бахрам и малая арка мечети Ибн Тулуна;
- 3 — аркады мечети Ибн Тулуна и арки нартекса мечети Сиди Окба в Кайруане;
- 4 — аркады мечети Тарик-хана в Дамгане, порталы мавзолея Саманидов, свод в замке Большая Кыз-кала;
- 5 — Голё Сафед и тропы дома 42 в Систане;
- 6 — арки октагона мавзолея Саманидов по М. Булатову, тропы мавзолея Ходжа Машад и портал церкви сан Тирсо (Испания, 1123);
- 9 — вход замка к востоку от Гяур-калы (Мерв) и окна мечети Ибн Тулуна;
- 10 — арки мечети Абу Дулафа;
- 11 — вход мечети Сиди Окба и внешние арки тропов мавзолея Саманидов;
- 12 — тропы мавзолея Саманидов (внешние арки), анализ пропорций.

В этих случаях половина арки представляет собой не отрезок круга, как в двухцентровых арках, а сочетание отрезков двух кругов с разными диаметрами и различно расположенными центрами. В таких арках ясно различаются

крутые, круглые «плечи» и менее изогнутые верхние части, центры кривых которых лежат ниже основания арки²². В дальнейшем архитектура ислама разработала огромное количество вариантов геометрического построения трёх- и особенно четырёхцентровых арок, однако сам принцип этого построения не менялся.

Есть гипотеза, что геометрическое построение среднеазиатских (и вообще исламских) стрельчатых арок основано на пересечении двух эллипсов²³. Она сомнительна, так как построение эллиптической кривой больших размеров очень сложно, а средневековые строители, несомненно, стремились к рациональности. Кроме того, способ построения формы арки при помощи отрезков круга бесспорно доказан, и даже те арки, в которых усматривается «эллиптический» способ построения, могут быть с большой точностью воспроизведены этим, технически несложным способом. Согласно другой гипотезе, форма стрельчатой арки возникала «естественным» путём — изгибанием деревянной планки, жестко закреплённой с одной (нижней) стороны. Планка, зафиксированная таким образом, использовалась как кружало для одной половины арки²⁴. С этой гипотезой нельзя согласиться также, как минимум, по двум причинам: 1. Какова бы ни была конструкция арки — клинчатая или отрезками — технически невозможно сложить сначала одну её половину, а затем вторую, то есть кружало должно быть моделью всей арки, а не её половины. 2. Такой метод не предполагает геометрически чёткое расположение центров построения арок — закономерности, которая всегда, без исключений выявляется при анализе формы стрельчатых арок. Эта форма исключает случайность, неизбежную при подобном методе.

Как говорилось, самой популярной и часто встречающейся формой стрельчатых арок в раннеисламской архитектуре Средней Азии была двухцентровая арка. Арки этой характерной формы служат важным датирующим фактором, так как после 10 в. практически выходят из употребления: наличие двухцентровых арок в здании — свидетельство того, что оно, вероятно, построено в 9—10 вв.

Подковообразные арки, характерные для архитектуры Северной Африки и исламской Испании, в Средней Азии были известны, но не получили распространения. Мне известен только один пример употребления арок этой формы: в загородном дворце Кырк-Кыз под Термезом. Здесь одно из больших сводчатых помещений с обеих сторон замыкается полукуполом-конхами, свесы которых над углами опираются на тромпы необычной формы: подковообразные, со стрельчатым верхом, они в своих нижних частях сложены из горизонтальных рядов кирпича, а в верхних — способом «поперечных отрезков»²⁵. В прямоугольном заполнении тромпов прорезано по узкому, также прямоугольному окну, что заставляет вспомнить тромпы мавзолея Саманидов.

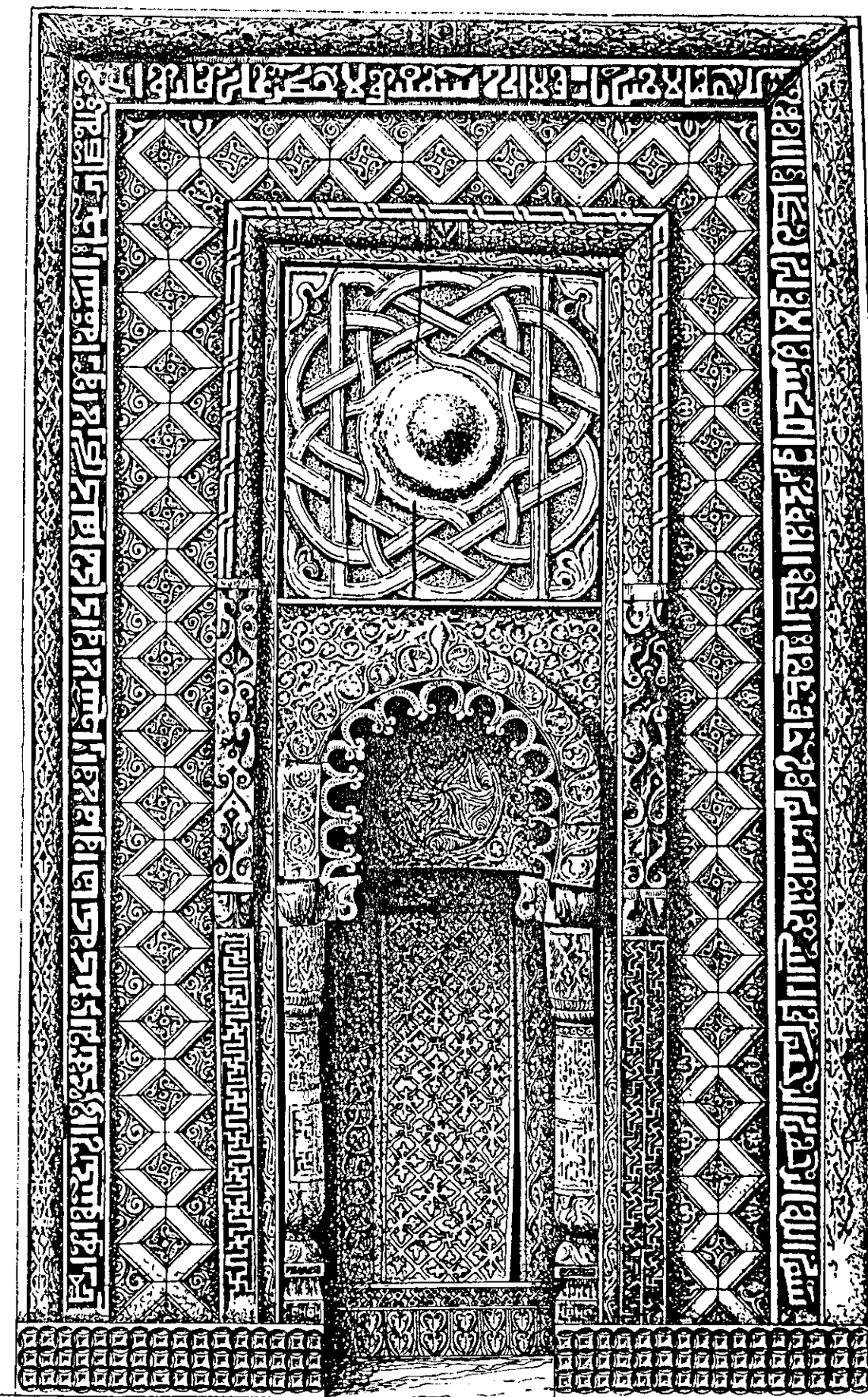

Кырк-Кыз. Тромп в помещении 12.

Встречающееся в литературе утверждение, что внутренние арки в тромпах мавзолея Саманидов имеют «стрельчато-подковообразную» форму²⁶, неверно. Эти арки имеют стрельчатую форму высокого подъёма, подобно готическим; они построены из двух центров, расстояние между которыми равно пролёту арки, и которые лежат на четыре ряда кирпичей выше конструктивного основания арок. Таким образом, эти арки (сложенные горизонтальными рядами, то есть по методу «ложного свода») имеют внизу короткие вертикальные участки, что и создаёт ложное ощущение их вогнутости в нижних частях.

Странным исключением среди среднеазиатских арок этого времени выглядит арка деревянного михраба из Искодара (10 в.). Она имеет овально-сплюснутую форму и окружена рельефным архивольтом уникальной килевидной формы, которая в архитектуре Средней Азии больше ни разу не встречается. Облик этой арки, круглой внутри и килевидной снаружи, находит буквальный параллель в арочных входах пещерных буддийских храмов Индии, — именно Аджанты и Эллы 5—8 вв. Сходство не ограничивается общей формой арки, — оно выражено в фестолах, которыми она украшена (прямоугольные фестоны индийских арок, имитирующие деревянную конструкцию, превратились здесь в бахрому сквозных арок). Арка Искодарского михраба — редкий пример прямого подражания формам индийской (и для того времени уже «исторической») архитектуры, тем более странным, что авторам михраба должен был быть ясен не исламский «языческий» характер выбранного ими образца.

Открытые недавно настенные росписи в Хульбуке (южный Таджикистан) показали, что килевидные, подковообразные арки «индийского» типа были известны в 9—10 вв. в Средней Азии по крайней мере как распространённый декоративный мотив. Здесь, на стенах дворцового здания, изображена колонная аркада с сидящими в ней музыкантами. Вместо колонн здесь — гирлянды стилизованных цветов, но арки изображены

Михраб в селе Искодар. Первоначальный вид до демонтажа и переноса в музей.

Дворец 11—12 вв.
в Хульбуке. Настенная
роспись с изображением
аркады с музыкантами.

вполне конкретно: стрельчатые сверху, с нерезко выраженной «подковообразностью», украшенные изнутри декоративными фестонами (которые превратились в стилизованные изогнутые листья), они очень похожи на внешний контур арки Искодарского михраба.

Рискованно рассматривать архитектурные мотивы в раннесредневековом искусстве как изображение реальных архитектурных форм того времени. Но в данном случае достоверность изображения и несомненное сходство с аркой Искодарского михраба позволяют предположить, что арки килевидной и подковообразной формы действительно употреблялись в раннеисламской архитектуре Средней Азии, — по крайней мере как деревянные, декоративные элементы оформления дворов и помещений.

Тромпы

При перекрытии квадратного помещения круглым в плане куполом неизбежно возникает необходимость поддержать части купола, нависающие над углами помещения. Строители доисламской эпохи в Средней Азии и Иране частично решали эту проблему тем, что делали диаметр купола больше, чем сторона квадрата стен, так что купол большей своей частью стоял на этих очень толстых стенах. При этом по верху стен, в основании купола получались полки-сегменты, а свесы купола в углах основательно уменьшались. Эти небольшие свесы как бы вырезались в форме конусов — воронок, сужающихся к углу помещения²⁷. Таковы были ранние, ещё примитивные тромпы, которые в сасанидском Иране имели вид гладкой конической воронки, а в Средней Азии состояли из несколь-

ких арок, вставленных последовательно одна в другую и уменьшающихся в направлении к углу. Такие тромпы «врезались» непосредственно в сферическую оболочку купола (в его основание) и представляли собой монолитную конструкцию, «работающую» всей своей поверхностью.

Первая (и пока единственная в доисламской архитектуре) попытка выделить тромпы в особую конструктивную систему, лежащую между стенами и куполом, найдена в буддийском храме 5—7 вв. Калаи Кафирниган (южный Таджикистан)²⁸. Здесь между низко расположенными тромпами на осях стен расположены арочные ниши. Хотя их основания лежат ниже основания тромпов и форма их несколько иная, всё вместе уже похоже на систему из восьми арок, образующих подкупольный октагон. Тромпы здесь ещё не отделены от купола, но поверхность, в которую «врезаны» арки тромпов и ниш, вертикальна, и в плане образует восьмиугольник с мягкими, скруглёнными углами и вогнутыми гранями.

Конструктивная идея, робко выраженная в храме Калаи Кафирниган, получила блестящее развитие в памятниках раннеисламской архитектуры Средней Азии. Правда, и в это время широко применялся «перспективно-ступенчатый» тромп — уступчатая кирпичная воронка, расположенная над углом под куполом и состоящая из арок, вставленных одна в другую и уменьшающихся по направлению к углу. Но теперь тромпы уже не врезаются в оболочку купола, а образуют в плане октагон с одинаковыми сторонами, угловые грани которого заполнены тромпами, а промежуточные — арочными нишами, обычно (но не всегда) той же формы, что тромпы. Сам тромп состоит теперь из арки,

диагонально поставленной на верхнем срезе стен квадратного помещения, и различно устроенного нишеобразного заполнения этой арки. Надстроенные и горизонтально завершённые, восемь ниш тромпового пояса служат опорой для круглого основания купола, диаметр которого теперь равен стороне квадрата стен. Встречающийся иногда и в это время старый приём, с диаметром купола большим, чем сторона квадрата, представляет собой архаический рудимент, свидетельствующий о ранней дате постройки. Таким же рудиментом нужно признать «врезание» тромпов в оболочку купола, иногда встречающееся в зданиях 9—10 вв.

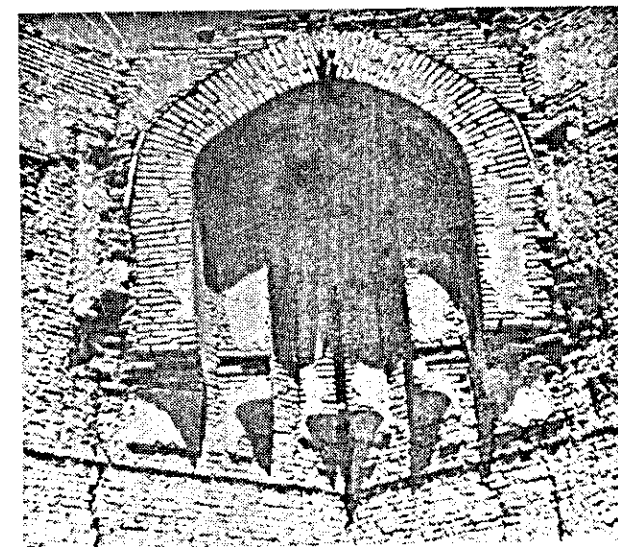
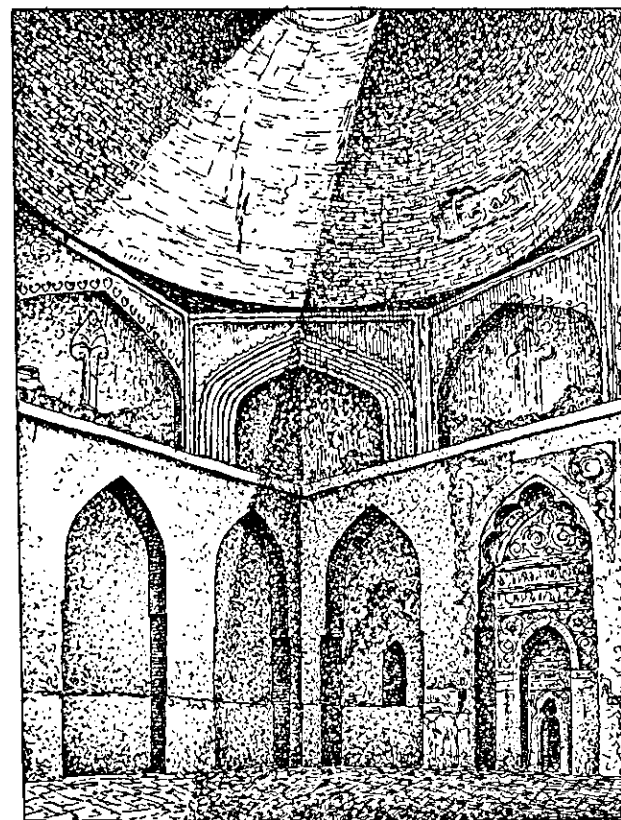
При небольшом размере помещения подкупольный октагон был вполне надёжным основанием для купола. Но при стороне квадрата, равной 10 м и таком же диаметре купола его свес над углами октагона составляет уже 41 см и нуждается в поддержке, — в этом случае делали второй, верхний пояс из 16 небольших тромпов, по старой традиции врезанных прямо в поверхность купола.

Заполнение тромповых ниш в зданиях 9—10 вв. довольно разнообразно. Его древний тип — «перспективно-ступенчатый» — известен в это время как в традиционном варианте, так и в модернизированном: например, «ступени» не заполняют весь тромп до угла, а образуют широкую раму вокруг внутреннего сомкнутого свода. В другом случае число «ступеней» сокращено до трех, они укрупнены и слегка раздвинуты, так что между вставленными одна в другую

арками остаются узкие вогнутые промежутки. Стоит отметить, что традиционный «перспективно-ступенчатый» тромп был известен (хотя и не распространён широко) далеко от Средней Азии: на такие тромпы опирается купол одного из мавзолеев (№ 17) некрополя в Асуане (Египет), который датируется 11 в.²⁹ Очень своеобразно эта чисто среднеазиатская архитектурная форма воплотилась в постройках Аббасидского халифата. В замке Атшан (775 г.) свод одного из помещений замыкается в торце слегка сплюснутым полукуполом — «конхой», нависающей над углами; сложена эта конха из кирпичных арок, вставленных одна в другую, но эти арки образуют не ступенчатую, а гладкую, вогнутую поверхность³⁰. Тот же приём использован в оформлении одной из ниш в парадном дворе замка Охейдир³¹, архитектура которого демонстрирует особенно много параллелей (конструктивных, композиционных и декоративных) с раннеисламской архитектурой Средней Азии.

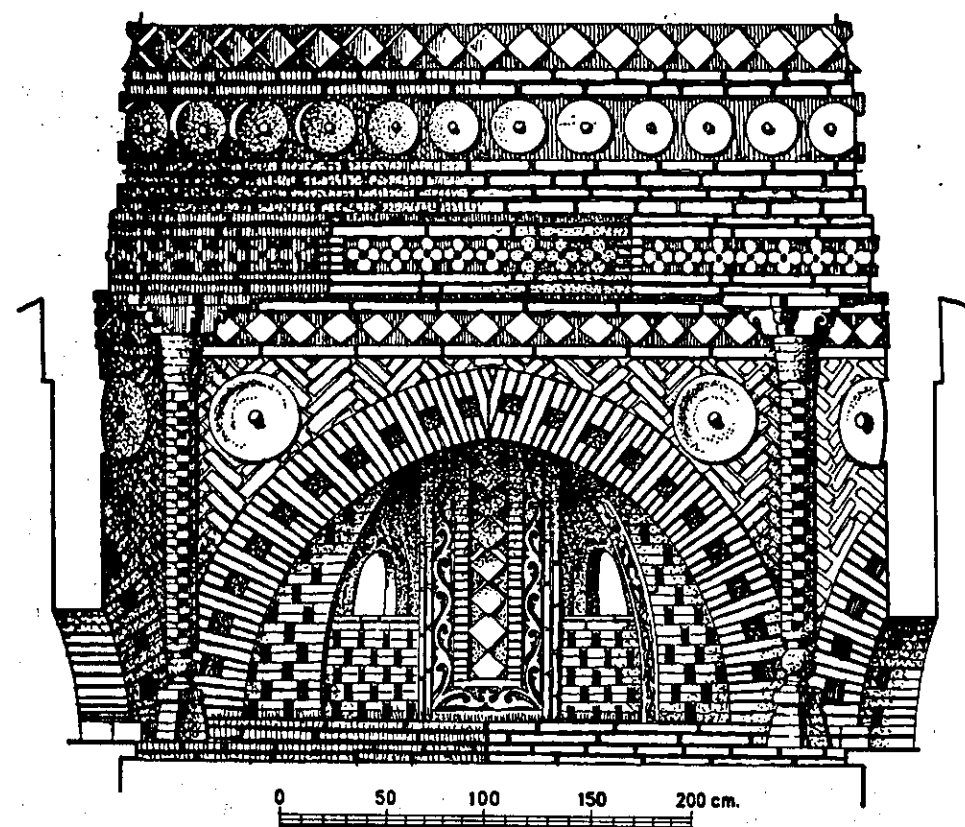
Оба примера нельзя объяснить конструктивной необходимостью, — и способ кладки этих щипцов, и их вогнутая форма (вызванная нависание над углами) воспроизводят, видимо, традиционную форму «восточного» тромпа, но в чуждом для него архитектурном контексте.

Другим вариантом, характерным для среднеазиатской архитектуры 9—10 вв. (и, кажется, ни для какой другой), был арочный тромп с поперечной полуаркой, которая упиралась изнутри (от угла помещения) в верх тромповой арки. Промежутки между фасадной аркой тромпа

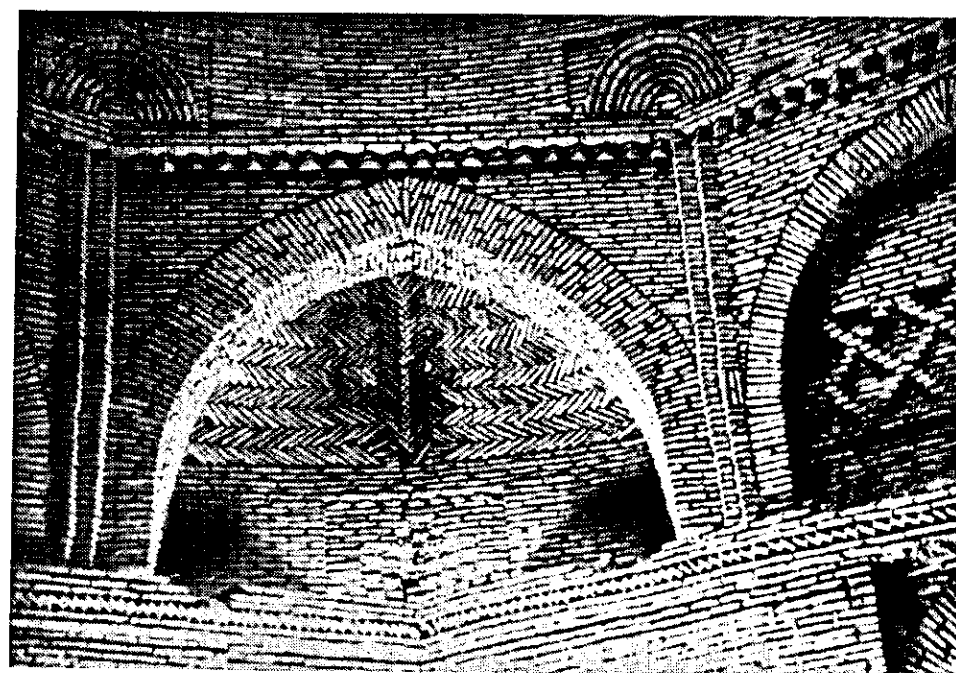

Мавзолей Халифа Ережеп. Тромп.

Мечеть Шир Кабир. Внутренний вид.
По Г. Пугаченковой.

Мавзолей Саманидов.
Тромп.

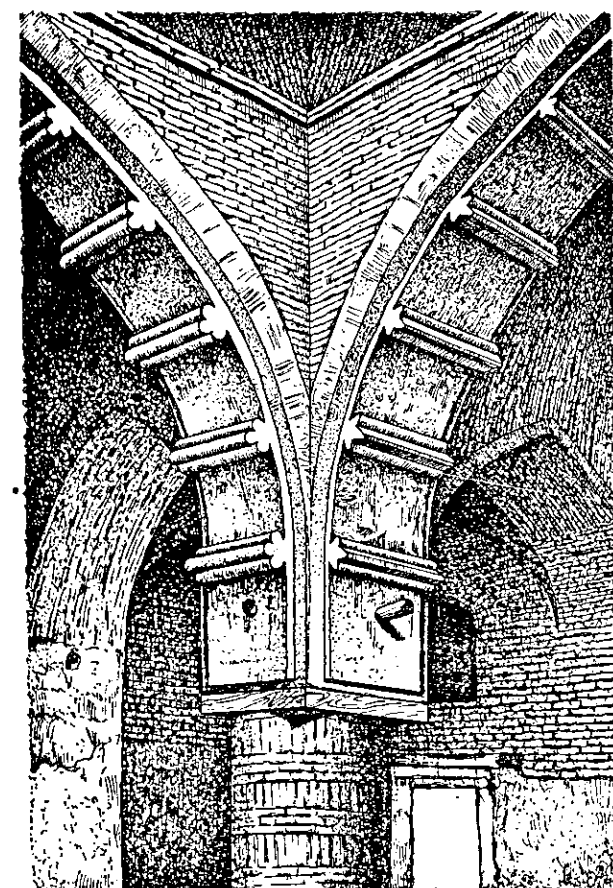
Мавзолей Ходжа
Машад. Тромп.

и поперечной полуаркой заполнялись криволинейной кладкой разного типа, иногда в этих промежутках (например, в мавзолее Саманидов) располагались небольшие окна. Очевидна конструктивная логика этой формы: арочный тромп испытывает опрокидывающую силу от распора купола, и полуарка, «работающая» как контр-

форс или, точнее, аркбутан, сопротивляется этой силе и придаёт конструкции надёжность. Вместе с тем заложить сравнительно небольшие промежутки между полуаркой и фасадной аркой тромпа проще, чем выкладывать полукупол-конху — распространённую форму заполнения тромпов в 11—13 веках.

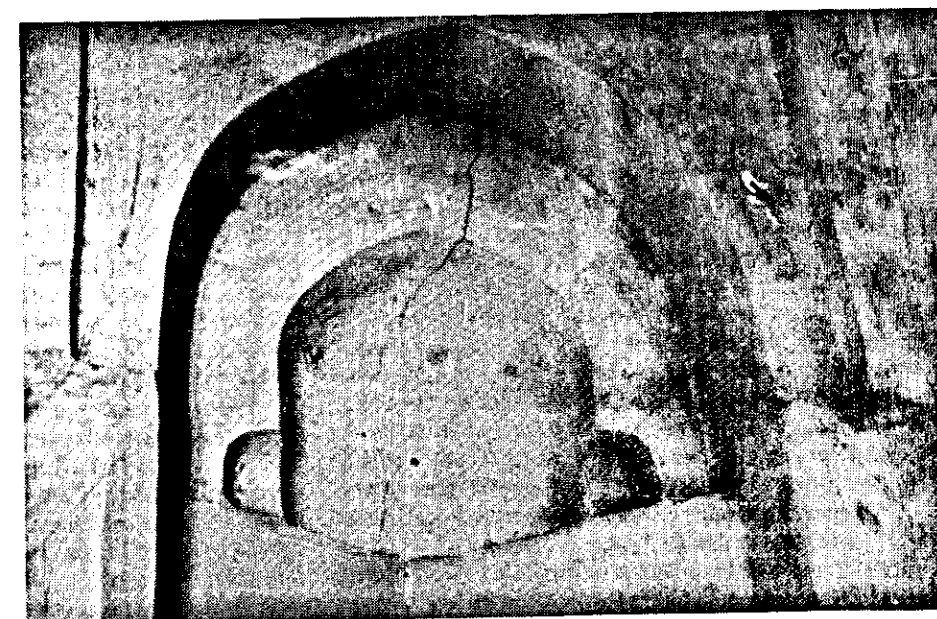
Любопытно, что и этот приём был использован в чужом архитектурном контексте: в замке Охейдир, в помещении мечети, удлинённое пространство перед михрабом перекрыто сводом на подпружных арках, а торцы этого зала оформлены полукуполом-конхами с поперечными полуарками³². Торцевые стены зала не испытывают здесь опрокидывающего давления, и полуарки-аркбутаны их несколько не укрепляют, — это не более чем архитектурная «цитата», играющая декоративную роль.

В Средней Азии полуарки-«аркбутаны» украшают конхи, которыми перекрыты ниши порталов караван-сарая Рабати Малик (10 в.) и мечети Магоки Аттори в Бухаре (12 в.). И в этих случаях приём лишен конструктивного смысла, так как эти полуарки не испытывают, конечно, никакого давления снаружи³³. Так вполне логичная конструкция тромпа с поперечной полуаркой стала источником для других, чисто декоративных архитектурных сюжетов, имеющих лишь внешнее сходство с источником. Исключительно своеобразный вариант арочного тромпа с полуаркой-«аркбутаном» представлен в мечети Дегтарон (10 в.). Здесь нет выделенной осевой полуарки, но вся внутренняя поверхность тромповых ниш, представляющая собой стрельчатый полукупол, состоит из полуарок — больших в середине, уменьшающихся к краям, слегка наклонённых от вертикали в стороны. Тромпы, таким образом, представляют собой сплошной арочно-сводчатый аркбутан, монолитность которого выражена и тем, что фасадная арка не отделена здесь от внутреннего полукупола. Эта конструкция, выразительная и архаичная, нигде более не встречается. Арочные тромпы особого типа сохранились в мавзолее Мир-Сеид Бахрама в Кермине (10 в.). Основания тромпов здесь не отделены от квадрата стен, а опущены до пола, так что помещение производит впечатле-

Мечеть Дегтарон. Внутренние арки.

ние восьмигранного, с прямоугольными угловыми нишами. Тромпы состоят из двух частей: глубокой стрельчатой арки и вставленной в эту арку ниши меньшего размера, той же стрельчатой формы, полукруглой в плане и перекрытой

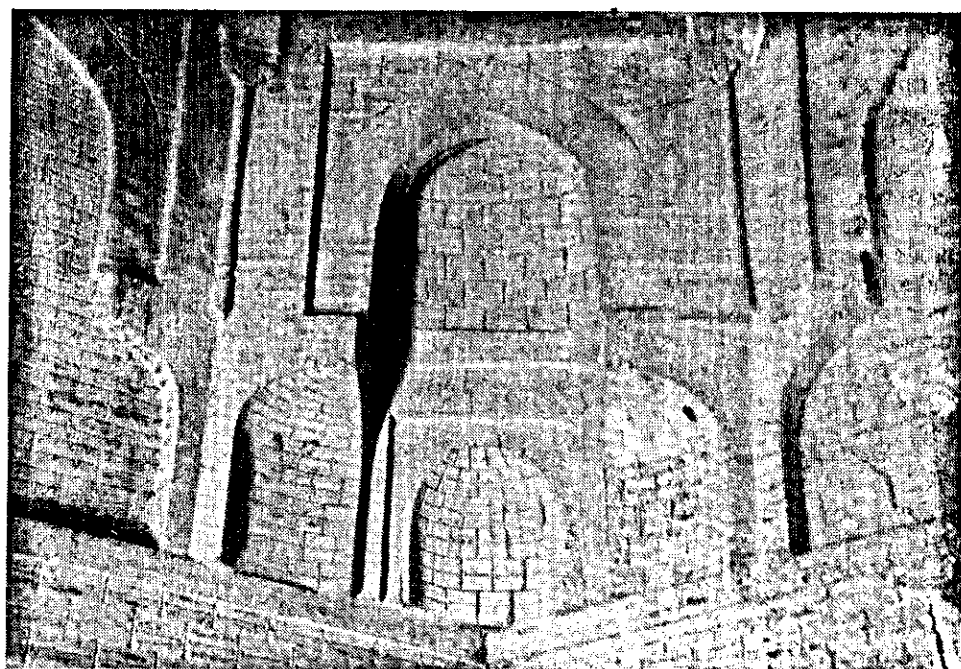

Мавзолей Мир-Сеид
Бахрам. Тромп.

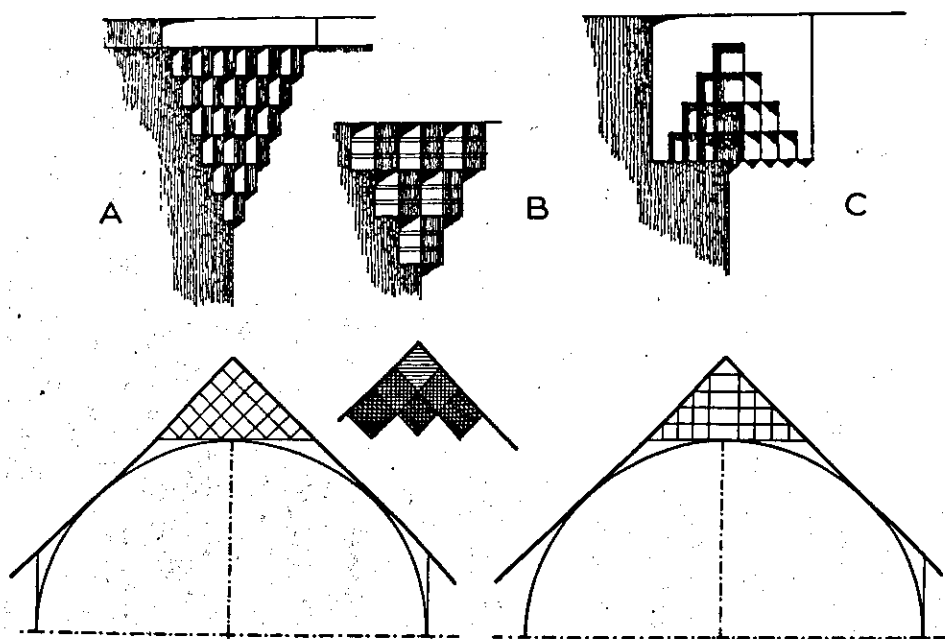

маленьким полукуполом³⁴. Углы этой ниши в основании как бы вырезаны в форме круглых полунишек, похожих на вогнутые консоли-сталактиты, благодаря чему внутренняя арка тромпа получила трёхлопастную форму. Здесь она только намечена, но в 11—12 вв. тромпы (и ниши между ними) отчетливо трёхлопастной формы встречаются сравнительно нередко³⁵. Есть предположение³⁶, что тромпы мавзолея Мир-Сеид Бахрама нужно рассматривать как прототип особого вида тромпов, фасад которых близок контуру трёхлопастной арки, а устройство в общих чертах выглядит так: половины арочного тромпа как бы раздвинуты, между

ними в глубине расположена задняя полукруглая или двухгранная нишка, и над ними, опираясь на вершины полуниш и на заднюю нишку, стоит верхняя нишка, фасад которой вместе с контурами нижних полуниш образует общий трёхлопастный контур тромпа. Эта очень эффективная и пластичная форма стала, несомненно, одним из прототипов сталактитовых пандантивов, широко распространившихся позже в исламской архитектуре. Её лучшие образцы были созданы в 11—12 вв. в Иране (мечети в Исфахане, Ардистане, Голпайгане (усложнённый тип), караван-сарай Рабати Шериф) и Средней Азии (мавзолей Абу-Саида в Мехне, Ярты-Гумбаз³⁷

Мавзолей Араб-ата.
Тромп.

Консольные пандантивы.
А и В — ячеистые рельефные,
С — ячеистый выемчатый.

и Ходжа Саброз³⁸). Она получила неожиданно широкое распространение в Египте 11—12 вв.³⁹

Иногда тромпы этого типа называют «сельджукскими»⁴⁰, что неверно, так как они появились раньше этой династии. Едва ли их можно назвать и «трёхлопастными», так как это определяет их внешний контур, а не внутреннее устройство, сложное и многовариантное. Может быть, было бы правильно назвать такие тромпы, как это предложила В. Воронина, трёхчастными⁴¹.

Древнейший, но уже вполне совершенный образец трёхчастного тромпа обнаружен в среднеазиатском мавзолее Араб-ата, который благодаря надписи на портале имеет точную дату — 977 г.⁴² Восьмигранный тромпов равен здесь по высоте нижнему квадрату, а в простенках между двухъярусными угловыми нишами расположены плоские ниши, контур которых точно отвечает внешнему контуру тромпов.

Кроме арочных тромпов и их разновидностей в архитектуре 9—10 вв. применялись и некоторые другие способы перехода от квадрата стен к круглому основанию купола, которые употреблялись и в сочетании с описанными выше приёмами, и самостоятельно. Таковы консольные пандантивы, известные в двух вариантах: ячеистый рельефный и ячеистый выемчатый. Обе эти конструкции выкладывались горизонтальными нависающими ступенями, в перевязку с кладкой стен. Ячеистый рельефный пандантив состоит из кирпичных «ячеек» (по 2, 3 и более кирпичей в каждой), выступающих из угла помещения, углом вперёд: над нижней ячейкой располагаются выступающие в «шахматном» порядке две ячейки, далее три, и так далее до необходимой высоты. Иногда (мечеть Деггарон) ячейки располагались в более сложном порядке. Всё в целом выглядит как расширяющаяся свес купола или грань восьмиугольного подкупольного тамбура.

Ячеистый выемчатый пандантив представляет собой угловую нишу, «свод» которой состоит из кирпичных ячеек-консоль. Кирпичи в этой сужающейся кверху нише расположены под 45° к стенам, так же как её фасадная поверхность. Эта конструкция часто употреблялась в арочных тромпах с полукупольным заполнением, — с её помощью ликвидировался свес полукупола над углом.

Оба типа консольных пандантивов употреблялись в архитектуре Средней Азии и позже 9—10 вв., причём впоследствии — благодаря обработке ганчем — их ячейки получили пластическую форму сталактитов — «мукарнас». Консольные пандантивы просты в исполнении, и их ранние образцы выглядят очень архаично. Было бы логично рассматривать их как конструкцию, более древнюю, чем арочные тромпы. Однако в сохранившихся зданиях доисламского времени они не обнаружены, — может быть потому, что сырец был недостаточно прочным материалом для них, а их древние образцы, выполненные из жженого кирпича, до нас не дошли.

В конце концов они есть разновидность «ложного» свода, созданного нависанием горизонтальных элементов, а в исторической перспективе такие своды повсюду возникли раньше настоящих сводов, создающих силу горизонтального распора.

Купола

Среднеазиатские купола 9—10 вв. дошли до нашего времени в очень небольшом количестве. Во многих постройках этого времени они обвалились и были восстановлены позже, иногда — по несколько раз. Всё же несколько сохранившихся образцов достаточны, чтобы определить особенности куполов «саманидской» эпохи, тем более, что эта архитектурная конструкция в будущем почти не изменялась.

Кладка кирпичных куполов производилась кольцами, которые постепенно наклонялись, — вертикальное сечение купола, таким образом, выглядит как клинчатая арка или свод, и если кирпичи в нижнем большом кольце лежат горизонтально, то в верхнем, самом малом кольце они почти вертикальны. Общая форма куполов 9—10 вв. сфероконическая, то есть стрельчатая, и геометрические приёмы построения этой формы — такие же, как в большинстве арок и сводов этого времени: сечение купола представляет собой кривую, проведенную из двух симметричных центров в его основании. Так, форма купола мавзолея Саманидов определяется делением его диаметра на 12 частей (центры в двух ближайших к оси точках).

Купол мечети Шир Кабир в Месториане деформирован, но анализ (с известными допущениями) показывает, что его форму определяло деление диаметра на 7 частей, с центрами кривой на концах среднего отрезка. Расположение центров геометрического построения рядом с вертикальной осью определило общую форму этих куполов — почти круглую, с небольшим заострением вверху. Купольная конструкция не требует при своём возведении деревянных подпорок, но для того, чтобы не нарушить её геометрически правильной формы, строители пользовались особым приёмом, который сохранился до наших дней. Суть его такова.

Сперва на ровной, покрытой ганчем площадке вычерчивали в натуральную величину кривую, равную половине сечения купола, и по ней изготовляли деревянное кружало — точно так, как это делалось для арок и сводов, но одностороннее. Затем в центре квадратного помещения устанавливали вертикальный деревянный брус и на его вершине укрепляли кружало — так, чтобы оно могло вращаться в горизонтальной плоскости. Вращением кружала корректировали правильность кирпичных колец, из которых возводился купол. Кладку купола можно было прекратить на любом кольце. Обычно в зените купола действительно оставляли круглое отверстие — небольшое (мавзолей Саманидов) или

довольно крупное (мавзолей Ходжа Машад, мечеть Шир Кабир), придававшее купольным залам неожиданное сходство с римским Пантеоном. В этих случаях над верхним люком-окном возводился, видимо, навес на деревянных опорах.

Толщина куполов, по крайней мере крупных, была неодинакова. Она менялась уступами от 2,5—3 кирпича в основании до 1,5—1 в верхней части, при этом на внешней поверхности купола образовывались две или три ступени, которые иногда использовались для устройства наружных лестниц, — с их помощью поднимались на верх купола. С той же целью в куполах из жженого кирпича иногда устраивались кольцевые выступы: в некоторых кольцах отдельные кирпичи с равными промежутками выдвигались наружу. Этот функциональный по своей идее приём придавал внешнему виду купола своеобразный пластический эффект.

Что касается изменения толщины купола (от сильного низа к тонкому верху), то посредством этого приёма купольная конструкция облегчалась, не теряя в прочности, понижался центр тяжести купола и соответственно вырастала его устойчивость.

По сравнению с будущими куполами эпохи Ильханов и Тимуридов (14—16 вв.) «саманидские» купола невелики, но уже намного крупнее и совершеннее куполов доисламской эпохи⁴³, а крупнейшие среди них показывают сильно возросшие возможности строителей: для сырца — это купол мечети Шир Кабир в Месториа-не (диаметр около 9 м), для жженого кирпича — купол мавзолея Ходжа Машад (диаметр 11 м).

Способы декора внутренней поверхности куполов были, видимо, достаточно разнообразны, хотя делать широкие обобщения по этому поводу рискованно из-за малого количества реального материала. Можно предполагать, что обычно купола из жженого кирпича сохраняли изнутри естественную фактуру кольцевой кладки, а купола из сырца штукатурились. Иногда в единообразную кладку вставлялся, обычно ближе кверху, декоративный ряд, состоящий из кирпичей, уложенных наклонно или углами наружу. Этот приём после 10 в. почти вышел из употребления.

Известны случаи украшения внутренних поверхностей куполов ганчевой резьбой. Остатки орнаментальной резьбы сохранились на куполе мечети Шир Кабир⁴⁴, сложный резной декор покрывал изнутри купол жилого здания 10 в. в Афрасиабе (Самарканд)⁴⁵.

Сохранилась фотография давно разрушенного мавзолея в южном Туркменистане, купол которого был сложен необычным способом: в кирпичных кольцах, образующих купол, кирпичи располагались наклонно, опираясь на узкие грани и соприкасаясь «постелями». В каждом ряду-кольце направление наклона менялось, так что в целом эта вполне конструктивная система кладки образовывала на обеих поверхностях

купола зигзагообразный «ёлочный» узор⁴⁶. В Средней Азии аналогий этому приёму нет, но он повторён буквально в мавзолее Абдул-Касима в Сангбасте (Иран, около Мешхеда), построенном в конце 10—начале 11 вв.⁴⁷ Видимо, концом 10 в. нужно датировать и южнотуркменский мавзолей.

Употреблялись ли в раннеисламской архитектуре Средней Азии складчатые купола, то есть такие, поверхность которых состоит из «меридиональных» выступов-складок, круглых или остроконечных? На такую возможность как будто намекает небольшой купол этого вида в замке Охейдир, который, как говорилось, был создан под явным влиянием среднеазиатско-хорасанских образцов⁴⁸. Другое свидетельство — к сожалению, тоже косвенное — изображение складчатого купола над погребальным павильоном-«кедом» в доисламской (6—7 вв.) настенной живописи Пенджикента⁴⁹, воспроизводящее реальную форму местной архитектуры. Это даёт основание полагать, что рубчатые купола эффектных тимуридских зданий Самарканда, Герата и Балха 14—16 веков имели «предков» в местной архитектуре 9—10 вв.

Развитие купольных конструкций в исламизированной Средней Азии имело последствия как технического, так и эстетического порядка. Введение в структуру купольного зала чётко выделенного восьмигранника подкупольных конструкций-трюмпов не только позволило возводить купола гораздо большего размера, чем прежде, но и изменило внутреннюю архитектуру, — в ней возникли горизонтальные членения, выражающие постепенный переход от квадрата стен к высокой опрокинутой чаше купола.

Столбы

Частые землетрясения и нехватка прочного строительного камня были причиной того, что в Средней Азии колонны западного типа, монолитные или составные, не получили широкого распространения. Их заменили здесь массивные столбы прямоугольного, крестовидного и круглого сечения, которые раннеисламская архитектура получила «в наследство» от предыдущей эпохи. Теперь эти опоры нашли применение в культовых и общественных зданиях — всюду, где большие внутренние пространства перекрывались сводами и куполами. Кирпичные столбы и аркады, несущие деревянные балочные перекрытия (как в мечетях Каира, Дамаска и Кордобы) в Средней Азии неизвестны, хотя такая комбинация, возможно, и существовала.

При раскопках пятничной мечети Самарканда, разрушенной в 13 в. монголами, были найдены столбы из жженого кирпича на ганчевом растворе — остатки здания саманидского времени. Один из столбов, назначение которого осталось неясным, был очень большим, — 4,7×4,54 м в сечении. Столбы из жженого кирпича — остатки сводчатых галерей — были най-

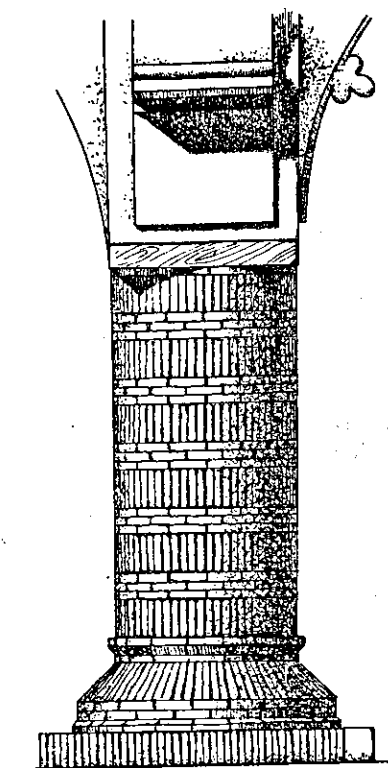
дены и рядом с мечетью, вдоль её северной, южной и восточной сторон⁵⁰. Столбы вдоль северной стороны, сечением 58×80 см, стояли на расстоянии 3,15 м один от другого и были, видимо, опорами аркады, которая окружала расположенную здесь площадь.

На мощных сырцовых столбах (1,48×1,30 и 1,30×1,30 м) были основаны аркады каравансарая Кишман-тепе на пути из Мерва в Хорезм⁵¹. В загородном дворце Кырк-Кыз у Термеза на оси большого прямоугольного зала стоят три сырцовых столба, крестообразных в сечении, на которые, несомненно, опирались арки, переброшенные между столбами и стенами; на эти арки, в свою очередь, опирались шесть куполов или сводов. Нужно заметить, что крестообразная форма столбов, нередкая в архитектуре европейско-византийского круга (в частности, в русской церковной архитектуре) и разумная, когда на столб с четырёх сторон опираются арки, в раннеисламской архитектуре Средней Азии больше, как будто, не встречается.

Кладка прямоугольных столбов из сырца и жженого кирпича не отличалась от кладки стен, да эти опоры, в сущности, и представляли собой отрезки стен, простенки, разделённые более или менее широкими арочными проёмами. Иное впечатление производят употреблявшиеся в архитектуре 9—10 вв. круглые столбы.

Эта форма монументальных опор была распространена в сасанидском Иране (дворцы в Сарвистане, Тахти Сулейман, Касри Ширин, в Дамгане и др.), употреблялась она и в доисламской Средней Азии (дворец в Варахше)⁵². После арабского завоевания (и особенно с середины 8 в., с началом эпохи Аббасидов) круглые столбы, в качестве опор для арок и сводов, стали употребительны и в архитектуре западных областей Халифата (Дар аль-Имара в Куфе, Охейдир, мечеть в Каср Мугатил⁵³, мечеть в Суса⁵⁴). В Средней Азии массивные опоры в виде круглых кирпичных столбов известны (за исключением Варахши) только в 9—10 вв., и чаще в мечетях. Их всего четыре: Чор Сутун в Термезе, Магоки Аттори в Бухаре, мечеть в Даш-Рабате (Данданкане) и Дегтарон в селении Хазара. Сохранилось только последнее здание, остатки трёх остальных обнаружены раскопками⁵⁵.

Полностью и хорошо сохранившиеся столбы мечети Дегтарон держат четыре арки, на которые опирается центральный купол здания. Их высота — 3 м, и в их основании расположены профилированные базы, что придаёт им, несмотря на массивные пропорции (меньше, чем 1:3), сходство с колоннами. Диаметр столбов — около 130 см. Они сложены из жженого кирпича чередующимися слоями: один ряд кирпичей, стоящих вертикально на ребре, и три ряда лежащих горизонтально, — эта комбинация повторена 6 раз, но сверху тройной слой горизонтальных кирпичей заменен квадратной деревянной плитой толщиной 10 см. На эти деревянные

Мечеть Дегтарон. Столб.

прокладки опираются основания арок⁵⁶. Основанием для круглых баз служит деревянный плинт размером 2×2 м, сложенный из вертикально стоящих кирпичей. Под столбами обнаружены фундаменты из жженого кирпича, глубиной 1,5 м и той же площади, что плинт, — интересная особенность для того времени, когда даже крупные и монументальные здания часто ставились просто на искусственно уплотнённый грунт.

Базы столбов выполнены из жженого кирпича, подтёсанного вручную, а не штампованного — доказательство их ранней датировки. В их форме угадывается упрощённый и трансформированный образ греко-римской базы аттического типа, в которой верхний валик превратился в угловатый профиль с верхней горизонтальной и нижней наклонной поверхностью, скоция между валами — в вертикальное заглубление, а нижний большой вал — в выпуклую «подушку» с нижним вертикальным кантом. Нижняя деталь базы — круглый в плане выступ со срезанным верхним ребром — не имеет параллелей в западной ордерной архитектуре.

Обращение к греко-бактрийской и кушанской древности в 10 в. выглядит неожиданным и труднообъяснимым, тем более, что странные базы мечети Дегтарон остались в архитектуре Средней Азии одиночками: круглые столбы мечетей в Данданкане, Чор Сутун и Магоки Аттори баз не имели, как не имели их доисламские прототипы и западные современники в Халифате⁵⁷.

ПРИЕМЫ ГАРМОНИЗАЦИИ И ПРОПОРЦИОНИРОВАНИЯ

Одной из сторон общего роста культуры в государствах Тахиридов и Саманидов было развитие прикладной геометрии и математики. Накопление знаний в этой области определённым образом отразилось на архитектуре: изучение многих сооружений 9—10 вв. выявило в них гармоничную систему пропорций, взаимосвязь размеров и очень часто — подчинение архитектурных членений регулярной метрической сетке, в основе которой лежит метрическая единица — гяз¹.

В некоторых случаях установлено применение модуля, роль которого исполнял кирпич выбранного строителями формата, но широкого применения принцип модульности в его классическом, западном значении в архитектуре Средней Азии (да и всего Среднего Востока) не получил.

У строителей Средней Азии 9—10 вв. были популярны приёмы пропорционирования, отчасти доставшиеся им «в наследство» от предыдущих, доисламских времён. В организации планов и пространственных членений применялись, например, отношения стороны и диагонали квадрата: система вписанных один в другой квадратов, где сторона каждого квадрата равна диагонали предыдущего меньшего квадрата, образует так называемый гармонический ряд; им определяются пропорции многих зданий, в том числе мавзолея Саманидов. Были употребительны пропорции помещений и их групп, в которых короткая и длинная стороны соотносились как сторона и диагональ квадрата, то есть $1 : \sqrt{2}$. Такие помещения особенно часты в архитектуре жилищ, — они есть, например, в домах 9—10 вв. селения Куйрук-тобе в южном Казахстане², среди жилых пещер Дорт-Дешик в Туркменистане³, во дворце правителя в Шахриар-арке (Мерв, 11 в.)⁴, в караван-сараях Башана на юге Туркменистана (11 в.)⁵ и др.

В гофрированном здании в Мерве (9—10 вв.) диагонали центрального квадратного зала определяют толщину его боковых стен⁶, а в мечети Талхатан-баба (южный Туркменистан, 11—12 вв.) диагонали центрального квадрата, включая стены, определяют всю длину здания⁷. Этот приём пропорционирования был издавна известен в архитектуре разных народов и эпох⁸.

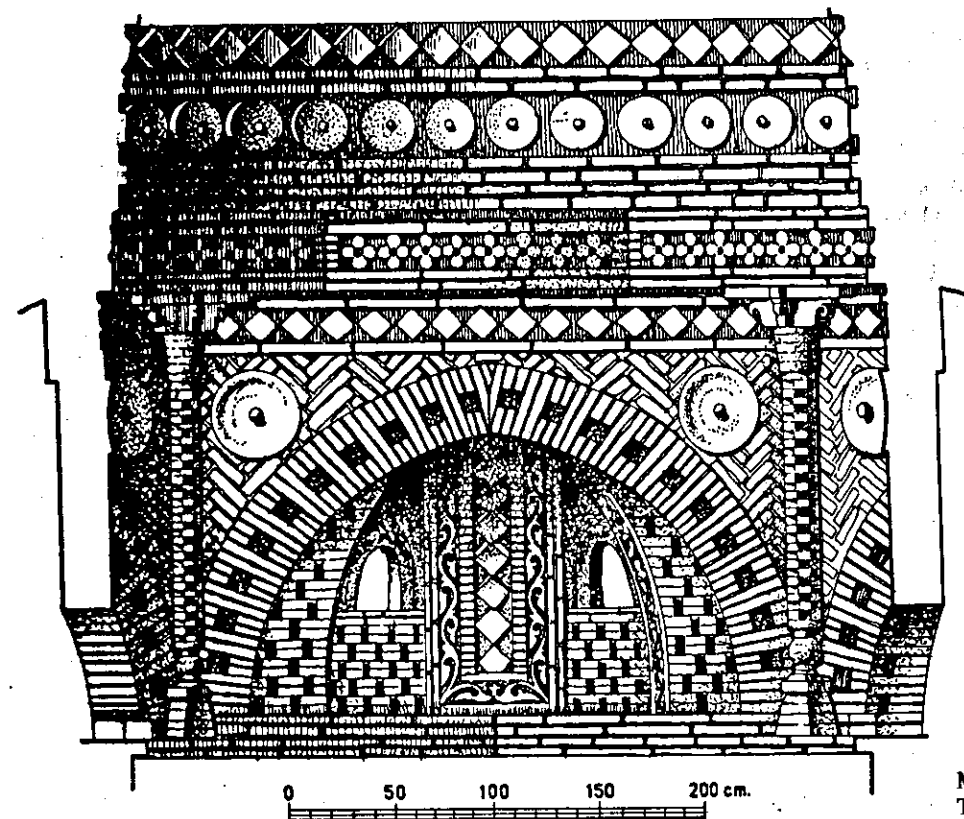
Издавна и очень разнообразно в архитектуре Средней Азии применялись пропорции прямоу-

гольника с соотношением сторон $1 : \sqrt{3}$. Несложный способ построения этой фигуры сводился к тому, что сперва строился прямоугольник со сторонами, равными стороне и диагонали квадрата, после чего диагональ полученного прямоугольника $1 : \sqrt{2}$ принималась за сторону нового, искомого прямоугольника более удлинённых пропорций.

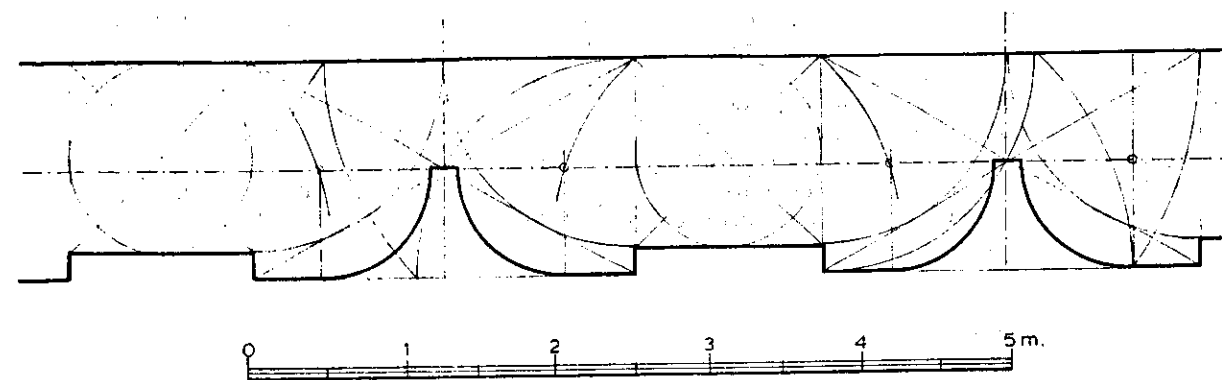
Примеров этой пропорции в архитектуре Средней Азии много. В доисламское время она определила форму приёмного зала в замке Балалык-тепе и восьмиколонного зала в буддийском храме Ак-Бешима⁹, в памятниках 11—12 вв. — форму первого двора караван-сарая Рабати Шериф в иранском Хорасане¹⁰ и центрального двора во дворце Масуда III в Газне¹¹.

В интересующее нас раннеисламское время эти пропорции имели приёмный зал в замке Бад-асия, зал-айван мечети ас-Сагит в Башане и двор здания, построенного в 10 в. на руинах цитадели Варахши (более подробно об этих постройках см. ниже). Этот популярный приём употреблялся не только для определения формы залов и дворов: в прямоугольник $1 : \sqrt{3}$ вписаны арки тромпов мавзолея Саманидов (причём форма самих арок зависит от этих общих пропорций), этот же приём лежит в основе сложной формы гофров караван-сарая Чалдывар в Киргизстане.

Особенность прямоугольника с пропорцией сторон $1 : \sqrt{3}$ в том, что в него вписываются два равносторонних треугольника. Другими словами, он состоит из двух равных прямоугольников, в каждый из которых вписываются равносторонний треугольник или (что то же самое) правильный шестиугольник. Прямоугольники таких пропорций имеют соотношение сторон $1 : 0,866$ ($0,866 = \sqrt{3} : 2$). И эта легко образуемая геометрическая форма широко употреблялась с древнейших времён в архитектуре Средней Азии, определяя пропорции зданий, площадей, помещений и архитектурных членений. Встречается эта пропорция и в архитектуре других исламских стран: главный зал замка Кусейр Амра в Иордании (8 в.), мечеть в Медине (начало 8 в.), замок Каср аль-Хайр восточный (8 в., двор слева от южного входа), парадный двор дворца Джаусак в Самарре (9 в.), дворы мечетей в Наине и Ниризе (10 в., Иран) — все они

Мавзолей Саманидов.
Тромп.

Караван-сарай Чалдывар. Геометрический анализ горизонтального сечения северной стены.

имеют прямоугольный контур с отношением сторон $1 : 0,866$, в который вписывается равносторонний трёх- или шестиугольник. Эту же форму имеет купол в мечети Кордобы, расположенный в начале пристройки 10 в. и известный как «фонарь аль-Хакима II»¹².

В архитектуре Средней Азии 9—11 вв. эту форму плана имеют караван-сарай Аль-Аскер¹³, святилище в Чорку (единственный образец деревянной архитектуры 10 в.), три двора в жилом квартале Афрасиаба, приёмная комната в Сайёде, двор или зал жилого дома в Варахше, ниша портала медресе Ходжа Машад и др. Пропорции $1 : 0,866$ имеют грани подкупольного октагона в мавзолеях Ходжа Машад (восточный) и Араб-ата, причём в первом случае прямоуголь-

ник расположен горизонтально, во втором — вертикально.

В следующую эпоху (как и в предыдущую) число примеров употребления этой геометрической формы в архитектуре Средней Азии очень велико. Её популярность при формировании планов крупных зданий (караван-сараяв, мечетей и т. п.) объясняется, видимо, простотой построения такого прямоугольника на строительной площадке при помощи колышков и шнура¹⁴. Во многих случаях, когда таким способом определялась форма помещений, это было связано, вероятно, с характером перекрытия, которое представляло собой брусчатый «кессонный» купол шестиугольной формы, — на это указывают многократно встреченные случаи,

когда углы вписанного в план шестиугольника совпадали с дверными проёмами¹⁵.

Применение пропорционных построений и метрических сеток имело вначале чисто практическое значение и ставило своей главной целью удобство разбивки здания в натуре, на строительной площадке. Но такой метод обязательно предполагает предварительный чертёж, проект, который переносится в натуру. Очевидно, такие проекты, выполненные в определённом масштабе и детально разработанные, в архитектуре Средней Азии 9—10 вв. уже были.

«Вписывание» плана здания в сетку одинаковых квадратных ячеек применялось ещё строителями доисламского времени, — оно обнаружено мной, например, в разбивке плана тронного зала дворца в Шахристане¹⁶. Но сложная взаимосвязь размеров, обнаруженная исследователями в построении архитектурной формы бухарского мавзолея Саманидов — этого лучшего памятника эпохи — имеет уже не только и не столько прикладное, вспомогательное значение: основанная с начала до конца на пропорциях «гармонического ряда», эта взаимосвязь обеспечила зданию идеальную гармоничную соразмерность и пропорциональность, единство его художественного облика. Очевидно, что уже в 9 веке, — а вернее всего, и раньше — способы геометрического построения архитектурной формы из служебных приёмов, облегчавших работу строителей, превратились в систему художественных приёмов, сообщавших постройкам выразительность и эстетическую завершенность.

Эти приёмы были многообразны и не ограничивались отмеченными выше. Некоторые из них будут рассмотрены ниже, при знакомстве с конкретными постройками различного назначения.

* * *

При большом типовом разнообразии среднеазиатской архитектуры 9—10 вв. оставшиеся от этого времени постройки можно разделить, по принципу их планировки и объёмно-пространственной структуры, на две основные группы. Это — здания и комплексы центрического типа и дворово-айванные комплексы. В сооружениях первой группы архитектурные массы симметрично группируются вокруг общего центра — квадратного двора или купольного зала, фасады полностью или почти одинаковы, и всё здание рассчитано на подход к нему и обозрение его со всех сторон. Среди построек этого типа — почти все загородные дома-замки, мавзолеи, некоторые мечети и здания общественного назначения.

Сооружения второго типа отличает чётко выраженная главная ось, на которую последовательно «нанизаны» парадно оформленный вход (может быть, не единственный, но главный), прямоугольный двор и лежащий в глубине двора сводчатый зал-айван с боковыми и задними помещениями.

Такие здания рассчитаны на обозрение и подход к ним только с одной, главной стороны, и на постепенное движение по оси внутрь. Здесь смысловым центром архитектурной композиции служит не геометрический центр сооружения, а лежащий в глубине двора айван. Этот приём планировки, с древности применявшийся в дворцах и жилых домах (всюду, где глава государства, рода или семьи вступал в административные или общественные отношения с подчинёнными), в раннеисламское время получил очень широкое распространение. Оставаясь основой планировочной структуры дворцов и богатых жилищ (или, по крайней мере, входя в неё важнейшей составной частью), он стал определяющей чертой устройства крупных мечетей, караван-сараяв и медресе, — зданий массового, общественного назначения. Высокий сводчатый айван дворово-айванного комплекса с лежащим за ним купольным залом был, очевидно, прообразом зданий «однопортального» типа, и в первую очередь — порталных мавзолеев¹⁷. Если здание центрического типа рассчитано на то, чтобы стоять посреди открытой площади, с входами, раскрытыми на все четыре стороны (как это обычно и бывало), то портал дворово-айванного архитектурного комплекса или его «потомка» — однопортального здания — естественно должен был замыкать собой единственный путь, совпадающий с главной осью постройки.

9—10 вв. были временем, когда в архитектуре Средней Азии шла борьба старых, традиционных и новых тенденций. Эта борьба обострялась многими причинами: и сдвигами мировоззрения, которые принёс ислам (они породили новую эстетику, мало походившую на прежнюю, доарабскую), и политическим единством восточно-иранских земель, которое пришло на смену прежней политической раздробленности, и развитием городской цивилизации, в которой культура аристократов-землевладельцев всё более уступала культуре городской интеллигенции, ремесленников и купцов.

Однако эта борьба не привела к отрицанию старой художественной культуры, как через 500 лет в Италии, — традиционные, давно сложившиеся формы архитектуры обычно сохранялись как оболочка, наполненная новым содержанием. Так куколка, созданная гусеницей и ставшая её футляром, сохраняет свою отвердевшую форму и тогда, когда внутри неё живое вещество отливаётся в форму нового существа — бабочки. Следы этого футляра легко разглядеть во многих постройках 9—10 вв. Они видны в атавистических «крепостных» формах усадебных жилых домов и в их компактной планировке, в мотиве венчающих аркад, восходящих к формам боевых галерей замков 5—7 вв., в оформлении фасадов некоторых монументальных зданий «гофрами», в ряде рудиментарных приёмов и форм. Но ещё яснее выступают новые качества: преодоление замкнутости и аморфной массивности, декоративная щедрость кирпичных кладок и самих конструкций, органический сплав

конструктивной и художественной сторон архитектуры, реализованный применением жёженого кирпича, ощущение праздничной раскрытости, нарядности, утончённости, которые выражены не только и не столько в декоре, сколько в самих архитектурных объёмах и пространствах.

Но борьба — ещё не победа, и в раннеисламской архитектуре Средней Азии, в немногих дошедших от неё постройках далеко не всюду можно заметить преодоление старого новым. Нередко образы древнего «языческого» мира отчётливо проступают в памятниках эпохи, за-

глушая своим ярким своеобразием то новое, что принёс ортодоксальный ислам. Часто элементы старого и нового образуют столь сложные и прочные соединения, что выявить составляющие их отдельные элементы может только кропотливый анализ.

Возможно, самой близкой аналогией среднеазиатской архитектуры 9—10 вв. стал её современник — поэтический эпос «Шахнаме» Фирдоуси, — произведение, в котором могучие, страстные образы древнего Ирана уже движутся в рамках орнаментальной эстетики ислама.

МЕЧЕТИ

Первые мечети возникли в городах Средней Азии не только как очаги новой религии, но и как материальное воплощение военного завоевания, новой политической — и поначалу чужеземной — власти. Торжество ислама было здесь прямым следствием арабского вторжения, в этом было существенное отличие ислама от буддизма и христианства, которые тоже были «импортными» религиями, но проникли в Среднюю Азию мирно и постепенно и не претендовали здесь на роль государственной религии. Как говорилось, нет никаких признаков того, что до арабского завоевания в Средней Азии существовали мусульманские общины и мечети. Понадобилось известное время — возможно, не менее ста лет, — чтобы масса населения Средней Азии ощутила ислам своей естественной духовной основой, а мечети — духовными и общественными центрами. С этого времени архитектура мечетей, вначале повторявшая арабские образцы, обращается к собственному художественному наследию и становится всё более самостоятельной.

Древнейшие среднеазиатские мечети не сохранились, но можно не сомневаться, что они строились арабами или местными строителями по несложному арабскому образцу (конечно, если под мечети не приспособлялись храмы иных религий). Этот образец предусматривал глухое прямоугольное ограждение и ряд столбов, поддерживающих деревянную кровлю изнутри стен. Среднее открытое пространство использовалось как двор для омовений; стена, обращённая к Мекке, отмечалась одной или несколькими молитвенными нишами — михрабами. Михраб, своим устройством и декором похожий на христианский алтарь (и, видимо, связанный с ним генетически), тем не менее свястостью алтаря не обладает и лишь указывает, в какую сторону должны обращаться молящиеся.

Такие мечети, простые в устройстве, более или менее крупные, арабские полководцы строили во всех завоеванных странах — Сирии, Египте, Палестине, Магрибе. О том, что Средняя Азия не была исключением, свидетельствуют отчёты путешественников, побывавших здесь в 9—10 веках. В этих отчётах постоянно упоминаются (и частично описываются) пятничные мечети разных городов, то есть главные город-

ские мечети, где по пятницам совершались торжественные богослужения, обязательные для каждого мусульманина. Такие мечети строились в центре города, рядом с его сердцем — базаром, и, судя по описаниям (кратким и не всегда ясным), имели обычно традиционное «арабское» устройство.

Кровли-навесы этих мечетей опирались на деревянные колонны. Но в пятничной мечети города Кас (Кят — древняя столица Хорезма) колонны были подняты на высокие, в рост человека, опоры из чёрного камня¹. Пятничная мечеть маленького города Нузвар в Хорезме была почти вся крытая, — вероятно, она была невелика, и пространство двора здесь было сведено к минимуму². Простейшие мечети этого раннего времени могли иметь вид замкнутого двора, даже без навесов на столбах или колоннах. Аль-Мукаддаси, сообщая о мечети в городе Земм (современный Керки), счёл нужным отметить, что её двор снабжен навесом, а о двух мечетях Мерва прямо говорит, что «в них нет дерева и нет навеса», но стены их построены из жженого кирпича³.

Мечеть «известного города» Мерверуд имела деревянные колонны (то есть, видимо, не просто столбы), а одна из мечетей Мерва была даже украшена резьбой по дереву⁴, — видимо, редкий в 9 в. случай, иначе он не заслужил бы внимания. Постепенное проникновение в архитектуру мечетей местных доисламских приёмов строительства наглядно проявилось в строительной судьбе мечети Нишапура: её ранняя часть, воздвигнутая в 8 в., была основана на деревянных опорах, распространённых и в арабской, и в местной доисламской архитектуре. Но вторая часть мечети, построенная во 2-й половине 9 в., имела уже круглые колонны из жженого кирпича, то есть той формы, которая характерна именно для ирано-среднеазиатского региона эпохи Сасанидов.

Посредине этой мечети (то есть, вероятно, посреди её двора) стояло упомянутое «разукрашенное здание с одиннадцатью дверями, на мраморных колоннах с инкрустациями, потолок его трёхсводчатый, стены и потолок разукрашены позолотой»⁵. Количество дверей позволяет вообразить облик этой «внутренней мечети» как кубического здания с тремя входами на каждой стороне, кроме той, что обращена к Мекке:

здесь было два входа, так как на месте среднего был михраб. Купольные мечети этого типа, но более позднего времени, хорошо известны в архитектуре Ирана и Средней Азии. Но упоминание «трёхсводчатого» потолка как будто указывает на то, что четыре опоры внутри здания делили его пространство в обоих направлениях на три части — центральную, перекрытую куполом, и боковые сводчатые. И это устройство находит в несколько более поздней архитектуре Среднего Востока близкие параллели. Обширная мечеть Серахса также имела колонны из жженого кирпича, а мечеть города Бушт была вся выстроена «из жженого кирпича и алебаstra», то есть явно без применения дерева⁶. Ориентация на «сасанидскую» строительную традицию в архитектуре мечетей заметна и в кратком описании города Ар-Рабат (позже Дахистан или Мисриан), где «красивые мечети, чистые базары, изящные жилища», однако «нет пятничной мечети, а (только) старая мечеть на деревянных столбах...», — для аль-Мукаддаси, автора этого и предыдущих свидетельств, видевшего много новых мечетей с кирпичными колоннами, деревянные столбы в мечети — анахронизм, нечто несовременное.

Если первые мечети Средней Азии строились только в крупных городах (и наличие мечети само по себе подтверждало статус города), то географические отчёты 10 века сообщают о сотнях мечетей, которые были тогда даже в мелких городах и селениях. Более крупные города имели по несколько мечетей, среди которых выделялись пятничные, самые большие, различавшиеся по принадлежности к четырём толкам исламской теологии. Их строительство и содержание было привилегией и долгом государственной власти. Небольшие же мечети возводились или жителями городских кварталов — «гузаров», или профессиональными сообществами (ремесленниками и купцами с определённой специализацией), или тем или иным лицом по религиозному обету.

Для торжественной службы в дни крупнейших исламских праздников Курбан и Фитр строились особые загородные мечети, называвшиеся Намазго или Мусалла. Ранние мечети этого типа не сохранились, но, судя по их образцам 11—12 вв., они представляли собой не здание, а стену с михрабом, дополненную портиком на деревянных или кирпичных колоннах. Два раза в год сюда собиралась такая масса людей из города и окрестных селений, что никакое помещение не могло бы её вместить.

«Врастание» арабской дворовой мечети в старую, давно и глубоко разработанную систему образов местной архитектуры не ограничивалось, конечно, заменой тонких деревянных опор толстыми кирпичными столбами-колоннами. Трансформировалась вся структура здания, и в первую очередь благодаря тому, что произошло совмещение двух разнородных архитектурных типов: в равномерные ряды колонн, окружающих прямоугольный двор (арабский тип),

МЕЧЕТИ

«врезался» традиционный иранский (в широком смысле этого слова) айван — сводчатый зал, целиком открытый в сторону двора. Так определилось функциональное ядро мечети, её главное помещение — «максура», в арабских мечетях обычно не дифференцированное, и одновременно чётко выявилась главная ось, на которой напротив айвана располагался вход. Благодаря айванам — одному, двум или четырём — несколько аморфная структура колонной арабской мечети получила чёткую внутреннюю организацию и вошла, так сказать, в русло древней ирано-туранской традиции, которая восходит к дворцовым комплексам сасанидской, парфянской и ещё более ранней эпох.

Итак, древнейшим типом мечети в Средней Азии была дворовая мечеть арабского типа, которая в течение 8, 9 и 10 вв. эволюционировала, под воздействием местных традиций, в направлении дворово-айванной (или колонно-айванной) системы. Этот процесс происходил и в Иране⁸. Но параллельно с этим в Средней Азии на платформе местных традиций были созданы иные, вполне оригинальные типы мечетей, генетически восходящие к образцам древней гражданской и культовой архитектуры — квадратному купольному залу и четырёхколонному залу, перекрытому куполами на арках. Эти мечети связаны с их арабскими «предками» лишь общим назначением и обязательным наличием молитвенной ниши — михраба. Мечети этих типов были невелики и не были, как правило, пятничными. Поэтому они нередко обходились без башни-минарета (непременной принадлежности пятничной мечети) и ступенчатой кафедры для проповедника — «минбара», расположенного справа от михраба.

Этих кратких сведений достаточно для того, чтобы мы могли перейти к рассмотрению немногих сохранившихся мечетей интересующего нас времени.

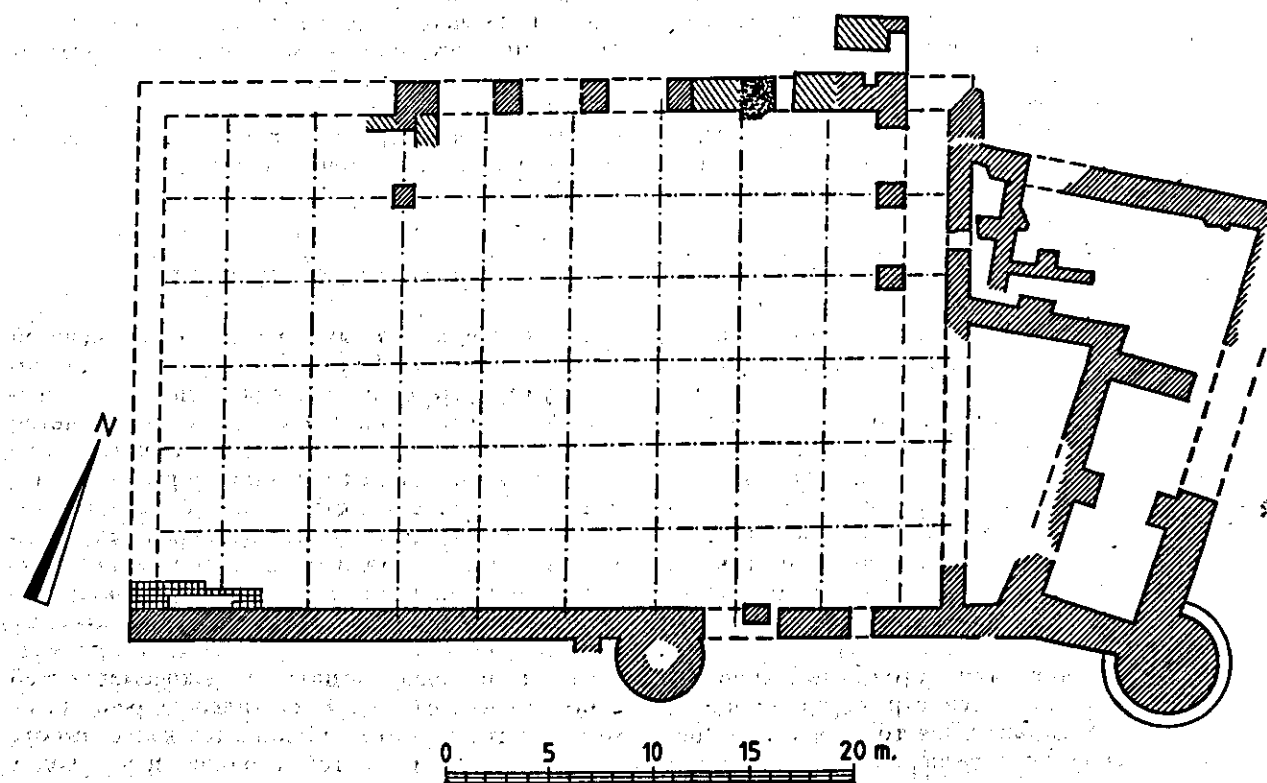
ДВОРОВЫЕ МЕЧЕТИ

Из шести известных мне дворовых мечетей Средней Азии 9—10 вв. одна представляет собой руину, остатки пяти обнаружены археологическими раскопками. Ни одна из этих мечетей практически давно не существует. Некоторые из них при жизни перестраивались и расширялись, и разобраться в их строительной истории не просто. Этот плохо сохранившийся материал труден для изучения и нуждается в реконструкции, — последняя, для избежания ошибок, должна основываться на исследовании реальных остатков и на установлении определённых геометрических и пропорциональных закономерностей в построении планов. К сожалению, речь здесь может идти только о планах, так как о высоте этих зданий и их частей (колонн, арок, сводов и пр.) можно только гадать. Что касается датировки, то она устанавливается достаточно точно

археологическими исследованиями, а иногда и историческими материалами.

Пятничная мечеть Мерва

Остатки древнейшей мечети Мерва (а также и всей Средней Азии) были раскопаны в центре мервского шахристана Гяур-калы, у пересечения её главных осевых улиц⁹. Найденная постройка состоит из двух частей: меньшей восточной, включающей в себя комнаты разных размеров и конфигураций, с круглой башней на ЮВ углу, и западной, прямоугольной, ориентированной точно на кыблу (Мекку). Западная стена полностью разрушена, но сохранились три внутренних кирпичных столба (1,15×1,15 м) и остатки кирпичного пола двора, позволившие установить его длину — 22,3 м. К сожалению, отчёт о раскопках слишком короток и не всегда ясен — например, вначале высказывается предположение, что восточная часть принадлежит первой пятничной мечети, построенной арабами ещё в 7 в. (хотя её устройство и ориентация этому противоречат), далее же говорится (по-моему, правильно), что это — остатки жилищ, более ранних, чем мечеть, и использованные как подсобные и жилые помещения при ней¹⁰. Всё же описание и опубликованный план раскопанной мечети¹¹ позволяют при помощи графического анализа попытаться реконструировать первоначальное устройство её.

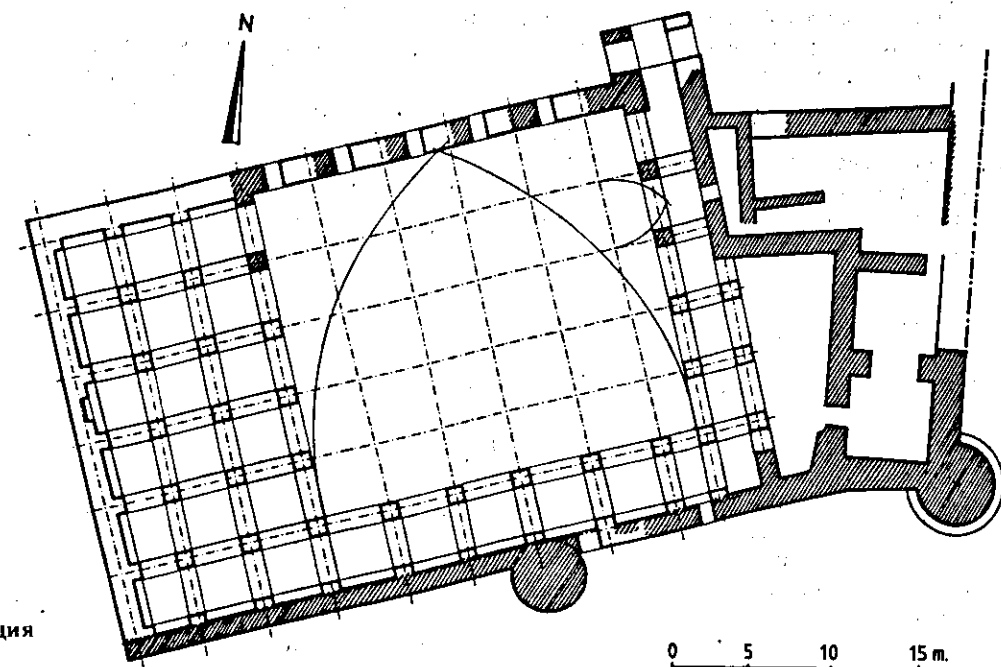
Пятничная мечеть в Мерве. План раскопанных остатков. По М. Филанович.

С помощью двух столбов, сохранившихся на одной продольной оси в северной части здания, определяется, что оно делилось на шесть нефов равной ширины — 4,2 м. Три поперечных нефа той же ширины располагались в западной части мечети, — таким образом перед михрабом был образован обширный (во всю ширину мечети) многоколонный зал, перекрытый 18-ю куполами и раскрытый на восток, во двор.

Исследователь предполагает галереи с такими же купольными или сводчатыми ячейками по обеим длинным сторонам двора¹². Мне думается, что галерея была только с одной южной стороны: в этом случае фасад зала перед кыблой состоял из пяти арок, и расположенный на оси двора михраб был виден. В случае же двух галерей с обеих сторон фасад зала имел бы четыре арочных проёма, и михраб — священный центр мечети — был бы скрыт средним столбом. Это, конечно, было нежелательно, и крайней необходимости для этого здесь не было.

Кроме того, при односторонней галерее двор, как показывает анализ, имел бы примечательные пропорции $1 : \frac{\sqrt{3}}{2}$. Иными словами, в прямоугольнике этой конфигурации точно вписывается равносторонний треугольник или шестиугольник. Как говорилось, эта пропорция, удобная при перенесении прямоугольной формы плана на местность, с древних времён широко употреблялась в строительном искусстве Среднего Востока. Такие, безусловно, не случайные пропорции,

Пятничная мечеть в Мерве. Реконструкция плана.

например, имеют: первая мечеть в Кордобе (постройка Абд аль-Рахмана 1, конец 8 в.)¹³, приёмные залы омейядских замков Кусейр Амра и Хаммам ас-Сарахс (Иордания, 8 в.)¹⁴, внутреннее пространство мечети ал-Гюси в Каире (11 в.)¹⁵. Особенно интересно, что эти пропорции часто придавались внутренним дворам мечетей. Примерами тому могут служить двор мечети аль-Хакима (конец 10 в.) и большой мечети султана Бейбарса (13 в.) в Каире¹⁶, а также двор пятничной мечети в Исфахане¹⁷.

Эти параллели имеют вполне конкретный характер, а так как пропорция $2 : \frac{\sqrt{3}}{3}$ не могла возникнуть случайно, они подводят под нашу реконструкцию дополнительный, хотя и косвенный аргумент.

Круглый выступ на южной стене мечети исследователи ошибочно приняли за одну из двух башен, якобы оформлявших вход¹⁸. В действительности это остатки минарета, круглый ствол которого в плане совпадал по касательной с внутренним контуром стены. Вероятно, этот минарет со временем обветшал, был разобран и заменен другим, более массивным, в ЮВ углу комплекса. Что касается южного входа, то в такой большой мечети он едва ли был единственным. Входы можно предполагать в северной стене, остатки которой имеют вид нескольких ритмично расположенных и почти одинаковых массивов кладки. Возможно, входом служил и коридор, отделяющий восточную часть комплекса от самой мечети: входившие в него с севера видели справа от себя аркаду на массивных столбах, за которой лежал двор с такой же аркадой махсуры в глубине, а слева — глубокую лоджию (результат перестройки более ранних строений), игравшую, вероятно, роль своеобраз-

ного вестибюля мечети. Интересно, что квадратная ячейка со стороной 4,2 м, определяющая расстояние между осями столбов, служит и метрической единицей (своеобразным модулем) для всего плана мечети, — за исключением крайнего восточного ряда, ячейки которого, как и весь двор, имеют пропорции $1 : \frac{\sqrt{3}}{2}$ (или 1:0,866).

Арабы, как говорилось, построили первую мечеть Мерва сразу после его захвата, ещё в 7 в. Халиф аль-Мамун в начале 9 в. восстановил эту мечеть, за 200 лет, видимо, сильно обветшавшую, а может быть, и заброшенную. С этого времени мечеть называется Бану Махан и перестаёт быть пятничной: массовые пятничные богослужения, по словам аль-Истахри, были перенесены в мечеть у городских ворот, которая в 10 в. уже называлась Старой мечетью.

Едва ли можно сомневаться, что в центре Гяур-калы раскопана именно первая мечеть. Неизвестно, к сожалению, какого рода перестройки были предприняты по приказу аль-Мамуна, — можно только предполагать, что в это время деревянные колонны и кровли были заменены кирпичными столбами и куполами на арках, а древний минарет у южной стены — новым минаретом на юго-восточном углу. Древняя мечеть и позже сохранялась как почитаемый памятник исламизации, хотя Гяур-кала — доисламский шахристан Мерва — к 10 в. навсегда опустела. Свидетельство этому — последняя реставрация мечети в конце 11 или начале 12 вв., когда Мерв стал столицей государства Сельджуков. Едва ли древнее здание было при этом «почти заново отстроено»¹⁹, — оно сохранило прежнее устройство, но было щедро, в новом стиле украшено резным алебастром. При этом

ближние к михрабу столбы получили круглую форму или были украшены угловыми колонками. Одна из таких колонок, найденная в 1964 г., сохранила резную надпись: почерком «куфи» на ней нанесена надпись, сообщающая, что это — «из сделанного Абу-ль Касим Мухаммедом»²⁰. Окончательная гибель мечети связана, вероятно, с монгольским вторжением начала 13 в.

Пятничная мечеть в Самарканде

Первая мечеть столицы Согда была основана в древнейшей, северной части шахристана, на площади западнее цитадели. В конце 10 в., когда мечеть существовала ещё в своём изначальном виде, географ Ибн Хаукаль записал, что она расположена в шахристане ниже цитадели и отделена от неё большой дорогой²¹. В трактате Абу Хафса ас-Самарканди (12 в.) сказано: «...пятничная мечеть, которая находится в Самарканде, во времена неверных была их храмом и местом поклонения. В халифство эмира правоверных Османа был завоёван Самарканд, тех идолов разбили и перевернули вниз головой, а капище обратили в пятничную мечеть города»²².

Раскопки самаркандской мечети начались рано, велись нерегулярно и в начале были плохо документированы²³. В 1904 г. раскопками руководил известный русский ориенталист Василий (Вильгельм) Бартольд, который первый определил назначение и время постройки здания. В западной части мечети он раскопал остатки башни (?), сложенные из крупных обожженных кирпичей на ганчевом растворе, размерами 4,74 × 4,54 м. Сооружение сохранилось на высоту более 2 м и выступало за пределы стен мечети. На его кирпичах сохранились оттиски надписей, сделанных арабским шрифтом «куфи», в том числе слово «ихшид» — титул доисламских правителей Согда, употреблявшийся до 10 в. Что касается назначения раскопанных остатков, то Бартольд и его сотрудники не смогли его определить. Они полагали, что это могла быть либо доисламская гробница — «дахма», либо пилон входа в мечеть, либо её минарет²⁴. Сейчас принята последняя версия, хотя для минарета большой пятничной мечети размеры несколько малы.

К сожалению, короткий отчёт Бартольда не позволяет установить, в каком месте мечети находился предполагаемый минарет; остатки его не сохранились.

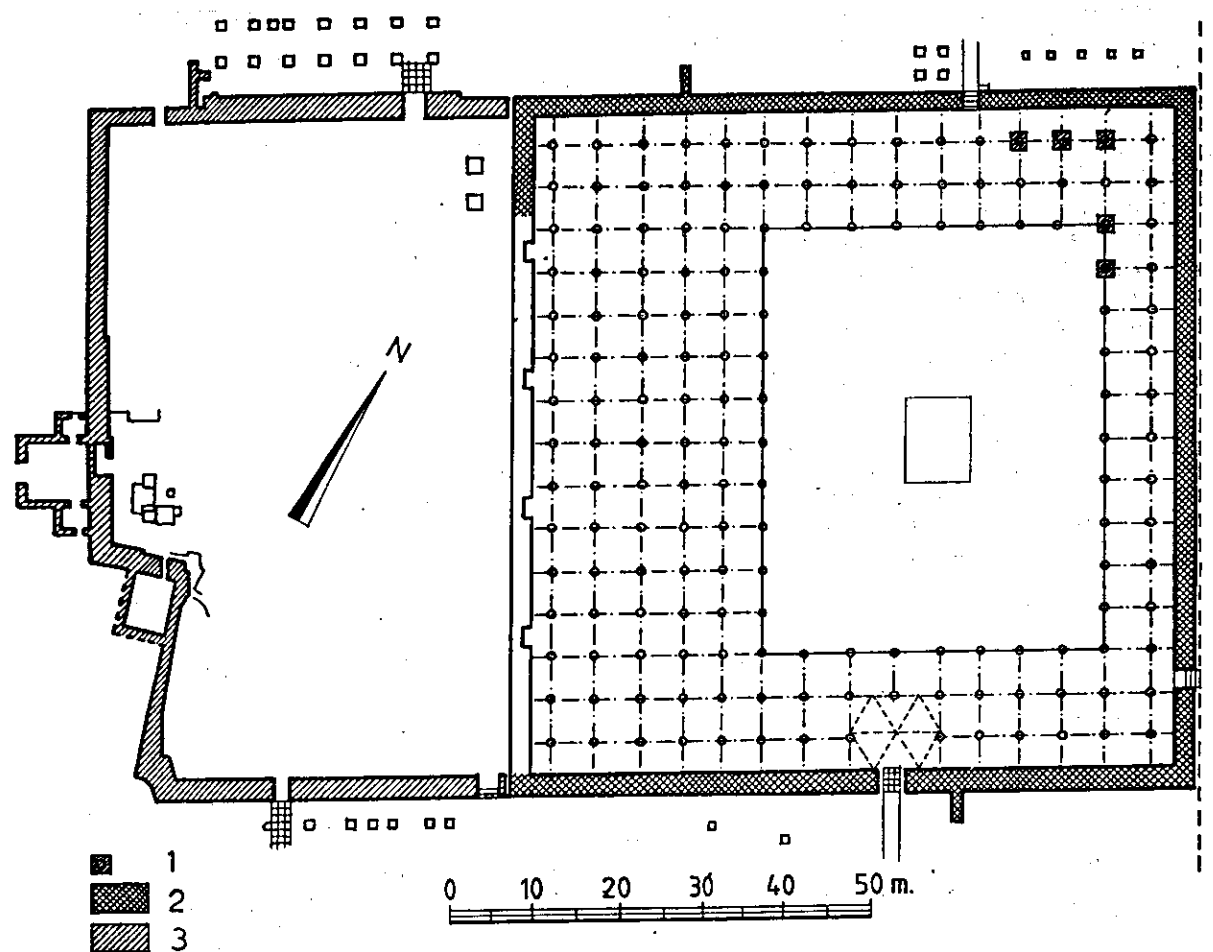
Археолог В. Л. Вяткин, продолживший раскопки мечети в 1905 г., нашел рядом с «башней» Бартольда 8 столбов, сложенных из мелкого жженого кирпича. Дальнейшая история раскопок, сложная, часто неясная и растянувшаяся на долгие годы (она не закончена и ныне), отражена в литературе²⁵. В публикациях есть противоречия. В целом, на основании последних исследований и моих собственных наблюдений,

облик саманидской мечети Самарканда и её историю можно представить следующим образом. Мечеть 9—10 вв. представляла собой в плане правильный квадрат со сторонами 79,6—80 м. Её стены толщиной 2—2,5 м были сложены из сырцовых кирпичей и имели основание из блоков пахсы, прослоенных крупными сырцовыми кирпичами. Исследователи считают, что это основание — остатки более раннего здания, — может быть, первой арабской мечети?

В СВ углу мечети найдены фундаменты колонн, представляющие собой прямоугольные углубления в полу, заполненные жженым кирпичом. Расстояние этих фундаментов от северной стены — около 3 м, расстояние от восточной стены — около 10 м, что предполагает здесь ещё один, несохранившийся ряд колонн вдоль стены. Несохранившиеся колонны были деревянными: это доказывает большое количество обуглившихся резных кусков деревянного потолка, балок, досок и железных гвоздей, найденных в разных частях здания. Судя по размерам фундаментов, колонны были достаточно мощными, а покоящийся на них балочный потолок — весьма массивным и тяжелым.

Расстояние между осями колонн, судя по сохранившимся фундаментам, составляло 5 м. Это, а также следы кирпичного пола внутреннего двора позволяет реконструировать внутреннее устройство мечети характерно арабского типа: квадратные ячейки колоннад образовывали в обоих направлениях 16 нефов-кораблей, причём боковые пристенные нефы были уже других. С западной стороны 6 рядов колонн образовывали обширный зал-«максуру», с севера и юга располагались галереи шириной в три нефа, восточная галерея, противоположная кыбле, состояла из двух нефов. Колонные галереи окружали внутренний двор размером 50 × 40 м, вписанный в общую квадратную сетку колонных ячеек.

Единственный первоначальный вход в мечеть был в южной стене, несколько правее её середины. Он совпадает с линией колонн, и здесь можно предполагать нечто вроде вестибюля, созданного благодаря отсутствию одной колонны, место которой было сразу за входом. Судя по пропорциям этого пространства, оно могло быть перекрыто шестиугольным балочным куполом «рузан», традиционным в Средней Азии. Пол этого широкого (более 3 м) входа был вымощен жженым кирпичом с бордюром вдоль стен. Под ним найден сводчатый канал со следами ила, ведущий вглубь мечети, — доказательство того, что двор мечети был оборудован бассейном для омовений. Западная стена мечети почти на всём её протяжении была разрушена в 11 в. Судя по остаткам прекрасных панно из резного ганча, она была украшена особенно богато. Большое количество обращённых к этой стене нефов позволяет предположить здесь не один, а несколько михрабов (по геометрическому расчёту — 4), что не характерно для мечетей Средней Азии, даже самых больших, но встречается

Пятничная мечеть в Самарканде. Реконструкция плана. 1 — сохранившиеся основания колонн; 2 — стены первоначального здания; 3 — стены позже пристроенной части.

в архитектуре западного ислама (мечеть Омейядов в Дамаске).

Реконструированный таким образом план самаркандской мечети находит близкие параллели в раннеисламской архитектуре арабских стран. Больше всего сходства между мечетью Самарканда и одной из древнейших мечетей — в Куфе, построенной в середине 7 века²⁶. Здесь совпадают и общая квадратная форма плана, и пропорции двора. Близки размеры обеих мечетей и даже количество нефов (мечеть в Куфе немного больше, и нефов у неё не 16, а 17). В более широком контексте самаркандская мечеть соответствует тому типу дворово-колонных мечетей, которые строились в Халифате в 9—10 вв. (отчасти и позже) и образцом для которых, вероятно, послужила мечеть в Куфе. Таковы мечети Амра, Ибн Тулуна и Эль-Хакима в Каире, обе мечети в Самарре, мечети в Кайруане (Сиди Окба) и в Сусе²⁷. В некоторых из таких мечетей (Эль-Хакима, Сиди Окба) равномерное многоколонное пространство перед кыблой дифференцировано: здесь выделен более широкий центральный неф, а также задний

поперечный неф, идущий вдоль михрабной стены. Этот приём, организующий пространство и, безусловно, прогрессивный, в самаркандской мечети, видимо, отсутствовал, что говорит о некотором архаизме её плановой структуры и более прямой близости к древнему прототипу. Изложенные выше соображения позволяют сделать такой вывод: если квадратная «саманидская» мечеть в Самарканде и не была той самой мечетью, которую возвели арабы на месте языческого храма, то она, очевидно, сохранила размеры, форму и внутреннее устройство той древней мечети. Если реконструкция верна, то квадратная мечеть Самарканда — единственный и очень чистый образец раннего типа арабской мечети в Средней Азии.

В 11 в., при караханидском правителе Самарканда Ибрахиме Тамгач-хане, мечеть была расширена в западном направлении и достигла 119 м длины. При этом, как говорилось, была сломана богато украшенная западная стена, и старое здание получило два новых входа — на севере, со стороны торговой площади, и на востоке, со стороны глубокого оврага, отделя-

шего мечеть от цитадели. Найдены Бартольдом и Вяткиным «башня» и кирпичные столбы принадлежат, видимо, пристройке времени Тамгач-хана. Наконец, в начале 13 в. мечеть была расширена ещё раз, снова в западном направлении, и захватила часть расположенного здесь кладбища. Она получила ещё два входа на севере и юге, и её длина в северной и средней части достигла 137 м. Дальнейшему росту мечети на запад помешали два почитаемые мавзолея, стоявшие на кладбище: безымянный, в который упёрлась западная стена, и мавзолей Ибрагима ибн Хусейна, — он был как бы встроен в мечеть снаружи, и стена в этом месте получила изломанный контур, нарушив общую прямоугольность плана, так как ориентация этого мавзолея и мечети не совпадали. Внутреннее устройство западных пристроек осталось неизвестным.

С севера и юга к мечети примыкали галереи на кирпичных столбах, принадлежащие расположенным здесь базарам. Огромное здание, таким образом, традиционно стояло в гуще торговой и ремесленной жизни города.

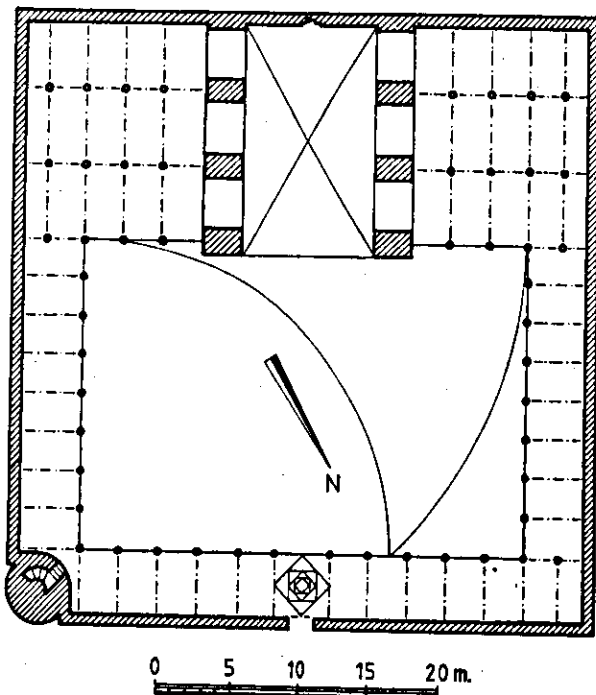
Пятничная мечеть Самарканда погибла в марте 1120 г. во время штурма города монголами, оказавшись, по воле судьбы, последним оплотом его защитников. Рашид-ад-Дин, историк 13—14 вв., так описал дошедшие до него подробности трагедии: «Из отдельных людей и мужественных бойцов около тысячи человек укрылось в пятничной мечети. Они начали жестоко сражаться стрелами и нефтью, монголы также метали нефть и сожгли мечеть со всеми, кто в ней находился»²⁸. Новая пятничная мечеть, одна из крупнейших в мире, была построена в Самарканде по приказу Тимура только на рубеже 14 и 15 веков.

Мечеть в Башане

Городище Куртлы-тепе, 25 км севернее Мерва, отождествляется со средневековым городом Башан, который упомянут в сочинениях аль-Истахри и аль-Мукаддаси. Последний упоминает о пятничной мечети Башана, стоящей на базаре в ряду ювелиров. Самани, автор 12 в., называет её «Масджид ас-Сагит», — мечеть чистоты; другой автор, Идриси, отмечает её величину²⁹.

Руины этой мечети были впервые обследованы в 1937 г.³⁰, в 1950 г. их изучала Г. П. Пугаченкова, опубликовавшая реконструированный план мечети, её описание и историко-художественный анализ³¹.

Как и саманидская мечеть Самарканда, мечеть Башана была квадратна в плане, но в два раза меньше — около 42×42 м. Сохранившиеся части её стен и минарета сложены из сырцовых кирпичей размером 32×32×8 см — этот формат, типичный для зданий 9—начала 10 вв., определяет время строительства. Мечеть точно ориентирована на кыблу, то есть на ЮЗ. Своим устройством, которое поддаётся реконструкции — колонные галереи по трём сторонам и

Мечеть в Башане. Реконструкция плана.

глубокое многоколонное пространство перед михрабной стеной — она схожа с мечетью Самарканда и арабскими мечетями этого древнего типа. Однако важная особенность отличает мечеть Башана от мечетей «арабского» стиля — указывает на местные, ирано-туранские истоки её архитектуры. На её главной оси, перед михрабом и напротив ничем не выделенного входа, возвышался глубокий сводчатый айван с нишей михраба (плоской и двухступенчатой в плане) в задней стене. Глубина айвана 16 м, ширина 9 м — едва ли не технический рекорд для того времени. Смелость конструкции проявилась и в том, что стены айвана прорезаны с каждой стороны тремя широкими проёмами и состоят, по существу, из шести массивных сырцовых столбов и двух плоских выступов в задней стене. На этих столбах, соединённых арками, был основан свод, сложенный из жёзженных кирпичей. По сторонам высокого сводчатого зала-айвана располагались глубокие колонные галереи — традиционное многоколонное пространство арабской мечети, здесь, однако, разделённое и «раздвинутое» айваном, превращённое в два симметричных крыла. Г. Пугаченкова считает, что здесь было 5 рядов деревянных колонн. Это едва ли возможно, так как в таком случае колонны закрывали бы боковые проходы айвана. Логичнее предположить, что колоннады, перпендикулярные айвану, лежали на осях столбов-пилонов и были как бы их продолжением. В таком случае их было три ряда, с промежутком 5 м между рядами. Допустив, что расстояние между колоннами в каждом ряду было в два раза меньше, мы получим ширину боковых колоннад (4,5 м) и число колонн в них — 9 по сторонам

и 12 со стороны входа. При этом пропорции двора мечети оказываются равными отношению стороны и диагонали квадрата (древний и широко распространённый на Среднем Востоке приём пропорционирования), а входная ячейка колоннады напротив айвана оказывается квадратной, что отвечает её особой роли вестибюля и предполагает особый вид перекрытия, — может быть, типа «рузан».

В восточный угол мечети вставлен круглый минарет с внутренней винтовой лестницей, вход в которую ведёт со двора. Реконструкция Г. Пугаченковой предполагает такие узкие боковые колоннады, что они упираются в минарет, оставляя вход в него без навеса. На предлагаемой реконструкции основание минарета изнутри расположено полностью под навесами колоннад, что представляется мне более вероятным. Наконец, простым геометрическим расчётом устанавливается, что айван в плане имеет пропорции $1 : \sqrt{3}$, то есть представляет собой прямоугольник, в который вписаны два равносторонних треугольника. Эта соразмерность, как мы знаем, широко употреблялась в архитектуре Среднего Востока поры древности и средневековья.

Архитектура мечети в Башане очень наглядно демонстрирует соединение двух пространственных приёмов: слабо дифференцированные пространства колоннад, окружающие двор («арабская» система, представленная в Куфе и Самарканде), — и дворово-айванная система, традиционная для Ирана и Средней Азии, в которой монументальный зал-айван есть смысловой центр всей архитектурной композиции. Тронный айван древних дворцовых комплексов потерял здесь прежнее назначение, трон заменен михрабом, но смысл привычного архитектурного образа не изменился: айван-«максур» господствует над более низкими плоскими кровлями колоннад, привлекая к себе внимание обширной, раскрытой во двор и видной издали аркой фасада. Эта арка, вместе с тем, воплощает собой скрытый в её глубине михраб, является его внешним подобием и символом: молитвенная ниша становится как бы равнозначной всей мечети. Такого осмысления михраба арабская архитектура не знала.

Этот новый композиционный принцип нашел воплощение и в других мечетях Среднего Востока, — таких, как мечети в Ниризе³² (9 в.), Гунабаде³³ (13 в.) и Бамиане³⁴. Мечеть в Гунабаде, как и в Башане, имеет квадратный план; стены айванов в Ниризе и Гунабаде состоят из столбов-пилонов, между которыми расположены, правда, не сквозные проходы, а ниши. Но даже если считать, что ниши были здесь с самого начала, исходным приёмом следует признать проходы в боковых стенах айвана, соединявшие его с соседними колонными галереями.

Дальнейшее развитие этой идеи на почве Средней Азии выразилось в замене сводчатого айвана купольным залом, причём память о генетическом прототипе-айване сохранилась всё же

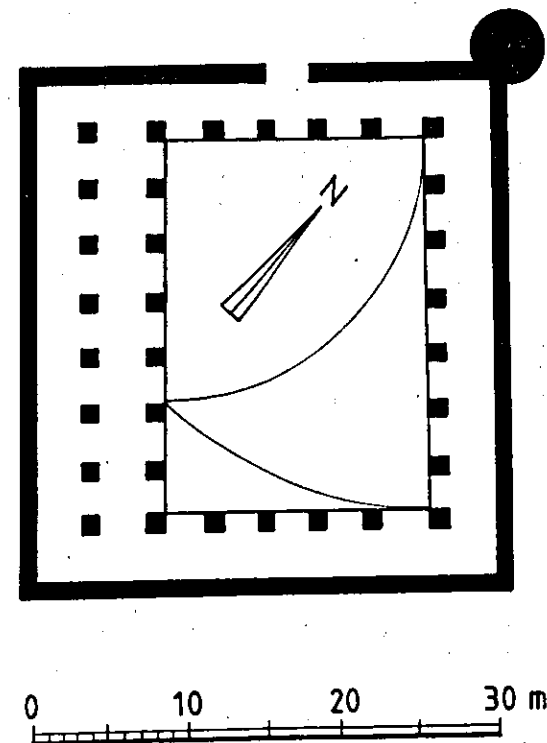
в монументальном арочном портале этого зала, обращённом во двор; сохранились и проходы, связывающие центральное здание с боковыми крыльями-галереями. Таковы мечеть в Дахистане (начало 13 в.)³⁵, пятничная мечеть Кок-Гумбаз в ансамбле Доруссиадат в Шахрисабзе (15 в.)³⁶, мечеть Абдуллатифа в Ура-Тюбе (16 в.), мечеть-намазгох в Карши (16 в.)³⁷ и некоторые другие³⁸. Заслуживает внимания угловое расположение минарета Башанской мечети. Такой приём, напоминающий расположение угловых башен крепости или караван-сарая, использован в уже упомянутой мечети в Сусе (9 в.).

В 11—12 вв. мечеть в Башане была украшена декоративными облицовками из жёзженного кирпича. В стиле, характерном для этого времени, были облицованы столбы-прстенки айвана, его задняя стена и ниша михраба. Минарет, на высоте 5 м от земли, был украшен широким поясом из рельефных, вписанных друг в друга квадратов; под этим поясом видны отверстия от балок примыкавшего к минарету навеса³⁹.

Мечеть в Башане была, безусловно, очень эффектным зданием. Её принципиальная важность для истории архитектуры — в том, что в ней не только воплотилось соединение двух планировочных идей, иноземной и местной, но и определилась несомненная победа последней.

Мечеть на городище Чилбурдж

К числу мечетей классического колонно-дворового типа принадлежит небольшая пятничная

Мечеть на городище Чилбурдж. План. По Г. Пугаченковой.

мечеть 10 в. на городище около селения Чилбурдж (Мервский оазис в Туркменистане)⁴⁰. Мечеть, целиком построенная из сырца, ориентирована михрабом точно на кыблу, то есть на ЮЗ. Её прямоугольный план (34×32 м снаружи) включает в себя двор, окруженный аркадами на квадратных в сечении столбах. На стороне кыблы расположены два ряда столбов, на остальных трёх сторонах — по одному ряду. Особенность мечети в том, что её ничем, видимо, не оформленный вход был расположен не напротив стены михраба, а сбоку, на СЗ стороне. Цилиндрический минарет был встроен, как в мечети Башана, в северный угол. Но, в отличие от Башанской мечети, он выступал не внутрь двора, а наружу, благодаря чему был ещё более похож на крепостную башню.

В руинах мечети не заметно следов каких-либо перестроек или дополнений. Основанные на столбах арки несли, вероятно, не своды и купола, а плоский балочный потолок, как в мечетях Ибн Тулуна в Каире и в Кордобе. Общим устройством здание напоминает мечеть Тарик-хана в Дамгане (8 в.) с той существенной разницей, что главная ось последней (продольная, а не поперечная, как в Чилбурдже) подчеркнута более широким нефом, ориентированным на михраб и минбар. Этот приём, свойственный мечетям Запада, в архитектуре Средней Азии неизвестен.

Анализ плана показывает, что в основу его членений был положен модуль, равный радиусу минарета (приём, заставляющий вспомнить архитектуру античной Греции, где модулем обычно служил радиус или диаметр колонны). Этот модуль, равный 2,4 м, укладывается в стены мечети изнутри соответственно 12 и 13 раз. Расстояние между столбами в каждом ряду и ширина СЗ галереи равны 1 модулю, а толщина столбов — 0,5 модуля. Промежуток между двумя рядами столбов в михрабной части, как и между столбами и стеной (кроме СЗ стороны) составляет 1,25 модуля, а ширина двора — 7 модулей. Что касается длины двора, то она, как и в мечети в Башане, равна диагонали квадрата, сторона которого равна ширине двора. С помощью этой системы пропорционирования план мечети, при его явной простоте, выглядит законченным и гармоничным. Можно предполагать, что она распространялась и на всю пространственную структуру здания, сохранившегося в руинах.

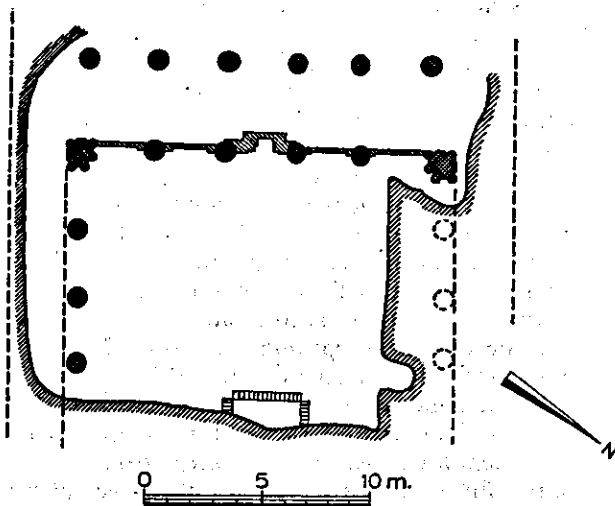
Простота внутреннего устройства мечети на городище Чилбурдж вызвана, очевидно, её скромными размерами. «Гипостильный» зал пятничных арабских мечетей, часто очень большой, сведен здесь к двум рядам столбов и имеет глубину всего 8 м, у боковых галерей всего один ряд столбов. Но общая схема «классической» дворково-колонной мечети, взаимное расположение её основных частей здесь тщательно сохранены, и небольшая мечеть хорасанского города, имя которого давно забыто, может по праву

встать в общий ряд со своими знаменитыми западными родственниками, — такими, как мечети в Куфе, Кайруане, Самарре и Каире.

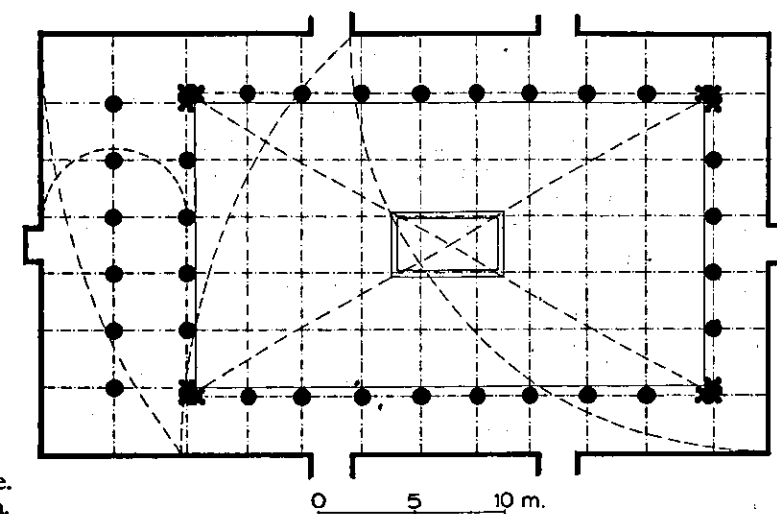
Мечеть в Данданкане

Остатки этой мечети 9— начала 10 вв. были случайно открыты в 1942 г. в пустыне Каракумы на городище Даш-рабат, 35 км к ЮЗ от города Мары. На этом месте (ныне засыпанном песками), на древнем торговом пути из Мерва в Серахс, в 60 км от Мерва стоял город Данданкан. В 1158 г. он был разрушен кочевым племенем гузов и больше не возрождался. Аль-Истахри и аль-Мукаддаси упоминают Данданкан в своих сочинениях-путеводителях. Первый в начале 10 в. сообщил о существовании в городе «минбара», то есть пятничной мечети, второй — во второй половине того же века — отметил её необыкновенную красоту. Впрочем, красоту зданий Данданкана отметил в начале 13 в. путешественник Якут, который застал город уже в руинах⁴¹.

Пятничная мечеть была построена в западной части небольшого квадратного города, почти в его центре, у пересечения главных осевых улиц. Небольшие раскопки (в тяжелом 1943 г.) выявили только часть её плана, однако позволяют с определённой долей вероятности реконструировать целое. В юго-западной (михрабной) части мечети открыты два параллельных ряда круглых колонн, сложенных из жженого кирпича специальной формы и покрытых резным ганчем. Крайние колонны внутреннего ряда имеют особую сложную форму: в сечении они представляют собой удлинённый восьмиугольник, расположенный диагонально углу и украшенный — на четырёх внутренних углах и наружной диагональной грани — тонкими приставными колоннами круглого сечения. От них на СВ, т. е. под прямым углом к михрабной колоннаде, отхо-

Мечеть в Данданкане. План раскопанных остатков. По С. Ершову.

Мечеть в Данданкане. Реконструкция плана.

дили два ряда колонн, которые образовывали продольные колоннады по сторонам двора мечети. От них сохранились три колонны на ЮВ стороне. Восстановив без труда противоположную СЗ колоннаду (это частично сделали исследователи в опубликованном чертеже раскопок), мы получим ширину двора, равную 16,2 м между осями колонн.

Раскопками были найдены остатки прямоугольного бассейна, лежащего на длинной оси двора. Приняв, что он находился в центре двора (общее правило для бассейнов в мечетях), мы определяем число колонн в продольных колоннадах — 10⁴², и длину двора, равную 28 м между осями колонн. При этом выясняется, что восстановленный таким образом двор имел уже знакомые нам, чрезвычайно широко и разнообразно применявшиеся в архитектуре Средней Азии пропорции — 1:√3. Те же пропорции имел и бассейн в центре двора.

Наружные стены мечети не были раскопаны, но сохранившийся на их месте небольшой вал позволяет рассчитать, что вдоль боковых и задней сторон мечети имелся только один ряд колонн, и что расстояние от колонн до стен (то есть ширина колонных галерей) было равно промежутку между колоннами в окружающей двор колоннаде. Иначе говоря, ячейки обходных галерей были квадратными, а это предполагает перекрытие при помощи куполов, которые опирались на арки.

От «гипостильного» зала перед михрабной стеной здесь, как и в мечети на городище Чилбурдж, осталось только два ряда колонн; расстояние между обоими рядами несколько больше, чем между колоннами в каждом ряду, и ячейки колоннад имеют здесь не квадратную, а удлинённую форму, что предполагает перекрытие не куполами, а сводами. Если логично предположить, что ширина заднего нефа (между михрабной стеной и колоннадой) была равна ширине переднего (между колоннадами), — мы получим общие пропорции мечети, снова равные

отношению 1:√3. Постоянное обнаружение этой пропорции не может быть случайным и подтверждает правильность предложенной реконструкции.

Восстановленная таким образом мечеть производит странное впечатление. Формально обладая всеми традиционными элементами дворково-колонной мечети «арабского» типа, — многоколонным пространством перед михрабом, внутренним двором, колонными галереями, — она отличается совершенно иной их акцентировкой. Здесь господствует большое, окружённое колонными аркадами пространство двора, а галереи и скромный «гипостиль» перед кыблой выглядят лишь добавлением к нему. В дворовых мечетях арабского Запада многоколонные, лежащие под кровлей пространства играли — даже при наличии очень большого двора — всегда главную роль, композиционную и функциональную: это были молитвенные залы. В мечети Данданкана эти пространства сведены к минимуму, и здание странным образом напоминает перистиль античного жилого дома, — правда, не совсем обычных пропорций. При этом массивная «сасанидская» форма круглых колонн, характер их резного декора и строительные приёмы указывают на местные доисламские корни этой архитектуры.

Колонны данданканской мечети стояли на квадратных базах; они были сложены в технике «парной» кладки, широкие вертикальные швы между «парами» украшала резьба по ганчу, различная на всех колоннах. Найденные при раскопках рухнувшие арки сложены параллельными отрезками. Их форма была стрельчатой и двухцентровой.

В конце 11 в. мечеть подверглась не очень понятной переделке. Между колоннами ЮЗ стороны двора была встроена тонкая кирпичная стена (толщиной в 1 кирпич), которая отгородила от двора двухрядную галерею перед михрабом. Между средними колоннами был устроен новый михраб — в виде ниши, перекрытой полукуполом и сплошь украшенной великолепной

ганчевой резьбой. Среди изысканных орнаментальных мотивов здесь сохранилась дата создания михраба и имя мастера — Абу-Бекр. Причины перестройки неясны, тем более, что новый михраб оказался обращённым непосредственно во двор, и перед ним не осталось ни малейшего затенённого пространства. Если при этом старый михраб был уничтожен (что очень вероятно), то потеряла смысл и двухрядная колонная галерея — важная ритуальная часть мечети.

Высказывалось мнение⁴³, что тогда же были перестроены угловые колонны двора, вначале якобы обычные, а теперь получившие свою сложную форму. Между тем по своему принципу (ряд колонн, замыкаемый на углу столбом со сдвоенными колоннами, в два раза более тонкими, чем основные) этот приём находил прямую параллель в мечети Ну Гумбад около Балха⁴⁴, которая достоверно датируется 9 веком.

Одновременно поверхности всех колонн и арок были покрыты поверх старого декора слоем ганча со сложной орнаментальной резьбой, отвечающей новым изысканным вкусам заказчика. Полы галерей и двор были вымощены жёстким кирпичом. Внешний вид мечети Данданкана и расположение её входов остались неизвестными, — изображение входов на реконструкции — спекулятивно и не претендует на достоверность.

Мечеть в Данданкане была по заслугам отмечена современником как «красивая». Она наглядно показывает трансформацию, которую претерпела принятая извне архитектурная идея под влиянием местных традиций, строительных приёмов и вкуса. Строители сохранили формально известные канонические черты образца, но создали при этом очевидно новый, привлекательный, хотя и не всегда доступный объяснению художественный образ.

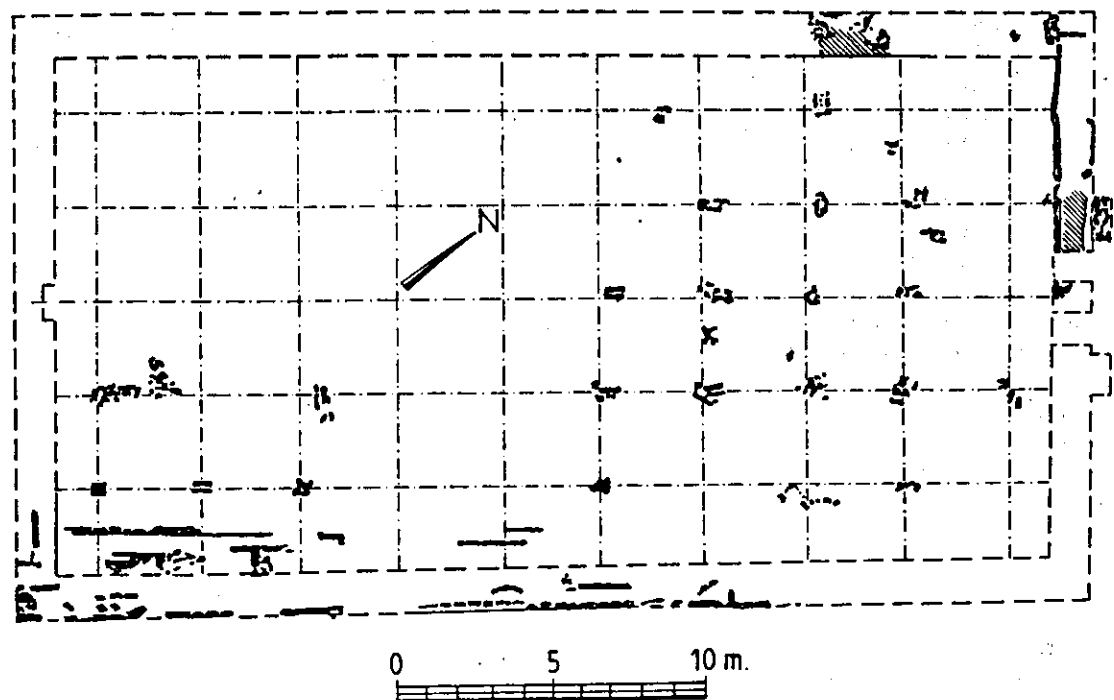
Мечеть в Кедере (Куйрук-тобе)

Южные области нынешнего Казахстана были издавна колонизированы согдийцами, а в 9—10 вв. входили в состав государства Саманидов. Здесь, при слиянии рек Сырдарья и Арысь, находилась область Фараб, столицей которой был город Отрар. Но в 10 в. недалеко от Отрара была основана новая, недолго существовавшая столица области — город Кеде, который исследователи отождествляют с городищем Куйрук-тобе. Учреждение в новом городе пятничной мечети («минбара») вызвало столкновения между жителями Кеде и Отрара, где уже была пятничная мечеть⁴⁵. Видимо, именно эта мечеть была найдена при археологических раскопках города⁴⁶. К сожалению, сведения, опубликованные об этом интересном здании, чрезвычайно кратки и не всегда ясны. Отмечаются, например, два периода её существования — 10 и 11—12 вв., но остаётся неизвестным, была ли мечеть капитально перестроена, изменились ли её планировка и устройство. Создаётся впечатление, что

этого не произошло, и что мечеть 10 в. сохранила свои формы и материалы (может быть, с ремонтными доделками) до своей гибели в 12 в.

Мечеть была расположена в центре города, на пересечении его главных улиц, и ориентирована строго на кыблу. Стены, возведённые из жжёного кирпича ($22 \times 22 \times 4-5$ см), толщиной 1,5 м, образовывали прямоугольник размером $36,5 \times 20,5$ м. Единственный (по-видимому) вход находился посреди северо-восточного фасада и был оформлен двумя выступающими вперёд прямоугольными пилонами; остатки одного из них сохранились. В СВ части мечети, которая лучше сохранилась, на полу были найдены 16 кирпичных прямоугольных баз (75×100 см), на которые опирались деревянные колонны. Расстояние между колоннами было не совсем одинаковым и колебалось от 3 до 3,2 м, между крайними рядами колонн и стенами мечети расстояние было меньше — 1,5, 1,8 и 2,5 м. Аналогичный приём был употреблён в пятничной мечети Самарканда. Расчёт показывает, что мечеть в Кеде имела 50 колонн — по 10 колонн в продольных рядах и по 5 в поперечных. Таким образом, здесь не было двора, и мечеть представляла собой большой — 748 кв.м — многоколонный зал. Из-за отсутствия двора и окон (во всех рассмотренных мечетях стены были безусловно глухие) здание должно было освещаться при помощи люков в деревянной кровле, сверху засыпанной землёй. Среди близких ей по времени мечетей пятничная мечеть в Кеде не имеет прямых параллелей. Мечеть аль-Акса в Иерусалиме (702 г.) тоже представляла собой, по реконструкции Кресвелла⁴⁷, многоколонный зал без внутреннего двора. Но она ориентирована на кыблу поперечной осью, которая подчеркнута более широким нефом и купольным пространством перед михрабом, — тогда как в мечети Кеде все ячейки колонной сетки (кроме боковых) одинаковы, а на главной продольной оси, которая кончалась михрабом, расположен не неф, а средний ряд колонн. Другие, более поздние мечети типа «колонного зала», строившиеся в Малой Азии в 12—14 вв. (в Сивасе, Ерзеруме, Афионе, Никсаре, Бурсе и др.⁴⁸), как и мечеть 18 в. в Хиве, имеющие с мечетью Кеде лишь формальное и относительное сходство, не могут быть материалом для сравнения.

Построенная в глубокой провинции, на краю тогдашнего культурного мира, мечеть в Кеде демонстрирует известную примитивность архитектурной идеи: это был просто целиком открытый двор, недифференцированное пространство, заполненное одинаковыми колонными ячейками. Кажется даже, что размер этих ячеек не был согласован с общими размерами здания. Анализ плана не выявил здесь никакой общей системы пропорций, которая могла бы связать (как в предыдущих примерах) все элементы архитектуры воедино. Вместе с тем именно элементарность архитектурной структуры мечети, её простодушная цельность сообщают ей

Мечеть в Куйрук-тобе (Кеде). План по К. Байпакову с элементами реконструкции.

своеобразную привлекательность, которой часто лишены другие, более совершенные, но и более официально-холодные здания.

КОЛОННО-КУПОЛЬНЫЕ МЕЧЕТИ

Мечети этого типа представляют собой компактные, обычно квадратные в плане здания с четырьмя массивными колоннами внутри. Эти опоры, стоящие на равном расстоянии от стен и связанные арками, образуют внутренний квадрат, на который опираются сводчатые и купольные перекрытия. Иногда одну или две стены здания заменяли парой колонн, открывая внутреннее пространство мечети наружу, — в этих случаях внешние, фасадные колонны продолжали линии внутренних, и наружный облик мечети приобретал открытость, отвечающую её общественным функциям.

Расстановка колонн внутри мечети предусматривает два варианта.

1. Колонны расположены на равном расстоянии между собой и стенами и образуют девять одинаковых квадратных ячеек, перекрытых соответственно девятью одинаковыми куполами. Центр здания в таком варианте не акцентирован; пространство, составленное из равных ячеек, может быть расширено в любом направлении без существенного изменения его композиционной структуры. Оно может быть также уменьшено до двух внутренних колонн (и соответственно до шести ячеек). Художественный эффект этого приёма в его «закрытом» варианте расчи-

тан на восприятие внутренней архитектуры, её пространственных и пластических качеств; внешняя архитектура служит главным образом утилитарным футляром для внутренней и, с точки зрения художественного эффекта, мало принимается в расчёт.

2. Колонны, расположенные ближе к стенам, образуют центральный большой квадрат, 4 малых угловых квадрата и 4 удлинённых прямоугольных пространства между ними. Ячейки различны по форме, размерам и своей роли в архитектурной структуре: внутренний квадрат перекрыт высоким центральным куполом, угловые квадраты — малыми куполами, прямоугольные пространства — сводами. Здесь единое пространство здания дифференцировано по принципу господства и подчинения, символизирующему мировой порядок: господствует — размерами, расположением и освещённостью — центральное подкупольное пространство, ему подчинены и к нему тяготеют угловые купольные ячейки, которые подобны ему, но меньше и темнее, и промежуточные сводчатые пространства. Центрическая природа здания получает здесь законченный вид, одностороннее расширение или усечение привело бы к её искажению.

Если в первом варианте внешняя архитектура сравнительно нейтральна по отношению к внутренней, то здесь она правдиво и эффектно отвечает внутреннему устройству, и сама по себе достаточно выразительна. Господствующий средний купол в окружении малых угловых куполов образуют характерное «пятиглавие», которое сообщает внешнему облику мечети, её

пирамидальным объёмам должное статичное величие⁴⁹. Равностороннюю симметрию нарушает лишь ниша михраба посредине юго-западной или южной внутренней стены (строгая ориентация мечетей на Мекку в Средней Азии часто нарушалась), из-за этого осевые входы устраивались только с трёх сторон. Архитектурная идея четырёхколонного зала настолько целесообразна и проста, что была распространена едва ли не во всём мире, возникая в разных местах более или менее самостоятельно. Она запечатлена в эгейских мегаронах, римских атриумах, в архитектуре древнего Ирана (вход в Персеполь), Индии (храмы Кхаджурахо, Бхубанешвара и др.), она заметна в виде ядра сложных пространственных систем в архитектуре Европы (включая Россию) эпохи средневековья и нового времени.

В Центральной Азии, как и всюду, эта идея зародилась, видимо, самостоятельно, имела собственный генезис и употреблялась как в культовой, так и в гражданской архитектуре. Древнейший из известных здесь ныне образцов — «квадратный зал» в дворцовом комплексе Нисы, первой столицы Парфии, датируемый 3—2 вв. до н. э.⁵⁰ Это был парадный приёмный зал дворца, но перекрытие, опиравшееся на его мощные кирпичные столбы и толстые стены, было не сводчатым и купольным, а деревянным, плоским. В парфянском дворце в Лаббанае (Ашшур), построенном в 1 в. н. э., тоже имелся четырёхколонный приёмный зал с расширенным центральным пространством; перекрытием здесь служили кирпичные своды, которые, видимо, делили пространство на три продольных корабля-нефа. Однако возможно, что прямоугольное пространство между столбами, судя по его пропорциям, было перекрыто шестиугольным балочным «кассетным» куполом⁵¹.

Позже, в 5—8 вв., четырёхколонные залы с деревянными колоннами и потолками были распространены в гражданской архитектуре Средней Азии. Они были найдены при раскопках Пенджикента, Шахристана и других городов предисламского времени, причём всюду играли роль парадных жилых и приёмных помещений⁵². Это был повсеместно принятый тип репрезентативного помещения, и трудно поверить, что он совсем не употреблялся в культовом строительстве. Однако до сих пор ни одного буддийского, зороастрийского или другого храма предисламского времени с четырёхколонным залом найдено не было, — возможно, они не сохранились⁵³.

Это тем более вероятно, что в городах и особенно сельских местностях Средней Азии до недавнего времени был очень широко распространён тип «гузарной» (то есть квартальной) мечети в виде прямоугольного помещения с четырьмя деревянными колоннами и деревянной же, двух- или трёхсторонней наружной колоннадой. Этот тип здания был исключительно культовым и в жилищном строительстве практически не встречается. Его глубокая тради-

ционность несомненна, хотя старейшие сохранившиеся образцы — не старше 16 века.

Древние колонно-купольные мечети Средней Азии сохранились в ничтожно малом количестве и по большей части представляют собой руины. Вопрос их датировки часто вызывает споры. Это относится, в частности, к единственной хорошо сохранившейся мечети второго типа — Деггарон.

Мечеть Деггарон

Расположенная в пустынной местности у селения Хазара, в 60 км севернее Бухары, мечеть была открыта в 1934 г.⁵⁴ и сразу получила известность как древнейший памятник исламской архитектуры в Средней Азии. В 1940 г. мечеть была исследована В. Ворониной и С. Кабановым, а в 1951 г. В. Нильсеном. Ворониной и Нильсену принадлежат наиболее полные публикации памятника, который, кроме того, упомянут в ряде советских и западных историко-архитектурных работ⁵⁵.

Очень раннюю датировку мечети — 8—9 вв. — А. Якубовский обосновывал её архитектурными формами, «саманидским» размером кирпича, расположением у древней цитадели, а также тем, что здесь не было найдено керамики позже 10 в. Слегка исправленная (9—10 вв.), эта датировка была поддержана, и высказывалось даже предположение, что мечеть была переделана из доисламского храма⁵⁶. Но В. Нильсен и В. Воронина считают, что мечеть Деггарон — здание 11 века, и эта новая датировка находит всё большее признание в Советском Союзе⁵⁷. Доводы исследователей таковы.

Нильсен: при раскопках внутри мечети найдены остатки здания, построенного, судя по размеру кирпича, в 9—10 вв. Под полом собрана керамика (осколки посуды), «обычно датируемая 10—12 вв.»⁵⁸.

Но следы здания, даже если их возраст определен правильно, позволяют отнести строительство мечети к 10 или даже к концу 9 в. Что до керамики, «обычно датируемой» периодом в три века и не опубликованной, то и она не противоречит ранней дате: битая посуда 10 в. могла попасть в субструкцию постройки того же времени. Нет оснований выбирать из предполагаемых дат самую верхнюю.

Воронина признаёт архаичность архитектурных форм мечети, но считает решающим удивительное сходство (почти тождество) её сталактитовых парусов и карнизов с аналогичными элементами архитектуры караван-сарая Дая-Хатын в Туркменистане, который она датирует 11 в. Далее она сопоставляет 12-гранную форму подкупольной конструкции мечети с такой же формой в мавзолее Абул-Фазла в Серахсе, памятнике 11 в., и заключает отсюда, что мечеть Деггарон — того же времени.

Оба аргумента ошибочны. Ниже я покажу, что есть серьёзные основания считать Дая-Ха-

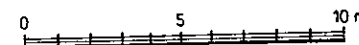
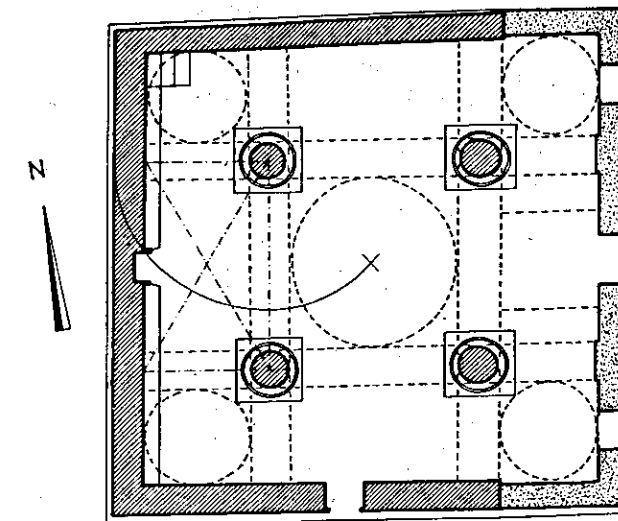
тын постройкой конца 9—10 вв., получившей позже новый декор, что в истории архитектуры Средней Азии не было редкостью. Значит, сходство форм свидетельствует о ранней датировке мечети. 12-гранная конструкция мавзолея Серахс-баба также не может служить датирующим моментом, так как появилась здесь в 15 в. в результате перестройки⁵⁹. Да и конструктивно тромпы мечети и мавзолея не имеют между собой ничего общего.

О. Большаков, вернувшись к ранней датировке мечети, обосновал её сведениями исторических источников. Он установил, что на месте селения Хазара находился город Кукшибаган, который упоминают авторы 9 в. — Ибн Хордадбех и Кудам ибн Джафар. В 10 в. этот город уже не существовал, так как в географических сочинениях этого времени, очень подробных, не упоминается. Это отвечает наблюдениям А. Якубовского, отметившего, что жизнь на городище Хазара прекратилась в 10 в. Отметив это и справедливо заметив, что «... керамика 10—11 вв. пока еще не настолько хорошо изучена, чтобы можно было надёжно отделить керамику 10 в. от изделий 11 в.», О. Большаков заключает, что раннюю датировку А. Якубовского — 8—9 вв. — нельзя считать опровергнутой⁶⁰.

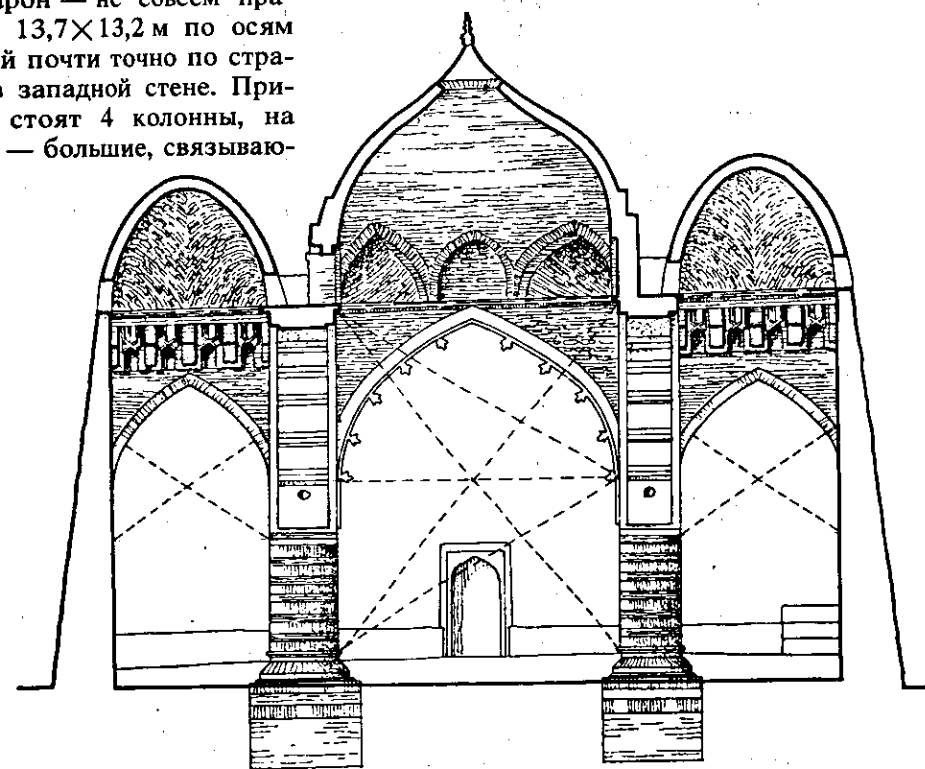
Вместе с тем очевидная архаичность архитектуры мечети Деггарон, её многочисленные параллели с памятниками исламской архитектуры 9—10 вв., ряд её уникальных форм, — всё это говорит о глубокой древности и подтверждает первоначальные датировки здания.

В плане мечеть Деггарон — не совсем правильный квадрат (около 13,7×13,2 м по осям внутри), ориентированный почти точно по странам света, с михрабом в западной стене. Примерно в 2,7 м от стен стоят 4 колонны, на которые опираются арки — большие, связываю-

щие колонны между собой, и малые, которыми колонны связаны со стенами. На больших арках и угловых арочных тромпах покоится центральный купол, над угловыми ячейками возвышаются малые купола, прямоугольные ячейки на осях здания перекрыты эллиптическими сводами «балхи».

Мечеть Деггарон. План и его геометрический анализ.

Мечеть Деггарон. Разрез и способы построения арок.

Стены, сложенные из кирпича-сырца, имеют внизу толщину до 1,5 м, а сверху, на высоте более 6 м, всего 30 см: они утончаются за счёт заметного наклона наружных поверхностей. Восточная часть здания — два угловых купола, свод и стены под ними — рухнули и были восстановлены в 1910 г. в прежних габаритах, но новые стены были возведены из современного (европейского типа) жженого кирпича. Тогда же к южному и восточному фасадам мечети был пристроен деревянный навес на простых деревянных опорах и изменена конструкция рухнувшего осевого свода на восточной стороне. Может быть, в это время был переделан и михраб, который в нынешнем виде выглядит сравнительно новым.

Несомненно, что первоначальный вход в мечеть был, как и сейчас, на восточной стороне, напротив михраба. Нынешний боковой вход с юга сдвинут от оси к западу и появился, видимо, в более позднее время.

Колонны, арки и перекрытия мечети возведены из жженого кирпича. Массивные круглые колонны с диаметром (в среднем) 128 см и высотой 3 м сложены из чередующихся рядов: в одном ряду кирпичи стоят вертикально узки-

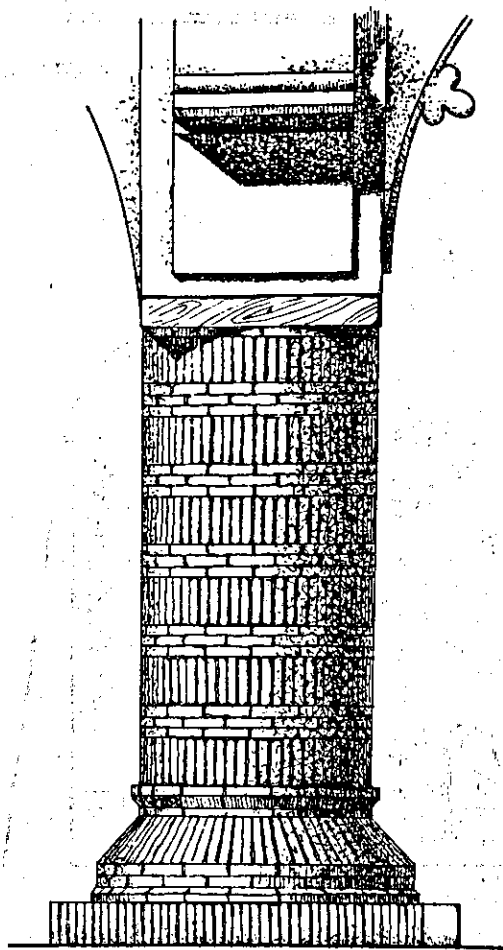
ми гранями наружу, далее следует три ряда горизонтально лежащих кирпичей со скруглёнными наружными гранями. Швы между кирпичами затёрты ганчем, но структура кладки хорошо видна и производит впечатление ритмичного орнаментального узора: конструктивный и декоративный приёмы слиты здесь воедино.

Стволы колонн опираются на профилированные базы, форма которых видна на рисунке. Нет никакого сомнения, что эти базы, не имеющие аналогий в архитектуре Средней Азии (да, кажется, и всего Среднего Востока) представляют собой своеобразный вариант классической колонной базы ионического ордера, трансформировавшейся сообразно иному материалу и вкусам: в форме спрямлённых кирпичных профилей легко узнаются такие элементы аттической базы, как верхний валик, скоция и нижний полу-вал или валик, лежащий на широком квадратном плинте. Удивляет здесь не столько явное отличие колонных баз мечети от классического прототипа, сколько то, что существенные черты этого прототипа без труда узнаются в пластической форме иного стиля и материала, иных эстетических канонов, отдалённой от образца многими веками и отсутствием реальных промежуточных звеньев.

Если сырцовые стены мечети стоят просто на плотном грунте⁶¹, то под колоннами обнаружены мощные кирпичные фундаменты шириной в 2 м и глубиной 150 см, сложенные очень тщательно, с регулярной перевязкой швов. Этой благоразумной заботе об устойчивости колонн — самой ответственной конструктивной части здания — обязана, вероятно, мечеть своей достаточно хорошей сохранностью.

У колонн нет капителей. Вместо них между колоннами и основанием арок вставлены квадратные деревянные плиты, удивительно хорошо сохранившиеся. Подобные плиты были уложены и под основания арок, которые опираются на сырцовые стены. Чтобы ослабить давление арок на непрочный материал стен, под них, кроме того, были подведены массивные «подушки» из жженого кирпича.

Другая достопримечательность мечети Деггарон, а также второй (после баз) декоративный элемент её последовательно конструктивной архитектуры — украшения больших, соединяющих колонны арок. Они представляют собой фигурные выступы, ритмично расположенные на внутренней стороне (соффите) арки. На каждой половине арки — по пяти таких выступов, которые в сечении имеют форму «клеверного» трилистника или «ласточкина хвоста» с трапециевидным завершением. Конструктивным стержнем этих скульптурных фигур служат кирпичи, перпендикулярно прикреплённые ганчевым раствором к поверхности соффита, а их пластичная форма создана при помощи ганча, обволакивающего и скрывающего конструкцию. Украшенные таким необыкновенным образом, большие арки мечети производят странное и сильное впечатление.

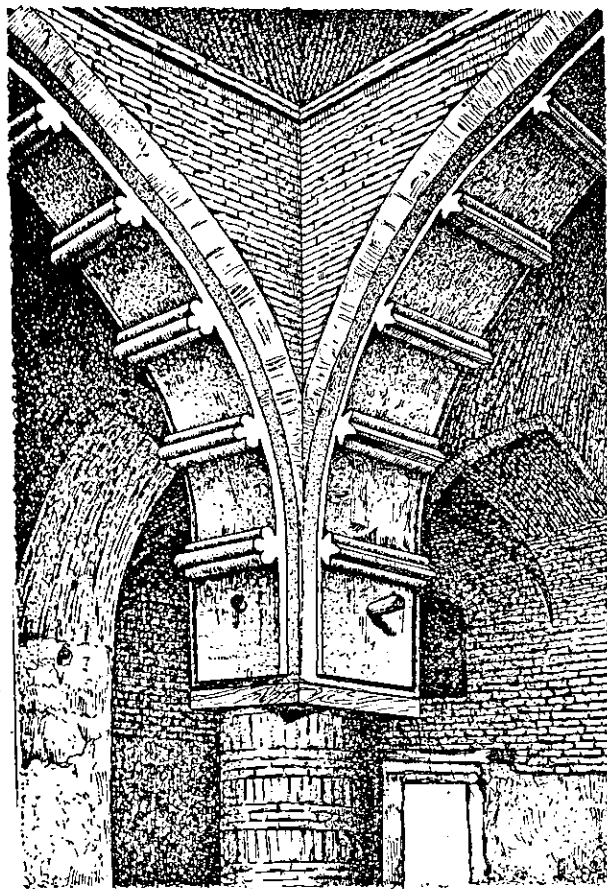

Мечеть Деггарон. Столб.

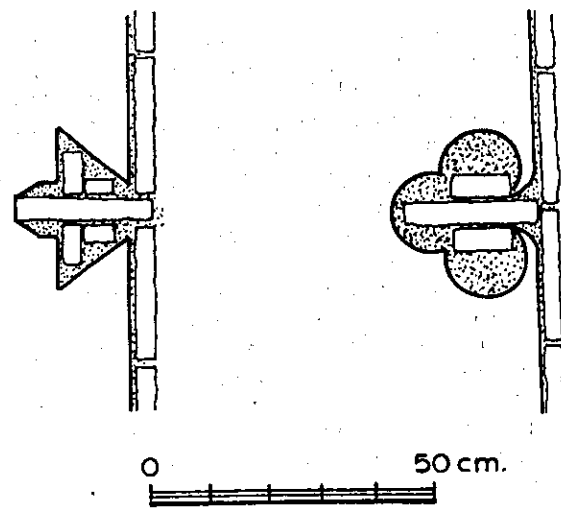
Арки с такими украшениями нигде больше не встречаются. Тем не менее их смысл может быть расшифрован: это, очевидно, модификация фестонов — украшения арок, возникшего в древней архитектуре Индии и употреблявшегося в архитектуре Ирана и Средней Азии по крайней мере с эпохи Сасанидов (дворец в Ктесифоне). Самой близкой параллелью аркам мечети Деггарон (а с точки зрения формы арки — и индийским прототипам) остаётся деревянный михраб 9—10 вв. из селения Искодар в долине Зеравшана⁶²: резные фестоны его арки украшены трилистниками, очень похожими — с учётом разницы материалов — на скульптурные украшения арок Деггарон. О том, что эта архитектурно-декоративная форма была в то время достаточно распространена, говорит найденный в Самарканде терракотовый очажок с изображением такой же фестончатой арки⁶³. Главная разница в том, что непластичный материал — кирпич — не позволил украсить арки мечети сплошной бахромой фестонов, вынудил мастеров раздвинуть и разделить их. Форма фестонов мечети Деггарон вполне своеобразна, но сам принцип такого украшения арок был в раннеисламской архитектуре достаточно распространён. Из ранних примеров можно отметить мечеть в Самарре (окна верхнего света)⁶⁴ и замок-дворец Охейдир (вход во двор мечети)⁶⁵ — оба памятника 9 в. Позже фестончатые арки нашли очень широкое распространение в исламской архитектуре Северной Африки и Испании, причём приём этот получил здесь рафинированно утончённый характер: переплетающиеся между собой арки собраны здесь из мелких арок-«фестонов», которые являются, таким образом, уже не просто украшением, а частями конструктивной системы⁶⁶.

Примеры фестончатых арок в Средней Азии, кроме упомянутых, немногочисленны. Это — михраб мечети Шир Кабир в Месториане (см. ниже), арки верхней галереи «мавзолея» Санджара в Мерве (12 в.)⁶⁷ и михраб мервского мавзолея Мухаммеда ибн Зейда (начало 12 в.)⁶⁸. С последним схожи верхние трюмпы мавзолея султана Текеша в Куня-Ургенче (начало 13 в.)⁶⁹. Условное, графическое или рельефное изображение обрамляющих арку полукруглых фестонов сохранилось в михрабе мечети в селе Ашт (см. ниже), трюмпах мавзолея Шах-Фазиль в Сафид-Буленде (Киргизстан, 12—13 вв.)⁷⁰ и среднего «мавзолея» в Узгене (см. ниже). Во всех этих случаях применение фестонов ограничено «малыми формами» архитектуры, — так что и в этом отношении мечеть Деггарон остаётся исключением.

Прямоугольные пространства между угловыми купольными ячейками, перекрытые высокими сводами «балхи», имеют длину около 5,5 м при ширине 3 м. Для конструкции «балхи» эта пропорция — не критическая, но и не очень удобная, и, может быть, поэтому строители сократили пролёт свода, оперев его короткие стороны не на стены, а на своеобразный карниз

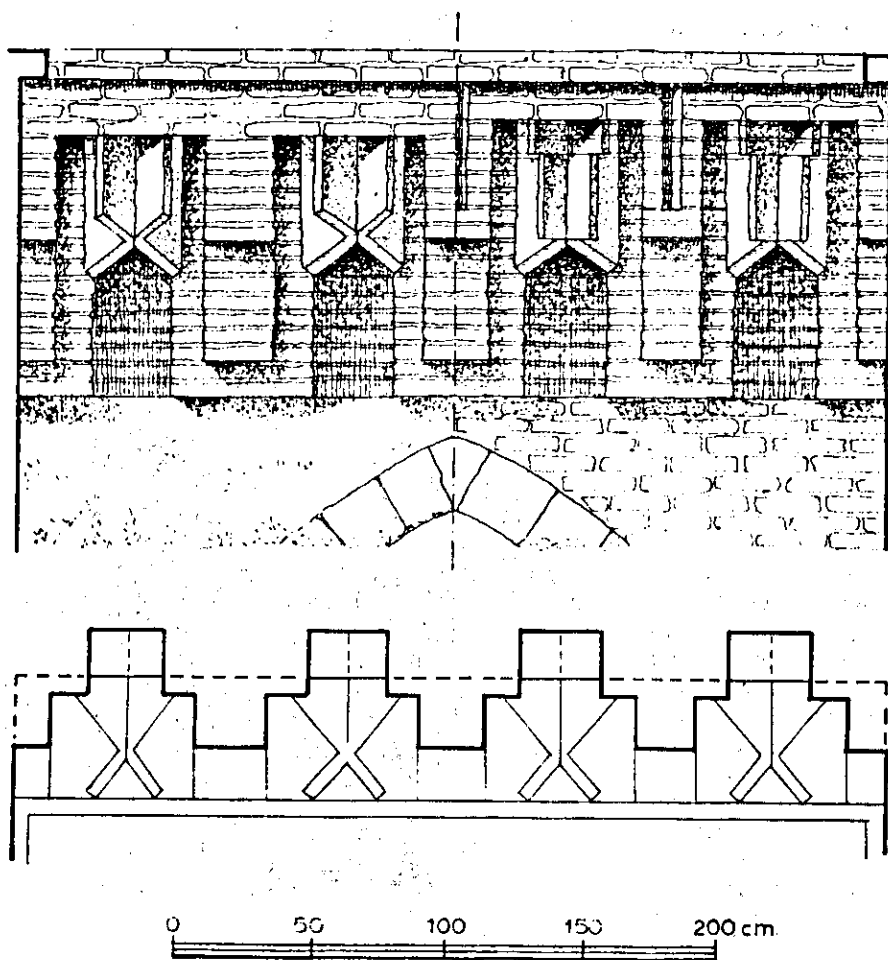

Мечеть Деггарон. Внутренние арки.

Мечеть Деггарон. Форма и конструкция фестонов на больших арках.

с выносом 43 см. Это один из древнейших сталактитовых («мукарнас») карнизов исламской архитектуры, прямой прототип тех сложных и изысканных сталактитовых декораций,

Мечеть Дегтарон.
Внутренний сталактитовый карниз.

которые «завоют» архитектуру ислама (и не в последнюю очередь его иранско-среднеазиатского региона) в 14, 15 и более поздних веках. В нашем случае карниз действительно и наглядно конструктивен. В его основе — четыре заглублённых в стену ниши, между которыми расположены уступчатые кирпичные консоли, — на них лежит двухступенчатая полка, на которую опирается основание свода. Перекрытие ниш состоит из выступающих углом и как бы пересекающихся (в действительности скреплённых ганчем) кирпичей, образующих сверху форму типа «ласточкина хвоста», — на них, как и на уступчатые консоли, опирается лежащая выше полка. Сталактиты северной и южной сторон (левая часть рисунка) отличаются в деталях от сталактитов западной стороны (правая часть рисунка) формой перекрытия ниш, высотой (западные выше на один ряд кирпича) и тем, что верхний уступ западных консолей имеет вертикальные прорезы, благодаря чему обрамление ниш выглядит как непрерывная, ломающаяся под прямым углом лента. Следование закону симметрии позволяет думать, что карнизы несохранившегося восточного свода были подобны западным карнизам, подобно тому, как была соблюдена одинаковость форм фестонов противоположных больших арок.

Консольные карнизы мечети Дегтарон, при их сравнительной простоте, никак нельзя назвать примитивными: их пластическая структура демонстрирует несколько неожиданную изощрённость и не находит параллелей (кроме самого общего принципа) в сложных и совсем по-иному изощрённых «мукарнасах» будущей Тимуридской эпохи. Кажется, что развитие этой пластической формы в конечном счёте пошло по иному пути, а то, что сохранилось в мечети Дегтарон — лишь опыт, почему-то не получивший продолжения. Может быть, этот контраст был бы не так заметен, если предположить, что оголённая кирпичная конструкция карнизов была рассчитана на пластическую обработку ганчем, подобно тому, как были обработаны фестоны больших арок. В этом случае выступы-консоли должны были иметь более мягкую, скруглённую форму, характерную для традиционных сталактитов, и более соответствующую им структуру. Пример фестончатых арок доказывает вероятность такого предположения.

Два сохранившихся малых угловых купола мечети опираются в углах не на традиционные тромпы, а на консольные пандантивы своеобразной формы, в которых соединены черты обоих ячеистых пандантивов, рельефного и выемчатого (см. стр. 46). Пандантивы каждого купола

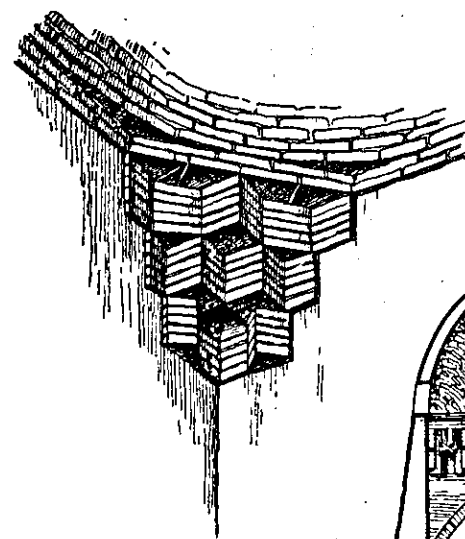
слегка отличаются деталями. Им тоже присуща, наряду с ясностью геометрических форм, своеобразная структурная изощрённость, вызванная не практической необходимостью, а стремлением создать выразительный пластический образ. При этом материалом для него служит, как и в консольных карнизах, простой, никак специально не обработанный кирпич.

Конструктивные особенности среднего купола мечети указывают на его архаичность и, следовательно, древность. Угловые арочные тромпы и расположенные между ними неглубокие ниши не образуют здесь отделённый от купола ярус (приём, общераспространённый, начиная с мавзолея Саманидов), а как бы врезаны в его оболочку, — так, как это было принято в доисламской архитектуре Средней Азии. В плане они образуют не правильный октагон (что, опять-таки, начиная по крайней мере с мавзолея Саманидов, стало правилом), а 12-угольник, причём на долю тромпов приходится по две стороны многоугольника. Из-за этого тромпы оказываются в два раза шире промежуточных ниш, а их фасадные плоскости — сломанными по вертикали на 150°.

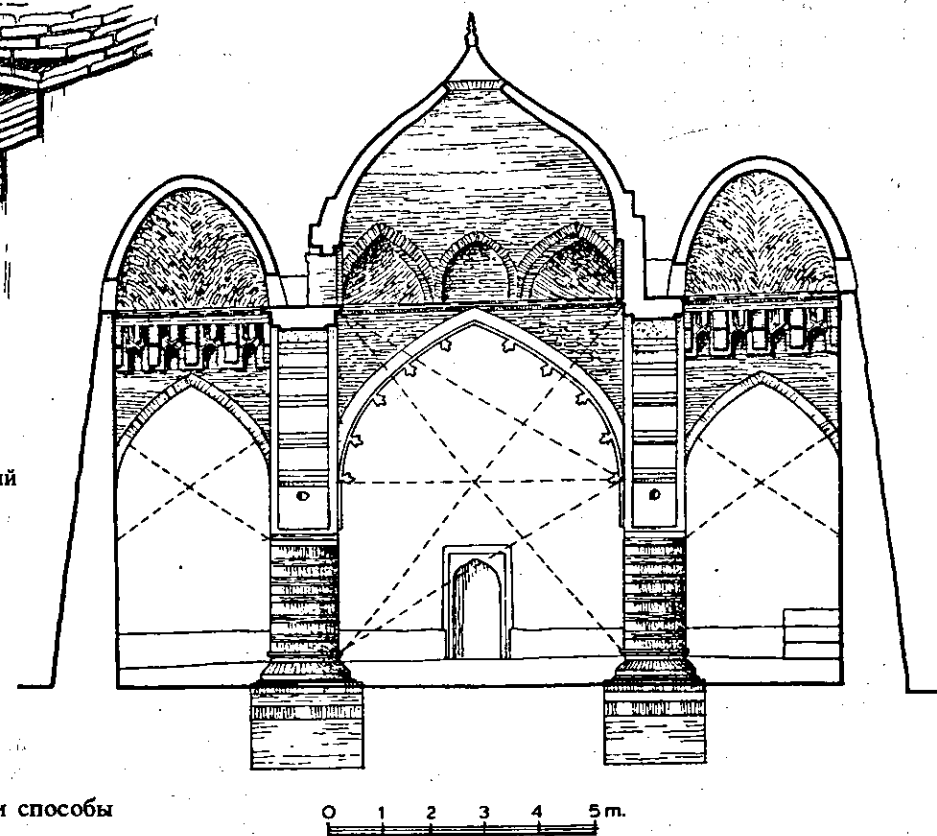
Способ заполнения тромповых ниш не имеет аналогов в мировой архитектуре. Это заполнение состоит, как говорилось, из сдвинутых вплотную полуарок, расположенных перпенди-

кулярно архивольту и упирающихся в него изнутри (в действительности архивольта как такового здесь нет, его образуют крайние верхние кирпичи полуарок). Из-за лёгкого перелома фасадной плоскости тромпов полуарки заполнения слегка расходятся от оси вверх. Таким образом, заполнение тромпа представляет собой как бы сплошной вогнутый, конхособразный контрфорс, противодействующий опрокидывающей силе купола. В сущности — это полусвод, сложенный в технике параллельных отрезков, в котором отрезки уменьшаются от центра к краям, и одновременно вариант тромпа с поперечной полуаркой, в котором полуарка распространена на всю внутреннюю вогнутую поверхность тромпа⁷¹. Выполненная в обнаженной кирпичной кладке, лишенная украшений, эта архитектурная форма конструктивна и эффектна; кажется странным, что она нигде более не была использована.

Странно выглядит и верхняя часть центрального купола, имеющая в сечении слегка килевидную форму и завершающаяся круглым отверстием диаметром несколько более 1 м. Круглые люки в зените куполов от маленьких (мавзолей Саманидов) до очень больших (Ходжа Машад) известны в архитектуре Средней Азии 10—12 вв., но они, вопреки мнению В. Ворониной⁷², не связаны с «лукообразной» формой

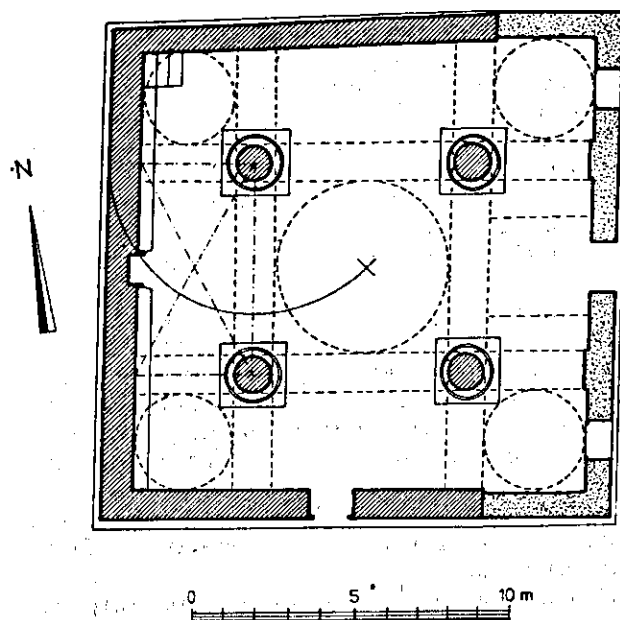

Мечеть Дегтарон. Ячеистый пандантив.

Мечеть Дегтарон. Разрез и способы построения арок.

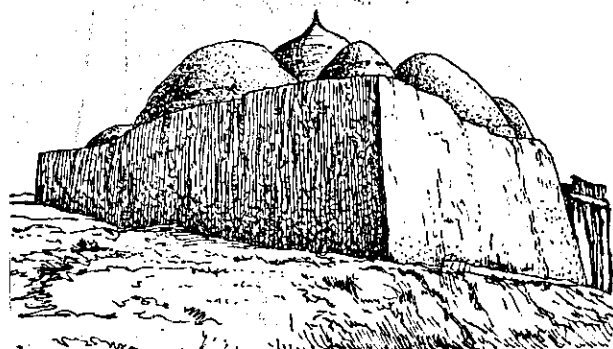

Мечеть Деггарон. План и его геометрический анализ.

купола, которая, за исключением некоторых построек недавнего времени, здесь неизвестна. Древние купола Средней Азии обычно обрушивались и восстанавливались по нескольку раз, и вершина большого купола мечети Деггарон, может быть, тоже была переложена. Пропорциональный анализ плана мечети затруднён его некоторой нерегулярностью. Всё же устанавливается, что пропорции западного (перекрытого сводом «балхи») пространства перед михрабом довольно точно соответствуют отношению $1 : \sqrt{3}$, а наружный контур здания определяется половиной диагонали центрального квадрата, отложенной от оси колонны.

Что касается видимых на разрезе вертикальных пропорций, то В. Воронина установила, что высота колонн, включая верхнюю деревянную прокладку, равна пролёту малых арок, а их высота (но, вопреки В. Ворониной, без архивольты) равна удвоенному пролёту⁷³. К этому можно

Мечеть Деггарон. Современный вид.

добавить следующее. Малые арки строятся из двух центров, лежащих на уровне верха колонн на крайних точках пролёта (см. стр. 73)⁷⁴. Средний прямоугольник, ограниченный колоннами, полом и основанием купола, имеет пропорции $1 : 0,866$ (или $1 : \frac{\sqrt{3}}{2}$); на его горизонтальной оси расположены основания больших арок. Эти арки трёхцентровые: общий центр для нижних частей арки лежит посередине основания, центры для верхних частей расположены у основания колонн, на верхней границе их баз. Расположение нижних фестонов совпадает с уровнем реальных оснований (пят) больших арок, нижняя вертикальная часть которых опирается на колонны.

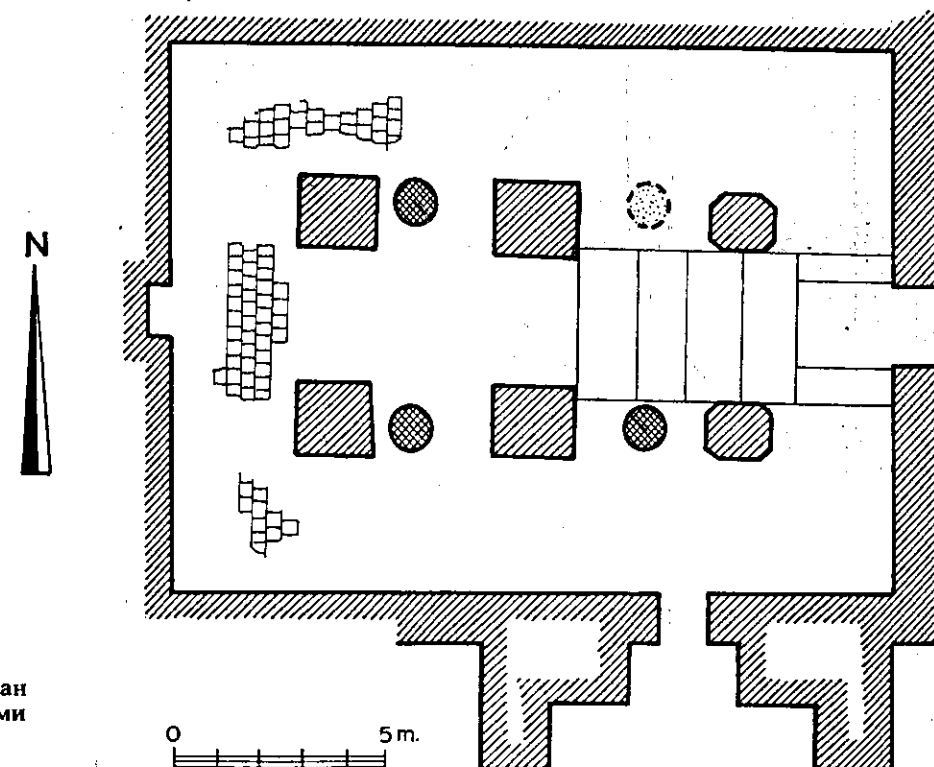
И здесь, таким образом, устанавливаются излюбленные пропорциональные отношения того времени, в основе которых лежат прямоугольники со вписанными в них равносторонним треугольником или двумя такими треугольниками, соединёнными вершинами.

Мечеть Деггарон — единственный сохранившийся в Средней Азии образец древнего типа пятикупольного, четырёхколонного здания, местный доисламский прототип которого запечатлен на известном блюде из собрания Музея исламского искусства в Берлине (стр. 139)⁷⁵. Рудиментарное «пятиглавие» мавзолея Саманидов, который бесспорно датируется началом 10 в., демонстрирует явно отживающее воплощение этой архитектурной идеи, более позднее, чем в мечети Деггарон. Попытка объяснить архаические черты мечети «устойчивостью местных традиций»⁷⁶ — ничем не лучше рассмотренных необоснованных доводов в пользу её «омоложения», так как в постройках 11—12 вв. эти черты отсутствуют. Аскетически суровая мечеть с её уникальными формами и деталями — живое связующее звено между доисламской и исламской архитектурой Средней Азии, и, может быть, были близки к истине исследователи, видевшие в ней перестроенный зороастрийский храм 8—9 вв.

Мечеть Магоки Аттори

Называемая так мечеть стоит в центре Бухары, у торгового купола Токи Саррафон («купол менял»), при пересечении двух главных улиц. Это — прямоугольное здание размером $13,35 \times 17,6$ м, вытянутое с востока на запад. 6 массивных прямоугольных столбов делят его пространство на 12 частей, перекрытых куполами; посреди западной стены расположена простая ниша михраба. Основание здания лежит более чем на 4,5 м ниже современного уровня земли, что говорит о его достаточно большой древности.

У мечети два входа. Южный, сдвинутый к востоку, был открыт во время исследовательских и реставрационных работ 1934—1935 гг.⁷⁷ Он представляет собой портал — «пештак» (с

Мечеть Магоки Аттори. План с раскопанными основаниями круглых столбов. По В. Шишкину.

несохранившейся, к сожалению, главной аркой), украшенный великолепной резной терракотой, со вставками резного ганча и голубой майоликовой надписью по архивольту внутренней арки входа. Этот уникальный по изысканной красоте декор несомненно датируется (за исключением, может быть, более поздней надписи на архивольте) 12 веком, то есть временем Караханидов. Очевидно, к этому же времени относится и внутреннее устройство мечети, пол которой совпадает с полом южного портала.

Восточный вход в виде небольшого портала традиционной формы был построен в нынешнем виде лишь в начале 20 века. Он был возведен на исторических напластованиях, поэтому отсюда внутрь мечети ведёт грубая лестница, загромождавшая помещение почти на половину его длины.

Раскопки внутри мечети выявили остатки различных построек, древнейшие из которых относятся к доисламскому времени и, вероятно, принадлежат храму зороастрийцев, о существовании которого именно в этом месте сообщает в «Истории Бухары» Наршахи⁷⁸. По свидетельству Наршахи, в его время (то есть в 10 в.) на месте храма магов-зороастрийцев стояла мечеть с характерным названием Мох — «одна из самых замечательных мечетей Бухары»⁷⁹, около которой, как память о её доисламском прошлом, сохранялся базар, на котором продавали «идолов».

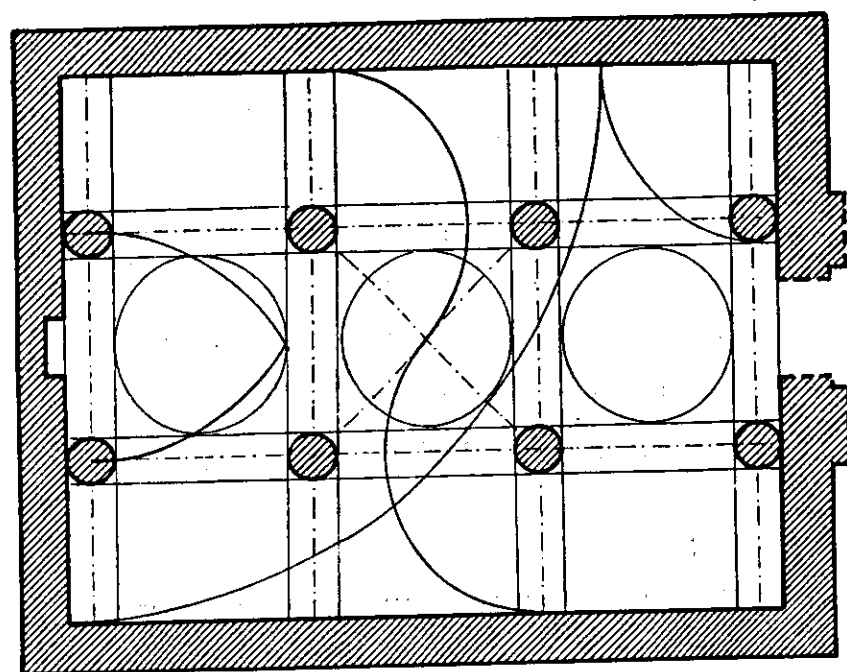
Остатки этой мечети, лежащие в основании здания 12 в., были найдены при раскопках 1934—1935 гг. К ним относятся многочислен-

ные фрагменты резного ганча со следами раскраски и позолоты, а также детали настенных росписей, к сожалению, слишком мелкие, чтобы судить о сюжетах. Техника и стиль резного ганчевого декора позволяют датировать его 10 веком, на это время указывают и чисто археологические данные⁸⁰.

Особенно важной для уяснения характера архитектуры мечети 10 в. была находка нижних частей трёх круглых кирпичных столбов-колонн, образующих (вместе с несохранившимся четвёртым столбом) квадрат со стороной 5,5 м. Столбы стояли на мощных фундаментах, сложенных из мелкого кирпича, и были оштукатурены ганчем. На столбы опирались арки, — это доказывалось находкой криволинейных кусков резного ганча, украшавшего, как в мечети Ибн Тулуна, внутренние поверхности арок⁸¹.

Главный вопрос, стоящий перед исследователями мечети Магоки Аттори (или Мох) таков: соответствуют ли нынешние стены здания 12—16 вв. стенам мечети 10 в. и составляют ли они вместе с круглыми столбами общую, одновременную строительную структуру, или эти стены — более поздние, а столбов вначале было больше, и они образовывали систему неизвестной конфигурации, может быть, даже в виде открытого портика?

В. А. Шишкин, производивший раскопки в мечети, склонялся к первому варианту, то есть считал, что мечеть 10 в. была четырёхстолпная, и что её первоначальные стены соответствуют нынешним. Наоборот, Г. А. Пугаченкова отмечает, что вытянутые пропорции плана мечети

Мечеть Магоки Аттори.
Реконструкция плана и его
геометрический анализ.

противоречат центрическому, четырёхстолпному устройству помещения, и оставляет решение этого вопроса до будущих раскопок вокруг здания⁸². Мне кажется, что достаточно аргументированный ответ на этот вопрос можно получить и не дожидаясь раскопок, с помощью геометрического анализа плана здания. Если такой анализ не обнаружит пропорциональной связи между стенами и расположением столбов — можно признать, что эти элементы архитектуры разновременны. Если же такая связь будет обнаружена, это стало бы доводом в пользу того, что нынешние стены (по крайней мере в своей основе) и круглые столбы составляли некогда единое конструктивное и композиционное целое.

Анализ решает вопрос в пользу второго варианта и подтверждает, с некоторыми коррективками, правоту В. А. Шишкина. Расположение круглых столбов внутри мечети таково, что стороны образованного ими квадрата больше, чем расстояния между столбами и длинными стенами помещения. Выясняется, что оба эти размера геометрически взаимосвязаны: расстояние от центра столбов до длинных стен равно половине диагонали образованного столбами квадрата. Это соотношение, безусловно неслучайное, заставляет вспомнить мечеть Дегтарон, где половина диагонали центрального подкупольного квадрата определяет расположение внешней линии стен.

Далее устанавливается, что расстояние между столбами и короткими стенами помещения (западной и восточной) тоже не случайно: оно равно стороне центрального квадрата, точнее — расстоянию между столбами плюс диаметр

столба. Иначе говоря, если предположить, что вплотную к коротким стенам мечети были расположены ещё две пары столбов того же диаметра, — на продольной оси здания образуется неф (корабль), более широкий, чем боковые нефы, и состоящий из трёх одинаковых квадратных ячеек, которые были, очевидно, перекрыты куполами⁸³. Другие пропорциональные закономерности восстановленного таким образом плана первоначальной мечети видны на рисунке.

Итак, если предложенная реконструкция верна, в бухарской мечети Мох центральнокупольная структура мечети Дегтарон была как бы утрачена и трансформировалась в структуру базиликального типа, элементы которой были взаимосвязаны чёткими и простыми пропорциональными отношениями. Вход в здание в этом случае должен был располагаться на востоке, напротив михраба, — там, где много веков спустя появился нынешний поздний портал. Своеобразие устройства (здания базиликального типа в Средней Азии очень редки) не может скрыть генетической связи реконструированной таким образом мечети с ранними мечетями центральнокупольного типа, — она демонстрирует развитие этого типа, его вариант, почему-то не получивший дальнейшего распространения.

Ничего более конкретного о мечети Магоки Аттори-Мох 10 в. сказать нельзя. В 12 в. она подверглась тотальной перестройке: столбы и перекрытия были сломаны, появились 6 новых столбов, сперва тоже круглых, а затем обложенных кирпичом, и великолепный южный портал. Видимо, в 14 в. последовала новая перестройка, от которой сохранились обломки майоликовых

плиток с позолотой, найденные при раскопках. В 15 в. рухнула арка южного портала. Надолго заброшенная мечеть превратилась в руину и была восстановлена в нынешнем виде в середине 16 в.

Мечеть Чор Сутун в Термезе

Это небольшое, давно исчезнувшее с лица земли здание — характерный образец колоннокупольной мечети 1-го типа (см. стр. 68). Оно было построено у северной стены рабада Термеза, неподалёку от монументального доисламского здания, которое местные жители называли «кёшк» — замок. В начале 11 в. рядом с мечетью был возведён древнейший из известных в Средней Азии минаретов, о котором будет рассказано ниже.

Руины мечети, к тому времени давно заброшенной, были раскопаны в 1938 г. В. А. Шишкиным⁸⁴. Эти работы позволили установить план здания, от которого сохранились только нижние части стен и столбов, и представить себе его первоначальный облик, оказавшийся (как, впрочем, и план) весьма необычным.

Основой мечети служила невысокая квадратная платформа размером около 10×10 м. Только с двух сторон — ЮЗ и ЮВ — платформу ограждали толстые, сложенные из сырца стены с узким проходом у угла, вдоль михрабной стены. Две другие стороны оставались открытыми, вместо стен здесь стояли круглые столбы-колонны, — пять из общим числом девяти колонн, которые разделяли пространство мечети на 9 одинаковых квадратных ячеек.

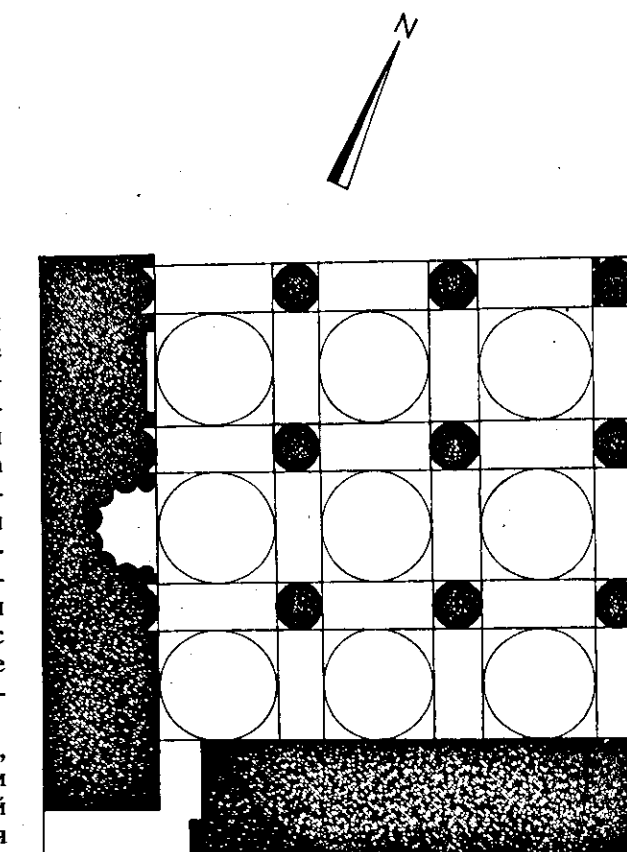
Любопытно, что традиционное (если не первоначальное) название мечети Чор Сутун — означает «четыре колонны», — возможно, это несоответствие объясняется тем, что в представлении местных жителей реальными колоннами были только 4 внутренние опоры, тогда как фасадные колоннады на СЗ и СВ сторонах воспринимались ими как стены, раскрытые широкими проходами. Принимая во внимание, что колонны и стены были несомненно связаны арками, на которые опирались купола, можно предположить, что купол над четырьмя внутренними колоннами отличался, несмотря на общие габариты, от других куполов, — может быть, большей высотой, подобно центральному куполу мечетей Баб аль-Мардум и в «Каса де лас Торнериас» (Тоledo, 10 и 11 вв.)⁸⁵, которые принадлежат тому же 1 типу колоннокупольных мечетей.

Столбы мечети, диаметром чуть более 1 метра, были сложены из жженого кирпича на ганчевом растворе и стояли на квадратных базах такой же ширины. Посреди ЮЗ стены располагался михраб необыкновенной формы: его полукруглая ниша была оформлена шестью выпуклыми выступами — «гофрами», подобными тем, которые ещё в доисламское время применялись для оформления фасадов монументальных зданий⁸⁶, а на углах стояли прямоугольные выступы с

полуколонками. Подавляющее большинство михрабов Средней Азии имеют в плане прямоугольную или пятигранную форму, михрабы в виде полукруглой ниши исключительно редки⁸⁷, а полукруглый «гофрированный» михраб мечети Чор Сутун совершенно уникален: он не имеет аналогий не только в Средней Азии, но и в других странах ислама.

Противоречие между полной центрической симметрией плана и стремлением выделить главное направление на кыбу, отмеченное михрабом, было разрешено строителями мечети тактично и изящно: двум рядам колонн, направленным к кыбле, отвечают (и замыкают их) две ниши, в которые как бы вставлены полуколонны, — эти своеобразные пилостры подчёркивали особое значение ведущего к михрабу нефа (корабля) и одновременно служили эффектным обрамлением михраба.

Аналогично были решены и места примыкания наружных, фасадных колоннад к стенам: и здесь в стенах, у самых углов, из неглубоких ниш выступали приплюснутые полуколонны, зажатые между узкими прямоугольными выступами. Линии фасадных колоннад, как и линии колоннад «михрабного» нефа, таким образом

Мечеть Чор Сутун. План. По В. Шишкину.

логически и художественно замыкаются. Эта свойственная архитектуре мечети логика видна и в деталях: так, особое композиционное значение угловой (северной) колонны подчёркивалось тем, что от углов её квадратной базы поднимались четыре тонких, квадратных в сечении стержня, соприкасающихся углами с круглым стволом колонны. Неизвестно, поднимались ли стержни на полную высоту опоры, но в любом случае этот приём также совершенно уникален. Узкие выступы «пилястры», замыкающей северо-восточную колоннаду, соответствующим размерами, расположением и формой стержням угловой колонны, — они, несомненно, их и воспроизводят, создавая тем ощущение осевой (относительно оси михраба) симметрии. Выступы «пилястры» северо-западной колоннады несколько крупнее и шире расставлены, но это, может быть, следствие разрушения здания и утраты некоторых деталей, отразившееся в обмерах.

Пластическому оформлению михрабной стены принадлежит и неглубокая, но широкая ниша справа от михраба, на оси бокового нефа. Непонятно отсутствие аналогичной ниши слева от михраба, нарушающее последовательную симметрию плана, — может быть, она была заложена в 11 в., когда стены здания были облицованы жженым кирпичом, а земляной пол стал кирпичным.

План мечети вписан в квадратную сетку, ячейки которой имеют стороны размером 47,6 см. Стороны помещения состоят из 21 ячейки, причём ширина колонн и углового прохода составляют 2, а ширина проходов между колоннами и толщина стен — 5 ячеек. Есть основание считать, что найденная величина есть местная единица измерения — «гяз», размеры которого в Средней Азии в разное время и в разных местах были очень различны. По понятным причинам размеры «гяза» стремились обычно согласовать с форматом употребляемого кирпича, и можно предположить, что в нашем случае единица измерения, принятая за основу архитектурных членений, близка длине двух кирпичей — около 24 см каждый.

Устройство здания в виде своеобразной угловой лоджии определялось конкретной ситуацией: мечеть была встроена в угол прямоугольного двора, стены которого были продолжением её стен; в противоположный угол был встроен упомянутый минарет. (Строго говоря, собственно мечеть был именно двор, окруженный, может быть, деревянной галереей, а угловая колонная лоджия была её «максурой», местом, где молился правитель со своими приближенными). Но раннеисламская архитектура Средней Азии знает ещё по крайней мере два здания, построенные подобным образом — с двумя глухими соседними стенами и широко раскрытые на две другие стороны. Значит, этот приём, чей отголосок виден в архитектуре поздних «гузарных» (квартальных) мечетей с угловыми деревянными колоннадами, был не изобретен в Термезе,

а лишь применён к локальной архитектурной ситуации.

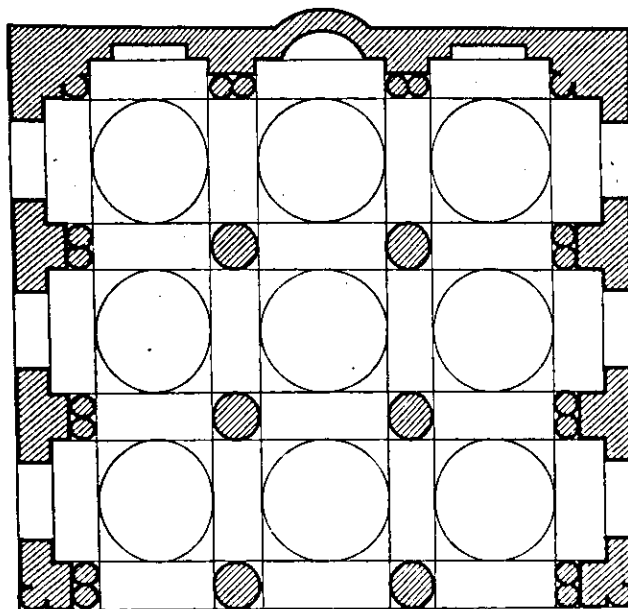
С момента открытия мечеть Чор Сутун считалась — на основании археологических находок и особенностей её архитектуры — постройкой 9—10 вв. Её сопоставляли с праздничной мечетью, упомянутой аль-Истахри при описании Термеза 10 в.⁸⁸ и мечетью «намазгох», которую в середине 10 в. видел аль-Мукаддаси⁸⁹. Против этой датировки выступила Г. Пугаченкова: по её мнению, мечеть была построена одновременно с минаретом, на облицовке которого сохранилась дата — 1032 г.⁹⁰ Позже Г. Пугаченкова изменила это своё необоснованное мнение, признав мечеть постройкой 9—10 вв., а минарет 11 в. построенным на месте более раннего⁹¹. Однако в издании 1983 г. Г. Пугаченкова вновь и так же бездоказательно датирует мечеть Чор Сутун 11 веком⁹².

Остатки мечети были уничтожены в конце 30-х годов. Их гибель лишила исследователей возможности ответить на ряд вопросов, связанных с особенностями этого уникального здания.

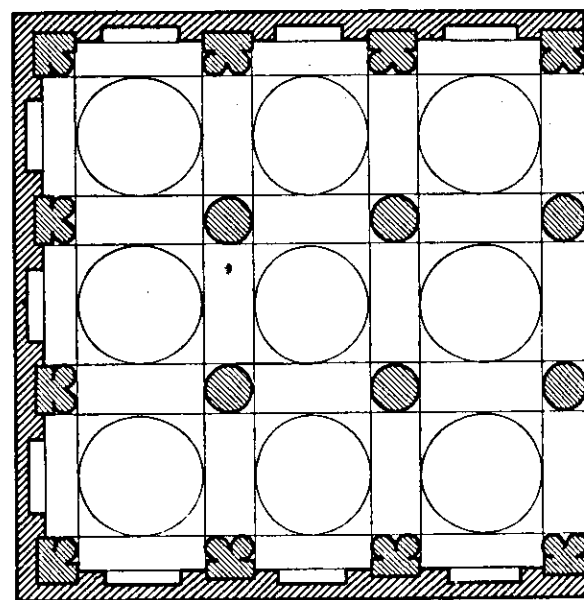
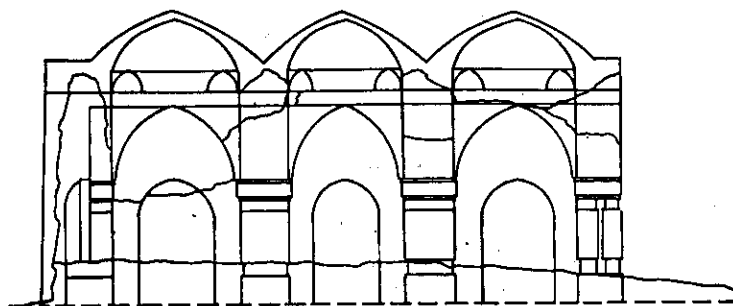
Мечеть Тарих (Ну Гумбад) в Балхе

Под этими двумя названиями (а также Ходжа-Парда и Кааб-уль Ахбар) известны руины мечети в окрестностях Балха, открытые и изученные впервые Л. Голомбек⁹³. Немного позже мечеть была обследована Г. Пугаченковой, обмеры которой несколько отличаются от обмеров Л. Голомбек⁹⁴. Будем называть здание Ну Гумбад, поскольку это имя, означающее на языке фарси «девять куполов», точно выражает его строительную структуру.

Мечеть, как говорилось, сохранилась в руинах, но её первоначальное устройство реконструируется вполне однозначно, за вычетом некоторых деталей. Это было почти квадратное в плане здание с наружными размерами 21,75×20,70 м (по Голомбек) или 19,65×19,30 м (по Пугаченковой⁹⁵). Внутреннее квадратное пространство было разделено на 9 квадратов, перекрытых несохранившимися девятью куполами, которые опирались на широкие, слегка стрельчатые арки, перекинутые между массивными круглыми столбами (диаметр 1,56 м) и выступающими из стен пилонами со сдвоенными круглыми колоннами. Круглых столбов было 6: 4 образовывали центральный подкупольный квадрат, 2 передних стояли на линии главного северо-восточного фасада, который был целиком раскрыт и представлял собой широкую тройную аркаду. Здание, таким образом, представляло собой обширную лоджию, раскрытую не с двух (как Чор Сутун), а только с одной стороны, ориентированной на кыблу. Этим подчёркивалась его базиликальная природа, которой, казалось бы, противоречили квадратные пропорции плана и центрическая симметрия купольных ячеек. Средний неф (корабль), ориентированный на нишу михраба, был

Мечеть Ну Гумбад. План. По Л. Голомбек.

Мечеть Ну Гумбад. План и разрез. По Г. Пугаченковой.

образован тремя парами мощных круглых столбов и опирающихся на них арок. Его особое значение, несмотря на общие с боковыми нефами габариты, акцентировалось абсолютной симметрией и монументальной масштабностью, — архитектура боковых нефов, с нишами между выступами стен и сдвоенными колоннами (диаметр 74 см) вместо логичных здесь, казалось бы, больших полуколонн, — выглядела, несомненно, более измельченной.

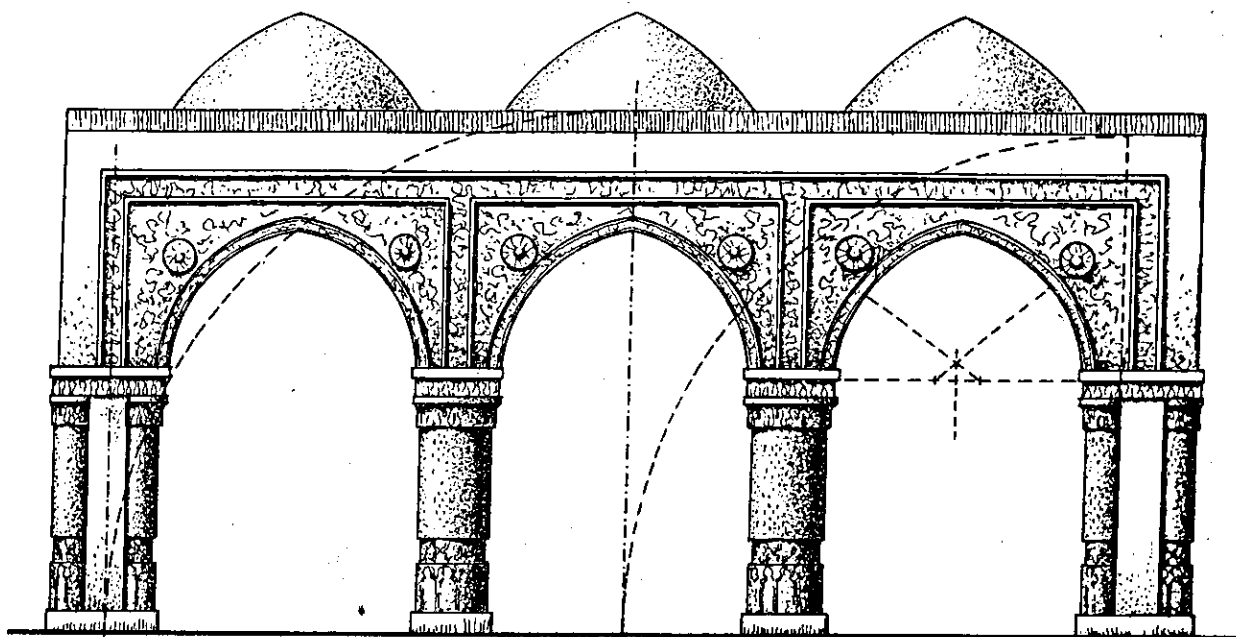
Строительный материал мечети Ну Гумбад разнообразен. Круглые столбы, пристенные пилоны с двойными колоннами, арки и, вероятно, купола были возведены из жженого кирпича размером, в основном, 21×21×3,5 см. Только в круглых столбах был употреблён мелкий кирпич, уложенный радиусами, от центра наружу так, что на поверхности возникли широкие (до 5 см) и заглублённые швы. Их ритмичное чередование на круглой поверхности столбов создаёт ощущение орнаментальной пластики, в которой строительный приём нашел своё эстетическое выражение.

Ограждающие эту конструкцию стены построены из блоков пахсы с проложенными между ними рядами сырца. Из того же сырца разме-

ром 30×30×6 см сложены арочные ниши, расположенные между пристенными пилонами. Таким образом, стены, возведенные из менее прочного материала, служили как бы оболочкой для прочной «работающей» конструкции — сочетания столбов, арок и куполов, — и, может быть, были возведены после неё.

Третьим материалом, как строительным (раствор кирпичной кладки), так и декоративным, был ганч: им были покрыты все внутренние и (судя по сохранившимся остаткам) внешние поверхности здания. Сплошной орнаментальной резьбой по ганчу были покрыты тимпаны и софиты арок, круглые с выступом сверху капители больших столбов, квадратные импосты над ними и нижние части столбов и колонн. В углублениях сочной резьбы сохранились следы синей краски, местами резьба превращается в скульптурный декор, — так, розетки, украшающие тимпаны внутренних арок, обладают отчётливой скульптурной трёхмерностью. В орнаментике сочетаются геометрические и стилизованные растительные мотивы, имеющие широкий круг аналогий, причём только в памятниках 9—10 вв. и более ранних — от резного ганча Самарры и мечети Ибн Тулуна в Каире до

Мечеть Ну Гумбад. Реконструкция главного фасада.

резного декора так наз. дворца Саманидов на Афрасиабе (Самарканд) и мечети в Наине⁹⁶. При этом резной декор балхской мечети не только не повторяет какие-либо конкретные образцы, но и сам не повторяется: все его мотивы, за исключением единообразного декора капителей, нигде не дублируются, хотя в основе их лежит ограниченное количество исходных элементов.

Как говорилось, между публикациями Л. Голомбек и Г. Пугаченковой есть некоторые различия. Так, в реконструкции Л. Голомбек боковые стены мечети прорезаны широкими проёмами, тогда как в реконструкции Г. Пугаченковой на месте этих проёмов расположены ниши, подобные нишам по сторонам михраба. Мне кажется, что тут права Г. Пугаченкова, которая, судя по её публикации, внимательно исследовала строительные остатки здания. Это кажется и более логичным, так как ниши по сторонам михраба и в боковых стенах архитектурно равнозначны: закрытые на михрабной стене, они должны бы быть закрыты и на боковых.

Но совершенно неверным в реконструкции Г. Пугаченковой выглядит то, что вместо михрабной ниши она изобразила плоскую прямоугольную нишу, во всём подобную остальным нишам между пилонами, — то есть, по существу, лишила мечеть михраба. Это, кстати, не согласуется с её же реконструкцией разреза, где изображен михраб вогнутой или гранёной формы, а приплюснутая форма куполов заимствована из архитектуры гораздо более позднего времени. Более правдоподобна (и, как будто, соответствует реальным остаткам) сегментная форма михрабной ниши на реконструкции Л. Голомбек, хотя окончательное решение вопроса могут дать только раскопки.

Наконец, Г. Пугаченкова не заметила угловую «трёхчетвертную» колонну на сохранившемся правом пилоне фасада, — эта ошибка видна в сделанной ею реконструкции плана мечети.

Некоторые возражения вызывает предложенная Л. Голомбек реконструкция фасада мечети⁹⁷: здесь как бы воспроизведён её разрез, вплоть до внутренних арок, которые изображены над круглыми столбами в виде широких прямоугольников, не согласованных с прочими частями композиции трёхарочного фасада. Мне думается, было бы вернее предположить здесь древний приём, повсеместно употреблявшийся в архитектуре ислама — сочетание арки с охватывающим её прямоугольным обрамлением. Такой вариант соответствует и единственному сохранившемуся фрагменту главного фасада — его правому (северному) пилону.

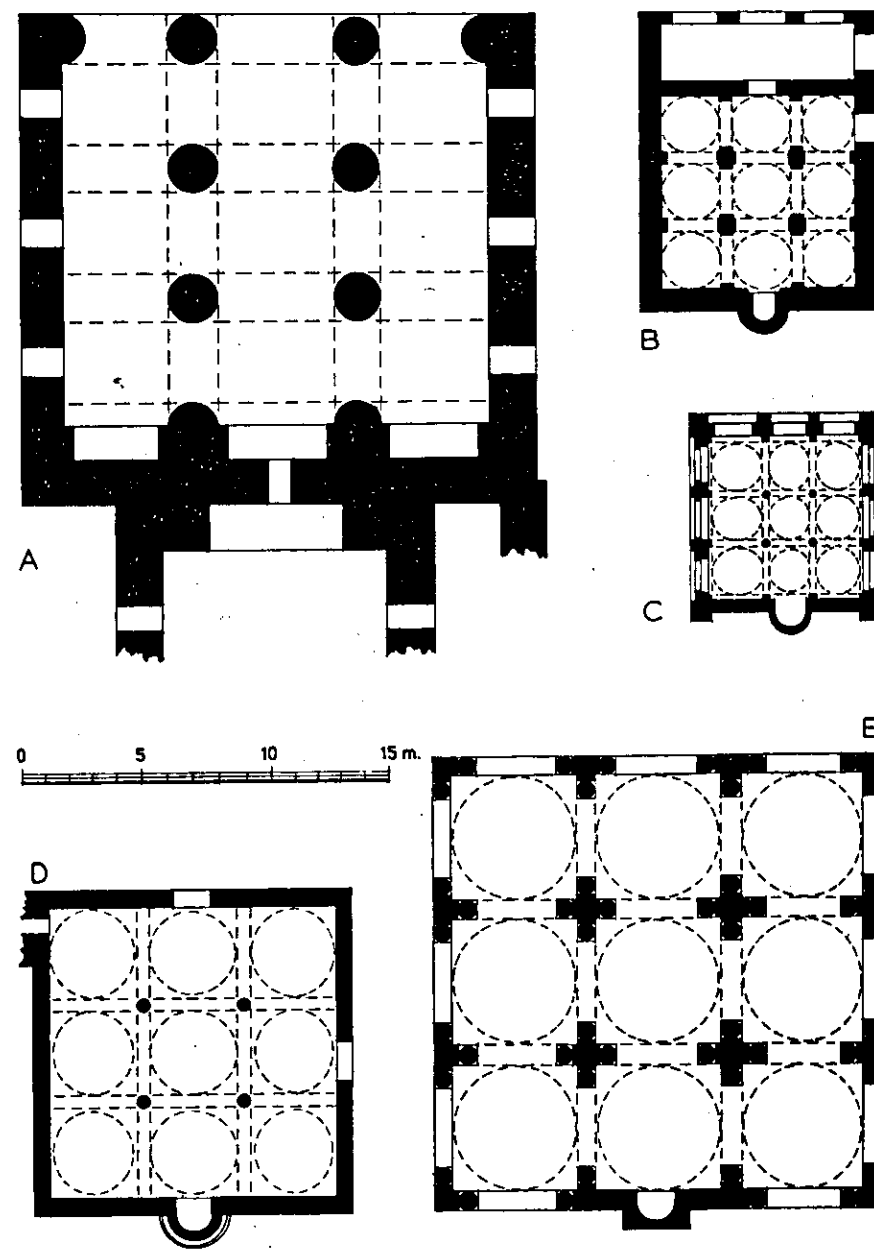
Фасадный облик этого пилона складывается из прямоугольного столба и двух одинаковых, примыкающих к нему с обеих сторон круглых колонн — эта форма опоры также достаточно широко употреблялась в архитектуре ислама и представлена многими образцами, от мечети Ибн Тулуна в Каире до дворца правителей в Термезе (11 в.). Во всех случаях все части такой опоры имеют, естественно, одинаковую высоту. Но в реконструкции стержни угловых колонн почти в два раза выше внутренних, лишены их членений и зрительно подпирают фриз, лежащий над арками и перенесённый на фасад из интерьера. Всё это привело к несогласованности элементов архитектуры фасада, которой я попытался избежать в предлагаемой реконструкции.

Древность мечети Ну Гумбад не вызвала сомнений у её исследователей. Она датируется 9—10 вв., причём предпочтение отдаётся первой

дате, а Г. Франц, на основе стилистического анализа декора и его сходства с Самаррой, относит строительство мечети к 850—870 гг.⁹⁸ Кирпичные столбы, массивные и круглые, связывают архитектуру мечети (впрочем, как и всех мечетей колонно-купольного типа) с сасанидской традицией⁹⁹, а сдвоенные колонны пристенных пилонов находят себе прямых предшественников в сасанидском дворце 5 в. в Сарвистане¹⁰⁰. Форма арок мечети Ну Гумбад и способ её построения из двух центров идентичны аркам мечети Абу Дулаф в Самарре¹⁰¹, построенной в 860—861 гг., что косвенно подтверждает датировку Г. Франца. Странным выглядит практическое отсутствие архивольтов у арок мечети: резной декор тимпанов в интерьере подходит вплотную к аркам, а узкий, окаймляющий арки бордюр даже зрительно не воспринимается как архивольт. Этот приём, лишаящий арки их

конструктивной тектоники, уникален, — можно лишь предполагать, что фасадные арки были оформлены каким-то иным, более традиционным образом. Что касается местных истоков планировочного приёма, при котором квадратное помещение делится на 9 равных квадратов (для выделения центра меньшее число квадратов невозможно), то его прямым «родственным» нужно признать северохорасанский замок 9—10 вв. ат-Тахмаладж, купольные ячейки которого разделены, правда, не столбами, а стенами¹⁰², — это позволяет думать, что один из истоков такой планировки лежал в области архитектуры укреплённого жилища.

Вместе с тем совмещение «девятиклеточной» системы с трёхнефной базиликой, лежащее в основе устройства мечети Ну Гумбад, имеет близкий прототип в позднеомейядском дворце (8 в.) Дар аль-Имара в Куфе¹⁰³. Тронный айван

Здания «девятиклеточного» типа.

А — дворец в Куфе (фрагмент); В — мечеть Фатата в Сусе; С — мечеть Баб Мардум в Толедо; D — мечеть в Асуане; Е — мечеть Шариф Табатаба в Каире.

этого дворца разделён на 3 нефа тремя парами круглых «сасанидских» столбов, и ширина среднего нефа лишь немногим больше ширины боковых нефов. Круг аналогий зданий «девятиклесточной» системы, собранный Л. Голомбек, включает в себя мечети 9—10 вв. (Бу Фатата в Сусе, Тлета Бибан в Кайруане, Наби Йирджис в Мосуле, Шариф Табатаба в Каире, Биб Мардум в Толедо, Деггарон и мечеть в Асуане), а также копирующую Биб Мардум мечеть Лас Торнериас в Толедо (1159 г.). Только в одной из них (Наби Йирджис) для внутренних опор использованы круглые столбы, — во всех прочих случаях опорами служат крестообразные пилоны или тонкие каменные колонны, восходящие к римско-византийской традиции. Некоторые из этих построек раскрыты наружу широкими проёмами, но ни одна не представляет собой целиком раскрытого на одну или две стороны айвана-лоджии¹⁰⁴.

Эти примеры показывают, что едва ли стоит искать зарождение «девятиклесточных» мечетей (и вообще зданий этого типа) в каком-нибудь одном регионе. Эта логичная и универсальная схема могла возникнуть в разных местах на базе местных традиций, и её дальнейшее развитие определялось культурными контактами, возникавшими на огромных пространствах исламского (и не только исламского) мира.

Бедствия и разрушения бесконечной гражданской войны сделали невозможным ни новые исследования памятников древней архитектуры Афганистана, ни доступ информации об их состоянии. Остаётся надеяться, что руины мечети Ну Гумбад счастливо избежали гибели и будут когда-нибудь раскопаны и капитально исследованы, а может быть, и реставрированы.

МЕЧЕТИ ТИПА КУПОЛЬНОГО ЗАЛА

По проницательному наблюдению Олега Грабара исламскому искусству и архитектуре, на уровне их формообразования, свойственна своеобразная «гибкость», которая выражается в том, что одни и те же исходные формы и образы применяются в зданиях различного назначения. Благодаря этому универсальному характеру исходных архитектурных форм «...различия в употреблении и назначении определяются не сооружениями, но деятельностью, имеющей место в каждом из них. Этот примат человеческой жизни и социальных нужд также объясняет, почему... едва ли не все типы исламских памятников были легко приспособляемы к различному назначению»¹⁰⁵.

Действительно, такие архитектурные «архетипы», как двор с четырьмя айванами, двор с одним айваном на общей оси, арочная ниша или панно в прямоугольной раме, венчание стен аркатурой или оформление их полукруглыми выступами-«гофрами», — употреблялись в зданиях самого разного гражданского и культового назначения. Приспособляемость архитектуры к

её жизненному содержанию выражалась как в пространственной организации зданий, так и в их пластических и декоративных формах. Особенно ясно этот общий закон проявился в том типе построек, широко распространённых во всём исламском мире, который можно определить как «купольный зал».

Речь идёт о здании квадратного плана и пропорций, близких к кубическим, перекрытом куполом при помощи тропов или пандантивов иного типа. Такие помещения (но не отдельно стоящие здания) часто играли роль святилищ в доисламских храмах Средней Азии и капелл в замках и дворцах этого времени. Раскопки в Пенджикенте открыли небольшие погребальные склепы-«наусы» — постройки кубической формы, с единственным входом, но перекрытые не куполами, а сводами¹⁰⁶. В сасанидском Иране генетическим прототипом купольных залов были святилища огня, именуемые чортак («четыре арки»), — кубические каменные здания, раскрытые на все четыре стороны широкими арками¹⁰⁷. Но и здесь, как и в Средней Азии, увенчанный куполом куб часто стоял в окружении сводчатого коридора (чортак в Саршире) или был центром архитектурного комплекса (Тахти Сулейман)¹⁰⁸. Что касается местного древнего источника этой архитектурной формы, то его, как мне кажется, нужно искать в области гражданского, жилого строительства.

В средневековой архитектуре Средней Азии купольные залы применялись широко и разнообразно, — как центры жилых усадеб¹⁰⁹, приёмные залы дворцов¹¹⁰, помещения аудиторий и мечетей при медресе и т. д. Однако как отдельно стоящий объём купольный зал в 9—11 вв. имел (судя по известному материалу) только два назначения: надгробный мавзолей или мечеть. Речь о мавзолеях пойдёт ниже, в соответствующей главе. Здесь же нужно предварительно заметить, что мавзолеи 9—начала 11 вв., ещё не превратившиеся в религиозные святилища-«мазары» (это произойдёт в 11—12 вв.), отличались от купольных мечетей своего времени, по существу, только отсутствием михраба. И, наоборот, отдельно стоящий купольный зал с михрабной нишей внутри может быть (но только в Средней Азии) уверенно определён как мечеть. Важность этого положения, которое я попытаюсь обосновать позже, состоит в том, что его игнорирование или незнание приводило (да и сейчас приводит) к путанице в определении назначения зданий, во всём остальном совершенно схожих.

Хотя в Средней Азии не найдены остатки доисламских святилищ типа иранских чортаков, трудно сомневаться в том, что такие храмы здесь были, — на это указывает общее сходство культур и господствующих религий обоих регионов. В этом случае купольную мечеть нужно признать самым прямым «потомком» местных доисламских святилищ, сохранившим в наименее изменённом виде их пространственную структуру.

Эта структура, даже с учётом прогресса строительной техники в раннеисламскую эпоху, оставалась очень простой. Основой здания служил квадрат стен, сложенных из сырца или жженого кирпича. Стены были толстыми и составляли, в зависимости от размеров единственного помещения, от 1/6 до 1/4 его ширины. Окон не было, количество и расположение входов было различным и определялось, вероятно, местными традициями, архитектурным замыслом и спецификой природного и архитектурного окружения. Посредине одной из стен располагался михраб, далеко не всегда ориентированный в правильном направлении на ЮЗ, то есть на Мекку, — ошибки в ориентации на кыблу для среднеазиатских мечетей этого и более позднего времени довольно обычны и иногда так постоянны, что выглядят местной традицией¹¹¹.

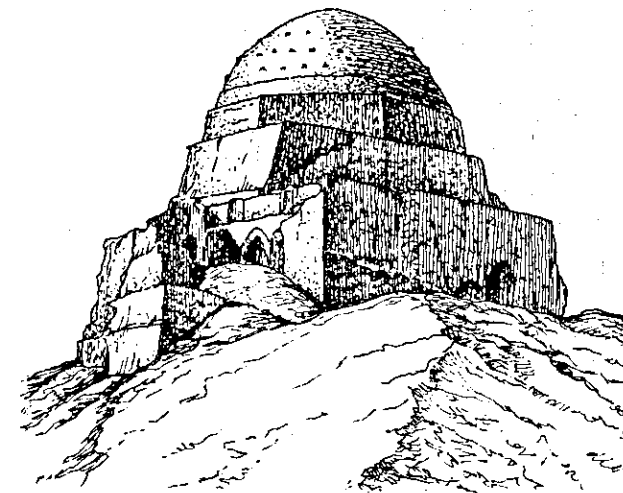
На квадрате стен стоял подкупольный октагон, образованный арками, перекинутыми над углами квадрата, и промежуточными, продолжающими стены гранями, которые были оформлены неглубокими нишами той же формы, что и угловые арки. Эти последние, представляющие собой арочные пандантивы (тропы), достигали до высоты промежуточных граней и вместе с ними служили основанием для купола, сложенного кольцевой кладкой и слегка заострённого.

Таким образом, универсальный облик купольного зала, вне зависимости от его назначения, определялся сочетанием простых геометрических форм: квадратный параллелепипед основания, восьмигранная призма «тропового пояса» (часто скрытая снаружи) и круглая опрокинутая чаша купола последовательно выражают ощущение тяготеющей к земле устойчивости, освобождения от неё и растворения материальной формы в пространстве. При такой ограниченности исходных форм поражает бесконечное разнообразие образов и отсутствие клишированного сходства: каждый купольный зал раннеисламской архитектуры Средней Азии индивидуален не меньше, чем каждый периптер классической Греции благодаря различию системы пропорций, архитектурных деталей и, не в последнюю очередь, строгой и тектоничной орнаментике.

Всё это свойственно купольным мечетям. Они сравнительно малочисленны в Средней Азии, а те, что датируются 9—началом 11 вв., известны мне в количестве всего четырёх образцов.

Мечеть Шир Кабир в Машаде

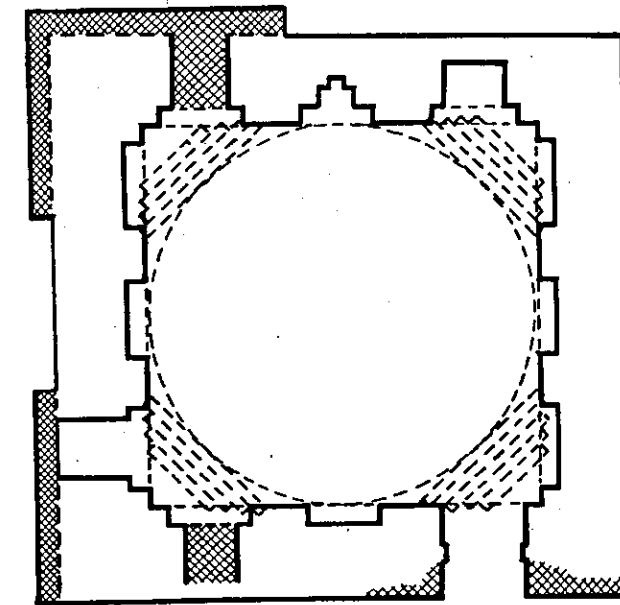
Это здание расположено на юго-западе Туркменистана, недалеко от городища Месториан (или Мисриан), на древнем кладбище, именуемом Машад, т. е. место погребения павших за веру мусульман. Оно несколько раз было объектом изучения (к сожалению, не археологического), причём главное внимание исследователей привлекала не столько сама мечеть, сколько её

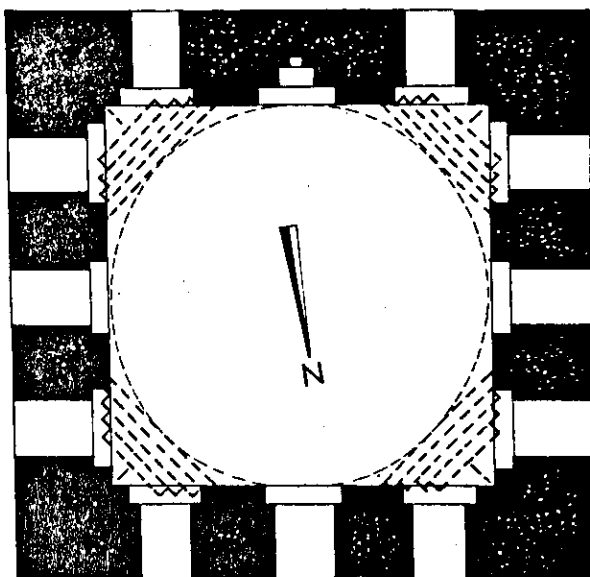
Мечеть Шир Кабир. Современный вид. По Г. Пугаченковой.

действительно высокого художественного качества михраб¹¹².

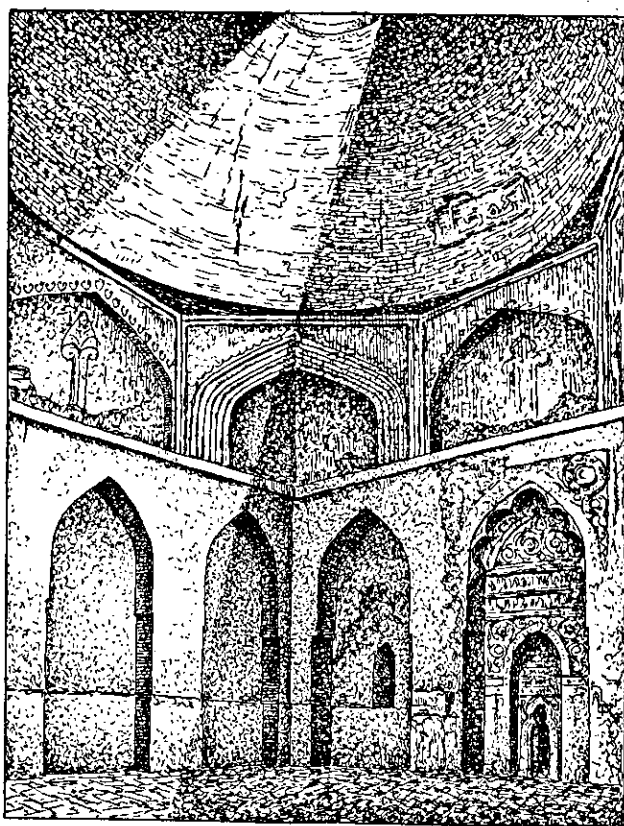
Целиком построенное из квадратного сырцового кирпича (сторона 23 см) на глиняном растворе, здание пережило множество ремонтов, следствием которых была наружная обкладка жженым кирпичом, что практически уничтожило внешнюю архитектуру, и восстановленная из жженого кирпича верхняя рухнувшая часть купола с круглым отверстием в зените. Стены квадратного помещения, размером 8,5×8,5 м¹¹³,

Мечеть Шир Кабир. План (современное состояние). По А. Прибытковой.

Мечеть Шир Кабир. Реконструкция плана.

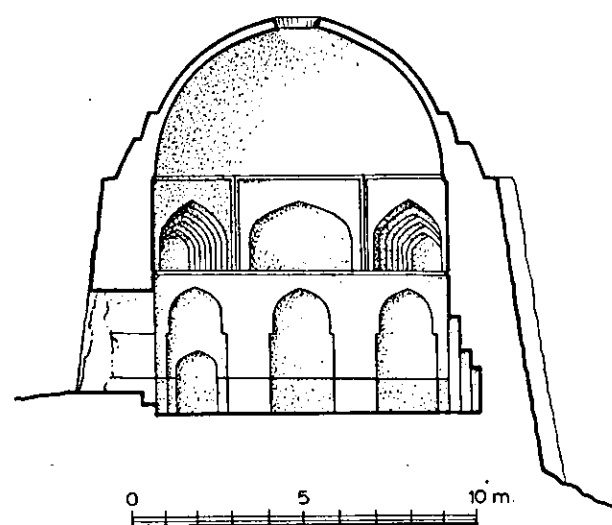
Мечеть Шир Кабир. Внутренний вид. По Г. Пугаченковой.

оформлены каждая тремя высокими арочными нишами, в среднюю южную нишу (здание ориентировано по странам света) вставлен упомянутый михраб. Современный вход находится на месте боковой западной ниши северной стороны, что, принимая во внимание строгую центричность композиции, не могло быть изначальным. Действительно, обследование кладки ниш показало, что по крайней мере некоторые из них, в том числе ниша слева от михраба, представляют собой заложенные проёмы¹¹⁴, — логично предположить, что и остальные ниши, кроме михрабной, были также раскрыты наружу. При этом проёмы по сторонам михраба начинались на высоте 0,5 м от пола и, значит, были не проходами, а чем-то вроде высоких, заглублённых в ниши окон. Слегка заострённый купол опирается на правильный октагон с арочными пандантивами-трюпами в диагональных гранях. Устройство трюпов необычно: в нём соединены элементы перспективно-ступенчатых трюпов, обычных подкупольных конструкций предисламской эпохи, и сомкнутого свода, ранее в таком «контексте» не применявшегося. Отрезки сомкнутого свода образуют здесь заполнение угловой арочной конструкции, которая состоит из 6 отступающих вглубь, вставленных одна в другую арок. Отличие арочных пандантивов Шир Кабир от доисламских трюпов, свидетельствующее о новом этапе развития строительной техники, состоит в том, что прежние трюпы целиком состояли из уступчатых арок и работали как монолитная конструкция, а в мечети Шир Кабир тонкие уступчатые арки образуют наружную часть арочной ниши и служат обрамлением для внутренних отрезков сомкнутого свода.

Высота здания около 11 м. Переход от нижнего объёма к куполу выполнен снаружи с помощью двух меньших объёмов, квадратного и октагонального в плане, грани которых заметно расширяются книзу. Так же расширяются книзу наружные поверхности основного нижнего объёма, — это придаёт зданию в целом характер тяжеловесной пирамидальности, который был ему, вероятно, свойствен изначально¹¹⁵.

Мечеть Шир Кабир имеет близкие аналогии среди некоторых иранских мечетей типа купольного зала, — таковы большой и малый «куполы» пятничной мечети Исфахана («купол Низам аль-Мулька» и Гомбеде Хаки)¹¹⁶, мечеть в Барсиане, исторические «ядра» мечетей в Гулпайгане, Ардистане и др. В некоторых из них, как и в Шир Кабир, стены прорезаны тремя входами (реже — двумя или одним), но михрабная стена, за исключением, может быть, первоначально вида Гомбеде Хаки, повсюду оставалась глухой. Однако иранские мечети-«киоски» — не старше 11 века, а мечеть Шир Кабир, по единодушному мнению её исследователей, датируется концом 9 в., что указывает на местные корни её архитектуры.

Её прототипом мог быть и доисламский погребальный «наус»¹¹⁷, и центральный зал жилого

Мечеть Шир Кабир. Разрез.

замка-«кёшка», соединённый проходами с осевыми входами и с угловыми группами комнат, — такая связь помещений предполагает по три двери в каждой стене зала.

Г. Пугаченкова предполагает, что некогда компактный объём мечети был окружен деревянными колоннадами. Доказать это, к сожалению, нельзя из-за того, что внешние поверхности здания не сохранились. Но если колонные навесы располагались в виде двух крыльев по сторонам купольного зала, то в мечети Шир Кабир можно было бы различить принципиальное сходство с тем типом мечетей, который в раннеисламской архитектуре представлен мечетью в Башане, и который позже получил в Средней Азии довольно широкое распространение.

Интерьер мечети был украшен резным ганчем, но, кажется, не целиком, как полагает Г. Пугаченкова¹¹⁸, а в отдельных частях. На куполе (его древней части) сохранился фрагмент крупной резной надписи, выполненной почерком «куфи», — она, видимо, лентой охватывала купол выше его основания. Панель в нижних частях стен была украшена (на простенках между проёмами-арками) резным изображением аркады: рельефные полуколонки и переплетающиеся арки с куфическими надписями на архивольтях и с фоном, густо покрытым орнаментальной резьбой. На боковой стенке одной из ниш восточной стороны сохранилась алебастровая плита с плоским резным изображением михраба: стрельчатая арка на колонках в прямоугольной раме, украшенная шрифтовым (куфи на раме и архивольте), геометрическим и стилизовано-растительными узорами. Неожиданное расположение наводит на мысль, что эта плита была перенесена сюда из какого-то другого места.

Самое замечательное во внутренней архитектуре мечети — безусловно, михраб, один из древнейших в Средней Азии. Сохранность его,

к сожалению, плоха, но и в нынешнем полуразрушенном виде он очень эффектен, а при помощи старых фотографий его облик восстанавливается с достаточной полнотой.

Михраб состоит из трёх, вставленных одна в другую и соответственно резко уменьшающихся арочных ниш. Стрельчатый контур большой арки, шириной около 170 см, оформлен пятью круглыми ганчевыми фестонами с клиновидными остриями между ними. Круглые, вставленные в углы колонны, на которые зрительно опирается арка, были увенчаны капителями в форме колокола, охваченного листьями с отогнутыми наружу концами. Эта форма, напоминающая «пальмовидные» капители древнего Египта, уникальна для архитектуры Средней Азии. Стволы колонн покрыты резным меандровым узором; баз, по-видимому, не было. Прямоугольное панно вокруг большой арки было в углах украшено дисками с кольцом куфической надписи и отходящих от них спиралей стилизовано-растительных побегов.

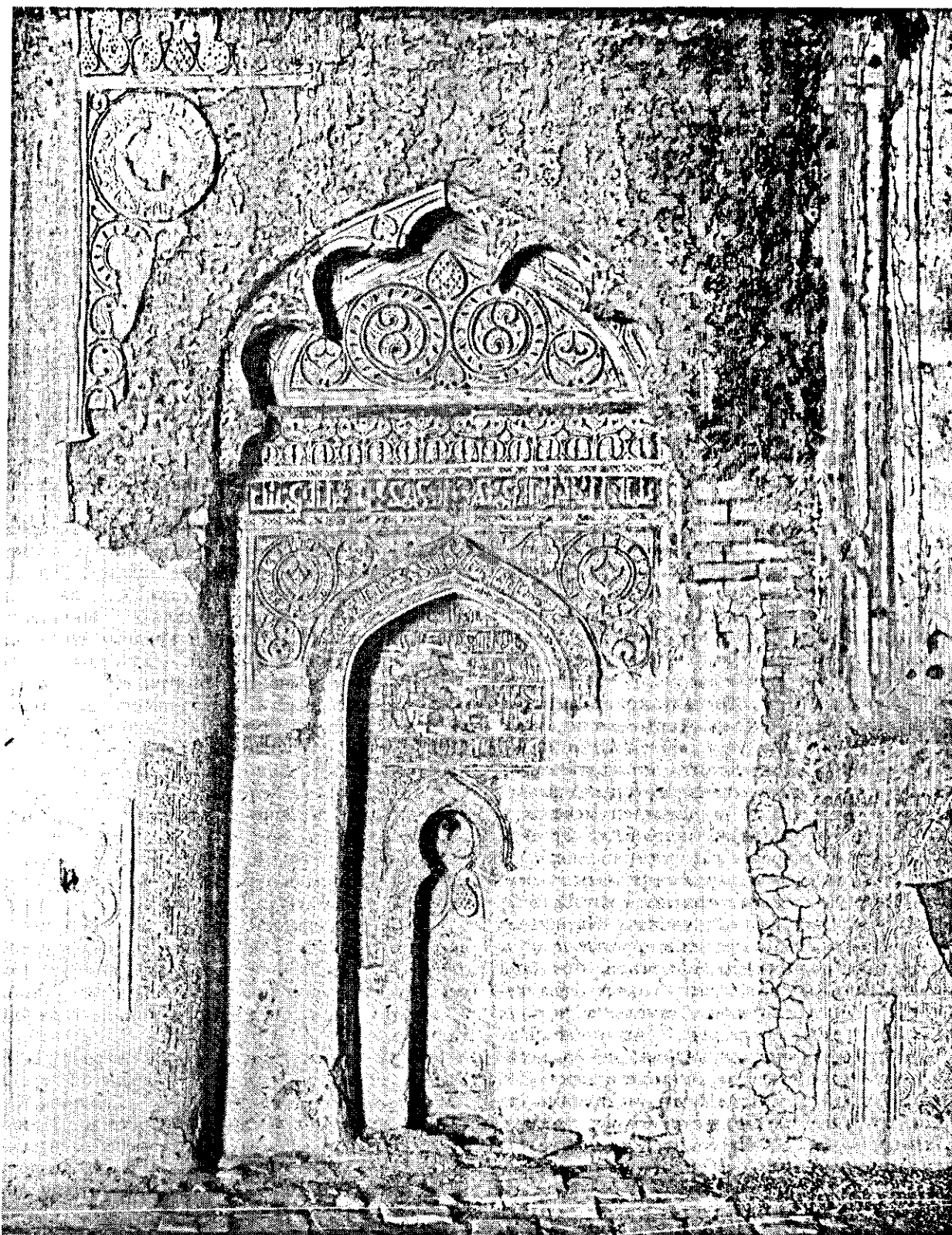
Подобным образом украшены тимпаны средней арочной ниши, стрельчатой, по архивольту которой тянется куфическая надпись. Другая горизонтальная надпись и лежащий над ней орнаментальный фриз отделяют заполнение большой арки (комбинация крупных спиралей и листьев) от верха средней, образуя как бы её тектоническое венчание. Внутри второй ниши, в её верхней части, поверхность заполнена шестью строчками арабской надписи, тоже почерком куфи (другого здесь нет). Фон рельефных букв был окрашен поочередно по строчкам в синий, красный и зелёный цвет; следы раскраски видны и в других заглублённых местах ганчевой резьбы.

Третья, внутренняя ниша, самая маленькая и узкая (ширина около 35 см), имеет своеобразную трёхлопастную форму: она сужается вверх и вновь расширяется, завершаясь фигурой в виде заострённой подковы. Она тоже обрамлена лентой куфической надписи, которая охватывает арку и боковые края ниши, а на расстоянии 50 см от пола меняет направление на горизонтальное.

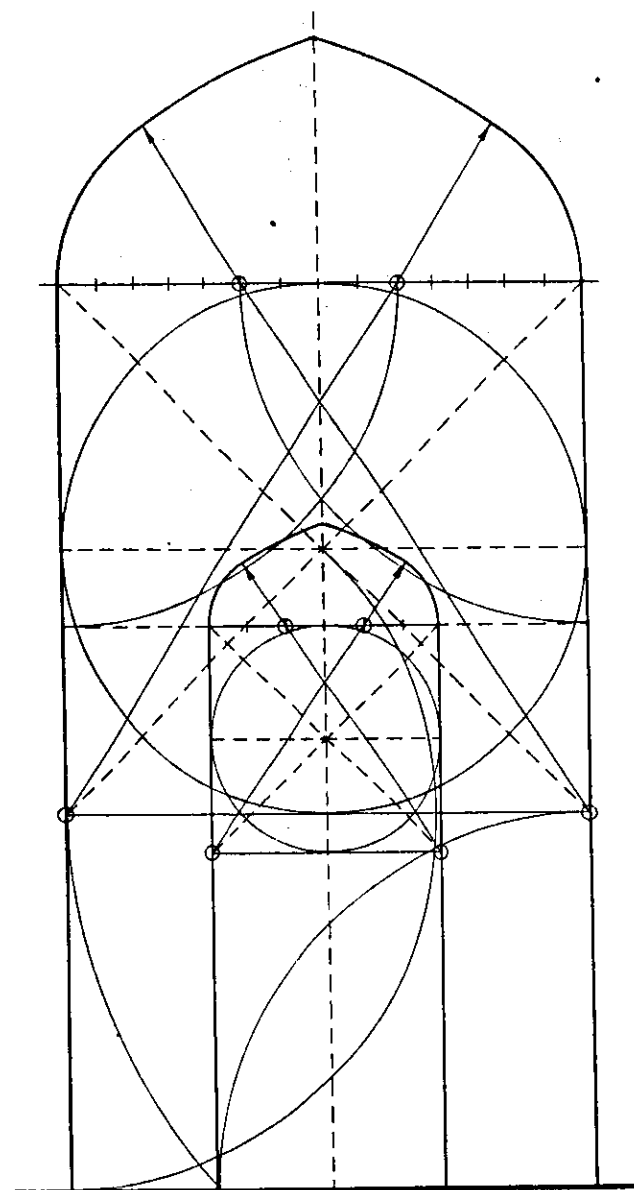
Резной алебастровый декор михраба Шир Кабир имеет широкий круг аналогий среди исламских памятников 9—10 вв. — Самарры, Каира (мечеть Ибн Тулуна и Фустат), Найна (пятничная мечеть), а некоторые элементы — например, меандровый узор угловых колонн и мотив «распахнутых крыльев» — близки искусству сасанидского Ирана¹¹⁹.

Михраб, также состоящий из трёх ниш, «перспективно» вписанных одна в другую, есть ещё в пятничной мечети Найна (Иран, 960 г.)¹²⁰. Эта аналогия ограничивается общей композиционной идеей, так как пропорции, формы и декор обоих михрабов различны. Есть основание считать, что подобную трёхарочную структуру имел михраб 10 века в селе Ашт (см. ниже), в котором сохранились только две внутренние

Мечеть Шир Кабир. Михраб.

Мечеть Шир Кабир. Геометрический анализ михраба.

ниши. По остроумной гипотезе Г. Котова¹²¹ михрабы такого типа есть символическое изображение дворовой мечети, точнее — двух её порталов (внешнего и самой мечети) и михраба, лежащих на одной оси. Эта идея была бы убедительней, если бы мечети с монументальными входными порталами не появились значительно позже, и если бы михрабы с тремя (а не двумя) вставленными одна в другую нишами не были редкостью¹²².

От наиболее близкого ему михраба в пятничной мечети Найина михраб мечети Шир Кабир отличается, среди прочего, гармоничными пропорциями, некоторые закономерности которых мне как будто удалось установить. Высота первой большой ниши до основания её арки определяется суммой ширины ниши и полудиagonали

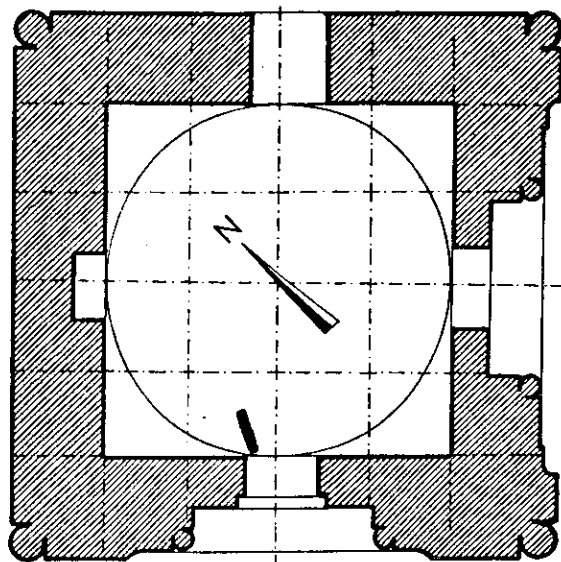
квадрата, построенного на этой ширине. Арка большой ниши строится из четырёх центров: её основание делится на 14 равных частей, низ арочной кривой вычерчивается из центров, которые делят основание в отношении 5 : 9. Центры для верха арки лежат в нижних углах квадрата, построенного на её основании. Уровень основания средней арки определяется девятью частями пролёта большой арки, отложенными от её основания вниз, а её ширина — шестью частями того же размера, что и большой арки. Центры для низа малой арки находятся делением её основания на 3 равные части, а центры для верха — в нижних углах квадрата, построенного на её основании, то есть тем же методом, что и в большой арке. Единица измерения, равная $1/14$ пролёта большой арки и $1/6$ средней (в натуре около 16 см) определяла, возможно, и другие размеры михраба, — по крайней мере ширина малой ниши и толщина колонн равны 2,5 таких единиц.

Свидетельство высокого мастерства строителей мечети — то, что это здание, построенное из кирпича-сырца, сохранилось до нашего времени, не потеряв даже значительную часть своего драгоценного декора. Типологически эта древнейшая купольная мечеть, стоящая на рубеже доисламской и исламской архитектуры, в значительной мере определяет собой дальнейшее развитие этого вида монументальных купольных зданий Центральной Азии.

«Средний мавзолей» в Узгене

Город Узген, лежащий на крайнем востоке Ферганской долины, во второй половине 10 в. стал резиденцией тюркской династии Караханидов, которая подчинила себе в это время северовосточную часть Средней Азии. Когда в конце 10 в. Караханиды захватили государство Саманидов и сделали своей столицей Бухару, Узген остался резиденцией наместников Ферганы. Город располагался на четырёх возвышенностях вдоль реки Карадарья. На восточной из них, занятой древним кладбищем, сохранились минарет и три купольных здания, стоящих вплотную друг к другу, с общей линией фасадов, обращённых на ЮЗ.

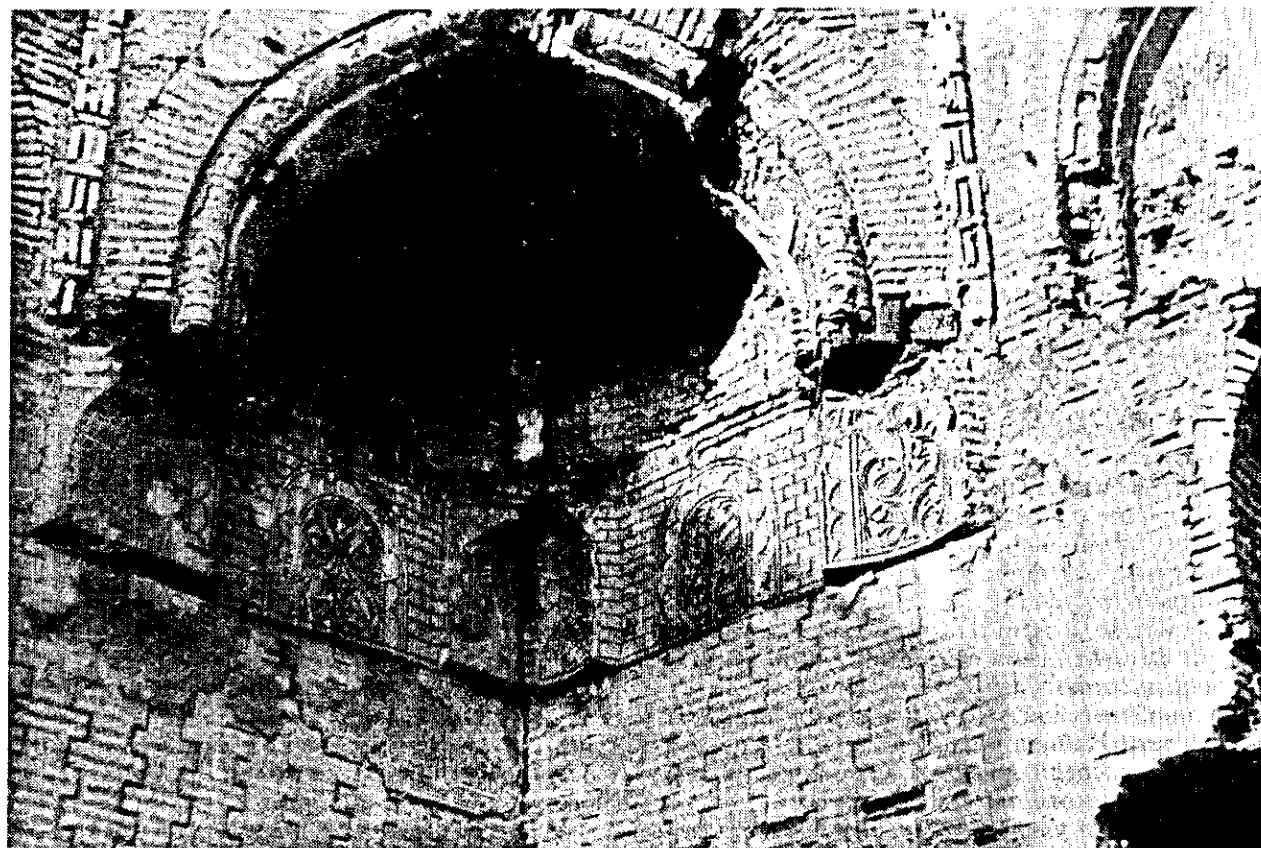
Минарет, сохранившийся наполовину, датируется 11 в. Два боковых здания представляют собой мавзолеи караханидских правителей и построены, судя по надписям на них, в 1153 и 1186/87 гг. Их принадлежность этому времени подтверждается и их прекрасной, изысканно декорированной архитектурой¹²³. Среднее, самое крупное здание, традиционно именуемое «средний мавзолей», дошло до нашего времени в очень разрушенном состоянии¹²⁴. Принятое за мавзолей начала 11 в., несколько раз обмеренное и исследованное (в том числе и археологически), оно в конце концов было «опознано» как купольная поминальная мечеть, то есть мечеть

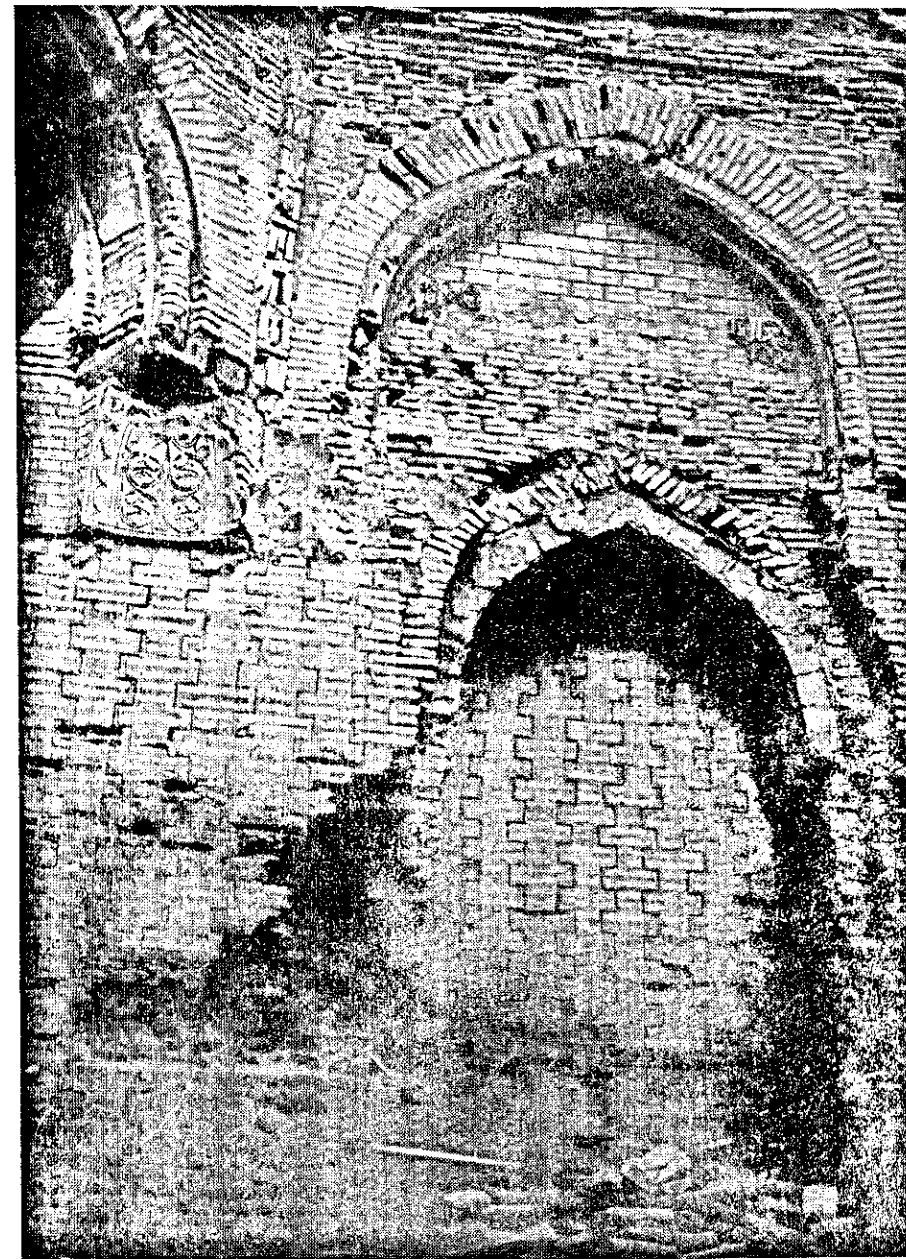
Узген. «Средний мавзолей». Реконструкция и геометрический анализ плана.

при почитаемой святой могиле. Было установлено, что оба мавзолея 12 в. были пристроены к уже разрушенной мечети, что предполагает (если здание не было разрушено землетрясением или сознательно, о чём нет данных) её более раннюю датировку. Некоторые особенности архитектуры здания как будто отвечают такому предположению.

Узген — одно из немногих мест Средней Азии, где в 10—12 вв. сохранилась традиция строительства из продолговатого (как в доисламское время), а не квадратного кирпича. «Средний мавзолей» построен из жженого кирпича размером около $30 \times 15 \times 4$ см, в основании стен лежат 3 ряда каменных блоков. Фундамент состоит из 5 рядов блоков разной высоты (общей высотой 80 см), отделённых от цоколя слоем кирпичей. Стороны квадратного помещения — длиной 8,4 м, длина наружных сторон около 13 м. Четыре наружных угла оформлены круглыми трёхчетвертными колоннами диаметром 86 см. Мечеть имела два входа на соседних, ЮЗ и ЮВ фасадах. Эти парадно оформленные стороны представляли собой широкие (во всю ширину здания) порталы с арочными нишами входов, окруженными прямоугольными, вставленными одно в другое и разнообразно декорированными обрамлениями. Еще один вход, никак не выделенный снаружи и впоследствии заложенный, прорезал посередине СВ сторону

Узген. «Средний мавзолей». Тромп.

Узген. «Средний мавзолей». Деталь интерьера.

помещения, — он вёл, может быть, к находившейся за мечетью почитаемой могиле. В стене напротив ЮВ входа была расположена ниша михраба, позже прорубленная и превращённая в проход, соединивший здание с мавзолеем 1152 г.

Традиционное внутреннее устройство купольного помещения имеет, однако, интересные особенности. Его стены, сложенные «парной» кладкой, оштукатурены ганчем, но некоторые швы кирпичной кладки выделены прорезями — они образуют геометрический узор в виде вертикальных ступенчатых линий, охватывающий все поверхности стен. Этот узор выявляет реальную строительную структуру стены: выделены чередующиеся в каждом ряду «пары» длинных ложков и коротких тычков, другие швы кладки скрыты под штукатуркой. Такой приём, возмож-

ный при употреблении продолговатого (а не квадратного) кирпича, находит принципиально близкую параллель в доисламском «малом дворце» Шахристана¹²⁵; он отражен в мавзолее Араб-ата в Тиме (10 в., о нём см. ниже) и мавзолее конца 10 — начала 11 вв. Арслан Ясиба в Сентбесте (иранский Хорасан)¹²⁶. Любопытно, что и поздняя закладка СВ проёма украшена таким же образом.

Единственный сохранившийся северный трюм представляет собой стрельчатую арку, опирающуюся на деревянные брусья-консоли. Контур арки оформлен круглым «трёхчетвертным» валиком из обтёсанных кирпичей, он и лежащая за ним плоская поверхность софита украшены узором из чередующихся квадратов и удлинённых шестиугольников, вырезанных на ганче. От угла к вершине арки изнутри перебро-

шена узкая полуарка — своеобразный аркутан, уравновешивавший распор давно рухнувшего купола. Внутренность арочной ниши по сторонам полуарки заполнена сводом и в целом представляет собой полукупол, на вогнутой поверхности которого выделялась слегка выступающая диагональная полуарка.

В отличие от большинства купольных залов этого и более позднего времени здесь не было чёткой границы между квадратом стен и октагоном яруса тромпов. Только в углах, непосредственно под тромпами и не выходя за их пределы, верхние части стен украшены отрезками своеобразного фриза высотой 75 см и длиной около 2,5 м. Они состоят из трёх частей: посредине — вырезанная на ганчевой штукатурке полукруглая арка с обрамлением из круглых фестонов и орнаментальным (стилизованно-растительным) заполнением, в углу — консоль с нишеобразным остроконечным вырезом внутри (на неё опирается диагональная полуарка), под деревянными консолями тромповых арок — ганчевые выступы в виде вогнутого заострённого кверху сталактита. Консоль и выступы украшены так же, как средняя арка: круглыми фестонами по краю и орнаментальной резьбой внутри. Пространство между этими частями заполнено имитацией кирпичной кладки тычками, вырезанной в ганчевой штукатурке. Узкий пояс с резными кружками и точками в них тянулся по верхнему контуру фриза. Непосредственно под ним и в тех же габаритах (то есть в пределах тромповых арок) сохранились остатки полосы с резной надписью почерком куфи, высотой 54 см. Эта надпись, судя по тому, что он закрыла собой верх «ступенчатого» узора стен, появилась позже.

Углы октагона оформлены узкими пилястрами, в которых три вертикальных, поставленных на ребро кирпича чередуются с одним, лежащим горизонтально. Эти пилястры, так же как архивольты и тимпаны арок октагона, как будто не были оштукатурены. Арочные ниши между тромпами повторяют их форму, включая круглый валик по контуру арки и его резной геометрический декор. На старых фотографиях видны остатки рельефной ганчевой резьбы, сохранившиеся в нишах между тромпами. Можно разглядеть части арабской надписи почерком куфи, делившей нишу примерно пополам, и под ней — следы переплетающихся арок, заполненных растительной резьбой. Этот декор наложен на кладку «парами», состоящую из тычков, — такая кладка декоративна и не рассчитана на штукатурку, поэтому можно думать, что резное убранство ниш, как и эпиграфические вставки под тромпами, появилось позже. Верхние части ниш над надписью, с прорезными швами вокруг каждой «пары» тычков (тот же приём, что и в оформлении стен), сохранили, по-видимому, свой первоначальный вид.

Отсутствие чёткой границы между стенами и ярусом тромпов особенно заметно на СВ

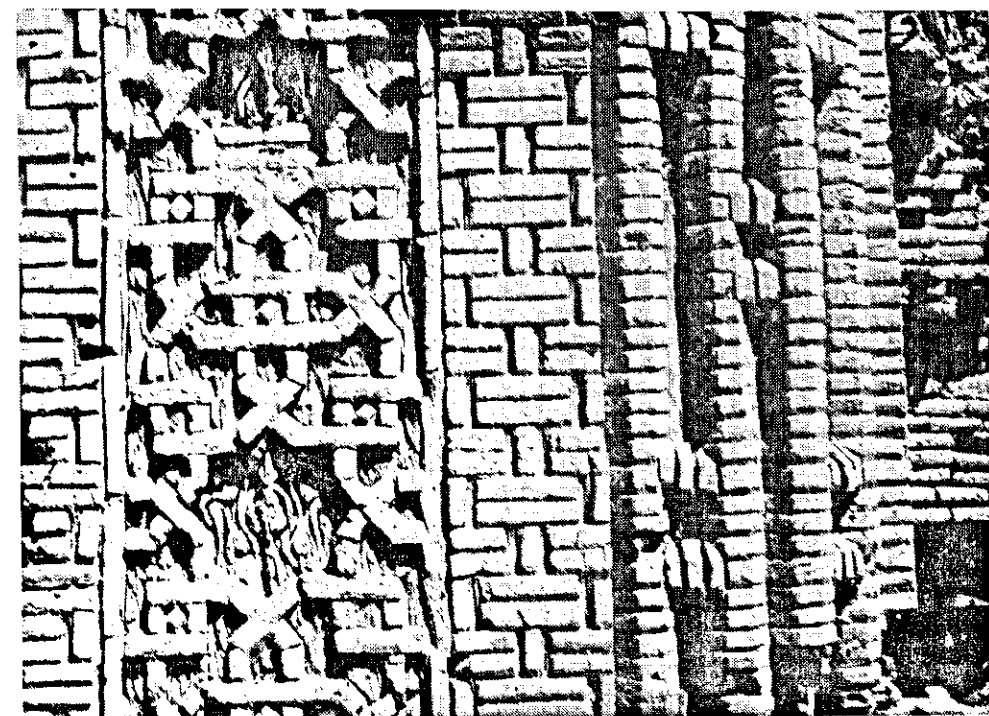
и ЮВ сторонах: здесь вершины нижних входных арок поднимаются выше основания арок между тромпами и как бы врезаны в них. Входная ЮЗ сторона не сохранилась, но и здесь, вероятно, дело обстоит так же. Только арка первоначального михраба не достигает основания лежащей над ней арочной ниши, показывая этим своё особое назначение.

Ещё одна особенность внутреннего устройства мечети вызвана тем, что две её порталные стены толще двух других, — соответственно 2,5 и 2,15 м. При этом её входные проёмы лежат на осях наружного объёма здания, а арочные ниши октагона — на осях помещения. Так как эти оси не совпадают, врезанные в основание верхних ниш арки проёмов-входов оказались заметным смещёнными по отношению друг к другу.

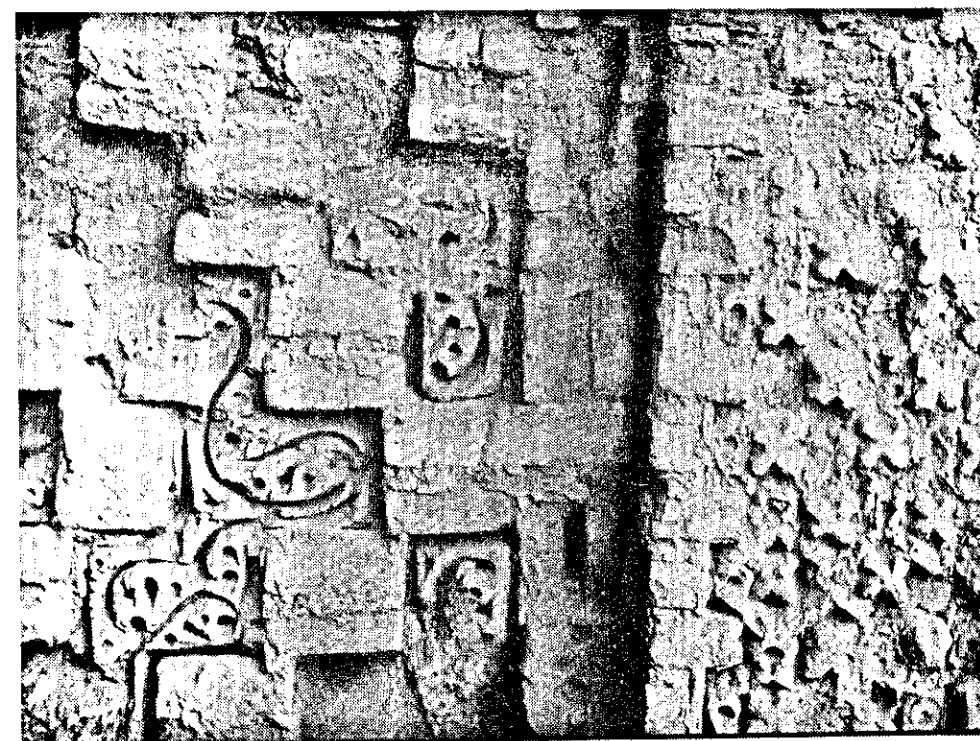
От внешней архитектуры мечети сохранились лишь остатки, дающие, однако, право предположить, что и здесь фактура кирпичных кладок сочеталась с резным ганчевым декором. Оба «задних» фасада были выложены, как и внутри, кирпичными «парами» с чередованием в каждом ряду ложков и тычков. Облицовка угловых цилиндрических колонн состояла из «пар», разделённых вертикальными кирпичами, поставленными на ребро. За колоннами на порталном ЮЗ фасаде следовала узкая вертикальная полоса с тем же рисунком кладки. За ней — широкая (84 см) полоса кирпичного узора, в котором восьмиконечные звёзды переплетаются с заострёнными крестами; заглублённый фон этого геометрического узора был заполнен плохо сохранившейся ганчевой резьбой. Можно думать, что обе эти полосы образовывали внешнее прямоугольное обрамление портала.

Далее следуют 4 узких гранёных выступа, 2 из которых лежат в плоскости фасадной стены, а 2 отступают вглубь под углом 45°. Соседние выступы соединены в шахматном порядке парными кирпичными перемычками такой же гранёной формы. Узкие промежутки между выступами были заполнены вырезанными в ганче цепочками колец. Средняя заглублённая часть портала, лежащая внутри этого рельефного обрамления, не сохранилась и не поддаётся научно обоснованному восстановлению.

Исследованиями установлены некоторые формы ЮВ портала, который был закрыт пристроенным к нему мавзолеем 1186/87 гг. Были найдены остатки трёх прямоугольных, вставленных друг в друга обрамлений входа: наружное, шириной 114 см, было украшено сеткой рельефных квадратов (из кирпичей, поставленных на ребро) с маленькими квадратными кирпичами, диагонально расположенными, внутри. Следующая полоса, плавно вогнутая внутрь, была покрыта мелким узором, — диагональные ряды крестов (квадратные кирпичики с треугольными вырезами на каждой стороне) и заглублённые между ними ганчевые кружки с углублением посредине. Внутренняя широкая (107 см) полоса состояла из спаренных кирпичей, образующих диагональ-

Узген. «Средний мавзолей». Деталь ЮВ фасада.

Узген. «Средний мавзолей». Деталь ЮЗ фасада.

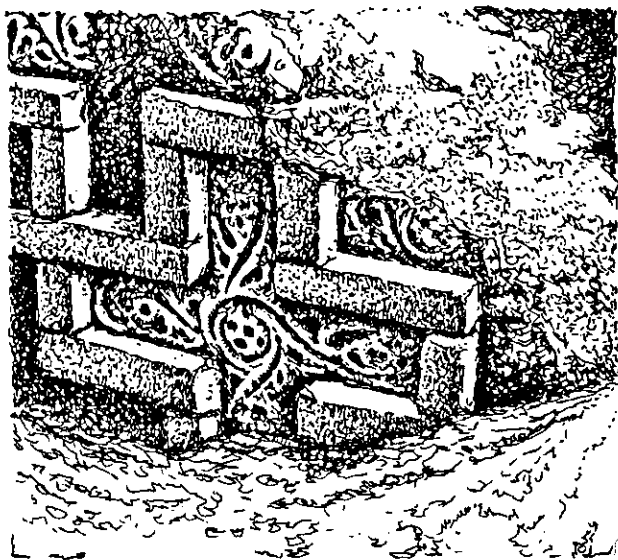
ную сетку больших квадратов, крестов внутри этих квадратов (тоже из спаренных кирпичей) и заглублённого заполнения из резного ганча.

Были найдены и остатки внутренней стены арочной ниши («шипца») ЮВ портала, украшенной диагональной сеткой выемчатых (с ганчевой резьбой внутри) крестов. Их выступающие вперед контуры образованы узкими сторонами

(рёбрами) кирпичей, которые, переплетаясь, складываются в сетку свастик. Простенки по сторонам входа, ниже этого кирпично-алебастрового ковра, были облицованы «парами» коротких кирпичей (тычков), расположенных в шахматном порядке¹²⁷.

Михраб Узгенской мечети был ориентирован на СЗ, хотя правильное направление на кыблу

Узген. «Средний мавзолей». Декор в арке ЮВ фасада.

в Средней Азии — ЮЗ. Эта правильная ориентация в Средней Азии нередко нарушалась, — мы уже видели, что многие мечети Туркменистана были ориентированы на Ю или З. Впрочем, подобные проблемы стояли и перед строителями в других областях Халифата: об этом писал Абу Рейхан Мухаммед Бируни (10—11 вв.), который изобрёл практический способ правильного определения кыблы¹²⁸. Ошибочно ориентированные михрабы имеются и в поздних мечетях Средней Азии, например в Газгане, где висит плакат, разъясняющий, в какую сторону нужно молиться¹²⁹. Вообще в Средней Азии мечети, правильно ориентированные на кыблу, составляют, пожалуй, меньшинство. Но ошибка строителей Узгенской мечети была слишком велика, и предположение, что именно она была причиной превращения (в 12 в.) её михраба в дверной проём¹³⁰, кажется убедительным.

Датировка мечети 10 веком находит подтверждение во многих приёмах и деталях её архитектуры. Конструктивная полуарка внутри троповой ниши известна ещё только в мавзолее Саманидов и восточном здании Ходжа Машида (начало 10 и 9—10 вв.), причём по сравнению с мавзолеем Саманидов эта деталь в Узгене выглядит более простой и архаичной. Вырезанная в ганче имитация кирпичной кладки и декоративное выделение отдельных швов реальной кладки находят прямую параллель в мавзолее Араб-ата (2-я половина 10 в.). Размер кирпича, из которого построено здание, ближе всего кирпичу, использованному в саманидской пятничной мечети Афрасиаба-Самарканда (9—10 вв.)¹³¹, где употреблён кирпич удлиненной формы. При сопоставлении с квадратным кирпичом ближайшая аналогия обнаруживается в дворцовом здании Кырк-Кыз в Термезе (9 в.), в руинах которого найдены жжёные кирпичи размером 30×30 см.

Важный довод в пользу ранней датировки мечети — отсутствие в ней резных терракотовых деталей, или фигурных резных кирпичей, которые появились в 11 в.¹³² и сразу широко распространились в архитектуре Среднего Востока. Весь сложный, подчас измельчённый декор обоих порталных фасадов создан комбинацией целых кирпичей и их частей, не подвергнутых пластической обработке, и их фона (или заполнения) из резного ганча. Исключением могут показаться мелкие кресты в убранстве ЮВ фасада, но и они представляют собой квадратные кирпичики с треугольными насечками по сторонам. Резные фигурные кирпичи начала 11 в. имеют уже достаточно сложную форму, что предполагает разработку этого приёма ещё в 10 в., — первые опыты в этом направлении мы видим, возможно, в мечети Узгена.

Что касается общего композиционного замысла здания, открытого наружу порталами на двух соседних фасадах, то он находит близкую параллель в мечети Чор Сутун, ранняя датировка которой не вызывает сомнений. Правда, мечеть в Термезе раскрыта наружу двумя сторонами целиком, стен здесь просто нет, а угловая «раскрытость» мечети в Узгене имеет скорее символический, чем реальный характер: проёмы входов её невелики, хотя, при отсутствии окон, и они должны были способствовать задуманному эффекту. А значительное расстояние — 650 км — между Узгеном и Термезом — свидетельство того, что культурные связи даже между отдалёнными землями Средней Азии в 10 в. были многообразно развиты.

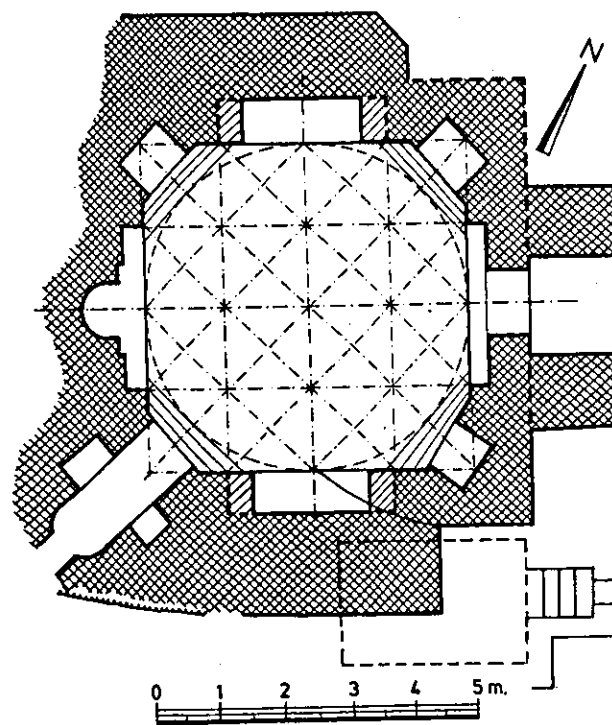
Итак, есть основания видеть в небольшой купольной мечети Узгена первую монументальную постройку «караханидской» архитектуры, возведённую в Узгене, первой столице Караханидов, незадолго до того, как эта воинственная тюркская династия перенесла свою резиденцию в завоёванную ею Бухару. Синтез аристократической саманидской культуры и примитивной культуры вчерашних кочевников сообщил, вероятно, этому зданию одновременно черты изысканности и архаики, определившие его необычный облик.

Парау-биби

В южном Туркменистане, недалеко от руин древнего города Ферова, в горах расположена постройка под этим именем, означающим «бабушка (или мать-родоначальница) Ферова». Здание примыкает двумя сторонами к скале и, вероятно, стоит на месте древнего святилища, связанного с местным культом воды и плодородия. Сведения о нём в литературе малочисленны и недостаточно полны¹³³.

Парау-биби — правильно ориентированная купольная мечеть²⁰⁸ с полукруглым михрабом на ЮЗ стороне и высоким, выступающим вперёд порталом со сводчатой нишей входа напротив

михраба. Помещение в плане имеет вид квадрата (стороны длиной около 5 м) со срезанными углами, иначе говоря — октагона с длинными осевыми и короткими диагональными сторонами. Над короткими сторонами три ряда выступающих внутрь кирпичей образуют широкие консоли, — они преобразуют план в равносторонний октагон, на который опирается купол. Помещение расширено арочными нишами, широкими (2,5 м) на осевых сторонах и узкими (около 1 м) на диагональных. Ниши, поперечные оси михраба, в результате ремонтных переделок были заужены и получили эллиптическое очертание, но их первоначальные ширина и форма соответствовали нишам на оси вход-михраб. Ниша в южном углу представляет собой коридор длиной 2,5 м с двумя небольшими внутренними нишами с обеих сторон. Он закруглён в конце и переходит в узкий, примыкающий к скале проход, ведущий наружу. Неясное назначение этого коридора связано, вероятно, с местными верованиями и легендами доисламского времени. Пол мечети выстлан жженым кирпичом и обмазан ганчем, на стенах видны несколько слоёв ганчевой штукатурки. В куполе — над входом и на ЮВ стороне — прорезаны небольшие окна. Первоначальная конфигурация наружного объёма была квадратной, но северный угол его разрушен. Здесь, за выступом портала, в сохранившейся части стены видна традиционная декоративная кладка — «парами» кирпичей с вертикальными полукирпичами между ними.

Парау-биби. План (по Г. Пугаченковой и Б. Литвинскому) и его геометрический анализ.

Этот типичный для 10 в. приём имеет здесь необычную особенность: глина для кирпичей была подобрана таким образом, что горизонтально уложенные парные кирпичи имеют желтую окраску, а вертикальные — красную, редкую в условиях Средней Азии. Судя по тому, что эта кладка уходит под пилон портала, он был пристроен к мечети позже.

Материал постройки — квадратный жжёный кирпич на глиняном растворе со сторонами 19, 19,5, 20 и 21 см. Встречаются ремонтные кирпичи длиной 24 см, но их немного.

Вплотную к южной стороне примыкает заглублённое в землю сводчатое помещение размерами 2,4×1,8 м. Это — «чилля-хона», келья для паломников, которые молятся здесь в одиночестве 40 дней; устройство таких келий при мечетях — старая традиция Средней Азии.

Анализ плана мечети обнаруживает в его построении чёткий геометрический расчёт. Его основой служит квадратная ячейка со стороной 1,25 м, которая укладывается 4 раза по длине и ширине помещения. Две ячейки составляют ширину осевых ниш, половина ячейки — глубину михраба и ниш на поперечной оси. Удвоенная диагональ ячейки, отложенная от оси помещения, определяет внешний контур его стен. Наконец, глубина диагональных ниш отвечает углам квадрата, который образует основу плана.

Б. Литвинский датирует Парау-биби 11—12 вв., Г. Пугаченкова — 11 в. В обоих случаях единственным основанием для этого послужило употребление «парной» кладки с вертикальными вставками, которая, однако, известна уже в 10 в. В архитектуре мечети есть и другие черты, позволяющие отнести её постройку к более раннему времени. Таков, например, необычно малый размер кирпича, сам по себе указывающий на время, когда массовое употребление жженого кирпича только начиналось. Аналогии подтверждают такое предположение: кирпич со стороной 20 и 21 см был применен в кладке стен и арок октагона в мавзолее Саманидов¹³⁵, в жилом доме 9 в. на Афрасиабе¹³⁶; из кирпича длиной 21 и 21,5 см были возведены древние колонны мечети Магоки Аттори в Бухаре (10 в.), мавзолей Мир-Сеид Бахрам (10 в.) и здание в Термезе, известное под именем «Курган» (9 в.)¹³⁷. Более поздние постройки из кирпича этих размеров не обнаружены.

Архаичным и очень ранним нужно признать способ перехода от восьмиугольника с узкими диагональными гранями к равностороннему подкупольному октагону с помощью уступчатых кирпичных консолей. Этот приём имеет принципиальное сходство с перекрытием коридора в замке 9 в. Харам-кёшк¹³⁸ и совершенно аналогичен способу перехода к восьмиугольному основанию купола в караван-сараях Дая-Хатын, который, как я постараюсь доказать ниже, должен быть датирован 10 веком.

Запятанная в безлюдном ущелье, прижатая к скале мечеть Парау-биби — конечно, не обычная мечеть. Она отмечает собой место древнего

религиозного поклонения и служит примером адаптации ислама к местным традиционным верованиям.

***

Своеобразное архитектурное устройство Парау-биби находит единственное, но неожиданно близкое подобие в разновременном архитектурном комплексе, расположенном в ЮВ части Туркменистана, у селения Астана-баба. Этот интересный комплекс не получил, к сожалению, достойной оценки в научной литературе. Его основная публикация не даёт исчерпывающего представления о материале и не всегда ясна¹³⁹.

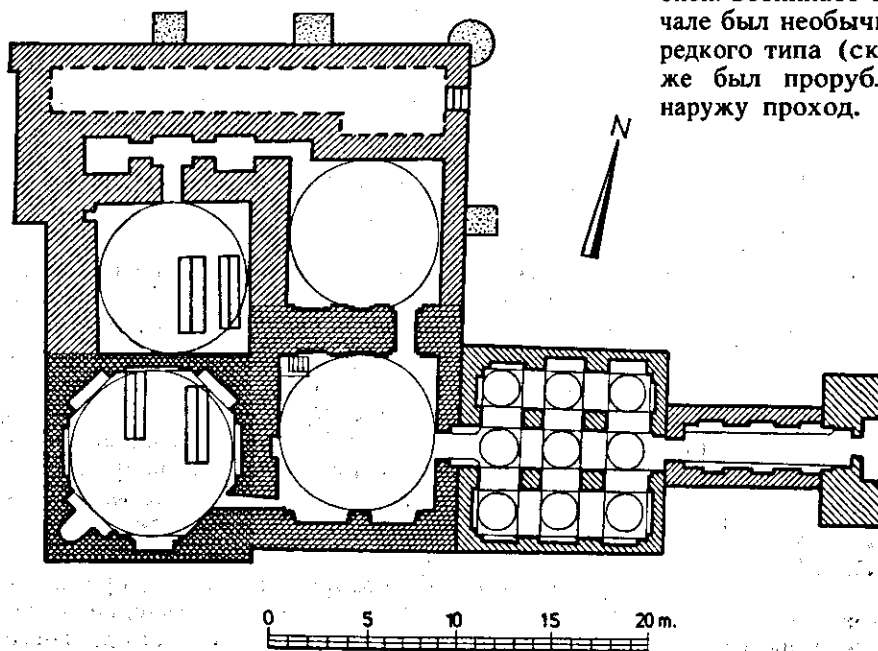
Ориентированный по странам света комплекс включает в себя почти квадратный массив, состоящий из четырёх купольных помещений, примыкающий к нему с востока девятикупольный зал (поздняя реплика «девятиклеточных» мечетей) и отдельно стоящий портал, связанный с залом при помощи сводчатого коридора. Интересующее нас помещение расположено в ЮЗ углу комплекса. Оно имеет восьмигранную форму, в каждой грани (кроме ЮВ, прорезанной поздним узким проходом в соседнее помещение) устроены арочные ниши; в ЮЗ нише находится михраб такой же, как в Парау-биби и очень редкой в Средней Азии полукруглой в плане формы. На полу стоят два крупных надгробия: по местной легенде здесь похоронены братья Зейд-Али и Зувейд-Али. Но михраб, древней формы и правильно ориентированный, подтверждает, что здание строилось как мечеть и лишь позже, из-за совершенного здесь погребения, потеряло свою первоначальную функцию. В Средней Азии строго соблюдался запрет молиться в надгробном помещении, и если в мечети кого-то хоронили (такие случаи бывали по

разным причинам), — она переставала быть мечетью и превращалась в мавзолей, «гур-хану», что, в свою очередь, требовало устройства рядом поминальной мечети, «зиорат-ханы». Этой «зиорат-ханой» стало помещение, пристроенное к бывшей мечети с востока, в западной стене которого была вырублена ниша михраба.

Именно это помещение Г. Пугаченкова бездоказательно считает историческим ядром всего комплекса, хотя выступ на южной стороне доказывает, что оно пристроено к восьмиугольной мечети.

Нельзя согласиться и с утверждением Г. Пугаченковой о том, что в мечети «... были заложены углы помещения (кроме юго-западного, где оставлена глубокая михрабная ниша) и план внутри преобразован из квадратного в многогранный»¹⁴⁰: это противоречит изначальному угловому расположению михраба и тому, что прочие угловые ниши — той же длины и структуры, что и первоначальная (по Пугаченковой) ниша перед михрабом.

Оба помещения (первоначально здания) построены в основном из кирпича со сторонами 24 см. Это, к сожалению, не облегчает их датировки: такой кирпич был в употреблении от 9—10 вв. (жилые дома Варахши, мавзолей Саманидов) до, по крайней мере, 16 в. (мавзолей в районе Куня Ургенча)¹⁴¹. Особенности архитектуры восточного помещения — «трёхчетвертные» колонки по сторонам арочных ниш, кладка «парами», чередование в колонках горизонтально и вертикально расположенных кирпичей — указывают на 11 в. как на самое вероятное время постройки. В этом случае восьмиугольная мечеть, к которой пристроена «зиорат-хана», должна быть соответственно более старой. Сравнивая её с мечетью Парау-биби, легко заметить странное сходство в форме и расположении михраба Астана-баба и углового прохода Парау-биби: возникает подозрение, что последний вначале был необычно глубоким михрабом того же редкого типа (скруглённым в глубине), но позже был прорублен и превращён в ведущий наружу проход.

Астана-баба. План.
По Г. Пугаченковой.

Мечеть в старом Чарджоу

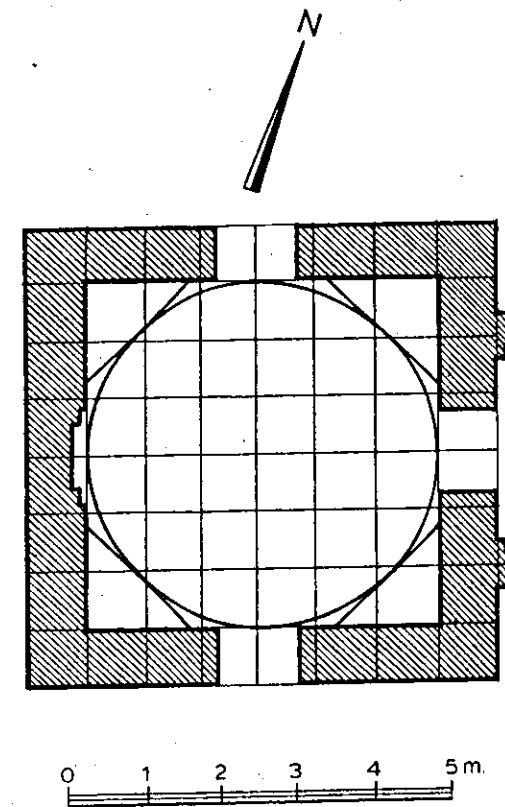
В единственной известной мне публикации это здание, стоящее на старом кладбище к ЮЮЗ от крепости Чарджоу (средневековый Амуй, 100 км к ЮЗ от Бухары), названо мавзолеем¹⁴². На то, что в действительности это мечеть, указывает ориентированный на кыблу (ЮЗ) михраб, а также то, что местные жители не связывают постройку ни с каким лицом, историческим или легендарным. Это, видимо, была поминальная мечеть, построенная для того, чтобы пришедшие на кладбище могли совершить здесь необходимый молитвенный обряд.

Здание построено из мелкого жженого кирпича (сторона 23 и толщина 3 см) на глиняном растворе и представляет собой в плане правильный квадрат с длиной наружных сторон 6,2 м и внутренних сторон 4,8 м. Посредине главного фасада, обращённого на СВ, расположен вход — арочный проём шириной 1 м. Два аналогичных входа прорезают посредине боковые фасады здания. Главный вход, лежащий на одной оси с михрабом, выделен двумя выступающими пилястрами шириной 70 см, выложенными в два уступа и образующими широкую (2,3 м) прямоугольную раму вокруг проёма. Верхняя часть этой рамы не сохранилась; можно думать, что первоначально она возвышалась над нижним квадратным объёмом здания и, значит, представляла собой средневосточный портал — «пештак» довольно примитивной формы.

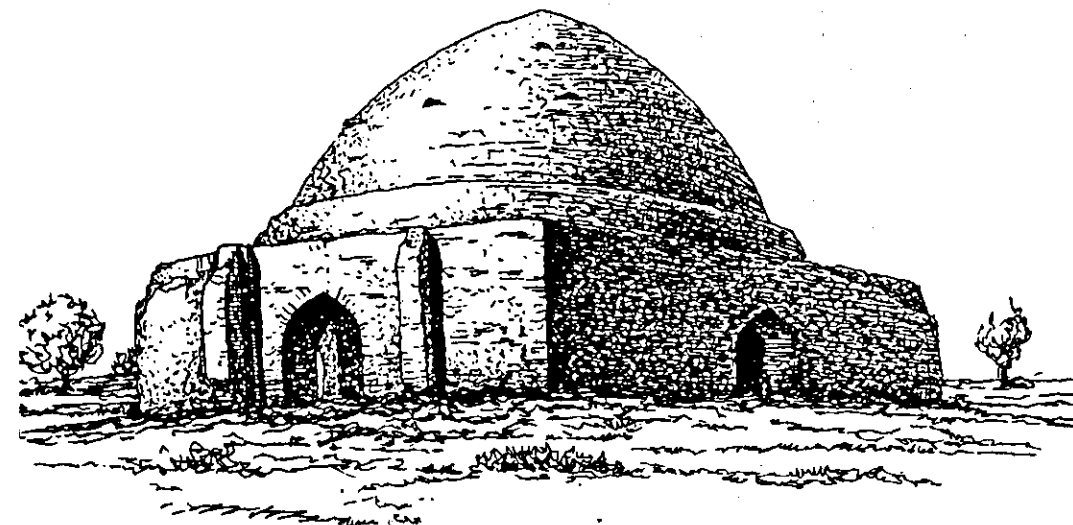
Неглубокая ниша михраба увенчана стрельчатой аркой и вставлена в плоское прямоугольное углубление стены. Высокий заострённый купол с уступом-утолщением у основания в значительной части переложен во время какого-то ремонта. Он опирается на тромповый ярус — октагон обычного типа, в котором угловые ниши тромповых арок заполнены отрезками сомкнутого свода. Они сложены из горизонтальных, нависаю-

щих внутрь рядов кирпича и, значит, представляют собой конструкцию типа «ложного» свода.

Наслоения могил заметно повысили уровень земли вокруг мечети, и снаружи она выглядит как бы вросшей в землю, более приземистой, чем есть в действительности. Архитектурные формы предельно геометризованы и просты, не заметно следов кирпичного, алебастрового или какого-либо другого декора. Но и в этой простой организации масс и форм заметно противоборство (или, лучше сказать, несогласованность)

Мечеть в старом Чарджоу. План (по Г. Пугаченковой) и его геометрический анализ.

Мечеть в старом Чарджоу. Внешний вид. По Г. Пугаченковой.

двух композиционных идей: преобладающей равносторонней центричности и слабо обозначенной однофасадности, которая выразилась в выделении главного входа подобием портала. Причина этого не может заключаться в общей незрелости идеи «однопортальности», которая в 10 в. представлена рядом высокохудожественных образцов, — здесь мы имеем дело, очевидно, с «индивидуальными» особенностями скромной и рядовой для своего времени постройки. К тому же не исключено, что выделение главного входа рельефными выступами — результат одной из перестроек, изменивший первоначальный облик мечети.

Квадратный кирпич длиной 23 см встречается, в подавляющем большинстве, в постройках 10 века. Это время подтверждается археологическими находками, сделанными у стен мечети, а также, как считает Г. Пугаченкова, её расположением. Особенности архитектуры этой датировке не противоречат, а анализ плана обнаруживает простую и тоже характерную для этого времени систему пропорционирования: её единица — квадратная ячейка со стороной около 80 см, совпадающая с толщиной стен и укладываемая 6 раз по стороне помещения.

МЕЧЕТИ ДРУГИХ ТИПОВ

Органическая адаптация ислама большинством населения Средней Азии, восприятие его как новой духовной основы личной и общественной жизни привели, естественно, к материальному воплощению его идей в формах местной, традиционной художественной культуры. Эти региональные влияния были тем больше, чем дальше находилась та или иная местность от воздействия официальной, поначалу арабской и арабо-иранской культуры Халифата, и чем позже стала эта местность — политически и культурно-интегрированной частью исламского мира. Именно в таких областях ранняя культовая архитектура ислама должна была быть особенно далёкой от «государственных» образцов и особенно близкой местным народным традициям, воплощённым в постройках общественного и жилого назначения.

Иллюстрацией этого положения могут служить результаты раскопок в Уструшане, горной области на севере современного Таджикистана, которая особенно долго сопротивлялась исламизации: распространение ислама началось здесь только с 822 г., когда правители этого небольшого государства окончательно подчинились наместникам Халифата¹⁴³.

Раскопки в селении Шахристан, предполагаемой столице Уструшаны Бунджикат, открыли ряд монументальных построек предисламского времени¹⁴⁴. Особняком среди них стоит архитектурный комплекс Чиль Духтарон, который датируется (по археологическим находкам) концом 9—10 вв. и который был, вероятно, местом пребывания ещё небольшой тогда мусульманской

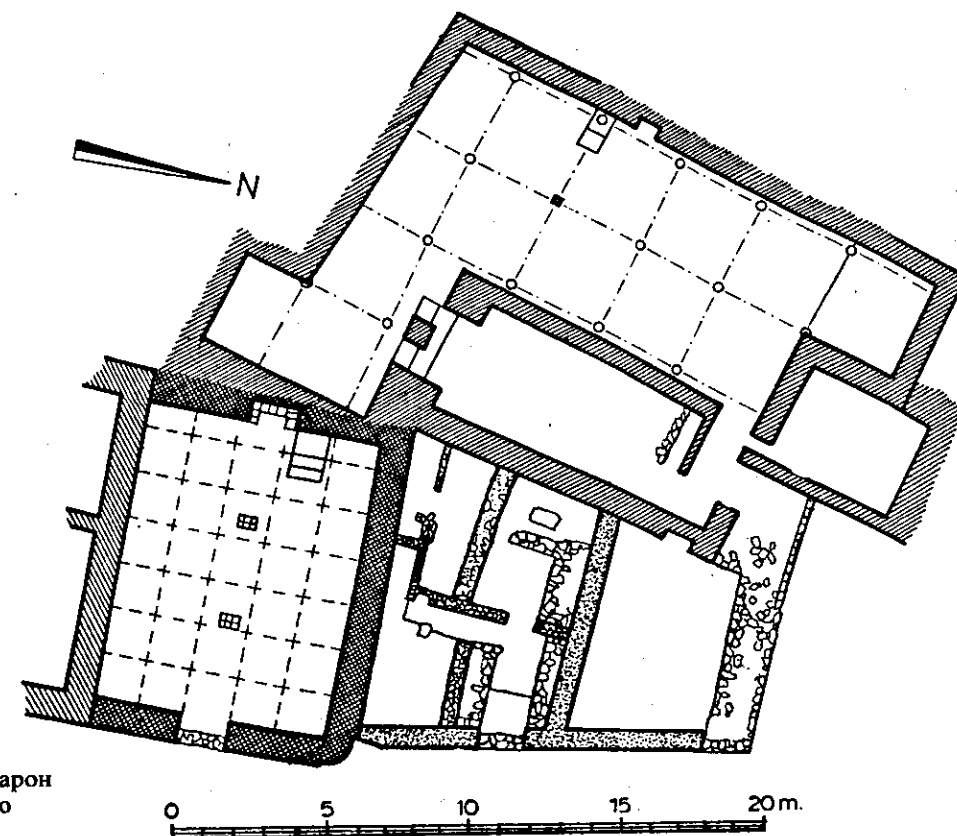
общины во главе с шейхом. Среди построек различного назначения, о которых речь пойдёт в соответствующих разделах, были здесь и две мечети.

Мечети Шахристана

Первая мечеть, построенная, как и все сооружения Чиль Духтарон, из необработанного камня, примыкает с севера к жилому дому, который был, видимо, первой по времени постройкой комплекса. Мечеть представляет собой как бы продолжение дома, образуя вместе с ним цельный прямоугольный массив с общей линией фасада и общей глубиной. Устройство мечети элементарно простое: это прямоугольный зал размером 10×7,7 м, ориентированный главной осью в направлении В — З; на востоке расположен единственный вход, на западе ось замыкается прямоугольной нишей михраба, справа от которого устроен трёхступенчатый минбар. На этой же оси сохранились кирпичные основания двух деревянных колонн, которые поддерживали деревянный потолок. Неверная ориентация мечети — строго на запад — была, очевидно, вызвана её жесткой связью с соседним жилым домом, ориентированным по странам света. Единственный открытый угол мечети, СВ, скруглён и представляет собой четверть окружности между узкими выступами, — здесь на углу возвышался, по-видимому, небольшой минарет. В мечети не было окон. Можно предполагать, что свет проникал через отверстие в крыше, но это нельзя доказать, да и маловероятно, принимая во внимание дождливую местную зиму.

За основу пропорций плана была принята квадратная метрическая ячейка со стороной около 1,6 м. Ширину помещения составляют 5 таких ячеек, длину — 6,5 ячеек. Ширина входа и ниши михраба равны стороне ячейки, а расположение входа, кроме того, «вписано» в эту квадратную сетку и совпадает с её средним (по длине) звеном. Длина сложенного из камня минбара тоже равна длине ячейки, а глубина его верхней площадки составляет её половину и тоже согласована с метрической сеткой.

Однако расположение двух колонн в эту метрическую сетку не вписывается и вообще выглядит необычным: колонны, стоящие на оси культовой ниши, будь то михраб или алтарь, встречаются в архитектуре очень редко. Этот приём свойствен, скорее, гражданским зданиям¹⁴⁵; на Среднем Востоке он встречается в жилых постройках Хасанлу IV и дворцовом комплексе Персеполя¹⁴⁶, во дворце Калалы-гыр (Хорезм, 5—4 вв. до н.э.)¹⁴⁷, в «Квадратном доме» Старой Нисы (Парфия, 2—1 вв. до н.э.)¹⁴⁸, дворце в Халчаяне (Бактрия, 1 в. н.э.)¹⁴⁹, дворцах Топрак-кала и Гяур-кала (Хорезм, 2—3 вв. н.э.)¹⁵⁰. В большинстве этих случаев главная ось помещения, отмеченная рядом колонн, не совпадает с расположением входов. Но общий принцип, а иногда и количество колонн совпадают с

Две мечети в Чиль Духтарон (Шахристан). План и его геометрический анализ.

устройством мечети Чиль Духтарон — это позволяет думать, что прототип мечети, не имеющей аналогий среди ранних исламских построек Средней Азии, нужно искать в области древней гражданской архитектуры центральноазиатского региона.

Вторая мечеть Чиль Духтарон, более обширная, чем первая, была построена сзади и выше её. Она выдвинута в северном направлении и ориентирована почти так же, с небольшим отклонением — так, что её михраб обращён на СЗЗ. Ещё более неправильная ориентация на кыблу была здесь следствием конфигурации скальной площадки, на которой построена мечеть; эта же конфигурация определила, вероятно, её сложную и тоже весьма необычную планировку.

Можно предположить, что строительство второй мечети стало необходимым из-за роста мусульманской общины, уже не вмещавшейся в стены первой «домашней» мечети при жилище шейха.

Основное пространство мечети, размерами около 15×7 м, расширено на севере внутренней прямоугольной лоджией с приподнятым полом. В ЮВ части другое расширение, «Г»-образной формы, примыкает к михрабной стороне первой мечети. К восточной стороне центрального пространства примыкает прямоугольный вестибюль, как бы встроенный в общий объём здания. Отсюда в мечеть вели два входа: узкий и коленчатый на севере и широкий, почти во всю

ширину вестибюля, южный, разделённый квадратным столбом. Вместо порога здесь была трёхступенчатая лестница, поднимавшая на уровень пола мечети. Единственный общий вход, откуда можно было пройти в вестибюль, или прямо в мечеть, или в прямоугольное помещение для омовений, находился на севере, у СВ угла здания.

Прямоугольная в плане ниша михраба прорезана в западной стене, несколько ближе к южному углу; по её сторонам сохранились остатки лепного обрамления в виде вертикальных рельефных лент со следами окраски в синий цвет. Слева от михраба расположен глиняный минбар в два уступа. Перед минбаром, на равном расстоянии от продольных стен, сохранилось квадратное основание деревянной колонны, — одной из тех, что подпирали балки потолка. Остатки этой единственной фиксированной колонны позволяют, как мне кажется, реконструировать всё внутреннее многоколонное устройство мечети. Кроме среднего ряда, состоявшего из пяти колонн (одна из которых совпадала с углом внутренней северной лоджии, то есть была в него вставлена) здесь были ещё два продольных ряда вдоль западной и восточной стен. Колонны в этих рядах стояли вплотную к стенам, причём одна из колонн западного ряда стояла на минбаре, — здесь найдено плохо сохранившееся углубление от неё. Кроме этих трёх рядов имелся ещё короткий (две колонны) ряд, отчленявший юго-восточную прямоугольную часть простран-

тва мечети, причём и здесь одна из колонн была вставлена в выступающий угол внутренней лоджии.

Таким образом определяется регулярная квадратная сетка колонн с ячейками, сторона которых несколько больше 3 м, мастерски «вписанная» в сложный, с выступами и впадинами план зала. Верность реконструкции подтверждается тем, что вычисленные места двух колонн совпали с соответствующими углами, и тем, что михраб при этом расчёте оказался точно на оси между двумя поперечными рядами колонн. Из общей регулярной сетки выпадают лишь ячейки вдоль южной стены, которая по каким-то причинам скошена относительно других стен, но и здесь узкие, постепенно расширяющиеся ячейки доводятся в конечной части (перед лоджией) до общего размера.

Странный на первый взгляд приём опирания перекрытия не на стены, а на деревянные пристенные (или заглублённые в стены) опоры имеет на Среднем Востоке древнюю традицию. Смысл его в том, чтобы уменьшить зависимость перекрытия от состояния глиняных или каменных стен, которые первыми страдают от землетрясений, создать не связанный со стенами устойчивый каркас. Этот приём был эффективно использован ещё в 9—8 вв. до н.э. в дворцовом комплексе Хасанлу (иранский Азербайджан)¹⁵¹, а в народной архитектуре некоторых азиатских регионов дожил до нашего времени¹⁵². Собственно говоря, пилястры и полуколонны классической архитектуры представляют собой развитие этого приёма и его переход из области строительной техники в область архитектуры как пластического искусства.

Оформление выступающего угла вставленной в него деревянной колонной, которая на 1/4 заглублена в угол, было распространено в предисламской архитектуре Средней Азии и представлено рядом образцов в Уструшане и Согде: в замке Урта Курган¹⁵³, жилых домах Пенджикента и Калаи Кафирниган¹⁵⁴ и буддийском монастыре Аджина-Тепе¹⁵⁵ (в последнем случае угловые колонны — глиняные, но армированы тростником). И этот приём, вначале безусловно конструктивный, впоследствии был эстетизирован и в таком виде воплотился в образе порталов, в которых арка опирается на вставленные в углы декоративные «трёхчетвертные» колонки.

Эти наблюдения и соображения подводят, как будто, некоторое основание под предлагаемую здесь реконструкцию. Всё же вторая мечеть Чиль Духтарон — своеобразный местный вариант колонно-зальной мечети — во многом остаётся загадочной постройкой. Неясны источники её пространственной структуры и причины изломанного контура плана, неясно назначение вставленного внутрь продолговатого «вестибюля» с его подчеркнутым парадным южным входом. Трудно представить себе её внешний облик и способ освещения, — может быть, некоторые квадратные ячейки между колонн имели дере-

вянные «кассетные» перекрытия с небольшими световыми люками. Можно лишь предполагать, что строители мечети стремились решить новую для них задачу методами и приёмами, почерпнутыми из опыта гражданского строительства, то есть архитектуры жилых и общественных зданий.

* * *

Своеобразный симбиоз недавно утвердившегося ислама с местными строительными и бытовыми традициями был обнаружен в горах Уструшаны при раскопках городища Калаи Сар. Здесь в 10 в. около доисламского замка возникло селение, состоящее из большого числа каменных, примыкающих одно к другому жилищ. Среди них выделяется большое квадратное помещение со сплошными сиденьями-«суфами» вдоль всех четырёх стен и нишей михраба в западной стене¹⁵⁶. Исследователи рассматривают этот зал как традиционное, восходящее к доисламскому времени место общественных собраний и приёма гостей — алоу-хона («дом огня»). Общественные функции таких помещений сочетались с культовыми: это было ещё и зороастрийское святилище с горящим здесь священным огнём. В данном же случае «языческое» святилище было превращено в мечеть (или уже построено как мечеть) фактически без изменения его канонического устройства, только с заменой священного огня мусульманским михрабом.

Мечеть в Мисриане

Руины этой мечети, расположенные в 1,5 км южнее городища Мисриан, были открыты раскопками в 1970 г. В единственной и очень краткой публикации (без чертежей) мечеть названа одной из древнейших в Туркменистане и датирована, на основании археологических находок и деталей архитектуры, 10—11 вв.¹⁵⁷

Здание построено из жженого кирпича, на стенах сохранились остатки ганчевой штукатурки. Пол зала или двора (планировка мечети не ясна) выстлан жженым кирпичом: поля из диагонально уложенных квадратных кирпичей разделены дорожками, в которых кирпичи лежат параллельно стенам (по краям) и диагонально (посередине). Особенность мечети — большое круглое возвышение диаметром 6,5 м, на верх которого ведёт кирпичная лестница из 8 ступеней, первоначально покрытых деревом. Лестница и облицовка цилиндрического возвышения, которое в публикации названо минбаром, выполнены из квадратного кирпича длиной 23 и толщиной 4 см. В публикации мечеть характеризуется как «типа Намазго». Это не совсем понятно, так как такие мечети (см. стр. 61) первоначально представляли собой стену с михрабом и навесом перед ним, тогда как на фотографии виден зал или двор, окруженный, по крайней мере частично, стенами.

МИНАРЕТЫ

Хотя возведение первых минаретов было вызвано внедрением и торжеством ислама, генезис этих культовых башен в Средней Азии — безусловно местный. Облик раннего среднеазиатского минарета восходит, вероятнее всего, к сторожевым башням доисламской эпохи (подобные башни, похожие на минареты, высились на углах караван-сарая Рабати Малик) и, возможно, к победным колоннообразным монументам-«стамбха» средневосточного буддизма. Высокую башню, увенчанную изображением «идола», ещё в 10 в. видел в Самарканде аль-Идриси¹. Тогда же, в 10 в., по свидетельству Ибн Хаукаля, эмир, вельможи и народ города Йехудийе (современный Мейхене) упорно возражали против строительства минарета на том основании, что это — нарушение обычаев предков².

Этот странный инцидент (ведь строительство мечети тоже было нарушением обычаев предков) остался одиночным, и не позже 10 в. в Средней Азии на традиционной основе сложился местный, близкий иранскому тип минарета — с круглым планом, цилиндрическим или сужающимся кверху стволом и площадкой для «азанчи» (служителя мечети, призывающего на молитву) наверху. Была ли эта площадка открытой, как обычно в Иране, или, как в минаретах 12 в., над ней возводили крытый «фонарь» — неизвестно.

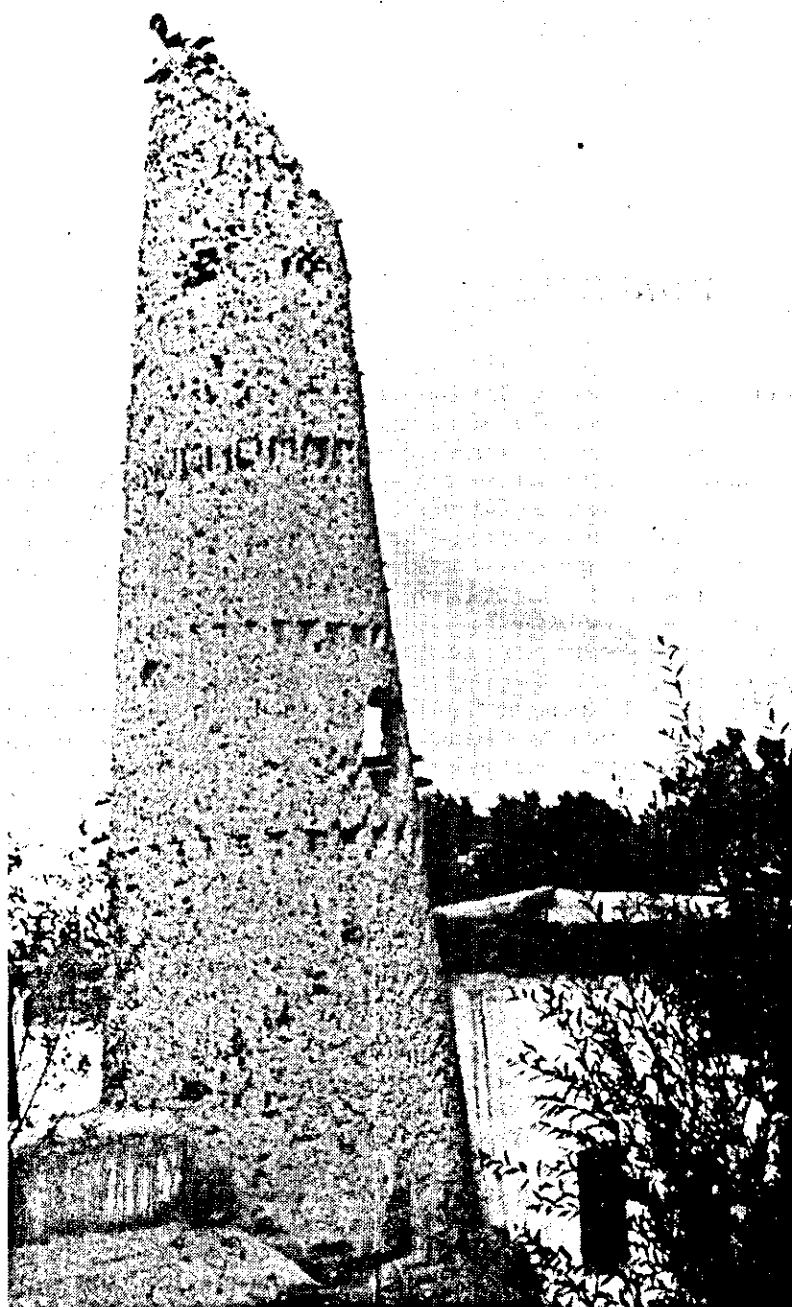
Наршахи сообщает о минарете с деревянным верхом, который стоял в Бухаре рядом с главной мечетью и сгорел во время пожара; отстроили его уже целиком из кирпича³. Аль-Мукаддаси отметил мечеть с минаретом в городе Ар-Рабате и отдельно, без упоминания мечети — «минарет, видный издали» в городе Ахур (Хорасан). Мечеть, вероятно, всё-таки была, но минарет стоял отдельно от неё. Так же, отдельно от мечети, стоял упомянутый аль-Мукаддаси минарет в городе Гиранг или Гиренг (Хорасан) — между мечетью и торговым зданием-«ханом»⁴. Это, как будто, свидетельствует о том, что ранние минареты обычно строились отдельно от мечетей, рядом с ними. Но пример мечети в Башане указывает и на иное расположение минарета, встроеного в угол внешних стен как сторожевая башня. Именно таким угловым минаретам судьба уготовила долгое историческое существование в Средней Азии.

Реальный материал по минаретам 9—10 вв. невелик, и делать из него широкие выводы

нельзя. На городище Мадау (город Ахур, южный Туркменистан) сохранились остатки минарета из жженого кирпича. Минарет на городище Кишман-тепе (город Кушмейхан в Мервском оазисе) был построен из сырца (32×32×8 см), но облицован жженым кирпичом. Его нижний диаметр — около 6 м, высота, вероятно, достигала 15 м⁵. Построены из сырца и облицованы (может быть, позже) жженым кирпичом были минареты, остатки которых сохранились на южнотуркменских городищах Генугирд и Куртлы (древний Башан). Массивный угловой минарет мечети в Башане при диаметре более 6 м сохранился на высоту около 10 м — это, вернее всего, меньше половины его первоначальной высоты. На фотографии 1937 г. виден опоясывающий минарет ряд вставленных один в другой рельефных квадратов, под ним — череда отверстий от балок, а сверху — остатки узкого пояса из выступающих углов кирпичей — «поребрик»⁶. Декор в виде пояса «концентрических» квадратов в архитектуре Средней Азии больше, как будто, не встречается.

Первые исследователи пятничной мечети Самарканда считали основанием минарета раскопанное здесь возвышение — квадратное в плане, двухступенчатое, сложенное из крупных жженных кирпичей на алебастровом растворе⁷. Судя по размерам этого основания, — около 4,5 м длина нижней ступени и около 3,6 м верхней — высота минарета должна была достигать 15—16 м. Правда, сомнение вызывает квадратная форма основания ствола: минареты такого магрибо-испанского типа в Средней Азии никогда не строились.

Высказывались предположения, что 10 веком датируются сырцовые минареты в некоторых селениях долины верхнего Зеравшана — В Захматабаде (Варзи Минор), Парзе и Фатмеве⁸. Минарет, стоящий в центре села Захматабад, сохранился лучше других: его высота без разрушенной верхней части — 13,5 м. Он построен из сырцового кирпича размером 42×23×8 см, — сырец этого размера употреблялся в постройках 9 в. — в жилых домах Афрасиаба и караван-сарая Пайкенда. Для укрепления кладки в неё впущено множество деревянных «пальцев», с помощью которых были укреплены и ступени внутренней винтовой лестницы. Квадратный цоколь в основании минарета, высотой 1,7 м, со-

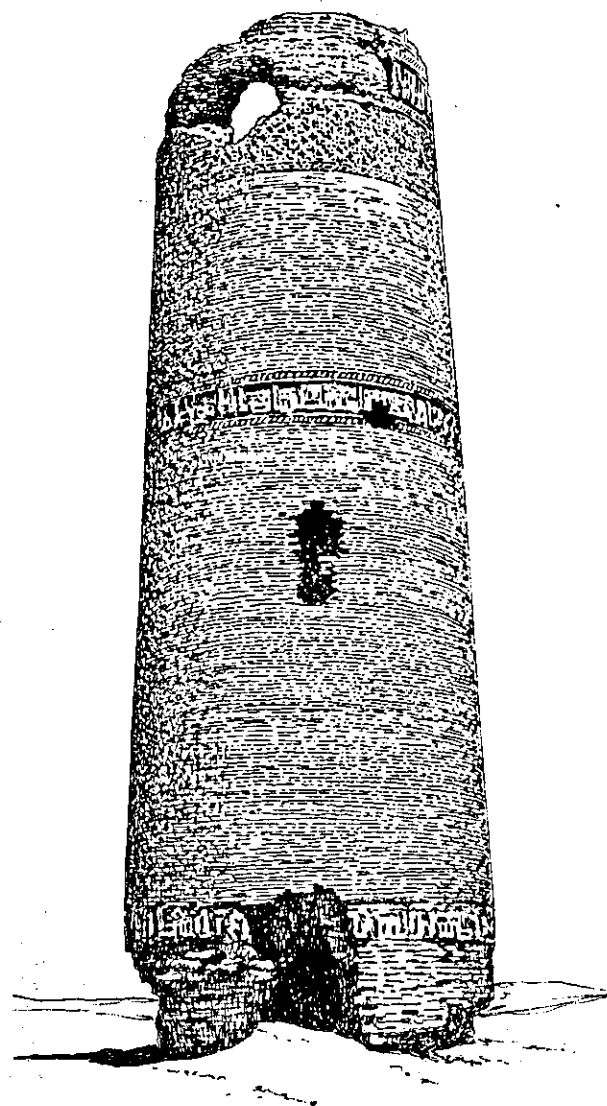

Минарет в селе Варзи Минор (Захматабад). Современный вид.

сторонами длиной 3,85 м, подтверждает вероятность того, что уступчатое возвышение при самаркандской мечети было основанием минарета. Тщательно выполненная лицевая кладка, с регулярным чередованием швов, разделена четырьмя орнаментальными поясами: два нижних пояса — выдвинутый угол вперед «поробрик», выше — вертикальные кирпичи, одиночные и сдвоенные, с широкими швами между ними; еще выше — выемчатые крестовидные фигуры, разделенные широкими промежутками. Вероятно, подобные пояса имелись и выше, но верхняя часть минарета не сохранилась. Круглый ствол минарета заметно сужается кверху. Минарет в селении Рарз сохранился на высоту около

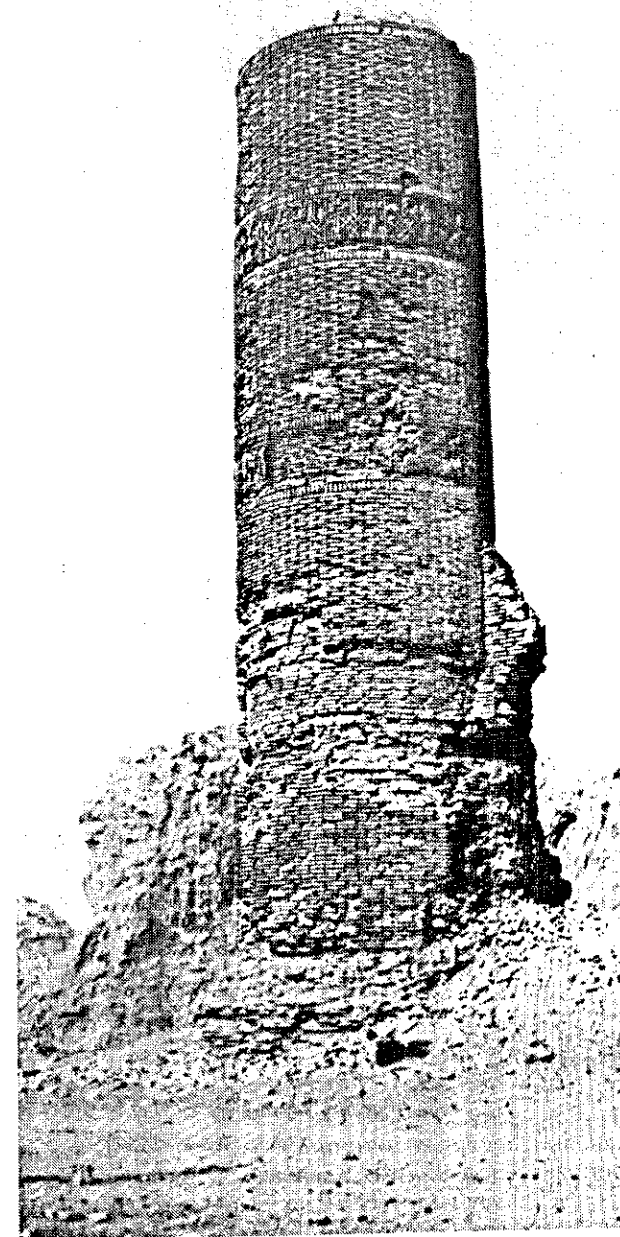
11,5 м. Он стоит на квадратном каменном цоколе высотой 1,5 м, с длиной сторон 2,75 м. Размеры сырцового кирпича здесь разнообразны: 33—40×15—17×7 см. На сохранившейся части сужающегося кверху ствола два декоративных пояса — «поробрик» и вертикальными кирпичами.

Минарет в селении Фатмев построен из сырцового кирпича размером 42×22×8 см, то есть практически того же размера, что минарет в Захматабаде. Он сохранился на высоту только около 6 м и стоит не на цоколе, а прямо на земле. На уцелевшей нижней части его ствола заметен один орнаментальный пояс.

Минарет 1004/5 гг. в Месториане (Дахистан). Современный вид.

Минарет в Термезе. Вид снаружи.

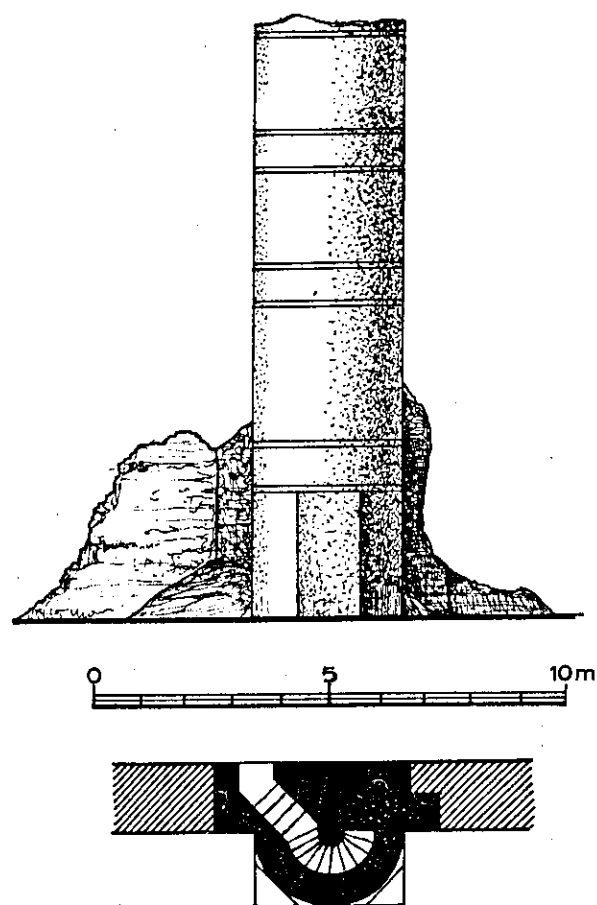

Предположение А. Якубовского, что сырцовые минареты верхнего Зеравшана были увенчаны фонарями наподобие минаретов 12 в. и более поздним, кажется малоубедительным. Ствол из непрочного сырца, сильно суженный вверху, едва ли мог вынести тяжесть массивного фонаря, подобного фонарям минаретов в Бухаре («Каллян») и в Вабкенте. Здесь было бы вероятнее предположить деревянный круговой балкон. Раннюю датировку этих мавзолеев — 10 в. — можно принять, хотя прямых аргументов, за исключением размеров и удлиненной (не квадратной) формы кирпича, в её пользу нет⁹. Но даже если они были сооружены в 11 в. (более поздняя дата маловероятна), они едва ли су-

щественно отличались от своих сырцовых предшественников и из-за архаичности материала, и потому, что за 100 лет облик минаретов не мог заметно измениться.

Это подтверждается стабильностью их облика в будущем: круглая в плане, на 8-гранном основании, утоняющаяся кверху башня с внутренним стержнем и винтовой лестницей, украшенная кольцами орнаментальной и эпиграфической кладки — таков, с небольшими вариантами, вид среднеазиатского минарета до (а частично и после) 13 в.

На городище Месториан в южном Туркменистане стоит минарет, принадлежавший местной пятничной мечети, совершенно разрушенной.

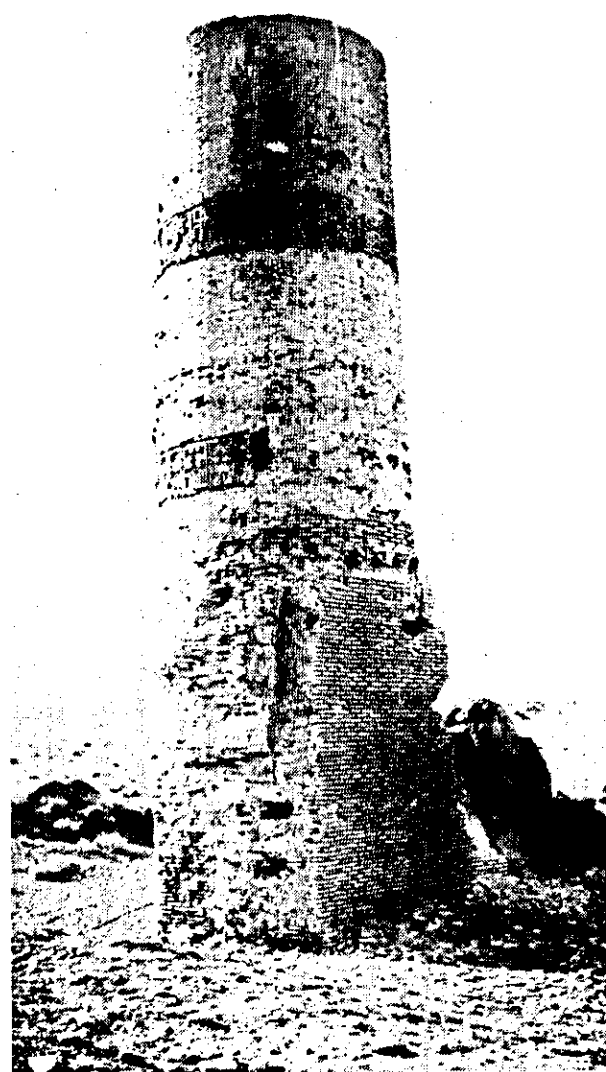

Минарет в Термезе. По Б. Засыпкину с коррекцией.

Минарет в Термезе. Вид со стороны двора мечети.

Он был построен около СЗ угла мечети, но не соприкасался с ним. Конической формы башня с разрушенным верхом сохранилась на высоту до 20 м — это, вероятно, около 2/3 или меньше первоначальной высоты¹⁰.

Гладкий кирпичный ствол минарета разделён тремя декоративными поясами (первоначально их было 4 или 5) с куфическими надписями. Трёхметровой высоты основание — до нижнего пояса — сложено из квадратных кирпичей с длиной сторон 33—35 см и толщиной 10 см. Между первым и вторым поясами употреблены кирпичи с длиной сторон 23 и толщиной 6 см, выше второго пояса — мелкие кирпичи 20×20×3,5 см. Сознательное последовательное уменьшение размеров кирпича здесь не вызывает сомнений, хотя причина этого неясна. Куфическая надпись среднего пояса обрамлена узкими бордюрами из мелких «падающих» кирпичей, — приём, известный по мавзолею Ходжа Машад 9 в. (см. ниже) и находящий прямые

анalogии в архитектуре Ближнего Востока 8 в. — замке Каср Харани и Багдадских ворот в Ракке. Под плохо сохранившейся верхней надписью расположен широкий пояс рельефного геометрического орнамента в виде прямоугольной плетёнки. Арочный вход, на высоте 5,5 м над землёй, ведёт к винтовой лестнице 90 см шириной, вьющейся вокруг столба толщиной около 3 м. При диаметре основания минарета около 8 м толщина его стен внизу составляет 150—160 см и уменьшается кверху.

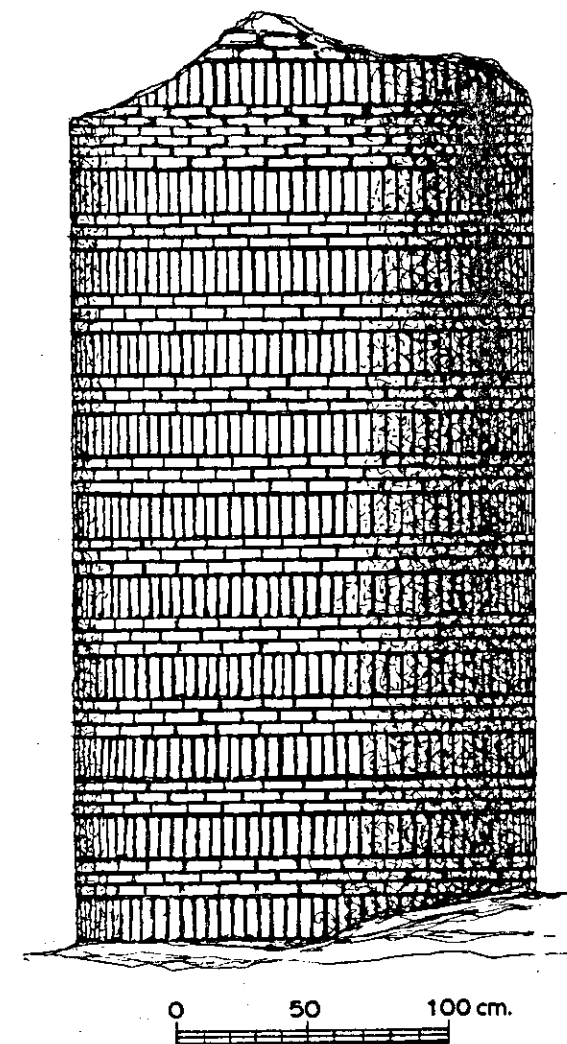
Проблема датировки в данном случае отпадает: тексты надписей сообщают, что минарет построен по приказу местного правителя Абу Джафар Ахмада, сына Абу-ль Агарра в 395 г. хиджры (1004—1005 гг.) славным мастером Али ибн Зийадом¹¹. Крупная, с благородной сдержанностью декорированная башня в Месториане — древнейший датированный минарет Средней Азии.

Второй датированный минарет, слегка выходя-

щий за хронологические рамки этой книги, был возведён в Термезе в 1032 г. Построенный из жженого кирпича, он был встроен в сырцовую ограду мечети Чиль Сутун и заменил собой, быть может, стоявший здесь прежде сырцовый минарет. Давно разрушенный термезский минарет представлял собой цилиндрическую, без обычного сужения кверху башню диаметром только 3 м и 13 м высотой, поставленную на гранёный цоколь. Его вершина, как у большинства домонгольских минаретов Средней Азии, не сохранилась. Тщательная наружная кладка была расчленена четырьмя кольцами-поясами с рельефными куфическими надписями в обрамлении вертикально поставленных кирпичей. В отличие от неукрашенных надписей минарета в Месториане в куфические буквы здесь вписан плетёный орнамент, составленный из тёсаных кирпичей. Любопытная деталь: эпиграфические пояса охватывали не весь ствол минарета, а только его видимую извне часть: второй и четвёртый пояса — переднюю половину ствола, третий — примерно 3/4 его окружности. Разумная экономия, заставляющая вспомнить известную перевязь мушкетёра Портоса¹².

Строго цилиндрическая форма термезского минарета необычна и находит себе лишь одну аналогию — случайно обнаруженный при исследовании цитадели Ходжента угловой минарет или башню, остатки которого были замурованы в позже построенную стену¹³. Возведённая из жженого кирпича размером 30×15×3,5 см постройка диаметром 1,7 м сохранилась на высоту 2,5 м. Судя по опубликованному рисунку, её форма — цилиндрическая, без сужения кверху, толщина стен равна длине кирпича — 30 см, и внутри её нет винтовой лестницы, обычной для минаретов. Кладка велась последовательно тремя горизонтальными и одним вертикальным рядами кирпича, тычками наружу, — точно таким способом сложены столбы мечети Деггарон в селе Хазара.

Форма и размер кирпича, аналогичные кирпичу мечети («среднего мавзолея») в Узгене, позволяют датировать эту постройку 10 веком. На это время указывает и способ декоративной кладки, подобный кладке в мечети 9—10 вв. Но видеть в этой небольшой башнеобразной постройке минарет, как это делает автор публикации,

Башня в цитадели Ходжента. По Н. Негматову. Частичная реконструкция.

нет оснований: этому противоречат её скромные размеры, тонкие стены и отсутствие обязательного для минарета внутреннего устройства. Это, вероятно, была угловая башня городской усадьбы, исполнявшая не оборонную и тем более не культовую, а декоративную роль.

МИХРАБЫ

Для понимания особенностей ранней культовой архитектуры ислама в Средней Азии очень важны и её фрагменты, такие, как сохранившиеся михрабы давно исчезнувших мечетей. Известный по фотографии резной ганчевый михраб из раскопок на Афрасиабе, михрабы из сёл Искондар и Ашт — не только шедевры декоративного искусства, они важны и как явления архитектуры.

Ныне считается признанным, что предшественниками и источниками мусульманской молитвенной ниши в Средней Азии были как алтарные ниши христианских и иудейских храмов, так и местные культовые нишки, которые на Среднем Востоке были известны с глубокой древности. Небольшая глиняная ниша, оформленная аркой на двух колонках, украшенная лепниной и росписью, освещённая огнём священного очага, была распространена в архитектуре Средней Азии со времён античности и раннего средневековья¹. Её облик воспроизводил в миниатюре облик «тронного» айвана дворцовой и жилищной архитектуры этих эпох. Фасад «тронного» айвана — высокая арка, опирающаяся на угловые колонны и замкнутая прямоугольной рамой — стал общим источником для формообразования и небольших михрабов, и монументальных порталов². Вместе с тем специфика роли, какую играет молитвенная ниша в мечети, определила известную символику её архитектурных и пластических форм, их аллегорическую многозначность: михраб — это и реальная ниша в стене, и ориентир направления к религиозной святыне, и ворота в идеальный мир святости, и, как говорилось, концентрированный символ мечети. Не обладая канонической святостью христианского алтаря, михрабы древних среднеазиатских мечетей всё же обладали, видимо, некоторой традиционной святостью: при разрушении мечетей их — по крайней мере в некоторых случаях — старались сохранить. Этому обязаны своим существованием несколько случайно дошедших до нас михрабов 9—10 вв.

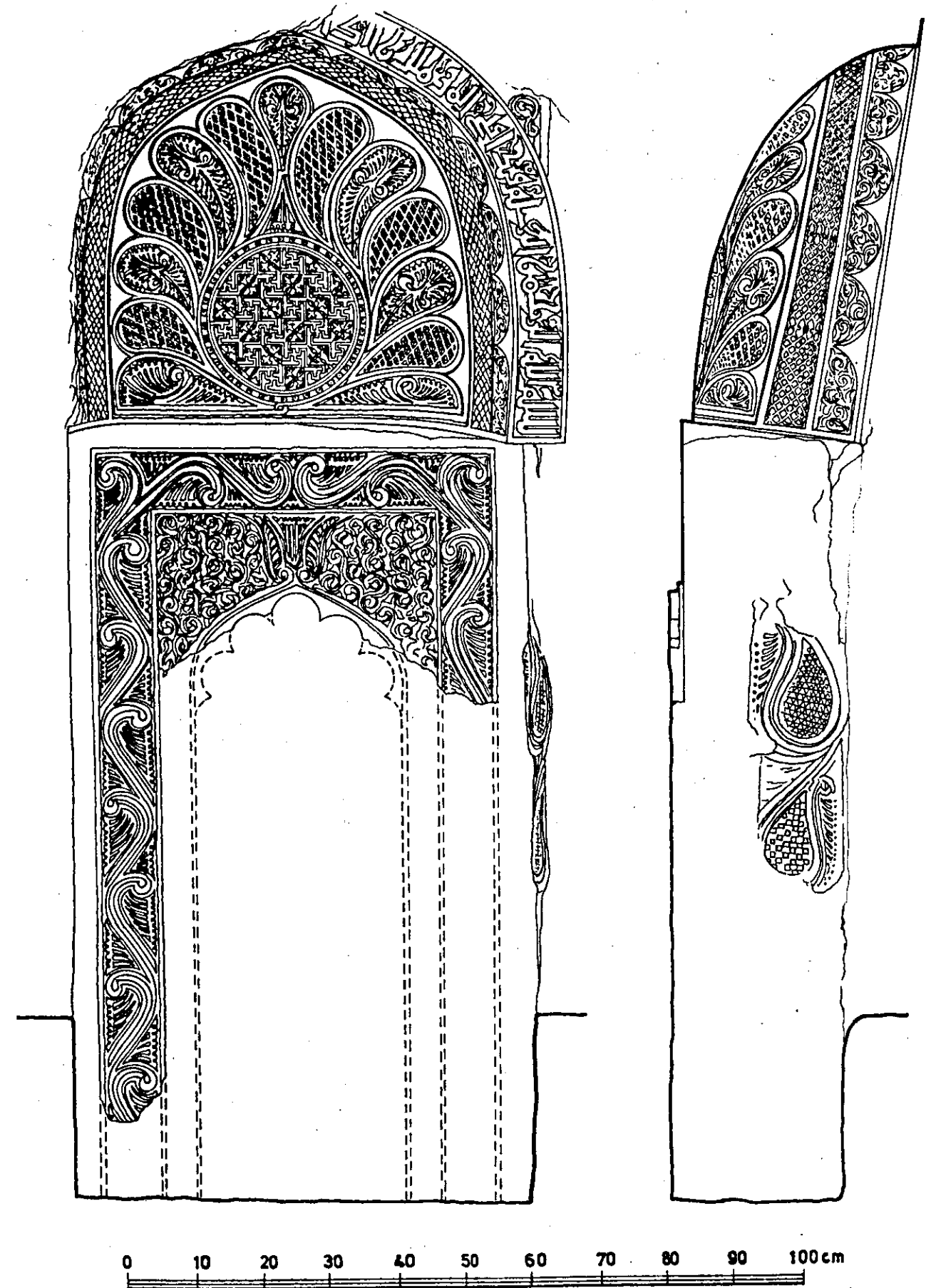
МИХРАБ В СЕЛЕ АШТ

Сохранившийся внутри позднего исламского святилища в горном селе северного Таджикиста-

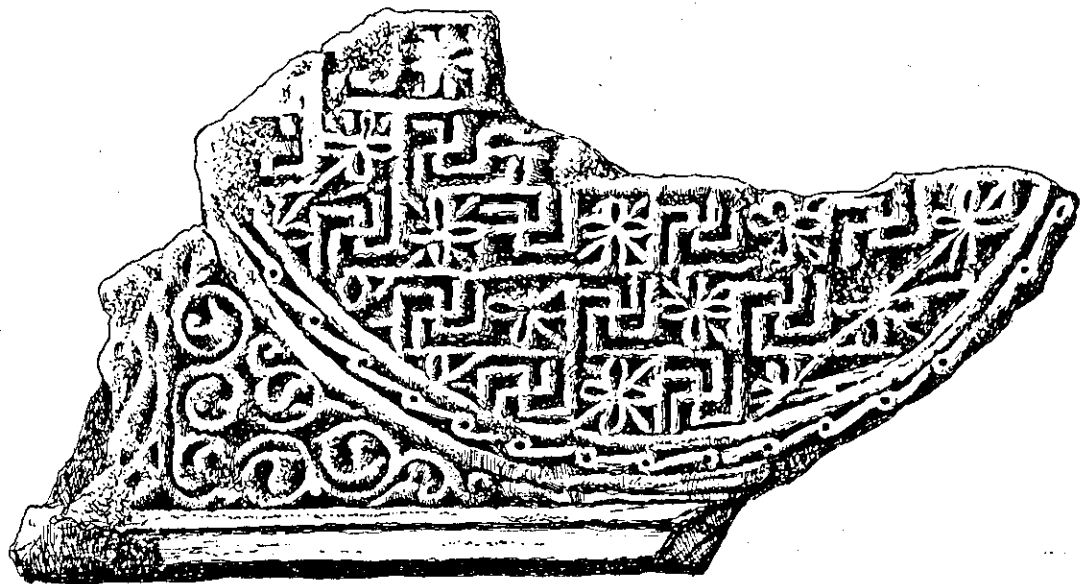
на, этот михраб выполнен из резной необожженной глины. Он представляет собой небольшую, прямоугольную в плане нишу (ширина около 70 см, глубина около 30 см), увенчанную стрельчатой аркой. Вогнутое заполнение этой арки, типа уплощённой конхи, нависает над внутренними углами ниши. Задняя стена ниши украшена второй арочной нишей в прямоугольном орнаментированном обрамлении, — это, собственно говоря, не ниша, а панно, так как её глубина не больше облицовочного слоя глины. Ныне от малой арки сохранилась лишь её стрельчатая вершина с остатками полукруглых фестонов, похожих на фестоны михраба Шир Кабир. Тимпаны малой арки заполнены плотным узором спиральных завитков, а резной «замок», похожий на изящный бокал, воспроизводит древний орнаментальный мотив «распахнутых крыльев», популярный в искусстве сасанидского Ирана. На правой боковой стенке ниши сохранилась часть её резного декора — две миндалевидные фигуры, соединённые волнистой линией и заполненные, как и промежутки между ними, мелкой орнаментальной резьбой. В центре вогнутого заполнения верхней арки расположен круглый медальон, окруженный цепочкой колечек-«перлов». Он заполнен чередующимися в шахматном порядке сдвоенными трилистниками и свастиками, образующими меандровый узор. Медальон обрамлён 13 миндалевидными лепестками, в резном заполнении.

Михраб в селе Ашт. Среднее панно.

Михраб в селе Ашт. Фасад и разрез.

Мазар Мавлоно Мухаммед Али. Деталь декора михраба (среднее панно).

которых чередуются два типа орнамента: геометрический, состоящий из мелких ромбов, и растительный, в виде стилизованных побегов. Это резное орнаментальное заполнение конхи общими контурами повторяет очертание арки. Оно заключено в двойное обрамление, расположенное по вогнутому краю конхи. Его внешняя полоса состоит из полукружий, обращённых выпуклой стороной наружу и заполненных спиральными завитками, — их количество и расположение точно соответствуют лепесткам, окружающим медальон. Внутренняя полоса украшена ажурной плетёнкой, состоящей из мелких выемчатых ромбов.

Можно полагать, что композиция михраба не была уникальной. Большой круглый медальон посреди венчающей нишу конхи украшает деревянный михраб из села Искодар (см. ниже), но заполнение этого медальона иное — вихревым абстрактным узором. Зато почти тождествен медальону Аштского михраба фрагмент большого, тоже вырезанного в необожженной глине медальона, найденный вместе с другими архитектурными деталями 9—10 вв. в мазаре Мавлоно Мухаммад Али (верховья Зеравшана). Его диаметр был 35 см (у михраба в Аште — 22 см), и он так же располагался в нижней части почти плоской, выгнутой по краям конхи. Разница, помимо размеров, сводится к иному обрамлению, и к тому, что вместо отогнутых лепестков этот медальон окружали (по крайней мере внизу) спиральные завитки стилизованных побегов. Поле круглого медальона расчерчено квадратной сеткой, которую, как в Аштском михрабе, заполняют свастики и чередующиеся с ними четырёхлепестковые розетки с диагональными крестами.

Архивольт верхней арки украшает надпись,

выполненная почерком куфи и содержащая начало 23 суры Корана: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Благоденствуют верующие, которые в молитве своей смиренны». Сохранилась правая половина надписи, сделанной чётким, почти не украшенным шрифтом.

Графический анализ верхней арки михраба выявил способ её геометрического построения. Он сводился к делению окружности, диаметр которой равен ширине арки, на 6 равных частей. Центром для боковых частей арки был центр окружности, а центрами для её заострённого верха служили две нижние точки на окружности, то есть начало и конец отрезка, равного $1/6$ её длины. В данном случае эти 2 точки определяют и основание, нижний край арки михраба³.

Михрабу в Аште посвящены две публикации — первая, основанная на не очень точной зарисовке⁴ и вторая, бывшая результатом натурных исследований⁵. Последние позволили установить редкую и странную особенность михраба — заполнение его арки вогнутой поверхностью, которая закрыла внутреннюю конструктивную поверхность арки — соффит. Заполнение арки плоской конхой (при прямоугольном плане ниши) практиковалось в исламской архитектуре 8—11 вв., — этот приём употреблён, например, в аркадах парадного двора Охейдира⁶ и михрабах мечетей 11—13 вв. в Наине, Абаркухе, Бистаме, Дамгане и Наиризе⁷. Но во всех этих случаях конструктивная внутренняя поверхность арки остаётся открытой. В Аштском михрабе она «спрятана» за поверхностью конхи, и это даёт ключ к пониманию её необычного декора. Полукружия у края конхи представляют собой графическое изображение фестонов, таких же, как фестоны нижней малой арки или фестоны михраба Шир Кабир. Следующая поло-

са — не что иное, как условное, тоже графическое изображение отсутствующего здесь соффита, который и в реальном варианте располагается сразу за бахромой фестонов: — аналогичным мотивом ромбообразной плетёнки украшены внутренние поверхности арок мавзолея Араб-ата (10 в.) и михраба мечети в Данданкане (начало 11 в.).

Наконец, многолепестковая фигура внутри арки михраба представляет собой, очевидно, плоское изображение объёмной раковины, подобной той, что венчает собой михраб 8 в. из мечети аль-Мансура в Багдаде и воспроизведена на резном изображении михраба 8 в. из мечети аль-Акса в Иерусалиме⁸. Генезис этой формы (в доисламском искусстве Средней Азии она запечатлена на «аниковском» блюде 7—8 вв.⁹) восходит к образам эллинистическо-римской архитектуры. Таким образом, трансформация объёмных форм в плоскостной узор и превращение их в некий архитектурный символ — выдержаны в оформлении Аштского михраба очень последовательно. Михраб сохранился не весь. Здесь, несомненно, была ещё одна наружная, самая большая арочная ниша, от которой остался маленький фрагмент резьбы справа от архивольта с надписью — след декора тимпана. Значит, общая композиция михраба была близка михрабу Шир Кабир и символизировала собой, как говорилось, идею мечети, — трёх ведущих к Богу ворот. Совокупность отмеченных параллелей, шрифт надписи и стилистическая перекличка с сасанидским резным шуком указывают на время создания михраба — 10—начало 11 в.

МИХРАБ В СЕЛЕ ИСКОДАР

Этот уникальный архитектурный фрагмент был найден в горном селении, в верховьях реки Зеравшан¹⁰. Позже михраб был разобран, перевезен в музей Душанбе и здесь снова собран, причём были потеряны резные цокольные доски и перепутаны детали широкой полосы обрамления ниши.

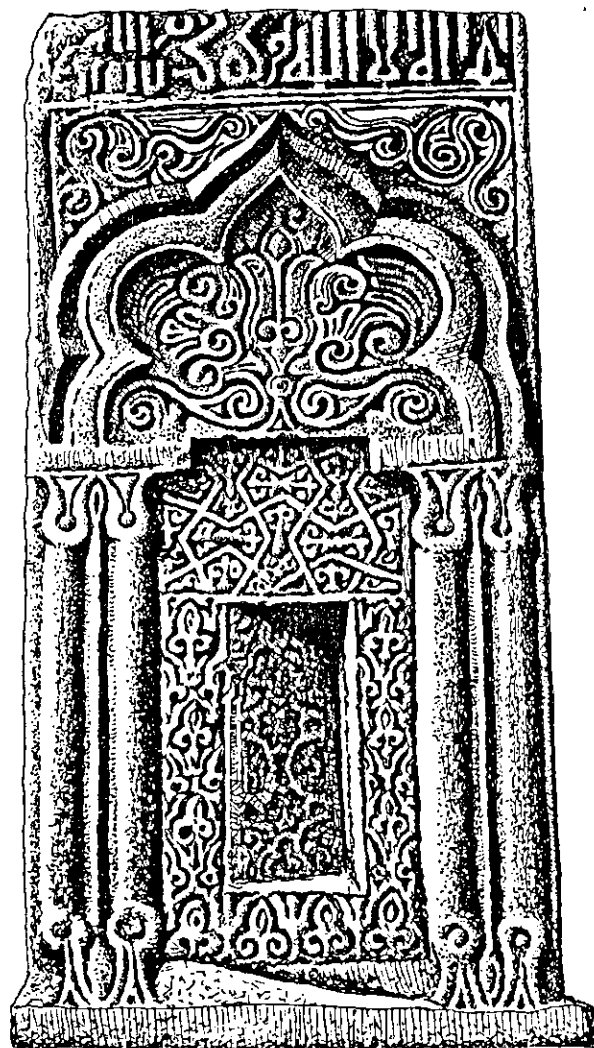
Михраб сделан из дерева (берёза) и состоит из множества частей, скреплённых между собой врубками, без гвоздей или клея. Это рельефное, обильно украшенное прекрасной резьбой панно размерами 327×180 см, состоящее из трёх основных частей: небольшой арочной ниши, квадратного панно над ней и широкого обрамления, охватывающего их с трёх сторон. Прямоугольная в плане ниша, шириной 63 и глубиной 25 см, перекрыта, как и в Аште, сплюснутой конхой. Её середина, как и в Аште, украшена круглым диском-медальоном, который заполнен фигурой шестилепестковой «вертушки». В обоих случаях мы имеем, вероятно, дело с древним солярным символом.

Арка (на этот раз с узким соффитом) имеет необыкновенное очертание: в форме лежащего полуовала, с вертикально опущенными боковыми частями она выглядит подковообразной. Так

же необычен архивольт, выступающий из поля тимпанов: он не повторяет очертание арки, но имеет отчётливо килевидную форму. Соффит арки украшен бахромой сквозных полукруглых фестонов с трилистниками на концах.

Если оформление арки фестонами находит редкие аналогии в архитектуре Средней Азии этого времени (мечеть Деггарон, Шир Кабир, условные фестоны михраба в Аште), то сама её форма — с округлым внутренним и килевидным наружным контуром — характерна для храмовой архитектуры Индии (фасады пещерных храмов Аджанты), где она, видимо, имела конструктивный деревянный прототип. В индийских образцах есть и рудимент фестонов, роль которых играют торцы продольных «балок» каркасного свода¹¹.

Арка опирается на миниатюрные колонны, имеющие форму больших колонн: базы в виде квадратного основания, скоции и венчающей плиты с горизонтальными прорезями повторяют

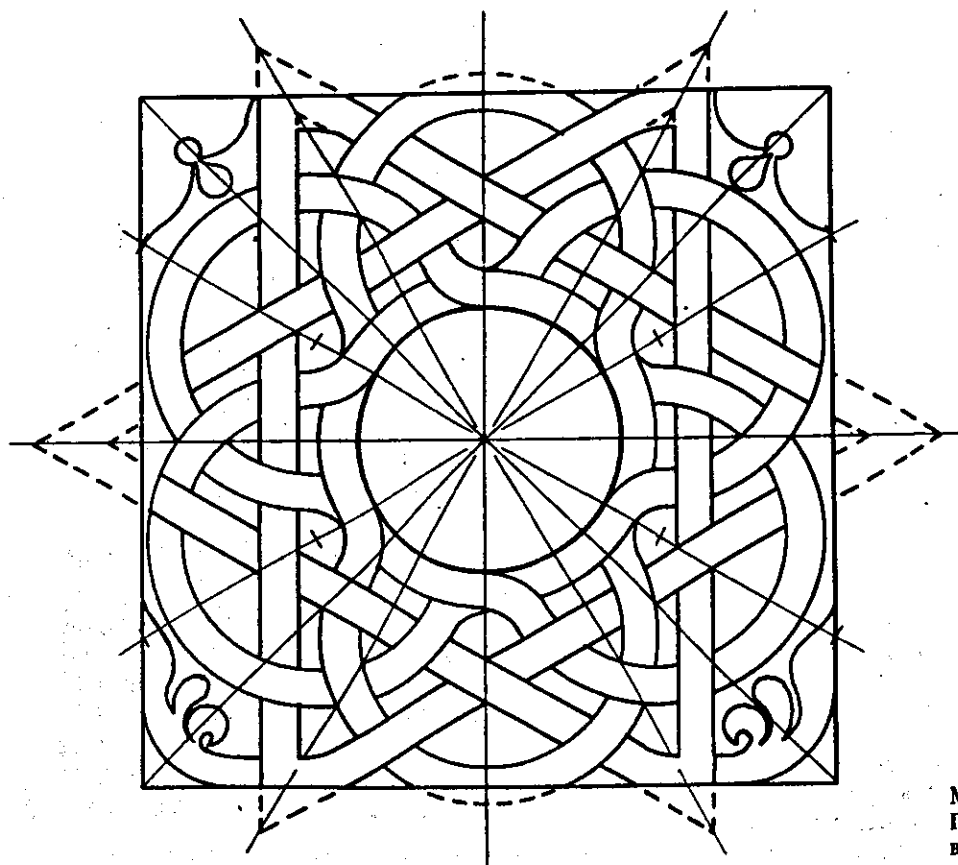
Мраморный михраб 9—10 вв. в музее Багдада.

тип, распространённый в предисламскую эпоху¹². База завершается полушарием, на которое опирается ствол колонны, слегка сужающийся кверху, с шарообразным основанием — «кузаги». От ствола на «кузаги» опускаются остроконечные бахромчатые листья. Ствол разделён поясом пополам, каждая половина украшена мотивом геометрической плетёнки со свастиками, но трактованным по-разному. Высокая капитель, отделённая от ствола валиком, относится к типу конических, расширяющихся кверху, также характерных для доисламской архитектуры. В данном же случае капители — почти цилиндрические, с небольшим коническим сужением у основания. На капителях лежат консоли-импосты, на которые опирается арка. Одна пара консолей выступает из плоскости фасада вперед; другая, несколько иной формы, лежит в плоскости фасада, под прямым углом к предыдущей. Эти консоли обращены «лицом» одна к другой.

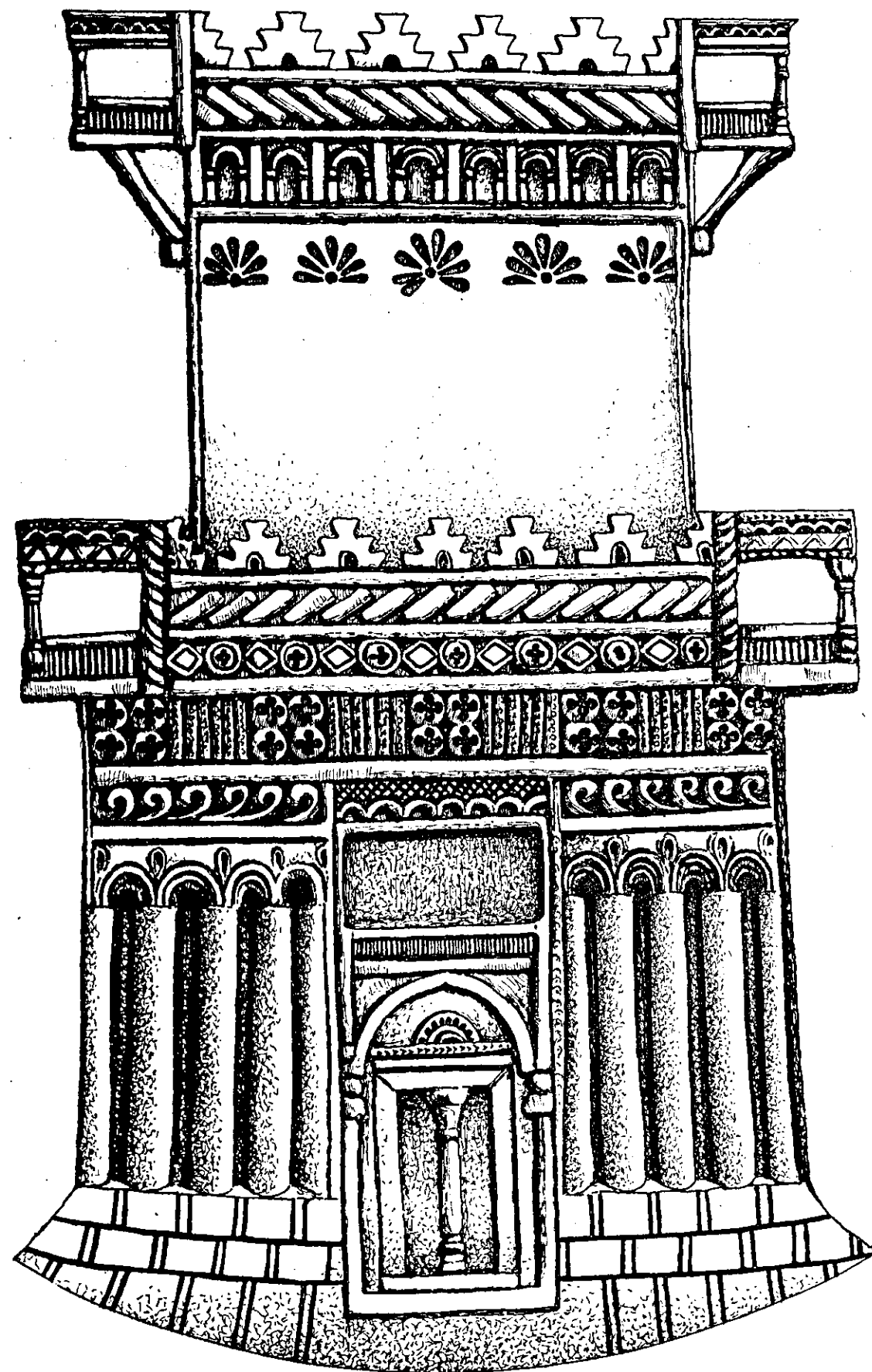
В сложной скульптурной форме этих консолей усматривается сильно трансформированный образ волutoобразных консолей эллинистическо-римской архитектуры, по-новому и, вероятно, символически осмысленный. Консоли этого типа известны на бактрийском юге Средней Азии (нынешний Таджикистан), все они датируются временем не позже II в. Однако во всех других случаях, которые мы рассмотрим, такие консоли принимают на себя тяжесть лежащих на них балок, тогда как короткие консоли Искондарско-

го михраба ничем не нагружены и откровенно декоративны.

Ещё одна уникальная особенность ниши михраба — устройство её задней стены: она состоит из «П»-образного обрамления и вставленной в него вертикальной резной доски, которая естественно воспринимается как закрытая дверь. Её можно было бы рассматривать как условно изображённую внутреннюю нишу михраба, если бы были известны такие ниши не арочной, а прямоугольной формы, — их, однако, нет. Между тем существует единственный, насколько я знаю, михраб 9—10 вв., задняя стена которого оформлена изображением полуоткрытой двери, — это мраморный михраб Багдадского музея, плоская ниша которого, кстати, перекрыта фестончатой аркой¹³. Любопытно, что и орнамент обрамления «дверей» в обоих случаях имеет принципиальное сходство. Полуоткрытую «дверь» багдадского михраба трудно объяснить иначе, чем подражанием известному типу римских саркофагов с изображением сходно трактованного входа в загробный мир. Эта чуждая исламу идея была здесь, видимо, духовно переосмыслена как проход к Каабе или вообще в потусторонний мир, что отвечает символике михраба. Может быть, поэтому «дверь» багдадского михраба украшена миниатюрным изображением арочного панно, то есть внутренней михрабной ниши, соединив в себе — не очень органично — мистическую символику античности и ис-

Михраб в селе Искондар.
Геометрическое построение
верхнего квадратного панно.

Изображение замка на «аниковском» блюде.

лама. Отзвук этого симбиоза демонстрирует михраб из Искодара.

Прямо над его нишей расположено большое квадратное панно со сторонами, равными ширине арки вместе с архивольтом. Ниша с панно образуют вертикально-прямоугольный центр михрабной композиции, окруженный широкой четырёхслойной рамой. Круглый медальон в центре панно был позже закрыт грубым гипсовым налепом с полушарием в центре и, возможно, не сохранился. Окружающий этот центр орнамент состоит из переплетающихся рельефных, профилированных лент и образует усечённую шестиконечную звезду в сочетании с шестилепестковой розеткой. Отогнутые нижние острия звезды заканчиваются в углах листьями, похожими на завершение вертикальных букв в «цветущем» куфи, верхние углы заполнены криволинейными фигурами с выемкой и петлёй посередине. Заглублённый фон оставлен гладким. Хотя принцип построения орнамента с помощью сложно переплетающихся лент свойствен искусству Среднего Востока, в данном случае он производит необычное, не совсем «среднеазиатское» впечатление и, пожалуй, чем-то схож с орнаментальным стилем раннесредневековой Ирландии.

Сочетание арочной ниши с лежащим над ней квадратным панно той же ширины имеет своим источником гражданскую (жиую) архитектуру, в которой этот приём функционально оправдан: расположение по вертикали высокого нижнего проёма (окна или двери) и верхнего квадратного (или горизонтального) окна, способствующее лучшей вентиляции помещения, сохранилось в народной архитектуре Средней Азии до нашего времени¹⁴. О его древности свидетельствует изображение на доисламском «аниковском» блюде¹⁵. Причём в этой системе «двусветности» в её массовом, народном варианте квадратное или прямоугольное окно «верхнего света» обычно закрывалось фигурной решеткой, сделанной из ганча или дерева — «панджара»¹⁶. Я думаю, что орнаментальный декор квадратного панно воспроизводит древний образец именно такой решетки, реальные образцы которой до нас не дошли. Этим, вероятно, объясняются его особенности, которые вызвали замечание, что декор панно контрастирует с остальным декором михраба своей «грубостью», и необоснованное предположение (позже повторенное), что квадрат над нишей был вставлен много позже и заменил собой первоначальное заполнение¹⁷.

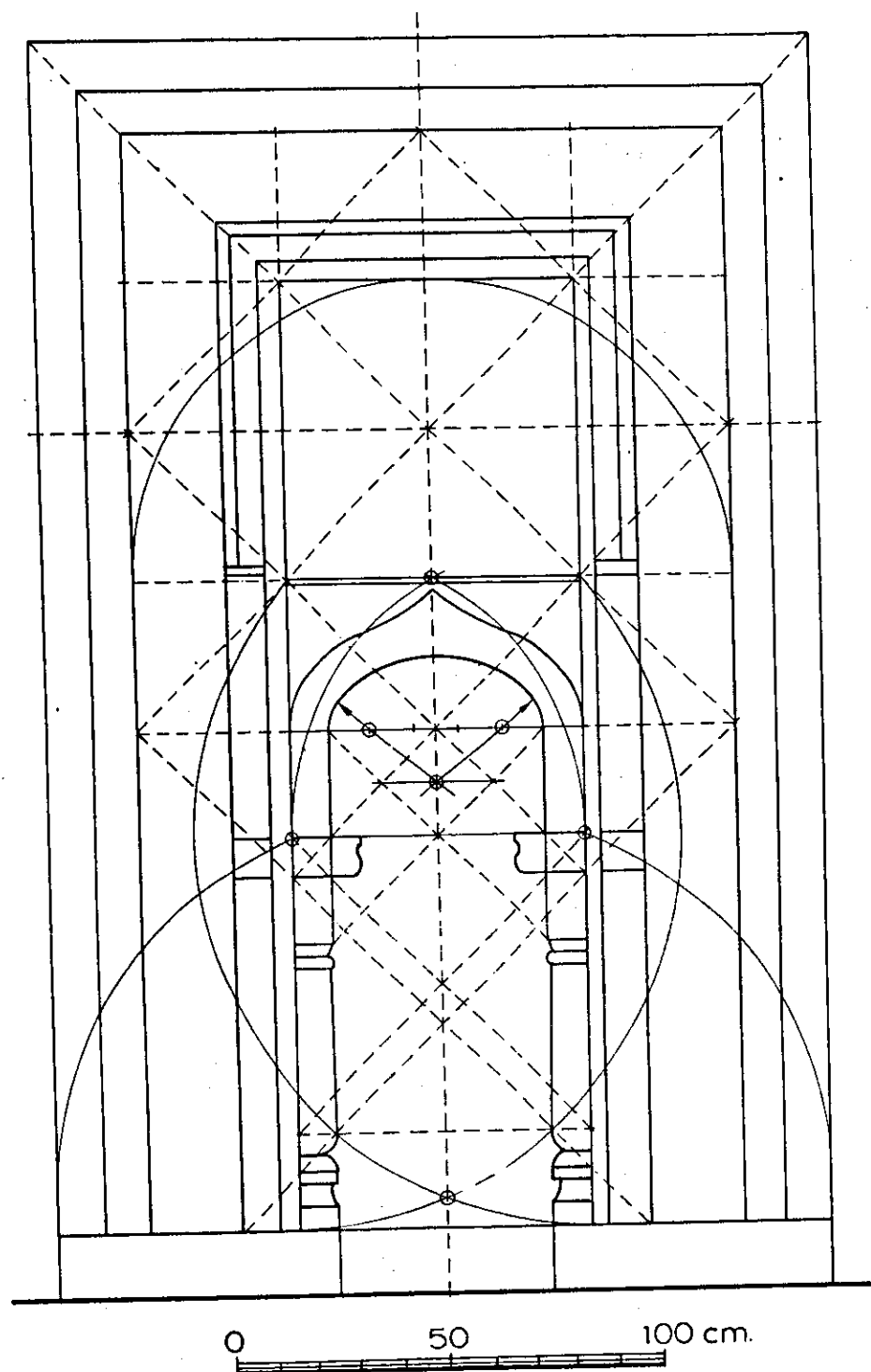
Прямоугольник, образованный нишей и квадратным панно, обегает тонкий резной бордюр. Далее следует внутренняя рама, состоящая из трёх частей, чередующихся по вертикали. Нижние части — прямоугольные бруски-пилястры, верх которых совпадает с верхом колонн ниши. Их странная особенность заключается в том, что левая пилястра заметно уже правой. Соответственно различен и их рельефный декор: слева это вертикальная цепочка свастики и связ-

вающих их ломаных лент, справа — тоже свастики, но меньших размеров и по две в каждом горизонтальном ряду, причём свастики, расположенные нормально краям пилястры, и стоящие диагонально, чередуются в шахматном порядке. Любопытно, что орнамент левой пилястры идентичен декору нижней половины колонн, а орнамент правой пилястры — декору их верхней половины.

Пилястры увенчаны консолями того же типа (но несколько иной формы), что и консоли под аркой. Их одинаковая высота, равная высоте верхнего обрамления «двери», подчёркивает горизонтальное основание арки, продолженное и на внутреннюю раму. На консоли опираются два выступающих вперед вертикальных бруса, верх которых совпадает с нижней границей квадратного панно, — они, таким образом, обрамляют с обеих сторон арку михраба. Эти брусья — самая необыкновенная, не имеющая аналогий часть михраба: они обработаны сквозной резьбой и представляют собой сложное сочетание объёмных, скульптурных элементов криволинейной формы, в которых угадываются стилизованные растительные мотивы. В принципе они аналогичны образцам современной абстрактной пластики. Будучи продолжением нижних пилястров, они равны последним по ширине, то есть правый брус шире, чем левый. Комбинации составляющих их пластических элементов принципиально схожи (парные элементы сплетены между собой и перетекают один в другой), но различны в деталях. Это удивительное обрамление михрабной арки — единственная деталь композиции, чья пластическая структура воспринимается не только спереди, но и сбоку.

Верхняя часть внутренней рамы, с трёх сторон охватывающая квадратное панно, состоит из двух частей: наружной, состоящей из двойной переплетающейся ленты с круглыми узлами, и внутреннего «четвертного» вала (четверть окружности в сечении), в резьбе которого легко распознаётся орнаментально трактованный мотив римского декоративного искусства — лавровая гирлянда. Верность этой атрибуции подтверждается и выпуклой формой обрамления, и характерной для классических лавровых гирлянд ленточной перевязью сверху посередине.

К этому внутреннему трёхчастному обрамлению примыкает снаружи широкая прямоугольная лента с цепочкой квадратных, резных, диагонально расположенных медальонов. Они вставлены в профилированные рамы, треугольные промежутки между которыми украшены резьбой. Первоначально в вертикальных отрезках рамы располагалось 16,5 квадратов с половинками внизу, а в горизонтальном отрезке 9, но при монтаже в музее они были перепутаны. Далее следует лента обрамления, заполненная коранической надписью. Она выполнена почерком куфи и, судя по начертанию букв, датируется концом 9 в.¹⁸ Наконец, наружная рама представляет собой выпуклый бордюр, в резьбе которого

Михраб в селе Искодар. Геометрический анализ.

повторяется — но в ещё более стилизованно-графической манере — мотив римской лавровой гирлянды, включая ленту-перевязь в её верхней части посередине.

Некоторые детали Искодарского михраба (форма колонн, лавровые гирлянды) находят близкие аналогии в доисламском искусстве Средней Азии, а ряд орнаментальных мотивов — кроме того в резном алебастровом декоре саса-

нидского Ирана и аббасидской Самарры. Нависающая над внутренними углами ниши конха и круглый медальон в её центре, свастика как употребительный орнаментальный мотив характерны и для михраба в Аште. Что касается условного квадратного «окна» над нишей, то этот приём, впервые встреченный в Искодарском михрабе, будет продолжен в архитектонике среднеазиатских михрабов 16 — 17 вв. — в ме-

чети Балянд и ханака Файзабад в Бухаре, Ак-мечети в Хиве, Ходжа Абди Дарун в Самарканде и др.

Композиция михраба основана на продуманной системе пропорций и геометрических построений. Основной метрической единицей здесь служит ширина ниши вместе с колоннами и архивольтом, равная стороне квадратного панно — 71 см. Половина этого размера, отложенная вниз от основания квадрата, определяет реальное основание (базис) арки, а деление его на 7 равных частей — ширину архивольта и боковые центры построения арочной кривой. 2 квадрата со стороной, равной половине пролёта арки, определяют основание конхи и архивольта, а также средний центр арочной кривой, лежащий на уровне центров этих квадратов. Построение вокруг квадратного панно большего квадрата со стороной, равной диагонали панно (отношения «гармонического ряда») определяет размеры михраба в пределах широкой полосы обрамления. Общая ширина михраба находится отложением диагонали прямоугольника, в который вписана арка с архивольтом (его пропорции $1:1-\frac{\sqrt{3}}{2}$, т. е. в него вписывается равносторонний треугольник) от вертикальной оси. Прочие закономерности компоновки, которыми связаны едва ли не все элементы архитектуры михраба, видны на прилагаемой схеме.

Невозможно представить себе мечеть, для которой был сделан этот великолепный михраб, и трудно поверить, что он предназначался для мечети маленького, далёкого от городов селения. Высказывалось предположение, что михраб предназначался для одной из мечетей Самарканда и лишь позже был перенесен в Искондар, на 150 км восточнее, вверх по реке Зеравшан. Это, однако, нельзя доказать. Кроме того, в верховьях Зеравшана было найдено несколько деревянных резных колонн, несомненно очень древних и высокого художественного качества, — вероятное свидетельство того, что в этих местах были свои давние традиции художественной обработки дерева. Независимо от этого Искондарский михраб, датируемый 9 — началом 10 вв. остаётся не только одним из старейших михрабов Средней Азии и замечательным произведением искусства, но и обломком исчезнувшей деревянной архитектуры раннеисламской эпохи, о которой с восторгом и удивлением писали арабские путешественники того времени.

МИХРАБ ДВОРЦА НА АФРАСИАБЕ

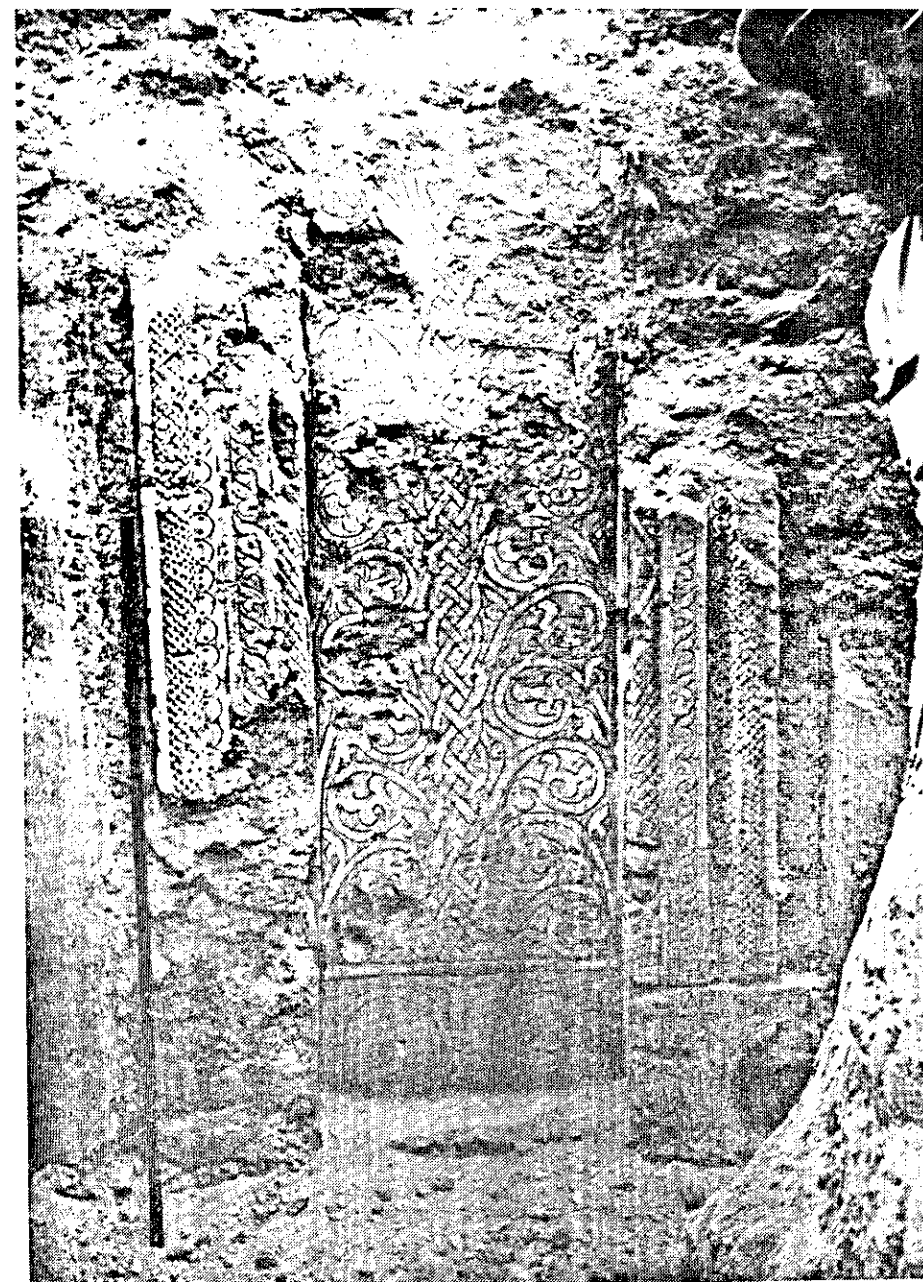
В 1925 г. на Афрасиабе велись раскопки большого здания, признанного за дворец династии Саманидов. Среди прочих помещений археолог В. Вяткин раскопал комнату с остатками ниши, украшенной резьбой по ганчу и принятой за михраб домашней мечети. Ниша не сохранилась и известна только по фотографиям. Она упоми-

нается, хотя и достаточно бегло, в научной литературе¹⁹.

Размеры ниши неизвестны. Судя по фотографиям, её ширина составляла не более 50 — 60 см. Маленький фрагмент верхушки узора, украшавшего заднюю стену ниши, позволяет приблизительно рассчитать, что её ширина укладывалась 3,5 раза в её высоту, — пропорции ниши, таким образом, были стройными. Невысокий цоколь в основании стены был (по крайней мере по сторонам ниши) оформлен неглубокими нишками эллиптической формы с плоской орнаментальной резьбой тимпанов; внутри ниши на цоколе изображены две циркульные арочки с каплеобразным мотивом посередине и раздвоенным побегом между ними. Весь орнаментальный декор михраба, кроме наружного выпуклого обрамления, выполнен плоской резьбой, иначе говоря — узор вырезан на тонком слое ганчевой штукатурки, которая покрывает стену, возведенную из слоёв необожжённой глины — «пахсы».

Всю заднюю стену михрабной ниши покрывает сложный растительный узор, изображающий священное «дерево жизни» или «космическое дерево» — древний образ источника божественных мистических знаний, присутствующий в легендах едва ли не всех народов мира. От ствола, сплетенного из четырёх лент, отходят в обе стороны симметричные стебли с раздваивающимися лепестками; такие же спирально закрученные стебли, обращённые им навстречу от краёв ниши, заполняют промежутки между ними. Ряд спиральных завитков с отогнутыми лепестками на конце украшал боковые стенки неглубокой ниши. На её углах стояли две тонкие колонки с шаром «кузаги» внизу, их круглые стволы были покрыты диагональными прорезами, образующими ромбическую сетку. Плохо сохранившиеся базы состояли из кубического основания и, как будто, традиционных для баз этого времени частей — усеченной пирамиды, венчающего её прямоугольного выступа и полушара, соединённого с шаром «кузаги», — набор элементов, знакомый нам по колонкам Искондарского михраба. На эти колонки должна была зрительно опираться несохранившаяся арка михраба²⁰.

Прямоугольное обрамление ниши состояло из внутренней части с непрерывной цепочкой лепестков, заглублённого бордюра из мелких полукруглых фестонов с двумя точечными углублениями в каждом, и выпуклой, округлой в сечении наружной рамы, которая была покрыта мелкими, глубоко врезанными, рельефными чешуйками, тоже расположенными по диагональной сетке. Последняя часть — очень близкая аналогия соответствующей части Искондарского михраба, аналогичная и формой, и мотивом декора, — здесь снова представлен образ античной лавровой гирлянды, заимствованный из римского архитектурного декора и очень популярный в доисламском искусстве Средней Азии.

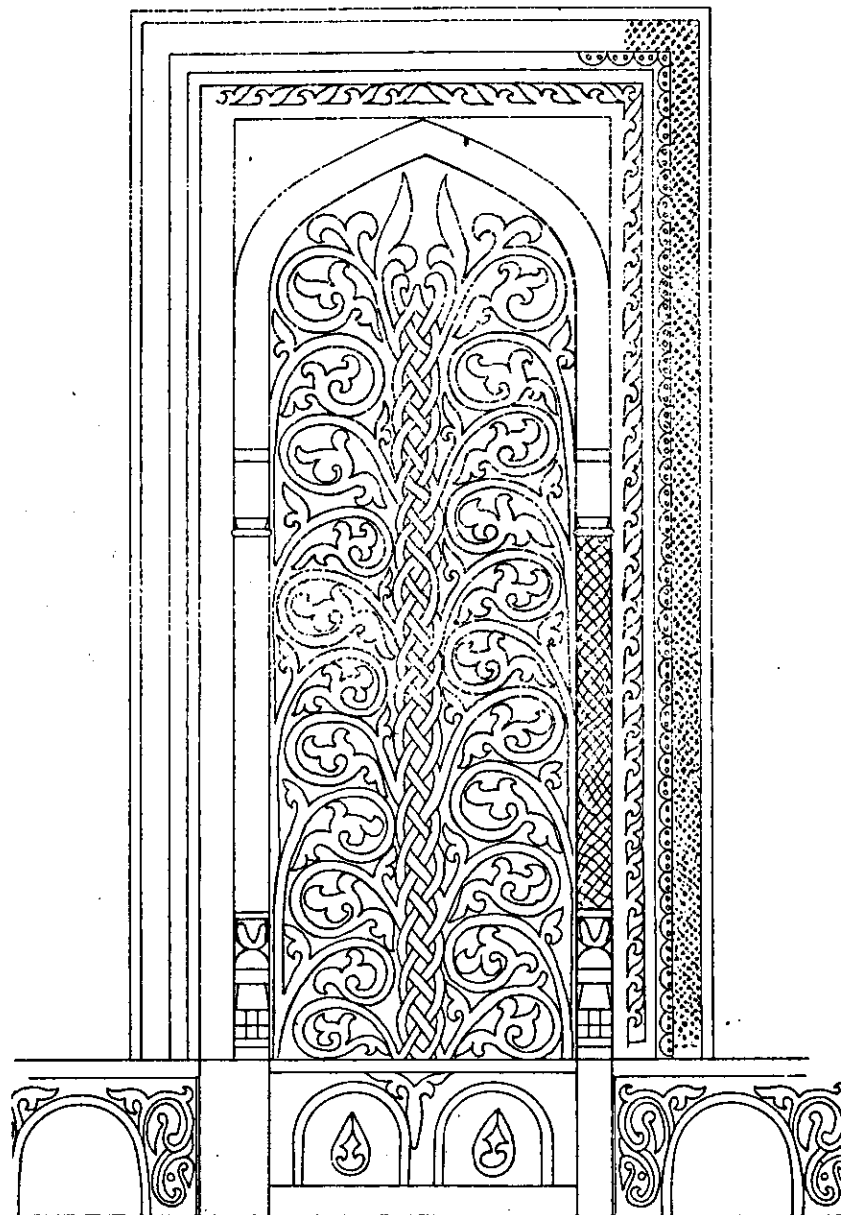
Ниша (михраб?)
из дворца на Афрасиабе.
Состояние после раскопок.

В данном случае пластическая трактовка этого мотива делает его неожиданно близким прототипу. Тот же, по-видимому, мотив на угловых колонках трактован совершенно иначе, в графической и примитивной манере.

Предлагаемая здесь реконструкция михраба основана на анализе его фотографических изображений. На основании археологических данных он твёрдо датируется 9 веком.

Между тем остаётся важный и всё ещё нерешённый вопрос: действительно ли раскопанная в 1925 г. ниша была остатками михраба? Это сомнение меньше всего основывается на языческой символике «древа жизни», которое стало главной темой декоративного оформления ниши: элементы доисламской религиозной символики

постоянно встречаются в раннеисламском искусстве Средней Азии, точно так же, как клишированные языческие образы пропитывают собой раннехристианское искусство Европы. Странно то, что ниша была расположена не на оси помещения, а рядом с одним из его углов, и что справа от неё заметны следы ещё одной, может быть, такой же ниши. Предположение Л. Ремпелья, что здесь имелось два или три михраба, маловероятно: несколько михрабов в одной стене устраивались только в больших пятничных мечетях (например, в мечети Ибн Тулуна), где собирались тысячи молящихся. Но «комната с михрабом» (так в литературе) была, видимо, небольшим помещением, и причины для устройства нескольких михрабов здесь не было.

Ниша (михраб?) из дворца на Афрасиабе. Реконструкция.

Не исключена вероятность того, что «михраб» Афрасиаба — остаток внутренней декорации жилого или приёмного помещения, которая состояла из арочной аркады вдоль одной или нескольких стен. Этот популярный приём ритмичного украшения стен дожил в гражданской архитектуре Средней Азии до недавнего времени²¹.

Метод экстраполяции в истории искусства рискован и не приводит к бесспорному решению,

хотя мотив глухой стеновой аркады в архитектуре Среднего Востока — традиционный и древний. С другой стороны, в нише Афрасиаба усматриваются такие детали, которые свойственны только михрабам и порталам-«пештакам», а не обычным стеновым аркадам: угловые «трёхчетвертные» колонки с базами и многослойное обрамление, вероятно прямоугольной формы. Эта маленькая проблема едва ли будет когда-нибудь решена.

МЕМОРИАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Классический ранний ислам был религией строгого монотеизма: между Богом и людьми нет посредников-святых, и сам основатель ислама — не святой, а лишь человек, удостоенный быть транслятором Его воли. Поэтому с самого начала ислам с подозрением относился к увековечению, прославлению памяти умершего, видя в этом подобие греховного обожествления человека. Предельно простой обряд погребения в раннем исламе демонстративно противостоял практике христианства с его пышными погребальными обрядами и культом святых, то есть, с точки зрения ислама — культом мертвых. Всё же неприятие исламом идеи, заложенной в монументальном надгробном здании, которое увековечивает память о человеке, было неприятием не христианской, а античной, «языческой» традиции. Арабы-мусульмане встретились с надгробными постройками римлян в захваченных ими бывших римских провинциях — Сирии, Египте и Северной Африке. Эти пышные здания должны были воплощать для них ненавистный им политеизм в его самом худшем виде — в виде обожествления людей.

Вероятно, поэтому даже сама идея монументального надгробного здания — памятника погребённому в нем человеку — была чужда ранней исламской архитектуре. Ибо где прославление, там и поклонение, а поклоняться можно лишь Богу. Но в 9 в. безмерная власть и богатство аббасидских халифов расшатали завещанный Мухаммедом аскетизм, и в 862 г. над могилой халифа аль-Мутансира было воздвигнуто первое надгробное здание ислама — мавзолей Кубба ас-Сулабийя. Примерно через 50 лет правители Средней Азии, Саманиды, построили в своей столице Бухаре собственный династический мавзолей, и как будто не один.

Так был нарушен запрет, и архитектура ислама обогатилась зданиями нового назначения и типа. Первые мавзолеи в странах ислама строились как надгробные памятники иместилище праха правителей, то есть светских, а не духовных лиц, и уже поэтому не были культовыми зданиями, подобными мечетям¹.

Применительно к этим зданиям греческое слово «мавзолей», конечно, не употреблялось. В Средней Азии, Иране и Афганистане надгробные постройки именуются иранским словом «гумбаз» — купол, чему в арабских странах соот-

ветствует слово «кубба». Общая распространённость этих терминов показывает, что обязательной частью всех исламских мавзолеев, независимо от их типа и места постройки, был купол. Действительно, куполами перекрывались даже совсем маленькие мавзолеи, которые можно было перекрыть проще и дешевле. Иногда это объясняется символикой, якобы свойственной погребальной обрядности ислама: купол символизирует небо, куда переселяется душа умершего. Это сомнительно, так как в архитектуре ислама купола употреблялись очень широко, в том числе и в зданиях такого назначения, которое исключает их символическое осмысление. Обязательность куполов в погребальной архитектуре ислама объясняется, скорее, её «предками» — с одной стороны позднеантичными мавзолеями, с другой — иранскими храмами огня «аташкедами» и, может быть, надгробными постройками зороастризма. Купол был характерным элементом этих зданий, осмысление же полусферического купола как двойника небесного свода должно было прийти позже.

Кроме халифов и местных правителей, мавзолеев в раннеисламское время удостоивались и первые мусульмане, сподвижники Мухаммеда, павшие или умершие на завоеванных землях. Но и эти памятники «мученикам за веру» не были, по крайней мере тогда, объектами религиозного поклонения. Мавзолеем на юге Средней Азии, датируемый 9 в., носит имя Ходжа Машад (или Ходжа Машхад), — традиция связывает это здание с неким благочестивым ходжой из Мешхеда, а не с каким-либо светским правителем. Другой мавзолей в Узбекистане, с датой 978 г. на фасаде, зовётся Араб-ата, то есть отец арабов. Здесь, вероятно, покоится один из арабских воинов «газиев», борцов за веру и одновременно проповедников ислама.

В 11 в. в странах ислама получил распространение суфизм — мистическое учение, сперва считавшееся еретическим, но потом официально признанное. Популярность этого чувственно-аскетического учения породила надгробные здания над могилами известных духовных учителей, благочестивых суфийских мудрецов-аскетов. Почитание святых могил стало отныне характерным сперва для Ирана и Средней Азии, потом для всего исламского мира. Эти усыпальницы, в отличие от «светских» мавзолеев, полу-

чили название «мазар» — место, объект поклонения.

Распространение «мазаров» — могил, ставших местом религиозного поклонения — означало победу народных верований над несколько абстрактным монотеизмом официального ислама. Простые люди нуждались в вещественном воплощении религиозных идей, в святых посредниках между ними и Богом. И они получили их, даже в гораздо большем количестве, чем христиане, так как процесс возникновения «святых» в исламе, сам по себе догматически незаконный, никогда не контролировался и не ограничивался.

И всё же превращение могилы в объект поклонения, то есть совершение на ней религиозных церемоний, чтение Корана и молитв — оставалось под строгим запретом. В духовном законодательстве ислама этот запрет выражен в форме, не допускающей толкований: запрещено совершать зиорат (исламскую молитвенную церемонию) в помещении, где находится погребение, могила человека. Таким, конечно, мог быть только надгробный мавзолей.

Впоследствии архитектура ислама разрешила это затруднение, создав тип двухкамерного мавзолея: соединение собственно мавзолея («гур-хана» по среднеазиатско-таджикской терминологии) и поминальной мечети «зиорат-хана», обычно более крупной и лежащей на той же оси. Как и всякая мечеть, зиорат-хана имела молитвенную нишу, и этим отличалась от гур-ханы, в которой михраба, естественно, не было. Это, однако, произошло позже, за пределами рассматриваемой эпохи.

Несмотря на повсеместный запрет молиться на могиле, многие мавзолеи в западных странах ислама (например, в Египте) имеют михрабы. Это непостижимое противоречие вызвало разные, не всегда убедительные попытки объяснения. В Каире, в мавзолее султана Кала'уна, мне, например, разъяснили, что михраб мавзолея рассчитан на воскресение мертвых: восставший из гроба покойник увидит перед собой михраб и тут же станет на благодарственную молитву.

В Средней Азии этой проблемы не было, так как среднеазиатские мавзолеи ни в 9 — 11 вв., ни позже не оборудовались молитвенными нишами. Поэтому встречающееся иногда в советской литературе выражение «мавзолей-мечеть» неверно: зданий с таким двойным назначением здесь нет, — разумеется, за исключением двухкамерных мавзолеев и более сложных погребально-культовых комплексов.

Бывали, как говорилось, случаи, когда брошенная, переставшая функционировать мечеть использовалась как место погребения. При этом она, конечно, сохраняла свое устройство, в том числе и михраб, хотя в такой бывшей мечети больше не молились. Бывали и случаи, когда тесная гур-хана двухкамерного мавзолея не вмещала новых погребений, и они заполняли собой соседнюю зиорат-хану, которая благодаря этому переставала функционировать как мечеть. Такое изменение функций привело некоторых

исследователей к ошибочному представлению о строительстве в Средней Азии «мавзолеев-мечетей». Стоит при этом отметить, что обратной трансформации — мавзолея в мечеть — в Средней Азии никогда не было.

Распространение исламских мавзолеев означало компромисс между религиозной догмой и местными народными верованиями. В них воплотились и преклонение перед духовными авторитетами, высокими моральными качествами и стойкостью веры, и тщеславие правителей, желающих увековечить своё имя, род и династию. Граница между этими двумя мотивами, вначале чёткая, со временем теряла отчётливость: линии пересекались, сливались, порождали гибридов. Нерелигиозное, светское происхождение исламских мавзолеев сейчас забыто всеми, кроме, может быть, историков религии и архитектуры.

Типологически ранние исламские мавзолеи Средней Азии составляют две группы: центрические и порталные. У центрических мавзолеев все фасады одинаковы и 4 входа, по одному с каждой стороны, или два входа, лежащих на общей оси. Такая форма предполагает соответствующее окружение здания, возможность подхода к нему со всех или с двух сторон, а это в условиях тесной городской застройки означает особую, выдающуюся роль в ней погребального купольного зала.

Портальные (или однопортальные) мавзолеи отличаются тем, что у них выделен главный, входной фасад, имеющий форму высокой арочной ниши в прямоугольной раме. Такой портал-«пештак» (по-персидски «передняя арка») или выше самого здания, или выступает из фасадной стены, или соединяет в себе оба эти качества. При этом у мавзолея могут быть и другие входы, но композиционный акцент (размеры, декор) сосредоточен на главном входе-пештаке. Архитектурно-природное окружение таких зданий предполагает подход к ним с одной определённой стороны.

Все ранние мавзолеи Средней Азии, независимо от типа, заключают в себе одно квадратное помещение с куполом, опирающимся на октагон тропового яруса. В отличие от мечетей, обычно (но, как мы видели, далеко не всегда) ориентированных на кыблу, то есть на ЮЗ, они ориентированы по странам света, — это, кстати, ещё одна возможность отличить «настоящий» мавзолей от мечети, со временем превратившейся в место погребения, несмотря на их типологическое сходство.

Самые древние мавзолеи Средней Азии — центрические. Это вызвало предположение, что порталные мавзолеи представляют собой следствие эволюции центрических: постепенно выделяется один из фасадов — растёт в высоту, богато украшается и оформляется как «пештак», прочие же фасады превращаются в простые наружные стены². Открытие мавзолея Араб-ата, порталного мавзолея вполне сложившегося ти-

Изображение многокупольного здания на блюде Музея исламского искусства в Берлине.

па, опровергло эту теорию. Очевидно, что купольные здания обоих типов существовали и развивались параллельно с древних времен, и выбор того или иного типа определялся прежде всего общим композиционным замыслом.

Вопрос о происхождении исламских мавзолеев сложен и неоднозначен. Доисламская культура Ирана и Средней Азии знала специальные погребальные сооружения — «дахмы» и «наусы». Их остатки в довольно большом количестве найдены в разных областях Средней Азии³, — это, как правило, небольшие сырцовые постройки, перекрытые куполом или сводом, с одним квадратным помещением, где на возвышениях стояли сосуды с костями (оссуарии) или лежали трупы. Некоторые из этих скромных зданий своим устройством и обликом очень напоминают будущие исламские мавзолеи, а среди оссуариев, нередко копирующих формы «большой» архитектуры, встречаются как бы модели купольных порталных сооружений.

О роскошных усыпальницах, подобных дворцам, где в золотом гробу или на троне покоился ахеменидский или сасанидский шахиншах, рас-

сказывает Фирдоуси. Дахмы-наусы возводились в сасанидском Иране не только для царей, но и для полководцев и любимых невольниц⁴. Они, видимо, воспроизводили земное жилище, дворец с его богатым внутренним убранством и настенными росписями. В восточноиранских землях таких мавзолеев-дворцов, как будто, не было, но и тут покойника, прежде чем похоронить, выставляли на известное время в специальном купольном павильоне, который именовался «кед», то есть дом.

Эти погребальные павильоны, связь которых с жилой архитектурой заключена уже в их названии, были, вероятно, одним из предшественников ранних среднеазиатских мавзолеев. Их облик сохранился в настенной росписи Пенджикента⁵ и, возможно, на бронзовом блюде Берлинского (в Далеме) музея⁶. Судя по этим изображениям, маздеистский кед представлял собой квадратную в плане одно- или пятикупольную постройку, раскрытую наружу сплошными аркадами. Пять куполов павильона «берлинского» блюда предполагают внутри 4 столба, связанных между собой и со стенами и образующих

подкупольный квадрат; углы помещения в этом случае венчались малыми куполами.

Наконец, одним из прямых предшественников среднеазиатских мавзолеев центрального типа считается «чортак» — центральная и главная часть зороастрийского храма, святилище огня, распространённое в сасанидском Иране. Как говорилось, чортак (по-персидски — четыре арки) представлял собой купольную постройку с четырьмя широкими арочными проходами на каждой стороне и фактически без стен: их заменяли 4 угловых пилона, на которые опирались арки. Ранние центрические мавзолеи Средней Азии, имеющие вид стоящего над могилой открытого купольного киоска, отличаются от сасанидских чортаков разве что только материалом (чортаки строились из камня, мавзолеи — из кирпича) да более совершенной конструкцией тромпов.

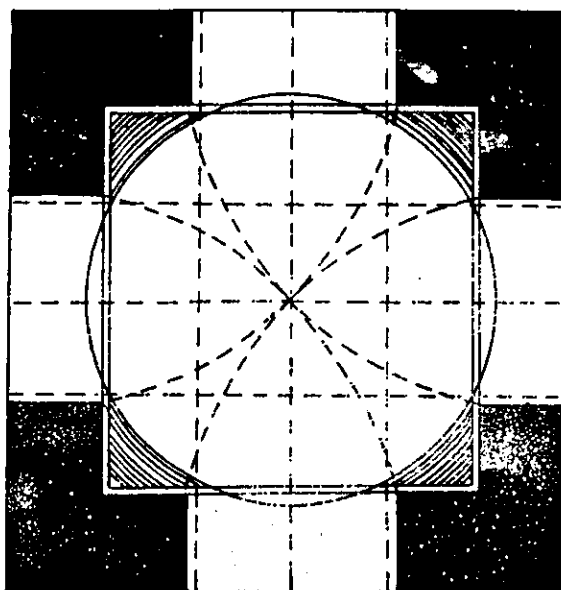
Зороастрийские святилища типа «чортак» в Средней Азии неизвестны. Возможно, что они здесь всё-таки были, так как религия Зороастра имела здесь широкое распространение. Неясно, почему именно святилище огня определило облик целой группы раннеисламских мавзолеев Средней Азии, но поразительное сходство между ними нельзя объяснить случайностью. Мавзолеи этого типа — самые древние в Средней Азии; с них, очевидно, и следует начать обзор.

ЦЕНТРИЧЕСКИЕ МАВЗОЛЕИ

Кыз-биби

Мавзолей с этим именем находится в ЮЗ части рабада Мерва. В конце 19 в. В. Жуковский застал его ещё сравнительно целым⁷, но исследователи 20 в. пишут о нём как о руине с рухнувшим куполом и оплывшими стенами⁸. Археологические раскопки 1965 г. позволили установить его первоначальный абрис и план, искаженные поздними достройками⁹.

Здание квадратно в плане, сторона помещения — 4,4 м, внешняя сторона — 6,6 м. Арочные проходы, по одному на каждой стороне, шириной 2,4 м и высотой 3,15 м, придают ему вид широко раскрытого наружу киоска. Купол, сохранившийся в нижних своих частях, был шире помещения — диаметром 4,9 м, — и образовывал на уровне верха стен, на осях, сегментные полки. Обычного яруса-октагона тромпов здесь не было: стрельчатые перспективно-ступенчатые тромпы, состоящие из 10 вставленных одна в другую уступчатых арок, были врезаны над углами прямо в цилиндрическое основание купола, оформленное в этих местах плоскими прямоугольными заглабленными. Нет здесь и плоских арочных ниш той же формы, что тромпы, обычно располагающихся между ними. Внутренний квадрат стен завершен слегка нависающим выступом-полкой. Высота помещения должна была несколько превышать 8 м.

Мавзолей Кыз-биби в Мерве. План с частичной реконструкцией и геометрическим анализом.

Мавзолей Кыз-биби. Тромп.

Нижние части стен в высоту до 50 см сложены из жженого кирпича со стороной 21—22 см и толщиной около 4 см. Всё остальное здание построено из сырца со стороной 30—32 см и толщиной 6—7 см.

Внутри помещения найдены остатки белой ганчевой штукатурки с орнаментальной росписью, выполненной чёрной, синей и красной краской.

Пропорциональная структура плана мавзолея проста. В её основе — квадратная единица-ячейка со стороной 1,1 м; 4 таких ячейки составляют длину стен помещения, 6 ячеек — длину фасадов. Толщина стен, следовательно, составляет одну ячейку. Аналогичный приём пропорционирования встречается в архитектуре 9—10 вв. довольно часто. Но ширина входов мавзолея определяется не этой квадратной сеткой, а половиной диагонали помещения, отложенной из его углов на стены, — она, таким образом, равна стороне октагона, вписанного в квадрат помещения.

Относительно возраста мавзолея Кыз-биби (странное имя, означающее «девушка-старушка») мнения исследователей разошлись. В. Пильянский считает его постройкой 11—12 вв., не аргументируя эту дату. Г. Пугаченкова, основываясь на крупном размере сырцовых кирпичей, типе тромпов и характере применённых здесь сводов, сложенных «параллельными отрезками», датирует здание 9—10 вв. С. Лунина, исследовавшая мавзолей археологически, считает, что он построен в 11—начале 12 вв. Основанием для этого она считает то, что мавзолеи типа центрального киоска возводились и позже 10 в.; что жжёные кирпичи того же размера, что в цоколе мавзолея, употреблялись в основном в 11—12 вв.; что в швах кладки встречаются обломки жжёных кирпичей, а значит, мавзолей строился позже того времени, «когда жжёные кирпичи только начали входить в употребление»; что в сырцовых кирпичах и могилах внутри мавзолея встречаются обломки посуды 10 в.; наконец, что «перспективные» тромпы, характерные для строительства 9—10 вв., продолжали употребляться и позже.

На это можно возразить следующее.

Древний тип центрального купольного «киоска» действительно изредка встречается в 11—12 вв., но это само по себе не служит основанием для отрицания ранней датировки. Жжёные кирпичи не были изобретением исламского времени: в Средней Азии они употреблялись, хотя и редко, с 4—3 вв. до н. э.¹⁰, а кирпичи со стороной 21—22 см чаще всего встречаются именно в постройках 9—10 вв. — например, в мечети Магоки Аттори, здании «Кургон» в Термезе и мавзолее Мир-Сеид Бахрам (о последних — речь пойдет ниже). Керамика 10 в. стилем и техникой неотличима от керамики 9 в., точная датировка тут невозможна. Кроме того, обломки посуды могли попасть в кладку более поздних пристроек и в более поздние погребения. Наконец, «перспективные»

трюмпы мавзолея явно архаичны: они отличаются от трюмпов доисламских зданий только заострённой формой и имеют иной характер, чем более поздние трюмпы этого типа.

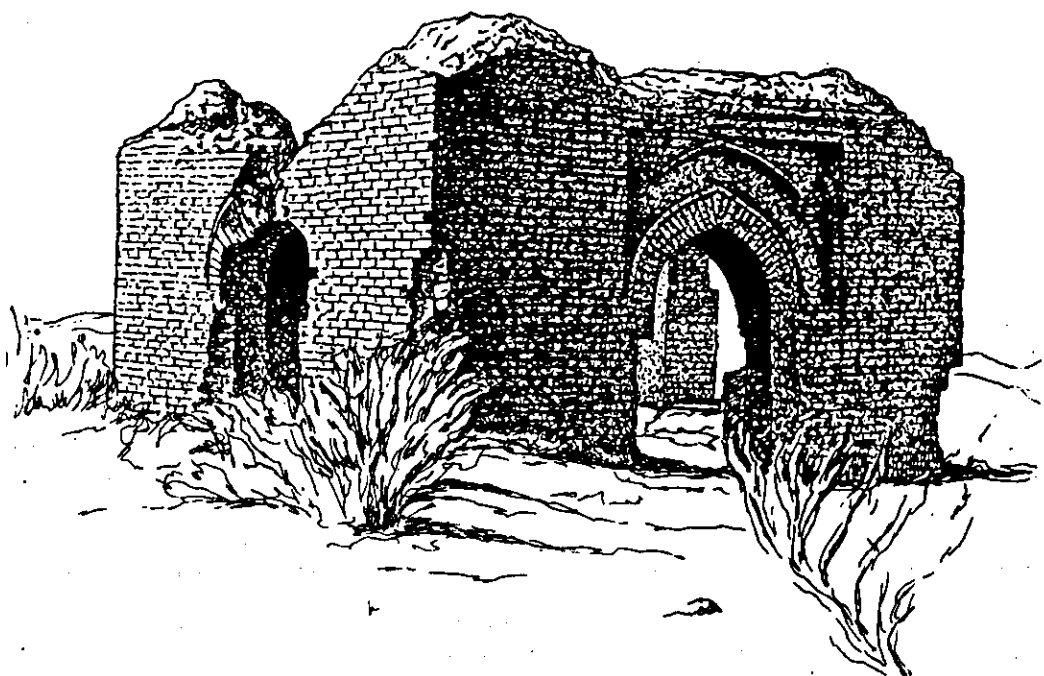
Решающими для датировки мавзолея нужно считать приёмы и формы, характерные для архитектуры доисламского времени и в 9—10 вв. уже реликтовые. Такова разница между диаметром купола и пролётом помещения, благодаря которой верху стен, у основания купола образуются сегментные площадки, — так устроены почти все купола в Средней Азии 6—8 вв., в 10 в. этот архаический приём уже не встречается. Таково же и отсутствие подкупольного октагона с равными гранями, — конструкции, вполне сложившейся в 10 в. Трюмпы мавзолея, врезанные в оболочку купола и без промежуточных граней между ними, воспроизводят общераспространённый приём доисламской строительной техники, общий для Средней Азии и Ирана. Что до прямоугольных углублений, в которые вставлялись трюмпы мавзолея Кыз-биби, то они находят буквальную аналогию (включая сюда и стрельчатую форму самих трюмпов) в Мерве, недалеко от мавзолея, — в замке Малая Кыз-кала, который Г. Пугаченкова датирует 6—7 вв.¹¹

Следовательно, нет оснований датировать мавзолей Кыз-биби 11—12 вв., и, наоборот, есть веские причины считать его постройкой даже не 10, а 9 в., сохранившей в своем устройстве ряд архаических черт строительства доисламской эпохи, — древнейшим, может быть, мавзолеем Хорасана.

Два несохранившихся мавзолея

Эти небольшие здания типа центрального купольного «киоска» давно разрушены и известны по старым photographиям. Первое, опубликованное В. Жуковским¹², стояло на кладбище Имам-баба в окрестностях Мерва. Квадратный в плане мавзолей, с длиной сторон около 5 м, был построен из жженого кирпича. Все фасады, как и в Кыз-биби, прорезаны посередине арочными входами, но если там входы так широки, что отрезки стен по их сторонам выглядят массивными угловыми пилонами, то здесь, из-за сравнительной узости входов, такого впечатления нет, и сходство с «чортаком» менее отчетливо.

Разглядывая photographию, можно заметить, что полной одинаковости фасадов в этом здании не было, хотя типологически его композиция — центрическая и равносоставленная. Фасад, который виден на photographии слева, сложен в технике обычной, «цепной» кирпичной кладки, тогда как правый фасад облицован декоративной кладкой «парами». Кладка входных арок — клинчатая, с узким архивольтом из лежащих плашмя кирпичей. Но на правом фасаде над аркой виден ещё один такой же архивольт, причём заметно, что заглабленное пространство между архивольтами было заполнено горизонтально лежащими кирпичами, а вся эта двойная

Мавзолей на кладбище Имам-баба. По Г. Пугаченковой.

арка заключена в прямоугольное углубление. Таким образом, правый фасад отличается от левого большей декоративной насыщенностью, а его вход выглядит как скромный, но несомненный портал, а не как простой проём в стене. Утверждение Г. Пугаченковой, что «никаких элементов архитектурного убранства на фаса-

дах мавзолея нет»¹³, в отношении правого фасада ошибочно. Неизвестно, как выглядели прочие фасады этого мавзолея, но ясно, что выделением одного (по меньшей мере) фасада его общая четырёхсторонняя симметрия была сознательно нарушена, и центрическое здание получило сдержанные признаки порталного мавзолея.

Мавзолей Ахмеда. По Г. Пугаченковой.

Местонахождение второго мавзолея, облик которого сохранила фотография, неизвестно. Предполагается, что он стоял в долине реки Мургаб, в сравнительной близости к Мерву¹⁴.

Здание, по всей вероятности, было центрическим, со входами на каждой стороне и невысоким, слегка заострённым куполом. Видимый на фотографии вход перекрыт клинчатой, пологой, с небольшим заострением аркой, по которой уложен (как в предыдущем здании) один ряд кирпичей плашмя, и над которой — тоже как в предыдущем мавзолее — кирпичами, уложенными плашмя, выведена декоративная арка-архивольт. Две узкие арочные ниши по сторонам входа, в плане как будто полукруглые, заполнены декоративной кладкой — парные полукирпичи, лежащие один на другом, с вертикальными полукирпичами между ними. Сохранившееся перекрытие левой боковой ниши состоит из двух наклонно поставленных кирпичей. Эта трёхарочная система, в которой боковые узкие ниши заметно выше средней арки входа, охвачена рельефной прямоугольной рамой, которая состоит из четырёх пилястр и горизонтального «архитрава» той же ширины. Рама сложена из «парных» кирпичей, над ней расположен венчающий фасад фриз, в котором различается плохо сохранившаяся, выполненная почерком куфи арабская надпись, не доходящая до углов. Буквы надписи, лишённые украшений, характерны для исламской каллиграфии 10—начала 11 вв. Археолог М. Массон прочитал в надписи имя Ахмед, принадлежащее, вероятно, погребённому здесь человеку.

Углы оформлены вырезанными «в четверть» узкими нишами, из которых местами выступают кирпичи, — здесь, может быть, стояли декоративные трёхчетвертные колонны, зрительно поддерживающие фриз.

Сочетание широкой средней и двух узких боковых арочных проёмов или ниш — традиционный композиционный приём в архитектуре Средней Азии, имеющий, вероятно, западно-античное происхождение; его рассмотрению посвящена одна из моих публикаций¹⁵. Можно думать, что в данном случае этот приём был повторён на всех четырёх фасадах, и здание, таким образом, было строго центричным. Соотношение ширины входа и ширины отрезков фасадной стены по его сторонам равно 3×5 , причём за единицу (т. е. $1/3$ ширины входа) была выбрана ширина пилястры и её отступ от входного проёма.

Можно попробовать определить приблизительные размеры этого явно небольшого здания. В длину его фасада укладываются 20,5 кирпичей, и если предположить, что использованные здесь жжёные кирпичи были наиболее распространённого в 10 в. размера — 22—24 см — то общая длина фасадов составит 4,5—5 м, а высота (без купола) — 310—340 см.

«Мавзолей Ахмеда» — самый эффектный, декоративно и пластически, из трёх рассмотренных зданий¹⁶. Но все они, несомненно, принадле-

жат одному типу раннеисламских мавзолеев, а некоторые повторяющиеся в них локальные черты (например, двойные арочные архивольты) позволяют видеть в них произведение общей, северно-хорасанской архитектурной школы. Всё же сам тип монументального купольного «киоска» над почитаемой могилой, раскрытого на все стороны более или менее широкими (со временем всё более узкими) арочными входами, не был ограничен этим регионом, — здания этого типа и назначения, датируемые 9—10 вв., строились и в других землях Средней Азии.

К сожалению, представление о мавзолеех, основанное на фотографиях, недостаточно для их более полной характеристики. Остались неизвестными невидимые на снимках стороны зданий и их внутреннее устройство, особенности которого, возможно, позволили бы датировать их более точно. Но и те сведения, что можно извлечь из изображений, позволяют уверенно датировать оба мавзолея временем не позже начала 11 в.

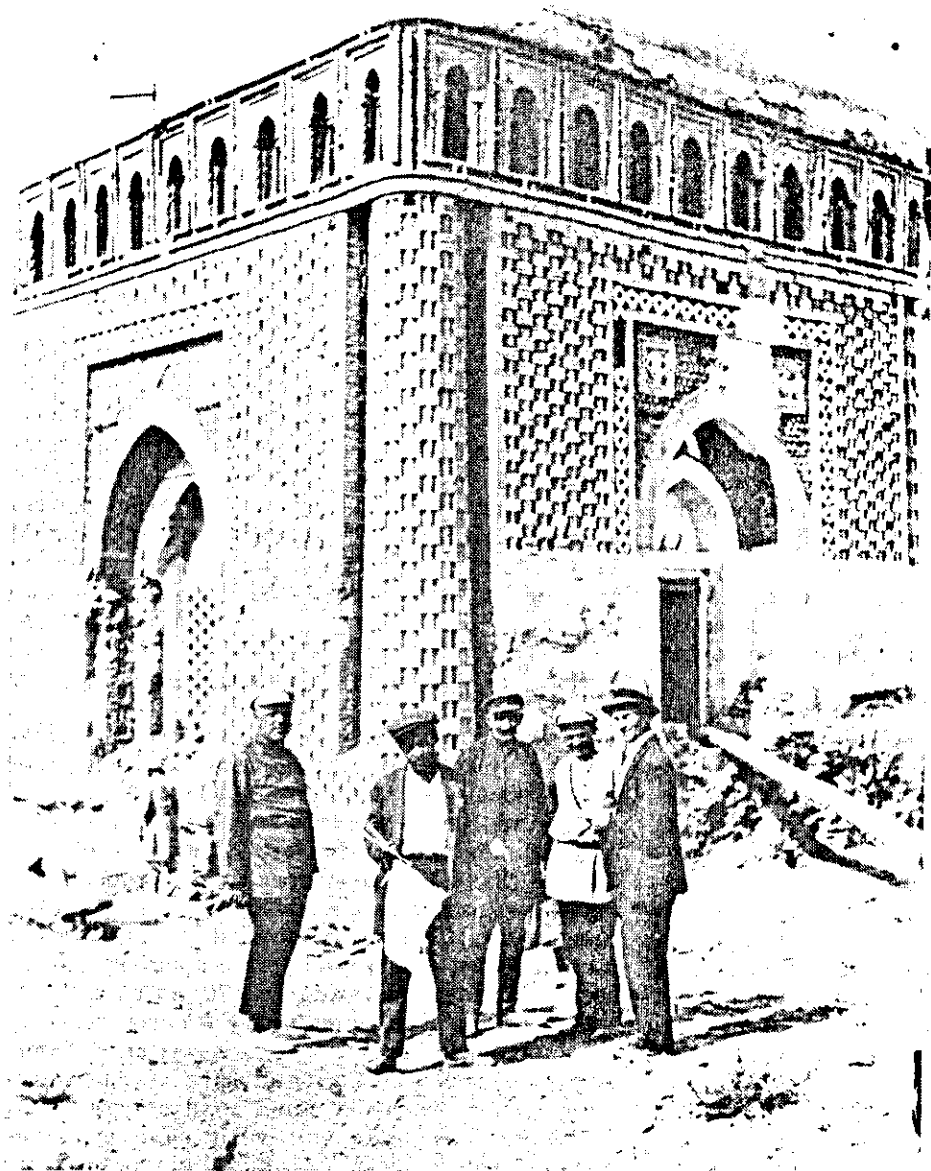
Мавзолей Саманидов

Древний документ гласит, что Исмаил Саманид, могущественный правитель Средней Азии, пожертвовал в своей столице Бухаре участок земли для строительства гробницы его отца Ахмеда ибн Асада. Исмаил правил в Бухаре в 892—907 гг., и этим временем — рубежом 9 и 10 вв. — датируется возведение династического мавзолея Саманидов, поныне стоящего в СЗ части города, в парке, на месте аристократического квартала, уничтоженного 70 лет назад¹⁷.

По своему художественному и историческому значению, уникальности архитектурных форм и приёмов мавзолей Саманидов, бесспорно, занимает первое место в истории архитектуры Средней Азии. Это также одно из первых сохранившихся здесь зданий, целиком построенных из жжёного кирпича, причём художественные возможности этого материала нашли в нём своё совершенное воплощение. Признанный родоначальник мемориальной исламской архитектуры Средней Азии, мавзолей, как ни странно, не вызвал прямых или косвенных подражаний и остался уникальным явлением, в котором сумма образов, рожденных предшествующей эпохой, переходит в новое качество, демонстрируя эстетический и духовный переворот — следствие утверждения ислама на руинах старой согдийской культуры.

За более чем 1000 лет существования мавзолей не претерпел больших изменений, — переделок почти нет, от неизбежных утрат пострадали главным образом верхние части здания, низ кирпичной облицовки и трёхчетвертные колонны входов. В 1937—1939 гг. мавзолей был тщательно реставрирован (руководитель Б. Засыпкин), при этом было уничтожено кладбище, могилы которого, в виде кирпичных сводиков, закрыли здание почти на треть его высоты.

Мавзолей Саманидов
во время реставрации
1937—1939 гг. Справа
архитектор
Н. М. Бачинский, рядом
с ним археолог
В. А. Шишкин,
руководители
исследовательских и
реставрационных работ.

Поздние добавления были удалены, за исключением кирпичного фонарика над круглым отверстием в зените купола, который появился здесь, видимо, в 1925 г., и наружной кирпичной облицовки купола.

Поразительно разнообразие размеров кирпичей, употреблённых при строительстве. Внутренняя кладка стен сложена из кирпичей 23×23 см на глиняном растворе; кроме них, в здании употреблены кирпичи со сторонами 10,5 см, 14 и 33,5 см (декоративная облицовка), 15, 21, 12, 23 см (арки), 24 см (решетки) и 31, 27, 23 см (купол). Кроме квадратных кирпичей использовались и прямоугольные неквадратные с размерами 34×35 , $10,5 \times 34$, 16×21 и совсем маленькие — 3×6 см (арки верхней галереи). Наконец, в пяти горизонтальных поясах, «прослаивающих» здание на разных уровнях — в основании фундамента, по низу цоколя, в основаниях входных арок и верхней галереи иверху галереи,—

употреблены большие кирпичи (вернее, терракотовые плиты) размером 60×61 , 60×62 и 60×63 см при толщине 6—7 см. Облицовки, арки, купола и колонны сложены на прочном алебастровом (гайчевом) растворе.

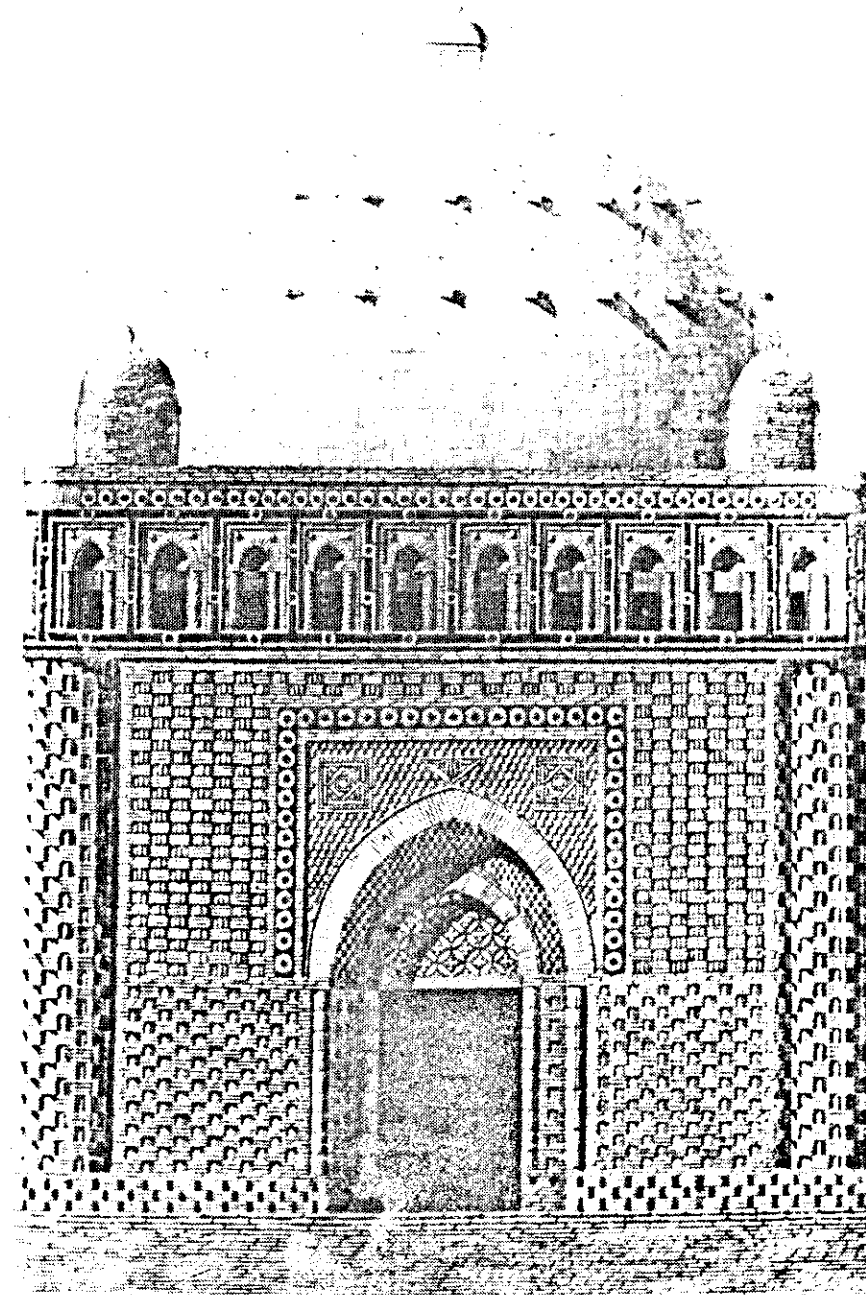
С помощью алебастровых налёпов выполнены практически все криволинейные фигурные детали, — например, декоративные вставки порталов и решетки внутренних арок, — они представляют собой кирпичный «скелет» с наращенным на нём ганчевым «мясом», точно так, как были сделаны фестоны мечети Деггарон. Лишь некоторые части декоративных колонн в ярусе трюмов и детали декора (в тимпанах порталных входов, венчании стен внутри и др.) выполнены из специально обтёсанных, скульптурно обработанных кирпичей. Нужно отметить, что эти кирпичи получили свою скульптурную форму не заранее, до обжига, а при последующей обработке. Перемычки входных проёмов сделаны из

прекрасно сохранившихся деревянных балок, на одной из них найдена резная надпись почерком куфи с именем внука Исмаила — Насра ибн Ахмеда Саманида.

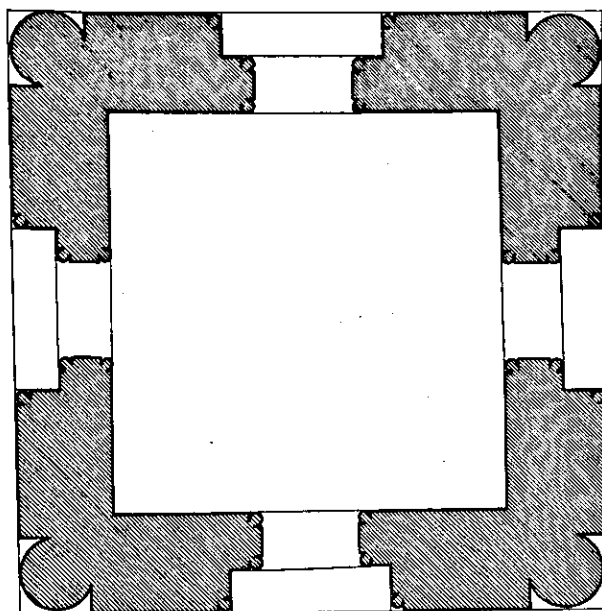
Кубообразный объём мавзолея заключает в себе квадратное в плане помещение со сторонами длиной 7,2 м при длине фасадов 10,75 м. Здание увенчано куполом, основанным на традиционном октагоне трюмов и промежуточных арок; казалось бы, столь же традиционен и внешний облик, складывающийся из кубического, равностороннего объёма и слегка заостренного купола. Неповторимая оригинальность архитектуры мавзолея определяется не этими общими геометрическими формами, а их реальной, во

многом уникальной пластической разработкой и гармонической системой пропорций.

Все фасады здания, ориентированного по странам света, одинаковы. Углы кубического объёма как бы вынуты и заполнены массивными круглыми стержнями, на которые опираются также округлённые (но с меньшим радиусом кривизны) углы венчающей арочной галереи. Эти сильные угловые вертикали и горизонтальная галерея создают иллюзию колонного ордера, исполняющего роль общего прямоугольного обрамления фасадов. На осях фасадов лежат входы, вставленные в арочные ниши; их уступчатая в плане форма создаёт сложную пластическую разработку композиционных центров фаса-

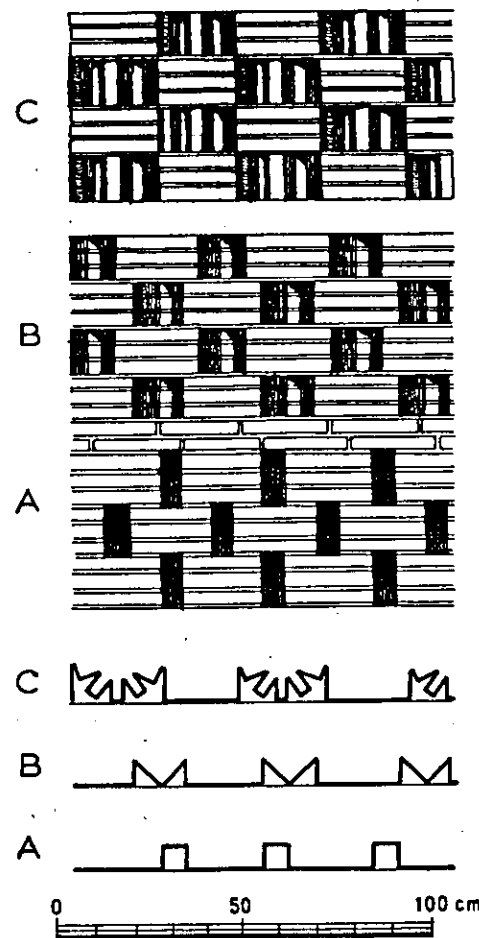
Мавзолей Саманидов.
Западный фасад.

Мавзолей Саманидов. План по уровню входов.
По Б. Засыпкину и Т. Страмцовой.

дов, игру уходящих вглубь плоскостей и арочных кривых, обогащённую скульптурной разработкой углов в нишах и входах: они оформлены трёхчетвертными колоннами, несущими арки, и перспективно углубляясь, придают порталам несколько «романский» облик.

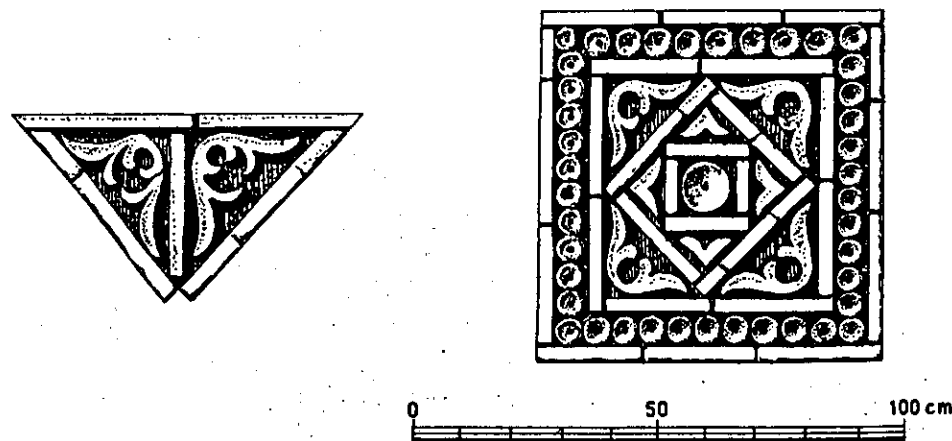
В основании стен расположен невысокий цоколь, на котором стоят большие угловые колонны и малые колонны порталов. Он сложен из трёх рядов, каждый из которых состоит из «строенных» (трёх, лежащих один на другом) кирпичей, разделённых широкими заглаблениями. Лежащий выше участок стен завершается на уровне верха входов и основания их стрельчатых арок, — эта высокая нижняя панель тоже сложена из «строенных» кирпичных блоков, но

Мавзолей Саманидов. Кирпичные структуры поверхности стен. Фасады.
По М. Булатову.

промежутки между ними заполнены здесь кирпичами, выступающими углом наружу. Таким же образом (но с блоками из 4 кирпичей) сложены большие угловые колонны, форма которых в плане — не круглая, а многогранная.

Остальная поверхность фасадов, от основания порталных арок до низа венчающей галереи, состоит из «строенных» кирпичных блоков, но

Мавзолей Саманидов.
Детали. Картуши порталов.
По М. Булатову.

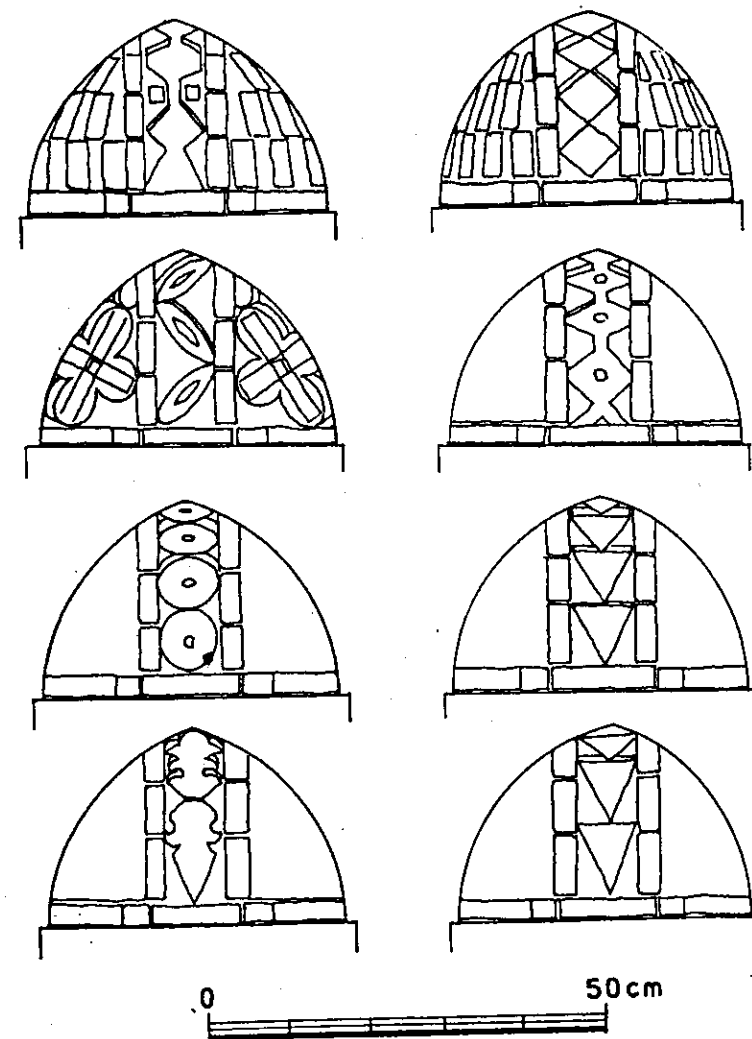
реи, состоит из «строенных» кирпичных блоков, расположенных в «шахматном» порядке. Широкие промежутки между ними заполнены кирпичами, расположенными вертикально, узкими сторонами вперед и «веером», — они расходятся как бы из одного центра, и в плане образуют полукруг. Глубокие швы между этими кирпичами оставлены пустыми.

Внешние арки порталов заключены в прямоугольные рамы, которые иллюзорно опираются на нижнюю панель. Рамы состоят из цепочки колец (радиально уложенные кирпичи с треугольными швами, заполненные ганчем) в узком кирпичном обрамлении. Тимпаны порталных арок внутри этих рам заполнены выступающими вперед спаренными кирпичами, обтёсанными в виде клиньев и расположенными в шахматном порядке. В эту пластичную «зубчатую» структуру, создающую (как, впрочем, весь декор фасадов) сильную игру света и тени, врезаны два квадратных и один треугольный картуш с орнаментальным кирпично-ганчевым заполнением.

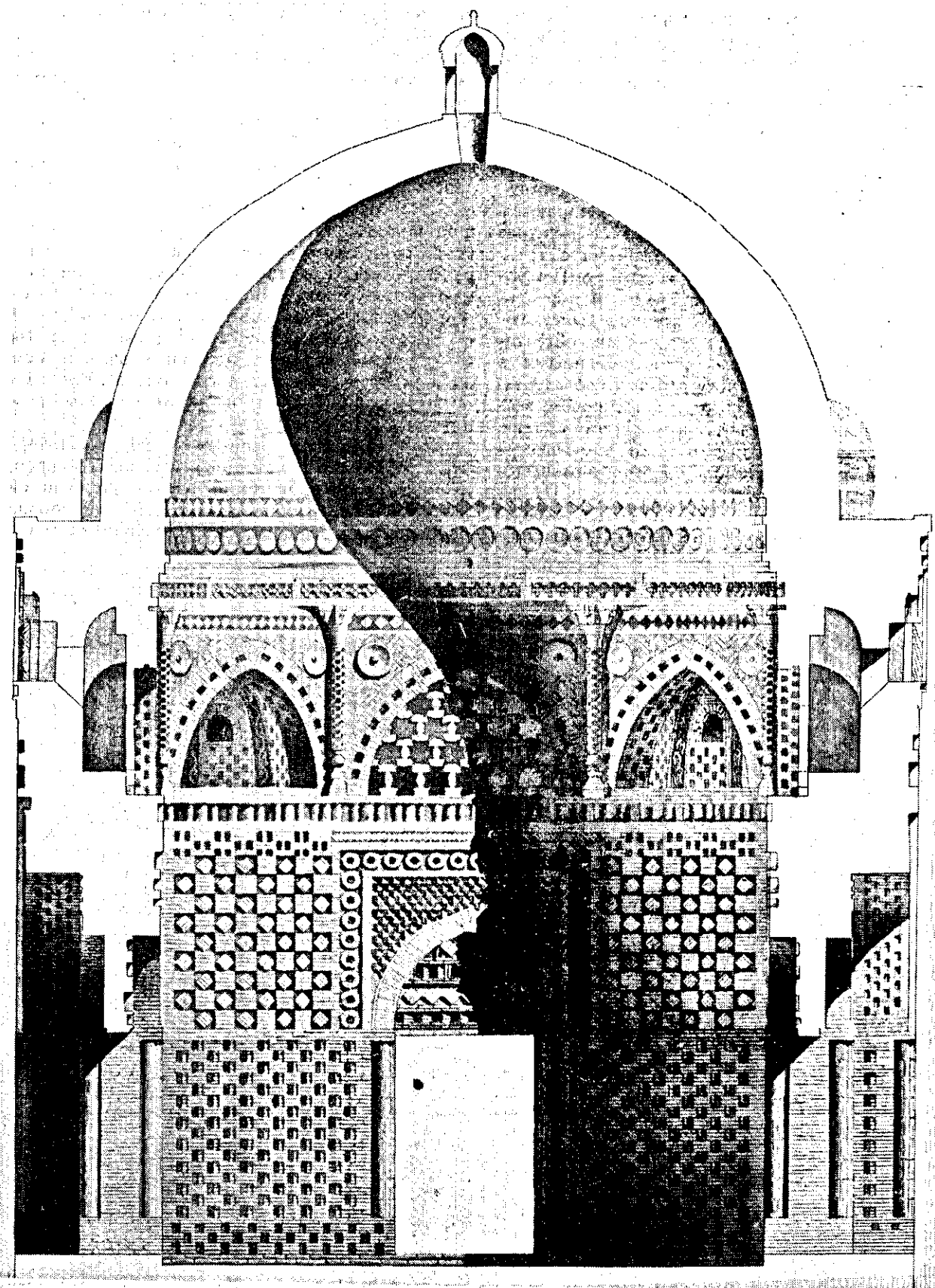
Квадратные картуши обрамлены цепочкой из мелких колец, повторяющей мотив рамы пор-

тальных арок; мелкие кольца, как и орнаментальные вставки в углах квадратов и диски посредине, сделаны из резного ганча. В квадратную раму из оконтуренных узкими кирпичами дисков последовательно вставлены ещё два квадрата, повернутых — относительно наружного квадрата — под 45°. Таким образом, сторона каждого внутреннего квадрата равна половине диагонали наружного, а вся фигура воспроизводит план деревянного «кассетного» перекрытия, широко распространённого в древней и средневековой архитектуре Азии (от Кавказа до Дальнего Востока), известного в Средней Азии под названием «рузан»¹⁸. Впрочем, это сходство может быть случайным, а вписанные один в другой по принципу «гармонического ряда» квадраты с их орнаментально-растительным заполнением заключают в себе (как и треугольник, стоящий остриём на замке арки) некий не известный нам символический смысл.

Один из самых необычных элементов архитектуры мавзолея Саманидов — арочная галерея, венчающая его кубический, слегка сужающийся кверху объём. Она охватывает здание на уровне основания купола и состоит, на каждой стороне,

Мавзолей Саманидов. Декор на конхах в нишах верхней галереи. По М. Булатову.

Мавзолей Саманидов. Разрез.

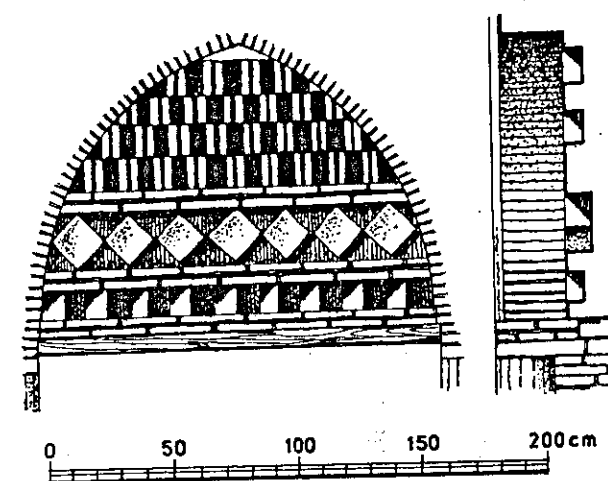
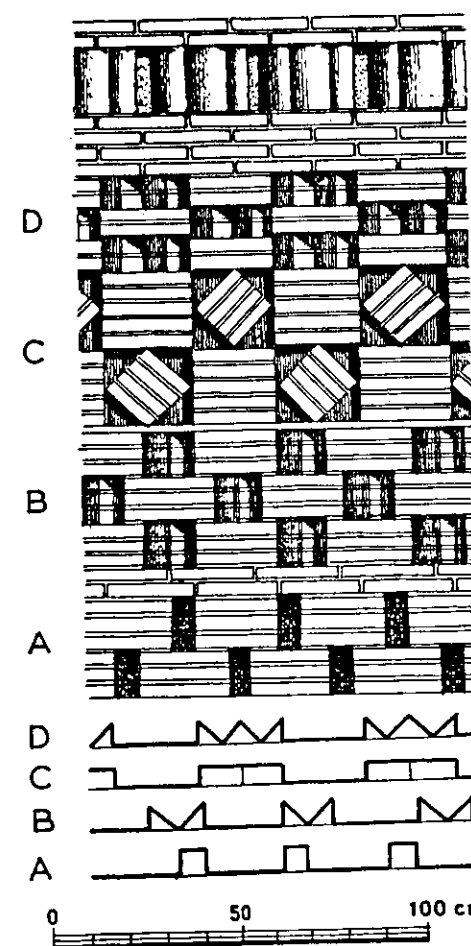
из 10 арочных ниш, прорезанных в нижних частях небольшими прямоугольными окнами, за которыми лежит узкий коридор. Стрельчатые арки ниш опираются на миниатюрные алебастровые колонны без баз и капителей, украшенные орнаментальной резьбой, — сохранилось 5 её типов, среди которых преобладают «барочные» мотивы спиральных жгутов. Арки заполнены полукуполами-конхами, края которых нависают над внутренними углами прямоугольных ниш. Несмотря на маленькие размеры (ширина ниш — всего 40 см), поверхности конх тщательно украшены мелкими шлифованными кирпичами и резным ганчем, причём в основе всех вариантов декора лежит мотив полуарки-аркбутана, переброшенной изнутри к вершине арки, — конструктивный приём, известный по мечети в Узгене и использованный здесь как декорация.

Обрамление ниш состоит из двух рельефных, выступающих вперед кирпичных лент, которые, переплетаясь, образуют круглые петли; на скруглённых углах галереи эти ленты расположены в шесть вертикальных, сплетающихся рядов. Маленькие тимпаны арок украшены алебастровыми налёпами в виде усечённого «гофрированного» конуса. Галерея завершается фризом из рельефных кирпичных колец, подобным прямоугольному обрамлению входных арок, — на скруг-

лённых углах его заменяет кладка из вертикальных кирпичей.

Как говорилось, арочные входы в мавзолей имеют также деревянные перемычки на уровне основания арок. Подлинное декоративное заполнение входной арки сохранилось только на западном фасаде, — это рельефная диагональная сетка из ланцетовидных фигур, в ячейки которой вставлены также рельефные четырёхлистные двух чередующихся форм — с круглыми («треф») и остроконечными лепестками. Реставраторы повторили этот узор в той же технике (кирпичный каркас с ганчевыми налёпами) на восточном фасаде. Узкие криволинейные пространства между наружными и внутренними арками порталов были декорированы «парами» очень мелких кирпичей с широкими промежутками между ними.

Какие-то детали внешнего декора мавзолея безвозвратно пропали. Так, на свесах арочной галереи над угловыми колоннами были видны нарисованные чёрной краской контуры некоей висячей детали и углубление в кирпиче для её крепления. Форма этого странного элемента архитектуры осталась неизвестной, и, может быть, не его одного. От фланкирующих входы трёхчетвертных колонн к моменту реставрации почти ничего не осталось, — они были восстанов-

Мавзолей Саманидов.
Детали. Тимпан
западного входа.
По М. Булатову.

Мавзолей Саманидов. Кирпичные
структуры поверхности стен.
Внутренние стены. По М. Булатову.

лены из кирпичей, поставленных радиально на ребро, хотя, вероятно, в них чередовались слои вертикальных и горизонтальных кирпичей (как в колоннах мечети Деггарон) или раздвинутые «пары» по типу больших угловых колонн.

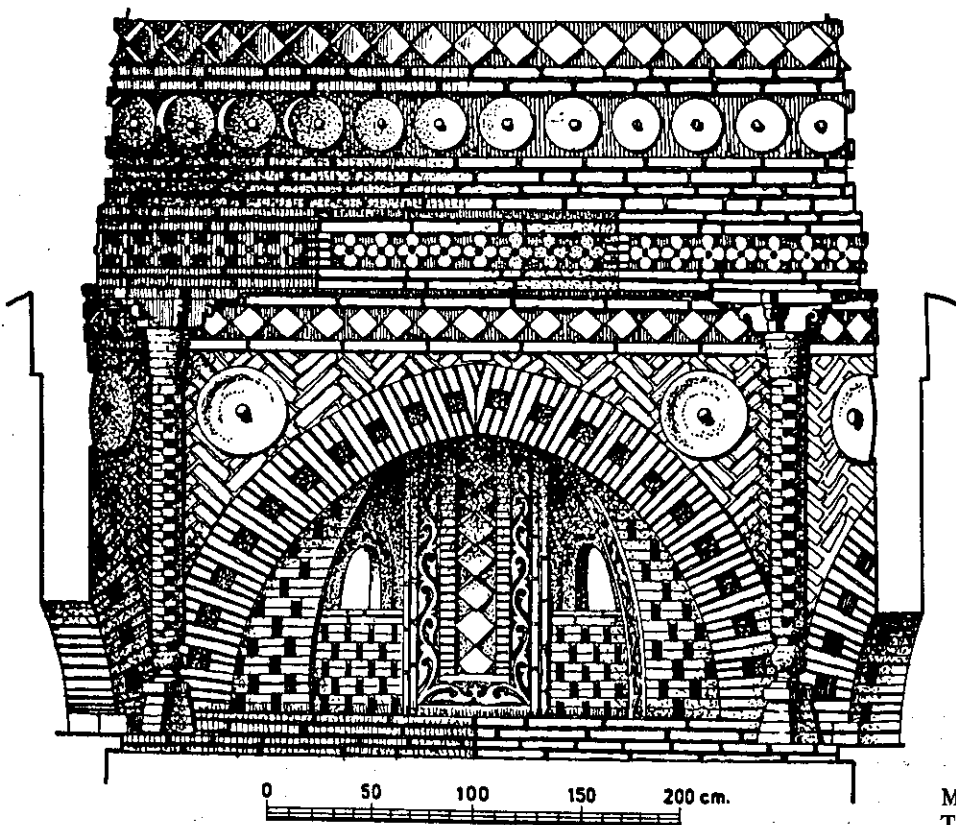
Во внутренней архитектуре мавзолея, как и во внешней, господствует эстетизированная фактура строительного кирпича, — единство, сообщающее зданию поразительную органичность. Это единство чувствуется и в совпадении основных членений стен: наружный цоколь, сложенный из трёх рядов «строённых» и раздвинутых кирпичей, лежит и в основании внутренних стен, а над ним, как и снаружи, расположена панель той же высоты и структуры, в которой блоки «строённых» кирпичей разделены заглублёнными кирпичами, углом выступающими наружу. В этих пределах тождество внешнего и внутреннего декора — полное. Декор стен над панелью имеет в своей основе квадратную сетку: здесь чередуются квадраты из пяти горизонтально лежащих кирпичей и квадратные же выемки, в которые вставлены диагональные квадраты, составленные из четырёх кирпичей соответственно меньшего размера. Выше следуют три двойных ряда, в которых — в шахматном порядке — чередуются «пары» и выемки той же длины, в которые вставлены два спаренных кирпича, выдвинутых углом вперед.

Стены зала завершаются невысоким (4 ряда кладки) фризом, в котором чередуются разделённые выемками симметричные группы скульптурно трактованных фигур: вертикальный выс-

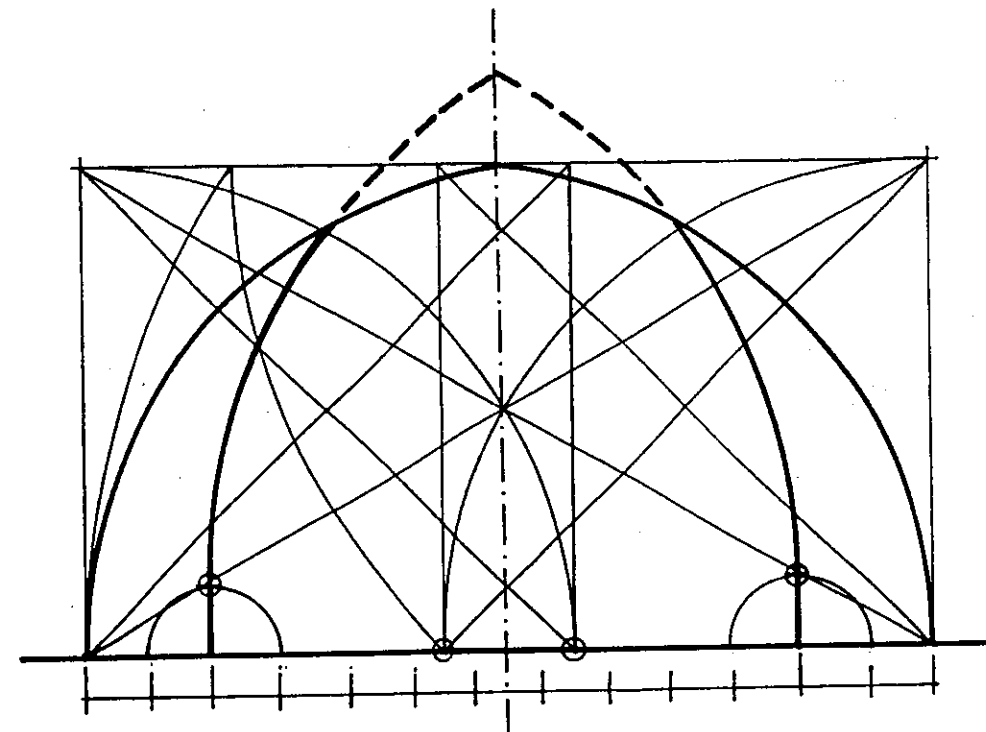
туп со скруглёнными краями и две такие же, но более узкие «полуколонки» по его сторонам. Кирпичи, из которых сделаны эти своеобразные метопы, были обтёсаны вручную. Арки входов изнутри, как и снаружи, заключены в прямоугольные рамы из кирпичных колец, как бы опирающиеся на нижнюю панель. Тимпаны заполнены рядами сдвоенных кирпичей, выступающих из стены углами; эти углы стёсаны, что придаёт системе явное сходство с «зубчатым» декором внешних тимпанов. В заполнении арок использованы, в разных вариантах, различные приёмы: ряды кирпичей, выдвинутых углом вперед; плоско расположенных и поставленных на угол кирпичей; сдвоенных вертикальных кирпичей, разделённых широкими заглублениями. Между обрамлениями входных арок и венчающим стены фризом проложен ряд мелких, наклонно стоящих кирпичей с затёртыми швами.

На декорированный таким образом квадрат стен опирается октагон, служащий основанием для купола. Одна из множества его особенностей — в том, что между тромпами здесь расположены не обычные арочные ниши, а сквозные арки, забранные фигурными решетками и открытые в узкий коридор, охватывающий зал на уровне тромпов.

Все арки октагона одного очертания и двухцентровые. Они вписаны в прямоугольник с отношением сторон $1 : \sqrt{3}$, центры арочной кривой находятся отложением высоты арки на её основание¹⁹. В клинчатой кладке арок пары целых кирпичей чередуются с парами заглублён-

Мавзолей Саманидов.
Тромп.

Мавзолей
Саманидов.
Геометрический
анализ тромпа.

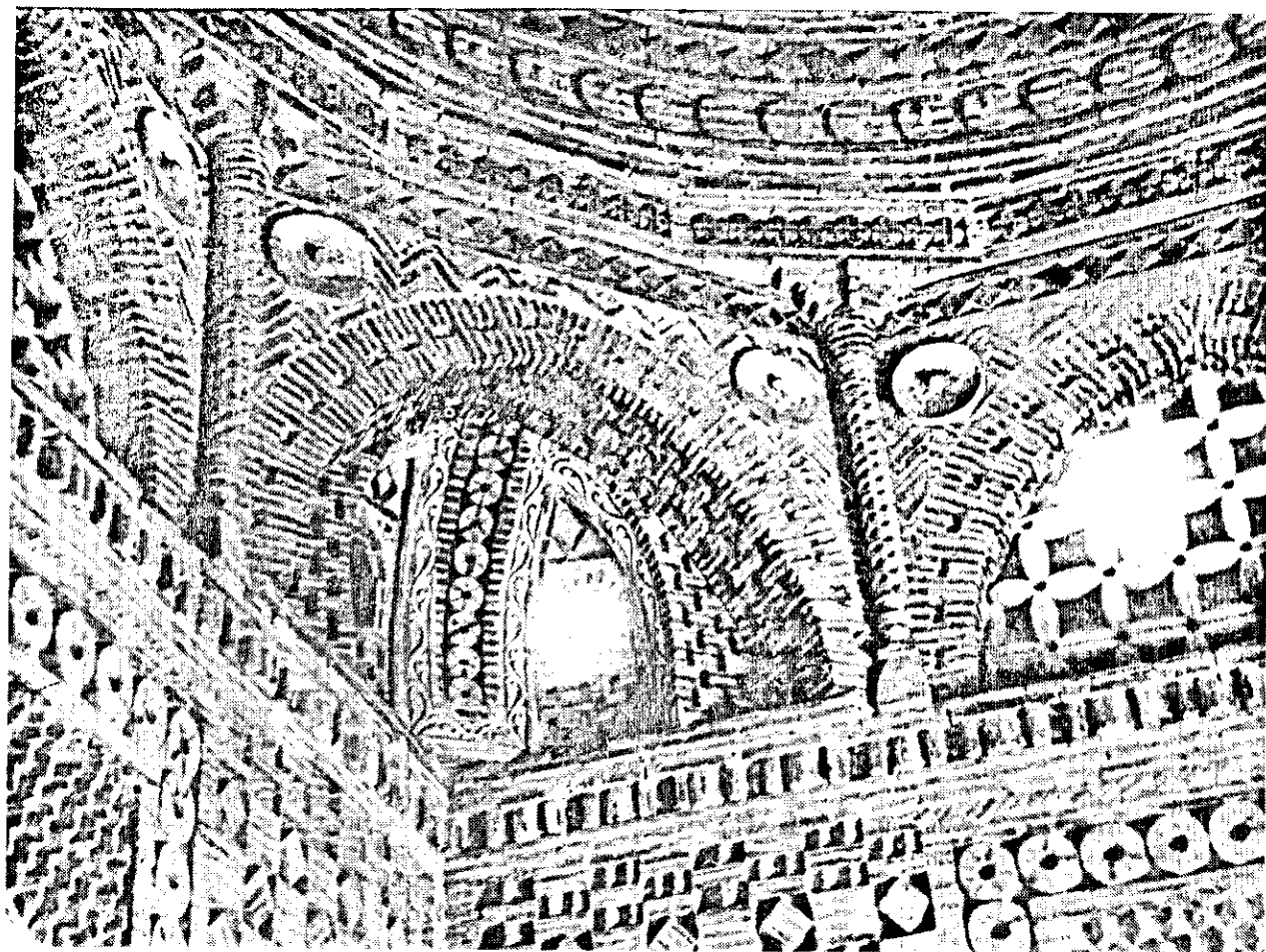
ных посредине, — ритмичные прямоугольные углубления создают декоративный эффект, не противоречащий конструкции, но эстетизирующий её. Тимпаны арок выложены «ёлочной» кладкой (наклонными кирпичами, собранными в вертикальные группы с разным направлением наклона) с затёртыми швами; их украшают вогнутые алебастровые диски с круглыми налёпами в центре.

Толщина этих внешних тромповых арок — около 50 см. К ним изнутри примыкают задние арки, тоже двухцентрового «саманидского» очертания, но более узкие и высокие, похожие на арки европейской готики (тогда, впрочем, еще не существовавшей). Эти арки в некоторых публикациях ошибочно названы подковообразными. Их края отстоят от краёв внешних арок на $2/13$ ширины последних, а геометрическое основание — на $1/13$ выше, что составляет два сдвоенных ряда кирпичей. Внутренние арки сложены парными горизонтальными рядами, с широкими заглублёнными швами между парами, и относятся, таким образом, к категории «ложных» арок. Их заполнение — одна из самых замечательных особенностей архитектуры мавзолея. Изнутри в вершину каждой такой арки упирается широкая полуарка — аркбутан, поднимающаяся от угла помещения. Эта конструкция, уже известная по мечети в Узгене, предназначена, как и там, противостоять опрокидывающему давлению купола. Но если в Узгене поперечные полуарки почти незаметны и их роль сугубо функциональна, то в мавзолее Саманидов они — не только конструктивные детали, но важная архитектурно-художественная часть интерьера. Своими конструкциями, пропорциями

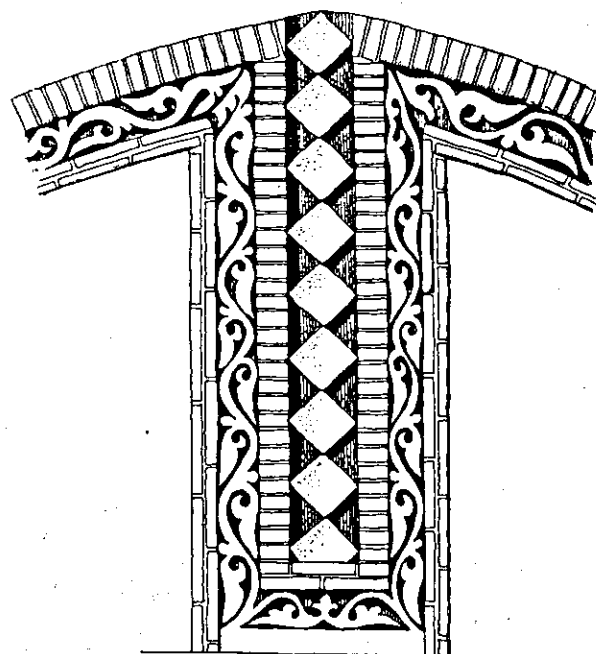
и отчасти декором полуарки тромпов бухарского мавзолея более всего похожи на полуарки в мечети дворцового комплекса Охейдир (8 в.), где ими оформлены конхи в торцах боковой галереи²⁰. Но полуарки тромпов мавзолея, в отличие от Охейдира, сопротивляются реальному распору купола и оформлены сложнее и богаче: здесь на оси расположен ряд соприкасающихся углами квадратных кирпичей, оконтуренный полосами из мелких кирпичиков, и эта лента (её ширина равна расстоянию между центрами построения внешней арки) вписана в раму из резного ганча, украшенную линией волнистого побега с отогнутыми лепестками. Таким же резным ганчевым узором украшены боковые поверхности (софит) внутренней арки, которые сверху сливаются с резным обрамлением полуарки и вместе с ним образуют единую пространственную форму, остроконечную и вогнутую, разделённую на две симметричные доли.

Эти доли, то есть промежутки между полуаркой и внутренней аркой, закрыты тонкими изогнутыми стенками, нижняя часть которых сложена, как и внутренняя арка, из сдвоенных рядов с широкими пустыми швами между парами. Выше расположены два симметричных окошка, эллиптической формы и расширяющиеся книзу — соответственно остроконечной форме, в которую они «вписаны». Со стороны обходного коридора, куда открыты окна, в этих местах устроены ниши.

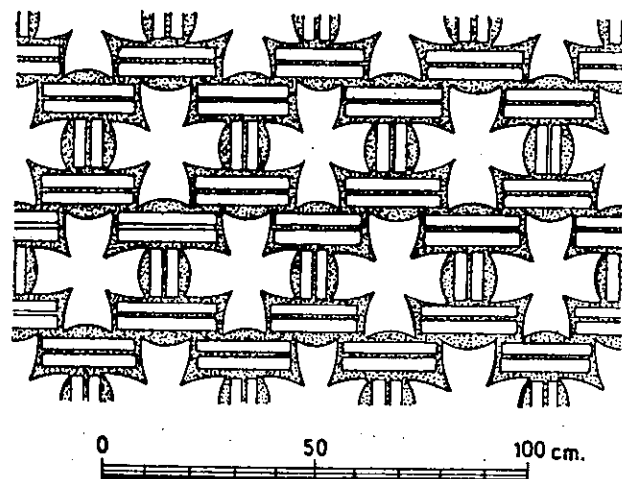
Судя по обмерам, расположенные на осях здания арки октагона несколько отличаются от арок тромпов своим очертанием. Два центра их построения находятся делением ширины арки

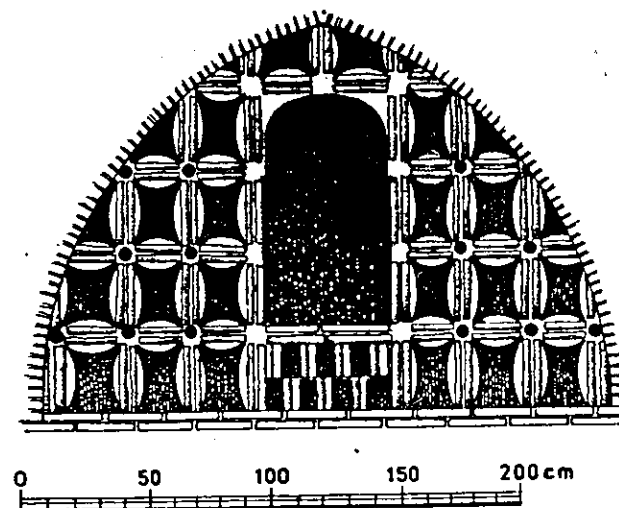
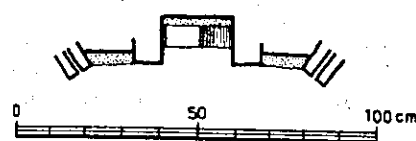
Мавзолей Саманидов. Ярус тромпов.

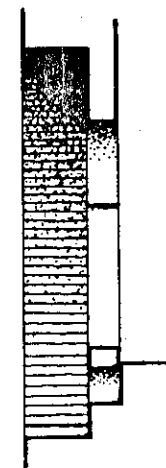
Мавзолей Саманидов. Решетка южной арки октагона.
По М. Булатову.

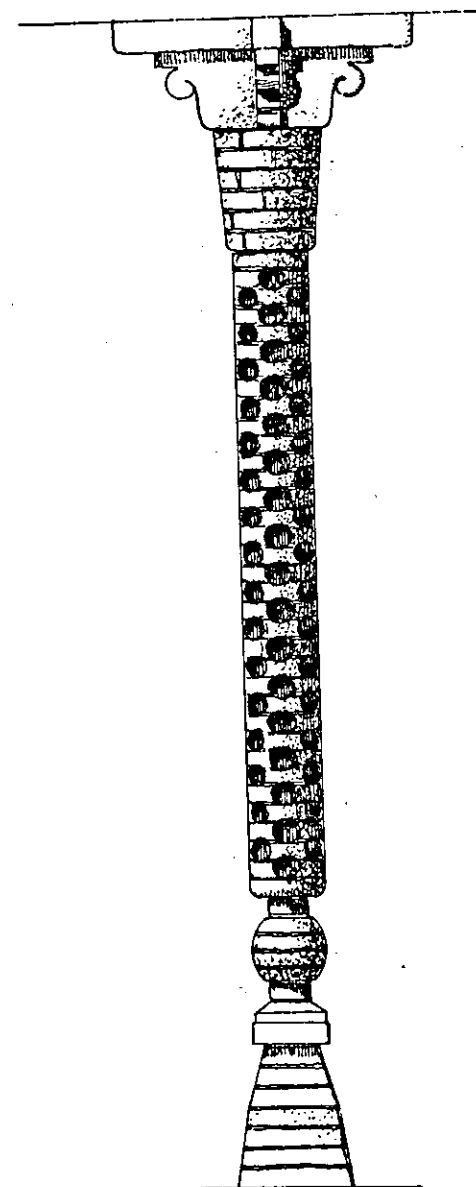
Мавзолей Саманидов. Декор полуарки тромпа.
По М. Булатову.

Мавзолей Саманидов.
Детали. Решетка
западной арки октагона.
По М. Булатову.

Мавзолей Саманидов. Колонка
в углу октагона.

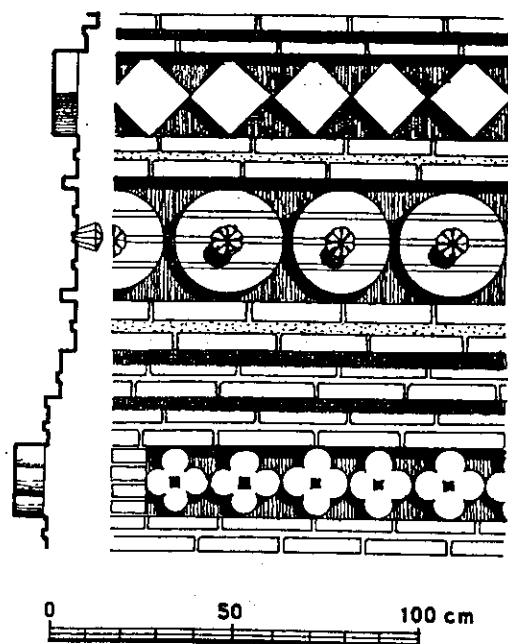
на 14 равных частей и отложением 10 частей от краёв,— эти арки выглядят более стройными и остроконечными, чем арки тромпов. Решетки в этих арках сделаны из кирпича, но при помощи ганчевых налёпов им придана пластичная, криволинейная в деталях форма. В южной арке отверстия решетки расположены в шахматном порядке и имеют форму равноконечных крестов с расширяющимися лопастями и вогнутыми внутрь краями, причём в контурах этих крестов и разделяющих их фигурных элементов (собственно решетки) нет ни одной прямой линии. В решетке западной арки регулярная прямоугольная сетка образует ячейки с вогнутыми внутрь краями и круглыми отверстиями на пересечении образующих их элементов. Большое отверстие в середине решетки изображает окно с круглым, слегка приплюснутым арочным завершением,— решетка, таким образом, может быть трактована как условное изображение декорированной стены, в которой это окно прорезано.

Замечательная особенность архитектуры мавзолея Саманидов — колонны высотой 227 см, стоящие в углах октагона на краю квадрата стен и зрительно поддерживающие свесы 16-гранного основания купола. Эти колонны сделаны из кирпича, но своей общей формой и деталями повторяют характерный облик деревянной опоры, которая была распространена в Средней Азии эпохи раннего средневековья и известна по изображениям (например, на костехранилищах — «оссуариях») и археологическим находкам. В колоннах мавзолея утеряно только одно свойство деревянного прототипа — сужение ствола вверх, чему, наверно, помешали свойства материала. Восьмигранные стволы колонн сложены таким образом, что в каждой грани мелкие кирпичи чередуются с выемками-швами такой же, как кирпичи, толщины. Так как кирпичи и выемки чередуются и в соседних гранях одного ряда, поверхность стволов образует ячеистую, живописную, но и явно конструктивную

фактуру²². Соотношение толщины и высоты колонн — 1:8. Базы имеют форму усечённой и слегка сломанной в гранях пирамиды, увенчанной двойной квадратной плитой и низким четырёхскатным возвышением. Прямые параллели этой форме обнаруживаются в архитектуре 6—8 вв.²¹, причём верхний излом базы соответствует в деревянном прототипе скоции, которую было трудно вытесать из кирпича.

Между базой и стволom расположен слегка сплюснутый шар («кузаги» в современной терминологии) — поныне употребляемая обязательная деталь деревянных колонн Средней Азии, (известная и в доисламской архитектуре²³). Коническая, расширяющаяся кверху капитель увенчана трёхсторонней консолью с небольшими волутами: две стороны консоли параллельны грани 16-гранника, а третья, поперечная и короткая, направлена к центру зала. На консоли лежит плита с небольшим выступом посередине, продолжающим поперечную сторону консоли. Низ и верх колонн сложены из скульптурно отёсанных кирпичей с затиркой алебастровых швов. На верхнюю плиту опирается основание 16-гранника, переходящего в купол.

По верху октагона, на уровне капителей тянется фриз из поставленных на угол, плоско расположенных кирпичей. Второй фриз, на уровне 16-гранника, украшен цепочками четырёхлепестковых розеток — «треф». Выше круглое основание купола отмечено двумя декоративными поясами: нижний состоит из рельефных дисков со скульптурными, разделёнными на дольки выступами посередине, верхний — из стоящих на углу

Мавзолей Саманидов. Кирпичные структуры поверхности стен. Основание купола изнутри. По М. Булатову.

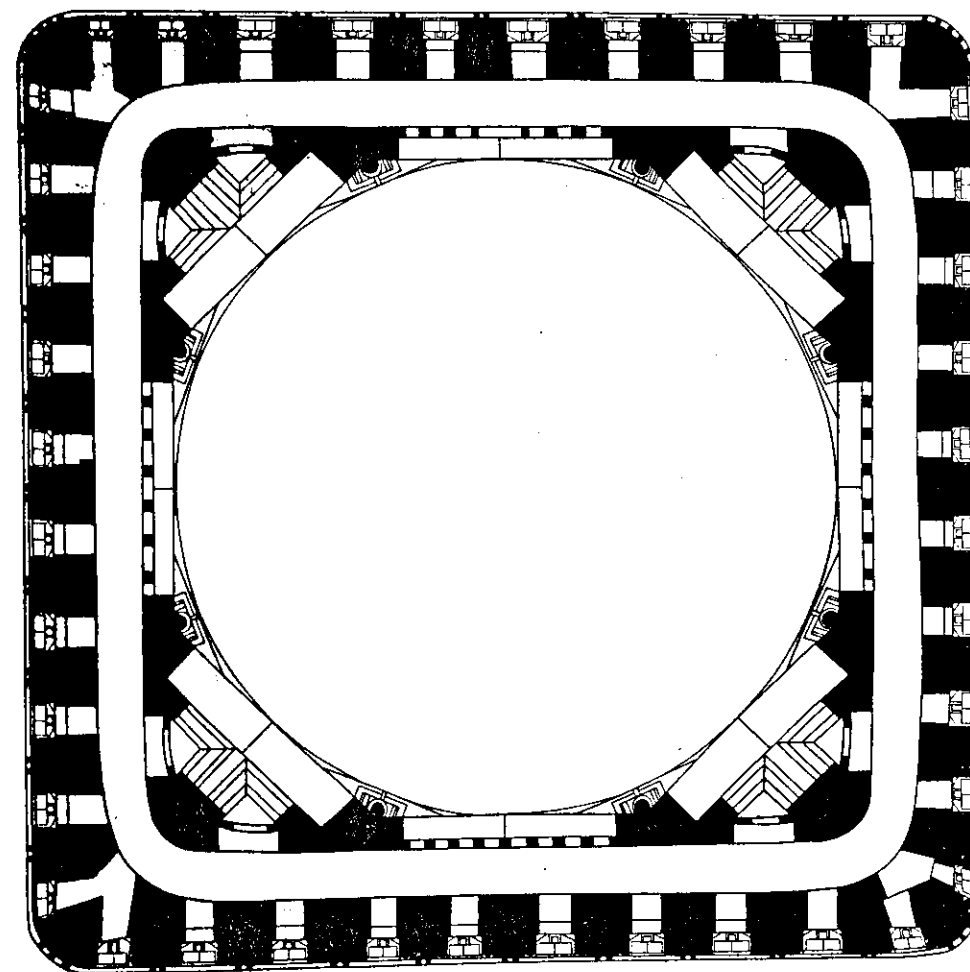
квадратных кирпичей. Толщина заострённого купола внизу — 90 см, он утоняется кверху тремя уступами до 57 см — ныне эти уступы скрыты поздней облицовкой.

Узкий коридор (средняя ширина 55 см) с закруглёнными углами окружает помещение мавзолея на уровне подкупольного октагона. Его внутренняя сторона прорезана зарешеченными арками и нишами с окошками тропов, а наружная — высоко расположенными окошками венчающей аркатуры. Коридор перекрыт полусводом, который — из-за скруглённых углов — образует не 4 отдельных пересекающихся отрезка, а непрерывную конструкцию типа сплошного арбутана, упирающегося вершиной в основание купола. Кроме того на каждой стороне коридора, посередине, устроены полуарки, упирающиеся в вершины соответствующих арок октагона, расположенных между тропами, — своей конструкцией, расположением и назначением (сопротивляться распору купола) они соответствуют внутренним полуаркам тропов. Таким образом, все 8 арок октагона подпираются снаружи полуарками — арбутанами, 4 из которых (угловые) видны и украшены, другие 4 — практически не видны и, как и весь коридор, лишены декора.

Над скруглёнными углами коридора возвышаются 4 маленьких купола, — они придают зданию характерную «пятиглавость», сближающую его с мечетью Деггарон. Стрельчатые куполки стоят на круглых барабанах, в которых прорезаны отверстия-выходы на кровлю, к основанию большого купола. Другие отверстия соединяют внутреннее пространство малых куполов с коридором, свод которого в этих местах прорезан, — это, таким образом, «световые» купола, хотя их функциональное назначение, как и назначение всего коридора, непонятно.

Одна из загадочных особенностей верхнего обходного коридора — его практическая недоступность: добраться сюда можно только при помощи приставной лестницы, а войти внутрь — через миниатюрную «дверь» в решетке западной арки. Это побудило исследователей рассматривать галерею-коридор либо как чисто конструктивную форму, предназначенную облегчить верхние части здания и осветить его²⁴, либо как рудимент культовых обходов и галерей, характерных для доисламских храмов Среднего Востока — вероятных прототипов мавзолея Саманидов²⁵. Правда, в последнем случае непонятно, почему обходной культовый коридор, расположенный в доисламских храмах всегда на уровне земли, подскочил до уровня основания купола.

Давно замечены и несомненные многочисленные параллели между архитектурой мавзолея Саманидов — в общем облике здания и его деталях — и доисламской архитектурой Среднего Востока, его, главным образом, ирано-среднеазиатского региона. Обрамления и бордюры в виде кружков или колец (их характерное название — «сасанидские перлы»), четырёхле-

Мавзолей Саманидов. План на уровне верхней галереи. По Б. Засыпкину и Т. Страмцовой.

пестковых розеток и стоящих на углу квадратов типичны для искусства сасанидского Ирана и Средней Азии той же эпохи²⁶. Орнаментальные мотивы резьбы по ганчу в тропях мавзолея и в заполнениях квадратных и треугольных картушей на его порталах также находят самые близкие подобию в сасанидском искусстве²⁷, резном ганче Варахши и декоре среднеазиатских оссуариев²⁸. На оссуариях же, как говорилось, изображались деревянные колонны именно того типа, что воспроизведены в кирпиче между арками октагона мавзолея.

Все эти легко объяснимые совпадения не объясняют, однако, источника общего образа мавзолея, происхождения его объёмной композиции.

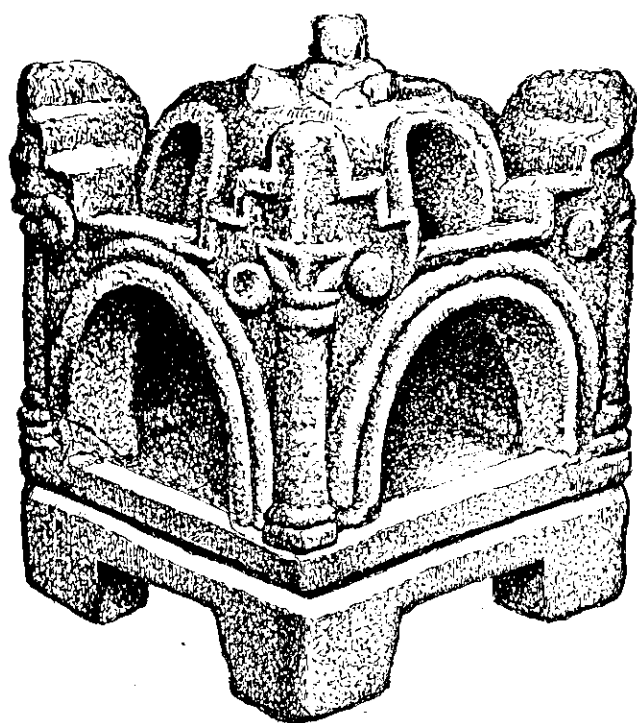
Сходство с древнеиранскими храмами огня типа «чортак» или «аташкед» имеет слишком общий характер и может быть объяснено общностью функционального назначения зданий: требовалось создать капитальный навес, в одном случае — над священным огнём, в другом — над почитаемой могилой. Г. Пугаченкова видит

прототип мавзолея Саманидов в погребальном купольном павильоне, изображение которого сохранили настенные росписи Пенджикента²⁹. Для этого ей пришлось подвергнуть изображение весьма произвольной реконструкции³⁰ и пренебречь его явно каркасной природой, исключая возможность капитального купольного перекрытия.

М. Булатов усматривает прообраз венчающей галереи мавзолея в образе мифического «храма Первопричины» неких «сабейцев», краткое упоминание которого, найденное в старом и ненаучном источнике, он толкует весьма произвольно³¹. Искусственность и бездоказательность этой гипотезы не позволяют всерьёз дискутировать с ней.

Есть достаточно доказательств того, что среди «предков» центрических мавзолеев (и, в частности, мавзолея Саманидов) были здания культового назначения. В этом отношении представляет интерес каменная курильница из Аммана, датируемая 7—8 вв. и изображающая купольный киоск с широкими арочными проёмами.

Курильница эпохи Омейядов из цитадели в Аммане.

ми на всех 4-х сторонах³². Эта модель здания, несомненно воспроизводящая реальный образец, схожа с мавзолеем Саманидов не только общим устройством, но и такой конкретной деталью, как встроенные в углы колонны, — здесь, правда, еще с базами и капителями. Рельефные диски в тимпанах арок находят аналогию в арках октагона бухарского мавзолея, а приподнятые над углами массивные уступчатые возвышения — «кунгра» играют ту же композиционную роль, что малые угловые купола мавзолея. Тип здания, воспроизведенный в курильнице, как будто неизвестен на Ближнем Востоке, но имеет много общих черт и с зороастрийским святилищем типа «чортак», и — что особенно интересно — с погребальным «кедом», изображенным в росписи Пенджикента.

И всё же основной источник форм и самого образа мавзолея Саманидов следует, на мой взгляд, искать в области гражданской жилой архитектуры, точнее — архитектуры укрепленного раннесредневекового (феодалного) жилища. Сами эти здания, сохранившиеся в лучшем случае в виде руин, малопригодны для анализа такого рода, но, к счастью, мы располагаем двумя изображениями, дающими материал для сопоставлений и некоторых выводов. Оба они украшают металлические блюда 6—8 вв. ирано-среднеазиатского происхождения.

На серебряном блюде из села Аниково, хранящемся в Эрмитаже (Ленинград), изображен двухэтажный замок типа, распространенного в доисламской архитектуре среднеазиатского

Междуречья. Ряд его деталей — фризы из наклонно лежащих кирпичей, стоящие на углу квадраты, четырёхлистники «трефы», спирально закрученные колонки, — использованы в декоре мавзолея Саманидов. Но самое важное совпадение — арочная галерея, венчающая верхний этаж «аниковского» замка³³. (Рис. на стр. 113.)

Эта галерея состоит из 8 одинаковых арочных проёмов. Характер «галерейности» подчёркивается горизонтальным членением, отделяющим ярус проёмов от нижнего кубического объёма; как и в мавзолее, арки проёмов опираются на колонки, а сами они вставлены в прямоугольные обрамления, образованные простенками-пилястрами и горизонтальными выступами. Такого рода массивные, венчающие замок аркады представляли собой оборонное устройство «верхнего боя» — парапет-аттик с амбразурами, откуда защитники замка вели обстрел неприятеля. Глубина этой аркады должна была быть достаточно большой и нуждалась в перекрытии — деревянном, балочном, а значит, и в задних деревянных опорах для этого перекрытия. Галерея мавзолея Саманидов сохранила черты сходства со своим прототипом, запечатленным на «аниковском» блюде. Её простенки шире арочных проёмов, которые, несмотря на украшения, выглядят как бойницы. Её фасадная аркатура не даёт верного представления о расположении галереи, пол которой расположен значительно ниже, — это подчёркивает её характер узкого боевого коридора, раскрытого наружу рядом бойниц, расположенных так высоко, чтобы стоящий здесь человек чувствовал себя в безопасности. (Рис. на стр. 130.)

Но за галереей мавзолея — не плоская кровля замка, а 6-метровая глубина купольного зала, а место плоского перекрытия занял «ползучий» свод-аркбутан: для задней колоннады «боевой» галереи здесь как будто нет места. Строитель мавзолея нашёл иллюзорное решение этой проблемы, «изобразив» деревянные опоры галереи в углах октагона, и с помощью консолей-подбалок создав иллюзию балочного потолка, который опирается на колонны и перекрывает лежащее сзади пространство: неслучайно, что высота сводчатого коридора и декоративных колонн совпадает. Так, как мне представляется, обращение к гражданско-оборонному прототипу венчающей галереи мавзолея позволяет расшифровать и её реликтовый смысл, и непонятные особенности её устройства.

Другая характерная особенность доисламских замков Средней Азии — деление их кубического объёма на высокий нижний «стилобат» (часто представлявший собой монолитную платформу) и стоящий на нём верхний объём. Это традиционное членение, которое видно и на изображении «аниковского» замка, сохранено — в рудиментарной форме — в мавзолее Саманидов: «стилобат» выделен здесь особым приёмом декоративной кладки нижней части стен и верхним горизонтальным поясом, на который опираются арки и обрамления порталов.

Реликтовое купольное пятиглавие мавзолея Саманидов также имеет одним из своих источников центрический тип раннесредневековых замков Средней Азии³⁴. Устройство таких зданий, квадратных или почти квадратных в плане, предполагало симметрично-осевое расположение помещений вокруг центрального купольного зала, а это, в свою очередь, вело к размещению в углах меньших купольных помещений³⁵. Возможно, что облик таких пятикупольных укрепленных жилищ был повторён в облике парковых павильонов — «люстхаузов», строившихся для отдыха и развлечений, а также имевших, может быть, некоторые культовые функции.

Постройка этого типа изображена на бронзовом блюде из собрания Музея исламского искусства в Берлине. Её несомненное сходство с мавзолеем Саманидов определяется венчающей её сплошной аркатурой, состоящей из 10 (как в мавзолее) арочных проёмов или ниш на каждой стороне и сочетанием большого центрального купола с меньшими угловыми куполами, а также центрально расположенного арочного входа и предполагаемых таких же входов на

трёх других сторонах. Э. Диц, опубликовавший это изображение³⁶, видит в нём либо стоящий в саду храм огня, либо — со ссылкой на Ф. Аккермана — тронный зал Хосрова II. Г. Пугаченкова трактует его как зороастрийский погребальный «кед», М. Булатов — как парковый павильон (и я так думаю), но построенный в технике деревянного каркаса с заполнением из глины. Этому, однако, противоречат купольные перекрытия.

Мне кажется, что на «берлинском» блюде изображен парковый павильон — уменьшенное подобие жилого замка, лишенное его бытовых и оборонных функций, причастное только возвышенным и праздничным сторонам жизни. Это, как упоминалось, не исключает того, что здесь могли совершаться некоторые религиозные ритуалы, например — выставление тела умершего перед его погребением по зороастрийскому обряду, или возжигание священного огня. В любом случае внутреннее устройство таких зданий должно было представлять собой единое пространство с четырьмя столбами, связанными арками между собой и со стенами, — то, что в виде,

Изображение многокупольного здания на блюде Музея исламского искусства в Берлине.

близком к первоначальному, сохранилось в мечети Деггарон, и память о чём сохранилась во внешнем облике мавзолея Саманидов.

Простые геометрические объёмы куба и заострённой полусферы обогащены в архитектуре мавзолея сложной пластической разработкой поверхностей и масс. Плитки золотисто-желтых кирпичей, уложенные то стопками параллельно стене, то под углом, то вертикально «веером», то разделённые широкими пустыми швами, то, наконец, выдвинутые гранёными пирамидками, — создают живописное богатство фактуры, эффекты игры света и тени. Элементы орнаментальной кладки образуют ритмически организованные группы архитектурных «атомов», складывающиеся в крупные структуры. Конкретная разработка этих структур, зависящая от характера «атомов» и их взаимосвязи, различна и определяется местом данной поверхности в общей системе архитектурных форм. Этим определяется и масштабность той или иной структуры — крупная на фасадах вокруг порталов, мелкая на «стилобате» и еще более мелкая на тимпанах порталных арок.

Пропорции мавзолея Саманидов гармоничны и ясны, в них даже предполагают применение «золотого сечения». Все детали здесь пропорционально согласованы и составляют единое органическое целое. М. Булатов, исследовавший соразмерности мавзолея, пришел к выводу, что в их основе лежит метрическая единица — «гяз», — равная 60 см, то есть длине самых крупных употребленных здесь кирпичей³⁷. При этом сто-

роны квадратного помещения (720 см) составляют 12 единиц, а толщина стен (180 см) — 3 единицы. Для того, чтобы связать остальные размеры здания с этой единицей, М. Булатову пришлось прибегнуть к сложным и не всегда убедительным математическим выкладкам, включая деление единицы на части и пользование квадратными корнями.

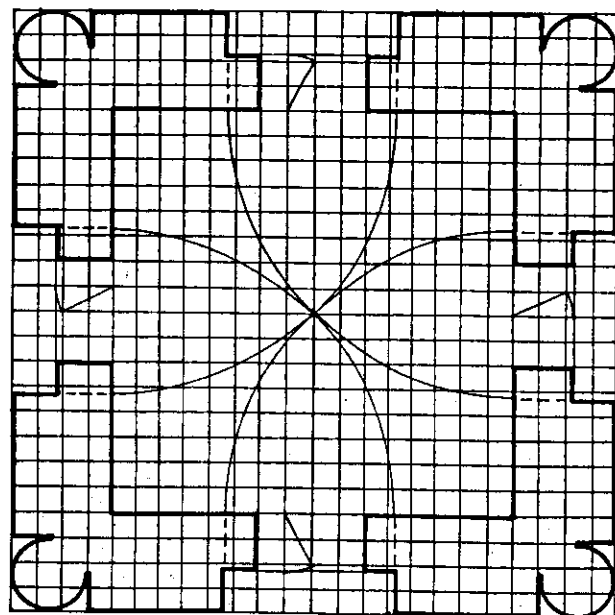
Мои более ограниченные исследования привели к другим выводам. Они показали, что метрическая единица, избранная для плана мавзолея, равна 45 см. При этом стороны помещения равны 16 единицам, толщина стен — 4, а угловые ниши со вставленными в них колоннами — 3 единицам. Ширина входов соответствует 4 единицам, но ширина порталных ниш определяется полудиagonalю помещения, отложенной от угла на его сторону. Высота нижних частей стен («стилобата») с цоколем составляет 6 единиц, высота стен от верха «стилобата» до основания галереи — 9 единиц, и высота галереи — 5 единиц. Высота квадрата стен внутри составляет 12,5 единиц, а расстояние от пола до верха фриза в основании купола — 20 единиц: верхняя линия фриза совпадает с высотой фасадов.

Большинство характерных форм и приёмов, применённых в мавзолее Саманидов, нигде и никогда больше не повторялись. Таковы венчающая арочная галерея с круговым обходом, устройство тропов, картуши порталов, структура рельефного кирпичного декора, рудиментарное пятиглавие и др. Признанный родоначальник исламских мавзолеев Средней Азии, этот архитектурный уник, как ни странно, не вызвал прямых или косвенных подражаний и остался одиноким явлением, в котором синтез художественного опыта предыдущих веков, строй образов, порождённых предыдущей эпохой, переходят в новое качество, предвосхищая художественные поиски нового времени.

Всё это касается индивидуальных особенностей мавзолея Саманидов. Типологически же он стоит в ряду центрических равнофасадных мавзолеев, и «родоначальником» их (да и мавзолеев других типов) может быть назван только условно: нет доказательств, что среди сохранившихся в Средней Азии надгробных зданий нет его ровесников или даже более древних сооружений. Этот тезис я попробую обосновать при помощи следующего ниже материала.

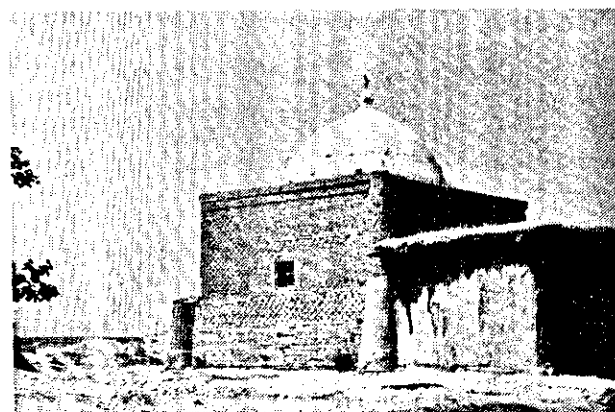
Ак-Астана

Это здание стоит на древнем кладбище, на берегу реки Сурхандарья у села Тельпак Чинар. Несмотря на расположенное внутри большое позднее надгробие, местные жители считают, что это — не мавзолей, а святилище — «кадамджой», — «место следа» Абу-Хурейры, сподвижника Мухаммеда. Чисто мемориальное, а не надгробное назначение здания подтверждается, как будто, его ориентацией — не по странам света,

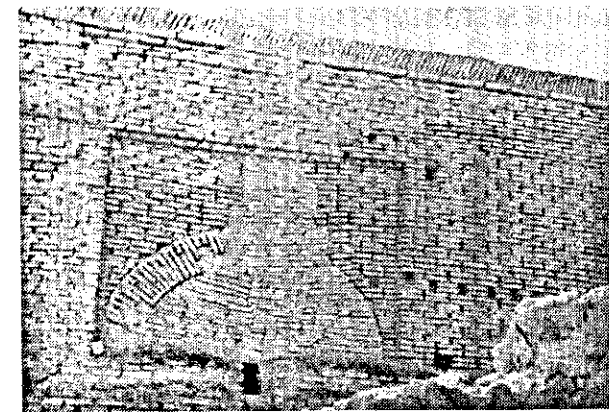

1 Gias = 45 cm.

Мавзолей Саманидов. Геометрический анализ плана.

Мавзолей Ак-Астана. Современное состояние, вид с юга.

Мавзолей Ак-Астана. След заложенного входа на СВ стороне.

что обычно для исламских мавзолеев, а под 45° к ним. Но это и не мечеть, так как на ЮЗ стороне здесь вместо михраба находился широкий арочный проход. Несколько раз отмеченный в литературе³⁸, Ак-Астана, однако, еще не был объектом глубокого архитектурно-археологического исследования. Первоначальная постройка, много раз отремонтированная и переделанная, сохранилась плохо. Еще в 15 в. (по мнению Г. Пугаченковой) была переложена ЮВ стена, позже были обложены кирпичом нижние части других стен, заложены проёмы, пристроены три круглые башенки, переложен купол. В нынешнем виде здание представляет собой квадратное в плане помещение с входом на ЮВ стороне, широкими нишами на ЮЗ и СЗ сторонах и узкой нишей на СВ стороне, перекрытое куполом на тропях. Расположенная напротив входа ниша оформлена как михраб со слегка вогнутой в верхней части задней стеной.

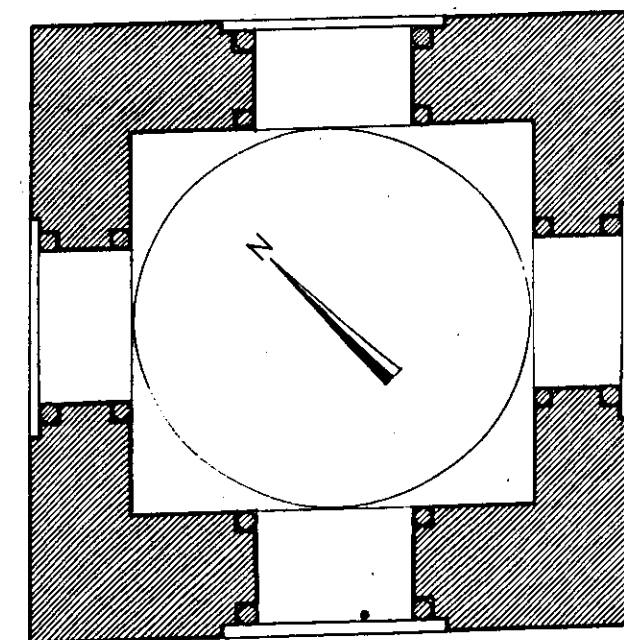
Во всех посвященных Ак-Астана публикациях (за исключением моих) это здание рассматривается как изначально замкнутое, с тремя внутренними осевыми нишами и одним входом³⁹. Между тем сохранившиеся части первоначальной постройки всё ещё достаточно, чтобы с определенной достоверностью реконструировать её облик и устройство, мало похожее на нынешнее, и доказательно датировать его началом 10 в.

Материалом строительства был квадратный кирпич со стороной 23 см, раствор — глиняный в кладке стен и ганчевый в арочных конструкциях. Верхние ряды кладки цоколя и стен сложены из кирпичей длиной 45—50 см и толщиной 6 см. Стены внутри и снаружи сложены декоративной «парной» кладкой с широкими (до 4,5 см) пустыми швами между парами. Резной терракоты, характерной для архитектурного декора 11—12 вв., здесь нет, за исключением нескольких фрагментов в ремонтных частях кладки.

Здание представляет собой в плане не совсем правильный квадрат: 9×8,7 м снаружи и 5,65×5,80 м внутри. ЮЗ стена несколько толще

других, что, может быть, объяснялось особым значением этой фасадной стороны.

Все 4 стороны были прорезаны широкими (около 2,5 м) арочными проёмами, следы которых сохранились всюду, кроме переложённой ЮВ стороны: на СВ снаружи видна верхняя арочная часть заложенного проёма, заключённая в прямоугольную углублённую раму; от заложенного ЮЗ проёма сохранилась его верхняя заострённая часть, превращённая в окно, слева от которого на фасаде просматриваются следы (вертикальный край) прямоугольного углублённого обрамления. Сохранились и внутрен-

Мавзолей Ак-Астана. Реконструкция плана.

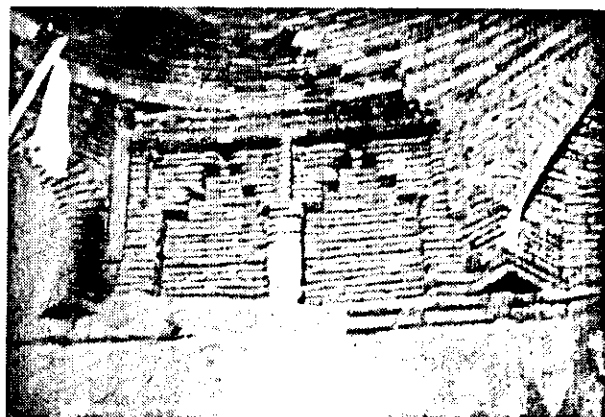
ние части ЮЗ и СЗ проёмов, превращенные в ниши, но не утратившие ни своей общей формы, ни даже угловых трёхчетвертных колонн, зрительно поддерживавших арки входов. Эти декоративные колонки, 12-гранные в сечении, сложены из полукирпичей тем же приёмом, что и колонны октагона в мавзолее Саманидов: кирпичи — по вертикали и горизонтали — чередуются с выемками той же высоты, что придаёт стройным гранёным стержням «шахматную», пластичную структуру.

Плоская прямоугольная выемка, в которую вставлена деформированная и заложённая арка на СВ фасаде, завершается рядом кирпичей, выдвинутых вперед углом, — на них, как на консолях, лежат верхние ряды кладки. Этот приём, несомненно повторенный на остальных фасадах, известен в архитектуре 9—10 вв. — он, например, эффектно употреблен в перекрытии коридора замка Харам-кёшк в Мерве⁴⁰ и подкупольных конструкциях мавзолея в комплексе Ходжа Машад⁴¹. В более позднее время он вышел из употребления.

Заглублённые прямоугольные обрамления входов Ак-Астана аналогичны обрамлениям порталов мавзолея Саманидов, хотя декорированы значительно скромнее. Как и в Бухаре они, вероятно, охватывали собой только верхнюю, арочную часть проёмов, отделённую от низа горизонтальным поясом-тягой. Снаружи эта тяга уничтожена ремонтными облицовками, но внутри сохранилась в виде горизонтального углубления на уровне верха угловых декоративных колонн. Тимпан сохранившейся входной арки на СВ стороне сложен «парной» кладкой, как и другие поверхности стен. Таким образом первоначальные фасады Ак-Астана представляли собой упрощенный, схематизированный вариант фасадной композиции мавзолея Саманидов — без угловых колонн и, вероятнее всего, без венчающей галереи.

В отчёте З. Хакимова, проводившего на Ак-Астана раскопки, сказано, что у угла восточного входа (имеется в виду СВ вход) внизу был найден кругло отёсанный кирпич радиусом 25 см. Фрагменты подобных кирпичей были найдены рядом⁴². Судя по форме и месту находки, эти кирпичи не могут быть ничем иным, как остатками круглых трёхчетвертных колонн, вставленных в углы входного проёма, — на них, как и в мавзолее Саманидов, зрительно опирались арки входов.

Самое необычное во внутреннем устройстве здания — оформление осевых граней его октагона, лежащих между арками тропов, которые заполнены полукуполом-конхами. Вместо обычных арочных ниш, повторяющих очертание тропов, эти грани декорированы тремя кирпичными выступами типа пилястров (один посередине и два у углов), увенчанными трёхступенчатыми, расширяющимися кверху консолями-подбалками. На первый взгляд эта система воспринимается как две неглубокие ниши с уступчатым верхом, — именно так они тракуются в боль-

Мавзолей Ак-Астана. Грань октагона.

шинстве публикаций. Это впечатление ошибочно. В действительности здесь достаточно точно, хотя и обобщенно (в силу специфики материала) представлена конструкция, состоящая из приземистых деревянных опор, трёхъярусных консолей-подбалок, сокращающих расстояние между опорами, — и лежащей на них балки. Доказательство этого — в том, что поверхность кирпичных «консолей» заглублена относительно поверхности «опор», что соответствует реальному соотношению узкой деревянной консоли-подбалки и широкого столба, и чего никогда не бывает в оформлении действительных ступенчатых ниш, в архитектуре Средней Азии, впрочем, очень редких⁴³. Узкие вертикальные выступы, как бы продолжающие пилястры на уровне их уступчатых венчаний, расшифровываются как условное изображение поперечных консолей, поддерживающих выступ горизонтальной кирпичной «балки», — приняв гипотезу ступенчатых ниш, им нельзя найти объяснения. Вся система в целом сопоставима с изображением (гораздо более детальным) «деревянных» колонн в октагоне мавзолея Саманидов, где тоже воспроизведены консоли, расположенные параллельно и перпендикулярно лежащим на колоннах «балкам». В подкупольном октагоне Ак-Астана есть ещё одна необычная деталь, заставляющая вспомнить бухарский мавзолей, — это вертикальные выступы шириной в полкирпича в углах октагона. Они расположены в тех же местах, что изящные колонки мавзолея Саманидов, и играют ту же роль, зрительно поддерживая свесы купола. Тем самым мотив верхней деревянной колоннады — рудимент «боевой галереи» замков — здесь как бы удвоен. Можно предположить, что строитель не знал или забыл смысл этой реликтовой архитектурной формы и употребил её формально, соединив два способа её выражения. Причём первый способ (рельефное изображение опор с тройными консолями) был ему более привычен, тогда как другой (опоры-колонны в углах октагона) был использован механически.

Черты типологического сходства между мавзолеем Саманидов и Ак-Астана проявляются, таким образом, и в общих формах, и в деталях. Но если первый был династической усыпальницей, произведением столичной архитектуры, то второй представлял собой рядовую провинциальную постройку, в которой типичные приёмы и формы тогдашней мемориальной архитектуры нашли более скромное, упрощенное воплощение.

Это обстоятельство не умаляет высокого художественного качества архитектуры Ак-Астана, ощутимого сквозь наслоения ремонтов и переделок, — благородной простоты декоративных кладок, изысканности пропорций и членений, эффектной оригинальности деталей. Оно свидетельствует о высоком общем уровне «саманидской» архитектуры Средней Азии, об оригинальности и разнообразии её приёмов и форм, проявлявших себя даже в области сравнительно массового строительства.

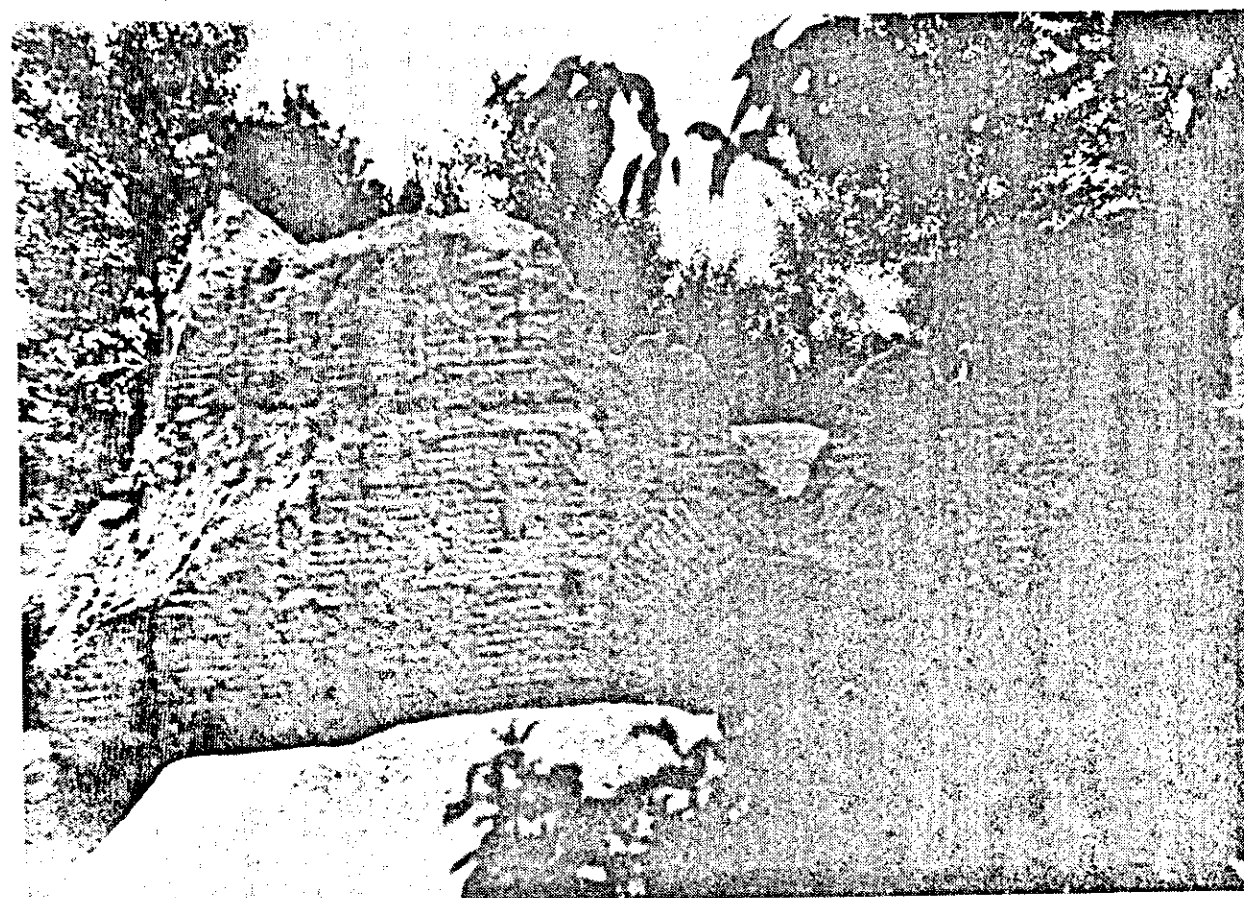
Тилло Халоджи

Оплывшие руины этого мавзолея сохранились в селении Айвадж, в южном Таджикистане, рядом с афганской границей. Он был построен из сырцового кирпича и имеет в плане размеры,

почти равные размерам мавзолея Саманидов — около 7 м внутри и 10,5 м снаружи при точно квадратной форме плана. Размер квадратного сырцового кирпича, из которого возведен мавзолей — со стороной 24—25 см — типичен для среднеазиатских построек 9—10 вв. и позже употреблялся редко. Мавзолей был перекрыт давно рухнувшим куполом, опиравшимся на довольно высокий октагон с тропами; гранёная форма этого октагона с угловыми выступами тропов отчетливо видна снаружи, — такой приём, превращающий ярус подкупольного октагона с тропами в важный элемент внешнего облика здания, получит распространение в архитектуре Средней Азии и Ирана будущих веков.

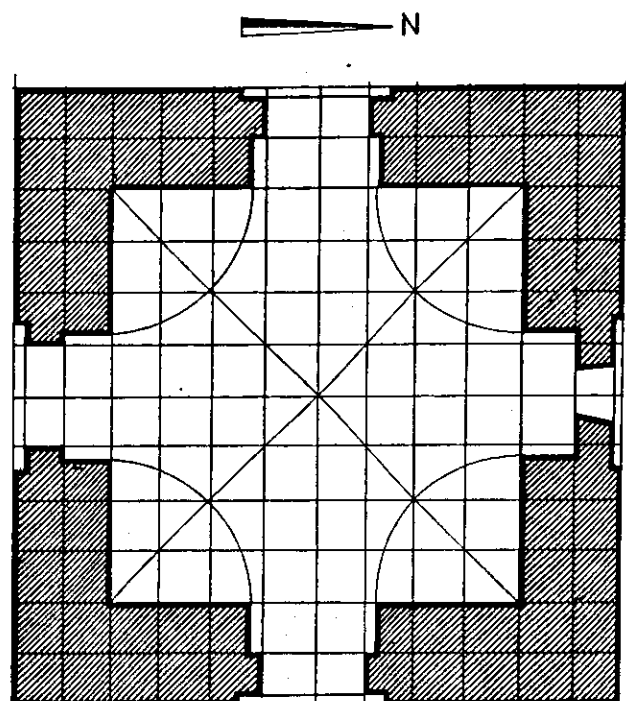
Судя по отсутствию в руинах мавзолея жёлых кирпичей, его купол был, как и всё здание, сырцовым и, значит, одним из самых больших куполов, выполненных в этом материале: 7-метровый пролёт для сырцового купола близок к техническому пределу.

Мавзолей Тилло Халоджи был открыт мной в 1970 г.⁴⁴ Это — типичный мавзолей — «чортак», ориентированный по странам света, с одинаковыми фасадами и лежащими на осях арочными входами. С мавзолеем Ак-Астана его сближают прямоугольные, слегка заглублённые

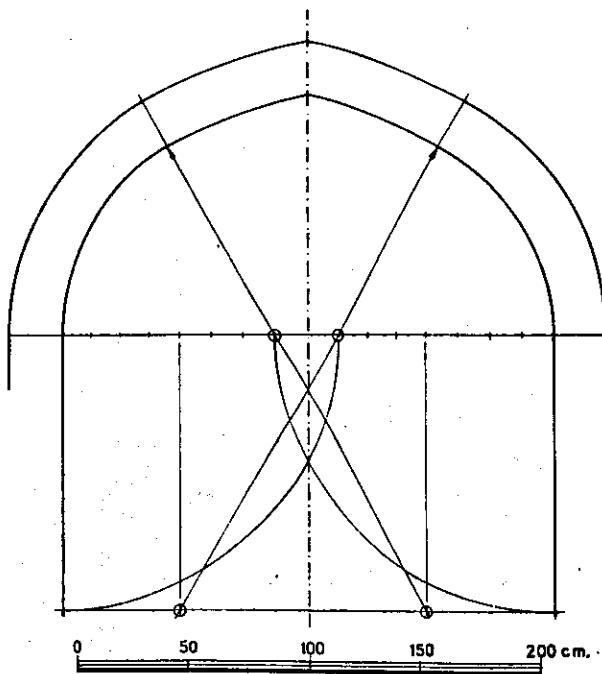
Мавзолей Тилло Халоджи. Современное состояние.

0 5 10 m.

Мавзолей Тилло Халоджи. Геометрический анализ плана.

Мавзолей Тилло Халоджи. Способ построения внутренней арки южного входа.

обрамления входов, которые, правда, начинаются здесь не от основания арок, а от уровня земли. Полная четырёхсторонняя симметрия по какой-то причине была нарушена закладкой северного входа: здесь в плоское прямоугольное заглубление, такое же, как на других сторонах, врезан не входной проём, а небольшое арочное окно. Ещё 4 окна располагались над входами (в том числе и над декоративным северным) на уровне тропов.

Интересная особенность мавзолея — небольшие расширения входных проёмов изнутри, имеющие форму сводчатых ниш. Они лишь немного шире и глубже самих входов и не создают того впечатления крестовидности плана, которое уже есть в некоторых доисламских зданиях Средней Азии⁴⁵, и которое широко распространится в архитектуре эпохи Тимуридов⁴⁶. Эти ниши практически не увеличивают площадь помещения, но акцентируют входы изнутри и создают единство внешнего и внутреннего пластического оформления — того, что в мавзолее Саманидов достигнуто при помощи декоративных кирпичных кладок.

Здание было построено на основе квадратной метрической сетки с ячейками, сторона которых равна 87 см. Можно думать, что такова была величина местной метрической единицы — «гяза», которой пользовались строители. Толщина стен мавзолея равна двум гязам, сторона помещения состоит из 8 гязов, глубина внутренних ниш равна 1 гязу. Их ширина определяется расстоянием от ниши до угла помещения, который равен удвоенной диагонали квадратного гяза или 1/4 диагонали помещения, — в данном случае эти размеры равны. Ширина входных проёмов равна двум гязам, а ширина наружных плоских ниш — удвоенной диагонали квадратного гяза. Таким образом, метрическая сетка и простые производные от неё определяют здесь построение не слишком сложного плана практически во всех его деталях.

К одной из особенностей мавзолея нужно отнести большое количество деревянных стержней, в разных направлениях и на разной высоте запущенных в сырцовую кладку — своего рода каркас, усиливающий сырцовые массы здания в статически опасных местах.

***

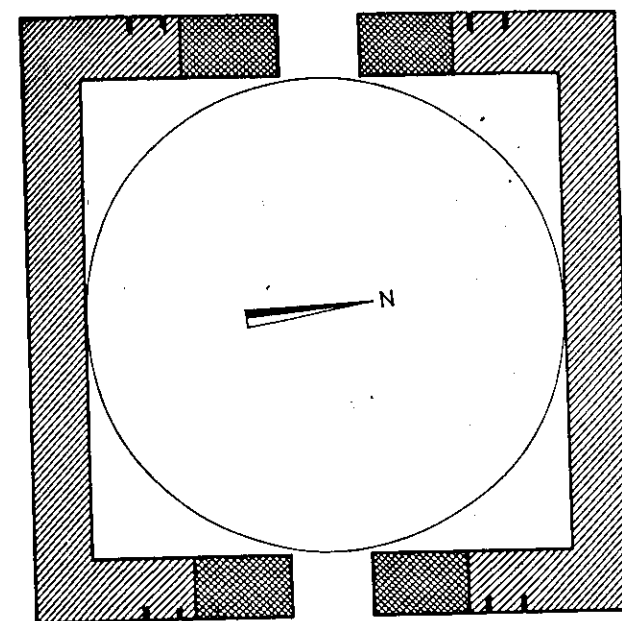
Если квадратные мавзолеи-киоски с четырьмя осевыми входами воплощают собой, так сказать, абсолютную центричность и, вероятно, были рассчитаны на соответствующее архитектурное окружение — на пересечении важных осей, в центре открытого пространства — если они, таким образом, олицетворяли собой идею центра, остановки и покоя, то в квадратных мавзолеях с двумя осевыми входами возникает идея направленности, сквозного движения, которая выражается через преобладание одной оси — с проходами — над другой, проходами не отмеченной. Вероятно, мавзолеи и этого типа

были рассчитаны на определенное архитектурно-планировочное окружение, иное, чем у четырёхсторонних мавзолеев-киосков. Можно предполагать, что такие «проходные» мавзолеи ставились на пересечении двух неравнозначных магистралей, большой и малой, с расположением входов на главной оси.

Генетически же мавзолеи этого типа можно рассматривать и как трансформацию купольных залов-киосков (не обязательно мавзолеев), и как влияние на мемориальную архитектуру определённой группы компактных жилищ доисламского и раннеисламского времени, сохранившихся главным образом в районе Мерва, но имевших, вероятно, более широкое распространение⁴⁷. Их характерная особенность — устройство двух осевых входов на противоположных фасадах при более или менее центрической внутренней организации.

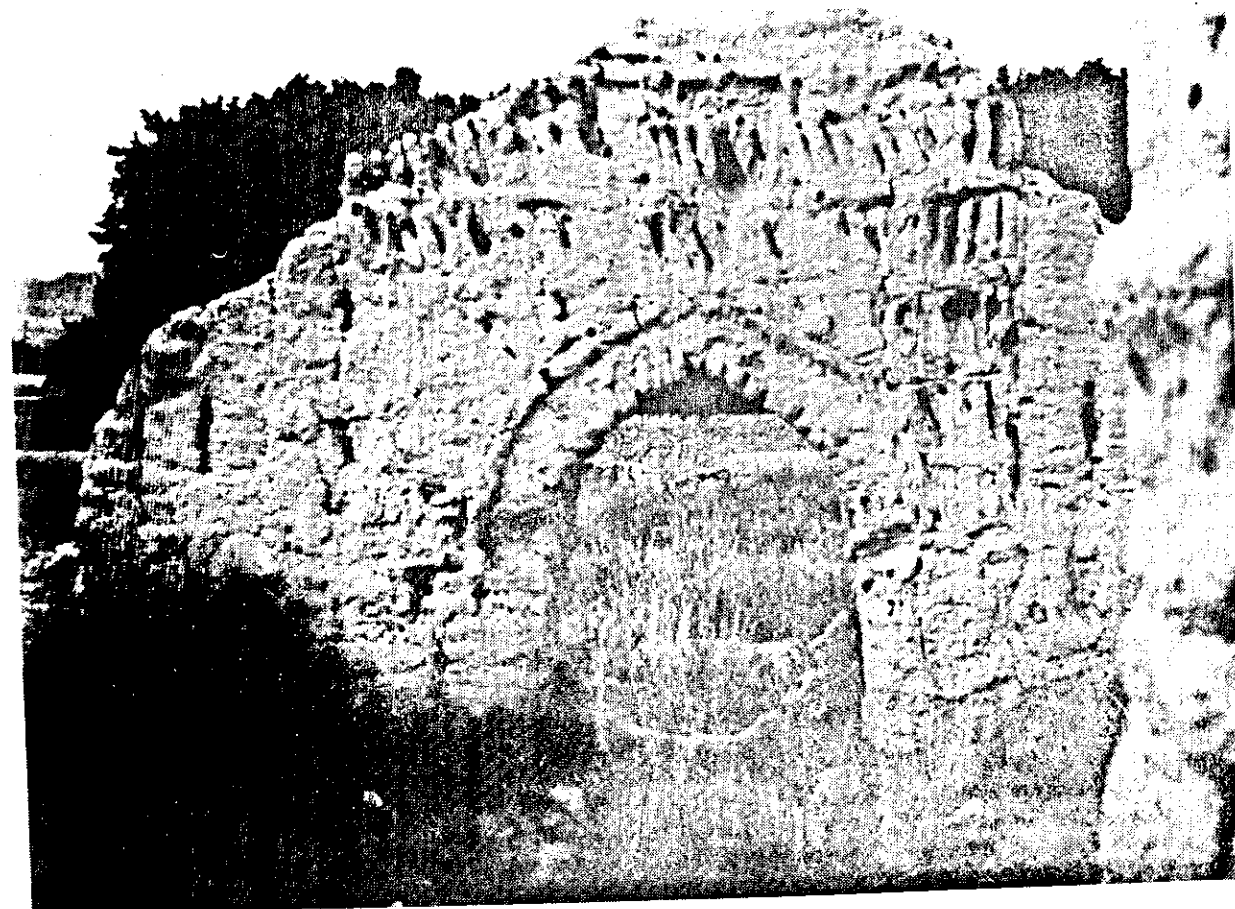
Ходжа Булхак

К мавзолеям этого типа относится сильно разрушенное сырцовое здание, стоящее на старом кладбище в селении Чорку (Таджикистан, район Исфары). Местные жители называют его «мазар (мавзолей) Ходжа Булхак», почитают как «святое место», но не делают попытки

0 1 2 3 4 5 m.

Мавзолей Ходжа Булхак в селе Чорку. План.

Мавзолей Ходжа Булхак. Стена портала.

восстановить. В 1970 г. этот мавзолей был открыт и обследован мной⁴⁸.

Здание имеет строго квадратный план без внутренних и внешних ниш и каких-либо выступов, ориентировано по странам света. Два осевых входа расположены на восточной и западной сторонах. Их форма не совсем обычна: проём, перекрытый стрельчатой аркой, заметно расширяется книзу, а сама арка несколько заглублена в стену и перекрыта рядом уложенных плашмя кирпичей. Такое сочетание «клинчатой» арочной перемишки с верхней обкладкой кирпичами плашмя, известное в строительстве доисламской эпохи⁴⁹, было употребительно и в 9—10 вв. Необычно здесь не устройство арочных входов, а тот приём, одновременно декоративный и конструктивный, которым они выделены на поверхности фасадных и внутренних стен.

В принципе этот приём заключается в том, что арка входа, начиная от её основания, заключена в прямоугольную раму, внутреннее поле которой выделено либо особенно эффектным декором (как в мавзолее Саманидов), либо создающим тень заглублением (как в Ак-Астана). Здесь же прямоугольное поле вокруг арки, высота которого вдвое больше её высоты, не заглублено в стену и не имеет облицовки, — оно заполнено конструктивной кладкой особого типа. Ряды горизонтально лежащих кирпичей чередуются в ней с рядами, в которых кирпичи поставлены наклонно-вертикально, узкой стороной вперёд, — всё вместе похоже на заполненный книгами пятиярусный книжный стеллаж. Группы кирпичей в этом «стеллаже» наклонены под разным углом, а иногда и в разные стороны, глиняный раствор между ними во многих местах вымыт, и всё вместе — по контрасту с окружающей нормальной кладкой — производит впечатление грубовато-живописной декоративности.

Между тем, как говорилось, эта кладка конструктивна и выглядит одинаково снаружи и изнутри. Здесь, вероятно, проявилась характерная для архитектуры 9—10 вв. нелюбовь (или неприязнь) к облицовкам: декоративное окружение порталных арок выполнено с помощью «рабочей» кирпичной кладки, иной, чем основная, но достаточно обычной в то время. Выше упоминалось, что кладка рядами наклонно стоящих кирпичей, прослоенных отдельными рядами горизонтальных кирпичей, применялась в строительстве из сырца и жженого кирпича в 9—10 вв. и позже, — мы еще встретимся с этим приёмом. Строители, видимо, применяли его для быстроты, но не считали такую кладку красивой, — обычно они прятали её внутри, а лицевую кладку вели обычными, горизонтальными рядами. Мавзолей Ходжа Булхак — единственное известное исключение из этого правила.

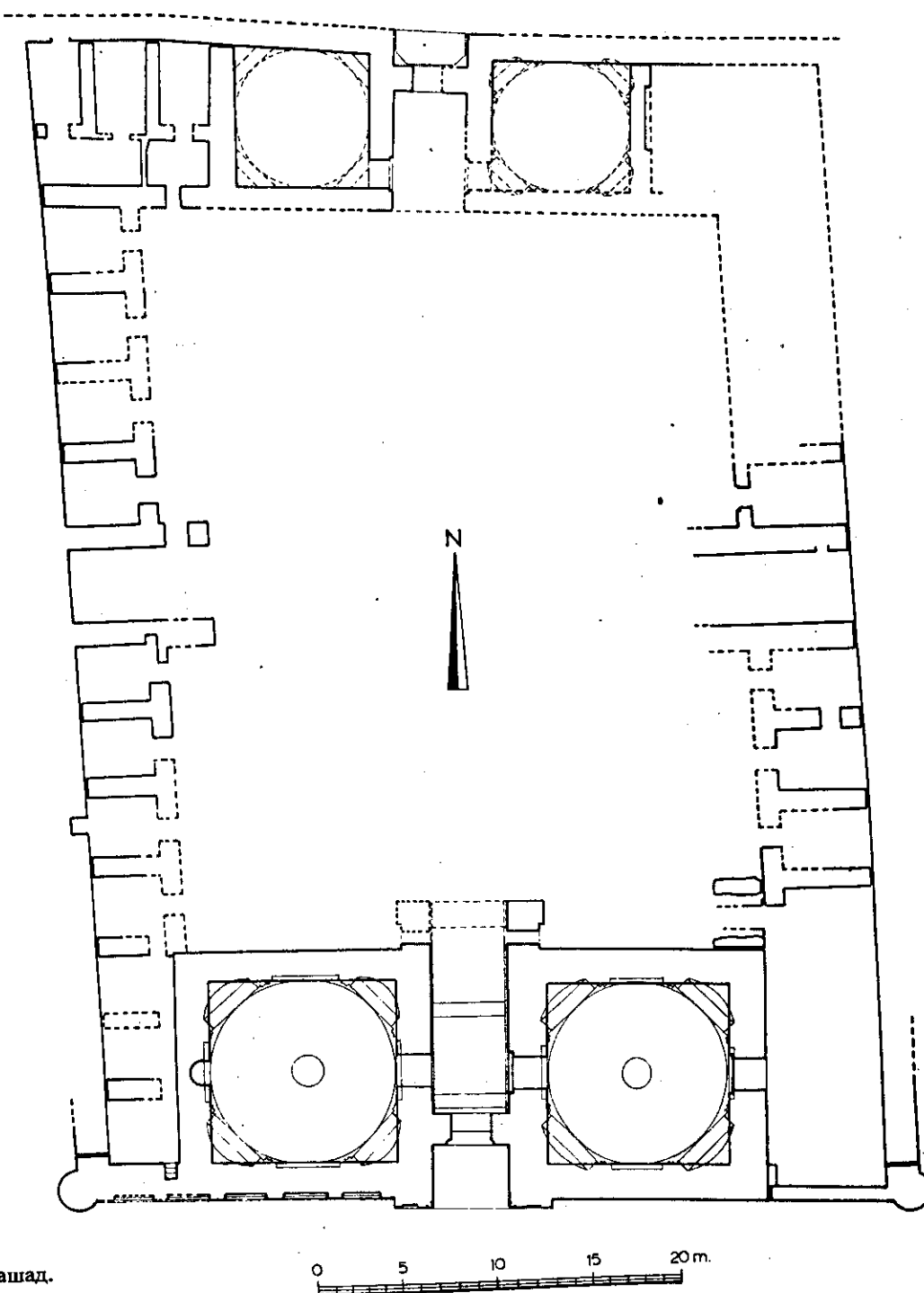
К сожалению, от этой интересной постройки сохранился только квадрат стен с остатками порталов, — нет следов ни купола, ни даже подкупольного октагона, и её первоначальные об-

лик и устройство остаются неизвестными. Новый материал могли бы дать только раскопки, но на них не приходится рассчитывать.

Ходжа Машад

На ЮЗ Таджикистана лежит область, известная в раннеисламских письменных источниках под именем Кабадиан. Здесь, в долине реки Кафирниган, в селении Сайод сохранился необыкновенный архитектурный комплекс, который местные жители называют Ходжа Машад — «Ходжа из Мешхеда». Он состоит из двух больших купольных залов, соединённых сводом, и расположенного за ними обширного двора, который был окружен многочисленными помещениями. Главным двухкупольным фасадом комплекс обращён на юг, в сторону селения; оба купольных здания, свод между ними и глубокая ниша портала, которым начинается свод, а также продолжения фасадной стены с угловыми башенками (они открыты раскопками в 1965 г.) были построены из жженого кирпича, со средним размером 27×27 см на глиняном растворе, и сохранились хотя и не без потерь, но сравнительно неплохо. Обстройка же лежащего севернее двора была возведена из сырцового кирпича и пахсы и фактически погибла: сейчас над землёй возвышается только середина северной стороны, состоящая из руин двух купольных помещений, прохода (некогда сводчатого) между ними и обращённого на север портала — уменьшенное подобие южной группы. Только раскопками 1965 и 1979 гг. была вскрыта планировка дворовой части комплекса. Выяснилось, что на осях двора лежали сводчатые айваны шириной 4 м, а остальная обстройка (кроме купольных залов на юге и севере) состоит из ряда сводчатых комнат с выходами во двор. Этот планировочный приём характерен для устройства медресе и караван-сарая, но два купольных зала по сторонам главного входа-портала, не свойственные караван-сараям, позволяют решить проблему однозначно: Ходжа Машад был медресе. Время же строительства — 11 в. — которое определяется строительными и декоративными приёмами, позволяет видеть в Ходжа Машаде одно из самых древних, если не древнейшее из сохранившихся во всём мире медресе.

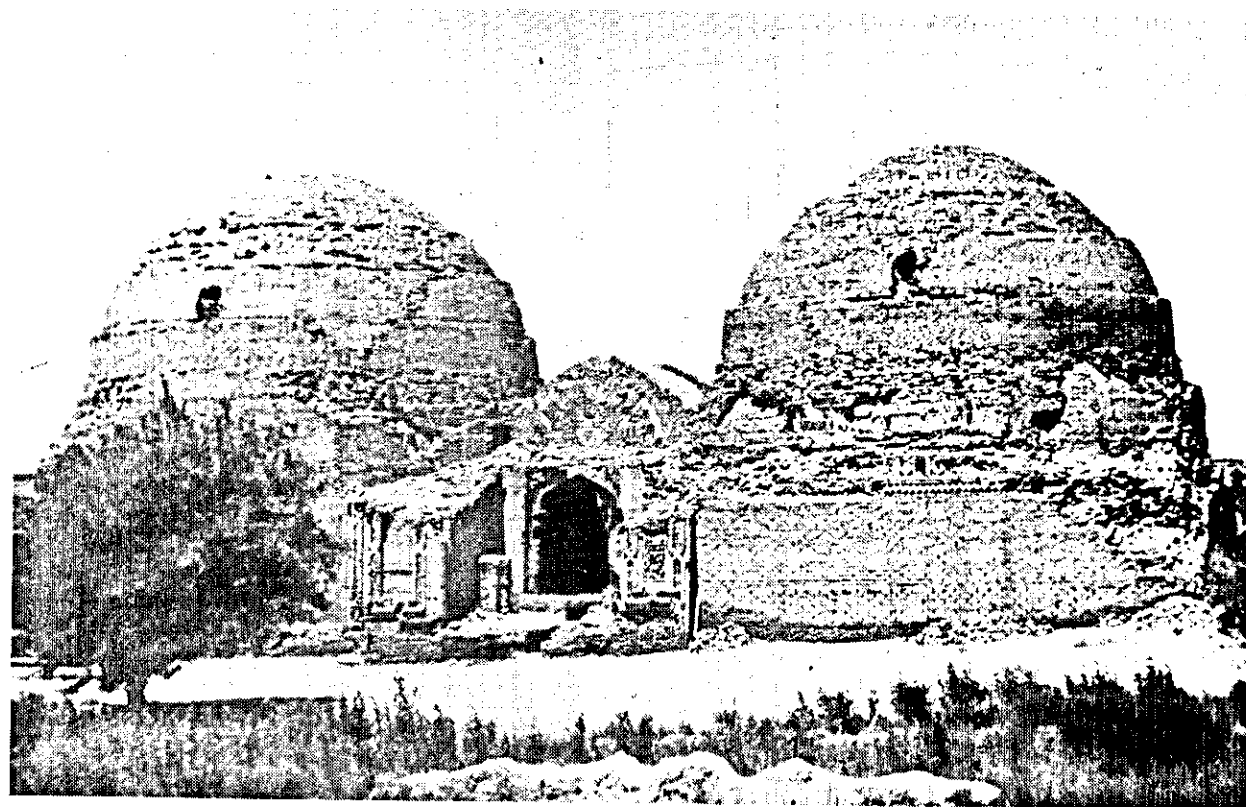
В публикациях, посвящённых открытию и исследованиям Ходжа Машада, отразились споры относительно его назначения и строительной истории⁵⁰. Еще до раскопок я высказал догадку, что Ходжа Машад представляет собой руины медресе 11 — начала 12 вв., что впоследствии подтвердилось. Нашла подтверждение и догадка, впервые высказанная А. Беленицким, что древнейшая часть комплекса — восточное купольное здание, к которому позже были пристроены западное здание, соединяющий их сводчатый айван с порталом и сырцовая обстройка двора. При этом строители стремились придать западному зданию общие черты сходства с восточным,

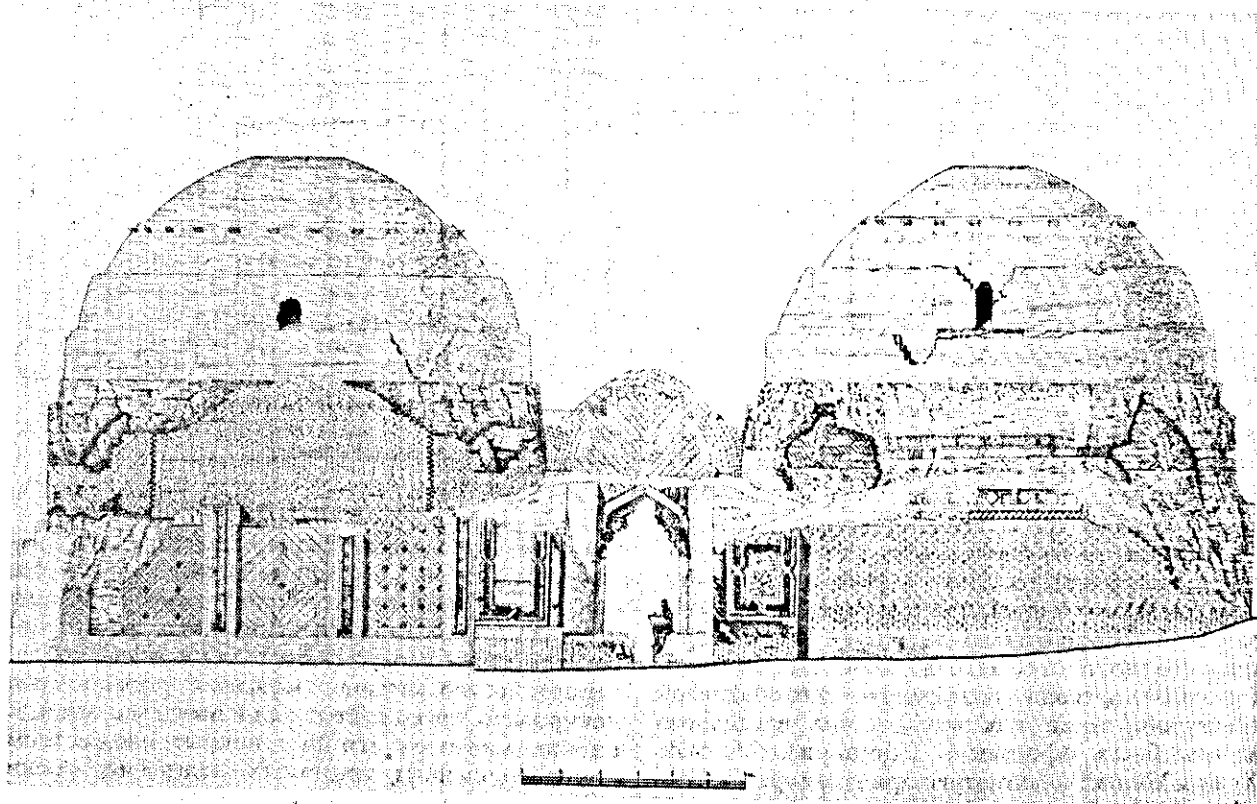
Медресе Ходжа Машад.
План.

что удалось им не вполне — из-за изменившегося художественного стиля, вкусов и изменения композиционной идеи, превратившейся из центральной во фронтально-фасадную. Именно поэтому у западного здания значение главного (южного) фасада подчеркнуто декоративной аркатурой, тогда как все фасады восточного здания были оформлены одинаково. Медресе Ходжа Машад — памятник архитектуры исключительного художественного и исторического значения, выходящего далеко за региональные

границы, и заслуживает специального исследования-монографии. В большей своей части он, однако, уходит за хронологические границы этой работы, — за исключением его древнейшего компонента, восточного купольного зала, строительство которого можно с уверенностью датировать 9 веком. Этот зал изначально строился как мавзолей: его пол покрыт множеством полуразрушенных глиняных надгробий, среди которых затерялась могила легендарного Ходжи Машада. Позже, когда мест для новых

Медресе Ходжа Машад. Южный фасад. Снимок 1959 г.

Медресе Ходжа Машад. Южный фасад. Обмерный чертёж.

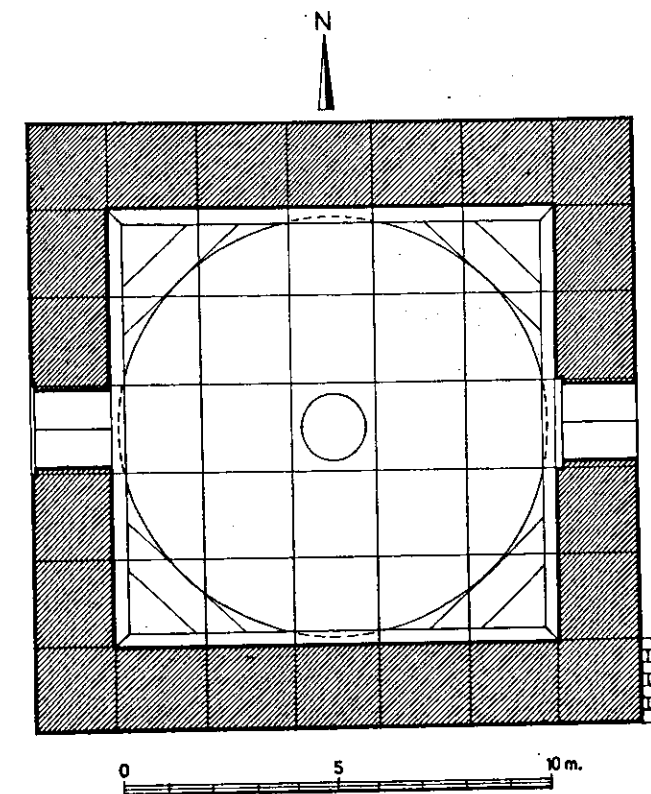
могил не осталось, хоронить стали в соседнем западном зале, который — это доказывает изящно украшенный резной терракотой михраб — представлял собой мечеть, непременно часть каждого медресе. С появлением в мечети погребений она потеряла свою первоначальную функцию.

Страна квадратного помещения — 10,4 м: среди сохранившихся купольных залов раннеисламской архитектуры Средней Азии это — рекорд, перекрытый только в 12 в. так называемым мавзолеем Санджара в Мерве⁵¹. Стены, толщиной несколько более 2 м, прорезаны на оси 3 — В арочными входами со слегка нависающими «пятами» стрельчатых арок. Небольшое прямоугольное заглабление, в которое врезан западный вход, сдержанно указывает на его главенство. Такая же плоская прямоугольная ниша, напоминающая оформление порталов Тилло Халоджи, имеется у восточного входа, но — с внутренней стороны: так подчеркнуто направление движения с запада на восток, имевшее какой-то давно утраченный смысл. О том, что мавзолей стоял не совсем одиноко, но что с востока к нему примыкало некое архитектурно организованное пространство, говорит загадочная деталь: в нижней части восточного фасада, у его южного угла сохранился короткий кирпичный выступ шириной, равной толщине стены, но высотой от основания — всего 85 см. Выше выступа идет целая, без следов ремонта поверхность стены. Обращенный к востоку край выступа обломан беспорядочно торчащими кирпичами, — он, несомненно, продолжался дальше на какое-то расстояние.

Следовательно, до включения мавзолея в структуру медресе его южная стена продолжалась на восток, на какое-то расстояние, в виде платформы высотой около 1 м и шириной 2 м. Можно только гадать, было ли это основанием для деревянной колоннады, или цоколем исчезнувшей сырцово-оградой, или это след изменившегося — уже в процессе строительства — первоначального проекта.

Метрическая единица, определяющая основные пропорции мавзолея, равна 52 см — и в этом случае можно предполагать, что таким был размер местной мерной единицы — гяза. Для определения размеров и пропорций плана была использована более крупная единица — учетверенный гяз, равный 208 см. Этот размер 5 раз укладывается в длину стен помещения, ему равны толщина стен и ширина входов, включая их заглабленное обрамление. Пропорции плана, таким образом, предельно просты и ясны.

Кирпичная кладка фасадов, одинаковая со всех сторон, состоит из трёх постепенно усложняющихся зон или слоёв. Внизу, на высоту около 1 м, расположена обычная «цепная» кладка, выше следует кладка парами — 5 сдвоенных рядов высотой около 60 см. Любопытно, что на южном фасаде эти слои имеют довольно заметный наклон, который сходит на нет только в следующем, самом высоком слое, за счёт

Мавзолей Ходжа Машад. Геометрический анализ плана.

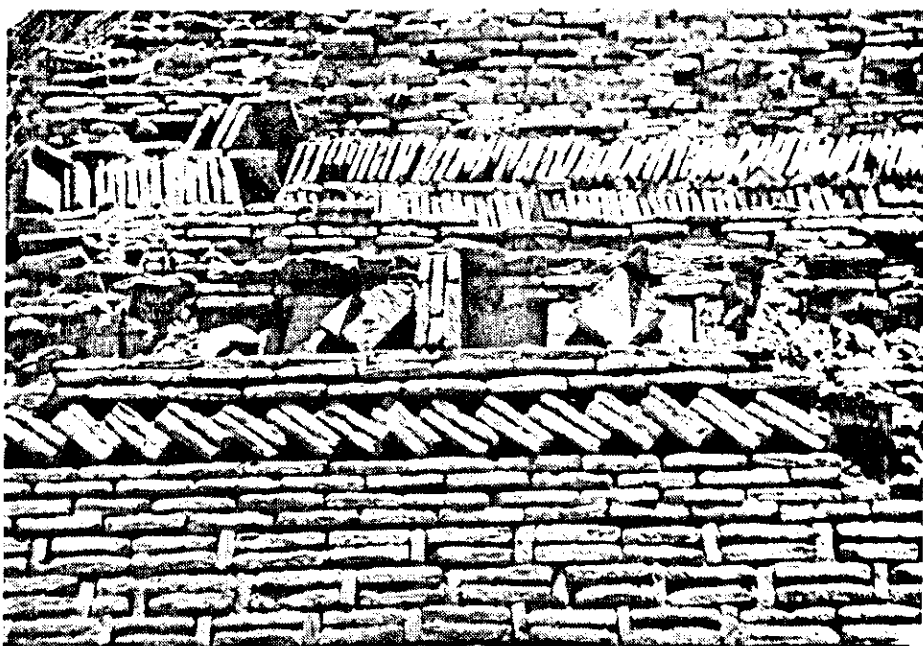
изменения толщины швов. Этот верхний слой, охватывающий собой больше половины высоты фасадов, состоит из спаренных кирпичей, разделённых вертикально поставленными половинками кирпичей.

В лицевой фасадной кладке использованы обычные, никак специально не обработанные кирпичи, из которых построено всё здание — не совсем правильной формы, со смятыми рёбрами и углами. Пустые, затённые швы между ними отчётливо выявляют орнаментальный рисунок кладки, её усложняющийся кверху ритм; всё вместе создаёт впечатление пластичности, одновременно грубоватой и изысканной.

Эта структура была нарушена на восточном фасаде: здесь кладка парами с вертикальными вставками применена редко и как бы случайно, её заменяет кладка простыми парами, причём в верхних частях она выполнена нерегулярно, иногда стопками из трёх кирпичей или одиночными рядами. Это наводит на мысль о каком-то очень давнем ремонте, который сопровождался перекладкой облицовки.

Фасады были увенчаны широким фризом. Он почти целиком разрушен, но его остатки, сохранившиеся на южном фасаде (частично на восточном и северном) позволяют реконструировать его с достаточной степенью точности. Средняя, широкая часть фриза представляла собой заглабленную ленту, в которую были вставлены, плашмя и диагонально, квадратные кирпичи.

Мавзолей Ходжа Машад.
Остатки фриза
на южном фасаде.

Группы из 4-х и 3-х кирпичей (назовём их условно «метопами») разделялись «триглифами» — вертикальными выступами толщиной в 3 кирпича, рёбрами вперед. Сверху и снизу этот фриз был обрамлён более узкими лентами, которые состояли из наклонно расположенных кирпичных пар, как бы падающих одна на другую. Было ли что-нибудь выше этого фриза — неизвестно, так как верх нижнего квадратного объёма здания, как и большая часть подкупольного октагона, снаружи разрушен.

Средняя часть фриза находит неожиданно близкую аналогию в венчании главного фасада караван-сарая Рабати Малик, речь о котором пойдёт ниже. Я постараюсь показать, что традиционная датировка этого караван-сарая — 11 в. — основана на недоразумении, и что есть серьёзные основания считать его постройкой 10 в.

На фризе Рабати Малик квадратные плиты кирпичей в «метопах» скомпонованы попарно, а разделяющие эти пары «триглифы» сделаны из особенно крупных, нестандартных кирпичей, также соединённых по два. Как и в Ходжа Машаде, заглублённым фоном для групп диагональных кирпичей здесь служили кирпичи, расположенные параллельно плоскости стены, но стоящие не на углу, а нормально.

Цепочка поставленных на угол рельефных квадратов венчает внутреннее подкупольное пространство мавзолея Саманидов, — тот же традиционный мотив, выступающий в той же роли венчающего фриза, на этот раз во внутренней архитектуре и без членения вертикальными вставками. В том монументальном облике, в каком он предстаёт на фасадах Ходжа Машада и Рабати Малика, этот несомненно очень древний мотив больше не встречается. Он был употреблён ещё раз в качестве декоративного релик-

та, мелкой детали сложного кирпично-резного убранства интерьера в мечети Талхатан-баба, построенной в конце 11 в. недалеко от Мерва⁵². Здесь стены среднего квадратного помещения завершены выступом, сложенным из 5 рядов кирпичей, причем средний ряд украшен глубокой резьбой: на узких гранях кирпичей, высотой 5 см, вырезана цепочка диагональных квадратов, чередующихся с узкими вертикальными прямоугольниками. Словно для того, чтобы не было сомнения в источнике этой архитектурной «цитаты», на прямоугольниках процарапано по два вертикальных желобка, превращающие их в миниатюрное подобие «триглифа», составленного, как в Ходжа Машаде, из трёх кирпичей. Это, действительно, лишь цитата, воспоминание о большой архитектурной форме, низведенной лет за 200 до мелкой орнаментальной подробности.

Древний вариант этой формы, причём в той же роли венчающего фасадного фриза, сохранило изображение замка на доисламском «аниковском» блюде. Рис. на стр. 113. Широкий фриз, который завершает его нижний объём, включает в себя пояс, в котором поставленные на угол квадраты чередуются с дисками, украшенными четырёхлистниками — «трефами». Последняя деталь реальна: терракотовые диски, украшенные именно так, были несколько раз найдены при раскопках доисламских замков в разных регионах Средней Азии.

Интересно и не случайно, что выше этого пояса на фасаде «аниковского» замка лежит второй пояс, состоящий из наклонно расположенных, как бы падающих один на другой кирпичей, — правда, не сдвоенных, как на фасадах Ходжа Машада, а одинарных. Такой же пояс, но с обратным направлением кирпичей, венчает верхнюю арочную галерею «аниковско-

го» замка. Аналогичные бордюры из «падающих» кирпичей (маленьких, с затёртыми швами) расположены над входами внутри мавзолея Саманидов, — и здесь этот мотив играет, применительно к порталным входам, традиционную для него роль венчающего фриза.

Казалось бы, этих примеров достаточно, чтобы убедиться в среднеазиатском генезисе фризов с «падающими» кирпичами, так эффектно представленных в Ходжа Машаде. Сложность, однако, в том, что древнейший реальный и самый близкий аналог этому архитектурно-декоративному приёму находится далеко от Средней Азии, в Палестине, и со среднеазиатской художественной традицией едва ли может быть связан.

Это омейядский замок Каср Харани, здание начала 8 в.⁵³ Квадратное в плане, с угловыми башнями, полубашнями и внутренним двором, оно построено из камня. Единственным украшением его глухих фасадов со щелевидными окошками служит горизонтальный углублённый пояс между 2 и 3 этажами, заполненный бесконечной цепочкой «падающих», опирающихся один на другой кирпичей. В данном случае это не кирпичи, а их каменная имитация, причём пропорции этих небольших блоков таковы, что образцом для них должны были быть сдвоенные, как в Ходжа Машаде, кирпичи. Другой такой же фриз украшает только башни и полубашни

замка на уровне между первым и вторым этажами. «Кирпичный» характер этого сдержанного убранства несомненен, но его источник, уходящий в доисламскую древность, неясен. Омейядская архитектура, в отличие от аббасидской, не испытывала, как будто, заметных ирано-среднеазиатских влияний.

Еще один образец применения бордюра с цепочкой «падающих» кирпичей в арабской архитектуре — Багдадские ворота в Ракке⁵⁴. Здесь этот узкий бордюр отделяет верхнюю глухую аркатуру с её сложной пластикой от глади расположенной ниже фасадной стены. Построенные в 772 г., эти ворота — едва ли не самое «саманидское» (хотя по времени досаманидское) произведение аббасидской архитектуры: на это указывают их архитектурные формы, стиль кирпичного декора и очертания арок. Влияние среднеазиатской традиции, вполне вероятное после победы Аббасидов, здесь не исключено.

Над квадратом внешних стен мавзолея поднимается высокий, сильно разрушенный октагон. Особенно пострадали его диагональные грани: разрушения кладки обнажили здесь поверхности сферических заполнений тромпов. Обычная «цепная» кладка октагона оживлена в его нижней части поясом из вертикально стоящих кирпичей, — собственно говоря, таких поясов, уходящих в глубь кладки и разделённых одним рядом кирпичей, здесь два, но верхний был

Мавзолей Ходжа Машад. Световое отверстие в куполе.

замаскирован снаружи слоем облицовки, нижний же выведен на поверхность граней октагона.

Снаружи над октагоном поднимается высокий сфероконический купол, разделённый тремя уступами на 4 части. В два нижние выступа врезаны ступенчатые выемки, облегчающие подъём на купол; третий выступ с этой же целью снабжен кольцом выступающих из кладки кирпичей. Уступчатая наружная форма купола вызвана здесь, так же как в мечети Шир Кабир и мавзолее Саманидов (где она скрыта поздней облицовкой), тем, что толщина купольной оболочки уменьшается кверху, что делает её легче и устойчивей. Толщина купола в основании составляет 4 кирпича, второго и третьего кольца — соответственно 3 и 2 кирпича, а толщина верхней части купола — 1,5 кирпича.

Замечательная особенность купола мавзолея Ходжа Машад — круглое окно-люк в его вершине, диаметром 165 см, придающее внутренней архитектуре купольного зала неожиданное сходство с римским Пантеоном. Вплоть до того времени, когда в куполе — на уровне второго пояса — был пробит небольшой оконный проём, этот широкий люк был, как и в Пантеоне, единственным источником дневного света. Он расположен на высоте 12,7 м над уровнем пола и, судя по кольцеобразной ступени вверху, был перекрыт для защиты от дождя: на ступени, вероятно, лежало деревянное кольцо, служившее опорой для стоек каркасного, вероятнее всего, купольного светового фонаря.

Круглые отверстия в зените куполов иногда встречаются в домонгольской архитектуре Средней Азии. О широте их распространения судить нельзя, так как большинство куполов этой эпохи было впоследствии переложено. Люк в куполе мечети Шир Кабир (см. стр. 83), обложенный жженым кирпичом, мог быть первоначальным, но мог быть и следствием ремонта, — ясности здесь нет. Маленькие отверстия в зените куполов мавзолеев Саманидов и Арслан Ясиба в Сенгбесте (1128 г.) недостаточны для освещения и служат, вероятно, вентиляционными проходами.

Возведение купола, сложенного кольцевыми рядами, может быть прекращено на любой высоте без ущерба для конструкции. Большое (до 3 м в диаметре) круглое отверстие в куполе иранского мавзолея Джебели Санг (12 в.) объясняется, возможно, тем, что из-за нашествия гузов это здание не было достроено. Купол этого мавзолея, судя по некоторым признакам, предполагалось сделать двойным, а в этих условиях устройство люка во внутренней оболочке лишено смысла.

Таким образом, световой люк в зените купола мавзолея Ходжа Машад и сделанный в подражание ему такой же люк в соседней купольной мечети 11 в. — единственные сохранившиеся образцы этой эффектной архитектурной формы, поражающей каждого, входящего в эти здания.

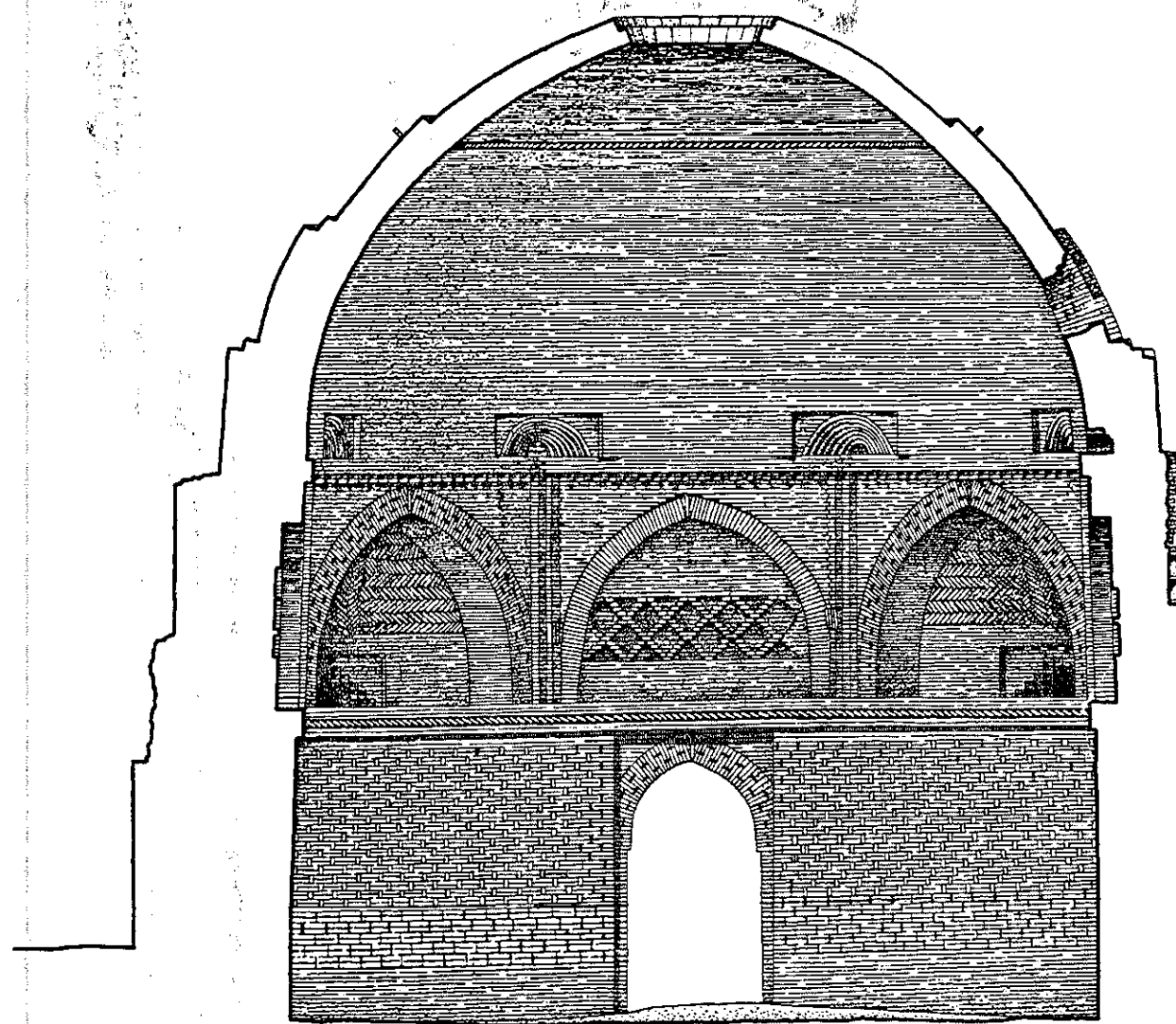
Внутренняя архитектура мавзолея обнаруживает тот же принцип выявления кирпичной

фактуры, одновременно строительной и декоративной. Как и снаружи, характер кирпичной кладки стен последовательно усложняется снизу вверх: внизу — простая «цепная» кладка, выше — кладка парами (6 двойных рядов, как снаружи, и на той же высоте), ещё выше до верха стен — кладка парами с вертикальными вставками между ними. Квадрат стен высотой 416 см (8 гязов) увенчан слегка выступающей внутрь прямоугольной полкой, которая украшена обтекающим весь зал, уже знакомым нам бордюром из «падающих» кирпичей, — на этот раз не сдвоенных, а одинарных и ополовиненных. На квадрат стен опирается октагон, грани которого прорезаны арками тромпов и промежуточных осевых ниш. Общая высота зала до верха октагона — 735 см — практически равна 14 модулям.

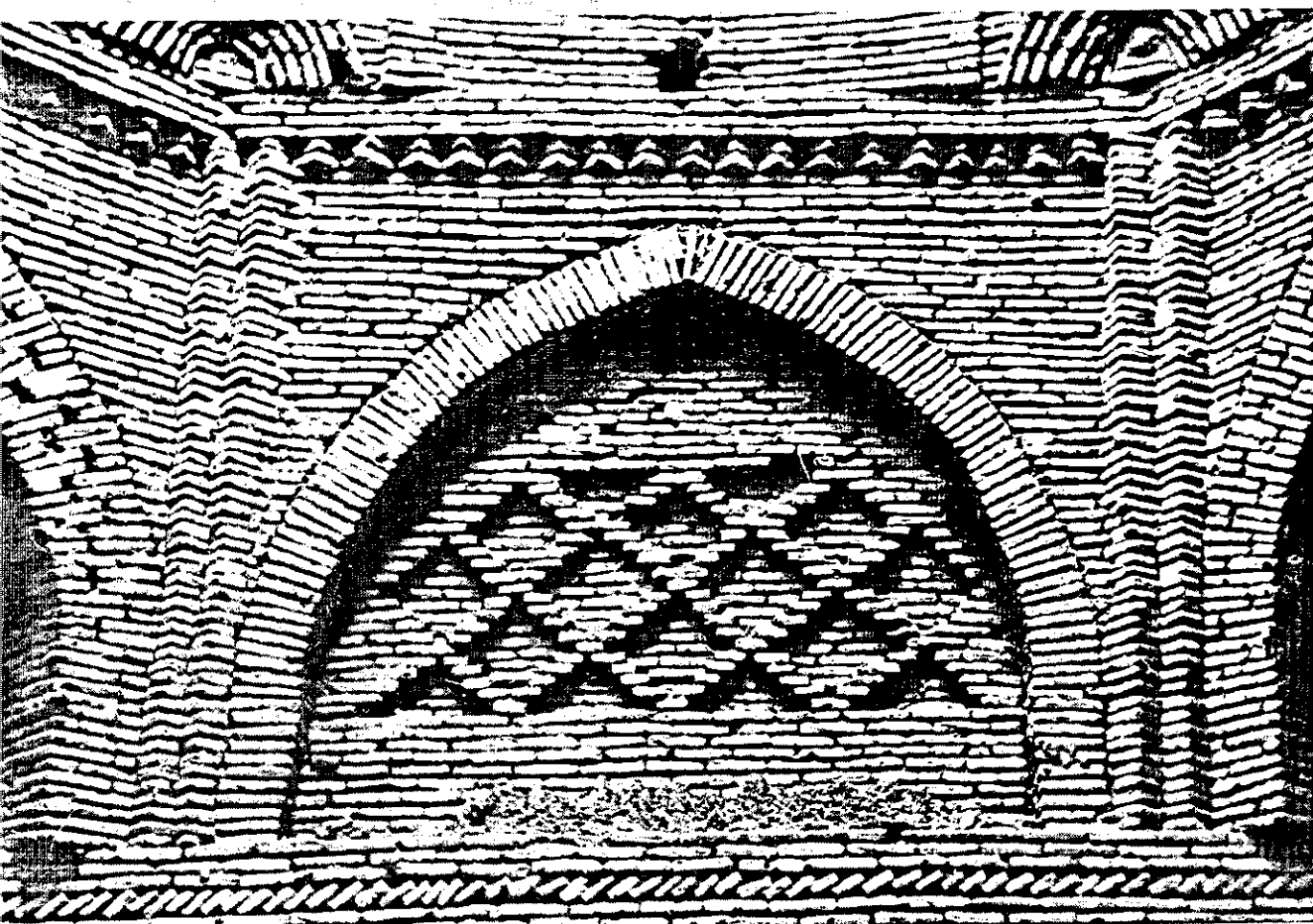
Арки тромпов и осевых ниш одинаковы и построены из двух центров, — классическое «саманидское» очертание (соответствующие арки соседней мечети — четырёхцентровые и имеют совсем другую форму), причём кривые начинаются на 52 см (1 гяз) выше основания арок. Неодинакова конструктивная толщина арочных перемычек: у осевых ниш она равна 1 кирпичу, у тромпов — 1,5 кирпича, причём кладка велась парами, с выделением широких швов между целыми кирпичами и половинами. Аналогичный, но уже сознательно декоративный приём был использован в мавзолее Саманидов.

Внутренние углы октагона оформлены узкими двойными выступами, грани которых параллельны и перпендикулярны диагональным граням октагона. Их открытая кирпичная фактура и нерегулярная перевязка с кладкой стен лишают их геометрической чёткости, создают впечатление почти скульптурности, — впечатление, свойственное едва ли не всем архитектурным формам мавзолея. Октагон увенчан прямоугольным выступом высотой в 4 кирпича, который поддерживается сплошным рядом сдвоенных кирпичей-консоль, выдвинутых из стены углом, — приём, употреблённый в мавзолее Ак-Астана и повторённый в северном сырцовом портале медресе Ходжа Машад.

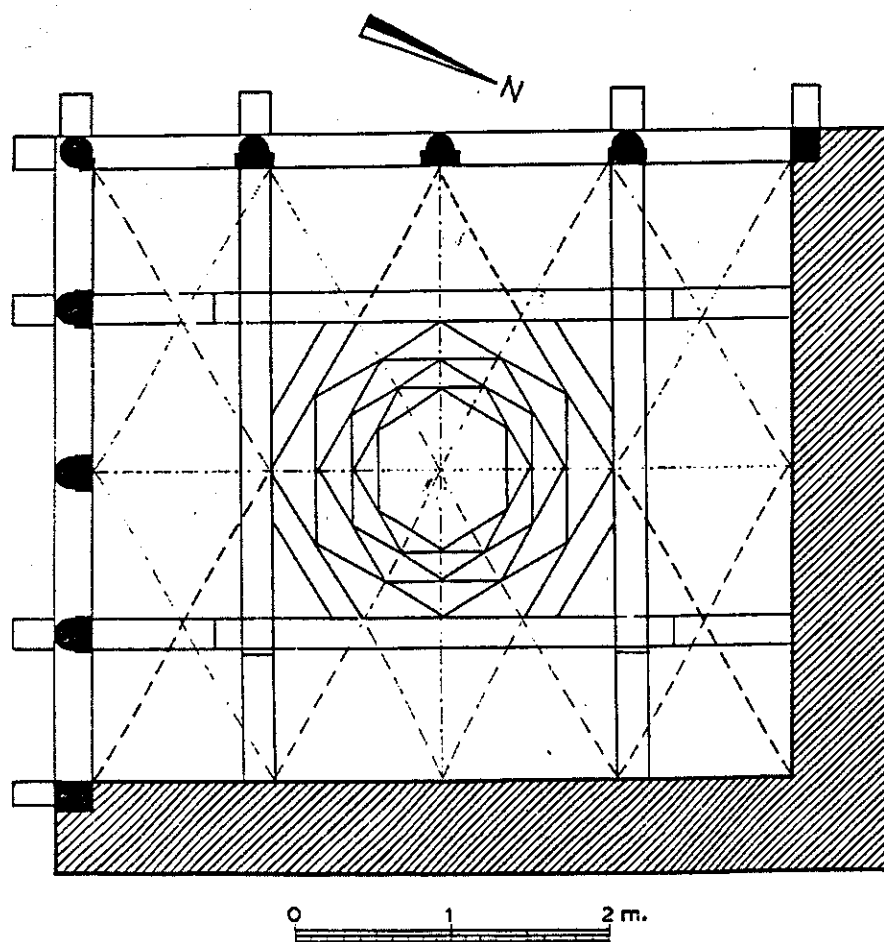
Осевые арочные ниши октагона в их средней части украшены рельефным узором из расположенных уступами кирпичей, образующих квадратно-ромбическую сетку. Я не помню другого случая употребления в архитектуре Средней Азии этого архаического приёма, хотя именно он, вероятно, лёг в основу монументального настенного декора, распространённого в 11—12 вв. — рельефных куфических надписей, набранных из кирпича⁵⁵. Его ближайший и, весьма возможно, современный аналог — панно с рельефным кирпичным узором в мечети Сиди Окба (Кайруан, 9 в.), отличающееся, собственно, лишь тем, что в кайруанской мечети выступающие вперёд кирпичи расположены вертикально⁵⁶. Сходный приём виден в настенном панно одного из сырцовых зданий в Систане (Афганистан), датированных обычно 11 в.⁵⁷ Но систанское

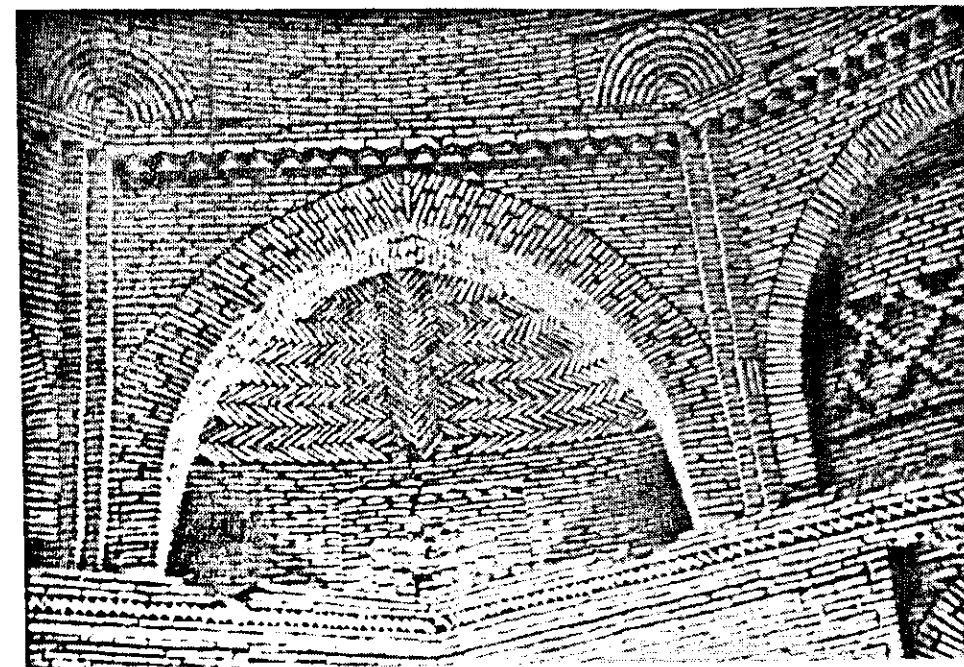
Мавзолей Ходжа Машад. Разрез.

Мавзолей Ходжа Машад. Арочная ниша октагона.

Мавзолей в Чорку. Реконструкция плана.

Мавзолей Ходжа Машад. Тромп.

панно сложнее, изощреннее и, видимо, моложе ходжамашадского⁵⁸.

Особенно интересно в мавзолее Ходжа Машад заполнение угловых троповых арок. В нижней части оно представляет собой вогнутую стенку высотой 90 см; нависание этой стенки над углом ликвидировано с помощью «врезанной» в неё уступчато-треугольной ниши, — ячеистого выемчатого пандантива. Ниши вставлены в прямоугольные заглабления горизонтальных пропорций, нависающий верх которых поддерживают, как в порталах Ак-Астана, выступающие углом кирпичи-консоли. На эту вогнутую стенку опирается угловая поперечная полуарка, упирающаяся своим верхним концом в вершину троповой арки. Конструкция этих полуарок необычна: они сложены из наклонно уложенных друг на друга кирпичей, образующих 2 параллельные группы, и в целом создают впечатление «V»-образных фигур, вставленных одна в другую и обращённых углом вниз. Два нижних кирпича так странно сложенных полуарок укреплены для устойчивости несколькими нормально лежащими кирпичами. Вогнутые заполнения тропов по сторонам полуарок состоят из рядов наклонно поставленных «падающих» кирпичей, направление наклона которых в каждом ряду меняется.

По сравнению с тропами мавзолея Саманидов, в которых использована в принципе та же конструкция, тропы Ходжа Машада отличаются полным отсутствием декора, если не считать таковым их обнажённую кирпичную структуру, явно рассчитанную на своеобразный декоративный эффект. Удивительно, что эта рискованная и нигде больше не встреченная конструкция сохранилась в течение более 1000 лет и дошла

до наших дней во вполне хорошем состоянии, несмотря на разрушение её наружной оболочки.

Мавзолей Ходжа Машад — единственное крупное здание исламского времени, построенное из жженого кирпича, в котором диаметр купола несколько больше пролёта его восьмиугольного основания. Этот древний приём, свойственный строительному искусству доисламской эпохи и вызванный к жизни примитивностью тогдашних купольных конструкций, в 10 в. был уже забыт. В Ходжа Машаде, как и в мавзолее Кыз-биби, он употреблён как рудиментарная, но ещё вполне осмысленная форма, хорошо знакомая строителям и свидетельствующая об очень раннем времени постройки. Из-за этого на осях октагона, в тех местах, где на него опирается купол, образовались узкие сегментные площадки, всё же недостаточно глубокие для того, чтобы избежать нависания купола над углами октагона. В этих местах прямо в оболочку купола врезаны 8 тропов древнего доисламского типа, состоящих из 7 арок эллиптической формы, вставленных одна в другую и уступами сходящихся к центру. Подобно ступенчато-перспективным тропам доисламского замка Малая Кыз-кала и Кыз-биби, и эти тропы вставлены в прямоугольные, изогнутые по форме купола заглабления.

Переход от эллиптической формы арок и сводов к стрельчатой начался в Средней Азии ещё в доисламское время, и к 9 в. этот процесс был, видимо, завершён. Уже в раннеисламской архитектуре арки эллиптической формы практически не встречаются, а если встречаются, то очень редко и как архаический реликт⁵⁹. И это обстоятельство указывает на очень раннее — едва ли позже 9 в. — время постройки.

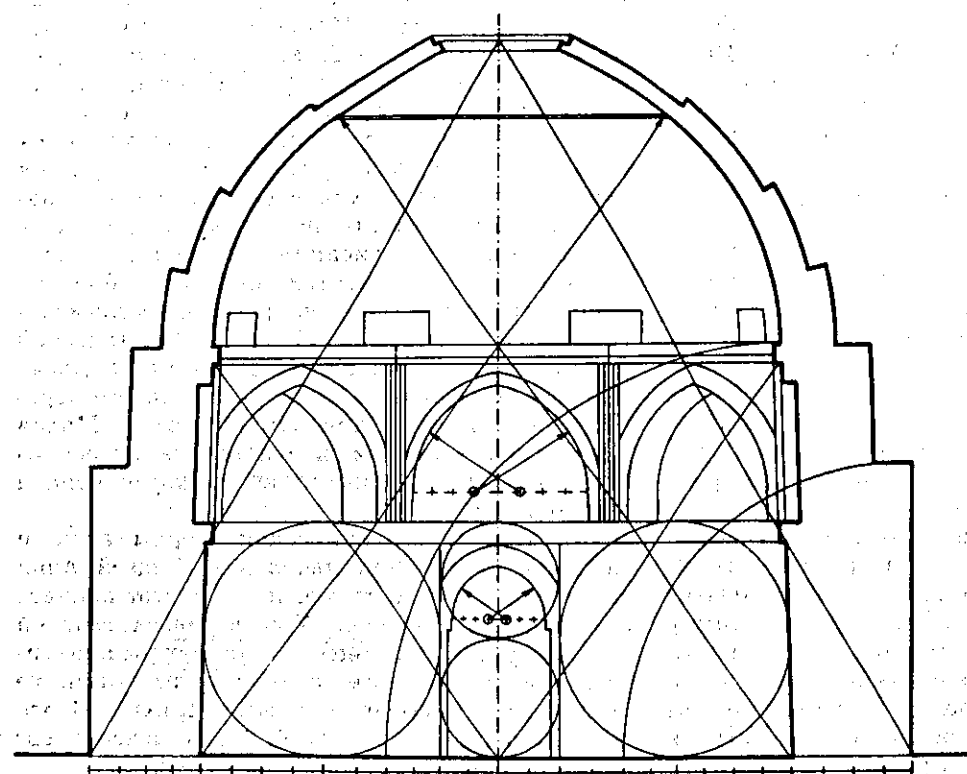

Мавзолей Ходжа
Машад. Тромп
второго яруса.

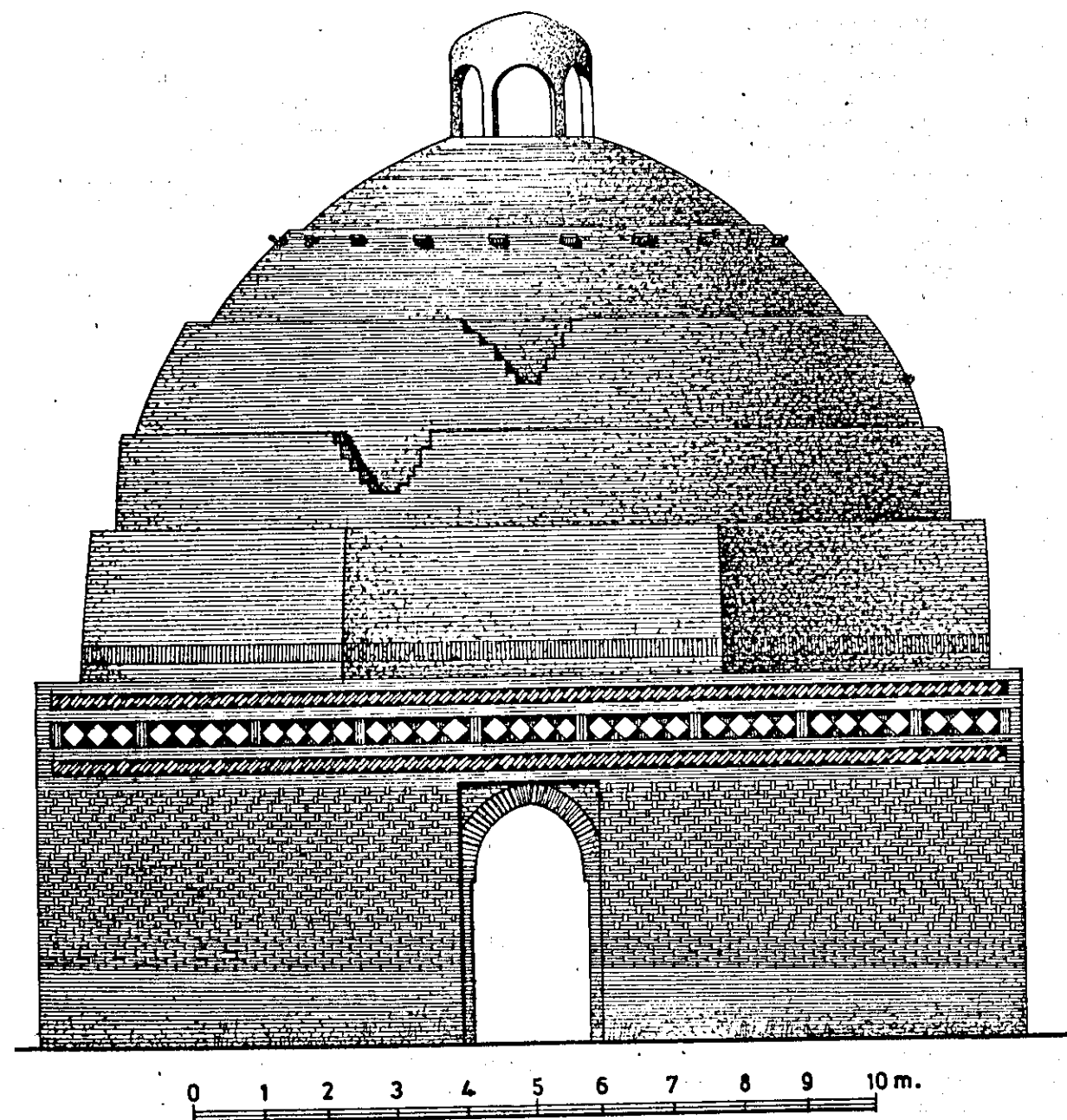
Высокий, несколько яйцевидной формы купол на высоте $1/4$ от вершины украшен бордюрным кольцом из наклонно «падающих» полукирпичей, — таким же, как на венчающем стены выступе. Геометрический анализ показал, что уровень этого единственного внутреннего декора купола выбран не случайно: на этой именно высоте полукруглое очертание купола (с центром на верхней кромке октагона) переходит в более

плавную кривую, центры построения которой лежат на уровне пола, у основания стен.

Особый эффект интерьеру мавзолея придаёт небольшой наклон всех его вертикальных поверхностей внутрь — сознательно употреблённый приём, благодаря которому внутреннее пространство кажется больше его действительных размеров. Этот наклон, применявшийся в древнем строительстве из сырца и пахсы для

Мавзолей Ходжа
Машад.
Геометрический
анализ пропорций.

Мавзолей Ходжа Машад. Реконструкция первоначального облика.

придания постройкам устойчивости, использован здесь традиционно, но в чисто художественных целях.

В интерьере мавзолея господствует оголённая кирпичная фактура, скупо декорированная в некоторых местах, ещё лишённая ковровой узорчатости, свойственной архитектуре 11—12 вв., дышащая грубоватой силой. Если в архитектурный организм мавзолея Саманидов обильно введены резные алебастровые детали, швы местами затёрты и кирпичи облицовок отшлифованы, что в целом придаёт зданию изысканную нарядность, то здесь кладка обычным кирпичом с раскрытыми швами и полное отсутствие декора-

тивных вставок создают впечатление мрачноватой пластичности и обнаженной конструктивной логики. Эстетизация конструктивных форм здесь почти незаметна, строитель как будто и не стремился к ней, — и всё же облик этого купольного зала, великолепного в своей суровой простоте, освещённого столбом света, струящегося через верхнее круглое окно, обладает огромной силой воздействия и выглядит более прекрасным, более волнующим, чем многие роскошно украшенные интерьеры следующих веков. Здесь сливаются воедино и продуманная логика конструктивных форм большого подкупольного пространства, и выразительная красота кирпичной

пластики, и гармония основанных на геометрическом расчёте пропорций.

Не совсем обычна художественная нейтральность входов, арочные проёмы которых кажутся врезанными в уже готовые стены. Это относится прежде всего к восточному входу: его стрельчатая, без обрамления арка едва не касается фриза и некрасиво сочетается с примыкающей к ней кладкой фасадной стены. Но и западный вход, с его простым прямоугольным обрамлением, не претендует на особую композиционную значимость. Ещё больше, чем мавзолей Саманидов, мавзолей в Сайоде отмечен множеством рудиментарных приёмов и форм, характерных для доисламской архитектуры, — таких, как эллиптической формы перспективно-ступенчатые трюмпы, врезанные прямо в оболочку купола, фризы из наклонно «падающих» и поставленных плашмя и на угол кирпичей, превышение диаметра купола над стороной его основания, наклон вертикальных поверхностей внутрь. Все арки мавзолея имеют двухцентровое, наиболее древнее в исламской архитектуре Средней Азии, очертание. Устройство трюмпов октагона, аналогичное мавзолею Саманидов и мечети в Узгене, отличается отсутствием декоративного камуфляжа и очевидной архаичностью. Всё это в совокупности позволяет рассматривать Ходжа Машиад как древнейшее из сохранившихся в Средней Азии зданий, целиком построенных из жжёного кирпича, более старое, чем даже мавзолей Саманидов, и достаточно обоснованно датировать его 9 веком.

ОДНОПОРТАЛЬНЫЕ МАВЗОЛЕИ

Общая характеристика мавзолеев этого типа была дана выше (стр. 120). Нелишне отметить, что здания типа купольного зала с одним высоким порталным входом при единстве или близости их объёмно-пространственной структуры могли иметь (как и центрические купольные залы) разное назначение, — это могли быть и мечети (как поминальная мечеть в Узгене), и ханаки, и входные сооружения общественных, культовых и жилых комплексов. Здесь проявилось то сформулированное О. Грабаром правило «гибкости» исламской архитектуры, которое позволяло одну универсальную архитектурную форму наполнять различным человеческим и социальным содержанием⁶⁰.

Среднеазиатский портал — по местной терминологии пештак («передняя арка») — представляет собой относительно плоский прямоугольный объём, как бы пристроенный к одной из сторон купольного зала и заметно возвышающийся над его стенами. Его ширина может быть равна ширине здания (тогда он выделяется только высотой), но может быть и меньше, и даже больше. В прямоугольное обрамление, состоящее обычно из вписанных одна в другую декоративных лент, врезана сводчатая ниша входа, размеры которой намного превышают

функционально оправданные размеры входного проёма, расположенного в глубине ниши. В ранних пештаках углы оформлены вставленными в них трёхчетвертными колоннами; на такие же, меньших размеров колонны опирается арка входной ниши. Над аркой, между ней и прямоугольным обрамлением, часто располагалось прямоугольное, горизонтальное, различным образом декорированное панно, — в пештаках после-монгольской эпохи оно, как правило, заполнялось надписями. В случаях, когда пештак был продолжением вверх одной из стен здания, эта стена делалась толще других, с тем чтобы входная ниша имела достаточную глубину, — в результате наружный контур плана отходил от формы правильного квадрата. Отличительные признаки пештака — его высота, превышающая высоту стен самого здания (поэтому, например, порталы мавзолея Саманидов нельзя считать пештаками), а также — сосредоточение именно здесь основного декоративного богатства внешней архитектуры, концентрирующее внимание на пештаке и определяющее значение гипертрофированно развитого входа.

В сохранившихся постройках интересующей нас эпохи пештак как особая архитектурная тема представлен сравнительно малым числом образцов, хотя для глобальных выводов о степени его распространения тогда этот факт едва ли достаточен. В средневековой архитектуре Средней Азии и Ирана (а позже и Индии) пештак стал одним из самых распространённых образов архитектуры, в большой степени определяющим собой её художественное и духовное содержание. Отсюда — интерес к его происхождению и генезису, вызвавший разнообразные, противоречивые гипотезы.

Прототип пештака искали в формах крепостных ворот древней и античной эпох (типа вавилонских ворот Иштар), что отчасти не исключено, и даже в области кочевой культуры (резная деревянная дверь юрты)⁶¹, что совершенно исключено. Высказывалось мнение, что генезис пештака не имел в Средней Азии единой линии развития⁶². Самой распространённой и популярной среди советских исследователей стала гипотеза Б. Засыпкина, согласно которой пештак возник благодаря постепенному выделению одного из фасадов равнофасадного центрического здания и перенесению на него главного композиционного и декоративного акцента, причём этот процесс объяснялся тюркским (караханидским) влиянием, а формирование пештака в его сложившихся формах приурочивалось, таким образом, к 11 в.⁶³ В. Нильсен видел причину этого процесса не во влиянии «тюркского» вкуса, а в том, что тесная застройка городов оставляла открытой лишь входную сторону зданий, на которой, по необходимости, и сосредоточивался декоративный и пластический эффект⁶⁴. Он отметил также близкое композиционное сходство пештаков и ранних михрабов в Средней Азии (типа Искодарского михраба), объясняющееся их несомненным генетическим родством.

Мой взгляд на происхождение пештака из сводчатого зала-айвана сасанидской (и синхронной ей среднеазиатской) архитектуры, как и моё отношение к высказанным ранее теориям, я изложил в одной из статей⁶⁴. В любом случае прообраз пештака — в локальной связи с купольным или сводчатым помещением — существовал в Средней Азии задолго до утверждения здесь ислама, причём чаще всего как оформление входа в погребальное здание. Таким, если верить реконструкции, был мавзолей, построенный в Мерве в 1—2 вв. н. э.⁶⁶; наземные склепы «наусы» 6—7 вв. в районе Анграна с выдвинутым вперёд арочным входом, по мнению их исследователя, были схожи с будущими исламскими мавзолеями⁶⁷.

Оформление входа выдвинутым вперёд прямоугольным объёмом с арочной нишей (правда, меньшей высоты, чем само здание) встречается в некоторых замках предисламской эпохи, — например, в хорезмском замке Якке-Парсан⁶⁸. В замке, изображённом на «аниковском» блюде, эффектный арочный вход был, судя по его сочетанию со стилобатом, выдвинут вперёд, а в верхней части входного объёма здесь расположено горизонтальное прямоугольное панно, трактованное как оконный проём, — характерная деталь будущих пештаков.

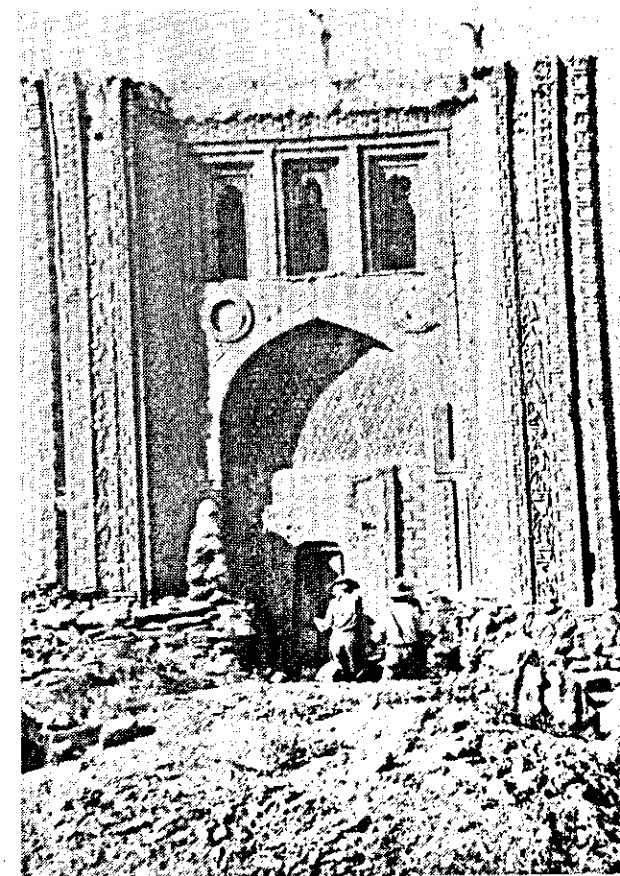
С формальной точки зрения сочетание трёхмерного объёма купольного зала с почти двухмерной фасадной плоскостью пештака выглядит механическим. Пештак, при подходе к нему спереди, скрывает стоящее за ним здание и не позволяет составить правильное представление о его архитектуре, — это ширма, скрывающая реальный объём. При подходе же сбоку, который не предусмотрен композиционным замыслом и даже противоречит ему, верхняя, поднимающаяся над стенами часть пештака проецируется в более или менее тонкую полосу, контрастно чуждую материальной трёхмерности здания и композиционно никак с ним не связанную. Казалось бы, соединение двух несовместимых приёмов — пространственного и плоскостного — должно привести к художественному противоречию, которое не снимается странным убеждением строителей в том, что их творение будет всегда созерцаться только спереди. Древний сводчатый айван, лежащий на оси двора и напротив входа в него (примеры из исламской архитектуры — Охейдир, дворец Ускаф Банни Джунаид) был жестко «вставлен» в эту осевую схему и не оставлял других возможностей подхода к нему; для однопортального мавзолея это условие было необязательным, хотя строители первых из них старались, вероятно, его соблюдать соответствующей организацией близлежащего пространства. Тем не менее противоречие между равносторонней симметрией квадратного купольного зала и односторонней, фасадной симметрией декоративной плоскости пештака никогда не было снято.

Верхняя часть пештака, представляющая собой сравнительно тонкую и высокую стену, воз-

водилась непосредственно на своде входной ниши. Такая конструкция, даже если стена укреплялась с тыльной стороны выступами — «рёбрами жесткости», — очень рискованна, особенно в сейсмических условиях Среднего Востока. Неудивительно, что подавляющее большинство среднеазиатских пештаков, даже и более позднего времени, дошло до наших дней без своих венчающих частей, обеспечив этим материал для различных догадок и гипотез. Этой судьбы не избежали и два однопортальных мавзолея Средней Азии, которые можно уверенно датировать 10 в. Нужно заметить, что в Средней Азии сохранилось еще несколько мавзолеев этого типа, несомненно очень древних (например, мавзолей Акмазар в области Кабадиан⁶⁹), но из-за неясности датировки они остались за пределами этого обзора.

Мавзолей Араб-ата

В пустынной местности южнее города Каттакурбан, в Узбекистане, далеко от больших дорог, есть маленькое селение Тим. Здесь (не в самом селении, а поблизости от него) в 1958 г. был случайно открыт древний мавзолей, получивший

Мавзолей Араб-ата. Современное состояние, вид с севера.

вскоре известность благодаря своим исключительным архитектурно-художественным качествам. Местное население называет его Араб-ата, — «отец арабов»⁷⁰. В названии, объяснения которому местные жители не знают, скрыто, может быть, указание на то, что мавзолей воздвигнут над могилой одного из арабских воителей, павшего в 8 в. в этих, тогда ещё населённых местах.

Араб-ата — первое датированное здание исламского времени в Средней Азии. В куфической надписи на его портале сохранилась дата — 367 г. хиджры, то есть 977/978 г. н. э. Так как в надписях-эпитафиях обычно указывались день и месяц смерти погребённого, которых здесь нет, исследователи мавзолея считают, что дата на портале означает время строительства. Есть, правда, другое мнение, согласно которому мавзолей был построен в 11 в.⁷¹ Мне кажется, что ранняя дата строительства подтверждается многими уникальными чертами архитектуры и декора здания, отличающими его от построек 11 в. с их уже устойчиво сложившимся стилем.

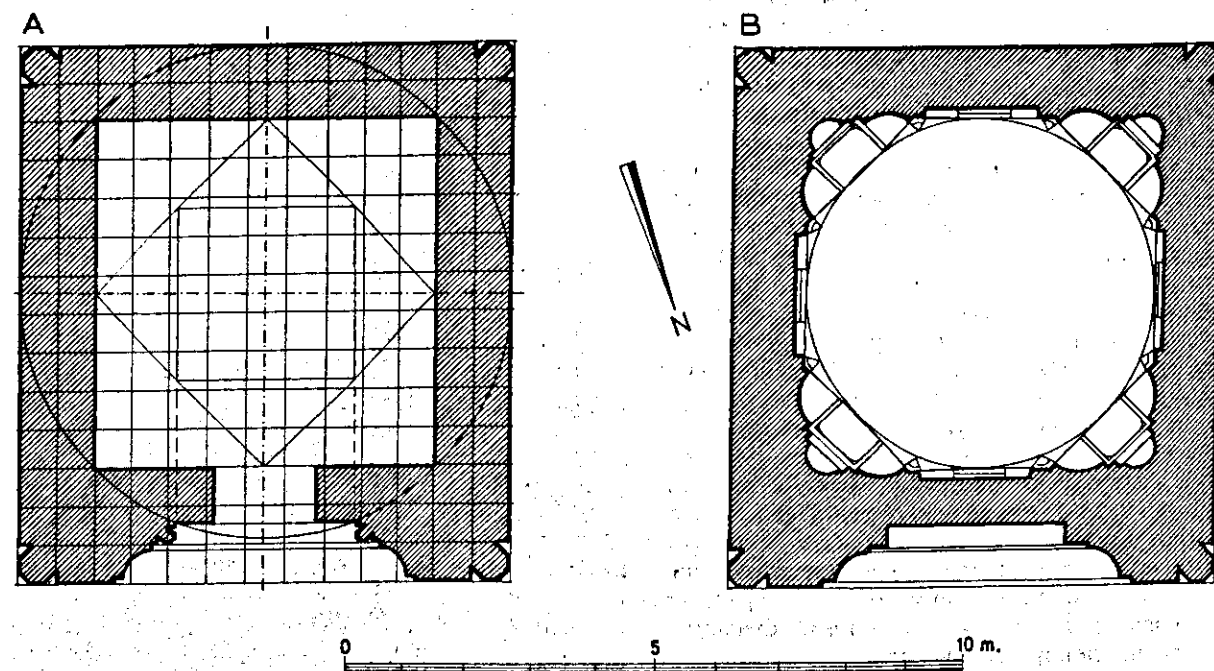
Мавзолей построен из квадратного жёженого кирпича со стороной 23 — 23,5 и толщиной 4 см. Под стены подведён фундамент из тщательно отёсанных камней, глубиной 2,4 м — редкий в те времена приём (мавзолей Ходжа Машад, размерами много больший, чем Араб-ата, был построен без фундаментов, прямо на уплотнённом грунте). Изнутри в основании стен, над полом лежит обвязка из деревянных балок, предназначенная защищать стены от грунтовых солей и сырости. Она появилась здесь, возможно, во время одного из ремонтов.

В общем же здание сохранилось хорошо. Обрушился только верх портала и был заложен первоначальный вход, на месте которого появился маленький, неправильных очертаний дверной проём; не сохранилась одна из угловых гранёных колонн, нижние части стен были обложены камнями, а к заднему, частично переложённому фасаду был пристроен массивный контрфорс.

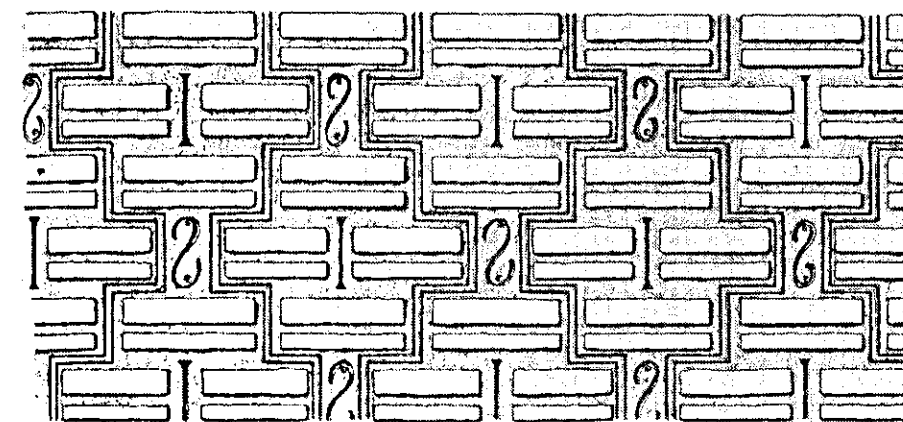
Здание ориентировано по странам света с отклонением около 20°. Главный, входной фасад обращён на север. Сторона квадратного в плане помещения — 5,6 м, наружные размеры — 8 × 8,7 м: квадратная форма нарушена из-за значительно большей толщины portalной стены, которая первоначально лишь немного не достигала вершины купола и представляет собой высокий портал-пештак со сложной пластикой и богатым резным декором.

Прочие фасады имеют нормальную высоту, отвечающую высоте внутренних стен и опирающегося на них подкупольного октагона (около 7 м) и украшены значительно скромнее. Они сложены вперевязку спаренными кирпичами на желтоватом ганчевом растворе, но этот традиционный приём имеет здесь примечательные особенности. Первая состоит в том, что нижние рёбра нижних кирпичей в каждой паре подтёсаны таким образом, что эти кирпичи кажутся уже верхних, — эффект усилен ганчевым раствором, заполняющим широкие швы кладки.

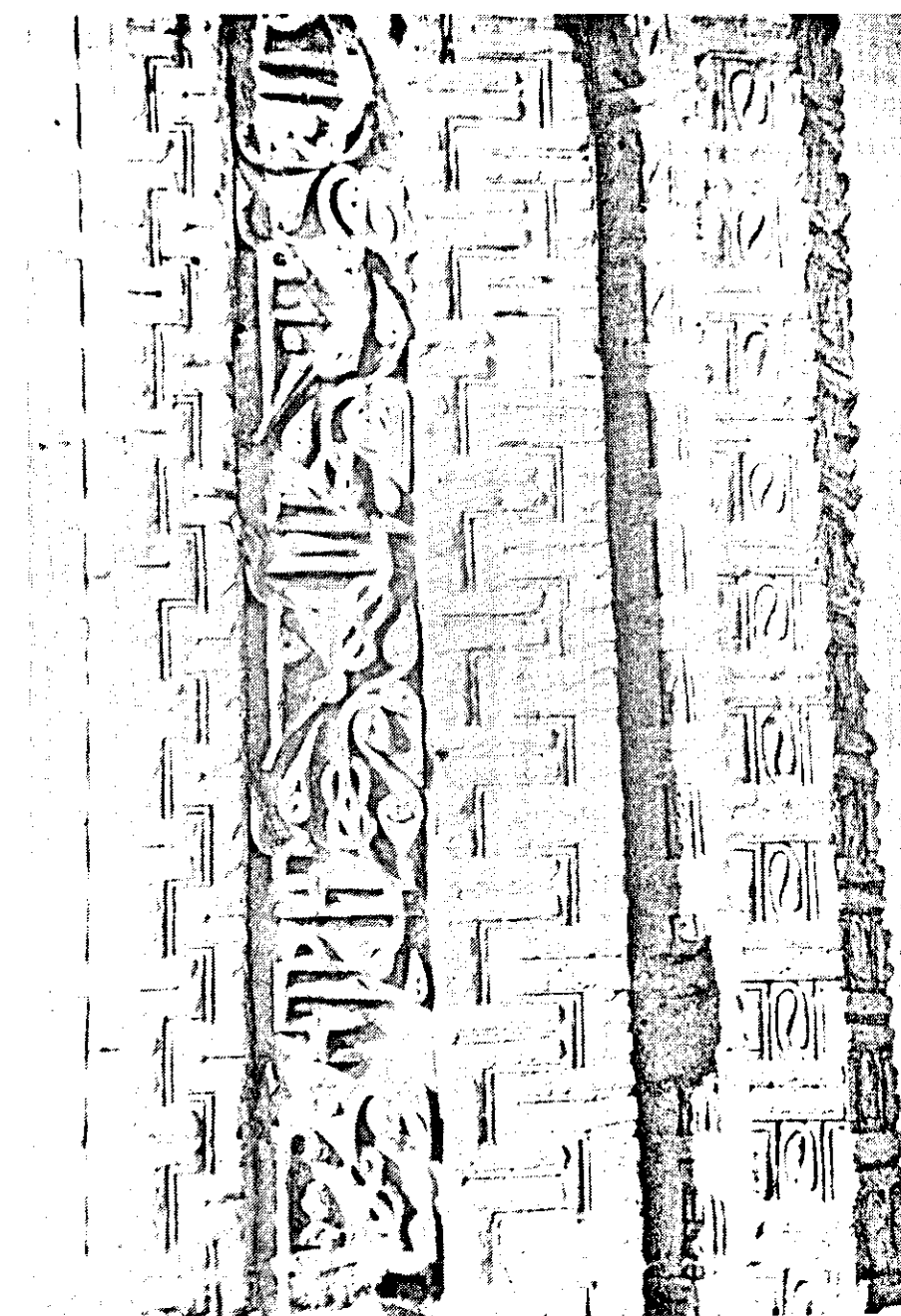
Смысл этой подтёски, потребовавшей, наверно, много времени и сил, и мало чем обогатившей внешний облик здания, непонятен. Может быть, здесь проявилось автоматическое следование традиции, известной в доисламской архитек-

Мавзолей Араб-ата. А — план на уровне входа и его геометрический анализ. В — план на уровне октагона.

Мавзолей Араб-ата. Кладка южного фасада.

Мавзолей Араб-ата. Угол портала.

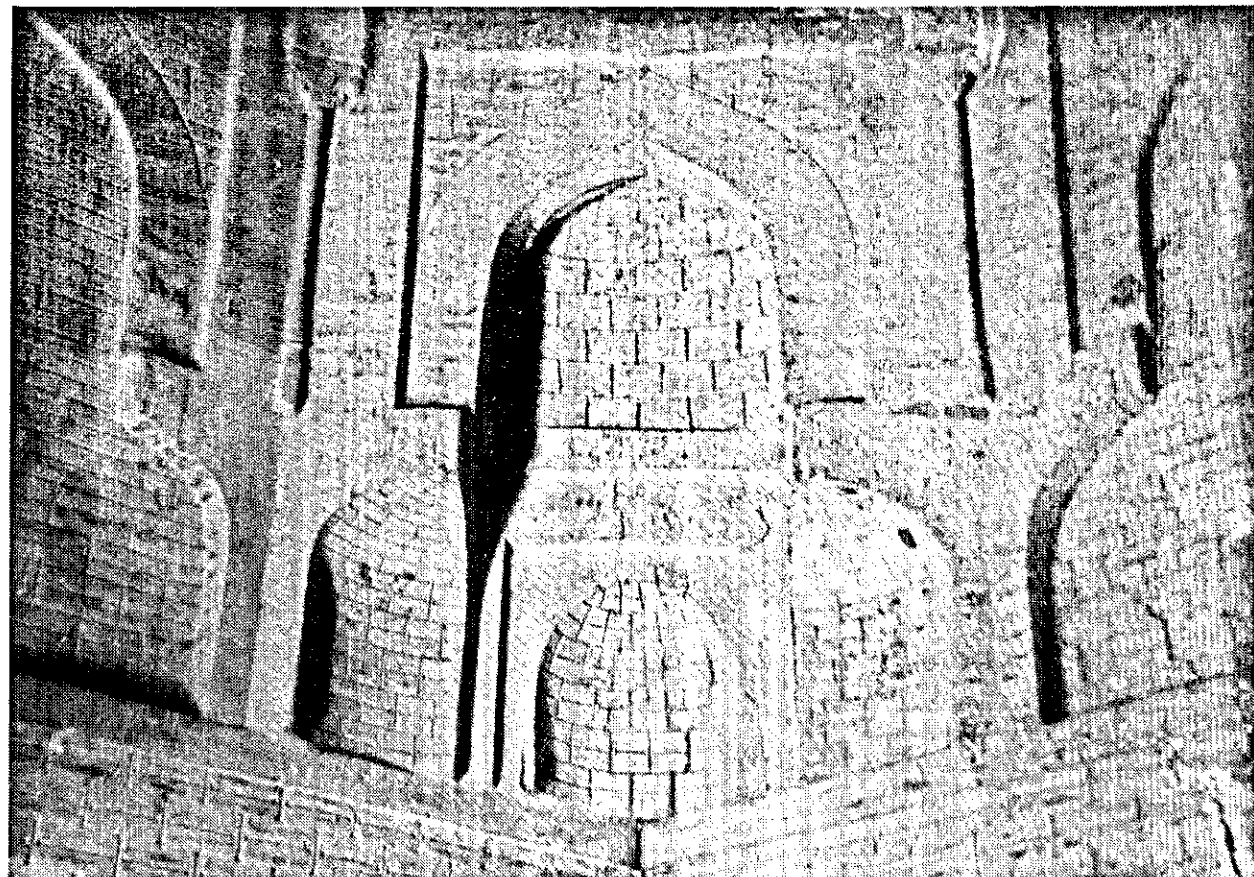
туре Мавераннахра: в кладке, состоящей из сырцовых кирпичей и толстых прослоек глины, лицевые кирпичи подрезались снизу, благодаря чему на поверхности стен образовывались затенённые горизонтальные прорезы⁷². Если это объяснение верно (другого нет), оно подтверждает раннюю датировку мавзолея.

Вторая особенность состоит в том, что «парной» кладке фасадов придан орнаментальный характер с помощью выделения отдельных швов. На западном и восточном фасадах широкие вертикальные швы украшены двойными параллельными прорезами, — дойдя до горизонтального шва между парами, такая прорезь поворачивает по нему до соединения со следующим вертикальным швом; в результате образуются диагональные ступенчатые линии, геометрический узор, наложенный на кладку и отвечающий её структуре. Этот приём знаком нам на примере мечети в Узгене, где прорезы не двойные, более глубокие и расположены иначе.

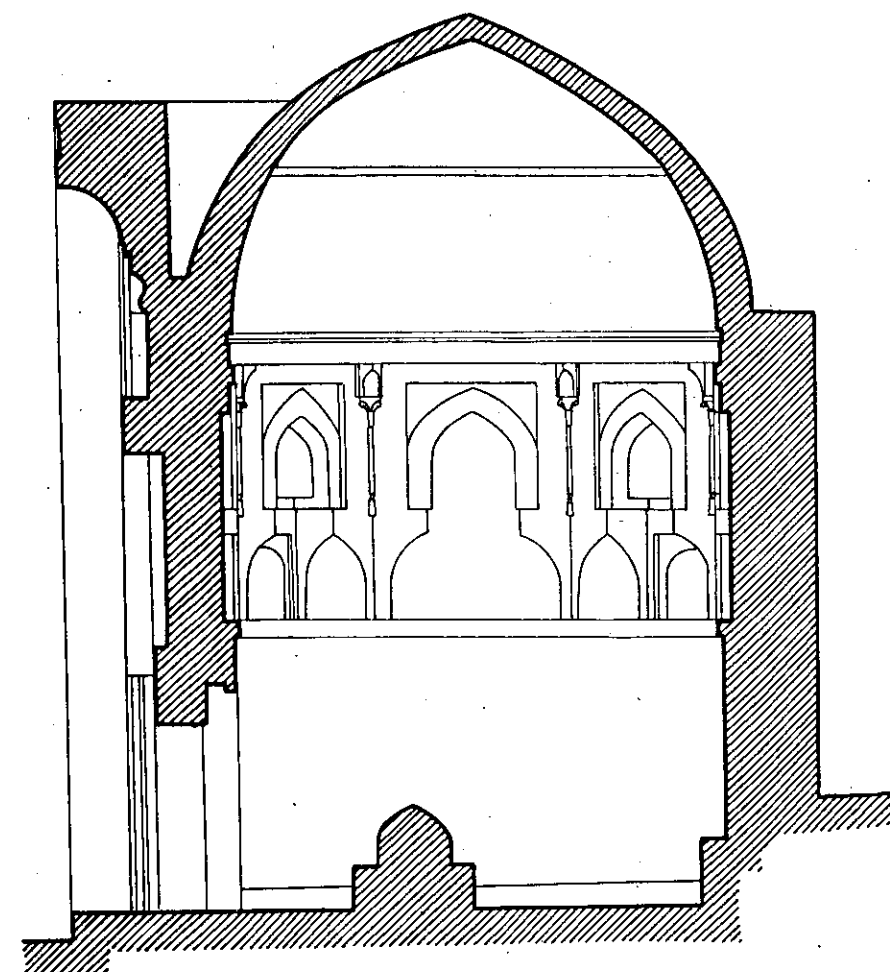
На заднем, южном фасаде система кладки сложнее. Здесь чередуются ряды пар, состоящие из целых кирпичей, с рядами, кирпичи в которых на 1/5 короче. Причём пары в этих рядах поочерёдно сдвинуты и раздвинуты, так что нормальные вертикальные швы между парами чередуются здесь с очень широкими, — это

не столько швы, сколько квадратные выемки, заполненные ганчем, с вырезанным на нём «S»-образным знаком. Нормальные вертикальные швы в этих рядах отмечены глубокими прорезами с треугольными расширениями на концах, схожими со знаками клинописи. Эти ритмично чередующиеся знаки играют роль орнаментальных вставок в бесконечном геометрическом узоре, который образован ломающимися под прямым углом двойными прорезами. Они идут по вертикальным швам, разделяющим пары целых кирпичей, переходят на горизонтальные швы между парами и обрамляют вставки с «S»-образными фигурами. Декор был заранее продуман и тщательно исполнен, но и здесь изощрённость замысла не соответствует достигнутому эффекту: расположенное на задней стороне здания, это изысканное убранство почти незаметно. Даже исследователи не обратили на него внимание.

В наружные углы здания были встроены восьмигранные колонны. Их кладка аналогична кладке внутренних трёхчетвертных колонн в мавзолее Ак-Астана, но с характерными отличиями: преобладание фактуры резного ганча над кирпичом. В каждой грани колонн спаренные кирпичи разделены широкими, вертикальных пропорций промежутками, заполненными ганчевым раствором с орнаментальным знаком типа

Мавзолей Араб-ата. Тромп.

Мавзолей Араб-ата. Разрез С — Ю с элементами реконструкции.

0 1 2 3 4 5 м.

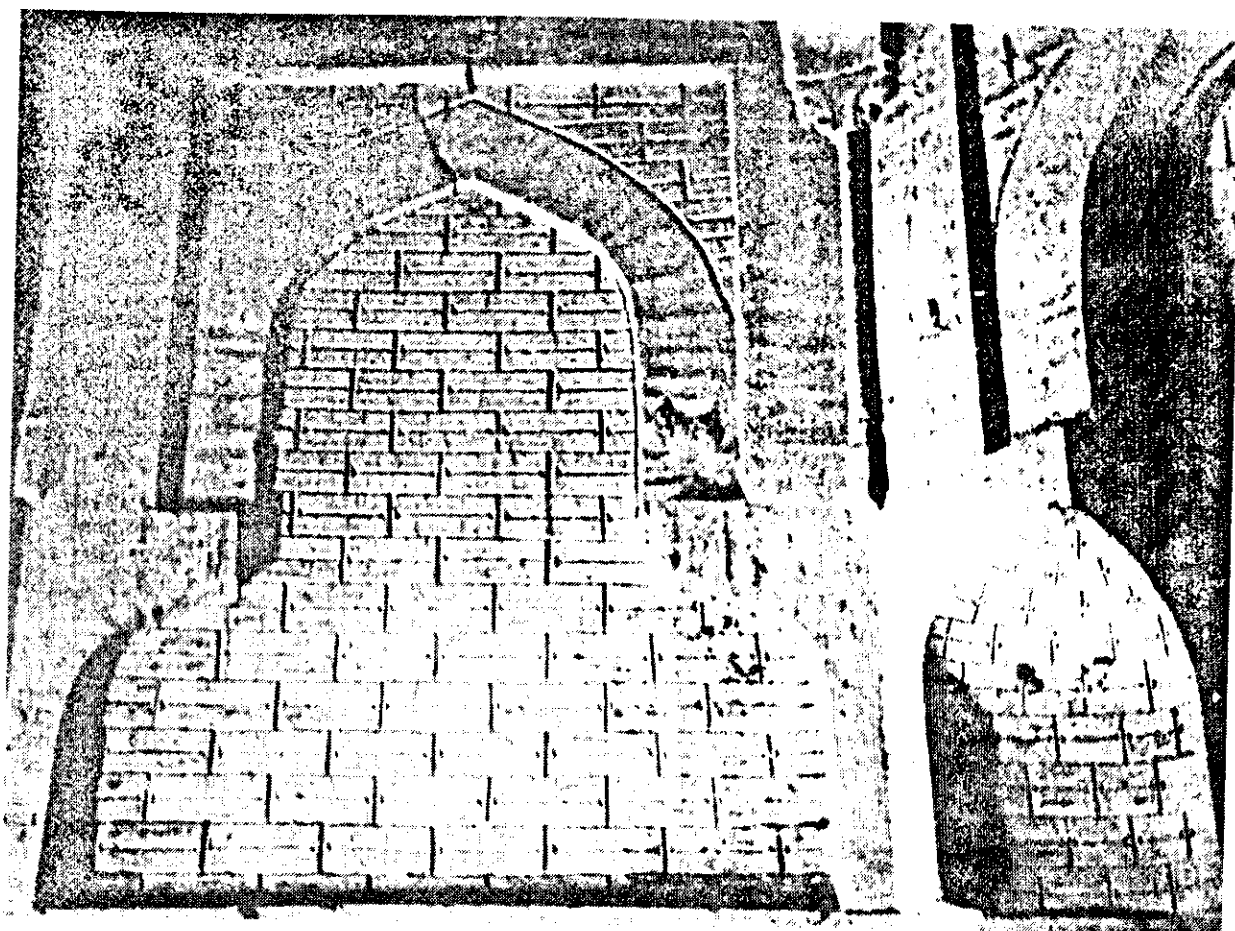
сдвоенных миндалевидных фигур⁷³. Эта система чередуется на соседних гранях в шахматном порядке.

Если в Ходжа Машаде господствует обнаженная фактура кирпичной кладки в её, так сказать, натуральном виде, если в мавзолее Саманидов эта фактура эстетизирована, изобретательно усложнена и обогащена ещё редкими добавлениями резного и лепного ганча, то в мавзолее Араб-ата резной ганч играет ведущую роль: он либо выступает на равных с декоративной кирпичной кладкой (в виде частых и крупных вставок в неё), либо полностью её перекрывает, определяя собой, своей изысканной орнаментальной фактурой художественные качества интерьера.

Квадратное помещение мавзолея не имеет ни окон, ни внутренних ниш. Его стены, несколько более 3 м высотой, увенчаны небольшим выступом и покрыты тонким слоем ганчевой штукатурки, сквозь которую «просвечивает» кирпичная структура, выполненная кладкой парами. Эта структура использована как канва для резного декора: тонкими, двугранными с сечениями прорезами на поверхности ганча выделены вер-

тикальные швы между парами и внутренние горизонтальные швы каждой пары; прорезы не касаются друг друга и акцентированы на концах треугольными «клинописными» утолщениями, образуя в совокупности ритмичный геометрический узор. На западной стене этот узор дополнен сплошными горизонтальными прорезами между парами.

Таким образом, поверхностный декор не маскирует здесь реальную конструкцию стен (в данном случае кладку парами, которая сама по себе декоративна), как это станет нормой в будущие, послемонгольские времена. Он неотделим от этой конструкции и представляет собой, собственно говоря, её идеальное, опосредованное, эстетизированное отражение. Свойственное архитектуре этого времени (и позже, до 13 в.) органическое единство конструкции и декора видно здесь очень наглядно. Подкупольный октагон мавзолея, впервые в архитектуре Средней Азии, оснащён не традиционными арочными тромпами, а угловыми пандантивами своеобразной сложной формы. Нижняя часть этой двухъярусной конструкции состоит из двух крупных сталактитов, которые представляют собой чет-

Мавзолей Араб-ата. Ниша октагона.

верти миниатюрного стрельчатого купола; между ними расположена полукруглая в плане ниша-конха полуциркульного, а не стрельчатого очертания, вставленная в прямоугольное углубление. На сталактиты опирается верхняя ниша стрельчатого очертания, с вогнутой внутренней поверхностью и широким архивольтом, также вставленная в прямоугольное углубление. Криволинейные поверхности ниш и тимпаны верхних арок украшены тем же способом, что и стены: воспроизведением, а частично имитацией кирпичной «парной» кладки прорезями на поверхности ганчевой штукатурки. Внутренние швы-прорези каждой пары и здесь не достигают вертикальных швов, а в верхних нишах вообще отсутствуют. Трёхлопастный контур этих своеобразных пандантивов повторён на промежуточных гранях октагона в виде плоских (глубиной в полкирпича) ниш. Несмотря на малую глубину, в нишах сохранено прямоугольное выемчатое обрамление верхней арки. Внутренние поверхности ниш украшены аналогично западной стене.

Генезис пандантивов такой формы, которая в мавзолее Араб-ата выглядит вполне сложившейся, неясен. Едва ли можно предполагать здесь стремление уменьшить пролёт перекину-

той над углом арки, так как размеры тромповых арок были всегда невелики. Несмотря на конструктивность этой системы, её сложность выглядит избыточной и не может быть объяснена функциональными соображениями. Между тем пандантивы именно этого типа, в различных модификациях, начиная с 11 в. получили распространение в весьма отдалённых друг от друга территориях. Они встречаются, например, в некоторых мавзолеех обширного некрополя в Асуане (Египет), датируемых 11 в.⁷⁴ и известных иранских постройках того же времени — мечети Дуазда Имам в Иезде, пятничных мечетях в Исфахане и Ардистане. Правда, в Иране пандантивы этой конструкции заключены в арочное обрамление и, значит, должны создавать впечатление обычных арочных тромпов со сложным двухъярусным заполнением⁷⁵.

В Средней Азии известны две аналогии пандантивам Араб-ата, обе также 11 века. Это мавзолей Ярты-Гумбаз и Абу-Саида в южном Туркменистане⁷⁶. В Ярты-Гумбазе видна конструкция пандантивов, сложенных из кирпича с применением ложных сводов в нависающих частях ниш. Внутренние поверхности нижних боковых ниш в Ярты-Гумбазе были оштукатурены ганчем и украшены прорезями, которые

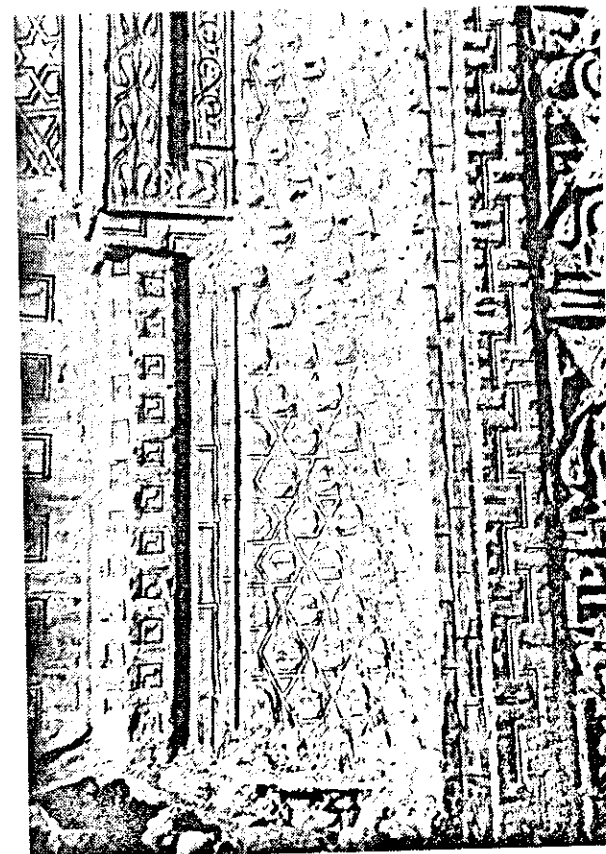
имитируют вертикальные швы цепной кирпичной кладки, — приём, по стилю и технике исполнения очень близкий мавзолею Араб-ата. Отличаются же пандантивы обоих мавзолеев от араб-атинских сравнительно меньшей ролью в формировании архитектуры интерьера (в Араб-ата они буквально господствуют в нём, превосходя высотой нижележащие стены), и тем, что, как в иранских мечетях, они заключены в стрельчатые арочные обрамления.

Поздние образцы пандантивов этого типа ограничены, как будто, 13 в. Они использованы в мавзолее Гияс ад-Дина Мухаммеда в пятничной мечети Герата, в айване пятничной мечети Варамина и, в очень своеобразном варианте, в мавзолее Ходжа Сад в Исфахане⁷⁷. Предположение Л. Ремпеля, что подобные пандантивы были в реконструированном им купольном зале, остатки которого раскопаны на Афрасиабе (Самарканд), и который он датирует 10 в.⁷⁸, кажется мне недостаточно обоснованным, а предложенная им форма с колонками по сторонам внутренней ниши — неубедительной.

Один из своеобразнейших элементов внутренней архитектуры мавзолея — тонкие колонки в углах октагона, основание которых лежит на уровне основания верхних арок пандантивов. Гранёные стволы колонок сделаны из отёсанных кирпичиков, их базы состоят из высокого прямоугольного основания и вогнутой верхней части, между базой и стволом расположен «кузги» не обычной круглой, а многогранной формы. Конически расширяющаяся кверху капитель отделена от ствола узким валиком, на неё опирается вторая широкая капитель-импост, украшенная двумя симметричными волутообразными листами очень изящной формы. На этой капители, представляющей собой двухстороннюю консоль, стоит крупный сталактит в виде четверти купола, который зрительно поддерживает свес купольного перекрытия помещения.

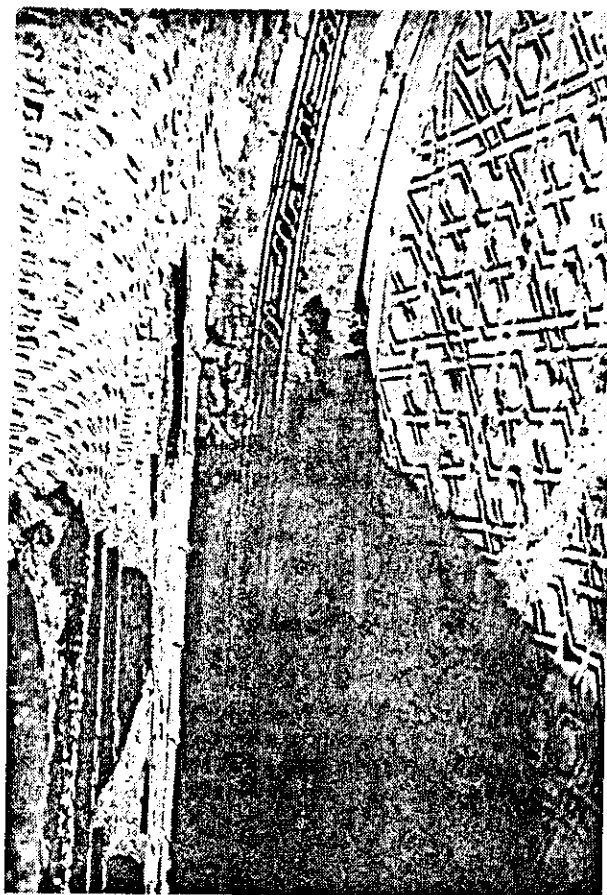
Бросается в глаза сходство этого устройства с соответствующим внутренним устройством мавзолея Саманидов: в обоих случаях декоративные колонки в углах октагона служат иллюзорной опорой для свесов основания купола. Главная разница заключена не столько в заметном различии форм и деталей колонок, сколько в том, что в мавзолее Саманидов они устойчиво покоятся на верхнем срезе стен, тогда как в мавзолее Араб-ата они ни на что не опираются и буквально висят в воздухе. Тем самым их назначение — быть опорой для купола — лишается даже иллюзорного правдоподобия. Приём, прежде имевший ясный архитектурный смысл, здесь потерял его и превратился в архитектурный реликт, сохранившийся лишь по традиции. Её последний отзвук различим в так наз. мавзолее султана Санджара в Мерве (12 в.), где внутренние углы октагона оформлены плоскими пилястрами со сталактитовыми капителями. Но здесь на эти пилястры опирается как бы не сам купол, а декоративные нервюры, образующие звездчатый узор на его внутренней поверхности.

ти⁷⁹. Аналогично устроен купол мечети в Кордобе, где арки-нервюры — на этот раз конструктивные — опираются на сдвоенные колонны, стоящие в углах октагона⁸⁰. Ещё один известный мне пример вне Средней Азии — мечеть Сиди Окба в Кайруане (9 в.): октагон купола её максуры оформлен стоящими в углах колоннами, которые, однако, не достигают основания купола, а поддерживают 8 арок подкупольной конструкции⁸¹. Малочисленность и относительность зарубежных параллелей — свидетельство того, что оформление внутренних углов октагона колоннами было, видимо, локальной особенностью архитектуры Средней Азии, — особенностью, которая может быть объяснена её доисламскими источниками. Купол Араб-ата опирается непосредственно на октагон⁸². Он хорошо сохранился и, видимо, никогда не перекладывался. В его основании и верхней части (примерно на 2/3 высоты) вставлены пояса из диагонально расположенных кирпичей, выступающих углами вперед, — это горизонтальное членение внутренней поверхности купола аналогично приёму, уже отмеченному в Ходжа Машаде, где кольцо сложено из наклонно лежащих кирпичей. Оно было буквально повторено в некоторых, видимо, более поздних купольных постройках, например — в одном из залов комплекса Убеида и

Мавзолей Араб-ата. Деталь фасада.

Мавзолей Араб-ата. Шипец и софлит портала.

Зувейды в Астана-баба⁸³ и мавзолею Акмазар в Кабадиане⁸⁴. Купол — единственная часть внутренней архитектуры мавзолея, не затронутая ганчевым декором и эффектная своей чисто кирпичной пластикой. Центральную часть портала-пештака занимает неглубокая входная ниша, перекрытая стрельчатым сводом, сложенным «параллельными отрезками». Архивольт фасадной арки, украшенный резным узором и опущенный ниже основания арки, опирается на восьмигранные колонны, встроенные в углы ниши. Задняя стена арки заметно вогнута — так, что её средняя часть лежит глубже поверхности нижележащей стены, — и украшена резным геометрическим узором, составленным из шестиугольных звёзд и дополняющих фигур. Такой орнамент, основанный на многолучевой сетке пересекающихся осей и повсеместно распространённый в исламском декоративном искусстве, носит название «герих» — узел. Здесь сохранился один из его самых ранних для Средней Азии образцов.

Тимпаны входной ниши потеряли почти весь свой первоначальный декор. Сохранились лишь остатки двух симметричных круглых медальонов, вернее — их орнаментальных обрамлений,

внутри которых, согласно местным преданиям, некогда имелись надписи.

Над узкой резной рамой, с трёх сторон окружающей арку и тимпаны, расположено прямоугольное поле той же ширины. В него вставлена глухая аркатура, состоящая из трёх арочных ниш, каждая из которых заключена в три углублённые, перспективно сокращающиеся прямоугольные рамы. Внутренние рамы вогнуты, т. е. в сечении имеют форму выкружки. Небольшие арки — круглой, а не стрельчатой формы — украшены по контуру полукруглыми фестонами, подобно михрабу Шир Кабир.

Аркатуру сплошь покрывает резной ганчевый декор. Задние стены ниш до основания арок украшены геометрическим узором трёх разных типов, имитирующим фигурные оконные решетки — «панджара». Стилизовано-растительные узоры внутри арок окружают каплеобразные, круглые в сечении выступы, покрытые мелкой геометрической резьбой. Прототип этих «плодов» обнаруживается в резном штурке Самарры, а прямая, почти адекватная параллель — в михрабе мечети 10 в. в Наине. Высказанная Г. Пугаченковой мысль о связи глухой аркатуры на портале Араб-ата с композиционными и декоративными приёмами аббасидской архитектуры — начиная от общей композиции венчающей аркады и кончая деталями — подтверждается множеством примеров (Багдадские ворота в Ракке, Большая мечеть в Самарре, мечеть в Махдия и др.)⁸⁵.

Вместе с тем эта эффектная и нигде больше не повторённая архитектурная форма имеет два несомненно местных источника. Первый — венчающая арочная галерея «равак», образ которой, воплощённый в мавзолее Саманидов, восходит к доисламской древности. Здесь этот образ предстаёт в декоративно-пластическом воплощении, лишённый даже рудиментарных функций, ещё сохранившихся в мавзолее Саманидов⁸⁶.

Второй — приём «двусветности», то есть объединение общей прямоугольной рамой двух проёмов, вертикального нижнего и горизонтального (или квадратного) верхнего. В гражданской (жилой) архитектуре, где этот приём возник, он имел функциональный смысл, а перенесённый в монументальную архитектуру, превратился в архитектурно-декоративный мотив, разнообразно применявшийся в оформлении порталов и михрабных ниш. Примером может служить уже знакомый нам михраб из Искодара.

Совмещение прямоугольного панно «верхнего света» с аркатурой равака здесь вполне логично, так как ниши над аркой входа воспроизводят арочные проёмы, первоначально сквозные. Позже эта логическая связь будет утеряна, и единый композиционный мотив пештака мавзолея Араб-ата как бы раздвоится: горизонтальное панно «верхнего света» будет обычно заполняться надписью и получит более вытянутые пропорции, а аркатура-равак, сквозная или глухая, станет венчанием пештака. Гранёные колонны арочной ниши выглядят уменьшенными копия-

ми больших угловых колонн и техникой кладки, типичной для своего времени, напоминают внутренние колонны мавзолея Саманидов и Ак-Астана: мелкие кирпичи, чередующиеся в шахматном порядке на соседних гранях, разделены широкими промежутками, заполненными ганчем; на ганче вырезан «S»-образный знак. Эта техника, напоминающая плетёнку, одновременно конструктивная и декоративная, применялась только для кладки встроенных в углы трёхчетвертных колонн. Встроенные в углы portalной ниши, такие колонны-стержни предполагают арку, которая на них опирается, и ничего другого.

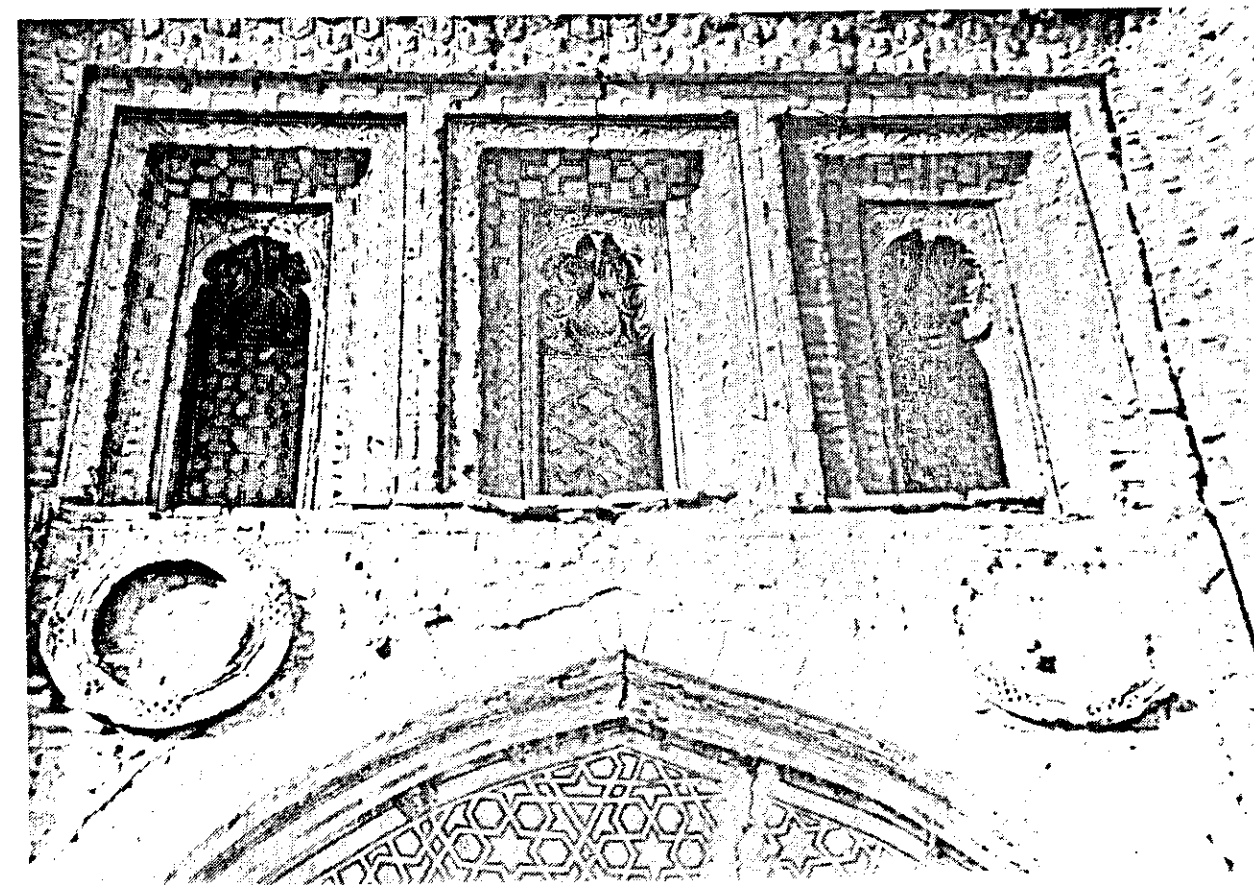
Лента очень изящной резьбы в виде ритмичной плетёнки украшает софлит portalной арки. Она, опять-таки, находит ближайшую параллель в михрабе мечети Найина, — в прямоугольном обрамлении и софлите его ниши. Этот мотив широко распространится в архитектурной орнаментике 11 — 12 вв.

Описанная средняя прямоугольная часть пештака, с пропорциями, близкими 1 : 2, окружена широкой рамой, выступающей вперёд наружными краями и вогнутой в плане. Её глубина и ширина — 50 см, таким образом в плане она представляет собой четверть окружности. Поверхность этой рамы-выкружки расчерчена про-

резами, которые образуют геометрический узор, состоящий из шестиугольников и шестиконечных звёзд. В центры этих фигур, вырезанных на ганчевой поверхности, вставлены кружки из обтёсанных кирпичиков, состоящие из слегка раздвинутых половинок. Этот приём декора — резной ганч с инкрустацией кирпичом — не имеет аналогий.

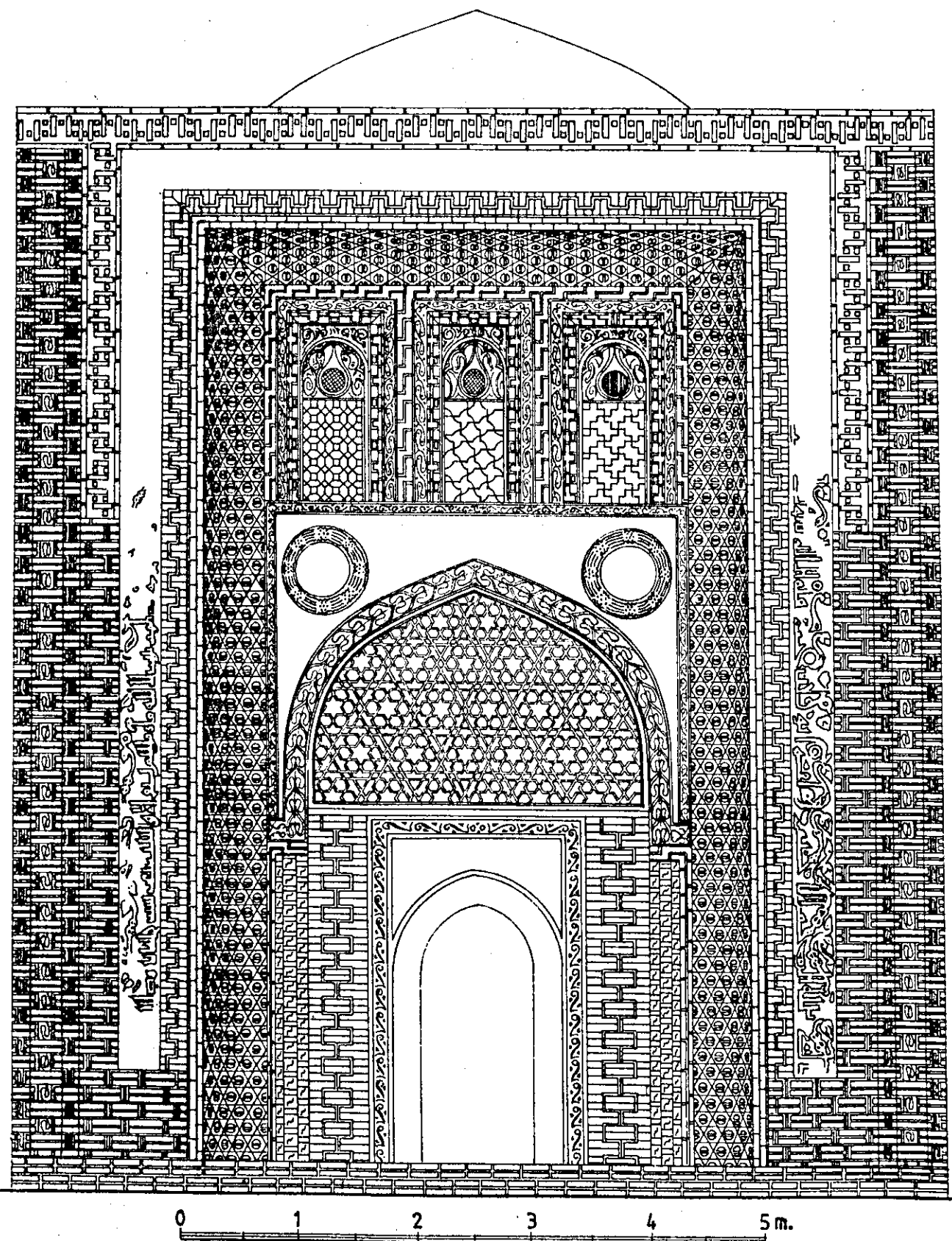
Портальная рама вогнутой формы — явление не уникальное, но очень редкое и после 14 в. неизвестное. Так был оформлен ЮВ портал мечети в Узгене, вогнутая рама которого (одна из трёх) — шириной 70 см, но более плоская и не образует в плане четверть круга. Её декор, состоящий из мелких резных кирпичей в сочетании с резным ганчем, техникой и стилем близок соответствующему декору Араб-ата. Этот приём был позже повторён в двух соседних мавзолеех Узгена, в облике которых заметно подражание более ранней мечети.

Вогнутые элементы, входящие в многослойное обрамление портала, есть в мавзолее Гунбади Алайиван (Хамадан), Гунбади Сурх (Марага) и караван-сарай в Маранде⁸⁷. Но существенное отличие портала Араб-ата от порталов перечисленных зданий состоит в том, что в Араб-ата широкая вогнутая рама, окружающая двухъярусный порталный вход, играет главную роль

Мавзолей Араб-ата. Верхняя часть портала.

Мавзолей Араб-ата. Портальный фасад. Обмерный чертеж по Г. Пугаченковой с коррективами.

в системе вставленных одна в другую рам, тогда как в других случаях это — второстепенные детали многослойных пластических обрамлений.

За этой рамой, отделённая от неё узким бордюром, следует широкая прямоугольная рама с лентой арабской надписи. Её обрамляют две рельефные ленты разной ширины (узкая внутренняя и широкая наружная), сложенные из спаренных кирпичей и декорированные подобно другим фасадам: некоторые швы кладки выделены двойными прорезями, которые складываются в бесконечный «меандровый» узор. На наружной ленте этот декор неожиданно прерывается на уровне верхней тройной аркады, — выше следует орнамент из рельефно выступающих кирпичей, сдвинутых поочередно влево и вправо и разделённых мелкими квадратными кирпичиками, поочередно двояными и одинарными.

Арабская надпись, некогда обегавшая портал с трёх сторон, сохранилась по обеим сторонам входа; её верхние части безнадежно утрачены. Надпись вырезана в толстом слое ганча почерком «куфи», довольно простым, но с заострением вертикальных букв. Свободные от текста части слегка углублённой ленты заполнены растительными мотивами, в которых выделяются 8-образно переплетённые стебли и крупные остроконечные листья. Организация этого орнаментального фона несколько хаотична, органической связи между ним и текстом, свойственной будущей архитектурной эпиграфике, здесь еще нет.

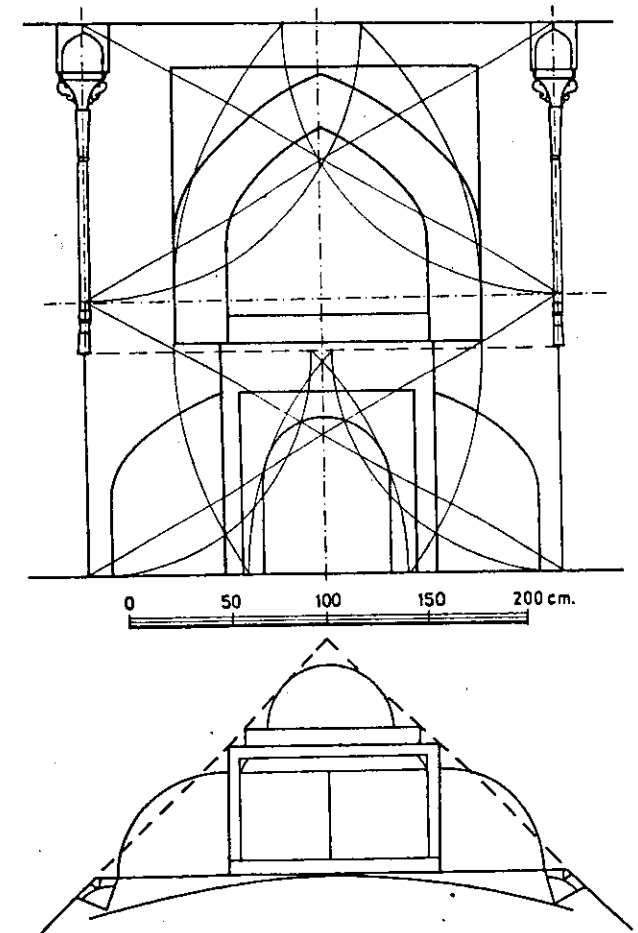
Арабский текст, читаемый с большим трудом, ещё не расшифрован или, во всяком случае, не опубликован. Только в конце надписи, слева была, как говорилось, разобрана дата — 367 г. хиджры или 977/978 г. н.э.⁸⁸ По сторонам обрамления с надписью стоят упомянутые восьмигранные трёхчетвертные колонны. Они доходили до верха портала-пештака и, вероятно, зрительно поддерживали его верхнее горизонтальное членение, как показано на прилагаемой, выполненной Г. Пугаченковой реконструкции.⁸⁹ Пештак мавзолея Араб-ата замечателен и продуманной гармонией форм, и разнообразием изысканного декора. Сочетание большой арочной ниши входа и трёх верхних арочных ниш сообщает ему монументальную масштабность. Удивляет разнообразие мотивов резьбы по ганчу — от широко и разнообразно применённого выделения отдельных швов кирпичной кладки (и создания таким образом линейного геометрического орнамента) до объёмных, скульптурных деталей в нишах верхней аркатуры. Геометрический узор, заполняющий внутреннюю поверхность входной арки — один из древнейших (если не первый) образцов «чистого» гериха в искусстве Средней Азии, родоначальник этого широко распространённого в будущем типа орнамента.

Несомненное сходство техники и мотивов декора мавзолея Араб-ата и мечети в Узгене, разделённых по прямой расстоянием более

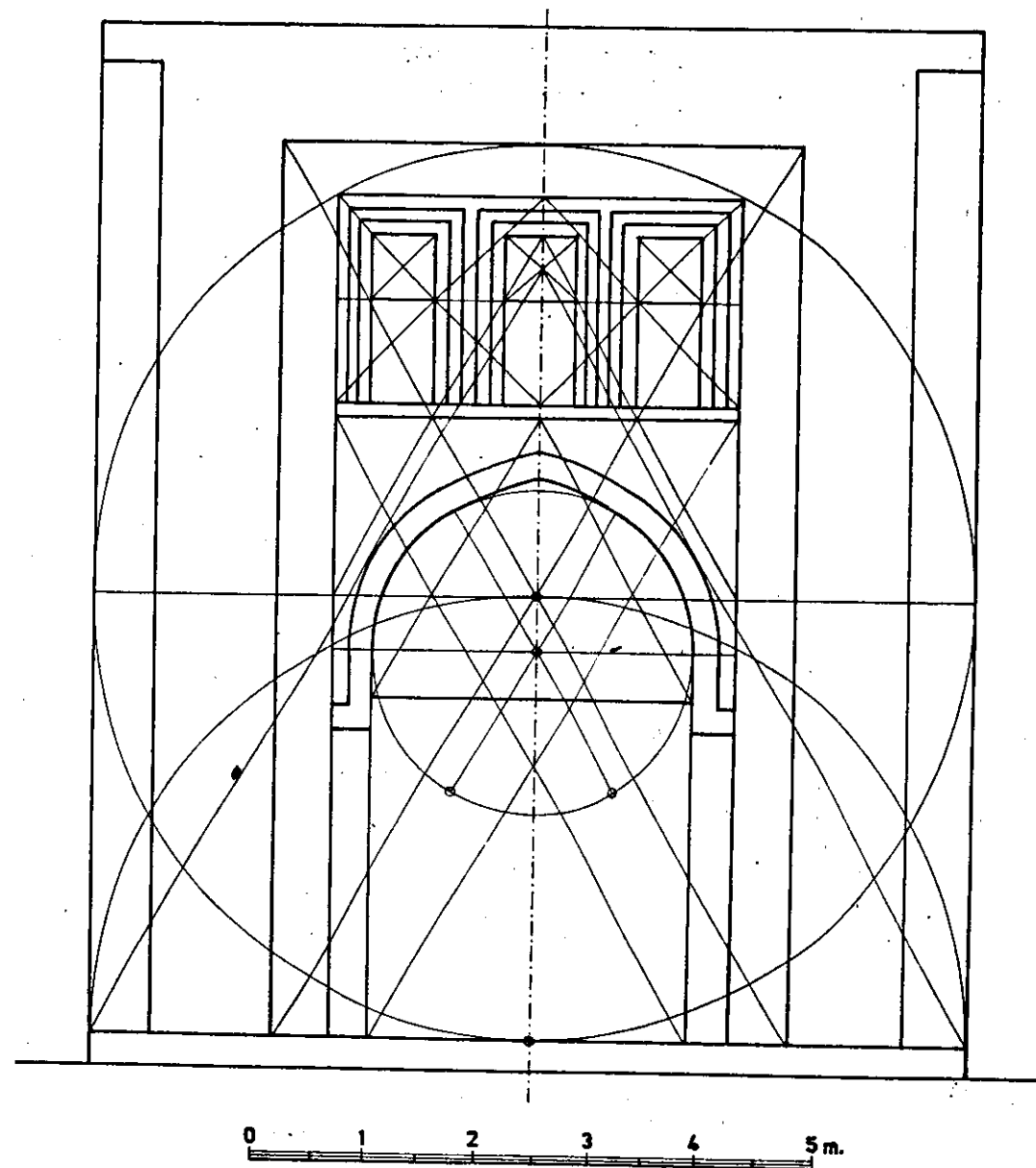
600 км, свидетельствует об активных творческих контактах между разными регионами Средней Азии в эпоху Саманидов. С другой стороны, многие и довольно близкие аналогии с архитектурой Аббасидского халифата и Ирана (Самарра, Ракка, Найин и др.) говорят о широких связях Саманидского государства с культурными центрами исламского мира, — связях, имевших двусторонний характер.

Г. Пугаченкова установила, что размеры сторон квадратного помещения мавзолея и его фасадов (без выступа портала) соотносятся как сторона и диагональ квадрата. Некоторые другие выводы Г. Пугаченковой относительно пропорций мавзолея — о том, например, что выступ портала доводит длину боковых фасадов до величины диагонали наружного квадрата⁹⁰ — ошибочны. Анализ пропорций мавзолея, предложенный М. Булатовым⁹¹, также не бесспорен, так как основан на упрощённых и не всегда точных чертежах.

Мой анализ пропорций мавзолея Араб-ата позволил установить, что в основе соразмерностей его плана лежит метрическая единица — гяз, равная 62,2 см (рис. на стр. 158 часть А).

Мавзолей Араб-ата. Геометрический анализ трюма.

Мавзолей Араб-ата. Геометрический анализ пропорций портала.

9 гязов составляют длину сторон помещения, 2 гяза — толщину боковых и задней стен, и 3 гяза — толщину передней, порталной стены. Угловые колонны вписываются в ячейку 1 квадратного гяза, а ширина порталной ниши равна 4,5 гяза, т.е. половине стороны помещения. Ширина угловых граней октагона, где расположены пандантивы, равна 4 гязам, а соотношение их сторон составляет $1:\frac{\sqrt{3}}{2}$ или $1:0,866$, — иными словами, это прямоугольники, в которые вписывается равносторонний треугольник. Ширина прямоугольной выемки, в которую вставлена верхняя ниша пандантива, определяется отложением от угла диагонали квадрата со стороной, равной половине высоты грани; высота маленьких угловых колонн (без верхних капителей-им-

постов) составляет 2 гяза. Пропорциональный анализ портала затруднён ненадёжностью исходного графического материала и недостатками его исполнения: отклонения от прямоугольности заметны на публикуемой реконструкции. Всё же можно, с должной осторожностью, заметить некоторые характерные закономерности геометрического построения форм портала.

Его средняя двухъярусная часть, включая вогнутую раму, имеет пропорцию $1:\sqrt{3}$, широко распространённую в архитектуре этого (а также доисламского и несколько более позднего) времени. Общая ширина портала равна его высоте до верха вогнутой рамы, а длина верхней аркатуры в 2 раза больше её ширины, т.е. прямоугольное панно, в которое она вписана, представляет собой 2 квадрата; пересечение их диагоналей

определяет уровень основания арок и края внутренних рам. Ширина промежутков между арочными нишами и вогнутой рамой вместе с узким внутренним бордюром равна 1 гязу. Арки ниш вместе с тимпанами вписаны в квадрат. Видимо, при предварительном расчёте форм портала использовались и принятая за основу единица измерения, и более отвлечённые, принятые в строительной практике пропорциональные построения. В их основе, как видно из прилагаемого чертежа-схемы, лежит равносторонний треугольник и его производные.

Мавзолей Мир-Сеид Бахрам

Это маленькое здание находится в городе Кермине, который расположен в нижнем течении реки Зеравшан, на древней дороге между Самаркандом и Бухарой. Плохо сохранившийся, покрытый слоями поздних штукатурок и застроенный с двух сторон, мавзолей был замечен только в 1942 г. этнографом А. Писарчик, которая опубликовала его планы и фотографии⁹². В 1947 г. его исследовал архитектор В. Нильсен, опубликовавший его наиболее полное описание и реконструкцию⁹³. Позже мавзолей много раз упоминался в научной литературе в связи с проблемой его датировки, первоначального облика и генезиса форм.

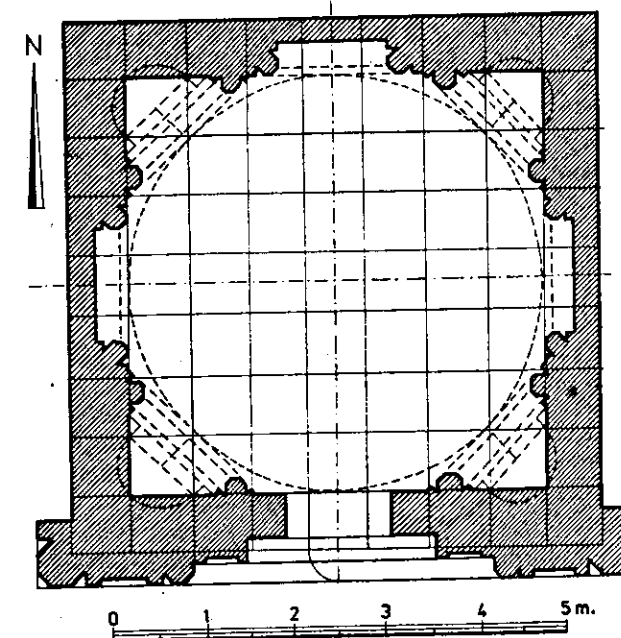
Здание построено из квадратного жженого кирпича со стороной 21 и толщиной 2,5 см — характерный «саманидский» формат, тот же, что в древних частях (колоннах) мечети Магоки Аттори. Фундамент, глубиной 50 см сложен из того же кирпича на глиняном растворе, в остальной кладке раствором служит ганч. Почти квадратное помещение ($4,47 \times 4,40$ м) было перекрыто куполом, от которого остались нижние ряды кладки; остальная часть купола давно рухнула и была восстановлена в недавнее время. Мавзолей ориентирован по странам света, его входная сторона, оформленная как портал-пештак, обращена на юг.

У этого порталного фасада есть уникальная особенность. Обычно ширина пештака либо равна ширине фасадной стены (как в мавзолее Араб-ата и мечети в Узгене), либо — в более поздних купольных зданиях — их ширина меньше, и тогда они обычно выступают из плоскости фасада. В мавзолее Мир-Сеид Бахрам южная порталная стена не только толще остальных стен за счёт неглубокой входной ниши, но и длиннее других фасадов: она выступает с обеих сторон на 40 см за общий объём здания, создавая с этой стороны обманчивое впечатление, будто оно шире своих действительных размеров. Таким образом, декоративно-«кулисное» назначение пештака, его роль иллюзорной архитектурной маски, скрывающей реальную архитектуру, здесь становится особенно наглядным.

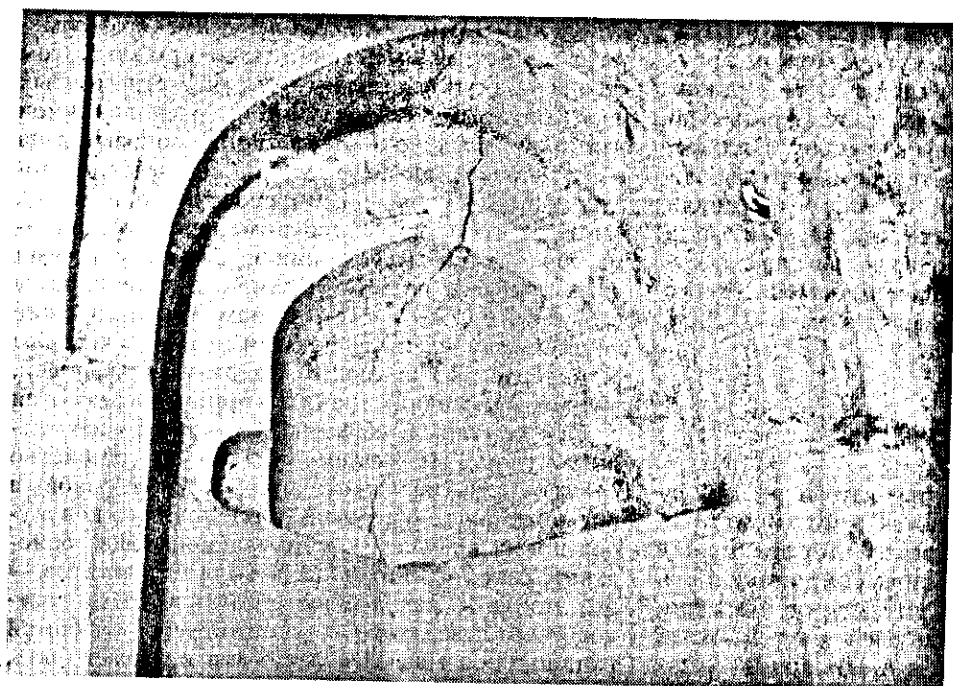
Внутренняя архитектура мавзолея тоже не совсем обычна. В отличие от сохранившихся

купольных помещений раннеисламского времени здесь нет видимой границы между квадратом стен и подкупольным октагоном: 7 стрельчатых арок октагона (кроме одной, расположенной над входом, которая отсутствует) опираются на выступающие из стен пятигранные выступы-полуколонны, стоящие непосредственно на полу. Из-за этого пространство помещения воспринимается как восьмиугольная призма с угловыми треугольными нишами. Гранёные полуколонны сложены в уже знакомой нам технике: узкие кирпичи разделены широкими швами, в которые вставлены вертикальные половинки кирпичей, причём в соседних гранях кирпичи чередуются с промежутками, образуя рельефный «шахматный» узор. Не совсем обычно и устройство тромпов: за наружной аркой, заключённой в прямоугольное обрамление, расположен полукупол-конха меньшей ширины, нависающие основания которого вырезаны в виде сталактитов, — это придаёт заполнению тромпов трёхлопастное очертание, которое ассоциируется с формой пандантивов мавзолея Араб-ата и, может быть, указывает на их генезис.

Помещение мавзолея, за исключением гранёных полуколонн, не имело, видимо, никакой декоративной обработки и было оштукатурено ганчем. На этом фоне особенно эффектно выделялась фигурная кладка вертикальных выступов, сообщающих маленькому внутреннему пространству стройность и подчеркнутую устремлённость вверх, к купольному венчанию. Эффект усиливался иллюзорной восьмигранностью помещения и ощущением того, что расположенные за пределами октагона углы как бы примыкают к нему снаружи.

Мавзолей Мир-Сеид Бахрам. План (по В. Нильсену) и его геометрический анализ.

Мавзолей Мир-Сеид
Бахрам. Тромп.

На осях помещения, кроме входной южной стороны, расположены очень плоские арочные ниши, — это модификация традиционных промежуточных ниш подкупольного октагона, в данном случае опущенных до уровня пола, как и угловые ниши тромпов. Видеть в этом приёме зарождение крестообразного плана более поздних купольных залов, где осевые ниши существенно расширяют внутреннее пространство, по-моему, нет оснований⁹⁴. Глубина этих ниш, вместе с трёхчетвертными колоннами, на которые опираются их арки — только 30 см.

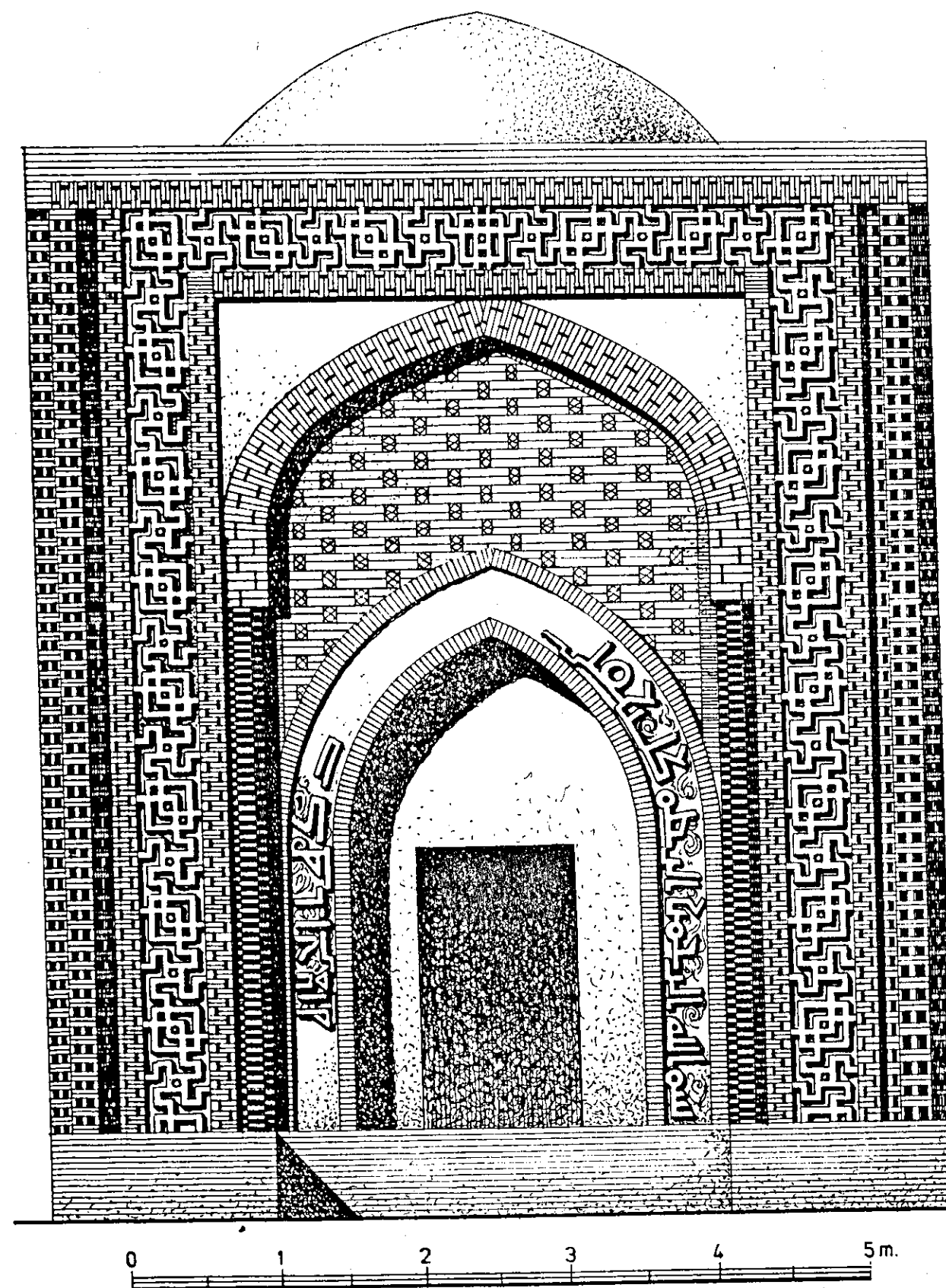
Портал мавзолея, охватывающий весь южный фасад и даже выходящий за его пределы, сохранился много хуже внутренней архитектуры. Не сохранился его верх, возвышавшийся над кубообразным объёмом здания, а сохранившиеся ниже части пештака частично переложены, частично же — во время исследования здания — были скрыты поздними облицовками, которые уничтожили его архитектурные формы. Из-за этого бесспорная реконструкция первоначального облика пештака едва ли возможна, а некоторые особенности его сохранившихся частей делают эту задачу ещё труднее. Входная часть пештака состоит из двух неглубоких ниш, как бы вставленных одна в другую. Внутренняя ниша, шириной чуть больше 2 м, перекрыта высокой стрельчатой аркой несколько «готической» формы: два центра её построения лежат на уровне её основания, на расстоянии $1/4$ от краёв и вертикальной оси.

Эта ниша окружена широким (60 см) обрамлением, заполненным частично сохранившейся арабской кufической надписью, рельефные буквы которой выполнены из отёсанных кирпичей и местами дополнены резным ганчем. В правой части надписи читается традиционная ислам-

ская формула, которой начинается любой текст: «во имя Аллаха милостивого, милосердного», левая часть не прочитана. Фоном для букв служит слой ганча, на котором видны следы орнаментальной резьбы.

Необычность этого широкого эпиграфического архивольта в том, что он не ограничен аркой, а продолжается ниже её, до основания входной ниши, которая стоит на невысоком цоколе. Такой приём не находит аналогий среди порталов-пештаков и этого, и более позднего времени, и как будто противоречит общему правилу, согласно которому фасадная арка должна опираться либо на угловые колонны, либо на горизонтальное членение, отделяющее её от нижележащей стены. Может быть, это нарушение традиционной тектоники было следствием творческого поиска, эксперимента, нередкого даже в средневековом искусстве переломной эпохи. По сторонам эпиграфической рамы, повторяющей форму арочной ниши, стоят выступающие вперёд гранёные трёхчетвертные колонны, образующие края наружной ниши портала. Техника их кладки, как и форма, аналогична внутренним пристенным колоннам: мелкие кирпичи (точнее, полукирпичи) разделены швами такой же, как кирпичи, толщины и чередуются на соседних гранях в «шахматном» порядке, образуя эффектную ячеистую структуру. Эти колонны сохранились плохо, — неизвестно, до какого уровня они доходили и как заканчивались. По этому поводу, среди исследователей мавзолея есть разногласия.

Далее, по сторонам колонн, сохранились широкие (80 см) вертикальные ленты, заполненные рельефным геометрическим орнаментом, набранным из кирпичей: в них чередуются, сплетаясь друг с другом, свастикообразные меандры

Мавзолей Мир-Сеид Бахрам. Реконструкция главного фасада.

и квадраты. Узкое обрамление этих лент состоит из парных полукирпичей с боковыми вертикальными кирпичиками, последовательно сдвинутыми вправо и влево, — точно так, как в мавзолее Араб-ата, но, как будто, без выделения швов прорезями. Верхние части вертикальных лент разрушены, но нет сомнения, что они представляют собой остатки прямоугольной рамы, с трёх сторон окружавшей входную нишу.

Наконец, углы портала оформлены, как и в Араб-ата, восьмигранными трёхчетвертными колоннами, сложенными в аналогичной, знакомой нам «ячейстой» технике. Небольшая разница сводится к тому, что в Араб-ата широкие промежутки между парными кирпичами колонн заполнены ганчем с орнаментальной резьбой, а в Мир-Сеид Бахраме в эти промежутки вставлены вертикальные полукирпичи, по сторонам которых в ганче сделаны прорези.

С этими угловыми колоннами у строителей мавзолей были, вероятно, некоторые трудности. Дело в том, что колонны эти во всех без исключения случаях — трёхчетвертные, то есть вставлены в выступающий угол и открыты на 3/4 своей окружности (или пятью гранями, если колонна 8-гранная). Но в мавзолее Мир-Сеид Бахрам, портал которого шире самого здания, угловые колонны оказались вне выступающих углов, снаружи от них. Строители не рискнули нарушить традицию, оставить колонны выдвинутыми вперёд, как, например, в тронном айване дворца Охейдир⁹⁵. Они создали иллюзию встроенных в угол колонн, возведя за ними тонкие стенки, выступающие из боковых стен на то же расстояние, что и колонны. Иллюзорность этого приёма вполне согласуется с общей иллюзорно-декоративной природой пештака.

Тимпаны порталной арки, судя по небольшому сохранившемуся фрагменту, были украшены резьбой по ганчу. Она имитировала кладку спаренными кирпичами с резными орнаментированными вставками между парами, — приём, тоже очень близкий декору мавзолей Араб-ата.

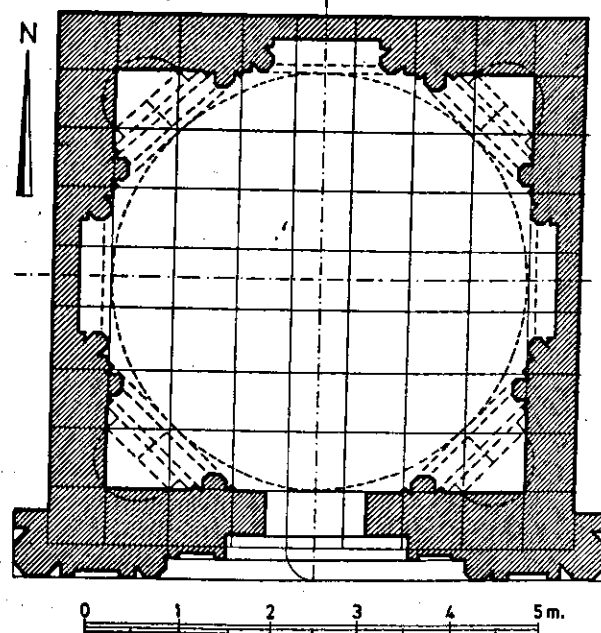
В реконструкции В. Нильсена гранёные колонны по сторонам порталной ниши доходят до горизонтального выступа прямоугольной рамы, упираясь в неё снизу. Такая форма сомнительна технически (горизонтальный свес кирпичной кладки слишком велик и в таком виде в архитектуре Средней Азии неизвестен) и противоречит всегда соблюдавшимся правилам тектоники: колонны не имеют смысла, так как зрительно ничего не поддерживают⁹⁶. Это было замечено Г. Пугаченковой, которая предположила, что на колонны должна была опираться внешняя, несохранившаяся арка порталной ниши⁹⁷. В этом случае пропорции пештака должны были быть значительно стройнее (в реконструкции В. Нильсена они близки к квадрату), а сам пештак заметнее возвышаться над прочими стенами здания. Другой предложенный Г. Пугаченковой вариант — перелом колонн под 90° вверх и превращение их во внутреннюю прямоугольную раму — невозможен: как говорилось, «ячейстая»

кирпичная структура — характерный признак декоративных колонн, и только их. Представить себе горизонтальную перемишу такого рода — всё равно, что вообразить античную колонну, лежащую на двух других колоннах в виде архитрава. К сожалению, именно этот вариант был реализован при реставрации мавзолей в 70-х годах⁹⁸.

Предлагаемая реконструкция фасада мавзолей Мир-Сеид Бахрам основана на предположении, что на угловые колонны порталной ниши опиралась внешняя арка, имевшая менее остроконечную форму, чем арка внутренняя. Конечно, эта реконструкция не претендует на документальную точность, так как пропорции и детали верхней разрушенной части пештака неизвестны и могут быть представлены лишь умозрительно, без опоры на реальный материал.

Изложенное лишает смысла пропорциональный анализ фасада мавзолей, но анализ его плана приводит к интересным результатам. Выясняется, что «за метрическую единицу плана» — гяз — был принят размер около 64 см. Длина сторон помещения составляет 7 гязов, толщина стен (кроме южной, порталной) — 1 гяз, толщина более массивной порталной стены — 1,5 гяз. Ширина наружной ниши портала равна 5 гязам, ширина внутренней — диагонали трёх квадратных гязов, ширина внутренних ниш и соответственно тропов — диагонали 1,5 квадратных гязов. Длина боковых выступов пештака равна разнице между диагональю квадратного гяза и его удвоенной стороной.

В. Нильсен, а за ним и некоторые другие авторы осторожно датируют мавзолей концом

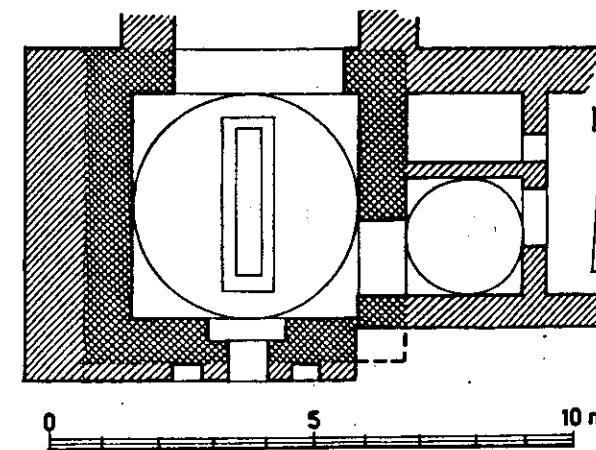

Мавзолей Мир-Сеид Бахрам. План (по В. Нильсену) и его геометрический анализ.

10 — началом 11 вв. Я думаю, что есть серьёзные основания согласиться с Г. Пугаченковой, которая считает временем его строительства середину 10 в.⁹⁹ На это указывают многочисленные параллели с мавзолеем Араб-ата, «саманидский» размер кирпича, «саманидская» (двухцентровая и остроконечная) форма входной арки, архаическое начертание букв арабской надписи, форма тропов, в которых усматривается прототип трёхлопастных пандантивов Араб-ата, наконец — отсутствие резной терракоты — декоративной техники, которая возникла в 11 веке. Если это так, то мавзолей, возведённый над могилой безвестного Мир-Сеид Бахрама — древнейшее из сохранившихся монументальных зданий Средней Азии, в которых арабская эпиграфика выступила в роли полноценного архитектурного декора наравне с другими, традиционными декоративными приёмами. Причём необычная, нигде более не встреченная форма употребления эпиграфического декора говорит о том, что нормы и устойчивые композиционные приёмы применения эпиграфики в архитектуре тогда ещё не вполне сложились.

***

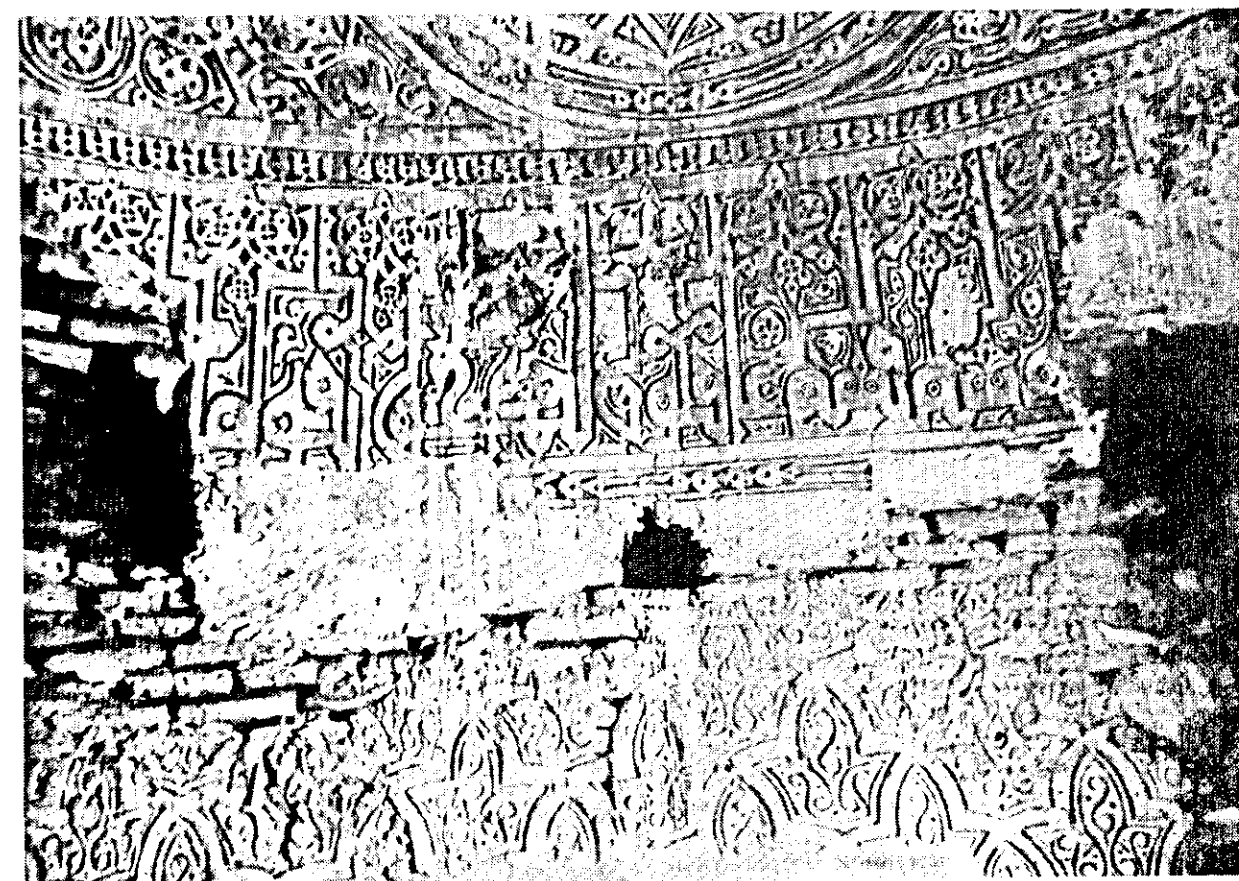
Среди средневековых надгробных сооружений Средней Азии есть ещё несколько, которые писавшие о них авторы датируют 10—11 и даже

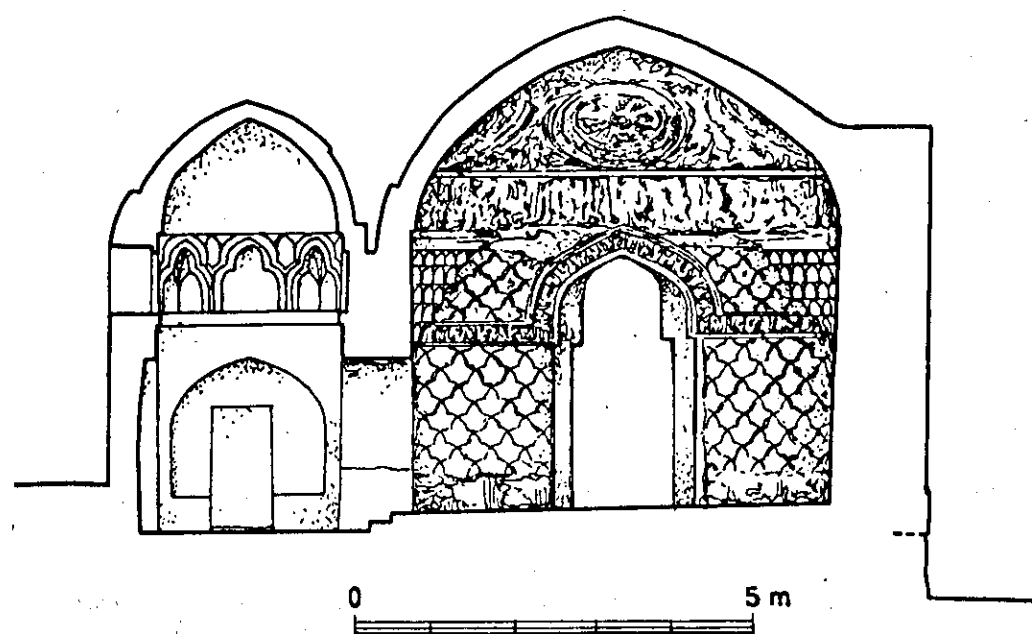
Мавзолей Хакима аль-Термези. План.

9 вв. Определить верность таких датировок без собственных исследований этих построек я не берусь, но их перечисление и краткое описание кажется нужным для полноты картины.

Мавзолей Хакима аль-Термези находится в Термезе. Построенный над могилой основателя дервишского ордена «хакими» Абу Абдаллаха Мухаммеда аль-Хакима Термези, считающегося святым заступником города¹⁰⁰, мавзолей стал ядром архитектурного ансамбля, в который

Мавзолей Хакима аль-Термези. Внутренний декор, резьба по ганчу.

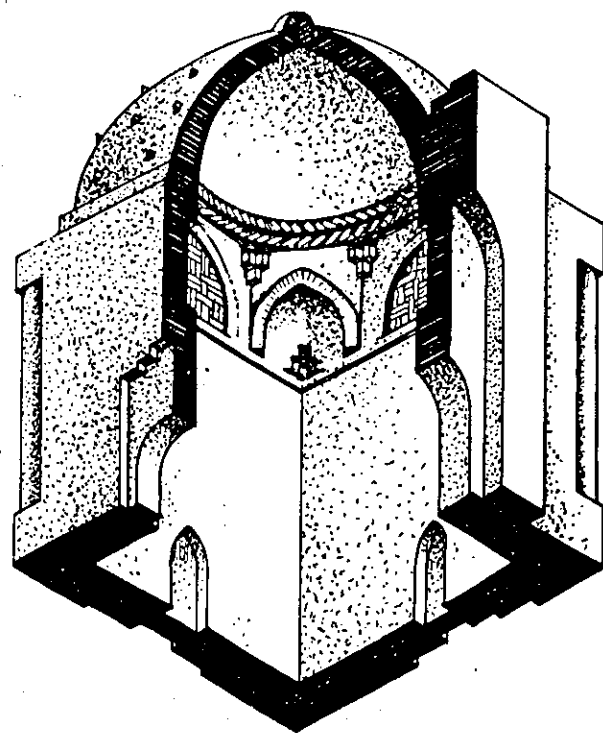
Мавзолей Хакима аль-Термези. Разрез В — 3.

вошли мечеть в виде трёхкупольной лоджии, большое купольное здание ханака, еще один маленький мавзолей и внутренний двор. Купольное помещение мавзолея, со сторонами длиной $4,68 \times 5,08$ м, ориентировано по странам света. Широким северным проходом оно соединено с мечетью-лоджией 11 в., асимметричным восточным проходом — с соседним маленьким мавзолеем того же времени. Узкий южный вход, расширенный внутренней нишей и отмеченный двумя симметричными внешними нишками, был, вероятно, главным. Первоначальная внешняя архитектура мавзолея не сохранилась или исчезла под кирпичными обкладками, особенно толстыми с западной стороны. Внутри здание снизу доверху покрыто резьбой по ганчу: стены украшены ковровым узором из трилистников, по архивольтам арок и далее вдоль стен тянутся ленты арабских надписей, невысокий купол покрыт сложными узорами, в которых выделяются крупные орнаментированные круги. Б. Засыпкин, со ссылкой на Б. Денике, датирует этот декор 9 в., то есть считает его современным зданию и близким времени смерти Термези¹⁰¹. Но М. Массон, прочитавший надписи, нашел в них имя Абул-Музаффар Ахмеда Тига-Тигина, которого он отождествил с караханидским правителем конца 11 в. Ахмедом ибн Хызром¹⁰². Да и усложненная орнамента, слишком насыщенная для маленького помещения, как будто свидетельствует против ранней даты.

В этом смысле вызывают сомнение и примененные здесь сталактитовые пандантивы, состоящие из пяти рядов вогнутых, покрытых резьбой ячеек. Можно только предположить, что здесь под более поздней скульптурной обработкой скрыты кирпичные конструкции, подобные тем, что были применены в мечети Деггарон. Если

мавзолей и был построен в 9—10 вв. (что нельзя исключить), то нужно признать, что его первоначальный облик, внешний и внутренний, не сохранился или скрыт позднейшими переделками¹⁰³.

Мавзолей Исхак-ата в мемориальном комплексе Хусам-ата (селение Фудина недалеко от города Карши, долина реки Кашкадарья) —

Мавзолей Исхак-ата в селе Фудина. По Л. Ремпелью с коррективами.

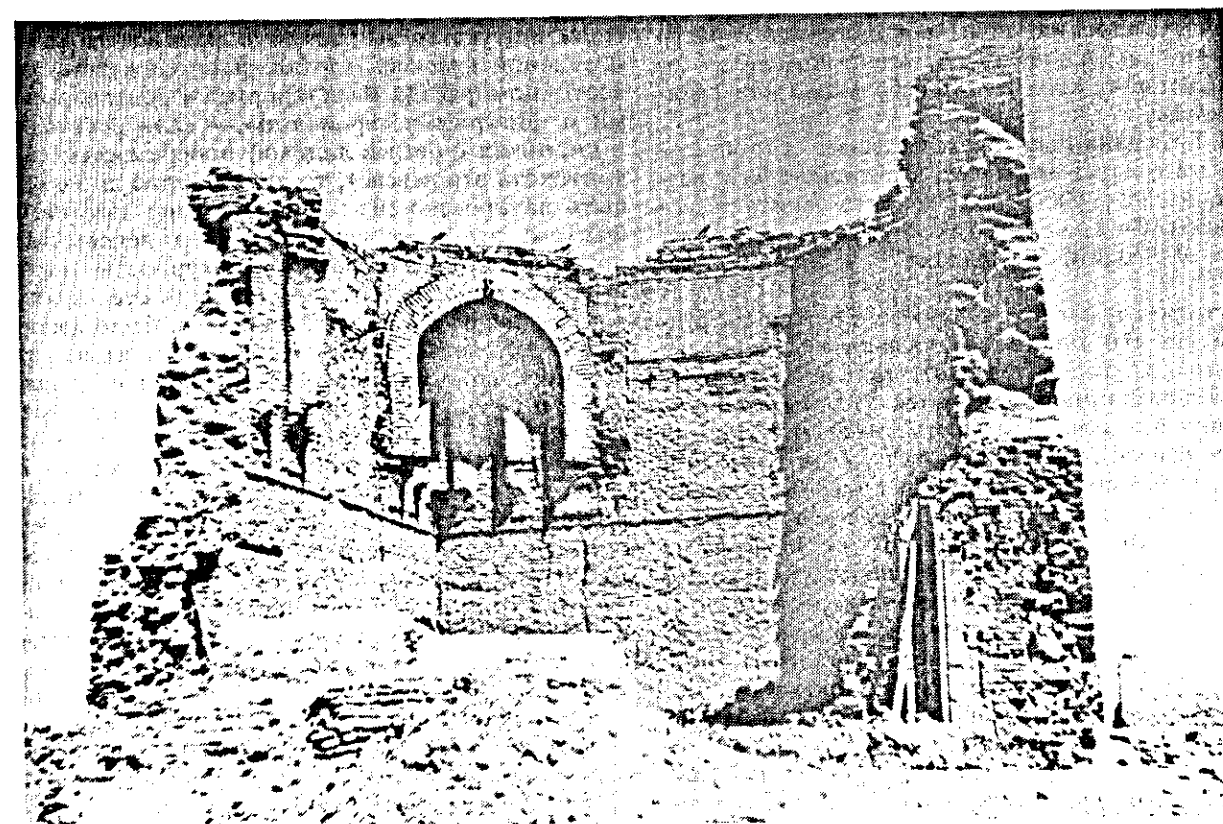
квадратное в плане здание ($5,45 \times 5,45$ м снаружи), со слабо развитым порталом на ЮВ стороне, построенное из жженого кирпича ($25 \times 25 \times 4$ см) на глиняном растворе. Наружные углы оформлены трёхчетвертными колоннами, на осях расположены арочные проходы, в настоящее время заложенные. Полукупольное заполнение тромпов в углах опирается на маленькие пандантивы ячеисто-выемчатого типа, а свесы купола над октагоном — на ячеистые рельефные пандантивы. Плоские ниши между тромпами украшены «парной» кладкой с вертикальными вставками и «ёлочной» кладкой, в которых чередуются кирпичи красного и желтого цвета — приём, редкий в архитектуре Средней Азии. Так же, как будто, были облицованы и фасады.

Авторы первой публикации Р. Абдурасулев и Л. Ремпель здание не датируют. Л. Маньковская датирует его концом 10 в., называет одним из древнейших в Средней Азии и полагает, что он, может быть, был построен одновременно с мавзолеем Саманидов и Араб-ата¹⁰⁴. Г. Пугаченкова считает его постройкой 11 в.¹⁰⁵ Обе датировки не обоснованы, а краткость публикации не позволяет сделать бесспорный выбор.

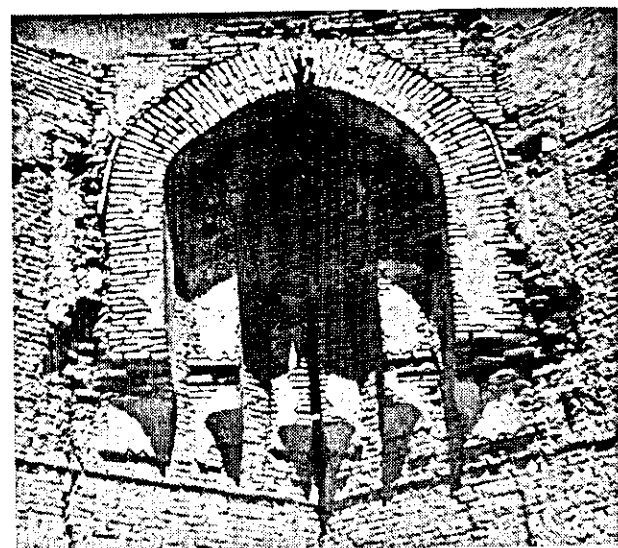
Мавзолей Халифа Ережеп в Миздахкане не был объектом специального изучения и публикации. Это плохо сохранившееся здание стоит на древнем городище вблизи города Ходжейли, на границе между Туркменистаном и Каракалпак-

ей. Оно построено из сырцового кирпича со стороной 27—28 см и жженого кирпича такого же размера; из последнего сделаны фундамент, купол и наружная облицовка стен. Фундамент отделён от стен толстым слоем камыша — приём, известный по зданиям более позднего времени, смысл которого в изоляции стен от грунтовых вод и засоления. Купол и одна из стен мавзолея, в которой был вход, рухнули. С правой стороны рухнувшего фасада сохранилась часть ниши, облицованная гладко отполированным жженым кирпичом и тонко профилированной, — создаётся впечатление, что расположенный в центре портал стоял в окружении двух симметричных ниш, или что весь фасад был окаймлён прямоугольным профилированным обрамлением. В любом случае ясно, что входной фасад имел архитектурно-пластическую обработку, отличавшую его от прочих глухих, ничем не оформленных фасадов.

Устройство тромпов уникально. Они состоят из трёх массивных арок с низко опущенными основаниями, вставленными одна в другую и разделёнными узкими промежутками — своеобразный вариант древнего «перспективно-ступенчатого» тромпа, распространённого в доисламское время и представленного в верхнем ярусе тромпов Ходжа Машада. Тромпы сложены из жженого кирпича более крупного размера — со стороной 40 и толщиной 7 см, но, как и всё здание, на глиняном растворе. Их арки опирают-

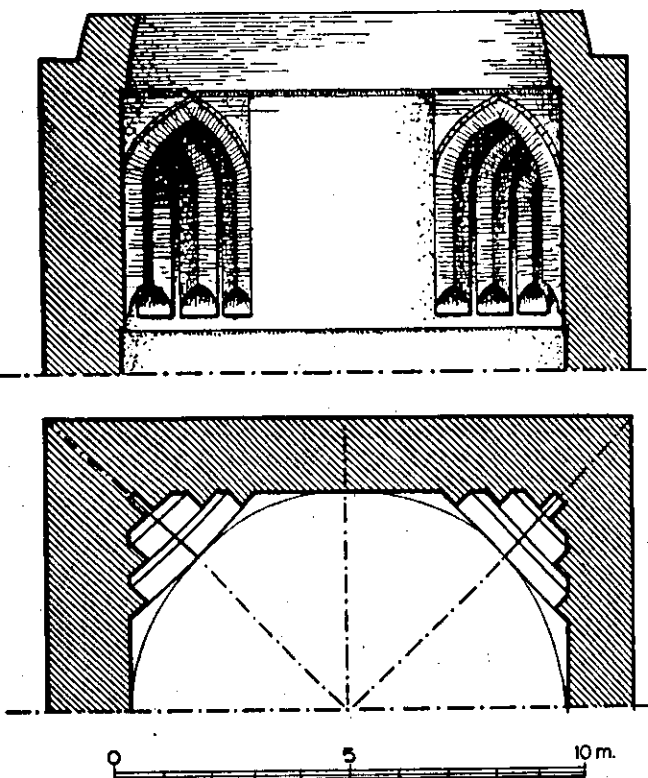

Мавзолей Халифа Ережеп в Миздахкане. Современное состояние.

Мавзолей Халифа Ережеп. Тромп.

Мавзолей Халифа Ережеп.
Фрагмент плана и разрез на уровне
октагона.

ся на выпущенные из стен деревянные балки, торцам которых с помощью ганчевых напелов придана форма сталактитовидных консолей. Осевые грани октагона оставлены гладкими, без обычных плоских ниш, повторяющих контур тромпов, а основание октагона отделено от нижележащих стен только небольшим нависанием кладки.

Н. Гражданкина, исследовавшая строительные материалы мавзолея, определяет его возраст в 900—1000 лет, то есть считает его зданием 10—11 вв.¹⁰⁶ Этой же даты придерживаются В. Ягодин, Т. Ходжаев¹⁰⁷ и Л. Маньковская¹⁰⁸.

Датировка мавзолея Халифа Ережеп затруднена как его плохой сохранностью (особенно утратой входного фасада), так и оригинальностью сохранившихся частей. Но, может быть, именно эта оригинальность свидетельствует о более ранней дате: 11 век был уже в известной мере временем сложившихся приёмов и форм, некоторых архитектурных стереотипов, тогда как в 9—10 вв. были, судя по уже известному нам материалу, эпохой активных поисков и неожиданных находок, вызванных резким сдвигом культурных ориентиров. Заслуживает внимания и то, что кирпич мавзолея, необычно крупный, размерами соответствует кирпичу мавзолея Ходжа Машад, ранняя датировка которого представляется бесспорной.

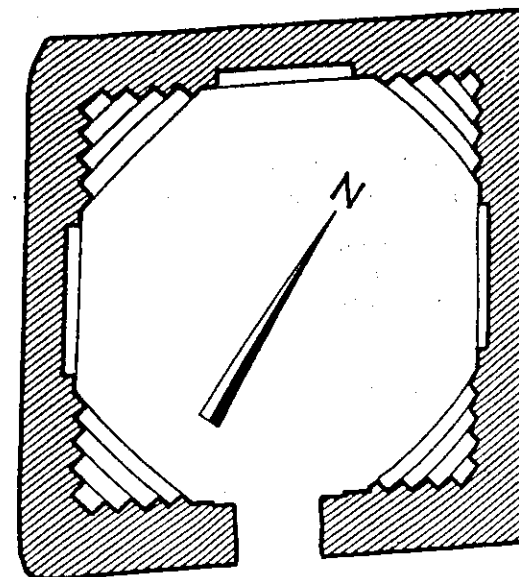
Не очень определённым временем — 10—12 вв. — датируют исследователи остатки мавзолея, раскопанные в долине реки Ат-Баши в Киргизии¹⁰⁹. Прямоугольное в плане здание

(10,5×8 м) было построено из жженого кирпича прямоугольного формата (который сохранился в этом регионе с доисламских времён), размерами 32—33×15×6—6,5 см. Стены помещения были оштукатурены ганчем и расписаны синей и зелёной краской. Портал, расположенный на восточном фасаде, «был оформлен полуколоннами и фигурными кирпичами», — если речь идёт о кирпичах с резной лицевой поверхностью (из контекста это неясно), то здание едва ли может быть датировано 10 в.: судя по ныне известным фактам, этот вид архитектурного декора был популярен в 11 в. Впрочем, «фигурность» могла быть придана кирпичам при помощи отёски, что, как мы видели, в архитектуре 10 в. было достаточно обычным явлением. К сожалению, из краткого описания неясно, что собой представляли полуколонны портала, как он выглядел, и по каким причинам здание было признано мавзолеем. Очень простой каменный мавзолей обнаружен раскопками в комплексе Чиль Духтарон в Шахристане. Он был квадратный в плане, с входом на восточной стороне, без следов какого-либо декора, и стоял в стороне от основных построек комплекса. Помещение со стороной 4,5 м могло быть перекрыто куполом. Мавзолей, как и весь комплекс, датируется 10 веком.

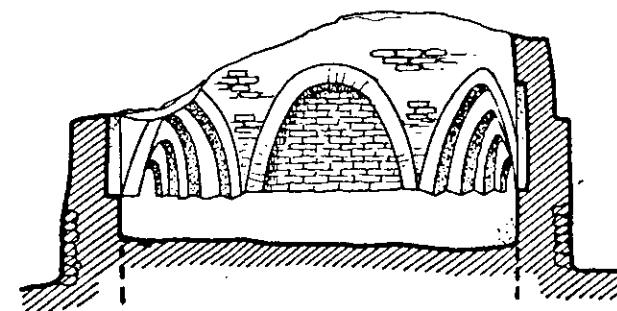
Наконец, следует упомянуть сырцовый мавзолей Ходжа Рошнаи в северном Таджикистане, о котором говорилось в прим. 59 этой главы. «Перспективно-ступенчатые» тромпы эллиптической формы и отсутствие подкупольного октагона — приёмы, свойственные доисламской архитектуре — позволяют датировать его 9 в.

Мавзолей построен из сырцового кирпича размером 28×19×4,5—5 см, — это близко кирпичу (тоже сырцовому), из которого сложены фундаменты под колоннами центрального дворика Рабати Малик, — 28×17×7 см. Несколько перекошенный квадрат плана (5,5×5,6 м снаружи) ориентирован углами по странам света; вход, обращённый на ЮВ, перекрыт аркой круглой, слегка приплюснутой формы. Над входом видно широкое прямоугольное углубление, в которое вставлена арочная ниша такой же формы и размеров, что и арка входа.

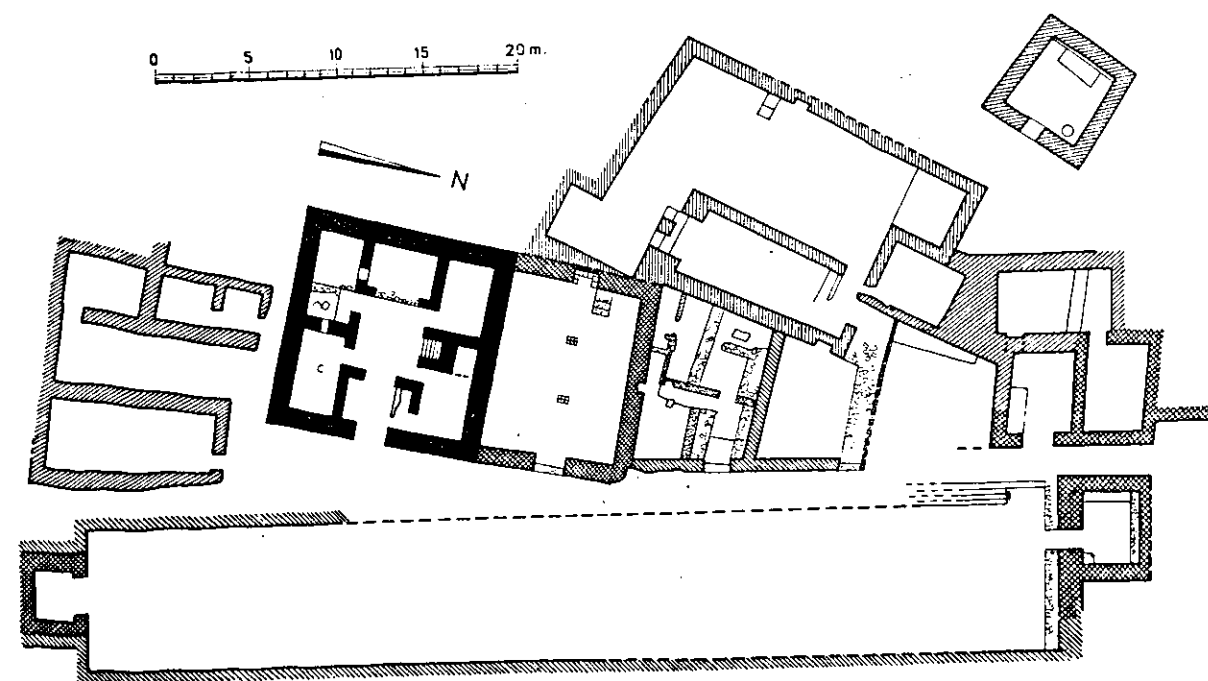
Хотя истинный уровень пола скрыт обломками рухнувшего купола, ясно видно, что высота подкупольных конструкций («перспективно-ступенчатые» тромпы и промежуточные ниши той же эллиптической формы), равная 135 см, превышала высоту внутренних стен, которая была не более 1 м. Это противоречит общераспространённому устройству купольных залов в Средней Азии, высота стен которых больше высоты подкупольных тромповых конструкций. Неожиданное и близкое сходство с мавзолеем Ходжа Рошнаи обнаруживается в малом купольном помещении буддийского храма Калаи Кафирниган (южный Таджикистан, 6—7 вв.), где на сырцовые стены, высотой всего 70 см, опираются тромпы и промежуточные ниши примерно такой же высоты¹¹⁰. Эта параллель, как и другие

Мавзолей Ходжа Рошнаи. План и
разрез. По Е. Давидович и
Б. Литвинскому.

Комплекс Чиль Духтарон в Шахристане.
Общий план.

признаки (формат кирпича, форма и конструкция арок, «врезанные» в купол тромпы) указывает на очень раннее время постройки, созданной почти полностью в традициях доисламской архитектуры.

В 10 в. время широкого строительства мавзолеев на Среднем Востоке еще не наступило, — оно придет столетием позже, вместе с популярностью мистического учения суфиев и связанным с ним культом святых могил. Но, конечно, усыпальницы 9—10 вв. не ограничивались описанными и перечисленными. Большинство из них было, вероятно, построено из сырца и до нашего времени не дошло. Некоторые из исчез-

нувших мавзолеев, по разным причинам обратившие на себя внимание современников, были ими упомянуты в географических сочинениях.

Так, аль-Мукаддаси сообщает о почитаемых могилах — в Тусе, которая окружена стеной и у которой построена лучшая в Хорасане мечеть, и в Серахсе, при которой построено место поклонения. У Мерва, по его словам, имелась почитаемая «маленькая гробница». Эти сведения аль-Мукаддаси приводит под рубрикой «мазары», однако неясно, идет ли тут речь о надгробных зданиях, или просто о местах религиозного поклонения, связанных с погребениями известных и почитаемых лиц¹¹¹.

КАРАВАН-САРАИ

С древних времён на пространствах Центральной Азии существовали караванные дороги, связывавшие земли этого огромного региона между собой и с другими странами. Главным назначением этих жизненно важных коммуникаций была международная торговля, но не только она: к купеческим караванам присоединялись дипломаты, путешественники и просто люди, по разным причинам пускавшиеся в далёкий и опасный путь.

Главной торговой дорогой, вернее — системой дорог был Великий шелковый путь, который вёл из Средиземноморья на восток, через Кавказ, Иран, Среднюю Азию в восточный Туркестан (Синцзянь), и оттуда в Китай. Были и другие маршруты, менее грандиозные, но достаточно протяженные, например — караванный путь из Поволжья через Хорезм и Мавераннахр в Иран, и дороги, связывавшие земли Среднего Востока между собой. Значительная часть караванных дорог проходила по пустынным и опасным местам. Для защиты людей, животных и грузов вдоль дорог строились караван-сарай — «караванные дворцы», крупные здания с довольно разнообразными функциями. Это были постоянные дворы — гостиницы с жилыми комнатами, помещениями для верблюдов, лошадей и скота, складами товаров и прочим необходимым оборудованием. Здесь были отряды воинов, защищавших караван-сарай и их обитателей от нападений кочевников и разбойников. Большие караван-сарай были, кроме того, торговыми факториями, где товары можно было продать или обменять.

На больших торговых путях караван-сарай образовывали цепочки с промежутками в один день пути — с таким расчётом, чтобы караван, покинув утром караван-сарай, к ночи достиг следующего места стоянки. Имелись даже особые справочники с указанием расположения дорожных гостиниц. Оборонное назначение караван-сарая, соединявших в себе функции постоянных дворов и военных форпостов, определило их крепостное устройство и облик. Они были окружены стенами, часто двойными, укреплены башнями и полубашнями, и имели компактный прямоугольный план с внутренним двором, вокруг которого располагались многочисленные помещения¹.

Строительство крупных караван-сарая на важных торговых путях было прерогативой государственной власти, — оно входило в обязанности «идеального» правителя и доказывало его заботу о процветании страны. Добрая слава султана, хана или эмира была прямо пропорциональна количеству и величественности воздвигнутых по его приказу караван-сарая: путник, въезжающий после утомительного пути в тенистый и нарядный, окруженный аркадами двор караван-сарая, должен был чувствовать себя личным гостем благочестивого правителя, заботящегося о его безопасности и комфорте.

Поэтому архитектура больших «царских» караван-сарая была далека от расчётливой утилитарности: это были действительно «караванные дворцы», поражающие роскошью отделки и размерами, на украшение и оборудование которых государство не жалело средств. Да и своим устройством они мало отличались от настоящих дворцов.

Необходимый элемент международной торговли, караван-сарай появились в Центральной Азии задолго до прихода сюда ислама. В Иране сохранились руины «торговых крепостей» сасанидского или ещё более раннего времени: основная функция их была, по-видимому, оборонная, но они были уже приспособлены к приёму и обслуживанию купеческих караванов². В Средней Азии известен только один караван-сарай, предположительно середины 1 тыс. н. э. — каменное здание с внутренним двором, открытое в Ташкентском оазисе³. Есть сведения о том, что в 7—8 вв. дорожные постоянные дворы имелись в Согде, — владельцем двух из них, построенных в верховьях реки Зеравшан, был согдийский правитель Диваштич⁴.

Сравнительно большое число доисламских караван-сарая (или их прототипов) в Иране по сравнению со Средней Азией понятно: сасанидский Иран был обширным централизованным государством, тогда как Средняя Азия в предисламское время состояла из разрозненных небольших владений. Положение изменилось в 9 в., с образованием в Средней Азии первых фактически самостоятельных государств во главе с местными династиями, которые ощущали себя преемниками древней иранской цивилизации.

С началом систематического завоевания арабами Мавераннахра (в 20-х годах 8 в.) началось

и строительство их укрепленных пунктов — крепостей, называвшихся рабатами или рибатами. Здесь находились отряды воинов, которые назывались газии — «борцы за веру»; позже здесь стали находить прибежище купцы с их караванами и прочие путники, — рабаты получили дополнительную функцию постоянных дворов. Это привело к смешению терминов, и с 9 в. караван-сарай часто (а иногда и предпочтительно) стали называться рабатами: действительно, те из них, что стояли на границах с населенной кочевниками степью, оставались сильно укрепленными крепостями-форпостами и в гораздо более позднее время. Первоначальный смысл слова «рабат» был, впрочем, потом забыт. Расцвет строительства караван-сараяв-рабатов падает в Средней Азии на время правления Саманидов и сменивших их Караханидов, то есть на 10—12 вв. Уже в 10 в., по свидетельству аль-Истахри, в Мавераннахре их насчитывалось более 10 тысяч⁵. Далеко не все они были, вероятно, монументальными сооружениями, но те, что строились государством и воплощали собой его престиж, удивляли современников великолепием архитектуры, богатством и комфортом. Еще в 8 в. один из последних омейядских наместников Хорасана, Асад ибн Абдаллах, был отмечен современниками за строительство гостиниц-караван-сараяв в степях: «Приходит туда странник с востока, приходит другой с запада, и не находят они там недостатка»⁶. В 12 в. караханидский правитель Шемс аль-Мульк был, по некоторым сведениям, даже похоронен в построенном им рабате на дороге между Самаркандом и Ходжентом⁷, — честь, которой обычно удостаивались только некоторые медресе.

Существовали и другие типы караван-сараяв, — одни из них строились прямо в городах, другие рядом с ними, у городских ворот. В первых значительное место занимали мастерские и лавки, специализируемые по видам изготавливаемых и продаваемых товаров. Вторые, строившиеся (иногда в большом количестве) поблизости от торговых, «купеческих» городов, представляли собой как бы торговые представительства других городов и селений, перевалочные пункты для местных товаров, которые затем входили в оборот международной торговли. Около Пайкенда, издавна имевшего репутацию «города купцов», такие рабаты образовали растянувшиеся вдоль дорог кварталы.

Итак, караван-сарай 9—12 вв., строившиеся на больших караванных дорогах, были, как правило, крупными, монументальными сооружениями со сложным устройством и богатым декором. Их функции были многообразны и изменчивы в зависимости от различного рода обстоятельств — политических, хозяйственных, культурных и пр. Это были — в разной степени — крепости, дворцы, гостиницы, торговые фактории, военные общежития, скотные дворы, лавки и склады товаров. В сложную структуру рабата входила, как правило, и мечеть, а встречающиеся в некоторых из них купольные помещения

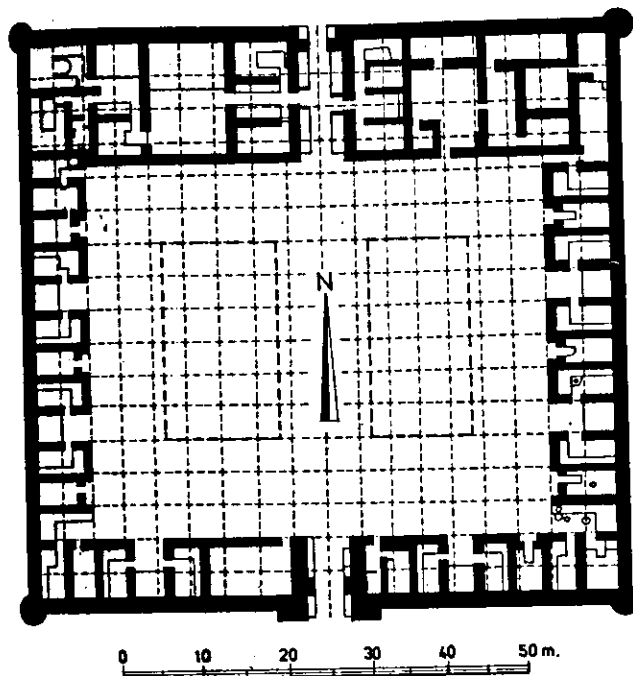
особого устройства указывают, как будто, на какие-то парадно-репрезентативные функции этих степных дворцов. Сейчас известно только несколько среднеазиатских караван-сараяв интересующего нас времени, причём датировка некоторых из них стала предметом споров. Ниже я попробую, по возможности доказательно, решить эту проблему.

Общий структурный принцип — внутренний прямоугольный двор, обстроенный со всех (чаще всего) сторон, и внешние глухие стены — один из древнейших в истории архитектуры. В Центральной Азии он употреблялся задолго до эпохи ислама, а с её приходом лёг в основу построек различного назначения — дворцовых и жилых комплексов, мечетей, медресе, караван-сараяв-рабатов. В последнем случае возможность создания на этой общей основе бесконечного числа вариантов хорошо видна на примере даже тех немногих зданий, которые сохранились от раннеисламского времени или открыты с помощью раскопок.

КАРАВАН-САРАЙ У ПАЙКЕНДА

Расположенный в 50 км к ЮЗ от Бухары, Пайкенд в доисламское время был вторым по величине и значению городом «бухарского» Согда. Он был известен как «город купцов», центр транзитной и местной торговли, и как своеобразная республика, которой правил не феодальный владетель, а городской патрициат. Средоточием торговли и важным пунктом на Шелковом пути Пайкенд оставался до 10 в. — он был оставлен жителями и погиб из-за того, что в это время началось (или резко ускорилось) высыхание западной окраины Бухарского оазиса, где находился город. Всё же за недолгий период своего «исламского» существования город пережил последний хозяйственный расцвет: об этом свидетельствуют остатки многочисленных караван-сараяв, выстроенных вдоль дорог, которые вели к восточным, южным и западным воротам Пайкенда. Один из них, — видимо, самый большой из выстроенных на восточной дороге, — был раскопан и археологически изучен⁸.

Караван-сарай был построен в 9 и просуществовал до начала 10 в., что точно определено археологическими находками. Стены возведены из кирпича-сырца удлинённой формы, размером 38—40×20—24×10—12 см, своды (не сохранившиеся) — из квадратного сырца размером 32—34 и толщиной 8—10 см. Такое сочетание — свидетельство переходного периода между древней и новой эпохами: удлинённый формат сырца типичен для доисламского времени, квадратный же распространился в строительстве Средней Азии после арабского завоевания. Аналогии подтверждают правильность датировки: удлинённый сырца такого же размера был применён во дворце Саманидов на Афрасиабе, а квадратный — в жилом здании «Курган» в Термезе и замке Кальтепа, — все постройки 9 в.⁹

Караван-сарай в Пайкенде. План (по А. Мухамеджанову и др.) и его геометрический анализ.

Почти квадратное в плане здание (75×72 м) ориентировано осями по странам света. Главный вход посреди южной стороны представлял собой портал-пештак, входная ниша которого была фланкирована выступающими вперёд прямоугольными пилонами. Напротив, на северной стороне был устроен второй вход с меньшей входной нишей и без пилонов. По углам возвышались круглые башни с диаметром (у основания) 3,3 м — несомненно декоративные, так как крепостному характеру архитектуры противоречат два лежащих на общей оси входа шириной 3,5 и более 2 м.

Большую часть территории караван-сарая занимал двор размером 47×56 м. Он не был пуст: в его ЮВ части найдены следы каких-то строений, а в центре, по сторонам входной оси, размещались обширные прямоугольные возвышения, каждое размером приблизительно 25×13 м. Вероятно, эти платформы служили для удобства разгрузки и погрузки поклажи.

Обстройка двора состоит из двух ясно различимых групп помещений. С южной, западной и восточной сторон двор окружали чётко организованные группы помещений жилого и хозяйственного назначения. Каждая группа включает в себя среднюю комнату-айван, открытую во двор всей своей шириной и с возвышением-«суфой» (тоже во всю ширину комнаты) в глубине, и две боковые комнаты, зеркально симметричные, с суфами у передней и боковой стен. Полная симметрия подчеркнута тем, что входы из айвана в боковые комнаты лежат один напротив другого.

Между этими трёхкомнатными «квартирами» расположены помещения несколько меньшей глубины: их входы, обращённые во двор, имеют форму ниш и представляют собой миниатюрные подобия традиционных среднеазиатских порталов. Здесь нет суф и очагов, которыми оборудованы явно жилые трёхкомнатные группы, и исследователи справедливо считают, что назначение этих комнат, несмотря на эффектную форму их входов, было хозяйственным или складским.

Эта ритмичная и продуманная система, в которой арки входных ниш чередовались с большими арками айванов, нарушалась только в углах и по сторонам южного входа: здесь справа располагалось двухкомнатное жилище привратника, а слева — большое помещение, в котором, мне кажется, можно видеть мечеть¹⁰. Сложный ритм чередования открытых, полуоткрытых и закрытых снаружи помещений не имел здесь, конечно, функционального смысла, — нишеобразные входы сокращали площадь хозяйственных помещений, — и был рассчитан на определённый художественный эффект, который ощущим даже при рассмотрении плана. В натуре он должен был ощущаться ещё отчётливей.

Вместе с тем в устройстве трёхкомнатных ячеек с их внутренней симметрией усматривается традиция народной архитектуры жилища, сохранившаяся до наших дней. И ныне в народной архитектуре Средней Азии (главным образом в Узбекистане и Таджикистане) распространён тип жилого дома, состоящего из трёх частей: среднего, открытого во двор айвана и двух боковых, более или менее симметричных комнат¹¹. В жилищах, устройство которых в большей степени подчинено функциональным требованиям, чистота этой схемы обычно нарушалась; здесь же, в древнейшем из известных её воплощений, она предстаёт, много раз повторённая, в почти идеальном виде.

Вторая группа помещений составляла северную часть обстройки двора. Её общая ширина более чем вдвое превышает ширину других, «стандартных» сторон. Группа разделена пополам северным входом, имеющим вид глубокого айвана, и состоит из помещений репрезентативно-парадного, жилого, подсобного и хозяйственного назначения, расположенных в сложном порядке. В левом крыле выделяется большой зал, занимающий всю ширину корпуса (14,40:9,05 м), с широкой суфой-эстрадой в глубине. Пол и суфа были выстланы диагонально уложенными жжеными кирпичами, квадратными на суфе (сторона 28,5 см) и квадратными и удлинёнными на полу (33×33 и 33×22 см). Пол из жженных кирпичей, уложенных в «шахматном» порядке, имелся в помещении к западу от зала, и в маленькой комнате рядом с ним, откуда попадали в хорошо оборудованную купальню. Стены зала, предназначенного для многочисленных собраний, были оштукатурены ганчем.

Выделяется помещение в СЗ углу с суфой сложной криволинейной формы и тонкой стен-

кой, заслоняющей вход, со скульптурно обработанным углом. Пол, стены и суфы этого помещения были оштукатурены ганчем. Его устройство похоже на залы в доисламских дворцах и замках, в которых происходили общественные и религиозные церемонии, — очень похоже, что это была «языческая» капелла, которой пользовались гости караван-сарая, еще не перешедшие в ислам. Если это так, то устройство в одном здании такой капеллы и предполагаемой мечети — явление уникальное, наглядно иллюстрирующее «мутационный» период раннеисламской культуры Средней Азии.

Большинство помещений было перекрыто сводами. Все или почти все помещения северной группы, включая пространство за входом, имели плоские балочные перекрытия. Большой зал, с его более чем 9-метровой шириной, должен был иметь внутренние опоры, которые, однако, не были найдены. Незавершенность раскопок оставила открытыми многие вопросы: не было ли по периметру двора аркады на столбах, обычной в более поздних караван-сараях? Не было ли в западной стене зала, что слева от главного входа, михрабной ниши? Каким конкретно было устройство двора? Основные членения плана караван-сарая вписываются в сетку квадратных ячеек со стороной около 4 м. В действительности метрической единицей — гязом, которым пользовались строители, был, вероятно, в 3 раза меньший размер, около 130 см, что довольно точно соответствует размеру «шахского» гяза, употребительному в строительстве Средней Азии в 9—12 вв. Такова толщина основных внутренних стен здания; длина и ширина двора составляют соответственно 52 и 34 гяза; 3 гязам равна ширина айванов в трёхкомнатных жилых секциях и примыкающих к ним комнат вместе со стенами; ширина входных айванов и южной порталной ниши равны 4 гязам.

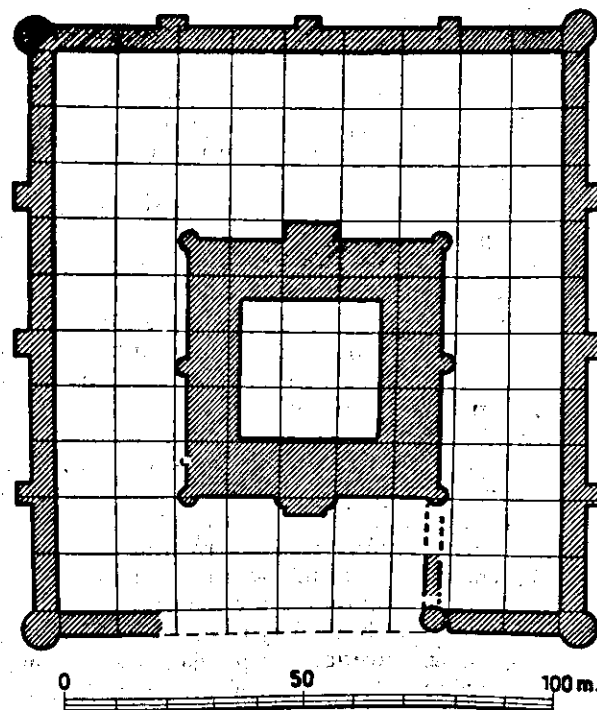
Стоявший в ряду подобных ему построек, этот караван-сарай был, конечно, не крепостью воинственных газиев, а мирной торговой факторией, основанной каким-то близким или дальним (скорее, всё-таки дальним) городом. Сюда прибывали караваны с товарами, здесь их разгружали либо для дальнейшего пути на восток или запад, либо для продажи в Пайкенде. Здесь было достаточно места и для товаров, и для людей, живших там в достаточном по тем временам комфорте и подчас довольно долго. В достаточно сложной, многофункциональной планировке видны и продуманная рациональность, и стремление к эффектной ритму пластических форм. Сквозной осевой проход с двумя входами — парадно-монументальным южным, обращённым к торговой дороге, и более «интимным» северным, — в других караван-сараях Средней Азии больше не встречается. Насколько типичен был этот и другие приёмы устройства пайкендского рабата, нельзя сказать до исследований соседних с ним остатков караван-сарая. Очевидная продуманность плана, подчинение «типовой» обстройки двора сложно органи-

зованной и, может быть, более высокой северной части, мастерское решение планировочных узлов — во всём этом чувствуются опыт и долготная традиция, уходящие за пределы арабского завоевания.

ДАЯ-ХАТЫН

Там, где древняя караванная дорога, идущая из Мерва и Амуля (ныне Чарджоу) в Хорезм, подходит к берегу Амударьи, между селениями Джигербент и Дарган-ата высятся издали видные руины. Они известны под именем Дая-Хатын и состоят из двух частей: прямоугольника полуразрушенных стен с круглыми угловыми и квадратными промежуточными башнями и внутреннего здания караван-сарая. Расчёты, основанные на сведениях аль-Истахри (10 в.) и Якута (13 в.), позволили установить, что это — остатки рабата Тахирия, построенного в 9 в. основателем династии Тахиридов Тахиром ибн аль-Хусейном (776—822 гг.)¹².

Дая-Хатын был впервые обследован в 1939 г.¹³ Позже его исследованиями занимались А. Прибыткова и Г. Пугаченкова, что нашло отражение в их публикациях¹⁴. Все исследователи согласны в том, что внешние укрепления караван-сарая построены в 9 в., но относительно времени сооружения самого здания мнения расходятся: С. Ершов датирует его 2-й половиной 12 в., А. Прибыткова — осторожно рубежом 10—11 или началом 11 в., Г. Пугаченкова — уверенно

Рабат Дая-Хатын. Общий план (по А. Прибытковой) и его геометрический анализ.

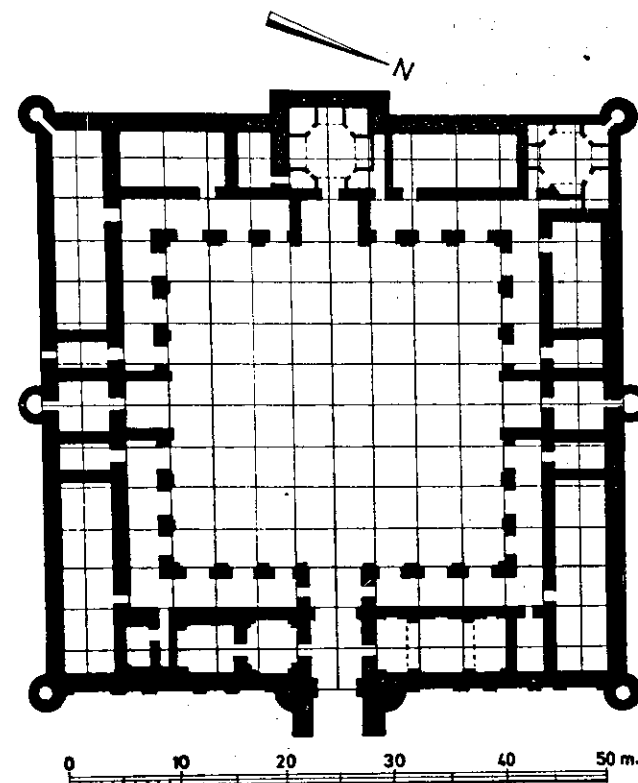
1-й четвертью 12 в. Моё решение этой проблемы я позволю себе предложить позже.

Здание построено на левом берегу Амударьи и ориентировано по странам света с отклонением в 20°. Своим главным, входным фасадом оно обращено к реке. Прямоугольник внешних стен охватывает площадь размером 112×125 м; на востоке, перед главным фасадом он разорван на ширину этого фасада, и отсюда к угловым башням караван-сарая тянулись почти не сохранившиеся, менее толстые стены. Внешние стены сложены из сырцового кирпича со стороной 39 и толщиной 9 см, что соответствует размеру сырца, из которого выстроен караван-сарай у Пайкенда; поперечные стены, судя по их остаткам, были выстроены из более мелкого сырца и облицованы жженым кирпичом. Это указывает на их более позднее происхождение и на то, что первоначально прямоугольник внешних стен был замкнутым. Снос стены перед главным фасадом произошел, видимо, тогда, когда отпала надобность во внешних укреплениях и эффектный фасад караван-сарая можно было безбоязненно открыть.

Здание было поставлено на продольной оси огороженной стенами площади, несколько ближе к её восточному краю. Материал постройки — сырцовый кирпич со стороной 28 и толщиной 5,5 см и жжёный кирпич того же размера, из которого возведены своды и купола, а также выполнена облицовка фасадов. Из кирпича близких размеров построены мавзолей Ходжа Машад (27 см), дворец Кырк-Кыз и замок Сулу-кошук в Мерве (30 см) — здания 9—10 вв.

Правильный квадрат плана со сторонами 53 м нарушен выступами круглых башен на углах и посреди боковых фасадов, портала и квадратного помещения на задней, западной стороне. Квадратный внутренний двор (30×30 м) окружен аркадой на прямоугольных столбах. За аркадой лежит сводчатая галерея, состоящая из 4 разобъённых отрезков: она прерывается у айванов, расположенных на осях двора. Восточный айван, почти без задней стены, представляет собой продолжение сводчатого вестибюля, лежащего непосредственно за порталом. За боковыми айванами расположены квадратные комнаты, перекрытые сводами; осевые проходы из них ведут в маленькие круглые камеры, устроенные внутри башен. Эти камеры — единственные помещения караван-сарая, в которых имеется по одному узкому окошку. Небольшие прямоугольные камеры по сторонам квадратных комнат образуют вместе с ними симметричные группы, замыкающие поперечную ось.

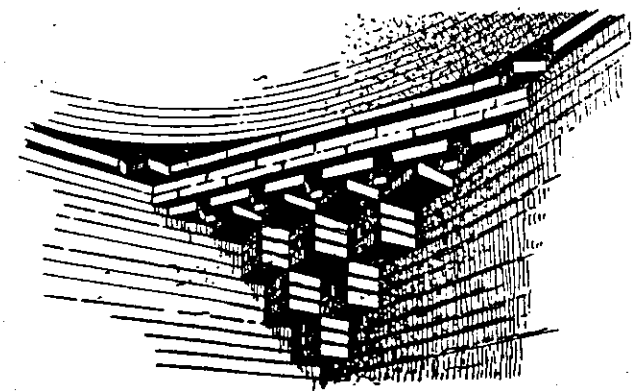
Два помещения слева от входного вестибюля были, вероятно, связаны с функциями охраны и контроля. Первое из них, с четырьмя плоскими нишами на каждой стороне, перекрыто сводом «балхи»; второе, с широкой нишей в южной стене, — куполом на консольных пандантивах. Продолговатый зал справа от вестибюля разделён двумя поперечными арками на три части,

Караван-сарай Дая-Хатын. Геометрический анализ плана.

более широкую среднюю и узкие боковые. Арки опираются на пилястры (этот термин здесь, конечно, условен), а ЮЗ стена зала отмечена тремя нишами, по одной в каждой из трёх частей.

Подобное устройство свойственно мечетям определённого типа, не очень распространённого, но встречающегося во многих странах. Таковы, например, мечети в Асуане (11 в.)¹⁵, аль-Джиюши в Каире (11 в.)¹⁶, мечеть при мавзолее Олджейту в Султанлии (начало 14 в.)¹⁷. Строились мечети этого трёхчастного типа и

Караван-сарай Дая-Хатын. Консольный парус. По А. Прибытковой.

в Средней Азии, — таковы Талхатан-баба в районе Мерва (11—12 вв.)¹⁸, Лайлак-Уя в Кабадиане (14—15 вв.)¹⁹ и некоторые другие, причём часто такие мечети входили составной частью в крупные архитектурные структуры.

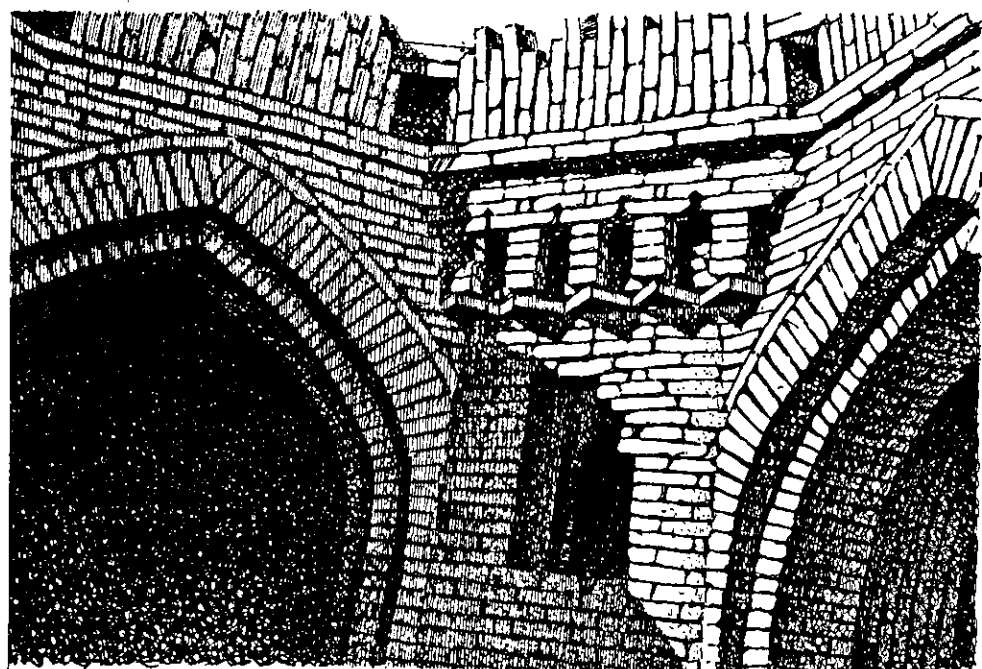
Это даёт основание видеть в трёхчастном зале Дая-Хатын внутреннюю мечеть. Ориентация его ниш на запад с отклонением к югу отвечает местной ориентации михрабов и подтверждает именно это их назначение. Все помещения караван-сарая образуют замкнутое каре. Их ширина (за исключением среднего помещения западной стороны) определяется расстоянием между наружными стенами и внутренней сводчатой галереей и составляет около 4 м. Большую часть северной, южной и западной сторон занимают длинные сводчатые помещения явно нежилого назначения, — вероятно, склады и стойла.

В узких коридорах у ЮВ и СЗ углов, а также с правой стороны среднего западного зала располагались кирпичные лестницы, выводившие на крышу, — от них сохранились следы ступеней и отверстия в сводах. Интересно и уникально устройство больших помещений западной стороны — среднего и северного (правого). Первое из них, как говорилось, лежит на продольной оси здания, напротив входа, и единственное выступает из плоскости фасада. Роль его величественного порталного входа исполняет западный айван. Такое подчёркнуто главное место в общей архитектурной композиции этого квадратного (7×7 м) зала дополняется особенностями его устройства: в него вставлена конструкция, представляющая собой в плане октагон с узкими диагональными гранями, арками на месте широких граней и стенками, соединяющими углы октагона со стенами зала. Узкие грани прорезаны арочными проёмами в два яруса, над верхними проёмами устроен карниз, который

состоит из двух рядов кирпичных консолей, нависающими один над другим. Соответственно этому ширина узких граней увеличивается, и на уровне верхней линии карниза октагон становится равносторонним. На это восьмиугольное основание опирается купол, от которого сохранились только нижние кольцевые ряды кладки.

Таким образом, в массивный квадратный футляр здесь вставлено помещение со стенами толщиной в 2 кирпича, крестообразное в плане, в котором средняя часть перекрыта куполом, а нишеобразные ветви креста — сводами, сложенными в технике параллельных отрезков. Угловые камеры пятиугольной формы, расположенные в два яруса, перекрыты такими же, мастерски возведёнными сводами. Широкие арки внутренних ниш, арочные проходы и окна в узких гранях, карнизы, сложенные из углов выступающих стопок кирпичей, — всё это придаёт залу едва ли случайное сходство с двориком, перекрытым куполом²⁰.

Аналогично устроено несколько меньшее помещение в СЗ углу караван-сарая. Но карнизы, расширяющие узкие грани до размеров равностороннего октагона, устроены здесь иначе и эффектнее: на кирпичи-консоли, выдвинутые из стены углом, опираются столбики из нормально уложенных 4-х полукирпичей. На них лежат целые кирпичи, подтёсанные и не соприкасающиеся друг с другом, которые перекрыты кирпичами с треугольным вырезом посередине. Так образуется миниатюрная аркатура, в которой чередуются столбики и ниши с фигурным завершением. Выразительная и откровенно «кирпичная» пластика этой конструкции может быть расшифрована и как изображение колонн, увенчанных двойными подбалками-консолями, — подобно тому, как был декорирован подкупольный октагон в мавзолее Ак-Астана.

Караван-сарай
Дая-Хатын.
Помещение в СЗ углу.

Устройство купола в этом помещении уникально. Он состоит из 8 сходящихся кверху вогнутых граней и представляет собой вариант сомкнутого свода, наподобие купола собора во Флоренции. Грани сложены из вертикально расположенных рядов кирпичей, — эта конструкция может рассматриваться как своеобразный вариант свода из параллельных отрезков. В углах 8-гранного купола у его основания устроены маленькие прямоугольные ниши, перекрытые горизонтально лежащими кирпичами; продолжаясь вверх, эта кладка образует как бы узкие промежуточные грани, которые смягчают смыкание плоскостей и придают всей форме естественную пластичность. Верх купола здесь, как и в предыдущем помещении, не сохранился. Здесь это особенно жаль, так как оставшегося недостаточно, чтобы понять, как завершался купол, было ли в его зените отверстие, и если да, то какой оно было формы.

В обоих купольных помещениях сдержанный, но выразительный декор неразрывно связан с кирпичными конструкциями и представляет собой в некотором роде их функцию, хотя выбор пластических форм невозможно объяснить только стремлением к функциональной логике: тут, несомненно, видны и изобретательность художника-конструктора, и та экспериментальность, которая так часто просматривается в раннеисламской архитектуре Средней Азии и так необычна для средневекового искусства вообще.

Все своды в помещениях продолговатой формы и в галерее, сложенные в технике параллельных отрезков, имеют двухцентровые очертания, характерные для 9—10 вв. и редко встречающиеся позже. В длинных помещениях задние торцы сводов (то есть те, у которых заканчивается кладка слегка наклонёнными назад отрезками) имеют вогнутую вверх форму. Своды «балхи» в помещениях, лежащих за главным фасадом, снабжены световыми люками восьмиугольной и квадратной формы, уступчато расширяющимися книзу. Некоторые ряды кирпичей в этих люках и в верхней части сводов украшены несложной резьбой.

Все помещения имели кирпичные полы, а поверхность двора была вымощена кирпичами, поставленными вертикально на ребро и образующими «ёлочный» узор.

Создание плоской кровли в здании, помещении которого перекрыты сводами и куполами, затруднительно: для этого нужно поднять наружные стены до верха сводов и засыпать ограждённое ими пространство землёй, масса которой опасно давит на кирпичные перекрытия.

Чтобы уменьшить эту опасность, строители караван-сарая возвели на сводах, в поперечном к ним направлении, параллельные стенки, а промежутки между ними шириной около 75 см перекрыли сводиками. Эти пазухи, затем засыпанные, значительно облегчили вес тяжелой земляной забутовки, поверх которой была устроена плоская кирпичная кровля. Устройство подобных пазух-пустот было обнаружено во двор-

це Охейдир, — здесь они шли не поперёк, а вдоль сводов, а их сводики опирались непосредственно на своды помещений²¹.

Другие примеры такого устройства в строительстве 9—12 вв. как будто неизвестны, но возможно, что они не сохранились: в большинстве крупных зданий этого времени верхние части утрачены²².

Под помещениями, лежащими за главным фасадом, были обнаружены подвалы. Они упомянуты только в одной публикации, где сказано, что входы в них «... едва выступают из завалов строительного мусора»²³, но не пояснено, где эти входы расположены. Планы подвалов никогда не публиковались, и составить представление об их устройстве и назначении пока, к сожалению, невозможно.

Разительный контраст внутренней архитектуры караван-сарая являет собой убранство его главного и дворовых фасадов. Здесь в изобилии применена резная терракота — в виде узких орнаментальных фриз, узорного заполнения декоративных арочных ниш и фигурных (заранее отформованных) вставок между парными кирпичами. Большие прямоугольные панно на главном фасаде украшены рельефной кирпичной кладкой (диагональный узор из выступающих вертикальных кирпичей на фоне горизонтальной кладки) с именами первых халифов — Абубакра, Омара и Али, — панно с именем Османа не сохранилось. Облицовки выполнены из шлифованного кирпича и очень тщательно; заполнение разделяющих панно плоских арочных ниш, их тимпаны и архивольты, набранные из резных кирпичиков, производят впечатление графической утончённости и изысканности. Прочие фасады украшены значительно скромнее, но и здесь по верху стен проходил тонкий бордюр из резных кирпичей, выполненный в суховатой графической манере. На фоне этого орнаментального изобилия выделяется ничем не украшенный портал-пештак, построенный из более крупного кирпича и менее тщательно. По справедливому заключению А. Прибытковой, пештак в его нынешнем виде, вместе со стоящей на нём купольной надстройкой, был выстроен значительно позже, вероятнее всего в 16 в. По всем своим стилистическим и техническим признакам декоративное убранство фасадов датируется 11—12 вв. Между тем архитектуре караван-сарая свойственны черты и приёмы, характерные для 9—10 вв.: сочетание сырцовый кладки с облицовками жёванным кирпичом, чрезмерная массивность стен, способ кладки сводов «отрезками» и их двухцентровое очертание, применение консольных пандантивов (которые генетически должны быть древнее тропов). Замечавшая всё это А. Прибыткова не осмелилась, однако, на вывод о разновременности здания и его фасадного декора, — она предположила, что «здание создавалось ещё на рубеже 10 и 11 вв., или в первой половине 11 в., когда по традиции ещё применялись приёмы, свойственные предыдущей эпохе»²⁴. Это заключение дало основание

В. Ворониной, заметившей поразительное сходство между внутренними карнизами и консольными пандантивами караван-сарая и мечети Деггарон, датировать мечеть 11 веком, «омолодив» ее едва ли не на 200 лет²⁵. Между тем эти архитектурные формы, в обоих их вариантах, не имеют параллелей в постройках 11—12 вв., — более того, они не отвечают эстетическим нормам этого времени.

Доводы Г. Пугаченковой, уверенно датирующей Дая-Хатын 12 в., сводятся к следующему: употребление в караван-сарая сводов «балхи», имеющихся и в мечети Талхатан-баба (около 1096 г.); оформление его портала боковыми «четвертными» (в виде четверти круга в плане) башенными выступами, аналогичными оформлению портала в иранском караван-сараяе Рабати Шериф (1115—15 гг.); сходство Рабати Шериф с Дая-Хатын, выразившееся в четырёхайванном устройстве двора, галереи вокруг него, в купольных комнатах на осях и в продолговатых помещениях; наконец, декоративное убранство фасадов, имеющее множество параллелей в архитектуре 12 в. Эти доводы неубедительны и могут быть оспорены.

1. Своды «балхи» употреблялись на Среднем Востоке с древних времен²⁶ до недавнего времени и за всё это время не претерпели никаких заметных изменений в своей конструкции. Датирующим материалом они поэтому не могут быть.

2. Приём оформления входа двумя выступами «четвертной» формы известен в зданиях гораздо более древних, чем Рабати Шериф. Так оформлен, например, вход в омейядский дворец Каср Харани в Иордании²⁷. Если принять во внимание, что пилоны портала Дая-Хатын были возведены в 16 в., то его первоначальный вид был, возможно, гораздо ближе portalу омейядского дворца, чем сельджукского караван-сарая.

3. Двор с четырьмя осевыми айванами также известен в архитектуре Центральной Азии с очень давних времён (парфянский дворец в Ашшуре — 1 в. н. э.) и оставался популярнейшим приёмом планировки мечетей, медресе, караван-сарая и дворцов много позже 12 в.

4. Арочная галерея вокруг двора и длинные помещения вдоль наружных стен имеются уже в одном из древнейших караван-сараяв Ирана — Чахи Сиях Кадим, — постройке конца 8 в., в 12 в. уже заброшенной²⁸. Длинных сводчатых помещений, таких же пропорций и расположенных так же, как в Дая-Хатын и караван-сараяе 8 в., в Рабати Шериф, вопреки утверждению Г. Пугаченковой, вообще нет.

5. Комнаты, лежащие на поперечной оси Дая-Хатын, перекрыты не куполами, а сводами «балхи». Важнее, однако, то, что и этот приём планировки употреблялся в архитектуре караван-сараяв раньше 12 в. — например, в иранском караван-сараяе начала 11 в. Рабати Турк²⁹.

Следовательно, аргументация Г. Пугаченковой неверна. Приёмы и формы, которые она считает характерными для 12 в., на самом деле много старше и были, по большей части, очень

долговечны. Архаические черты архитектуры караван-сарая, замеченные А. Прибытковой, нельзя ни игнорировать, ни объяснить пережитками. Что до декора фасадов, стиль которого несомненно указывает на 11—12 вв. и явно контрастирует со стилем внутренней архитектуры (особенно купольных залов), то и это противоречие, мне кажется, решается без труда.

История архитектуры Средней Азии знает довольно много случаев декоративного «обновления» старых построек: они получали новый, более богатый и сложный декор, отвечавший изменившимся вкусам и удовлетворявший тщеславие инициаторов этих работ, обычно местных правителей. Почему-то особенно часто такому декоративному обновлению подвергались старые (и не очень старые) здания в 12 в., причём обычно оно сводилось к тому, что первоначальные кирпичные облицовки покрывались резным ганчем. Так были заново и значительно пышнее украшены мечеть у могилы Хакима Термези и дворец правителей Термеза, причём в последнем случае прежний кирпичный декор даже не успел потемнеть и обветшать³⁰. Новый ганчевый декор получила в 12 в. и мечеть в Данданкане.

Мавзолей Абу Саида в Мехне (11 в.) был в 14 в. заново украшен в стиле и технике нового времени — цветной майоликой и росписями³¹. Есть и другие примеры такого рода поновлений, относящиеся к разным временам. Я думаю, что то же самое произошло в 12 в. с караван-сараяем Дая-Хатын. Совпадение размеров старого и нового кирпича объясняется тем, что кирпич был своего рода модулем, определявшим размеры архитектурных членений, — облицовка кирпичом другого размера привела бы к техническим трудностям.

Вопрос о времени строительства караван-сарая связан с другим вопросом: действительно ли это здание и окружающее его укрепление — постройки разных эпох? Если бы удалось доказать обратное, то проблема датировки караван-сарая была бы решена, так как датировка внешних стен 9—10 вв. доказана историческими материалами и не вызывает сомнения.

Геометрическим анализом устанавливается, что за метрическую единицу плана в пределах наружных стен был избран размер около 11,3 м. Длина прямоугольной площади рабата составляет 10 таких единиц, ширина — 9. Здание караван-сарая, как видно из прилагаемого плана, точно вписывается в образованную этими единицами квадратную сетку: его ширина, включая выступы башен, и длина вместе с прямоугольным западным выступом равны 5 единицам. Если бы караван-сарай был построен на 100 или 200 лет после внешних укреплений рабата, то его, конечно, не удалось бы вписать в квадратную сетку условных единиц, не видимую на поверхности земли: общее соответствие этой сетке возможно лишь при одновременном строительстве обеих частей рабата³².

Предположение, что караван-сарай был построен в 11—12 вв. на старых фундаментах, и что

в нём сохранились только контуры здания 9—10 вв., отпадает при геометрическом анализе его плана. Устанавливается, что в основу членений плана здания была положена более мелкая метрическая единица, кратная общей единице и составляющая ровно 1/3 её. Стороны двора равны 8 этим единицам, ширина галереи вместе со столбами — 1, общая ширина постройки — 3 единицам, то есть «большой» единице. Стороны западного среднего зала составляют 2 единицы, так же как ширина вестибюля и обоих продольно-осевых айванов вместе со стенами. Многочисленные и закономерные совпадения структуры плана с метрической сеткой свидетельствуют, как и во многих предыдущих случаях, о строительстве по проекту, а кратность ячеек большой и малой метрических сеток — об одновременном строительстве караван-сарая и его внешних укреплений, задуманных как одно целое. Укреплённый караван-сарай Дая-Хатын был построен на караванном пути из Мерва в Хорезм в 9 в., в правление Тахира ибн аль-Хусейна, и только в 12 в. его фасады украсились новым эффектным декором.

РАБАТИ МАЛИК

В степи между Самаркандом и Бухарой, на древней дороге между этими городами, ещё в 1950 г. можно было видеть руины огромной постройки: монументальный портал и примыкающую к нему часть высокой стены с массивной угловой башней. Известный востоковед Василий Бартольд высказал предположение, основанное на изучении исторических источников, что это — остатки караван-сарая Рабати Малик («царский рабат»), построенного правителем-караханидом Шемс аль-Мульком в 1078/79 г.³³ С тех пор даво не существующий караван-сарай носит это имя.

Его первое, не всегда ясное описание и зарисовку внешнего вида опубликовал в середине 19 в. А. Леман³⁴. К этому времени караван-сарай был давно заброшен и частично разобран, но его внутреннее устройство ещё можно было разглядеть, а главный южный фасад оставался относительно целым. На рисунке Лемана перед этим фасадом видны остатки внешней стены с порталным входом, — видимо, Рабати Малик, как и Дая-Хатын, был окружен внешними укреплениями.

Центральной частью «замка», по Леману, было большое круглое здание-ротонда со стенами, укрепленными «готическими» колоннами, и с рухнувшим к тому времени куполом. Перед этим залом был двор, куда попадали, минуя узкие, похожие на конюшни сводчатые галереи.

Процесс разрушения продолжался в конце 19—20 вв.: в 1875 г. из двух башен южного фасада, видимых на рисунке Лемана, осталась западная, в 1911 г. уже не было центрального купольного зала, в 1924 г. рухнуло правое крыло южного фасада. Наконец, в 1950 г. какой-то

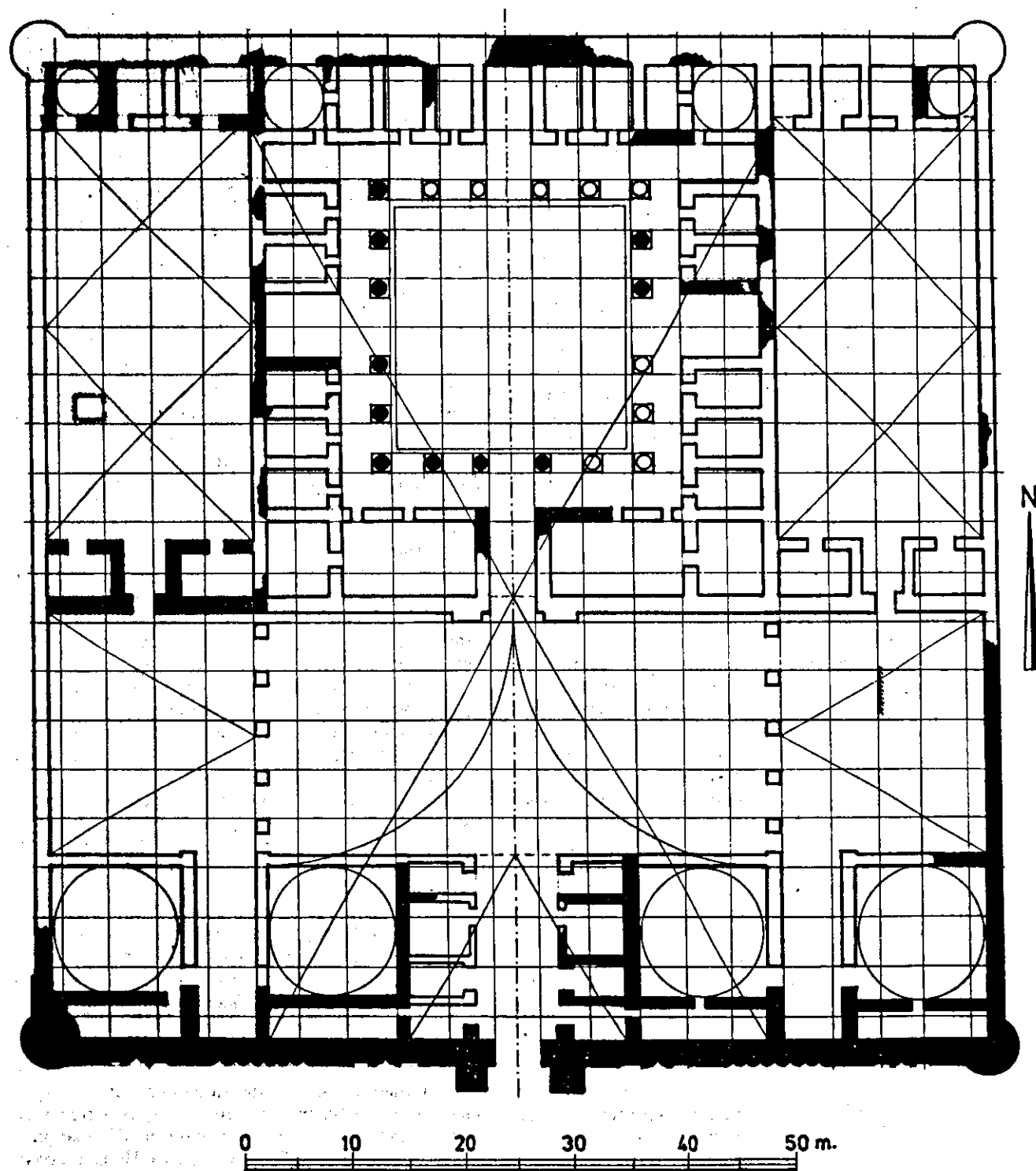
местный деятель разобрал оставшееся западное крыло и последнюю угловую башню, и от огромной постройки остался только одиноко стоящий в степи портал.

В советское время караван-сарай (вернее, остатки его южного фасада) был объектом нескольких серьёзных исследований, хотя точные обмеры руин так и не были сделаны³⁵. Фасад этого сооружения с его уникальными архитектурными формами неоднократно описывался и публиковался в советских и западных изданиях³⁶. Долгое время его датировка, предложенная В. Бартольдом, не вызывала сомнений. Но в 1951 г. другой известный востоковед, А. Семенов, доказал, что найденные Бартольдом сведения относятся к другому караван-сарая, построенному под Самаркандом в 11 в.³⁷ Тем самым вопрос о времени строительства караван-сарая между Самаркандом и Бухарой (будем по-прежнему называть его Рабати Малик) вновь стал открытым.

Предпринятые в 1973—1977 гг. раскопки (осложнённые тем, что через территорию караван-сарая теперь проложено шоссе) в известной мере выявили сложное и своеобразное устройство здания и его строительную историю³⁸. Было установлено, что в 11 или 12 в. здание подверглось перестройке, в результате которой появился большой купольный зал, который видел Леман, и остатки которого вскрыты раскопками. Зал и связанные с ним архитектурно-исторические проблемы, как и другие перестройки 11—12 вв., выходят за хронологические границы этой работы и поэтому здесь не рассматриваются.

Здание, ориентированное по странам света, было квадратным внутри (86×86 м) и слегка вытянутым в направлении Ю—С (89×91 м) за счёт большей толщины северной и южной стен. Единственный вход, оформленный монументальным пештаком, располагался посреди южной стены. Материалом служил кирпич-сырец (основной размер 28×28×7 см) и жжёный кирпич (основной размер 24×24×4 см), которым были облицованы наружные стены, и из которого были сложены верхние части угловых башен. Квадратные фундаменты под колоннами внутреннего двора были сложены из прямоугольного сырца (28×17×7 см), который в Мавераннахре вышел из употребления уже в 10 в., а архивольты декоративных арок на южном фасаде — из жжёного кирпича со стороной 33 см.

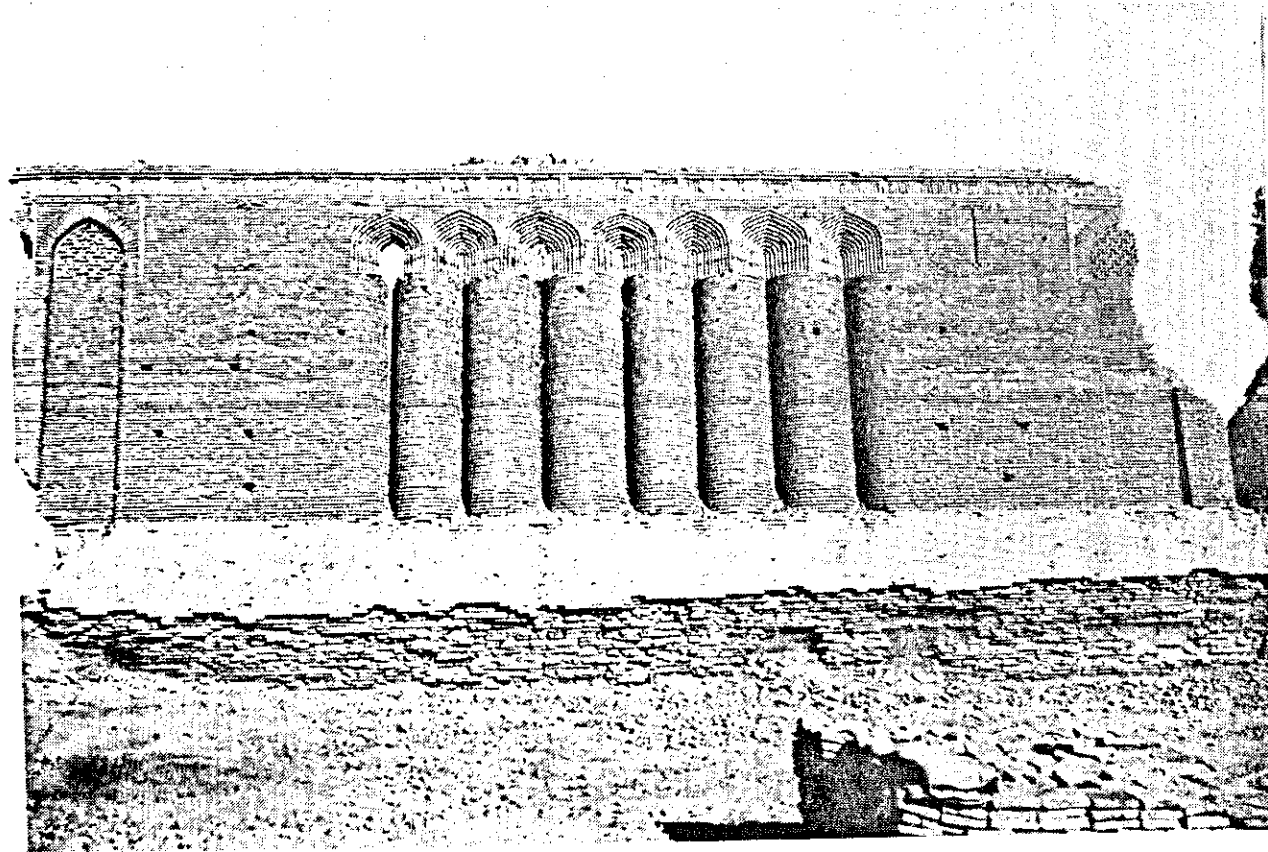
Неизвестно, как выглядели боковые и задний фасады обширного здания, но можно думать, что они были украшены значительно скромней главного, южного фасада. Здесь по сторонам выступающего вперёд портала-пештака высились слегка наклонённые назад мощные стены с необыкновенным пластическим оформлением: в центре каждого крыла расположены 6 массивных полуцилиндров, как бы врезанных в поверхность стены заподлицо с ней; две четверти цилиндра образуют плавный переход к гладкой

Караван-сарай Рабати Малик. План (по Н. Немцевой) с реконструкцией утраченных частей и его геометрический анализ.

стене по сторонам этой группы. Сомкнутые полуцилиндры (промежутки между ними — 5—7 см) несут на себе подобие аркады, арки которой представляют собой тропы древней перспективно-ступенчатой формы, в данном случае не перекрывающие углы квадратного помещения, но «развёрнутые» по поверхности стены.

Арочные ниши состоят из стрельчатых арок толщиной в 1 кирпич, вставленных одна в другую и уступчато отступающих вглубь, соответственно вогнутым углублениям между полуцилиндрами. Наружные арки этих «троп» стоящие на осях полуцилиндров, расположены в фасадной плоскости стены; узкие внутренние арки

Караван-сарай Рабати Малик. Левое крыло южного фасада.

(всего их 11) — в плоскости заглублённых промежутков.

Такой приём пластической обработки, превращающий поверхность стен в ряд толстых сомкнутых полуколонн (иногда остроконечных выступов), был распространён в доисламской архитектуре Средней Азии, — главным образом в Хорезме, области Мерва и Бухары. «Гофрами» (этим французским термином принято их называть) оформлялись фасады крепостей, замков и укрепленных общественных зданий, причём уже в самых ранних образцах гофры завершались вверху чередой тропообразных, перспективно-ступенчатых арочных ниш³⁹.

Есть несколько гипотез о происхождении и назначении гофров⁴⁰. Не имея возможности рассматривать их здесь, замечу лишь, что смысл этого приёма (казалось бы, чисто азиатского) раскрыт в трактате Альберти: стены здания, оформленные круглыми или остроугольными выступами-гофрами, труднее разрушить осадными машинами и ядрами⁴¹.

«Гофрировка» архитектурных поверхностей — эффектный приём, придающий им качества структурности, масштабности и ритмической пластичности, подчеркнутые выразительной игрой света и тени. Эти декоративные качества были замечены еще в доисламское время, а в исламской архитектуре Средней Азии гофры применялись уже только как декоративно-пластический приём. В этом качестве они предстают

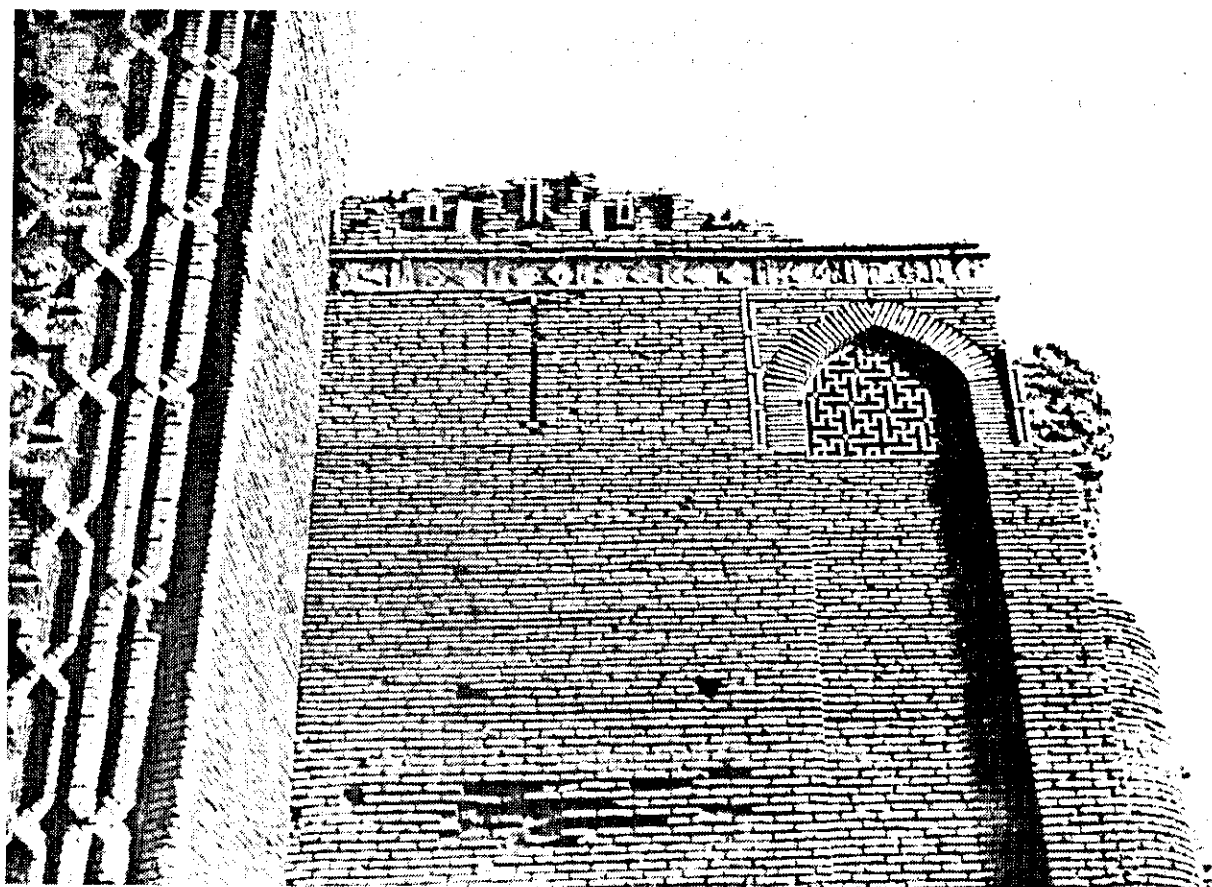
на южном фасаде Рабати Малик — в виде декоративных вставок, в сочетании с гладкими поверхностями стен и другими приёмами декора.

По сторонам этой центральной группы гофров, строго симметрично относительно её оси, расположены 2 декоративные композиции. Они состоят из трёх вертикальных частей: посередине — как бы вырезка-фрагмент средней группы, состоящая из двух половин полуколонн и венчающей их «тропообразной» ниши, слегка заглублённая в поверхность стены. По сторонам — две плоские арочные ниши, у которых внутренние поверхности арок эффектно выделены рельефным кирпичным узором. Этот узор, состоящий из сплетающихся арочных меандров, имитирует, вероятно, деревянные или алебастровые оконные решетки «панджара». Широкие кирпичные архивольты арок вставлены в прямоугольные рамы, в которых парные кирпичи чередуются с поперечными короткими кирпичиками.

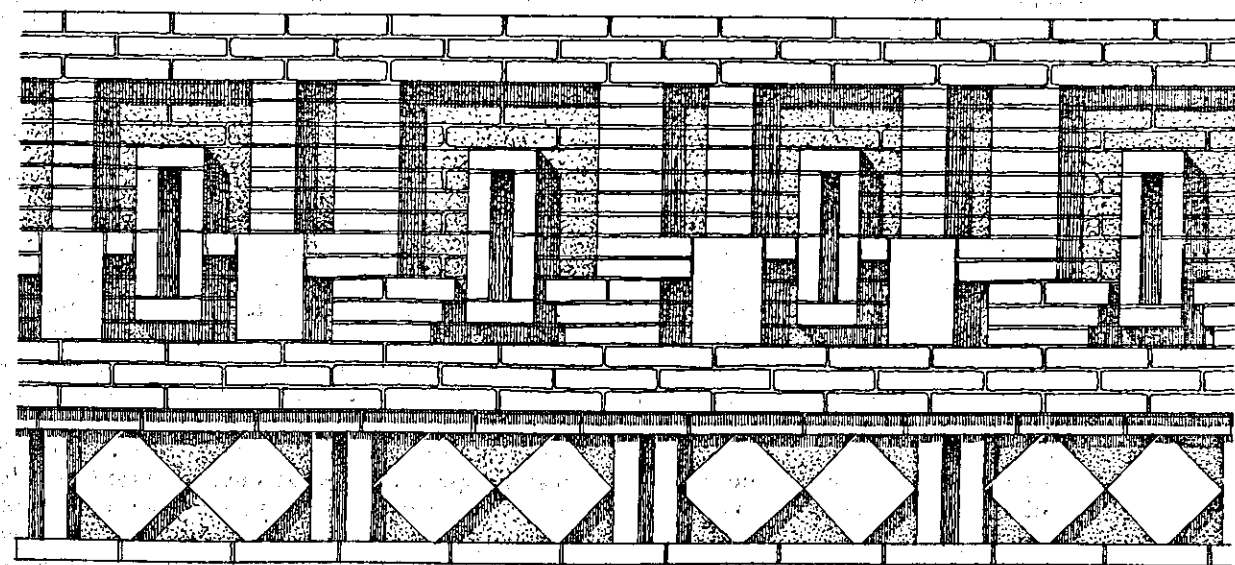
На гладких участках стены, в их верхних частях прорезаны ложные щелевидные бойницы с изящным венчанием (квадратный кирпичик, на который с двух сторон опираются наклонно лежащие кирпичи) и крестообразным основанием.

Это рельефное и орнаментальное убранство, ритмично членившее симметричные крылья фасада, поднято на цоколь, высота которого составляет около 1/3 12-метровой высоты стен.

Караван-сарай Рабати Малик. Деталь южного фасада справа от портала. Снимок 1925 г.

Караван-сарай Рабати Малик. Реконструкция венчания южного фасада.

Стены увенчаны фризом, в котором два поставленных на угол квадратных кирпича чередуются со сдвоенными кирпичами, стоящими вертикально, узкими гранями вперед. Как говорилось (стр. 139, 140), такой же фриз венчает фасады мавзолея Ходжа Машад, здания 9 в. — разница лишь в том, что в Ходжа Машаде вертикальные «триглифы» разделяли группы, состоящие, видимо, из четырёх, а не двух кирпичей, поставленных плашмя на угол.

Выше этого фриза, отделённый от него четырьмя рядами кирпичей, располагался второй фриз, более высокий и сложный. Он был почти совершенно разрушен уже в 1925 г., когда здание фотографировалось, но небольшие его остатки справа от портала позволили мне сделать попытку его реконструкции. Если она правильна, то главный фасад караван-сарая был увенчан подобием «боевой» галереи, — разновидностью той галереи, что сохранилась в мавзолее Саманидов и представлена на «аниковском» блюде. В ней чередовались прямоугольные ниши двух типов, широкие и узкие, с имитацией щелевидных бойниц в рельефных прямоугольных рамах. Обрамление «бойниц» было единственным равномерно повторяющимся элементом, все остальные чередовались в более сложном ритме, независимо от ритма нижележащего фриза. Сколько-нибудь близкой аналогии этой архитектурной форме (если не считать её общего генетического смысла) в Средней Азии не сохранилось.

Сохранявшаяся дольше других юго-западная угловая башня была круглой в плане (нижний диаметр около 5 м) и слегка сужалась вверх. Ствол приземистых пропорций был увенчан сталактитовым карнизом, на который опирался цилиндрический «фонарь», прорезанный арочными проёмами, — он виден на рисунке Лемана. Ствол под карнизом охватывала арабская надпись, вырезанная в кирпиче, с текстом 3-й суры Корана⁴².

Вход в башню был сделан примерно на половине её высоты, с северной стороны, — сюда попадали с крыши соседних помещений, которые, очевидно, были двухэтажными. С этого уровня башня была построена из жженого кирпича, а внутри её помещалась винтовая лестница, ведущая на уровень «фонаря». Авторы 19 в. говорят об остатках наружной кирпичной лестницы, которая вела к высоко расположенному входу.

Формой и устройством башня ничем не отличается от минаретов 12 в. в Бухаре и Вабкенте и, видимо, сочетала в себе функции минарета и сторожевой вышки. Если вторая функция естественна в постройке крепостного типа, каким был караван-сарай, то первая наводит на мысль, что Рабати Малик имел и какое-то другое, дополнительное назначение, связанное с религиозными ритуалами. Анализ плана как будто это подтверждает.

Что касается сталактитового карниза в основании «фонаря», то его геометрически сухие формы контрастны общему характеру архитек-

туры здания, живописно-пластичной даже в мелких деталях. Они находят близкое, едва ли не абсолютное подобие в карнизе под «фонарём» минарета в Вабкенте (1197 г.)⁴³ и вызывают подозрение, что верхняя часть башни-минарета была, как и весь караван-сарай, перестроена в 12 в.

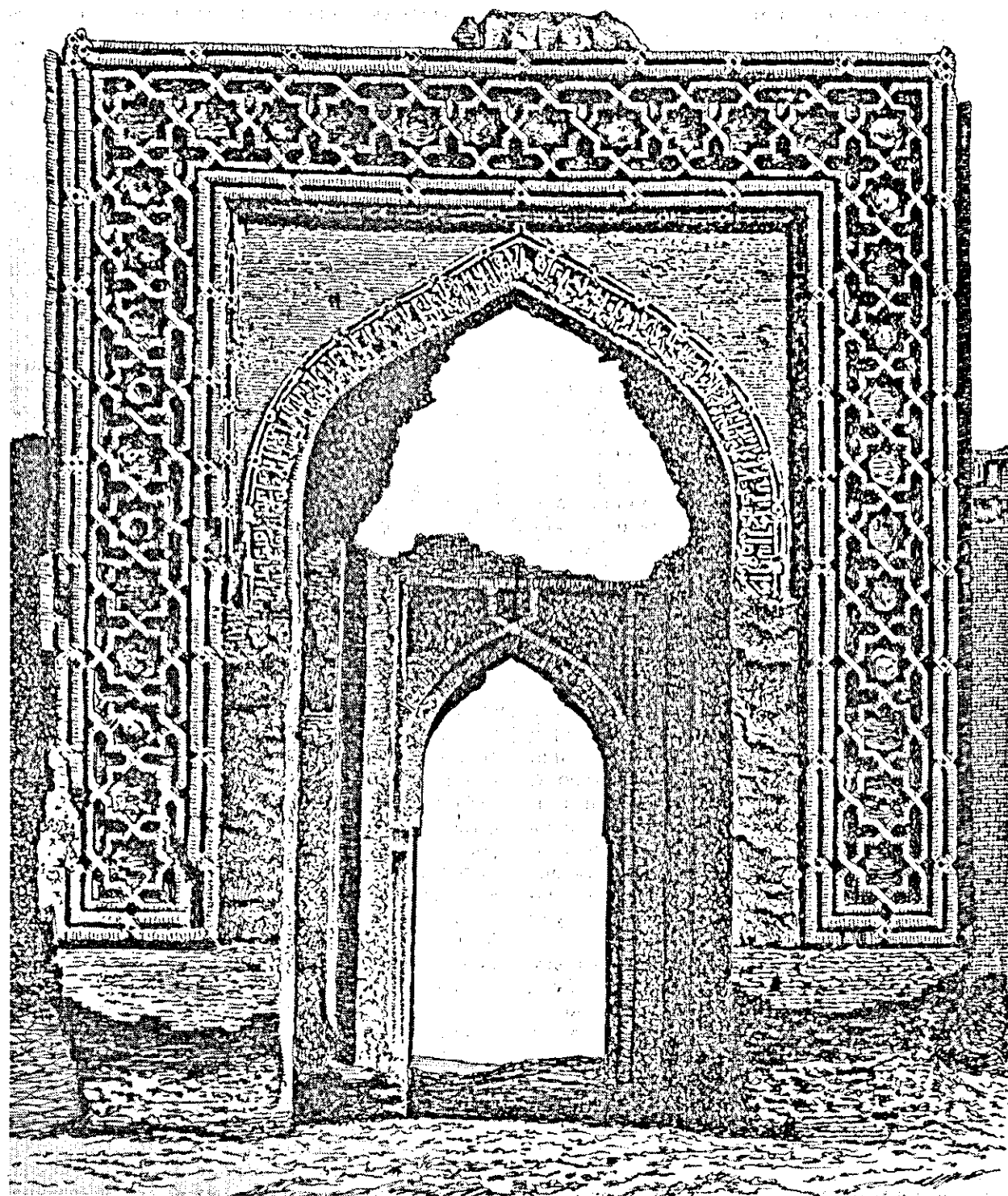
Портальный вход Рабати Малика считался, до открытия мавзолея Араб-ата, древнейшим пештаком Средней Азии. А так как караван-сарай датировался концом 11 в., то предполагалось, что и пештак в его окончательно сформировавшемся виде возник именно в это время, — по степени разработанности форм пештака определялся возраст постройки.

Массивный пештак караван-сарая имеет, действительно, классически законченный вид. Он представляет собой арочную нишу с широким проходом в задней стене, окружённую рельефной прямоугольной рамой квадратных пропорций, не доходящей до земли. Декоративное заполнение рамы состоит из крупных восьмиконечных звёзд и дополнительных фигур, окружённых бордюром из двойных, переплетающихся узлами лент, — всё это выполнено из отёсанных на 3 грани кирпичей, как на портале Узгенской мечети, и заполнено мелкой резьбой по ганчу. В звёздах, кроме того, были круглые медальоны или розетки, от которых остались только следы. О том, что первоначально пештак был выше, говорит бесформенный кусок кладки⁴⁴, сохранившийся сверху на раме, а также верхние «узлы» наружного бордюра: они сложнее других и явно имели продолжение вверх.

Входная ниша, шириной 5,80 м, открыта на фасад стрельчатой аркой, контур которой построен из 4 центров. Пролёт арки был разделен на 10 равных частей; центры для нижних дуг делят его (на уровне основания арки) в отношении 3 : 7. Центры верхних дуг лежат по краям арки, 8 частей ниже её основания; архивольт опущен ниже основания на 3 части, расстояние от арки до земли составляет 15 частей (1,5 пролёта), нижний край прямоугольной рамы отстоит от основания арки на 10 частей, ширина архивольта без внешнего бордюра равна 1 части. Пропорции прямоугольника, образованного основанием арки и краями рамы, которым определяется высота тимпанов — 1 : 2.

Таким образом, формы и пропорции портальной арки определяются простыми отношениями, в основе которых лежит метрическая единица, равная 58 см. Ширина и высота ниши состоят соответственно из 8 и 12 частей, равных 72,5 см. С этим размером, который есть основание считать принятой строителями метрической единицей — «гязом», мы встретимся ниже.

Широкий архивольт арки заполнен надписью на персидском языке, выполненной в резной терракоте. Разобранная часть надписи гласит, что здание построено «султаном мира» (караханид Шемс аль-Мульк такого титула не носил) и при помощи Бога стало подобным раю⁴⁵. Наружный бордюр архивольта представляет собой

Караван-сарай Рабати Малик. Портал.

кирпичную цепочку, в которой продолговатые звенья разделены 8-угольными «узлами», — эта цепочка, достигнув края архивольта, продолжается далее вдоль внутреннего края прямоугольной рамы портала, оконтуривая тимпаны.

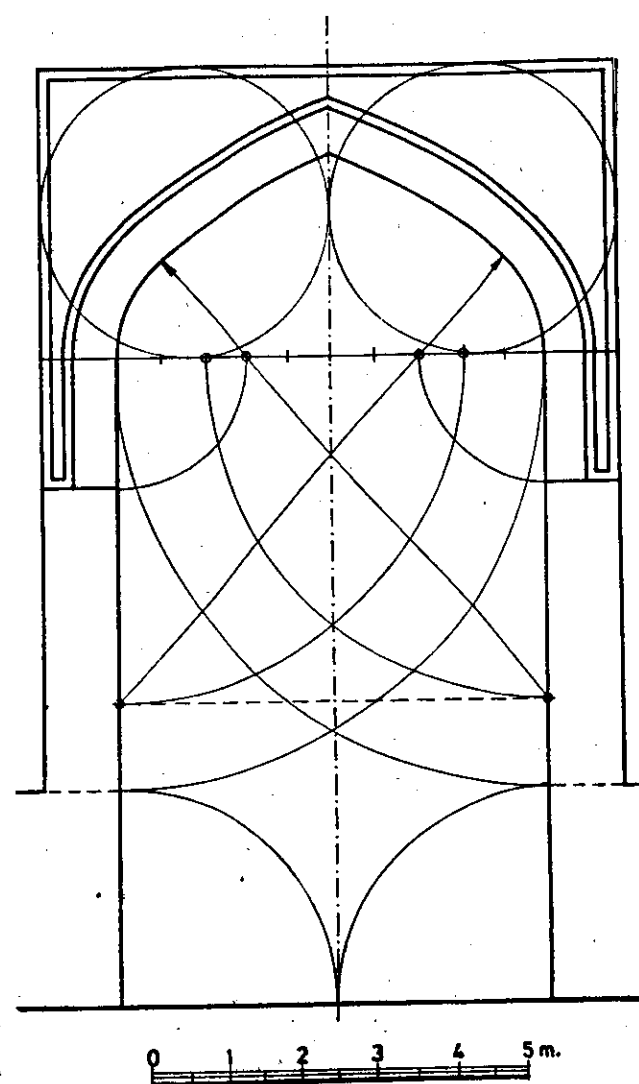
Это прямоугольное обрамление арки, не выходящее за её пределы (то есть не распространённое на прямоугольную часть арочной ниши)

аналогично оформлению плоских боковых ниш на фасаде. Оно находит ближайшие параллели в портале мавзолея Араб-ата и в порталных входах мавзолея Саманидов, и даже в обрамлении арок его верхней галереи. Приём «импостного» обрамления входной арки употреблялся ещё в доисламской архитектуре, о чём свидетельствует портал изображённого на «аниковском» блю-

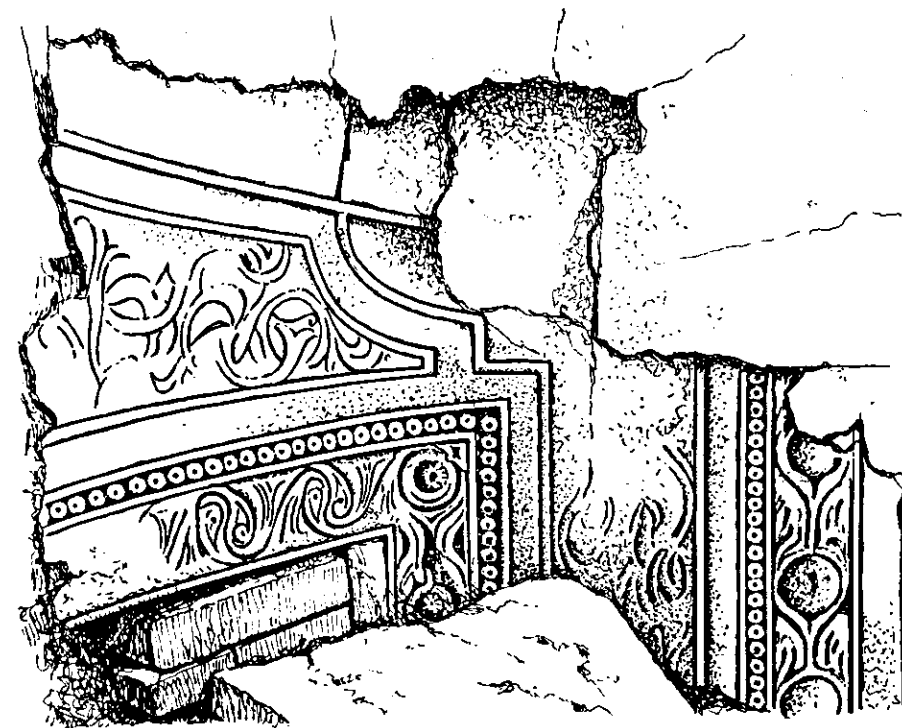
де замка. В архитектуре 11—12 вв. этот приём почти не встречается, и его образцы этого времени более усложнены и вычурны⁴⁶. Перекрытие входной ниши, лежащее за этой эффектной аркой, имело форму полукупола, точнее — несколько сплюсненной конхи с широкой полуаркой посередине. Её средняя часть, судя по рисунку Лемана, была разрушена уже тогда. Свесы конхи над внутренними углами ниши, судя по описанию Б. Засыпкина⁴⁷, опирались на кирпичные сталактитовые паруса, украшенные резьбой по ганчу. Остатки резного ганчевого декора, сохранившиеся на правой стороне конхи, были сфотографированы Б. Засыпкиным: здесь видны широкие бордюры, окаймлённые цепочками «перлов» и заполненные растительным орнаментом, подчас трудно различимым из-за плохой сохранности. Всё же заметно, что здесь сочетались два типа резного декора: с глубокой рельефной резьбой и тонким графическим узором, — второй заполнял поверхности между бордюрами, а среди мотивов первого типа видны знакомые по Араб-ата знаки «ян-инь», связанные с символикой конфуцианства.

Вероятно, в 12 в. в заднюю стену порталной ниши был встроены арочный проём, который сузил входную часть портала и уничтожил первоначальный вход.

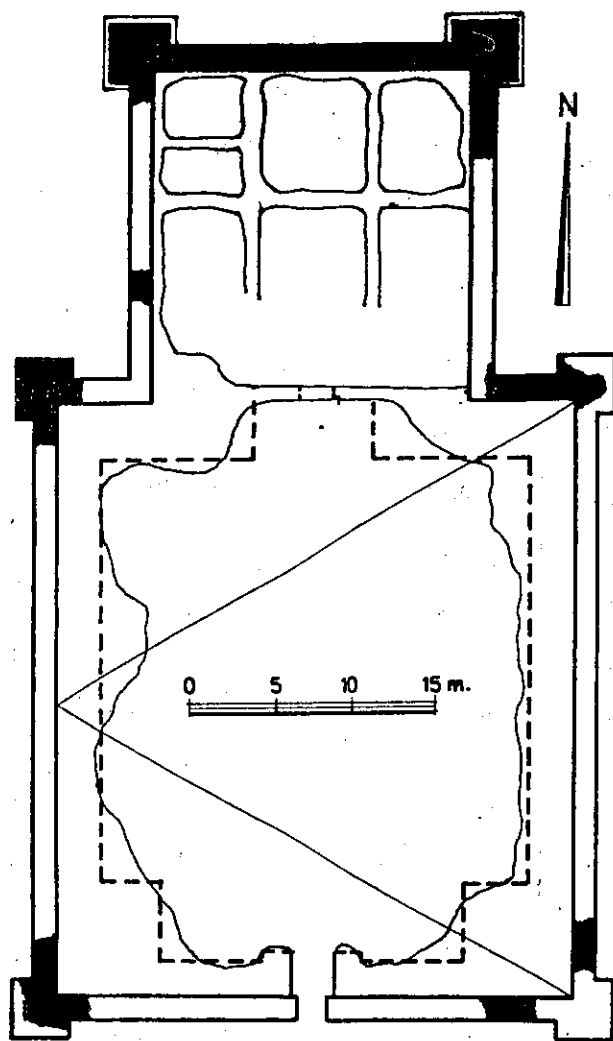
В архитектурной организации величественного главного фасада караван-сарая господствовала идея классической симметрии: строго симметричен был весь фронтон фасада с центром-пештаком, одинаковыми крыльями и угловыми башнями. Трёхчастная симметрия повторена и в крыльях: центр, отмеченный шестью мощными гофрами, и вертикальные фланги-«ризалиты». Наконец, и сами эти фланги демонстрируют тот

Караван-сарай Рабати Малик. Геометрический анализ входной ниши портала.

Караван-сарай Рабати Малик. Резной штук в конхе порталной ниши. По Б. Засыпкину.

Караван-сарай Чаш-кала. План. По Г. Пугаченковой.

же композиционный принцип трёхчастной симметрии: центр, состоящий из двух сомкнутых полугофров, в обрамлении плоских арочных ниш.

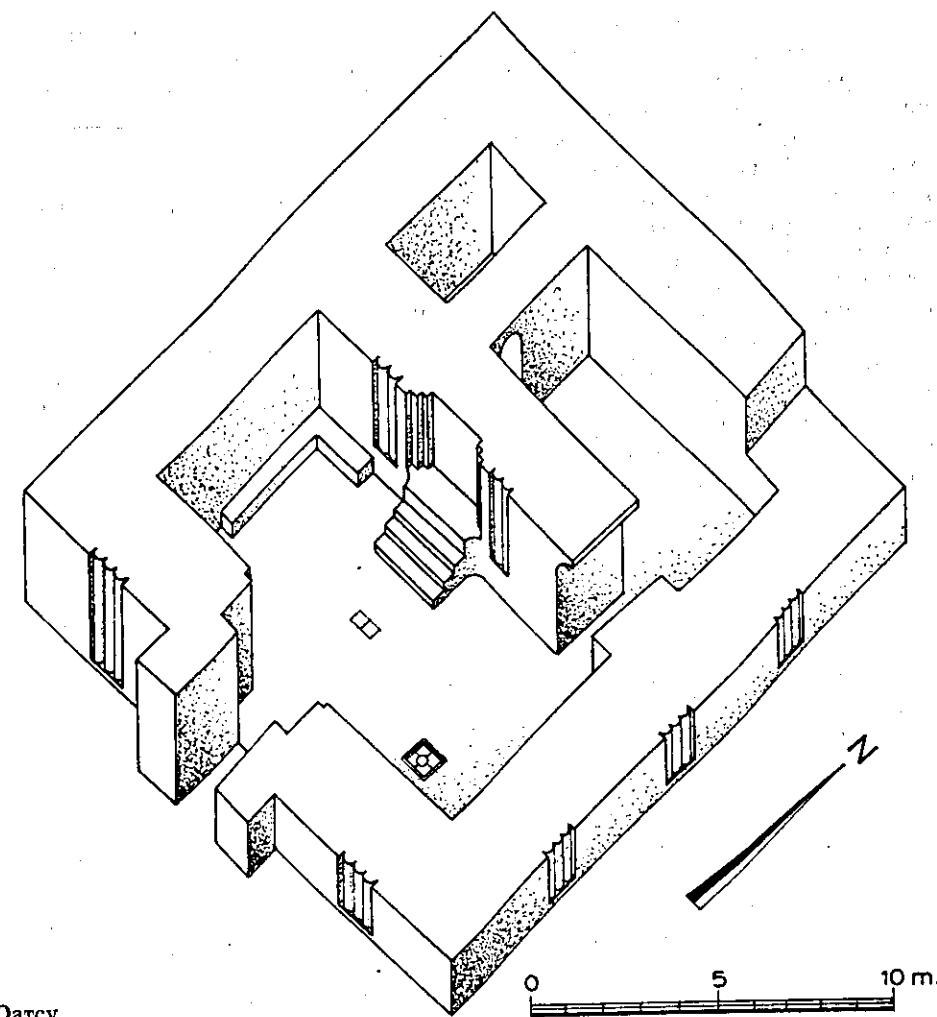
Этот композиционный принцип, по которому каждый элемент строится по образцу целого, свойствен европейскому классицизму, — неожиданное, но принципиальное сходство с южным фасадом Рабати Малик обнаруживает, например, главный фасад Адмиралтейства в Петербурге, построенного в начале 19 в. А. Захаровым⁴⁸. И здесь общей симметрии гигантского, растянувшегося более чем на 400 м фасада отвечает внутренняя симметрия составляющих его частей.

Если же говорить об аналогиях более конкретного характера, то ближайшую параллель «гофрированному» убранству Рабати Малик демонстрирует караван-сарай Чаш-кала в южном Туркменистане⁴⁹. Ориентированный по странам света, он состоял из двух частей: большой прямоугольной, заключавшей в себе, вероятно, двор с периметральной обстройкой и навесами, и

меньшей, квадратной, в которой жилые помещения окружали центральный зал или дворик. Здание было построено из пахсы, а его стены оформлены полукруглыми гофрами. Эти гофры, судя по сохранившимся частям стен, располагались компактными группами в средней части простенков между прямоугольными выступами, а по их сторонам в гладкую плоскость стены были врезаны по два сомкнутых полугофра, имеющих вид узких, криволинейных в плане ниш. Этот приём тождествен оформлению фасадных крыльев Рабати Малик, — отличие лишь в том, что на фасадах Чаш-кала фланкирующие группы полугофров не обрамлены парными плоскими нишами. Г. Пугаченкова датирует Чаш-кала концом 10 в., что, принимая во внимание почти полное совпадение композиционно-декоративного приёма, определяет (наряду с другими признаками) время строительства Рабати Малик.

Руины еще одного караван-сарая с аналогичным оформлением фасадов были открыты еще в южном Туркменистане на древней дороге из Мерва в Хорезм. Они описаны Г. Пугаченковой, к сожалению, без публикации плана и остатков архитектуры⁵⁰. Квадратное в плане здание (около 35×35 м) было построено из сырца размером 31×31×8 см. Внутри находился квадратный двор с глубокими сводчатыми айванами на осях, с арочной галереей, за которой в углах располагались жилые комнаты. Наружные стены были украшены группами полукруглых гофров: по три на главном и заднем фасадах, по пяти на боковых. Судя по описанию, это здание своим устройством было аналогично иранскому караван-сарая Сартхем⁵¹. Г. Пугаченкова отождествляет его с упомянутым аль-Мукаддаси рабатом Насрак и датирует 9—10 вв.⁵²

В поисках же более древних и дальних исторических параллелей нужно обратиться к недавно раскопанному храму в городе Тель Брак (государство Митанни в Двуречье)⁵³. Храм датируется 14—13 вв. до н.э. Его южный и восточный фасады были декорированы группами из трёх полукруглых гофров: на главном южном фасаде они располагались симметрично по сторонам выступающего портала, на боковом фасаде образовывали три рельефные вставки, делившие гладкую стену на 4 равные части. Ещё две симметричные группы из двух гофр украшали стену главного помещения храма по сторонам алтаря. Общей формой, принципом «врезанности» в поверхность стены и расположением отдельными группами-вставками гофры древнего храма подобны гофрам Рабати Малик. Раскопками караван-сарая Рабати Малик, к сожалению незавершенными, установлено, что постройка состояла из двух частей, южной и северной (рис. на стр.188). В южной, несколько меньшей части сразу за входом шел широкий проход, по сторонам которого располагались зеркально симметричные комнаты. Длинные помещения, разделённые незастроенными промежутками, примыкали изнутри к фасадной стене, — они

Храм в Тель Брак. По Д. Оатсу.

образовывали две симметричные группы, первоначально, видимо, двухэтажные. Из поперечных стен, остатки которых примыкают к внешней восточной стене, первоначально была только одна, — продолженная в западном направлении, она совпадает с торцами обеих стен, которые замыкают центральную группу комнат за входом, и которые сохранились на всю их длину. При этом обнаруживается, что продолженные таким образом стены (в том числе торцевые стены длинных помещений) образуют четыре квадрата, одинаковых, со сторонами около 12 м, расположенных попарно и разделённых проходами шириной около 5 м. Квадратный план помещения в архитектуре Средней Азии указывает, как правило, на купольное перекрытие. Северная часть Рабати Малик состояла из трёх частей — средней, почти квадратной, и симметричных боковых, вытянутых в направлении Ю—С. В центре средней части был расположен прямоугольный дворик, застроенный позже (в 12 в.?) купольной ротондой, остатки которой были найдены при раскопках⁵⁴. Он был окружен арочной галереей, состоящей на каждой стороне из 6 круглых кирпичных колонн диаметром 1,25 м. Более широкие промежутки между сред-

ними парами колонн свидетельствуют, что на осях дворика располагались айваны.

Колонны стояли на квадратных фундаментах, сложенных из кирпича-сырца размером 28×17×7 см — удлинённая форма, обычная для доисламской эпохи и очень редкая после 9 в., указывает на раннюю дату строительства. На верхних поверхностях этих фундаментов, со стороны 185 см и высотой 43 см (6 рядов кирпича), сохранились отпечатки разобранных позже колонн.

Первоначальная обстройка дворика, за исключением небольших остатков стен, не сохранилась или была уничтожена при перестройке. Вряд ли можно сомневаться, что она состояла из комнат, продольные стены которых отвечали расположению колонн, — так, как это было принято во всех караван-сараях с внутренними дворовыми галереями. Исключением был южный фронт обстройки, где, судя по остаткам кирпичного пола, по сторонам входа были расположены два больших помещения не жилого, а общественного назначения.

Боковые части представляли собой дворы, обстроенные, судя по плохо сохранившимся остаткам, с северной и южной сторон (следы каких-

то небольших помещений найдены в западной части западного двора). Входная часть западного двора состояла из прорезанного входом айвана и двух симметричных помещений по его сторонам. На северной стороне просматриваются следы трёх помещений, примыкавших к внешней стене, одно из которых — угловое — было квадратным и, видимо, купольным. Строго соблюдавшийся здесь принцип симметрии позволяет предположить, что и устройство восточного двора было, по крайней мере, аналогичным.

При рассмотрении вскрытых раскопками остатков караван-сарая обнаруживается примечательная черта его планового устройства, на которую исследователи не обратили внимания. Выясняется, что боковые (западная и восточная) стены центрального северного ядра точнейшим образом совпадают с расположением торцевых стен двух длинных помещений, лежащих по сторонам входа в Рабати Малик. Иными словами, эти торцевые стены (и их предполагаемые продолжения — боковые стены двух купольных залов) продолжают собой боковые стены северного ядра и в совокупности формируют центральную прямоугольную часть здания, в которую — наряду с северным ядром — входила и средняя часть южной группы. Возникает как будто обоснованное предположение, что южная часть караван-сарая, как и северная, состояла из трёх частей — центральной и двух боковых, разделённых не стенами, а сквозными арочными галереями. Эта гипотеза находит и функциональное обоснование: за парадно оформленным въездом в караван-сарай лежал передний «чистый» двор, — отсюда осевой парадный проход вёл в жилую «гостиничную» группу помещений, окружавшую внутренний дворик, а за боковыми арками располагались промежуточные хозяйственные дворы, откуда выюнные животные, поклажа и персонал попадали в главные хозяйственные дворы в СЗ и СВ частях караван-сарая. Впрочем, и боковые дворы южной части могли использоваться для хозяйственных надобностей.

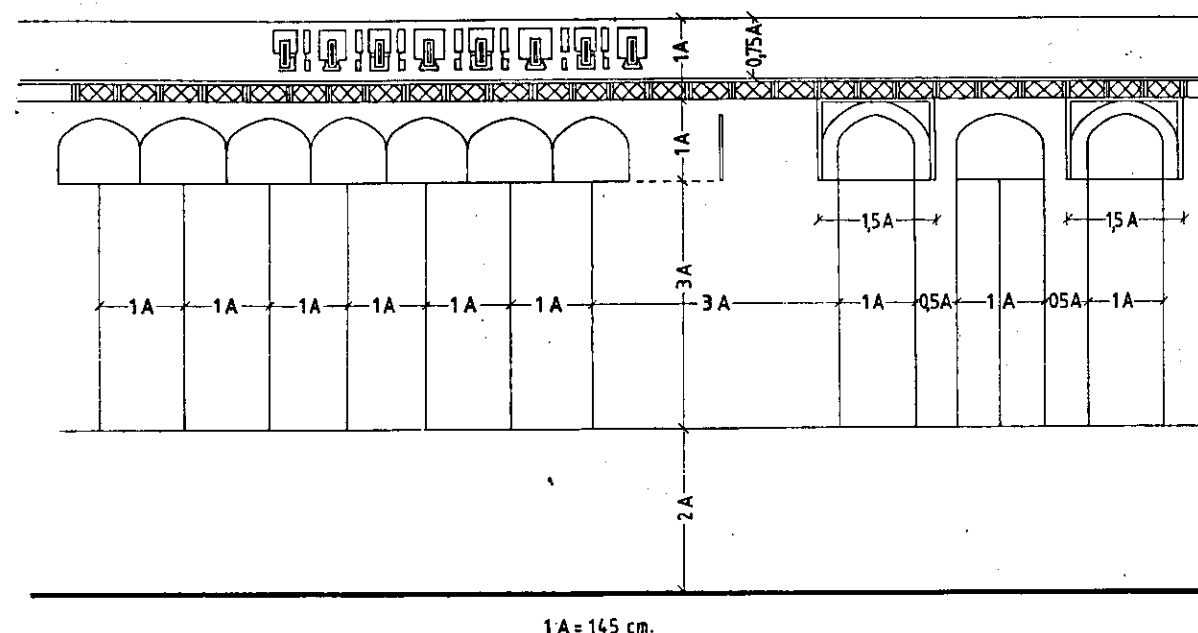
Восстановленный таким образом план обнаруживает неслучайное сходство с плановой структурой двух «степных дворцов» 8 в. — позднеломейядской Мшатты (Иордания) и раннеаббасидского Охейдира (Ирак)⁵⁵. Во всех трёх случаях квадрат или прямоугольник плана делится на три чётко разграниченные зоны: среднюю широкую, вытянутую вдоль продольной оси, где расположены репрезентативные части комплекса — вестибюльная группа, парадный двор, приёмные залы и др., — и более узкие симметричные «крылья», использовавшиеся для бытовых и хозяйственных нужд. Сходство планового устройства указывает на некоторое сходство функций: укрепленные «степные дворцы» западного ислама принимали в свои стены военные отряды, путников и караваны, а репрезентативная роль государственных «караванных дворцов» типа Рабати Малик ясно выражена в их великолепной, рассчитанной на художественный эффект архитектуре. Главное отличие Рабати Малик — в

том, что здесь место замыкающего ось «тронного» айвана занял замкнутый комплекс с внутренним двором, четырьмя айванами на осях, двумя большими помещениями по сторонам входа и обстройкой из ряда одинаковых комнат, обрамлённых входными торцами во двор. Выделенный из структуры караван-сарая, этот комплекс мог бы быть принят за медресе характерно среднеазиатского устройства, от которого, действительно, почти ничем не отличается, — ещё один пример замеченной О. Грабаром «гибкости» плановых структур исламской архитектуры, использовавшей универсальные приемы пространственной организации в зданиях разного назначения.

Приведенные выше соображения о реконструкции первоначального устройства Рабати Малик подтверждаются геометрическим анализом, основанным на опубликованных Н. Немцевой обмерах. Результаты анализа не совпадают с выводами, сделанными А. Асановым и М. Булатовым, которые в своих исследованиях пользовались несколько упрощёнными схемами⁵⁶.

Метрической единицей, определяющей основные членения плана, был размер около 435 см — в квадратную сетку с ячейками этой величины вписываются установленные в натуре контуры (внутренние и внешние) центрального ядра, северного фронта помещений, северный и южный контуры внешних стен, а также гипотетически установленная внутренняя граница южной группы с сохранившейся на востоке частью стены. Реальной же единицей, которой, вероятно, пользовались строители, был в 3 раза меньший размер — 145 см, соответствующий двум гзам⁵⁷. Эти «малые» единицы укладываются 63 раза в длину караван-сарая и 61 раз в его ширину. Толщина боковых наружных стен, как и основных внутренних (например, стен центрального ядра) равны 1 «малой» единице. Любопытно, что даже остатки помещений непонятно назначения и конфигурации, найденные в СЗ и ЮВ дворах, совпадают с линиями метрической сетки. Обнаруживаются пропорциональные закономерности и иного порядка, свидетельствующие о правильности избранного метода реконструкции. Оказывается, что средний прямоугольник плана (без боковых дворов и северного фронта помещений) имеет уже не раз встречавшиеся, с древности популярные на Среднем Востоке пропорции $1:\sqrt{3}$, причём поперечная ось его совпадает с внутренней линией стены, делящей здание на южную и северную части. Пропорции боковых северных дворов составляют 2 квадрата; пропорции боковых южных дворов и группы помещений за порталным входом — $1:\frac{\sqrt{3}}{2}$, то есть в них вписывается равносторонний треугольник. Наконец, ширина входа в караван-сарай и во внутренний дворик равны «большой» метрической единице.

«Малая» метрическая единица — 145 см — была положена в основу пропорционирования главного фасада. Ей отвечает ширина полуци-

1A = 145 см.

Караван-сарай Рабати Малик. Геометрический анализ пропорций южного фасада.

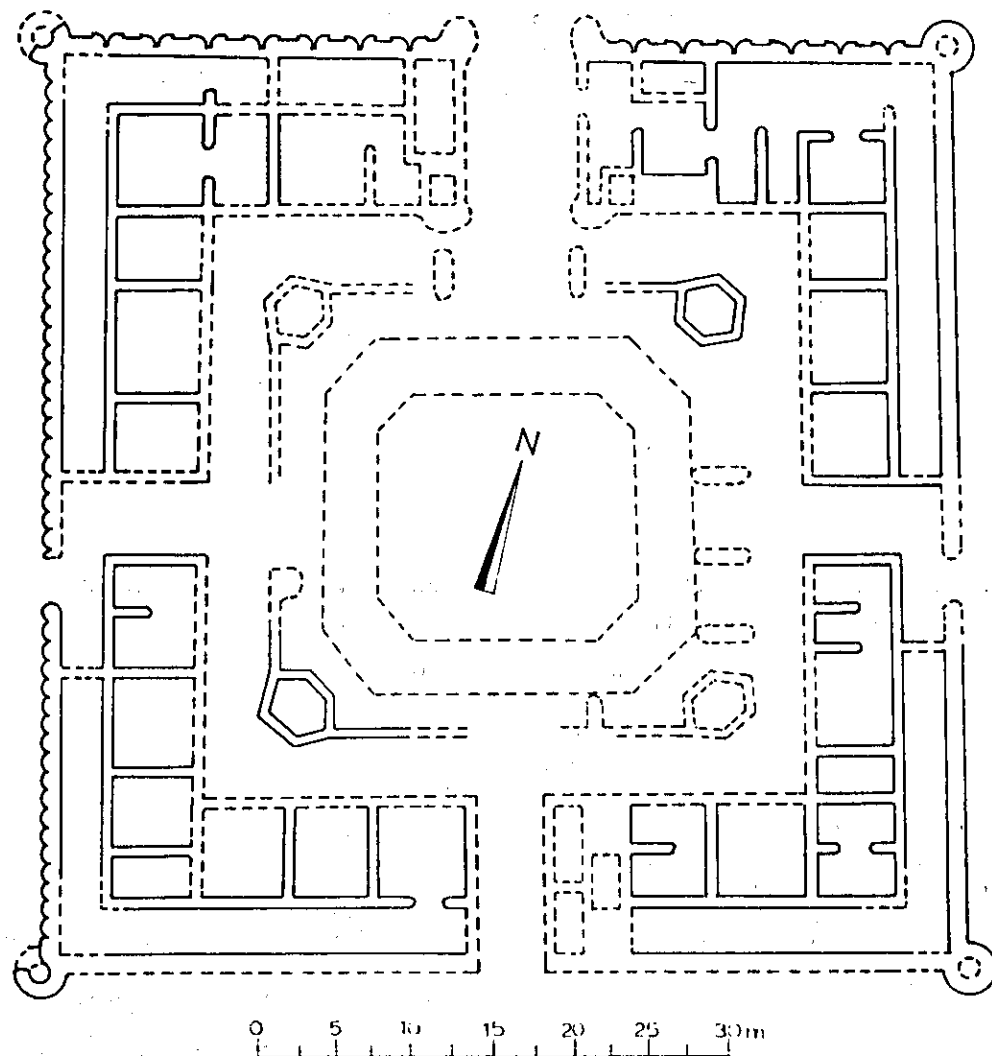
линдров-гофров (с узкими промежутками между ними), плоских ниш и расположенных между ними ниш с сомкнутыми полугофрами, а также расстояния от верха гофров до фриза и от фриза до верха реконструированного венчания. Высота цокольной части равна 2, а высота гофров — 3 единицам. Ширина прямоугольных обрамлений, в которые заключены арки плоских ниш, равна 1,5 единиц, промежутков между плоскими нишами и ниши с полугофрами — 0,5 единиц, а расстояние между группами из 6 гофров и фланкирующих их трёх ниш — 3 единицам. Следовательно, пропорции фасада определяются простыми отношениями, в основе которых лежит та же метрическая единица, которая установлена при геометрическом анализе плана.

После того, как была доказана ошибка В. Бартольда, отождествившего Рабати Малик с караван-сараям конца 11 в., построенным караханидом Шемс аль-Мульком, вновь встал вопрос о его датировке. Писавшие об этой постройке авторы продолжают датировать её 11 веком. Н. Немцева называет более точную дату — первую четверть 11 в. — и в подтверждение её ссылается на некие нумизматические данные и бытовую керамику⁵⁸. Этот довод неубедителен уже потому, что упомянутые находки монет и керамики не опубликованы. Кроме того, между бытовой керамикой 9—10 и начала 11 в. практически нет разницы, а монеты ранних Караханидов, если и были найдены при раскопках, могли попасть туда позже: они, конечно, определяют собой не время строительства, а время функционирования уже построенного караван-сарая. В этом случае «аргумент от молчания» — отсутствие саманидских монет — не может считаться решающим.

Выше был приведен ряд аналогов, свидетельствующих о том, что караван-сарай, именуемый Рабати Малик, был построен не позже 10 в. Это — архаический фриз, находящий единственную и прямую аналогию в мавзолее Ходжа Машад — здании, бесспорно, 9 века, аналогии с караван-сараями, твёрдо датированными 9—10 вв., употребление прямоугольного (не квадратного) кирпича-сырца, который в этих местах после 10 в. не изготовлялся, акцентировка арочного венчания ниш с помощью прямоугольных «импостных» обрамлений, орнаментальные мотивы типа «ян-инь» и, наконец, явные планировочные параллели «степным дворцам» Халифата 8 в. Последняя аналогия объясняет, возможно, уникальный характер устройства Рабати Малик, который был не только караван-сараям-рабатом, но и общественно-культовым комплексом: его 4 зала, поднимавшиеся своими куполами над главным фасадом, можно рассматривать как мечети, предназначенные для сторонников четырёх правоверных толков ислама. В любом случае Рабати Малик был одной из самых великолепных построек, возведённых на земле Согда в раннеисламскую эпоху.

ЧАЛДЫВАР

Отрезок Большого шелкового пути между Ферганской долиной и Синцзянем (восточным Туркестаном) проходил через горную страну Тянь-Шань. В 10 в. эта область, населённая кочевниками-тюрьками, была далёкой от цивилизации северо-восточной границей исламского мира, который представляло здесь государство Саманидов. Древняя караванная дорога, существ-

Караван-сарай Чалдывар. План. По А. Бернштаму.

вовавшая здесь задолго до ислама, соединяла земли Мавераннахра с согдийскими колониями в Синцзяни и шла дальше в сторону Китая; её опасный участок, проходивший по горам Тянь-Шаня, был издавна оборудован дорожными станциями — крепостями, гостиницами и перевалочными пунктами одновременно.

Руины одного из этих караван-сараев, известного среди местного населения под именем Чалдывар, были открыты и исследованы археологом А. Бернштамом⁵⁹. Квадратное в плане здание (57,85 × 59,80 м), ориентированное с небольшим отклонением по странам света, было построено из кирпича-сырца и пахсы. В стенах употреблен продолговатый кирпич (основной размер — 36 × 18 × 6 см), а в сводах, возведенных поперечными отрезками — квадратный, размером 30 × 30 × 5 см.

К сожалению, здание не было раскопано даже частично, и в опубликованном плане его оплывших руин далеко не всё ясно, — как, впрочем, и в описании. Всё же видно, что в караван-сараях было 4 входа: на северной и южной

сторонах они располагались посреди фасадов, а на западной и восточной были сдвинуты к югу. Последнее объясняется тем, что здесь за входами лежат «Г»-образные, ломающиеся под прямым углом проходы, внутренние колена которых ориентированы на центр. Главным входом был северный: только он был оформлен порталом, от которого сохранились оплывшие выступы пилонов, и весь северный фасад имел особое, отличное от других и весьма необычное пластическое оформление. Западный фасад был оформлен гофрами полукруглой формы, прочие два фасада оставались, по-видимому, гладкими. Из углов выступают круглые башни с небольшими, тоже круглыми камерами, к которым, вероятно, был доступ изнутри. В ЮВ башне сохранилось квадратное окошко-бойница.

Внутренняя застройка караван-сарая была трёхслойной. Вдоль стен расположены коридоры шириной 2,5 м⁶⁰, перекрытые сводами эллиптической формы, сложенными наклонными параллельными отрезками. У северного и южного входов коридоры замыкались комнатами сторо-

Изменение текста, стр. 198.

...перевалочными пунктами одновременно.

Руины одного из этих караван-сараев, известного среди местного населения под именем Чалдывар и построенного на берегу реки Манакельды, были в 1949 г. обследованы археологом А. Бернштамом (прим. 59). Здание не было тогда раскопано даже частично, и в опубликованном плане его оплывших руин было много открывшихся позже ошибок. А. Бернштам установил, что квадратная в плане постройка (по его обмерам 57,85 × 59,80 м), ориентированная с небольшим отклонением по странам света, была возведена из кирпича-сырца и пахсы. В стенах употреблен продолговатый кирпич (основной размер — 36 × 18 × 6 см), а в сводах, выведенных поперечными отрезками — квадратный, размером 30 × 30 × 5 см. Главным фасадом был северный: только он имел центрально расположенный портал с оплывшими выступами пилонов и отличное от прочих фасадов весьма необычное пластическое оформление. Другие фасады были гладкими; оформление западного фасада полукруглыми гофрами, изображенными на чертеже Бернштама, позже не подтвердилось.

В 1960 г. руины караван-сарая были раскопаны и исследованы археологом П. Кожемяко. И хотя работы, судя по публикации, были не вполне доведены до конца (прим. 60), они позволили составить о древнем здании гораздо более ясное представление и понять особенности его устройства. Размеры постройки оказались 64 × 64 м, вместо предполагавшихся А. Бернштамом входов посреди западного, южного и восточного фасадов раскопаны прямоугольные выступы, показанные им на плане странные шестиугольные комнаты в углах двора раскопками не обнаружены. На осях квадратного двора располагались четыре традиционных, обращенных к центру айвана. Выяснилось, что взаимное расположение, форма и число помещений показаны на плане А. Бернштама очень приблизительно.

Между тем подтвердилась внутренняя трёхслойная застройка караван-сарая. Вдоль внешних стен здесь расположены коридоры, перекрытые сводами эллиптической (характерно доисламской) формы, сложенные наклонными параллельными отрезками. Расположением и пропорциями они близки аналогичным помещениям в караван-сараях Дая-Хатын. А. Бернштам усматривал в коридорах защитную функцию, — вернее предположить, что они служили складами и конюшнями, так же, как сходные с ними длинные помещения Дая-Хатын и некоторых ранних караван-сараев Ирана (прим. 61).

За коридорами лежит пояс небольших помещений, которые образуют четыре угловые группы, разъединенные айванами. Здесь заметно нечто вроде квартир — трехкомнатных (средняя входная комната и две симметрично по ее сторонам) и двухкомнатных (то же, но без одной из боковых комнат). Этот пояс был, по-видимому, жилым. Квартиры же «трехчастного» типа сопоставимы с традиционным жилищем Средней Азии аналогичного устройства. Третий, внутренний пояс состоял из Г-образных в плане помещений, разделенных осевыми айванами и окружавших квадратный двор размерами 25 × 25 м. Они тоже могли служить складам и укрытиями для скота. Устройство караван-сарая с четырьмя айванами, квадратным двором и длинными складами-стойлами можно было бы считать классическим, если бы не странная «трехслойность» его застройки. Из-за нее центральный двор был окружен не обычной открытой галереей, а почти глухими стенами (что не свойственно караван-сараям), а осевые айваны были как бы удвоенные: перед каждым айваном появился меньший айван той же ширины, как будто продолжающий его, но отделенный стенкой с проходом.

В этих странностях планировки можно предположить следы перестройки. Вероятно, вначале двор окружала традиционная галерея — череда столбов, связанных арками, — в которую открывались входы жилых комнат и осевые айваны. Позже, когда помещений для грузов и животных оказалось мало, столбы заменили стенами, превратив открытое единое пространство галереи в 4 замкнутых и разделенных пространства. Соответственно были удлинены айваны, причем прежние пространства айванов, отделенные от их новых частей, были благообразно превращены в замкнутые помещения, хозяйственные или жилые.

Самая интересная часть караван-сарая Чалдывар — ..... (далее по тексту на 199 стр.)

Стр. 200, правая сторона, строка 8 сверху: Но такой ранней датировке противоречит устройство здания, не находящее в доисламской архитектуре сколько-нибудь близких параллелей.

Последний абзац раздела «Чалдывар» на стр. 201 — «Приходится признать, что Чалдывар с его во многих отношениях.....если, конечно, они еще существуют» — ликвидировать!

Стр. 107, продолжение последней фразы в главе «Минареты».

Нельзя исключить и того, что остатки найденной при раскопках цитадели Ходжента вертикальной кирпичной «трубы» были даже не башней, а внутренней облицовкой круглого колодца, — кирпичные футляры колодцев такого рода (правда, более позднего времени) в Средней Азии известны.

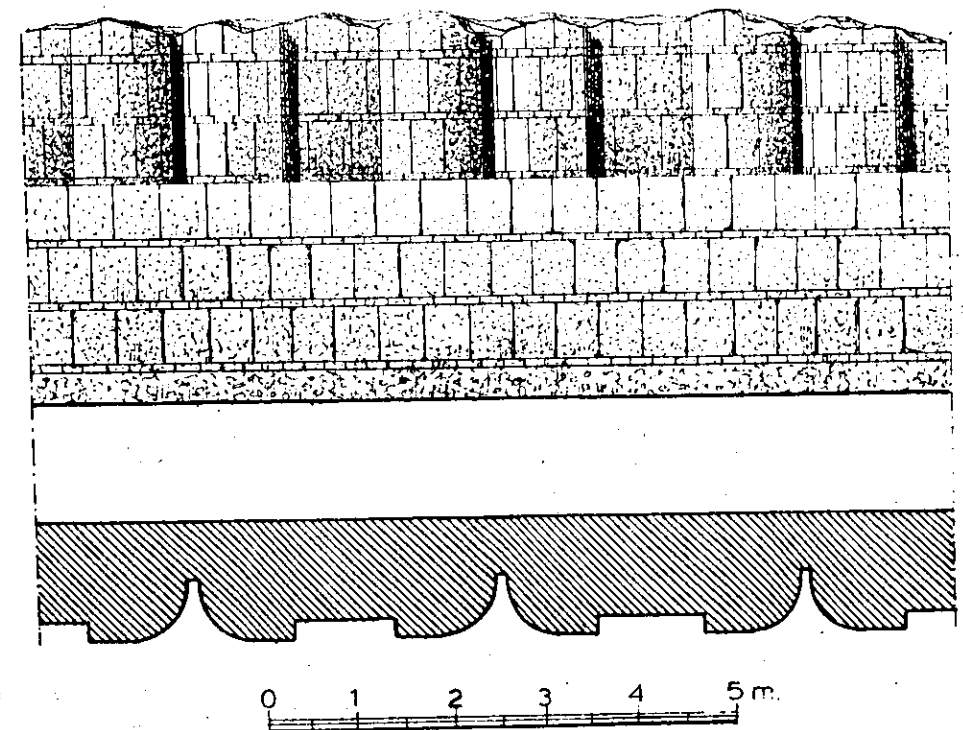
жевого назначения. А. Бернштам полагает, что коридоры имели оборонную функцию, — это сомнительно, принимая во внимание раскрытость здания на все 4 стороны: строители явно не заботились об обороне, а традиционные, свойственные крепостям формы (угловые башни, гофры) употреблены здесь как декоративный рудимент. Вернее предположить, что лежащие за стенами широкие коридоры служили складами и конюшнями, — так же, как аналогичные по форме и расположению помещения в караван-сараях Дая-Хатын и ряде ранних караван-сараях Ирана⁶¹.

За коридорами лежит каре помещений, разомкнутое на осях широкими проходами, которые, вероятно, были перекрыты сводами. Помещения расположены в 1 ряд шириной около 5 м, некоторые были разделены пополам. Большие размеры и сравнительно тонкие стены многих из этих комнат предполагают не сводчатые, а плоские деревянные перекрытия, которые сочетались со сводами менее крупных продолговатых помещений. Середину здания занимает прямоугольная, двухступенчатая, со срезанными углами впадина, служившая, вероятно, бассейном-«хаузом». По её сторонам просматриваются следы удлиненных в плане массивных опор, расположенных торцами к центру, — это, очевидно, остатки столбов галереи-аркады, которая окружала внутренний дворик, почти весь занятый бассейном. В углы галереи были встроены помещения необыкновенной шестиугольной формы, — их функция непонятна, но не имеющая аналогий форма плана несомненно связана с конфигурацией бассейна, срезанные углы которого они как бы продолжают. Точно так же

непонятны (и, возможно, вызваны какими-то перестройками) остатки стен, которые тянулись от шестиугольных помещений вдоль краёв бассейна: они не согласуются с арочной галереей и не могли существовать одновременно с ней.

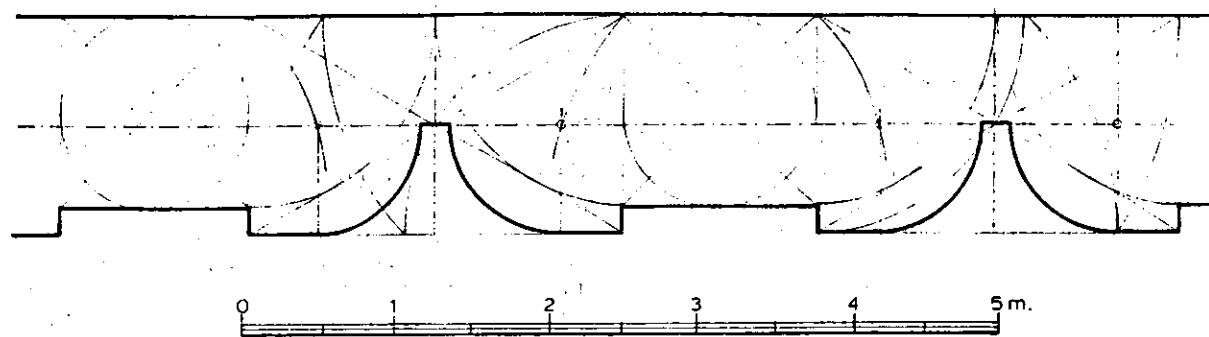
Самая интересная часть караван-сарая Чалдывар — его главный северный фасад. Он, к счастью, сохранился сравнительно хорошо и был обмерен тщательней, чем руинированная и нераскопанная внутренняя архитектура. Фасадная стена, сохранившаяся на высоту несколько более 4 м, сложена из чередующихся слоёв пахсы и кирпича: ряды вертикальных блоков пахсы, размером около 60×40 см, разделены рядами сырцовых кирпичей, обращённых тычками наружу. Нижняя часть стены, состоящая из трёх кирпично-пахсовых слоёв, представляет собой слегка наклонённый назад цоколь. Внешняя поверхность расположенной выше стены имеет пластическое оформление необыкновенного, нигде более не встреченного вида.

Эта пластическая структура представляет собой своеобразный усложнённый вариант гофрированной стены. Но вместо череды одинаковых полуцилиндров здесь чередуются группы, состоящие из двух четвертей цилиндров, обращённых один к другому круглыми сторонами и разделённых узкими промежутками, — форма, знакомая нам по главному фасаду Рабати Малик, где она была повторена 4 раза по сторонам широких средних групп, состоящих из 6 полукруглых гофров. Есть, правда, и разница: полугофры на фасаде Чалдывар представляют собой в плане не четверть окружности, но удлинены за счёт небольших прямых участков и расположены не в плоских углублениях, а, напротив, слегка

Караван-сарай Чалдывар.
Пластическое оформление
северного фасада.

Караван-сарай Чалдывар. Геометрический анализ горизонтального сечения северной стены.

выдвинуты вперёд относительно разделяющих их прямых участков стены, которые поэтому выглядят как неглубокие ниши.

Очевидна и разница в употреблении этой необычной архитектурной формы: если в Рабати Малик она использована как индивидуальный пластический «знак», своей единичностью контрастный равномерной череде одинаковых полуцилиндров, то здесь, многократно повторённая, она сама формирует регулярный (хотя и более сложный) ритмический ряд, распространённый на всю поверхность фасада⁶².

Геометрический анализ горизонтального сечения стены убеждает в том, что его пропорционирование было основано на точном и изящном расчёте, который предполагает высокую художественную культуру. Прямоугольники, в которые «вписаны» сдвоенные полугофры, имеют излюбленную и постоянно встречающуюся пропорцию $1 : \sqrt{3}$, — короткая сторона такого прямоугольника равна стороне равностороннего треугольника, другая — его удвоенной высоте. Глубина впадины между полугофрами составляет половину толщины стены. Толщина плоского промежутка между сдвоенными полугофрами равна половине их длины, как и ширина, — в плане эти промежутки имеют квадратную форму. Диагональ квадрата, отложенная циркулем на продольную ось стены, определяет центры построения круглых частей полугофров и одновременно ширину их плоских участков. Все элементы сложной пластической структуры оказываются, таким образом, гармонически связанными между собой; образуют в совокупности классически уравновешенную систему, в которой взаимное расположение и размеры фасадных членений являются функцией избранной мастером толщины стены.

Изысканная рациональность построения архитектурной формы, обнаруженная не в известном столетнем здании, а в караван-сараях, построенном в горной глуши на краю цивилизованного мира, кажется неожиданной. Возникают по меньшей мере два вопроса: когда был построен Чалдывар, и откуда родом были создавшие его мастера, с таким совершенством владевшие приёмами архитектурной гармонизации.

А. Бернштам считал открытым им караван-са-

рай зданием 6—8 вв., то есть относил его строительство к доисламскому времени. Действительно, строительные материалы и техника — сочетание пахсы с продолговатым сырцовым кирпичом, эллиптическая форма сводов, оформление стен гофрами, — всё это характерно для доисламского периода истории архитектуры Средней Азии. Но такой ранней датировке противоречит практическая незащищённость здания, открытого входами на 4 стороны, и его внутреннее устройство, не находящее в доисламской архитектуре сколько-нибудь близких параллелей. «Крепостные» атрибуты архитектуры носят здесь, как в Рабати Малик, явно декоративный характер. Наконец, наряду с типичными для доисламского времени кирпичами с соотношением сторон $1 : 2$ здесь, в кладке сводов, применены квадратные кирпичи, получившие широкое распространение начиная с 9 в. Поэтому я разделяю мнение В. Ворониной, считающей Чалдывар постройкой 9—10 вв.⁶³, с той лишь поправкой, что сходство строительной техники и некоторых форм этого здания с техникой и формами предисламской эпохи указывают, скорее, на 9 в.

Строителями военно-торговой фактории Чалдывар А. Бернштам назвал мастеров из Ферганы и Шаша (область Ташкента) — на основании сходства некоторых строительных приёмов с шашским замком Ак-тепе (теперь известно, что эти приёмы были распространены едва ли не по всей Средней Азии) и потому, что Чалдывар расположен недалеко от Ферганской долины. Слабость такой аргументации объясняется недостаточностью фактического материала, которым в то время (40-е годы) располагали исследователи. Теперь этот вопрос можно, как будто, решить на более солидной основе.

Так как внутреннее устройство караван-сарая остаётся во многом неясным, за основной определяющий момент приходится принять оформление фасадных стен гофрами. В Средней Азии было две области, где с давних пор фасады крепостей, замков, жилых и общественных зданий оформлялись таким образом — Хорезм и Маргиана, то есть северный Хорасан с центром в Мерве. В других среднеазиатских землях — например, в Согде и низовьях Сурхандарьи (Термез) — здания с гофрированными стенами

хотя иногда и строились, но, видимо, широкого распространения не получили. В фергано-шашском регионе гофрированные сооружения до сих пор не обнаружены.

Но только в раннесредневековой архитектуре области Мерва применялся сырцовый кирпич того же или близкого размера, что был применен в Чалдываре: в мавзолее Кыз-биби — $30 \times 30 \times 6$ см, караван-сарая Дая-Хатын — $28 \times 28 \times 5,5$ см, гофрированной башне на городище Дурнали — $32 \times 32 \times 6$ см, гофрированном замке на городище Мунон-тепе — $32 \times 32 \times 7,5$ см, гофрированном замке Харам-кёшк — $32 \times 32 \times 7$ см, гофрированном замке Сулу-кошук — $30 \times 30 \times 6$ см. Всё это — здания 9—10 веков⁶⁴. Принимая во внимание большое разнообразие размеров кирпича в раннеисламской архитектуре Средней Азии, такую близость едва ли можно считать случайной, а это, в свою очередь, не только определяет региональное происхождение архитектуры тянь-шаньского караван-сарая, но и подтверждает его датировку.

Приходится признать, что Чалдывар с его во многих отношениях уникальной архитектурой почти не изучен: многое в его устройстве остаётся загадкой. Остаётся надеяться, что когда-нибудь руины этого здания будут раскопаны и исследованы, если, конечно, они ещё существуют.

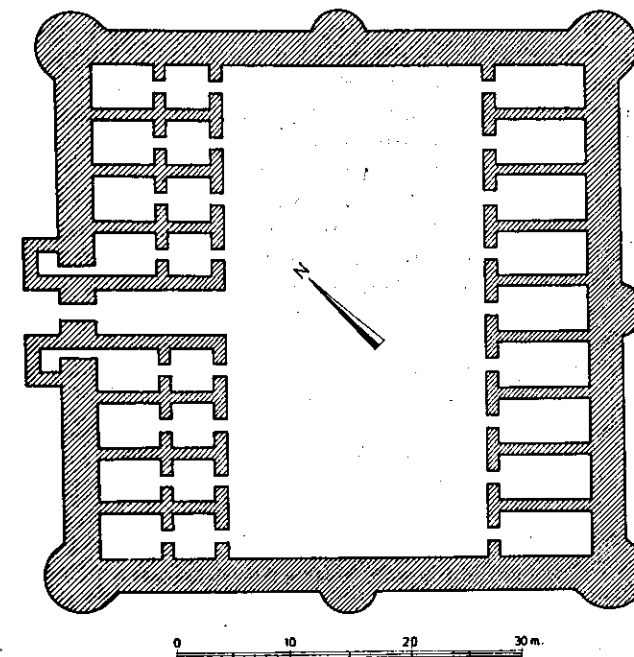
ИШАН-РАБАТ

Древняя торговая дорога, ведущая с юга через Герат, Мерв и Амударью (Чарджоу) в Хорезм и дальше в южное Поволжье, была в 9—10 вв. оборудована цепью караван-сарая. Их руины сохранились по большей части в области Хорезма, в пустынной и безлюдной до недавнего времени местности. Один из таких караван-сарая, именуемый Ишан-рабат, был в 70-е годы раскопан археологами.

К сожалению, единственная известная мне публикация этого материала коротка и лишена иллюстраций⁶⁵. Представленный здесь план сделан по описанию и, вероятно, не во всем правилен, хотя противоречий между ним и описанием нет.

Здание стоит на правом берегу Амударьи, воды которой подмыли его южную часть. Квадратный в плане караван-сарай, размером 48×48 м, ориентирован углами по странам света. Его стены возведены из блоков пахсы высотой 80 и шириной 70 см, о форме и материале перекрытий сведений нет. Углы оформлены выступающими вперёд башнями со скруглённой передней гранью, посреди СЗ фасада расположен вход, фланкированный прямоугольными выступами (вероятно, остатки пештака) с небольшими помещениями внутри. Посредине трёх других фасадов расположены полукруглые выступы-полубашни.

Помещения Ишан-рабата группировались, против обыкновения, не вокруг внутреннего двора, а только по двум СЗ и ЮВ сторонам,

Караван-сарай Ишан-рабат. План.

разделённые двором размером 42×22 м. На СЗ стороне комнаты квадратной и продолговатой формы образуют два ряда; эта группа помещений оборудована очагами, здесь было найдено много обломков посуды и костей, в чём исследователи видят доказательство её хозяйственного назначения. Помещения на ЮВ стороне, продолговатые и расположенные в один ряд, исследователи считают жилыми. Такое распределение функций в данном случае кажется мало обоснованным, хотя обычно жилые помещения располагались в глубине караван-сарая, а хозяйственные — вблизи от входа. В Ишан-рабате же двухкомнатные «квартиры» СЗ стороны кажутся более приспособленными для жилья, и наличие очагов этому, конечно, не противоречит.

Время функционирования караван-сарая устанавливается, на основе находок, в пределах 10—11 вв.

Этим же временем датируется расположенный неподалёку караван-сарай Сартараш, также частично рухнувший в воды Амударьи. Его руины полностью не раскапывались, однако, было установлено, что он тоже был квадратным в плане (32×32 м) и ориентирован сторонами по странам света с небольшим отклонением. Внешние углы были оформлены прямоугольными выступами-«ризалитами», вход располагался на южной стороне.

Сделанные здесь находки дают основание идентифицировать Сартараш с рабатом Джикарбанд, упомянутым в путеводителе аль-Мукаддаси (10 в.), — это подтверждается ещё и тем, что напротив караван-сарая, на левом берегу Амударьи, лежат руины одноименного средневекового города. Северо-западнее этих двух караван-сарая, на правом берегу Амударьи сохранилось

ещё одно звено в цепи торговых крепостей, протянутой в 9—10 вв. сквозь Хорезм — караван-сарай Мешекли. Краткое сообщение о его исследованиях также, к сожалению, лишено иллюстративного материала⁶⁶. Здание было прямоугольным в плане (50×52 м) и, как Ишан-рабат, ориентировано углами по странам света. Пахсовые стены, толщиной от 2 до 2,6 м сохранились на высоту до 6 м. Очень широкий вход — 4—6 м шириной (?) — расположен посреди ЮЗ стороны и оформлен двумя прямоугольными башнями, — также, вероятно, пилонами рухнувшего пештака. Находки, сделанные в караван-сарае, свидетельствуют о том, что он был построен в 9 в. и функционировал до начала 13 в., то есть до монгольского нашествия.

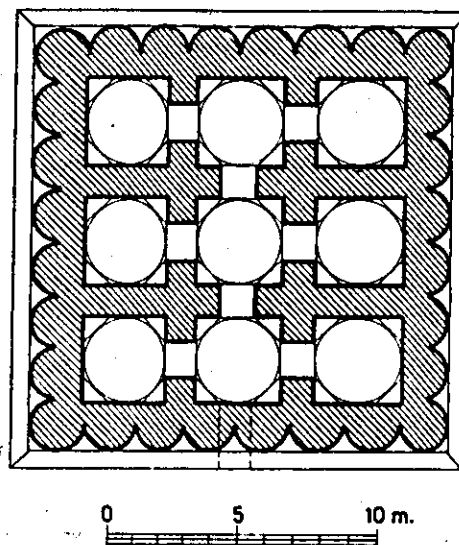
На другом, южном отрезке этого торгового пути, пролежавшем через пустыню Каракумы между Мервом и Амударьей, тоже были найдены остатки караван-сараев 9—10 вв. Два из них, ныне называющихся Кызылча-кала, исследователи отождествляют с караван-сараями ад-Диваб и аль-Хаидид, существовавшими уже в начале 10 в.⁶⁷

Оба они стоят один напротив другого, на общей оси, разделённые расстоянием 80 м. Этот приём расположения двух монументальных зданий «лицом» друг к другу, называемый «кош», был очень популярен в Средней Азии, — правда, в городской застройке и в более позднее время. Здесь его употребление было вызвано, скорее всего, возможностью взаимной защиты караван-сараев в случае нападения. Здание, в котором исследователи видят караван-сарай аль-Хаидид, — квадратное в плане, размером 60×60 м, с круглыми башнями на углах и ничем не выделенным входом на северной стороне. Наружные стены сложены внизу из блоков пахсы (4 слоя высотой 1,2 м каждый), выше — из сырцового кирпича со сторонами 31—33 и толщиной 6—7 см. Из такого же кирпича построены внутренние помещения, окружавшие квадратный двор с глубокими айванами на осях.

Аналогичную планировку, которую можно, пожалуй, назвать классической, имел и караван-сарай ад-Диваб, построенный, как считают исследователи, на несколько десятилетий ранее своего соседа и несколько уступающий ему в размерах. Руины обоих зданий не были раскопаны, их обмеры и изображения не опубликованы, и индивидуальные особенности их устройства, скрытые за общей «классической» схемой, остаются неизвестными.

Между предполагаемыми караван-сараями ад-Диваб и Насрак (о нём упоминалось выше) расположено здание, именуемое ат-Тахмаладж, которое Г. Пугаченкова рассматривает как караван-сарай особого типа, точнее — как ранне-средневековый замок-«кёш», переоборудованный в 9—10 вв. в укрепленную придорожную «станцию» для путников и караванов⁶⁸.

Массивное квадратное здание с длиной фасадов около 15 м стоит во дворе размером 42×42 м, на расстоянии 2 м от входа в него.

Ат-Тахмаладж. План. По Г. Пугаченковой.

Материал постройки — квадратный сырец со сторонами 30—31 и толщиной 6 см — такой же, как в аль-Хаидид. Внешне здание выглядело как типичный маргианский кёш (замок рыцаря-«дехкана») предисламского времени: высокое основание-платформа с наклонёнными внутрь гранями, которое увенчано стенами, оформленными чередой сомкнутых полуцилиндров-гофров, по 8 на каждом фасаде. За этим традиционным обликом скрывалось необычное устройство: каждый из двух этажей состоял из 9 одинаковых комнат (2,9×2,9 м), перекрытых куполами эллиптической формы. Вход вёл на второй этаж, — как полагает исследователь, сюда попадали с крыши дворовых построек при посредстве мостика. Как проникали в первый этаж (внутренние лестницы в здании не найдены) — публикация не разъясняет.

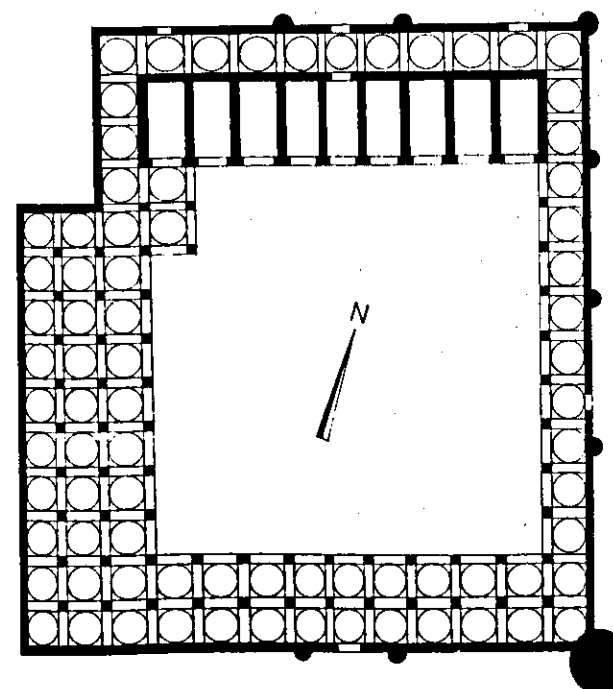
По мнению Г. Пугаченковой, во дворе ат-Тахмаладж размещался скот, а дом служил гостиницей. Последнее сомнительно из-за механичности планировки, исключающей минимальный — даже для тех времён — комфорт: почти все комнаты связаны между собой проходами, и ни одна из них, по существу, не была изолированной. Едва ли эти стандартные камеры были пригодны для нормального бытового обживания, — скорее, в них можно видеть складские или хозяйственные помещения. Да и сам способ попадания в такую «гостиницу» вызывает сомнения. Возможно, что, как полагает исследователь, функции небольшого караван-сарая иногда могла выполнять укрепленная феодальная усадьба, но именно ат-Тахмаладж этой гипотезы, как мне кажется, не подтверждает.

Подобные же сомнения вызывают остатки обширного сооружения на городище Кишман-тепе. Расположенное на торговом пути из Мерва в Хорезм, на границе Мервского оазиса, это городище отождествляется с небольшим ранне-средневековым городом Хурмузфарра⁶⁹.

Здание было построено в центре города, рядом с шахристаном. Оно плохо сохранилось, но схема его плана, по словам Г. Пугаченковой, может быть полностью восстановлена⁷⁰. Г. Пугаченкова полагает, что это был крупный городской караван-сарай, «...большая фактория, в которой разгружались выюки и где нередко совершалась оптовая продажа предприимчивым купцом привезенных издалека товаров».

Здание ориентировано сторонами по странам света, с отклонением поперечной оси на 20° к югу. Оно прямоугольно в плане (76×70 м), с прямоугольной же выемкой у СЗ угла, которой отвечает выступ в углу внутреннего квадратного (44×44 м) двора. Двор был окружен арочными галереями, основанными на массивных столбах — сечением 1,48×1,3 м вокруг двора и 1,3×1,3 м во внутренних рядах. На ЮЗ стороне было три ряда таких галерей, состоящих из квадратных арочных ячеек, перекрытых куполами; на ЮВ стороне 2 ряда и на СВ стороне — 1 ряд. На СЗ стороне двора был расположен ряд одинаковых продолговатых помещений, целиком раскрытых в сторону двора и, вероятно, сводчатых; по сторонам и сзади их окаймляла купольная галерея.

Здание выстроено из сырцового кирпича размером 32×32×8 см. В СЗ и ЮВ стенах на оси двора прорезаны входы, фланкированные широко расставленными полукруглыми выступами. Третий вход прорезал СВ стену, оформленную такими же выступами и угловыми круглыми башнями — небольшой на северном углу и очень крупной, далеко вынесенной вперед — на

Кишман-тепе. План. По Г. Пугаченковой.

восточном. Сохранившиеся арки галерей — не стрельчатые, а круглые, слегка повышенного эллиптического очертания. Эта форма, как и размер кирпича, совпадающий с кирпичом караван-сарая в Пайкенде, указывает на очень раннее, но уже исламское время строительства, — вероятнее всего, 9 в.

Эта обширная постройка, почти вся состоящая из арочно-купольных галерей, меньше всего похожа на караван-сарай — укрепленный постоянный двор, в состав которого входили гостиница, склады, конюшни, скотные дворы и множество различных помещений, в том числе репрезентативных. Комнаты-айваны, вытянутые в одну линию по СЗ фронту двора, не могли быть жилыми: для этого они слишком раскрыты наружу. Для городского караван-сарая здесь не хватает лавок и мастерских, имевших (это известно из литературных источников) выходы на соседние улицы.

Вместе с тем в устройстве здания на городище Кишман-тепе нет почти ничего, что отличало бы его от дворовой пятничной мечети. Своим главным многокупольным, трёхнефным пространством оно ориентировано на запад с отклонением к югу, — это обычная ориентация среднеазиатских мечетей. Обычны для дворовых мечетей арабского типа и колонные галереи, однорядные и двухрядные, окружающие двор с остальных трёх сторон, — именно на этих сторонах должны располагаться (и действительно располагались здесь) входы в мечеть. Обычно для дворовых мечетей Средней Азии и угловое расположение минарета (вспомним мечеть ас-Сагит в Башане), каковым, без сомнения, была круглая башня, выступающая из восточного угла. Вполне отвечает этому назначению здания и его местонахождение — в центре города, рядом с шахристаном и базаром.

По-видимому, первоначально мечеть была прямоугольной в плане и замыкалась на СЗ стеной, превращённой позже в фасад группы комнат-айванов — здесь, вероятно, проходила двухрядная галерея. При этом СВ вход, расположенный напротив большого многоколонного зала и лежащий сейчас несимметрично относительно углов двора, должен был лежать на его оси, на одной линии с михрабом. В таком виде здание с внутренним квадратным двором, трёхнефным многоколонным залом на стороне кыбы, противоположной однорядной галереей и двухрядными галереями на боковых сторонах двора должно было представлять собой уменьшенное, но достаточно близкое подобие мечети Ибн Тулуна в Каире (876 г.) и большой мечети в Сусе (851 г.)⁷¹.

Среди разнообразных функций пятничных мечетей была, как известно, и функция богословской школы: до появления медресе, да и позже под их сводами велись уроки и читались лекции. Можно полагать, что именно этим объясняется расширение мечети в СЗ направлении и устройство здесь группы единообразных комнат-айванов, служивших аудиториями⁷². Разделённые

проходом две группы из четырёх помещений соответствовали, может быть, двум основным школам исламского богословия — ханефитской и шафиитской.

Несколько неизвестных прежде раннеисламских караван-сараев было открыто в 70-е и 80-е годы в Узбекистане, к СЗ от города Джизак. Доступная публикация этих находок, к сожалению, кратка и не очень информативна⁷³. Эти здания были построены в предгорьях Нуратинского хребта в 9—11 вв. в безлюдной и пустынной местности, на торговой дороге, которая шла из Бухары в Чач (область Ташкента), и располагались на сравнительно близком расстоянии (15—27 км) один от другого.

Караван-сарай Каратепе I (или Кум-тепе) функционировал с 10 по 12 в. Он состоял из двух небольших, рядом расположенных дворов, и пристроенного к ним с юга здания, общими размерами 50×40 м. Южная стена дворов была 3-метровой толщины. В публикации отмечено своеобразие планировки, не имеющей аналогий. Караван-сарай Узумкудук (9—11 вв.) имел, напротив, традиционное устройство: это был обнесенный стенами прямоугольник (62×61 м) с внутренним двором и обстройкой вокруг него, — об этом говорят широкие — около 10 м — оплывы глины за стенами. К внешней северной стене пристроены 5 параллельных помещений. Караван-сарай Навойли существовал, как и Каратепе I, с 10 по 12 в. О нем сообщено лишь, что он — квадратный в плане, размером 30×30 м.

Самый поздний из этой группы — караван-сарай Кальтепе (11—12 вв.). Он также самый крупный и сохранился лучше других. Его размеры — 86×82 м, а высота оплывших стен достигает 6 м. Вход, расположенный на южной стороне, был защищен боковой стеной от господствующих здесь западных ветров. Внутренний двор окружали помещения, часть которых была раскопана: на западной стороне найдено 12 сводчатых комнат размером 3—3,3×5—6,5 м, построенных из сырцового кирпича продолговатой формы, размером 40×22×8 см. Комнаты на восточной стороне были расположены в более сложном порядке, параллельно и перпендикулярно внешней стене. Предполагается, что помещения по периметру внешних стен располагались в два ряда.

Эти караван-сарай прекратили своё существование в начале 13 в., что, видимо, было вызвано нашествием монголов.

***

Нет сомнений в том, что в 9—10 вв. в Средней Азии было построено очень много караван-сараев, лишь малая часть которых сохранилась. Это объясняется общим хозяйственным расцветом страны и покровительством, которое оказывали промышленности и торговле местные династии — Тахириды и Саманиды. «Наследники» крепостей-убежищ сасанидской эпохи, раннеис-

ламские караван-сарай Среднего Востока имели множество функций, определявших их внутреннее устройство и внешний облик. Оборонно-крепостная функция была среди них, видимо, не самой главной: лишь некоторые караван-сарай, окруженные двойными стенами, такие, как Дая-Хатын и Рабаты Малик, могли оказать серьезное сопротивление нападающим. В большинстве же своём караван-сарай этого времени лишь традиционно сохраняли внешнее крепостное обличье. Самые крупные и роскошные строились государством, другие, более скромные — городскими общинами и, может быть, частными лицами из-за выгоды и престижа. Раннеисламские правители Средней Азии редко сидели в своих столицах. Большую часть времени они, соответственно сезону, путешествовали с многочисленным двором по подвластным им территориям, совмещая дела управления с охотой и пирами, — известен рассказ о саманиде Насре ибн Ахмаде, который проводил зиму в Бухаре, а летом ездил в Самарканд, Герат и другие города Хорасана, причём останавливался не в городах, а в их красивых окрестностях⁷⁴. Велколепие «царских рабатов», отстроенных с размахом и воистину царской роскошью, заключающих в себе тенистые дворы, просторные залы и мечети, заставляет думать, что они служили такими временными резиденциями, — или, по крайней мере, что такова была одна из их функций.

При явной типологической общности ранних караван-сараев — прямоугольник стен с внутренним двором и застройкой между ними — каждый из них обладает индивидуальными, а иногда и уникальными чертами. Это разнообразие плановых и пространственных решений было, очевидно, следствием существенного разнообразия функций караван-сараев, но не только их: архитектура рассмотренных построек в большинстве своём далека от строгой функциональности. Можно полагать, что здесь сказался тот «экспериментальный» характер раннеисламской архитектуры Средней Азии, что был следствием «мутационного» сдвига всей духовной и, в известной мере, материальной культуры.

Вместе с тем этот материал позволяет еще раз оценить устойчивость универсальных схем (двор с четырьмя осевыми айванами или окруженный галереями на столбах), возникших в древности и применявшихся, — в рассматриваемое время и позже, — в зданиях разного назначения: караван-сараях, мечетях, медресе и дворцах. Нет оснований, как это делал А. Годар⁷⁵, выводить планировку четырёхайванных караван-сараев и мечетей из планировки медресе, — хотя бы уже потому, что медресе в его сложившихся формах возникло позже. Справедливым в концепции А. Годара (это отметил Г. Пугаченкова⁷⁶) нужно признать мысль о том, что общим источником четырёхайванной схемы плана был жилой дом, — но не только хорасанский, как полагал А. Годар, а средневосточный в широком смысле этого слова.

МЕДРЕСЕ

В отличие от надгробных сооружений и караван-сараев-рабатов, прототипы которых усматриваются в доисламской древности Средней Азии, медресе обязаны своим возникновением победе ислама в восточноиранских землях и тому состоянию духовной жизни и науки, которое эта победа вызвала. Медресе как высшая школа-общество, где вместе живут учителя и студенты, где наряду с богословием преподаются математика, риторика и логика, языкознание, юриспруденция и другие науки, — не имеет близких параллелей ни в христианской, ни в буддийской культурной традиции. Для средневековых университетов Европы специальные здания, как правило, не строились, и студенты в них не жили, а о систематическом преподавании в буддийских монастырях ничего не известно, да они и не были приспособлены для таких функций.

Первые известные учёные-теологи ислама преподавали в мечетях Медины и Куфы, Дамаска, Кордобы, Багдада и Самарры. Традиционным и известнейшим на многие века университетом стала мечеть аль-Азхар в Каире, оставаясь при этом прежде всего мечетью. Большие пятничные мечети и после возникновения медресе оставались местом, куда люди приходили слушать лекции известных учёных-богословов. Судя по историческим источникам, местом учебных занятий служили иногда и библиотеки при частных домах, состоявшие из тысяч рукописей.

В. Бартольд первым высказал мысль о том, что медресе появились на востоке исламского мира, в Средней Азии, и что образцом для них были буддийские монастыри. На этом основании он считал, что местом рождения медресе была область Балха, где буддизм был популярной религией вплоть до арабского завоевания, и где его влияние сохранялось и позже⁷⁷. Эта идея была поддержана Э. Херцфельдом, который связал строительство первых медресе с общественной деятельностью знаменитого сельджукского министра Низам аль-Мулька и датировал их, таким образом, 11 веком. При возведении этих новых по назначению зданий была, как полагал Э. Херцфельд, сознательно применена исконно иранская система двора с четырьмя айванами — плановая основа жилищ, караван-сараев и других сооружений этого региона⁷⁸.

На зависимости архитектуры медресе от буддийской культовой архитектуры настаивают Б. Литвинский и Т. Зеймаль: они выдвинули оригинальную (но сугубо умозрительную) гипотезу о том, что 4 традиционных внутренних айвана медресе — трансформированные ворота — «торана» буддийского монументального «ступа», которые с четырёх сторон вставлялись в его ограду⁷⁹.

Д. Бранденбург считает, вслед за Э. Херцфельдом, что распространение медресе как особого типа зданий происходило в эпоху владычества Сельджуков, но оговаривается, что медресе строились уже при Саманидах — в Самарканде, Фергане, Шаше и Герате, и при Газневидах (11 в.) в Газне⁸⁰. Это мнение кажется справедливым — с той лишь поправкой, что в списке отсутствует Бухара — именно тот город, в котором стояло древнейшее известное ныне по имени медресе. В этой связи интересен взгляд на проблему, высказанный Р. Фраем: полагая, что медресе возникли в самом конце правления Саманидов (или даже позже), Р. Фрай считает местом их рождения не Балх с его буддийским прошлым, а Бухару⁸¹. Есть, наконец, еще одна теория, согласно которой прототипом медресе был раннесредневековый среднеазиатский замок-«кёшк» с четырьмя входами и купольным помещением посередине: со временем входы превратились в айваны, а среднее помещение стало двором⁸².

Эта теория едва ли верна, так как доисламские кёшкы Средней Азии имели различное устройство, причём замки с четырьмя входами — в силу их незащищённости — появились здесь поздно и не нашли широкого распространения. Что до генетической связи ранних медресе с буддийскими монастырями, то сходство здесь имеет самый общий характер и ограничивается обстроенным со всех сторон двором: исследованный Б. Литвинским и Т. Зеймаль монастырь Аджина-Тепе — единственный, в котором дворы имеют 4 осевых айвана, и в этом смысле нетипичен. Между тем древнейшие образцы «четырёхайванной» организации двора — гражданские (дворцовые) сооружения: Калалыгыр в Хорезме (5—4 вв. до н. э.)⁸³ и парфянский дворец в Ашшуре (1 в. н. э.)⁸⁴. Этот приём, в своеобразном колонном варианте, был использован и в дворцовом комплексе Персеполя, в его СВ части.

Из этого, конечно, не следует, что буддийские монастыри не могли оказать какое-то влияние на формирование первых медресе. Но, во-первых, такое влияние остаётся недоказанным, во-вторых — оно едва ли могло стать определяющим в сложении устройства и облика зданий, структурные и образные прототипы которых легко обнаруживаются в прошлом местной гражданской архитектуры.

Средняя Азия вошла состав Халифата позже его других провинций, и ислам утвердился здесь дольше и, как будто, не без некоторого сопротивления. Развитие богословской образованности было в этих условиях гарантией быстрой и прочной исламизации страны, и соответственно — политической лояльности населения. В этом интересы центральной власти и местных правителей, считавшихся (уже достаточно формально) клиентами халифа, совпадали, и в этом, видимо, причина того, что первые медресе — центры исламской теологии и связанных с ней наук — возникли именно здесь¹¹. Отсюда как будто следует, что родину медресе нужно искать не в области Балха, юго-восточной окраине государства Саманидов, а в его столичных центрах — Бухаре и Самарканде, откуда они вскоре распространились в другие области.

По крайней мере, первое упоминание о медресе в Средней Азии связано именно с Бухарой. В «Истории Бухары» Наршахи сказано, что в 937 г. во время большого пожара сгорело, среди прочих построек — базаров, торговых зданий и мечети Мах — также и медресе Фараджек. Известно, как выглядело это медресе и сколь старым оно было, но если предположить, что оно простояло хотя бы 40 лет, — выходит, что медресе строились в Бухаре уже в конце 9 в. Если бы медресе Фараджек было единственным в городе, — Наршахи, очевидно, отметил бы это, а не назвал его по имени, что предполагает наличие других медресе, называвшихся иначе.

Сведения о других медресе Средней Азии времени Саманидов малочисленны и неконкретны. В Мерве, по свидетельству аль-Мукаддаси, в 10 в. были медресе, «... в которых каждому читающему лекции — жалованье»¹² (странная подробность, вызывающая подозрение, что жалованье преподавателям медресе платили не всегда). Сообщает аль-Мукаддаси и о «прекрасных медресе» Нишапура. Упоминание медресе во множественном числе и с хвалебными эпитетами можно понять в том смысле, что они уже тогда представляли собой монументальные, величественные сооружения, украшавшие города и вызывавшие удивление иноземцев. Такая характеристика подтверждается обликом древнейших частично сохранившихся медресе 11—12 вв. (таких, как Ходжа Машад в Сайоде и Шахи Машад в Гарджистане¹³), едва ли сильно отличавшихся от своих предшественников. В 1941 г. на городище Мадау (средневековый город Ахур в южном Туркменистане) было разрушено древнее медресе¹⁴. Судя по кратким сведениям (здание не было сфотографировано

и обмерено), оно было прямоугольно в плане, с глухими стенами и шестиугольными (!) башнями на углах главного фасада. Двор был окружен аркадами, главную ось напротив входа замыкал глубокий сводчатый айван. Построено медресе было из жженого кирпича (22×22×4 см) на ганчевом растворе. Г. Пугаченкова датирует это погибшее здание 11—12 вв. Я думаю, что не исключена и более ранняя датировка: жженный кирпич именно этого размера был употреблен в мавзолее Кыз-биби (см. стр. 112), а близкого размера (22×22×5,5) — в доме 9 в. на Афрасиабе¹⁵. Всё же аргумент, основанный на размере кирпича, не может считаться решающим (подобный кирпич иногда употреблялся и в 13—14 вв.), а другие датирующие признаки медресе в Мадау остались, к сожалению, неизвестными.

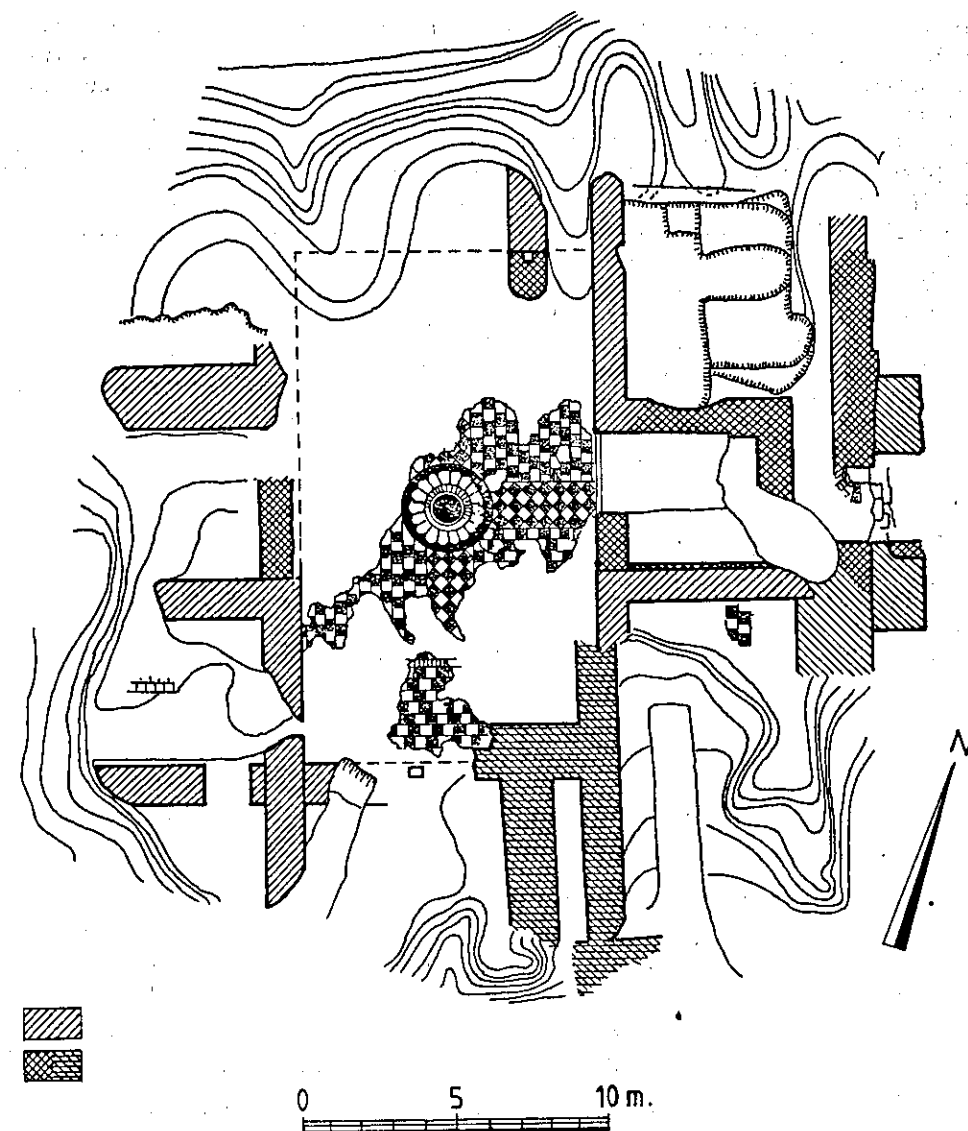
Этим можно было бы считать исчерпанными короткие сведения о первых медресе Средней Азии, если бы не загадочное здание, остатки которого были найдены в ходе раскопок на Варахше.

ЗДАНИЕ НА ЦИТАДЕЛИ ВАРАХШИ

Небольшой город Варахша, расположенный около 40 км западнее Бухары, до конца 8 в. был резиденцией правителей Бухары — бухар-хуатов. Жизнь в Варахше, лежащей в наше время за пределами оазиса в пустыне, прекратилась около 11 в. С 30-х годов здесь ведутся раскопки, открывшие большой дворцовый комплекс и другие постройки, главным образом доисламского времени. Была раскопана и исследована цитадель, входившая в состав дворца и выступавшая компактным массивом из южного фронта городских стен: она представляла собой кубическое здание со сторонами длиной около 30 м, поставленное на искусственную платформу — стилобат 15-метровой высоты, с фасадами, оформленными сомкнутыми полуцилиндрами-гофрами и, как будто, с внутренним двориком. Позже к стилобату цитадели было пристроено с востока здание казармы меньших размеров и высоты.

Цитадель Варахши была разрушена в 8 в. (может быть, в связи с подавлением восстания Муканна, к которому присоединился бухар-хуат Буниат), а лет через 200 на её высоком, сравнительно хорошо сохранившемся стилобате было возведено новое здание, остатки которого нашли археологи¹⁶. Оно плохо сохранилось, — остатки стен возвышаются над полом не более чем на 50 см — и в течение жизни подвергалось некоторым перестройкам, и всё же его первоначальное устройство может быть в общих чертах установлено.

Построенное на квадратном стилобате цитадели, здание сохранило его контур, размеры и ориентацию — по странам света, с некоторым отклонением оси З — В к югу. Материалом служил квадратный сырцовый кирпич со сторонами 25,5—26 и толщиной 5 см.

Здание на цитадели Варахши. План раскопанных остатков. По В. Нильсену с коррективками. Линейная штриховка — первоначальные стены, штриховка в клетку — ремонтные переделки.

Ко времени строительства ЮЗ часть стилобата бывшей цитадели была повреждена глубокими промоинами, и строители, непременно желавшие использовать всю площадку, возвели здесь субструкцию из сырцового кирпича, в том числе даже разгрузочную арку шириной около 5 м. Средняя часть здания представляла собой прямоугольный двор, вытянутый в направлении Ю — С и очень эффектно выстланный плитками жженого кирпича. Водосток, сохранившийся в центре двора, окружен кольцом поставленных радиально на ребро мелких кирпичей чередующихся желтого и красноватого цветов. Это кольцо окружено подобием цветка, лепестки которого образуют красные кирпичные плитки трапециевидной формы, с закруглённой широкой стороной; между лепестками, разделяя их, вставлены — узкой гранью вверх — желтые кирпичи.

Из желтых, криволинейно вырезанных кирпичей, уложенных плашмя, образовано внешнее кольцо, окружающее 17-лепестковую розету. Сам водосток, укрепленный изнутри подобием «ложного» купола, был накрыт мельничным жерновом с отверстием посередине.

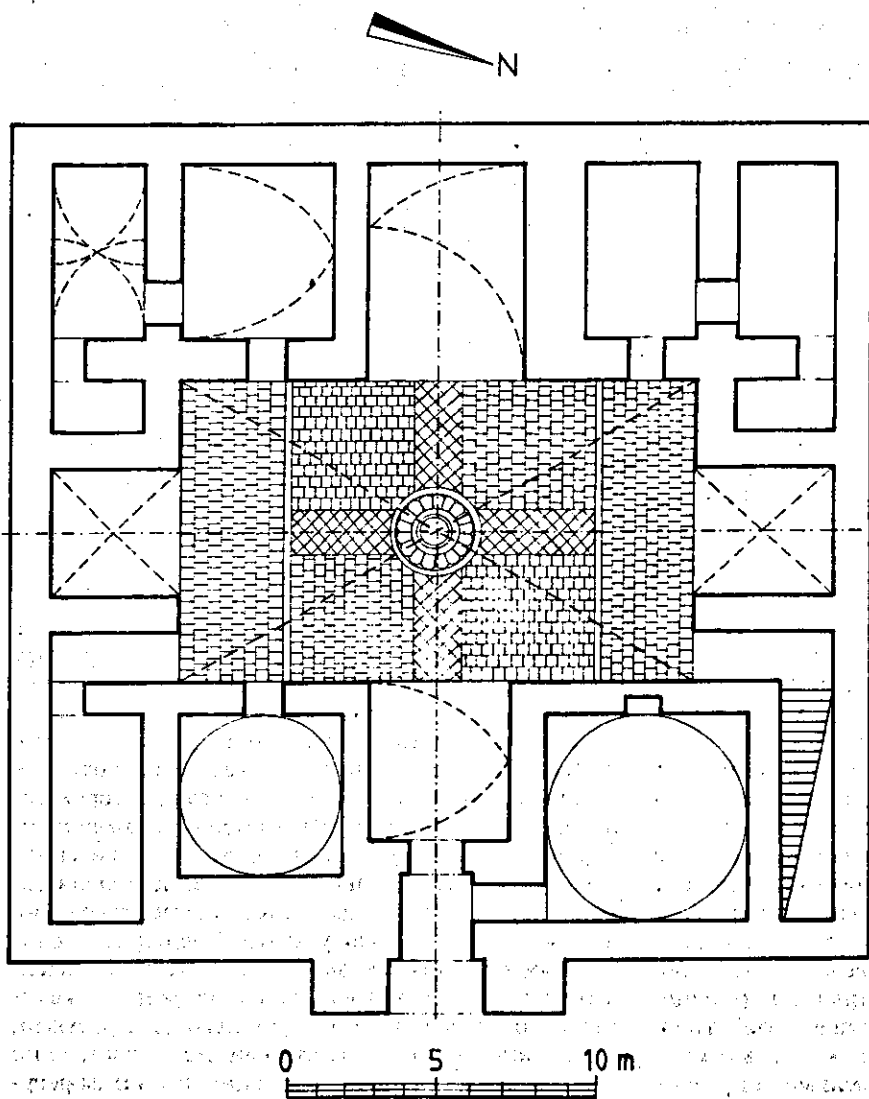
От этого декоративного цветка расходились крестообразно, по осям двора, четыре дорожки-полосы, выстланные диагонально уложенными кирпичами чередующихся желтого и красного цветов. Две поперечные дорожки доходили до стен двора, две продольные были такой же длины и замыкались узкими бордюрами, сложенными из вертикально вкопанных кирпичей. Таким образом был выделен центральный квадрат двора с угловыми квадратными же частями, тоже заполненными плитками двух цветов, но уложенными параллельно стенам и с иным регу-

лярным чередованием желтых и красных кирпичей. Кирпичные плитки в угловых квадратах укладывались рядами, со сдвигом в соседних рядах на половину кирпича, причём направление рядов в соседних квадратах менялось на 90°. Торцевые части двора, лежащие вне большого центрального квадрата, были выстланы плитками, уложенными рядами поперёк двора, со сдвигом плиток в соседних рядах и чередованием желтых и красных плиток в каждом ряду — точно так, как в угловых частях большого квадрата.

Вымостка двора удивляет не только художественной изысканностью, но и продуманной тщательностью исполнения: узкие грани кирпичей подпилены изнутри таким образом, что швы между ними имеют треугольное сечение и снаружи практически не видны.

На поперечной оси двора лежат два помещения, отгороженные от него остатками стен с боковыми проёмами. Хотя эти стены на опубликованном плане показаны как изначальные, они, несомненно, появились позже: об этом свидетельствует точное расположение помещений на

оси и случайное расположение проёмов, один из которых — восточный — чрезмерно широк (2,4 м). Оба помещения были открытыми во двор айванами — двумя из четырёх, лежавших на осях двора, как справедливо предположил исследовавший здание В. Нильсен¹⁷ (правая стена северного айвана частично сохранилась). За восточным айваном, габариты которого определяются остатками стен, лежал главный и, видимо, единственный вход в здание, который вёл с крыши соседней казармы. Он был выделен выступающими вперёд пилонами портала и невысокой лестницей, которая завершалась площадкой с полом из фигурно выложенных жёстных кирпичей. У этой площадки-вестибюля было два входа: прямой — в восточный айван и во двор, и боковой — в лежащее севернее большое квадратное помещение со сторонами 5,5 м. Следы несохранившейся северной стены этого помещения ясно прослеживаются в рельефе. К югу от восточного айвана видны остатки комнаты с очень толстой фасадной (восточной) стеной и следами такого же, как во дворе, двухцветного

Здание на цитадели Варахши.
Реконструкция плана.

кирпичного пола. От помещения, лежащего южнее западного айвана, частично сохранились три стены (кроме западной, которая не сохранилась нигде), причём его южная стена продолжает первоначальную южную стену двора, — обстоятельство, важное для реконструкции.

Научная достоверность реконструкции находит косвенное подтверждение в том случае, если в реконструируемых формах обнаруживаются (конечно, без натяжек и подгонок) характерные для данного времени пропорциональные отношения — 1:1 (квадрат), $1:\sqrt{2}$ (сторона и диагональ квадрата), $1:\sqrt{3}$ и $1:\frac{\sqrt{3}}{2}$. Попытку реконструкции плана логично начать с двора, форма и размеры которого определяются сравнительно легко.

Ширина двора в его южной половине, где сохранились части обеих продольных стен, равна 9,5 м. Длина определяется расстоянием от южной стены до центра, отмеченного эффектно украшенным водосливом, — отложенное далее на север, это удвоенное расстояние составляет 16,4 м. Найденный таким образом прямоугольник имеет характерные, знакомые нам пропорции, такие же, как двор мечети в Данданкане, — $1:\sqrt{3}$, то есть в него вписываются два равносторонних треугольника.

Есть основание считать, что план здания был квадратным; на это указывает форма стилобата, на котором оно было построено (и который оно целиком заняло), а также выделение кирпичным «ковром» центрального квадрата двора. В этом случае первоначальный размер здания можно установить, так как известна его половина — расстояние от центра двора до сохранившейся (около портала) внешней линии восточного фасада. Таким образом определяется длина фасадов квадратного здания — около 27 м (по В. Нильсену — примерно 31 м). Если предположить, что толщина внешних стен была повсюду одинакова и равна сохранившемуся севернее портала участку восточной стены, можно определить размеры и конфигурацию помещений, сохранившихся лишь частично. При этом обнаруживаются характерные и едва ли случайные закономерности. Так, оказывается, что южный и северный айваны были квадратными в плане, западный айван имел пропорции $1:\sqrt{2}$ (отношение стороны и диагонали квадрата), помещение к югу от него, как и восточный айван — $1:\frac{\sqrt{3}}{2}$ (или 1:0,866), помещения в ЮЗ и СЗ углах — $1:\sqrt{3}$, — те же, что и пропорции двора. Если согласиться с тем, что эти пропорциональные закономерности не случайны, нужно признать избранный метод реконструкции правильным.

Конечно, в восстановленном таким образом плане далеко не всё бесспорно. Так, маленькие камеры рядом с угловыми западными комнатами могли иметь выход во двор, что отвечало бы принципу симметрии. Если квадратная форма

помещения, лежащего южнее восточного айвана, точно определяется продолжением южной стены двора, то чрезмерная толщина его восточной стены — около 3 м — не находит объяснения, как и правой стены западного айвана, которая, судя по опубликованным обмерам, заметно толще левой стены.

Изысканное убранство здания не ограничивалось кирпичной мозаикой полов. При раскопках были найдены остатки настенных росписей — главным образом геометрические орнаментальные мотивы, выполненные синей и черной краской, — и куски алебастровых оконных решеток с заполнением из цветного стекла.

Исследователи датируют здание 10 — началом 11 вв. Вторая часть датировки сомнительна, так как с начала 11 в. Варахша переживала упадок, завершившийся в конце того же века фактической гибелью города, и предполагать в такое время строительство крупного, богато украшенного здания трудно. Вопрос о его назначении однозначно не решен. В. Нильсен считает, что это была мечеть. Доводом для такой атрибуции служит, по его мнению, ориентация здания на запад с отклонением к югу, что отвечает обычной ориентации мечетей в Средней Азии, а также отсутствие здесь выгребных ям — «бад-рабов», что указывает на общественный характер постройки. В. Нильсен также полагает, что в раннеисламское время на цитаделях в Средней Азии строились именно мечети, и ссылается на строительство первой бухарской мечети в городской крепости¹⁸. В. Шишкин согласился с этим мнением, но не исключил возможности и другого назначения здания¹⁹.

Между тем ориентация здания была предопределена ориентацией квадратной платформы, на которой оно было построено; общественные сооружения Средней Азии не ограничивались мечетями, а единичный случай основания первой мечети Бухары в городской цитадели не доказывает типичность этого явления. Главное же в том, что устройство здания, состоящего из групп закрытых и полуоткрытых помещений вокруг двора, совершенно не свойственно дворам мечетей и не отвечает их функции — молитвенному общению больших масс людей: для этого вокруг двора мечети устраивались крытые галереи.

Это заметила Г. Пугаченкова, предположившая, что воздвигнутое во 2-й половине 10 в. на цитадели Варахши здание было дворцом местного правителя, построенным после того, как старый дворец Хунук-худатов был разрушен по приказу Ахмеда Саманида²⁰.

Действительно, дворцовые здания с внутренним двором и четырьмя айванами на осях были достаточно характерны для раннеисламской и более поздней исламской архитектуры, и не только в Средней Азии, — таковы, например, газневидские дворцы 11 в. в Лашкари Базар²¹, дворец 11—12 вв. в Мерве²², дворец Масуда III в Газне (начало 12 в.)²³. Четырёхайванная система была в архитектуре Среднего Востока тради-

ционной и универсальной, и употреблялась в гражданском строительстве так же широко, как и в культовом. Атрибуцию Г. Пугаченковой можно было бы принять, если бы не два смущающих обстоятельства.

1. После того, как в 10 в. потомки древних правителей Бухары были изгнаны из Варахши, этот город не имел собственного правителя-сюзерена, — по причине своей малой величины и близкого расположения к столичной Бухаре. Сомнительно, чтобы чиновник, управлявший Варахшой от имени Саманидов, построил для себя столь роскошное здание.

2. Не только дворцы, но даже крупные городские усадьбы этого времени имели, как мы увидим ниже, гораздо более сложное устройство. Это тем более относится к дворцам, сочетавшим в себе функции административного центра, «средоточия власти», и богатого жилища с множеством приёмных, жилых, хозяйственных и складских помещений. Лишь немногие из помещений варахшинского дома выглядят жилыми или хозяйственными, — если, конечно, здесь не было второго этажа.

Между тем устройство здания в Варахше — в том виде, каким оно предстаёт в реконструкции — отвечает всем характерным чертам медресе. И дело не только и не столько в четырёхгранной структуре двора, которая была универсальной и применялась в постройках разного назначения. Здесь представлен такой характерный признак будущих (начиная с медресе Ходжа Машад) среднеазиатских медресе, как два квадратных и, очевидно, купольных зала по сторонам входного айвана: традиционно правый зал играл роль зимней мечети, а левый — аудитории («дарсхана»), или мавзолея над почитаемой могилой, или библиотеки. Я думаю, что в этом случае в левом купольном зале, размеры которого меньше, чем правого (соответственно 5×5 м и 7,5×7,5 м), располагалась библиотека.

Что касается правого зала, то его атрибуция как мечети подтверждается его ориентацией на «кыблу», принятой в Средней Азии, — это, как говорилось, направление ЮЗЗ.

Если согласиться с гипотезой Р. Фрая о бу-

харском происхождении медресе, то открытие древнейшего медресе поблизости от Бухары (где эти специфические сооружения появились еще раньше) не покажется странным. Варахша в 10 в. была процветающим, но маленьким городом, — этим аргументировали его жители отказ от учреждения здесь пятничной мечети, на чём настаивал Исмаил Саманид²⁴. Но основание медресе определялось, видимо, иными условиями: похоже, что не все учёные того времени стремились жить в столицах, и в области Хуталь, например, где не было крупных городов, в 11 в. насчитывалось более двадцати медресе.

От древнейших известных ныне медресе Среднего Востока — Ходжа Машад и Шахи Машад — медресе Варахши отличается небольшими размерами и, соответственно, малым количеством помещений, которые выглядят жилыми, — их всего пять. Рискованно делать широкие выводы из единичного факта, но, может быть, здание в Варахше фиксирует тот начальный период эволюции медресе, когда в них еще не было келий студенческого общежития, а были только аудитории и жилища преподавателей. Впрочем, это только гипотеза, хотя, как мне кажется, достаточно обоснованная. Нужно принять во внимание, что плановые структуры дворца (и вообще обширного и богатого жилища) и медресе были на Среднем Востоке достаточно близки, и, например, один из двух дворцов, построенных в Бухаре в 12 в. караханидом Арслан-ханом, был (вероятно, без больших переделок) обращен в медресе²⁵.

Время для широкого строительства медресе в 10 в. ещё не наступило, — оно придёт ста годами позже, когда медресе, при просвещенном покровительстве Низам аль-Мулька, начнут своё мирное «наступление» на запад. Но характерные особенности облика и устройства этих сооружений определились, видимо, уже в начале их исторического существования и сохранились, почти не изменившись, вплоть до их высшего расцвета и самого широкого распространения в 15—17 веках. Остатки здания на цитадели Варахши дают, как будто, основание для такого суждения.

ГРАЖДАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА

Жилище — не только самый распространённый, но и самый древний объект строительного искусства, общий источник архитектуры общественных, культовых, погребальных и прочих сооружений. Архитектура жилища самым непосредственным образом подчинена материальным, бытовым потребностям общества и составляющих его социальных групп, и поэтому в ней — опять-таки наиболее прямым образом — выражаются особенности этих групп, их самосознание и общественный статус. По этой же причине жилая архитектура меньше, чем другие её виды, подвержена влиянию меняющихся идеологических и религиозных стереотипов, хотя, конечно, это влияние — в большей или меньшей мере — всегда оказывалось. Так, распространённое мнение о влиянии ислама на жилую архитектуру Средней Азии, которое выразилось в замкнутости жилища и его разделении на мужскую и женскую половины, по меньшей мере преувеличено: такое разделение имело едва ли не во всех древних и средневековых обществах («андрон» и «гинекей» в жилищах древней Греции), а замкнутость была свойственна жилой архитектуре во всех жарких странах и объясняется, прежде всего, особенностями климата. Кроме того, известное представление о вынужденном затворничестве исламских женщин появилось позже и неприменимо к культуре раннего ислама.

Жилая архитектура по самой своей природе функциональна и меньше других подчинена тому выведенному для исламской архитектуры закону формообразования, согласно которому существовала относительная независимость её внешней и внутренней формы от утилитарного содержания¹. Иными словами, в этой области гораздо меньшую роль играли те универсальные стереотипы пространственных и декоративных форм, которые в значительной мере определяли облик монументальной (культовой, общественной, погребальной) архитектуры Средней Азии, — и в раннеисламское время, и позже. Здесь определяющее значение имели условия климата и устойчивые бытовые традиции, изменявшиеся очень медленно.

Отсюда — консерватизм жилой архитектуры, опирающийся на неизменные потребности и привычки, традиционное устройство внутрисемейной жизни, обеспечение безопасности и

удобства. Апробированные, доказавшие свою разумность приёмы и формы закреплялись здесь надолго и сохранялись веками, как бы вне развития и изменений «большой» архитектуры: в среднеазиатской жилой архитектуре недавнего прошлого иногда проглядываются древние рудиментарные приёмы, исчезнувшие в области монументального строительства столетия назад. Так, в бухарских жилых домах 19—начала 20 вв. употреблялись верхние галереи — прямые потомки галерей, венчавших замки времени раннего средневековья², а в загородных усадьбах «курганча» под Самаркандом сохранился облик усадеб-крепостей 10—12 вв.

Жилая архитектура раннесредневековой Средней Азии обладала известным единством, дающим право отделить её — с некоторыми оговорками — от прочей архитектуры и рассматривать как некоторую целостность. Это единство имело основой патриархальное устройство общества, в котором власть правителя государства и главы семьи или рода имела одинаковое моральное обоснование и отличалась только размерами и способом проявления. Взаимоотношения власти и подчинения на всех ступенях общественной лестницы были, в общем, подобными, и в этом — причина поразительного на первый взгляд, нередкого совпадения одних и тех же планировочных приёмов во дворцах и скромных городских жилищах. В этом, кроме прочего, нашла воплощение и ритуальность личных и общественных отношений, свойственная средневековью и с трудом (и не до конца) постижимая в наше время.

За этим относительным сходством отчётливо проступают существенные различия, вызванные особенностями климата, природного окружения, традиционного уклада, но прежде всего — сословной структурой общества, то есть принадлежностью жилых зданий правителям, аристократам-землевладельцам («дехканам»), горожанам (торговцам, ремесленникам, служилой интеллигенции и пр.), крестьянам и т.п. Чем выше был общественный статус сословия, тем отчётливей в его жилой архитектуре заметно преобладание монументально-репрезентативных форм, воплощающих официально-властные функции владельца и его богатство. Наоборот, в жилищах средних и низших сословий определяющей была бытовая функциональность, которая выража-

лась в свободной асимметрии планировки и уменьшении (или даже отсутствии) архитектурной репрезентативности. Определяющее значение именно этих различий было бы правильно положить в основу классификации жилищ Средней Азии 9—10 вв., остатки которых найдены археологами. Несколько схематизируя этот обширный и разнообразный материал, можно разделить его на такие основные группы.

1. Дворцы, то есть обычно крупные комплексы-резиденции, в которых сочетались функции жилища и административного управления — «средоточия власти», а также, как правило, и оборонные функции. Строились также загородные резиденции, как будто неизвестные в доисламское время, — своеобразные «люстхаузы», если воспользоваться немецкой терминологией (соответствующего русского термина я не знаю), предназначенные для отдыха, пиров и прочих развлечений, — административные функции таких зданий были минимальными, а репрезентативно-праздничные преобладали. Вокруг этих дворцов, судя по историческим источникам, разбивались парки с отдельно стоящими павильонами.

2. Замки — «кёшки», — загородные (иногда и городские) укрепленные жилища аристократов-землевладельцев, местного феодального рыцарства. До победы ислама в городских замках жил и торговый патрициат — купцы, ведавшие транзитной торговлей. Замки строились в укрепленных усадьбах и, так как обычно их владельцы были правителями местной сельской округи, тоже сочетали в себе функции жилища и административно-военного управления. Поэтому четкого различия между дворцом и кёшом нет: каждый кёш был зародышем дворца, и в доисламское время мог превратиться во дворец, так же как лежащее у его подножия селение могло, при благоприятных обстоятельствах, стать городом. В 9—10 вв., в условиях сравнительно централизованного государства, мелкие феодальные правители свою независимость фактически потеряли, и их замки всё более превращались в архитектурный реликт.

3. Городские дома-усадьбы — жилища богатых горожан, иногда своими размерами и богатым внутренним декором мало отличавшиеся от дворцов. Некоторые из них занимали целые кварталы и своим устройством были отчасти похожи на большие жилые усадьбы Помпей, — такие, как «дом Фавна» или вилла Диомеда, но отличались от них, в том числе, большей замкнутостью и элементами крепостной архитектуры.

4. Рядовые жилища горожан.

5. Сельские жилища.

Две последние группы особенно многочисленны и с трудом поддаются классификации. Это, прежде всего, «фольклорная» архитектура с отчетливыми региональными особенностями, с устойчиво консервативными приемами и формами (это особенно касается сельских жилищ, которые и в наши дни в отдаленных и замкнутых районах мало отличаются от жилищ тысяче-

летней давности). Это архитектура сугубо функциональная, не ставившая перед собой задач эстетического, эмоционального воздействия на созерцателя, и почти не связанная с художественными процессами, протекавшими в «большой» архитектуре. Можно предполагать, что эта архитектура часто создавалась не мастерами-строителями, а местными жителями-непрофессионалами: её остатки, находимые археологами, нередко представляют собой фрагменты плохой сохранности, с трудом поддающиеся реконструкции, — тем более, что такие жилища обычно часто перестраивались.

Именно эти группы жилищ — в той мере, в какой они доступны изучению — напрямую связаны с жилой архитектурой предыдущей, доисламской эпохи. Победа ислама не внесла в эту массовую область строительства заметных изменений, и вопросы датировки здесь решаются не анализом композиционных и строительных приемов и тем более не стилем, а археологическими находками — монетами, керамикой и т.п.

Отсюда — еще одна трудность изучения массовой жилой архитектуры раннеисламского времени: археологические публикации на эту тему обычно кратки, не всегда достаточно ясны и сосредоточены на чисто археологической проблематике. Они, как правило, не касаются вопросов истории архитектуры и не всегда сопровождаются иллюстративным материалом. Строившиеся из сырцового кирпича и пахсы, и только в редких случаях из камня, жилые здания 9—10 вв. всех категорий сохранились в виде погребенных в земле развалин, — это тоже затрудняет их изучение как объектов архитектуры. Таким образом, очень разнообразный, трудный для исследования и классификации материал, объединяемый общим понятием «жилая архитектура раннеисламской Средней Азии», представляет собой своего рода мозаику, части которой ещё не складываются в целостную картину.

ДВОРЦЫ

Традиции дворцового строительства восходят на Среднем Востоке к доисторической эпохе: 2—1 тысячелетиями до н.э. датируются дворцы-крепости северного Афганистана Дашлы — 3 и Алтын — 10³, причём уже в этих постройках эпохи бронзы принципом планировки был внутренний прямоугольный двор в окружении помещений или колоннад, — вечный приём, употреблявшийся в средневосточном строительстве на всём его историческом пути. Недостроенный дворец ахеменидского наместника в Хорезме, Калалы-гыр (5—4 вв. до н.э.) состоял из множества помещений, в том числе обширных колонных залов, которые группировались вокруг асимметрично расположенных двух внутренних дворов⁴. Более поздние «античные» дворцы Средней Азии были постройками компактного типа с внешними, а не внутренними дворами, — тако-

во небольшое здание в Халчаяне, редкий образец классического типа «бит-хилани» в раннекушанское время (начало н.э.)⁵. Огромный дворец в столице античного Хорезма Топрак-кала хотя и имел, вероятно, внутренние световые дворики, но тоже был компактным, квадратным в плане зданием⁶.

Известные ныне среднеазиатские дворцовые здания предисламского времени представляли собой, как правило, замкнутые объёмы более или менее сложной конфигурации. Их обязательной главной частью был обширный аудиенц-зал продолговатой формы с глубокой тронной лоджией в южной торцевой стене (Пенджикент, Шахристан), или тронной эстрадой на поперечной оси (Кафыр-кала), или тройной аркадой на колоннах, отделяющей тронную эстраду от зала (Варахша)⁷. Дворцовые здания этого времени с периметральной обстройкой внутреннего двора до сих пор неизвестны.

Письменные источники о дворцах раннеисламского времени иногда не лишены эмоциональности, но не дают представления об их архитектурном облике и устройстве. Иногда они носят легендарный характер, — например, сообщение о дворце, построенном в Бухаре при Саманидах, который в плане — по совету прорицателя — получил форму созвездия Большой Медведицы.

Строительство дворцов при Саманидах было, как говорилось, вызвано соображениями государственного престижа. Первый дворец был возведен в Самарканде, — вероятно, во 2-й половине 9 в., когда город был столицей; возможно, что остатки именно этого дворца были обнаружены раскопками. Дворцы в Бухаре строились в 10 в. в годы правления Исмаила, Насра II, Мансура I и Ахмада ибн Нуха, — главным образом на площади Регистан, напротив входа в Арк, и образовывали, вместе с сопутствующими им зданиями диванов, ансамбли, поражающие современников. Наршахи говорит дважды о дворцах — в Бухаре и Варахше, — красота которых вошла в поговорку. Аль-Мукаддаси, сообщив, что царский дворец Бухары расположен лицом к кухендизу (Арку) и спиной к кыбле (то есть на западной стороне площади Регистан), добавляет: «И не видел я в странах ислама ворот (портала) величественнее этих ворот», — свидетельство того, что величественный портал-пештак играл ту же решающую роль во внешней архитектуре дворца, что и во внешнем облике Рабати Малик. Во дворце, выстроенном у бухарского Арка при Ахмаде ибн Нухе, были использованы резные деревянные детали из разрушенного (в то же время) дворца в Варахше. Я думаю, что это было сделано не из соображений экономии, как полагает Л. Ремпель⁸ (экономию была бы мизерной, да и время — середина 10 в. — было для Саманидов еще вполне благополучным), а с целью подчеркнуть историческую и культурную преемственность, представить Саманидов наследниками и продолжателями древней культуры.

Аль-Мукаддаси, описывая Мерв 10 в., упоминает «... известный блистающий дворец с большим айваном, построенный Абу-Муслимом...», — это, несомненно, построенный в 8 в. «дом правления», описанный аль-Истахри как купольное центрическое здание с четырьмя осевыми входами. Судя по тому, что аль-Мукаддаси говорит только об одном, хотя и большом айване (имея в виду, очевидно, вход), можно полагать, что знаменитое здание к 10 в. подверглось каким-то переделкам, которые лишили его абсолютной центричности.

Продолжателями саманидской традиции дворцового строительства в начале 11 в. стали правители Хорезма из династии Мамунидов. В их новой столице Ургенче основатель династии аль-Мамун и его сын Али ибн Мамун построили по дворцу, причём во дворце аль-Мамуна современников поражал великолепный, «не имеющий себе равных» портал. Это свидетельство (еще одно) роли монументального, богато украшенного portalного входа в облике раннеисламских дворцов говорит, как будто, о том, что уже в 10 в. пештак стал определённым знаком-символом, архитектурным синонимом достоинства, власти и богатства.

В исторических источниках есть упоминания и о других дворцовых зданиях в городах (старый дворец арабских эмиров в Самарканде, «дом правления» в Нишапуре, дворец хорасанского эмира в Бухаре и др.) и даже в селении Искиджкет⁹. Сведения эти, однако, мало что дают, так как кроме расположения и отчасти назначения об упомянутых зданиях ничего неизвестно.

Три в разной степени сохранившиеся раннеисламские постройки, которые можно считать дворцами, демонстрируют общий планировочный принцип: сомкнутые группы помещений, со всех сторон окружающие внутренний прямоугольный (квадратный или продолговатый) двор. Во всех случаях приём реализован по-разному, и кроме внутреннего двора три здания ничего, в сущности, не объединяет. Но и рассматриваемый в самых общих чертах, этот древний планировочный приём выглядит в данном случае неожиданным: выше говорилось, что в дворцовых зданиях предисламской эпохи он, как будто, не употреблялся. Тут могут быть два объяснения. Либо это был сознательный разрыв с традицией и ориентация на иную, может быть, иноземную традицию, либо нам известны не все типы гражданской архитектуры Средней Азии предисламской поры. Оба варианта возможны: в пользу первого говорят параллели из архитектуры западного ислама, имеющие принципиальный, а не внешний характер, в пользу второго — единственное известное мне доисламское здание с большим внутренним двором, удивительно похожее своей планировкой на медресе, но датируемое 5—7 вв. и бывшее, видимо, жилым — Хайрабад-тепе¹⁰. Едва ли эта постройка дворцового типа была для своего времени уникальной.

Оба эти источника, внешний и внутренний, определили, как можно полагать, устройство тех немногих раннеисламских дворцовых зданий Средней Азии, которые сейчас известны.

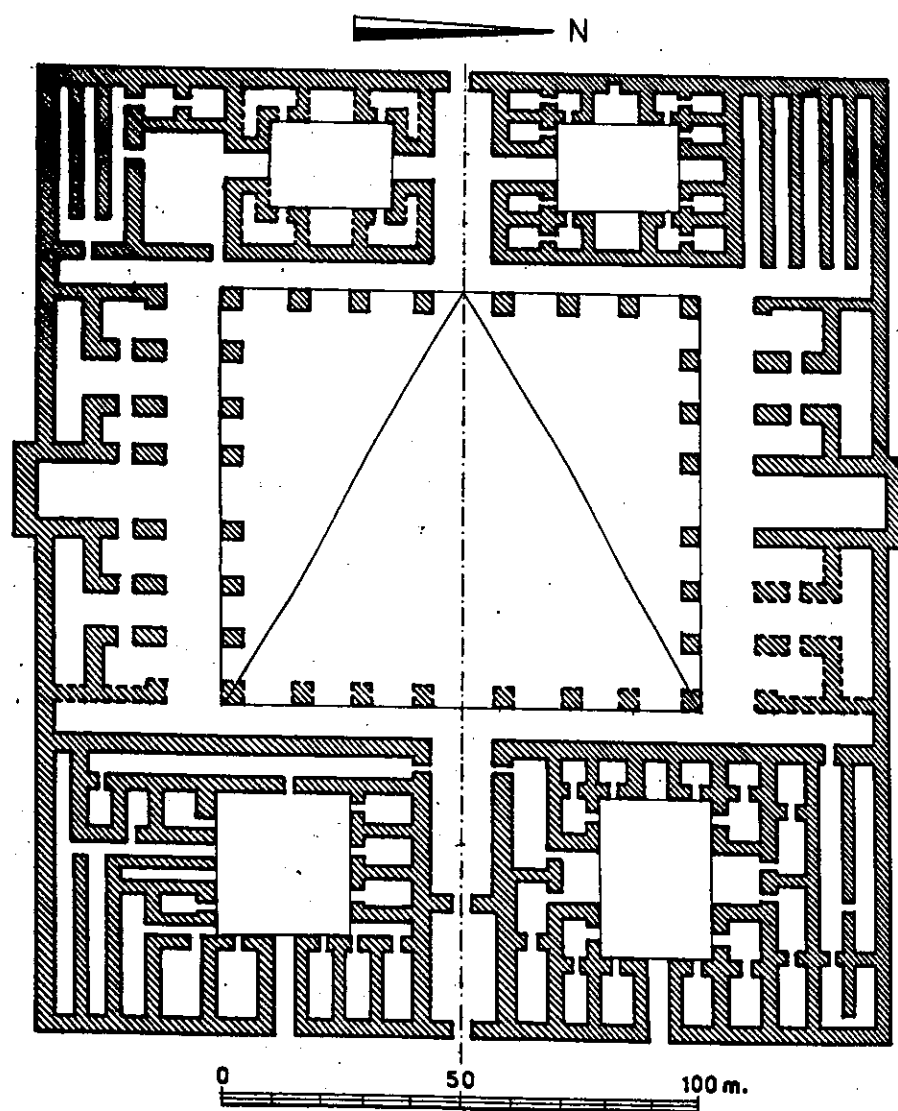
Акыр-Таш

На юге Казахстана, недалеко от города Джамбул (средневековый Талас) сохранились руины огромной и загадочной постройки. Местные жители называют её Акыр-Таш или Таш-Акыр (Тас-Акыр). Описание и план здания были опубликованы в 1905 г. В. А. Каллауром, который не рискнул определить его возраст и назначение, предположив лишь, что это мог быть недостроенный буддийский храм, караван-сарай или дворец. Это мнение сохранялось и в более поздних редких публикациях, авторы которых датировали Акыр-Таш неопределённо раннеисламским временем¹¹.

В плане Акыр-Таш — прямоугольник со сторонами около 200 и 180 м, ориентированный по

странам света. Он построен из камня, но не из необработанных или грубо обколотых кусков, как большинство немногочисленных каменных сооружений Средней Азии, а из отёсанных блоков размером 150×90×80 см, уложенных без раствора. Блоки соприкасаются между собой не всей плоскостью, а только отёсанными краями, — внутренняя часть соприкасающихся граней выдолблена и заглублена. Этот характерный строительный приём, изобретённый в древней Греции¹², применялся позже в римской архитектуре. На Среднем Востоке он неизвестен.

В центре, сдвинутый к западу по продольной оси, лежит прямоугольный двор размером 100×86,6 м — излюбленная на Среднем Востоке пропорция, выражающаяся отношением $1 : \frac{\sqrt{3}}{2}$. Двор ограждён массивными квадратными столбами, на которые опирались (или должны были опираться) арки. За столбами тянется обводной коридор — галерея, шириной 6 м в поперечном и более 10 м в продольном направлениях. На осях двора, за галереями, расположены

Акыр-Таш. План.

глубокие айваны шириной 11 м — два из них, лежащие на продольной оси двора, выдвинуты наружу прямоугольными выступами, два других прорезаны входами и играют роль вестибюлей: два входа в Акыр-Таш лежат на его продольной оси и на поперечной оси двора.

Углы гигантской постройки заняты четырьмя комплексами помещений, сгруппированных вокруг внутренних дворов. Два восточных комплекса крупнее западных и снабжены отдельными входами. Двор СВ комплекса расширен четырьмя осевыми айванами неравной ширины (один из них служит наружным входом), у квадратного двора ЮВ комплекса айванов нет. Двор СЗ комплекса снабжен двумя широкими айванами на поперечной оси и двумя узкими (один из них входной) на продольной. Основная часть ЮЗ комплекса разрушена, и определить её устройство нельзя, но и здесь можно предполагать прямоугольный двор с айванами и осевыми проходами. Непосредственно ко всем четырём углам здания примыкают группы длинных коридоров, образующих помещений, — они, видимо, служили складами. На южной стороне они сообщаются с соседними дворовыми комплексами, на северной — изолированы от них.

По краям больших айванов на Ю и С сторонах расположены симметричные группы из двух меньших айванов, разделённых широким проходом, который соединён с лежащим сзади помещением, параллельным внешней стене. Стены этих групп айвановых помещений отвечают расположению и размерам столбов на боковых сторонах двора и образуют с ними единую архитектурно-конструктивную систему.

При взгляде на план Акыр-Таш возникает ощущение, что его центральный двор с боковыми группами айванов изображены в ином, более крупном масштабе, чем угловые дворовые комплексы. Причина этого, видимо, в том, что общий планировочный приём — четырёхайванный двор — многократно повторён здесь и в организации всей постройки, и в её деталях, пропорции которых близки пропорциям целого.

Это не свойственно архитектуре Средней Азии, равно как и соединение в одних стенах нескольких близких своим устройством, но неодинаковых и различных по назначению зданий, хотя и связанных общим принципом композиции. В любом случае Акыр-Таш нельзя признать ни доисламским храмом или буддийским монастырём, ни караван-сарая, хотя отдельные его части — например, ЮВ комплекс — очень на него похожи.

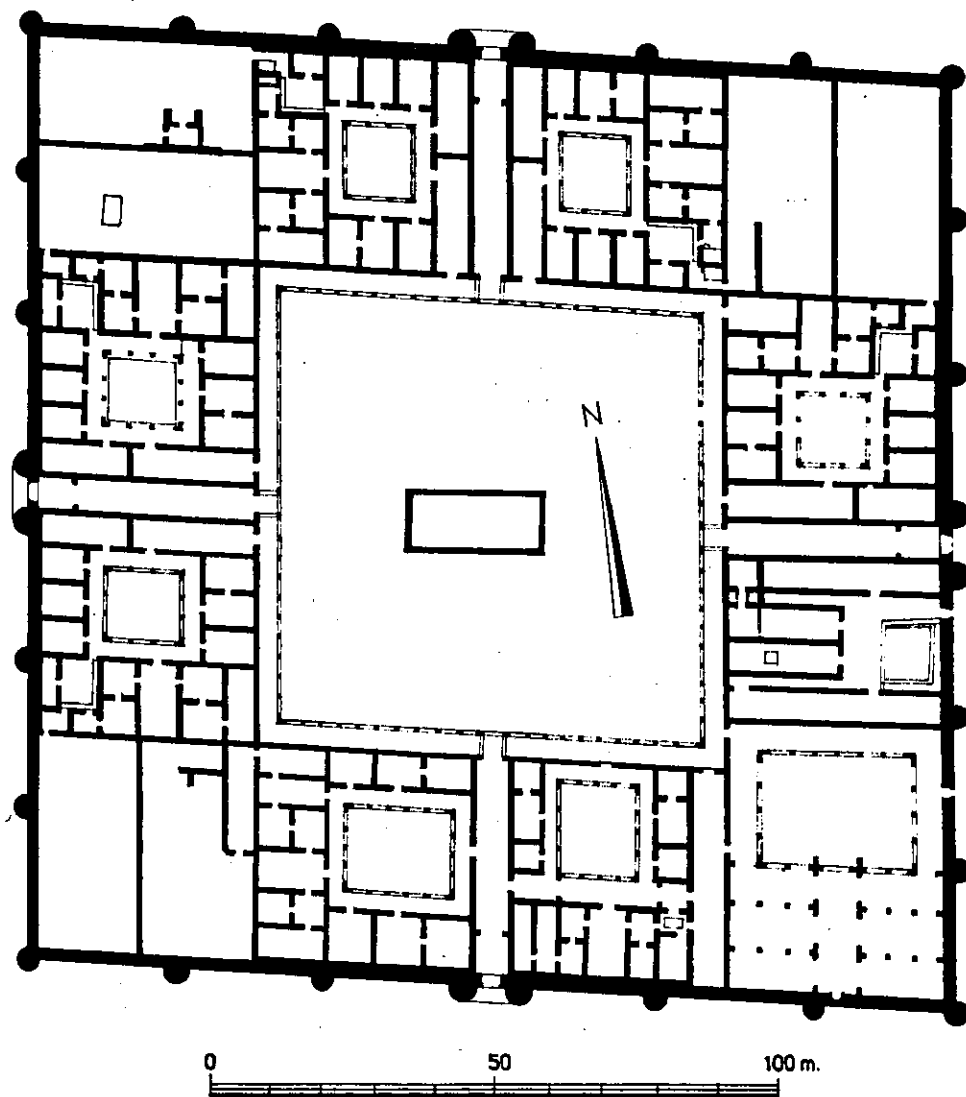
Мне кажется, что правильно понял назначение этого необыкновенного сооружения и обстоятельства его возникновения Б. Брентьес, заметивший черты принципиального сходства архитектуры Акыр-Таш и ранних монументальных построек Халифата¹³. По справедливому заключению Б. Брентьеса, здания, подобные Акыр-Таш, в Средней Азии неизвестны, а его ближайшая аналогия — дворец Каср аль-Хайр аль-Шарки (Каср аль-Хайр восточный), соору-

женный в 728/9 г. в 97 км к СВ от Пальмиры¹⁴. Характерный принцип планировки, общий для обоих столь отдалённых один от другого зданий — в том, что по сторонам внутреннего двора здесь расположены отдельные «дома», то есть замкнутые группы помещений, объединённые внутренним двориком и (или) особыми функциями. В омейядском дворце этих групп 12, по 4 на каждой стороне квадратного, слегка перекошенного плана. 7 «домов» — однотипные жилые комплексы с внутренними двориками, окруженными аркадами; один «дом» состоит из хозяйственных помещений и складов, ещё один — в ЮВ углу — мечеть классического арабского типа, «дома» в остальных трёх углах — разделённые пополам дворы.

Этот же приём планировки лёг в основу крупных дворцовых комплексов аббасидского времени — таких, как Охейдир (2-я половина 8 в.) и Каср аль-Джисс (10 в.), — здание, в котором исследователи не без основания видят подражание известному «дому правления» в Мерве¹⁵. Во всех случаях ограждённое стенами прямоугольное пространство включает в себе замкнутые группы помещений, обычно с внутренними двориками, окружающие общий центральный двор (в Охейдире — дворово-айванный центр).

Следовательно, Акыр-Таш был построен по западноисламскому образцу. Это подтверждается и техникой каменной кладки, имеющей несомненное средиземноморско-античное происхождение: общеизвестно, что ранняя исламская архитектура времени Омейядов черпала свои формы и приёмы главным образом из греко-римского наследия. Этим определяется и время постройки — 8 в., время завоевания исламом Средней Азии. Всё же трудно понять, как в столь раннее время на северо-восточной окраине Средней Азии (наверняка ещё не вполне исламизированной) появилось это огромное здание в «сирийском» стиле, кем и для чего оно было построено. Гипотеза Б. Брентьеса даёт, мне кажется, убедительный ответ на этот вопрос.

Арабским полководцем, который перешёл от грабежей Средней Азии к её завоеванию и, действительно, завоевал её, был Кутейба ибн Муслим, назначенный в 704 г. наместником Хорасана и Мавераннахра. Его последние походы были направлены на восток и северо-восток, — на Фергану и Чач, ставший в 714 г. его резиденцией. Отсюда Кутейба двинулся на Исфиджаб (современный Сайрам в южном Казахстане, недалеко от Джамбула и Акыр-Таша). В 715 г. Кутейба был убит по приказу халифа Сулеймана, который подозревал его — и, видимо, не зря — в сепаратизме. Действительно, есть основания думать, что честолюбивый полководец стремился к независимости от Дамаска и с этой целью переносил свои резиденции всё далее на восток, — такой последней резиденцией, не законченной из-за гибели Кутейбы, и должен был стать Акыр-Таш, начатый строительством, вероятно, в 714/715 г. Здесь, в максимальной удалён-

Дворец Каср аль-Хайр аль-Шарки. План.

ности от Дамаска, он собирался править, и отсюда, из стратегически удобного пункта, продолжать походы на восток.

Если это так, то Акыр-Таш — древнейший сохранившийся образец исламской архитектуры в Средней Азии, свидетель её исламизации. Этим, видимо, и объясняется сочетание в нём черт сирийско-иракской архитектуры с традиционными приёмами иранского строительного искусства, такими, как четырёхайванная организация дворов и симметричные айванные группы на северной и южной сторонах.

Акыр-Таш — резиденция, ставка правителя, в состав которой входили постройки различного назначения. Можно лишь предположить, что собственно дворец правителя с жилыми и приёмными помещениями располагался в СВ «доме», ЮВ «дом» был занят придворными и слугами, а в двух западных «домах» находился гарнизон. Роль мечети, обязательной в такого рода дворцовых комплексах, могла выполнять группа обращённых на юг айванов, — то есть не всей мечети,

а её михрабной части, перед которой в галерее и во дворе собирались молящиеся.

Ограждённый прочными каменными стенами, Акыр-Таш едва ли был крепостью в буквальном смысле слова. Его внешние стены лишены угловых и промежуточных башен, в него ведёт слишком много входов: два сквозных на оси В — З и два наружных в оба «дома» на восточной стороне. Такая открытость противоречит, конечно, оборонным функциям крепости и делала бы Акыр-Таш, в случае вражеского штурма, очень ненадёжным убежищем. Она находит объяснение, если согласиться, что Акыр-Таш строился как правительственная резиденция, своеобразный общественный центр, и его безопасность обеспечивалась не только (и не столько) приёмами «личной» обороны.

Исследователи уделили Акыр-Ташу несправедливо мало внимания. Нужно надеяться, что это уникальное здание ещё станет объектом серьёзного изучения, и что это поможет решению ещё нерешённых вопросов.

Хульбук

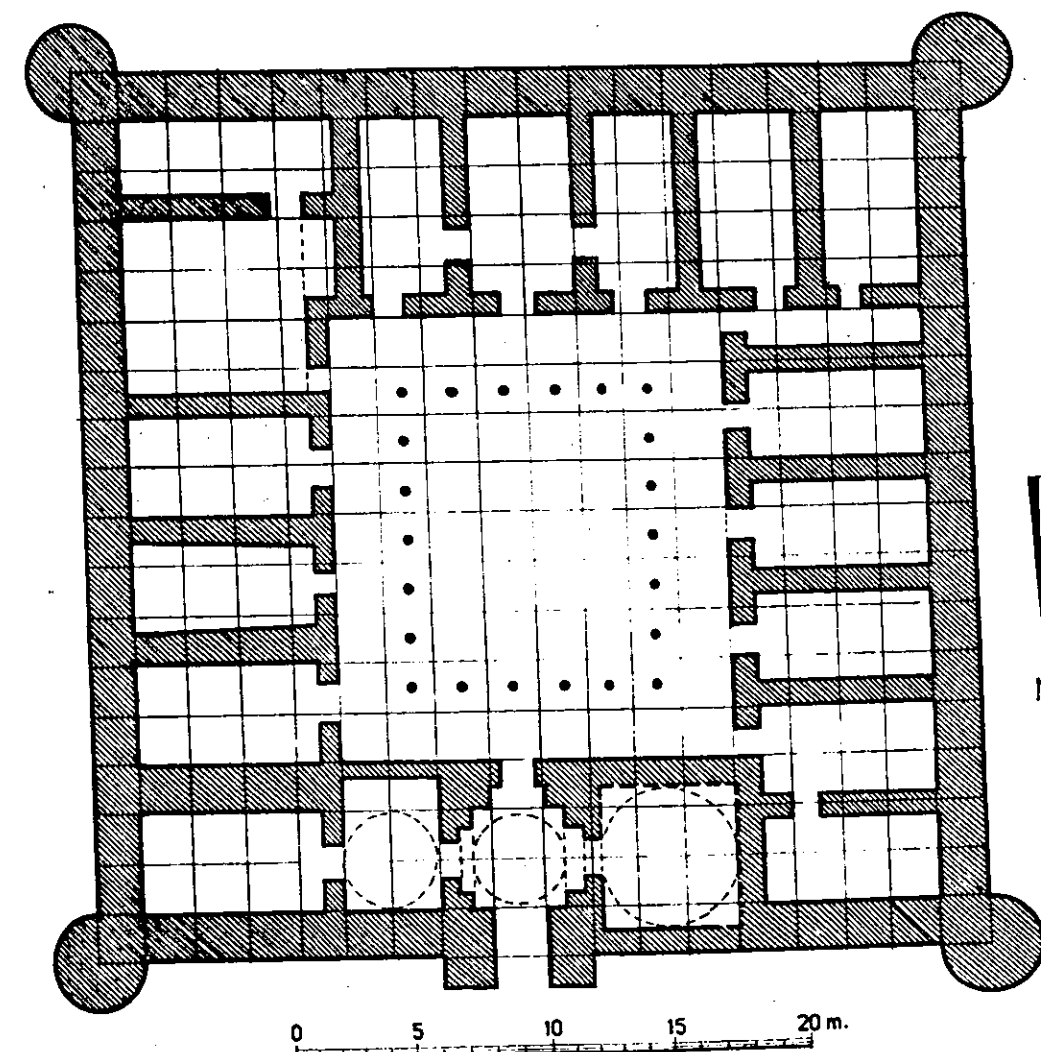
Земли между реками Пяндж и Вахш составляли в предисламское время независимое и довольно крупное владение Хутталь или Хутталян. Завоевание Хутталя далось арабам не без труда: их первая попытка в 725 г. закончилась позорным поражением, и только в 737 г., после отчаянной борьбы, страна была покорена, но сохранила правителей местной династии. Столицей Хутталя был город Хульбук, остатки которого обнаружены рядом с селением Курбан-Шейд в южном Таджикистане.

Многолетние раскопки на цитадели Хульбука открыли руины большого и сложного дворцового комплекса, много раз перестраивавшегося и расширявшегося, который существовал в пределах 9—11 вв.¹⁶ Большая часть дворца, занявшего всю площадь цитадели, очень интересна своей архитектурой и декором, но она датируется 11 в. и лежит за хронологическими пределами этой книги. Здесь же придётся ограничиться

тем, что осталось от древнейшей части дворца, возникшей в 9 и погибшей, видимо, в конце 10 в.

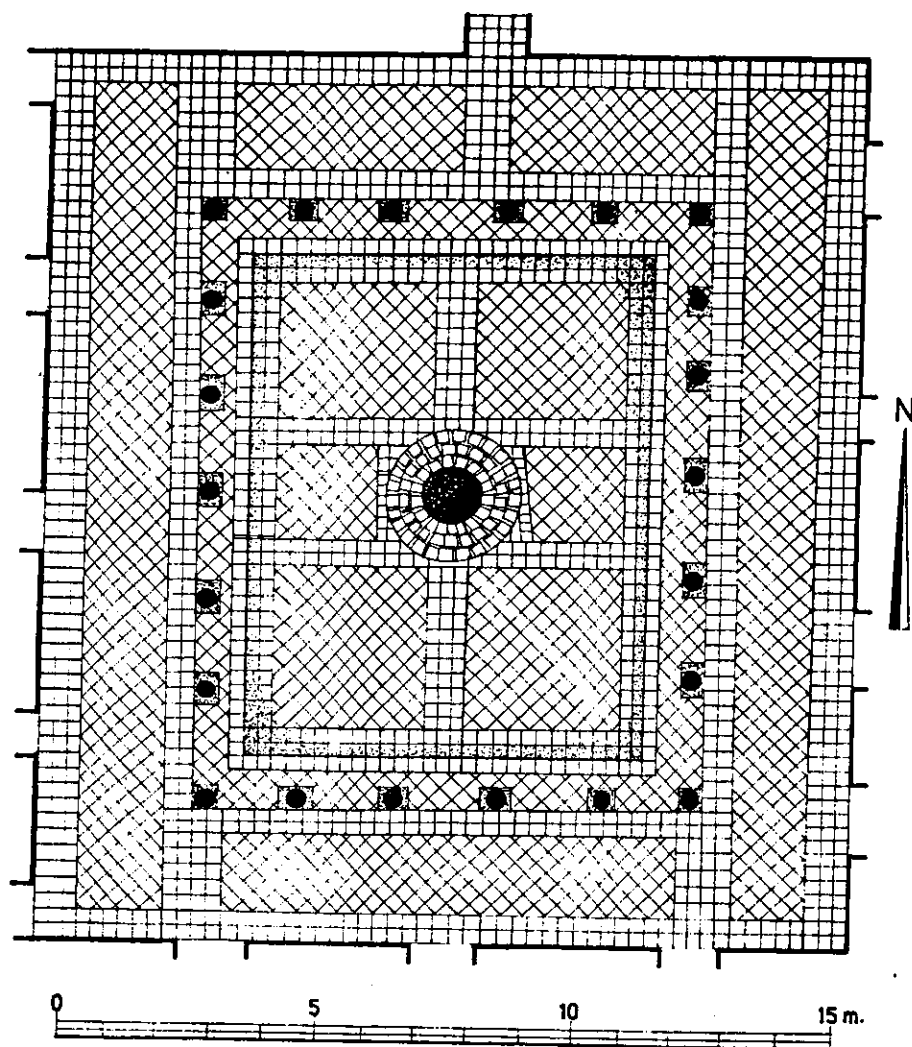
Цитадель Хульбука вытянута в направлении Ю — С и делится на две части: более высокую южную (около 40×60 м) и пониженную, но обширную северную (около 100×200 м). Первое дворцовое здание было возведено в южной части. После того, как оно погибло от пожара, верхнюю часть его стен снесли, остатки забили землёй и на образовавшуюся таким образом платформу поставили новое сооружение с иной планировкой. Поэтому сохранность открытой археологами древней постройки очень плоха, и некоторые её части можно представить себе только в реконструкции. Всё же общий принцип и большинство важных деталей устройства здания не вызывают сомнений и доступны архитектурному анализу.

Дворец был построен из блоков пахсы размером 88×80 см и ориентирован по странам света, со входом на северной стороне. Его помещения группировались вокруг прямоугольного двора

Дворцовое здание в Хульбуке. План, частичная реконструкция, геометрический анализ.

Дворцовое здание в Хульбуке.
Внутренний дворик 10 в.

размером $17,1 \times 15,2$ м, по контуру которого шла галерея на деревянных колоннах. Судя по заглублённым гнездам в кирпичном полу, на длинных сторонах двора располагалось по 7 колонн, по коротким — 6, причём расстояния между колоннами колебались от 2,3 до 1,4 м.

Украшением двора был узорчатый пол, выстланный квадратным жёванным кирпичом. На полу галереи, приподнятом относительно средней открытой части, вытянутые поля были выложены диагонально уложенными кирпичами и оконтурены бордюрами разной ширины, в которых кирпичи лежат параллельно стенам. Наружный прямоугольный бордюр пола галереи — там, где стояли колонны — был выстлан диагонально уложенными кирпичами. В центре пониженной, открытой части двора расположено круглое отверстие колодца с широким обрамлением из трёх радиально уложенных рядов кирпичей — приём, повторяющий (или предвосхищающий) устройство двора в предполагаемом медресе Варахши. На этом сходство не кончается: как и в Варахше, от колодца отходят осевые дорожки, — одинарные, шириной в 3 кирпича по длинной оси и двойные, но более узкие (2 кирпича) по поперечной. Эти дорожки, вместе с прямоу-

гольным обрамлением заглублённого пола, образуют 6 прямоугольников и квадратов разной величины, заполненных диагонально уложенными кирпичами. Кирпичи здесь, в отличие от Варахши, одного желто-охристого цвета, и декоративный эффект основан на контрасте внутренних полей с диагональной сеткой кирпичных плиток — и дорожек-бордюров, в которых кирпичи лежат нормально. Тот же приём в Варахше употреблён, так сказать, негативно: там диагональными кирпичами были выложены дорожки-бордюры, а рядами, параллельными и перпендикулярными стенам — широкие заполнения между ними.

Большинство окружающих двор помещений — удлинённые, обращённые торцами и входами в сторону двора. Эти помещения почти одинаковых размеров (около 4×7 м) были, вероятно, перекрыты сводами. Небольшой квадратный вестибюль был купольным. Его северная сторона прорезана широким входом, который снаружи был оформлен прямоугольными пилонами и, видимо, имел форму портала-пештака. Три прочие стороны вестибюля были оборудованы нишами, в которых располагались входы: южный вёл во двор, два боковых — в соседние помещения.

Большая квадратная комната западнее вестибюля была, вероятно, тоже перекрыта куполом и играла роль домашней мечети. Любопытно, что вестибюль лежит не на продольной оси двора (что было бы логично, принимая во внимание общую симметрию плана), а несколько сдвинут к востоку. Поэтому восточное помещение вестибюльной группы оказалось меньше западного и не квадратным, а удлинённым: общая длина всей этой группы была ограничена продольными стенами двора. Правда, можно предположить, исходя из геометрического анализа плана, что и эта комната (вернее, её квадратная часть) имела купольное перекрытие, а её южная сторона представляла собой сводчатую нишу.

Из прочих единообразных комнат, окружающих двор, выделяются две. Квадратное помещение у ЮВ угла двора отличается своей формой и большими размерами ($6,7 \times 6,7$ м), и ещё тем, что лежащая к югу от него комната сообщается только с ним, служит при нём чем-то вроде «подсобки». В этом квадратном зале с лоджиешей в западной стене можно видеть парадную гостиную для избранных посетителей, а в соседней комнате — склад для необходимых припасов. Узкая комната-коридор у ЮЗ угла двора заключала в себе лестницу, которая выводила на крышу, — об этом свидетельствуют и форма комнаты, и её характерное расположение (ср. караван-сарай Дая-Хатын).

Анализ показывает, что геометрической основой плана дворца была прямоугольная сетка с квадратными ячейками размером около 1,8 м (реальная метрическая единица, избранная строителями, была, видимо, вдвое меньшей — около 90 см, что близко гязу мавзолея Тилло Халоджи). Стороны двора вместе с галереями составляют 9 и 8 таких больших (двойных) единиц, ширина колонной галереи — 1,5 единиц, расстояния между колоннами и толщина наружных стен — 1 единицу, диаметр угловых башен — 2 единицы, толщина большинства внутренних стен — 0,5 единиц, диагонали квадратного помещения к западу от вестибюля — 4 единицы. Общая длина стен квадратного в плане здания составляет без угловых башен 18, с башнями — 20 единиц. Расположение сдвинутого с оси входа также определяется членениями «гязовой» сетки плана: вход вместе с вестибюлем сдвинуты к востоку на 0,5 большой единицы.

Дворовая организация здания с единообразными, продолговатыми, обращёнными во двор комнатами, устройство вестибюльной группы с порталом и анфиладой трёх купольных помещений — всё это похоже более на будущие медресе, чем на дворец. Здесь, правда, нет обычных для медресе осевых айванов и есть окружающая двор колонная галерея, медресе (по крайней мере более поздним, каноническим) не свойственная. С крепостями и отчасти караван-сараями здание сближает компактная замкнутость его внешней архитектуры, устройство на углах массивных круглых башен и несколько

странная скромность внутреннего декора: он ограничен нарядной вымосткой пола двора и резьбой по ганчу, украшающей наличники дверей, обращённых во двор.

Всё это позволяет предположить, что древнейшая часть дворца Хульбука строилась как укреплённый замок на стратегически удобной верхней площадке холма. Со временем дворцовый комплекс расширился, его новые постройки примкнули к замку с севера и распространились на нижнюю площадь, а замок, потерявший своё оборонное назначение, превратился в место парадных приёмов и пиров: при раскопках здесь не нашли ни одного черепка простой бытовой посуды, — только дорогие, нарядно украшенные блюда и чаши, да маленькие стеклянные бокалы, из которых (судя по размерам) пили что-то очень крепкое¹⁷. Праздничные церемонии, в зависимости от их массовости, могли устраиваться во дворе или в большом зале у его ЮВ угла, или в обоих местах одновременно; прочие помещения использовались, вероятно, для хозяйственных нужд и как жильё для дворцовой челяди.

Следовательно, здание 9—10 вв. в Хульбуке — не весь дворец, а его общественно-репрезентативная часть, причастная к праздничным и официальным сторонам жизни правителя. Другие части дворцового комплекса, уже в это время обширного и сложного, были перестроены в 11 в. и в первоначальном виде не сохранились. Само же здание — древнейший образец круговой колонной галереи в Средней Азии — демонстрирует уже известную универсальность архитектурных форм, их способность адаптироваться к меняющемуся назначению и новому содержанию жизненных процессов.

Кырк-Кыз

Здание с этим романтическим названием, начинающим по-узбекски «сорок девушек», стоит в окрестностях Термеза, в местности, которая еще в конце 19 в. называлась Шахри Саман — «город Самана». В древности эта местность была покрыта садами, ныне здесь расстилаются хлопковые поля, подступающие к стенам руинированной постройки. Даже среди памятников раннеисламской архитектуры Средней Азии, отошедшей от прежних канонов и еще не выработавшей новых, Кырк-Кыз стоит в загадочном одиночестве: ни его общая пространственно-плановая структура, ни способы её художественного оформления не находят сколько-нибудь близких параллелей в среднеазиатской архитектуре. Споры о его назначении и возрасте продолжаются до сих пор.

Кырк-Кыз был замечен сравнительно рано, и посвящённая ему литература довольно велика. В конце 19 в. путешественник Г. Капю определил его как здание дворцового типа¹⁸, в начале 20 в. Р. Рожевиц (вероятно, со слов местных жителей) — как «древний монастырь»¹⁹. Несколько позже ирригатор А. Ананьев, оставив-

Кырк-Кыз. Современное состояние, внешний вид.

ший первое, сравнительно подробное описание Кырк-Кыз, назвал его развалинами дворца²⁰. Дворцом или загородным «люстхаузом» признали его и Кастанье²¹, и В. Згура, посвятивший ему первую специальную публикацию²², отмеченную тонким художественным анализом.

Позже разные исследователи видели в Кырк-Кыз то ханака²³, то караван-сарай²⁴, то пригородную усадьбу дворцового типа²⁵, то — снова — дворцовое здание. А. Прибыткова, посвятившая Кырк-Кыз специальное исследование, обошла вопрос о его назначении²⁶. При этом все, писавшие о Кырк-Кыз, — за одним исключением — датировали это здание 9 или даже 8—9 вв. Только В. Воронина считает, что Кырк-Кыз — здание 11—12 вв. (по аналогии с некоторыми сырцовыми постройками афганского Сеистана, которые предположительно датируются этим временем), и что это было ханака²⁷.

Несмотря на немалое число публикаций, здание не было достаточно подробно обмерено (публиковался всегда только план) и почти не раскапывалось: в 30-е годы Н. Бачинский вскрыл участок фундамента, в 1967 г. З. Хакимов предпринял небольшие раскопки внутри здания и установил, что в центре его был не купольный зал, как полагали раньше, а небольшой квадратный двор²⁸.

Кырк-Кыз — квадратная в плане постройка со стороной около 54 м, ориентированная по странам света, с круглыми башнеобразными выступами на углах, полыми, но без связи с помещениями. В сужающихся кверху башнях нет ни входов, ни бойниц, — это всего лишь

рудимент, традиционный «знак» крепостной архитектуры, не имеющий отношения к прямому назначению сооружения. Материал — сырцовый кирпич размером $30 \times 30 \times 5$ см и жженный кирпич такого же размера, из которого сложены фундаменты высотой 1 м, выполнены (местами) облицовки сырцовых стен и части некоторых важных конструкций. Из сырцовых кирпичей этого размера были возведены своды караван-сарая Чалдывар.

Квадрат плана крестообразно рассечен четырьмя широкими осевыми проходами, которые ведут к центральному квадратному дворику ($11,5 \times 11,5$ м), а в плоскости фасадов раскрыты высокими арочными проёмами входов. Здесь нет традиционного порталного оформления входов пилонами, выдвинутыми вперёд и связанными аркой, — все 4 входа просто прорезаны в стене и представляют собой как бы проекцию сводчатых проходов на фасады. Архитектоника массивных, горизонтально растянутых фасадов определяется тёмным отверстием уходящего вглубь арочного входа, нерасчленённой массой стены, местами прорезанной узкими и как бы случайно расположенными щелями окон, и круглыми угловыми выступами башен той же высоты, что фасад.

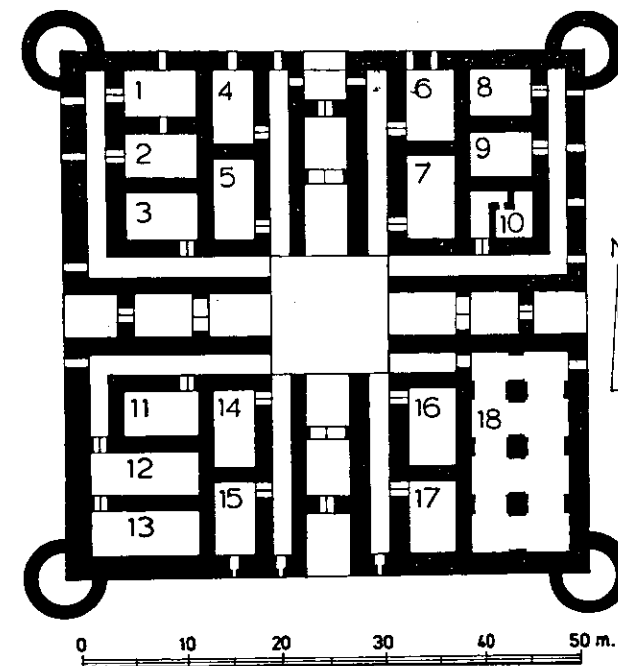
Все 4 прохода единообразно разделены поперечными стенами на 3 части. Крайние части представляют собой сводчатые айваны, открытые наружу и внутрь, в центральный дворик; их ширина почти одинакова, — несколько больше 4 м, — но внутренние айваны, за исключением южного прохода, заметно глубже наружных.

Средние части, длиной около 6 м, соединяют с соседними айванами арочные проёмы — более узкие, ведущие наружу, и очень широкие, почти во всю ширину прохода, внутренние. Внутренний дворик, куда обращены 4 осевых прохода, сильно разрушен. Всё же с несомненностью устанавливается, что все его стороны были одинаковы и представляли собой трёхарочные системы: посередине — высокая и широкая арка осевого прохода, по сторонам же, впритык к углам дворика — меньшие арочные проходы, которыми начинаются сводчатые коридоры, идущие параллельно осевым проходам и рядом с ними. Коридоры по сторонам С и Ю проходов прямолинейны и заканчиваются тупиками. Северные коридоры, параллельные 3 и В проходам, доходят до наружных стен и далее поворачивают под прямым углом на север, заканчиваясь у углов здания. Южный коридор вдоль 3 прохода поворачивает, симметрично северному, под прямым углом на юг, но не доходит до внешней южной стены, а заканчивается входом в расположенные здесь два помещения. Наконец, южный коридор вдоль В прохода представляет собой короткий отрезок, ведущий к входу в обширный зал, который расположен в ЮВ углу здания.

8 коридоров, расходящиеся из углов центрального дворика как ветви дерева от ствола, вдвое ниже других помещений. Поэтому, при общей одноэтажности здания, эти коридоры расположены в два этажа, один над другим, и выходят (вернее, выходили) в центральный дворик сдвоенными по вертикали арочными проёмами. Каждая сторона дворика представляла собой, таким образом, подобие портала-пештака: по сторонам большой арки осевого прохода-айвана располагались в два яруса меньшие выходные проёмы коридоров, тоже арочные, игравшие роль вертикального обрамления средней арки. Подобная композиция порталов, в которой большую арку входа фланкируют арочные ниши или заглуплённые панно меньшей величины, будет позже широко распространена в архитектуре Среднего Востока²⁹.

Вообще «триумфальная» трёхарочная композиция, в которой большая средняя арка фланкирована двумя малыми боковыми, была в разнообразных модификациях распространена в архитектуре и искусстве Среднего Востока по крайней мере с эпохи Сасанидов. Она воплощалась и в величественных фасадах дворцовых айванов комплексов (Ктесифон, Охейдир, Лашкари Базар), и в архитектурных деталях (галерея «мавзолея» султана Санджара в Мерве³⁰, и в декоре почтаемых надгробий³¹ — как традиционный «знак», символизирующий духовное и царственное достоинство.

На Среднем Востоке никогда не было той принципиальной разницы между внутренней и внешней архитектурой, которая характерна для Европы и объясняется, прежде всего, особенностями климата. Любое замкнутое пространство, которое можно было перекрыть, превращалось

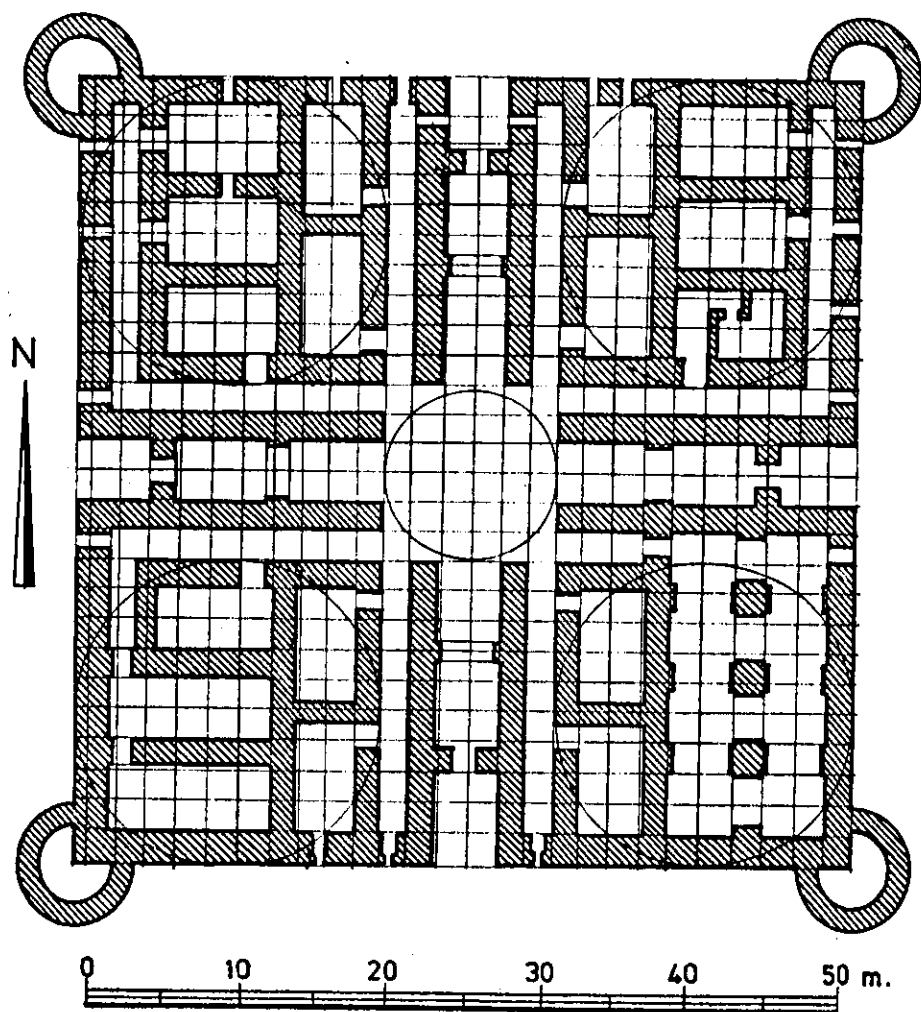

Кырк-Кыз. План на уровне входов.

здесь в помещение, без изменения его пространственной структуры. Мы видели это на примере караван-сарая Дая-Хатын с его двумя купольными двориками, есть и более поздний пример — медресе Абдуллахана (16 в.) в Бухаре. Собственно говоря, каждый купольный зал Средней Азии, расширенный осевыми нишами, представляет собой каре четырёх, обращённых друг к другу порталов-пештаков: лишенный купола, он автоматически превратился бы в уменьшенное подобие двора или площади, обстроенной с четырёх сторон порталными зданиями. Именно так выглядел центральный дворик Кырк-Кыз — открытое сверху пространство, замкнутое в каре четырёх массивных трёхпролётных арок, четырёх порталов с боковыми входами. Если бы у строителей была техническая возможность перекрыть это пространство пролётом — $11,5$ м куполом — они, наверно, сделали бы это, ничего не изменив в его строительной структуре.

Осевые проходы делят Кырк-Кыз на четыре квадратные, изолированные одна от другой части, каждая из которых (кроме ЮВ части, где находится большой зал) состоит из пяти комнат. Эти комнаты тоже, за единственным исключением, изолированы друг от друга. Попасть в них можно только из коридоров, которые сходятся к центральному дворику и не имеют выходов наружу. Даже для того, чтобы войти в комнату, примыкающую к наружной стене, нужно сначала достичь центрального дворика и только отсюда одним из коридоров дойти до нужного помещения.

Расположение комнат во всех частях единообразно. Три одинаковые комнаты расположены в один ряд, соприкасаясь длинными сторонами,

Кырк-Кыз. Геометрический анализ плана.

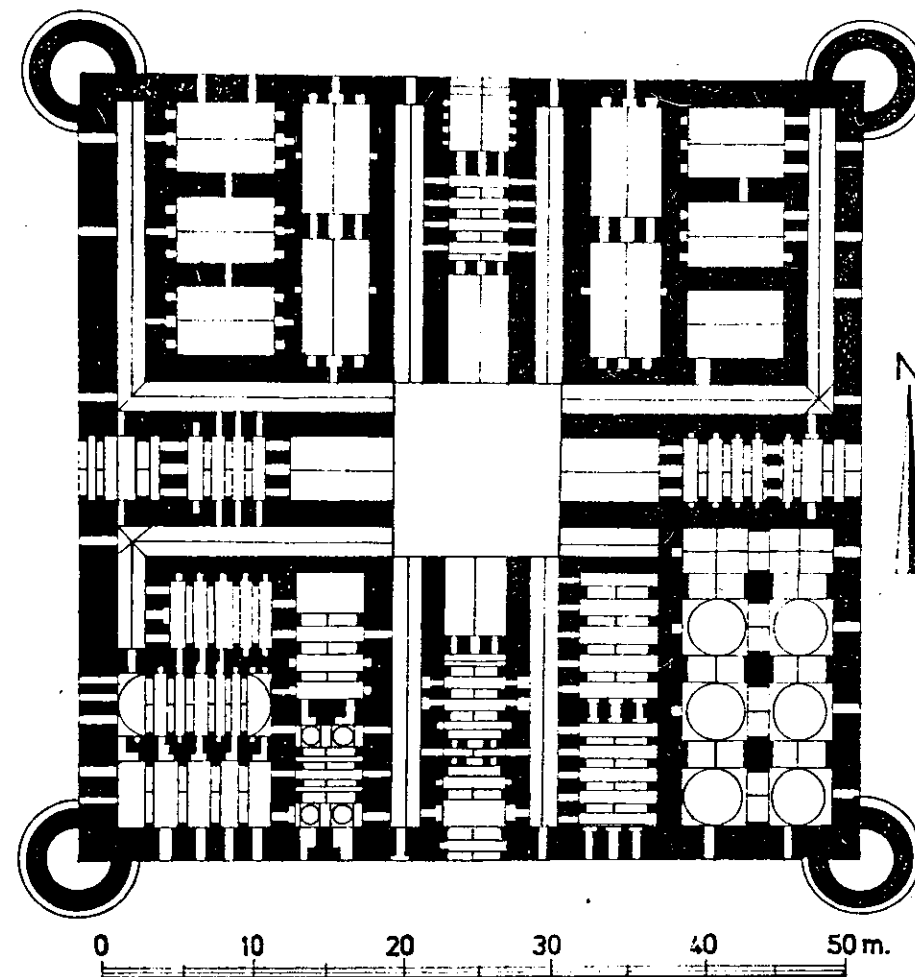
к ним примыкают две комнаты, соединённые торцами и ориентированные под 90° к первым трём. Только в ЮВ части (или, пользуясь принятой терминологией, «доме») три параллельные комнаты заменены прямоугольным залом с тремя столбами крестообразной формы на длинной оси и отвечающими им лопатками-пилястрами вдоль стен.

Такая организация плана имеет в жилой архитектуре Средней Азии давние традиции. Изначальное ядро замка Чиль Худжра в Уструшане (5—6 вв.) образуют три параллельных помещения и перпендикулярно примыкающий к ним вестибюль³², аналогично устроена северная «башня» в замке Гардани Хисор (6—7 вв.)³³. Симметричные группы из трёх комнат, двух параллельных и одной поперечной, входят в состав замка 9—10 вв. Акуйли-кошук, причём в этом случае, как и в Кырк-Кыз, все комнаты изолированы (см. ниже). Примеры могут быть продолжены. Особенность «домов» Кырк-Кыз сводится к тому, что здесь к параллельным комнатам примыкают две (а не одна, как обычно) состыкованные торцами комнаты, и что вся эта вписанная в прямоугольник группа окружена с трёх сторон коридорами, подчёркивающими изоляцию каждого «дома».

Два северных «дома» одинаковы и зеркально симметричны, — за исключением того, что одна из комнат СВ «дома» была занята лестницей, по которой поднимались в коридоры верхнего яруса. Две поперечные комнаты ЮЗ «дома» сообщаются между собой, и их длина больше за счёт отсутствия здесь коридора. Большую часть ЮВ «дома» занимает, как говорилось, продолговатый двухнефный зал, — несомненно, главное приёмное помещение этого загородного дворца, некогда перекрытое шестью куполами и двумя сводами.

За основу членений плана была принята квадратная сетка с ячейками размером 192×192 см. Можно предположить, что сторона ячейки была равна трём местным гязам, то есть гяз составлял 64 см. В этом случае сторона здания равна 78 гязам, а расстояние между столбами большого зала — 5 гязам. Прочие отношения плана (за исключением отклонений, которые, может быть, объясняются разрушениями и неточностью обмеров) исчисляются в больших «трёхгязовых» единицах. Так, стороны центрального двора равны 6 единицам, ширина осевых проходов и большинства комнат — 2 единицам, ширина коридоров и большинства внутренних стен — 1

Кырк-Кыз. План на уровне сводов.

единице, длина и ширина большого зала — соответственно 10 и 5 единицам.

Все помещения Кырк-Кыз имеют сводчатые и арочные перекрытия; ниши, дверные и оконные проёмы перекрыты арками, причём конструкция и форма этих перекрытий удивительно разнообразны. У проёмов в осевых проходах арки двойные: нижние перемычки сложены в технике «параллельных отрезков», верхние — клинчатые, обрамлённые с обеих сторон рядом плашмя уложенных кирпичей. Причём нижние, слегка заглублённые арки — это, собственно говоря, своды, верхние же представляют собой наружные архивольты глубиной в один кирпич.

Все помещения двух северных «домов» перекрыты сводами, сложенными «параллельными отрезками». Такие же своды перекрывали внутренние айваны осевых проходов, примыкающие к центральному дворику, и наружный айван северного прохода. Перекрытия прочих помещений устроены иначе и в архитектуре Средней Азии аналогий не имеют.

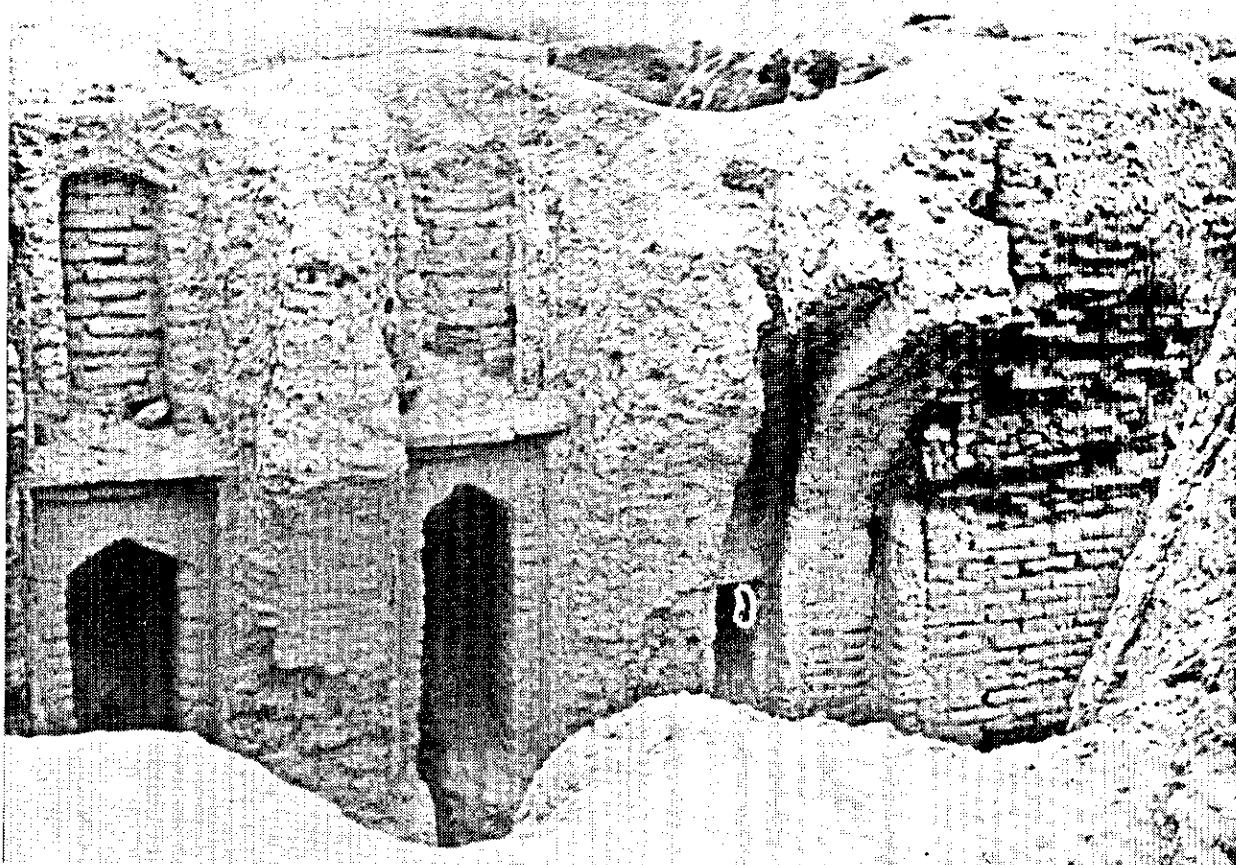
Здесь поперёк комнат и осевых проходов переброшены стрельчатые арки, опирающиеся на выступающие из стен пилястры и сложенные в технике клинчатой кладки. Они разделены узкими промежутками (шириной от 90 до

150 см), которые перекрыты поперечными сводами, сложенными «параллельными отрезками». В вертикальных простенках между арками устроены узкие окна или ниши такой же формы; эти окна — единственный источник света для внутренних помещений, которые получают его из комнат, примыкающих к наружным стенам.

Через комнату 12 в ЮЗ группе перекинута 6 поперечных арок, но торцевые части этого помещения перекрыты не сводами, а полукуполоми-конхами, нависающие края которых опираются на перекиннутые через углы арки-трюмпы. В их прямоугольном заполнении, продолжая направление стен, прорезаны прямоугольные окошки. По два более крупных окна расположены в торцевых стенах между трюмпами, изнутри они завершены стрельчатыми арками, снаружи — уступчатым венчиком типа ложного свода. Световые отверстия в трюмпах заставляют вспомнить подобное же устройство в мавзолее Саманидов, где оно, правда, воплощено в более совершенном — и эстетически, и технически — виде.

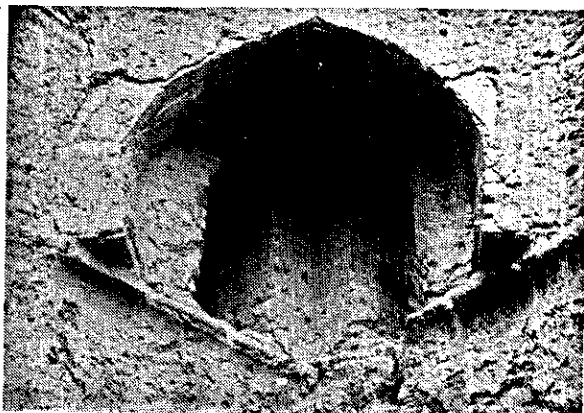
Перекрытие торцов помещения полукуполоми на трюмпах не было вызвано конструктивной необходимостью (как, впрочем, и применение ряда арок с поперечными сводами вместо

Кырк-Кыз. Входной коридор.

обычных сводов) и может быть объяснено стремлением к впечатляющему художественному эффекту, желанием продемонстрировать эстетические возможности конструкций и обогатить пространственные формы интерьера. При этом арки тропов (сложенные «параллельными отрезками» и подковообразно изогнутые у основания), как и нижние и верхние ряды кладки «полуоктагонов» были сделаны, для большей прочности, из жженого кирпича.

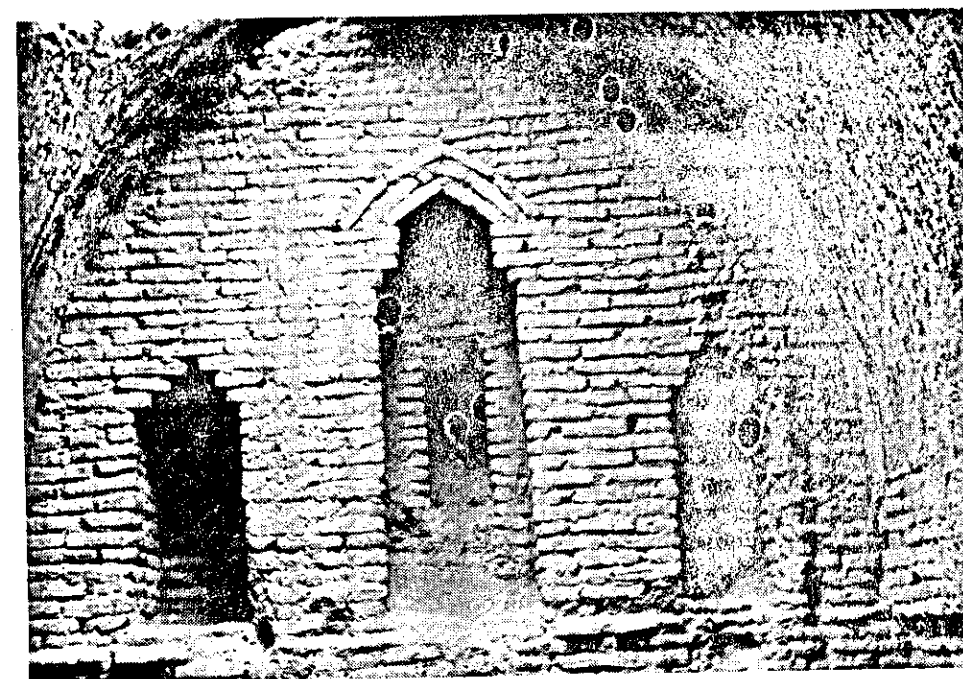
Кырк-Кыз. Троп в помещении 12.

Пренебрежение утилитарной рациональностью во имя художественного эффекта заметно и в устройстве перекрытий соседней комнаты (15). Здесь между стенами переброшены 4 арки, ширина которых больше ширины промежутков между ними, перекрытых поперечными сводиками. Арки расположены как бы попарно, так что средний промежуток между ними, совпадающий с поперечной осью комнаты, шире других двух. В вершины крайних арок упираются две полуарки, отходящие от торцовых стен и лежащие на длинной оси комнаты, а образованные таким образом 4 квадратные в плане ячейки (по 2 у каждой торцовой стены) были перекрыты маленькими куполами. И в этом случае сочетание арок с упирающейся в её вершину аркой-«аркбутаном» аналогично устройству тропов мавзолея Саманидов, мавзолея Ходжа Машад и мечети в Узгене, но приём употреблён в совершенно ином архитектурном контексте и не находит функционального объяснения, — это лишь демонстрация изобретательности и мастерства, или свободная интерпретация каких-то известных строителю образцов.

Коридоры, отходящие от центрального двора, перекрыты сводами «параллельными отрезками». Большинство их имеет стрельчатое очертание, но есть свод эллиптической формы, обычной для доисламской архитектуры. На повороте

Кырк-Кыз. Крестовый свод на пересечении коридоров.

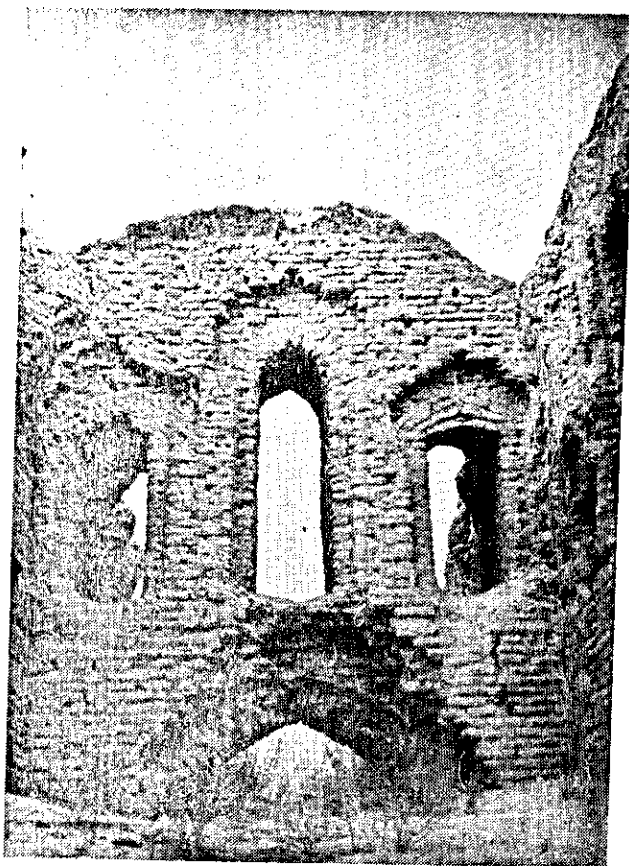
Кырк-Кыз. Поперечная стена коридора.

под 90° своды смыкаются по линии диагонального сечения — так же, как в караван-сараяе Дая-Хатын, — но в одном месте пересечение сводов в углу имеет форму классического крестового свода, хотя обе пересекающиеся оболочки сложены «параллельными отрезками», а не горизонтальными рядами.

Перекрытия большого зала в ЮВ «доме» не сохранились, но, судя по расположению квадратных (с крестообразными выступами) столбов и пилястр, он был перекрыт шестью куполами и двумя сводами (может быть, типа «балхи»),

которые опирались на арки, переброшенные между столбами и пилястрами.

Особое своеобразие архитектуре Кырк-Кыз придаёт оформление торцевых (щипцовых) стен между частями осевых проходов и некоторыми смыкающимися торцами комнатами. Здесь на уровне основания сводов устроены оконные проёмы или имитирующие их ниши, собранные в симметричные группы: по сторонам высокого среднего проёма расположены, соответственно кривизне обрамляющего свода, два более низких. Перемычки этих сквозных или

Кырк-Кыз. Поперечная стена входного коридора.

глухих проёмов, образующих вариант «классической» трёхарочной композиции, о которой говорилось выше, очень разнообразны. Тут и обычные клинчатые арки-сводки, и низкие стрельчатые арки, в которых кирпичи уложены в несколько рядов, и уступчатые перемишки типа ложного свода. Совершенно уникальна для Средней Азии форма плоских декоративных ниш, в которые вставлены, как в обрамления, многие из этих проёмов: края этих ниш, вертикальные внизу, на уровне основания арочной перемишки плавно расширяются до середины своей высоты, после чего переходят в уступчатый контур ложного свода. Венчание ниш, состоящее из мелких уступов кирпичной кладки, имеет отчетливо выраженный килевидный контур — с остроконечной серединой, почти горизонтальными сторонами и крутым переходом к нижним скруглённым частям³⁴.

Группы из трёх (иногда пяти) проёмов в щипцовых стенах — один из основных элементов архитектурного декора этого здания, которое лишено декора в обычном значении этого слова: здесь нет ни декоративных облицовок, ни резьбы по ганчу или глине³⁵. Впечатляющий эффект архитектуры Кырк-Кыз имеет своим источником не украшение поверхностей, а ритм конструктивных и одновременно пластических элементов — арок и сводов в разнообразном

сочетании, проёмов и ниш, прямых и криволинейных поверхностей, однотипных форм разной величины. Изошрённость форм перекрытий в южной половине здания и расположение здесь эффектного приёмного зала свидетельствуют, как будто, о том, что эта половина была парадной, репрезентативной, или что именно здесь жили хозяева дворца. Любопытно, что помещения более скромной северной половины ни формой, ни устройством, ни даже взаимным расположением не отличались от южных помещений.

«Родословная» Кырк-Кыз занимала всех его исследователей. Еще в 1927 г. В. Згура отметил его сходство с раннеисламскими постройками Месопотамии, такими, как Мшатта, Охейдир и особенно дворец-крепость Хираглаг (8—начало 9 вв.), сходство которого с Кырк-Кыз заставляет думать, «... что строители термезского дворца имели понятие о соответственных памятниках Месопотамии 8—9 вв.». А. Прибыткова, справедливо отметив необычность для Средней Азии перекрытий в виде арок с поперечными сводами, сопоставила их со сводами Охейдира, замка 8 в. Кусейр Амра в Иордании и сасанидского дворца Таг-айван в Сирии. Г. Пугаченкова, настаивая на самостоятельности композиционных приёмов Кырк-Кыз (как и всей архитектуры Средней Азии), отметила, что его план «отдалённо напоминает» омейядские дворцы Касри Туба и Каср аль-Хайр — здания с квадратным планом, круглыми угловыми башнями и большим внутренним двором. С этими же постройками сопоставляет Кырк-Кыз и З. Хакимов, производивший его частичные раскопки.

Словом, круг параллелей термезскому дворцу очерчивается не в пределах среднеазиатского региона, а региона коренных земель Омейядского и Аббасидского халифатов, Месопотамии и Иордании, и сопоставимые с ним — по планировочным или конструктивным признакам — постройки хронологически не выходят за предел 8—9 вв. Что касается выбора аналогий, то он не кажется мне вполне правильным. Едва ли прав З. Хакимов, усматривая сходство планировки Кырк-Кыз и дворца Охейдир, так как последний, в отличие от Кырк-Кыз — здание с господствующей продольной осью и отсутствием поперечной оси, тогда как в Кырк-Кыз господствует абсолютная центричность. Что до замков Каср аль-Хайр (западный) и Касри Туба, то в них преобладает обширный внутренний двор, тогда как в Кырк-Кыз дворик составляет лишь небольшую часть общей площади здания. Близкой аналогией Кырк-Кыз мог бы быть замок Хираглаг (или Хераглах), если бы, судя по публикации, его 4 осевых прохода сходились в центре, а не завершались, не дойдя до него, абсидообразными тупиками³⁶.

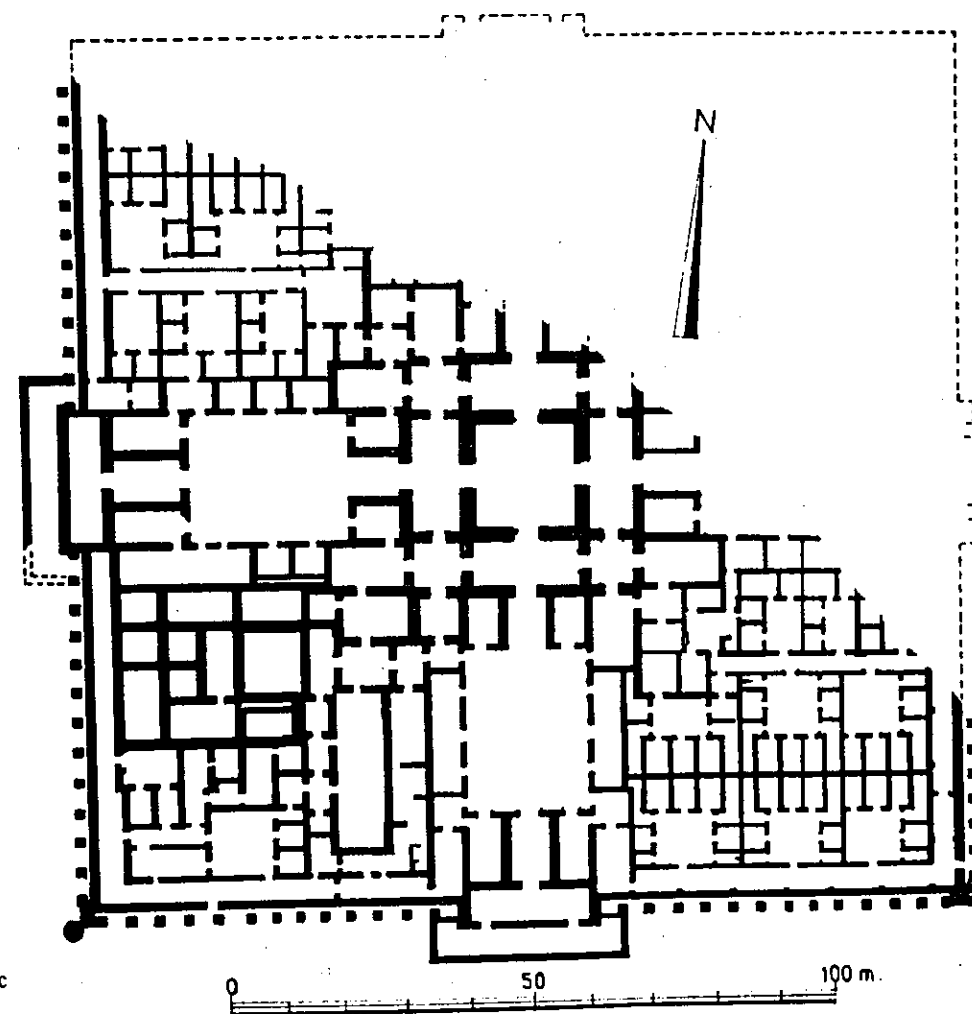
Общим принципом планировки — квадрат, рассеченный осевыми проходами на четыре «дома» — Кырк-Кыз более всего похож на Каср аль-Джисс, один из дворцов Самарры, отличающийся, впрочем, гораздо большими размерами

(140×140 м) и, соответственно, значительно более сложным устройством³⁷. Д. Хог рассматривает эту огромную постройку как увеселительный дворец-«люстшлосс» — и высказывает убедительное предположение, что в ней «... вновь воскрес знаменитый дворец Абу Муслима в Мерве»³⁸, иначе говоря — что Каср аль-Джисс был построен по образцу известного мервского «дома правления», построенного в середине 8 в. и описанного аль-Истахри. Это предположение подкрепляется несомненно очень сильным влиянием архитектуры Средней Азии и Хорасана на архитектуру раннего Аббасидского халифата.

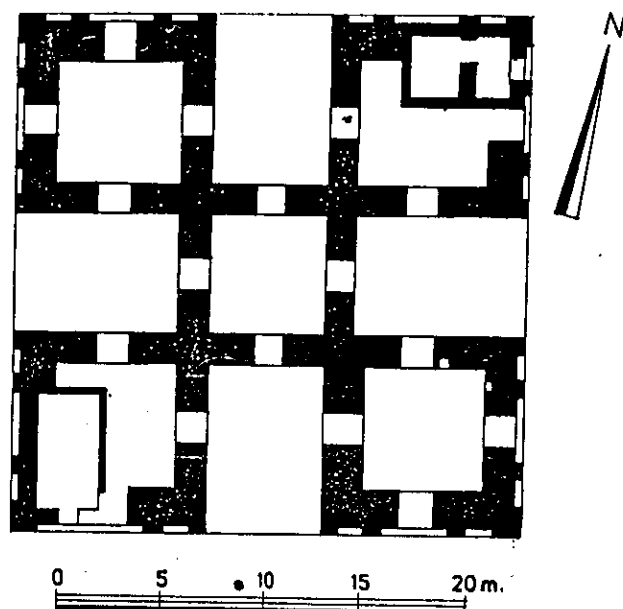
Центральный квадрат в Каср аль-Джисс, размером 17×17 м, окружен особенно толстыми стенами, — признак того, что он был, вероятно, перекрыт куполом, подобно центральному залу «дома правления». Можно предположить, что строители Кырк-Кыз следовали тому же прославленному образцу, и, возможно, были ближе к нему, чем строители дворца в Самарре, но непрочный материал — сырец — вынудил их оставить центральное пространство открытым сверху.

Подобно тому, как образ укрепленного доисламского замка-«кёшка» воплотился в празднич-

ном парковом павильоне (о чём свидетельствует, как будто, изображение на «берлинском» блоке), так и загородный дворец типа Кырк-Кыз претерпел модификацию в том же направлении: парковый павильон в газневидском дворцовом комплексе Лашкари Базар (11 в.) выглядит уменьшенным подобием Кырк-Кыз. В этом небольшом здании с его строго центричной организацией уже заключен, как будто, тот возвышенно-репрезентативный образ, который через 500 лет — в стилистически ином контексте — возродится в вилле Ротонда Андреа Палладио³⁹. Неформальная связь Кырк-Кыз с омейядской и раннеаббасидской архитектурой 8—9 вв. усматривается и в особенностях его конструкций. Здесь прежде всего нужно указать на омейядский замок Каср Харани (711 г.), сходство которого с Кырк-Кыз распространяется и на форму плана — квадратного, с угловыми круглыми башнями и небольшим квадратным двором.⁴⁰ Почти все помещения этого двухэтажного здания перекрыты арками с опирающимися на них поперечными сводами. Более того: торцевые части одного из залов замка оформлены полукуполами-конхами, нависающие боковые части которых опираются на трюмпы — так же, как

Дворец Каср аль-Джисс в Самарре. План.

Лашкари Базар. Центральный парковый павильон.
По Д. Шлумберже.

в Кырк-Кыз. Во внешней стене между тропами расположены три узких окна, а внутреннее пространство тропов ограничено, как в Кырк-Кыз, продолжением стен помещения, — такое заполнение троповых ниш в Средней Азии больше не встречается. В другом зале Каср Харани полукуполом на тропках (здесь они перспективно-ступенчатой формы) оформлена только одна торцевая сторона, примыкающая к наружной стене⁴¹.

Два больших зала Каср Харани, разделённые на два нефа тремя квадратными в сечении столбами, — ближайшая и едва ли не единственная аналогия приёмному залу в ЮВ «доме» Кырк-Кыз.

Двумя поперечными арками, между которыми перекинута своды, перекрыт главный зал омейядского замка Кусейр Амра (712—715 гг.). В замке-дворце Охейдир (около 778 г.) поперечными арками перекрыта галерея мечети, причём её два торца оформлены конхами с угловыми тропками и широкими осевыми полуарками, упорающимися в вершины соседних арок — здесь соединены два приёма, которые в Кырк-Кыз употреблены раздельно. Сводчатые перекрытия двух залов Охейдира основаны на поперечных арках; в одном из них два опирающиеся на арки сводика оформлены на торцах маленькими конхами, причём конхи одного из сводиков опираются на миниатюрные тропы перспективно-ступенчатого типа, в которых здесь не было необходимости: конхи соседнего сводика просто нависают над углами⁴². Наконец, торцевая стена входного зала-вестибюля в Охейдире прорезана тремя окнами, образующими ту же характерную трёхарочную группу, что и на торцах айванов-вестибюлей в Кырк-Кыз: два меньших арочных проёма симметрично по сторо-

нам большого среднего⁴³. Таким образом, совокупность конструктивных и композиционных приёмов связывает Кырк-Кыз с ранней архитектурой западного ислама и определяет тем самым вероятное время его строительства — 9 — начало 10 вв. Вместе с тем некоторые особенности его планировки — такие, как взаиморасположение комнат в каждом «доме» и комбинация осевых проходов с параллельными, лежащими по их сторонам коридорами (движение вглубь, к центру — и назад, в противоположном направлении) — неизвестны в арабской архитектуре и имеют, вероятно, местное происхождение. Настаивая на более поздней датировке (11—12 вв.) Кырк-Кыз, В. Воронина пишет, что его «сводчатые системы и арки... встречают близкую аналогию в руинах сырцовых построек Сеистана (Афганистан) предположительно 11—12 вв.»⁴⁴. Об аналогиях сводчатых системам Кырк-Кыз говорилось выше. Что касается арок, то здесь, очевидно, имеются в виду не сами арки, а своеобразные завершения заглублённых обрамлений некоторых из них — с уступчато-килевидными венчаниями и плавным сужением книзу. Эта форма находит, действительно, близкие параллели в руинах жилых зданий и дворцов Сеистана.

Исследователь средневековой архитектуры Сеистана М. Клинтон⁴⁵ датирует древнейшие постройки Сеистана началом 11 в. и справедливо сопоставляет их с дворцовым комплексом Лашкари Базар, чьи строительные композиционные и декоративные приёмы близки приёмам сеистанских зданий. Декоративные ниши, применявшиеся в Сеистане и Лашкари Базаре очень широко и разнообразно, имеют по большей части круглое или заострённое венчание, а сами ниши своим очертанием похожи на ложку. Но в Сеистане встречаются ниши той же формы, что и в Кырк-Кыз, — например, в Чигини (дома «б» и «ц»), Нишке (дом «ф»), Голе Сафед⁴⁶. Иногда они образуют такие же, как в Кырк-Кыз, трёхарочные группы на торцевых стенах айванов. В Сеистане и Лашкари Базаре были употребительны перекрытия в виде арок, соединённых поперечными сводиками⁴⁷, а в Лашкари Базаре небольшая комната перекрыта двумя арками, к которым с боков примыкают конхи, опирающиеся на перспективно-ступенчатые, прямоугольной формы тропы⁴⁸.

Все эти совпадения не играют решающей роли в определении времени строительства Кырк-Кыз, так как приёмы декора стеновых (фасадных в частности) поверхностей в обоих случаях — термезском и «афганском» — принципиально иные. В Лашкари Базаре и сеистанских дворцах Калаи Чигини и Голе Сафед арочные ниши этой причудливой формы собраны в длинные декоративные аркады, которые венчают фасады; они покрывают, в разных сочетаниях, архитектурные поверхности, придавая им сложный тектонический ритм и пластичность; они придают внешним поверхностям сырцовых стен масштабность и ритмическую структуру.

В Кырк-Кыз, наоборот, не было сделано попытки сообщить фасадам — при помощи декоративных членений — какой-либо ритм, масштабность или структурность. Строителей как будто не очень интересовало, как будет выглядеть здание снаружи: случайно расположенные небольшие окна, прорезающие толщу сырцовых стен, только подчёркивают их аморфную массу, которая выражена извне глухими, нерасчлещёнными плоскостями. Форма декоративных округло-уступчатых ниш здесь проще, их употребление ограничено несколькими вставками, а ниш «ложкообразной» формы вообще нет.

При общем сходстве используемых форм здесь налицо их разная трактовка и принципиально разное употребление: редкое и сдержанное в одном случае, — и обильное, изощрённое, едва ли не навязчивое, с «выпескиванием» на фасады, пилоны и другие архитектурные поверхности — в другом. Это, как будто, даёт основание видеть в Кырк-Кыз раннюю (может быть, начальную) стадию эволюции декоративного мотива, отмеченного В. Ворониной, и следовательно — признать его зданием более ранним, чем датируемые началом 11 в. постройки Сеистана и Лашкари Базар.

Существует гипотеза, согласно которой родной династии Саманидов было селение Шахри Саман вблизи Термеза⁴⁹. Если она верна, то есть основание признать здание, именуемое Кырк-Кыз, за загородный дворец этой династии, возведённый на месте её рождения и сознательно следующий (по понятным политическим и престижным причинам) некоторым образцам архитектуры Омейядского и Аббасидского халифатов.

Дворец Саманидов на Афрасиабе

Остатки дворца Саманидов в раннесредневековом Самарканде (Афрасиабе) были случайно обнаружены в 1911 г. — и не археологом, а местным искателем кладов, которого Л. Ремпель вежливо именует «раскопщиком»⁵⁰. Потом дворец раскапывали разные люди в разное время — в 1912, 1913, 1919, 1925, 1926—1927, 1928—1930 гг. и позже. Раскопки велись неорганизованно, полевые дневники не велись или терялись, отчёты не публиковались, архитектурные обмеры ограничивались — в лучшем случае — примитивными схемами в записной книжке. Хаотичные раскопки породили путаницу, множество неразрешимых вопросов, и погубили, сделали недоступными для научного исследования остатки дворца, вскрытые и снова — на этот раз окончательно — погибшие. Остаётся неясным, когда и кто раскапывал дворец, сколько помещений было открыто, каковы были их размеры и взаиморасположение⁵¹.

Единственное помещение дворца, о котором имеются некоторые сведения — так называемый зал № 1, тот самый, что был открыт в 1911 г. Он был украшен прекрасными панеля-

ми из резного ганча, хранящимися в музее Самарканда. Л. Ремпель, подробно рассматривая эти панели, касается попутно самого зала, его пропорций и плана. Следующее краткое, к сожалению, описание основано на публикации Л. Ремпеля⁵². Продолговатый зал, размером 6,29 × 13,44 м, был ориентирован длинной стороной в направлении Ю — С. В массивной западной стене имелось три входа — два у самых углов и один средний, слегка сдвинутый к северу с поперечной осью: этими входами зал сообщался с большим внутренним двором, лежащим к западу от него. Ещё два входа, прорезанные посередине северной и южной стен, вели в соседние несохранившиеся (или нераскопанные) помещения; восточная стена проёмов не имела.

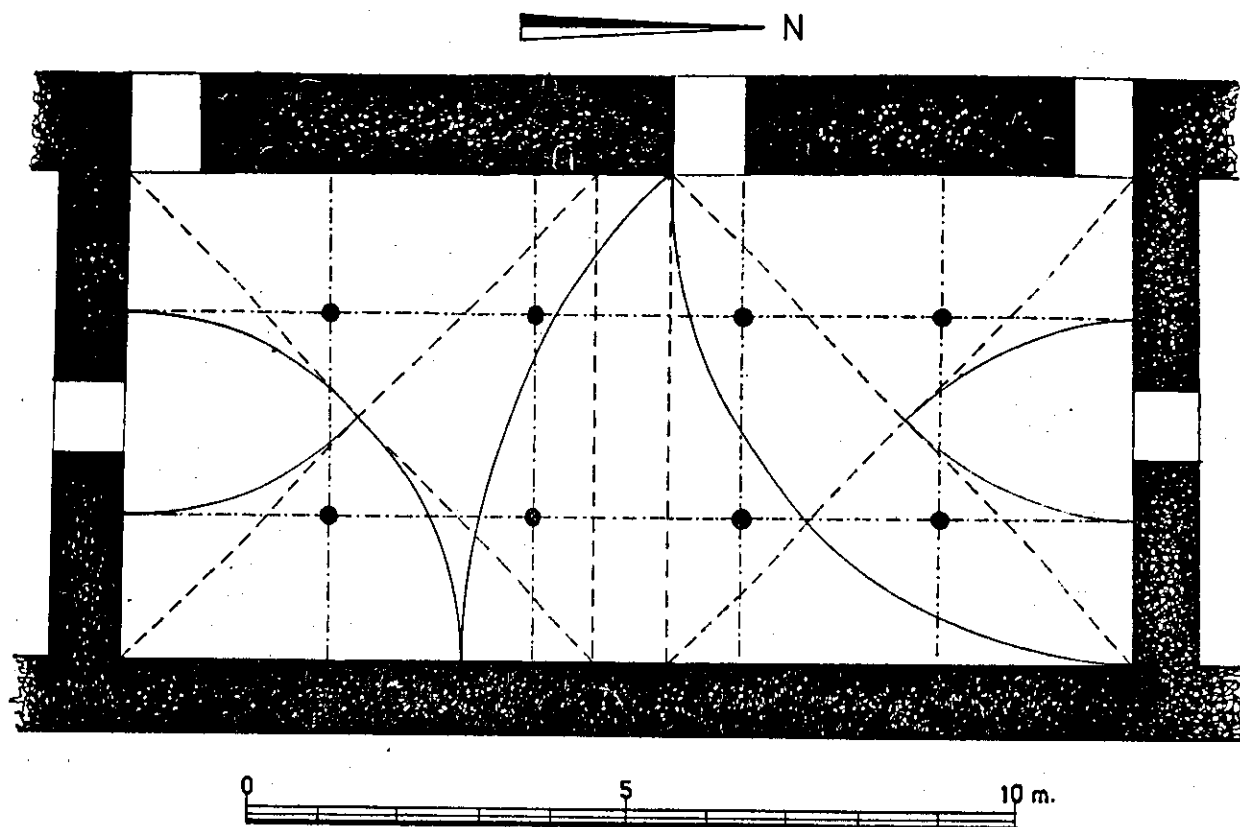
Все стены зала на высоту 105—112 см были украшены упомянутыми алебастровыми панелями, покрытыми великолепной орнаментальной резьбой геометрического и стилизованно-растительного характера. Выше панелей стены были гладкими (может быть, расписанными), под потолком их венчал резной ганчевый фриз. Предполагается, что над выходящими во двор дверными проёмами были, соответственно древней строительной традиции, расположены окна той же ширины, забранные алебастровыми решётками с цветными стёклами.

Пропорции зала не случайны: Л. Ремпель установил, что его длина есть функция ширины и равна трём полудиagonalям квадрата со стороной, равной ширине зала. При этом обнаруживается, что расположение средней двери в западной стене определяется противоположной стороной квадрата, основанного на северной стене как на его стороне, а промежуток между двумя «вписанными» в план квадратами — 95 см — равен толщине стен (кроме более толстой западной) и ширине дверей.

Ширина зала — 6,29 м — слишком велика и для сырцового свода, и для балочного перекрытия без промежуточных опор. Такими опорами должны были быть деревянные колонны, расположенные в определённом порядке и, скорее всего, в два ряда: один ряд здесь маловероятен, так как он совпал бы с лежащими на продольной оси проходами. Предположив, что средний проход между колоннами состоял из квадратных ячеек (как это обычно было при базиликальном трёхнефном устройстве помещения), легко рассчитать, что таких квадратов — максимум больших — должно было быть пять. Правильность реконструкции косвенно подтверждается тем, что сторона квадратной ячейки — 269 см — может быть найдена и путём откладывания на торцевых сторонах, из противоположных углов полудиagonalи квадрата со стороной, равной ширине зала. Выясняется также, что северный край средней западной двери совпадает с одной из поперечных пар предполагаемых колонн.

Реконструированный таким образом зал не похож на помещение представительного, репрезентантного назначения. Это была, вероятно,

Дворец на Афрасиабе. План зала 1. По Л. Ремпелю с коррективами.

обширная и богато украшенная «мехмонхона» — комната для приёма гостей, традиционная в народной архитектуре с древних времён и в этом качестве дожившая до наших дней. Таких или подобных гостиных во дворце Саманидов могло быть несколько.

Возможно, ещё одной «мехмонхой» был зал № 2, от которого не сохранилось ничего, кроме кусков резных алебастровых панелей и их фотографий. План этого помещения неизвестен, — даже стена, с которой были сняты остатки панелей, позже, по образному выражению Л. Ремпеля, «растаяла и исчезла»⁵³. Точно так же неизвестен план помещения, в котором была найдена ниша типа михраба (см. стр. 116).

Это здание с прекрасно украшенными помещениями, окончательно уничтоженное варварскими раскопками, твёрдо датируется 9 в. Вероятно, оно действительно было резиденцией Саманидов до переноса их столицы в Бухару, хотя прямых доказательств этому нет.

Представленный в этом разделе материал не только отрывочен и мал, но и недостаточно характерен для дворцовой архитектуры раннеисламской Средней Азии. Акыр-Таш и Кырк-Кыз хотя и демонстрируют некоторые местные приёмы и формы, всё же принадлежат

скорее ближневосточно-арабской архитектурной традиции; здание в Хульбуке — лишь фрагмент большого дворцового комплекса, другие части которого были более или менее основательно перестроены в 11 в.: отделить изначально сохранившееся от переделанного здесь практически невозможно. Ничтожно малые остатки дворца на Афрасиабе не дают даже приблизительного представления о его общем устройстве и облике.

Архитектура этих построек — в той мере, в какой она доступна анализу — лишена того главного отличительного признака дворцовых зданий Среднего (а позже и Ближнего) Востока, который определяется сочетанием двора или зала с тронным айваном на его продольной оси. Дворово-айванная система лежит в основе большинства дворцов сасанидского Ирана (Ктесифон, Касри Ширин, Фирузабад, Тахти Сулейман, Дамган и др.); с победой ислама она распространилась на западные земли Халифата (Дар аль-Имара в Куфе, Кусейр Амра, дворец в Аммане⁵⁴, Охейдир, Ускаф Банни Джунаид⁵⁵ и др.). Этот чисто иранский приём планировки употреблялся и в доисламской Средней Азии, и прежде всего в строительстве дворцов-резиденций⁵⁶. О его традиционности и даже каноничности здесь говорит поразительное сходство «ядра» дворцов в Пенджикенте и Бунджикате (Шахрис-тане), — в обоих случаях это продолговатые

тронные залы почти одинаковых размеров (около 18×12 м), одинаково ориентированные в направлении С — Ю, с квадратными в плане айванами-лоджиями на южной стороне. Представленная здесь дворово-айванная система в её «камерном» варианте (зал вместо открытого двора) продержалась в Средней Азии до 19 в., её последний образец — дворец Худояр-хана в Коканде (1870 г.). Построенный в 11 в. (если не раньше) дворец правителей Термеза с глубоким тронным залом-айваном, раскрытым во внутренний двор⁵⁷, продолжает доисламскую традицию, а рассказ испанского посла Клавихо о приёме во дворце Тимура в его родном городе Шахрисабзе позволяет думать, что представительным «ядром» этого огромного здания, от которого сохранились лишь руины портала, была дворово-айванная система, то есть приёмный двор с раскрытым в него тронным айваном. Очевидно, что эта древняя традиция не была прервана арабским завоеванием, — более того, сама завоевала арабские земли. Поэтому отсутствие дворово-айванных комплексов среди известных ныне раннеисламских дворцовых зданий Средней Азии — не более чем случайность, следствие пока ещё сохраняющейся ограниченности исследованного и опубликованного материала. Это подтверждается хотя бы ранними дворцово-айванными мечетями (типа мечети в Башане), в которых сохранён и воспроизведён главный признак композиции, но в ином архитектурном контексте: с заменой реального правителя, восседающего под сводом тронного айвана, невидимым Господом миров, персонифицированным в михрабе.

ЗАМКИ

«Золотым веком» раннесредневековых замков Средней Азии были 5—8 вв. — время политической раздробленности, дезурбанизации и установления феодального хозяйственного уклада. Мелкие владения этого времени были практически самостоятельны и, видимо, постоянно пребывали в состоянии боевой готовности: каждый правитель опасался нападения соседей и сам был не прочь захватить их владения. В этих условиях многочисленные замки аристократов-землевладельцев строились прежде всего с расчётом на оборону и безопасность: окружённый одинарными или двойными стенами (за которыми могли укрыться) и подчинённые владельцу-правителю крепости, построенный на естественной возвышенности и поднятый на высокий искусственный цоколь-стилобат со скошенными гранями, замок-«кэшк» возвышался над окрестными селениями и полями монолитным кубическим объёмом, слегка сужающимся кверху. Геометрию этих объёмов могли нарушать крытые деревянные балконы, тоже служившие целям обороны, венчающие арочные галереи и завершая в виде уступчатых зубцов. В некоторых местах было принято оформлять фасады полукруглыми или

угловатыми выступами-«гофрами». Замки обычно строились двухэтажными, причём жилые и приёмные помещения в этом случае располагались на верхнем этаже.

В работе, посвящённой предисламской архитектуре Средней Азии, я попытался дать обобщённую классификацию замков этой эпохи с точки зрения планировки⁵⁸. Было выделено 4 типа:

1. Каре единообразных помещений, окружающих внутренний двор.

2. Здание с центральным приёмным залом (квадратным и, возможно, купольным), окружённым более низкими помещениями.

3. Здание с центрической планировкой (более или менее симметричной относительно обеих осей), «ядром» которой служит небольшой купольный холл, соединяющий окружающие его помещения.

4. Здания с асимметрично расположенным (обычно в углу) прямоугольным приёмным залом, который с двух или, реже, с трёх сторон окружён широким коридорообразным кулуаром.

Первые 3 типа генетически связаны и демонстрируют этапы трансформации внутреннего двора сначала в приёмный зал, затем в распределительный холл-тамбур (об условности деления архитектуры Средней Азии на внешнюю и внутреннюю, о простоте превращения открытых пространств в закрытые — говорилось выше), четвёртый стоит особняком и, может быть, находится в связи с традиционным устройством городских жилищ и резиденций: ближайшие параллели ему обнаруживаются в жилых домах доисламского Пенджикента.

В 9—10 вв. создание государств Тахиридов и Саманидов на месте мозаики прежних мелких владений сводит на нет значение укрепленных рыцарских гнезд: рыцари-«дехкане» теряют независимость и идут служить правящей династии, феодальные междоусобицы прекращаются или, по крайней мере, ослабевают, и безопасность аристократа-землевладельца и его рода зависит теперь больше от состояния дел в государстве, чем от толщины стен и высоты его родового замка. Новую ситуацию сформулировал Исмаил Саманид, отменивший ремонты «длинной стены» вокруг Бухарского оазиса: «Пока я жив, я — стена Бухары».

Соответственно меняется и традиционный облик замка: сохраняя в своём внешнем виде признаки неприступного укрепления, замок в действительности всё более «разоружается». Высокий паховый стилобат с наклонёнными назад гранями хотя и сохраняется, но теперь это — не монолитная платформа, на которой стоит замок, а оболочка-футляр нижнего этажа с помещениями, доступными с уровня земли. Вход или входы в здание теперь прорезаются в этом псевдостилобате.

К пережиткам крепостной архитектуры относятся и щелевидные окна-бойницы, довольно часто встречающиеся в замках 9—10 вв., и, в некоторой мере, оформление фасадных стен

гофрами. Во внутреннем устройстве заметно предпочтение двусторонней симметрии, тяготеющей к типу 3 (хронологически и логически самому позднему), но средний купольный холл обычно сдвинут с геометрического центра по продольной оси. В общем можно заметить стремление к симметричной упорядоченности в расположении помещений, которой в доисламских замках этого типа ещё не было. Материалом по-прежнему остаются пахса и сырцовый кирпич, перекрытия — купольные и сводчатые «отрезками», форма сводов и арок стрельчатая. Характерным для этой группы зданий можно, пожалуй, считать контраст, часто очень заметный, между их рудиментарно крепостным внешним видом и внутренним устройством, в котором стремление к удобству сочетается с репрезентантной, но не схематизированной симметрией.

Замки округа Мерва

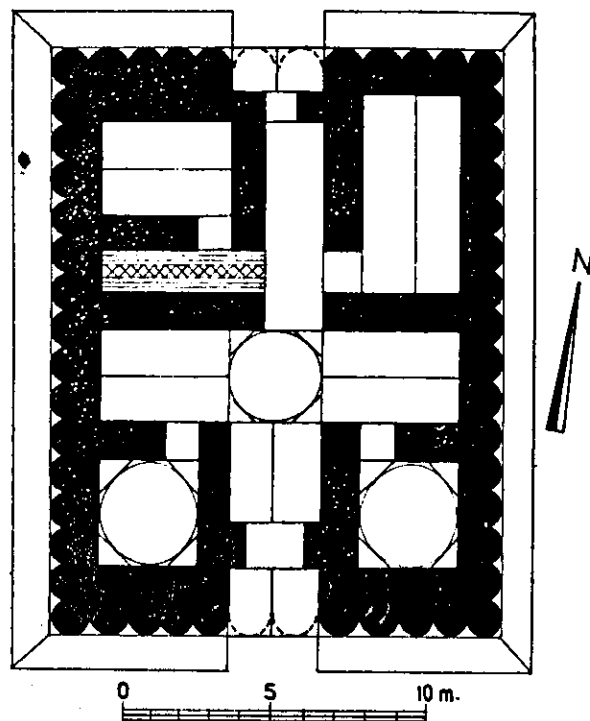
Эта группа построек, возведённых частично на городской территории Мерва и частично вокруг него, была исследована и опубликована Г. Пугаченковой⁵⁹, которая уверенно датирует их 9—10 вв., хотя основания этой датировки не сообщает. Такое основание, вероятно, было, и ничто в опубликованном материале как будто не противоречит предложенной датировке. Нужно заметить, что все эти здания, представляющие собой занесённые песком руины, не раскапывались и даже почти не расчищались, так что точность опубликованных чертежей вызывает некоторые сомнения: верные в основном, они всё-таки схематичны, и это, к сожалению, препятствует исследованию их пропорций и установлению «гязовой» сетки.

Все эти замки представляли собой главные здания городских и загородных усадеб. При достаточно различном внутреннем устройстве их внешний облик имеет характерные общие черты: стены нижнего этажа, имитирующие сплошной цоколь-стилобат, сужаются кверху за счёт резкого наклона внутрь их внешних поверхностей; стены верхнего этажа оформлены тесно сомкнутыми полукруглыми гофрами и тоже наклонены внутрь, но не так сильно.

Харам-кёшк

Судя по археологическим находкам, это здание, расположенное в 7 км к северу от Гяур-калы (древнего центра Мерва), было построено в 9 в. и существовало до 13 в. Первые сведения о нём, включая чертёж необычного перекрытия коридора, опубликованы В. Пилявским⁶⁰. Г. Пугаченкова отмечает остатки верхнего этажа и полузасыпанный нижний, который представлен на прилагаемом плане.

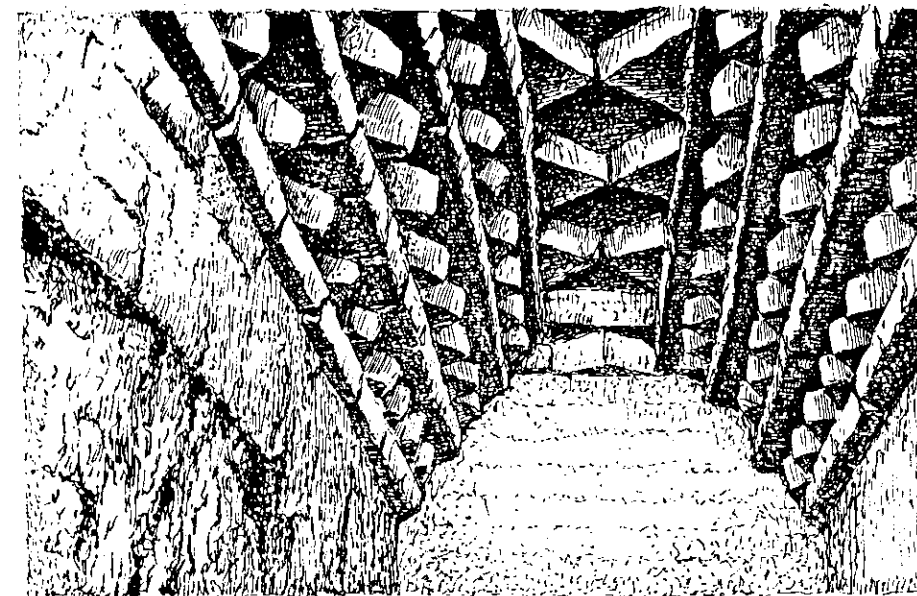
Компактное здание (19,10×15,20 м на уровне основания верхнего этажа) было построено из кирпича-сырца размером 32×32×7 см и

Харам-кёшк. План. По Г. Пугаченковой.

ориентировано с небольшим отклонением, по странам света. Две широкие ниши входов замыкают продольную ось, ориентированную в направлении Ю — С; главным входом, с более глубокой нишей, был южный. Здесь находился сводчатый, как и ниша, но более узкий дверной проём, на некоторой глубине за которым лежал квадратный купольный холл, небольшой (около 3 м в стороне), но поднимавшийся, видимо, на всю высоту здания. К этому холлу, сдвинутому от геометрического центра ближе к южному входу, со всех четырёх сторон примыкали глубокие сводчатые айваны (или, может быть, комнаты, соединённые с холлом входами). Проходы из боковых айванов ведут в одинаковые купольные комнаты, расположенные в ЮВ и ЮЗ углах по сторонам главного входа и лежащего за ним осевого айвана. Такое расположение помещений — центрально размещённый порталый вход, продолжающий его осевой айван той же ширины, что и порталый ниша, и два купольных зала, симметрично лежащих по их сторонам — аналогично устройству входной части «классического» среднеазиатского медресе, и это, очевидно, еще раз указывает на то, что по крайней мере, один из прототипов архитектуры медресе следует искать в области жилой архитектуры.

Северная ветвь креста айванов, открытых в холл, представляет собой коридор, более узкий, чем другие айваны, и за этот счёт несколько сбитый с продольной оси. Дверной проём соединяет его с нишей северного входа, два других проёма соединяют этот коридор с двумя сводча-

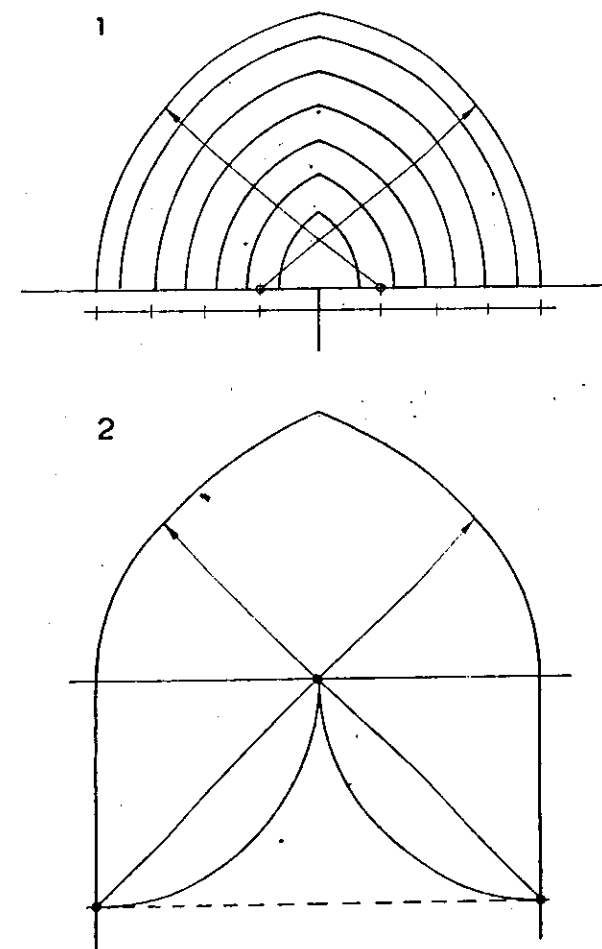
Харам-кёшк. Свод коридора.

тыми помещениями, несимметрично расположенными по его сторонам: восточное помещение параллельно коридору, западное — перпендикулярно. Вход в западную комнату ведёт через поперечный тупиковый коридор, всей своей шириной — 120 см — раскрытый в северный осевой коридор-айван. Причина такого устройства непонятна, тем более, что вход в комнату лежит у начала коридора, так что его большая часть представляет собой упёртый во внешнюю стену тупик.

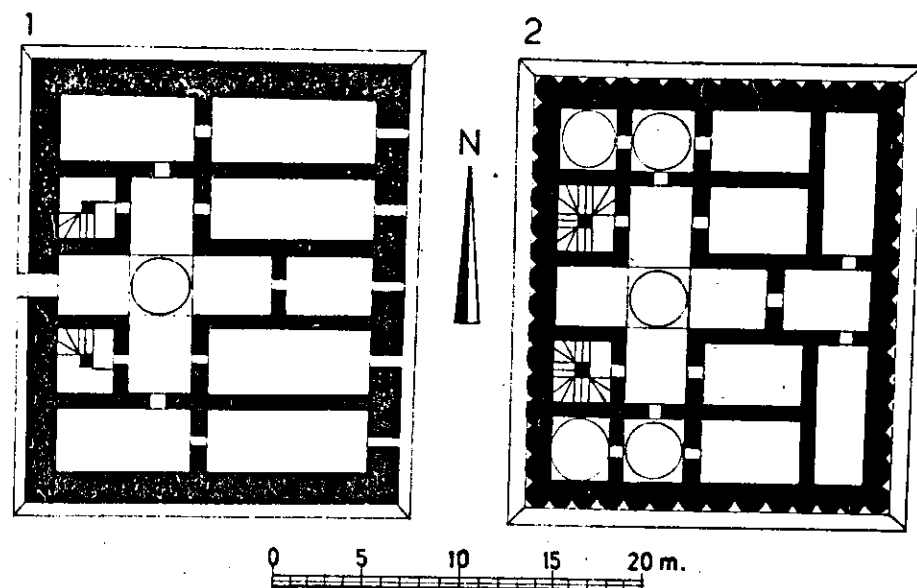
Замечательная особенность этого коридора — его перекрытие, описанное на стр. 43 и представляющее собой изысканную модификацию ложного свода — конструкции, которая образована выступающими внутрь и нависающими один над другим рядами кирпичей. В этом случае, как говорилось, обычные прямоугольные ряды чередуются с рядами, в которых кирпичи уложены диагонально, углом вперёд, а кирпичи верхнего ряда, соприкасаясь углами, образуют на узкой плоской поверхности свода цепочку заглублённых квадратных кессонов. Эта необыкновенно эффектная пластическая система с чёткой тектоникой несущих и несомых частей остаётся загадкой и из-за её непонятного расположения, и потому, что при жизни замка она почти всегда оставалась во тьме.

Прочие своды Харам-кёшка сложены «отрезками», купола опираются на перспективно-ступенчатые тромпы той же двухцентровой формы, что тромпы мавзолеев Саманидов (по М. Булатову) и Ходжа Машад: ширина тромпа разделена на 8 равных частей, центры построения — на краях двух средних частей.

В арке главного входа, по наблюдению Г. Пугаченковой, использовано построение из трёх центров: один лежит на пересечении вертикальной оси и горизонтального основания арки, два других — на половину пролёта арки ниже её

Харам-кёшк. Построение арок: 1 — тромпа, 2 — входа. По Г. Пугаченковой.

Замок Акуйли-кошук.
Планы: 1—1 этаж, 2—2 этаж. По Г. Пугаченковой.

основания, на боковых сторонах арочного проёма. Этот простой в исполнении способ широко употреблялся и в более позднее время.

По признакам планировки Харам-кёшк относится к замкам 3-го типа.

Акуйли-кошук

Это крупное ($22,5 \times 20$ м) здание было центром небольшого селения, существовавшего в 9—10 вв. в 2 км южнее городища Дурнали. Его нижний этаж сохранился сравнительно хорошо, верхний более разрушен, но и его устройство можно понять. Замок построен из кирпича-сырца того же размера, что и Харам-кёшк — $32 \times 32 \times 6,5$ —7 см; его планировку, очень схожую в обоих этажах, отличает строгая симметрия относительно поперечной оси, на которой — посредине западного фасада — лежит единственный вход.

Центр здания, сдвинутый по оси к входной западной стороне, представляет собой крестообразное пространство, средняя квадратная часть которого была перекрыта куполом, а ветви креста — сводами «отрезками». Этот эффектный вестибюль высотой в два этажа аналогичен центральному холлу Харам-кёшка, — с той разницей, что здесь все четыре сводчатых айвана равны между собой, ширина их всех равна стороне среднего купольного ядра, и они, без сомнения, были открыты в это ядро всей своей шириной, образуя с ним единое пространство.

Собственно говоря, холл Акуйли-кошук — вариант широко распространённого в монументальной архитектуре Среднего Востока купольного зала с четырьмя осевыми нишами. Его особенность в том, что ширина ниш здесь равна стороне зала, и что их глубина заметно больше ширины.

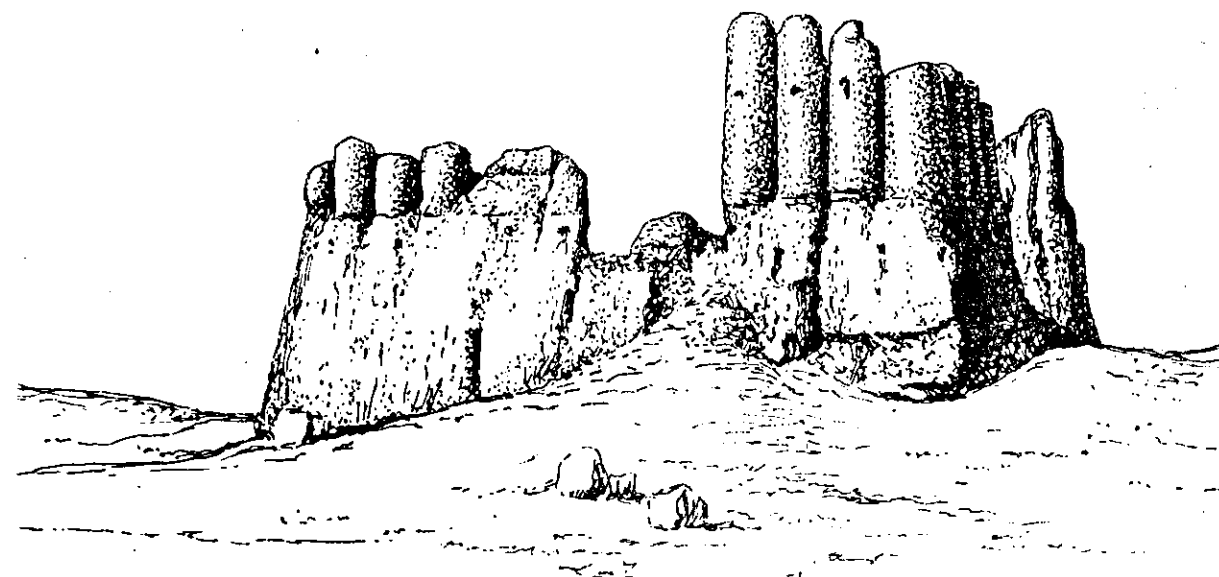
В двух квадратных шахтах между боковыми ветвями креста и западной фасадной стеной находились лестницы, выходящие вокруг квадратных в сечении столбов. Симметричное располо-

жение лестниц и их как будто чрезмерное количество (в доисламских замках, даже очень крупных, связь между этажами в виде лестницы или пандуса всегда единична) указывают на изменение их роли в структуре здания: теперь лестница — не утилитарная деталь, скромно спрятанная в дальнем углу, как это было прежде, а важный элемент композиции, подчёркивающий и усиливающий впечатление её парадной симметрии.

Прочие помещения нижнего этажа, строго симметричные относительно оси входа, имеют удлинённые пропорции и перекрыты сводами «отрезками» со слегка стрельчатым очертанием. Судя по форме, их основное назначение было хозяйственным. Пять комнат, примыкающие торцами к восточной фасадной стене, освещались с этой стороны окнами. Так как ширина этих комнат одинакова — около 3,2 м — то и окна расположены на соответственно равном расстоянии одно от другого, а не беспорядочно, как на фасадах Кырк-Кыз, и этому «шагу» подчинено расположение полукруглых гофров верхнего этажа: в промежутках между окнами размещены по три гофра, а между окнами и углами — по два.

План верхнего этажа в общих чертах повторяет план нижнего, но комнаты здесь меньшего размера и более «жилых» пропорций. Дополнительные внутренние стены превратили продолговатые помещения у СЗ и ЮЗ углов в двоянные купольные комнаты, а от обращённых на восток спаренных комнат «отрезали» их восточные части, превратив их в отдельные, поперечно расположенные помещения.

Тромпы подкупольных октагонов Акуйли-кошук — перспективно-ступенчатые, состоящие из четырёх, вставленных одна в другую арочек, но не стрельчатые (как можно было ожидать по аналогии с формой сводов), а эллиптической формы, характерной для арок и сводов доисламского времени. Окна нижнего этажа были

Замок Сулу-кошук. Современное состояние. По Г. Пугаченковой.

снаружи вдвое выше и уже, чем внутри, причём верхняя наклонная перемычка проёмов состояла из мелких уступов. Расширение оконных проёмов внутрь и их наклон внутрь и вниз — обычный приём средневековой архитектуры на Востоке и Западе, способствующий лучшему освещению помещений.

Внутреннее устройство этого мастерски построенного здания характерно совершенством композиции, в которой репрезентативная симметрия сочетается с удобством, а в традиционном внешнем облике выделялся главный фасад, — с центральным проёмом входа и куполами, возвышавшимися над углами и в глубине за входом — композиция, свойственная архитектуре европейского классицизма.

Сулу-кошук

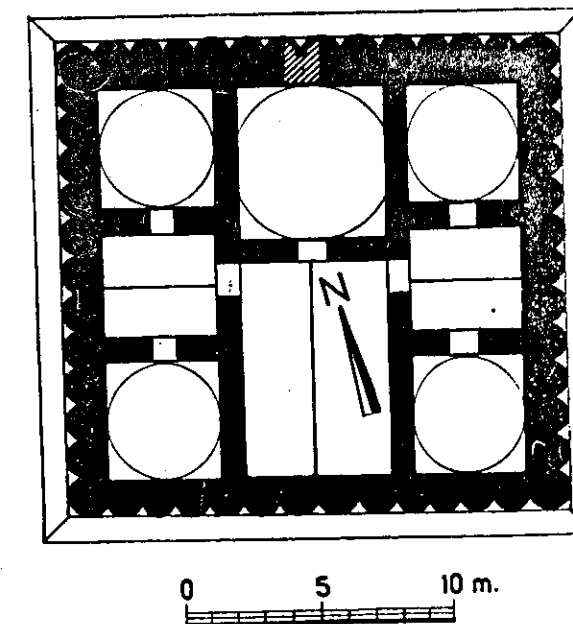
Именуемое так здание расположено на восточном краю городища Дешиклы-кала, которое в 9—10 вв. представляло собой селение с примыкавшим к нему с запада укреплённым рабатом.

Двухэтажный замок, почти квадратный в плане ($18 \times 19,5$ м), ориентирован с небольшим отклонением по странам света. Единственный вход в недоступный ныне нижний этаж находился, видимо, посредине северного фасада. В кладке внешних стен чередуются слои пахсы высотой 98 см и тройные ряды кирпича-сырца размером $30 \times 30 \times 6$ см. Внутренние стены сложены целиком из этого кирпича, своды возведены из кирпича-сырца продолговатой формы размером $40 \times 29 \times 7$ см. В конструктивно важных местах (над сводами нижнего этажа и в основании гофров, оформляющих фасады верхнего этажа) толщу сырцовой кладки прослаивают ряды жженого кирпича размером $29 \times 29 \times 5$ —5,5 см.

В плане Сулу-кошук, как и в предыдущем случае, господствует двухсторонняя симметрия относительно оси С—Ю, на которой лежал

центрально расположенный вход. Прямо за входом на этой оси расположен квадратный вестибюль (сторона 5,25 м), перекрытый куполом на тромпах. Отсюда вход ведет в большой сводчатый зал той же ширины, но большей длины — 8 м. Эти два помещения занимали всю среднюю, осевую часть замка и поднимались на всю его высоту, то есть на два этажа, а высоко поднятый купол вестибюля должен был эффектно венчать главный, входной фасад здания.

В отличие от Акуйли-кошук здесь не видно внутренних лестниц, и способ связи между обоими этажами остаётся непонятным. Помеще-

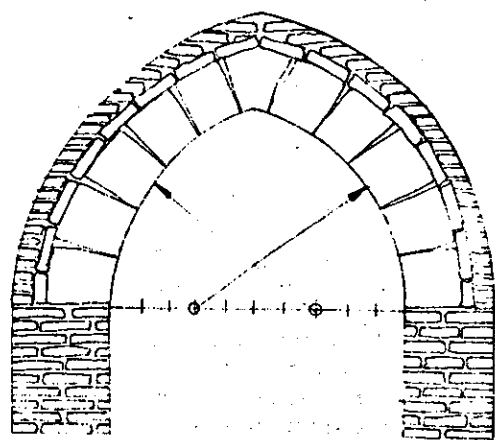
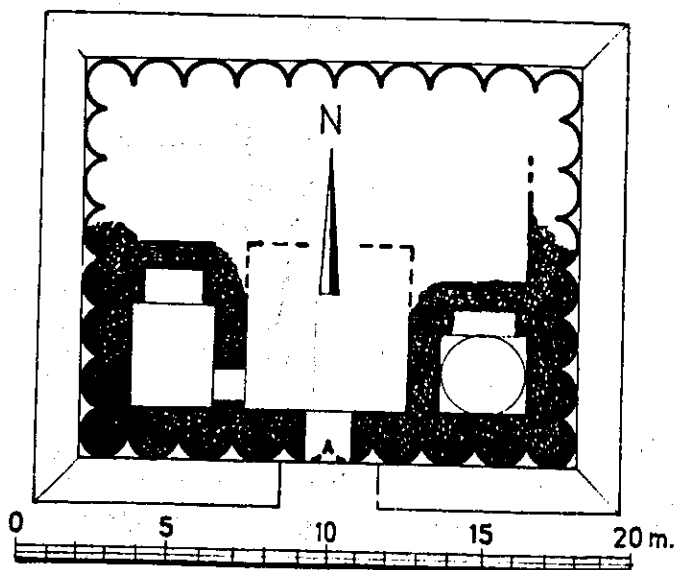
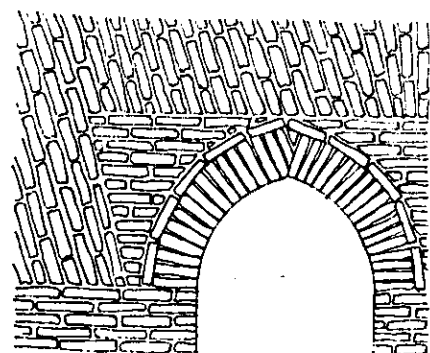
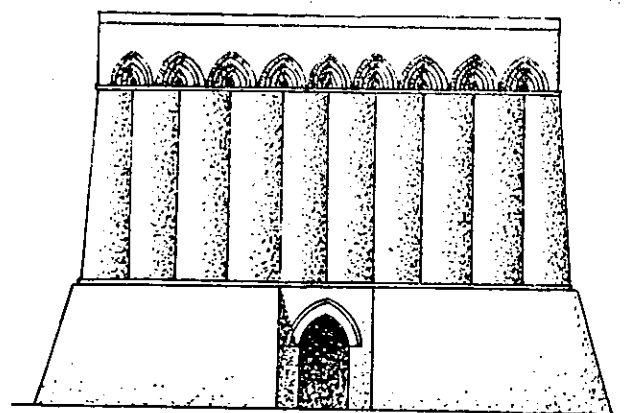
Замок Сулу-кошук. План. По Г. Пугаченковой.

ния верхнего (доступного для исследований) этажа образуют две симметричные группы по сторонам среднего двухэтажного ядра: каждая группа состоит из двух угловых комнат, квадратных и перекрытых куполами, и средней комнаты, перекрытой, как и большое центральное помещение, сводом «отрезками». Комнаты каждой группы анфиладно соединены дверями, лежащими на их общей продольной оси — приём, редкий в средневековой архитектуре Средней Азии, в которой старались избегать сквозного прохода через несколько комнат. Неясно, куда ведут выходы из средних комнат в сторону большого центрального помещения, показанные на опубликованном плане: пол этого помещения должен был быть на несколько метров глубже. И здесь заслуживает внимания мастерская организация плана, в котором общая двусторонняя симметрия сочетается с симметрией двух боковых групп: благодаря этому образуется поперечная ось симметрии, как бы разорванная главной осью и вместе с ней создающая гармоническое равновесие всех элементов плана.

Замок к востоку от Гяур-калы

Руины этого здания расположены примерно в 1 км от восточной стены Гяур-калы, у текущего с юга на север старого канала Асада аль-Хорасани. Его размеры — 19×16 м, ориентация — обычная для жилых построек этого региона — по странам света, единственный вход — посредине южной стороны. Нижний этаж двухэтажного замка был традиционно оформлен как расширяющаяся книзу 4-метровой высоты платформа, верхний — как сплошной ряд сомкнутых и слегка наклонённых назад полукруглых гофров. Г. Пугаченкова считает, что в замке было 10—12 помещений; из них доступными оказались лишь два, лежащие по сторонам от входа: продолговатое и сводчатое юго-западное, с широкой «тронной» нишей на северной стороне, и квадратное ($2,7 \times 2,7$ м) купольное юго-восточное. Опубликованные описание и план (воспроизведенный здесь) не разъясняют, как проникали в эту комнату, — может быть, с северной стороны через нишу, изображённую пунктиром. Можно предположить, что вход, как

Замок восточнее Гяур-калы. План, реконструкция фасада, своды и арки. По Г. Пугаченковой.

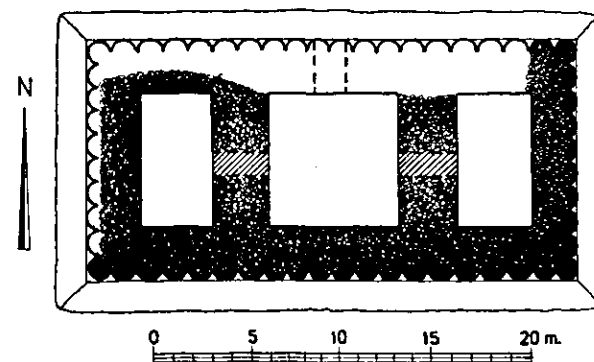
и в Сулу-кошук, вел здесь в квадратный вестибюль, увенчанный куполом пролётом около 5,5 м. В этом случае купол должен был эффективно возвышаться над центрально расположенным входом, подчёркивая торжественную симметрию фасада⁶¹.

Сырцовый свод ЮЗ помещения сложен «отрезками» с наклоном рядов около 25° . На внешнюю поверхность свода положен слой кирпичей, уложенных плашмя, которые образуют вторую наружную часть сводчатой оболочки. Геометрический анализ показывает, что стрельчатая кривая свода строилась из двух центров: для этого пролёт свода делился на 10 равных частей, и центры дуг располагались в точках, деливших пролёт в отношении 3:7. Этот же способ был использован при определении формы арочных окон в мечети Ибн Тулуна в Каире⁶².

Арка входа в ЮЗ помещение сложена клинчатой кладкой. Поверх этой конструктивной перемычки уложен ряд кирпичей плашмя, отделяющий арку от кладки стены, — приём, уже известный нам на примере мавзолея Ходжа Булхак в селении Чорку, где обрамление клинчатой арки выдвинуто относительно её фасадной плоскости и представляет собой рельефный архивольт. Этот приём упрощал смыкание кладки арки и окружающей её стены, и в то же время делал отчётливым внешний контур арки, выделяя его конструктивно и художественно.

Замок к югу от Гяур-калы⁶³

Построенное из кирпича-сырца обычного местного размера ($32 \times 32 \times 7$ см) с прокладками (в уровне верха сводов нижнего этажа) жженого кирпича размером $29 \times 29 \times 4$ см, это здание имеет размеры $26 \times 12,8$ м, то есть практически представляет собой в плане два квадрата. Очень разрушенное, оно состояло всего из трёх помещений в каждом из двух этажей; связь между этажами, как и между помещениями, осталась невыясненной. Комнаты располагались симметрично относительно поперечной оси: по сторонам две продолговатые и сводчатые, посредине — большая квадратная со сторонами, равными длине боковых комнат, — 7 м. Г. Пугаченкова предполагает в среднем помещении ку-

Замок южнее Гяур-калы. План. По Г. Пугаченковой.

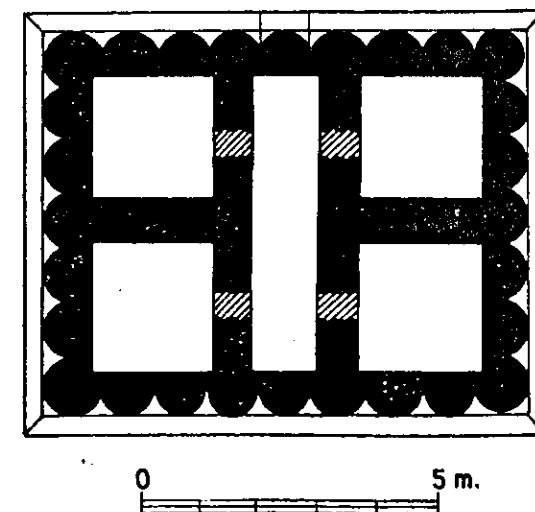
польное перекрытие, что при таких размерах и материале (сырцовый кирпич) вряд ли было возможно. Вход в здание был, как будто, посредине северного фасада, по направлению к городскому центру.

Г. Пугаченкова думает, что эти плохо сохранившиеся, поверхностно обследованные и обмеренные руины — остатки известного в исторической литературе замка Насра ибн Сайяра, построенного в 8 в. на канале Маджан в рабаде Мерва. В любом случае это не может быть весь замок, а только часть его, — может быть, постройка, предназначенная для праздничных приёмов, но традиционно сохраняющая «замковый» облик.

Жилая башня на Мунон-тепе

Большинство раннеисламских замков Мервского оазиса — не такие крупные, как описанные выше здания. Эти сравнительно небольшие сооружения входили в состав сельских или городских усадеб и, окруженные другими жилыми и хозяйственными постройками, играли роль жилых башен — «дингов», что соответствует понятию «донжон» в западноевропейской замковой архитектуре.

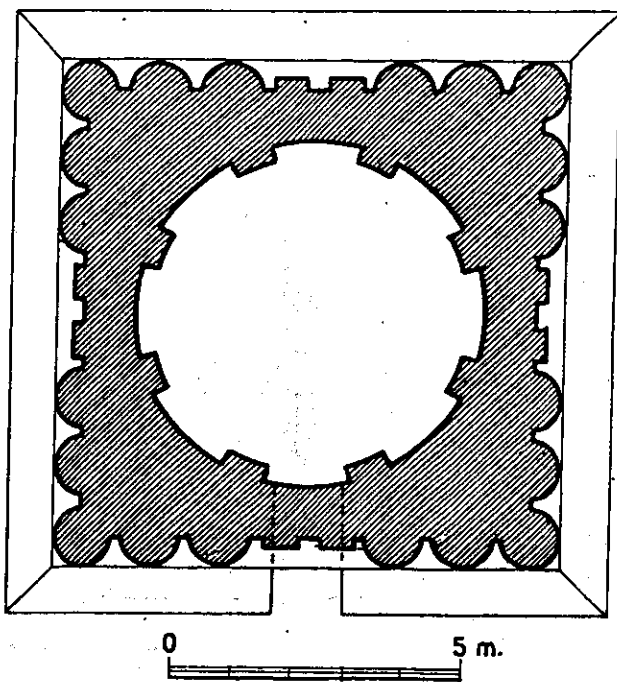
В 9—10 вв. нужда в таких жилищах-убежищах отпала или заметно уменьшилась, но их продолжали строить по традиции. Включающие в себя от 2 до 5 комнат, эти небольшие здания едва ли могли выполнять роль «парадных строений для приёма гостей», как считает Г. Пугаченкова⁶⁴: для этого их помещения были слишком малы и разобщены. Более вероятно, что «динги» с их толстыми стенами и небольшими комнатами использовались как жильё в зимнее время. Несколько усадеб с жилыми башнями сохранилось на городище Мунон-тепе, существовавшем в 8—10 вв.

Жилая башня на городище Мунон-тепе. План. По Г. Пугаченковой.

Жилая башня, выстроенная в углу одной из этих усадеб, имеет размеры $8,2 \times 6,4$ м⁶⁵. У неё традиционный, а для этой области, пожалуй, даже стандартный облик: нижний этаж в виде сужающегося кверху цоколя и верхний, оформленный сплошной чередой полуцилиндров-гофров. Башня построена из кирпича-сырца размером $32 \times 32 \times 7,5$ —8 см и включает в верхнем этаже (нижний был недоступен) 4 угловых камеры, квадратные и перекрытые куполами, со сторонами длиной немногим более 2 м. На поперечной оси здания лежит узкий коридор, разделивший его на две симметричные части, с двумя камерами в каждой; можно предположить, что входы в камеры вели из коридора, и что вход в здание был расположен посередине одного из длинных фасадов. Внутренней лестницы в здании нет, и способ сообщения между этажами остаётся здесь, как в большинстве случаев, неясным. Руины ещё нескольких гофрированных башен подобного типа высятся на засыпанном песком городище Мунон-тепе. Необычный вариант донжона — «динга» демонстрирует гофрированная башня на городище Дурнали⁶⁶. Она была частью большой усадьбы с внутренним двором, восточная и южная стороны которого представляли собой обширные постройки размером 30×37 и 46×9 м; ЮВ угол двора, где эти две постройки смыкались, и был отмечен двухэтажной гофрированной башней традиционного облика, но непонятного назначения и с необычным внутренним устройством.

Башня, построенная из кирпича-сырца размером $32 \times 32 \times 6$ см, квадратна в плане, с длиной стороны около 9 м. Внутри её — круглое поме-

Жилая башня на городище Дурнали. План. По Г. Пугаченковой.

щение диаметром 5,5 м, с восемью нишами на поперечных и диагональных осях, перекрытое куполом почти круглой, лишь слегка заострённой формы. Полузасыпанный вход в это помещение расположен с южной стороны. Его стрельчатая арка, как и арки внутренних ниш, сложена клинчатой кладкой и покрыта рядом плоско уложенных кирпичей, как в кёшке к востоку от Гяур-калы. Плохо сохранившееся помещение верхнего этажа имело, как будто, такое же устройство, и попасть в него можно было бы с крыши соседних одноэтажных зданий, если бы на этом уровне имелся входной проём.

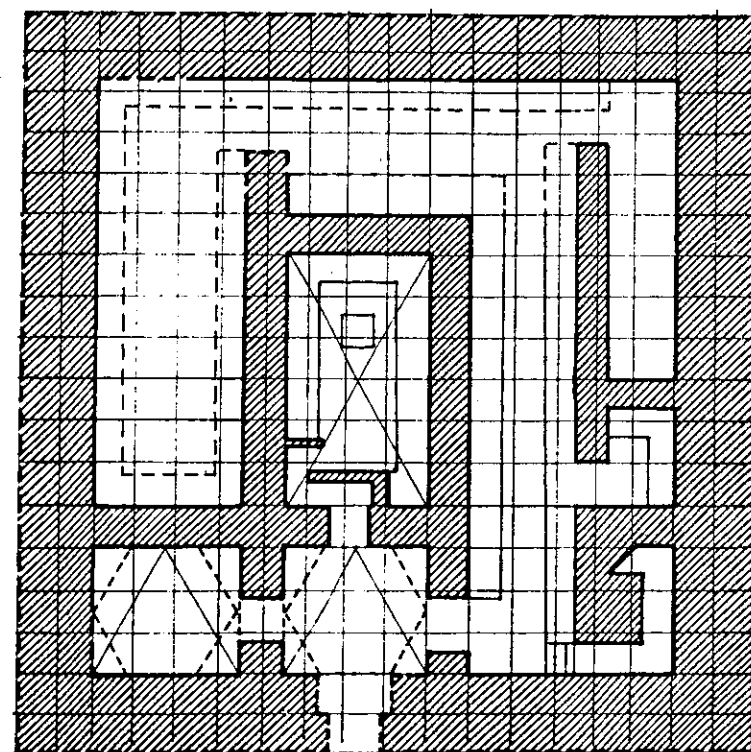
Нижний этаж башни имеет традиционную форму усеченной четырёхгранной пирамиды, верхний оформлен гофрами, но с любопытным отступлением от правил: два средних полуцилиндра на каждой стороне заменены плоскими прямоугольными пилястрами с расширенным промежутком между ними. Фланкированные полуцилиндрами (по три на каждой стороне), эти пилястры акцентируют вертикальные оси здания и подчёркивают его башенный, «высотный» характер.

Назначение башни загадочно. Она не могла быть жилищем даже в течение короткого зимнего времени, хотя была построена как уменьшенная модель традиционного укрепленного жилища. Замечание Г. Пугаченковой о том, что это — пережиточная форма раннефеодального донжона, безусловно справедливо, но оно, к сожалению, не объясняет, почему этот пережиток появился в данном конкретном случае. Угловое расположение башни в застройке усадьбы и её собственная форма позволяют, как будто, видеть в ней здание сторожевого назначения, сочетание сторожевой вышки с «кордегардией» в нижнем этаже.

В замках Мервского оазиса стандартность внешнего облика сочетается с разнообразием внутреннего устройства. При определённой общности самой планировочной идеи её индивидуальная разработка так оригинальна, даёт такое число неповторяемых вариантов, какого не было в архитектуре доисламской эпохи. Всё же можно различить некоторые почти обязательные правила внутренней организации этих монументальных жилищ, сказывавшиеся и на их внешнем виде.

Центром такого жилого дома был купольный зал, равный по высоте обоим этажам; его окружали жилые и хозяйственные помещения, сгруппированные, как правило, по двум перпендикулярным осям. Купол центрального зала поднимался над плоской кровлей дома, венчая его компактный объём, слегка сужающийся (благодаря наклону внешних стен) кверху.

Нередко купольный зал сдвинут с геометрического центра плана, иногда он расширен глубокими нишами, которые придают ядру плана крестообразную форму. Относительно симметричная группировка комнат вокруг центрального ядра влечет за собой появление в углах плана квадратных купольных помещений, — в идеаль-

Замок Бад-асия. План (по В. Нильсену) и его геометрический анализ.

ном варианте они должны были образовывать четырёхкупольное окружение центрального купольного ядра, характерное «птиглавие», воплощённое в мечети Деггарон и мавзолее Саманидов. Практически же малые купола либо фланкировали вход (Харам-кёшк), либо располагались попарно на углах главного фасада (Акуйли-кошук), либо, действительно, венчали все четыре угла, но центральный купол был при этом сдвинут вглубь (Сулу-кошук), или вообще отсутствовали (жилая башня на Мунон-тепе).

Замок Бад-асия

Остатки замка 8—9 вв., известные под этим именем, были раскопаны в окрестностях Пайкенда⁶⁷. От двухэтажного, квадратного в плане здания сохранился нижний этаж, устройство которого позволяет отнести Бад-асия к замкам 4-го типа. Здесь, почти в геометрическом центре плана, расположен продолговатый приёмный зал размером около 7×4 м с характерными и часто встречавшимися пропорциями — $1 : \sqrt{3}$. Находящийся на южной стороне вход в зал был оборудован коленчатым тамбуром, исключавшим прямой проход: входящий должен был свернуть сперва влево, затем вправо, и только после этого попадал в зал, где по трём сторонам вдоль стен тянулись суфы и в глубине, перед северной суфой, возвышался квадратный алтарь.

Вход в зал в виде коленчатого тамбура характерен для архитектуры доисламских замков Средней Азии (он способствовал ценной здесь изоляции помещений и маскировал изнутри выход из зала), а алтарь прямо перед местом хозяина замка — свидетельство того, что хозяин и духовно не порвал с традициями «языческого» прошлого, всё ещё верен религии предков. Этим традициям следует и общая планировка здания. С двух сторон к залу примыкает обширный кулуар, с третьей стороны — большое помещение той же 4-метровой ширины, что и зал, но значительно более длинное. Повсюду вдоль стен тянутся суфы. Входная группа помещений состоит из вестибюля и соседней с ним комнаты тех же размеров и пропорций, уже тоже встречавшихся — $1 : \frac{\sqrt{3}}{2}$ или $1 : 0,866$.

Эти пропорции не случайны, и есть основание предположить, что перекрытия обеих комнат представляли собой деревянные брусчатые купола — «рузан» шестиугольной формы. Существование таких перекрытий в доисламской архитектуре Средней Азии мне, как я надеюсь, удалось доказать⁶⁸. Справа от вестибюля, за начинающимся здесь «Г»-образным кулуаром лежит вход на лестницу, которая спирально обвивалась вокруг прямоугольного столба, — приём, тоже характерный для замков доисламской эпохи. Ещё двумя комнатами одинаковой 2-метровой ширины, лежащими за лестницей на восточной

стороне — маленькой, с угловой суфой, и коридорообразной (вероятно, хозяйственной) — завершается число помещений сохранившегося нижнего этажа. Фасадные поверхности стен замка не сохранились, и первоначальная толщина их неизвестна. Но внутреннее пространство здания довольно точно вписывается в квадратную метрическую сетку с ячейками размером 113 см — это близко размеру «шахского гяза» (110—111 см), употреблявшегося в Средней Азии еще в доисламское время⁶⁹.

Внутренняя ширина здания равна 14 единицам, толщина большинства внутренних стен — 1 единице, длина и ширина зала — соответственно 6 и 3,5 единицам. Длина и ширина вестибюля и соседнего с ним помещения составляют 3,5 и 3 единицы. Совпадение «гязовой» сетки с основными членениями плана в пределах вестибюльной группы и приёмного зала позволяет думать, что некоторые несовпадения (например, внутренняя длина плана) вызваны, может быть, неточностью опубликованного обмерного чертежа.

Построенный на раннем этапе исламизации Средней Азии, замок Бад-асия принадлежит прошлой, уходящей эпохе: его ближайшие аналоги — замки Балалык-тепе (второй период) и Джумалак-тепе, постройки 6—7 вв.⁷⁰ Так же, как в этих зданиях, большинство (если не все) помещений Бад-асия имели деревянные балочные перекрытия, — в отличие от замков Мервского региона, где господствовали своды и купола. О его внешнем облике судить, к сожалению, нет возможности. В организации плана замка обращает на себя внимание гармоничное сочетание вестибюля и приёмного зала, лежащих на общей оси со входом: замкнутые в общий прямоугольник стен, оба эти помещения связаны осевым проходом и составили бы анфиладную группу (как комнаты вестибюльной группы, параллельные входному фасаду), если бы не искусственное замыкание входа в зал с помощью тамбурной стенки.

Помещения Бад-асия были украшены росписями с орнаментальными мотивами. В. Нильсен считает, что они выполнены небрежно и неуверенно, без былого изящества и мастерства. Сохранившиеся фрагменты этих росписей не были опубликованы.

Замок Кальтепа

Остатки этого замка 9 в., господствовавшего над одноимённым селением в среднем течении реки Сурхандарья, покрыты сейчас водами Южносурханского водохранилища⁷¹. Здание было, видимо, одноэтажным (следов лестницы здесь нет) и построено из блоков пахсы невысокого качества, плохо утрамбованной и с пустотами внутри.

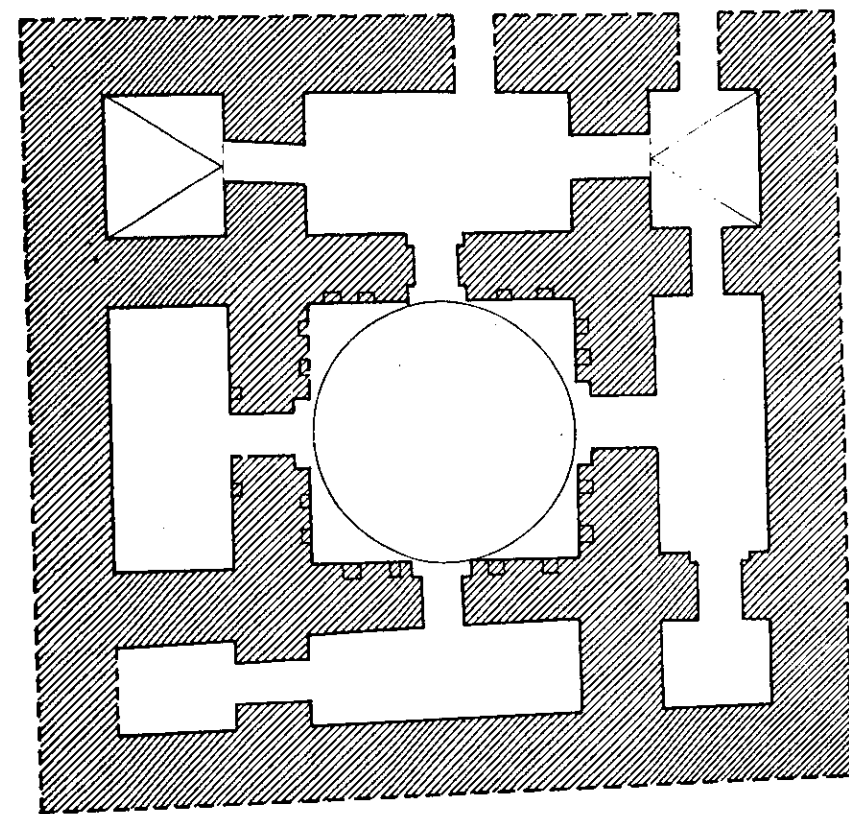
По принципу планировки Кальтепа относится к замкам 2-го типа, то есть к таким замкам с многосторонне симметричной планировкой, в

центре которых находится квадратный приёмный зал, а по его сторонам — симметричные группы жилых и подсобных помещений. Средний квадратный зал Кальтепа имел размеры около 7×7 м и был, вероятно, увенчан куполом, — для сырцовых куполов это близко к рекорду. Посреди каждой стены был прорезан сводчатый проход, изнутри оформленный прямоугольным выемчатым обрамлением. В простенках между этими внутренними порталами и углами зала располагались попарно небольшие ниши — «токча», в которых хранились посуда, книги и прочие предметы домашнего обихода. Сводчатые проёмы соединяли зал с продолговатыми прямоугольными комнатами, лежащими на осях здания; длина этих помещений равна стороне центрального квадрата, и, если бы не разделяющие их и центральный зал толстые стены, они вместе образовали бы фигуру равносоставленного креста. Метод равносоставленной симметрии, принятый в организации плана, предполагает и одинаковость ширины этих помещений. В действительности их ширина различна, так как при разбивке в натуре плана здания строители ошиблись и заметно исказили его идеальную квадратную форму. По этой же причине получили разные размеры и форму угловые комнаты, которые — при правильной разметке плана на строительной площадке — должны были быть одинаковыми и квадратными.

В идее плановой структуры Кальтепа лежит классическое древнеиранское «пятиглавие», известное нам на примере мечети Дегтарон (убрав внутренние стены замка, кроме пересечений на углах зала, получим её план), изображения на «берлинском» блюде и — в рудиментарной форме — мавзолея Саманидов. Строители замка, нарушив по какой-то причине или по небрежности строгую геометрию идеального образца, остались всё же верны некоторым традиционным приёмам: так, форма двух угловых северных комнат точно соответствует пропорции $1 : \frac{\sqrt{3}}{2}$ или $1 : 0,866$.

Это здание с его строгой центричностью и жесткой равносоставленной симметрией едва ли было удобно для жилья. Вероятнее всего, оно представляло собой не жилище, а монументальный павильон, предназначенный для пиров и празднеств, — «люстхауз», стоявший, может быть, в парке неподалёку от собственно замка. Напомню, что именно такое назначение — увеселительного дворцового павильона — предполагают некоторые исследователи в изображении «пятиглавого» здания на «берлинском» блюде, чей реальный прототип был, вероятно, похож на Кальтепа.

Последовательно центрическая организация квадратного в плане пространства неизбежно приводит к делению его на 9 частей, — центральную, 4 угловых и 4 промежуточно осевых. Эта структура просматривается даже во внутреннем устройстве Кырк-Кыз, где угловые части состо-

Замок Кальтепа. План.
По В. Нильсену.

ят из нескольких помещений, а промежуточные представляют собой осевые проходы с айванами. Отдельные, как бы вынутые из контекста элементы этой плановой идеи различимы в раннеисламских замках Мервского региона, таких, как Харам-кёшк и Сулу-кошук. С большей последовательностью и большим сходством с Кальтепа (который в этом случае может быть признан прототипом) эта идея воплотилась в монументальных жилищах Мерва 11—12 вв. — доме в квартале керамистов, доме к востоку от Гяур-калы и к западу от Султан-калы⁷².

В. Нильсен, упомянув в своей книге о доисламской архитектуре Средней Азии замки Бад-асия и Кальтепа, сделал упор на их якобы техническом и художественном несовершенстве. Оно, по мнению В. Нильсена, было следствием культурной и хозяйственной катастрофы, постигшей Среднюю Азию в связи с арабским завоеванием, следствием «жестоких и колоссальных разрушений», «глубокого экономического и культурного упадка» и т. п. Говорится даже о некоем «антиарабском народном выступлении», подавление которого «тяжело отразилось на экономике и культуре Средней Азии»⁷³. Следствие этих придуманных им ужасов В. Нильсен видит в том, что размеры Бад-асия — меньше, чем других замков 5—7 вв. (это фактически неверно), что в нём меньше помещений, и что украшавшие его настенные

росписи — только орнаментальные и плохого качества.

Что касается Кальтепа, то здесь, как полагает В. Нильсен, вызванный арабским завоеванием культурно-хозяйственный упадок выразился в плохом качестве пахсы, из которой здание было построено.

Представление В. Нильсена об арабском завоевании и исламизации Средней Азии как о подобию монгольского нашествия неверно. Здесь не было массового уничтожения людей и материальных ценностей, города (за редкими исключениями, когда их штурмовали) оставались нетронутыми, и для падения уровня материальной культуры, в том числе строительной техники, не имелось оснований. Поэтому попытки В. Нильсена найти признаки такого падения на примере двух замков выглядят, мягко говоря, несерьёзно. Возможно, что росписи в Бад-асия были невысокого художественного качества, но делать из этого вывод об общем падении искусства настенной живописи и сохранении в ней только орнаментальных мотивов нельзя: в зданиях 9—10 вв. на Афрасиабе, в Хульбуке, в Сайёде были найдены сюжетные настенные росписи высокого художественного качества; живописные изображения гвардейцев и придворных украшали в 11 в. дворец Газневидов в Лашкари Базаре (Афганистан). Может быть, замок Кальтепа и был построен не очень квалифицирован-

ными мастерами (это сказалось и в неточной разметке его плана), но другие здания этого времени, в том числе и замки, построенные прочно и хорошо, позволяют видеть в Кальтепа не правило, а исключение из него.

«Курган»

Здание с этим странным названием расположено в северной части раннесредневекового Термеза, снаружи от городской стены. Первый исследователь «Кургана» Б. Засыпкин принял его за общежитие при мечети и отнёс к раннеисламскому времени⁷⁴. Частично раскопавший руины В. Шишкин датировал их 6—7 вв.⁷⁵, но позже Г. Пугаченкова и В. Нильсен убедительно доказали, что «Курган» был построен после арабского завоевания, в 8 или 9 вв.⁷⁶ (правда, позже Г. Пугаченкова по непонятной причине вернулась к датировке В. Шишкина и объявила «Курган» замком-«кёшком» 6—7 вв., который «в эпоху ислама» (?) использовался как общежитие для паломников при мечети или как ханака⁷⁷).

Основание «Кургана» представляет собой традиционную монолитную платформу с наклонёнными внутрь гранями, сложенную из пахсы, размером около 25×25 м. Сохранился стоящий на этой платформе нижний этаж, оформленный гофрами-полуцилиндрами подобно замкам Мервского оазиса; остатки верхнего этажа так малы, что не позволяют понять его устройство. Здание, кроме пахсовой платформы, было построено из кирпича-сырца размером 33×33×8—9 см с применением (в конструктивно ответственных местах) жженого кирпича размером 21,5×21,5×3 см. Уже это обстоятельство исключает датировку «Кургана» 6—7 вв., когда строители в Мавераннахре пользовались не квадратным, а продолговатым кирпичом. Сырцовый кирпич аналогичного размера был употреблён в караван-сараях Пайкенда (9 в.), доме в Куш-механе (9—10 вв.), мавзолее Кыз-биби (9—10 вв.) и раннеисламских замках Мерва, жжёный кирпич — в древних колоннах мечети Магоки Аттори, в мавзолее Мир-Сеид Бахрам и мечети Парау-биби, — это доказывает раннеисламский возраст «Кургана». Сохранившийся нижний этаж разделён на две половины коридором, вход в который (ничем, как будто, не выделенный), прорезан посредине южного фасада. На севере коридор замыкался лестницей, ведущей в верхний этаж; под её первым маршем была устроена сводчатая камера.

С обеих сторон к коридору примыкают узкие сводчатые комнаты одинакового размера (5,8×2,2 м), сообщающиеся с коридором при помощи сводчатых дверных проёмов. В задних, противоположных входам стенах комнат были прорезаны щелевидные окна-бойницы, спрятанные снаружи между выступами гофров. Все своды, слегка стрельчатого очертания, сложены в технике наклонных отрезков. Здание сохрани-

ло следы многократных ремонтов, но радикальных переделок здесь, как будто, не было.

Внутреннее устройство «Кургана», которое принято называть коридорно-гребенчатым, не свойственно обычным жилым зданиям. Когда-то я, в дискуссии с другими исследователями, привёл доказательства того, что так устраивались прежде всего здания военно-казарменного назначения, общежития воинов и укрепленные пункты с небольшими гарнизонами, постоянно находящимися здесь⁷⁸. В данном случае такое назначение здания подтверждается его расположением рядом с городскими укреплениями и его ролью форпоста на окраине обнесённого стенами пригорода. Нет оснований считать, что несохранившийся верхний этаж «Кургана» имел планировку, отличную от нижнего: это была двухэтажная казарма, воинское общежитие со «стандартными» жилыми камерами, традиционно сохранявшее облик гофрированного замка-«кёшка», — облик, внушавший чувство надёжности, неприступности и утешавший. Схожее устройство, судя по очень краткой информации о нём, имел замок Муратали-тепе, расположенный в Кашкадарьинской области Узбекистана⁷⁹. Археологическими материалами это здание датируется второй половиной 8—первой половиной 9 вв. Оно было двухэтажным (26,5×19 м), причём второй этаж состоял из четырёх помещений «гребенчатой» планировки (то есть, видимо, взаимопараллельных и сомкнутых длинными сторонами) и коридорообразного помещения вдоль них, куда, вероятно, выходили двери комнат. О нижнем этаже сказано только, что снаружи он был оформлен тремя уступами «на цоколе с откосами», — очевидно, имеется в виду традиционный цоколь-стилобат с наклонёнными внутрь гранями. О планировке нижнего этажа ничего не сказано, — неясно даже, существовало ли здесь внутреннее пространство, или этот «этаж» представлял собой сплошное основание, как в большинстве замков доисламского времени.

Стоит напомнить, что большинство замков Средней Азии 8—10 вв. может быть названо так только условно: О. Большаков однозначно заметил, что замки (он называет их «кастры») Мавераннахры 10 в. несут оборонительную функцию в той же мере, что и любое прочное здание, но не являются крепостями⁸⁰. Это суждение, в общем верное, не следует абсолютизировать: замки (кастры, кёшки) раннеисламской Средней Азии не случайно сохраняли облик своих доисламских предшественников до такой степени, что (это признает и О. Большаков) некоторые из них воспринимались как здания 6—7 вв. С концом политической разобщённости необходимость в замках-укреплениях, способных выдержать осаду и отбить штурм, уменьшилась, но не исчезла совсем, и для многих феодальных твердынь 9—10 вв. (не говоря о более ранних) их традиционный крепостной облик — не камуфляж, а органический признак, отвечающий жизненным функциям.

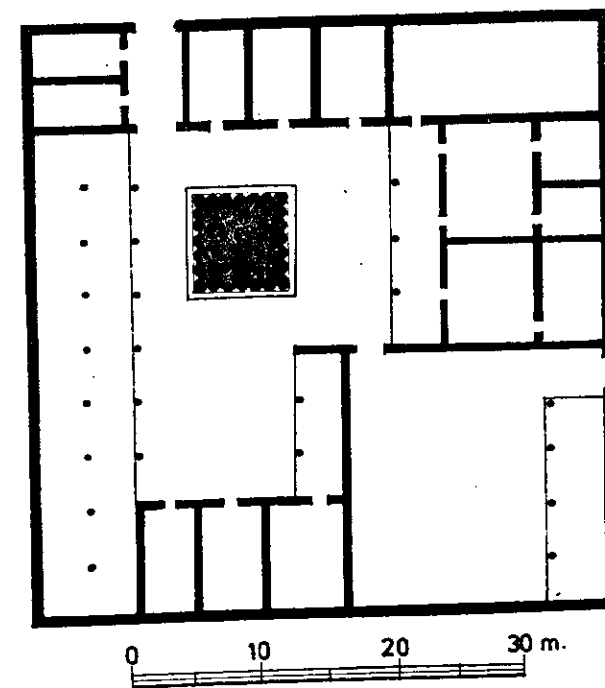
ГОРОДСКИЕ УСАДЬБЫ

Конкретный характер застройки городов Средней Азии в 9—10 вв. остаётся по сей день не очень ясным. Единственный сравнительно хорошо изученный доисламский город, существовавший и после арабского завоевания в 8 в., Пенджикент, демонстрирует сплошную застройку больших кварталов, в форме и расположении которых заметна регулярность первоначального городского плана. Степень типичности Пенджикента невозможно определить, — во всяком случае, в его плотно застроенных жилых кварталах нет места для отдельно стоящих замков-«кастров», характерных для до- и раннеисламского Мерва и бывших, несомненно, центрами богатых городских усадеб. Правда, в центральной части Мерва этого времени — Султан-кале — руин замков нет, они сохранились главным образом юго-восточнее и западнее городского центра, но и эта территория в 8—10 вв. входила в состав города и была плотно заселена.

О том, что городские усадьбы с гордо высящимися в них замками-«кастрами» входили в состав застройки других городов, свидетельствует, как будто, «История Бухары» Наршахи: «...а в городе были кёшки, и некоторые кварталы были отделены друг от друга подобно селениям». Предположив, что удалённые друг от друга подобно селениям кварталы — ошибка переписчика или неточность перевода, нужно признать, что замкнутые усадьбы с кёшками хорошо вписываются в структуру древнего бухарского шахристана, реконструированного О. Большаковым⁸¹. Вопреки утверждению О. Большакова, сплошная регулярная застройка не только не «...исключает всякую возможность говорить о существовании... в Бухаре изолированных замкнутых усадеб»⁸², но в известной мере предполагает их: размеры реконструированных прямоугольных кварталов — 130—140×45—50 м — позволили бы разместить в каждом из них 3 или 4 усадьбы с кёшками и другими постройками. Впрочем, Наршахи говорит о городе («шахр» по-персидски), а это не обязательно означает регулярно организованный шахристан: обширные городские усадьбы, с кёшками или без них, могли располагаться и за пределами древнего городского центра, в бухарском рабаде, возникшем, как говорилось, ещё в доисламское время. Что до бухарского шахристана 9—10 вв., то его застройка, судя по свидетельствам современников, была не столько усадебной, сколько «пенджикентского» типа, то есть скученной и плотной: «постройки... примыкающие друг к другу» (аль-Истахри, Ибн Хаукаль), «...походит на Дамаск постройками... и теснотой домов, и множеством эркеров... А его меина чрезвычайно застроена» (аль-Мукаддаси). Преобладание такой застройки не исключает, конечно, того, что и в шахристане Бухары могли быть окруженные стенами замкнутые усадьбы, — кроме тех, что в большем числе имелись в рабаде и окрестностях города.

По сведениям Наршахи, в досаманидское время часть рабада Бухары была застроена усадьбами аристократов и богатого купечества, — таким был, например, район Кушки Муган в северо-восточной части внутреннего рабада, который в годы правления Исмаила Самани стал особенно популярным: здесь строили свои усадьбы придворные и начальники гвардии. Но при Саманидах население Бухары росло быстрее её территории, массовое жильё вторгалось в заповедные пространства усадеб, и ко времени Наршахи их здесь осталось лишь несколько, — остальные исчезли под плотной застройкой. В конце 10 в. вся территория внутреннего рабада Бухары, где прежде располагались усадьбы, была застроена⁸³. Этот естественный процесс был, вероятно, свойствен не одной лишь Бухаре, и можно думать, что к 11 в. доля городских усадеб в застройке крупных городов заметно понизилась, если не исчезла.

Представление о так рано ушедших в прошлое усадьбах Бухары даёт, может быть, усадьба небольшого города, существовавшего в 8—10 вв. на границе Мервского оазиса, и известного ныне как уже упоминавшееся городище Мунон-тепе. Квадратная, размером (судя по опубликованному плану⁸⁴) 55×55 м, она заключала в себе два двора, каждый со своим входом. Расположенный в ЮВ углу двор был, вероятно, хозяйственным. Другой двор, более обширный, был окружен жилыми постройками и навесами на деревянных колоннах, которые на представленном плане реконструированы гипотетически. Посреди этого двора возвышается квадратная

Городская усадьба в Мунон-тепе. Реконструкция плана. По Г. Пугаченковой с коррективами.

в плане (около 7×7 м) башня, в облике которой сохранены характерные черты маргианских замков доисламской и раннеисламской эпох: высокий стилобат с наклонёнными внутрь гранями и стоящий на нём кубический массив, оформленный цилиндрическими гофрами, по 7 на каждой стороне. Внутреннее устройство башни не исследовалось, и её прямое назначение неизвестно: здесь могла быть зимняя гостиная, мог находиться сторожевой пост в сочетании с небольшими жилыми помещениями, и т. п. В любом случае ясно, что этот небольшой донжон с его традиционным, фактически неизменным обликом был прежде всего символом, условным знаком настоящего, большого замка-кёшка прежних времён. Перенос узнаваемых признаков крупного жилого замка на его уменьшенное подобие, почти модель указывает, что этому подобию придавалось особое символическое и, может быть, даже магическое значение. Возможно, что подобные «замки»-символы возвышались над городскими усадьбами Бухары времён Наршахи, и его замечание о том, что «... в городе были кёшки», нужно понимать именно так.

Усадьба на городище Сайёд

К югу от Хульбука, столицы средневекового владения Хутталя (Хутталян, Хатлон), на берегу реки Пяндж в 9—10 вв. существовал небольшой город с цитаделью и жилыми кварталами, следы которых тянутся полосой около 1,5 км длины и 800 м ширины. Ныне, по имени расположенного здесь селения, это городище называется Сайёд⁸⁵. В микрорельефе его южной части просматриваются контуры прямоугольных усадеб с внутренними дворами, ориентированных по странам света, — всего их 15 разной величины: 130×160 м, 90×100 м, 50×70 м, 80×90 м и пр. Самая малая из этих усадеб, размером около 40×50 м, была почти полностью раскопана и изучена⁸⁶.

Основным строительным материалом этого обширного и богатого городского жилища была пахса. Сырцовый кирпич (34×34×5—6 см) употреблялся в кладке суф и тонких перегородок, при ремонтах и перестройках. Жженым кирпичом были выстланы двор, галерея вокруг него и полы многих окружающих двор помещений. Потолки, по-видимому, были деревянными балочными, правда — различных конструкций; признаки сводов и куполов, характерных для монументального строительства этой эпохи, здесь не были найдены. Типологически этот усадебный дом можно было бы, по аналогии с жилищами древней Греции, назвать перистильным: его центром был квадратный двор, окруженный колонной галереей-перистилем, куда были обращены входы сообщающихся с двором помещений. Эти последние составляли сплошное окружение двора, образуя несколько групп связанных между собой комнат, — как бы от-

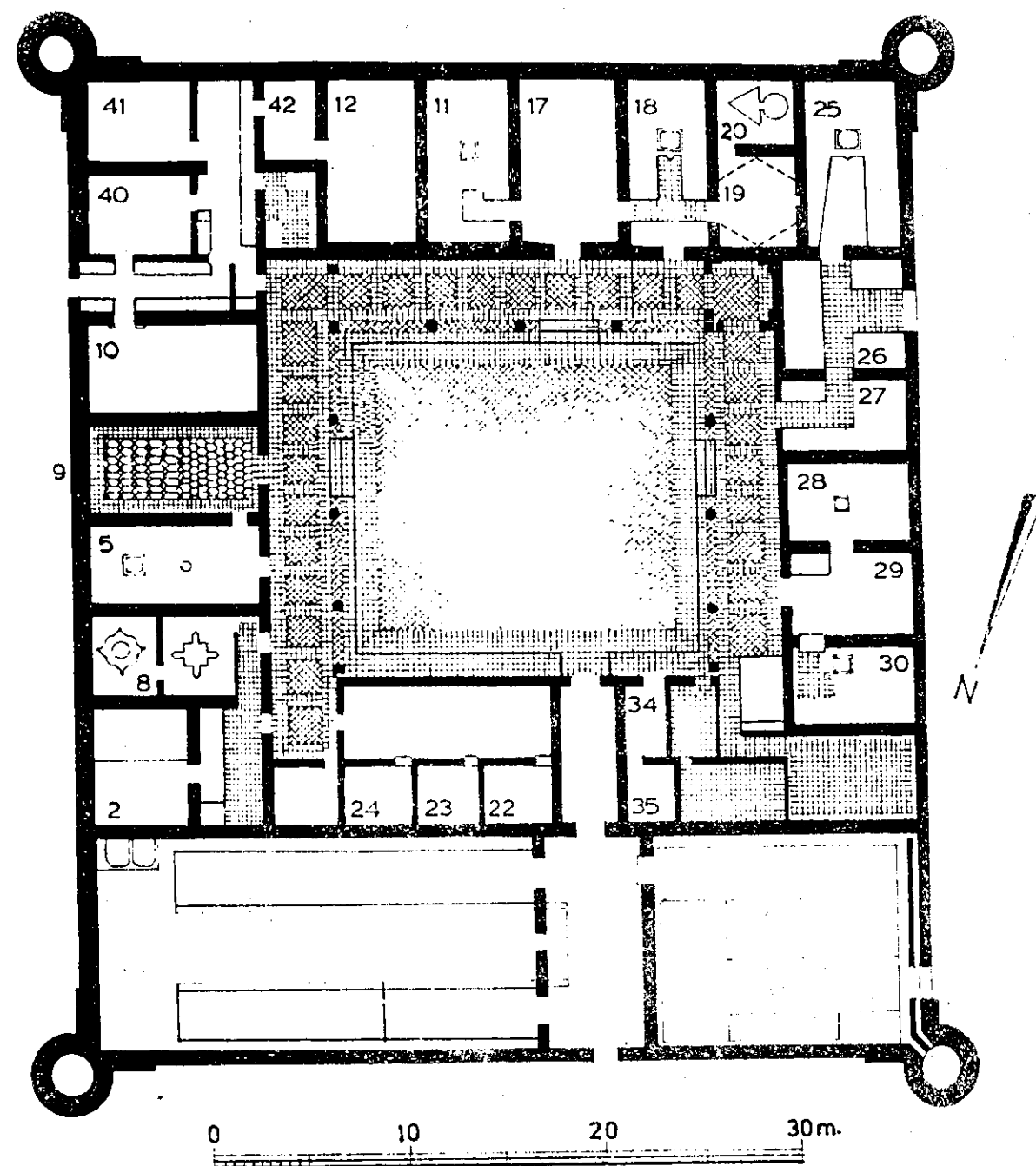
дельные «квартиры», отличающиеся размерами, ориентацией и устройством.

Все 4 наружных угла усадьбы были отмечены выступающими круглыми башнями, — здесь это не более, чем дань традиции, как и в Кырк-Кыз: у усадьбы имелось 4 входа, лишенных каких-либо защитных устройств, и в случае осады башни едва ли помогли бы её защитникам. Впрочем, внешний крепостной облик, уже тогда более рудиментарный, чем функциональный, сохранялся в усадьбах Средней Азии (главным образом сельских и загородных) все последующие 1000 лет, и строившиеся в 19 в. хорезмийские и самаркандские усадьбы-«курганча» поразительно похожи на их раннеисламских предков.

Главный вход, расположенный на северной стороне, заметно сдвинут с продольной оси к западу. Он, как будто, не был оформлен порталом, — по крайней мере, следов подобного оформления не найдено. Вход вёл в продолговатый вестибюль или дворик, как бы зажатый между двумя дворами непонятного устройства и назначения: в левом (восточном) дворе, куда вели три входа, имелись два параллельных заглубления шириной 3 и длиной 18 м, вымощенные жжеными кирпичами, поставленными на ребро и необычного размера — 10×25×4,5 см. Может быть, здесь была конюшня или скотный двор, — два алебастровых короба в дальнем углу, где могло храниться зерно, как будто намекают на это. Западный двор, куда вела всего одна дверь, был вымощен жженым кирпичом того же размера и с расчётом на декоративный эффект: вымощка пола образует здесь «вертун» из четырёх широких полос, разделённых желобками, причём в каждой полосе кирпичи уложены по-разному, — вдоль стен, поперёк и диагонально. Средний квадрат отмостки не сохранился.

Такая декорация пола позволяет предположить, что некогда двор был перекрыт навесом на деревянных колоннах, со световым двориком на месте среднего квадрата, и что под навесом, соответственно узору пола, расстланы ковры или ставились суфы. Двор, лежащий сразу же за входом, мог служить открытой гостиной для многочисленных приёмов, и в этом случае расположение обширной конюшни рядом, по другую сторону вестибюля, находит своё оправдание. Продолжая «классическую» параллель, стоит отметить, что расположение двора для приёмов справа от входа отвечает расположению гостиной-«андрона» в древнегреческом доме «пастадного» типа. Размещение «гостевого» комплекса за пределами собственно жилой части усадьбы и перед ней, принимая во внимание традиционную многочисленность приёмов, кажется логичным.

Внутренний двор усадьбы вместе с окружающей его колонной галереей был изначально квадратным. Позже северная сторона галереи была застроена, и квадратной (18×18 м) осталась только средняя открытая часть двора, заглублённая относительно галереи на 40 см. Для спуска с галереи во двор на осях двора были

Усадьба на городище Сайёд. План. По Э. Гулямовой.

устроены двухступенчатые лестницы. Пол галереи был вымощен жженым кирпичом в уже знакомой нам декоративной манере: квадратные и прямоугольные поля, заполненные диагонально лежащими кирпичами, в широких обрамлениях из нормально уложенных кирпичей. Диагональными кирпичами отмечена полоса, на которой стояли колонны галереи, — так же, как во дворце Хульбука.

Но, в отличие от Хульбукского дворца, в котором колоннада двора была несомненно деревянной, колонны галереи в усадьбе были, возможно, кирпичными. Ни одна из них не сохрани-

лась, но в 3 м от ЮВ угла двора был найден нижний ряд кладки круглой кирпичной колонны диаметром 50 см — лекально подтёсанные кирпичи (25×25×4,5 см) на ганчевом растворе. Ствол колонны был оштукатурен ганчем и украшен вертикальными прорезями, имитирующими швы каменной кладки, — остатки этой декорации были найдены поблизости.

Как выглядели эти окружавшие двор «рустованные» колонны, можно достаточно ясно представить себе по остаткам оформления ЮЗ угла галереи. Этот угол был по какой-то причине отгорожен (по крайней мере с северной сторо-

Усадьба на городище Сайёд. ЮЗ угол галереи.

ны) высокой алебастровой решеткой. Образованная переплетением больших четырёхлепестковых розеток и дополнительных фигур, эта решетка одной стороной упиралась в выступающий из стены прямоугольный пилон, а другой — в квадратный (в основании) столб. Пилону отвечали два плоских выступа в самом углу галереи. Смысл этого устройства неясен, так как угловой ЮЗ квадрат галереи, выделенный к тому же кирпичным рисунком пола — глухой, здесь нет дверей.

Декоративно-пластическое оформление этой части галереи сохранилось сравнительно хорошо. В основании столба и выступов стены здесь расположен цоколь, украшенный вырезанной в ганче чередой узких арок. Наружные углы пилона и выступов-пиластр выше цоколя оформлены круглыми трёхчетвертными колоннами; вертикальные промежутки между ними заполнены прекрасной орнаментальной резьбой по ганчу. «Колонны», — особенно там, где они оформляют плоские выступы, — далеки от правильной цилиндрической формы и представляют собой, скорее, приплюснутые выпуклости. Все они, однако, украшены той же условной рустовкой, которая украшала и настоящие, свободно стоящие колонны галереи: широкие, треугольные в сечении вертикальные прорезы, расположен-

ные в шахматном порядке и подкрашенные синим. Высота прорезей равна расстоянию между ними, и оттого украшенные таким образом криволинейные поверхности кажутся собранными из небольших квадратных блоков, уложенных «вперевязку». Горизонтальные швы этой «кладки» не изображены, если не считать тонких прорезей — следов разметки узора на поверхности ганча.

Строители, несомненно, стремились сохранить стилистическое единство галерейной колоннады и внутренних частей галереи, создав иллюзию продолжения колоннады в пластике стен. Способ, которым это сделано, находит прямую аналогию с мечетью Ну Гумбад в Балхе, где расположенные вразбежку вертикальные прорезы «рустовки» покрывают и массивные цилиндры колонн, и круглые пристенные столбы-пилоны. Сходство распространяется и на углы главного фасада мечети, которые представляют собой прямоугольные в плане пилоны с трёхчетвертными колонками по сторонам, — той же конфигурации, что и в углу галереи.

Оформление выступающих углов трёхчетвертными, врезанными в них колонками — долговечный и распространённый приём исламской архитектуры. Но употребление этого приёма в пластическом оформлении свободно стоящих или связанных со стеной столбов-пилонов встречается сравнительно редко. Он был использован, помимо угловых частей мечети Ну Гумбад, в Большой мечети Самарры, в каирской мечети Ибн Тулуна и в тронном зале-айване дворца правителей в Термезе, построенного, как принято считать, в 11 в. Можно было бы предположить, что мечети в Каире и Балхе служили образцами для строителей усадьбы в Сайёде, если бы все три постройки не принадлежали одному времени — второй половине 9 века: ни одна из них не имеет временного приоритета⁸⁷.

Круглые кирпичные столбы диаметром 50 см предполагают их венчание в виде кирпичных же арок, — я не знаю в архитектуре Среднего Востока почти ни одного случая, когда кирпичные колонны несли бы деревянную балку-архитрав⁸⁸. Кроме того, высота таких колонн едва ли была больше 2—2,5 м, а это, даже вместе с высотой архитрава, маловато для галереи глубиной 3,5 м и лежащих за ней обширных помещений. При расстоянии между колоннами 4,5 м (в осях) высота арок должна была составлять около 3,5—4 м, — такая аркада, общей высотой 5—6 м, должна была выглядеть впечатляюще. Кажется странным, что внутренний двор усадьбы в небольшом городе выглядел величественней и монументальней, чем двор во дворце правителя в столичном Хульбуке с его деревянной колоннадой. Но, как говорилось, ранний дворец в Хульбуке был еще не столько дворцом, сколько сравнительно скромным замком-резиденцией, а усадьба в Сайёде была, вероятно, богатым аристократическим владением.

Средняя часть двора осталась нераскопанной. Здесь мог находиться либо бассейн-«хауз», ли-

бо колодец-водосток, как во дворце Хульбука и предполагаемом медресе Варахши.

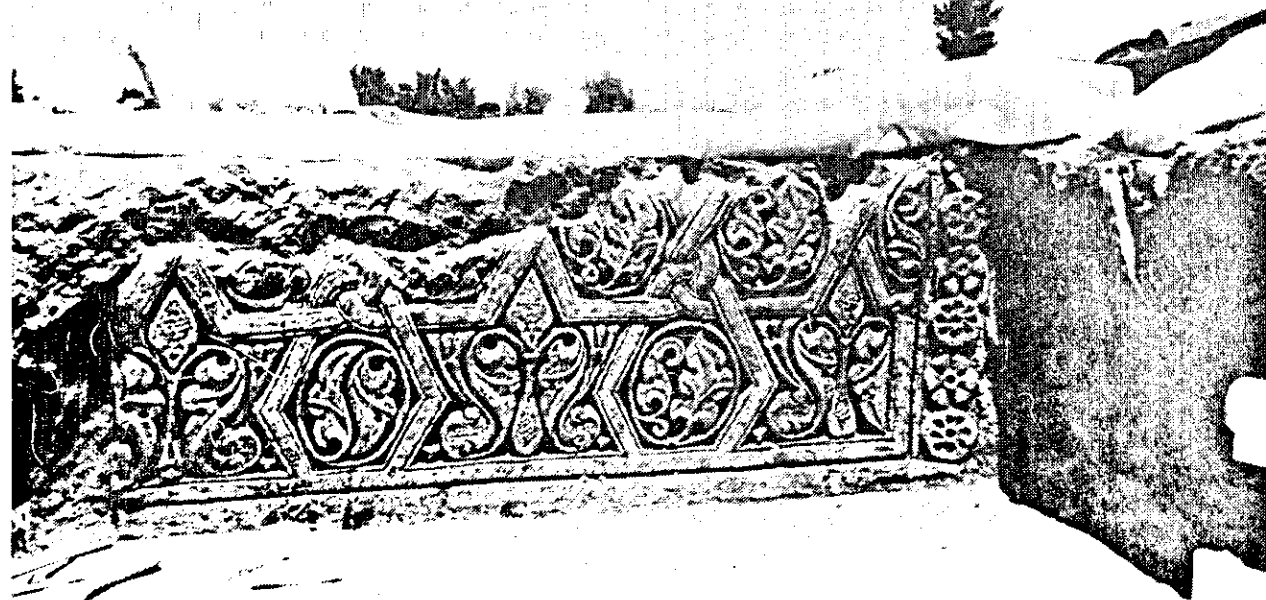
Окружающие двор помещения были по большей части жилыми, — об этом говорит их богатый резной декор, обилие и обширность суф, которые часто занимают почти всю поверхность пола, очаги на суфах в виде алебастровых прокалённых углублений с невысокими бортиками и даже, как будто, обломки алебастровых оконниц с круглыми отверстиями для стёкол. Некоторые комнаты с алебастровыми закромами для хранения припасов имели, видимо, хозяйственные функции. Встречаются комнаты с кухонными очагами, поглощающими колодцами-«бадрапами» и мусорными ямами, — это свидетельствует о том, что помещения каждой группы-«квартиры» достаточно чётко дифференцировались по назначению.

На трёх сторонах двора (кроме северной) располагалось 5 таких «квартир», с числом комнат от 2 до 7. Самой парадной и, вероятно, главной была «квартира» из 5 комнат на южной стороне двора. Вход в неё, лежащий напротив северного входа во двор, продолжает общую продольную ось усадьбы, сдвинутую к западу относительно геометрической оси. Этот вход

ведёт в большую комнату без суф (№ 17), потолок которой первоначально поддерживали два ряда деревянных колонн, по 4 в каждом ряду, — от них в полу сохранились круглые, диаметром 30 см и глубиной до 35 см выемки, впоследствии — во время перестройки — замазанные ганчем. Неясно, как перекрывалась комната после этого, но в первоначальном виде это был небольшой трёхнефный зал очень редкого в Средней Азии, а в рассматриваемую эпоху вообще больше не встречающегося типа⁸⁹.

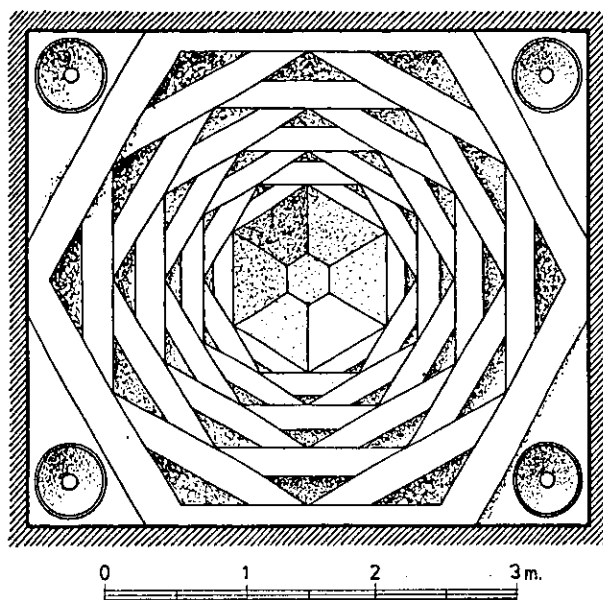
Назначение этого помещения со стенами, украшенными резными алебастровыми панелями и без суф, едва ли было жилым. Видимо, это был парадный вестибюль, соединённый с лежащими по обе стороны от него двумя жилыми комнатами, чья площадь почти целиком занята суфами, а стены были украшены прекрасной резьбой по алебастру.

Все первоначальные 4 помещения этой «квартиры» связаны между собой дверями, лежащими на одной оси, то есть представляют собой подчеркнута парадную анфиладу, очень редкую — об этом говорилось выше — в архитектуре Средней Азии. Замыкает эту анфиладу на западе помещение, позже разделённое на две

Усадьба на городище Сайёд. Резной декор стен в помещении 17.

Усадьба на городище Сайёд. Реконструкция потолка в помещении 19.

части: небольшую заднюю, где сохранилось треугольное возвышение и круглая ванночка со стоком для воды, и переднюю, более крупную (3,6×4,3 м), служившую домашней мечетью. Здесь в западной стене располагалась ниша михраба, украшенная резьбой по алебастру, да и вся комната отличалась особенно богатым декором, в том числе — венчающим стены фризом с куфической надписью, древнейшим образцом эпиграфического декора в архитектуре Средней Азии.

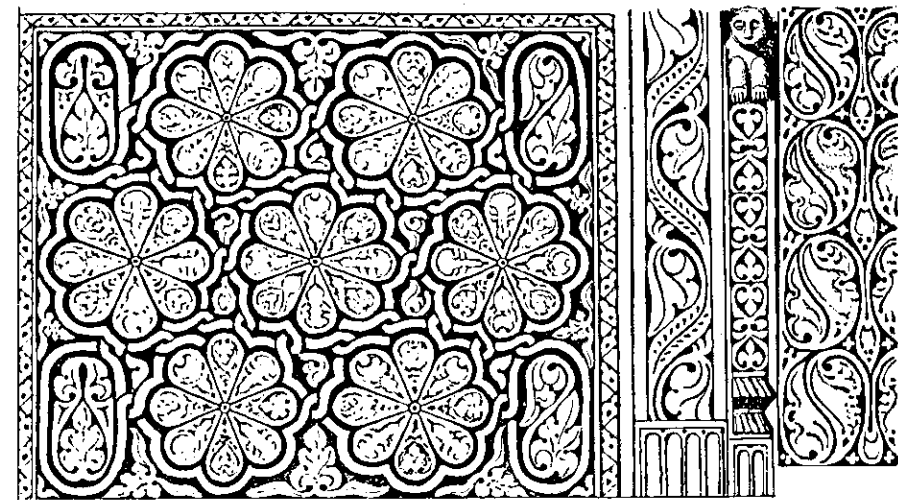
При раскопках этой комнаты в каждом из её четырёх углов были найдены обломки криволи-

нейных ганчевых форм высотой и диаметром около 60 см, на внутренней вогнутой стороне украшенных изображениями стилизованных листьев и цветов. Вначале исследователи приняли их за остатки внутренней круглой поверхности тромпов, но потом отказались от этой версии: удлинённый, а не квадратный план комнаты исключает здесь возможность купола и тромпов. Позже было установлено, что обломки представляют собой внутреннюю поверхность небольших ганчевых куполов, вставленных в потолок помещения поблизости от его углов, — это навело на мысль, что перекрытие мечети представляло собой деревянный брусчатый купол, по местной терминологии «рузан», и что куполки размещались между углами помещения и брусками нижнего квадратного (или восьмиугольного) венца. Эта правильная версия требует уточнения: «рузан», состоящий из квадратных или восьмиугольных венцов, требует квадратного основания и потому невозможен здесь так же, как и купол. Между тем пропорции помещения, в которые вписывается правильный шестиугольник, указывают в этом случае на «рузан» шестиугольной формы — тип перекрытия, в реальных образцах не сохранившийся, но несомненно существовавший в древней и средневековой архитектуре Центральной Азии⁹⁰. Что до декоративных куполов, украшающих углы потолка по сторонам деревянного купола, то именно в такой роли они выступают в исламской архитектуре Испании, — например, в восьмиугольном (у основания) деревянном куполе начала 14 в. из Альхамбры⁹¹. Предполагаемый вид необычного перекрытия домовой мечети представлен на прилагаемой реконструкции.

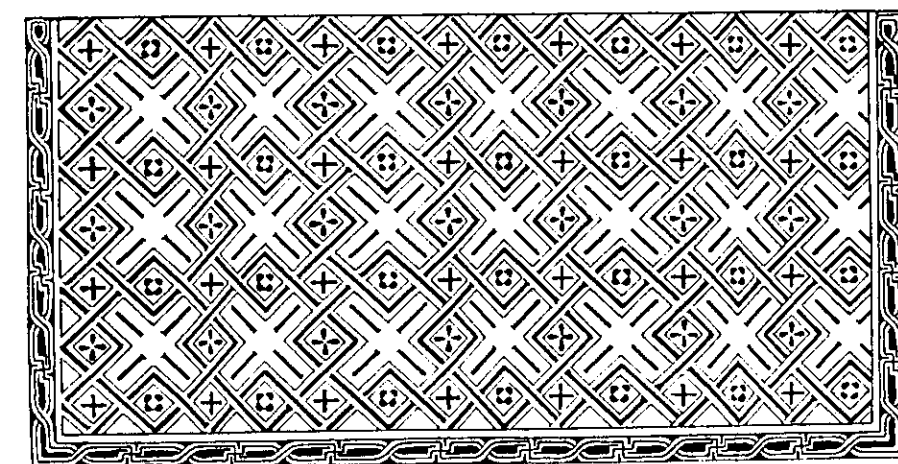
На восточной стороне, где глубина обстройки двора больше, чем на южной, были расположе-

Усадьба на городище Сайёд. Резной декор стены в ЮЗ углу двора.

Усадьба на городище Сайёд. Резной декор стен в помещении 3.

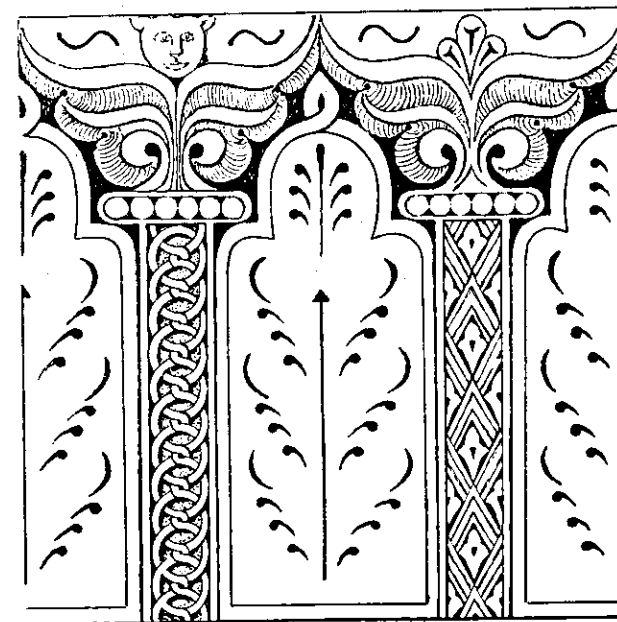

Усадьба на городище Сайёд. Резной декор стен в помещении 3.

ны две «квартиры» — одна 7-комнатная, частично распространившаяся на южную сторону и, видимо, капитально перестроенная, и 5-комнатная, с передней комнатой-вестибюлем, выложенным фигурными плитками. Помещения западной стороны, где были две «квартиры» — длиной немногим более 5 м, тогда как обстройка южной и восточной сторон — глубиной более 8 м.

Иначе выглядела северная сторона двора. Она состояла из нескольких небольших и неглубоких (около 3 м) комнат, лежащих по сторонам входа во двор и имевших, вероятно, караульно-хозяйственное назначение. Позже здесь появилась пристройка, занявшая северную сторону колонной галереи и вызвавшая удлинение ведущего во двор входного коридора-тамбура. Помещения северной стороны, в отличие от других, декора не имели, за исключением двух комнат на западной стороне, заметно более крупных и вымощенных кирпичом. Их можно рассматривать как продолжение западной жилой группы.

Редкая особенность (вернее, одна из особенностей) усадьбы в Сайёде — изобилие и разнообразие её художественного убранства. Это прежде всего — резной алебастровый декор,

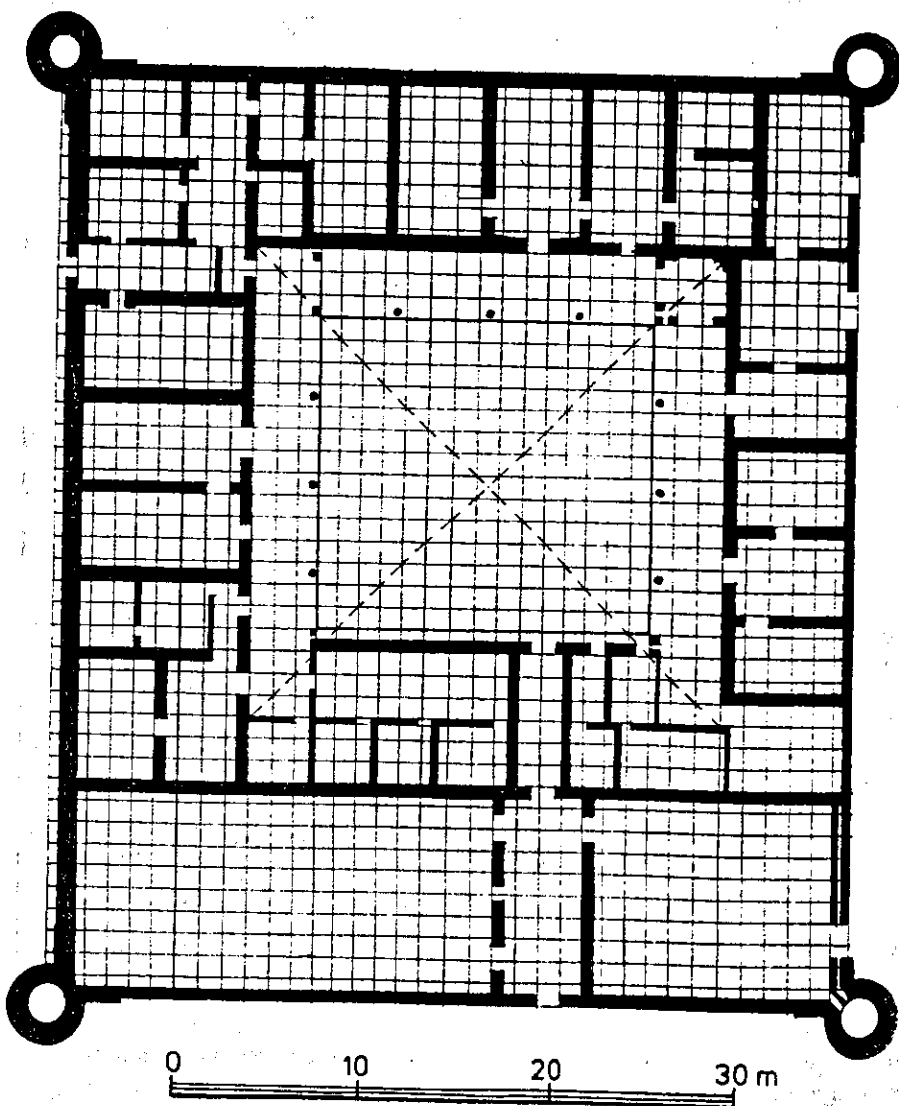

Усадьба на городище Сайёд. Резной декор стен в помещении 20.

покрывавший стены большинства помещений и, видимо, внутренние стены колонной галереи на всём их протяжении. Заглублённые части орнаментальной резьбы окрашивались в красный, синий или желтый цвета, — это, в сочетании с белизной алебаstra, усиливало пластическую красоту декора чисто живописным эффектом. При общем для всех орнаментальных тем изысканном художественном вкусе сами эти темы очень разнообразны: пышные ковры сочной рельефной резьбы в ячейках геометрических структур (помещения 18 и 19), свободное переплетение криволинейных мотивов с чеканным заполнением (ЮЗ угол галереи, помещение 3), мотив аркады с насыщенной резьбой колонн и тимпанов, и — по контрасту — совсем или почти не тронутой резьбой поверхностью трёхлопастных арок (южная стена галереи, помещения 17 и 20); наконец, строго геометрический, почти графический узор, превосходящий монументально-декоративный стиль эпохи Тимуридов (помещение 30). Безукоризненным вкусом и сложностью орнаментально выраженного лирического содержания этот декор, по-моему,

выгодно отличается от несколько аморфных, с бесконечным повторением одних и тех же мотивов резных композиций Самарры⁹² и официально-холодных, как бы штампованных резных панно во дворце халифов Кордобы Медина ас-Захра (10 в.)⁹³.

Это изощрённо-сложное искусство кажется слишком ранним для 9 в., источники его и этапы сложения неясны (в 8 в. ничего подобного не существовало), а его изобилие в одной усадьбе вызывает удивление, хотя теперь известно, что декоративная резьба по алебаstrу не ограничивалась в то время в Средней Азии стенами дворцов и мечетей, но украшала и многочисленные жилища. Резьба по алебаstrу, высокого качества и близкая Сайёду стилем и мотивами (аркада с трёхлопастными арками) найдена в жилых домах 10—12 вв. на Краснореченском городище в Киргизстане, — в месте, как будто далёком от тогдашних культурных центров⁹⁴. Скульптурные элементы в резном декоре сайёдской усадьбы — вроде барельефного изображения льва в помещении 3 — и неизобразительные пластические детали (сквозная решетка в ЮЗ

Усадьба на городище Сайёд. Геометрический анализ плана.

углу галереи, трёхчетвертные колонны пилонов и михраба в домовой мечети) дополняют декоративное убранство усадьбы. При всём поражающем, воистину дворцовом богатстве оно соразмерно масштабности человеческого жилища и создаёт ощущение не столько роскоши, сколько комфорта и уюта.

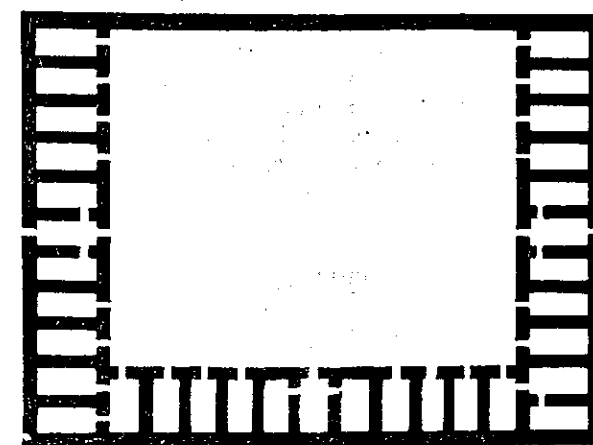
Этому способствует и живописный декор, сдержанно введенный в резные панно, украшающий куполки в потолке мечети и даже обмазанные ганчем поверхности суф, верхние и боковые. Они были расчерчены двойными синими линиями, в которых исследователи видят условно изображенную кладку спаренными кирпичами. Боковые, высотой 40 см стенки заглублённой части двора были украшены вырезанным в ганче изображением трёх рядов кирпичной кладки.

Уже при взгляде на план усадьбы создается ощущение удобства и интимной замкнутости, как будто несовместимое с принципом планировки — парадный двор в окружении колонной галереи и единообразных помещений, официальная симметрия масс. Эту симметрию и связанные с ней чувства нарушают едва заметные сдвиги, делающие план живым: разная глубина обстройки двора, его смещение с геометрического центра здания, контраст между « типовыми » прямоугольными комнатами и сложно устроенными угловыми группами. Это равновесие между внешне соблюденным принципом репрезентативной симметрии и действительным отходом от неё ради свойственной жилищу функциональности придаёт плану усадьбы особое своеобразие. План усадьбы построен на метрической сетке с единицей 120 см. Стороны двора с галереей составляют 21 единицу, общая длина и ширина усадьбы — 42 и 35,5 единиц. Стены помещений, видимо, не подвергшихся перестройкам, по большей части совпадают с этой сеткой.

Найденный размер слишком велик для принятых в Средней Азии гязов и представляет собой, может быть, двойной гяз, — два гяза длиной 60 см. Такая метрическая единица или близкие к ней величины известны в строительстве Средней Азии более позднего времени: гяз мавзолея Туркан-ака (1371 г.) равен 61,5 см, мавзолея Ширин-бека-ака (1385 г.) — 59,6 см, мечети Биби-ханым (1399 г.) — 60,8 см⁹⁵, мавзолея Ходжа Ахмада Ясеви (1398 г.) — 60,6 см⁹⁶. Как и другие антропометрические единицы, гяз этого размера мог быть в употреблении многие века.

В усадьбе Сайёда удивительным образом сочетаются формы и приёмы массовой, жилой и репрезентативно-монументальной архитектуры. В её устройстве и декоре есть много необычных черт, которым нельзя найти аналогии. Только раскопки соседних усадеб (которые, нужно надеяться, когда-нибудь будут предприняты) позволят установить, что в архитектуре этой усадьбы уникально, а что принадлежит мало известной ныне художественной культуре того времени.

Первая попытка в этом направлении закончилась неожиданно. Раскопанное в 50 м к западу

«Объект 2» на городище Сайёд. План. По Э. Гулямовой.

от усадьбы крупное (на опубликованном плане — 61×45 м) здание безусловно не было жилым в обычном понятии. Оно, как и усадьба, было построено из пахсы; сырцовый кирпич (34×34×5 см) употреблялся для вымостки полов и в закладках проёмов. Это был прямоугольник стен, ориентированный длинной осью в направлении Ю—С (с таким же небольшим отклонением, что и усадьба), к которому изнутри, с трёх сторон примыкали одинаковые комнаты размером 3×6 м, торцами обращённые во двор. Западная сторона двора была незастроенной. Средние комнаты на С и Ю сторонах служили входными вестибюлями, откуда попадали во двор; со двора был ход в большинство помещений, а те, кто такого входа не имел, соединялись внутренними дверями с соседними, образуя трёхкомнатные «квартиры» на осях здания и в его СВ и ЮВ углах.

Время жизни постройки определяется найденной здесь монетой 947 г. В одинаковых, лишь местами по-разному связанных между собой помещениях нет признаков жилья, — таких, как суфы, отопительные и кухонные очаги, мусорные ямы и пр. Исследователи считают, что в последний период жизни здесь был «ремесленно-производственный комплекс»⁹⁷, доказательством чему служат многочисленные очажки для плавки металла, найденные в комнатах, а также бронзовые заклёпки и проволока для ремонта керамической и стеатитовой посуды⁹⁸.

Действительно, столь крупное сооружение едва ли стали бы возводить специально для такой скромной надобности. Вероятно, первоначально оно имело какое-то иное, более серьёзное, но не обычное жилое назначение. Здесь могли располагаться склады или конюшни (хотя они требуют особых устройств, следы которых должны были бы сохраниться), или, наконец, казарма,

общежитие воинов, — эти здания, судя по их сохранившимся образцам доисламского времени, не отличались ни комфортом, ни изощренностью планировки, и состояли обычно из череды однотипных комнат⁹⁹. Решению вопроса мешают, к тому же, краткость и недостаточность публикаций.

Красная речка

Область Семиречья (долина реки Чу с её многочисленными истоками), ныне северная территория Киргизстана, с древних времён была объектом согдийской колонизации. Задолго до утверждения ислама здесь существовали основанные согдийцами города с торговым и ремесленным населением. Обширные пространства защищённых стенами полей в окрестностях городов — свидетельство того, что и в опасном соседстве с кочевниками многие занимались здесь сельским хозяйством¹⁰⁰.

В 9—10 вв. эти земли были в подчинении у кочевых племён тюркешей и карлуков, а довольно многочисленные здесь города были уже в значительной мере исламизированы. Среди остатков этих городов большими размерами и сравнительной изученностью отличается городище, известное под названием Красная речка и отождествляемое с раннесредневековым городом Сарыг или Навакет.

В предисламское время этот город был, видимо, значительным административным и культовым центром: в 7—8 вв. здесь были выстроены большой, хорошо укрепленный дворцовый комплекс и буддийский храм, где археологи нашли колоссальную глиняную статую Будды в нирване. В 9 в. на месте перестроенного и разрушенного дворца в центре города, в его квадратном шахристане возникли крупные усадьбы, одна из самых больших занимала площадь не меньше 1200 кв.м. Её помещения, как и в Сайёде, окружали внутренний двор; за расположенным на северной стороне входом следовал пандус шириной 3 м, который вёл в вестибюль-коридор такой же ширины и длиной 4 м, — это тоже напоминает Сайёд. Из вестибюля можно было пройти во двор или в группу парадных помещений, расположенных анфиладой по линии восток — запад, стены которых украшали резные алебастровые панели и декоративные росписи, а полы — декоративные выстилки из жженого кирпича.

Здание было построено в основном из блоков пахсы, прослоенных рядами кирпича-сырца размером 40—42×20—21×10 см. И эта техника, и формат кирпича — удлинённый, а не квадратный — отвечают строительным традициям 6—8 вв. и для 9 в. архаичны. Вместе с тем в хозяйственных помещениях усадьбы была использована впервые встреченная здесь каркасная конструкция, получившая позже повсеместное распространение.

В западной части усадьбы был устроен второй, меньший двор площадью около 120 кв.м, посре-

дине которого сохранилось круглое возвышение диаметром 7 м, облицованное жженым кирпичом, — несомненно, основание для большой юрты. Видимо, хозяевами усадьбы или их частыми гостями были кочевники, чувствовавшие себя привычнее в войлочных стенах традиционного кочевого жилья, чем среди резного алебаstra парадных залов¹⁰¹.

Другая группа усадеб возникла к югу от городского центра. Их прямоугольные, обнесённые стенами участки площадью от 200 до 400 кв.м примыкали один к другому, образуя компактный квартал. И здесь жилые и хозяйственные помещения окружали двор, иногда небольших размеров, но всё же достаточно обширный (например, 7,2×7,2 или 6,5×7,8 м), чтобы его нельзя было перекрыть без промежуточных опор, которых здесь не было. Входы в некоторые усадьбы оформлены пилонами, предполагающими что-то вроде порталов-пештаков, стены парадных комнат были украшены подкрашенной резьбой по алебастру высокого художественного качества. Любопытно, что здесь, как и в Сайёде, частым декоративным мотивом резных панелей были трёхлопастные арки с орнаментальным заполнением. Одна из усадеб состояла из 13 помещений и была разделена на две части: в северной части жилые и хозяйственные комнаты окружали внутренний дворик с поглощающим колодцем-«ташнау»; южная часть, отделённая от северной коридорами, состояла из двух гостиных, украшенных резьбой по алебастру с раскраской заглублённых частей и настенными росписями орнаментально-растительного характера, выполненными оранжевым, синим, бордовым, черным и белым цветами. Кирпичные полы этих комнат тоже были выложены орнаментом¹⁰².

Усадьба, раскопанная на городище Актобе Степнинское (160 км СЗЗ от Красной речки), имела площадь около 10000 кв.м и включала в себя двор с бассейном-хаузом в центре. Её жилые комнаты группировались вокруг маленького (3,3×3,3 м) помещения, игравшего роль распределительного вестибюля¹⁰³. Двор с хаузом, таким образом, находился здесь не в середине здания, а примыкал к нему подобно перистильному двору в древнеримских городских усадьбах.

Аналогично были устроены усадьбы Талгарского городища, в которых жилище соседствует с большим хозяйственным двором¹⁰⁴. Но жилища, построенные из камня и заглублённые в землю из-за холодной зимы, здесь сравнительно примитивны; в соответствующих оборудованных дворах содержался скот, а в некоторых сохранились круглые основания юрт: хозяева этих скромных усадеб сочетали оседлый уклад жизни с более им привычным кочевым.

Большая городская усадьба конца 10 в. была раскопана на городище Канка в Узбекистане, в 60 км к ЮЗ от Ташкента¹⁰⁵. Построенная на руинах раннесредневековой городской цитадели, эта усадьба площадью около 1200 кв.м состоя-

ла из почти 30 помещений, группированных вокруг двух небольших дворов. В планировке здесь отчетливо видно деление на «чистую» парадно-представительную и хозяйственную части, причём последняя включала в себя, кроме обычных помещений, обширные склады-хранилища и ремесленные мастерские. Сложный рельеф руин цитадели дал возможность строителям увенчать усадьбу возвышенной площадкой размером 270 кв.м, на которую с одного из дворов вела сложная из жженого кирпича лестница. Можно предположить, что площадка была перекрыта навесом на деревянных колоннах и использовалась для праздничных церемоний и приёмов. Жизнь усадьбы прекратилась в середине 12 в.

Общими отличительными признаками городских усадеб 9—10 вв. были, по-видимому, прямоугольная форма плана и один (обычно, но не всегда) внутренний двор, окруженный постройками. И хотя усадьбы, как и всякие жилища, ремонтировались и перестраивались, их общая регулярная структура оставалась, как правило, неизменной. Это предполагает и регулярность общей структуры города (или, по меньшей мере, квартала), состоящего из усадебных прямоугольников — общую прямоугольную форму, прямолинейность и регулярное расположение улиц. Такая городская структура была в Средней Азии свойственна античной эпохе, завершившейся здесь в 5 в. Возникший в это время Пенджикент был задуман как регулярное поселение с прямыми улицами, пересекающимися под прямым углом, и соответствующей, — то есть, видимо, усадебной — застройкой. С ростом городского населения эта идеальная схема была быстро размыта, и открывшим его археологам Пенджикент предстал городом с очень плотной и вполне хаотичной застройкой, в которой потерялись прямые контуры первоначальных домовладений. Сохранилась лишь прямолинейность улиц и их прямоугольная сетка, но прожиги город ещё несколько столетий, исчезли бы и эти следы, как они исчезли в Бухаре.

Отсюда можно заключить, что усадьба — в том виде, в каком она предстаёт из материалов раскопок — имела в 9—10 вв. уже несколько реликтовый характер. Этот вид просторного, замкнутого, богатого жилища мешал развитию города, росту его ремесленно-торгового населения, которое заполняло тесные города, проникало из рабадов в шахристаны и взламывало, иносказательно и буквально, глухие стены старых аристократических усадеб. Они исчезают, судя по материалам археологии, уже в 11 в.

ГОРОДСКИЕ ЖИЛЫЕ ДОМА

Раннесредневековые городские жилища Средней Азии пока не поддаются региональной дифференциации. Казалось бы, именно эта область строительства, мало восприимчивая к интернациональным архитектурным связям (в отличие

от монументальной культовой, мемориальной и замко-дворцовой архитектуры), подчинённая местным традициям и природным условиям, должна распадаться на отчетливо различимые местные направления. Сравнительная однородность не слишком многочисленных городских жилищ 9—10 вв., остатки которых удалось изучить, свидетельствует об однородности самой городской культуры этого времени, продолжавшей и в раннеисламское время развиваться в духе древней согдийской традиции.

Сохранилась традиционная компактность городских жилищ и их скопление в массы, ограниченные контурами кварталов. Вместе с тем как будто вышли из употребления (или до сих пор не найдены) четырёхколонные приёмные залы, — судя по Пенджикенту, характерная и важная деталь доисламского городского и сельского жилища. Капитальные сводчатые конструкции нижних этажей, широко представленные в Пенджикенте, теперь или исчезли, или их применение существенно сузилось. Признаки разделения на мужскую и женскую половины в жилых домах 9—10 вв. незаметны, как незаметна и специализация помещений по функциям: похоже, что каждая жилая комната была одновременно и столовой, и детской, и спальней, и хозяйственным помещением. Правда, в средней части дома обычно (исключения очень редки) выделяется репрезентантное ядро, предназначенное для общественно-ритуальных церемоний внутрисемейного и иного рода, но и оно, вернее всего, в промежутках между церемониями использовалось как повседневное жилое пространство.

Аль-Мукаддаси отметил сходство Бухары и Дамаска, которое выразилось в тесноте жилых кварталов, в облике зданий и, в частности, в употреблении балконов-эркер, нависающих над нижними этажами. Эти эркеры с зарешеченными окнами — и ныне типичная деталь жилой архитектуры в городах западного ислама, например, в Каире; в Средней Азии они не встречаются, из чего следует, что среднеазиатские города 9—10 вв. (Бухара, конечно, не была исключением) имели более «западный» облик, чем в более позднее время.

Известные сейчас городские жилища 9—10 вв. принадлежали, по большей части, ремесленникам и торговцам. Любопытно, что если в некоторых домах археологи находили следы ремесленного производства (хоть и неизвестно, было ли оно товарное или удовлетворяло нужды семьи), то сочетание жилища и лавки пока, кажется, не встречалось, хотя в доисламском Пенджикенте оно было достаточно частым. Жилища часто перестраивались и меняли владельцев; могло статься, что новые хозяева здания меняли его функции, превращая бывшее жильё в гончарные, металлургические или какие-либо иные мастерские¹.

На Афрасиабе были раскопаны два жилых здания, расположенные по сторонам узкой (2,7 м), вымощенной камнем улицы, которая

вливалась в центральную улицу, ведущую к северным воротам. Один дом состоял из пяти комнат с пахсовыми стенами и суфами, его парадные помещения были оштукатурены ганчем и окрашены в синий и красный цвета. Приёмная комната другого дома была украшена резьбой по алебастру с подкраской синим цветом, полы орнаментально выложены жженым кирпичом. В первом из этих домов были найдены устройства для обработки металла, а во втором — пристенные лари и большие сосуды для хранения сыпучих веществ, причём всё это — в первоначально жилых помещениях. Вероятно, эти вполне комфортабельные дома, сменив владельцев, перестали полностью или частично быть жилыми.

Ограниченность и плохая сохранность исследованного материала, краткость и не всегда ясность публикаций делают рискованными какие-либо общие выводы о характере жилой городской архитектуры 9—10 вв. и характере её связей с монументальной архитектурой. Можно надеяться, что в этой области ещё предстоят важные открытия.

Варахша

Небольшая группа жилищ 9—10 вв. — последнего периода существования города — была раскопана в западной части Варахши, рядом с городской стеной³. Это, как справедливо заметил руководитель работ С. Кабанов, была «... первая крупная попытка вскрытия жилого городского комплекса указанного периода истории Средней Азии»⁴. В СВ части раскопанной площади были найдены остатки построек 9 в., сохранившиеся так плохо, что составить суждение об их первоначальном облике и устройстве нельзя. Здания, построенные здесь в 10 в., группировались вдоль узкой (3 м) улицы, идущей параллельно западной стене: западная группа примыкала к стене, восточная же представляла собой, вероятно, вытянутый квартал, образованный двумя рядами домов, сомкнутых «спинами» и обращённых «лицами» к двум параллельным улицам.

Глинобитные стены зданий опирались на прокладки из жженого кирпича: их контур выложен из целых кирпичей, внутренняя же поверхность заполнена обломками кирпичей и посуды. Эти прокладки, по мнению С. Кабанова, характерны для построек 10 в. и служили не фундаментами, а изоляционными прослойками, — всё же неясно, от чего они изолировали стены: препятствием для почвенных солей и грунтовых вод они быть не могли.

От построек сохранились в лучшем случае нижние части стен, чаще же — лишь их «отпечатки» на земле. Всё же планы трёх домов, примыкавших к западной городской стене, сохранились достаточно для того, чтобы понять устройство этих зданий и даже попытаться их графически проанализировать. Средний, самый

большой дом В был построен раньше примыкающих к нему с двух сторон домов А и С, строители которых использовали боковые стены дома В как уже готовые ограждения.

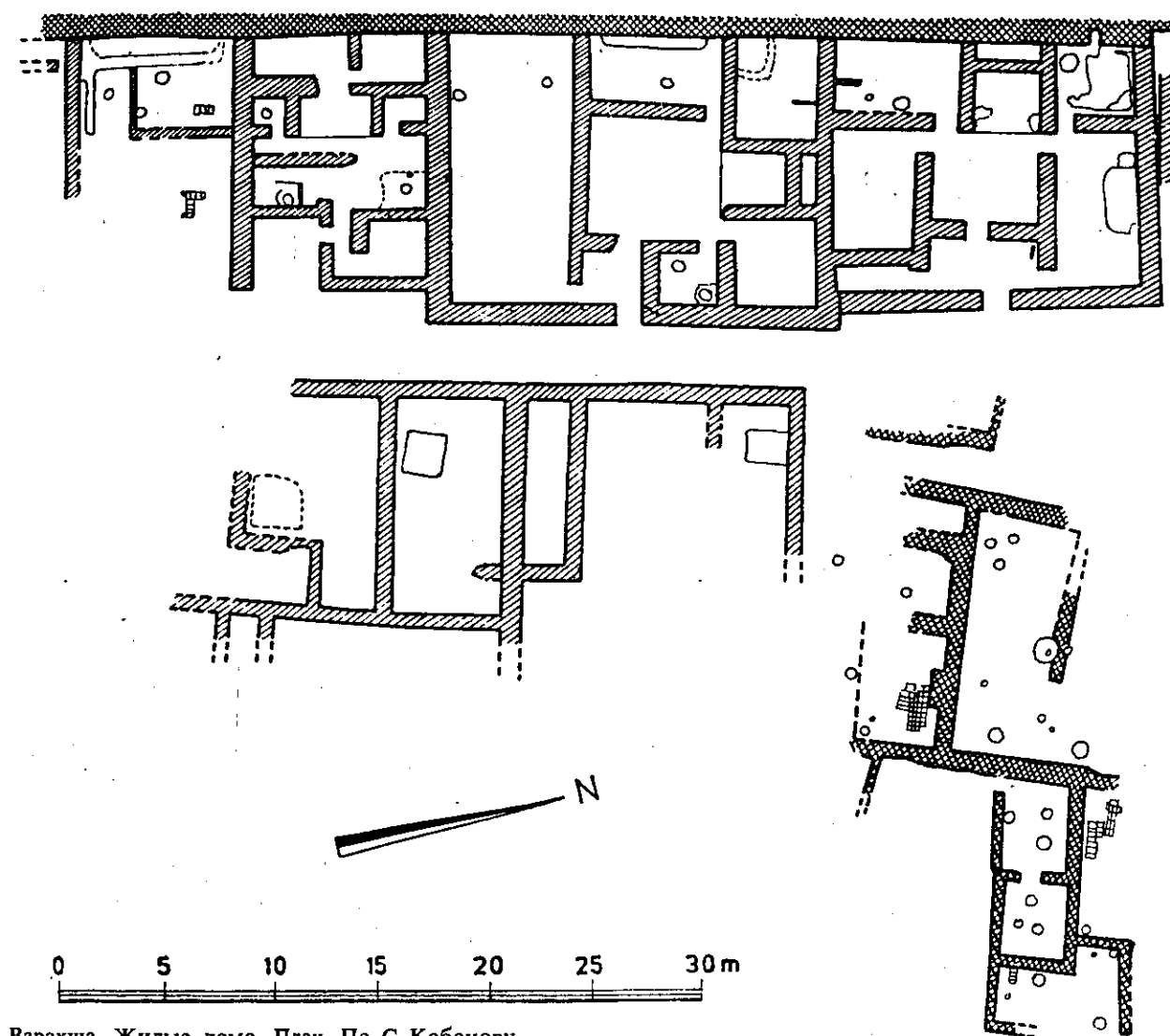
У всех трёх домов различное устройство, но есть по меньшей мере два объединяющих их признака. Первый — компактная планировка, заключённая в общий прямоугольный контур: здесь нет свойственного Пенджикенту взаимного проникновения соседних домовладений одно в другое и вызванного этим усложнения их контуров. Прямоугольные планы домов различаются лишь пропорциями и размерами: дом В — 280 кв. м, дом С — 165 кв. м, дом А — 102 кв. м и обращён к улице не длинной стороной, как другие дома, а торцом.

Другой общий для трёх домов планировочный признак — устройство их центральных помещений, имеющее, несомненно, ритуально-репрезентативный характер. В доме В это квадратный зал (5,7×5,7 м), в который открыт глубокий айван-лоджия, приподнятый над полом и занимающий среднюю часть северной стороны зала. За айваном лежит узкая камера, пространства между его стенами и боковыми стенами зала занимают два симметричных прохода в комнаты, лежащие по сторонам айвана⁵.

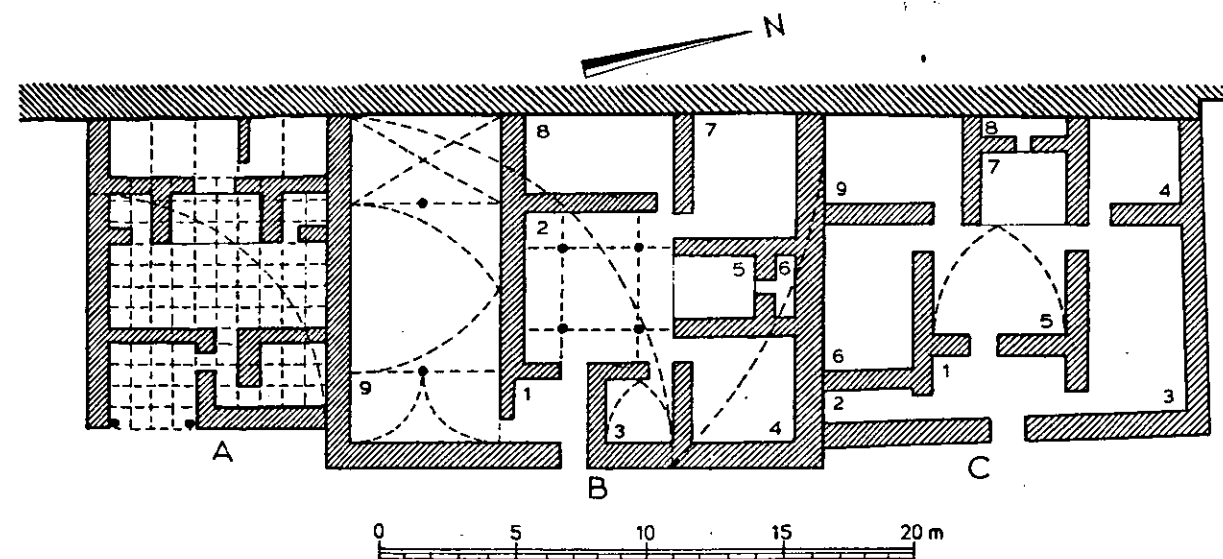
В доме С центральная группа зал-айван ориентирована не на север, а на запад и развита за счёт входного вестибюля, представляющего вместе с залом общее пространство, разделённое поперечной стеной. Оси зала и айвана здесь не совпадают: айван сдвинут вправо так, что его северная стена есть продолжение северной стены зала. Остальные детали системы совпадают с аналогичными деталями дома В: пол айвана приподнят над полом зала, за айваном спрятана узкая камера той же длины, что и ширина айвана, по его сторонам два симметричных проёма ведут в боковые комнаты, причём левый проём, как и в доме В, занимает пространство между стеной айвана и стеной зала. Аналогичны и два симметричных прохода из зала, лежащие в плоскости айванного фасада.

Системный характер этих совпадений позволяет думать, что дом С претерпел перестройку, при которой северная стена его центрального зала была сдвинута к югу, став продолжением стены айвана и уменьшив размеры зала до 4×4,7 м (вместо первоначальных 4×6,3 м, очень близких пропорциям «золотого сечения»). Из-за этой перестройки вход в комнату справа от айвана, который раньше был в углу зала, теперь оказался в пределах бокового помещения 3.

В основу планировки дома А положена та же идея: сочетание зала с прямоугольной нишей айвана, лежащей на оси зала и приподнятой над его полом, и два симметричных входа по сторонам айвана, — представительный, основанный на симметрии центр в общей асимметричной структуре жилища. Особенности здесь в том, что зал (3,15×7,9 м) занимает всю ширину

Варахша. Жилые дома. План. По С. Кабанову.

Варахша. Жилые дома. Реконструкция и геометрический анализ планов.

здания и имеет необычно вытянутые (2:5) пропорции, за айваном (который здесь не примыкает к наружной стене) вместо узкой камеры расположены две комнаты, и что обращённый к улице вход сделан в виде квадратной в плане лоджии. Два традиционных симметричных проёма по сторонам айвана ведут здесь в маленькие, складского назначения камеры. Первоначальный вид зала в доме А был искажен существенными переделками: появились перегородки, разделившие единое пространство на 3 части, а к южной стене примкнула довольно капитальная стена, расчленившая зал на два узких коридора. Остатки этой стены, открытые раскопками, исследователи приняли за элемент первоначальной архитектуры и в таком качестве зафиксировали на опубликованных чертежах. Это, видимо, помешало им понять смысл планировочного приёма, важной частью которого был зал с айваном на общей оси.

В. Шишкин принял центральные залы домов В и С (зал дома А не был опознан) за дворики⁶. Это мнение, вошедшее в научную литературу, безосновательно. Размеры «двориков» — около 22 и 32,5 кв. м — далеко не рекорд для плоских перекрытий раннесредневековой Средней Азии: приёмные залы богатых жилых домов в Пенджикенте, безусловно перекрытые в значительной своей части, имели размеры 45,9, 49, 63,2 и даже 100,33 кв. м⁷. Никаких признаков того, что залы домов В и С не имели потолков, раскопки не обнаружили. Достаточно большие — более 4 м — пролёты предполагают здесь промежуточные опоры в виде деревянных колонн. Поставленные в квадратном зале дома В на осях айванных стен, они делили бы пространство зала в отношении 1:2,5 и образовывали средний квадрат потолка, прорезанный, возможно, световым люком, так как других источников естественного света у зала, со всех сторон окруженного помещениями, не было.

Архитектурная симметрия есть признак парадности. Создание в функционально-асимметричной структуре жилища симметричного, до деталей повторяющегося ядра означает его некую особую функцию, возвышенную над бытовыми функциями прочих помещений. В данном случае эта функция опознаётся без труда, так как облачена в древнюю, каноническую, широко распространённую форму дворово-айванного комплекса. Этим термином⁸ называется традиционное в архитектуре древнего и средневекового Востока сочетание приёмного двора или зала с лежащим на его оси «тронным» айваном, который с обеих сторон фланкирован симметричными проёмами-входами. Последняя деталь характерна для монументального варианта дворово-айванных комплексов (дворец в Ктесифоне, Охейдир, цитадель в Аммане), где сводчатый айван противостоит двору, а не залу, — тем более интересно её троекратное применение в скромных домах Варахши, построенных в 10 в. Общественно-ритуальный смысл сочетания двора (зала) с айваном был всегда и повсюду

одним: контрастное сочетание подданства и власти. При этом заполненный народом обширный двор дворца и тронный айван, где под высоким сводом, в окружении вельмож восседал иранский шахиншах, только количественно (и, конечно, богатством декора) отличался от зала в городском доме и открытого в зал айвана — не сводчатого, а с плоским балочным потолком, — где глава семьи или рода перед лицом домочадцев и слуг выполнял свои общественные властные функции.

Обычное отличие камерного варианта дворово-айванного комплекса, где роль двора играет помещение, было в том, что айван представлял собой в этом случае сравнительно неглубокую нишу, а фланкирующие его проёмы отсутствовали⁹. Дома Варахши — единственное, кажется, исключение из этого правила, а многократное повторение этого исключения свидетельствует, что оно выражает собой местную, локальную традицию. К ней, кроме входов по сторонам айвана, относится и расположение проёмов — один против другого — в плоскости айванного фасада¹⁰, и устройство за айваном узкой камеры, которая служила, как считают исследователи, для хранения особо ценного имущества.

Двором в доме В был не центральный зал, а пространство слева от входа (9), занимавшее всю глубину здания. В богатой солнцем Средней Азии дворы, как правило, оборудовались навесами; если предположить, что такие навесы располагались в 3 и В сторонах двора, и что их границы определялись боковыми стенами зала (то есть продолжали их), — обнаружатся любопытные закономерности пропорций. Прямоугольник среднего открытого пространства в этом случае имеет пропорции $1:\frac{\sqrt{3}}{2}$ (то есть в него вписывается равносторонний треугольник), пропорции западного навеса — известное нам отношение $1:\sqrt{3}$, восточного навеса — $1:2$, то есть два квадрата. Пропорции $1:\frac{\sqrt{3}}{2}$ обнаруживаются в маленькой комнате у входа (3), а общие пропорции плана постройки оказываются равными $1:\sqrt{2}$, — длина дома равна диагонали квадрата, построенного на его ширине. Это значит, что дом строился профессиональными строителями по предварительно сделанному проекту, с применением известных в те времена приёмов геометрической гармонизации. Причём этот дом, как справедливо отметил В. Шишкин, принадлежал не «представителям господствующего класса», а горожанам среднего достатка.

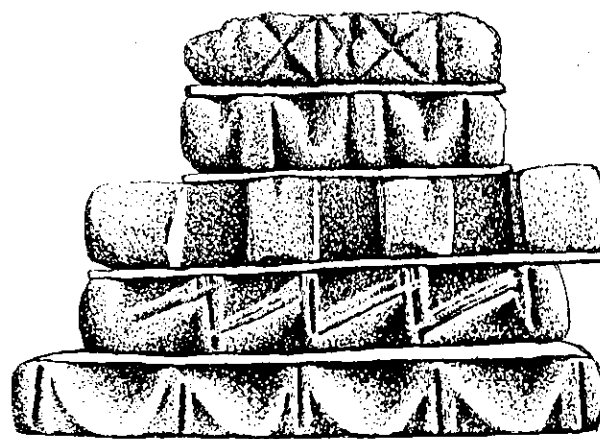
Похожие геометрические закономерности обнаруживаются в доме А. Его план (за исключением двух задних комнат, примыкающих к городской стене) вписывается в квадрат, а в основе членений плана лежит метрическая единица, равная приблизительно 80 см. Стороны квадратного входного айвана составляют 4 этих единиц, стороны зала — 10 и 4 единицы, ширина внутреннего айвана, боковых камер и толщина боковых стен — соответственно 4, 2 и 1 единица.

Пайкенд

Раскопанный в Пайкенде жилой дом 9—10 вв. был, как и дома Варахши, построен вплотную к городской стене, — на этот раз с северной стороны¹¹. Он был построен на остатках более ранних зданий и, в свою очередь, стал основанием для жилища (двух комнат) начала 11 в. Окружение дома — расположение соседних построек и улиц — осталось неизвестным.

Здание — прямоугольное, общими размерами $10,75 \times 7$ м, но, видимо, его южная сторона состояла из двух слабо выраженных уступов, соответственно размерам и расположению лежащих на этой стороне комнат. Вход должен был находиться в несохранившемся ЮЗ углу и вести в комнату 2, которую — из-за найденных здесь печи для выпечки хлеба («тонур») и сливного колодца («ташнау») исследователи считали кухней. Этот вход появился позже, первоначальный же вход, как логично предполагают исследователи, располагался посредине южного фасада и вёл в помещение 4, которое было вестибюлем: отсюда можно было пройти во все помещения, кроме комнаты 5, занимавшей ЮВ угол. Предполагается, что комната 1, часть которой была превращена в отгороженный стенкой отсек, использовалась для складских и хозяйственных целей, — странно, что она не сообщалась с «кухней», вместе с которой составляла западную сторону дома. Проход из вестибюля в комнату 1 представлял собой узкий и глубокий тамбур, прикрытый со стороны вестибюля короткой поперечной стенкой-пилоном.

Две комнаты, составляющие восточную сторону дома, сообщались между собой. Вход в комнату 3 был изнутри (со стороны комнаты) прикрыт стенкой-ширмой длиной более 2 м — приём, характерный для жилищ доисламского времени (главным образом замков) и позже исчезающий. В этой комнате найдены три разновременных уровня полов с остатками — на каждом уровне — хлебных печей-«тонуров». Во время, соответствующее верхнему уровню, комната (или, по меньшей мере, её СВ часть) была превращена в купальню: пол был обмазан раствором (видимо, водоустойчивым) ганча, низ сырцовых стен облицован жёванным кирпичом, а вдоль восточной стены устроено что-то вроде канала, выложенного керамическими плитками ($33 \times 24 \times 4$ см), отгороженного низкой стенкой из этих же плиток и имеющего уклон к северу. В западной стене найдено отверстие для стока воды, от которого под полом была проложена керамическая труба, составленная из звеньев, вставленных один в другой. Недалеко от западной стены в полу была устроена алебастровая ванночка размером 67×30 и глубиной 10 см. В квадратной комнате 5 было тоже три уровня пола — свидетельство долгой жизни дома. Исследователи считают, что только эта комната была жилой в прямом смысле слова. Они считают также, что комната 4 — вестибюль — первоначально не имела южной стены

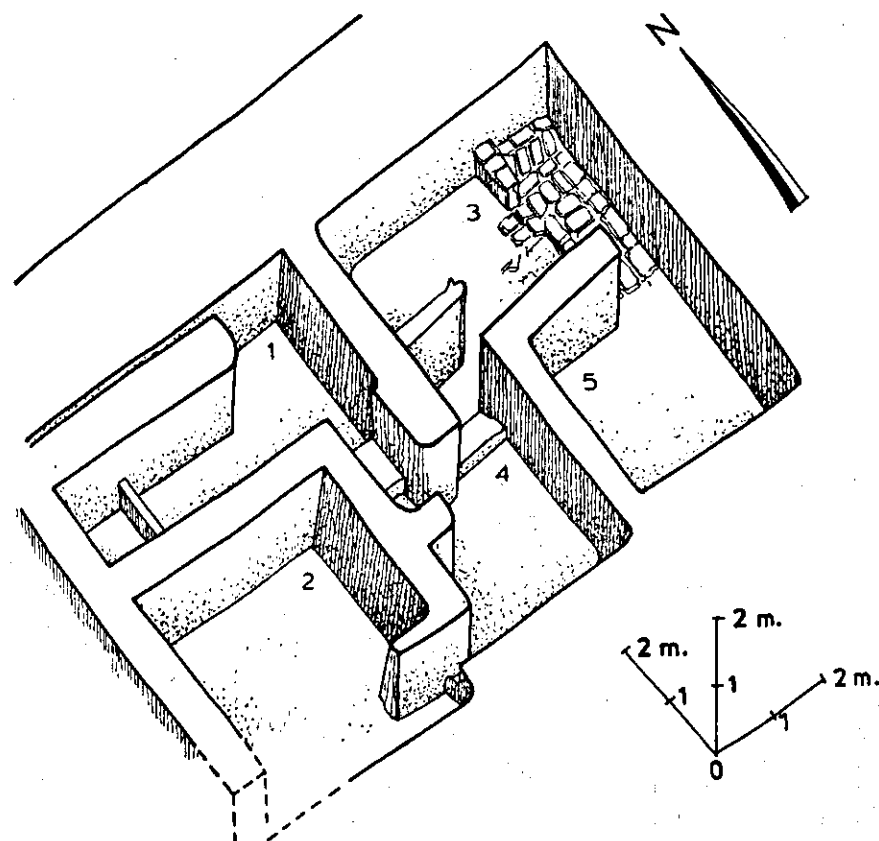

Варахша. Жилые дома. Кирпичи из зданий 9 в. По С. Кабанову.

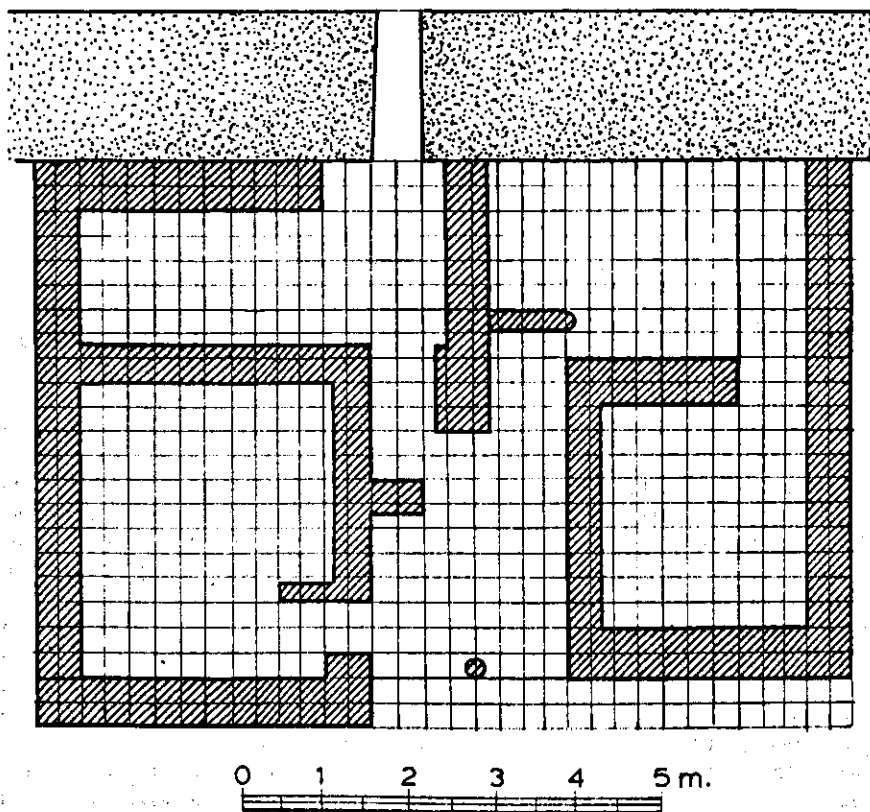
Глубина айвана вместе с задней стеной равны 3 единицам, ширина проёма в этой стене — 2 единицам, стороны квадратной комнаты у входа — 3 единицам.

Анализировать геометрические закономерности плана дома С, принимая во внимание его вероятную перестройку, едва ли имеет смысл. Жилые дома Варахши не имеют аналогий среди исламских жилищ этого или близкого времени. «Дворово-айванный» приём планировки характерен для домов Фустата (Египет) 10—11 вв., но их сходство с домами Варахши самое общее и формальное: ядро дома в Фустате — не зал, а двор, в котором айванами, как правило, оформлено несколько сторон; контуры домов Фустата — неправильной конфигурации, с множеством выступающих и западающих углов — ничего общего не имеют с компактной прямоугольностью домов Варахши.

Заслуживает внимания еще одна деталь. Глинобитные стены варахшинских домов стоят, как говорилось, на прокладках из жжённых кирпичей. Эти кирпичи, размером $24 \times 24 \times 3-4$ и $22,3 \times 22,3 \times 4$ см, были взяты из руин построек 9 в., стоявших на этом месте или поблизости. Узкие грани некоторых из кирпичей обработаны орнаментальной резьбой: чередующиеся декоративные элементы образовывали на поверхности стены узорчатые бордюры, часть декоративного убранства фасадов. Этот способ украшения стен интересен и необычен тем, что декор здесь представляет собой не облицовочный слой, как в постройках 11—12 вв. и позже, а нанесён в виде резьбы на лицевые грани обычного строительного кирпича. В зданиях 10—12 вв. он встречается довольно редко, и применение его в широком (судя по найденным образцам) ассортименте ещё в 9 в. показывает в ином, неожиданном свете монументальную гражданскую архитектуру этого времени, — архитектуру, к сожалению, безвозвратно утерянную. Потому что кирпичи с резной лицевой поверхностью принято рассматривать как характерный, датирующий признак архитектуры 11—12 вв.

Дом 9—10 вв. в Пайкенде.
По А. Мухамеджанову и др.

Дом 9—10 вв. в Пайкенде.
Реконструкция и
геометрический анализ плана.

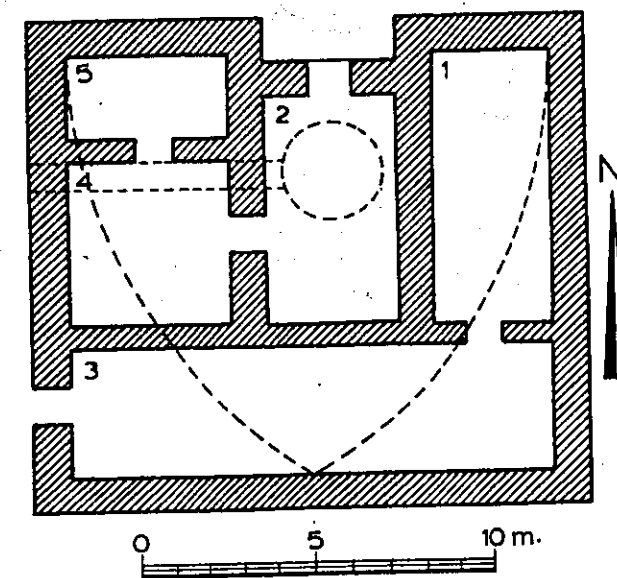
Афрасиаб

Многолетние раскопки на Афрасиабе открыли здесь многочисленные остатки жилых домов, в том числе и 9—10 вв. Один из них находился в западной части городища; он был раскопан вместе с небольшим двором и частями двух прилегающих улиц, вымощенных камнем¹⁵.

Судя по описанию, здание, построенное из пахсы и сырцового кирпича, имело компактный прямоугольный план и состояло из 5 помещений. Собственно жилыми были, как будто, две западные комнаты (4 и 5) и входное помещение 2. Южное помещение 3, вытянутое во всю длину дома (13,5 м), и восточное помещение 1, сообщавшиеся между собой и изолированные от жилой группы, служили, вероятно, для складских и хозяйственных надобностей; у ЮЗ угла помещения 1 был найден колодец¹⁶.

Первоначальное оборудование жилых комнат было изменено при последующей перестройке, когда в комнате 2 появилась большая суфа, а дверь отсюда в комнату 4 была заложена и превратилась в нишу. Тогда же была замурована круглая (диаметром 2,40 м) подземная комната, расположенная под комнатой 2 на глубине 4,60 м. В это помещение высотой всего 1,50 м, с куполообразным глиняным потолком, вел со двора крутой лестничный спуск. Такие подземные камеры, круглые или — изредка — прямоугольные, диаметром 2—3 м, найдены под жилищами Афрасиаба в довольно большом количестве¹⁷. Обычно они оборудовались суфами и небольшими нишами. Их назначение неясно, — может быть, здесь укрывались от летнего зноя, — датировка же лежит в пределах 9—10 вв.

С юга и частично запада к зданию примыкал двор, огражденный пахсовыми стенами. На севе-

Дом в западной части Афрасиаба. План.

(эта стена стоит на слое земли со строительными остатками) и представляла собой лоджия-айван. Если это было так, то открытый вестибюль и лежащая за ним поперечная стена делили дом на две части с различными функциями. Большая комната слева от входа была, по-моему, не кухней, а гостиной: об этом говорят её размеры, расположение у входа, изоляция от других помещений и стенка-ширма у входа, характерная для приёмных залов доарабской эпохи и не употреблявшаяся в хозяйственных помещениях. Хозяйственной была комната, лежащая в глубине за гостиной, со входом, скромно прикрытым поперечным выступом стены, — это направляло внимание на соседний правый вход, ведущий в жилую половину дома.

Принцип планировки, совершенно иной, чем в домах Варахши, логичен и приятен гармоничной уравновешенностью. Кажется странным отсутствие суф — обычной детали оборудования раннесредневековых жилищ: суфы должны были обегать помещения вдоль стен и упираться в стенки-ширмы у входов¹². Непонятно превращение комнаты 3 в купальню, устройство которой не имеет, как будто, аналогий, а расположение перед жилой комнатой должно было затруднить пользование последней.

Основные членения плана вписываются в прямоугольную сетку с единицей-гязом размером 62 см, причём кроме целых единиц использовались их половины и четверти, — так, ширина ЮВ жилой комнаты равна 4,25, а длина — 4,5 единиц, размеры ЮЗ комнаты (гостиной) — соответственно 6 и 5,25 единиц. Об употреблении в строительстве Средней Азии гяза аналогичных размеров говорилось на стр. 251.

Дом у северной городской стены Пайкенда — не первое раскопанное здесь жилище раннеисламского времени. Еще в 1914 г. Л. Зимин раскопал в шахристане Пайкенда два жилых дома 9—10 вв., но, будучи любителем, раскопал их плохо и еще хуже опубликовал¹³. Даже в «северном» здании, раскопанном тщательнее, чем «южное», осталось неясным расположение входа. Можно лишь предполагать, что он находился в СЗ углу и был снабжен небольшим вестибюлем-тамбуром, откуда попадали в комнату размером 2,8×4,2 м с печью посередине. Отсюда попадали в две восточные комнаты (3,5×3,5 и 3,5×5 м) и узкую южную, разделённую на два отсека. Аналогичная комната лежала к востоку от второй восточной комнаты, — квадратная, размером 3,5×3,5 м.

Это здание, размерами 7,5×10 м, состояло, таким образом, из 5 помещений. Исследователи дома у северной стены находят в обоих домах сходство архитектуры и планировочных решений, что можно принять лишь с оговорками. Утверждение же авторов о некотором сходстве домов Пайкенда и Варахши¹⁴ безусловно ошибочно.

ре проходила узкая (2,70 м) улица, вымощенная камнем: этим подтверждаются сведения арабских авторов о том, что улицы Самарканда в то время имели, за редким исключением, каменную мостовую¹⁸. Реконструированный по описанию план дома обнаруживает характерные пропорции: в его прямоугольный контур вписывается равносторонний треугольник, — излюбленное в ту эпоху пропорциональное соотношение, показывающее, что это скромное и небольшое здание было возведено строителями-профессионалами. К сожалению, краткость и некоторая неясность публикации оставляют необъясненными ряд вопросов, — таких, например, как отсутствие связи между двумя группами помещений, конструкции перекрытий (квадратная комната 4 могла быть купольной), взаиморасположение дома и двора и пр. С рассмотренными выше жилищами этот дом сближает компактность прямоугольного плана и — как в доме В Варахши — расположение двора рядом с домом, а не окружение его помещениями, как это станет обычным позже.

На той же улице, мощёной камнем и вытянутой в направлении З—В, были раскопаны ещё два жилых дома 9—начала 11 вв. Первый, на южной стороне улицы, состоял из пяти комнат; его стены и суфы были возведены из пахсы. Помещения, которые исследователи считают парадными, были оштукатурены ганчем и местами окрашены в красный и синий цвета. Кроме жилых и хозяйственных помещений здесь была комната, где обрабатывался металл, — видимо, ювелирная мастерская. Второй дом, на северной стороне, включал в себя хозяйственные помещения с пристенными ларями и большими глиняными сосудами — «хумами». В гостиной этого дома, на полу, украшенном фигурной выкладкой из жженого кирпича, были найдены фрагменты резного ганчевого убранства стен, иногда окрашенные в синий цвет. К сожалению, никаких других сведений об этих зданиях публикация не даёт¹⁹.

Большой городской квартал общими размерами 5600 кв. м был раскопан в СЗ части Афрасиаба. Это — первый (кроме Пенджикента) случай, когда объектом исследования стала большая группа сооружений, взаимно связанных и представляющих собой заметную часть застройки города раннеисламского времени. Сложность изучения этого уникального материала в том, что составляющие квартал постройки много раз перестраивались и меняли назначение, и ещё — в том, что его единственная публикация не всегда ясна, не лишена противоречий и спорных умозаключений²⁰.

Возникший, по археологическим данным, в 8 в., вскоре после захвата города арабами, квартал имел пропорции, близкие к квадрату (его восточная часть была уничтожена недавно проложенной дорогой) и лежал между двумя большими улицами. Можно думать, что он был построен по некоему общему, позже искаженному плану и представлял собой цельный архитек-

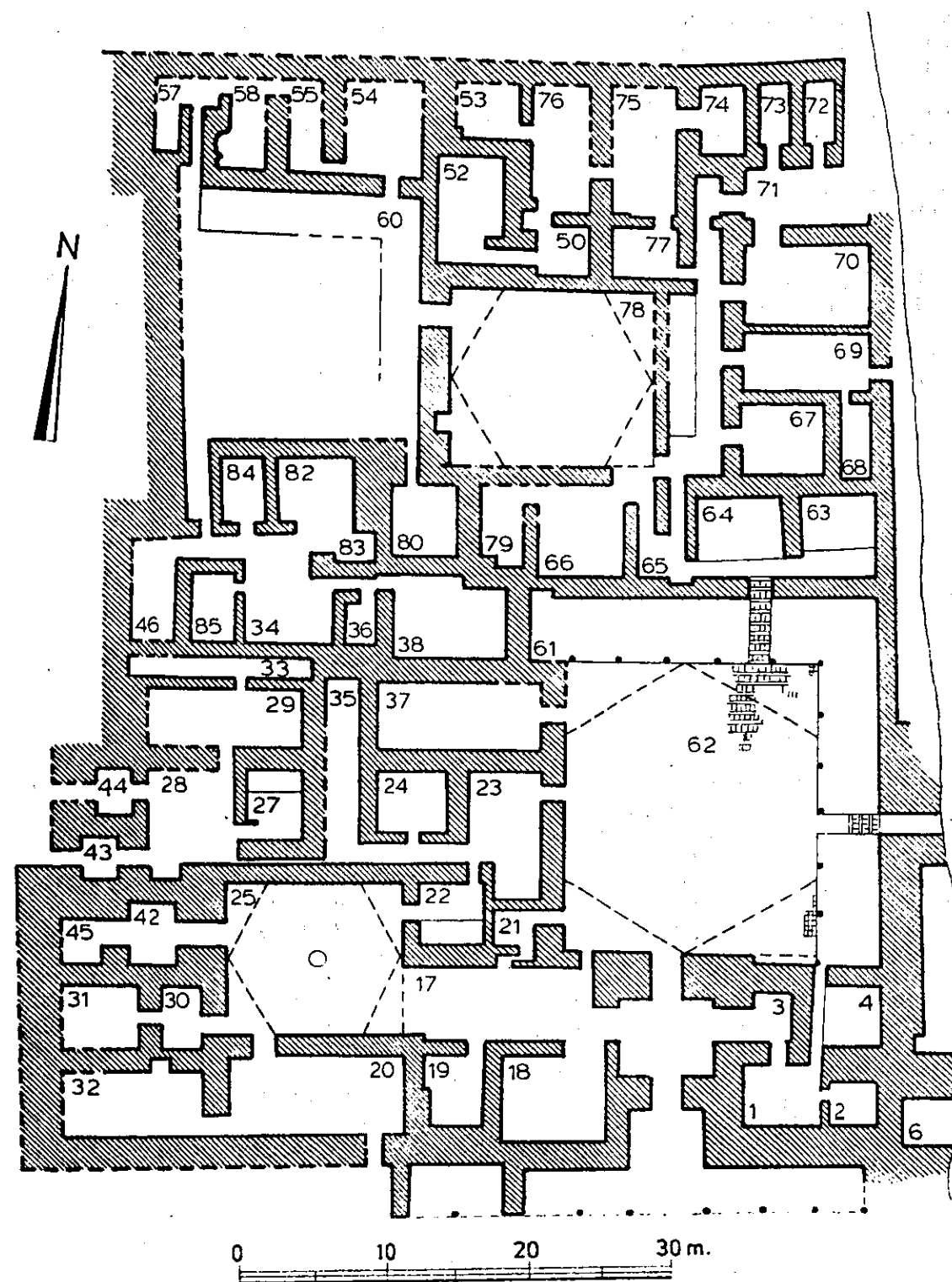
турный ансамбль, части которого группировались вокруг нескольких центров-дворов. Строительство велось из пахсы и сырцового кирпича, — так, в южной части квартала сохранилась сводчатая комната, торцевые стены которой сложены из чередующихся слоёв пахсы и шести рядов сырца, а боковые стены — из пахсы и одного ряда сырцовых кирпичей в основании. Стены этой комнаты были окрашены красной охрой. Полы многих помещений и дворов сохранили фигурную выстилку жженым кирпичом с распространённой в это время длиной сторон — 21—22 см. Большинство комнат, судя по их размерам и форме, было перекрыто сводами.

Многочисленные перестройки существенно изменили, но все-таки не уничтожили изначальное устройство этого квартала-комплекса. Его главный вход, обращённый на юг, был выполнен в традиционно-монументальных формах: глубокая сводчатая ниша-лоджия и лежащий за ней, на той же оси, сводчатый вестибюль типа «чортак»: отсюда проходили прямо, в большой внутренний двор, или в обе боковые стороны, в соответствующие группы помещений. Слева от обращённого на площадь южного входа из фасадной стены выступают два пилона-анта, образующие лоджию с глухой задней стеной. Эта стена, как и стены по сторонам входной ниши, была украшена ганчевыми панелями с геометрическим узором и верхним живописным фризом. Так украшенная стена не могла оставаться открытой, должна была быть защищена навесом, а это предполагает расположенную перед входом деревянную колоннаду. Глубина этого колонного портика — около 3,5 м — определяется выступом пилонов.

Обширный двор, куда входили через парадный южный вход, был центром самой большой юго-восточной группы помещений. С восточной и северной сторон его огибала широкая суфа; прорезающие её проходы — по одному с каждой стороны — были, как и двор, вымощены фигурной кирпичной кладкой. Большая ширина суфы — около 5 м — показывает, что это не возвышение для сидения, а остатки приподнятой над полом двора крытой галереи, кровля которой должна была опираться на колонны. Простой расчёт показывает, что на северной стороне галереи должно было быть 6, а на восточной — 7 колонн.

Пропорции двора не случайны: в его прямоугольный план вписывается правильный шестиугольник или равносторонний треугольник — значит, и здесь было употреблено излюбленное соотношение сторон $1 : \frac{\sqrt{3}}{2}$ или $1 : 0,866$. Такие

же пропорции имеют и два других двора, вокруг которых группируются помещения юго-западной и северной частей квартала. Для меньшего из них, ЮЗ двора, такая форма плана может быть косвенным доводом того, что он был перекрыт шестиугольным балочным куполом типа

Жилой квартал на Афрасиабе. План. По Г. Шишкиной с коррективами и частичной реконструкцией.

«рузан»: балки нижнего шестиугольника в этом случае имели бы длину около 6 м (что технически осуществимо), а один из его углов совпадает с углом дверного проёма в южное помещение 20. Северный двор, как и большой юго-восточный, был вымощен жженым кирпичом — диагональ-

ной сеткой квадратных плиток в двухрядном прямоугольном обрамлении. Остатки кирпичных полов такого же типа сохранились в комнатах 23 и 71; они были, вероятно, и в других помещениях. Стены комнаты 69 были украшены первоначально резным ганчем, обломки которо-

го (к сожалению, не опубликованные), были найдены при раскопках.

После существенного ремонта, предпринятого, по мнению исследователя, в начале 70-х годов 9 в., многие помещения квартала были украшены орнаментальными панелями, настенной росписью и резными ганчевыми панно. Особенно нарядный вид получили комнаты 52 и 70, расположенные в северной части квартала. К сожалению, и этот декор только упомянут в публикации, но не описан и не изображен²¹.

Исследователь этого жилого комплекса Г. Шишкина считает, что в 9 в. он был переоборудован в огромный комплекс бань. Доказательство этому она видит в том, что во многих помещениях здесь были найдены резервуары и углубления в полу, которые автор называет ваннами, а кроме того — кое-где сохранились выложенные жженым кирпичом канавки, которые Г. Шишкина определяет «...достаточно уверенно как жаропроводящие и утепляющие суфы»²², поглощающие колодцы и некие обогревающие устройства. Помещения, в которых этого оборудования нет, Г. Шишкина считает комнатами для отдыха и массажа.

С таким определением нового назначения квартала нельзя согласиться по многим причинам. Вот некоторые из них.

Устройство огромного банного комплекса в небольшом городе, где уже имелось достаточное количество общественных бань нормального размера (не говоря об «индивидуальных» банях в жилых домах) было бы в любом случае бессмысленным. Функции восточной бани требуют строгой взаимосвязи помещений разного назначения и их определённой последовательности, — ничего этого нет в квартале, где предполагаемые комнаты для мытья, массажа и отдыха расположены в полном и случайном беспорядке: такие бани не могли бы нормально функционировать.

В квартале не были найдены общие системы тепло- и водоснабжения, без которых бани невозможны. Открытые сверху кирпичные канавки не могли, конечно, быть жаропроводящими, а атрибуция комнаты 20 как топки на том основании, что на её стенах и полу заметны следы огня, удивляет: обычное помещение использовать как топку невозможно. Удивляет и представление о комнате 32 (с сырцовыми, хотя и оштукатуренными «водостойким» ганчем стенами) как о резервуаре для воды, и убеждение, что для подачи воды из этого резервуара в соседнее помещение его стены пришлось в двух местах сделать значительно тоньше.

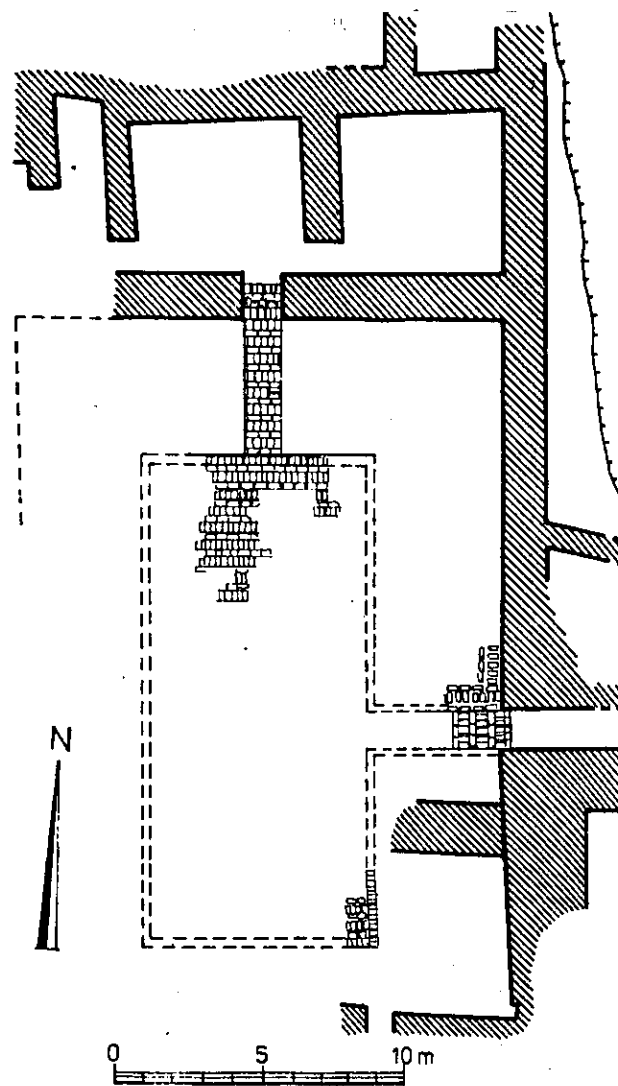
В Средней Азии сохранилось несколько бань 9—10 вв., о которых будет сказано ниже. Все они имеют определённое, функциональное и в общем единообразное устройство: топку с котлом для горячей воды, подпольное пространство для горячего воздуха, комнаты с постепенно повышающейся температурой и т.п. Ничто из этих характерных признаков не прослеживается в афрасиабском квартале. Что до резервуаров

с водостойкой штукатуркой, то, не будучи в каком средневековом ремесленном производстве, я всё же рискну предположить, что они могли использоваться в каких-то производственных процессах, — к примеру, для отмачивания кож или окраски тканей.

О том же, что основное назначение квартала-комплекса было всё же жилым, говорит находка здесь двух круглых подземных комнат уже знакомого типа. Входы в них, расположенные в углах ЮЗ и большого дворов, имели вид узкого и крутого ступенчатого спуска на глубину 4—5 м. В стенах спуска вытесаны небольшие ниши, другие ниши — покрупнее — устроены на осях маленьких (диаметром 3 и 2 м) комнат, напротив и по сторонам входа. Они украшены рельефным обрамлением. Такие круглые «погребки», найденные на Афрасиабе в большом количестве, характерны для местной жилищной архитектуры 9—10 вв., и только для неё.

Относительная регулярность плана афрасиабского квартала выразилась в том, что стены образующих его помещений и дворов параллельны и перпендикулярны друг другу, — в отличие, например, от жилых кварталов Фустата 10—11 вв., где такая регулярность была только в рамках отдельных домовладений, которые примыкали один к другому в самых причудливых сочетаниях. В том состоянии, в каком его нашли археологи, квартал представляет собой огромное здание, все помещения которого (кроме небольшой группы на западной стороне) связаны между собой, так что, например, из ЮЗ угла его можно извилистым путём пройти в дальний СВ угол. Можно предположить, что вначале здесь были три (по меньшей мере) изолированных домовладения, помещения которых группировались вокруг внутренних дворов. Главным из них, судя по величине двора и парадно-монументальному входу, было юго-восточное. Их планировка, в общем, асимметрична и подчинена каким-то неясным сейчас функциям, — некоторые следы симметрии просматриваются в группе комнат севернее ЮЗ двора-зала. Здесь коридор 35 служил осью, по сторонам которой располагались крупные продолговатые помещения. Известная регулярность видна, как будто, в обстройке северного двора: с В и С сторон здесь прослеживаются следы «Г»-образного кулуара, за которым, по тем же сторонам, лежали продолговатые однотипные комнаты одинаковой длины — около 8,5 м. Может быть, кулуар был вначале открыт в сторону двора и представлял собой колонную галерею, подобную галерее большого двора, с которой он совпадает по ориентации.

Этот уникальный архитектурный комплекс раннеисламского времени ещё недостаточно оценен, — вероятно, потому, что его единственная публикация не даёт ясного представления об особенностях архитектуры и к тому же тенденциозно заостряет внимание на якобы банном назначении комплекса.

Остатки дома на Афрасиабе. План. По Л. Ремпелью с коррективками и частичной реконструкцией.

Южнее квартала-комплекса были найдены остатки жилого дома, построенного — судя по найденной здесь монете — в 9 или даже в конце 8 в.²³ Здание было возведено из сырцового кирпича и пахсы, пол — местами — выстлан жжеными кирпичами (38×18×5 см и 40×20×3,5 см) необычным орнаментальным приёмом: узкие ряды кирпичей, соединённых торцами, чередуются с широкими рядами, где кирпичи смыкаются длинными сторонами. Дом прожил долгую жизнь — до 11 в. включительно — и за это время многократно перестраивался: воздвигались новые стены и перегородки, комнаты меняли назначение и устройство. К первоначальной постройке можно уверенно отнести две комнаты, лежащие на северной стороне — почти одинаковые, со слегка перекошенным квадратным планом, они были связаны проёмом в разделявшей их стене, который прорезал её заподлицо с общей для комнат южной стеной.

Другой, так же расположенный проём вел из западной комнаты дальше на запад, в плохо сохранившееся узкое помещение. Комнаты, таким образом, соединялись анфиладно, но не по оси, как позже было принято в Европе, а вдоль общей стены.

Южнее этой стены лежал обширный прямоугольный двор, куда вели сохранившиеся проходы с С и В сторон. Отсюда дорожки, вымощенные декоративной кирпичной кладкой, подводили к средней части двора — прямоугольному с пропорциями 1:2, вымощенному жженым кирпичом в той же декоративной манере. Судя по остаткам у восточного входа, бордюр из кладки такого же типа обрамлял двор по периметру. Несколько южнее восточного входа во двор сохранились остатки массивной стены, которая отделила южную часть двора и превратила его из продолговатого в квадратный.

Первоначальное устройство двора неясно. Выделение средней части и соединение её при помощи дорожек с окружающими двор помещениями говорит, как будто, о том, что здесь была обычная для внутренних дворов крытая колонная галерея. Но в таком случае средняя часть двора должна быть заглублена относительно пола галереи, — как в усадьбе Сайёда и большом дворе рядом лежащего квартала, — здесь же этого нет, и уровень пола во дворе, судя по публикации, всюду одинаков. Странно и то, что, судя по сохранившимся северной и восточной стенам, двор был окружен глухой стеной, прорезанной на каждой стороне только одним проходом. Впрочем, возможно, что большинство помещений с выходами во двор располагалось на несохранившихся западной и южной сторонах.

Хотя от этого дома и особенно от его первоначальной архитектуры осталось очень мало, можно всё-таки заключить, что он представлял собой разновидность городской усадьбы с её характерным элементом — большим внутренним двором. Но почти полное исчезновение обстройки двора делает рискованным какие-либо обобщения, построенные на таком зыбком основании.

«Купольный зал» на Афрасиабе

В 1965 г. в восточной части Афрасиаба были раскопаны остатки здания, первоначально состоявшего из трёх одинаковых помещений, вытянутых в направлении В—З. На стенах среднего помещения местами сохранился резной ганчевый декор, а на его полу было найдено множество фрагментов ганча, резного и скульптурного, который должен был украшать куполообразное перекрытие и верхние части стен. Было археологически установлено, что здание возведено в 9 или даже в конце 8 в. и перестроено в 10 в., причём в это время средний зал получил свой богатый резной декор, а восточный зал был «усечён» и потерял первоначальную форму.

Этому зданию и опыту его реконструкции в значительной степени посвящена изданная его исследователями монография²⁴. Археолог И. Ахраров поместил здесь отчёт о раскопках, известный искусствовед Л. Ремпель — исследование остатков ганчевого убранства и основанную на нём графическую реконструкцию.

Вопреки положительной в общем рецензии²⁵, я нахожу сделанную Л. Рempelем реконструкцию «купольного зала» неубедительной и во многом произвольной, а текст исследования изобилующим ошибками частного и общего характера. Умозрительно — за отсутствием реального материала — определены общие пропорции зала в разрезе, детали декора 10 в. сопоставляются с деталями деревянного михраба 19 в. из села Кум (стр. 43), резные консоли из с. Сангистан выдаются за консоли из с. Чорку (рис. 89,90); утверждается, что «тема сводов, куполов и парусов» родилась в Средней Азии только в 9—10 вв. (стр. 73), и что «для 9—10 вв. тема рифлёного купола не выявлена» (стр. 80), хотя такой купол был в 8 в. возведен в Охейдире; непонятно, почему только среднее помещение из трёх показано на реконструкции купольным, хотя соседние с ним помещения не отличались от него ни размерами, ни формой. Не имеют фактического обоснования сложные формы реконструированных тропов и расположенных между ними двойных окон, форма арок и некоторые другие детали.

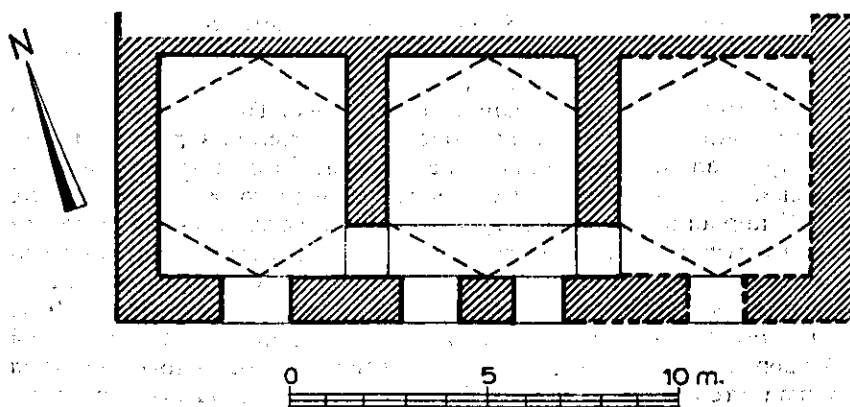
Главное, однако, в том, что, вопреки утверждениям авторов, «купольный зал» и соседнее с ним западное помещение (как, очевидно, и несохранившееся восточное) представляют собой в плане не квадрат, а прямоугольник с многократно уже встречавшимся нам соотношением сторон, — $1 : \frac{\sqrt{3}}{2}$ или $1 : 0,866$. Это подтверждается планом археологических остатков здания²⁶, который я в точности воспроизвожу, добавив к нему — для наглядности — вписанные в прямоугольные планы помещений правильные шестиугольники. Размеры помещений оказываются не $4,90 \times 4,90$ м, как у авторов, а $4,90 \times 5,50$ м.

При этом обнаруживается, что расположение и размер дверных проёмов, соединяющих все

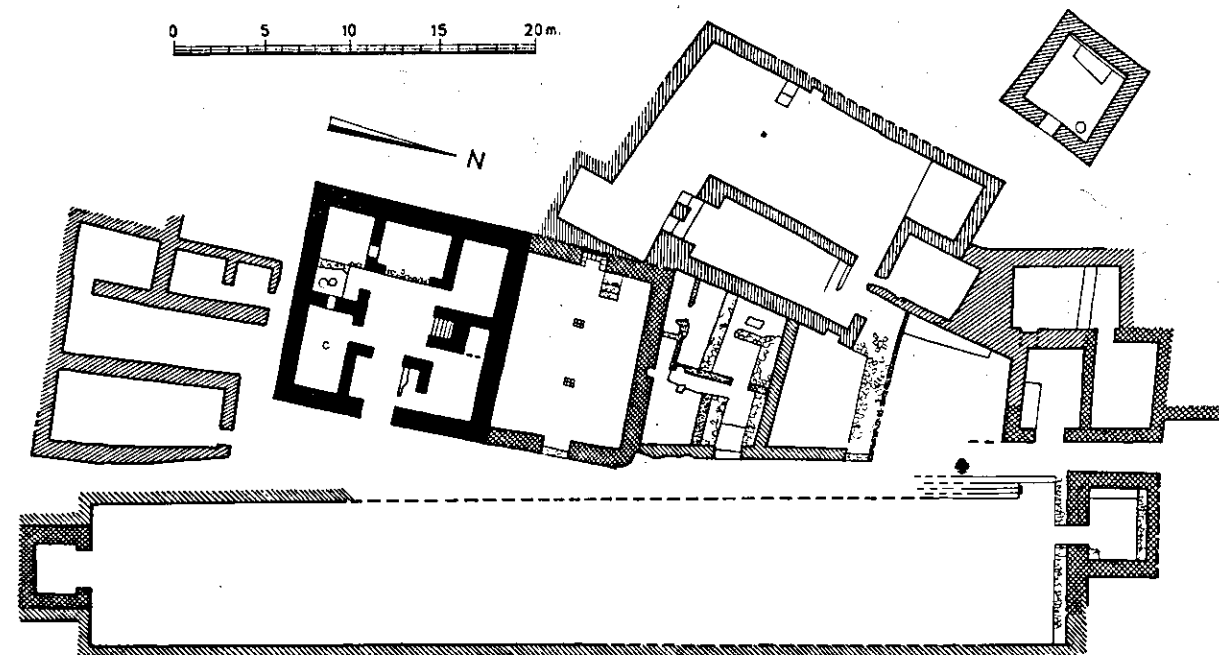
три помещения и лежащих вплотную к южной (фасадной) стене, не произвольны: они занимают пространство между этой стеной и ближайшими к ней углами шестиугольника, вписанного в план помещения. Такое совпадение, едва ли случайное, позволяет предположить, что характерные пропорции помещений в этом случае были прямо связаны с конструкцией перекрытий, и что этой конструкцией (по крайней мере на первом этапе жизни здания) был не купол, требующий квадратного основания, а деревянный брусчатый свод «рузан» шестиугольной формы. Перекрытия такого рода, не дошедшие до нас (как, впрочем, и древние «рузан» обычной квадратной формы) имели распространение в строительстве Средней Азии еще в доисламскую эпоху²⁷.

Зависимость же места и размера дверных проёмов от типа перекрытия в данном случае может быть объяснена тем, что углы нижнего деревянного венца шестиугольной формы опирались не на сырцовые стены, а, как это было принято еще в доисламское время, на пристенные деревянные опоры, некоторые из которых служили вертикальными стойками дверей. Кроме того, ненадёжные участки стен над дверными проёмами оказывались вне давления тяжелого брусчатого перекрытия.

Всё это делает сомнительной реконструкцию перекрытия зала в 10 в. в виде купола на тропках: возведенный над неквадратным, слегка удлиненным помещением, такой купол должен был иметь неприятную вытянутую форму, с которой плохо сочетается найденная при раскопках декорация в виде рельефных и регулярно расположенных тяг. Более вероятным представляется перекрытие в виде деревянного каркасного купола шестигранной формы, основанного на нижнем шестиугольном венце, — эта конструкция, среднеазиатские традиции которой восходят к парфянской эпохе²⁸ и сохраняются вплоть до 19 в.²⁹, могла нести изнутри резной ганчевый декор. Криволинейные ганчевые детали, принятые Л. Рempelем за остатки тропов, представляют собой, вероятно, части небольших декоративных куполков, которые украшали плоские треугольники потолка у углов помещения, — так же, как в комнате-мечети

«Купольный зал» на Афрасиабе. План. По И. Ахрарову и Л. Рempelю с коррективками.

Комплекс Чиль Духтарон в Шахристане. Общий план.

городской усадьбы в Сайёде, где было, может быть, такое же перекрытие.

Трёхкомнатный комплекс «купольного зала» имел, видимо, не бытовое, а представительное назначение: следы бытовых функций здесь не найдены, да они и противоречили бы парадно-анфиладному единству трёх одинаковых, богато украшенных комнат. Средняя комната отличалась от других тем, что была открыта на юг, во двор не одной, а двумя дверями. В этом, пожалуй, можно усмотреть сильно деформированную традицию «трёхчастного» жилища (упоминавшегося в связи с устройством караван-сарая в Пайкенде), в котором две комнаты разделены помещением типа лоджии-айвана, более или менее открытого во двор.

Чиль Духтарон

Этот архитектурный комплекс у селения Шахристан (Таджикистан) упоминался в связи с открытыми здесь двумя мечетями и мавзолеем.

Жилой дом был центральной и, наверняка, одной из самых первых построек комплекса, позже получившего поэтическое имя, означающее «сорок девушек». Если верна гипотеза, видящая в Чиль Духтарон местопребывание первых шейхов — проповедников ислама в ещё не вполне исламизированной Уструшане, то центральное здание комплекса нужно признать за резиденцию этих шейхов, сочетающую в себе функции жилища и представительного-репрезентативные функции. Этим объясняются особенности постройки, которую лишь условно можно называть городским жилым домом, — и из-за архи-

тектурного окружения, и из-за её собственной структуры³⁰.

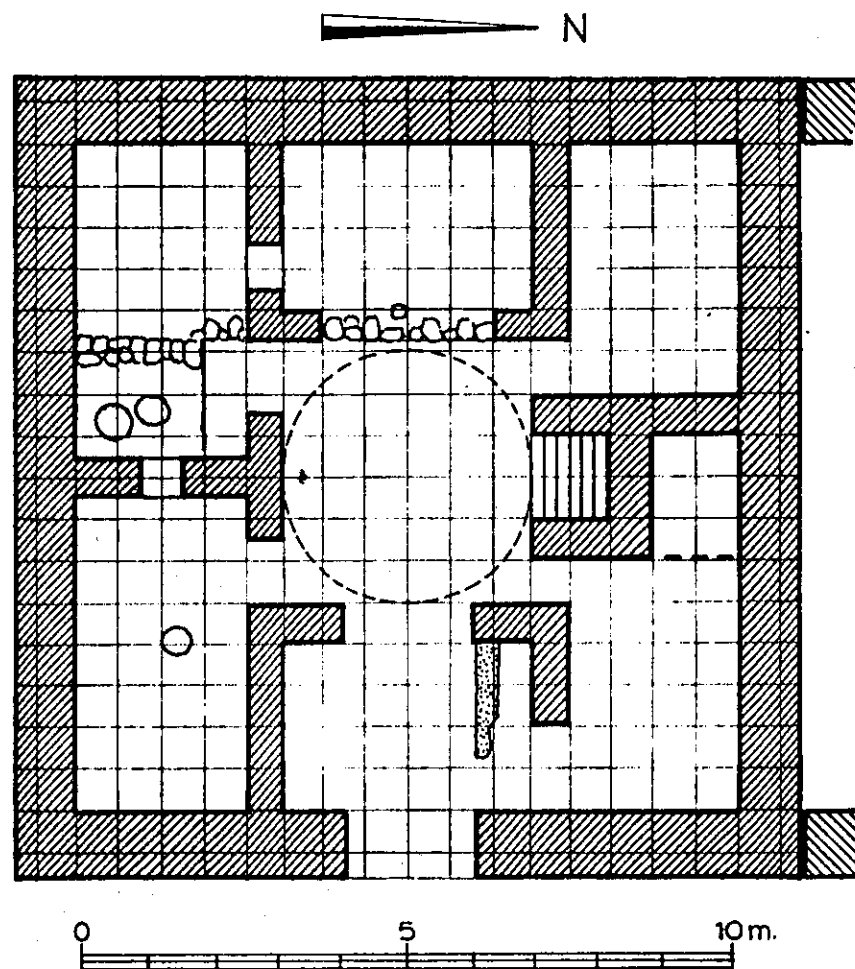
Как и все постройки Чиль Духтарон, здание возведено из местного рваного камня на глиняном растворе. В плане оно имеет форму правильного квадрата со сторонами 12,20 м и ориентировано по странам света; единственный, ничем пластически не оформленный вход расположен посередине восточного фасада. Планировка дома, отвечающая его квадратной форме, строго центрична: шесть прямоугольных комнат окружают центральный квадратный холл размером около 4×4 м, образуя симметричную, с двумя пересекающимися осями систему. При этом оси хотя и равны, но не равнозначны: главная — ось В—З, на которой последовательно, начиная от широкого (почти 2 м) входа лежат вестибюль, центральный квадратный холл и замыкающая ось комната-лоджия, почти на всю свою ширину открытая в холл. Пол лоджии поднят над полом холла примерно на 40 см.

На поперечной оси С—Ю слева (на южной стороне) расположена стена, разделяющая две одинаковые продолговатые комнаты. Входы в них симметрично прорезают южную стену холла у её краёв, а в стене, разделяющей комнаты, сделано небольшое внутреннее окно. Судя по сделанным здесь находкам (жаровня, хумы, котлы и пр.), эти комнаты сочетали в себе жилые и хозяйственные функции. В западной пол, кроме узкой площадки у входа, приподнята на 30 см.

В северной стене этого помещения была устроена дверца-лаз шириной 55 и высотой 67 см, соединявшая его с лоджией.

По правую сторону от входа на поперечной оси, общей для всего дома и холла, лежит

Комплекс Чиль Духтарон
в Шахристане. Жилой дом.
Геометрический анализ плана.

лестница шириной 125 см, которая вела на 2 этаж. От неё сохранились 7 каменных ступеней, зажатых между параллельными стенами; торцы этих стен — всё, что осталось от северной стены холла, которая прорезана, кроме лестницы посередине, двумя симметричными входами у краёв. Эти входы, лежащие напротив входов в южные помещения, но более узкие (так как ширина лестницы с её боковыми стенами больше ширины простенка южной стены холла), ведут в две одинаковые комнаты, образующие — вместе с лестницей — северную группу помещений. СВ комната связана широким проёмом с вестибюлем и увеличена за счёт пространства под лестницей, превращённого в род нишевидной каморки. В устройстве здания удивительна абсолютная двухсторонняя симметрия — источник парадной репрезентативности, мало свойственной жилищной архитектуре. Все стены центрального холла являют собой трёхчастную симметричную композицию — либо широкий средний проём в окружении узких простенков, либо простенок, фланкированный проёмами, либо уходящая вверх лестница с двумя входами по сторонам. Помещения на оси В—З образуют собой классически ясную дворово-айванную структуру в её камерном варианте: посетитель проходил по прямой через вестибюль в холл и оказывался

стоящим перед широкой лоджией, традиционным «тронным» айваном, где на возвышении сидел шейх. Этому противостоянию подчинена, по существу, вся планировка дома, — её особенность (одна из многих) в том, что дворово-айванная система, предполагающая удлиненное пространство, здесь мастерски вписана в квадрат. Правда, составляющие «дворово-айванный» комплекс части — вестибюль, холл и лоджия-айван — образуют продолговатый прямоугольник, так как имеют общую ширину и ограничены двумя параллельными стенами.

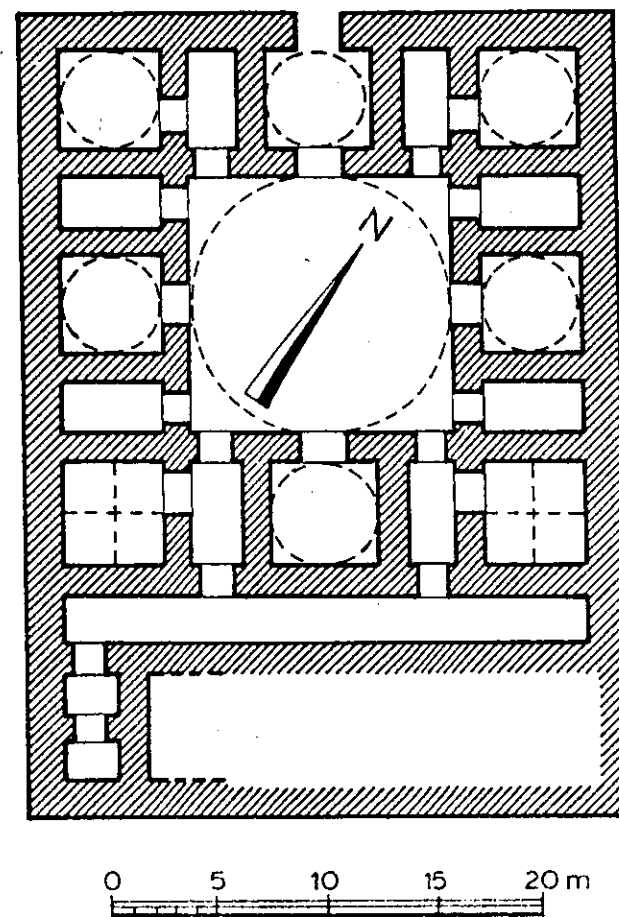
Но если сочетание зала и раскрытой в него лоджии-айвана — лишь эффектная разновидность широко распространённого приёма, то лестница, которая вела из холла вверх — явление необыкновенное.

Внутренние лестницы в архитектуре ислама всегда старались спрятать, поместить в как можно более незаметное место — обычно в толщу стены или массивного пилона. В этом отношении строительное искусство исламских стран было вполне интернациональным, и, например, устройство лестниц в аббасидском дворце Охейдир — в узких промежутках между стенами — ничем не отличалось от аналогичного устройства в караван-сараях Дая-Хатын. Лестница — за очень редким исключением, а внутренняя лест-

ница всегда — рассматривалась как необходимый, но сугубо функциональный элемент архитектуры: в архитектурной композиции, рассчитанной на художественный эффект, её участие исключалось. В этом отношении архитектура ислама — прямая противоположность европейской архитектуре эпохи барокко, где лестницы играли едва ли не ведущую роль в организации пространства и придания ему должного величия. Лестница дома в Чиль Духтарон — единственный (кроме, пожалуй, парных лестниц в замке Акуйли-кошук) «барочный» приём в архитектуре Средней Азии. Парадно расположенная на оси зала, фланкированная двумя проёмами, она не только не спрятана, но — вопреки правилам — как бы выставлена вперёд как первостепенный компонент пространственной организации.

Её центральное расположение предполагает продолжение в виде двух маршей, расходящихся вправо и влево, — тоже характерно «барочный» приём, без которого был бы нарушен неукоснительно соблюдаемый здесь принцип симметрии. Эти марши выводили на верхний уровень, где, как можно думать, находились собственно жилые помещения. Они, как и нижние комнаты, окружали центральный холл, который — судя по квадратной форме плана и размерам — был перекрыт куполом. Окружавшие же его в два этажа помещения имели, вероятнее всего, плоские деревянные перекрытия, так как в ином случае — перекрытые сводами — они сделали бы чрезмерно высоким центральный холл.

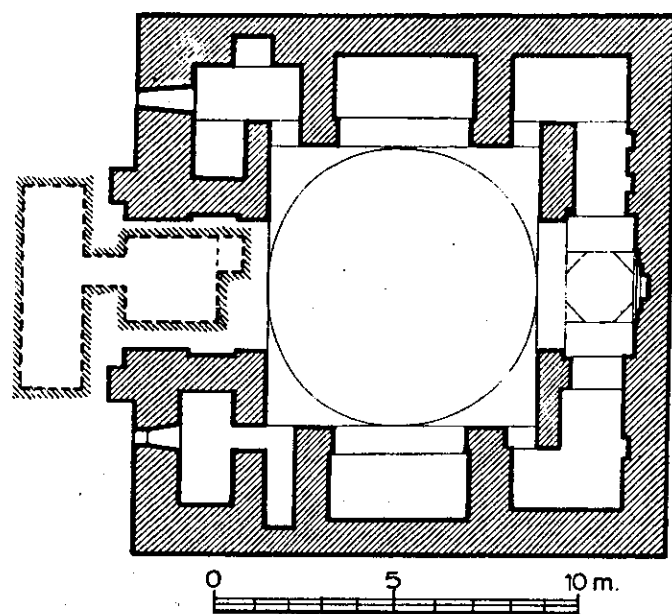
В прижизненном состоянии здание должно было представлять собой открытый со всех сторон кубический, двухэтажный объём с плоской кровлей, над которой возвышался купол. Постройки этого типа, со строго центрической организацией пространства, восходят к доисламским замкам 2-го типа, — к тем, у которых центральная часть занята квадратным залом, обычно увенчанным куполом³¹. Такие постройки, датированные 11—12 вв. (хотя есть и более ранние датировки), сохранились в виде руин на территории древнего Мерва, — это жилые дома к востоку от Гяур-калы и к западу от Султан-калы, дом, называемый Яккипер и жилой дом в квартале керамистов³². Последний, несмотря на одноэтажную пристройку с ЮВ стороны и значительно большие размеры, очень близок дому Чиль Духтарон абсолютной двухсторонней симметрией внутреннего устройства. Правда, входная и поперечная оси здесь равнозначны, нет парадно расположенной лестницы (место лестницы на опубликованном плане вообще не показано) и нет признаков внутренней дворово-айванной структуры. План здания с большим центральным залом и его обстройкой, в которой чередуются квадратные и удлиненные комнаты, отличается механистичностью, которой совершенно нет в доме Чиль Духтарон с его более простым и вместе с тем более изощренным устройством.

Мерв. Жилой дом 11—12 вв. в квартале керамистов.
План. По Г. Пугаченковой.

Дома этого типа, восходящие к доисламским замкам и отчасти подражающие им, как будто не нашли распространения за пределами Средней Азии. В архитектуре западного ислама мне известен только один пример такого рода — отдельно стоящий входной павильон омейядского дворца в Аммане (Иордания). Сходство это относительное: павильон — одноэтажный, и в его средний купольный зал открыт не один лежащий на оси айван, а четыре со всех сторон. Зал из-за этого получил крестообразную форму, впоследствии очень распространённую в монументальной архитектуре ислама³³.

Чётко организованный план дома Чиль Духтарон вписан в квадратную сетку с ячейками-газами размером 63 см. Этот же размер газа установлен для мавзолея Бабаджа-хатын (южный Казахстан, 11 в.), и близкий — 64,5 см — для стоящего рядом с Бабаджа-хатын мавзолея Айша-биби того же времени³⁴. Размеры центрального зала составляют 6×6 газ, размеры вестибюля и лоджии-айвана — 6×4 газ, двух южных комнат — 7,5×4 газ и двух северных комнат — 6×4 газ. Ширина лестницы равна двум газам, толщина внутренних стен — 1 газу и наружных стен — 1,5 газам. Ширина проё-

Мечеть «Мухаммед Бошшаро» в селе Мазари Шариф. План первоначального здания.

мов — 4 гяза (айван), 3 (вход), 2, 1,5 и 1 (двери между помещениями). Эти закономерности соблюдены повсюду, за исключением передней стены айвана, которая оказалась несколько тоньше других, — но это могло быть следствием разрушений.

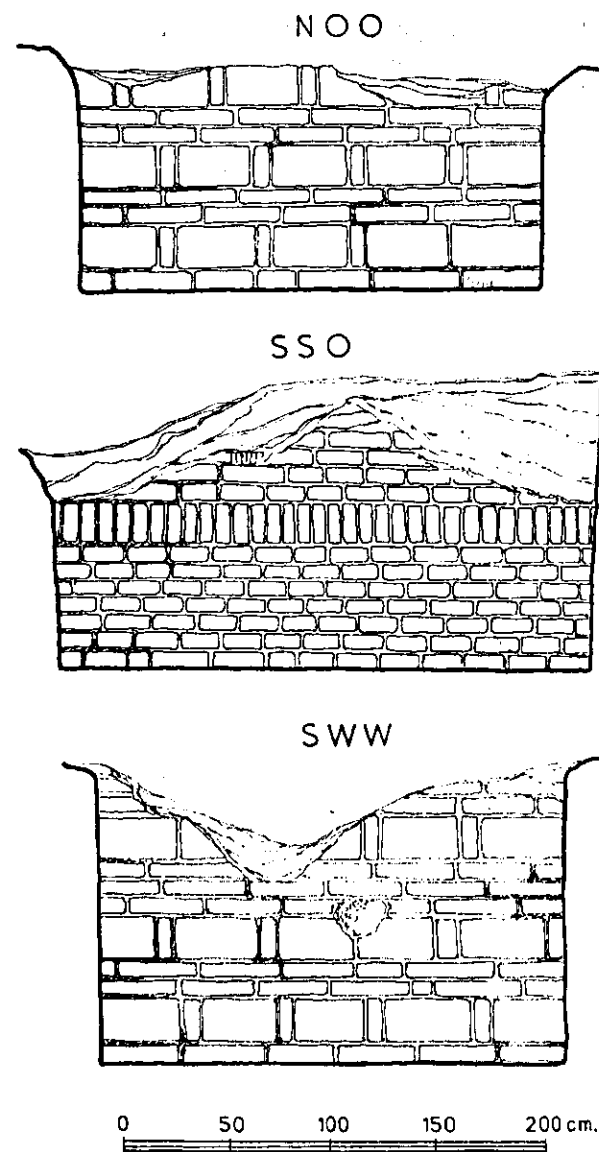
Несмотря на некоторую типологическую близость более поздним домам-«замкам» Мерва, дом Чиль Духтарон остаётся уникальным явлением в исламской архитектуре Средней Азии. Вместе с тем он — древнейший образец того типа центральных зданий, который позже получил распространение и в культовой архитектуре: центрическая купольная мечеть, построенная, вероятно, в 13 в. и известная под неправильным именем мавзолея Мухаммеда Бошшаро, выглядит прямым потомком дома Чиль Духтарон, — вплоть до «дворова-айванной» организации внутреннего пространства³⁵.

С восточной стороны дома, под небольшим углом к нему и пристроенной рядом мечети, ниже этих зданий была в 10 в. устроена длинная площадка-терраса длиной 54 и шириной 8 м. С запада она ограничена невысокой подпорной стенкой, с востока — выровненным краем естественного скального откоса. У узкого северного края террасы стояло маленькое здание, — всего одна квадратная (4×4 м) комната с узкими суфами внутри и более широкой суфой перед фасадом, вытянутой во всю ширину террасы. Это отдельно выстроенное помещение выполняло сторожевые функции: рядом с ним была устроена широкая каменная лестница из пяти ступеней, выводившая с уровня террасы на верхний уровень комплекса. Размеры помещения — 378×328 см — очень точно отвечают пропорции $1 : \frac{\sqrt{3}}{2}$ (или 1:0,866); это даёт основание предполагать, что оно было перекрыто шестиугольным брусчатым сводом «рузан» (рис. на стр. 265).

Южный торец террасы замыкается другой небольшой постройкой необычного вида. Это прямоугольное помещение размерами 265×229 см на высоте 120 см от пола, обращённое широкой северной стороной к террасе. Его боковые стены заметно наклонены назад, так что длина на уровне пола меньше — 250 см. На верхнем же уровне комната имеет те же пропорции, что и противоположное ей сторожевое помещение и, возможно, тоже была перекрыта шестиугольным «рузан». Хотя наклонённые назад внутренние поверхности стен обычно означают, что помещение было перекрыто сводом.

Очень широким (208 см) проёмом, почти во всю северную стену, эта миниатюрная однокамерная постройка открыта в сторону двора-террасы. Её стены, возведённые (как и все сооружения Чиль Духтарон) из плиточного сланца, изнутри облицованы сырцовыми кирпичами удлиненного «доисламского» формата — 35—37×19—20×8—9 см. Необычайность облицовки каменных стен сырцом усилена декоративно-узорчатым характером сырцовой кладки. На боковых СВ и ЮЗ стенах двойные ряды кирпичей, уложенных нормально — горизонтально и ложком наружу — чередуются с рядами, в которых примороженные плашмя к стене, горизонтально расположенные кирпичи разделены вертикально вставленными полукирпичами. Нижний ряд кирпичей — одинарный, а на ЮЗ стене один двойной ряд заменен тройным. Задняя ЮВ (точнее, ЮЮВ) стена украшена скромнее: здесь над 7 рядами кирпичей, обращённых тычками наружу, проходит пояс из вертикально поставленных кирпичей, — выше продолжается нормальная кладка, в которой среди тычковых видны и ложки. Простенки по сторонам широкого проёма облицованы нормальной «цепной» кладкой с чередованием ложков и тычков.

Необыкновенный способ декора этого маленького помещения, его очевидно «айванный» ха-

Комплекс Чиль Духтарон в Шахристане. Облицовка сырцовыми кирпичами стен комнаты-лоджии.

актер и столь же очевидная связь с двором, который он замыкает, и с другими постройками комплекса, которым он предстоит, — всё это заставляет предполагать какое-то особое его назначение. Вероятно, узкая терраса была приёмным двором, куда приходили из лежащего ниже города члены мусульманской общины. Здесь они встречались с главой общины, шейхом, который, сидя под сводом нарядно украшенного «тронного» айвана, выполнял свои общественные функции. Древняя и традиционная дворово-айванная система была, таким образом, дважды использована в комплексе Чиль Духтарон, — в её камерном и дворовом вариантах, оба раза с уникальным своеобразием.

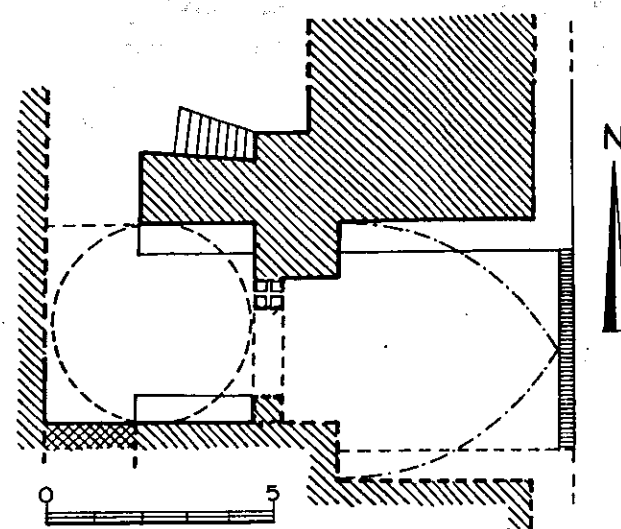
Многие другие помещения Чиль Духтарон, жилые и хозяйственные, были облицованы кирпичом, — но не сырцовым, а обожжённым. Ос-

татки такой облицовки были найдены в строениях к югу от центрального дома, иногда прямо на стене, к которой кирпичи (19,5—20×19,5—20×3—3,5 и 24×24×3—4 см) примораживались плашмя. Встречаются и другие кирпичи, квадратные и удлиненные: 19×19×3,30×14,5×3, 25×21×6, 31×19×4 см. Жжёные кирпичи размером 19×19×3—3,5 и 24×24×4,5 см были найдены в «сторожевой» комнате на севере двора. Формат кирпичей, типичный для построек 9—10 вв., подтверждает время строительства комплекса, который создавался постепенно — по мере роста мусульманской общины — и, несомненно, без общего предварительного проекта.

Мерв

Часть жилого дома 9 в. была раскопана в рабаде Мерва, в 800—900 м к СЗ от его древнего ядра Эрк-калы. Небольшая публикация, посвящённая этой работе³⁶, выполнена неудовлетворительно: у непрофессионально начерченного плана — неверный масштаб, легенда не отвечает изображению, в тексте есть неясности и противоречия. Здание, судя по археологическим данным, было построено ещё до прихода арабов, но в 9 в. капитально переделано и по-новому украшено. Оно, видимо, не принадлежало к числу построек, имитировавших облик доисламских «кёшк» с их компактным объёмом и относительно симметричным планом, которые возводились в Мерве и позже, — это, как будто, был дом с асимметричным устройством, входивший в состав плотной жилой застройки рабады. Его небольшая раскопанная часть представлена здесь в моей реконструкции.

Материал постройки — квадратный кирпич-сырец толщиной 9 см и длиной сторон 33, 34, 36

Остатки дома в рабаде Мерва. Реконструкция плана. По И. Столяровой с коррективками.

и 40 см. Сырцовые стены стояли на цоколе, сложенном из 5 рядов жженого кирпича, тоже квадратного, но меньших размеров: $22 \times 22 \times 5$, $24 \times 24 \times 6$ и $26 \times 26 \times 7$ см. Единственное полностью раскрытое помещение ориентировано по странам света, квадратно в плане (около 5×5 м) и было, вероятно, перекрыто куполом. Здесь найдены кусочки настенных росписей, выполненных черной, красной и синей красками по глиняной штукатурке: ромбическая сетка с заполнением ячеек стилизованными цветами. Исследователь полагает, что эта роспись, позже закрытая резным ганчевым декором, датируется концом 6—7 вв., то есть доисламским временем. Но её геометрически-орнаментальный характер, не свойственный стенописи того времени, заставляет в этом усомниться.

Проход в северной стене, шириной около 2 м, прорезанный вплотную к западной стене, ведёт в комнату, где находился пандус, позже заменённый лестницей из кирпича-сырца. Сужающаяся кверху лестница, как видно из плана, примыкает к угловому пилону-выступу, который как бы продолжает восточную стену квадратной комнаты. Исследователь считает, что её 8 крутых ступеней выводили на площадку вроде открытой террасы. Это тоже сомнительно, так как высота лестницы — около 230 см — предполагает такую же высоту соседних помещений, а это слишком мало для жилищ даже нашего времени. Правда, соседних помещений в уровень с площадкой могло и не быть, — опубликованный материал недостаточен для однозначного решения.

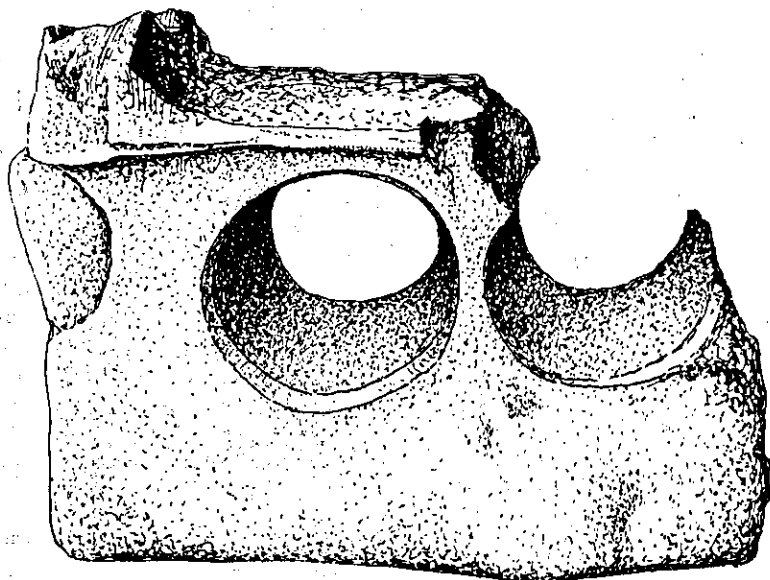
Вдоль северной стены левее проёма тянется суфа, оштукатуренная ганчем и с боковыми поверхностями, окрашенными в синий цвет. Такая же суфа расположена напротив, у южной стены. Она не доходит до западной стены на такое же расстояние, что и северная суфа, и это позволяет предполагать здесь заложенный дверной проём, равный и симметричный северному.

Проём шириной 3 м ($3/4$ длины стен) соединяет квадратную комнату с помещением к востоку от неё. Он расположен вплотную к южной стене квадратной комнаты и был, как будто, оборудован порогом из жженных кирпичей. Впрочем, может быть, что 4 кирпича у северного края проёма — это остатки пристенного пилона, которому отвечал такой же пилон у южного края, примыкавший к суфе; в таком случае ширина восточного проёма уменьшилась бы до 3 м и стала бы равна ширине северного и южного проходов.

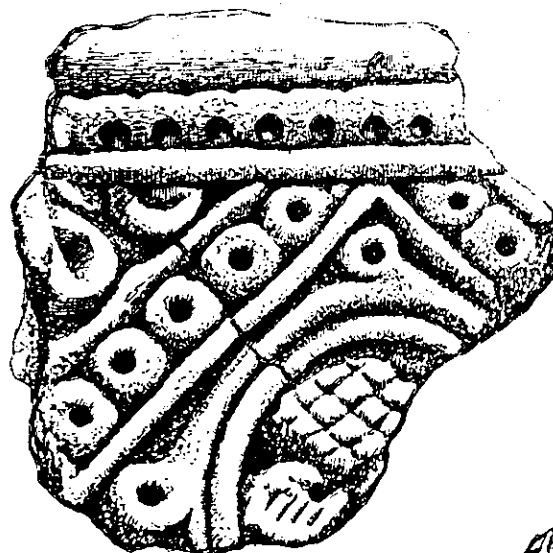
От восточного помещения сохранилась (открыта раскопками) северная сторона с суфой, которая тянется вдоль стены и далее вместе с ней поворачивает на север. Помещение с восточной стороны не было ограждено, — вместо стены его граница здесь отмечена узкой полосой жженных кирпичей ($28 \times 28 \times 5$ и $32 \times 32 \times 6$ см), поставленных вертикально на ребро и вкопанных в грунт. Это — так называемая «дандана», архитектурно-конструктивная форма, употреблявшаяся на Среднем Востоке с давних до наших времен и как завершение стен, и как конструкция ступеней, и как бордюр кирпичной или иной отмостки полов. При помощи «данданы» обычно отмечалась наружная граница пола внутри порталной ниши, пример чего — портал медресе 11 в. Ходжа Машад.

Восточное помещение мервского дома и было, очевидно, такой глубокой порталной нишей, пролётом около 6 м, слегка суженной за счёт суф вдоль боковых стен, — это сообщало торжественному порталному входу менее официальный, более жилой характер. Пропорции реконструированной таким образом порталной ниши — излюбленное соотношение $1 : \frac{\sqrt{3}}{2}$

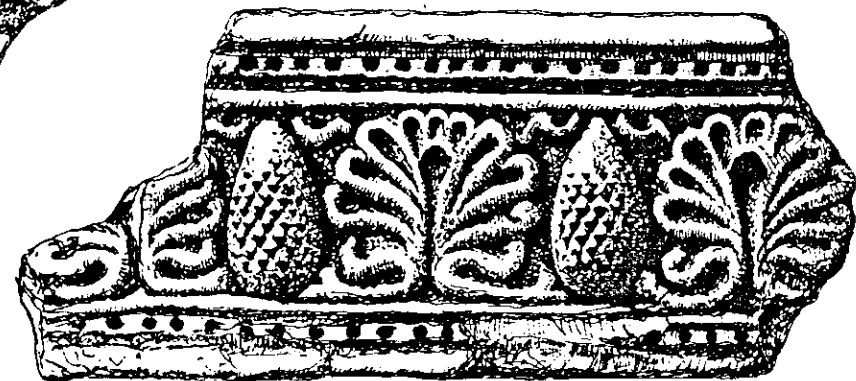
($1 : 0,866$) — подтверждают, как будто, правильность реконструкции. Небольшая раскрытая археологами часть дома недостаточна для суждения о его общей планировке. Можно лишь

Остатки дома в рабаде Мерва. Фрагмент оконницы.

Остатки дома в рабаде Мерва. Фрагмент рельефного фриза 1.

Остатки дома в рабаде Мерва. Фрагмент рельефного фриза 2.

заклучить, что эта планировка не строилась на принципе центрической или двухсторонней симметрии и была достаточно свободной. О внутреннем же устройстве и убранстве дома свидетельствуют некоторые интересные находки, сделанные в квадратной комнате. Здесь найдены обломки древнейших в Средней Азии оконниц — гипсовых плит с круглыми отверстиями, в которые вставлялись специально сделанные для этого стекла с загибом по краям. Иногда — следствие ремонта(?) — вместо стёкол вставлялись донца стеклянных сосудов соответствующего размера³⁶.

Богатое убранство стен представлено многочисленными обломками резных ганчевых облицовок по меньшей мере двух типов. Оба представляли собой горизонтальные ленты-фризы и располагались, видимо, где-то в верхних частях стен. Один из фризов состоял из диагонально поставленных квадратов в обрамлении из «перлов», с заполнением в виде спирального побега с рубчатым плодом посередине. По словам автора публикации, части этого фриза, «... к которому была прикреплена панджара...» (подразумевается оконница — С. Х.) находились «... на месте световых проёмов...». Если я верно расшифровал эту сложно сформулированную мысль, то фриз должен был быть под окнами или между ними. Второй фриз располагался, вероятно, вверху стен над окнами. В его широком среднем поле чередуются пальметты, форма которых ещё достаточно ясно говорит об их античном происхождении, и выпуклые каплеобразные предметы, покрытые в шахматном порядке мелкими треугольными углублениями. Автор публикации видит в этих предметах стили-

зованные гроздья винограда, я же склонен рассматривать их как шишки хвойного дерева, тоже, конечно, стилизованные. В отличие от пальметт и горизонтальных обрамлений, вырезанных прямо в ганче, эти шишки были отлиты отдельно и затем прикреплены к заглублённому фону фриза. Ни весь этот фриз, ни составляющие его скульптурные мотивы не имеют параллелей в искусстве Средней Азии. Мотив пальметт, получивший некоторое распространение в предисламском архитектурно-декоративном искусстве Согда, имел здесь совершенно иную устойчивую интерпретацию³⁷. Шишка же как декоративный мотив в искусстве Средней Азии вообще неизвестна.

Оба эти мотива, близкой формы и в близком сочетании, довольно часто встречаются в искусстве мавританской Испании. Пальметты характерно «мервского» типа входят в убранство «зала послов» севильского Алькасара, «зала покоя», «башни пленников» и других мест Альхамбры, а выпуклые изображения шишек сосны — частая деталь изобильного резного декора той же Альхамбры³⁸. В сочетании, близком мервскому фризу, но более сложном, эти мотивы представлены в декоре резного деревянного купола из башни «Лас дамас» в Альхамбре, который датируется 1320 г.³⁹ Здесь выпуклые, каплеобразной формы шишки окружены эпиграфическим плетением и вставлены в фестончатые арки, а пальметты приподняты и расположены между арками. Хотя фриз из Альхамбры, насыщенный сложной и изощрённой орнаментикой, есть произведение иного стиля, его генетическое родство с фризом из Мерва, выраженное в единстве главных мотивов и общего компози-

Фриз деревянного купола из Альхамбры.

ционного приёма, едва ли может вызвать сомнения.

Остаются два вопроса, ответы на которые я, увы, не в силах найти: какими путями дошел до Мерва этот образец западноисламского, андалузского искусства, и почему его явная параллель, аналогичный фриз из Альхамбры с чередованием пальметт и шишек, моложе его на 500 лет. Иначе говоря, почему за всё это время нигде, в том числе в Испании и Средней Азии, не обнаружено никаких следов этого мотива, а его неожиданное возрождение и популярность ограничены Испанией 14 в.

***

В археологической периодике Средней Азии упоминания о находках городских жилищ встречаются довольно часто. Обычно это, к сожалению, именно упоминания, без чертежей и детальных описаний, не всегда достаточно ясные. Архитектурный материал таких публикаций служит дополнением материала чисто археологического, — это делает трудным его использование, определение историко-художественных качеств публикуемых построек и их классификацию. Всё же мне кажется нужным упомянуть хотя бы некоторые из них, — те, что датируются 8—10 вв. и, видимо, не стали материалом более подробных публикаций.

Иштихан-тепе

Средневековый город, остатки которого известны под этим именем, был расположен в долине Зеравшана, в 60 км к западу от Самарканда. Он возник около 6 в. и в 9—10 вв. испытал, видимо, период расцвета⁴⁰. Этому времени принадлежат найденные здесь квадратные кирпичи с круглыми орнаментальными клеймами, монеты и керамика. В южной части городища раскопано жилое здание с пахсовыми стенами и полами, выстланными двумя и тремя рядами жженого кирпича разных размеров: $30 \times 15 \times 3$ — $3,5$ см, $34 \times 17 \times 5$ см. Встречен необычно большой кирпич размером $49 \times 49 \times 6$ см, единственный квадратный.

Несеф и Алтын-тепе

Город Несеф (или Нахшеб) в долине Кашкадарьи, в 8 км к СЗ от современного города Карши, в 10 в. состоял из цитадели, высота которой даже сейчас достигает 28 м, прямоугольного шахристана (450×350 м) с воротами на каждой стороне, и плотно застроенного рабада. В ЮЗ части шахристана найдены остатки крупного здания с круглыми колоннами, сложенными из жженого кирпича и оштукатуренными ганчем, около 1 м в диаметре⁴¹.

В публикации нет соображений о назначении здания. Если бы оно было мечетью, то раскопками это было бы, вероятно, твердо установлено. По ассоциации круглые кирпичные столбы можно сопоставить с колонной галереей усадьбы в Сайёде, — возможно, что кирпичные колонны в Несефе окружали внутренний двор подобной, но — судя по большому диаметру колонн — еще более крупной городской усадьбы.

На другом городище долины Кашкадарьи, Алтын-тепе, раскопано (как будто не до конца) большое жилое здание, построенное в пригороде в 10 в.⁴² Его жилые и парадные помещения были украшены декоративной росписью, резьбой по ганчу и глине; стены некоторых комнат были увенчаны резным ганчевым карнизом, ниже его стены покрывала резьба по глине, местами подкрашенная белой и синей краской.

Входная часть представляет собой коридор длиной более 11 м, вытянутый в направлении В—З. Его пол сохранил фигурную вымостку из жженных кирпичей знакомого типа: прямоугольные поля с контуром из полос нормально лежащих кирпичей и заполнением из кирпичей, уложенных диагонально. Построенные из сырца (как и всё здание) стены коридора были облицованы жженым кирпичом с употреблением характерного декоративного приёма: парами кирпичей с вертикальными вставками полукирпичей между ними. Этот тип декоративной кладки, традиционно применявшийся в монументальной (культовой и мемориальной) архитектуре — ср., например, мавзолей Ходжа Машад, — обнаружен здесь, в архитектуре жилища, первый и, кажется, единственный раз.

Так облицована панель глубокой ниши в северной стене коридора; панель противоположной стены украшена тоже спаренными кирпичами, но здесь кирпичные плитки, уложенные плашмя и на ребро, расположены «лесенкой». Отверстие водослива-«ташнау», устроенного в полу ниши, оформлено розеткой, лепестки которой образованы спаренными кирпичами и разделены вставками из кирпичных половинок, — приём, заставляющий вспомнить двор медресе в Варахше и дворца в Хульбуке.

В руинах помещений к югу от коридора были найдены части резного ганчевого декора плохой сохранности, — в публикации упомянуты «... стилизованные гроздья винограда, полулисты с фестончатыми краями». Обозначенные так мотивы близки аналогичным мотивам из жилого дома в рабаде Мерва и могут быть с ними сопоставлены: исследователи дома в Мерве приняли рельефные изображения сосновых шишек за гроздья винограда, а «полулисты с фестончатыми краями», да ещё плохой сохранности, можно, вероятно, рассматривать как пальметты. Если это сопоставление верно, то оно — довод в пользу среднеазиатского происхождения мотива, чьё символическое содержание было позже забыто.

Мисриан

Большой жилой дом в Мисриане (Месторияне) в южном Туркменистане был частью плотной застройки шахристана и находился в его южной части, между крупным водоёмом и улицей, которая вела к южным воротам города. Он был построен из жженого кирпича размером $21 \times 23 \times 21$ — $23 \times 3,5$ — 5 см⁴³.

Этот дом представлял собой, собственно говоря, городскую усадьбу. В его центре был расположен двор (в публикации указана только его ширина — $11,35$ м), вымощенный жженым кирпичом и окружённый галереей, основанной на круглых кирпичных колоннах. Остатки колонн, сложенных из лекальных кирпичей и диаметром 57 см, сохранились на южной стороне двора. Двор с галереей окружали помещения, по большей части изолированные; открыто 9 из них, площадью от 10 до 19 кв. м. Исследователи датируют это здание 12 в. Я думаю, что такая датировка завышена, и усадьба в Мисриане была построена не позже 10 в. Основания к этому — размер кирпича, характерный для 9—10 вв. (постройки Афрасиаба, мавзолей Саманидов, Кыз-биби, Араб-ата и Мир-Сеид Бахрам, колонны мечети Магоки Аттори и др.) и менее типичный для 12 в., когда строители обычно предпочитали более крупный кирпич⁴⁴; употребление круглых кирпичных колонн, восходящее к сасанидской традиции и к 12 в. совершенно исчезнувшее; черты близкого сходства с усадьбой в Сайёде, датировка которой бесспорна; наконец, сама принадлежность здания к

типу городской усадьбы с её характерными особенностями, — типу, который, как говорилось выше, уже к 11 в. сошел на нет.

Канка

Это городище в Ташкентском оазисе отождествляется со средневековым городом Харашикет, который состоял из цитадели и трёх шахристанов, общей площадью около 160 га. В цитадели находилась упомянутая (стр. 252) большая городская усадьба.

В третьем шахристане был расположен плотно застроенный жилой квартал, примыкавший к улице, которая соединяла южные городские ворота с базарной площадью. Открытые здесь три скромных жилых дома принадлежали ремесленникам. Один из домов, раскопанный полностью, состоял из двора, комнаты-прихожей, двух комнат хозяйственно-производственного назначения (здесь, как будто, была ювелирная мастерская) и жилого помещения-гостиной с суфами и очагом-камином, с примыкающей к жилищу кладовой. Дом, построенный из пахсы в 10 в., несколько раз перестраивался и дожил до 12 в.⁴⁵

Утурлы-тепе

Именуемое так городище расположено на берегу реки Сырдарья, в 70 км к ЮЗ от Ташкента. В его восточной части открыт квартал жилищ точных горожан, состоящий из жилищ конца 9—10 вв.: пространство в 500 кв. м состоит из сплошной застройки многокомнатными домами с комнатами жилого, представительного и хозяйственного назначения. Возведенные из пахсы стены опираются на камышовые прослойки — для их предохранения от подпочвенных солей и сырости. Внутренние стены-перегородки, частично пристроенные позже, возведены из кирпича-сырца размером $40 \times 20 \times 7$, $34 \times 17 \times 4$ и $27 \times 14 \times 4$ см. Исследователи отмечают, что первый размер характерен для конца 9—10 вв., два других — для 11 в. и позже⁴⁶. Полы парадных помещений вымощены жженым кирпичом, поставленным на ребро и образующим фигурную «ёлочную» кладку. Аналогичная застройка, сплошная и плотная, обнаружена в западной части шахристана. Ориентация зданий здесь совпала с ориентацией построек восточной части, что свидетельствует о некоторой регулярности общей застройки города. Из более чем 30 помещений, составлявших эту западную сторону, открыто 11 комнат, которые входили в состав трёх жилых хозяйств.

К западу от города раскопаны остатки отдельного стоявшего жилища, которое исследователи считают сельским. Прямоугольное в плане здание, размерами 18×5 м, состояло из четырёх комнат, каждая из которых имела собственный выход, — по-видимому, во двор. Как и в город-

ских домах, материалом постройки была пахса. Самая большая комната с айваном, размером $5 \times 3,7$ м, служила гостиной; в трёх других, оборудованных ларями для припасов и очагами, жилые функции совмещались с хозяйственными. Археологическим материалом это здание с необычной «линейной» планировкой датируется 10—11 вв.

Бурана

Это городище в северо-восточном Киргизстане названо так по имени сохранившегося здесь минарета («башня Бурана») 11 в. Считается, что здесь находился город Баласагун, первая столица Караханидов.

В ЮЗ части городища археологами были открыты жилые помещения с очагами, датируемые 10—11 вв.⁴⁷ Здесь найдены фрагменты резной штукатурки (вероятно, ганчевой) с черно-белой тонировкой узора и части куфической надписи в обрамлении растительных мотивов, — последняя находка указывает, может быть, на то, что среди обычных «светских» помещений здесь, как и в усадьбе Сайёда, были помещения типа домашних капелл.

Недалеко от Бураны, на городище Ак-Тобе было открыто здание 10 в. типа городской усадьбы: замкнутая постройка с глухими внешними стенами толщиной до 1,3 м, размерами $23,5 \times 19,4$ м, с внутренним двором площадью около 180 кв. м, в который обращены входы всех комнат. Комнаты этого дома лишены обычной обустроенности жилых помещений — суф, очагов и какого-либо декора; может быть, они (по крайней мере последнее время жизни дома) были не жилыми, а производственными, подобно одной из них, в которой работала гончарная печь⁴⁸.

ФОЛЬКЛОРНАЯ ЖИЛАЯ АРХИТЕКТУРА

Здесь пойдёт речь о том массовом виде строительного искусства, который, по-видимому, создавался совсем или почти без помощи профессиональных строителей-архитекторов. Понятно, что строители и одновременно хозяева таких жилищ решали при этом задачи чисто практического характера, создавая среду обитания, отвечающую стабильным общественным традициям и собственным, обычно скромным материальным возможностям. Задачи эстетического порядка перед такой архитектурой или совсем не ставились, или ставились (и решались) очень опосредованно. Соответственно и связи этих жилищ с «большой» архитектурой культовых, общественных, мемориальных зданий и сравнительно богатых городских жилищ и замков почти не ощущаются даже на уровне строительной техники: она хотя и пользуется общими для своего времени приёмами и материалами, но на примитивном техническом уровне.

Устойчивость планировочных и технических приёмов фольклорной архитектуры поразительна: в 8—10 вв. она почти та же, что за 1000 лет до этого времени, а в дальних степных и горных селениях Средней Азии её образцы, мало отличные от исторических прототипов, можно встретить и в наше время⁴⁹. В самых общих чертах традиционные типы народного жилища мало изменялись в течение столетий, но сама традиция была настолько гибкой, что позволяла создавать почти бесконечное разнообразие плановых и пространственных решений. Здесь терял силу универсальный набор образов, определявший характер монументальной архитектуры независимо от её назначения, — строители стремились не к репрезентативности, а к удобству и экономии.

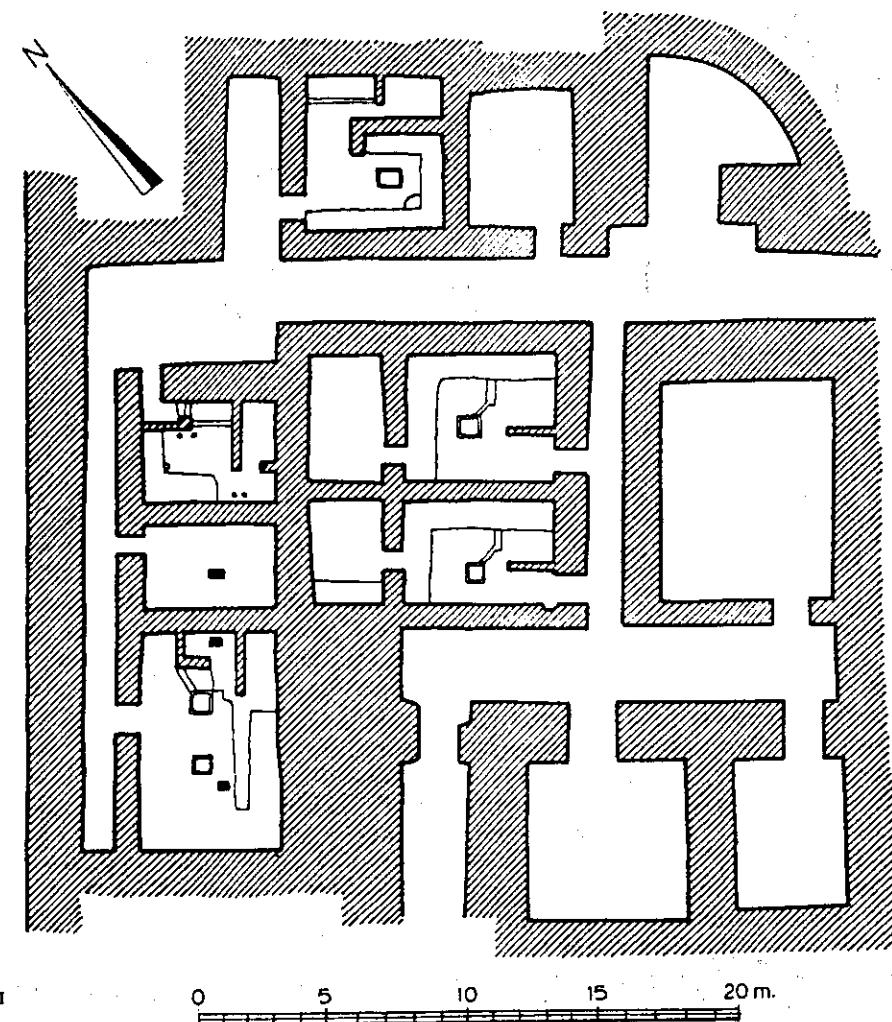
Иначе говоря, устойчивая традиционность выражалась здесь не в наборе варьируемых форм, подчинённых правилам парадной симметрии, а в своеобразной функциональности: она определяла свободное сочетание объёмов, асимметрию планов и их мягкие, как бы случайные очертания. Нет смысла применять к этой архитектуре методы пропорционального анализа, — пропорции её помещений и открытых пространств определяются не геометрическим расчётом, а чувством и потребностью.

Фольклорная архитектура создавалась на потребу социальных низов — городской бедноты и крестьян, и была, естественно, самым массовым видом жилищного строительства. Она преобладала или господствовала в дальних горных областях — например, на Памире — и в областях, где оседлая культура ещё не имела глубоких корней, — в Семиречье и южном Казахстане. Эти сравнительно примитивные постройки были недолговечны, часто перестраивались, разрушались и гибли, и то, что сейчас о них известно, есть результат археологических раскопок. Археологически, как правило, определяется и время строительства этих зданий, строительная техника и художественный стиль которых не позволяют их точно датировать.

Куйрук-тобе

На ЮЗ Казахстана, у слияния рек Сырдарья и Арысь лежат руины древнего города, ныне называемые Куйрук-тобе. При жизни, на протяжении 6—11 вв. город, по мнению исследователей, назывался Кедер и в 10 в. некоторое время был центром округа Фараб или Отрар⁵⁰. В это время здесь была построена большая пятничная мечеть типа многоколонного зала, — о ней говорилось на стр. 70—71.

В предисламское время и до 9 в. ядром города была цитадель, где стоял дворец с большим приёмным залом и множеством других помещений. В 9 в. дворец сгорел, и на его месте, на вершине цитадели возник квартал скромных жилищ. При этом были разумно использованы сохранившиеся стены погибшего дворца, кото-

Куйрук-тобе (Кедер). Квартал «Г». По К. Байпакову.

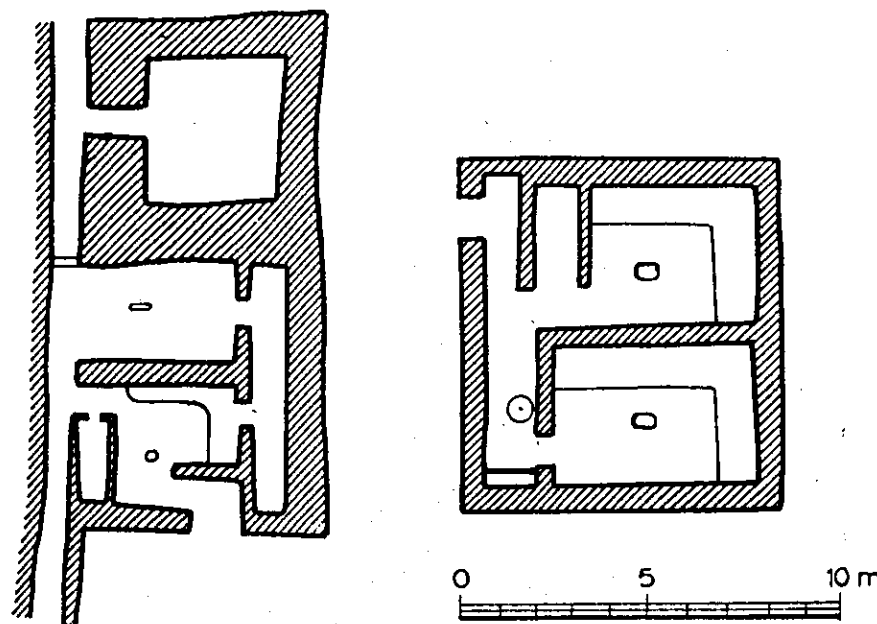
рые определили взаиморасположение новых домов. Так на месте парадного зала возник переулок-коридор с узким поперечным коридором и входами в три жилые комнаты — одну большую в ЮВ части бывшего зала и две поменьше, схожего устройства и размеров, в СЗ части. Каждое помещение представляло собой однокомнатное и изолированное жильё. В двух из них, однотипных, сохранились отгораживающие вход стенки-ширмы, суфы, «Г»-образно огибающие помещение, и очаги посредине. Владельцы этих жилищ, примкнувших к стене зала почти 5-метровой толщины, расширили их площадь своеобразным способом: они пробили в толще стены комнатки-пещеры той же ширины, превратив, таким образом, однокомнатные «квартиры» в двухкомнатные.

Продолговатый зал в СЗ части дворца был застроен тремя комнатами-жилищами, каждая со своим входом: для того, чтобы в них попасть, вдоль одной из длинных стен зала был оставлен узкий коридор. Мне представляется, что средняя меньшая комната, без обычного жилого устройства, была (по крайней мере вначале) соединена с соседним ЮЗ помещением и играла роль его прихожей.

Жилой квартал на цитадели Куйрук-тобе датируется 10 в. Он не очень характерен, так как его структура подчинена взаиморасположению и конфигурации помещений дворца, «наследником» которого он стал. Здесь сохранилось даже помещение угловой башни дворца с характерным планом в виде четверти окружности, известным по другим дворцово-крепостным постройкам доисламского времени, — например, по замку Чиль Худжра⁵¹.

Стены возведены из сырцового кирпича ($38 \times 20 \times 10$ —12 см, 43 — $44 \times 23 \times 9$ —10 см), кровли были, вероятно, плоскими. В двух комнатах ЮЗ группы найдены прямоугольные углубления от деревянных столбов — два в большой комнате и одно в малой, — расположенных на одной линии, по продольной оси; эти столбы несли балку-прогон, без которой в помещениях шириной 5 м было трудно обойтись. Кстати, единая система из трёх опор, охватывавшая два разобщённых помещения, тоже показывает, что эти помещения вначале сообщались между собой.

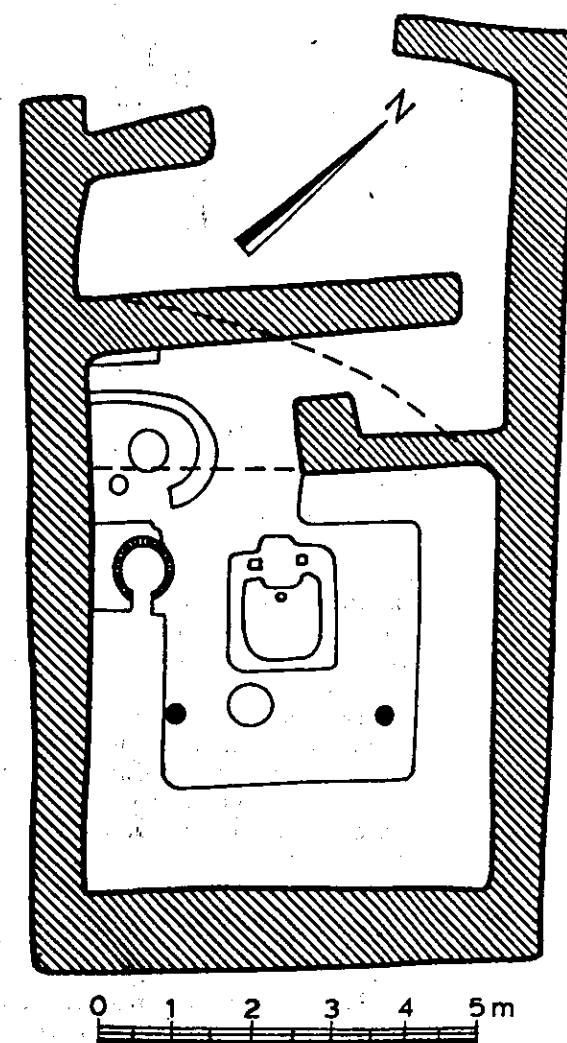
Стенки-ширмы, прикрывающие вход в помещение и образующие нечто вроде тамбура, суфы вдоль стен и открытые очаги в виде прямоуголь-

Куйрук-тобе (Кедер).
Жилые дома. План.
По К. Байпакову.

ных углублений с бортиками в полу — всё это элементы устройства, широко употреблявшиеся в жилищной архитектуре Средней Азии доисламского времени. Они сохранились здесь без заметных изменений, — разве что суфы стали ниже, — 30—40 см, — но это, возможно, местная особенность.

Жилища на цитадели Куйрук-тобе по большей части двухкомнатные: при жилой комнате устраивалась камера-кладовая или прихожая. Встречаются дома, где обе комнаты жилые и расположены рядом, причём одна из них меньше другой за счёт камеры-кладовой. Одно из таких жилищ было встроено в руины монументального доисламского здания, — это видно по очень толстой наружной стене, отличной от прочих тонких стен, и по примыкающему к нему квадратному помещению с центрально расположенным входом, со сторонами длиной около 3,5 м. Судя по форме плана, расположению входа и очень толстым стенам — от 1 до 1,8 м, — это замкнутое помещение было купольной капеллой, входившей в состав доисламского замка-«кёшка»; владелец возникшего здесь в 10 в. дома включил её в своё хозяйство, соединив узким коридором с жилищем. Еще один жилой дом на Куйрук-тобе состоял из единственного квадратного помещения со сторонами длиной 5,5 м и коленчатой входной части, в свою очередь состоявшей из раскрытого наружу айвана-лоджии и маленькой прихожей, отделённой от жилья традиционной стенкой-ширмой. Вдоль стен зала, прерываясь у входа, тянутся суфы; в торец суфы, что напротив входа, вмазан большой керамический сосуд, — это «тонур», печь для лепёшек. Рядом с ней, наполовину сухая широкий вход в жилище, отгорожена площадка с ручной мельницей и вкопанными сосудами. Посреди квадратного зала, ближе к его входу, расположен очаг довольно сложной

Куйрук-тобе (Кедер). Жилой дом. План.
По К. Байпакову.

формы. За ним, рядом с боковыми суфами, стояли, на расстоянии 2,2 м от задней стены, две деревянные опоры потолка⁵².

Автор публикации замечает, что интерьеры других домов Куйрук-тобе аналогичны и отличаются лишь деталями. Здесь, однако, обращает на себя внимание правильная квадратная форма помещения, одновременно жилого и хозяйственного, и то, что общая длина прямоугольного жилого пространства (вместе со стеной, отделяющей его от входной лоджии) равна диагонали квадрата. Если это не случайность и не следы более ранней постройки, то в строительстве дома, возможно, участвовал профессионал.

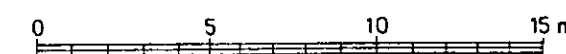
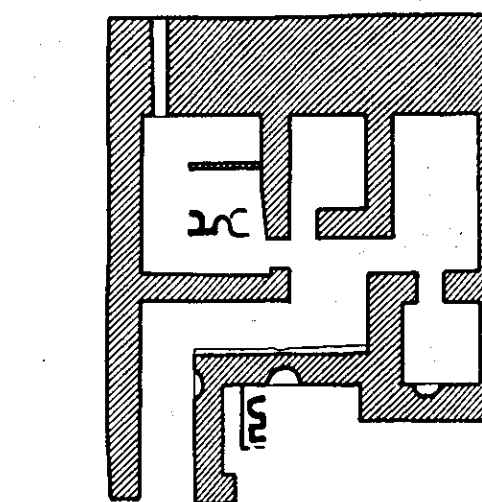
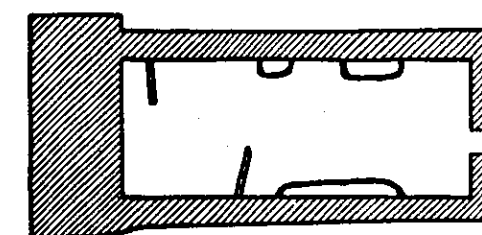
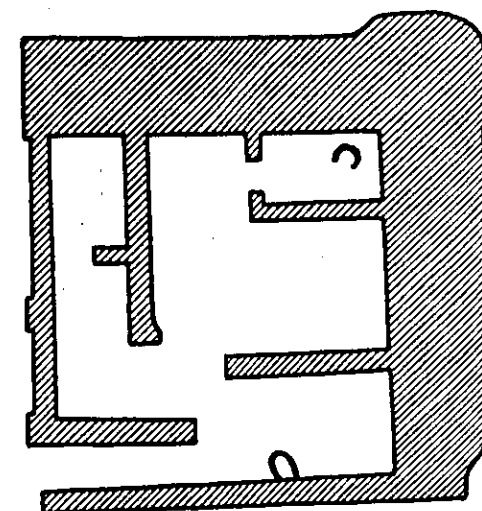
Из публикации, к сожалению, неясно архитектурное окружение этого и двух предыдущих домов. Но, судя по общему плану раскопок⁵³, жилые кварталы раннеисламского Кедера были плотно застроены, а входы домов открывались во внутриквартальные улочки. Как почти повсюду в это время, компактные жилые дома тесно примыкали один к другому, не оставляя места для дворов или иных незастроенных пространств.

Жаксылык

Три жилища 10 в., раскопанные на этом городище в южном Казахстане, возникли (как и дома в цитадели Куйрук-тобе) на руинах монументальных доисламских построек. Об этом свидетельствует бросающийся в глаза контраст между некоторыми наружными стенами, очень толстыми (до 3 м толщиной) и тщательно сложенными из пахсы, — и прочими стенами из сырцового кирпича, толщиной меньше 1 м. К сожалению, К. Байпаков, опубликовавший планы этих домов, ничего не сказал о них в тексте⁵⁴.

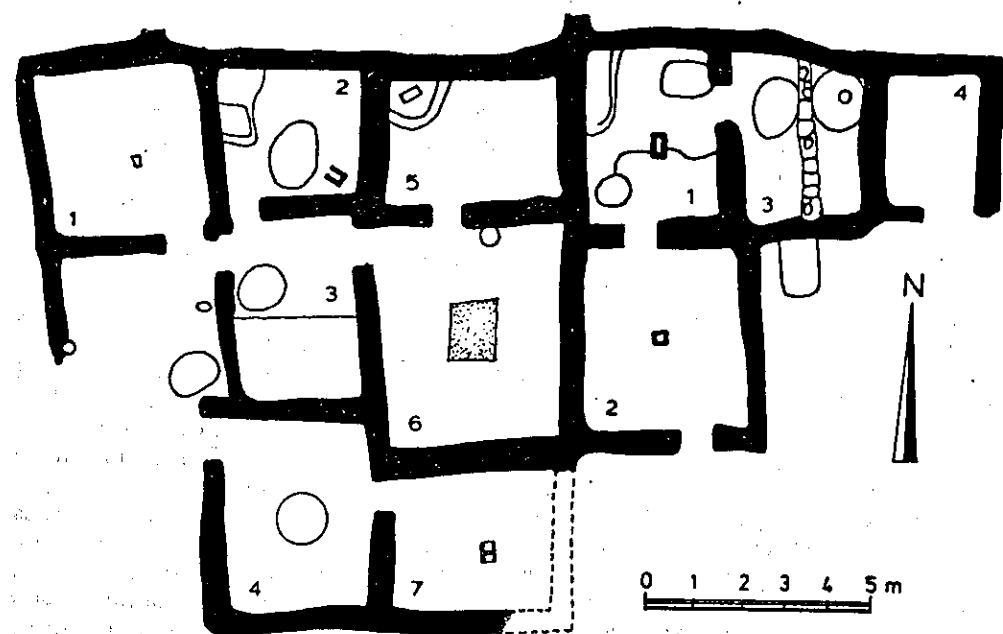
Простейшее из жилищ представляет собой продолговатое помещение (10×4 м), задней стеной пристроенное к древней стене, с тремя пристенными очагами и двумя тонкими перегородками. Судя по остаткам очага у наружной входной стены, перед входом имелся навес. Другой дом, ограниченный древними стенами с двух смежных сторон, возник, как будто, на месте квадратного приёмного зала со сторонами длиной 10 м. На этой площади новые хозяева возвели жилище с коридорообразным входом, большим приёмным помещением со встроенной в него угловой камерой, и двухсторонним обходом из трёх комнат: одна из них служила вестибюлем, а две другие образовали короткую анфиладу. Необычная для фольклорной архитектуры регулярность плана, параллельность и перпендикулярность стен объясняются, может быть, тем, что строители ориентировались на остатки внутреннего устройства зала, который занимал угол древнего здания.

Есть основания видеть и в третьем жилище городища Жаксылык часть монументального

Городище Жаксылык. Жилые дома. Планы.
По К. Байпакову.

Наринджан. Часть жилой застройки. План. По С. Толстову.

доисламского здания, приспособленную для новых нужд, но сохранившую основу прежней планировки. И здесь самое просторное помещение расположено в углу, причём в массивной древней стене, к которой оно примыкает, сохранился вентиляционный продух или щелевидное окно — деталь, характерная для предисламских замков. С двух сторон это помещение, оборудованное очагами и тонкой поперечной стенкой, окружено «Г»-образно сгруппированными комнатами, — это аналогично устройству замков-«кёшков» 4-го типа. Очаги снаружи, рядом с выдвинутым вперёд коридорообразным входом заставляют предполагать здесь деревянный навес-лоджию, а квадратная комната в углу, со сторонами около 2,3 м и нишей напротив входа, первоначально могла быть купольной капеллой.

Наринджан

Если дома на мёртвой цитадели Куйрук-тобе и в Жаксылык можно сравнить с вышивкой по старой, высокого качества канве (почему их нельзя признать вполне типичными для фольклорной архитектуры), то два жилища 10—начала 11 вв., раскопанные в Наринджане, можно считать характерными образцами массового жилищного строительства того, да и более позднего времени.

Средневековый город Наринджан находился в Хорезме, на правом берегу Амударьи. Неясно, входили ли раскопанные дома в застройку его шахристана или рабада, но в любом случае эта застройка была плотной и образовывала слитные массивы кварталов⁵⁵.

С первого взгляда заметен механический характер планировки примыкающих один к друго-

му домов, которые состоят как бы из слепленных друг с другом комнат. Регулярность ограничена здесь относительной параллельностью и перпендикулярностью стен, сами же помещения как будто наращивались — постепенно и без заметного порядка — к первоначальному ядру. Похоже, что так оно и было. Ядром западного дома были, видимо, комнаты 5 и 6, образующие прямоугольник с общими стенами. Обширная (18,5 кв.м.) комната 6 с большим очагом, парадно расположенным в центре, была — по своим главным функциям — гостиной, а комната 5 с утилитарным очагом в углу — жилым и хозяйственным помещением. Далее были пристроены жилые и хозяйственные комнаты 2 и 3, прихожая 1 (лежащая за входом в виде лоджии-айвана), и наконец — жилые комнаты 4 и 7, которые спрямили южную границу дома и придали контуру дома, кроме входной части, компактную прямоугольную форму. Комнаты 4, с круглым столиком посередине, и 7 имели собственный вход и были, может быть, отдельным жилищем, как-то связанным с основным домом.

Примерно так же разрастался восточный дом, ядром которого, как будто, были комнаты 1 (хозяйственно-жилая) и 2 (гостиная). Этот дом сохранился не полностью, и его вход, ведущий прямо в гостиную, едва ли был первоначальным.

Довольно небрежно построенные из сырцового кирпича, постепенно разраставшиеся, эти дома, как говорилось — типичный образец фольклорной жилой архитектуры. Попыток воспроизвести приёмы и формы «большой» архитектуры здесь, как будто, нет. Строители явно не ставили перед собой задачи эстетического порядка, и если, тем не менее, в планах домов просматривается своеобразная пластическая

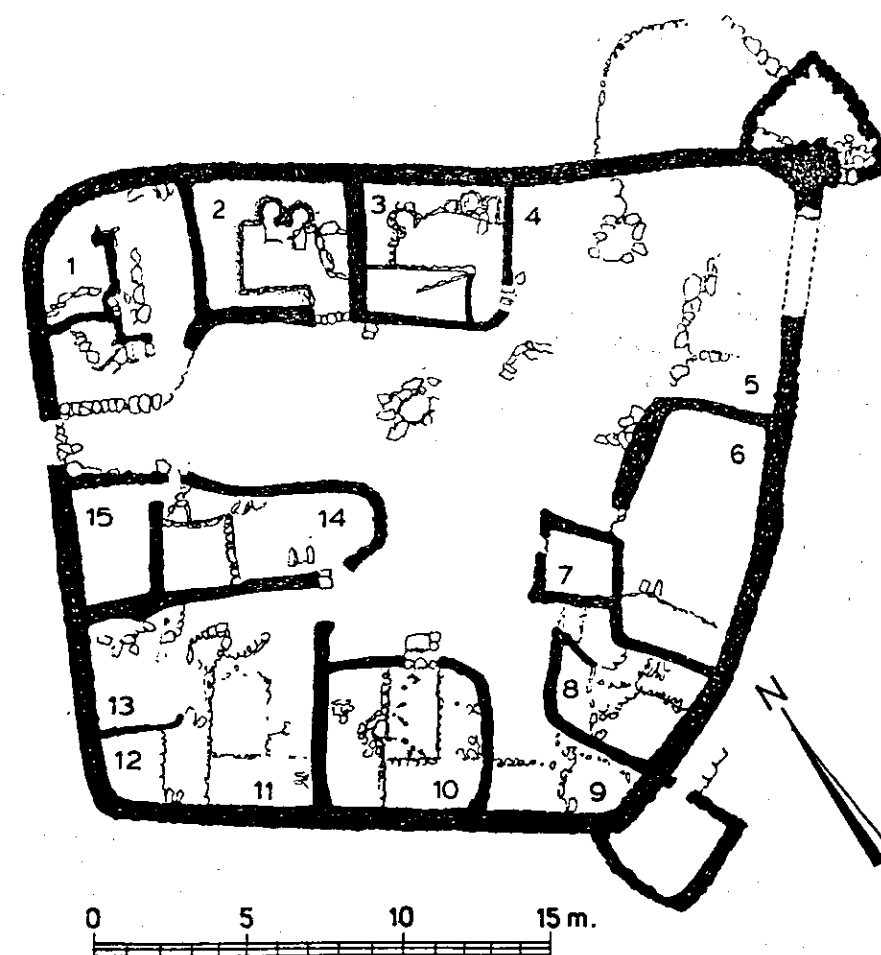
красота, то это красота, близкая красоте естественных природных структур или «наивного» народного искусства.

Шитхарв

Долинные селения западного Памира, удалённые от культурных центров, ни в 9—10 вв., ни позже не знали иной архитектуры, кроме фольклорной. Арабы не дошли до этих труднодоступных мест, ислам проник сюда позже и, по преимуществу, в виде особой разновидности шиитского сектанства — исмаилизма. Культурной исламской архитектуры в её цивилизованных формах здесь, видимо, не было никогда, а гражданская жилая архитектура получила особые, ярко своеобразные формы, отвечавшие социальному укладу (патриархальная семья), особенностям природы и климата.

Один из образцов этой архитектуры — сельская усадьба Шитхарв, раскопанная на западном Памире в районе Ишкашим, на земле древнего владения Вахан⁵⁶. Она стояла на каменной террасе, наклонённой к реке Пяндж, около выхода из ущелья, где стоит небольшая крепость, которая, как и усадьба, датируется 10—11 вв. Да и сама усадьба, выстроенная из

камня, выглядела как маленькая крепость: неправильный четырёхугольник стен, ориентированный углами по странам света, с башнями угловой формы у южного и восточного углов. В отличие от домов Наринджана, это здание не наращивалось постепенно, а было задумано в его первоначальных габаритах и позже лишь перестраивалось и частично дополнялось. Неправильный контур внешних стен со скруглённым северным, острым восточным и тупым южным углами был заполнен помещениями разной, близкой к прямоугольной формы, которые примыкали к внешним стенам, оставляя свободными только небольшое внутреннее пространство, незастроенную часть перед входом на СЗ стороне и, как будто, восточный угол. Строители старались придать помещениям прямоугольную форму, но это им плохо удавалось. Большинство комнат было оборудовано каменными суфами (в комнате 10 суфой занята почти вся её площадь), очагами и хлебными печами-«тонурами», — они, несомненно, были жилыми и предназначались, каждая, для одной семьи. Комната 7, служившая кладовкой, была пристроена позже, как и жилая комната 14, которая своим круглым концом выдвинулась почти до центра усадьбы. Причудливая застройка южного угла (комнаты 8 и 9) позволяет подозревать здесь

Сельская усадьба Шитхарв (западный Памир). План. По М. Бубновой.

какую-то перестройку, вызванную, вероятно, ростом населения усадьбы.

Это население, как полагает автор публикации, состояло из 8—9 малых семей, которые образовывали большую патриархальную семью или род, — что-то вроде «коммунальной» квартиры, жильцы которой связаны кровным родством. Судя по оборудованию домов-комнат, каждая малая семья вела собственное хозяйство.

Устройство, основой которого служит внутреннее пустое пространство, окруженное помещениями, сближает памирский дом с усадьбой в Сайёде и подобными ей. Но это сходство, во-первых, слишком общее: здания с внутренним двором известны едва ли не во всех цивилизациях. Во-вторых, городские усадьбы типа сайёдской строились для одной семьи (включая, конечно, и слуг), а не для рода, и сопоставимы не столько с многосемейным общежитием, сколько с древнегреческим домом перистильного типа. В-третьих, угловые башни городских усадеб 9—10 вв. были уже декоративным рудиментом, тогда как угловые выступы-форпосты памирской усадьбы с камерами внутри имели, несомненно, оборонное назначение. Несколько странно, что входы в них располагались только снаружи и были максимально удалены от входа в усадьбу, — при реальной угрозе это должно было создавать трудности. Наконец, сельская усадьба Памира отличается от геометрически чётко спланированных городских усадеб живописной иррегулярностью своей структуры, — общим свойством фольклорной архитектуры.

Есть некоторые сведения и о других находках жилищ 9—11 вв. на Памире. Поселение Карадимура на восточном Памире состояло из 17 однокомнатных жилищ, окружавших центральную постройку — дом вождя или общественный центр. 42 помещения, образующих поселение Зурчерчек, образовывали слитный жилой массив из более чем 20 комнат, и окружение его из периметральных жилищ. Поселение Карадара, как и Карадимура, состояло из кольцеобразно расположенных однокомнатных жилищ (здесь их было 20), окружающего центральное здание⁵⁷.

Общая для этих селений планировочная идея близка планировке усадьбы Шитхарв. Она выражается в замкнутой кольцеобразной обстройке внутренней средней части, — или открытой, как в Шитхарве, или занятой центральной постройкой. В обоих случаях в планировке выражены центричность и компактность, вызванные нуждами обороны.

Тургай-тепе и Кара-тепе

На двух этих городищах в южном Туркменистане открыты группы городских жилищ 8—10 вв., принадлежащих среднему классу горожан, то есть, видимо, ремесленникам и мелким торговцам. Краткое сообщение о них принадлежит Г. Пугаченковой⁵⁸.

Исследователь не обнаружил в этих постройках какого-либо общего стандарта в смысле расположения и характера помещений. Количество и размер комнат в доме определялись социальным положением и, следовательно, состоятельностью владельца, а взаимное расположение и связь помещений зависели от условий быта и потребностей: в основе устройства жилищ здесь лежали, как обычно в фольклорной архитектуре, функциональные, а не престижные требования.

Два небольших дома на Тургай-тепе состояли из нескольких сообщающихся между собой комнат правильной прямоугольной формы. Они соседствовали с двором, тоже небольшого размера, в сторону которого были, по предположению исследователя, обращены их открытые галереи-айваны на деревянных колоннах.

Дом на городище Кара-тепе был крупнее и сложнее устройством. Он состоял из 15 помещений, которые группировались вокруг двух дворов, — один из них был, видимо, «чистым», другой — хозяйственным.

Жилища на обоих городищах хотя и принадлежат фольклорной архитектуре, функциональной и технически элементарной, но строились в городах северного Хорасана с их древними и богатыми традициями строительного искусства. Отсюда — такие свойственные им (и не слишком характерные для архитектуры этого вида) качества, как правильность общей разбивки планов и параллельность осей прямоугольных помещений. Если обращение дома на Кара-тепе к главной улице города глухой фасадной стеной — типичный приём массовой жилищной архитектуры в странах ислама, то включение в жилища внутренних дворов или их соседство с внутриквартальными дворами — приём не совсем обычный для своего времени, свидетельствующий, что жилая застройка этих городов в 9—10 вв. была не так уплотнена, как это было, например, в Бухаре.

Пещеры у Тахта-Базара

Эти сооружения я включаю в корпус жилищной архитектуры Средней Азии раннеисламского времени с некоторой неуверенностью. Её причина — недостаточная аргументированность датировки и необычные свойства объектов, не имеющих сколько-нибудь близких параллелей и не поддающихся объяснению. Вместе с тем, если датировка всё-таки верна, включать эти загадочные сооружения в какой-либо другой раздел (культовых, мемориальных или иных построек) было бы ещё более рискованно. На юге Туркменистана, в толще обрывистых берегов реки Мургаб и втекающих в неё речек вырублены многочисленные искусственные пещеры, подчас очень сложного устройства. Особенно много их в окрестностях города Тахта-Базар. Эти пещеры хранят следы проживания в них людей, но время их создания и повод для

него неясны. Традиция, считающая их жилыми (что подтверждается их устройством и оборудованием), связывает с ними различные легенды.

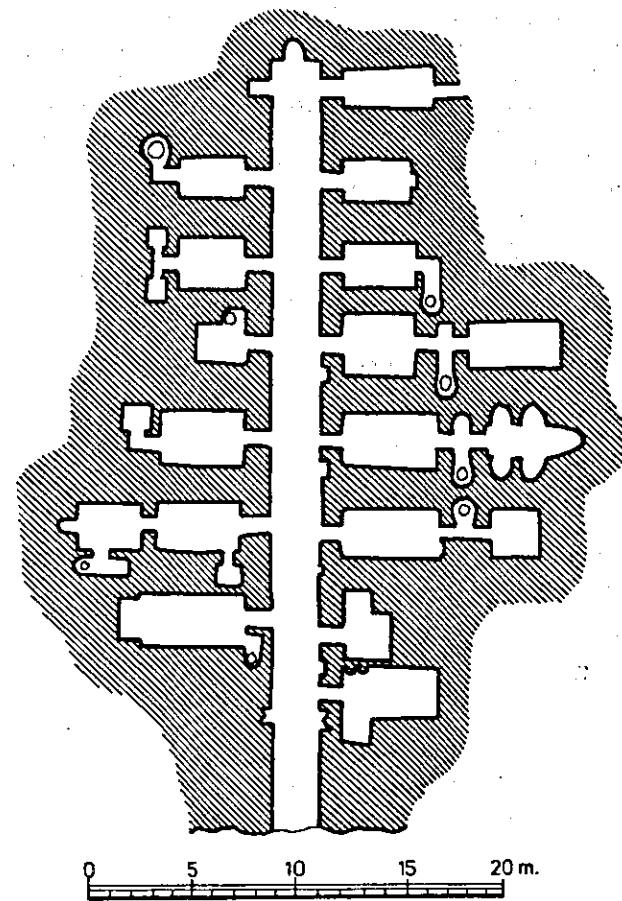
Характерный образец такого сооружения — пещерный комплекс Еке-Дешик, который Г. Пугаченкова датирует, как и другие здешние пещеры (Таш-Копри, Дорт-Дешик и др.), 10—11 вв.⁵⁹ Еке-Дешик — сложный комплекс пещерных помещений, расположенных в два этажа. Вход в него устроен в вертикальном обрыве берега и доступен с помощью специальных устройств, — снизу, с уровня воды, или сверху. Подобным образом устроены входы и в другие пещеры. Этажи или ярусы связаны винтовой лестницей.

Вход продолжается вглубь береговой толщи в виде прямого коридора длиной 37 м. По обе стороны от него, одна напротив другой, расположены входы в прямоугольные комнаты. Некоторые из них одиночные, но у многих в задней стене, напротив входа, прорублен узкий проход, который ведет в камеру меньших размеров. Одна из них, узкая, с двумя овальными нишами на обеих сторонах и глубокой овально-стрельчатой нишей в торце, выделяется своей сложной формой. В нескольких случаях между обеими комнатами устроены каморки с закруглённым концом и круглой ямой в этом месте, — предполагается, что это либо засыпанные колодцы (до уровня воды в реке здесь недалеко), либо хозяйственные ямы для хранения припасов. При явных чертах сходства каждая из этих регулярно расположенных «квартир» имеет собственные особенности. Обращают на себя внимание две ниши, расположенные одна напротив другой недалеко от начала коридора, — их задние стенки оформлены угловатым выступом. Другая ниша, овально-эллиптическая в плане, замыкает коридор подобно алтарю. Неглубокие прямоугольные ниши в коридоре у входов в камеры предназначались для светильников.

Можно предположить, что вначале все «квартиры» по сторонам коридора, вырубленные одновременно и по определенному плану, состояли из одной камеры. Позже, в зависимости от нужд населявших их людей, они дополнялись кладовыми, задними и иногда боковыми комнатами. Левая «квартира» в глубине коридора была почему-то только начата.

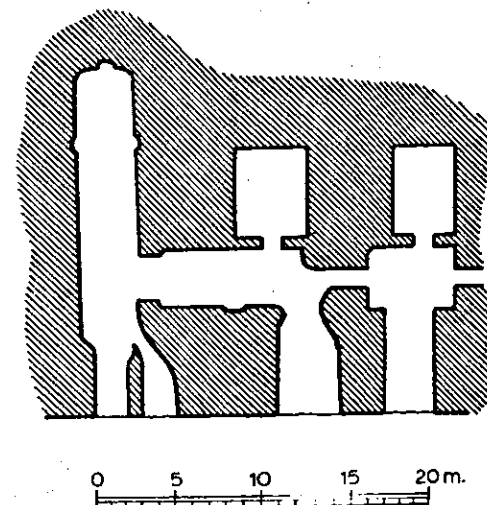
Помещения в виде искусственных пещер, в том числе жилые, в исторической архитектуре Средней Азии встречаются нередко, — они найдены, например, в Нуреке (Таджикистан)⁶⁰, о выкопанных в земле комнатах в домах Афрасиаба уже говорилось. Есть и другие примеры⁶¹. Люди зарывались в землю по разным причинам: спасаясь от зноя, ища уединения (пещерные камеры «чилляхона», где в одиночестве 40 дней молились), но чаще всего — укрываясь от опасности, мирясь с темнотой и спёртым воздухом. Трудная доступность пещер Еке-Дешик говорит, как будто, что здесь преобладала последняя причина.

Вместе с тем более или менее сложно организованные комплексы искусственных пещер слу-

Пещеры Еке-Дешик. План.

жили в Центральной Азии монастырями — обычно буддийскими (Юньган, Тяньлуншань и др. в Китае, Бамиан в Афганистане, Кызыл и Турфан в Синцзяне, Кара-тепе в Термезе⁶²), иногда и христианскими (Айвадж⁶³). Если опубликованный план Еке-Дешик верен, то его геометрическая регулярность, параллельность и

Пещеры Дорт-Дешик. План.

перпендикулярность осей, прямоугольность комнат — свидетельство того, что его создавали опытные мастера, и что он, по крайней мере первоначально, был не просто жилым комплексом, а монастырским общежитием. На это намекают и некоторые детали, например — глубокая ниша, эффектно замыкающая коридор.

Не похож на обычное пещерное жилище и соседний комплекс Дорт-Дешик, чьи геометрически правильные и сложно сочетающиеся помещения указывают, вероятно, на его культовое назначение.

Если эти соображения верны, то пещерные комплексы у Тахта-Базара могут быть много старше 10—11 вв. и восходить, как Кара-тепе (с которым у них есть общие черты) к 2—4 вв. или даже ещё более раннему времени. Сделанные здесь археологические находки; ставшие основанием для датировки, могли быть следами более поздней жизни, которая до недавнего времени не угасала под сводами этих загадочных катакомб.

БАНИ

Общественные бани появились в городах Средней Азии не раньше 8 в.; их появление и распространение здесь было, несомненно, следствием включения среднеазиатских земель в состав Халифата и возникших в связи с этим прямых культурных связей с его западными областями, где были живы традиции эллинизма. Так же обстоит дело с частными банями, то есть специально оборудованными помещениями при жилищах. Письменные источники ничего не говорят о банях в Средней Азии до 8 в., не найдены их остатки и археологическими раскопками. Вероятнее всего, их и не было, а первые бани в Средней Азии, как сообщил Наршахи, были построены самими арабами. В сасанидском Иране, контакты которого с Византией были прямее и ближе, первые бани появились в 6 в.¹, но первое время оставались редкостью. Купанье и, соответственно, строительство зданий-купален порицались зороастрийскими жрецами как осквернение священной стихии воды.²

О. Большаков усматривает остатки самой ранней, еще очень примитивной бани Средней Азии в четырех помещениях (№№ 115, 117, 125 и 129) объекта 3 в Пенджикенте³. Это отождествление не аргументировано и сомнительно, — в более поздней книге о жилищах Пенджикента означенные помещения баней не считаются, а одно из них определено как зернохранилище⁴.

В середине 9 в., если не раньше, бани имелись в большинстве городов Средней Азии, причём в крупных городах — например, в Самарканде — их было множество. Такое неожиданно быстрое их распространение было вызвано культовыми и бытовыми узаконениями ислама и, не в последнюю очередь, жарким и сухим климатом. Среднеазиатские бани, сохранившие арабское название «хаммам», вскоре превратились

в один из важных общественных институтов. Этому, несомненно, способствовало и расширение области применения жженого кирпича: бани, построенные из сырцового кирпича и пахсы, быстро развалились бы, если бы их стены, полы и своды не покрывались особой водоустойчивой обмазкой. Этот водонепроницаемый раствор, называемый «кыр», изготавливался из извести, камышовой золы и виноградной патоки⁵. Он был сложен в изготовлении и к тому же ненадёжен: достаточно было небольшого отверстия в кыровой штукатурке, чтобы сырцовая постройка, наполненная горячим влажным воздухом и водой, начала разрушаться. Можно полагать, что распространение жженого кирпича способствовало широкому, а позже массовому строительству бань в Средней Азии.

В рассказах путешественников 10 в. о городах Средней Азии бани упоминаются довольно часто, с одобрением или порицанием. Аль-Мукаддаси нашёл бани Бухары (во множественном числе) приятными, выразил восхищение прославленными банями Мерва и Нузвара, и неодобрительно отозвался о грязных банях Нишапура и Туса⁶; о многочисленных банях Самарканда упомянул Ибн Хаукаль.

Бани были частными и публичными. Первые строились при жилищах и предназначались для владельцев и их гостей, вторые отличались большей вместимостью и соответственно иным устройством, возводились правителями или богатыми горожанами, и были платными. В 11—12 вв. доходы от публичных бань иногда завещались в качестве вакфа для медресе и госпиталей⁷. В городах исламского Востока публичные бани — большие, богато украшенные здания с массажными, комнатами для отдыха и лечебных процедур — играли ту же роль, что термы в древнем Риме. Они играют её, в общем, и ныне.

Несколько бань 9—10 вв., найденных в Средней Азии с помощью археологических раскопок, дают представление об их устройстве, как правило, мало похожем на устройство бань более позднего времени. Традиционная планировка среднеазиатской бани к этому времени ещё, видимо, не сложилась. К сожалению, этот материал недостаточен для того, чтобы представить себе внешний облик бань, некоторые из которых — большие публичные бани — должны были быть эффектными зданиями, выделявшимися среди рядовой застройки.

Самарканд

Еще в 1926 г. исследователь древнего Самарканда-Афрасиаба В. Вяткин упомянул о бане, остатки которой он откопал рядом с цитаделью⁸. От построенной из жженого кирпича бани уцелела часть стены с тремя арочными отверстиями, ведущими в топку, пол которой был покрыт слоем кыра. Вода из бани стекала в соседний овраг, туда же сыпалась зола из топки. К

зданию примыкал вымощенный камнем двор, уровень которого был выше уровня пола топки.

С тех пор на Афрасиабе были найдены руины нескольких бань 9—11 вв., причём на одном только сравнительно небольшом участке их оказалось 3 или 4, — если это не случайность, то во всём городе их должно было быть не меньше 60⁹.

Баня 9 в., раскопанная в СЗ части Афрасиаба, может, вероятно, считаться типичной для своего времени¹⁰. Она состояла из 13 небольших комнат, оборудованных суфами, очагами и ямами для угольных жаровен. В некоторых комнатах имелись небольшие резервуары, и все сохранившиеся поверхности (стены, полы, суфы, резервуары и пр.) оштукатурены водостойким кыром. Системой труб-«кубуров» комнаты соединялись с поглощающим колодцем глубиной 13,4 м, — в нём обнаружен полуметровый слой зелёной глины, которая употреблялась как мыло.

Севернее этой группы помещений располагались два больших очага, а рядом с ними — два вместительных керамических сосуда для воды. Между очагами проходил кирпичный желоб для воды, перекрытый кирпичами, — на западе он переходил в систему подземных «кубуров», а на востоке заканчивался у остатков здания, построенного из жженого кирпича (основной размер 39×19,5×7—8 см), помещения которого были украшены резным ганчем, местами окрашенным в синий, красный и желтый цвета. Это была публичная баня, в которой комнаты с суфами и резервуарами служили «номерами» для отдельных посетителей; каждый из них мог поддерживать в своём «номере» температуру по своему вкусу, а резервуары наполнялись (видимо, вручную) горячей и холодной водой. Такое устройство отвечает рекомендациям Ибн Сины, писавшего, что в его время предпочитали такие бани, в которых каждый посетитель пребывал в температуре, отвечающей его вкусу и потребностям.

Такой системе отвечает деление бани на отдельные кабины и отсутствие общей системы отопления с гипocaustами, то есть подпольными и застенными пространствами для горячего воздуха.

Другая часть бани — кирпичная постройка с резным ганчевым декором — включала в себя, вероятно, гардероб, комнаты для отдыха и чаепития, массажные и косметические помещения, — о последнем свидетельствует множество обломков стеклянных флаконов, найденное в кирпичном желобе. Аналогично была устроена баня, остатки которой найдены в восточной части Афрасиаба. Она состояла из отдельных, не сообщающихся между собой помещений (раскопаны 4 комнаты, но их было, несомненно, больше) с лежанками-суфами и резервуарами-«ваннами»¹¹. Рядом с «ванной», за тонкой перегородкой, находилась примитивная печь, откуда по узким каналам шел горячий воздух, обтекал суфы и резервуары. Перекрытие каналов опиралось на столбики из сырца, — простейший, но

бесспорный признак гипocaustной системы. Вода нагревалась в керамическом сосуде — «хуме», врытом в пол рядом с печью; её черпали через специальное отверстие в перегородке. Эта баня датируется 10 веком¹².

Не столько баня, сколько домашняя купальня была обнаружена в северной части Афрасиаба, в пределах так называемой второй стены. Это была изолированная комната со стенами, оштукатуренными кыром, и водопоглощающим колодцем-«ташнау» рядом, но без каких-либо нагревательных и водопроводных устройств. Исследователи датируют эту «холодную баню» 11—12 вв., — едва ли она сильно отличалась от аналогичных купален более раннего времени. Раскопанное неподалёку здание, которое исследователи считают гостиницей-«ханак» и датируют 10 в., включало в себя домашнюю баню, — вероятно, описанного выше типа¹³.

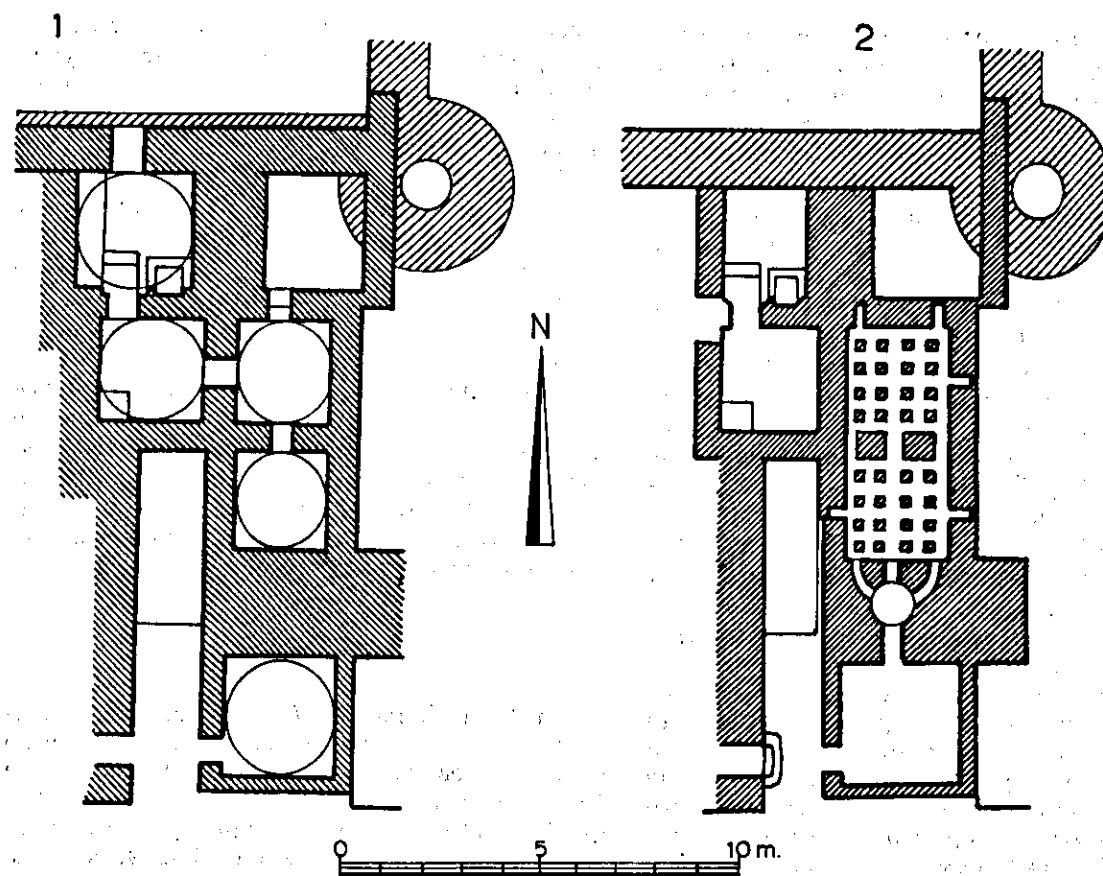
Сайёд

Владельцы большой и богатой усадьбы в Сайёде (стр. 244 и след.) были, видимо, охоты до полезных новшеств: уже в конце 9 или начале 10 вв. они обзавелись собственной баней¹⁴. Здание бани (15,5×8 м) было пристроено к внешней южной стене усадьбы у её ЮВ угла, — так, что при этом пришлось потревожить соответствующую угловую башню. Для входа в баню в южной стене усадьбы была прорублена дверь; другая дверь, с южной стороны, вела в квадратную комнату, соединённую с топкой: здесь, видимо, хранились топливо и хозяйственный инвентарь. Круглая топка, лежащая севернее этой комнаты, была устроена в массиве кладки из жженого кирпича толщиной около 3 м. Горячий воздух тёк из топки по трём каналам в подпольное пространство — гипocaustы, заполненное столбиками из жженого кирпича (высотой 70 см), которые поддерживали пол двух квадратных моечных комнат. Горячий воздух с дымом выходил наружу через вертикальные каналы в стенах, одновременно согревая их.

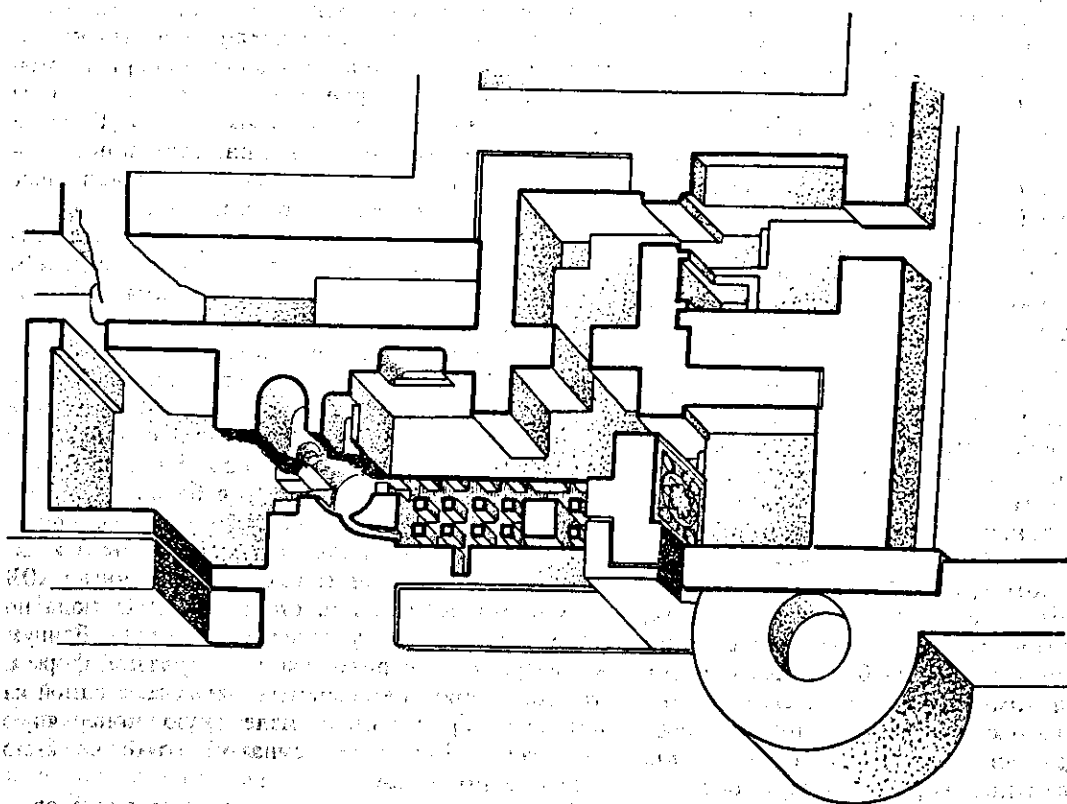
Собственно банные помещения образуют анфиладу из трёх квадратных комнат, с дверями, лежащими на длинной оси. Третье, северное помещение слегка сдвинуто с этой оси и лежит вне горячего подполья, — здесь было прохладней, чем в первых двух. Вход в баню, пробитый в южной стене усадьбы, вёл в квадратный «предбанник» с суфой вдоль западной стены и квадратным углублением типа сидячей ванны в ЮВ углу с отверстием для стока воды. Отсюда по двум ступеням спускались в первую банную комнату, тех же размеров и квадратной формы, что обе «горячие» комнаты, — вместе с одной из них она образовывала маленькую поперечную анфиладу. Под этой комнатой тоже не было горячего подполья.

Несимметричный в целом план выглядит организованным и логичным, хотя некоторые его

Баня на городище Сайёд. План. По Э. Гулямовой.
1— верхний уровень, 2— подпольный уровень.

Баня на городище Сайёд. Аксонометрия. По Э. Гулямовой.

особенности зависели, несомненно, от неизвестных нам обстоятельств. Посетитель входил последовательно в предбанник, тёплую первую комнату и горячую следующую, — отсюда он мог пройти во вторую горячую комнату, ближайшую к топке, или в несколько большую комнату, примыкающую к усадьбе и отделённую от вестибюля-предбанника стеной двухметровой толщины. Судя по остаткам панно из резного ганча, эта комната предназначалась для отдыха между банными процедурами.

Здесь был соблюден традиционный для «восточных» бань — начиная с их античных прототипов и до нынешнего времени — приём постепенного повышения температуры воздуха от входа в глубину. Что касается снабжения водой, то плохая сохранность сайёдской бани, разрушенной еще в 11—12 вв., мешает ответить на этот вопрос. Ясно лишь, что большой котёл с водой стоял над топкой, вмурованный в кирпичный массив. Найденные при раскопках остатки декоративной росписи — тоже характерный приём убранства исламских бань, известный уже во время Омейядов. Но, в отличие от Кусейр Амра и Хирбат аль-Мавджар с их сюжетной живописью и мозаикой — стены вестибюля или комнаты отдыха бани в Сайёде были украшены орнаментальными мотивами — розетками, вставленными в квадратные ячейки со стороной 34 см. Квадраты были поочередно красными и белыми, вписанные в них круги — синими, а в многопестковых розетках, изящно нарисованных тонкими черными линиями, чередова-

лись белый и желтый цвета. Стены украшенной так комнаты должны были напоминать гигантскую шахматную доску с медальонами-вставками в каждом поле.

Баня в Сайёде, построенная для нужд семьи владельца усадьбы, была, конечно, частной. Всё же можно полагать, что в некотором смысле она была отчасти и публичной. Вход в неё, пробитый в наружной южной стене усадьбы, вёл не из внутренних жилых частей дома, а из особого крытого двора, который служил (выше я попытался это обосновать) для многолюдных приёмов, сопровождавшихся пирами и зрелищами. Посещение бани входило, может быть, в порядок этих приёмов, а сама баня предназначалась, судя по её расположению, в первую очередь для гостей. Для них она была доступнее, чем для членов семьи и слуг во внутренних покоях. Если определение функций ЮВ двора усадьбы правильно, то его прямая связь с баней едва ли была случайной.

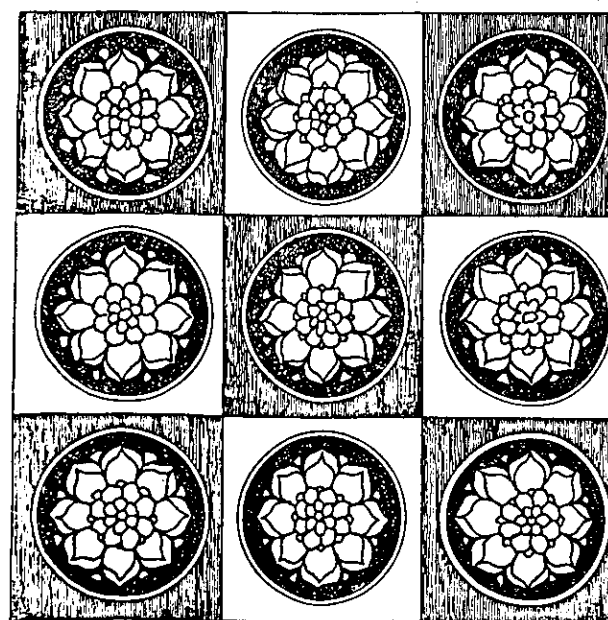
Как и более поздние бани Среднего Востока, и эта была заглублена в землю, для чего перед её строительством был выкопан котлован.

Манзара

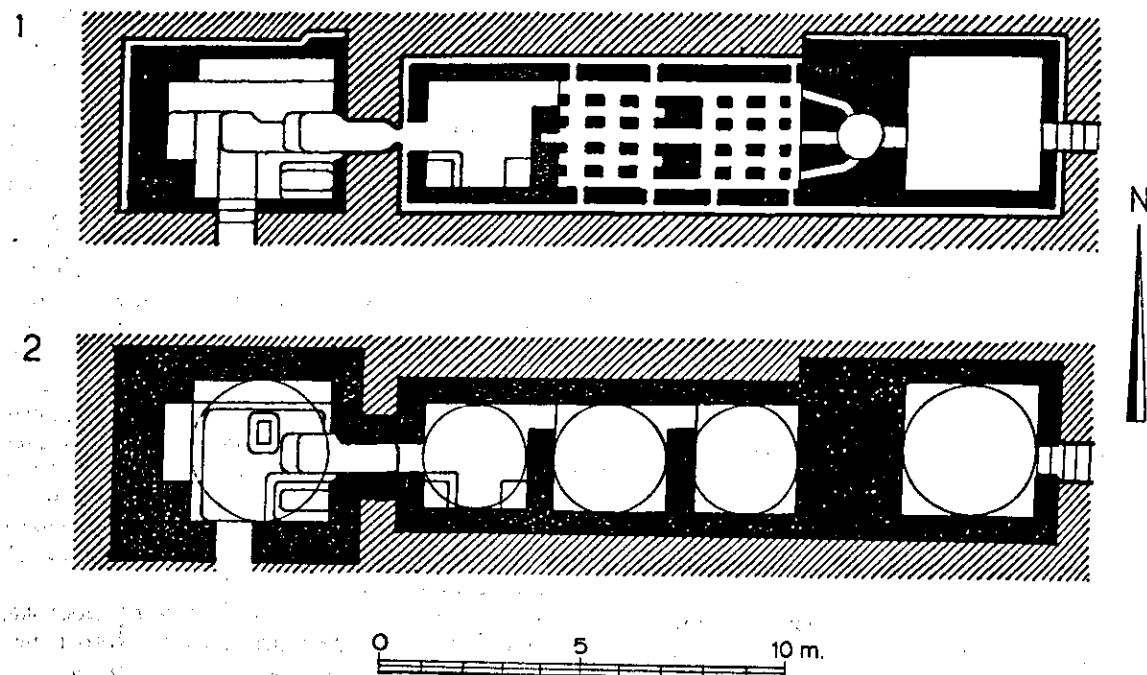
Еще одна индивидуальная баня, археологически датированная 9—11 вв., была исследована на городище Манзара — в южном Таджикистане (Хуттале), в сравнительной близости от Сайёда¹⁵. Она входила в состав усадьбы и составляла часть южной обстройки её внутреннего двора. Эта баня не была пристроена к усадьбе, как в Сайёде, а входила в неё с самого начала, то есть, видимо, была задумана как ее изначальная деталь.

Она принадлежит, как и баня в Сайёде, к неизвестному позже «линейному» типу, то есть такому, в котором помещения (по крайней мере большинство из них) расположены цепочкой одно за другим. Сходство в устройстве обеих бань свидетельствует, как будто, о том, что уже в это раннее время в строительстве бань соблюдались некоторые твёрдо установленные (может быть, региональные) правила. Так, и в Манзаре помещение перед топкой — квадратное, таких же размеров (3×3 м), имеет отдельный вход и не связано с другими помещениями бани. Круглая топка того же типа, что в Сайёде, соединена тремя каналами с подпольем-гипокаустами, — здесь кирпичные столбики поддерживали пол «горячих» комнат, а жар и дым выходили наружу через вертикальные каналы в их стенах, облицованных жженым кирпичом. Как и в Сайёде, это горячее подполье было расположено под двумя комнатами, к которым со стороны входа примыкала третья, — эти три комнаты составляли анфиладу (но с боковым расположением проходов) и имели такие же точно размеры (2,6×2,6 м), что и в бане Сайёда.

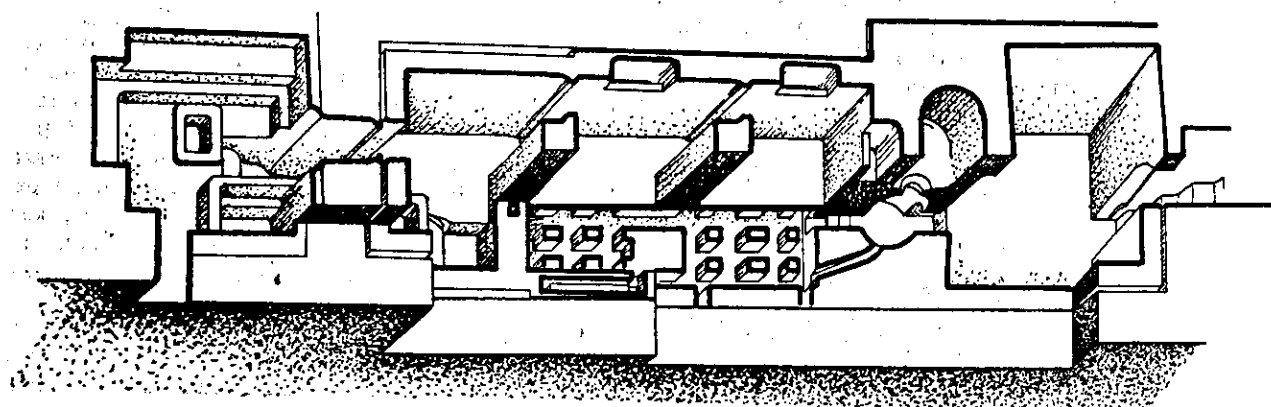
На западе цепочка из трех комнат соединена осевым проходом с тоже квадратной, но боль-

Баня на городище Сайёд. Настенная роспись. Реконструкция.

Баня на городище Манзара. План. По Э. Гулямовой.
1—подпольный уровень, 2—верхний уровень.

Баня на городище Манзара. Аксонометрия. По Э. Гулямовой.

шей ($3,5 \times 3,5$ м) комнатой, куда спускались с южной стороны по трём крутым ступеням. Она была оборудована двумя резервуарами разной величины (53×74 и 130×40 см), которые исследователь считает ваннами, особым креслом, материалом и форма которого, к сожалению, неясны, и полкой, где в стеклянных сосудах хранилась парфюмерия. Исследователь считает это помещение прихожей, что сомнительно, принимая во внимание его «моечное» оборудование, — вернее было бы предположить, что входное помещение бани, не затронутое раскопками, примыкало к нему с юга.

Здание традиционно заглублено в землю. Уровень пола топочной камеры на 2 м ниже уровня пола западной комнаты, — может быть, для того,

чтобы вода самотёком достигала бронзового котла над топкой. Обломки этого котла были найдены. Пахсовые стены двух «горячих» комнат несколько раз покрывались слоями водостойкого кира; при одном из ранних ремонтов они были окрашены в малиновый цвет.

Без раскопок усадьбы, в состав которой входила баня Манзары, нельзя определить, имела ли она такое же относительно общественное назначение, как баня в Сайёде. Ясно, что обе бани предназначались прежде всего для частного использования, и этим определялась их планировка, состав и размер помещений, вообще устройство. Очень похожие одна на другую, они имеют мало общего с несомненно публичными банями этого и более позднего времени. Отсутст-

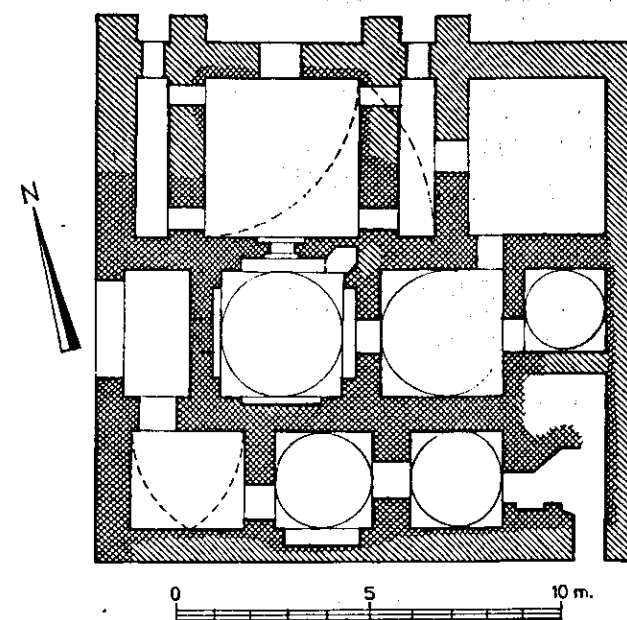
вие же аналогичного материала в исламской архитектуре вне Средней Азии не позволяет определить степень их общности или оригинальности для своего времени.

Тараз

Одна из старых согдийских колоний в ЮЗ Семиречье, город Тараз и в 9—10 вв. был островом в кочевой степи, хотя по соседству и к востоку от него, на караванном пути, возникло несколько «дочерних» городов, по большей части небольших. По словам аль-Истахри, от ближайшего города Будахкет до Тараза нужно было идти два дня, и на всём этом расстоянии не было ни рабатов, ни поселений, ни возделанной земли¹⁶. Некоторая удалённость от культурных областей не помешала тому, что уже в 10 в. (возможно, в его конце) в Таразе была построена большая публичная баня; её остатки обнаружены раскопками¹⁷.

Сохранность этих остатков плоха, а их графическая фиксация, мягко говоря, несовершенна, — это не позволяет составить определённое представление о первоначальном облике здания. Представленная здесь реконструкция плана бани не претендует поэтому на абсолютную достоверность, хотя выбрана как самая вероятная и основана на графическом анализе сохранившихся частей, которые выделены клетчатой штриховкой. Баня имела в плане форму, близкую к квадрату, — $14 \times 13,3$ м — и была с небольшим отклонением ориентирована по странам света. Главный, северный вход вёл в квадратный вестибюль, по обе стороны от которого лежали одинаковые узкие коридоры, — это наводит на мысль, что вестибюль, несмотря на квадратный план, предполагавший купол, был перекрыт сводом 4-метрового пролёта, а двойные стены по его сторонам принимали распор свода. Аналогичный приём — с опорой внутренних стен на толстые сдвоенные столбы — характерен для архитектуры Сасанидов и, в частности, представлен в Сарвистане.

Из вестибюля посетитель попадал в главное помещение бани — квадратное, с неглубокими нишами по всем сторонам и, как будто, гранёной нишкой в СВ углу. Осовой проход в восточной стене вёл в следующее помещение, тех же размеров, что и предыдущее, но без ниш. Оба они образовывали двухчастную анфиладу, в состав которой входила, может быть, лоджия, лежащая западнее главного помещения: она расположена на оси анфилады, и её ширина — 3,2 м — равна сторонам квадратных комнат, так что эти комнаты и лоджия лежат между двух параллельных стен. Правда, на опубликованном чертеже развалин эта лоджия отделена от главного помещения сплошной стеной, но это могло быть вызвано если не ошибкой, то тем, что стена здесь сохранилась на небольшую высоту, не доходящую до порога.

Баня в Таразе. Реконструкция плана.

Из второго помещения можно было пройти в маленькую квадратную комнату, замыкающую анфиладу на востоке, и в просторную комнату в СВ углу, предназначенную, может быть, для отдыха; через один из боковых коридоров она сообщалась с вестибюлем.

Боковая дверь из западной входной лоджии вела в южную анфиладу, которая состояла из трёх небольших комнат, — первой удлиненной и двух одинаковых квадратных, — и замыкалась топкой, расположенной в ЮВ углу. Топка сохранилась так плохо, что понять её устройство невозможно, — ясно лишь, что она имела особый вход с южной стороны. Можно предположить, что три комнаты южной анфилады, не сообщавшиеся, как будто, с другими помещениями бани, служили для лечебных процедур. Обязательное повышение температуры в каждом следующем помещении, начиная от входов и кончая ближайшими к топке, было соблюдено и здесь, — в каждой из двух параллельно расположенных анфилад. Эта линейная организация соединённых цепочкой комнат похожа — и, возможно, не случайно — на устройство бань в Сайёде и Манзаре, но здесь она — только компонент более сложной системы планировки, основанной на приёме компактности.

Судя по излишней усложнённости плана, этот приём (по меньшей мере здесь) был ещё далек от классического воплощения. Попытка выделить главное помещение выглядит робкой: оно не стало композиционным ядром, и только осяевые ниши — зародыш крестообразной формы — намекают на будущую организующую роль его «потомков» в 15—16 вв. Здесь же соседнее помещение по существу равнозначно главному и отличается от него только отсутствием ниш.

От первоначального внутреннего оборудования в бане сохранились только пристенные суфы, да в одной из комнат — небольшой бассейн. Сохранились фрагменты орнаментальных настенных росписей высокого художественного качества, — едва ли не обязательное убранство раннеисламских бань, подчёркивающее их общественный характер. Баня Тараза, стоявшая в плотной застройке шахристана и увенчанная разновеликими куполами, должна была выглядеть внушительно. Её устройство свидетельствует, как будто, о ещё не законченном периоде поисков.

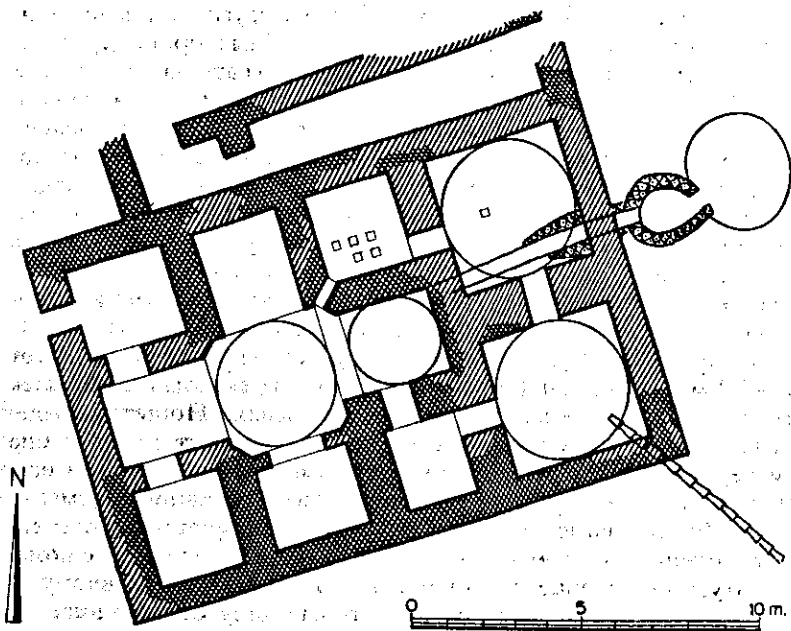
Отрар

Этот город в среднем течении Сырдарьи тоже был старой согдийской колонией-форпостом на рубеже кочевой степи, но его расцвет падает на 11—12 вв.¹⁸ Это заставляет датировать найденную здесь баню временем едва ли более ранним, чем 11 в. Несмотря на некоторое нарушение хронологических рамок, о бане Отрара нужно сказать здесь: это — старейшая баня того классического типа, который позже распространится по Среднему Востоку и за его пределы. Баня стояла в северной части рабада, окружавшего квадратный, с крестом осевых улиц шахристан. Как и в предыдущем случае, её остатки плохо сохранились, и их опубликованный чертёж вместе с кратким описанием дают о здании самое общее представление.¹⁹ На предлагаемой реконструкции плана сохранившиеся части выделены клетчатой штриховкой.

Прямоугольное здание бани (16,5×11,5 м) было построено из сырца и облицовано, изнутри и снаружи, жженым кирпичом. Если в бане Тараза нет общих для всего здания осей (начатые, они там как бы не доведены до конца), то

здесь две поперечные, чётко выраженные оси определяют симметричную структуру плана. Соответственно им здание разделено на две неравные части. Большую, почти квадратную, занимало главное квадратное помещение со скошенными углами и четырьмя глубокими нишами, которые придавали пространству крестообразность. В углах между ветвями креста располагались 4 комнаты, предназначенные, как и центральный крестообразный зал, для мытья и прочих банных удовольствий. Все они сообщались с центральным залом, а в комнате, занимавшей СЗ угол, можно предполагать проход наружу: здесь должен был быть единственный (?) вход в баню, ничем, как будто, не выделенный снаружи, — хотя парадно-симметричная организация внутреннего пространства, напоминающая более поздние мавзолеи и ханаки, предполагает парадно акцентированный вход. Вторая часть бани, примыкавшая к первой с востока, состояла из двух одинаковых больших, квадратных и, вероятно, купольных помещений, разделённых толстой стеной. Они сообщались с соседними угловыми комнатами квадратной части и между собой, и предназначались для мытья, — на это указывает длинная труба для вывода сточных вод, сделанная из «кубуров» (керамических конических элементов, вставляющихся один в другой) и направленная из ЮВ помещения в поглощающую яму.

Топка овальной формы размещалась не внутри здания, а примыкала к его восточной стене снаружи; рядом находился колодец, снабжавший баню водой. Жаропроводящий канал, сложенный из жженных кирпичей, шел от топки в направлении к центральному помещению — к сожалению, он (судя по публикации) был прослежен только на длину около 5,5 м, и куда шел дальше и каким образом заканчивался — неизвестно. Маленькие квадраты, изображенные на

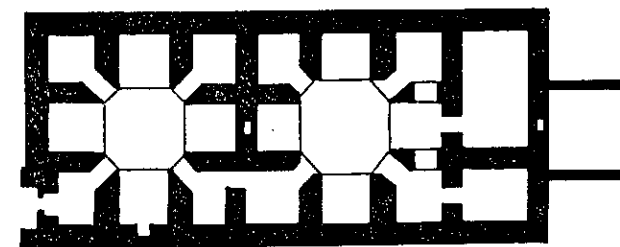
Баня в Отраре (городище Отрар-тобе). Реконструкция плана.

опубликованном плане в двух помещениях у СВ угла, могут означать столбики гипocaustов, но в коротком тексте о них ничего не сказано. Остаётся неизвестным, нагревался ли пол банных помещений подпольным жаром, или система отопления ограничивалась одним или несколькими каналами. Неясно, как нагревалась вода и как она подавалась посетителям.

Вероятно, бани с крестообразным центром (средний купольный зал и 4 сводчатые ниши-айваны) наилучшим образом отвечали функциям публичной бани, достаточно разнообразным и требующим особого оборудования, и сложному графику движения посетителей. Не позже 14 в. этот тип бани вытеснил все предыдущие (в том числе «линейные») и распространился на необъятных пространствах. Примером тому служит такой далёкий от Средней Азии регион, как Азербайджан: две из сохранившихся здесь бань, 14 и 15 вв., выглядят прямыми потомками бани в Отраре, — вплоть до такой детали, как скошенные углы центрального квадрата. А в бане 15 в. в селе Мардакян правый, вписанный в квадрат крест с примыкающими к нему справа помещениями почти «дословно» повторяют баню в Отраре, включая вынесенную наружу топку.

Еще одна баня того же времени, находившаяся в южной части шахристана Отрара, была раскопана только частично. Здесь найдены топка и ёмкости для горячей воды. Согревалась вода в прямоугольном резервуаре со стенами и дном, сложенными из жженого кирпича и обмазанными несколькими слоями водостойкого кыра. В днище было отверстие, куда вставлялся опущенный в топку железный котёл.

В 1985 г. в Пайкенде был раскопан жилой квартал 9—10 вв. Здесь в одном из домов была устроена баня с отопительной печью²⁰, — подробности этой находки, к сожалению, не опубликованы. Столь же кратко и мало информативно сообщено о бане 10 в. в посёлке Базар-дара (восточный Памир), где в то время жили горняки серебряных рудников²¹. О ней сказано лишь, что это было здание «... с купольным перекрытием в виде ложного свода, сохранились нижние части trompa», — видимо, имеется в виду ложный купол, сложенный горизонтальными рядами кирпичей (или камней?), достаточно большой, чтобы нуждаться в поддержке над углами.

Баня 15 в. в селе Мардакян (Азербайджан). План. По М. Усейнову, Л. Бретаницкому и А. Саламзаде.

Любопытно, что в посёлке не было мечети, но был храм огня, а также отдельно стоящий зал для собраний и караван-сарай. Первые среднеазиатские бани с их достаточно сложным устройством не были, конечно, местным изобретением. Это устройство, основанное на чётком взаимодействии и последовательности функций, воплощалось, однако, во множестве вариантов: ни одна баня Средней Азии — ни раннего, ни более позднего времени — не повторяет в точности другую. При этом большинство их сделано не просто функционально правильно, но с «излишествами», предполагающими известную степень комфорта и даже роскоши. Бани Средней Азии раннеисламского времени должны были строиться мастера — специалисты особой квалификации. Кроме публичных и частных бань, которые во множестве строились в городах Средней Азии уже в 9—10 вв., здесь, может быть, имелись бани ещё одного, особого типа — «тахоратхона», то есть постройки для ритуальных омовений «тахорат» при больших мечетях. Такие здания, с квадратным гардеробом и кабинками для омовения, с купольными и сводчатыми перекрытиями и, наконец, с системой подземного отопления и резервуарами с горячей водой, строились ещё в 19 в. в Бухаре и Самарканде²². Было бы логичным предположить, что предки этих построек появились в Средней Азии вместе с первыми крупными мечетями и, может быть, даже раньше настоящих бань, устройство которых значительно сложнее.

ДЕТАЛИ КОЛОННОГО ОРДЕРА

Представление о раннеисламской архитектуре Средней Азии было бы неполным без включения в её состав архитектурных фрагментов, случайно уцелевших и лишенных той среды, для которой они предназначались. Это по большей части — колонны, их части и детали того, что некоторые историки архитектуры называют колонным ордером Средней Азии. Признавая отличие этого «ордера» от античных, классических ордерных систем, они всё же настаивают на таком термине, так как «...здесь в течение веков созданы свои целесообразные законы построения формы, особые идеалы красоты. Колонна связана с другими частями здания в определённых соотношениях, выработаны тектонические системы, отвечающие местным материалам и методам строительства. Следовательно, речь идёт о системе, порядке, т.е. ордере...»¹. Система и порядок свойственны по определению любой архитектуре, и характеристика ордера в такой безгранично расширенной формулировке лишена содержания: она приложима к архитектуре любого региона и любой эпохи.

В действительности ничего схожего с системами классических ордеров в средневековой архитектуре Средней Азии не было. Даже в эпоху греко-бактрийской античности (3 в. до н.э.—3 в. н.э.), когда влияние эллинизма на культуру Средней Азии было особенно прямым и сильным, оно выражалось главным образом в копировании (часто очень точном) деталей колонн — баз и капителей, и в создании местных вариантов капителей и других пластических деталей ордеров, часто очень эффектных. Колонны же, как правило, оставались деревянными, и их пропорции (как и пропорции деревянных архитектуров) не соответствовали канонизированным пропорциям греко-римских ордеров. Тем более нет причин говорить о колонных ордерах в архитектуре Средней Азии 9—10 и следующих веков, хотя их отдельные декоративные элементы сохранялись здесь, соответственно трансформируясь, очень долго.

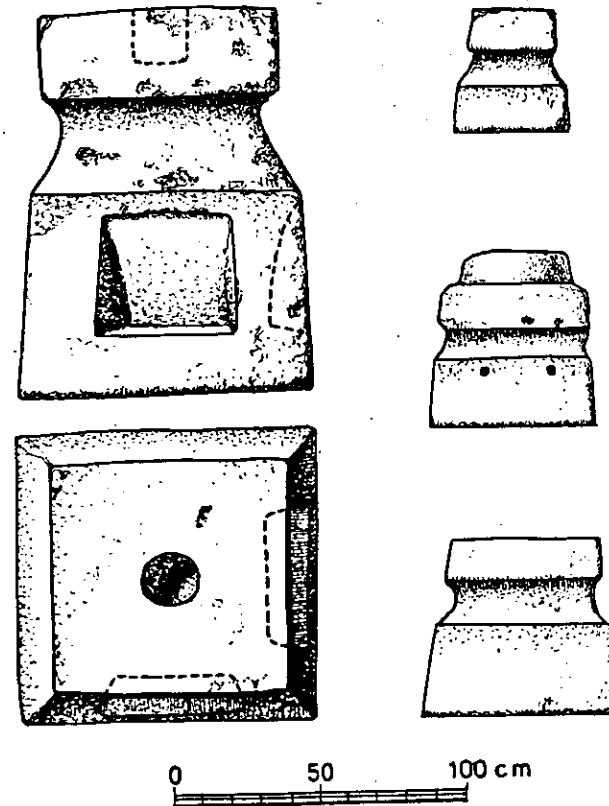
Каждая из немногих сохранившихся колонн 9—10 вв. — художественная индивидуальность, отличная от других пропорциями, членениями и характером резного декора. Вместе с тем они все принадлежат одному стилю и образуют единую группу, отчётливо непохожую ни на её предшественников, ни на потомков. Это внутрен-

нее сходство определяется набором своеобразных повторяющихся элементов, которые формируют в совокупности образ колонны и того, что на ней лежит.

Сохранившиеся базы колонн 9—10 вв. удивляют своим полным сходством с базами предисламского времени, известными по нескольким образцам². Как и те, они состоят из трёх частей, расположенных в неизменном порядке: нижнего четырёхгранного объёма с наклонёнными внутрь гранями, венчающей квадратной плиты, — и промежуточного элемента с вогнутыми в виде скопии сторонами. Каменные базы этого характерного типа, датируемые 10 в., в довольно большом количестве были найдены в одном из посёлков южного Таджикистана³. Они разного размера — от 1 м до 37 см в стороне основания, — и служили опорами для деревянных колонн. Самая большая база украшена с двух смежных сторон прямоугольными выемками, из чего видно, что она оформляла собой выступающий угол, — вероятно, угол колонного айвана. У другой, меньшей базы над верхней полкой имеется округлый выступ, похожий на приплюснутое полушарие. Эта форма характерна для более поздних баз, где на неё опирается шарообразный «куза» или «кузаги» (кувшин, кувшинчик), лежащий в основании ствола колонны. Её происхождение усматривается в плоском пирамидальном выступе, венчающем деревянные доисламские базы из Ак-тепе и Пенджикента.

Базы именно этого типа изображены на доарабских костехранилищах-оссуариях из Бия-Наймана, Иштихана, Молла-курмана и других мест⁴. На такие базы опираются декоративные колонки в верхнем ярусе мавзолея Саманидов, только из-за кирпича, который плохо поддаётся пластической обработке, скопия здесь спрямлена и не поддерживает верхнюю полку. Эти же базы, увенчанные резными полушариями и сами резные, видны в основании колонок Искондарского михраба. Их особенность в том, что грани нижнего четырёхгранного объёма здесь не наклонны, а вертикальны.

Никакого сходства с классическими «ордерными» базами колонн (сохранившимися во множестве от античной архитектуры Средней Азии) здесь нельзя усмотреть, как нельзя понять ни источник этой пластической формы, ни её эво-

Каменные базы колонн в Калининабаде. По В. Ворониной.

люцию. Базы этого типа, распространённые, судя по находкам, на обширных пространствах, неожиданно возникли и так же неожиданно исчезли где-то в 11 в., не оставив практически следов: формы более поздних колонных баз в Средней Азии, деревянных и каменных, имеют с ними мало общего.

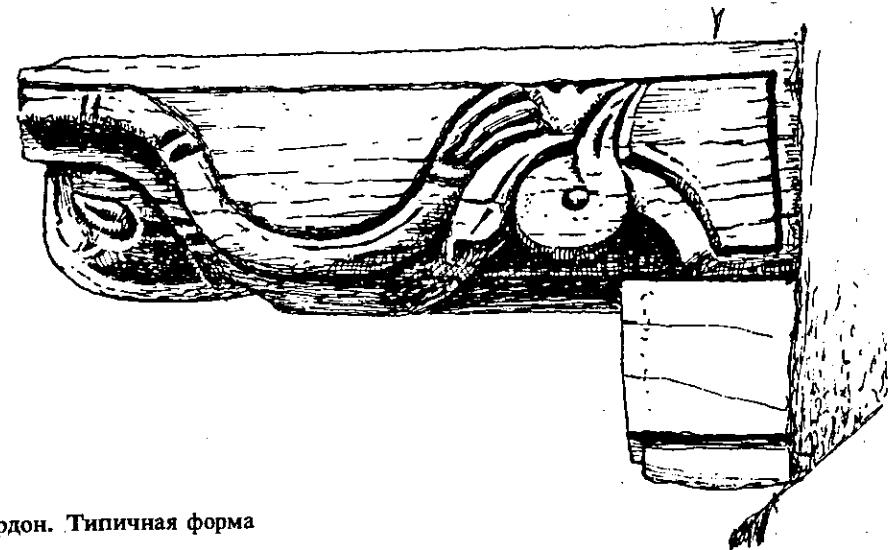
Между тем эта загадочная форма логична, художественно убедительна и своей тектонической структурой отвечает месту и выполняемой

работе: расширяющееся книзу основание воплощает собой устойчивость, верхняя плита принимает на себя тяжесть колонны, а вогнутость-скопия между ними воспринимается как упругая прокладка-рессора, встречной пружинящей силой отвечающая давлению сверху. Каждая часть базы, соответственно своей форме и расположению, исполняет только ей присущую роль.

Ствол колонны, обычно слегка сужающийся кверху, делался круглым или (если колонна была деревянной) обтёсывался множеством узких граней. Его нижняя широкая часть, которая опиралась на базу, имела округлую и слегка зауженную вверх форму, похожую на кувшин — «кузаги»; сверху с четырёх сторон на неё опускались остроконечные лопасти. Соединённый узкой стороной с базой и чётко отграниченный от ствола, кузаги производит впечатление шарнира между стволом и базой. В отличие от базы, эта часть деревянной среднеазиатской колонны сохранилась и дожила в народной архитектуре до наших дней, почти не изменившись.

Все колонны 9—10 вв. были увенчаны коническими расширяющимися кверху капителями вертикальных пропорций, отделёнными от ствола валиком. Основание капители выделялось обычно более крутым наклоном конической поверхности, которая образовывала пояс над валиком. В некоторых случаях над капителью поднималось как бы её продолжение — «импост» квадратной или гранёной, расширяющейся кверху формы, промежуточный элемент между колонной и горизонтальным перекрытием. Капители конической формы увенчивали и позже деревянные колонны, но наряду с капителями других типов, — например, сталактитовыми. До 15 в. встречаются и импосты как венчание некоторых колонн, крупных и особенно богато украшенных резьбой⁵.

Последней и, может быть, обязательной частью колонных систем 9—10 вв. были консоли характерной формы, которые укладывались

Консоль из мазара в селе Оббурдон. Типичная форма деревянных консолей 9—10 вв.

между верхом колонны (капителью или импостом) и балкой перекрытия. Они выполняли роль «подбалок», то есть коротких балок, при помощи которых уменьшалась длина прогона между колоннами и стенами, — балки потолка лежали на этих консолях и были с ними соединены.

Известные ныне консоли этого типа — только деревянные. Их форма удивительно единообразна: это — близкие образцы одного и того же типа, совершенно не встречающиеся после 11 в. Нижняя сторона такой консоли имеет, за редким исключением, криволинейную форму, в которой последовательно — от заднего к переднему краю — чередуются впадина и выпуклость. Впереди расположен заострённый выступ, похожий на носовую часть лодки, с изогнутым ребром «киля», обычно украшенный парными спиральными завитками. Эта передняя, скульптурная часть консоли имеет по большей части сложную пластическую обработку. Впадина криволинейного бокового контура заполнена снизу декоративным щитком (есть и более простые варианты), а с боков — заострённой каплеобразной «рыбкой» и петлёй обрамления. Сверху и сзади эти консоли обегает широкая «Г»-образная полоса, — она, как и все поверхности, часто покрыта резным орнаментом.

Консоли этого типа доисламского времени неизвестны, — может быть, они не сохранились или ещё не найдены. Они могут быть почти не украшены и представлять собой чисто скульптурную форму, или покрыты резной орнаментацией с фантастическим разнообразием и изобретательностью, или, наконец, могут состоять лишь из передней части. Но их общая структура повсюду одинакова, как будто мастера, разделённые сотнями километров, следовали некоему общему образцу.

Источник этого своеобразного и стабильного образа неясен. В нём видят стилизованное изображение фантастического существа или птицы, голову которой напоминает передняя часть консоли, заострённая как клюв и украшенная спиральными завитками «глаз». Такие сопоставления кажутся мне сомнительными: все пластические формы резных консолей и колонн, в которых исследователи усматривают зооморфные образы, скомбинированы из распространённых тогда растительно-стилизованных мотивов, иногда доведённых до уровня «абстрактной» пластики, известной на примере михраба из села Искодара. Известные сейчас действительно зооморфные образы искусства 9 — 10 вв., восходящие к доисламским традициям (например, скульптуры львов из Хульбука) достаточно реалистичны и не требуют расшифровки.

Если бы «птицеподобность» консолей и не была кажущейся, такое осмысление не могло быть заложено в них изначально: символ не может стать источником конструктивно целесообразной архитектурной формы. Можно предположить, что в основе консолей этого типа лежит, как это часто было в Средней Азии, какой-то эллинистический прототип. Им могла быть, ско-

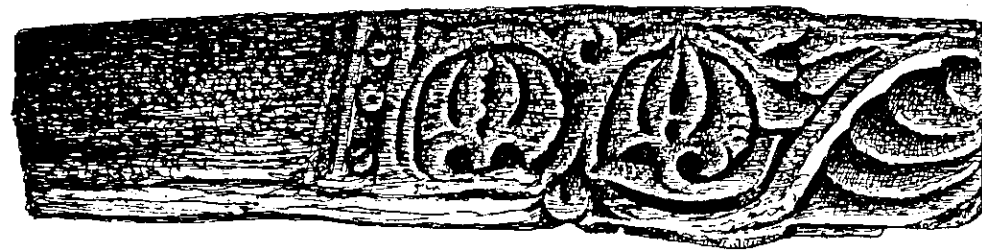
рее всего, греко-римская волютная консоль, волнообразно изогнутая, ограниченная сверху и сзади «Г»-образным обрамлением, со спиральными волут впереди. Стихия средневековой орнаментальности трансформировала её очень основательно, но и в новом образе просматривается его «классическая» основа, так же как она заметна в резных деревянных капителях этого времени.

С этими консолями, как бы вымирающими в 11 в., связана проблема, которую здесь можно только поставить, — она требует особого исследования. Дело в том, что их довольно близкие параллели обнаруживаются не в соседних Средней Азии регионах, а далеко к западу от неё, — в Испании и частично в странах Магриба. В отличие от Средней Азии консоли этого типа, в разных вариантах, сохранялись в Испании по крайней мере до 15 в., а их упрощённые подобию — и позже. Обычно испанские консоли имеют прямоугольную форму бруса (она встречается и в Средней Азии), но бывают и варианты с характерно изогнутым боковым контуром, — например, консоль 11 в. в археологическом музее Сарагосы⁷. Всех их сближает со среднеазиатскими консолями острокопечная, подобная носу лодки передняя часть с симметрично расходящимися изогнутыми лопастями, вогнутая поверхность, из которой эта часть выступает, и — как правило — обильная орнаментальная резьба. Таковы представленные здесь консоли — 11 в. из музея в Малаге и около 1200 г. из церкви Санта Мариа ла Бланка в Толедо. Каменная консоль этого типа, выступающая из одной из башен Альхамбры, никогда не публиковалась, и её возраст мне неизвестен.

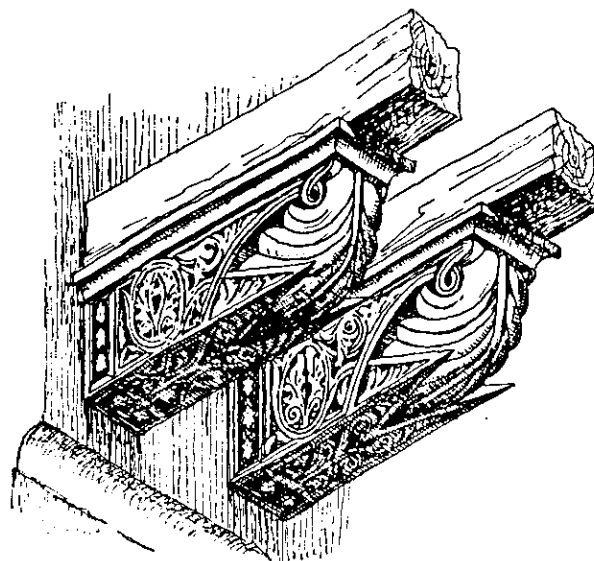
Даже такая характерная деталь, как изогнутый и обращённый вниз каплеобразный отросток, украшающий консоли в Оббурдоне и Чорку, повторяется в испано-магрибских консолях, — правда, в ином контексте. Таковы консоли пятничных мечетей Кайруана и Сусы в Тунисе. Нельзя объяснить это несомненное сходство иначе как прямыми контактами, как ни трудно их себе представить. Причём очевидная древность среднеазиатских консолей этого типа и их раннее исчезновение говорят, как будто, о том, что влияние шло с Востока на Запад, а не наоборот.

Колонны горного Зеравшана исследованы и опубликованы (кроме колонны в селе Похут) В. Ворониной. Все они найдены в горных селениях долины реки Зеравшан и, видимо, были изготовлены там же или где-либо поблизости, как и михраб из Искодара. Предлагалась гипотеза об их самаркандском происхождении, не выдержавшая критики и признанная ошибочной⁸. Базы колонн, а в некоторых случаях и нижние части их стволов не сохранились, — может быть, стволы опирались на каменные базы известного нам типа.

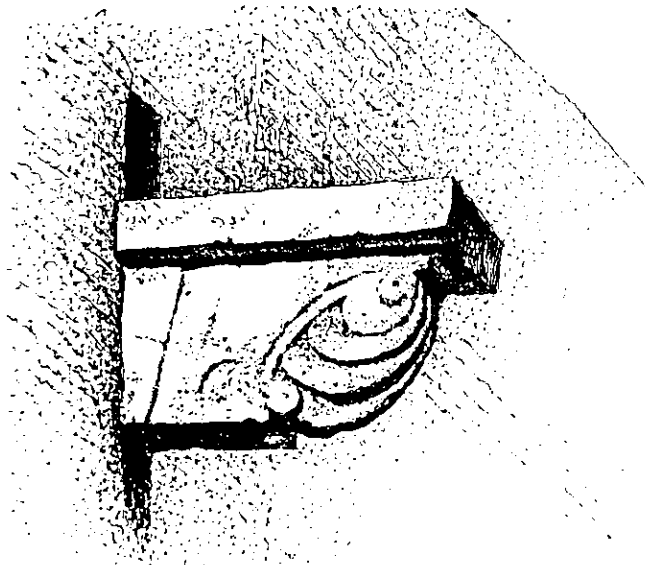
Простейшая из зеравшанских колонн найдена в подвале мечети села Похут (долина реки

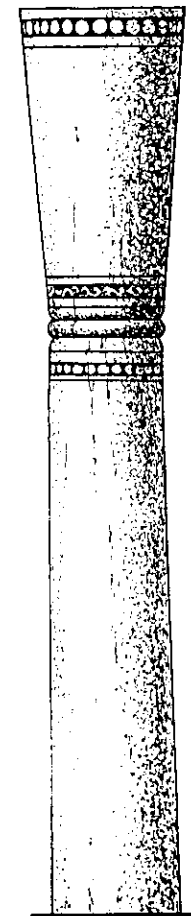
Деревянная консоль из Малаги, 11 в.

Деревянные консоли в церкви Санта Мариа ла Бланка в Толедо, 1200 г.

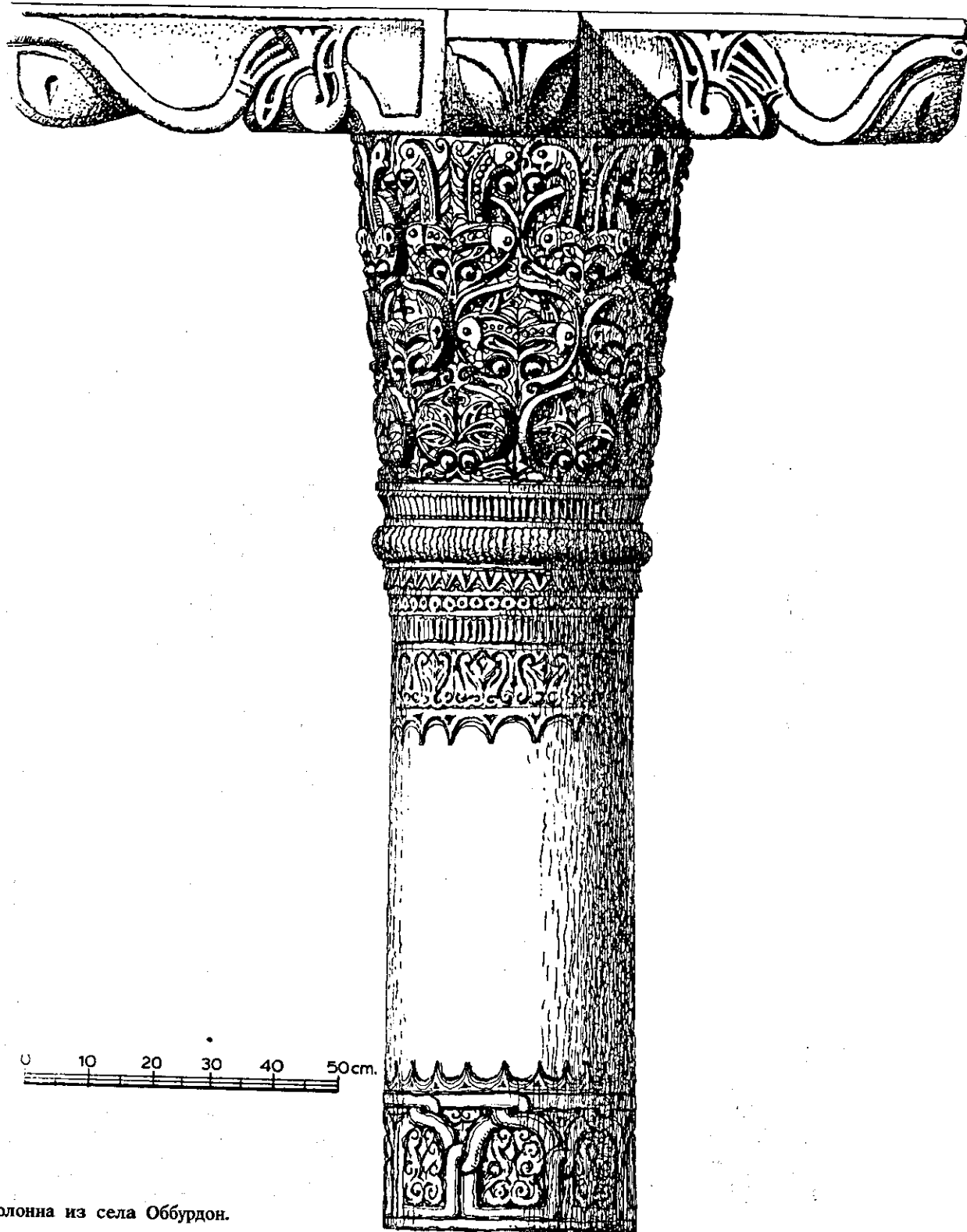

Каменная консоль в Альхамбре.

0 50 cm.

Колонна мечети в селе Похут (Матча). По О. Смирновой.

Колонна из села Оббурдон.

Матча)¹⁰. Её высота — 148 см, нижний диаметр круглого, слегка сужающегося кверху ствола — 21 см. Высокая, расширяющаяся кверху капитель отделена от ствола валиком. Скупой декор ограничен бордюрами из круглых рельефных «перлов» (традиционный и древний иранский

мотив) в верхних частях ствола и капители, да полосой резного вьющегося побега в основании капители. Судя по чётким пропорциям (общая высота колонны — 7 нижних диаметров, капитель — 1/3 общей высоты), колонна сохранилась целиком, кроме базы. Исследователь сопос-

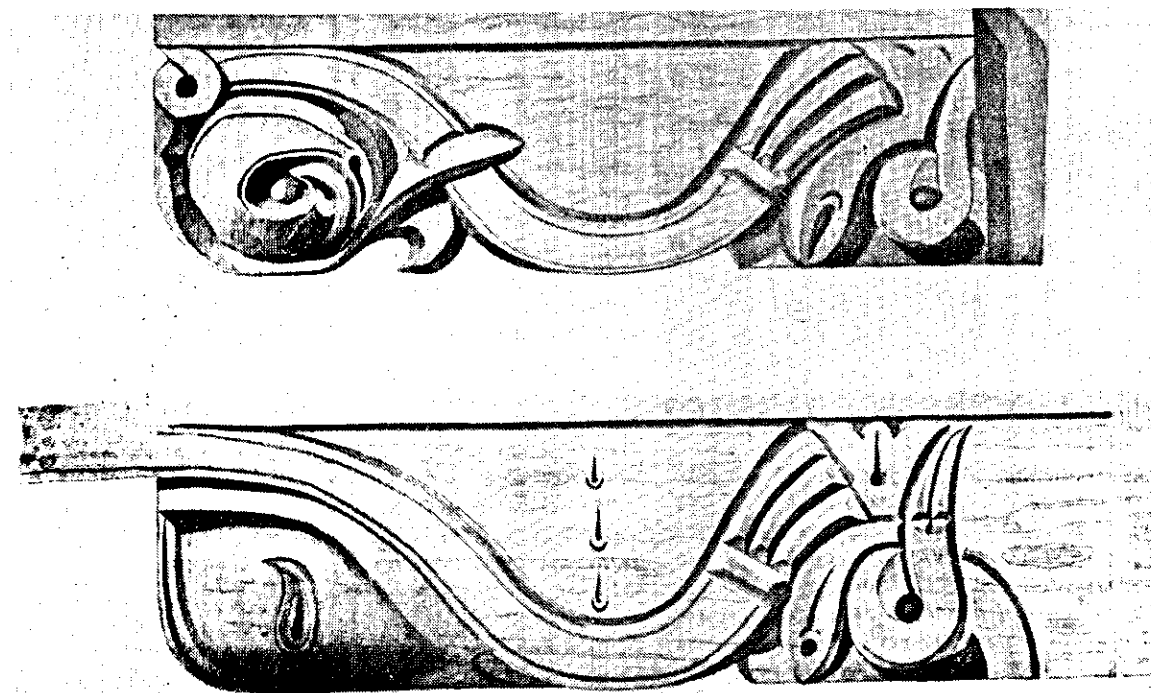
тавляет её с колонной из Урмитана и датирует, как и последнюю, 10 в. Не исключена и более ранняя датировка.

Колонна из села Оббурдон стояла в центре квадратного помещения и несла на себе перекрестие балок потолка. Соответственно этому капитель колонны подпирала крестовину из четырёх консолей, а из стен помещения выступали 4 аналогичные консоли, на которые опирались наружные концы балок¹¹. Сейчас высота колонны, лишенной базы и, возможно, нижней части ствола, составляет около 2 м. Около 1/3 высоты составляет капитель, конически расширяющаяся кверху и покрытая густой, глубокой и сложной резьбой. В структуре этого рельефного декора не без труда усматривается происхождение от местного типа эллинистической коринфской капители: его основу составляют два ряда медальонов овальной формы, с заострениями на вертикальной оси и причудливым заполнением, в котором видны парные птичьи головки на изогнутых шеях. Расположенные «вразбежку», медальоны этим взаимным расположением и количеством соответствуют расположению двух рядов акантовых листьев на коринфской капители. Лирообразно изогнутые парные шейки с птичьими головками вверху капители соответствуют волютам коринфской капители, а виднеющиеся под ними округлые медальоны — акантовым листьям под волютами.

Это сходство капители с её античными прототипами — условное и совсем не самоочевидное. Пластическая, скульптурная разработка формы античных капителей заменена здесь (несмотря

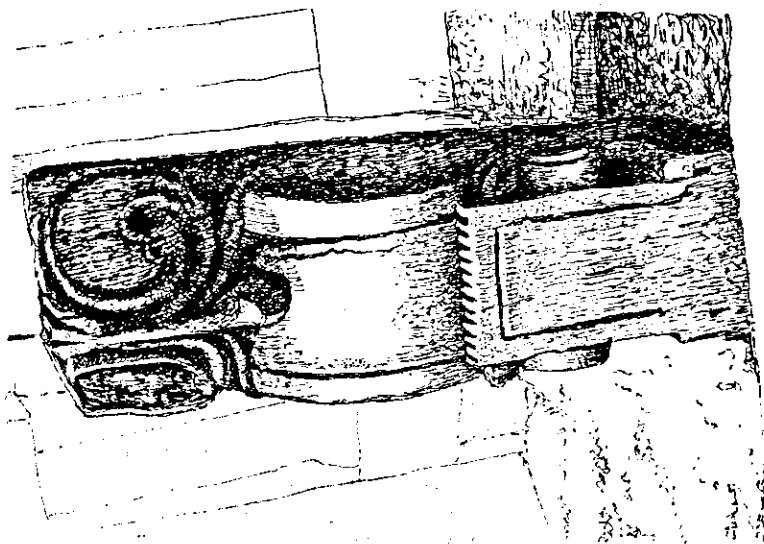
на скульптурную моделировку резьбы) орнаментальным узором на поверхности нерасчленённого объёма — в принципе так же, как в синхронных капителях Византии и Европы. Но дальнейшее эхо античной классики прослушивается здесь, как и в характерных формах консолей.

Разнообразной резьбой (в которой традиционные мотивы типа «перлов» соседствуют с уникальными мотивами), образующей несколько поясов, покрыта верхняя часть ствола колонны, в том числе и валик, отделяющий его от капители. Низ сохранившегося ствола украшен широким поясом: 8 арок с круглым венчанием, образованные переплетением лент и заполненные абстрактно-растительной орнаментальной резьбой. С этим насыщенным декором контрастирует средняя часть ствола, гладкая, как бы полированная, оконтуренная сверху и снизу поясами полукруглых лунок. Мотив аркады, ассоциирующийся в Средней Азии с венчающими частями здания (мавзолей Саманидов), употреблялся и для оформления цокольных частей (дворец правителей Термеза 11—12 вв.), — значит, можно предполагать, что ствол колонны сохранился весь или почти весь. Пропорции этого ствола, заметно расширяющегося книзу, тяжелы: его высота немного меньше трёх нижних диаметров, тогда как отношения высоты и ширины (верхней) капители близки к квадрату. Массивность пропорций подчеркнута крестовиной консолей, которые — в отличие от увенчанной ими капители — почти лишены орнаментальной резьбы и являют собой чисто скульптурные формы, подобные, но не повторяющие «дос-

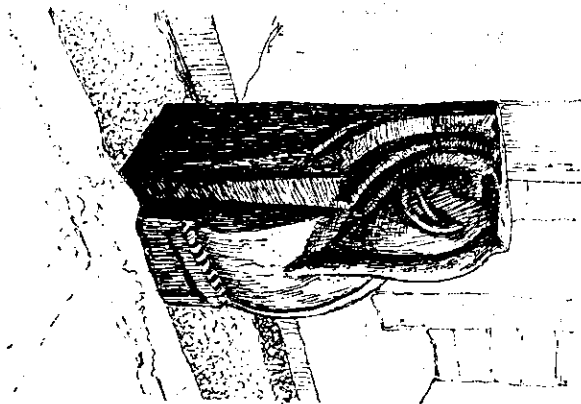

Консоли из мазара в селе Оббурдон.

Левая консоль айвана мазара в селе Оббурдон.

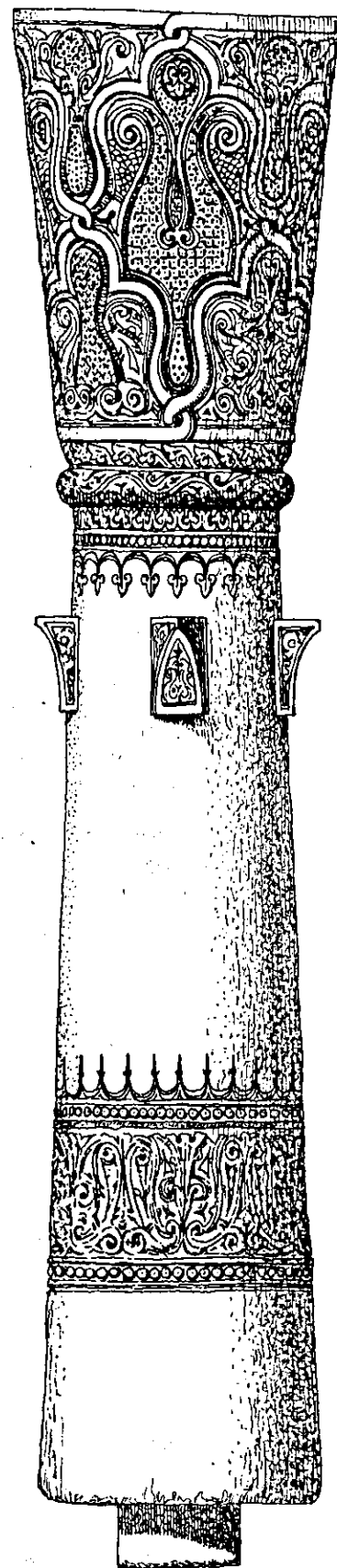
Центральная консоль айвана мазара в селе Оббурдон.

Резной фриз из мазара в селе Оббурдон.

Колонна из села Курут.
По В. Ворониной.

0 10 20 30 40 50 cm

ловно» одна другую. Таковы и пристенные консоли.

Колонна из Оббурдона производит впечатление очень древней. Может быть, не лишено оснований убеждение местных жителей в том, что она прежде стояла в каком-то «языческом» здании, превращённом позже в мечеть и, значит, была сделана до исламизации края. Ни доказать, ни опровергнуть это предположение, увы, нельзя. Но техника резьбы и её архаический стиль, скульптурный характер декора, явное в этом случае примешение зооморфных образов, — всё это позволяет датировать колонну временем не позже 9 в.

В «гарнитур» Оббурдонского мазара входит и кусок резной доски, украшенный орнаментом того же стиля и той же техники, что колонна. Круто изогнутая волнистая линия, которая делит поверхность доски на отдельные части, образована лентами с птичьими головками на концах, — точно того типа, что и на капители, и так же попарно склонёнными одна к другой, как в верхней части капители. Орнаментальные поля внутри этой волнистой границы заполнены бесфоновой абстрактно-растительной резьбой, глубокой и сочной, образующей симметричные — относительно вертикальной оси — группы. Вероятно, доска служила фризом, обегавшим помещение под потолком: её высота — 23 см — соответствует средней высоте подбалок.

Колонна в селе Курут — того же типа, что предыдущая, но более стройная: её высота до валика в основании капители составляет 3,5 нижних диаметра, высота капители — 72 см — немногим больше 1,5 нижних диаметров. Общая высота колонны вместе с деревянным шипом, которым она когда-то крепилась к базе — 244 см.¹²

Как и в колонне из Оббурдона, орнаментальная резьба покрывает здесь всю коническую, расширяющуюся кверху капитель, валик под ней и верхнюю часть ствола, а также украшает широким поясом низ ствола, но не у его основания, а около 30 см выше. Полукруглые лунки, окаймляющие, как в Оббурдоне, сверху и снизу гладкую часть ствола, дополнены вверху трилистниками, внизу — острями-прорезями.

Резной декор капители, выполненный в той же бесфоновой технике, композиционно организован более чётко: его «каркас» образован трёхлопастными, плавно расширяющимися кверху фигурами, распространёнными в архитектуре и орнаментальном искусстве Среднего Востока под названием «даурипая». Этот мотив украшает многие раннеисламские терракотовые очажки Самарканда¹³ и резное панно 10 в. в Нишапуре¹⁴, венчает башенный мавзолей в Радкане (Иран, 13 в.), оформляет михраб в иранском медресе Кухи Банан (12 в.)¹⁵, изображён в рельефно-живописной технике «кундаль» в мавзолее Ширинбек-ака (Самарканд, 14 в.)¹⁶. Перечень можно продолжить.

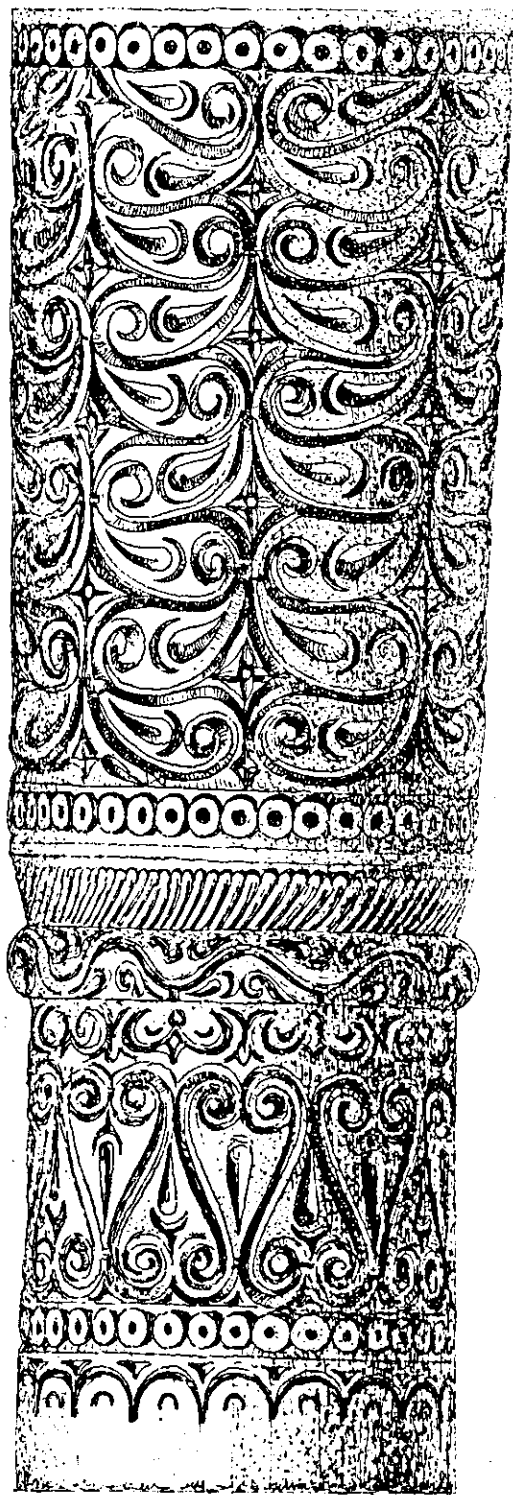
На капители Курутской колонны «даурипая» расположены в два яруса и в шахматном поряд-

ке. Их контур образован гладкими сплетающимися лентами, которые отчётливо выделяются на фоне резного заполнения, сложного и мелко-го. И здесь расположение этих крупных элементов резного декора, и даже отчасти их форма, в которой усматривается обобщённая форма листьев аканта, указывают на «коринфский» источник образа. Из ствола колонны, в его верхней части, выступают небольшие треугольные полочки, формой подобные одиночным сталакти-там. Их поверхности — плоские боковые и средняя вогнутая — покрыты орнаментальной резьбой, контрастной гладкому стволу. Назначение полочек непонятно, но, вероятно, связано с какой-то функцией: может быть, сюда ставили светильники, хотя расположение огня у подно-жия нависающей над ним капители кажется неудачным.

Сравнительно с сильной, но несколько хаотич-ной пластикой Оббурдонской колонны декор колонны в селе Курут, пожалуй, более изыщен и тектоничен, а расположение нижнего орнамен-тального пояса и стиль его резьбы отличаются (как, впрочем, и резьба капители) изысканной утончённостью. Это позволяет предположить, что она несколько моложе колонны из Оббурдо-на, и датировать её — за неимением лучших аргументов — 9 — началом 10 вв.

Если колонна в селе Курут сохранилась вся, кроме отдельно сделанной базы, то от колонны в селе Фатмев уцелела только капитель с верх-ней орнаментированной частью ствола¹⁷. Общая высота сохранившейся части — 102 см, высота и верхний диаметр очень слабо расширяющейся кверху капители — соответственно 64 и 35 см, диаметр ствола внизу — 30 см. С предыдущими колоннами Фатмевскую колонну сближают: сплошной резной декор капители, широкий рез-ной пояс в верхней части ствола и кольцо полукруглых лунок в его основании (ниже этого пояса ствол был гладким, и можно предполагать, что его основание было отмечено вторым орна-ментальным поясом), техника глубокой резьбы без плоского заглублённого фона, — признаки, достаточные, чтобы признать все три колонны произведениями одного художественного нап-равления и времени. В орнаментальном декоре капители многократно повторён всего один мо-тив, традиционный для Средней Азии и ныне употребляемый в шитье местных шапочек-тюбе-теек, покрывал и пр.: «тус-тупи». Эта удлинён-ная, напоминающая перец форма, круглая с одной стороны и заострённая, спирально изогну-тая с другой, образует здесь 8 вертикальных рядов, в которых «тус-тупи», поочередно обра-щённые в разные стороны, плотно сжаты между собой. В декоре господствует живописная, но упорядоченная пластичность; набранный из «стандартных» элементов, он не кажется однооб-разным.

Пояски круглых «перлов» с выемками внутри оконтуривают верх и низ капители и отмечают основание резного пояса вверху ствола. В поясе

Колонна из села Фатмев. По В. Ворониной.

Колонна из села Урмитан.
По В. Ворониной.

чередуются высокие «S»-образные прорезы со спиральными завитками на концах, — в совокупности они образуют «сердечки», поочередно обращённые остриями вверх и вниз. Близкий мотив есть в убранстве мечети 9 в. Ну Гумбад в Балхе¹⁸.

Общие архитектурные формы и принципы декора колонны в Фатмеве соответствуют двум предыдущим, но в ней нельзя усмотреть рудименты античных, коринфизированных форм: плотный, ритмичный декор капители вполне своеобразен и нигде не находит сколько-либо близких параллелей.

Колонна из села Урмитан принадлежит тому же древнему типу деревянной опоры с конической капителью и валиком под ней, но заметно отличается от предыдущих колонн стройными пропорциями, формами и отчасти техникой резного декора. Её тонкий — 21 см в диаметре — ствол сгнил более чем наполовину и сохранился только вверх на высоту 63 см, но как бы в компенсацию этой потери над вытянутой капителью здесь возвышается импост квадратной сверху и восьмигранной снизу формы¹⁹. Этот импост своими габаритами очень точно продолжает расширяющуюся кверху высокую капитель (отношение нижнего диаметра к высоте — 1:3) и образует вместе с ней общее венчание колонны, которое выглядит чрезмерно вытянутым. Принимая во внимание тонкость ствола, цилиндрического или даже расширявшегося кверху (так считает В. Воронина), это венчание должно было составлять не меньше половины общей высоты опоры.

Сложный резной декор капители согласован с её вертикальными пропорциями: его основу образуют волнистые вертикальные прорезы со спирально закрученными концами, собранные попарно и составляющие симметричные группы; промежутки между ними, прихотливых очертаний, покрыты мелкими выемками и чешуйками. Всё вместе образует рельефную фактуру, удивительную своей живописной пластикой. Капитель увенчана поясом кружков-«перлов», в её основании — довольно толстый валик, украшенный изогнутыми ланцетовидными фигурами, которые, по выражению Л. Ремпеля «...могут, при известном воображении, напоминать рыб...»²⁰.

Резьба импоста и верхней сохранившейся части ствола колонны, в отличие от резьбы капители и трёх предыдущих колонн, — с углублённым плоским фоном и срезами, перпендикулярными фону. Если в декоре предыдущих колонн и капители колонны из Урмитана совсем нет прямых линий (кроме низа арок в колонне из Оббурдона), то здесь прямые контуры узора, в сочетании с изогнутыми, создают геометрическую основу декоративного мотива. Это — орнаментально трансформированный мотив аркады, образованный сплетающимися лентами, — не гладкими, как в Оббурдонской и Курутской колоннах, а с волнистым побегом внутри. Сплетения и узлы лент получили здесь угловатый характер, который подчёркивает от-

чётливо геометрический, а не пластический стиль декора.

Контрастны этому стилю скульптурные выступы, расположенные в верхних частях угловых граней импоста и на стволе колонны, по сторонам декоративной арочки. Выполненные в манере горельефа, а местами почти как круглая скульптура, они, по убеждению В. Ворониной, изображают: вверх — голову петуха, вниз — сову. Не споря с исследователем, я должен сознаться, что не увидел этого сходства, когда разглядывал колонну из Урмитана в музее Пенджикента. Мне представляется, что эти необычные детали — пластика того же отвлечённо-символического типа, что расположена, в виде двух скульптурных полос, по сторонам арки Искондарского михраба, и сходство с птицами, которое здесь при некоторой фантазии действительно можно усмотреть — случайность. Можно предположить, что нижние выступы — декоративно трансформированные консоли, подобные тем, что в первоначально функциональном виде сохранились на колонне из села Курут.

Орнаментальное искусство доисламской Средней Азии не знало подобных растительно-зооморфных форм, и в раннеисламское искусство они не могли попасть из предыдущей эпохи. Вынужденная это признать, но как-то объяснить изобилие «образов живой природы», которые она усматривает всюду в резных колоннах и балках 9—10 вв., В. Воронина предлагает такое героическое объяснение феномена: «Как раз насильственное внедрение ислама и послужило, видимо, толчком к появлению в архитектурном декоре своего рода идеологической контрбанды»²¹. В этом смелом суждении по меньшей мере две ошибки: ранний ислам не запрещал изображения животных куда более реалистические, и едва ли религия, внедрённая только насильственно, прижилась и осталась бы в стране навсегда. Для идеологического «сопротивления» такого рода не было причин, да и какой был бы в нём смысл?

Длина сохранившейся части колонны — 183 см. Метрической единицей или модулем был, видимо, поперечник ствола колонны — 22 см, который укладывается 2 раза в высоту верхней орнаментированной части ствола (ниже видна плохо сохранившаяся надпись), вместе с валиком, 3 раза — в высоту капители от валика до верха пояса «перлов», и 2 раза — от этого уровня до верха импоста. Половине модуля — 11 см — равна ширина валика с обрамляющими его сверху и снизу косыми срезами. Необычность колонны из Урмитана вызвала затруднения с её датировкой. На том основании, что в ней употреблена резьба с плоским фоном, В. Воронина датирует её 11 или даже 12 вв. Между тем резьба этого типа была распространена ещё в доисламское время²² и не может считаться новшеством послесаманидского времени; о её употреблении в искусстве Омейядов свидетельствует резная доска 727 г. из дворца аль Хайр аль Гарби²³. С другой стороны — и-

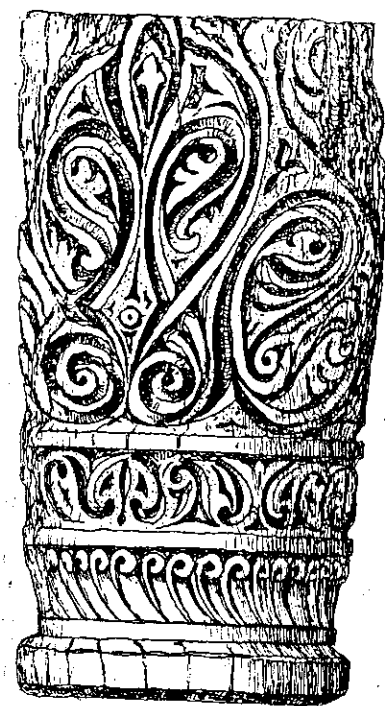
техника, и мотивы резьбы капители принадлежат 9—10 вв. и позже не встречаются. Поэтому я разделяю несогласие с В. Ворониной, заявленное А. Якубовским, который датировал колонну из Урмитана 9—10 вв.²⁴

Колонны пятничной мечети в Хиве

Огромная пятничная мечеть в центре Хивы существует в нынешнем виде, как показали исследования, с конца 18 в. Но среди 212 её деревянных, разновременных колонн есть очень старые. В. Воронина, исследовавшая колонны хивинской мечети, разделила их (исключая явно поздние) на три стиля²⁵. Колонны самого раннего, 1 стиля она датирует концом 10—11 вв., 2 стиля — 11—12 вв. и 3 стиля — 14 в., минуя 13-й. Эта классификация вошла в научный обиход.

Выделив 4 колонны и 2 капители, относящиеся, по её мнению, к 1 стилю, В. Воронина так определила его отличительные черты: «1. Древние мотивы орнамента, из которых некоторые напоминают рисунок зеравшанской резьбы; 2. Такая же, как на древних зеравшанских колоннах, техника резьбы без фона с глубоким (до 2 см) рельефом и треугольным сечением прорези; 3. Характерное письмо-куфи с выпуклыми буквами округлого рельефа, переплетённое растительным орнаментом».

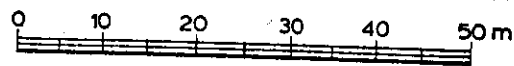
Легко заметить, что все эти особенности касаются орнаментики, а не архитектурных форм:

2

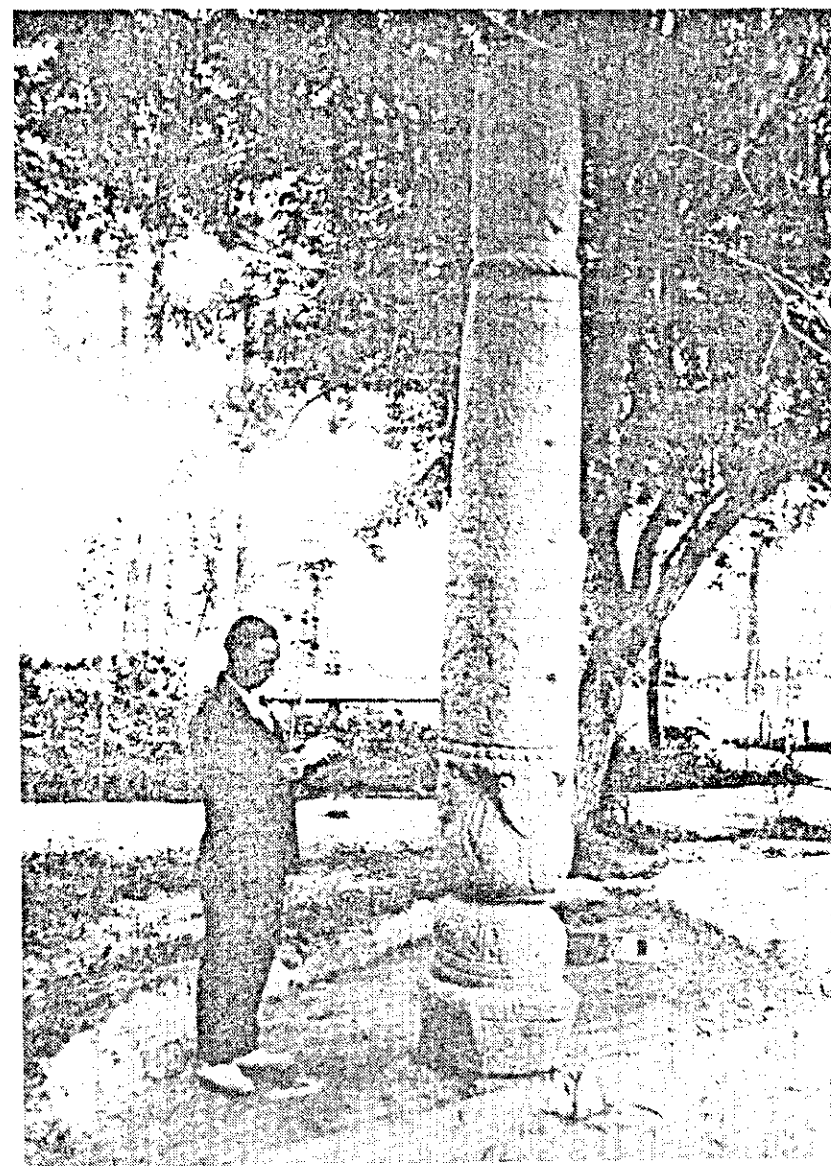

Капители из пятничной мечети в Хиве. По В. Ворониной. 1 — в музее истории Узбекистана; 2 — в мечети.

колонны 1 стиля не отличаются от 2 ни формой, ни объёмными деталями, ни пропорциями. Да и аргументы, основанные на стиле декора, неубедительны и вызывают возражения.

1. В орнаментике хивинских колонн нет мотивов, сколько-нибудь близких зеравшанским колоннам, что — на стр. 122 — признаёт и В. Воронина. Здесь господствуют суховатые геометрические построения типа лучевых орнаментов-«герихов», чуждые резьбе зеравшанских колонн и характерные для 12—13 вв. Между орнаментами 1 и 2 стиля нет принципиальных различий. 2. В данном случае техника резьбы без фона не может быть датирующим моментом, так как в колоннах 1, как и 2 стиля обильно представлена резьба с заглублённым фоном. Да и бесфоновая резьба, как говорилось, продолжала употребляться позже 11 в., например — в колоннах 2 и 3 стилей. 3. Шрифт «куфи» с закруглёнными в сечении рельефными буквами находит прямую параллель в мавзолее Шах Фазиль в Киргизстане, который традиционно датируется 13 — началом 14 вв.²⁶ Отметившая сходство В. Воронина датирует мавзолей 12 или концом 11 вв. — с этим можно согласиться, но и такая датировка далека от предлагаемой датировки 1 стиля. Впрочем, такие же рельефные буквы куфических надписей употреблены в мавзолее 18 в. Ходжамны Кабры в Намангане²⁷. Колонны, выделенные В. Ворониной в 1 стиль, едва ли старше 12 в. Они ничем существенным не отличаются от колонн 2, а отчасти и 3 стиля. Иное дело — две отдельные капители, одна из которых венчает позднюю колонну мечети, а другая хранится в Музее истории Узбекистана. Они очевидно и разительно отличаются от колонн, с которыми неправомерно объединены общим «стилем». Они схожи между собой стилем резьбы и её орнаментальными мотивами (бордюр в основании капители и «стружечный» орнамент на

Каменная колонна в Ак-тепе. Рядом археолог А. Бернштам.

пояске между капителью и валиком), и их глубокая, свободно-живописная резьба, преобладание пластики над графикой роднят их с древними колоннами долины Зеравшана. Одна из капителей, более крупная, наполовину обрублена сверху. Другая сохранилась почти целиком, и в её контуре, традиционно расширяющемся кверху, заметна изящная энтазисная кривая, — приём, отвечающий изысканной культуре 9—10 вв. и позже не встречающийся.

Каменные колонны

Как говорилось, свободно стоящая каменная колонна не получила распространения в Средней Азии из-за сейсмических условий. Даже в первых веках н. э., в эпоху эллинизма, строители предпочитали деревянные стволы, которые

ставились на каменные базы классического типа и венчались — иногда — коринфскими или композитными капителями. Несколько небольших каменных стволов колонн этого времени — исключение, подтверждающее правило.

Вероятно, исключением нужно считать и те несколько каменных колонн 10 — начала 11 вв., которые дошли до нашего времени. Все они, по странному совпадению, найдены в долине реки Талас (южный Казахстан)²⁸, и все воспроизводят характерные и уже тогда традиционные формы деревянных колонн — с округлым основанием ствола-«кузаги», опирающимся на полусферу, с четырьмя листообразными лопастями, которые спускаются от основания ствола на «кузаги», сужающимся кверху круглым стволом и расширяющейся кверху конической капителью. Скорее всего, собственной специфической формы каменной колонны в Средней Азии

этого и более позднего времени не было, и редко применяемые каменные опоры имитировали деревянные.

Все три колонны вырублены из одного куска. Колонна из Ак-тепе — около 4 м высотой, с необычной сужающейся книзу, квадратной в плане базой (может быть, обломанной снизу). «Кузаги» и полушарие под ним скупо декорированы линейными прорезями, границы гладкого ствола обозначены внизу поясом «перлов», вверху — валиком в виде рельефного жгута. Капитель, с обычным подкосом внизу, фактически не расширяется и выглядит цилиндрической. На её гладкой поверхности видны, вверху и внизу, по 2 горизонтальные прорези. Любопытны 4 круглые выемки на боковой стороне ствола и капители, расположенные по вертикали одна над другой, — в них, видимо, вставлялись деревянные штанги, которые были частью каркаса тонкой перегородки²⁷.

Колонна из Сайрама, в отличие колонны из Ак-тепе, обильно покрыта рельефным декором. Высотой около 2,5 м, она приземистая, тяжелых пропорций, со сплюсненной формой «кузаги», как бы раздавленной тяжестью ствола. «Кузаги» и нижнее полушарие-поддон соединены че-

тырьмя орнаментированными лентами-перемычками, как бы продолжающимися опущенные на «кузаги» листья.

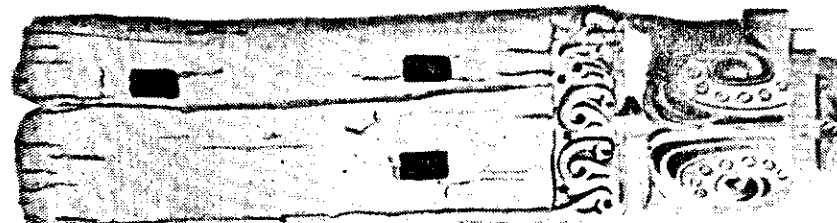
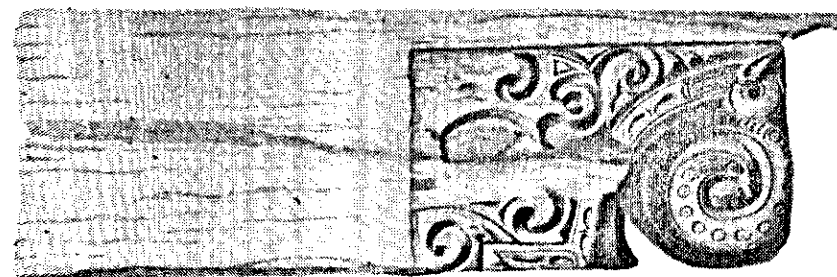
Посредине ствола, в орнаментальном окружении расположена надпись почерком «куфи»; две строчки куфических надписей охватывают поверхность обломанной сверху капители, форма которой близка к цилиндрической. В надписях прочитана дата — 1014 год. Примечательно, что сужение ствола колонны кверху — если опубликованный чертёж верен — не прямолинейное, а энтазисное, с лёгкой выпуклостью в верхней половине, как у дорических колонн эпохи архаики. Такая форма в деревянных колоннах практически невозможна и не встречается.

Высота колонны с городища Беш-Агач — только 180 см; правда, у неё обломана капитель и, как у колонны из Сайрама, нет базы, которая была сделана отдельно. Несложный резной декор ограничен здесь поверхностью «кузаги» с листьями и нижней частью ствола: здесь он образует 4 пояса, в двух верхних видны следы плохо сохранившихся надписей. Вопреки правилу, форма листьев-лопастей, опущенных на «кузаги», здесь неодинакова: чередуются листья стрельчатой формы с фестончатым контуром и листья килевидной формы с вытянутым остриём. Для чего изготавливались эти своеобразные колонны, на какое окружение были рассчитаны и чем объясняются их отклонения от нормы — на эти вопросы нельзя, к сожалению, ответить по причине отсутствия сравнительного материала. Ясно лишь, что предназначались они, как и древние колонны Зеравшанской долины, не для обычных жилых домов.

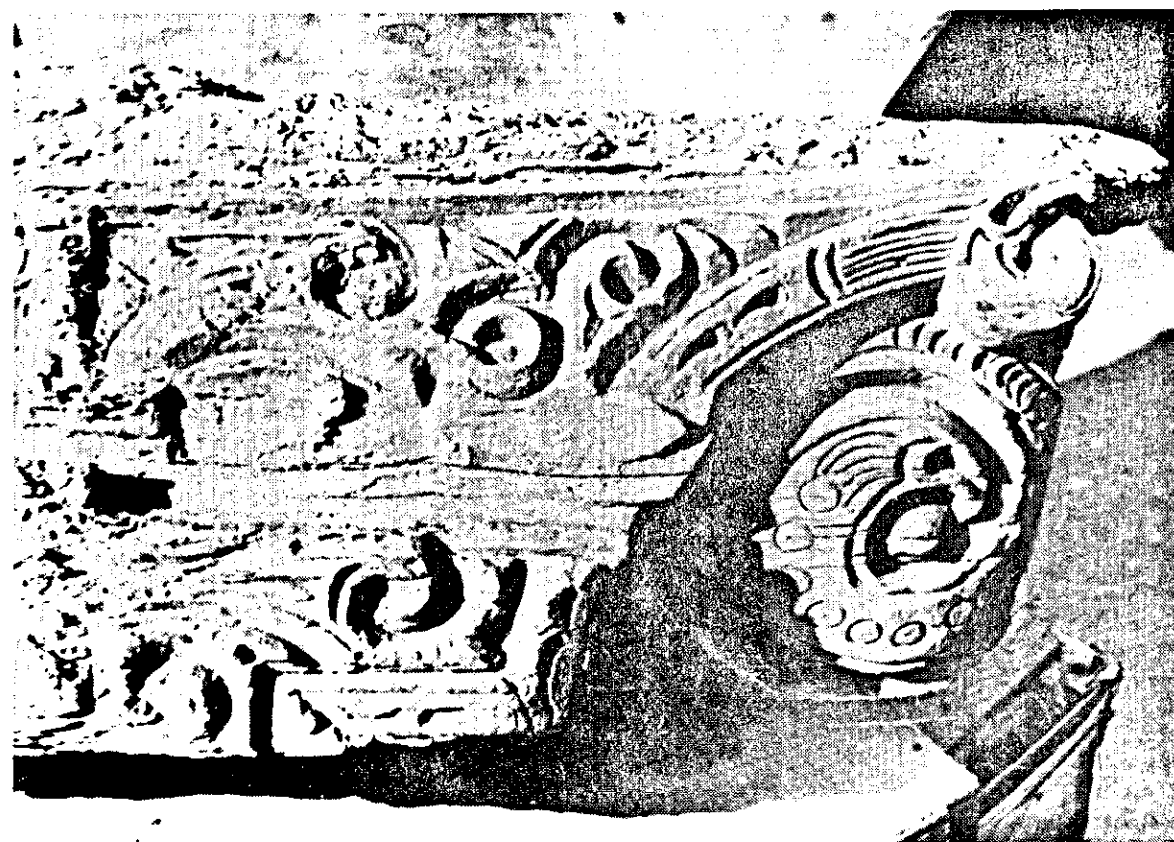
Консоли из Сангистана

В верхнезеравшанском селении Сангистан, в скромном мазаре, именуемом Мавлоно Мухаммед Али или Мардони Гайб, были найдены две резные консоли 9—10 вв.²⁸ При явном стилистическом сходстве обе консоли не составляют пару и, может быть, принадлежали разным зданиям. Их сохранность неважна: у левой от входа консоли задняя, запущенная в стену часть пострадала от гниения, у правой боковые поверхности подтёсаны так, что от некогда глубокой рельефной резьбы остались её мелкие внутренние части.

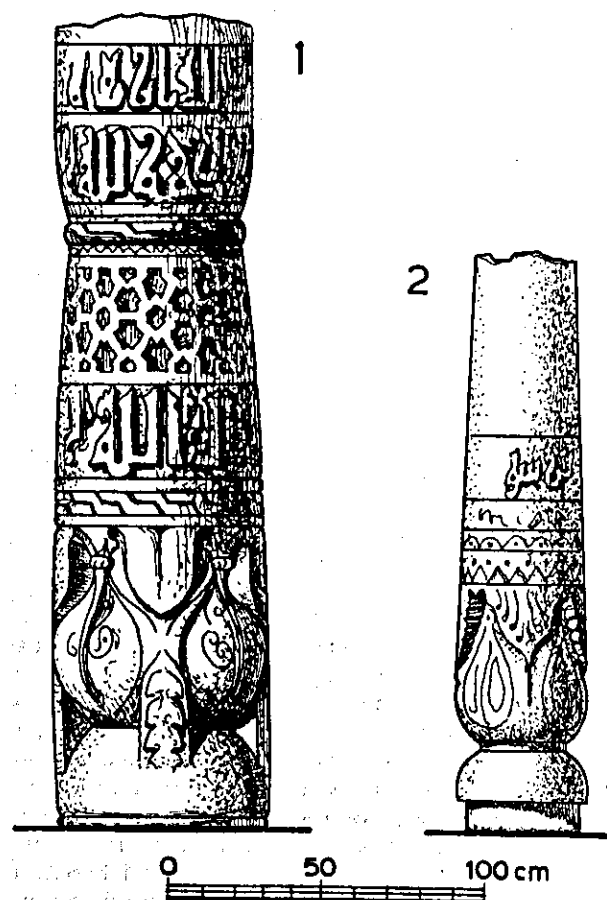
Видимая, скульптурная часть левой консоли — длиной 42 см, при общей вдвое большей длине — 85 см. Её характерный килевидный «нос» выглядит сбоку как широкая спираль, покрытая чередой кружков с точками посредине. У центра, отмеченного коническим выступом, спираль завершается каплеобразным остриём с выемкой внутри. Вогнутая поверхность, из которой выступает «нос», обрамлена лентой, немного продолженной по нижнему канту консоли; она украшена прорезями в виде запятых с поперечными лунками. Впереди, над «носом»,

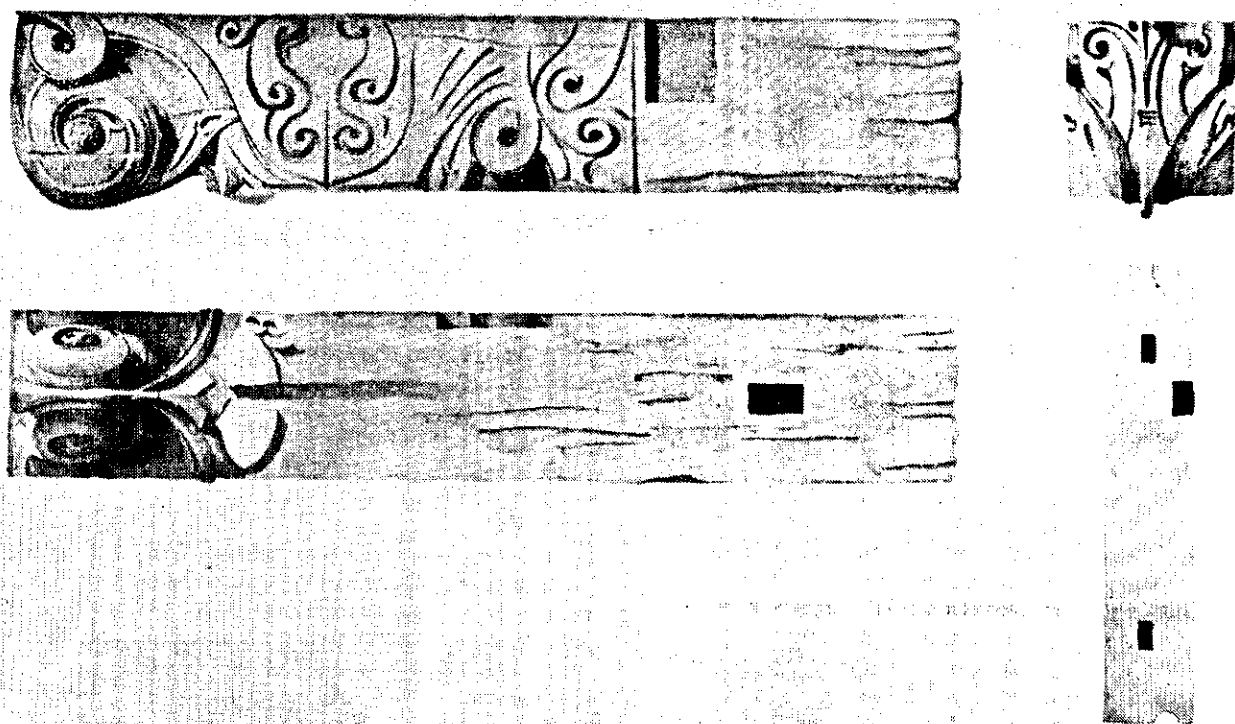
Консоль из Сангистана (левая). Рисунок в масштабе.

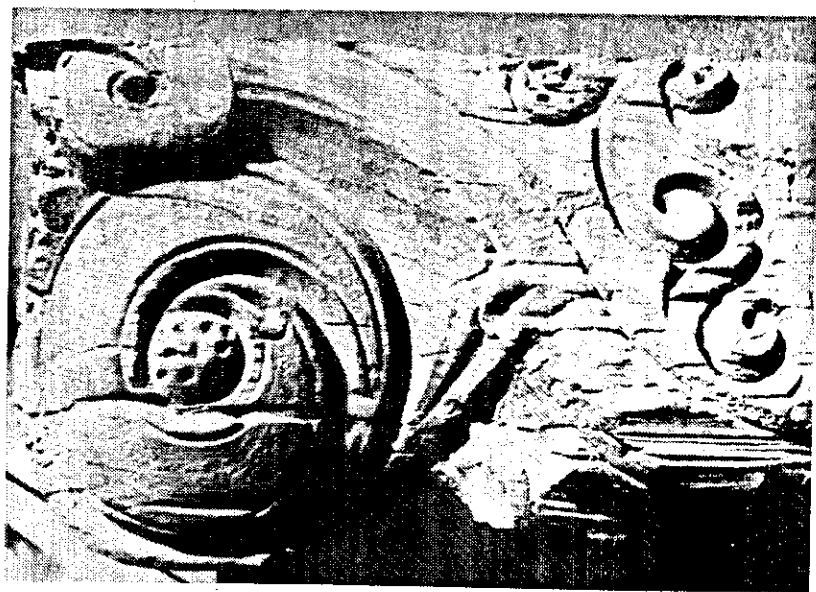
Консоль из Сангистана (левая). Фотография.

Каменные колонны. По В. Ворониной. 1 — Сайрам; 2 — Беш-Агач.

Консоль из Сангистана (правая). Рисунок в масштабе.

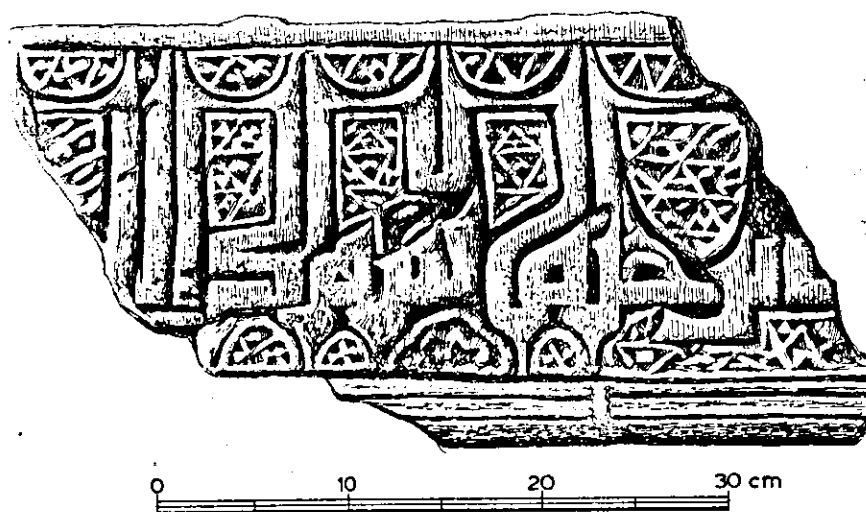

Консоль из Сангистана (правая). Фотография.

лента завершается спиральным завитком с таким же, как в большой спирали, каплеобразным остриём с выемкой, над ним нависает выступ гладкого верхнего обрамления.

Плохо сохранившаяся резьба боковых поверхностей консоли состоит из глубоких спиральных прорезей и промежуточных криволинейных фигур, расположенных в теперь неясном порядке. Мотивы и характер пластики этой резьбы

находят близкую параллель в деревянной панели 9 в. из Египта, хранящейся в Лувре²⁹, — с той, пожалуй, разницей, что пластика египетской панели более мягкая. Эти мотивы повторены в плоской лобовой части консоли, где между парными спиралями с изогнутым остроконечным продолжением расположен трезубец с зубцами-лепестками, — популярный мотив орнаментальной резьбы в Средней Азии 9—12 вв. Ниж-

Фрагмент резного глиняного фриза из мазара Мавлоно Мухаммед Али в Сангистане.

Часть деревянного резного фриза из мазара Мавлоно Мухаммед Али в Сангистане.

няя плоская поверхность консоли, с тремя прямоугольными выемками (следы крепления к колонне или бадке), не украшена ничем, кроме поперечной полосы впереди, у основания вогнутой поверхности. Фигуры, заполняющие эту полосу — криволинейные, остроконечные, со спиральным уширением в основании — вполне аналогичны (и формой, и способом соединения) фигурам на резном поясе, который украшает древнюю ополовиненную капитель из пятничной мечети в Хиве; небольшая разница сводится к взаимному расположению этих фигур.

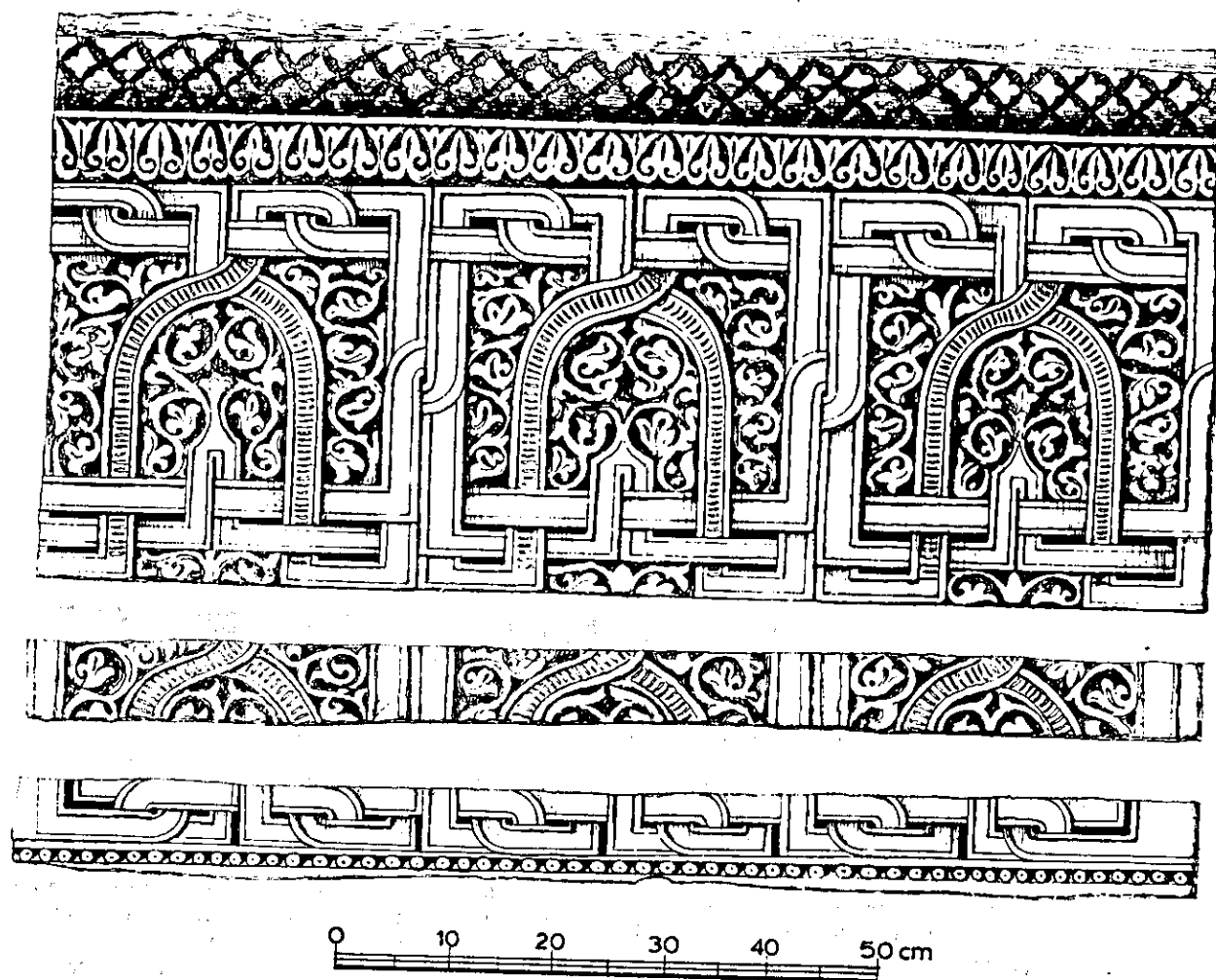
То, что лента-обрамление вогнутой части не продолжается здесь криволинейно дальше и не образует, как в консолях Оббурдона и Чорку, общий плавно изогнутый боковой контур, придаёт этой консоли особенно явное сходство с упомянутыми консолями Испании и Северной Африки. «Испанские» ассоциации вызывает и форма правой от входа консоли, хотя её боковые грани были оформлены в точном соответствии с каноном, представленным в Оббурдоне и Чорку: волнистый, как бы прогнувшийся контур, отмеченный лентой со спиральным завитком спереди и веерообразным расширением сзади; за «веером» — изогнутый каплеобразный отросток и вторая лента с петлёй. От изящной спирали «клюва» снизу расходятся ланцетовидные отростки. Спираль «клюва», как и в левой консоли, начинается у центрального «глазка» каплеобразной выемкой. Консоль была стёсана не только с боков, но и сверху и снизу. Остатки резьбы на её боковых гранях позволяют предпо-

лагать здесь декор того же стиля, что на нижней грани левой консоли, а форма и детали украшенных спиралью «клювов» почти одинаковы. Этим, правда, сходство и заканчивается, так как архитектурно-пластическая структура консолей различна. При общей длине 103 см длина передней, видимой части правой консоли составляет 67 см. На её нижней грани есть одно гнездо-выемка, на верхней — три, — для связи консоли с деревянными конструкциями стены.

В мазар Мавлоно Мухаммед Али, постройку сравнительно недавнего времени, были перенесены и там сохранены остатки какого-то несохранившегося древнего здания (вероятно, мечети) 9—10 вв. Кроме двух консолей, к этим остаткам принадлежат: три фрагмента резного по сырой глине декора (заполнение михраба — аналогия михрабу из Ашта — и части куфической надписи) и резной деревянный фриз общей длиной 260 см и высотой 15 см с повторяющимся орнаментальным мотивом. Стилистически этот мотив датируется временем не позже 10 в. (хотя прямых аналогий ему нет), а его главный компонент — фигура в виде перевёрнутой буквы У — имеет параллели в архитектурном декоре доисламского времени³⁰.

Панно из Ашта

Это резное деревянное панно было найдено в мазаре Аштсахаба, в том здании, где находился древний михраб, украшенный резьбой по

Резное деревянное панно из Ашга.

сырой глине. Кроме панно, которое использовалось как полотно для двери, здесь были найдены две узкие доски с резьбой — остатки такого же или аналогичного панно³¹.

На большом фрагменте, размером 108×52 см, представлен мотив аркады, похожий на ряд арок в основании Оббурдонской колонны. Здесь, однако, круглые арки вставлены в прямоугольные обрамления, которые образованы параллельными, очень сложно и прихотливо переплетающимися лентами; в систему этих лент, образующих узлы и проскальзывающих одна под другой (это создаёт иллюзию пространственности) входят и архиволты арок. Они выделены поперечными насечками, тогда как прочие ленты — гладкие. Особенно сложно переплетение лент внизу: здесь они расположены в три параллельных ряда и проникают вертикальными скобами внутрь арок, где развёртываются листовым узором.

В полосе над аркадой чередуются трилистники и «трезубцы», — этот мотив находит полную аналогию в колонне из Курута (пояс сверху ствола под валиком) и михрабе из Искодара (базы колоннок). Следующий, верхний и, видимо,

венчающий элемент панно — выпуклый валик, украшенный диагональной сеткой трилистников. Этот мотив, восходящий к античному мотиву лавровой гирлянды, был популярен в резьбе по дереву и глине ещё в доисламское время. Его близкая аналогия представлена в михрабе из Искодара: здесь диагональная сетка трилистников (правда, иной формы) тоже покрывает выпуклый вал, обрамляющий михраб с трёх сторон. И здесь, как в панно из Ашга, трилистники повернуты в разные стороны от оси, делящей пополам верхнюю горизонтальную часть рамы.

Трилистники на выходящих стеблях, густо заполняющие тимпаны по сторонам арки Искодарского михраба, находят близкую аналогию в растительном узор по сторонам и внутри арок Аштского панно. Оно, видимо, не ограничивалось тремя сохранившимися арками и продолжалось в обе стороны; одна из узких досок с фрагментами ещё трех арок — может быть, часть этого продолжения. Труднее понять место в общей композиционной структуре панно второй узкой доски: она, как будто, принадлежит нижней части какой-то другой, хотя и схожей декоративной композиции. На это указывают

несовместимость фрагмента с большой доской (которая выглядит законченной снизу), его замкнутость с обеих сторон (как, впрочем, и первой узкой доски) и новый мотив — бордюр из мелких перлов, ограничивающий доску снизу.

Можно предположить, что все три сохранившиеся фрагмента некогда составляли части резного фриза, который располагался под потолком вдоль стен какого-то богато украшенного помещения — того, в котором находился резной глиняный михраб. Фризы этого рода, с изображением декоративной аркады, были распространены в дворцовой архитектуре 5—8 вв.: их остатки найдены в Пенджикенте, Куйрук-тобе, дворце Гардани Хисор³² и других местах. Они дожили до нашего времени в скромном обличье «дорпеч» или «зардевор» — так называются по-узбекски и по-таджикски тканые фризы, которыми украшаются в верхних частях стены гостиной. Разноцветный шитый узор на этих полосах ткани изображает череду арок, обтекающую комнату по периметру³³.

Мотив декоративной аркады под потолком зала имел, несомненно, реальные архитектурные прототипы. Это доказывается изображением такой аркады на пятикупольном здании «берлинского» блюда, но в первую очередь — настоящей фасадной аркадой, венчающей кубический объём мавзолея Саманидов. Обрамление проёмов этой аркады, образованное двумя параллельными переплетающимися лентами — по существу такое же, как обрамление арок Аштского панно; несущественная разница сводится к тому, что в мавзолее на вертикальные части рам приходится два узла-переплетения, а на горизонтальную — один, тогда как на панно дело обстоит наоборот: у ячеек с арками здесь горизонтальные пропорции.

Круг аналогий достаточно точно определяет возраст панно: оно едва ли моложе 10 в. На это указывает и круглая форма арок, такая же, как в основании Оббурдонской колонны, — она очень редко встречается в исламской архитектуре Средней Азии, и только в начале её истории. Следовательно, с большой долей вероятности можно предположить, что части эффектного деревянного фриза с изображением аркады и михраба, украшенной изысканной резьбой по глине, принадлежали одному и тому же помещению мечети 9—10 вв. Необычным здесь может показаться лишь то, что в резной декор фриза не включены надписи с кораническими текстами — обычная деталь убранства даже очень ранних мечетей.

МАЗАР АМИР ХАМЗА ХАСТИ ПОДШО В СЕЛЕ ЧОРКУ

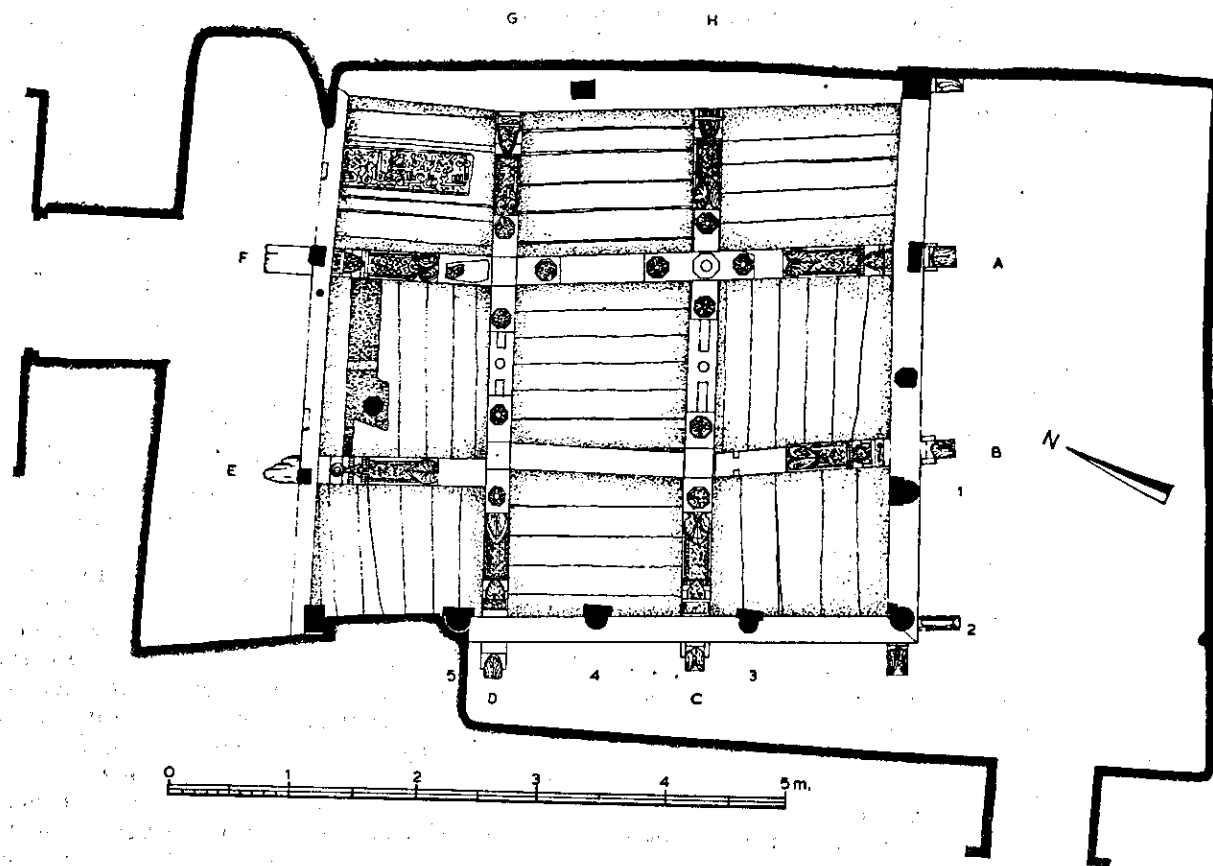
Этой во всех отношениях исключительной постройке посвящается особый раздел — уже потому, что она не поддаётся обычной классификации. Это не мог быть мавзолей, хотя на

земляном полу здесь возвышается простое, обмазанное ганчем и явно позднее надгробие-«сагона», — исламские мавзолеи замкнуты, а мазар в Чорку представляет собой раскрытую лоджию-айван. Не похож он и на мечеть, так как той стены, где должен был быть михраб, здесь просто нет, — вместо неё здесь открытая колоннада. Да и размеры помещения — 4,5×4,1 м — для обычной мечети малы. Против жилого назначения здания, частью которого был этот колонный айван, свидетельствует его великолепный резной декор, и прежде всего — кувическая надпись, обегавшая помещение по периметру под потолком. Надписями такого рода оформлялись здания сакрального назначения¹.

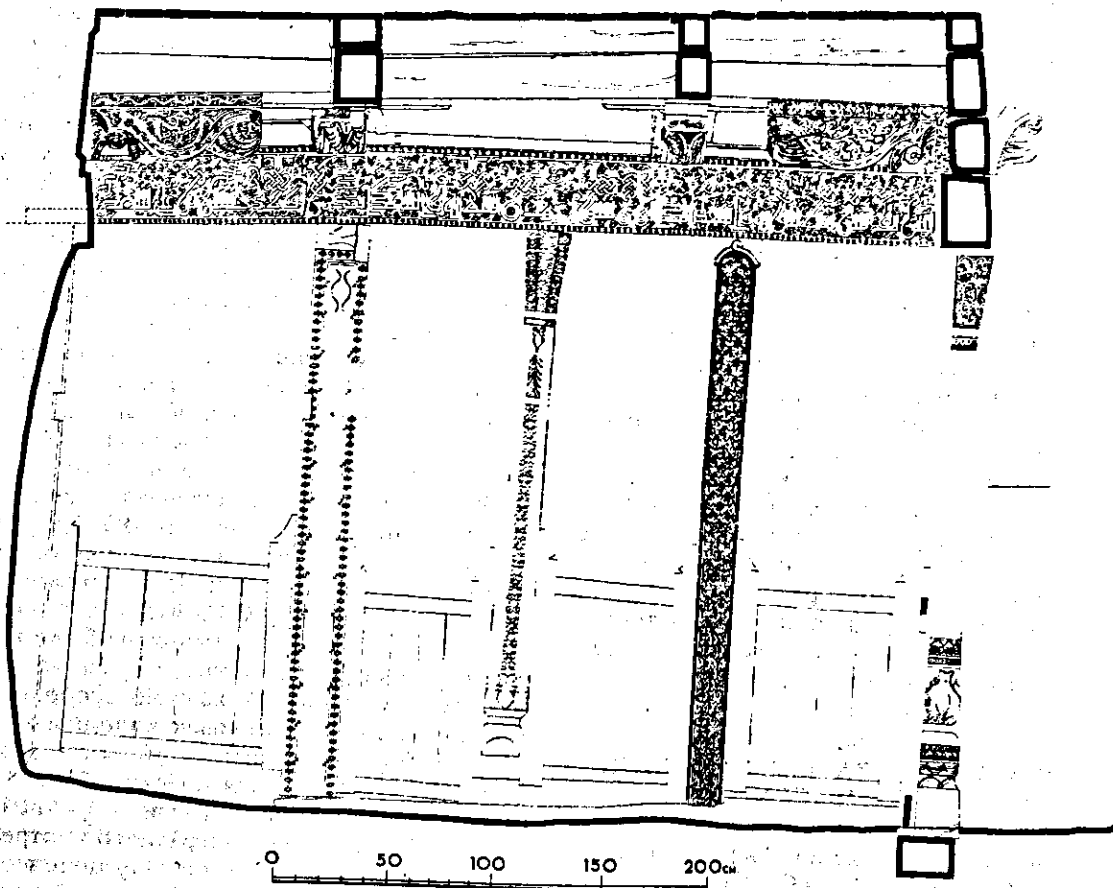
Сейчас древняя постройка заключена в новый (начала 20 в.) футляр, вход которого, в виде массивной порталной ниши с угловыми башенками, обращён на север, в сторону продолговатого двора. «Футляр» составляет часть обстройки двора, к западу от него лежит скромная, местного типа мечеть, к востоку — тёмное помещение, где среди полуистлевших обрывков книг я нашёл остатки рукописного Корана 14 в. С южной стороны лежит большое и, как будто, очень старое кладбище. Мазар в Чорку перестраивался много раз и ныне состоит из частей различного времени, — наряду с основой 10 в. здесь видны более поздние части и детали, вплоть до 19 — начала 20 вв. Первоначальная прямоугольная постройка была с севера и востока ограждена сырцовыми стенами, а с юга и запада — деревянной колоннадой. (Северная стена, обращённая ко входу в «футляр», была разобрана, и на её место — для поддержки потолка — поставили две деревянные стойки с горизонтальной балкой наверху). Таким устройством здание напоминало мечеть Чор Сутун в Термезе и купольную мечеть в Узгене; от термезской мечети его отличает отсутствие внутренних опор, не нужных здесь из-за небольших размеров помещения. Если это сходство не случайно и имеет типологическую основу, то здание, очевидно, строилось как отдельно стоящая, открытая на две стороны колонная лоджия, а не как передняя часть какого-то восточнее лежащего помещения, и имело, несмотря на странную ориентацию, всё-таки культовое назначение.

От первоначальной колоннады сохранились 5 деревянных опор: угловая ЮЗ колонна, 3 колонны на западной и 1 на южной стороне. Кроме того, сохранились два прямоугольных деревянных столба у СЗ и ЮВ углов, которыми замыкалась колоннада, и которые были вмурованы в углы сырцовых стен для их укрепления. Вместе с угловой на каждой стороне стояли 4 колонны; две недостающие колонны на южной стороне были заменены грубоватой колонной недавнего изготовления, отёсанной на 8 кантов и с резьбой только на одной, передней грани, и толстой доской явно вторичного употребления, окаймленной по бокам и сверху цепочкой четырёхлепестковых «перлов». В верхней части доски виден начатый и почему-то не продолженный

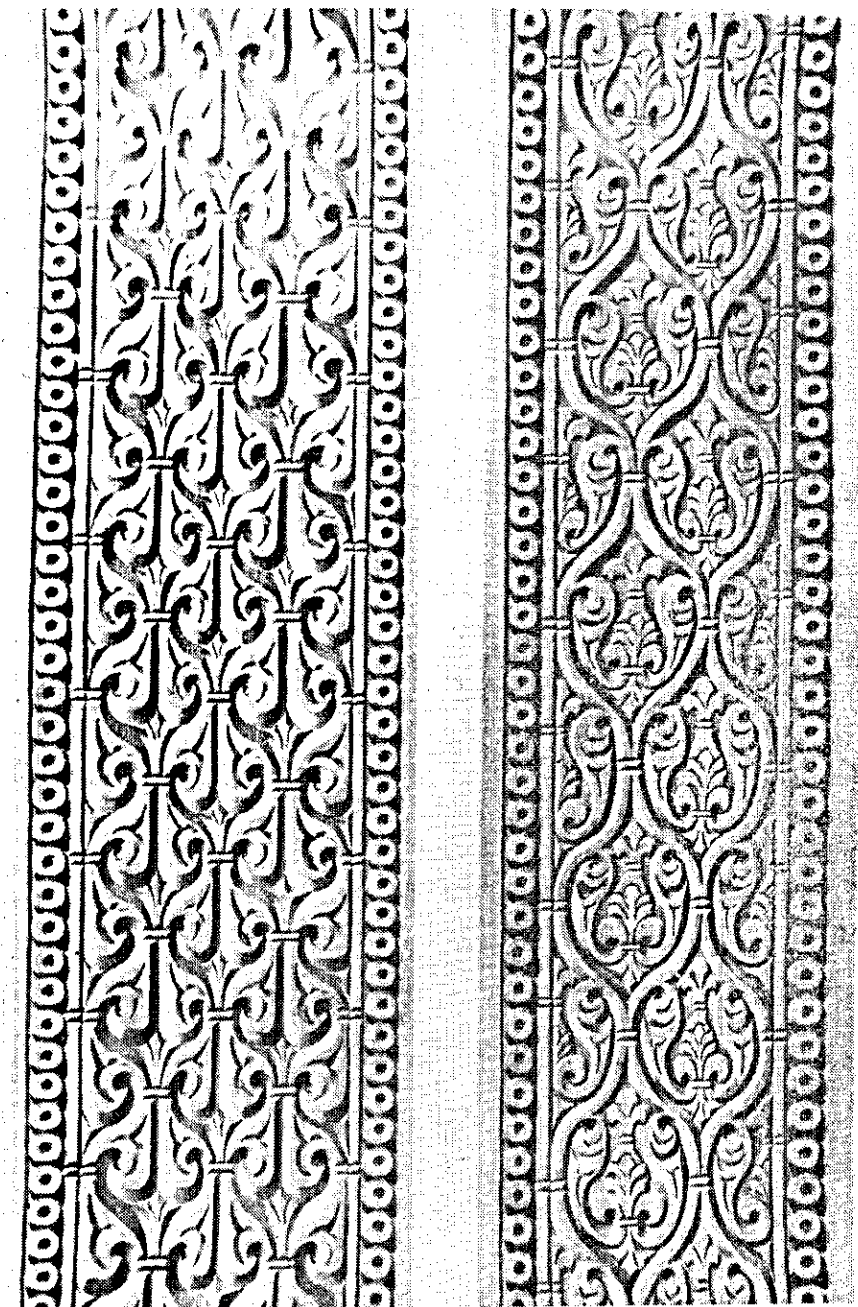

Мазар Амир Хамза Хастий подшо в селе Чорку. План с проекцией потолка.

Мазар в Чорку. Разрез В — 3.

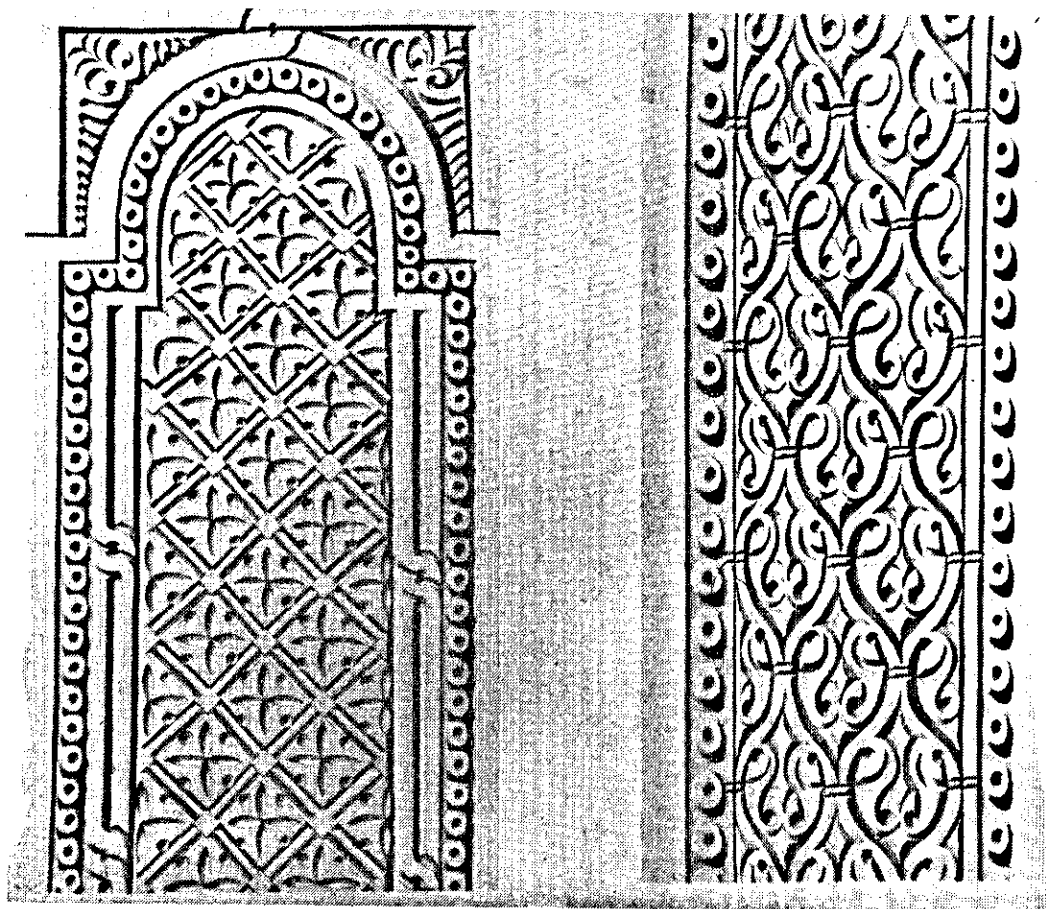
Мазар в Чорку. Резной декор опор 1 и 4.

резной, лирообразной формы узор. Аналогии четырёхлепестковым «перлам» встречаются в доисламском искусстве, и именно в резьбе по дереву², но бордюры этого рода особенно характерны для искусства 14—15 вв. (обрамление надписи на резной доске в мавзолее шейха Муслихеддина в Ходжете), — этим временем и следует, видимо, датировать доску, исполняющую роль опоры.

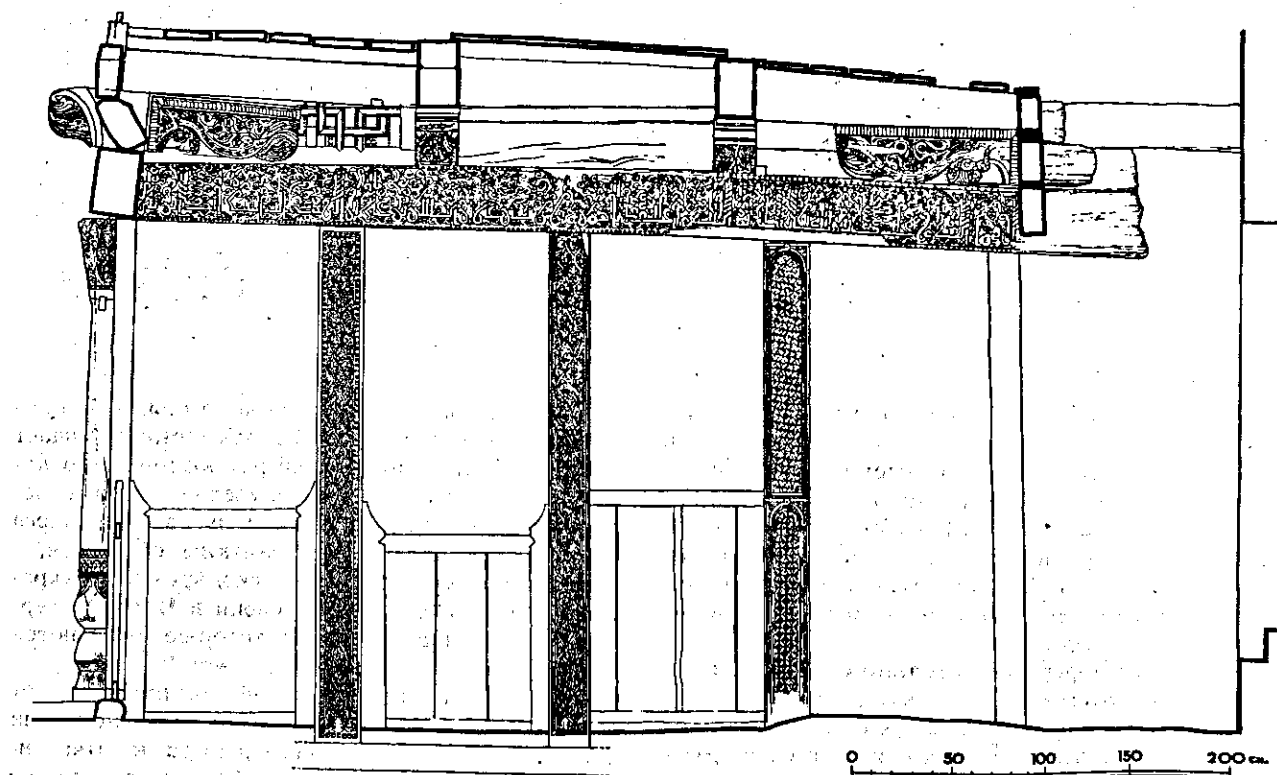
Колонны Чорку сравнительно стройны и имеют, кроме угловой, уникальную, нигде более не встреченную форму. Они вырезаны, каждая, из одного куска дерева, но состоят как бы из двух частей: обращенной внутрь плоской, вертикально стоящей толстой доски, и обращенной нару-

жу, сросшейся с доской полуколонны. Традиционная и архаичная форма полуколонны включает в себя расширяющуюся кверху коническую капитель, слегка сужающийся кверху ствол, отделенный от капители валиком, и базу древнего типа, восходящего к доисламским образцам, — такую же, как в колонках Искодарского михраба. Как и там, базы полуколонн в Чорку завершаются шарообразными «кузаги».

Обращенные наружу и не защищенные от солнца, дождя и ветра, полуколонны потеряли существенную часть своего декора и отчетливость некоторых форм. Не без труда можно разглядеть, что орнаментальная резьба покрыва-

Мазар в Чорку. Резной декор опор 5 и 3.

Мазар в Чорку. Разрез Ю — С.

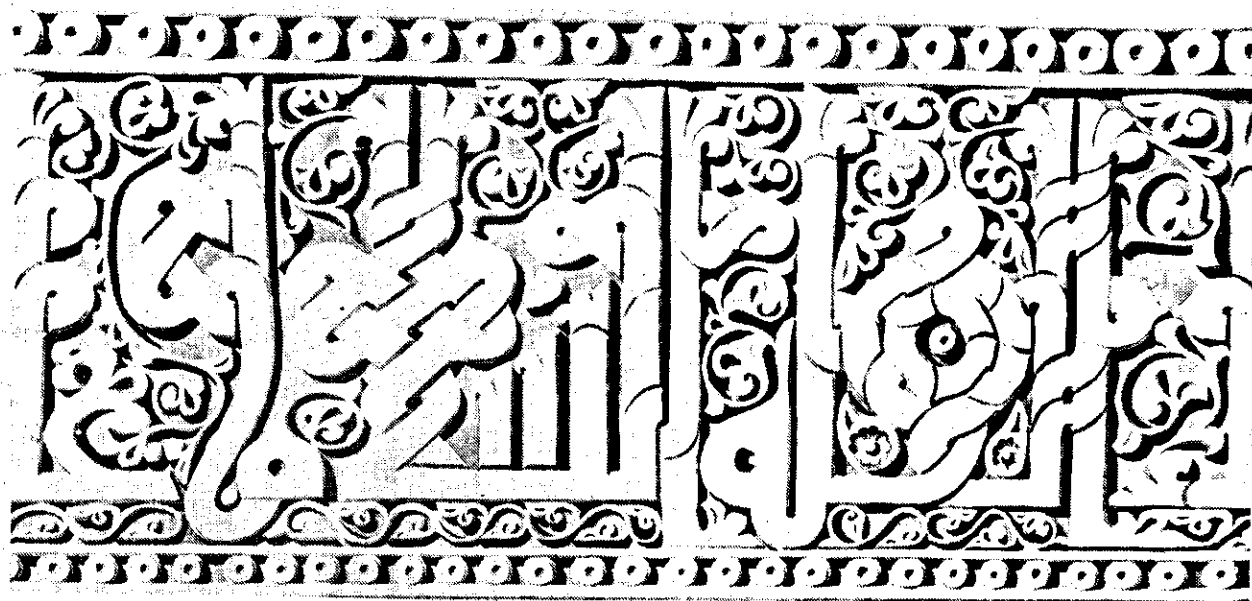
Мазар в Чорку. Колонна 2 (угловая).

ла базы, «кузаги» и капители, и широким поясом охватывала нижние части стволов, — и в этом распределении декора полуколонны Чорку не отличаются от древних колонн верхнего Зеравшана, у которых, впрочем, базы не сохранились, а «кузаги», вероятно, не было. Плоские внутренние стороны опор сплошь покрыты хорошо сохранившейся резьбой в обрамлении из круглых, с отверстием внутри «перлов». Ни одна из опор не повторяет орнаментики других, хотя структура орнаментов на всех опорах (кроме опоры 5) общая: это бегущие вдоль волнистые линии, которые смыкаются в зеркальной симметрии и образуют фигуры в виде овала с заостренными концами. Преобладает техника глубокой

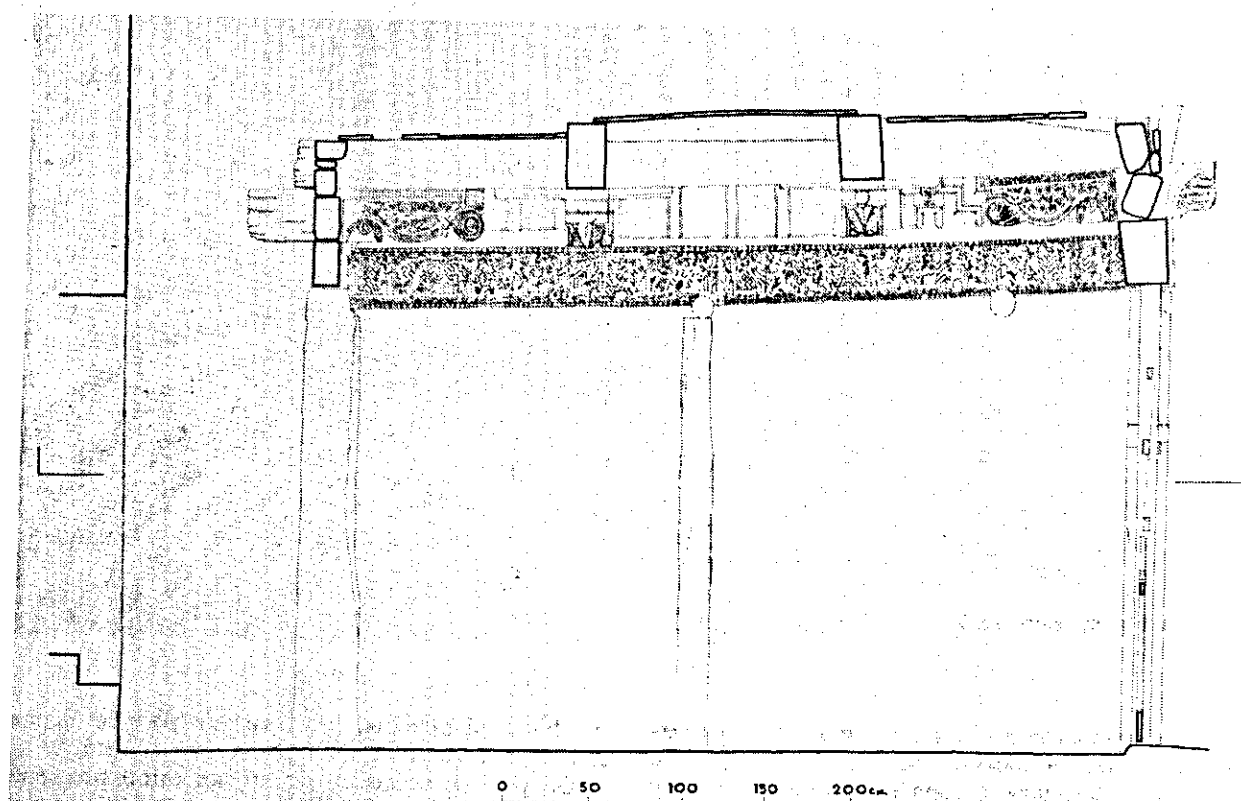
бесфоновой резьбы, аналогичная резьбе Зеравшанских колонн и Оббурдонского панно.

Опора 5 отличается от других опор размерами и способом убранства внутренней плоской стороны. Она заметно шире (27 см по сравнению с 22 см у соседней опоры 4), и на её плоской стороне вырезаны два панно, стоящие один на другом и увенчанные полукруглыми арками. Кроме обычного бордюра из «перлов» нижнее панно обрамлено по бокам узким бордюром из двойной ленты с узлами. Внутренние поверхности панно заполнены крестом с четырёхлепестковыми розетками.

Угловая ЮЗ колонна несколько ниже других опор. Поэтому на её коническую капитель со

Мазар в Чорку. Фрагмент надписи на фризе.

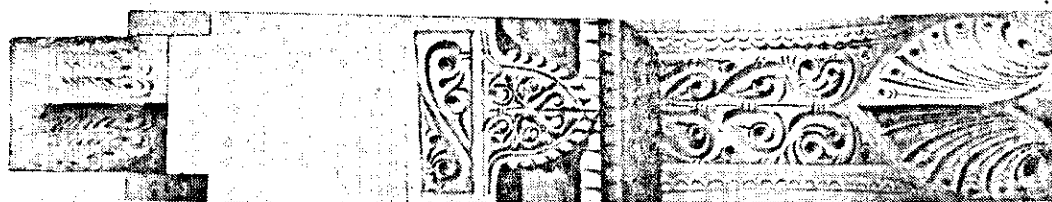
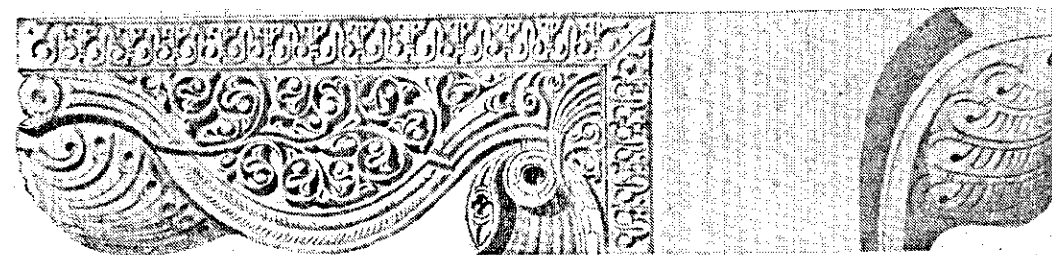

Мазар в Чорку. Разрез С — Ю.

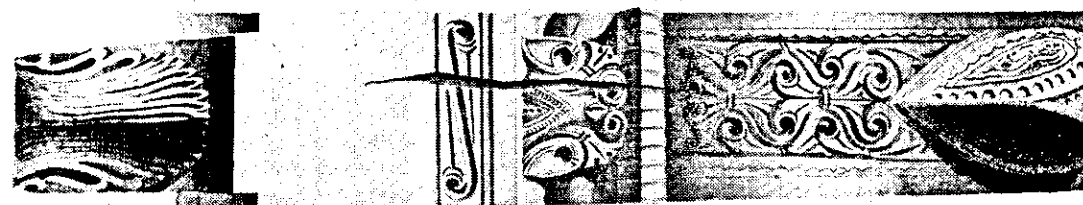
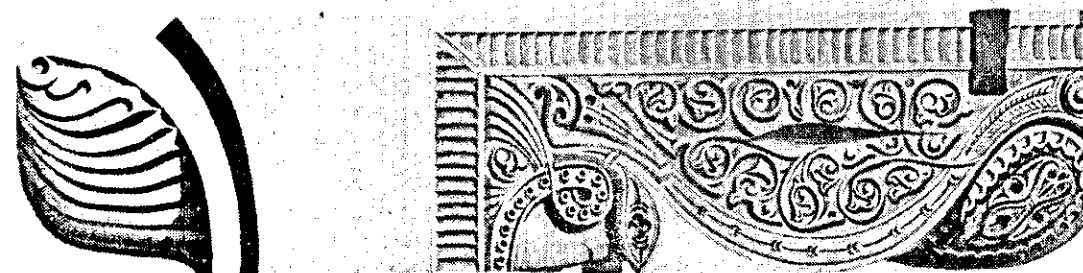
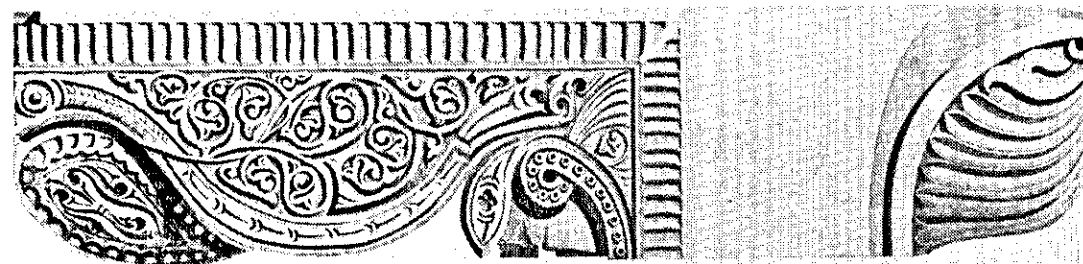
следами резьбы был поставлен массивный восьмигранный импост, криволинейно расширяющийся кверху. Грани импоста украшены арочными панно с полукруглыми завершениями; резное заполнение этих панно — симметричные относительно оси растительно-орнаментальные композиции — повторяется дважды, на противо-

положных гранях. Всего, таким образом, в арочных панно импоста употреблены 4 мотива. Один из них обнаруживает очень близкое сходство с резным изображением «древа жизни» в михрабе или нише Афрасиабского дворца.

Странная особенность угловой колонны — в том, что из её ствола выступает вертикальный,

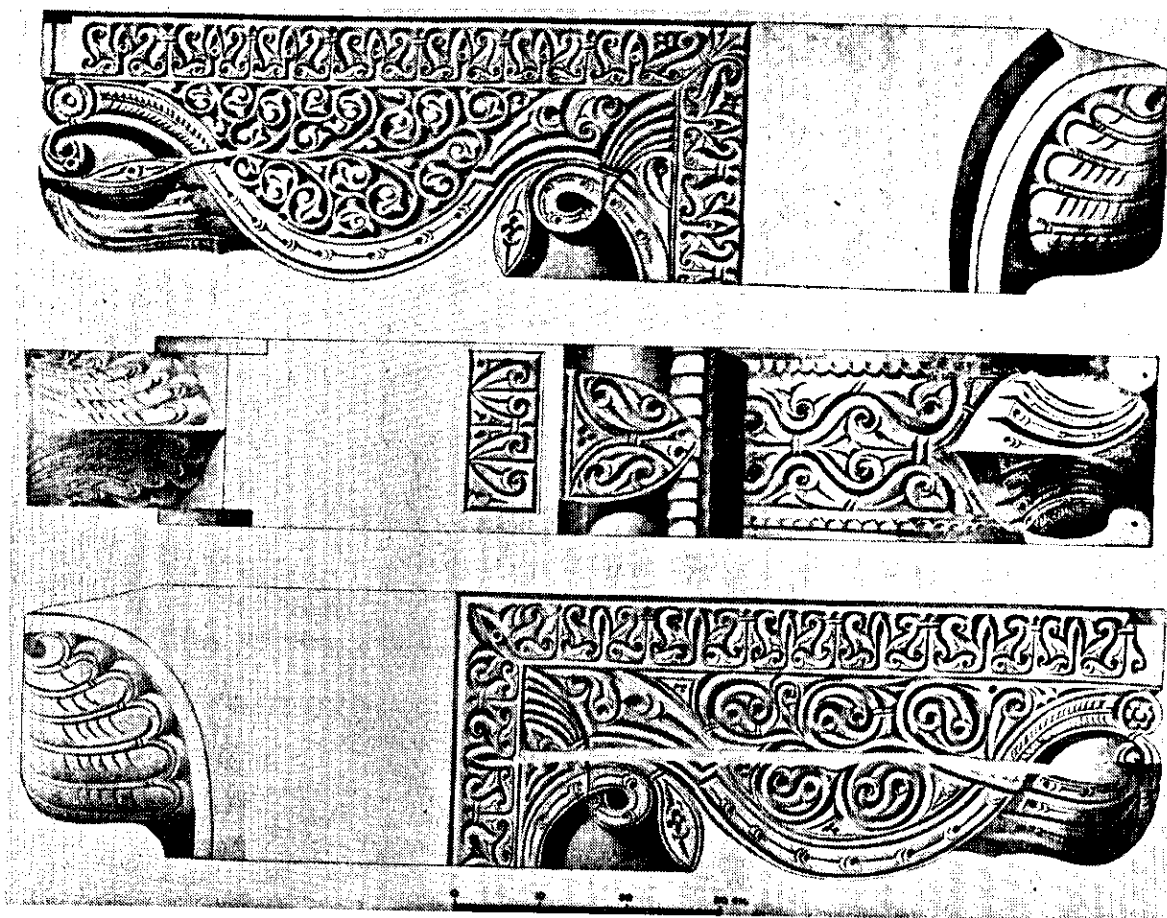

Мазар в Чорку. Консоль А.

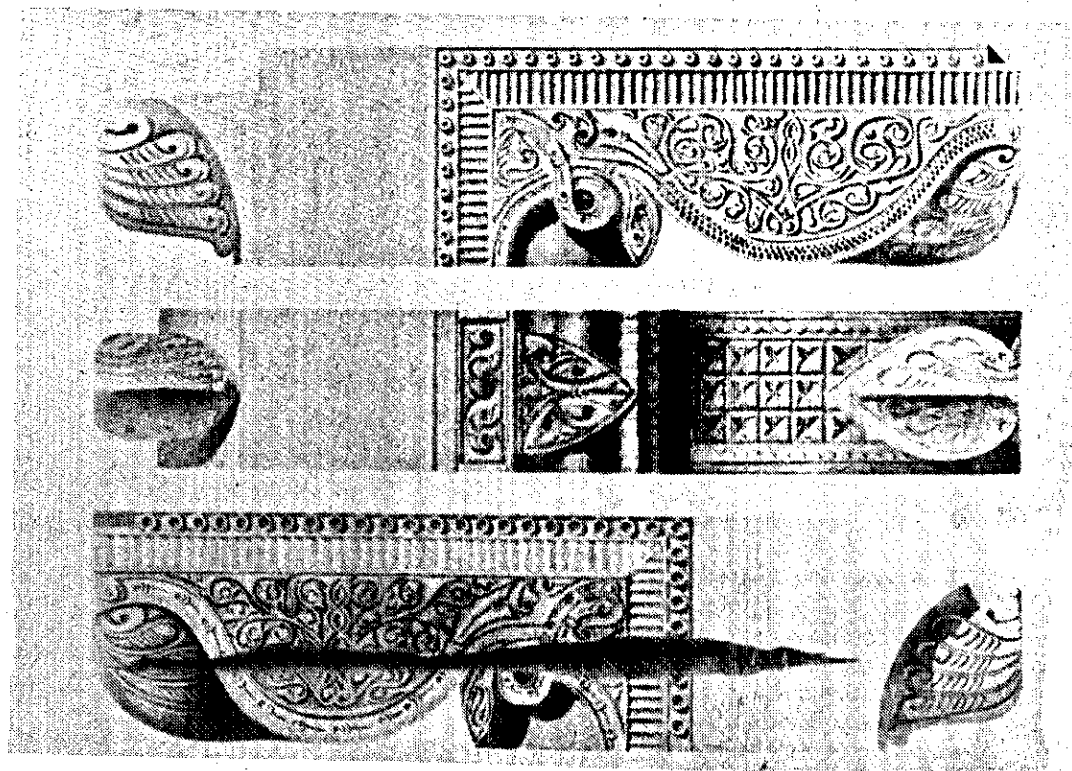

Мазар в Чорку. Консоль В.

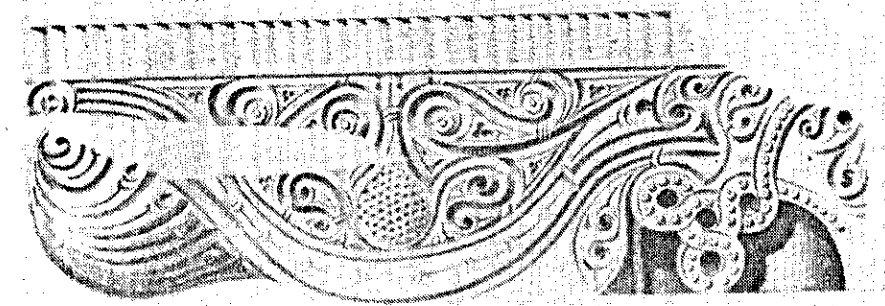
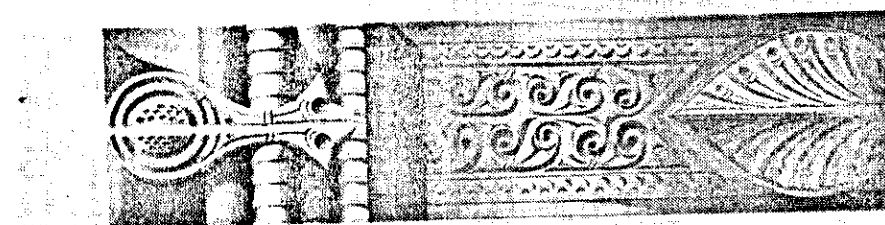
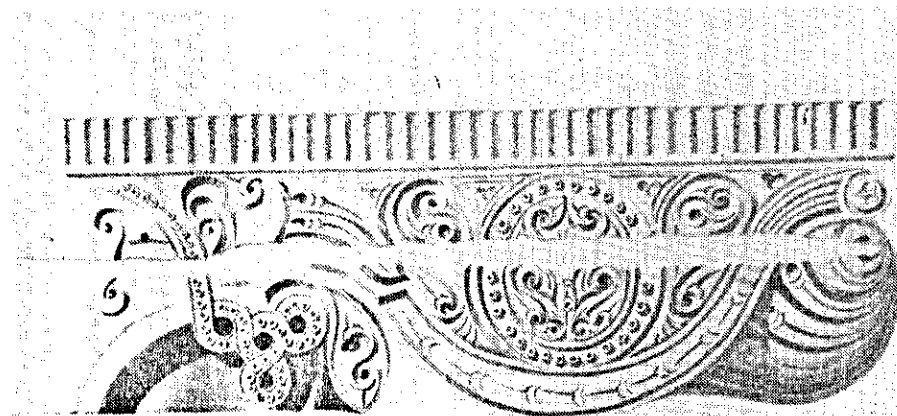

Мазар в Чорку. Консоль С.

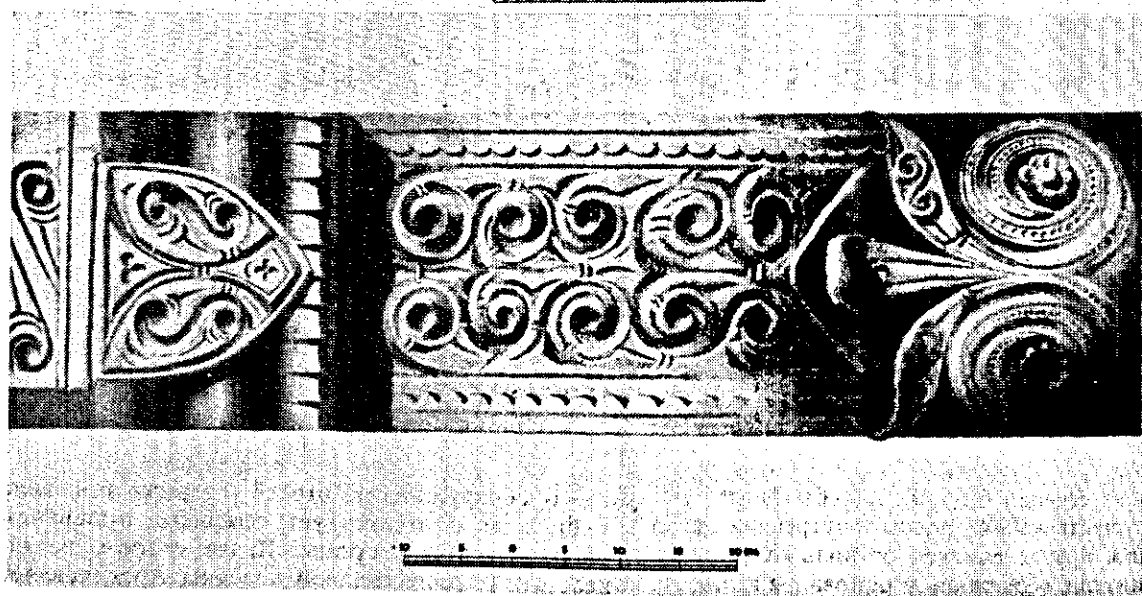
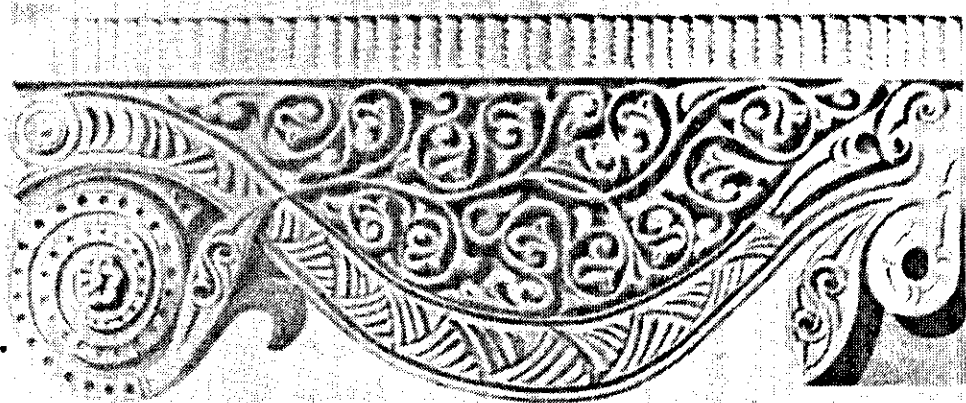
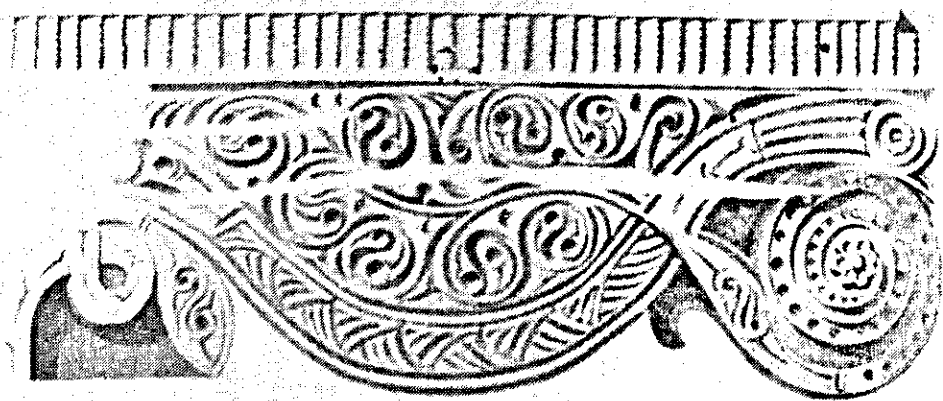
Мазар в Чорку. Консоль D.

Мазар в Чорку.
Консоль E.

квадратного сечения брус, как бы фиксирующий несуществующий здесь внутренний угол помещения. Брус тянется от низа колонны до верха капители, обрываясь у основания импоста, и был вырублен вместе с колонной из одного ствола дерева. Вероятно, таким приёмом (непривычным для него и поэтому не совсем удачным) мастер-строитель хотел «подверстать» форму угловой опоры к форме прочих опор. Разделив по оси план колонны в направлении Ю—С, легко заметить, что восточная половина (та, в которой остался брус) подобна восточным половинам опор южной стороны. Разделение же пополам плана угловой колонны в направлении

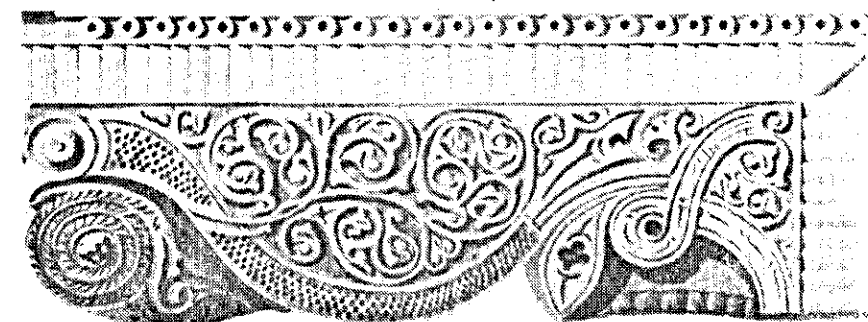
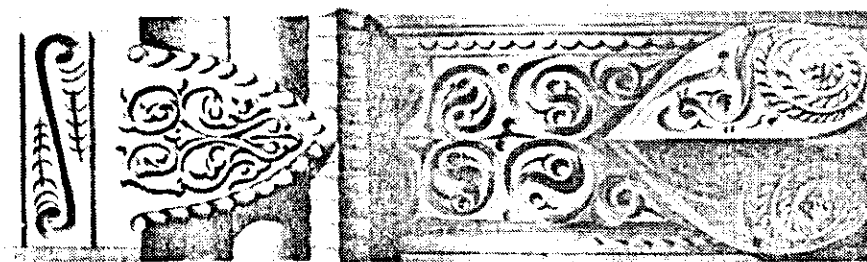
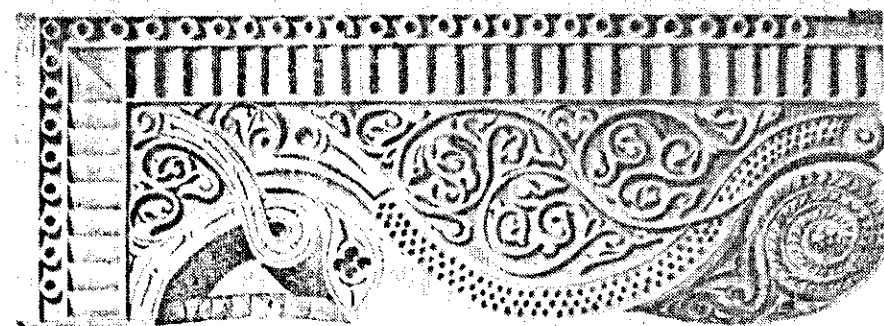
З—В обнаруживает, что её северная половина с брусом соответствует северным половинам опор западной стороны. Иначе говоря, вертикальный брус угловой колонны представляет собой рудимент плоской внутренней части опор, сократившейся в размерах из-за того, что эта колонна принадлежит обоим сторонам колоннады.

На колоннах лежит прямоугольный брус-архитрав, украшенный снаружи и изнутри надписью почерком «куфи». Наружная надпись сохранилась плохо, но всё же можно различить, что её буквы — простого начертания и не орнаментированы. Внутренняя надпись выполнена

Мазар в Чорку. Консоль F.

Восточная и северная стены архитрав продолжался в виде дощатого фриза той же высоты (35 см) и с такой же надписью. Куски фриза от несохранившейся северной стены местами уцелели, самый большой кусок был прибит к позднему потолку в СВ углу мазара. Надпись, охватывавшая по периметру всё помещение,

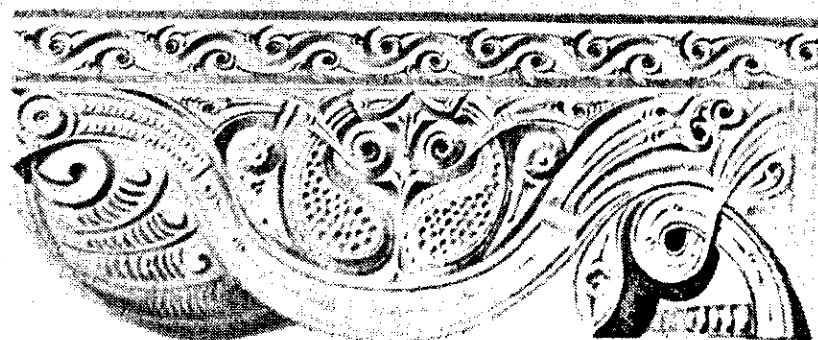
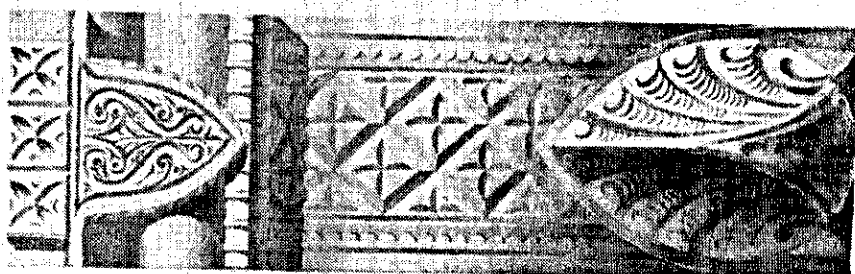
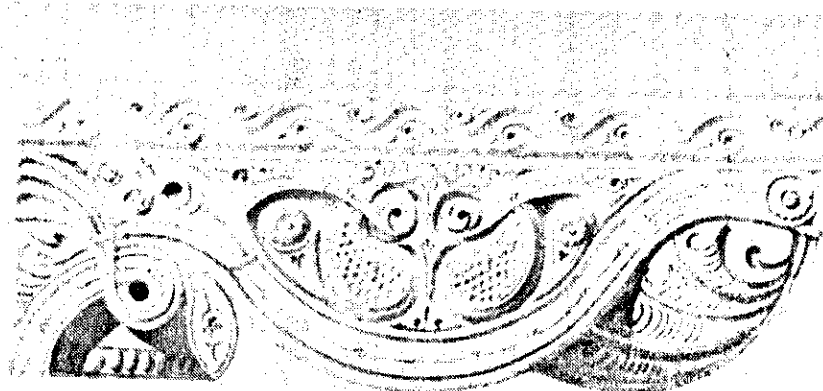
Мазар в Чорку. Консоль G.

«цветущим куфи» с многочисленными «узлами счастья», петлями и украшениями, а заглублённый фон покрыт узором из орнаментальных побегов и листьев. По правилам эпиграфического анализа, основанным на убеждении, что чем проще надпись почерком «куфи», тем она древнее, — надписи на архитраве следовало бы признать разновременными: наружную — ранней, внутреннюю — более поздней. Здесь, однако, безусловная одновременность надписей ставит под сомнение сам принцип датировки.

На восточной и северной стенах архитрав продолжался в виде дощатого фриза той же высоты (35 см) и с такой же надписью. Куски фриза от несохранившейся северной стены местами уцелели, самый большой кусок был прибит к позднему потолку в СВ углу мазара. Надпись, охватывавшая по периметру всё помещение,

ждёт своей расшифровки, которая, может быть, позволит определить назначение постройки.

Выше архитрава-фриза расположены восемь великолепных консолей «зеравшанского» типа, по две консоли с каждой стороны. Их расположение не отвечает расположению опор и выглядит по отношению к ним случайным. Общая форма консолей совпадает, но во всех восьми случаях она разработана вполне индивидуально. По-разному и без повторений решена скульптурная форма консольных «клювов» и нижних щитков; орнаментальная резьба, обильно покрывающая все поверхности, различна даже на боковых сторонах одной и той же консоли. Орнаментальные ленты, окаймляющие консоли сверху и сзади — отдалённая память об их волотно-эллинистическом происхождении — декорированы тоже всюду по-разному. Консо-

Мазар в Чорку.
Консоль Н.

ли типологически родственны, но каждая из них отчётливо индивидуальна.

Между консолями, лежащими на балке архитрава, и выступающими из стен, есть существенное различие. Вторые запущены в кладку стен необработанными «хвостами» (они видны на северной стороне), тогда как первые обращены на две стороны двумя скульптурно и орнаментально обработанными частями. Внутренним частям длиной около 80 см, противолежат наружные, короткие (около 30 см) части, на которых, очевидно, лежал карниз. Своей формой — вогнутый передний срез, из которого выдвинут скруглённый «клюв», украшенный изогнутыми

веерообразно лопастями — это короткие консоли очень похожи на их испанские аналоги, особенно на каменную консоль в Альхамбре.

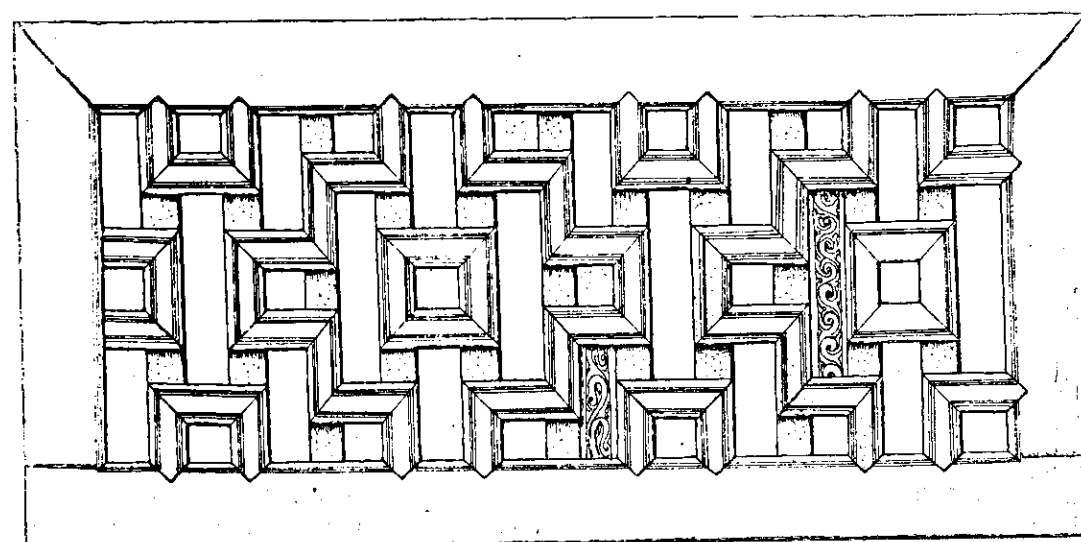
Такие же короткие консоли, но отдельные, а не составляющие часть длинной двухсторонней консоли, выступали над внешними углами здания. Две из них сохранились над ЮЗ углом, и одна, направленная на юг и наполовину утопленная в стену «футляра» — над ЮВ углом.

В промежутках между архитравом-фризом, консолями, лежащими на них балками и дощатым потолком располагались наборные панели-решетки с резными вставками. Сохранились две из них, — между углами южной стороны поме-

щения и консолями С и Н. Панели состоят из широкой прямоугольной рамы, окантованных планок, которые образуют геометрический узор (в одном случае — переплетенные квадраты, в другом — крестообразные фигуры с квадратами в центре), и резных дощечек, которые заполняли промежутки между планками. В вертикальных планках прорезной окантовкой украшены только те части, которые образуют узор, — прочие, слегка заглублённые части оставлены гладкими и предполагаются как бы невидимыми. Резьба на вставках, отвлечённо-растительного характера, технически и стилистически подобна

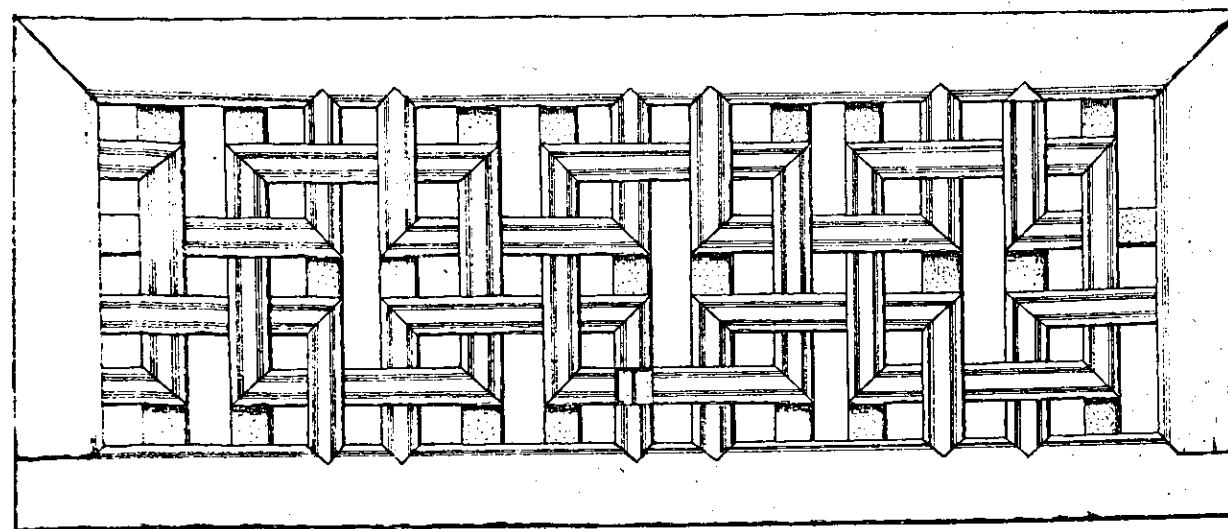
резному дереву горного Зеравшана и вместе с ним может быть характеризована как саманидская. Среди резных вставок встречаются ремонтные, более новые с плоской и грубоватой резьбой иного стиля.

Эти эффектные наборные панели не имеют близких аналогий в искусстве Средней Азии, хотя деревянные решетки-«панджара» были здесь распространены, и некоторые их образцы недавнего времени построены по аналогичной геометрической системе. Стилистически ближайшая параллель панелям Чорку обнаруживается в резном декоре минбара мечети Сиди

0 10 20 30 40 50 cm

Мазар в Чорку. Панель на западной стороне.

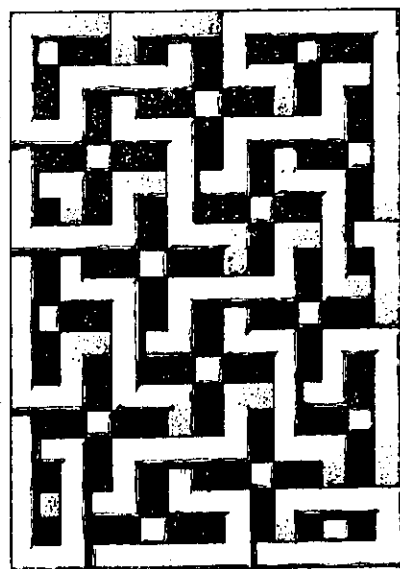
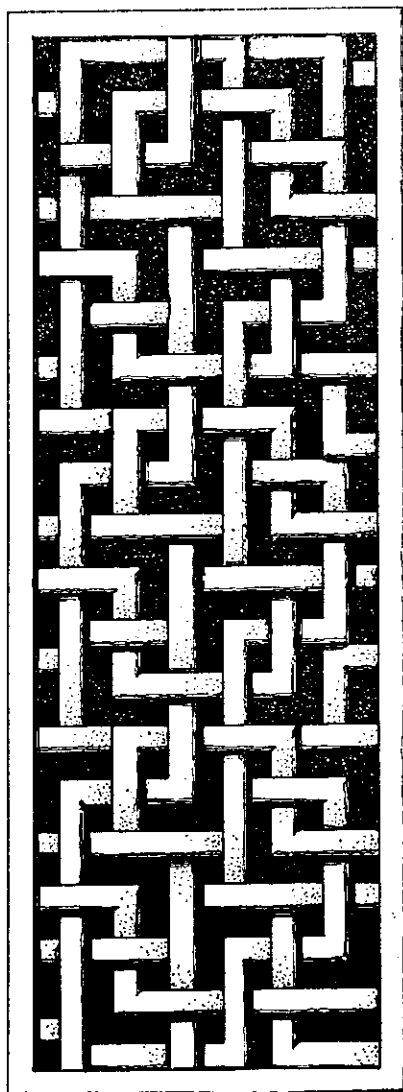

0 10 20 30 40 50 cm

Мазар в Чорку. Панель на восточной стороне.

Окба в Кайруане (Тунис), сделанного в 863 г.⁴ Некоторые из панно, украшающих минбар, очень похожи на панели Чорку, хотя они вырезаны в дереве, а не набраны из отдельных деталей. Но, кроме коренного сходства, здесь есть и существенная разница: геометрическая структура кайруанских панно, даже самая сложная, построена по принципу осевой симметрии, а у самих панно — чёткие пропорции: 1:3 в первом случае и $1:\sqrt{2}$ (сторона и диагональ квадрата) — во втором. У двух сохранившихся панелей Чорку — нечёткое соотношение сторон и нет осевой симметрии: образующие их фигуры как будто случайно срезаны боковыми краями панелей. Это противоречит коренным правилам орнаментальных композиций в среднеазиатском (да и вообще исламском) искусстве и вызывает подозрение, что первоначальные панели не сохранились во всю свою длину и позже были обрезаны с одной или двух сторон. Ниже мы

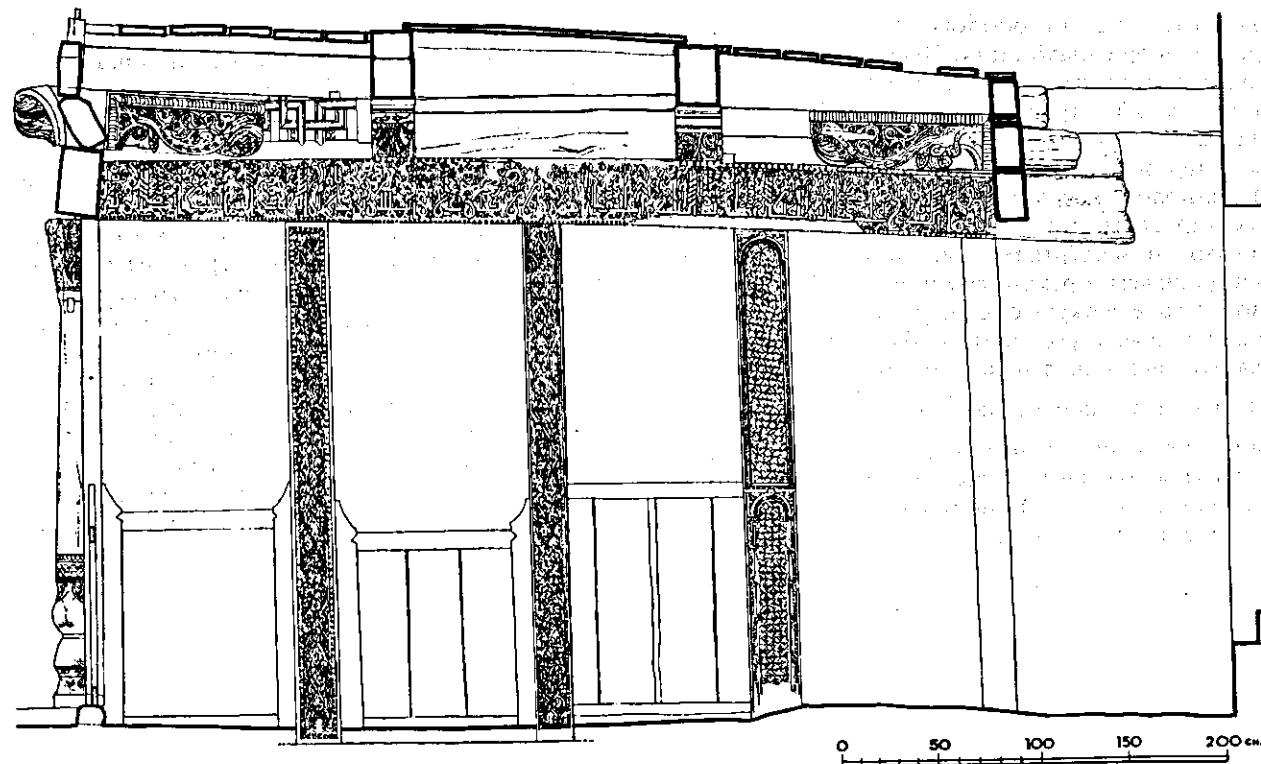

Схематическое изображение двух панно на минбаре мечети Сиди Окба в Кайруане.

увидим, что такое подозрение имеет под собой и другое основание.

На потолке мазара найдена часть стрельчатой деревянной арочки с внутренней поверхностью (соффитом), украшенной орнаментальной резьбой. Судя по конструкции, арочка была частью аркады, в которой промежутки между арками закрывались резными накладками: сохранился круглый штырь с гнездом для крепления накладки к арке. Высота, близкая высоте панелей (около 70 см) даёт основание думать, что отрезки этой декоративной аркады располагались, как и панели, между архитравом-фризом, консолями с балками на них и потолком, — но не изнутри, как наборные панели, а снаружи, и во внешнем облике здания исполняли роль традиционной венчающей аркады.

Лежащие на консолях балки образуют две пересекающиеся пары. Через более короткую сторону, 3—В, переброшены две сплошные балки, балки в направлении Ю—С состоят из трёх частей. Эти балки, вместе с украшающими их резными накладками, появились здесь позже, — видимо, в связи с крупным ремонтом. Доказательство тому — прямоугольные вырезы в передних частях консолей, в их верхних углах: в них, несомненно, должны были вставляться соответствующие выступы балок, создавая этим жесткую связь элементов конструкции. Сейчас этой связи нет, вырезы консолей пусты, у балок нет выступов, и они просто лежат на консолях. Да и стилистически декор балок с орнаментально-геометрическими вставками выглядит примитивным и едва ли старше 18 в. Тем же, если не еще более поздним временем датируется дощатый потолок, плафоны которого украшены несложным узором двух типов: диагональная сетка из восьмиугольников и мелких квадратов (плоская резьба) и квадратная сетка с кольцами на

Мазар в Чорку. Разрез Ю — С.

пересечении образующих сетку линий. Этот узор сделан из накладных клееных деталей полукруглого сечения, — такая техника и форма чужды искусству Средней Азии и указывают, может быть, на влияние русского столярного мастерства.

Небольшие раскопки западной стороны колоннады обнаружили, что опоры 3 и 4 стоят на горизонтальном бруске-«обвязке» и соединены с ним штырями. Низ опоры 5 оказался обгоревшим и обугленным, и стоит она не на бруске, а на особом, подведенном под неё чурбаке, — значит, хотя принадлежность этой и всех подобных ей опор именно этой постройке несомненна, её первоначальное место могло быть иным.

Анализ плана показал характерные пропорции помещения — $1:\frac{\sqrt{3}}{2}$ или 1:0,866, популярные в архитектуре Среднего и Ближнего Востока по крайней мере со времён древнего Египта. В прямоугольник этих пропорций вписывается равносторонний треугольник или шестиугольник, — в данном случае, с поправкой на переставленную опору 5, два угла шестиугольника совпадают с опорами 3 и 5 западного ряда; общие пропорции определяют здесь, таким образом, и размещение несущих элементов.

Отделив заведомо поздние элементы, попробуем восстановить изначальный план постройки. При этом будем исходить из того, что опоры на Ю и 3 сторонах стояли на равных расстояниях одна от другой (это подтверждается расчётами и расположением колонн 2, 3 и 4), и что консо-

ли первоначально располагались над соответствующими опорами, то есть над теми, что стоят или стояли по сторонам средней в ряду опоры.

Опора 5 отличается от других большей шириной, декором в виде двух стоящих одна над другой арок и сожженным основанием, из-за которого она какое-то время не могла стоять и, может быть, была переставлена. Отличия в размерах и декоре указывают на её особое значение, а сам декоративный мотив расшифровывается, скорее всего, как изображение ниши михраба. Такие плоские, «нарисованные» михрабы хорошо известны в архитектуре стран ислама, — в каирской мечети Ибн Тулуна, в мечетях Абаркуха и Исфахана⁵ и др. Близкая аналогия — прекрасные резные доски с изображением михрабов в иерусалимской мечети аль-Акса (8 в.)⁶. Бывало, что ниша михраба заменялась её вышитым изображением. Но михраб, «нарисованный» на деревянной несущей опоре нигде больше, как будто, не встречается.

Собственно михраб символизировало нижнее панно, в котором внутренние боковые бордюры означают колонки, которые поддерживают арку. Причина появления верхнего, тоже арочного панно, вероятно, в том, что михраб с его привычными пропорциями нельзя было растянуть на всю высоту опоры, хотя бы и более широкой, чем другие. Михраб традиционно располагался на оси помещения, и можно предполагать, что первоначально опора с его изображением стояла на месте опоры 4. Так определяется назначение постройки: это, очевидно, была «мусалла

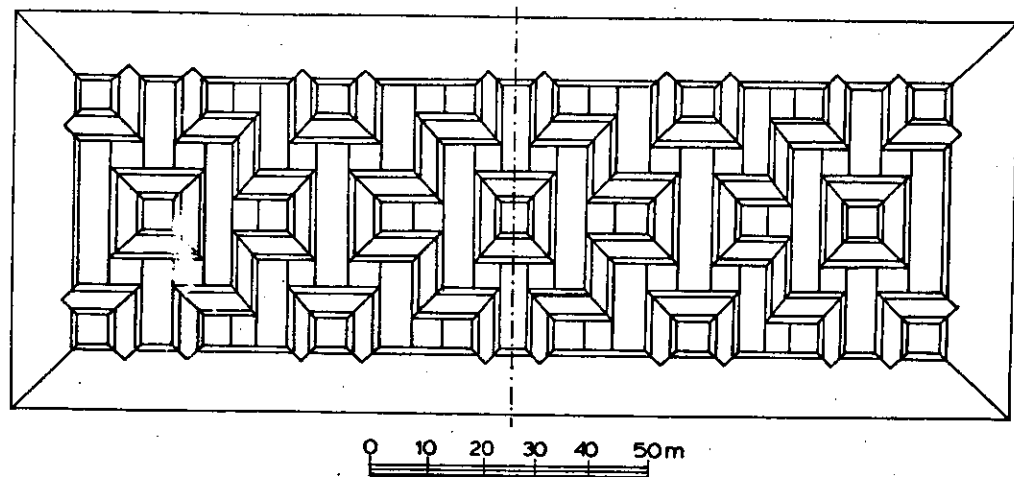
аль-амуат», мечеть особого типа, из тех, что строились при кладбищах. Здесь в день похорон творятся молитвы за умершего, входящие в канонический погребальный обряд. Не случайно «мусалла умерших» в Чорку соседствует с древним кладбищем.

Предположив, что консоли и лежащие на них балки-прогоны располагались изначально над вторыми и четвертыми опорами от угла, мы обнаруживаем в реконструированном таким образом плане четкую систему. Оказывается, что образованный пересечением балок центральный прямоугольник не только имеет те же пропорции, что и всё помещение ($1 : \frac{\sqrt{3}}{2}$), но что его длина определяется линиями, которые соединяют противоположные углы большого (вписанного в план помещения) шестиугольника. Ширина среднего прямоугольника определяется линия-

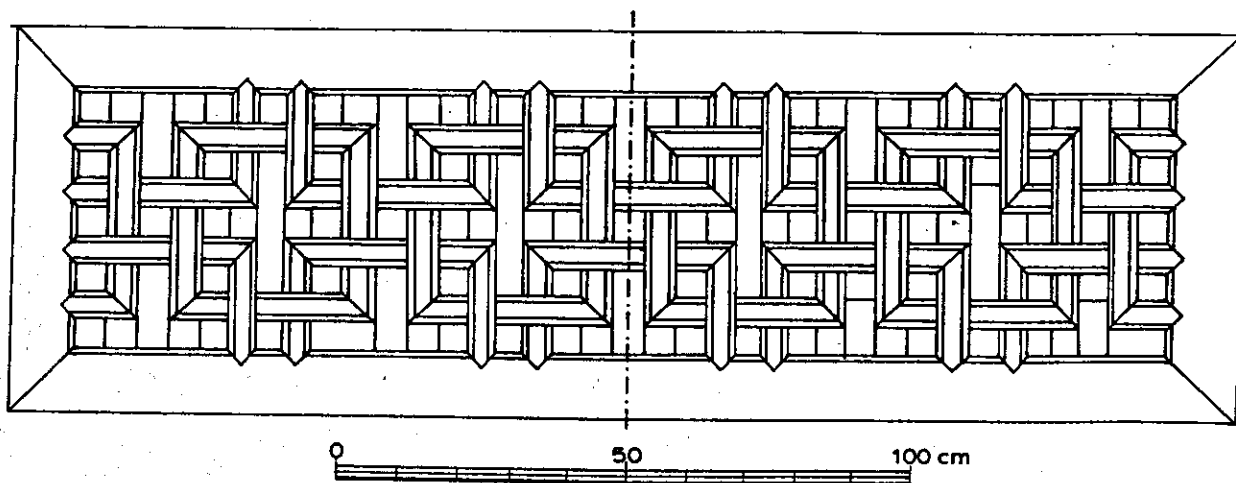
ми, проведенными в направлении С—Ю через середины боковых сторон шестиугольника. Иными словами, вписанный в план шестиугольник определяет расположение опор, балок и среднего прямоугольника, пропорции которого предполагают его перекрытие в виде шестиугольного брусчатого купола — «рузан».

Такие перекрытия над помещениями соответствующей формы были распространены в Средней Азии эпохи древности и раннего средневековья⁷. В этом же случае верность реконструкции подтверждается тем, что контуры нижнего шестиугольного венца совпадают со сторонами равностороннего треугольника, вписанного в план и определяющего его пропорции. Случайное совпадение здесь маловероятно.

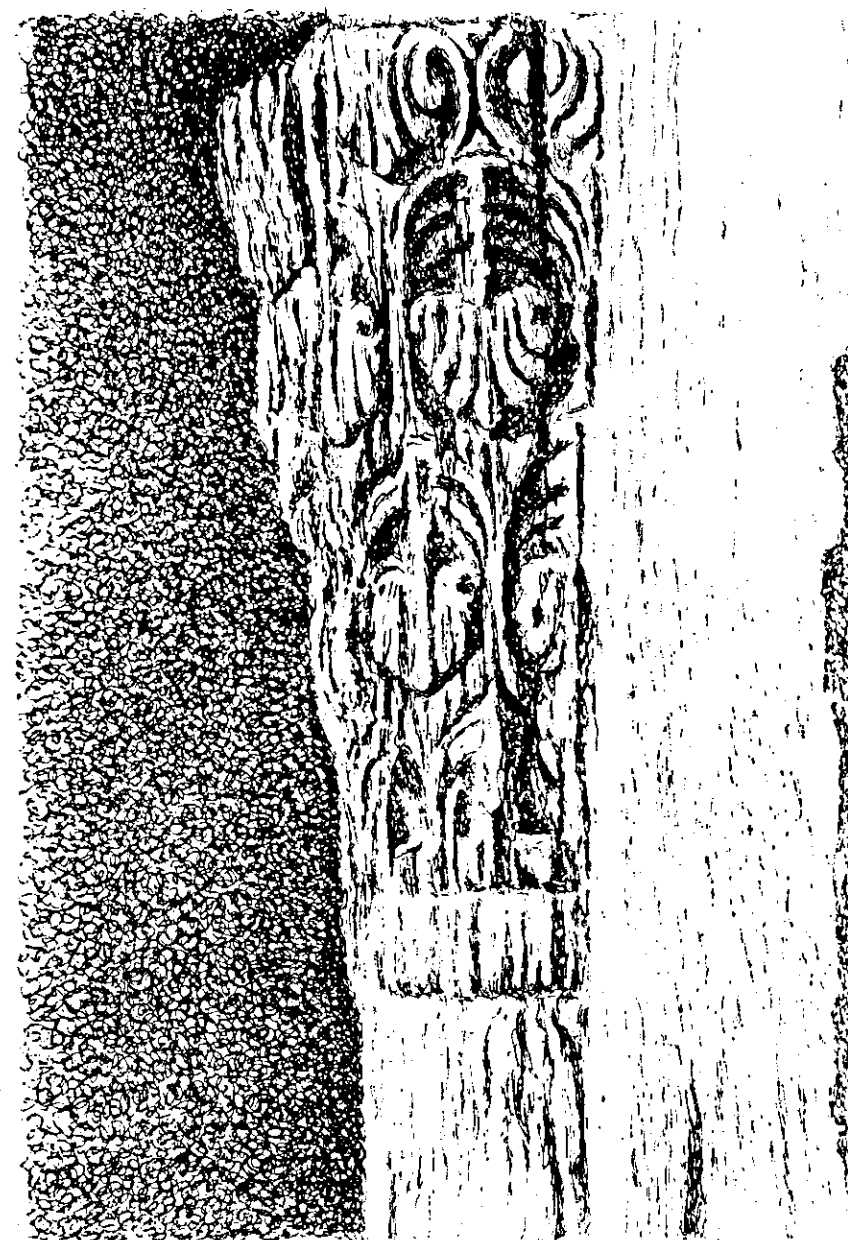
Еще одно наблюдение свидетельствует о правильности реконструкции. Как говорилось, внутренняя асимметрия двух наборных панелей, сох-

Мазар в Чорку. Реконструкция панели на северной и южной сторонах в центре (сейчас на западной стороне в углу).

Мазар в Чорку. Реконструкция панели на восточной и западной сторонах в центре (сейчас на восточной стороне в углу).

Мазар в Чорку. Капитель колонны 8.

ранившихся в «мазаре», может быть объяснена тем, что они были обрезаны с боковых сторон. Панель, находящаяся сейчас у угла на западной стороне, кажется обрезанной только слева. Предположив, что её середина совпадала с центром единственно полной крестообразной фигуры и добавив недостающую слева часть, обнаруживаем, что её длина с рамой — 180 см — точно отвечает реконструированному расстоянию между балками на Ю и С сторонах. Восстановленная по тому же принципу (на этот раз с обеих сторон) панель, расположенная у угла на восточной стороне, оказывается длиной 218 см — именно таково реконструированное расстояние между балками на З и В сторонах. Так взаимно подтверждаются первоначальные размеры и места панелей. В «мазаре» найдены остатки ещё

двух, более коротких панелей, — они, вероятно, располагались в угловых частях.

В какое-то время здание сильно пострадало. Исчезли две опоры на южной стороне, опора-михраб обгорела снизу и потеряла своё изначальное место, были разрушены верхние части стен и потолок. При последующем восстановлении резные консоли были установлены на новых местах, не связанных с опорами, и вместо одной из пропавших опор была использована толстая доска, резьба которой стилистически может быть датирована 14—15 вв. Вероятно, к этому же времени относятся части брусков с орнаментальной резьбой (бордюр из «перлов» и пальметты), — остатки бордюрной тяги под потолком, — и ещё некоторые резные детали, назначение которых неясно.

В. Воронина, ошибочно считавшая постройку единовременной, датировала её 12—13 вв. Отметив сходство консолей верхнего Зеравшана и Чорку, она полагает последние более поздними из-за их насыщенности декором, его усложнённости и техники выполнения, — как говорилось, В. Воронина почему-то считает, что резьба с заглублённым фоном моложе бесфоновой резьбы. В орнаментальной усложнённости надписи «цветущим куфи» на архитраве-фризе «мазара» В. Воронина видит доказательство её позднего (12—13 вв.) происхождения⁸.

Эти доводы неубедительны. Переход от орнаментальной сдержанности к насыщенности — не обязательное правило эволюции стиля, и декоративная резьба по дереву доисламского времени в Средней Азии нередко богаче и сложнее, чем более поздняя. Обе техники резьбы сосуществовали в искусстве Средней Азии до и раннеисламского времени, хотя бесфоновая техника в 9—10 вв. как будто преобладала. Что касается надписи, то и здесь сложность начертания и украшения букв сама по себе, без анализа стиля, не доказывает её позднее происхождение. «Цветущий куфи» употреблялся в архитектурном декоре Египта ещё в 10 в. (это признаёт и В. Воронина), да и не только там. Рельефные надписи «цветущим куфи» с декоративным завершением букв и орнаментированным фоном сохранились в мечети Нанна и на портале древнейшей мечети Исфахана — Йоргир; живописный куфический фриз с буквами очень вычурной формы, со сложными орнаментальными завершениями и «узлами счастья» — «укдуд» украшает мечеть Сари Куха в Мухаммадии, — всё это постройки 10 в.⁹ Мавзолей Баба Хатим в северном Афганистане многими чертами своего устройства и убранства являл собой близкую аналогию мавзолею Араб-ата, — сходство распространяется на форму трюмпов и мотивы внутреннего ганчевого декора (некоторые мотивы резьбы по ганчу находят параллели в резьбе по дереву верхнего Зеравшана и даже в резном штурке Самарры). Это позволяет датировать здание временем не позже 10 в., а не эпохой Гуридов, как полагает публикатор¹⁰. Прямоугольное обрамление входа в этот мавзолей украшено надписью в стиле «цветущего куфи», которая своей изысканностью и сложностью, обилием разнообразных «узлов счастья» не уступает эпиграфическому фризу в Чорку.

С другой стороны, круг аналогий, отмеченных при описании «мазара», включает в себя здания и их детали не позже 10 в. К этому можно добавить ещё несколько наблюдений.

В резьбе капителей некоторых полуколонн видна остаточная «коринфская» структура, даже более близкая прототипу, чем в колоннах из Оббурдона и Курута: здесь не только изображены в правильном порядке листья аканта, но и воспроизведен их выгиб наружу. Скошенный низ капителей украшен чередой изогнутых «стружек» или «запятьх», как у двух древних капителей из мечети в Хиве. Орнаментальная канва на плоских внутренних сторонах опор (кроме «михрабной» опоры) в виде волнистых, сближающихся и расходящихся линий, находит очень близкую параллель в резном штурке Самарры¹¹. Наконец, резное дерево Чорку и верхнего Зеравшана объединяет — стилистически и хронологически — множество общих орнаментальных мотивов, которые после 10 в. практически исчезают, — например, серпообразный вырез, от выпуклой стороны которого отходит остроконечный вырез, прямой или изогнутый.

Колоннада «мазара» (а вернее — поминальной мечети-мусалла) в Чорку — древнейший сохранившийся *in situ* образец деревянной колоннады в Средней Азии. Её формы и устройство (столбы с полуколоннами, как в античном театре Приенны, консоли на архитраве, «метопы» в виде наборных панелей внутри и аркатуры снаружи) не имеют аналогий. Сходство с мечетями 9—10 вв. в Термезе и Узгене, выраженное в раскрытости со стороны угла, подтверждает культовое назначение постройки и указывает, видимо, на какие-то типологические истоки, общие для строительства из кирпича и дерева. Помещение типа колонной лоджии-айвана, раскрытое на две угловые стороны, предвосхищает мечети «гузарного» типа с «Г»-образной в плане колоннадой, распространённые в народной архитектуре 18—19 вв. Аналогии, однако, ограничиваются общим планировочным принципом. Само же это маленькое здание — такое, каким оно сохранилось и каким представляется в реконструкции — остаётся уникальным явлением раннеисламской архитектуры, нуждающимся в историко-художественном истолковании.

Ещё сравнительно недавно в работах советских историков Средней Азии употреблялись выражения типа «насильственная исламизация страны», «сопротивление населения внедрению ислама» и т. п. Эти формулировки требуют коррекции, хотя, конечно, были и насилие, и сопротивление ему. Но Халифат, долго покорявший и наконец покоривший Среднюю Азию, довольно скоро потерял её, тогда как исламу страна осталась верной навсегда. Вера или идеология, насильственно навязанные народу, в конце концов отторгаются им, — ислам же был уже вскоре признан населением Средней Азии как его собственная и истинная религия. Победить с помощью насилия в борьбе с традиционными местными культами было едва ли возможно, — оружием ислама в этой победоносной борьбе были не арабские мечи и не экономические привилегии прозелитов, а его духовное содержание, нашедшее отклик в душах людей.

Это содержание определило собой и новую эстетику, новый язык искусства и архитектуры, возникший почти внезапно и имеющий как будто мало общего с художественным языком предыдущей эпохи. Впрочем, что касается архитектуры, то здесь преемственные связи между до- и раннеисламским временем видны достаточно отчётливо, — особенно в области строительной техники, планировочных приёмов и пространственных форм. Но и здесь новый исламский «дух» ощущается повсюду, хотя и с разной силой: в области культовой архитектуры — с несомненной очевидностью, в гражданском строительстве — более опосредованно и не всегда наглядно.

Общий взгляд на архитектуру Средней Азии 9—10 вв. обнаруживает картину блестящего расцвета, подготовленного и веками предыдущего творчества, и импульсами новой духовности. Органическое единство конструктивной и художественной сторон, строгость и чистота стиля при бесконечном разнообразии индивидуальных

решений, гармоничная, математически выверенная уравнированность пропорций, праздничность и аристократическое изящество, достигаемые, казалось бы, несложными средствами — вот отличительные черты этой архитектуры. Ей не свойственны гигантомания, — даже самые значительные её сооружения невелики, — и злоупотребление поверхностным декором. Её строительные приёмы намного совершеннее и разнообразнее приёмов предыдущей эпохи, но художественная образность доисламской старины нередко проступает в ней, придавая своеобразную прелесть её новым чертам. Это — архитектура мутационного сдвига, в которой слияние рудиментарных старых и новых качеств создало необыкновенный и неповторимый сплав. В слове «неповторимый» нет противоречия: строители 11—12 вв. хотя и шли, в общем, по дороге, проложенной их предшественниками, но словно отступали перед загадкой лучших памятников той эпохи. Особенности архитектуры мавзолея Саманидов, Араб-ата, караван-сарая Рабати Малик, мечети Чор Сутун никогда не были продолжены во времени.

Содержание этой книги даёт некоторое представление об изобилии нерешенных проблем в истории раннеисламской архитектуры Средней Азии. Возможно, часть этих проблем будет решена или прояснена при изучении взаимных влияний между архитектурой Средней Азии и западных областей Халифата — Сирией, Палестиной и др. Другая часть может быть решена с помощью новых археологических открытий, которые дадут материал для сопоставлений и анализа. Всё же, я думаю, останется часть проблем, которая никогда не будет решена, но станет предметом споров, умоуловительных гипотез и источником неутолимой любознательности.

Так и должно быть, ибо без этого нет науки истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

- ¹ «Искусство Средней Азии». Москва, 1930. Стр. 86—105.
- ² Труды АН Тадж. ССР, том 27. Сталинабад, 1954. Стр. 41—55.
- ³ «Архитектурное наследие» № 11. Москва, 1958. Стр. 139—144.
- ⁴ «Искусство зодчих Узбекистана», выпуск 2. Ташкент, 1963. Стр. 31—76.

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ Отдельным постройкам 9—10 вв. посвящены работы В. Ворониной, Г. Пугаченковой, Л. Ремпель, В. Нильсена, Б. Литвинского, М. Булатова, Н. Немцевой, Г. Шишкиной, С. Хмельницкого и др.

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

- ¹ Al Masalek wal mamalek by Istakhry (4th cent H.) Reedited by Muh. G. Abd et Aal el Hini. Under the supervision Muh. Shafik Ghurbal. Cairo, 1961.
- ² И.Ю. Крачковский. Избранные сочинения, том 4. Москва—Ленинград, 1957.
- ³ Le Livre de la creation et de l'histoire d'Abou Zeid Ahmed ben Sahl el-Balkhi publie et traduit d'après le manuscrit de Konstantinople par Cl. Huart. VI. Paris, 1919.
- ⁴ Худуд ал-алем. Рукопись Туманского с введением и указателем В. Бартольда. Ленинград, 1930.
- ⁵ The History of Bukhara translated from Persian abridgement of the arabic original by Narshaki. Cambridge, 1954.
- ⁶ В.В. Бартольд. Сочинения, тома 1—7. Москва, 1963—1971.
- ⁷ А.М. Беленицкий, И.Б. Бентович, О.Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии. Ленинград, 1973 (в дальнейшем — Средневековый город...). См. также Е.А. Давидович. Дискуссионные вопросы в книге А.М. Беленицкого, И.Б. Бентович, О.Г. Большакова «Средневековый город Средней Азии». «Древность и средневековые народы Средней Азии». Стр. 130 и след. Москва, 1978.
- ⁸ А. Беленицкий, Б. Маршак, В. Распопова. Пенджикент. «Наука и жизнь», 1971, № 8.
- ⁹ Средневековый город..., стр. 150.
- ¹⁰ В. А. Нильсен. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (5—8 вв.). Ташкент, 1966. Стр. 125—179.
- ¹¹ Средневековый город..., стр. 200, 205.
- ¹² Средневековый город..., стр. 237, рис. 94.
- ¹³ Ю. Ф. Буряков, Ш.С. Ташходжаев. Историческая топография Самарканда 11—начала 12 вв. «Афрасиаб», вып. 4. Ташкент, 1975.

¹⁴ Средневековый город..., стр. 225, рис. 93.

¹⁵ Средневековый город..., стр. 223.

¹⁶ Я. Г. Гулямов, Ю.Ф. Буряков. Об археологических исследованиях на городище Афрасиаб в 1967—1968 гг. «Афрасиаб», вып. 1. Ташкент, 1969. Стр. 268 след. Г.В. Шишкина. Городской квартал 8—11 вв. на северо-западе Афрасиаба. «Афрасиаб», вып. 2. Ташкент, 1973. Стр. 117 след.

¹⁷ И. Ахраров, Л. Ремпель. Резной штурк Афрасиаба. Ташкент, 1971.

¹⁸ МИТТ I. Стр. 193, 194.

¹⁹ МИТТ I. Стр. 192—194.

²⁰ Сведения современников о Нишапуре 8—13 вв. собраны В. Бартольдом в «Историко-географическом обзоре Ирана». См. В.В. Бартольд. Сочинения, том 7. Москва, 1971. Стр. 108—111.

МАТЕРИАЛЫ, КОНСТРУКЦИИ И АРХИТЕКТУРНЫЕ ФОРМЫ

- ¹ О строительной технике в Средней Азии 5—8 вв. см. Sergej Chmelniczki. Zwischen Kuschanen und Arabern. Die Architektur Mittelasiens im V—VIII Jht. Berlin, 1989. S. 36—59.
- ² Г.А. Пугаченкова. Реконструкция «квадратного зала» парфянского ансамбля Старой Нисы. Труды ЮТАКЭ, том 2. Ашхабад, 1951. Стр. 143—146. Е.А. Давидович. Отчёт о раскопках 1947 г. на площади квадратного зала Старой Нисы. Там же, стр. 108—142.
- ³ Sergej Chmelniczki. Op. cit., Abb. 27 (Seite 53).
- ⁴ В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения, том 1. Москва, 1963. Стр. 142.
- ⁵ Н.Н. Вактурская. Раскопки на городище Садвар. АО-1974. Москва, 1975. Стр. 519—520.
- ⁶ «Каменная» природа этих колонн выразилась только в их сравнительно массивных пропорциях.
- ⁷ Эта интересная конструкция, как будто, не опубликована. Личное наблюдение автора.
- ⁸ Jan Sejka. Tonnengewölbe und Bögen islamischer Architektur. Wölbungetechnik und Form. München, 1978. Seite 38 (Abb. 22), 42—46.
- ⁹ S. Chmelniczki. Op. cit., Seiten 40, 42.
- ¹⁰ Однако нет прямых доказательств того, что своды и арки «отрезками» возводились всегда без опалубки.
- ¹¹ С.П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. Труды ХАЭЭ, том 2. Москва, 1958. Стр. 170. В.И. Пилявский. Сырцовые сооружения древнего Мерва. «Новые исследования по истории архитектуры народов СССР». Москва, 1947. Стр. 61, 62.

- ¹¹ Известное мне исключение — частично пересекающиеся своды в цитадели Варахши. См. В. Нильсен, «Становление феодальной архитектуры Средней Азии (5—8 вв.)». Стр. 249, рис. 86.
- ¹² S. Chmelniczki. Op. cit., Abb. 24.
- ¹³ А.М. Прибыткова. Здание Кырк-Кыз как образец строительной техники 9 в. «Архитектурное наследие» № 13. Москва, 1961. Стр. 179, рис. 18, 19.
- ¹⁴ O. Reuther. Ochejdir. Leipzig, 1912. Tafel 13.
- ¹⁵ А. Прибыткова. Караван-сарай Дая-Хатын. «Архитектурное наследие» № 3. Москва, 1953. Стр. 92 след. Г.А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма (далее «Пути...»). Москва, 1958. Стр. 230—241.
- ¹⁶ Г.А. Пугаченкова. Пути..., рис. на стр. 232, 233.
- ¹⁷ Древняя Бактрия. Материалы советско-афганской экспедиции 1969—1973 гг. Москва, 1976. Стр. 131, рис. 70.
- ¹⁸ Г.А. Пугаченкова. Пути..., стр. 154, 155 (план на стр. 155 неверен). В. Л. Воронина. Конструкции и художественный образ в архитектуре Востока. Москва, 1977. Стр. 115, рис. 10.
- ¹⁹ Так сложено большинство небольших арок во дворце Кырк-Кыз.
- ²⁰ В Охейдире сохранён двусторонний гипсовый футляр арки, скрывший её строительную структуру «отрезками». Этот приём — более декоративный, чем конструктивный, так как для возведения арки «отрезками» достаточно одной опоры. См. Jan Sejka, Op. cit., Seite 60, Abb. 31.
- ²¹ Г.А. Пугаченкова. Пути..., стр. 218.
- ²² Старейшая известная «четырёхцентровая» арка известна в Багдадских воротах Ракки (772 г.).
- ²³ Мавзолей Ишратхана. Ташкент, 1958. Стр. 73—78. М.С. Булатов. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии 9—15 вв. Москва, 1978.
- ²⁴ Jan Sejka. Op. cit. Kap. 3, Seite 27, Abb. 16.
- ²⁵ А.М. Прибыткова. Здание Кырк-Кыз как образец строительной техники 9 в. Стр. 73, рис. 7—9.
- ²⁶ М. Булатов. Мавзолей Саманидов — жемчужина архитектуры Средней Азии. Ташкент, 1976. Стр. 66.
- ²⁷ Lionel Bier. Sarvistan. A Study in Early Iranian Architecture. Pennsylvania and London, 1986. Fig. 44, 77, 78, 82.
- ²⁸ Б.А. Литвинский. Калан Кафирниган. АРТ-15. Душанбе, 1980. Стр. 131, рис. 6.
- По мнению В. Ворониной, «вполне развитый пояс тромпов» имелся уже в доисламском замке Ак-тепе (В. Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии. АН № 3. Москва, 1953. Стр. 21, 22). Это утверждение, позже неоднократно повторенное — следствие недоразумения. В действительности купол Ак-тепе имеет лишь небольшое расширение в нижней цилиндрической части, — ничего общего с поясом тромпов, для которого необходима правильная восьмигранная форма, которой здесь нет (есть круглое основание, как во всех доисламских куполах). В развитом поясе тромпов ширина тромпов и промежутки между ними одинаковы, здесь же вогнутые промежутки между тромпами намного шире.
- ²⁹ Ugo Monneret de Villard. La Necropoli musulmana di Aswan. Le Caire, 1930. Tab. 15 B.
- ³⁰ Gertrude Lowthian Bell. Palace and Mosque at Ukhaidir. Oxford, 1914. Plate 51, Fig. 2.
- ³¹ Op. cit., Plate 26, Fig. 2. Oskar Reuther. Ochejdir. Abb. 30.
- ³² Oskar Reuther. Op. cit., Tab. 9, 15.

- ³³ Портал древнейшей в Исфахане мечети Йоргир (10 в.) перекрыт конхой, нависающей над углами и разделённой двумя полуарками-аркубутанами, между которыми расположен сводчатый проём. См. Antony Hutt and Leonard Harrow. Iran 1. Islamic Architecture. London, 1977. Plate 3, S. 59.
- ³⁴ Тромпы мавзолея Мир-Сеид Бахрам публиковались дважды (В.А. Нильсен. Монументальная архитектура Бухарского оазиса 11—12 вв. Ташкент, 1956. Г.А. Пугаченкова. Мавзолей Араб-ата. Искусство зодчих Узбекистана, вып. 2. Рис. 46), оба раза неправильно.
- ³⁵ Например, в малом мавзолее комплекса Хаким аль-Термези и в большом мавзолее комплекса Ходжа Нахшран.
- ³⁶ Г.А. Пугаченкова. Мавзолей Араб-ата. Стр. 91. Её же — Пути..., стр. 284.
- ³⁷ Памятники архитектуры Туркменистана. Ленинград, 1974. Стр. 86—89.
- ³⁸ С. Хмельницкий. Метрические сетки в памятниках зодчества Таджикистана. «Строительство и архитектура». Душанбе, 1977. Стр. 106, 108—110.
- ³⁹ Ugo Monneret de Villard. Op. cit., Fig. 72, 73, 77; Tab. 10, 27, 29.
- ⁴⁰ E. Herzfeld. Damaskus. «Ars Islamica», Vol. 9, 1942. Seite 241. Henri Sterling. Architektur des Islam. Zürich, 1979. Seite 91.
- ⁴¹ В.Л. Воронина. Конструкции и художественный образ..., стр. 128.
- ⁴² Г.А. Пугаченкова. Мавзолей Араб-ата. Стр. 6.
- ⁴³ Составленный мной перечень сохранившихся куполов доисламской архитектуры см. в книге Н. Негматова, У. Пулатова и С. Хмельницкого «Уртакуртан и Тирмизактепа», Душанбе, 1973. Стр. 30—32. В перечне пропущен купол холла в хорезмийском замке Якке Парсан.
- ⁴⁴ Г.А. Пугаченкова. Пути..., стр. 170.
- ⁴⁵ И. Ахраров, Л. Ремпель. Резной штурк Афрасиаба. Ташкент, 1971.
- ⁴⁶ Г.А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Дахистана, Абиверда, Серахса. Труды ЮТАКЭ, том 2. Ашхабад, 1951. Стр. 246, рис. 40.
- ⁴⁷ R. Eittinghausen and O. Grabar. The Art and Architecture of Islam 650—1250. 1987. S. 281, Fig. 299.
- ⁴⁸ Oskar Reuther. Op. cit., Seite 16, Abb. 16, Taf. 12.
- ⁴⁹ Живопись древнего Пенджикента. Москва, 1954. Табл. 19, 20. S. Chmelniczki. Op. cit., Abb. 125.
- ⁵⁰ Ю.Ф. Буряков, М. Садиев, М.Н. Федоров. Соборная мечеть Самарканда в 11—начале 13 вв. «Афрасиаб», вып. 2. Ташкент, 1975. Стр. 77—99.
- ⁵¹ Г.А. Пугаченкова. Пути..., стр. 162, 163.
- ⁵² В.А. Шишкин. Варахша. Москва, 1963. Стр. 76, 77. В.А. Нильсен. Становление феодальной архитектуры..., стр. 56—60. S. Chmelniczki. Op. cit., Abb. 87.
- ⁵³ K.A.C. Creswell. A Short Account of Early Muslim Architecture. 1989. Рис. 133, стр. 221. План этой мечети, расположенной в 2,5 км от Охейдира, поразительно похож на парадный двор дворца в Варахше.
- ⁵⁴ K.A.C. Creswell. Op. cit., Fig. 135.
- ⁵⁵ Рядом круглых столбов был окружен дворик в караван-сарае Рабати Малик, позже перекрытый куполом.
- ⁵⁶ Остатки такой деревянной плиты найдены сверху одного из столбов — части колоннады к северу от саманидской мечети Самарканда.
- ⁵⁷ Столбы во дворце Варахши стояли на квадратных кирпичных цоколях.

ПРИЁМЫ ГАРМОНИЗАЦИИ И ПРОПОРЦИОНИРОВАНИЯ

- ¹ К.С. Крюков. Модуль в памятниках среднеазиатского зодчества. АН — 17. Москва, 1964. Выражение «модуль» в данном случае неудачно, так как речь идёт не о модуле в принятом понимании, а об условной единице измерения.
- ² К.П. Байпаков. Средневековая городская культура южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986. Рис. 52 (помещение 1), 61 (помещение сверху справа).
- ³ Х. Юсупов, А. Губарев. Средневековые пещерные поселения в окрестностях Тахта-Базара. «Памятники Туркменистана» № 1 (9). Ашхабад, 1970.
- ⁴ Г.А. Пугаченкова. Пути..., стр. 204.
- ⁵ Г.А. Пугаченкова. Пути..., стр. 241 (южный айван).
- ⁶ Г.А. Пугаченкова. Пути..., стр. 218.
- ⁷ Г.А. Пугаченкова. Пути..., стр. 249.
- ⁸ По моим наблюдениям, пропорции 1:√2 имели в плане «малый мегарон» и двор перед «большим мегароном» в Тирифе.
- ⁹ Л.И. Альбаум. Балалык-тепе. Ташкент, 1960. Стр. 116, рис. 92. С.Г. Хмельницкий. Опыт реконструкции буддийского храма городища Ак-Бешим. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, том 2. Москва, 1959. Стр. 116, рис. 10.
- ¹⁰ M.Y. Kiani. Robot-e Sharaf. Teheran, 1981.
- ¹¹ John D. Hoag. Islam. Weltgeschichte der Architektur. Stuttgart, 1986. S. 98, Abb. 161.
- ¹² John D. Hoag. Op. cit., S. 42, Abb. 67.
- ¹³ Г.А. Пугаченкова. Пути..., стр. 223.
- ¹⁴ На строительной площадке откладывался размер, равный стороне равностороннего треугольника и принятый за длину здания или помещения. Затем, пользуясь шнуром как циркулем, находили вершину треугольника. Далее от крайних точек базисной линии отмеряли дуги радиусом, равным высоте треугольника, а от вершины — дуги, равные половине базиса. Точки пересечения дуг определяли два других угла прямоугольного плана. Этот приём позволял вычерчивать планы больших размеров с большой точностью.
- ¹⁵ С. Хмельницкий. Реконструкция перекрытия типа «рузан». В книге Н. Негматова, У. Пулатова и С. Хмельницкого «Уртакурган и Тирмизактепа». Стр. 42—60.
- ¹⁶ S. Chmelniczki. Op. cit., Abb. 79.
- ¹⁷ Sergej G. Chmelniczki. Peshtak und Mihrab. Zur Frage der Herkunft der Portalformen in der zentralasiatischen Architektur. Annali, Vol. 47. Napoli, 1987.
- МЕЧЕТИ**
- ¹ МИТТ, стр. 187.
- ² МИТТ, стр. 188.
- ³ МИТТ, стр. 188, 193.
- ⁴ МИТТ, стр. 193, 196.
- ⁵ МИТТ, стр. 198.
- ⁶ МИТТ, стр. 196, 197.
- ⁷ МИТТ, стр. 209.
- ⁸ Ulya Vogt-Göknil. Die Moschee. Zürich, 1978. S. 41 u. folg.
- ⁹ Место мечети определено в 1950 г. М.Е. Массон. Раскопки начались в 1958 г.
- ¹⁰ М.И. Филанович. Гяур-кала. Труды ЮТАКЭ, том 15. Ашхабад, 1974. Стр. 119, 121.
- ¹¹ М.И. Филанович. Указ. соч., стр. 120, рис. 31.
- ¹² М.И. Филанович. Указ. соч., стр. 121.

- ¹³ Oleg Grabar. The formation of Islamic Art. 1987. Fig. 27.
- ¹⁴ H.G. Franz. Palast, Moschee und Wüstenschloß. Graz, 1984. Abb. 23, 24.
- ¹⁵ John D. Hoag. Op. cit., S. 73, Abb. 119.
- ¹⁶ John D. Hoag. Op. cit., Abb. 116, 135.
- ¹⁷ John D. Hoag. Op. cit., Abb. 163, 164. Применение этой пропорции в архитектуре Востока этими приемами далеко не исчерпывается. Употреблялась она и в архитектуре средневековой Европы и России.
- ¹⁸ М.И. Филанович. Указ. соч., стр. 121. Никаких следов второй «башни» не обнаружено.
- ¹⁹ Т. Ходжаниязов. Резная колонна первой арабской мечети. «Памятники Туркменистана» № 4. Ашхабад, 1967. Стр. 33.
- ²⁰ Т. Ходжаниязов. Указ. соч.
- ²¹ Е.Т. Бетгер. Извлечение из книги «Пути и страны» Абу-ль-Касыма ибн Хаукаль. Труды САГУ, «Археология Средней Азии», вып. 4. Ташкент, 1957. Стр. 15.
- ²² Кандия малая, перевод В.Л. Вяткина. Справочная книжка Самаркандской области, вып. 8. Самарканд, 1906. Стр. 250.
- ²³ Первые раскопки вёл в 1885 г. Н. Веселовский.
- ²⁴ В.В. Бартольд. Отчет о поездке в Самарканд летом 1904 г. Сочинения В.В. Бартольда, том 4. Москва, 1966. Стр. 130—132.
- ²⁵ В.А. Шишкин. К истории археологического изучения Самарканды и его окрестностей. «Афрасиаб», вып. 1. Ташкент, 1969. Стр. 3 след. Ю.Ф. Бураков, М. Садиев, М.Н. Федоров. Соборная мечеть Самарканд в 11—начале 13 вв. Стр. 77 след.
- ²⁶ R. Ettinghausen and O. Grabar. Op. cit., S. 35, Fig. 10.
- ²⁷ Ulya Vogt-Göknil. Op. cit., Tafeln 2, 3, 4.
- ²⁸ Рашид ад-Дин. Сборник летописей, том 1, книга 2. Москва — Ленинград, 1952. Стр. 208.
- ²⁹ В.А. Жуковский. Развалины старого Мерва. СПб., 1894. Стр. 25, 31.
- ³⁰ В.И. Пилявский. Сырцовые сооружения древнего Мерва. Сообщения Института истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР. Вып. 10. Москва, 1950. Стр. 66 след. Архитектурные памятники Туркменистана. Стр. 130, 131.
- ³¹ Г.А. Пугаченкова. Пути..., стр. 245—248.
- ³² A. Godard. Le Masjid-e Djuma de Niriz. AI, Tome 1, Fascicule 1. 1936. S. 163—172.
- ³³ A. Godard. Khorasan. AI, Tome 4, Fascicule 1, Fig. 96.
- ³⁴ A. Godard. Op. cit., Fig. 60.
- ³⁵ Г.А. Пугаченкова. Пути..., стр. 262—264.
- ³⁶ Galina A. Pougatchenkova. Chefs-d'œuvre de l'Asie centrale 14—15 siècle. Paris, 1981. S. 138.
- ³⁷ Л.Ю. Маньковская. Архитектурные памятники Кашкадарьи. Ташкент, 1979. Стр. 60, 61.
- ³⁸ Ранний образец замены айвана купольным залом с порталом — мечеть 1102 г. в Дахистане, руины которой, впрочем, не раскапывались. См. Г.А. Пугаченкова. Пути..., стр. 261, 262, рис. на стр. 264.
- ³⁹ Памятники архитектуры Туркменистана, стр. 129.
- ⁴⁰ Г.А. Пугаченкова. Новое по архитектуре средневекового Мерва. Труды ЮТАКЭ, том 12, стр. 225—227. Её же — Искусство Туркменистана. Москва, 1967. Стр. 112. Указанная в тексте ориентация мечети неверна.
- ⁴¹ МИТТ, стр. 174, 195, 201, 421. Современная литература: С.А. Ершов. Данденакан. КСИИМК № 15, 1947. Стр. 126 след. М.М. Дьяконов. О дате данденаканской мечети. КСИИМК № 3, 1948. Стр. 108. Г.А. Пугаченкова. Пути..., стр. 256—259. О.Оразов. Археологические и архи-

- тектурные памятники Серахского оазиса. Ашхабад, 1973. Стр. 88—91.
- ⁴² Г.А. Пугаченкова, исходя из этой же предпосылки, ошибочно считает, что в длинных колоннадах было по 8 колонн. См. «Пути...», стр. 256.
- ⁴³ Г.А. Пугаченкова. Пути..., стр. 257.
- ⁴⁴ Lisa Golombek. Abbasid Mosque at Balkh. «Oriental Art», Vol. 5, № 3. 1969. Г.А. Пугаченкова (примечание 94) датирует мечеть 10 в.
- ⁴⁵ В.В. Бартольд. Сочинения, том 1. Стр. 234.
- ⁴⁶ К.М. Байпаков. Средневековая городская культура..., стр. 139.
- ⁴⁷ K. A. C. Creswell. A Short Account of Early Muslim Architecture. S. 76, Fig. 49.
- ⁴⁸ Ulya Vogt-Göknil. Op. cit., Tafel 15, 16, 17.
- ⁴⁹ Пятиглавие, естественно венчающее четырёхстолпные пространственные системы (вариант 2), было распространено в церковной архитектуре Византии, России и Европы. В России церкви этого типа зовутся крестовокупольными.
- ⁵⁰ Г.А. Пугаченкова. Реконструкция «квадратного зала» парфянского ансамбля Старой Нисы. Труды ЮТАКЭ, том 2. Ашхабад, 1951. Стр. 143—146. Её же. Пути..., стр. 78—98. На представленной здесь реконструкции преувеличена высота зала, а грузинский термин «дарбази» (зал с касетным перекрытием) назван среднеазиатским.
- ⁵¹ О шестиугольном балочном «куполе» см. Sergej Chmelniczki. Zwischen Kuschane und Arabern. S. 104—106.
- ⁵² Sergej Chmelniczki. Op. cit., Abb. 60, 63, 66, 75, 78, 79, 88, 93, 94, 101.
- ⁵³ Известны зороастрийские (?) храмы с квадратным четырёхколонным святилищем в Сурх Котале (Афганистан, 1—2 вв. н.э.) и Сузе (Иран, время Ахеменидов). Но они отдалены от Средней Азии и принадлежат иной культуре. См. H. G. Franz. Von Gandhara bis Pagan. Graz, 1979. S. 18, 19. Gerard Fussmann. Surkh Kotal. München, 1983.
- ⁵⁴ А.Ю. Якубовский. Археологическая экспедиция в Зеравшанскую долину. ТОВЭ, том 2. Ленинград, 1934. Стр. 137 след.
- ⁵⁵ В. Воронина. Некоторые данные о памятниках зодчества Узбекистана. АН—3. Москва, 1953. Стр. 107—119. В.А. Нильсен. Монументальная архитектура Бухарского оазиса 11—12 вв. Ташкент, 1956. Стр. 27—37. Б.Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии. Москва, 1948. Стр. 34—37. E. Prostoff, H. Field. Archaeological investigation in Central Asia 1917—1937. Ars Islamica, 1938, S. 12. A. Pope. SPA—2, New York, 1938. S. 945, Fig. 330. Oleg Grabar. The Formation of Islamic Art. London, 1987. S. 121, Fig. 50.
- ⁵⁶ Б.Н. Засыпкин. Указ. соч., стр. 37.
- ⁵⁷ Средняя Азия. Памятники искусства Советского Союза. Справочник-путеводитель. Составитель и автор Г.А. Пугаченкова. Лейпциг—Москва, 1983. Стр. 373, рис. 87, 88.
- ⁵⁸ В. Нильсен. Указ. соч., стр. 29.
- ⁵⁹ Г.А. Пугаченкова. Пути..., стр. 276.
- ⁶⁰ О.Г. Большаков. Заметки по исторической топографии долины Зеравшана в 9—10 вв. КСИИМК № 61. 1956. Стр. 22.
- ⁶¹ В основании сырцовых стен устроен цоколь, сложенный из мелких камней и жженого кирпича. Неглубокий фундамент из тех же материалов обнаружен снаружи у СЗ угла здания.
- ⁶² МИА—15. Ленинград, 1951. Табл. 18, 19.
- ⁶³ Г.А. Пугаченкова. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах. ТИИИА, вып. 2. Ташкент, 1950. Стр. 19.
- ⁶⁴ Lucien Golvin. Essai sur L'Architecture religieuse Musulmane. Tome 3. 1974. S. 37, Fig. 7.
- ⁶⁵ Oskar Reuther. Ocheidir. Abb. 24, Taf. 9.
- ⁶⁶ Christian Ewert. Spanisch-islamische Systeme sich kreuzender Bögen. Heidelberg, 1966.
- ⁶⁷ Г.А. Пугаченкова. Пути..., стр. 323. S. Chmelniczki. Das Mausoleum des Sultan Sandschar in Merw. «Architektura»—1. 1989. S. 20—35.
- ⁶⁸ Г.А. Пугаченкова. Пути..., стр. 303, 310. Архитектурные памятники Туркменистана. Стр. 135. Наличие михраба показывает, что первоначально здание мавзолея представляло собой небольшую купольную мечеть.
- ⁶⁹ В.И. Пилявский. Ургенч и Миздахкан. Москва, 1948. Памятники архитектуры Туркменистана, стр. 182—187.
- ⁷⁰ А.Н. Бернштам. Архитектурные памятники Киргизии. Москва—Ленинград, 1950. Стр. 86—95.
- ⁷¹ Мне не кажется верным замечание В. Ворониной, что tromпы «...сделаны несколько примитивно, и можно подумать, что мастер был непривычен к этому типу конструкции» (В. Воронина. Некоторые данные о памятниках зодчества Узбекистана, стр. 114). Здесь, наоборот, видно мастерство и понимание статической работы конструкции.
- ⁷² В. Воронина. Указ. соч., стр. 114 и 128 (примечание). Отверстие в вершине купола, сложенного обычным способом — кольцами, может быть создано на любой высоте простым прекращением кладки.
- ⁷³ В. Воронина. Указ. соч., стр. 116.
- ⁷⁴ Предложенный В. Ворониной способ построения малых арок (указ. соч., рис. 9) неверен.
- ⁷⁵ Датировка блюда неясна. Э. Диц считал его произведением сасанидского времени, но нет аргументов против его раннеисламского происхождения.
- ⁷⁶ В. Воронина. Указ. соч., стр. 119.
- ⁷⁷ Работы вели археолог В.А. Шишкин и архитектор Н.М. Бачинский.
- ⁷⁸ Наршахи. История Бухары, стр. 30, 31.
- ⁷⁹ Наршахи. Указ. соч., стр. 31.
- ⁸⁰ В. Нильсен, на основании сведений Наршахи, определил время постройки мечети — между 937 и 944 гг. См. В. Нильсен. Монументальная архитектура Бухарского оазиса..., стр. 144, прим. 136.
- ⁸¹ В.А. Шишкин. Магок-и Аттари. ТИИИА, вып. 1. Ташкент, 1948, стр. 3—21.
- ⁸² Г.А. Пугаченкова. Мавзолей Араб-ата. «Искусство зодчества Узбекистана», вып. 2. Ташкент, 1963. Стр. 49, 50.
- ⁸³ Расположение круглого столба вплотную к стене — достаточно известный приём в архитектуре раннего ислама. Таковы, например, наружные столбы-башни Окейдира и двоянные столбы-колонны мечети Ну Гумбад в Балхе (см. ниже). Прислонённые к стене колонны с опирающейся на них аркой обычно применялись при оформлении михрабов и порталов.
- ⁸⁴ В.А. Шишкин. Курган и мечеть Чор-Сутун в развалинах старого Термеза. Труды АН УзССР, серия 1. ТАКЭ, том 2. Ташкент, 1945.
- ⁸⁵ Christian Ewert. Die Moschee am Bab al-Mardum in Toledo — eine «Kopie» der Moschee von Kordoba. DAI, Madriden Mitteilungen Nr 18. Heidelberg, 1977. Abb. 6, 21, Taf. 71, 83.

- ⁸⁶ S. Chmelnizkij. Zwischen Kuschanen und Arabern. S. 69, Abb. 38, 40, 54—56.
- ⁸⁷ Мне известны ещё только три полукруглых в плане среднеазиатских михраба: в мечетях Парау-биби, комплексах Ходжа Машад и Хакима Термези. Все он не моложе 11 в.
- ⁸⁸ З. А. Аршавская, Э. В. Ртвеладзе, З. А. Хакимов. Средневековые памятники Сурхандарьи. Ташкент, 1982. Стр. 56.
- ⁸⁹ Г. Пугаченкова. Термез, Шахрисябз, Хива. Москва, 1974. Стр. 22.
- ⁹⁰ Г. А. Пугаченкова. Мавзолей Араб-ата. Стр. 110, прим. 73.
- ⁹¹ Представляется, что минарет, построенный из сырца, мог в 1032 г. получить новую облицовку из жженого кирпича с соответствующей датой. Так сырцовые мечеть и минарет в Башане (10 в.) получили облицовку жженым кирпичом в 11—12 вв.
- ⁹² Средняя Азия. Памятники искусства Советского Союза. Стр. 401.
- ⁹³ Lisa Golombek. Abbasid Mosque at Balkh. Oriental Art, 1969. Vol. 15, Nr. 3. S. 173—189.
- ⁹⁴ Г. А. Пугаченкова. Ну-Гумбад в Балхе. СА № 3, 1970 г. Стр. 241—250. См. также Go Mandersloot. Die Moschee Nouh Goumbad. «Du» № 11, 1972.
- ⁹⁵ Последние размеры взяты по масштабному чертежу. Приведенные в тексте размеры — 19,5×20 м.
- ⁹⁶ Проблема стиля и стилизованных параллелей резного декора мечети Ну Гумбад, важная для её верной датировки, рассмотрена Л. Голомбек и Г. Пугаченковой в указанных работах.
- ⁹⁷ Лиза Голомбек. Указ. соч., рис. 3 на стр. 175.
- ⁹⁸ H. G. Franz. Von Bagdad bis Cordoba. Graz, 1984. S. 58.
- ⁹⁹ Такие столбы употреблялись и в сасанидском Иране, и в Средней Азии. См. дворец в Варахше (В. А. Шишкин. Варахша. Москва, 1963, рис. 16.).
- ¹⁰⁰ Lionel Bier, Sarvistan. Fig. 5, 59, 60.
- ¹⁰¹ Lucien Golvin. Op. cit., Fig. 18. Базис арки на рисунке занижен.
- ¹⁰² Г. Пугаченкова. Пути..., стр. 166, 167.
- ¹⁰³ K. A. C. Creswell. A Short Account of Early Muslim Architecture. 1989. S. 12.
- ¹⁰⁴ Может быть, самый дальний образец мечети этого типа — мечеть Мошджидур в Кулие (Кхулие) в Бангладеш с тремя михрабами и тремя входами на каждой, кроме михрабной, стороне. См. Perween Hasan. Sultanate Mosques in Bengal Architecture. Muqarnas, Vol. 6. Leiden 1986. S. 62, Fig. 5.
- ¹⁰⁵ O. Grabar. The formation of Islamic Art. S. 198.
- ¹⁰⁶ В. А. Нильсен. Архитектура Средней Азии 5—8 вв. Стр. 99—101., В. Воронина. Городище древнего Пенджикента как источник для истории зодчества. АН № 8. Москва, 1957. Стр. 133—135. S. Chmelnizkij. Zwischen Kuschanen und Arabern. S. 182, Abb. 123.
- ¹⁰⁷ Klaus Gallas. Iran. Köln, 1978. Abb. VII, 88, 89.
- ¹⁰⁸ Klaus Gallas. Op. cit., S. 213. D. Huff. Takht-i Suleiman. Archiv für Orientforschung, Band 30, 1983/84. S. 294—297.
- ¹⁰⁹ Н. М. Бачинский. Сырцовые здания древнего Термеза. ТАКЭ, том 2. 1946 г.
- ¹¹⁰ S. Chmelnizkij. Das Mausoleum des Sultan Sandschar in Merw. S. 20—35.
- ¹¹¹ «Дахистанские мечети ориентированы не на кыблу..., но, следуя, видимо, стойкой местной традиции, по странам света.» (Г. А. Пугаченкова. Пути..., стр. 342).
- ¹¹² Г. И. Котов. Михраб Мешед-и Мисриана. Иранское искусство и археология. III международный конгресс. Моск-
- ва — Ленинград, 1939. Стр. 105. Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Дахистана, Абиверда, Серакса. Стр. 194—205. Её же. Пути..., стр. 168—175. А. М. Прибыткова. Материалы по зодчеству Туркмении. АН № 8. Москва, 1957. Стр. 149—156. Памятники архитектуры Туркменистана. Стр. 64—68.
- ¹¹³ Так у Г. Пугаченковой, у А. Прибытковой — 8,1×8,1 м.
- ¹¹⁴ А. М. Прибыткова. Указ. соч., стр. 150.
- ¹¹⁵ Наклон наружных поверхностей стен внутрь, придающий постройке устойчивость — вообще характерен для строительства из сырца и пахсы. Ср. с мечетью Дегтарон.
- ¹¹⁶ Kurt Würfel. Isfahan. Zürich, 1976. S. 55, 56.
- ¹¹⁷ S. Chmelnizkij. Zwischen Kuschanen und Arabern. S. 181—186.
- ¹¹⁸ Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Дахистана..., стр. 197.
- ¹¹⁹ Jens Kröger. Sasanidischer Stuckdekor. Mainz, 1982. Abb. 56, 69, 77, 135, 138. Taf. 24/1, 103/1,2.
- ¹²⁰ R. Ettinghausen and O. Grabar. Op. cit., S. 212, Fig. 210.
- ¹²¹ Г. И. Котов. Указ. соч., стр. 107.
- ¹²² «Двухарочные» михрабы известны в Иране (мечеть Майдан в Кашане 1226 г., пятничная мечеть в Исфахане и др.), и особенно в тулунидской и мамлюкской архитектуре Каира. См. A. Papadopoulos. Le Mihrab dans l'architecture et la religion musulmanes. Leiden, 1988. Pl. 7, 17, 18, 21, 25—30, 60, 63, 66.
- ¹²³ Основная литература об архитектурных памятниках Узгана: Б. Н. Засыпкин. Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация. Вопросы реставрации, том 1. Москва, 1926, стр. 154—157. E. Cohn-Wiener. Turan. Islamische Baukunst in Mittelasien. Berlin, 1930. S. 16—21. А. Н. Бернштам. Архитектурные памятники Киргизии. Москва — Ленинград, 1950. Стр. 46—85. Его же. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА-26. Москва — Ленинград, 1952. Стр. 258—260. К. С. Крюков. Реконструкция среднего узгенского мавзолея. АН № 16. Москва, 1967. Стр. 165—173. Л. Ю. Маньковская. Мемориальное зодчество Средней Азии. «Художественная культура Средней Азии 9—13 вв.» Ташкент, 1983. Стр. 36, 37.
- ¹²⁴ В настоящее время реставрировано по проекту К. С. Крюкова.
- ¹²⁵ Н. Негматов, С. Хмельницкий. Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966. Стр. 75 след. S. Chmelnizkij. Op. cit., S. 105—110.
- ¹²⁶ D. Brandenburg, K. Brüsehoff. Die Seldschuken. Graz, 1980. Tafeln 75, 76. Здесь прорези частично имитируют кирпичную кладку.
- ¹²⁷ Реализованный проект реставрации нельзя признать удовлетворительным. В нем нет документального обоснования многих размеров, пропорций и деталей (порталы и их венчания, форма входов и др.), в опубликованных чертежах есть ошибки. Применённый здесь принцип восстановления недостающих форм и деталей «по аналогиям» ненаучен и в наше время отвергнут.
- ¹²⁸ Абу Райхан Бируни. Избранные произведения, том 3. Ташкент, 1966 г.
- ¹²⁹ Л. Ю. Маньковская. Указ. соч., стр. 37.
- ¹³⁰ Л. Ю. Маньковская. Там же.
- ¹³¹ Ю. Ф. Буяков, М. Садиев, М. Н. Федоров. Указ. соч., стр. 89.
- ¹³² Г. А. Пугаченкова. Пути..., стр. 272.
- ¹³³ Б. А. Литвинский. Отчет о работе археологической группы 5 отряда ЮТАКЭ в 1947 г. Труды ЮТАКЭ, том 2.

- Ашхабад, 1951. Стр. 295—297. Г. Пугаченкова. Новые материалы к истории архитектуры Туркменистана. Труды ЮТАКЭ, том 8. Ашхабад, 1958. Стр. 304—311. Её же. Пути..., стр. 301.
- ¹³⁴ В некоторых публикациях здание, несмотря на наличие михраба и отсутствие погребения, неверно названо мавзолеем.
- ¹³⁵ В первой публикации Г. Пугаченкова, на основании малого размера кирпича, датирует здание 9—10 вв. (Труды ЮТАКЭ, том 8, стр. 309).
- ¹³⁶ С. К. Кабанов, М. И. Филинович, М. Х. Урманова. Раскопки части жилого массива 9—10 вв. «Афрасиаб», вып. 3. Ташкент, 1974. Стр. 65.
- ¹³⁷ В. А. Шишкин. Курган и мечеть Чор-Сутун в развалинах старого Термеза.
- ¹³⁸ Г. А. Пугаченкова. Пути..., стр. 154, 155.
- ¹³⁹ Г. А. Пугаченкова. Пути..., стр. 286—292.
- ¹⁴⁰ Г. А. Пугаченкова. Пути..., стр. 289.
- ¹⁴¹ Кирпич со стороной 24 см употреблялся в Хорезме до 19 в.
- ¹⁴² Г. А. Пугаченкова. Пути..., стр. 177, 178.
- ¹⁴³ Н. Негматов. Усрушана в древности и раннем средневековье. Сталинабад, 1957. Стр. 140.
- ¹⁴⁴ Н. Н. Негматов, С. Г. Хмельницкий. Средневековый Шахристан.
- ¹⁴⁵ Редкие исключения в культовой архитектуре — некоторые архаические храмы древней Греции, например, в Термосе и Пестуме (так наз. храм Геры-1).
- ¹⁴⁶ Leo Trümpelmann. Persepolis. Mainz, 1984. Abb. 21, 32.
- ¹⁴⁷ Труды ХАЭЭ, том 2. Москва, 1958. Стр. 153—167.
- ¹⁴⁸ Г. А. Пугаченкова. Пути..., стр. 70.
- ¹⁴⁹ Г. А. Пугаченкова. Халчаян. Ташкент, 1966. Рис. 23.
- ¹⁵⁰ Топрак-кала. Труды ХАЭЭ, том 14. Москва, 1984. Рис. 6. Б. Я. Ставиский. Искусство Средней Азии. Древний период. Москва, 1974. Стр. 129, рис. 99.
- ¹⁵¹ Leo Trümpelmann. Op. cit., S. 28, Abb. 21.
- ¹⁵² Günküt Akin. Laternendächerhäuser in Ostanatolien. «Architektura» Nr. 1, 1989. Abb. 11, 14. M. Mamadnasarov. Die Architektur der Wohnstätten des Westpamir als Quelle der antiken Formen. «Probleme der Architektur des Orients». Halle (Saale), 1983.
- ¹⁵³ S. Chmelnizkij. Zwischen Kuschanen und Arabern. S. 101, Abb. 63.
- ¹⁵⁴ Б. И. Ставиский. Раскопки квартала жилищ знати в ЮВ части Пенджикентского городища. МИА—124. Москва — Ленинград, 1964. Стр. 123, рис. 2. Б. А. Литвинский. Калаи Кафирниган. АРТ—14. Душанбе, 1979. Стр. 166.
- ¹⁵⁵ Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. Аджина-Тепа. Москва, 1971. Стр. 27.
- ¹⁵⁶ У. П. Пулатов. Раскопки на Калаи Сар. АО—1983. Москва, 1985. Стр. 569.
- ¹⁵⁷ Памятники архитектуры Туркменистана. Стр. 58, 59.

МИНАРЕТЫ

- ¹ Идриси, Абу Сеид Абу-ар-Рахман бен Мухаммед Кандия (малая). Справочная книжка Самаркандской области, вып. 8. Самарканд, 1906. Стр. 250.
- ² Ibn Naukal. BGA, Vol. 2. Lugduni Batavorum. 1873. S. 321.
- ³ Наршахи. История Бухары. Ташкент, 1897. Стр. 66.
- ⁴ МИТТ, стр. 195, 209.
- ⁵ Г. А. Пугаченкова. Пути..., стр. 168.
- ⁶ Памятники архитектуры Туркменистана. Стр. 129.

- ⁷ М. Е. Массон. Краткая историческая справка о среднеазиатских минаретах. Материалы Узкомстариса, вып. 23. Ташкент, 1933, стр. 5.
- ⁸ А. Ю. Якубовский. Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг. МИА—15. Москва—Ленинград, 1950. Стр. 27—29.
- ⁹ А. Ю. Якубовский отметил, что минареты в селениях Рарз и Фатмев были тщательно обмерены В. Л. Ворониной. Эти обмеры опубликованы не были.
- ¹⁰ Г. А. Пугаченкова. Пути..., стр. 262. Памятники архитектуры Туркменистана, стр. 61—63. В обеих публикациях приведена неверная первоначально принятая дата — 1102 г.
- ¹¹ М. Е. Массон. Надпись на мавзолее Абдуллы, сына Бурейды, близ Мерва. «Древний Мерв». Ашхабад, 1989. Стр. 173.
- ¹² З. А. Аршавская, Э. В. Ртвеладзе, З. А. Хакимов. Средневековые памятники Сурхандарьи. Стр. 56, 57.
- ¹³ Т. В. Беляева. О работе Ленинабадского отряда в 1976 г. АРТ—16. Душанбе, 1982. Стр. 267, 268.

МИХРАБЫ

- ¹ В. Л. Воронина. Архитектурные памятники древнего Пенджикента. МИА—37. Москва—Ленинград, 1953. Стр. 108, рис. 6. Её же. Архитектура древнего Пенджикента. МИА—124. Москва—Ленинград, 1964. Рис. 11—14. S. Chmelnizkij. Op. cit., S. 118, Abb. 76. L. I. Rempel. La maquette architecturale dans le culte et la construction de l'Asie centrale preislamique. «Kultes et monuments religieux dans l'Asie centrale preislamique». Paris, 1987. Fig. 8. Опубликовано моя реконструкция без упоминания автора.
- ² С. Г. Хмельницкий. Пештак и михраб. Известия АН ТаджССР, отделение общественных наук, № 2 (52). Душанбе, 1968.
- ³ Этот способ описан средневековым самаркандским математиком Гияс-ад-дином Каши. См. Л. Бретаницкий, Б. Розенфельд. Архитектурная глава трактата «Ключ арифметики» Гияс-ад-дина Каши. «Искусство Азербайджана» № 5. Баку, 1956.
- ⁴ Г. А. Пугаченкова. Резной михраб из Ашта. Сообщения ТаджФАН СССР, вып. 25. Сталинабад, 1950.
- ⁵ С. Хмельницкий, Н. Негматов. Михраб в селе Ашт. СА № 2. 1963.
- ⁶ Oskar Reuther. Ocheidir. Tab. 7, 8, 25.
- ⁷ SPA IV. Табл. 353, 172 (Е), рис. 391, 394, 399; SPA I. Рис. 181 и 305.
- ⁸ A. Papadopoulos. Le Mihrab. Pl. 12. H. G. Franz. Palast, Moschee und Wüstenschloß. Graz, 1984. Pl. 116.
- ⁹ Boris Marschak. Silberschätze des Orients. Leipzig, 1986. Abb. 211.
- ¹⁰ М. С. Андреев. По Таджикистану. Ташкент, 1927. В. Л. Воронина. Резное дерево Зарафшанской долины. МИА—15. Стр. 215, 216. Табл. 18, 19. Опубликованный чертёж михраба не совсем верен.
- ¹¹ M. Taddei. Indien. Erlangen, 1972. Abb. 51, 52.
- ¹² S. Chmelnizkij. Op. cit. Abb. 27.
- ¹³ A. Papadopoulos. Op. cit. Pl. 13.
- ¹⁴ Sergej G. Chmelnizkij. Peshtak und Mihrab.
- ¹⁵ Boris Marschak. Op. cit. Tab. 209, 211.
- ¹⁶ В. Л. Воронина. Народные традиции архитектуры Узбекистана. Москва, 1951. Рис. 8—10, 12, 22, 43.

- ¹⁷ В. Л. Воронина. Указ. соч., стр. 216. Г. А. Пугаченкова. Мавзолей Араб-ата. Стр. 117, прим. 85.
- ¹⁸ В. Л. Воронина. Указ. соч., примечание на стр. 219.
- ¹⁹ Б. Н. Засыпкин. Архитектурные памятники Средней Азии. Москва, 1928. Стр. 43. Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. Москва—Ленинград, 1939. Стр. 39, 41. А. М. Прибыткова. О некоторых местных традициях в зодчестве Средней Азии 9—10 вв. Стр. 141, 142. И. Ахраров, Л. Ремпель. Резной штук Афрасиаба. Ташкент, 1971. Стр. 51, 53.
- ²⁰ На реконструкции (указ. соч., стр. 52) колонки превращены в арочное обрамление ниши, архивольт. Это неверно, так как базы ясно свидетельствуют о наличии здесь именно колонн, то есть вертикальных опор арки.
- ²¹ Т. Б. Рапопорт. О прогрессивных традициях в архитектуре народного жилища Узбекистана. АН-13. Москва, 1961. Стр. 212.

Мемориальные сооружения

- ¹ Багдадские халифы были духовными главами всех мусульман и, соответственно, духовными особами, но это была не более чем их официальная должность: редкие из них заслужили репутацию благочестивого человека. Их мавзолеи не были объектом религиозного поклонения.
- ² Б. Засыпкин. Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация. Стр. 154—158.
- ³ S. Chmelnizkij. Zwischen Kuschanen und Arabern. S. 179—186.
- ⁴ А. Я. Борисов. О значении слова «наус». ТОВЭ, том 3. Стр. 305—307.
- ⁵ Живопись древнего Пенджикента. Москва, 1954. Табл. 19, 20.
- ⁶ A. U. Pope. Sasanian Garden Palace. «Art Bulletin», Vol. 15. 1933, Nr. 1. SPA 4, Tab. 237.
- ⁷ В. А. Жуковский. Развалины старого Мерва. Стр. 163.
- ⁸ В. И. Пилявский. Сыровые сооружения древнего Мерва. Г. А. Пугаченкова. Пути..., стр. 175, 176.
- ⁹ С. Б. Лунина. Историческая топография западной части средневекового Мерва. Труды ЮТАКЭ, том 15. Ашхабад, 1974. Стр. 193—207.
- ¹⁰ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. Москва, 1962. Стр. 165, 166.
- ¹¹ Г. А. Пугаченкова. Пути..., рис. на стр. 139.
- ¹² В. А. Жуковский. Указ. соч., рис. 29.
- ¹³ Г. А. Пугаченкова. Пути..., стр. 177.
- ¹⁴ Г. А. Пугаченкова. Пути..., стр. 178.
- ¹⁵ Sergej G. Chmelnizkij. Peshtak und Michrab. S. 39—56, Abb. 3.
- ¹⁶ Его краткое описание см. Г. А. Пугаченкова. Пути..., стр. 178.
- ¹⁷ Литература о мавзолее Саманидов велика. Основные публикации: Л. И. Ремпель. Мавзолей Измаила Саманида. «Академия архитектуры» № 5, 1936. Б. П. Денике. Искусство Средней Азии. Москва, 1927. И. И. Умяков. Архитектурные памятники Средней Азии. Ташкент, 1927. В. А. Шишкин. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1939. Т. С. Страшкова. Формы и детали феодальной архитектуры Узбекистана. Труды САИИ, строительный

факультет, вып. 4. Ташкент, 1939. Б. В. Веймарн. Искусство Средней Азии. Москва—Ленинград, 1940. Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии. Москва, 1948. Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. Бухара. Москва, 1949. Они же. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент, 1958. В. Л. Воронина. К характеристике архитектуры Средней Азии эпохи Саманидов. Труды АН ТаджССР, том 27. Душанбе, 1954. Г. А. Пугаченкова. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах. Материалы по археологии и этнографии Узбекистана, том 2. Ташкент, 1950. Её же. Мавзолей Араб-ата. «Искусство зодчих Узбекистана», вып. 2. Ташкент, 1963. М. С. Булатов. Построение архитектурной формы мавзолея Саманидов. «Искусство зодчих Узбекистана», вып. I. Ташкент, 1962. Его же. Мавзолей Саманидов — жемчужина архитектуры Средней Азии. Ташкент, 1976 (большой фактический материал и наивная теоретическая часть).

- ¹⁸ Günkut Akin. Op. cit. M. Mamadnasarov. Op. cit.
- ¹⁹ Способ построения арок тропов, предложенный М. С. Булатовым («Мавзолей Саманидов — жемчужина архитектуры Средней Азии», рис. 35), не совсем верен.
- ²⁰ Oskar Reuther. Ocheidir. Taf. 9, 26. G. L. Bell. Palace and Mosque at Ukhaidir. Oxford, 1914, Pl. 20.
- ²¹ S. Chmelnizkij. Zwischen Kuschanen und Arabern, Abb. 27, 31.
- ²² Выемки между кирпичами, обработанные ганчем, имеют почти круглую форму.
- ²³ В более поздних колоннах «кузаги» срастается со стволем, но отделяется от базы узкой шейкой.
- ²⁴ Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии. Стр. 41.
- ²⁵ Л. И. Ремпель. Мавзолей Измаила Саманида. Стр. 31, 32. В. Л. Воронина. К характеристике архитектуры Средней Азии эпохи Саманидов. Стр. 45. М. С. Булатов. Указ. соч., стр. 74—77.
- ²⁶ Jens Kröger. Op. cit., Abb. 22, 29, 30, 50, 52, 53, 66, 77, 97. A. Grünwedel. Altbuddistische Kultstätten in Chinesisch Turkistan. Berlin, 1912. Fig. 357. Г. А. Пугаченкова. Элементы архитектуры на среднеазиатских терракотах. Стр. 16, 17.
- ²⁷ Jens Kröger. Op. cit., Abb. 31, 33, 42, 54, 76; Taf. 88(5), 91(3).
- ²⁸ Л. И. Ремпель. Архитектурный орнамент Узбекистана. Рис. 18, 39(3).
- ²⁹ Г. А. Пугаченкова. Мавзолей Араб-ата. Стр. 70—73.
- ³⁰ Об ошибке реконструкции см. S. Chmelnizkij. Op. cit., S. 184, 185.
- ³¹ М. С. Булатов. Указ. соч., стр. 72—77.
- ³² Der Königsweg. 9000 Jahre Kunst und Kultur in Jordanien und Palästina, Köln, 1987. S. 358, Abb. 369.
- ³³ С. Г. Хмельницкий. Равак. «Искусство таджикского народа», вып. 4. Душанбе, 1979. Стр. 54—61.
- ³⁴ S. Chmelnizkij. Zur Klassifikation der frühmittelalterlichen Burgen in Mittelasien. «Annali», Vol. 45. Fascicolo 1. Napoli, 1985. S. 25—47.
- ³⁵ Г. Пугаченкова. Пути..., стр. 154, 156, 160, 206, 207.
- ³⁶ Ernst Diez. Iranische Kunst. Wien, 1944. Abb. 37, S. 67, 68.
- ³⁷ М. С. Булатов. Указ. соч., стр. 91. Его же. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии 9—10 вв. Стр. 63—74.
- ³⁸ Б. А. Литвинский. Архитектурный комплекс Ходжа Нахшран. Труды АН ТаджССР, том 17. Душанбе, 1953.

- Стр. 133—135. Г. А. Пугаченкова. Ак-Астана-баба. СА 1960, № 3. Стр. 323—327. И. Ф. Бородин. Мавзолей Астана-баба. АН-20. Москва, 1973. Н. Негматов. С. Хмельницкий. Средневековый Шахристан. Стр. 138 (текст С. Хмельницкого). З. А. Хакимов. О малоизвестном памятнике монументальной архитектуры южного Узбекистана Ак-Астана-баба. «Вопросы теории и истории архитектуры Узбекистана». Ташкент, 1974. Его же. Памятники архитектуры в южном Узбекистане. «Художественная культура Средней Азии 9—13 вв.» Ташкент, 1983. Стр. 154—157. С. Г. Хмельницкий. Равак. Стр. 61, 62. З. А. Аршавская, Э. В. Ртвеладзе, З. А. Хакимов. Средневековые памятники Сурхандарьи. Стр. 77, 78.
- ³⁹ Частичное исключение — публикация З. А. Хакимова «Памятники архитектуры в южном Узбекистане», стр. 156.
- ⁴⁰ Г. А. Пугаченкова. Пути..., стр. 154, 155.
- ⁴¹ Искусство Средней Азии эпохи Авиценны. Душанбе, 1980. Рис. 58, 59.
- ⁴² З. А. Хакимов. Указ. соч., стр. 156.
- ⁴³ З. А. Хакимов, защищая версию «ниши», ссылается на ступенчатые ниши в Кырк-Кыз как на аналогию. Эта аналогия некорректна, так как ниши Кырк-Кыз — другой формы и имели криволинейные завершения. Утверждение З. А. Хакимова, что я недостаточно знаю объект, ошибочно (см. З. А. Хакимов. Указ. соч., стр. 156).
- ⁴⁴ С. Г. Хмельницкий. Два новых памятника таджикского зодчества 10—11 вв. Труды ТПИ, вопросы строительства и архитектуры. Вып. 8. Душанбе, 1972. Стр. 102—114. Его же. Метрические сетки в памятниках архитектуры Таджикистана. Труды ТПИ, вопросы строительства и архитектуры. Вып. 9. Душанбе, 1974. Стр. 102—112.
- ⁴⁵ S. Chmelnizkij. Zwischen Kuschanen und Arabern, Abb. 35.
- ⁴⁶ Bernard O'Kane. Timurid Architecture in Khurasan. 1987. Fig. 14. 3, 22. 6, 24. 3, 25. 1, 39. 1, 45. 1, 49. 1.
- ⁴⁷ Г. А. Пугаченкова. Пути..., рис. на стр. 154, 160, 209, 212.
- ⁴⁸ С. Хмельницкий. Два новых памятника..., стр. 109—113.
- ⁴⁹ S. Chmelnizkij. Op. cit., Abb. 17.
- ⁵⁰ А. М. Беленицкий. Мавзолей у селения Саят. МИА-15. Стр. 207—209. М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кабдиан). МИА-37. Стр. 269. С. Г. Хмельницкий. Архитектурный комплекс Ходжа Машад в селе Саёт. «Вопросы архитектуры и градостроительства». Доклады 23 научной конференции ЛИСИ. Ленинград, 1965. Его же. Конструкция и орнамент. «Художественный образ и декоративность в искусстве Азии и Африки». Москва, 1969. Его же. Медресе Ходжа Машад. «По следам древних культур Таджикистана». Душанбе, 1978. Н. Б. Немцева. Раскопки архитектурного комплекса Ходжа Машад в Саяте на юге Таджикистана. СА № 3, 1969. А. И. Маняхина. Археологические работы на мавзолее Ходжа Машад в 1979 г. АРТ-19. Душанбе, 1986.
- ⁵¹ S. Chmelnizkij. Das Mausoleum des Sultan Sandschar in Merw.
- ⁵² А. М. Прибыткова. Мавзолей Талхатан-баба. «Сообщения института теории и истории архитектуры Академии архитектуры СССР». Вып. 8. Москва, 1947. Стр. 24—34. Г. А. Пугаченкова. Пути..., стр. 248—256.
- ⁵³ Stephen K. Urice. Qasr Kharana in the Transjordan. Fig. 17—19, 113, 114.
- ⁵⁴ К. А. С. Creswell. Early muslim Architecture. B. 2, Fig. 32.
- ⁵⁵ Г. А. Пугаченкова. Пути..., рис. на стр. 239.
- ⁵⁶ Lucien Golvin. Essai sur l'architecture religieuse musulmane. Tome 3. 1974. Planche 11, Fig. 5.

- ⁵⁷ Derek Hill and Oleg Grabar. Islamic Architecture and Decoration. London, 1967. Fig. 597.
- ⁵⁸ В отличие от рельефных «куфических» узоров 11—12 вв. узор в Ходжа Машаде — выемчатый, так как поверхность его выступающих элементов совпадает с поверхностью задней стены ниши.
- ⁵⁹ Мне известны еще два случая применения тропов эллиптической и перспективно-ступенчатой формы в архитектуре 9—10 вв.: замок Акуйли-кошук и мавзолей Ходжа Рошнаи, о которых см. ниже.
- ⁶⁰ O. Grabar. The formation of Islamic Art. P. 209.
- ⁶¹ А. Н. Бернштам. Архитектурные памятники Киргизии. Стр. 130.
- ⁶² Г. А. Пугаченкова. Мавзолей Араб-ата. Стр. 80.
- ⁶³ Б. Н. Засыпкин. Памятники монументального искусства советского Востока. «Художественная культура советского Востока». Москва—Ленинград, 1931. Стр. 31—33.
- ⁶⁴ В. А. Нильсен. Монументальная архитектура Бухарского оазиса 11—12 вв.
- ⁶⁵ Sergej G. Chmelnizkij. Peshtak und Michrab.
- ⁶⁶ Г. А. Кошленко. Родина парфян. Москва, 1977. Рис. 27.
- ⁶⁷ В. А. Нильсен. Архитектура Средней Азии 5—8 вв. Стр. 102, 103, рис. 32.
- ⁶⁸ Е. Е. Неразик. Сельское жилище в Хорезме (1—14 вв.). Труды ХАЭЭ, том 9. Москва, 1976. Стр. 176.
- ⁶⁹ С. Хмельницкий, А. Мухтаров. Средневековое зодчество Кабадиана. «По следам древних культур Таджикистана». Душанбе, 1978. Стр. 57—66.
- ⁷⁰ Основные публикации: Н. И. Леонов. Мавзолей 10 в. в Заравшанской долине. СА № 4, 1960. Стр. 186—190. Berliner Zeitung, 21/2. 1960, Nr. 2. Г. А. Пугаченкова. Новый шедевр средневековой архитектуры Узбекистана. «Строительство и архитектура Узбекистана» 1961, № 2. Стр. 26—28. Её же. К открытию мавзолея Араб-ата в Тиме. «Общественные науки в Узбекистане». 1961, № 9. Стр. 33—39. Её же. Мазар Ата-ата в Тиме. СА № 4. 1961. Стр. 198 след. Её же. Мавзолей Араб-ата. «Искусство зодчих Узбекистана», вып. 2. Ташкент, 1963.
- ⁷¹ В. Л. Воронина. Искусство Средней Азии и Казахстана. Раздел «Истории искусства народов СССР», том 2. Москва, 1973. Стр. 39.
- ⁷² S. Chmelnizkij. Zwischen Kuschanen und Arabern. S. 108, Abb. 68, 69.
- ⁷³ Эти орнаментальные знаки представляют собой слегка трансформированный знак «ян-инь», священный символ конфуцианства, означающий единство и дуализм мирового порядка.
- ⁷⁴ Ugo Monneret de Villard. La necropoli musulmana di Aswan. Fig. 73, Tav. 10, 29.
- ⁷⁵ И. Ахраров, Л. Ремпель. Резной штук Афрасиаба. Рис. 101.
- ⁷⁶ Г. А. Пугаченкова. Пути..., стр. 281, 282, 284, 285. Памятники архитектуры Туркменистана. Стр. 86—97.
- ⁷⁷ Donald N. Wilber. The Architecture of Islamic Iran. The II Khanid Period. New York, 1969. Pl. 64, 130, 204.
- ⁷⁸ И. Ахраров, Л. Ремпель. Резной штук Афрасиаба. Рис. 101.
- ⁷⁹ S. Chmelnizkij. Das Mausoleum des Sultan Sandschar in Merw. S. 26—35, Abb. 1, 4.
- ⁸⁰ Roger Garaudy. Mosque, miroir de l'Islam. Paris, 1985. S. 382.
- ⁸¹ К. А. С. Creswell. A Short Account of Early Muslim Architecture. 1898. S. 328.

- ⁸² Утверждение Г. Пугаченковой («Мавзолей Араб-ата...», стр. 17), что в основании купола лежит 16-гранник, неверно.
- ⁸³ Г. А. Пугаченкова. Пути..., стр. 289.
- ⁸⁴ С. Хмельницкий, А. Мухтаров. Средневековое зодчество Кабадиана. Стр. 61—63.
- ⁸⁵ Г. А. Пугаченкова. Мавзолей Араб-ата, стр. 84, 85.
- ⁸⁶ С. Хмельницкий. Равак.
- ⁸⁷ Donald N. Wilber. Op. cit., Fig. 31, 46, 55.
- ⁸⁸ В. Л. Воронина («История искусств народов СССР», том 2, стр. 39) добавляет к этой дате месяц — «раби» — не указывая источник.
- ⁸⁹ Реконструкция опубликована в книге Л. Альбаума и Б. Брентеса *Herren der Steppe* (Berlin, 1986, S. 28). Здесь она воспроизводится с исправлением небольших ошибок. Остаётся некоторое сомнение в точности обмеров, возникающее при сравнении деталей реконструкции (например, пропорции верхних арочных ниш) с фотографиями.
- ⁹⁰ Г. А. Пугаченкова. Мавзолей Араб-ата, стр. 94, рис. 47.
- ⁹¹ М. С. Булатов. Указ. соч., стр. 74—77, рис. 14, 15.
- ⁹² А. Писарчик. Памятники Кермине. СИИТА, вып. 4. Москва, 1945. Стр. 23—35.
- ⁹³ В. А. Нильсен. Указ. соч., стр. 37—44.
- ⁹⁴ Ниши на осях квадратного помещения употреблялись в доисламской архитектуре Средней Азии. См. S. Chmel'nizkij. *Zwischen Kuschanen und Arabern*. S. 62, Abb. 35.
- ⁹⁵ G. L. Bell. *Palace and Mosque at Ukhaidir*. Oxford, 1914. Pl. 1.
- ⁹⁶ В. А. Нильсен. Указ. соч., стр. 39, рис. 10.
- ⁹⁷ Г. А. Пугаченкова. Указ. соч., стр. 101, 102.
- ⁹⁸ Эта реставрация и в других отношениях необоснованна. Так, тимпаны входной арки вместо резьбы по ганчу заполнены кирпичной кладкой, над входом устроено арочное окно с грубой решеткой странной формы, на боковых фасадах не восстановлена регулярная «парная» кладка, и т. д.
- ⁹⁹ Г. А. Пугаченкова. Указ. соч., стр. 103. В более поздней публикации («Средняя Азия. Памятники искусств Советского Союза», стр. 376) она датирует мавзолей «около 1020 г.», не обосновывая эту дату.
- ¹⁰⁰ Аль-Термези умер в 869 г.
- ¹⁰¹ Б. Засыпкин. Архитектурные памятники Средней Азии. Стр. 71.
- ¹⁰² Э. А. Аршавская, Э. В. Ртвеладзе, Э. А. Хакимов. Указ. соч., стр. 102.
- ¹⁰³ В 60-е годы мавзолей и весь комплекс были тщательно изучены и реставрированы архитектором В. Филимоновым. Эта большая научная работа не была, к сожалению, опубликована.
- ¹⁰⁴ Р. Р. Абдурасулов, Л. И. Ремпель. Неизвестные памятники архитектуры бассейна Кашкадарьи. «Искусство зодчих Узбекистана», вып. 1. Ташкент, 1962. Стр. 28—30. Л. Ю. Маньковская. Архитектурные памятники Кашкадарьи. Ташкент, 1979. Стр. 79.
- ¹⁰⁵ Средняя Азия. Памятники искусства Советского Союза. Стр. 412.
- ¹⁰⁶ Н. С. Гражданкина. Строительные материалы мавзолеев Миздахкана. «Архитектурное наследие Узбекистана». Ташкент, 1960. Стр. 42.
- ¹⁰⁷ В. Н. Ягодин и Т. К. Ходжаев. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970. Стр. 9.

- ¹⁰⁸ Л. Ю. Маньковская. Мемориальное зодчество Средней Азии. «Художественная культура Средней Азии». Ташкент, 1983. Стр. 35.
- ¹⁰⁹ М. И. Москалев. Исследования в Ат-Башинской долине. АО-1982. Москва, 1984. Стр. 509.
- ¹¹⁰ Б. А. Литвинский. Калаи Кафирниган (раскопки 1975 г.). АРТ-15. Душанбе, 1980. Стр. 131, рис. 6.
- ¹¹¹ МИТТ, стр. 204.

КАРАВАН-САРАИ

- ¹ Некоторые иранские караван-сарай 17—18 вв. имеют восьмиугольный план.
- ² Maxime Siroux. *Anciennes voies et monuments routiers de la region d'Ispahan. Le Caire*, 1971. Fig. 4—13.
- ³ Ю. Ф. Буряков. По древним караванным путям Ташкентского оазиса. Ташкент, 1978. Стр. 56, 57.
- ⁴ О. А. Смирнова. Очерки по истории Согда. Москва, 1970. Стр. 138, 139.
- ⁵ О. А. Смирнова. Указ. соч., там же.
- ⁶ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения, том I. Москва, 1963. Стр. 250.
- ⁷ В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 378.
- ⁸ А. Р. Мухамеджанов, Ш. Т. Адылов, Д. К. Мирзаахмедов, Г. Л. Семенов. Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. Ташкент, 1988. Стр. 116—147.
- ⁹ Г. А. Пугаченкова. Мавзолей Араб-ата. Стр. 30. В. А. Нильсен. Становление феодальной архитектуры Средней Азии, стр. 207.
- ¹⁰ В более поздних караван-сараях мечеть, как правило, устраивалась сбоку от входа, как было принято и в медресе.
- ¹¹ А. К. Писарчик. Народная архитектура Самарканда. Душанбе, 1975. Стр. 24, 25—«По словам мастеров, это наиболее старая и самая удобная для всех схема плана жилища». С. Г. Хмельницкий, Р. С. Мукимов. Особенности горного типа жилища верхнего Зеравшана. «По следам древних культур Таджикистана». Рис. 42, 44.
- ¹² А. А. Марущенко. Существенные поправки. «Туркменоведение» № 12. 1933.
- ¹³ С. А. Ершов. Археологические памятники левого берега Аму-Дарьи.
- ¹⁴ А. М. Прибыткова. Караван-сарай Дая-Хатын. АН-З. Москва, 1953. Стр. 92—106. Г. А. Пугаченкова. Пути..., стр. 230—241.
- ¹⁵ Ugo Monperet de Villard. Op. cit., Fig. 36, 80.
- ¹⁶ R. Ettinghausen and O. Grabar. Op. cit., S. 182, Fig. 163.
- ¹⁷ John D. Hoag. Op. cit., Fig. 223.
- ¹⁸ Г. А. Пугаченкова. Пути..., стр. 248—256.
- ¹⁹ С. Хмельницкий, А. Мухтаров. Средневековое зодчество Кабадиана. Стр. 75—79.
- ²⁰ Этот приём нашел неожиданный отклик в медресе Абдулла-хана в Бухаре (16 в.), где перекрытый куполом восьмигранный дворик тоже замыкает собой продольную ось и выступает из плоскости заднего фасада.
- ²¹ G. L. Bell. *Palace and Mosque Ukhaidir*. Fig. 4.
- ²² Мне известен еще один случай устройства разгрузочных сводчатых пустот под кровлей — в мечети Абдуллатифа (Кок-Гумбаз) 16 в. в городе Ура Тюме.
- ²³ Н. С. Гражданкина. Древние строительные материалы Туркмении. Труды ЮТАКЭ, том 8. Ашхабад, 1958. Стр. 130, 131.
- ²⁴ А. М. Прибыткова. Указ. соч., стр. 101.

- ²⁵ В. Л. Воронина. Некоторые данные о памятниках зодчества. Узбекистана. Стр. 118.
- ²⁶ Г. А. Пугаченкова. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры северного Афганистана. «Древняя Бактрия». Москва, 1976. Стр. 130, рис. 69, 70.
- ²⁷ Stephen K. Urice. Op. cit., Fig. 119, 120.
- ²⁸ Maxime Siroux. Op. cit., Fig. 10—12.
- ²⁹ Maxime Siroux. Op. cit., Fig. 17.
- ³⁰ Л. И. Ремпель. Архитектурный орнамент среднеазиатского междуречья 9—начала 13 вв. «Л. И. Ремпель. Искусство Среднего Востока». Москва, 1978. Стр. 139, 140.
- ³¹ Г. А. Пугаченкова. Пути..., стр. 358—366.
- ³² Использованный для анализа план взят из статьи А. Прибытковой «Караван-сарай Дая-Хатын», стр. 90, рис. 2.
- ³³ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Стр. 308, 378.
- ³⁴ Alexander Lehmann's Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842. St.-Pet., 1852.
- ³⁵ И. И. Умняков. Рабат-и Малик. «Бартольду его ученики и почитатели». Ташкент, 1927. Стр. 179—192. Б. Н. Засыпкин. Архитектурные памятники Средней Азии. Стр. 8—27. В. А. Нильсен. Монуменальная архитектура Бухарского оазиса 11—12 вв. Стр. 44—55.
- ³⁶ SPA, PL. 271, 272. John D. Hoag. Op. cit., S. 102.
- ³⁷ А. А. Семенов. К вопросу о датировке Рабат-и Малика в Бухаре. Труды САГУ (история). Ташкент, 1951.
- ³⁸ Н. Б. Немцева. Рабат-и Малик. «Художественная культура Средней Азии 9—13 вв.». Стр. 112—142. А. А. Асанов. Предварительная реконструкция сооружения. Там же, стр. 142—146. М. С. Булатов. Анализ пропорций плана караван-сарая. Там же, стр. 146—148.
- ³⁹ S. Chmel'nizkij. Op. cit., Abb. 37, 38, 40, 54, 55, 56, 57, 86.
- ⁴⁰ В. Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии. АН-З. Москва, 1953. Стр. 15. В. Пилиевский. Гофрированные постройки Средней Азии. «Архитектура СССР» № 5, 1941 г.
- ⁴¹ Леон Батиста Альберти. Десять книг о зодчестве. Том I. Москва, 1935. Стр. 121.
- ⁴² И. И. Умняков. Указ. соч., стр. 188.
- ⁴³ В. А. Нильсен. Указ. соч., рис. 18, 42.
- ⁴⁴ Б. Н. Засыпкин (указ. соч., стр. 15) считает этот фрагмент, высотой 48 см, остатком карниза.
- ⁴⁵ И. И. Умняков. Указ. соч., стр. 183.
- ⁴⁶ Таковы мавзолей Айша-биби в селе Головачевка и разрушенный в 1920 г. мавзолей Карахана в Аулие-ата (южный Казахстан).
- ⁴⁷ Б. Н. Засыпкин. Указ. соч., стр. 16.
- ⁴⁸ Всеобщая история архитектуры, том 6. Москва, 1968. Стр. 243.
- ⁴⁹ Г. А. Пугаченкова. Новые материалы к истории архитектуры Туркменистана. Труды ЮТАКЭ, том 8. Ашхабад, 1958. Стр. 290—294, рис. 11.
- ⁵⁰ Г. А. Пугаченкова. Пути..., стр. 165.
- ⁵¹ Maxime Siroux. Op. cit., Fig. 14.
- ⁵² Г. А. Пугаченкова. Пути..., стр. 229.
- ⁵³ David Oates. Excavations at Tell Brak 1985—86. Iraq. Vol. XLIX 1987. S. 186, Fig. 7.
- ⁵⁴ Н. Б. Немцева неверно называет этот дворик квадратным.
- ⁵⁵ Oleg Grabar. The Formation of Islamic Art. Fig. 62. G. L. Bell. Op. cit., Pl. 1.
- ⁵⁶ А. А. Асанов и М. С. Булатов. Указ. соч., стр. 142—148.
- ⁵⁷ Местная антропометрическая единица измерения — «гяз» — была в употреблении в Средней Азии многие

- века. Гяз именно этого размера употреблён, например, в мавзолее Ходжа Сарбоз 11 в. и Шейх Муслихеддин 15—16 вв. См. С. Хмельницкий. Метрическая сетка в памятниках зодчества Таджикистана. Рис. 1, 4. Этот же размер гяз применялся в постройках 14—15 вв. — мечети Биби-Ханым и мавзолее Ишрат-хана в Самарканде, мечети в Анау. См. Г. А. Пугаченкова. Архитектурные заметки. «Искусство зодчих Узбекистана», вып. 1. Ташкент, 1962. Стр. 193.
- ⁵⁸ Н. Б. Немцева. Рабат-и Малик. Стр. 121.
- ⁵⁹ А. Н. Бернштам. Здание Чалдывар на реке Манакельды. МИА-26. Москва—Ленинград, 1952. Стр. 107—114.
- ⁶⁰ Так по плану. В тексте (стр. 112) указана иная ширина — 1,5 м.
- ⁶¹ M. Siroux. Op. cit., Fig. 5, 10, 13, 14.
- ⁶² Известен еще лишь один пример использования спаренных полукофров для оформления фасада: пилоны южного портала мечети Магоки Аттори в Бухаре (12 в.). Их верхние части не сохранились, и попытка восстановить их первоначальный общий вид пока не имела успеха.
- ⁶³ В. Л. Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии. Стр. 15.
- ⁶⁴ Г. А. Пугаченкова. Пути..., стр. 153—160.
- ⁶⁵ В. А. Лоховиц. Раскопки караван-сарая на пути из Хорезма в Бухару. АО-1974. Москва, 1975. Стр. 503, 504.
- ⁶⁶ М. Мамбетуллаев, Н. Юсупов, Б. Сайпанов, М. Кадырниязов, К. Ходжаниязов. Исследования в Хорезмской области. АО-1978. Москва, 1979. Стр. 557.
- ⁶⁷ Г. А. Пугаченкова. Пути..., стр. 164.
- ⁶⁸ Г. А. Пугаченкова. Пути..., стр. 166.
- ⁶⁹ Средневековый город..., стр. 169, рис. 70 (8).
- ⁷⁰ Г. А. Пугаченкова. Пути..., стр. 162—165.
- ⁷¹ Ulya Vogt-Göklün. Op. cit., S. 19, 20.
- ⁷² И в более поздних «классических» медресе аудиториями традиционно служили айваны, обращенные открытой стороной во двор.
- ⁷³ Н. Б. Немцева. Караванными дорогами Голодной степи. «Вехи времен». Ташкент, 1989. Стр. 40—45.
- ⁷⁴ Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей или четыре беседы. Москва, 1963. Стр. 61—64.
- ⁷⁵ A. Godard. L'origine de la madrasa, de la mosquee et du caravanseil a quatre iwans. «Ars islamica», 1951. Vol. XV—XVI. S. I. A. Godard. Khorasan. AI, t. 4, fasc. 1, s. 88.
- ⁷⁶ Г. А. Пугаченкова. Пути..., стр. 341.

МЕДРЕСЕ

- ¹ До того, как Низам аль-Мульк учредил в Багдаде медресе Низамийе, возглавивший это медресе учёный юрист Ширази преподавал в мечети, а его студенты жили в «хане» напротив неё.
- ² Dietrich Brandenburg. Die Madrasa. Graz, 1978. S. 4.
- ³ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Ленинград, 1927. Стр. 53—55. Его же. Улугбек и его время. Сочинения В. В. Бартольда, том 2, часть 2. Москва, 1964. Стр. 30, 31. Его же. Der iranische Buddhismus und sein Verhältnis zum Islam. «Oriental studies in honour of C. E. Pavry». London, 1933, pp. 29—31.
- ⁴ E. Herzfeld. Damaskus. Studies in Architecture. Ars Islamica, Vol. 10. Ann Arbor, 1943, pp. 13—30.
- ⁵ Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. Аджина-тепа. Москва, 1971. Стр. 52.
- ⁶ Dietrich Brandenburg. Op. cit., S. 4.

- ⁷ R.N. Frye. Bukhara. The medieval achievement. University of Oklahoma Press, 1965. P. 131.
- ⁸ Т.Ф. Панкратова. Истоки среднеазиатских медресе. «Вехи времени». Ташкент, 1989. Стр. 92—97.
- ⁹ С.П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. Москва, 1962. Стр. 109—117.
- ¹⁰ G. Hermann. Die Wiedergeburt Persiens. München, 1975. S. 47, 50—52.
- ¹¹ В.В. Бартольд. Сочинения, том 5. Москва, 1968. Стр. 60.
- ¹² МИТТ, стр. 194.
- ¹³ Michael J. Casimir and Bernt Glatzer. Šah-i Mašhad, a Recently Discovered Madrasah of the Ghurid Period in Gargistan (Afghanistan). EaW Nr 1, 2, 1971. S. 53—68.
- ¹⁴ Г.А. Пугаченкова. Пути..., стр. 342.
- ¹⁵ С.К. Кабанов, М.И. Филанович, М.Х. Урманова. Раскопки части жилого массива 9—11 вв. «Афрасиаб», вып. 3. Ташкент, 1974. Стр. 65.
- ¹⁶ В.А. Нильсен. Варахская цитадель. «Археологические исследования на городище Варахша и в Бухарском оазисе в 1947—1953 гг. «Труды института истории и археологии АН УзССР, вып. 8. Ташкент, 1956. Стр. 43—93. В.А. Шишкин. Варахша. Москва, 1963. Стр. 85—96. Г.А. Пугаченкова. Мавзолей Араб-ата. Стр. 50, 51.
- ¹⁷ В.А. Нильсен. Указ. соч., стр. 91. Сомнения автора в том, что восточный айван был перекрыт сводом (указ. соч., стр. 66), напрасно: стены толщиной 1 м при ширине пространства 4 м и с учётом примыкающих помещений достаточно для сводчатого перекрытия.
- ¹⁸ В.А. Нильсен. Указ. соч., стр. 91, 92.
- ¹⁹ В.А. Шишкин. Указ. соч., стр. 90, 91.
- ²⁰ Г.А. Пугаченкова. Указ. соч., стр. 50, 51.
- ²¹ Daniel Schlumberger. Lashkari Basar. Paris, 1978.
- ²² Г.А. Пугаченкова. Пути..., стр. 203—206.
- ²³ John D. Hoag. Op. cit., Abb. 161.
- ²⁴ Наршахи. История Бухары. Стр. 63.
- ²⁵ В.В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Стр. 382.

ГРАЖДАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА

Дворцы, замки, городские усадьбы

- ¹ Л.Ю. Маньковская. Типологические основы зодчества Средней Азии (9—начало 20 вв.) Ташкент, 1980. Стр. 159.
- ² С.Г. Хмельницкий. Равак. Стр. 56, 57.
- ³ В.И. Сариниди. Древние земледельцы Афганистана. Москва, 1977. Рис. 15, 59, 60. Предположение Г. Пугаченковой, что Дашлы-3 был храмом, кажется мне необоснованным. См. Г.А. Пугаченкова. К типологии монументального зодчества древних стран среднеазиатского региона. Iranica antiqua. Vol. 7, 1982. S. 23.
- ⁴ С.П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. Стр. 109—117. Б.Я. Ставиский. Искусство Средней Азии. Древний период. Стр. 14—18.
- ⁵ Г.А. Пугаченкова. Халчаян. Ташкент, 1960.
- ⁶ E. Nerasik, I. Rapoport. Die Festung Toprak-Kala in Choresmien. «Das Altertum» Nr 2, 1978. S. 81.
- ⁷ S. Chmel'nikij. Op. cit., Abb. 78—80, 82, 85, 87.
- ⁸ И. Ахраров, Л. Ремпель. Резной штук Афрасиаба. Стр. 155, прим. 119.
- ⁹ В.В. Бартольд. Сочинения, том 1. Стр. 150.
- ¹⁰ Л.И. Альбаум. Балалык-тепе. Ташкент, 1960. Рис. 26. S. Chmel'nikij. Op. cit., S. 82, 83, Abb. 49.
- ¹¹ Г.И. Пацевич. Акыр-Таш. Вестник АН Казахской ССР, № 4 (40). Алма-Ата, 1949. Стр. 83—85. Т.К. Басенов. О сооружении Тас-Акыр. Известия АН КазССР, № 80. Алма-Ата, 1950. В.А. Лавров. Градостроительная культура Средней Азии. Москва, 1950.
- ¹² E.—L. Schwandner. Der ältere Porostempel der Aphaia auf Aegina. Berlin, 1985. Abb. 6, 7, 8.
- ¹³ Burchard Brentjes. Akyr-Tasch, eine umayyadische (?) Residenz in Kirgisien. «Archeologia Iranica et orientalis», Nr. 2. Gent, 1989. S. 149—162.
- ¹⁴ K. A. C. Creswell. Op. cit., S. 149—162.
- ¹⁵ John D. Hoag. Op. cit., S. 25, Abb. 32.
- ¹⁶ См. отчёты Э. Гулямовой в АРТ, вып. 6 (1958), 7 (1959), 9 (1961), 18 (1978), 19 (1979). Её же. Резной штук Хульбука. «Материальная культура Таджикистана», вып. 3. Душанбе, 1978, стр. 186—202.
- ¹⁷ Бокалы были украшены лепными стеклянными орнаментами и имели не плоское основание, а острей, втыкавшееся в ковёр, на котором сидели пирующие.
- ¹⁸ G. Karus. A travers le royaume de Tamerlan (Asie Centrale). Paris, 1892. S. 169.
- ¹⁹ Р. Ю. Рожевиц. Поездка в южную и среднюю Бухару в 1906 г. ИИРГО, том 14, СПб, стр. 646.
- ²⁰ А. Г. Ананьев. Шерабадская долина. СПб, 1914. Стр. 13.
- ²¹ J. Castagne. Les ruines de Termez. «Revue des arts asiatiques», 1925, pp. 56, 57.
- ²² В. Згура. Развалины дворца около Термеца. «Культура востока». Москва, 1927. Стр. 19—26.
- ²³ Б. Н. Засыпкин. Архитектурные памятники Средней Азии. «Вопросы реставрации». Москва, 1928. Стр. 28 след.
- ²⁴ Б. В. Веймарн. Искусство Средней Азии. Москва—Ленинград, 1940. Стр. 22 след.
- ²⁵ Г. А. Пугаченкова. Мавзолей Араб-ата. Стр. 33.
- ²⁶ А. М. Прибыткова. Здание Кырк-Кыз как образец строительной техники 9 в. АН-13. Москва, 1973. Стр. 66.
- ²⁷ История искусства народов СССР, том 2. Стр. 66.
- ²⁸ З. А. Хакимов. Памятники архитектуры в южном Узбекистане. Стр. 149—154.
- ²⁹ S. Chmel'nikij. Peshtak und Michrab. Taf. 20.
- ³⁰ S. Chmel'nikij. Das Mausoleum des Sultan Sandschar in Merw. S. 29, Abb. 10.
- ³¹ Г. А. Пугаченкова. Термез, Шахриябз, Хива. Москва, 1976. Стр. 40, рис. 22.
- ³² S. Chmel'nikij. Zwischen Kuschanen und Arabern. S. 97, Abb. 53.
- ³³ S. Chmel'nikij. Op. cit., S. 117, Abb. 75.
- ³⁴ Г. Пугаченкова («Мавзолей Араб-ата», стр. 38) описывает эту декоративную форму как перемишку реальных проёмов, что неверно. Неправильно также её изображение на рис. 23.
- ³⁵ В. Згура (указ. соч., стр. 24) упоминает о следах раскраски стен, которые он видел в помещении с конхами (12) и в коридорах. Сейчас этих следов нет.
- ³⁶ K. A. C. Creswell. A Short Account of Early Muslim Architecture. S. 277, Fig. 172.
- ³⁷ K. A. C. Creswell. Op. cit., S. 340, Fig. 219.
- ³⁸ John D. Hoag. Op. cit., S. 25.
- ³⁹ D. Schlumberger. Op. cit., p. 31.
- ⁴⁰ Stephen K. Urice. Op. cit.
- ⁴¹ Stephen K. Urice. Op. cit., Fig. 23, 25, 26, 33, 81—85, 120, 134, 138.
- ⁴² Oskar Reuther. Ocheidir. Taf. 10, 12.

- ⁴³ Oskar Reuther. Op. cit., Taf. 14.
- ⁴⁴ История искусств народов СССР, том 2. Стр. 66.
- ⁴⁵ Manfred Klinkott. Islamische Baukunst in afghanisch-Sistan. Berlin, 1982.
- ⁴⁶ Manfred Klinkott. Op. cit., Abb. 78, 83, 84, 88, 105, 108, 115.
- ⁴⁷ Manfred Klinkott. Op. cit., Abb. 71, 98. D. Schlumberger. Op. cit., Pl. 10, 11.
- ⁴⁸ D. Schlumberger. Op. cit., Pl. 37a.
- ⁴⁹ З.А. Хакимов. Указ. соч., стр. 153.
- ⁵⁰ И. Ахраров, Л. Ремпель. Резной штук Афрасиаба. Стр. 30.
- ⁵¹ И. Ахраров, Л. Ремпель. Указ. соч., стр. 149, примечания 18, 19.
- ⁵² И. Ахраров, Л. Ремпель. Указ. соч., стр. 30, 31, 40—43.
- ⁵³ И. Ахраров, Л. Ремпель. Указ. соч., стр. 48.
- ⁵⁴ K. A. C. Creswell. Op. cit., Fig. 96.
- ⁵⁵ K. A. C. Creswell. Op. cit., Fig. 106.
- ⁵⁶ S. Chmel'nikij. Peshtak und Michrab. Zwischen Kuschanen und Arabern, S. 60, Abb. 34, 43, 78, 79.
- ⁵⁷ G. A. Pugatschenkowa. Termes, Schahr-i Sabz, Chiva. Berlin, 1981. S. 18.
- ⁵⁸ S. Chmel'nikij. Zwischen Kuschanen und Arabern. S. 67, 68. S. Chmel'nikij. Zur Klassifikation der frühmittelalterlichen Burgen in Mittelasien. Annali. Istituto universario oriente. Vol. 45. Napoli, 1985. S. 25—47.
- ⁵⁹ Г.А. Пугаченкова. Пути..., стр. 149—161.
- ⁶⁰ В.И. Пилявский. Сырцовые сооружения древнего Мерва. Стр. 61, рис. 14.
- ⁶¹ Я воспроизвожу (с небольшими коррективами) реконструкцию фасада замка, предложенную Г. Пугаченковой, но думаю, что высота верхнего этажа на реконструкции слишком велика.
- ⁶² Lucien Golvin. Essai sur l'architecture religieuse musulmane. Tome 3. 1974. Fig. 40.
- ⁶³ Так в надписи под чертежом (Г.А. Пугаченкова, Пути..., стр. 150). В соседнем кратком описании расположение замка определяется иначе: «... в юго-западной части городища Султан-кала».
- ⁶⁴ Г.А. Пугаченкова. Пути..., стр. 160.
- ⁶⁵ Так на рисунке. В тексте — 6,60 × 7,50 м. См. Г.А. Пугаченкова. Пути..., стр. 160.
- ⁶⁶ В.И. Пилявский. Указ. соч., стр. 36, рис. 16, 17. Его же. Архитектура древнего Мерва. Научные труды ЛИСИ, вып. 10. Ленинград, 1950. Стр. 101. Г.А. Пугаченкова. Пути..., стр. 157—160.
- ⁶⁷ Г.В. Шишкина. Замок Бад-асия в окрестностях Пайкенда. История материальной культуры Узбекистана, вып. 4. Ташкент, 1963. Стр. 87—108. В.А. Нильсен. Становление феодальной архитектуры Средней Азии. Стр. 330, 331.
- ⁶⁸ С. Хмельницкий. Реконструкция перекрытия типа «рузан». Стр. 42—60.
- ⁶⁹ В.Л. Воронина. К вопросу о древней метрологии Средней Азии. КСИИМК, вып. 39. Москва, 1951. Стр. 63—68.
- ⁷⁰ S. Chmel'nikij. Zwischen Kuschanen und Arabern. Abb. 44, 46.
- ⁷¹ В.А. Нильсен. Указ. соч., стр. 330, 331.
- ⁷² Г.А. Пугаченкова. Пути..., рис. на стр. 206, 207—209.
- ⁷³ В.А. Нильсен. Указ. соч., стр. 329, 330.
- ⁷⁴ Б.Н. Засыпкин. Памятники архитектуры Термезского района. «Культура Востока», вып. 2. Москва, 1928. Стр. 18, 19.
- ⁷⁵ В.А. Шишкин. «Курган» и мечеть Чор-Сутун в развалинах старого Термеца. ТАКЭ, том 2. Стр. 98—131.
- ⁷⁶ Г. Пугаченкова. Мавзолей Араб-ата. Стр. 32, 33. В.А. Нильсен. Указ. соч., стр. 86, 87.
- ⁷⁷ Г.А. Пугаченкова. Термез, Шахриябз, Хива. Стр. 18—20.
- ⁷⁸ Н.Н. Негматов, С.Г. Хмельницкий. Средневековый Шахристан. Стр. 106, 105.
- ⁷⁹ И.И. Крашенинникова. Завершение работ на Гиссарском водохранилище. АО-1980. Москва, 1981. Стр. 451.
- ⁸⁰ Средневековый город..., стр. 263, 264.
- ⁸¹ Средневековый город..., рис. 94 на стр. 237.
- ⁸² Средневековый город..., стр. 237.
- ⁸³ Средневековый город..., стр. 254.
- ⁸⁴ Г.А. Пугаченкова. Пути..., рис. на стр. 159.
- ⁸⁵ Не путать с селением Сайод, где находится медресе Ходжа Машад.
- ⁸⁶ Публикации Э. Гулямовой в АРТ-15 (стр. 182—189), АРТ-16 (стр. 157—170), АРТ-17 (стр. 169—176), АРТ-18 (стр. 194—200), АРТ-19 (стр. 274—277), АРТ-20 (стр. 202—210). Её же. Хутталские дома 10—11 вв. «Абуали ибн Сино и его эпоха». Душанбе, 1980. Стр. 105—113.
- ⁸⁷ Украшая поверхности колонн иллюзорными «блоками», мастера имитировали не каменную кладку квадратами, а кирпичную кладку «парами» с выделением одних только вертикальных швов.
- ⁸⁸ Единственное исключение, как будто — мечеть в городе Саганиан (см. стр. 35).
- ⁸⁹ Ширина комнаты — 4,14 м — позволяла перекрыть её без промежуточных опор.
- ⁹⁰ С. Хмельницкий. Реконструкция перекрытия типа «рузан» центрального коридора замка. В книге Н. Негматова, У. Пулатова и С. Хмельницкого «Уртакуртан и Тирмизактепа». Душанбе, 1973. Стр. 42—60.
- ⁹¹ Sergej Chmel'nikij. Methods of constructing geometric ornamental Systems in the Cupola at the Alhambra. «Muqarnas», Vol. 6, S. 43—49, Abb. 1, 2, 4.
- ⁹² Alexandre Papadopoulos. Islamische Kunst. 1982. S. 416, Abb. 18—20, 57.
- ⁹³ Rafael Castejon. Medina Azahara. Leon, 1977. Fig. 18—20, 57.
- ⁹⁴ П.Н. Кожемяко. Раскопки жилищ горожан 10—12 вв. на Краснореченском городище. «Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана». Фрунзе, 1967, стр. 53—90.
- ⁹⁵ М.С. Булатов. Искусные геометрические приёмы в зодчестве Самарканда конца 14—начала 15 вв. «Искусство зодчих Узбекистана», вып. 4. Ташкент, 1969. Стр. 65, 69, 76.
- ⁹⁶ Г.А. Пугаченкова. Архитектурные заметки. «Искусство зодчих Узбекистана», вып. 1. Ташкент, 1962. Стр. 193.
- ⁹⁷ Э. Гулямова. Раскопки городища Сайёд. АО-1978. Москва, 1979. Стр. 576, 577.
- ⁹⁸ АРТ-1978. Душанбе, 1984. Стр. 197.
- ⁹⁹ Н.Н. Негматов, С.Г. Хмельницкий. Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966. Стр. 106—115.
- ¹⁰⁰ П.Н. Кожемяко. К вопросу о топографии средневековых поселений Чуйской долины. Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. Москва—Ленинград, 1959. Стр. 53—62.
- ¹⁰¹ Традиция ставить юрты во дворах дворцов сохранялась у среднеазиатских правителей, недавних кочевников, до 19 в. Так ханы последней хивинской династии ставили юрты (тоже на кирпичных цоколях) во дворах дворца Таш-хаули. См. Г.А. Пугаченкова. Термез, Шахриябз, Хива. Рис. 118, 119.
- ¹⁰² В.Д. Горячева, О. Берналиев. Раскопки Краснореченского городища. АО—1978. Москва, 1979. Стр. 590, 591. Авторы без доказательств датируют описанный дом 11 в.

К.М. Байпаков. Средневековая городская культура южно-го Казахстана и Семиречья (6— начало 13 вв.). Алма-Ата, 1986. Стр. 154.
К.М. Байпаков. Указ. соч., стр. 155—198.
Ю.Ф. Буряков и др. Работа Шапилакской экспедиции. АО—1978. Москва, 1979. Стр. 545. Ю.Ф. Буряков, Г.И. Богомолов. Работы в Ташкентской области. АО-1981. Москва, 1983. Стр. 451.

Жилые дома

- М.А. Бубнова. Средневековое поселение Ак-Тобе I у села Орловка. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе.
Я.Г. Гулямов, Ю.Ф. Буряков. Об археологических исследованиях на городище Афрасиаб в 1967—68 гг. «Афрасиаб», вып. 1. Ташкент, 1969. Стр. 272.
С.К. Кабанов. Раскопки жилого квартала 10 в. в западной части городища Варахша. ТИИИА АН УзССР. Вып. 8. Ташкент, 1956. Стр. 95—125. В.А. Шишкин. Варахша. Москва, 1963. Стр. 98—106.
С.К. Кабанов. Указ. соч., стр. 123.
Место левого проёма не было установлено из-за плохой сохранности стены.
С.К. Кабанов. Указ. соч., стр. 99. В.А. Шишкин. Указ. соч., стр. 100.
Б. Ставиский. Раскопки квартала жилищ знати Пенджикентского городища. МИА-124. Москва—Ленинград, 1964. Стр. 125, 139, 148, 162.
С. Хмельницкий. Пештак и михраб. Известия АН ТаджССР, общественные науки, № 2 (22). Душанбе, 1968. Стр. 35, 36.
S. Chmel'nizkij. Zwischen Kuschanen und Arabern. Abb. 40, 43, 44.
Единственный известный мне прототип этого приёма — усадьба «а» близ Аяз-калы в Хорезме (7—8 вв.). См. Е.Е. Неразник. Сельское жилище в Хорезме (1—14 вв.). Москва, 1976. Стр. 61, рис. 31.
А.Р. Мухамеджанов и др. Городище Пайкенд. Стр. 70—76.
Было бы логичным предположить, что в комнате 2 суфы располагались вдоль западной, северной и восточной стен, а в комнате 3—вдоль северной и западной стен, упираясь в стенки при входах.
Л.А. Зимин. Отчёт о весенних раскопках в развалинах Старого Пайкенда. ПТКЛА, год 19, вып. 2. Ташкент, 1915. Стр. 63—88. Его же. Отчет о летних раскопках в развалинах Старого Пайкенда: Там же, стр. 89—131.
А.Р. Мухамеджанов и др. Указ. соч., стр. 76.
М.Д. Джуракулов, Я.К. Крикис. Раскопки здания 9—10 вв. на городище Афрасиаб. «Афрасиаб», вып. 1. Ташкент, 1969. Стр. 312—316. В публикации не представлен план здания; предлагаемый здесь план составлен по описанию в статье и, может быть, не вполне верен.
Устройство в глубине здания, во всю его ширину длинного хозяйственного помещения — традиция в жилой архитектуре Средней Азии, прослеживаемая по крайней мере с эпохи кушан. Её этапами могут служить дом в Хатын-Рабате 1—2 вв. н.э. (Г.А. Пугаченкова. Новые данные о художественной культуре Бактрии. «Из истории античной культуры Узбекистана». Ташкент, 1973, стр. 96) и здание Тирмизак-тепа в Шахристане 7—8 вв. (Н.Н. Негматов, У.П. Пулатов, С.Г. Хмельницкий. Указ. соч., стр. 108).
В.Л. Вяткин. Городище Афрасиаб. Ташкент, 1927. Стр. 17.

- В.В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения, том 1. Стр. 142.
Я.Г. Гулямов, Ю.Ф. Буряков. Указ. соч., стр. 272.
Г.В. Шишкина. Городской квартал 8—9 вв. на северо-западе Афрасиаба. «Афрасиаб», вып. 2. Ташкент, 1973. Стр. 117—156.
Г.В. Шишкина. Указ. соч., стр. 140.
Г.В. Шишкина. Указ. соч., стр. 131.
С.К. Кабанов, М.И. Филанович, М.Х. Урманова. Раскопки части жилого массива 9—11 вв. «Афрасиаб», вып. 3. Ташкент, 1974. Стр. 63—83.
И. Ахраров, Л. Ремпель. Резной штук Афрасиаба.
О.Г. Большаков. Рецензия на книгу И. Ахрарова и Л. Ремпеля «Резной штук Афрасиаба». СА № 2, 1974. Стр. 311—313.
И. Ахраров, Л. Ремпель. Указ. соч., рис. 4 на стр. 18.
С. Хмельницкий. Реконструкция перекрытия типа «рузан» центрального коридора замка. Стр. 42—60.
Г.А. Пугаченкова. Искусство Туркменистана. Москва, 1967. Стр. 40, табл. 3.
В.Л. Воронина. Отчет о работах, 1972 г. в Ура-Тюбе. АРТ-12. Душанбе, 1976. Стр. 134, рис. 1.
Публикации дома Чиль Духтарон как архитектурного объекта не было. Он упомянут в археологических отчетах как объект раскопок: Н. Негматов и Е.Д. Салтовская. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1960 г. АРТ-1960. Душанбе, 1962. Стр. 83—85. Н.Н. Негматов. О работе Северо-Таджикистанского отряда в 1961 г. АРТ-9. Душанбе, 1964. Стр. 34—44.
S. Chmel'nizkij. Op. cit., S. 68.
Г.А. Пугаченкова. Пути..., стр. 206—212.
Antonio Almegro Gorbea. Tres monumentos islamicos restaurados por España en el mundo arabe. Madrid, 1981. Fig. 10—15.
М.С. Булатов. Геометрическая гармонизация..., стр. 78, 81.
Sergej Chmel'nizkij. The Mausoleum of Muhammad Bosharo. «Mugarnas», Vol. 7. Leiden, 1990. S. 23—34.
Н.П. Столярова. Раскопки дома со штукатурным декором в рабаде Мерва. Труды ЮТАКЭ, том 15. Ашхабад, 1974. Стр. 236—246.
Н. Столярова ошибочно называет оконницы «панджара». Между тем панджара — керамические, гипсовые или деревянные оконные решетки, которые никогда не были остеклены.
Н.Н. Негматов, У.П. Пулатов, С.Г. Хмельницкий. Указ. соч., рис. 26, 32, 34, 37. В.Л. Воронина. Архитектурный орнамент древнего Пянджикента. «Скульптура и живопись древнего Пянджикента». Москва, 1959. Рис. 15, 18, 25д, 266. Стр. 116, 118, 126, 127.
Oleg Grabar. Die Alhambra. Köln, 1981. Inge und Arved von der Ropp. Andalusien. Köln, 1985.
Museum für islamische Kunst. Berlin. S. Chmel'nizkij. Methods of constructing geometric ornamental Systems in the Cupola of the Alhambra. S. 42—50.
Г.А. Пугаченкова. Иштиханские древности. СА № 1, 1983. Стр. 259—270.
Б.Д. Кочнев. Исследования средневекового Несефа. АО-1974. Москва, 1975. Стр. 501.
С.Б. Лукин. Раскопки на городище Алтын-тепе. АО-1974. Москва, 1975. Стр. 505. С.Б. Лукин, Н.П. Столярова. Алтынтепинский отряд Кашкадарьинской экспедиции. АО-1975. Москва, 1976. Стр. 530, 531. С.Б. Лукин,

- Н.П. Столярова. Раскопки в долине Кашкадарьи. АО-1976. Москва, 1977. Стр. 532, 533.
Е. Атагарриев, В.Н. Пилипко, Н. Бяшимова. Раскопки на городище Мисриан (Дахистан). АО-1974. Москва, 1975. Стр. 517.
Кирпич со стороной 21—23 см продолжал употребляться в 11—12 вв. главным образом в южном Туркменистане, — таковы Пештак в Абиверде, мечети в Дахистане, мавзолеи Серахс-баба и Абу-Саида.
К.А. Абдуллаев, Ю.Ф. Буряков, Э.Ю. Бурякова. Раскопки городища Канка в Ташкентской области. АО-1976. Москва, 1977. Стр. 521, 522. Ю.Ф. Буряков. Работы в Ташкентской области. АО-1981. Москва, 1983. Стр. 451, 452.
Ю.Ф. Буряков, О.М. Ростовцев. Работы в Ташкентской области. АО-1971. Москва, 1972. Стр. 523, 524.
В.Д. Горячева. Работы Буранинского отряда. АО-1984. Москва, 1986. Стр. 488.
М.А. Бубнова. Средневековое поселение Ак-Тобе у села Орловки. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963.
С.Г. Хмельницкий, Р.С. Мукимов. Особенности горного типа жилища верхнего Зеравшана. Рис. 40, 42, 43, 44.
К.П. Байпаков. Указ. соч., стр. 25, 26.
S. Chmel'nizkij. Zwischen Kuschanen und Arabern. S. 97, Abb. 59.
В тексте публикации (К.П. Байпаков, указ. соч., стр. 149) говорится о четырёх столбах, но на плане показаны два.
К.П. Байпаков. Указ. соч., стр. 50, рис. 7.
К.П. Байпаков. Указ. соч., рис. 83.
С.П. Толстов. Древний Хорезм. Москва, 1948. Рис. 93.
М.А. Бубнова. Сельская усадьба 10—11 вв. в Вахане. АРТ-18. Душанбе, 1984. Стр. 206—220.
М.А. Бубнова. Исследования на восточном Памире. АО-1984. Москва, 1986. Стр. 478.
Г.А. Пугаченкова. Пути..., стр. 161.
Х. Юсупов, А. Губаев. Средневековые пещерные поселения в окрестностях Тахта-Базара. «Памятники Туркменистана» № 1 (9). 1970. Стр. 14.
Ю. Якубов. О работах Нурекского отряда в 1972 г. на пещерных средневековых памятниках. АРТ-12. Душанбе, 1976. Стр. 171—182.
Н.Н. Ершов. Результаты обследования пещер в окрестностях Куляба. Доклады АН ТаджССР, вып. 1. Сталинабад, 1951. Стр. 48, 49. Э. Гулямова. Раскопки у селения Саят (Пархарский район). АРТ-10. Душанбе, 1973. Стр. 222—226.
Б.Я. Ставиский. Буддийский культовый центр Кара-Тепе в Старом Термезе. Москва, 1972.
S. Chmel'nizkij. Op. cit., S. 172—175.

Бани

- D. Claude. Die bysantinische Stadt im 6 Jahrhundert. Bysantinisches Archiv, Heft 13. München, 1969.
Г.А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы. Труды ЮТАКЭ, том 1. Ашхабад, 1949. Стр. 244.
Средневековый город..., стр. 307, примечание 83.
В.И. Распопова. Жилища Пенджикента. Ленинград, 1990. Стр. 50.
А.К. Писарчик. Народная архитектура Самарканда. Душанбе, 1975. Стр. 64.
МИТТ, стр. 188, 191, 194, 197, 200.

- Средневековый город..., стр. 309.
В.Л. Вяткин. Городище Афрасиаб. Стр. 16.
Средневековый город..., стр. 309.
Я.Г. Гулямов, Ю.Ф. Буряков. Об археологических исследованиях на городище Афрасиаб в 1967—1968 гг. «Афрасиаб», вып. 1. Ташкент, 1969. Стр. 273—275.
В резервуарах нет стока для воды, и служили они, скорее всего, не для купанья, а для хранения лечебных и полезных растворов.
Я.Г. Гулямов, Ю.Ф. Буряков. Указ. соч., стр. 275. Г.В. Шишкина. Городской квартал 8—11 вв. на северо-западе Афрасиаба. «Афрасиаб», вып. 2. Ташкент, 1973. Стр. 140—142, рис. 6в.
Г.В. Шишкина. Работы Афрасиабской экспедиции. АО-1979. Москва, 1980. Стр. 461, 462.
Э. Гулямова. Раскопки на городище Сайёд и Манзара в 1981 г. АРТ-21. Душанбе, 1988. Стр. 395—399.
Э. Гулямова. Указ. соч., стр. 399—403.
Материалы по истории киргизов и Киргизии. Москва, 1973. Стр. 21, 32.
А.Н. Бернштам. Бани древнего Тараза и её датировка. ТОВЭ, том 2. Стр. 177—183.
Средневековый город..., стр. 192—195.
К.М. Байпаков. Указ. соч., стр. 141, 142, рис. 57.
А.И. Наймарк. Работы в Пайкенде. АО-1985. Москва, 1987. Стр. 596.
М.А. Бубнова. О городском статусе поселения горняков Базар-дара. «Зоны и этапы урбанизации. Тезисы докладов региональной конференции. Наманган 1989». Ташкент, 1989. Стр. 100.
А.К. Писарчик. Указ. соч., стр. 55, рис. 27—29. «Тахорат-хона» с подземными жаровыми каналами известны также в Ходженте и Канибадаме.

ДЕТАЛИ КОЛОННОГО ОРДЕРА

- В.Л. Воронина. Конструкции и художественный образ в архитектуре Востока. Москва, 1977. Стр. 5.
S. Chmel'nizkij. Zwischen Kuschanen und Arabern. S. 53. Taf. 27.
В.Л. Воронина. Памятники Калининабада и его окрестностей. АРТ-15. Душанбе, 1980. Стр. 330—334.
Г.А. Пугаченкова. Мианкальские оссуарии. «Из художественных сокровищ Среднего Востока». Ташкент, 1987. Стр. 97—100, 102, 105, 108.
В.Л. Воронина. Конструкция и художественный образ..., стр. 25, 26, рис. 15, 16.
М. Рузиев. Резное дерево ханаки Хазрат-и Бобо. «Искусство» № 12. 1965. Резьба по дереву в долине Зеравшана. Стр. 7. В.Л. Воронина. Указ. соч., стр. 12.
Leopoldo Torres Balbas. Obra dispersa 1 al-Andalus. Cronica de la España musulmana, 1. Madrid, 1981. S. 95.
Leopoldo Torres Balbas. Obra dispersa 1 al-Andalus. Cronica de la España musulmana, 5. Madrid, 1985. S. 375, 379.
В.М. Филимонов. Древнее резное дерево из комплекса Кусамы ибн Аббаса в ансамбле Шах-и Зинда. «Искусство зодчих Узбекистана», вып. 1. Ташкент, 1962. Н.Н. Негматов, С.Г. Хмельницкий. Средневековый Шахристан. Стр. 157—165.
О.И. Смирнова. Археологические разведки в верховьях Зеравшана в 1948 г. МИА-37. Стр. 184, 185.

- ¹¹ В. Л. Воронина. Резное дерево Зерафшанской долины. МИА-15. Стр. 210—212. М. С. Андреев. Деревянная колонна в Матче. Известия РАИМК, том 4. Москва, 1925. Стр. 115—118.
- ¹² В. Л. Воронина. Указ. соч., стр. 212.
- ¹³ Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. Самаркандские очажки. «Из истории искусства великого города». Ташкент, 1972. Стр. 217, рис. 4в, г, ж.
- ¹⁴ H. G. Franz. Von Bagdad bis Kordoba. Graz, 1984. Tab. XIX.
- ¹⁵ Antony Hutt. Iran. Islamic Architecture. London, 1977. S. 14. (Pl. 14), 128 (Pl. 72).
- ¹⁶ Б. Н. Засыпкин. Вопросы изучения и реставрации ансамбля Шахи-Зинда. «Зодчество Узбекистана», вып. 2. Ташкент, 1970. Стр. 105. Рис. 13.
- ¹⁷ В. Л. Воронина. Указ. соч., стр. 212, 213.
- ¹⁸ H. G. Franz. Op. cit., Abb. 29, Tab. XIII. Близкий вариант этого мотива — верхний пояс на стволе Оббурдонской колонны.
- ¹⁹ В. Л. Воронина. Указ. соч., стр. 213, 214. Л. И. Ремпель. Искусство Среднего Востока. Стр. 142.
- ²⁰ Л. И. Ремпель. Указ. соч., стр. 142.
- ²¹ В. Л. Воронина. Конструкция и художественный образ..., стр. 18.
- ²² A. M. Belenizki. Mittelasien. Kunst der Sogden. Leipzig, 1980. Abb. 66—79, 84—89.
- ²³ Land des Baal. Mainz, 1982. S. 271 (Nr. 242).
- ²⁴ А. Ю. Якубовский. Итоги работ экспедиции в 1946—1947 гг. МИА-15. Стр. 31. А. Ю. Якубовский обещал аргументировать датировку в специальной публикации, которая так и не появилась.
- ²⁵ В. Л. Воронина. Колонны соборной мечети в Хиве. АН-11. Москва, 1958. Стр. 145—180.
- ²⁶ А. Н. Бернштам. Архитектурные памятники Киргизии. Стр. 86—95, рис. 56.
- ²⁷ Рисунок этой колонны, опубликованный В. Л. Ворониной (Конструкция и художественный образ..., стр. 72, рис. 60 (2)), отличается от фотографии пропорциями и деталями. Эти ошибки вызывают сомнение в верности двух других рисунков, опубликованных там же и воспроизведённых здесь.
- ²⁸ Резьба по дереву в долине Зеравшана. Стр. 6—9.
- ²⁹ Richard Ettinghausen and Oleg Grabar. The Art and Architecture of Islam 650—1250. S. 109, Fig. 86.
- ³⁰ В. А. Нильсен. Архитектура Средней Азии 5—8 вв. Стр. 311, рис. 113.
- ³¹ Б. А. Литвинский. Предварительный отчёт о работах в Кара-Мазарских горах отряда по сбору материалов для составления археологической карты в 1954 г. АРТ-XXXVII. Сталинабад, 1956. Стр. 59, 60.
- ³² A. M. Belenizki. Op. cit., Abb. 68. Jusuf Jakubov. Gardani Chisor — der Palast des Herrschers von Pendtikent im Bergland von Buttan. «Das Alterum» Nr. 2, 1978, Band 24. Abb. 4, 5. К. М. Байпаков. Указ. соч., рис. 10, 11.
- ³³ Г. Л. Чепелевская. Сузани Узбекистана. Ташкент, 1961. Стр. 20, рис. 9.

МАЗАР В ЧОРКУ

- ¹ Публикации: М. Рузиев. Резное дерево ханаки Хазрат-и Бобо. Резьба по дереву в долине Зеравшана. Стр. 12—15. В. Л. Воронина. Резное дерево Чорку. АН-16. Москва, 1967. Стр. 174—182. Её же. Конструкции и художественный образ..., стр. 13—17. С. Хмельницкий. Мазар в кишлаке Чор Кух. Юбилейная конференция ТПИ. Душанбе, 1967.
- ² Alexander Belenizki. Zentralasien. München, 1978. Abb. 104, 105.
- ³ Л. Ремпель. Панджара. Ташкент, 1957. Рис. 38, 39.
- ⁴ Roger Garaudy. Mosque, miroir de l'Islam. Paris, 1985. S. 181, 183.
- ⁵ A. Papadopoulos. Le Mihrab. Pl. 70, 71.
- ⁶ Max von Berchem. La Jerusalem musulmane. Lausanne, 1978. Pl. 82—84.
- ⁷ S. Chmel'nikij. Op. cit., Abb. 26, 47, 55, 60, 63, 65, 66, 93.
- ⁸ В. Л. Воронина. Резное дерево Чорку. Стр. 180, 181.
- ⁹ Robert Hillenbrand. Abbasid Mosques in Iran. Rivista degli Studi orientali. Vol. 59. Fasc. 1—4. Roma, 1987. Fig. 4, 9, 16.
- ¹⁰ Regis de Valence. La restauration du mausolee de Baba Hatim en Afganistan. Paris, 1982.
- ¹¹ M. H. Viollet. Description du palais de Al-Moutasim, fils d'Haroun-al-Raschid a Samara.

Опечатки

Страница	Напечатано	Читать
11 прав.		
29 строка сверху	своеобразное	своеобразные
29 лев.		
4 строка снизу	дворцов	дворов
1 прав.		
2 строка сверху	Халифата	(лишнее слово)
52 прав.		
7 строка сверху	эффективная	эффектная
53 лев.		
1 строка сверху	Ходжа Саброз	Ходжа Сарбоз
53 прав.		
6 строка снизу	корригировали	корректировали
54 прав.		
11 строка сверху	меридиональных	меридианальных
55 прав.		
2 строка сверху	деревянный	квадратный
63 лев.		
13 строка сверху	2 : (√5 : 3)	1 : (√3 : 2)
66 прав.		
5 строка сверху	стиля	типа
24 лев.		
29 строка снизу	он	она
96 прав.		
3 строка снизу	мечеть ²⁰⁸	мечеть ¹³⁴
105 лев.		
4 строка сверху	поздним	поздних
119 лев.		
18 строка снизу	аль-Мутансира	аль-Мунтасира
122 лев.		
10 строка снизу	10	9
144 прав.		
28 строка снизу	который равен	которое равно
150 прав.	Рис. на стр. 113	(рис. на стр. 113)
152 прав.		
18 сверху	модулям	гязам
187 лев.		
8 строка сверху	постройки	обстройки
189 прав.		
16 строка сверху	арочных	свастикообразных
192 лев.		
2 строка сверху	8-угольными	6-угольными
193 лев.		
6 строка снизу	фронтон	фронт
196 лев.		
27 строка снизу	арками	аркадами
203 прав.		
16 строка снизу	квадратным	прямоугольным
249 подпись под		
средним рисунком	в помещении 3	в помещении 30
297 лев.		
12 строка сверху	примещение	применение
302 лев.		
4 строка сверху	из одного куска	каждая из одного куска
323 подпись под рисунком	капитель колонны 8	капитель колонны 3
338 прав.		
Примечание 35	Mugamas	Mugamas

11 В
Л
С
12 В
13 Г.
С
14 Н
Т
15 А
(
16 Б.
л
к
17 В.
18 Н.
Э
к
19 В.
И
20 Л.
21 В.
С
22 А.
А
23 Л.
24 А.
И
щ
щ
25 В.
М
26 А.
С
27 Р.
(
р
и
дв
из
28 Р.

СОКРАЩЕНИЯ

- АН — Архитектурное наследство.
 АО — Археологические открытия.
 АРТ — Археологические работы в Таджикистане.
 ВДИ — Вестник древней истории.
 ИИРГО — Известия императорского Русского географического общества.
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
 ЛИСИ — Ленинградский инженерно-строительный институт.
 МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении.
 ПТКЛА — Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии.
 РАИМК — Российская академия истории материальной культуры.
 СА — Советская археология.
 САГУ — Среднеазиатский государственный университет.
 САИИ — Среднеазиатский индустриальный институт.
 СИИиТА — Сообщения Института истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР.
- ТАКЭ — Термезская археологическая комплексная экспедиция.
 ТАЭ — Термезская археологическая экспедиция.
 ТИИиА — Труды института истории и археологии.
 ТОВЭ — Труды отдела Востока Эрмитажа.
 ТПИ — Таджикский политехнический институт.
 ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.
 ЮТАКЭ — Южно-туркменская археологическая комплексная экспедиция.
 AI — Athar-e Iran.
 BGA — Bibliotheca geographorum arabicorum edidit M.J. de Goeje
 DAI — Deutsches Archaeologisches Institut
 EaW — Est and West
 MDFA — Memoires de la Delegation archeologie francaise en Afghanistan
 SPA — A Survey of persian Art

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5	Михраб в селе Искодар	111
Введение	7	Михраб дворца на Афрасиабе	116
Исторический фон	12	Мемориальные сооружения	119
Градостроительство	18	Центрические мавзолеи	122
Бухара	24	Кыз-биби	122
Самарканд	26	Два несохранившихся мавзолея	123
Мерв	29	Мавзолей Саманидов	125
Нишапур	32	Ак-Астана	140
Балх	32	Тилло Халоджи	143
Термез	33	Ходжа Булхак	145
Материалы, конструкции и архитектурные формы	36	Ходжа Машад	146
Материалы	36	Однопортальные мавзолеи	156
Конструкции и архитектурные формы	41	Мавзолей Араб-ата	157
Своды	41	Мавзолей Мир-Сеид Бахрам	169
Арки	44	Мавзолей Хакими аль-Термези	173
Тромпы	48	Мавзолей Исхак-ата	174
Купола	53	Мавзолей Халифа Ережеп	175
Столбы	54	Караван-сарай	179
Приемы гармонизации и пропорционирования	56	Караван-сарай у Пайкенда	180
Мечети	60	Дая-Хатын	182
Дворовые мечети	61	Рабати Малик	187
Пятничная мечеть Мерва	62	Чалдывар	197
Пятничная мечеть в Самарканде	64	Ишан-рабат	201
Мечеть в Башане	66	Медресе	205
Мечеть на городище Чилбурдж	67	Здание на цитадели Варахши	206
Мечеть в Данданкане	68	Гражданская архитектура	211
Мечеть в Кедере (Куйрук-тобе)	70	Дворцы	212
Колонно-купольные мечети	71	Акыр-Таш	214
Мечеть Деггарон	72	Хульбук	217
Мечеть Магоки Аттори	78	Кырк-Кыз	219
Мечеть Чор Сутун в Термезе	81	Дворец Саманидов на Афрасиабе	229
Мечеть Тарих (Ну Гумбад) в Балхе	82	Замки	231
Мечети типа купольного зала	86	Замки округа Мерва	232
Мечеть Шир Кабир в Машаде	87	Харам-кёшк	232
«Средний мавзолей» в Узгене	91	Акуйли-кошук	234
Парау-биби	96	Сулу-кошук	235
Мечеть в старом Чарджоу	99	Замок к востоку от Гяур-калы	236
Мечети других типов	100	Замок к югу от Гяур-калы	237
Мечети Шахристана	100	Жилая башня на Мунон-тепе	237
Мечеть в Мисриане	102	Башня на городище Дурнали	238
Минареты	103	Замок Бад-асия	239
Михрабы	108	Замок Кальтепа	240
Михраб в селе Ашт	108	«Курган»	242

Городские усадьбы	243	Шитхарв	279
Усадьба на городище Сайёд	244	Тургай-тепе и Кара-тепе	280
Красная речка	252	Пещеры у Тахта-Базара	280
Городские жилые дома	253	Бани	282
Варахша	254	Самарканд	282
Пайкенд	257	Сайед	283
Афрасиаб	259	Манзара	285
«Купольный зал» на Афрасиабе	263		
Чиль Духтарон	265	Тараз	287
Мерв	269	Отар	288
Иштихан-тепе	272	Детали колонного ордера	290
Несеф и Алтын-тепе	272	Колонны горного Зеравшана	292
Мисриан	273	Колонны пятничной мечети в Хиве	300
Канка	273	Каменные колонны	301
Утурлы-тепе	273	Консоли из Сангистана	302
Бурана	274	Панно из Ашта	305
Фольклорная жилая архитектура	274	Мазар Амир Хамза Хасты Подшо в селе Чорку	307
Куйрук-тобе	274	Заклучение	325
Жаксылык	277	Примечания	326
Наринджан	278	Сокращения	341

С. Хмельницкий

МЕЖДУ АРАБАМИ И ТЮРКАМИ

Раннеисламская архитектура Средней Азии

Художественный редактор Владимир Решетов
Технический редактор Виктория Блауа
Корректор Элеонора Лоянс
Издательство «Continent Ltd.»
Латвийская Республика LV-1080, Рига, а/я 166.
13-2) 576610, 572634. Факс: 334928 Рег.уд. N 02-039.
Набрано на Госпредприятии
«Полиграфияс скайтлешанас центрс».
Отпечатано в АО «Пресес намс».